

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток
в новое время
(конец XVIII — начало XX в.)

Книга 1

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

В ШЕСТИ ТОМАХ

Главная редколлегия
Р.Б.Рыбаков (председатель),
Л.Б.Алаев (заместитель председателя), В.Я.Белокриницкий,
Д.Д.Васильев, Г.Г.Котовский, Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин,
О.Е.Непомнин, Ю.А.Петросян,
И.М.Смилянская, Г.К.Широков
Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2004

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

IV

Восток в новое время

(конец XVIII — начало XX в.)

Книга 1

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2004

УДК 94(5) ББК 63.3(5) И90

Ответственные редакторы

Л.Б. АЛАЕВ, М.П. КОЗЛОВА, Г.Г. КОТОВСКИЙ, О.Е. НЕПОМНИН, И.М. СМИЛЯНСКАЯ

История Востока : В 6 т. / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; Ин-т И90 востоковедения. — М. : Вост. лит., 1995- . — ISBN 5-02-018102-1

Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.): Кн. 1 / Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. — 2004. — 608 с.: карты. — ISBN 5-02-018387-3 (в пер.)

Очередной том (т. I был издан в 1997 г., т. II — в 1995 г., т. III — в 1999 г.) охватывает период наибольшего развития колониальной системы, когда страны Востока стали колониями европейских держав или попали в зависимость от них. Книга состоит из страноведческих очерков, фиксирующих реакцию отдельных восточных обществ на импульсы модернизации, и обобщающих глав, посвященных изменениям в социальном строе, анализу духовных процессов, общим чертам социально-политического реформирования и возникновения национально-освободительного движения. Даны карты, указатели, библиография.

ББК 63.3(5)

Научное издание

ИСТОРИЯ ВОСТОКА IV

Восток в новое время
(конец XVIII — начало XX в.)

Книга 1

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *Г.О.Ковтунович*. Художник *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *О.В.Волкова*. Корректор *И.Г.Ким*

Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Подписано к печати 18.11.04. Формат 70х100/16. Печать офсетная Усл. п. л. 49,4. Усл. кр.-отт. 49,4. Уч.-изд. л. 47,7 Тираж 3000 экз. Изд. 8104. Зак. № 11220

Издательская фирма «Восточная литература» РАН 127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

9785020181021

ПП-2004-1-275 ISBN 5-02-018102-1 ISBN 5-02-018387-3

© Институт востоковедения РАН, 2004 © Издательская фирма

«Восточная литература» РАН, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том (в 2-х книгах) продолжает серию коллективных монографий, которая должна охватить историю Азии и Северной Африки с древности до 2000 г. и отразить современное состояние ее изучения.

Три тома уже вышли: Восток в древности. М, 1997; Восток в средние века. М., 1995; Восток на рубеже средневековья и нового времени. М., 1999. Данный, четвертый том посвящен периоду с конца XVIII в. до 1914 г. С некоторым допущением на этот период можно распространить понятие «новое время», принятое в отечественной и зарубежной науке.

Нижняя граница избранного периода определилась в ходе работы над третьим томом. Признав необходимым выделить в отдельный том «рубеж средневековья и нового времени», авторский коллектив довел изложение событий до последних десятилетий XVIII в. (конкретная дата определялась для каждой страны). Соответственно, изложение истории каждой из стран в этом томе начинается с того, на чем оно было прервано в III томе.

За верхнюю границу мы приняли начало Первой мировой войны. Это решение может встретить возражения, поскольку сейчас наметилась тенденция избирать иные рубежи начала новейшей истории. Но грани между историческими периодами, намечаемые историками, всегда носят отпечаток субъективизма. Можно придавать разное значение Первой мировой войне, но ясно, что во многом она знаменовала наступление нового этапа. Осуществляя весь этот проект многотомной истории Востока, редакционная коллегия исходила из желания рассмотреть исторический процесс в избранном регионе, руководствуясь существующим представлением о всемирных этапах, но с учетом специфики эволюции всего региона и его составляющих. С этой точки зрения Первая мировая война важна для нас как рубеж между восходящей и нисходящей линиями развития колониальной системы.

В данном томе мы пытаемся дать развернутое описание и анализ восходящей линии колониализма. Каждая из стран, попавшая в колониальную зависимость или частично потерявшая свой суверенитет, обладала своей спецификой, связанной с уровнем ее развития в предыдущий период, с ее культурно-цивилизационными особенностями, а также с особенностями колониальной политики той или иной метрополии. В то же время выявляются, как нам представляется, некоторые общие тенденции вхождения стран Востока в мировую систему, некоторые закономерности процесса модернизации. Соответственно, как и в предыдущих томах, главы делятся на страновые и обобщающие. В первой части обобщающий характер носят главы о типах государственного устройства стран Востока накануне широкомасштабных территориальных захватов европейских держав и об основных этапах колониальной

политики. В вводной главе второй части анализируются общие черты реформирования социально-политической системы в странах, находившихся в разной степени зависимости. Третья часть открывается главой о духовных процессах в странах Азии и Северной Африки, вызванных к жизни как прямым, так и косвенным влиянием европейских держав и европейской цивилизации. Четвертая часть начинается с анализа изменений, произошедших в политической культуре народов Востока. Заключительная глава этой части рассматривает процессы культурной трансформации на материале стран Восточной Азии.

Страновые главы распределены по четырем частям, о которых уже упоминалось. Мы стремились как можно более выпукло показать эволюцию каждой из стран, выявить динамику как колониальной политики, так и реакции на нее. Выделены периоды: 1) с конца XVIII в. примерно до 1840-х годов, 2) период 1840-1870-х годов, 3) последняя треть XIX в., 4) начало XX в. История не каждой страны укладывается в указанные «прокрустовы» периоды. Во многих случаях

приходилось отступать от общих хронологических рамок, с тем чтобы не «резать по живому» периоды, которые с точки зрения истории данной страны представляются цельными. Поэтому не все страны, история которых включена в том, представлены во всех его частях. Эта особенность структуры имеет свои достоинства: так легче сопоставлять общества, хотя и находящиеся в одной хронологической зоне, но решающие иногда разные задачи.

В Предисловии к третьему тому отмечалось, что Восток, не представляя собой единого цивилизационного целого, объединяется в нашем сознании тем, что он целиком попал в ситуацию противостояния Западу. Для периода, служащего предметом настоящего тома, эта ситуация выражена еще более явственно. Не только более развитые по восточным меркам страны, но и самые отдаленные уголки Азии и Африки начинают испытывать давление европейских стран во всех сферах политической, экономической и духовной жизни и демонстрируют типологически сходные формы реакции на него. В то же время степень усвоения, адаптации и отторжения западных ценностей была различной, что вызвало в дальнейшем новую дифференциацию Востока, выявившуюся в ходе борьбы стран за независимость и затем строительства их современной государственности. Поэтому период «нового времени» в истории стран Востока имеет большое значение для понимания всего хода всемирной истории.

Авторский коллектив:

Л.Б.Алаев (Предисловие; гл. 2 части I; гл. 1 части II, совместно с И.М.Смилянкой; гл. 6 части IV; Заключение, совместно с И.М.Смилянкой),

М.Р.Арунова (гл. 9 части I; гл. 7 части III),

Ф.М.Ацамба (параграф по Египту в гл. 4 части I, совместно с И.М.Смилянкой),

В.О.Бобровников (гл. 6 части I; гл. 5 части II; гл. 5 части IV),

В.Ф.Васильев (гл. 10 части III),

О.И.Голузеев (параграф по Ираку в гл. 4 части I),

М.И.Гольман (гл. 22 части I; гл. 19 части III; гл. 16 части IV), Г.М.Емельянова (гл. 7, 8 части I; гл.

5, 6 части III), Д.Р.Жантиев (параграфы по Сирии в гл. 3 части III; гл. 3 части IV), М.Г.Козлова (гл.

13 части I; гл. 9 части II), Т.А.Коняшкина (гл. 4 части IV), Г.Г.Косач (гл. 1 части IV),

Г.Г.Котовский (гл. 10 части I; гл. 6 части II; гл. 8 части III), В.С.Кошелев (параграфы по Египту в

гл. 3 части II; гл. 3 части III; гл. 3 части IV; по Судану в гл. 3 части III), Л.М.Кулагина (гл. 4 части

III), Н.А.Кузнецова (гл. 5 части I; гл. 4 части II),

Р.Г.Ланда (параграфы по Алжиру, Тунису в гл. 4 части I; по Алжиру, Тунису и Ливии в гл. 3 части

II; гл. 3 части III; гл. 3 части IV), А.А.Ледков (гл. 11 части I; гл. 7 части II; гл. 7 части IV),

З.И.Левин (гл. 1 части III),

Ю.О.Левтонова (гл. 20 части I; гл. 17 части III; гл. 15 части IV), В.В.Макаренко (гл. 24 части I; гл.

18 части II; гл. 21 части III), А.С.Мартынов (гл. 19 части IV),

О.Е.Непомнин (гл. 21 части I; гл. 16 части II; гл. 18 части III; гл. 17 части IV), В.В.Орлов

(параграфы по Марокко в гл. 4 части I; гл. 3 части IV), Ю.А.Петросян (гл. 3 части I; гл. 2 части II;

гл. 2 части III; гл. 2 части IV), М.А.Родионов (параграфы по Аравии, совместно с И.М.Смилянкой

в гл. 4 части I; в гл. 3 части II; в гл. 3 части III),

Н.В.Ребрикова (гл. 14, 15, 16 части I; гл. 10, 11, 12 части II; гл. 11, 12, 13 части III; гл. 9, 10, 11

части IV),

А.Л.Рябинин (гл. 19 части I; гл. 15 части II; гл. 16 части III; гл. 14 части IV), А.Л.Сафронова (гл. 12

части I; гл. 8 части II; гл. 9 части III; гл. 8 части IV), И.М.Смилянская (гл. 1 и параграфы вводный,

по Египту, совместно с Ф.М.Ацамба, по Сирии, по Аравии, совместно с М.А.Родионовым в гл. 4

части I; гл. 1 части II, совместно с Л.Б.Алаевым; параграфы по Сирии и Аравии, совместно с

М.А.Родионовым в гл. 3 части II; параграфы по Ираку и Аравии, совместно с М.А.Родионовым в

гл. 3 части III; гл. 3 части IV; Заключение, совместно с Л.Б.Алаевым),

В.А.Тюрин (гл. 17, 18 части I; гл. 13, 14 части II; гл. 14, 15 части III; гл. 12, 13 части IV),

Г.Д.Тягай (гл. 23 части I; гл. 17 части II; гл. 20 части III; гл. 18 части IV), Е.Ю.Усова (раздел о

еврейской эмиграции в Палестину в параграфе по Сирии в гл. 3 части IV).

Часть I

Восток и начало промышленного переворота в Европе

Глава I

ТИПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТРАН ВОСТОКА

В КОНЦЕ XVIII в.

К рубежу XVIII и XIX вв., когда восточные общества стали испытывать заметное воздействие Запада, их общественно-политические организации, как и уровень экономического развития, весьма значительно различались.

В первой главе предшествующего тома «Истории Востока» при рассмотрении путей формационного развития стран Азии на рубеже нового времени уже констатировались различия в уровнях социально-экономического развития разных стран. Подобная констатация базировалась на анализе преимущественно экономических данных: степени развития товарно-денежных отношений, экономической реализации прав собственности на землю, эволюции городского производства и наличия или отсутствия предпосылок для возникновения капиталистических отношений. Эти показатели чрезвычайно важны для определения исторического лица общества, но они довольно неустойчивы. Хозяйство стран Азии едва ли не постоянно испытывало подъемы и спады в зависимости от политических коллизий — нашествий кочевников, опустошительных войн, династических кризисов и прочих проявлений политической нестабильности, а также от природных катаклизмов и изменений направления международных торговых путей, интенсивности торгового потока на этих путях. Более стабильную оценку уровня развития различных восточных обществ к началу XIX в. может дать рассмотрение особенностей их общественно-политического строя — государственного устройства и социальной организации. Подобный анализ позволяет лучше понять реакцию различных восточных обществ на вызов западного мира, рассмотрение которой составляет одну из главных задач настоящего тома.

Сравнительно-исторический анализ государственного строя стран Востока дает возможность представить типологию их государственного устройства. Думается, что можно выделить следующие типы государств: феодально-бюрократический, патриархальный, потестарный и догосударственный¹. С точки зрения историко-логического анализа эти типы государственной организации выступают как стадии политогенеза восточных обществ. Однако длительное сосуществование государств разных типов позволяет говорить не только о различии темпов их эволюции, но и о различных ее формах — преобладании внутреннего социально-политического развития в феодально-бюрократических государствах и господстве интеграционных (адаптационных) процессов в историческом движении патриархальных и потестарных государств, достаточно успешно заимствовавших культурные достижения окружающего мира, но переживавших при этом слабую внутреннюю эволюцию.

ФЕОДАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Высокая, в рамках средневекового социума, централизация государственного строя² и становление сословной структуры (см. ниже) позволяют говорить об одном уровне развития османского, китайского и японского обществ. К ним приближались корейское и вьетнамское, которые развивались в рамках дальневосточной политической культуры, а также социумы Ирана и некоторых княжеств в Могольской Индии (прежде всего Майсур). Иран эволюционировал в шиитской мусульманской традиции, а княжества Индии — в условиях синтеза мусульманской и индо-буддийской политических культур. (Впрочем, вопрос о местоположении подобных пограничных обществ в системе типологических координат остается открытым.)

Как известно, дальневосточной политической культуре были присущи непрерывность эволюции (в Китае с древности, в Японии и Корее с середины первого

¹ Перечисленные определения государственного строя используются в отечественной литературе. Они не вызывают серьезных возражений, за исключением понятия «потестарное государство», введенного Л.Е.Кубелем и до сих пор порождающего дискуссии. Под потестарным государством мы подразумеваем государственную организацию, обладающую четко выраженной властью верховного правителя при крайне слабом государственном аппарате управления. В таком государстве наследственная власть знати еще не замещена государственным аппаратом. В нашей литературе общество, располагавшее таким типом государства, называли раннегосударственным, подразумевая, что раннегосударственный строй неизбежно перерастет в развитый. Между тем и в XVIII в. мы имеем дело с самостоятельными государственными образованиями, не обладавшими тенденцией к подобной эволюции и, следовательно, послужившими собственной дефиницией. Западные социологи называют подобные государственные системы «вождествами» (chiefdoms), они описывают их по этнографическим свидетельствам или материалам преимущественно древней истории, также рассматривая их как начальную стадию политогенеза.

² Следует иметь в виду, что «централизация» государственного управления в средневековых обществах (или «феодальная централизация», как писала К.З.Ашрафян) имела иную, чем в буржуазном государстве, природу и потому не была способна обеспечить полноту власти над обществом.

тысячелетия н.э.) и преобладание китайского конфуцианского наследия при сохранении каждым обществом своей этнополитической традиции. Мусульманская политическая культура стала формироваться лишь со второй половины первого тысячелетия, она имела многообразные этнополитические истоки соответственно сложному этногенезу ближневосточного общества и развивалась на многоэтнической основе. Османское государство восприняло эту культуру, привнеся в

нее черты тюрко-монгольского наследия, оно сформировалось только к XVI в. не без влияния поздневизантийской государственности. Тем не менее, несмотря на заметные различия в политогенезе названных обществ, можно отметить существование общей логики в организации их государственного управления.

Все они представляли собой авторитарные монархии, верховная власть в которых была лишь частично ограничена религиозным законом (в мусульманском мире) или светским законодательством (в дальневосточной политической культуре), а также свойственным им обширным бюрократическим аппаратом. Государственный аппарат этих монархий не был орудием в руках господствующего класса; социальный слой, управлявший обществом и потому господствовавший, сам складывался из должностных лиц.

Верховная власть в Османской и Цинской империях, а также в японском «сёгунско-княжеском» (*бакухан*) государстве имела теократический характер. Но степень и формы сакрализации власти верховного правителя различались в соответствии с особенностями религиозных систем, господствовавших в этих государствах.

В официальной титулатуре Османской империи султан традиционно именовался «Тенью Бога на земле» и признавался «*халифом* (наместником) Аллаха», суннитская догматика отрицала сверхъестественную связь мусульманского правителя со Всевышним. Султан был *имамом* — главой мусульманской общины (что находило свою констатацию в обязательном упоминании имени султана в *хутбе* — проповеди *хатыба* в пятничной и праздничных службах в соборных мечетях всей империи). Он являлся «предводителем верующих» (*эмир аль-муминин*), их духовным и светским главой и был призван в земной жизни, следуя божественным установлениям, вести исламскую общину путем спасения к жизни вечной. В этом смысле можно говорить о том, что султан, подобно христианским королям Европы, выполнял эсхатологическую миссию. Его власть была антропоцентрична, или социоантропологична, в отличие от космократической власти верховных правителей стран дальневосточной политической культуры. Согласно османской религиозно-политической идеологии, султан располагал особым религиозным статусом, однако не разделял власти божественной, ибо, как гласит один из главных постулатов ислама, Аллах не имеет «сотоварищей».

Китайский и японский императоры, обладая сверхъестественными способностями, имевшими небесное происхождение, в качестве космократов распространяли свое воздействие и на общество, и на силы природы. Китайский император (*хуанди*) почитался Сыном Неба и был медиатором — посредником между небесными и земными сферами. Осуществляя как «почтительный сын» ритуал жертвоприношения Небу, он единственный обретал в ответ небесную силу благодати — мироустроительную способность *дэ*. Часть этой своей энергии он распределял между своими чиновниками (что дает основание говорить о сакрализа-

11

ции в китайской политической культуре и аппарата управления). Японский император (*тэнно*), хотя и утратил политическую власть, оставался верховным исполнителем синтоистского культа небесных и земных божеств, он принадлежал к не подлежащей отстранению правящей династии, происхождение которой возводилось к богине Солнца Аматаэрасу, и освящал своим духовным авторитетом политический режим в стране. Считалось, что император обладал сверхъестественным знанием, которое позволяло ему наблюдать за календарем, определять благоприятные и неблагоприятные дни и, прибегая к советам своего окружения, давать наименования эрам правления, ибо неправильно данное имя могло стать причиной бед и катастроф, подобно тому как ослабление созидательной силы *дэ* у священного императора-хуанди влекло за собой природные катаклизмы — землетрясения, засухи, наводнения и пр.

В результате в китайских религиозно-политических доктринах присутствует представление о праве общества отстранить от власти императора, если ослаблена его сверхъестественная созидательная способность. Между тем в мусульманском мире предпочтение отдавалось максиме, согласно которой власть неправедного деспота предпочтительней смуты, возникающей при борьбе за власть.

На основании теократического характера власти верховный правитель претендовал на обладание всеми земными благами и правом распределения этих благ среди подвластного населения. (Господь сделал «место моего возвышенного пребывания... распределяющим... средства пропитания среди всех народов» — формула, присутствовавшая в османских султанских указах.) В мусульманской правовой теории утвердилось признание правителя обладателем титула собственника земли — *ракабе* (букв, «шея»), тогда как непосредственные землевладельцы располагали лишь правом владения — *тасарруф* (ср. лат. *dominium directum* и *dominium utile*).

В дальневосточных обществах право собственности государства на все земли было провозглашено еще на ранней стадии государственного развития. Как полагают некоторые исследователи, в Китае существовало и идеологическое обоснование права государства распоряжаться земельным фондом общества: там возникло представление о расчленении права обладания землей на различные

конкретные объекты — плодоносящий слой, подпочву и грунтовую основу возделываемой земли; государство провозглашалось собственником грунтовой основы, что теоретически позволяло ему распоряжаться всей землей с ее недрами. (Такую собственность можно было бы назвать «виртуальной», так как реально государство в Китае распоряжалось лишь небольшим фондом казенных земель, между тем как большинство земель находилось в частном владении. В Османской империи, напротив, до $\frac{2}{3}$ возделываемых земель относилось к категории государственных (*мирие*), что юридически обосновывалось рано возникшими исламскими установлениями, согласно которым земли, завоеванные оружием, отходят в государственную казну. К тому же и после завоевания султанская власть стремилась под разными предлогами перевести частные владения (*мюльк*) и разряд земель *мирие*. По-видимому, эти различия в поземельном праве Цинской и Османской империй соотносились с важными особенностями их общественно-политической системы: в Китае государственное управление строилось преимущественно на доведенной до совершенства властной вертикали, а в Ос-

12

майской империи с ее менее бюрократизированным государственным аппаратом в управление населением были вовлечены и земельные институты восточнофео-дального характера.) Независимо от путей эволюции поземельных отношений практически право верховного правителя на земли государства повсюду реализовывалось в государственной регламентации ренты-налога и ее распределении среди правящего слоя. (Это отнюдь не означало, что происхождение налоговой системы, как и его осмысление, восходило к отношениям собственности.) Категории земель — казенные, частные и др. — означали не столько юридические права владения, сколько характер распределения прибавочного продукта, произведенного на этих землях; на деле нередко государством жаловалась даже не сама земля, а определенные рентные поступления с нее, собираемые государственными сборщиками налогов. Все это дало основание исследователям характеризовать подобную общественно-экономическую систему как «командно-административно-распределительную» и рассматривать государственную власть как деспотическую.

Правители Ирана не располагали авторитетом власти сакральной. Иранский шах, согласно доктрине *шиитов-имамитов*, обладал только светской властью, покуда в «сокрытии» пребывал *имам* — последний сакральный руководитель общины имамитов. Шиитским имамам приписывалось обладание таинственной божественной благодатью, потому что они происходили из рода Али б. Аби Талиба, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада. Отсутствие духовного главы государства позволяло иранским высшим духовным авторитетам как ретрансляторам воли скрытого имама претендовать на особый общественно-политический статус. Корейский *ван* и вьетнамский *куок вьонг* как главы номинально вассальных государств признавали китайского императора посредником с Небесным миром. Тем не менее имели место черты и их обожествления. Так, персона *вана* признавалась священной, его личное имя было запрещено произносить, оно заменялось условным наименованием.

Во всех названных обществах высшим органом управления был Государственный Высочайший совет, назначаемый верховным правителем, что соответствовало кораническим установлениям и конфуцианским рекомендациям, согласно которым правителю следует в делах управления обращаться за советом к своему окружению, хотя решение он принимает единолично. В Китае состав совета был традиционно определен известным кругом высших должностных лиц — глав ведомств и палат исполнительной власти; приближенные императора численно имели в нем незначительный вес, в отличие от султанского дивана в Османской империи, состав которого, по-видимому, в большей степени зависел от воли султана.

В государствах, в которых возникли вторые центры власти: в лице *великого везира, садразама* Османской империи, *сегуна* Японии и *тюа* Северного и Южного Вьетнама, и верховные правители которых фактически лишились политической власти (Япония, Вьетнам) или их участие в управлении государством было ограничено (Османская империя), сформировались также советы в рамках этого второго центра власти. Они реально и управляли государством. Там же, где верховный правитель продолжал удерживать в своих руках бразды правления (Китай, Корея), важную роль обретал государственный Секретариат, через кото-

13

рый поступали на подпись к *хуанди* или *вану* государственные акты и который ведал приемами правителем должностных лиц.

В государствах рассматриваемого типа были разделены дворцовые и государственные службы и источники их материального обеспечения. Однако это разделение вряд ли можно признать полным: правительственный аппарат включал ведомства, обслуживавшие (Китай) или

контролировавшие (Япония) императорский двор, к тому же обширный дворцовый персонал количественно не уступал столичному государственному аппарату. Между высшим персоналом дворцовых служб (часто главными евнухами) и правительственными сановниками нередко возникали соперничество за влияние на верховного правителя и борьба за право назначать чиновников. Такая борьба была важной частью политической жизни элиты.

Должностные лица государств феодально-бюрократического типа были организованы по-разному: в дальневосточной политической традиции чиновничество было выстроено по иерархии цифровых рангов, каждому рангу соответствовала должность в государственном аппарате. В мусульманской культуре сложилась менее формализованная лестница служебных должностей и соответствовавшая ей, но не всегда четко выраженная иерархия чинов-титолов (*паша, бей, эфенди* и др.), прибавляемых к имени обладателя должности.

Заметно различалась и структура государственного аппарата. В конфуцианском обществе она была оформлена строго бюрократически: традиционно существовало определенное число учреждений, чьи функции были достаточно четко разделены, так же как определены ранги должностных лиц, их возглавлявших или исполнявших в них определенные обязанности. Это были шесть (в Японии четыре) ведомств — чинов, налогов, церемоний, военного, судебного, общественных работ — и ряд специальных палат разного предназначения (в Китае — управления имперских жертвоприношений, приемов, конюшен, зернохранилищ и др.). Кроме того, центральный государственный аппарат включал Цензорат (который мог состоять из двух и более палат), контролировавший деятельность и поведение столичных и провинциальных чиновников. В Корее Цензорат имел право критиковать действия самого *вана*. Непременной частью госаппарата были научные и образовательные учреждения, среди них: книгохранилище, важность которого определялась ориентацией государственной жизни на нормы прошедших времен, и академия Ханьлинь (в Корее — Сонгюнган), служившая центром изучения конфуцианства и учебным заведением, через которое прошла большая часть высокоранговых чиновников.

В мусульманской традиции, достигшей своего полного развития в Османской империи, государственный аппарат складывался из должностных лиц, а персонал их канцелярий рекрутировался преимущественно или частично из свиты самих сановников. Эта часть персонала не была включена в должностную иерархию и не подлежала контролю государства (обычно первую роль в ней играл «майор-дом» сановника — *кехья*, или *кетхуда*, в чьем подчинении находился штат пис-*юв-кятибов*). В подобной системе тесно переплетались личные связи со служебными отношениями, нарушая должностную иерархию, в ней получил распространение институт «неформальных чиновников», которых Порты в своих цен-трализаторских устремлениях пыталась включить в официальную «табель о рангах». По мнению российских османистов, в империи существовала тен-

14

денция к укреплению роли канцелярий при должностных лицах и их бюрократизация.

Государственный аппарат Османской империи возглавлял великий везир (*садразам*); ему султан передоверял военно-административную власть, надзор за финансами, прерогативы высшей судебной инстанции. *Садразаму* принадлежало право назначения высших должностных лиц. Ниже по служебной лестнице располагались два *кадиаскера* — Румелии и Анатолии, т.е. европейской и азиатской частей империи. *Кадиаскеры* возглавляли судебную власть государства и назначали главных судей (*кади аль-кудат*) в провинции. Далее в этой должностной иерархии следовал *шейх-уль-ислам*, своего рода религиозный цензор правительственной власти, в компетенции которого были религиозное обоснование и апробация всех законодательных актов султана. В XVIII в. обнаружилась тенденция укрепления власти религиозных институтов и *шейх-уль-ислама*, ему стали подчиняться *кадиаскеры*. Финансовая служба сосредоточивалась в руках баш *дефтердара*. Находившиеся в его управлении 25 ведомств (*калеми*) с персоналом, численность которого достигала 800 человек, были бюрократической сердцевинкой аппарата управления империей. В ведомствах составлялись и хранились государственные реестры, они осуществляли контроль за поступлением доходов в казну и за их распределением по разным статьям расходов (на содержание гарнизонов, военных подразделений, пороховых мануфактуру арсенала и адмиралтейства, на жалованье должностным лицам и др.).

В османский центральный государственный аппарат входило еще несколько высших должностных лиц, ведавших прохождением правительственной документации, внешними сношениями, полицией, придворным церемониалом. Среди них наибольшим влиянием пользовался *рейс-эфенди*, чей авторитет основывался на руководстве внешними сношениями. В XVIII в. Османская империя, расположенная в пограничье европейского христианского и азиатского поликонфессионального миров, уже познала горечь военно-политических поражений и была вынуждена придавать дипломатическим отношениям

большее значение, чем дальневосточные государства с их этноцентрической картиной мира и пренебрежением к «варварам», находившимся на периферии Поднебесной империи. *Рейс-эфенди* управлял также тремя бюро (*калеми*), ведавшими составлением и регистрацией государственных актов и всеми служебными перестановками. В них, в частности, изготавливались дипломы крупных провинциальных чиновников, а также сертификаты-бера/иы, подтверждавшие назначения и связанные с ними привилегии всех должностных лиц империи.

Выше *рейс-эфенди* на должностной лестнице располагался канцлер-нмшан *Э-жи*, обязанный удостоверить непротиворечивость новых законодательных актов предшествующим. В XIII в. влияние его несколько уменьшилось. Известную роль в центральном аппарате играли должностные лица без постоянных обязанностей, исполнявшие разовые поручения, например инспектирование положения дел в той или иной провинции.

Различия в структуре центрального государственного аппарата в исламской и конфуцианской политических культурах до известной степени нивелировались единообразием выполняемых ими функций — административных, фискальных,

15

судебных и военных. Наличие специального ведомства чинов, первого из шести главных правительственных учреждений, ведавшего всеми передвижениями чинов-пиков по служебной лестнице, повышением в рангах и должностях, отвечало потребностям более бюрократизированной конфуцианской политической культуры. I (еобходимость в контроле деятельности этой сложной бюрократической системы и вызвала к жизни Цензорат, отсутствовавший как самостоятельный институт в Порте.

Деятельность ведомств, палат и состоявших в них чиновников в конфуцианском обществе была строго регламентирована государственными сводами законов. Между тем в Османской империи разрозненные *канун-номе* и *ферманы*, регулировавшие жизнь империи, не были систематизированы и сведены воедино (как и во всех остальных мусульманских государствах, которые теоретически должны были следовать лишь религиозным установлениям и для которых «единственной конституцией» был Коран). Основанный на ритуальной практике и наполненный особым социально-политическим смыслом придворный церемониал и строго этикетный характер отношений между должностными лицами, игравшие особо важную роль в конфуцианстве, породили существование соответствующего специального ведомства. Это учреждение одновременно ведало делами образования, столь значимыми для государств, в которых чиновничья карьера зависела от успешной сдачи государственных экзаменов и присвоения ученого звания. В мусульманской же культуре образование, как и судопроизводство, было сферой деятельности духовенства.

Обращает на себя внимание наличие в центральном аппарате конфуцианских государств ведомства общественных работ. В Османской империи организация общественных работ была функцией органов местной власти; там государственная барщина не носила регулярного характера и выполнение общественных работ частично оплачивалось казной. Китайский же феномен, возможно, объясняется характерной чертой дальневосточной (как и юго-восточно-азиатской) культуры: в ней среди государственных повинностей превалировали личностные — выполнение узаконенной нормы общественных работ, принудительное несение военной службы и выплата подушного налога, незнакомого податному мусульманскому населению (подушный налог *джизье* уплачивали иноверцы, что было признаком их приниженного статуса). Мусульманская культура, за редкими исключениями, не знала и узаконенного крепостного состояния, типа корейских *ноби*.

Существенную часть властной вертикали государств феодально-бюрократического типа составляли провинциальные органы власти, которые обеспечивали централизацию управления. Между властью столичной и провинциальной существовали элементы институциональных различий, провинциальные должностные лица имели менее престижный статус. (В Корее столичное и провинциальное мелкое потомственное чиновничество *кори* даже распалось на две сословно-статусные группировки — столичных *кёначжон* и провинциальных *хяври*.)

Несмотря на то что на территориально-политическом пространстве Цинской и Османской империй, как, кстати говоря, Японии и Вьетнама, существовали вкрапления полусамостоятельных политических образований, там преобладала относительно единообразная система территориально-административного деления нескольких ступеней и организация в центрах этих подразделений местных государственных органов власти. Это позволяло государству обеспечивать кон-

16

троль над населением. Сфера самоуправления в государствах этого типа ограничивалась сельской общиной, городским кварталом или профессиональным объединением (ремесленным цехом, купеческой гильдией). Их выборные или наследственные лидеры занимали положение, промежуточное между главой самоуправления и низшим звеном государственного аппарата.

Провинциальные органы власти в конфуцианской культуре формировались из чиновников более

низких рангов (ранги убывали в зависимости от местоположения провинциальной канцелярии *ямэнь*: в центре провинции, области, уезда и др.), а также из технического персонала (в Корее внеерангового). Провинциальные канцелярии дублировали на своем уровне функции и отчасти структуру центрального аппарата. Они возглавлялись губернаторами провинций — полновластными правителями, чьи полномочия, однако, не распространялись на формирование подчиненного аппарата: назначение на должность происходило по воле императора и лишь по рекомендации губернатора. (Ведь только император мог передать своим чиновникам долю созидательной силы *дэ*.)

В Османской империи глава провинциального управления *вали* располагал прерогативой назначения всех военно-административных должностных лиц провинции: он прибывал в провинциальную столицу со своим двором и свитой, из которых формировал аппарат управления. Однако сам он находился под гласным и тайным надзором двух других главных чиновников провинциальных служб — судьи и *дефтердара*, которые принадлежали к иерархии самостоятельных ведомств *кадиаскера* и столичного главы финансов, и должен был считаться с их властными полномочиями.

Таков был один из механизмов подчинения столичному правительству провинциальных органов власти. Впрочем, существовали и другие, скорее социально-правовые, чем бюрократические, методы ограничения всевластия провинциальных чиновников: непродолжительные сроки их пребывания на посту (в Китае не свыше трех лет), причем до назначения должностного лица на новую должность могло проходить продолжительное время (в государствах этого типа постоянно имелся контингент чиновных лиц, ожидавших открытия вакансии на соответствующую должность); в Китае строго соблюдался запрет служить в своем уезде, области, провинции и пребывать в одном ведомстве чиновникам, состоявшим в родстве; повсюду практиковались различные формы заложничества (в Японии — *санкин котай*). По-видимому, подобное же предназначение имела должность «временно исполняющих» обязанности высокого провинциального чиновника: в Китае это был чиновник, заменявший губернатора провинции, обычно обладавшего еще и важными должностями в столице, во время его отсутствия; в Японии такую роль играл *дзёдай*, выполнявший функции *даймё* в центре княжества, когда тот по системе *санкин котай* должен был пребывать в Эдо при дворе *сегуна*, и *русуи*, замещавший *даймё* в столице, когда тот возвращался в свое княжество. В Османской империи, похоже, аналогичную роль играл *мутасаллим*, представитель *вали* в провинции, обязанный принять дела у предшественника, обеспечить благожелательный прием своего господина провинциальной элитой и в отсутствие *вали* выполнять его властные функции в центре провинции.

Важные различия существовали в структуре местного управления Цинской империи, корейского государства, с одной стороны, и Османской империи —

17

с другой. В Китае и Корее бюрократическая властная вертикаль достигала узкой сферы сельского самоуправления. В Османской же империи в низших звеньях административно-территориального деления, а часто взамен их была распространена «вотчинно-сеньориальная» система управления. Она реализовывалась через условные земельные пожалования, владельцы которых обладали временными или пожизненными, реже наследственными, военно-административным, частично фискальным и судебным иммунитетом, впрочем без вмешательства в сельское самоуправление.

Эти различия, однако, не вытекали из цивилизационных особенностей политических культур, потому что «вотчинно-сеньориальную» власть османских условных землевладельцев можно рассматривать как аналог власти японских *кня-н-й-даймё*. Но и здесь были свои отличия, возникшие в силу особенностей социальных отношений. Хотя *даймё* мог быть переведен *сегуном* из одного княжества в другое, статус князя оставался наследственным, а иммунитеты — полными. *Дайме* не уплачивал никаких регулярных взносов в государственную казну. Он, как и османский владелец, сам организовывал аппарат управления в княжестве (в XVIII в. уже по образцу *сёгунского*), но военно-административную, фискальную и судебную службу несли обладавшие должностным рангом и наследственным привилегированным статусом *вассалы-самураи*, а у османского *мультазима* или *тимариота* — люди из личной свиты и двора. Администрация *сегуна* осуществляла в княжествах лишь контроль. Дифференциация деятельности в аппарате управления всех государств феодально-бюрократического типа была неполной. Возможно, это проистекало из ориентации бюрократического и правового сознания на сиюминутные задачи управления (или, точнее, распределение прибавочного продукта среди должностных лиц). Подобное заключение можно сделать из следующих наблюдений.

Систематизация правонарушений в османских законоположениях была основана не на характере преступлений, а на распределении прав на взимание штрафов, полагавшихся за эти преступления, между должностными лицами. Разделение функций между различными канцеляриями, находившимися в ведении *дефтердара*, обуславливалось не столько статьями доходов, сколько характером их распределения внутри правящего слоя.

Определенные различия в формах разделения управленческого труда диктовались особенностями мусульманской и конфуцианской культур. Для конфуцианского общества с его светским

правосознанием характерно соединение административных и судебных функций власти: суд вершили гражданские администраторы. При доминировании религиозных норм в жизни мусульманского общества в Османской империи правонарушения (за исключением тяжких уголовных дел) и гражданские иски рассматривались в шариатских судах, возглавляемых *кади* или его заместителем-кайбом, имевшими религиозное образование. В компетенции *кади* были также нотариат и своего рода прокурорский надзор за должностными лицами (функция конфуцианских цензоров).

В «военно-феодальном» османском обществе высокопрестижная военная карьера на определенных уровнях соединялась с административной, тогда как в Китае и Корее военная служба считалась малопривлекательной и была отделена от гражданской. В Японии военные формировали аппарат управления; японский

18

сегун, как османский великий *везир*, командовал вооруженными силами государства, а *вали* и *даймё* стояли во главе воинских ополчений подвластной им территории. Слияние военной и административной служб практиковалось и во Вьетнаме. Характерно, что правящий слой в Османской империи и в японском государстве равно именовался «воинством» (*аскери, самураи*).

Ранговая и строго бюрократическая организация аппарата власти, присущая дальневосточной политической культуре, в Японии сосуществовала с близким османам неканцелярским (небюрократическим) распределением властных полномочий. При назначении должностного лица в аппарат управления княжества *князя-даймё* учитывали не только ранг, но и вассальную зависимость назначаемого, а *сегун*, формируя свою администрацию, исходил прежде всего из политической ориентации и знатности рода претендента на пост (отсюда, например, возникла социально-статусная группировка *фудай даймё*, т.е. князей-сторонников сёгунской династии Токугава).

Наконец, при всех цивилизационных особенностях мусульманской и конфуцианской политических культур не существовало кардинального различия в способах подготовки должностных кадров. Конечно, для конфуцианской культуры классическим был путь вверх по должностной лестнице через сдачу государственных экзаменов разных ступеней. Эти экзамены объявлялись и проводились через установленные сроки в провинциальных центрах и столице. Допуск к экзаменам в Китае и Вьетнаме не предполагал почти никаких социальных ограничений, но уже в Корее и Японии экзамены могли сдавать лишь выходцы из привилегированных слоев.

В Османской империи военно-административная карьера традиционно предполагала обучение в дворцовых школах, куда доступ был открыт только отобранному по физическим и интеллектуальным качествам султанским рабам, которых покупали на специальных базарах Стамбула и других городов, выбирали среди военнопленных или приобретали через систему *девишirme*— принудительного набора юношей из семей христианских подданных султана. В процессе обучения и прохождения придворной службы юноши приобщались к мусульманской культуре и османскому образу жизни. Наиболее способные из них, породнившиеся нередко с султанами через браки с их дочерьми, составили османскую правящую элиту, оставаясь при этом *кулларлы* — султанскими рабами, имущество которых наследовала казна. (Обычай конфискации наследства сановников распространился впоследствии и на должностную элиту, вышедшую из мусульманской арабо-османской среды и получившую профессиональные знания в процессе прохождения службы в аппарате управления и при дворе сановников.) Комплектование гвардии и высшей должностной элиты из рабов (*янычары, мамлюки, гулямы*) было традиционным для мусульманской культуры способом обеспечить преданность политических верхов. (В конфуцианской культуре элита формировалась из императорских родственников близких степеней родства и соответственно высоких рангов знатности, а в Китае в условиях маньчжурского завоевания еще и из «знаменных».)

Параллельно в Османской империи была возможна и духовная карьера, открытая для всех слоев населения. Она требовала прохождения курса обучения в религиозных *школах-медресе* разных ступеней. Высшие религиозные звания и

19

право занять высокий пост (в том числе и на военно-административной службе) получали те, кто завершал свое многолетнее образование в высокопрестижных *медресе* при одной из немногих знаменитых мечетей Стамбула или двух-трех городов Анатолии, находившихся под особым покровительством верховной власти.

Конфуцианское или мусульманское образование будущих чиновников было гуманитарным, чуждым прикладных знаний (исключение представлял свод сведений, получаемых низшим техническим персоналом, нуждавшимся в специальных навыках). Такое образование предполагало владение классическим языком (арабским в мусульманском мире, древнекитайским в конфуцианском обществе) и огромным наследием высокой средневековой культуры с присущей ей схоластической традицией, поэтому высшие сословно-статусные группы в мусульманском и конфуцианском обществах назывались «учеными» — соответственно *улама* или *шэнъши*. Таким путем государство обеспечивало

сохранение и передачу из поколения в поколение классической культуры.

К XVIII в. во всех государствах феодально-бюрократического типа получают особенно широкое распространение коррупция, покупка должностей и званий, назначение на должность через покровительство; падает их военная мощь; усиливается тенденция к наследственной передаче постов, нарушению служебной иерархии, растет сепаратизм; обостряется внутривластная борьба за властные позиции среди различных группировок политически и экономически господствующих слоев. Сепаратистские устремления провинциальных властей в полиэтнических империях подкреплялись растущим этническим регионализмом. Все это к началу XIX в. стало выражением серьезного политического кризиса феодально-бюрократических государств. Поскольку кризис охватил также социально-экономическую и культурную сферы, то его часто именуют системным.

Во многом кризис был следствием тех изменений, которые переживали в новое время эти наиболее продвинутое общества Востока, — подрыва традиционных социально-экономических устоев и ценностных ориентации средневекового общества. Произошли ли эти изменения в результате внутреннего спонтанного развития или под влиянием растущих связей с мировым экономическим рынком и какую роль при этом играли демографические циклы в Китае, остается предметом научных дискуссий, хотя в отношении обществ с государственностью феодально-бюрократического типа, относительно динамично эволюционировавших, вряд ли можно разграничить два первых вектора исторического движения.

Можно лишь предположить, что эти глубокие и продолжительные кризисы, принимавшиеся нередко за разложение и упадок централизованных государств, переживались обществом особенно болезненно, потому что централизация государственного управления ослабила (если не подорвала) механизмы их социально-политической саморегуляции, которая в средневековых социумах обычно осуществлялась через институты общинного и корпоративного самоуправления. В начале XIX в. это поставило политическую элиту феодально-бюрократических государств перед проблемой реформирования системы государственного управления, но уже в духе централизации европейского (буржуазного) типа.

20

ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Высокоорганизованные по средневековым масштабам феодально-бюрократические государства были лишь большими островами в море патриархальных, потестарных и догосударственных политических образований Азии и Африки. Почти всю Северную Африку, Кавказ, Центральную и Юго-Восточную Азию составляли государства со слабой централизацией управления. В природно-географическом отношении эти территории принадлежали к горным, аридным и тропическим зонам, труднодоступным для хозяйственного освоения доиндустриальными обществами.

Большинство государств, которые можно отнести к патриархальным, не имели, в отличие от Китая и Японии, многовековой политической преемственности. На протяжении средневековой истории они входили в различные государственные образования, этнический состав которых подвергался изменениям. Их консолидация в современных границах и утверждение в них доминирующих этносов, а также возникновение правящих династий, сохранившихся вплоть до колониального порабощения или даже до наших дней, относятся, за редкими исключениями, к XVII и даже XVIII в. Эти вновь создавшиеся государства, как правило, восприняли политическую культуру предшествовавших политических образований без заметной трансформации социального и государственного строя, что свидетельствовало о весьма медленных темпах их внутренней эволюции.

Политическая организация и социальная структура этих государств были весьма разнообразны. Различия объяснялись прежде всего цивилизационными особенностями и разным уровнем социально-политического развития. К сожалению, недостаточная изученность политического устройства патриархальных государств не позволяет осуществить их собственную типологию. С государствами же иных типов их можно сопоставить, основываясь лишь на самых общих критериях. Набор таких критериев невелик — слабая централизация, частые династийные кризисы, малоразвитый государственный аппарат, большой удельный вес общественного самоуправления, даннические отношения с населением вассальных периферийных территорий, сословно-статусный характер социальной организации.

Все независимые государства патриархального типа были наследственными монархиями. В аграрных обществах Юго-Восточной Азии (Бирма, Сиам, Лаос, Камбоджа, султанаты Малаккского полуострова) многочисленные члены правящей династии, объединенные родовыми узами, представляли верхний эшелон правящего слоя (Бирма, Сиам) и даже почти весь правящий слой (Камбоджа). Впрочем, элита мусульманских султанатов Малайи состояла из богатых купцов и мусульманского духовенства. В государствах Центральной и Западной Азии, где верховную власть формировала племенная верхушка кочевников (Афганистан, Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства), высшие государственные должности занимали представители рода и племени правителя. В правящих династиях мусульманских Магриба и Западной Азии (Марокко, Западное Триполи, зейдитский Йемен,

ибадитский Оман, шерифат Хиджаза), сложившихся на почве городской ближневосточной культуры, отмечается меньшее участие в управлении ближайших к правителю родственников. Там предпочтение могло отдаваться привилегированному институту *мамлюков*, европейского или закавказского

21

происхождения, или даже рабам гвардейцам (*абид*) из африканцев, у кого родственные узы были замещены внутрикorporативными и укреплены патриархальной связью с общим патроном. Тем не менее и в Марокко, и в Омане, как это было в Иране, вторая столица с окружающей территорией традиционно отводилась для управления наследнику престола и его двору.

В государствах Азии не существовало строгих правил престолонаследия (в мусульманских обществах предпочтение отдавалось старшему в большой семье — брату отца, брату или сыну правителя). В феодально-бюрократических государствах, где родственники главы государства если и те были отстранены от участия в управлении, то получали лишь некоторое число самых высоких должностей и где практиковалось назначение наследника при жизни правителя, проблема престолонаследия обычно разрешалась без серьезных династийных кризисов.

В патриархальных обществах власть подчас рассматривалась как достояние всех членов правящего дома с равными правами каждого на нее. В Сиаме члены семьи правителя даже имели равное право на ношение царских регалий. Кроме того, во многих государствах этого типа наследование престола сочеталось с избранием престолонаследника из числа претендентов на трон, которое осуществляли различные категории населения (в Марокко — *улемы*, в Омане — *улемы* при большом влиянии шейхов племен, в Горном Ливане — землевладельческая наследственная знать, а в Бухарском эмирате, Афганистане, Камбодже, а также в мусульманских султанатах Малайи — члены Государственного совета или Сове-га знати). Переход трона обычно сопровождался принесением клятвы верности избраннику. (В Марокко такая присяга была предметом политических сделок: текст присяги — *байя* доставляли в столицу в письменном виде вожди племенных конфедераций, крупных племен и главы провинциального управления; от количества подобных свидетельств поддержки различных претендентов на трон и обмен на определенные политические условия зависел исход выборов.) В результате вооруженная борьба за власть между претендентами на престол часто приводила к продолжительным династийным кризисам.

В большинстве патриархальных государств верховная власть носила теократический характер: сакрализация власти была главным способом ее легитимации. Однако формы сакрализации были различными и, как правило, более архаичными, чем в государствах феодально-бюрократических. В тех странах Юго-Восточной Азии, где сохранилось влияние индуизма, имело место обожествление верховного правителя — богоцаря (*девараджа*). В Камбодже и Сиаме был принят шиваитский культ обожествления правителя. Фрезер отмечал, что в Сиаме отсутствовало понятие для описания существа более высокого ранга, чем монарх, поэтому европейские миссионеры, говоря о Боге, были вынуждены пользоваться словом, обозначающим царя.

Согласно буддийской картине мира, Бирманское государство, подобно Сиаму, рассматривалось как микрокосм, тождественный макрокосму. Его центром была столица (дворец, трон правителя). Восхождение на трон обнаруживало в верховном правителе-Абсолюте его царскую *карму* — сверхъестественную силу, под влиянием которой находились общество и мир природы. Магическое воздействие правителя, постепенно убывая, распространялось вонне концентрически расходящимися сферами.

22

Эти религиозно-политические представления позволяют рассматривать бирманского верховного правителя, подобно китайскому императору, как космократа, с тем существенным отличием, что его кармическая энергия не являлась даром Неба, но была тождественна космической и направлена, как это было присуще и Поднебесной державе, на поддержание космического равновесия. Путем ревностного следования буддийской *морали-дхамме* бирманский *минджи* мог укрепить и расширить свою карму, в противном случае его карма убывала, тогда на земле случались природные и общественные катаклизмы, и ответственный за эти явления правитель подлежал отстранению от власти. (В представлениях мусульманского мира ответственность за подобные катаклизмы разделяло все общество, ибо они рассматривались как божья кара за грехи человеческие.) Юго-восточно-азиатский правитель, который своим поведением стремился достигнуть статуса Чакравартина — покорителя Вселенной, предвосхищавшего появление Будды Майтрейи, выполнял и эсхатологическую миссию (подробнее см.: История Востока. Т. III, гл. 27).

Культ обожествленного верховного правителя в индуистско-буддийских странах Юго-Восточной Азии, олицетворявшего центр мироздания, служил идее государственного единения, компенсируя слабую политическую централизацию государственного управления. А господство многообразных форм личной зависимости в обществах Юго-Восточной Азии, коррелятивно связанное с обожествлением правителя, по-видимому, восполняло второстепенную роль, которую играли поземельные

отношения в системе социально-политических связей.

(Светская титулатура глав государств Юго-Восточной Азии отражала идею господства верховного правителя над подвластным ему населением. Так, малайский *янг-ди-пертуан бесар* означал «тот, кто является господином», бирманский *минджди* имел титул «повелитель над жизнью, смертью и имуществом всех подвластных», сиамский *чао мыанга* — «господин земли», при этом понятие «земля» подразумевало равно и жителей, и общинную территорию. В системе эксплуатации в юго-восточно-азиатских обществах господствовали личные повинности, были распространены многочисленные формы кабальной зависимости, практиковались депортация и клеймение населения, а также переселение земледельцев соседних государств на территорию государства-победителя.)

Иная, чем в Юго-Восточной Азии, форма теократии существовала в Тибете. Там верховная власть осуществлялась главой ламаистской церкви — *далай-ламой*, почитавшимся живым богом. Однако после китайского завоевания Тибета светская власть *далай-ламы* была ограничена китайской провинциальной администрацией.

Исламская богословская доктрина исключала обожествление верховного правителя, как и его мистическую связь со Всевышним лишь в силу самого его пребывания на троне. Однако в простонародных представлениях можно нередко усмотреть веру в особую связь правителя с Аллахом. В Марокко же и Омане эти представления получили всеобщее признание в виде веры в обладание султаном божественной благодатью — *бараккой*. В Марокко бытовало представление о том, что чудотворный дар алауитского правителя приносит его народу высокий урожай, умножение стад, удачу в торговых делах (т.е. признание космократических способностей султана). Исследователи истории Марокко склонны полагать,

23

что вера в султанскую *баракку*, будучи источником легитимации власти султана, побуждала подвластное население к повиновению своему суверену и тем компенсировала слабость государственного управления.

Впрочем, алауитская династия Марокко располагала и еще одним важным аргументом в пользу правомерности своей власти: будучи *шерифами*, султаны возводили свою родословную к пророку Мухаммаду и, таким образом, претендовали на обладание частью харизмы Пророка. Происхождение, нередко мифическое, от Пророка было основным источником легитимации власти и для некоторых других мусульманских правящих династий. В первую очередь это относилось к Ха-шимитам, потомкам рода Пророка — главам *шерифата* Хиджаза. С авторитетом хиджазских *шерифов* вынуждены были считаться и османские султаны, установившие свой суверенитет над Святой Землей мусульман.

В патриархальных государствах мусульманского Дагестана происхождение правящих династий возводилось или к Али б. Аби Талибу, или к Абу Муслиму, согласно местным легендам, первому проповеднику ислама на Кавказе, либо к *шахидам* — исламским мученикам за веру, между тем как некоторые правители малайских мусульманских султанатов вели свое родословное от почитаемых в исламе домусульманских царей и пророков (Искандера Зулькарнайна, Сулеймана).

Представление о передаче по наследству властной харизмы существовало и в ламаистской Монголии, где поклонение Чингис-хану обрело религиозные черты, а для членов Золотого рода Чингисидов культ знаменитых предков служил обоснованием их политических притязаний. Это сочеталось с ламаистской монгольской традицией редкого для средневекового Востока разделения власти светской, принадлежавшей Чингисидам, и религиозной, сохранявшейся за *богдо-, эгэном* — главой ламаистской монгольской церкви. В условиях китайско-маньчжурского господства высшая светская власть в Монголии находилась в руках цинской провинциальной администрации, формировавшейся Палатой по делам зависимых территорий (*Лифаньюань*), а цинский император, согласно государственной доктрине, обладал и для монголов авторитетом власти сакральной. Тем не менее Чингисиды сохранили благодаря харизме Чингис-хана политическое влияние на монгольский народ, что принимала во внимание цинская администрация: Чингисиды по-прежнему обладали военно-административной властью в своих наследственных владениях и политическим весом в монгольском *хурале*.

Патриархальные государства Востока, подобно шиитскому Ирану, знали и светский вариант верховной власти — в султанате Маската, а также в Бухарском *эмирате*, Кокандском и Хивинском *ханствах* Средней Азии, созданных во второй половине XVIII в. племенными династиями. Впрочем, некоторые среднеазиатские правители в официальной титулатуре уже провозглашали себя предводителями правоверных (*эмир аль-муминин*), претендуя на религиозный статус, ("ветский характер имела и власть афганского *шаха*, почитавшегося в афганских племенах верховным вождем племен, первым среди равных ему племенных ханов. Правитель в патриархальных государствах стремился удерживать в своих руках все нити государственного управления: он назначал должностных лиц, был высшей судебной инстанцией, арбитром во внутривластных конфликтах, главнокомандующим. Средоточием верховной власти являлся столичный дворец правителя. Впрочем, в мусульманских

Африки и Аравии получил распространение феномен «кочующего монарха»: в силу слабой связи с провинцией правитель вместе со своим двором совершал длительные поездки по территории государства, разрешая местные конфликты, и осуществлял гибкие политические маневры в отношении племенных вождей и провинциальной знати, чтобы добиться их повиновения. Нередко по конъюнктурным соображениям правители переносили местоположение столицы государства, затрачивая немалые усилия и средства на возведения монументальных дворцовых и культовых построек, призванных свидетельствовать о могуществе верховной власти. Напротив, в индуистско-буддийских государствах Юго-Восточной Азии столица с дворцом обоженного правителя с сакральными царскими регалиями и культовыми постройками осмысливалась как космический центр. Перенос столицы в них знаменовал наступление новой политической эпохи. В патриархальных государствах, по существу, не были разделены дворцовые и государственные службы. Казна — источник материального обеспечения двора правителя и государства — была единой; государственные амбары с продуктами, поступавшими в виде налогов, обеспечивали потребности двора и высших должностных лиц, а в годы бедствий открывались для поддержки подданных. Придворные сановники могли нести и государственную службу (в Марокко *хаджиб*, возглавлявший систему обслуживания внутренних дворцовых покоев, был государственным канцлером, хранителем печати, а *каид аль-мушавар* — глава внешней службы дворца — ведал государственным церемониалом, внешними сношениями страны и ее обороной). Некоторые государственные службы в мусульманской политической культуре восходят к придворным: *кахья* (своего рода майор-дом) — первый помощник по административному управлению *бейлербея* Западного Триполи (Ливия), так же именовался командующий войсками в Тунисе; *дастарханчи* — главный казначей в Кокандском ханстве.

В иных вариантах происходило соединение государственных и дворцовых служб в Южной и Юго-Восточной Азии: среди многочисленных государственных «ведомств» большинство было занято обслуживанием дворца (Кандийское государство Цейлона, Бирма). В Лаосе дворец верховного правителя имел правое и левое крыло — местонахождение высоких должностных лиц, близких родственников правителя, осуществлявших управление «правыми», южными территориями расселения военнообязанного населения или «левыми», северными землями с населением, выполнявшим гражданские повинности — налоговые и трудовые. (В Сиаме управление окологородских территорий, которые также делились на «правые», военные, и «левые», гражданские, осуществлялось уже специальными ведомствами — *кромами*, входившими в число шести главных государственных ведомств.) Наиболее архаичным было разделение служб в Камбодже, где администрация «дома *сдаля*» — домена верховного правителя, состоявшего из 35 провинций-кхев, осуществляла суверенную власть и над остальными 15 *кхетами*, принадлежавшими трем «домам» ближайших родственников правителя, каждый из которых вместе с тем имел свою домениальную администрацию.

Эти данные свидетельствуют о том, что сферы частной жизни верховного правителя в общественно-политическом сознании населения патриархальных государств не были отделены от государственных; само понятие «государство» и

и феодально-бюрократических, и в патриархальных обществах, как правило, персонифицировалось в личности правителя.

Верховный правитель осуществлял свою властную волю с помощью круга со-иетников. В наиболее архаичной системе управления это были два-три приближенных правителю лица (Малайя и Северный Калимантан). Однако в подавляющем большинстве государств патриархального типа уже сформировались Государственные (Верховные) советы, чаще всего возглавляемые самим правителем, но в известных случаях и главами административного аппарата (*адигар* в Кандийском государстве Цейлона). Советы располагали различным спектром полномочий: от обсуждения вопросов хозяйственной и политической жизни государства до утверждения или назначения престолонаследника. Одновременно советы могли служить каналом, через который доводились на места указы и распоряжения правителя (в состав *Хлудо* — бирманского Государственного совета — даже входил глашатай).

В некоторых государствах утвердились два высших совета: в Бирме в проти-иовес *Хлудо* функционировал близкий к персоне правителя придворный Тайный совет (*Бьедай*), ведавший вопросами безопасности покоев правителя и контролировавший состояние казны и прохождение

документов о должностных назначениях. В Магрибе, возможно под османским влиянием, наметилось соединение высших должностных лиц в общем совете: так, Совет высших должностных лиц *натрое* во главе с главным *вазиром* существовал в Марокко, как и Малый *диван* и 'Западном Триполи. Оба института действовали наряду с Советом знатных (*Маджлис аль-аян*), возглавляемым султаном, в Марокко и Большим диваном в Западном Триполи.

Состав Государственного совета во многих государствах был институционально закреплен: в него входили высшие должностные лица и главы крупных административных единиц (Цейлон), он мог включать и представителей среднего и низшего чиновничества (Бирма), в государствах с господством племенных династий в совете был велик удельный вес глав племен (советы государств Средней Азии, *джирга* Афганистана, *хурал* Монголии), а в обществах с традициями городской культуры в совете входила городская торговая и землевладельческая знать. Но членство в совете могло определяться и по произволу главы государства и было непостоянным: так обстояло дело в некоторых мусульманских государствах, в частности в Марокко с Советом знатных (*Маджлис аль-аян*).

Будучи высшими совещательными коллегиальными органами, советы вместе с тем могли исполнять контролирующие, делопроизводственные и иные исполнительные функции. В целом же сферы государственных полномочий были ограничены, а при их исполнении, будь то Верховным советом или центральным аппаратом управления, наблюдалась нечеткая дифференцированность функций.

Центральный аппарат управления в государствах мусульманской политической культуры складывался из нескольких приближенных правителю сановников высшего ранга, располагавших своим персоналом и облеченных не всегда строго определенными полномочиями. (В Средней Азии и Афганистане под влиянием иранской и, возможно, дальневосточной культур правительственный аппарат формировался из нескольких канцелярий — *диванов* с наследственно

служив-

шим в них персоналом. *Диваны* возглавляли приближенные к правителю сановники, но уже из племенной знати.)

В мусульманских патриархальных государствах не возникли вторые центры власти; вместо них существовал феномен «заместителя» монарха, выполнявшего его обязанности в период отсутствия того в столице. Часто он был одновременно градоначальником столицы, роль которого в патриархальном государстве была велика. Характерно, что подобные «заместители» были и в Юго-Восточной Азии, например *упарат* в Сиаме (см.: История востока. Т. III, с. 489). В мусульманских патриархальных государствах не сложилась строгая «табель о рангах» и не определился формальный глава аппарата управления (возможно, исключения составили главные *вазиры* в Марокко и Бухарском эмирате, а также *кахья* в Тунисе). Политический вес таких должностных лиц зависел от близости к персоне правителя и от силы их семейно-родственной или племенной поддержки. Не существовало (кроме религиозной) и специальной профессиональной подготовки чиновников; отбор кадров и приобретение административного опыта обычно происходили в процессе придворной службы. Характерным свидетельством отсутствия управленческой специализации среди высшего слоя должностных лиц было существование сановников в высшем ранге (*вазир*ов), не обладавших должностью, выполнявших разовые поручения правителя. Иными словами, в патриархальных государствах институционализация системы власти была слабой. Основными функциями центрального аппарата управления были административно-хозяйственные, финансовые, военные и судебные. В мусульманской политической культуре существовала своя логика их распределения.

Высшая административная власть была обособлена в Марокко (ее исполнял главный *вазир*) и Западном Триполи (*кахья*). Финансы составляли важнейшую сферу деятельности: в Афганистане «высочайший *диван*» — финансовое ведомство — не только имел широчайший круг полномочий (в его ведении были сбор налогов, контроль над всеми источниками государственных доходов и их расходованием, управление государственными землями *халисе*, монетные дворы, казна, ирригация, государственное строительство, общественные работы), но и был ядром правительственного аппарата. В государствах Магриба и Средней Азии роль казначеев — *амин аль-умана* (Марокко), *хазандар* (Тунис, Триполи), *дас-тарханчи* (Кокандское ханство) — была важной, но не центральной. В приморских государствах Магриба, для которых морская торговля и неотделимое от нее пиратство оставались важным источником государственных доходов, существовала служба флота и таможен, глава которой был одновременно облечен обязанностью

вести внешние сношения (*вазир аль-бахр* в Марокко, *раис аль-бахр* в Триполи, *кяхья халк аль-вади* в Тунисе, *ужиль аль-хардж* в Алжире).

В мусульманских патриархальных государствах военные силы не были централизованы. Они состояли из разных подразделений (султанской гвардии, воинов, посаженных на землю, наемных частей), основной контингент представляли отряды племенных вождей и племенные ополчения (гражданское население, привлекавшееся в армию в исключительных случаях, выполняло вспомогательные функции); все эти силы объединяло лишь верховное командование правителя во время войны. В непосредственном ведении государства находились вероятно, городские гарнизоны и специальные части, получавшие жалованье,

27

вероятно, поэтому военный «министр» — *кяхья* (Тунис), *ага араб* (Алжир), *леи-кербашии* (Средняя Азия) не занимали в аппарате управления первых позиций.

Шариатская судебная власть находилась в руках главного судьи — *кади аль-кудат* в Магрибе или *кази-калян* в Средней Азии. Но если в Западном Триполи, еще пребывавшем в вассальной зависимости от Порты, вся религиозная сфера Пыла в ведении *кади аль-кудат*, то в государствах Средней Азии, племенные династии которых нуждались в признании со стороны духовенства, сохранялось несколько религиозных институтов. Там помимо диванов главного судьи, военного судьи — *кази-аскера* — имелся диван *вакфов*, ведавший материальным достоянием духовенства, а общий надзор за духовенством осуществляли *ходжа-калян* и *шейх-уль-ислам* — высшие религиозные сановники, покровительствуемые властями.

Таковы были основной набор высших должностей в центральном аппарате управления мусульманских государств и разделение между ними главных функций. Это, естественно, не весь перечень государственных учреждений и должностей. Так, существовала особая служба полиции, а в Афганистане даже специальный *диван* осведомления, ведавший также почтой и включавший такие административные подразделения, как ведомства конфискаций и приведения в исполнение шахских приговоров.

Политическая культура немусульманских юго-восточно-азиатских патриархальных государств, как и Южной Индии, имела свои отличительные черты. Прежде всего, центральный аппарат под влиянием китайской политической культуры состоял из многочисленных ведомств (*лекам* — в Кандийском государстве, в котором их было более 30; *кром* — в Сиаме). Однако между ними не существовало четкого разделения функций. Большинство ведомств занималось обслуживанием дворца верховного правителя (см.: История Востока. Т. III, с. 474).

Разделение прерогатив внутри центрального аппарата управления в юго-восточно-азиатских государствах демонстрирует характерную тенденцию — создание ведомств, в чьи полномочия входило управление определенными категориями населения, а не выполнение тех или иных отраслевых функций. Так, в Сиаме *кром калахом* занимался управлением «правых», южных провинций с военнообязанным населением, *кром махаттаи* — «левых», северных с гражданским населением, *кром сатхади* ведал регистрацией жителей категории *прай*, между тем как казна, торговля, внешние сношения были прерогативой единого *крома прак-нат*. В аппарате управления более архаичных государств, в которых была слабо развита налоговая система и доходы казны слагались преимущественно из поступлений от частной собственности правителя, торговых пошлин и судебных штрафов, финансами ведали придворные чины: в Камбодже *ваянг* — главный министр, главный казначей, управитель королевским дворцом, а в некоторых государствах Малайи *бендахара* — секретарь и казначей правителя.

Иерархия должностных лиц в юго-восточно-азиатских государствах была более четко обозначена, чем в западных мусульманских государствах: в Бирме и Сиаме существовала заимствованная у Китая ранговая система (впрочем, в Сиаме она была распространена почти на все население, не получив тем самым чпачения показателя привилегированного статуса). В султанатах же Малайи получило распространение некое подобие ранговой системы: знать делилась на

28

«четверку», состоящую из четырех самых высоких должностных лиц, «восьмерку» — из восьми высших должностных лиц и глав (а по существу, владельцев) областей — *даэрах*, обязанных выставлять воинские контингента, «шестнадцать» — из вассалов *даэрах*, чаще их сыновей, и «тридцать два» — из местных вождей, чьи судебно-административные полномочия были ограничены в пользу вышестоящих. Таким образом, в Бирме и Сиаме на верхних ступенях иерархической лестницы ранги указывали на степень родственной близости их владельца к правителю, иными словами, должностные ранги сливались со степенями родства. Ранги там не

столько свидетельствовали о местоположении их обладателя в должностной иерархии, сколько регламентировали образ жизни знати, определяя пышность дворца, размер свиты, характер одежды, утвари и т.п. А в Малайских султанатах должностная иерархия сливалась с системой вассальной частно-правовой зависимости.

Образование будущие чиновники получали религиозное (в монастырях или *медресе*). Было широко распространено наследование должностей, как и в остальных патриархальных государствах. (В Кандийском государстве пребывание только в должности *адигара* была ограничена сроком в один год.)

Территориально-административная структура, будучи основой провинциального и местного управления в феодально-бюрократических государствах, не была четко выражена в государствах патриархальных. Территориально-административное деление в них состояло из одного звена (провинция или область), реже имела две и более ступеней. Кроме того, оно, как правило, не распространялось на всю территорию государства и сосуществовало с другими формами организации провинциального управления. (Примером иного управления, чем территориально-административное, может служить организация власти в Монголии: там была распространена военно-административная система, при которой страна традиционно делилась по воинским подразделениям, выставляемым определенным количеством семей кочевого населения.) Преобладание в патриархальных государствах гетерогенной территориально-административной системы управления можно объяснить не только их цивилизационными особенностями, но и незавершенностью процесса политогенеза, в частности слабой территориально-политической консолидацией.

Как известно, территории средневековых государств обычно формировались из земель племенных, общинных и этнических общностей. Этим государствам было присуще стремление к расширению своих территорий, что подразумевало увеличение числа подданных, но диктовалось отнюдь не всегда практическими (хотя и очень важными) интересами — стремлением к умножению числа налогоплательщиков или военнообязанных. Могущество и авторитет правителя в глазах соседних монархов и собственного подвластного населения определялись его способностью поставить под свою монаршую руку как можно больше этнополитических образований. (Даже для европейских монархов XVIII в. было предметом гордости украсить свою титулатуру титулами правителей владений, включенных в их государство.) В свою очередь, принятие покровительства сильного монарха и даже смена сюзерена для восточных патриархальных государств были явлением общепринятым (Камбоджа, шанско-тайские племена северной Бирмы временами находились под двойным сюзеренитетом: первая — Сиам и Вьетна-

29 ма, вторые — Китая и Бирмы), а возникавшие при этом обязательства могли сводиться к нерегулярной выплате дани, выставлению вооруженных отрядов. (В логике подобных межгосударственных связей восточные правители пытались на первых порах строить свои отношения и с европейскими государствами, не подозревая о тех последствиях, которые эти шаги могли иметь в эпоху колониальных захватов.)

В результате система провинциального и местного управления патриархальных государств явственно отражает процесс их политогенеза. Более ярко это проявилось в юго-восточно-азиатских более архаичных государствах, чем в Западной и Центральной Азии и Магрибе с их древними традициями государственности. Так, султанаты Малайи знают деление на области, но эти области представляли собой в большей мере родовые владения, чем территориально-административные единицы. Камбоджа делилась на 50 областей-кхешов, а те — на округа-сроки, состоявшие из нескольких деревень; однако над этой лишь формально упорядоченной системой надстраивались владения-домены правителя и его семьи, а государственная администрация только еще вырастала из придворной службы *сдаля*. В Бирме и Сиаме округа — *мьо* и *мыанг*, находившиеся в наследственном владении местной знати, не охватывали территорию всего государства и различались по своим размерам соответственно могуществу их владельцев, свидетельствуя об их частноправовом, а не государственно-административном происхождении. Афганская империя Дуррани единообразно делилась на провинции-вмланеты, границы которых совпадали с территориями расселения афганских племен или с историческими областями, вошедшими в состав империи. Но только земли, завоеванные оружием, управлялись шахской администрацией. На племенных территориях афганцев ханы племен пользовались всей полнотой власти. Так же обстояло дело в вассальных ханствах и эмиратах, отошедших под власть династии Дуррани, где управляли номинально наместники, а по существу — прежние правители. Наличие

широкой почти самостоятельной родо-племенной периферии характерно для подавляющего большинства патриархальных государств.

В общественном сознании ряда патриархальных государств возникло религиозно-политическое обоснование гетерогенности провинциального управления. Согласно буддийской системе представлений (Бирма, Сиам), магическая сила верховного правителя — космократа, — распространяясь из столичного дворца, ослабевала по мере удаления от центра государства. Эта сила была наиболее могущественна в нуклеарной (околостолочной) зоне: в Бирме здесь проживали бирманцы, и это была как бы домениальная территория *минджи*, непосредственно управляемая его должностными лицами и населенная посаженными на землю военнообязанными земледельцами-бирманцами — *ахмуданами*, а также обрабатывавшими земли правителя *ламайнами*. Следующую зону населяли *а/им* — податные земледельцы-люди, управляемые *мьотуджи*. Наконец, третья, наиболее отдаленная зона была заселена племенами шанов и тай, управляемыми своими племенными вождями (см.: История Востока. Т. III, с. 478-479). Так религиозно-политическая концепция с довольно сильными этноцентрическими притязаниями освящала рыхлую территориально-административную систему управления и этносоциальное деление общества.

30

В мусульманском Магрибе сложились свои религиозно-политические представления о территориальном делении государства на *бияд аль-махзен* (в Алжире *блед ат-турк*), т.е. страну, управляемую правительством и населенную податными и несущими военную службу племенами, и *бияд ас-сиба* (*блед аль-хла*), или племенные территории, жители которых признавали лишь духовный авторитет правителя, не платили податей, но были готовы защищать государство от угрозы завоевания *гяурами*. Территориально-административное деление этих земель на *вилайеты* или *бейлики* имело практическое значение только на подчиненных правительству землях (в Алжире они не превышали V₆ территории). В свою очередь, провинции распались на самоуправлявшиеся *ватаны* (букв. «родина») — племенные территории.

Провинциальный аппарат управления патриархальных государств был еще слабее центрального. Провинциальные низшие должностные лица в Юго-Восточной Азии не имели податных льгот, а отношения между столичными и провинциальными чиновниками осмысливались как отношения старших к младшим, поскольку столичный аппарат управления формировался из родственников более близких степеней родства с правителем. Как правило, только высшие правительственные и придворные сановники получали жалованье из казны (в мусульманских государствах Магриба и Центральной Азии) или натуральное довольствие из амбаров правителя (Юго-Восточная Азия). Обычно имело место пожалование чиновникам доходов с должностных земель.

В своем историческом движении патриархальные государства были подвержены смене периодов усиления и упадка центральной власти, сопровождавших подъемами и кризисами их хозяйственной и политической жизни. Эти кризисы не имели системного характера, как было в XVIII в. в феодально-бюрократических государствах, так как они вызывались не глубокими сдвигами в социально-экономической сфере, а внутренними и внешними политическими осложнениями или были следствиями природных катаклизмов, чрезвычайно болезненных для жителей аридных и высокогорных территорий.

ПОТЕСТАРНЫЕ И ДОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

К XVIII в. потестарные и догосударственные этнополитические образования представляли собой явление значительно менее распространенное и к тому же недостаточно изученное. Большинство из них давно лишилось независимости и составляло родоплеменную периферию феодально-бюрократических и патриархальных государств. Некоторые из этих образований имели длительную историю, но чаще потестарные государства были недолговечными, распавшись и возникнув снова в зависимости от внешнеполитической ситуации (консолидация племен перед внешней угрозой либо объединение ради грабительских набегов или завоевательных походов), а также появления сильных племенных или общинных лидеров, способных не только возглавить завоевательные акции, но и выступить в качестве авторитетного арбитра в межплеменных конфликтах. Гра-

31

кицы таких образований были часто непостоянными и зависели от числа племен, признавших власть подобных лидеров. Так, казахские *жузы* — этнотерриториальные образования, делившиеся, как полагают некоторые исследователи, по принципу генеалогического старшинства, или хронологической последовательности их возникновения, на Старший (*Улы*), Средний (*Орта*) и Младший (*Кииши*), — включали в разное время различное число ханств, что дало основание говорить о «пульсирующем» характере политогенеза казахов. Подобное явление можно наблюдать и в Аравии.

Механизм воссоздания потестарной государственности описан на материалах Казахской степи: обычно

политическим ядром, формировавшим ханство, являлось «старшее племя», наиболее многочисленное по своему составу и экономически крепкое, обладавшее удревленной генеалогией. К этому племени примыкали более слабые родственные племенные образования, генеалогически отстоявшие дальше от реального или мифологического предка. На народных собраниях подобных племенных объединений главную роль в принятии решения («пер-ными подают голоса») играл сильный род «старшего племени» и консенсус достигался согласием остальных с предложенным решением. По-видимому, на подобных собраниях принималось решение об избрании хана. Со смертью хана или неприятием его со стороны части племен ханство могло распасться и воссоздаться в ином составе.

Общества, создававшие потестарные политические образования, отнюдь не являлись реликтами первобытнообщинного строя. Они располагали давними культурно-историческими традициями и были глубоко дифференцированными в имущественном и социально-правовом отношениях, обладая сложной иерархической социальной организацией, жизнедеятельность которой регулировалась обычным правом.

К потестарным государствам можно отнести помимо казахских ханств аравийские султанаты Аден в Южном Йемене, аль-Касири и аль-Куайти в Хадра-мауте, города-государства типа шейхства Кувейт в Аравии и Ачехского султаната на Суматре (впрочем, последний в типологии государств занимал пограничное положение между потестарным и патриархальными типами государственности) и другие. Для потестарных государственных образований характерно наличие авторитетной (но отнюдь не авторитарной) верховной власти. В казахских ханствах она была выборной: хан избирался, по-видимому, племенной элитой из числа «султанов», потомков Чингис-хана, составлявших статусную аристократическую группу *торе*. При этом среди султанов-Чингисидов, располагавших долей властной харизмы своего предка, избирался тот, кто приобрел влияние среди кочевых племен благодаря своей политической воле, дипломатическим способностям, знанию обычного права. Вместе с тем в казахском обществе наблюдалась тенденция к передаче ханского звания членам семьи и потомкам влиятельного хана. Ритуал возведения в ханское достоинство был прост и состоял в поднятии *аксакалами* хана на белой кошке при стечении большого количества народа. В Кувейте верховная власть передавалась по наследству внутри рода основателя государства. И в Аравии, и в казахских ханствах высшая власть имела патриархальный и светский характер. В Юго-Восточной Азии глава потестарного обра-

32

зования хотя и избирался, но с избранием обретал священный статус, и его поведение определялось сложным придворным ритуалом.

Функции верховной власти были немногочисленными: защита населения от внешней угрозы, командование племенным или общинным ополчением, судебный арбитраж, участие в религиозных церемониях. Политическая воля такого правителя не распространялась на сферу внутривременного и кланового управления, осуществляемого местной элитой (у казахов: аксакалами — племенными и родовыми главами, *биями* — судьями и *батырами* — военными предводителями).

Как отчетливо показывают казахские исторические реалии, отношения между ханом и ему подвластными носили характер связи патрона и клиентов, кстати говоря, взаимоотношений, пронизывавших все общество. Хан не располагал органами принуждения, собственными военными силами. Он не обладал особыми правами на землю; согласно казахскому обычному праву, на скот и продукты скотоводства существовала частносемейная собственность, земля под зимними пастбищами находилась в собственности малой общины, водные источники и летние пастбища принадлежали более широкому общинному объединению, наконец, территория кочевания племени или племенного объединения рассматривалась как общее владение такого объединения. Аналогичная картина наблюдалась и у аравийских кочевников, элита которых обладала правами частной собственности (*мюльк*) лишь на обрабатываемую землю в оазисах.

Подобный характер взаимоотношений позволял любому племени или роду поменять своего патрона, а также перестать подчиняться хану, войдя со своими землями в состав другого ханства. По-видимому, в сознании казахов-кочевников было слабо выражено представление о политическом «подданстве», т.е. подчинении главе государства, но преобладало чувство родства, генеалогической связи между племенами, формирующими разные ханства. (Генеалогические представления, иногда мифологические, воздействовали не только на политическую организацию общества, но и определяли место племени и клана в социальной иерархии *жуза*.)

Аппарат управления в потестарных государствах был минимальным, иногда сводясь к некоторому числу советников, писцам и рассыльным. Характерно, что и в Казахстане, и в Хадрамауте служащие госаппарата рекрутировались из среды низкостатусного зависимого населения — *туленгутов* в Казахстане и *карап* в Хадрамауте. Ханская ставка в казахских ханствах нередко располагалась на границе с завоеванным оседлым земледельческо-городским населением, традиционно платящим налоги правителю, и тогда в аппарате управления появлялись сборщики налогов и прочая традиционная

администрация. В среде же господствующего этноса, создавшего государственность, отсутствовала или была на начальном этапе становления податная система. Так, в Ачехском султанате правящий дом жил за счет морской торговли, судебных штрафов и султанских земельных владений. Налоговая система там начала формироваться в *улубалангст-вах* (см.: История Востока. Т. III, с. 244-245). В султанате наследственная знать сохраняла военно-политическую и судебную власть в своих владениях, не будучи вытеснена государственным аппаратом управления.

Важные государственные проблемы хан обсуждал на собрании представителей племенной элиты.

33

Крайне слабая властная вертикаль, недостаточная легитимация верховной власти, отсутствие поземельных отношений восточнофеодалного характера и личной зависимости основного населения, т.е. слабость или отсутствие, так сказать, несущих конструкций государственной системы традиционных обществ, частавляли главу потестарного государства опираться или придавать особое значение «власти политической культуры». Согласно казахским преданиям, хан Тауке (1680-1715) приобрел «знатное число подданных» благодаря искусству примирять спорящих и привлекать к себе даром красноречия и действовал он «более благоразумием, опытностью, связями и искусством [красноречия], нежели силою». А гибкая внутренняя политика, ловкие внешнеполитические маневры в отношениях с британскими резидентами и правителями Персидского залива, искусное лавирование между турецкими властями, саудовскими эмирами и наместниками Мухаммеда Али в Аравии позволили кувейтским шейхам ас-Саббах укрепить государство и сохранить его независимость в условиях сложных политических коллизий, имевших место в этом регионе во второй половине XVIII — начале XIX в.

Стержнем же политической консолидации догосударственных этнополитических образований, таких, как неустойчивые конфедерации племен во внутренней Аравии, была их социальная организация, которую можно было бы назвать статусно-иерархической. Статусно-иерархическая структура социальной организации была присуща и потестарным государствам, что облегчало их политическую консолидацию.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В отечественной литературе принято рассматривать социальную организацию традиционных восточных обществ как сословную на том основании, что в этих социумах господствовало деление населения на социально-правовые категории. Понятие «сословие» при этом обретало столь широкий смысл, что его применение теряло свою познавательную ценность. Такое его употребление означало констатацию лишь одного очевидного факта: общество членилось не на классы соответственно месту социальных групп в процессе производства, но на социальные слои по их правовому положению. (Это не исключает применения к традиционному обществу в интересах изучения социально-экономических отношений классового анализа, что является важной исследовательской процедурой, не учитывающей, однако, того, как общество осознавало себя и саморегулировалось.)

Деление общества на социально-правовые категории связано с государственным законодательством или господством обычного права. Естественно полагать, что различным типам восточных государств присущи и разные формы их социально-правовой организации. Не все из них можно считать «сословиями».

Понятие «сословие» (*etat* — положение, состояние; восходит к лат. *status*) заимствовано из западноевропейской исторической действительности. Однако по-

34

пытки еще российских бюрократических кругов и Екатерины II, подвижной западническими просветительскими устремлениями, перенести это понятие на российскую почву обнаружили несовпадение социальной организации Западной Европы и России. В результате понятие, обозначавшее широкий социально-правовой слой в Европе, стало прилагаться к сравнительно небольшим российским статусным группам.

Не вдаваясь в рассмотрение этимологии западноевропейского понятия «сословие», отметим, что оно появилось во Франции не ранее XVII в., когда степень социальной консолидации была такова, что общество могло быть разделено на три социально-правовых слоя — первое, второе и третье сословия. Господствующий класс членился на два сословия (духовенство и дворянство), и ему противостояло все остальное простонародное население. И это не были умозрительные процедуры — сословное деление нашло свое практическое отражение в политической жизни Франции.

Как полагают некоторые отечественные медиэвисты, социальное деление западноевропейского общества до XVII в. носило «ситуативный» характер: общество могло восприниматься как социум, состоящий из богатых и бедных, знатных и простолюдинов, тех, кто молится, воюет или обрабатывает землю. Такое деление было скорее фактом общественного сознания, чем права. В правовом же отношении население распадалось на множество различных категорий (статусов) внутри как аnobлированных землевладельцев, так и простых земледельцев или горожан. Но подобные категории

не именовались еще «сословиями» (*etat*). Это означает, что в своем первоначальном смысле понятие «сословие» было применено к социально-правовому делению общества, находившегося на определенном этапе общественно-политического развития (во Франции — время абсолютной монархии), и, возможно, связано с процессом становления гражданского общества.

Исходя из того, что в XVIII в. признаки консолидации общества в крупные слои, имевшие общий социально-правовой статус, наблюдались на Востоке лишь в феодально-бюрократических государствах, логично говорить о процессе становления в них сословного строя. Относительно же социального строя догосударственных и потестарных политических образований в отечественном востоковедении уже встречается использование такого понятия, как «статусно-иерархическое общество», и, наконец, при описании социальной организации патриархальных государств употребляется определение «сословно-статусное общество». Эти терминологические понятия мы берем за основу при определении социальной организации различных восточных обществ рубежа XVIII-XIX вв.

Подобно тому как различные типы государственного устройства Востока логически могли представлять разные стадии его политогенеза, социальная организация восточных обществ в XVIII в. также может рассматриваться как находящаяся на разных этапах социогенеза.

Несмотря на то что в отечественном востоковедении придавалось большое значение исследованиям социальной структуры общества и при этом констатировалось, что подобная структура имела социально-правовой характер, в основе изучения все-таки лежал классовый анализ. В результате мы лучше представляем себе социально-экономическую структуру разных восточных обществ, чем их социально-правовую организацию. Этот исследовательский пробел в отечест-

35

ственном востоковедении начали восполнять работы последних полутора десятилетий, осуществленные, в частности, на материалах социальной организации Китая, Кореи, а также Казахстана и Хадрамаута. Для двух последних характерны господство родоплеменной системы, государственность потестарного типа и статусно-иерархическая социальная организация.

Несмотря на то что общество Хадрамаута отличалось от казахского большей сложностью, обусловленной историко-культурной древностью и культурно-хозяйственной гетерогенностью этого аравийского региона (сочетание оседлого земледельческого и городского типов хозяйства с кочевым скотоводческим), социальной организации и хадрамаутцев и казахов были присущи типологически общие признаки.

Общество Хадрамаута, как и Казахской степи, достаточно четко подразделялось на три больших пласта-страты — привилегированную, полноправную и неполноправную, которые, в свою очередь, разделялись на иерархически стратифицированные замкнутые группы. Социально-правовой статус этих групп обычно наследовался, иногда передаваясь из поколения в поколение в течение многих столетий. Так, находившиеся на верхней ступени иерархической социальной лестницы Хадрамаута *сада* (*сейиды*) считались потомками Хусейна, сына Али б. Аби Талиба. А ниже располагавшиеся *машаих* (*шейхи*) претендовали на происхождение от сподвижников Мухаммада или даже от знатных родов доисламского общества.

Привилегированную страту — «белую кость» (*ак-суйек*) — казахского общества составляли наследственные статусные группы *торе* и *кожа*. Как *сада* и *машаих*, они не были включены в племенную генеалогическую систему племен. Будучи Чингисидами, потомками Джучи-хана, *торе* занимали привилегированное положение в сообществах тюрков Азии и Европы, «поставляя» правителей крымским и казанским татарам, башкирам, калмыкам и даже патриархальным государственным образованиям Центральной Азии.

Сада и *машаих* Хадрамаута исполняли религиозно-культурные и судебные функции. Они были носителями религиозных знаний и контролировали места паломничества, где руководили религиозными ритуалами, вместе с тем они улаживали межплеменные конфликты в покровительствуемых племенах, обладая *шанием* и *шариата* и *урфа*. Казахские *торе* претендовали на политическое верховенство и призывались для исполнения политических и судебно-арбитражных функций. *Кожа* обладали знанием религиозно-ритуальных традиций и участвовали в общественных и семейных ритуальных действиях рядом с мусульманскими служителями культа.

Эти высшие статусные группы располагали своей социальной организацией, состоявшей из семейно-родственных коллективов (кланов). В Хадрамауте их возглавляли выборные советы — *никаба* во главе с *мансабами*, призванными разрешать внутриклановые конфликты. Привилегии *сада* и *машаих* заключались и праве на владение рабами и землей, обрабатываемой арендаторами и поденщиками. *Торе* Казахских степей располагали судебными и правовыми привилегиями (судились в ханском суде; *вира* за убийство султана-торе в семь раз превышала выкуп за убийство представителя *кара-суйек* — статусной группы «черной кости»). От простых казахов султаны отличались не благосостоянием, а образо-

ванностью, известной утонченностью, одеждой; при общении с султанами простолюдины придерживались особого этикета. В среде *сада* и *машаих*, как и *торе*, соблюдались брачные соответствия.

Полноправную страту южноаравийского общества составляли *кабили* — члены полукочевых и оседлых племен. В Казахских степях эта страта, состоявшая преимущественно из кочевников-скотоводов, именовалась «черной костью». В отличие от неполноправных, *кабили* Хадрамаута имели право на ношение оружия, владение рабами и землей. Их социально-политическими функциями были охрана племенной территории и по возможности ее расширение, защита торговых караванов и транспортировка товаров, оказание покровительства проживавшему на племенной территории неполноправному населению. Казахские *кара-суйек*, подобно *кабили*, были причастны к организации торговли, и те и другие заметно пострадали от изменения международных торговых путей.

Кабилы располагали собственной родоплеменной организацией с советами старейшин, *вождямь-мукаддами* различных племенных подразделений и *хакимами* — межплеменными арбитрами. *Мукаддамы* возглавляли племенные ополчения. Им соответствовали у казахов аксакалы, *бийи* и *батыры*. Возможно, имущественное положение и престиж этой казахской элиты были выше, чем в среде *кабили*. Иерархия племен в Аравии основывалась, вероятно, в большей степени на хозяйственной деятельности (кочевники-верблюдоводы, полукочевники овцеводы, оседлые), а в казахском обществе — на генеалогическом принципе.

Различался и удельный вес неполноправного населения в Казахских степях, где рабы и *туленгуты* составляли незначительную часть общества, тогда как в Хадрамауте этот слой был значителен (в функциональном и количественном отношении), а его структура сложна. Неполноправное население Хадрамаута было лишено права носить оружие и приобретать землю и рабов. Оно, как и верхняя страта, распалось на статусные группы, возможно не столь замкнутые. Это были *карап* («поселившиеся оседло»), *хирсан* («пахари»), *масакин* («бедняки»), *дуафа* («слабаки»), *субйан* («мальчики») и рабы.

Характерно, что названия этих статусных групп не соответствовали ни имущественному положению, ни возрасту представителей этих групп, скорее, эти названия были призваны подчеркнуть социальную приниженность, неполноценность входивших в них семей. В силу своей неполноправности они оказывались в положении угнетаемых и эксплуатируемых высшими стратами. Сферой их занятий были обработка земли в качестве арендаторов и поденщиков, ремесло и услуги.

Особые черты отличали и социальную организацию неполноправных статусных групп. Большинство из них находилось под покровительством, граничившим с подчинением, вышестоящих статусных групп. Вместе с тем в городах они располагали квартальными организациями со своими предводителями *мукадда-мами* и квартальной администрацией. Имела место и имитация племенной структуры, столь престижной в обществе: по ее типу ремесленники образовывали свои квазиплемена. До известной степени эти институты самоуправления были способны защитить неполноправное население от произвола *кабили*. В целом же общество благодаря своим сложным социальным связям было способно к само-

37

регуляции. Государственная власть, которую возглавляли предводители самых могущественных племен, лишь надстраивалась над ним.

Исследователи полагают, что жесткая организация хадрамаутского общества сформировалась только к началу XIX в., что говорит об отсутствии в Хадрамауте тенденции к сложению типологически более высокой социальной организации и государственности.

Основные черты хадрамаутского и казахского общественного строя, прежде всего о членение общества по функциональному принципу на три страты, присущи социальному устройству и другим догосударственным и потестарным политическим образованиям XVIII в. Такое деление в политической культуре ближневосточных обществ строилось преимущественно на статусе семейно-родственного объединения (объем прав на землю, право владения оружием, степень общественной дееспособности), тогда как в юго-восточно-азиатской традиции — на положении члена такого объединения (знатность рода, полная или частичная потеря свободы).

Таким образом, общество в догосударственных и потестарных образованиях делилось на страты с населением привилегированным/знатным, полноправным/свободным и неполноправным/зависимым. Относительно однородным, хотя и членившимся на племена и

общины, не обремененным налоговым тяглом, был полноправный (свободный) слой населения; высшая и низшие страты подразделились на различные статусные группы. Во всех стратах преобладали наследственно-испая передача статуса и высокая (по крайней мере, это известно в отношении хадрамаутского общества) самооценка семейно-родственной генеалогии. Различались подобные общества по формам их общественно-политической самоорганизации. В Хадрамауте племена и статусные группы (кроме рабов) имели свое самоуправление, придававшее особую жесткость его статусно-иерархической системе. Чаще же граница деления на страты проходила внутри кочевого или оседлого племени или земледельческой общины, возможно благоприятствуя последующей феодализации.

Вариант членения общества на страты внутри племени представляли кочевники-казахи. В литературе казахское общество конца XVIII в. описывается как имущественно дифференцированное и распадавшееся на формировавшую племенные органы власти наследственную знать — ханов, султанов, *бийев*, часть из которых возводила свое родословие к Чингис-хану, и полноправных рядовых кочевников-воинов — собственников скота, совладельцев пастбищ, участников племенной системы самоуправления. Ниже их располагались рабы, достаточно многочисленный слой населения. Земледельческое и городское общества, оказавшиеся в пределах кочевнических территорий, как и рабы, принадлежали к презируемым и неполноправным, хотя и обладавшим своей системой самоуправления.

Впрочем, деление казахов на *ак-суйек* (белые) и *кара-суйек* (черные), имевшее древнее тюркское происхождение, свидетельствует, по-видимому, об исконном более сложном функциональном членении общества. В пользу этого говорит то, что в среднеазиатских государствах XVIII в. в категорию *ак* входили духовенство и военное командование; чиновники же и рядовые воины-соплеменники принадлежали к *кара*.

38

Особые формы социальной организации представляет земледельческое общество Кавказа XVIII в. Так, абхазская община состояла из: 1) знати — князей, дворян (*узденей*), обычно связанных между собой вассальными отношениями; 2) полноправных крестьян-общинников *анхаю*, составлявших самый многочисленный слой общества; 3) зависимых/крепостных крестьян *ахоую* («приготавливающие пищу»); 4) рабов *ахашвала* («лишние») и рабов рабов. Князья и дворяне обычно составляли администрацию общины (старшины и судьи, хотя на общинном сходе выбор мог пасть и на свободных общинников.

Последние владели землей и оружием и могли оказать вооруженную помощь князьям, а в случае необходимости отстоять и свои права. *Ахоую*, название которых, возможно, свидетельствует об их происхождении от лиц, занятых в услужении, оказывались и в числе общинных судей, но не имели прав на общинную землю.

Над общинами возвышались владетельные князья, рассматриваемые как покровители территории (в начале XIX в. часть Абхазии делилась между тремя такими владетельными князьями из рода Шервашидзе). Князья в силу своих прав покровителей рассматривали себя владельцами этих территорий. Между тем и семейно-родственные группы свободных общинников считали себя собственниками обрабатываемых земель. Налоги они не платили, а натуральные повинности в пользу князей выполняли скорее в виде традиционной сельской взаимопомощи. Поземельные конфликты возникали главным образом вокруг общинных угодий (пастбищ, лесов), на единоличное владение которыми претендовала знать.

Однако на Кавказе одновременно существовали и общины, внутри которых отношения между статусными группами привилегированной страты — князьями, их вассалами, аульными владельцами — и свободными общинниками обретали характер поземельной зависимости. В таких общинах общинники выполняли оброчные и натуральные повинности, сближаясь тем самым по своему положению с зависимыми крестьянами, принадлежавшими к неполноправной страте. В отличие от Абхазии, эти общества располагали в XVIII в. государственностью патриархального типа.

Общество патриархальных и феодально-бюрократических государств Востока имело свои формы социальной организации, но и в них просматриваются по крайней мере следы архаичного деления на три страты.

Низшая страта — «подлых», «низких» (кит. *цзяньминь*, кор. *чхонмин*, бербер. *имазиген* — «бесстыдные», «позорные») — в патриархальных и феодально-бюрократических государствах представляла собой иерархию относительно замкнутых неполноправных статусных групп. Низшее положение в этой иерархии занимали рабы, существовавшие во всех восточных обществах,

будучи повсюду социально недееспособными. В мусульманских обществах институт рабства, как правило, имел некабальное происхождение, и статус раба мог даже (это относится преимущественно к рабам неафриканского происхождения) стать трамплином для чиновничьей и военной карьеры, к тому же ислам рекомендовал освобождение рабов, ставших мусульманами. В дальневосточной и юго-вос-точноазиатской культурах рабство было преимущественно кабальным; в Сиаме, например, человек мог продать лишь часть своей свободы и впоследствии

39

се выкупить. В Китае существовал еще и институт казенных рабов, ими становились преступники, осужденные за тяжкие преступления; по истечении срока наказания они могли восстановить свой статус. (В Японии подобного рода преступники составляли неполноправную группу *хинин*, букв. «нечеловек», и использовались в обслуживании мест казни и захоронений казненных, они составляли особую общность со своим главой.)

К страте презираемых («низких») причислялись также лица определенных ремесел (но отнюдь не всех, как это было в Хадрамауте). Эти ремесла, по мнению некоторых ученых, были некогда табуированными занятиями. В исламских и буддийских представлениях такое разделение профессий на благородные и низкие (нечистые) получило свое обоснование: к низким относили те занятия, которые оскверняют человека прикосновением к «грязи смерти и крови» себе подобных, а также животных (обмывальщики трупов, плакальщицы, могильщики, мясники, дубильщики шкур и др.). Людями низких профессий почти повсюду также считали музыкантов и лицедеев — актеров (но не сказителей!), фокусников, дрессировщиков животных. Возможно, это объясняется представлениями о греховности отречения лицедеев от своего истинного лица и имени.

Особое место в этой страте занимали лично зависимые (отдавшие под покровительство или продавшие свою свободу), иногда их называют крепостными. В Корее наследственные крепостные (*ноби*) составляли до половины населения. Подобная зависимость часто была сопряжена со статусом домашних слуг, дворовой челяди, а также с обработкой чужой земли и наймом. Но если в Хадрамауте нес слуги, арендаторы и поденщики (как и ремесленники) считались неполно-нравными, то в государствах патриархальных и тем более феодально-бюрократических столь жесткая связь отсутствовала. В Сиаме свободные земледельцы из статусных групп *прай луанг* и *прай суэй*, переданные знати государством во временное услужение в качестве охраны, гребцов и т.п. и тем самым освобожденные от обременительных государственных повинностей, не обретали статуса зависимых, а только переходили в категорию *прай сом*.

Между тем ремесленники в земледельческих государствах Юго-Восточной Азии обычно жили в домах знати на положении зависимых. В свою очередь, в Китае исторически рано ремесленники (*гун*), а затем и торговцы (*шан*) были уравнены с земледельцами (*нун*) в праве принимать участие в экзаменах на ученое звание и тем самым претендовать на должностной пост, иными словами, пошли в страте полноправных. Арендаторы же были переведены из *цзяньминь* в число полноправных земледельцев еще позже. В Индии (как и во многих других восточных государствах) потерявшие землю *райяты* и пришлые чужаки из высоких каст арендовали землю и были поденщиками, не теряя своего статуса полноправного общинника, тогда как низкоранговые касты и неприкасаемые, чьим кастовым занятием оставалась поденщина, входили в страте неполноправных.

В страте неполноправных в мусульманском обществе оказались немусульманские общности — *зимми* и некоторые этнические группы (потомки персидских переселенцев в Омане — арендаторы и поденщики, а также цыгане и хара-тин в Магрибе). Их неполноправность имела скорее религиозно-политическое происхождение, хотя и уподоблялась в силу бесправного положения традицией-

40

ному институту глубоко архаического происхождения. Эта неполноправность выражалась в уплате подушного налога — *джизье*, в запрете занимать государственные должности и нести военную службу, выступать свидетелем в мусульманском суде, а также во многих бытовых ограничениях. Вместе с тем в среде мусульманского населения границы между полноправным и низкостатусным населением не были четкими. В Османской империи различия между ними определялись не столько правом, сколько престижем и образом жизни, а также социально-психологическим состоянием — чувством приниженности и отчужденности членов низкостатусных групп.

В дальневосточном обществе, которому до проникновения христианских миссионеров была присуща религиозная толерантность, религиозная принадлежность не порождала неполноправного

состояния. Зато там достаточно четко обозначились правовые отличия между простолюдинами и *цзяньминь*: представители низких статусных групп не допускались к экзаменам на ученое звание и не могли занять чиновничью должность, хотя и служили в канцеляриях в качестве обслуживающего персонала — рассыльных, сторожей, даже сборщиков налогов. Если низкостатусный китаец менял профессию и тем самым попадал в списки одной из статусных групп простолюдинов (т.е. земледельцев, ремесленников, торговцев), то запрет на участие в экзаменах, покупку должности или ученого звания все-таки еще распространялся на его потомков в двух поколениях (сыновою и внуков). В Сиаме низкостатусное зависимое население оказывалось вне распространенной на все остальное население ранговой системы. В Индии их отделяли кастовые границы. В Магрибе они оказывались вне системы местного племенного самоуправления.

Внутренняя организация низкостатусного населения в феодально-бюрократических и патриархальных государствах не была единообразной. Городское низкостатусное население в большинстве стран Востока имело свою цеховую и нередко квартальную организацию. Большинство османских *зимми* объединялось в *миллеты*, располагавшие достаточно широким правом самоуправления. В племенах Марокко и Омана существовал обычай принимать некоторые группы низкостатусных в состав племени, сохраняя их приниженное положение. Иными словами, социальная организация низкостатусных мало отличалась от организации простолюдинов. В феодально-бюрократических государствах можно констатировать постепенное размывание границ между полноправным и низкостатусным населением. Это происходило законодательным путем (перевод арендаторов в категорию *нун* в Китае, освобождение казенных *ноби* в Корее) или *de facto* (в Османской империи христиане разных конфессий и евреи благодаря своему богатству и связям с европейцами стали играть немаловажную, хотя и закулисную роль в государственном управлении).

Средняя страта — простолюдины (*лянминь* в Китае, *янминь* в Корее, *райа* в Османской империи, *синьета* в Бирме) считались в мусульманском обществе полноправными, а на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии — свободными. Подавляющее большинство из них владело землей, а вне юго-восточноазиатского земледельческого общества помимо земли — ремесленной профессией и орудиями труда или торговым капиталом. Все они были тягловыми, т.е. обло-

41

женными разного рода повинностями, и, по тюркским понятиям, составляли «казну» государства, а согласно арабской общественно-политической мысли, были теми, кто добывал пропитание своим трудом, в отличие от должностных лиц, улемов и других, получавших свой достаток из чужих рук.

В состав полноправных (свободных) в патриархальных и феодально-бюрократических государствах входили и те, кто не нес тягла, поскольку утерял свой общинный надел или еще не обрел мастерства в ремесленной профессии, будучи арендатором или поденщиком, учеником или несамостоятельно работающим подмастерьем. Отношения эксплуатации внутри этой страты имели чаще всего патриархальный характер и уподоблялись взаимоотношениям старших и младших в семье, наставника и ученика в процессе обучения (не случайно цеховой мастер в арабском мире именовался «учителем» — *муаллимом*).

Весь этот слой, представлявший (за редким исключением) большинство населения восточных государств, не был единым, он распадался на множество статусных групп. В основе деления лежали разные виды трудовой деятельности — земледелие, ремесло, торговля. Лица, занятые этими видами деятельности, были записаны в разные кадастры, и налоги с них исчислялись по-разному. Но и среди них могли существовать свои деления по видам повинностей (*прай луанг*, *прай суэй*, *прай сом* — в Сиаме; *ахмуданы*, *ламайны*, *ати* — в Бирме; *рай-аты* и *гиш* — в Марокко и др.). На периферии патриархальных государств население подчас было обязано платить дань в пользу не государства, но местных владетельных родов или племенных вождей, отличаясь тем самым от податных. Статусные социально-правовые группы могли формироваться и по этнорелигиозному и судебно-правовому принципам и занимать подчас положение, промежуточное между стратами: например, *сейиды* в мусульманском мире, последователи разных религиозно-правовых школ в исламе (*мазхабов*) и т.п.

Хотя эти статусные группы характеризовались наличием известной корпоративной солидарности и располагали некоторыми правами самоуправления, однако именно родоплеменная организация, земледельческая община, городской квартал, ремесленный цех, купеческая гильдия были теми общностями, которые в патриархальных социумах пользовались относительно широким

самоуправлением, являвшимся важным механизмом саморегуляции общества, располагавшего слабой государственной централизацией. Однако при существовании неразвитой властной вертикали и распылении властных полномочий среди владетельных верхов в условиях господства натурального хозяйства и отсутствия эффективных средств связи система самоуправления усиливала социальную разобщенность.

В феодально-бюрократических государствах довольно жесткий административный контроль над тягловым населением и органами его самоуправления до известной степени уравнивал правовое положение различных категорий налогоплательщиков. Их сближению способствовали развитие товарно-денежных отношений и социально-политические процессы, связанные с включением этих стран в международные экономические и политические контакты (см. гл. 1 части II), а также расцвет городской простонародной культуры. Таким образом внутренне разрозненное сословно-статусное общество эволюционировало в более консолидированное сословное. Правовое оформление этот процесс нашел лишь в Японии в ходе Реставрации Мэйдзи, когда три простонародные статусные груп-

42

пы (но — крестьяне, *ко* — ремесленники, *сё* — торговцы) законодательно были объединены в одно сословие — *хэймин*, уравненное перед законом с двумя другими сословиями — *кадзоку* (придворная аристократия и военная знать) и *сидзо-ку* (служилое военное дворянство). Верхняя страта в патриархальных и феодально-бюрократических государствах в основном представляла правящий слой общества, отмеченный рядом привилегий, из которых особенно существенными были частичное или полное освобождение от налогов и трудовых повинностей, а также судебные и пенитенциарные послабления. Ядро правящего слоя составляли должностные лица государственного аппарата. Признание властных полномочий этого слоя нашло подтверждение в общественно-политических представлениях. Так, согласно конфуцианской мысли, общество делилось на тех, кто занимаются умственным трудом и управляют, и тех, кто заняты трудом физическим и являются управляемыми. Аналогичным образом членилось общество в политико-правовых представлениях мусульманского мира, согласно которым «люди меча» и «люди пера» выделялись из остального населения, именуемого *райа* — пасомые, ведомые (исходное значение *райа* — пасти стадо). При этом в число *райа* попадали богатейшие люди государства — мусульманские купцы, откупщики таможен, еврейские и христианские ростовщики-банкиры, а также сановная религиозная немусульманская «бюрократия» — патриархи, экзархи, главные раввины и их окружение, кого османские власти, несмотря на почитание со стороны единоверцев, могли подвергнуть любым наказаниям и позорной казни. В верхнюю страту помимо чиновничества входили и некоторые категории отмеченного привилегиями населения. Прежде всего это были семья и родственники правителя; они полагали, что имеют общие с правителем права на управление населением благодаря происхождению от общего родоначальника; от семьи властителя зависело продолжение его рода, из ее членов назначались, нередко по его капризу или благосклонному повороту судьбы, престолонаследники. Все они претендовали на высшие должности в государственном аппарате и нередко их занимали. Кроме того, благодаря родству с правителем они притязали на соответствующие их положению образ жизни и доходы (иногда и на трон, будучи опасными соперниками монарху). Обычно члены семьи и ближайшие родственники главы государства имели право на отчисления из государственной казны. Кроме того, они пользовались доходами с обширных земельных пожалований, которые, как правило, не переходили в их владение, оставаясь в категории казенных земель.

Размеры этой статусной группы были различными. Ограниченный гаремом и ближайшими родственниками в Османской империи, этот круг был шире в племенных династиях Средней Азии, Афганистана и Ирана. На Дальнем же Востоке и в Юго-Восточной Азии он мог насчитывать многие тысячи человек (до 40 тыс. при династии Мин в Китае), и тогда многочисленный род монарха членился по степеням родства и соотносившимся с ними рангам знатности на несколько групп, располагавших различными правами и привилегиями. Так, в Камбодже родственники *сдатя* до пятого колена, насчитывавшие несколько сот человек, составляли социально-правовую группу *преах вонгса'*, они жили в столице за счет раздач из дворца и претендовали на высшие должности, обладание которыми

43

приносило доходы с должностных полей. Тысячи родственников более дальних степеней — *преах вонг* — жили в провинции на доходы со своих земель, но, занимая посты в столичном аппарате

управления, получали и доход с казенных полей. В Сиаме родственники правителя имели высокие ранги по системе *сак-тина* и получали от казны соответственно своему рангу положенные довольствие и обслуживавший персонал из числа *прай сом*. В Бирме родственники *минджи*, обладатели титулов знатности, были обязаны проживать в столице под бдительным оком монарха и могли рассчитывать на высшие должности и доходы от земельных пожалований. В Китае существовала система двенадцати рангов шаткости, соответствовавшая степеням родства с императором. Эти ранги до известной степени соотносились с рангами должностными, на которые и могли претендовать носители рангов знатности.

К верхней страте относились также и знатные семьи, не связанные узами родства с домом правителя. Они обладали титулами (мусульманские государства, Бирма) или рангами знатности (Китай, Сиам), обычно более низкими, чем у ближайших родственников властителя. Эта знать происходила из числа тех, кто оказал особые услуги трону (преимущественно в государствах феодально-бюрократических), или из владетельных родов (в государствах Юго-Восточной Азии). Они, как и родственники монарха, имели преимущественное право на занятие высоких должностных постов (в Китае, по-видимому, после успешной сдачи эк-чаменов на ученую степень).

Эти два аристократических социальных слоя — родственники монарха и знать — передавали свой привилегированный статус по наследству, хотя и с понижением ранга знатности в следующем поколении.

Наконец, существовала большая социальная группа, состоявшая из тех, кто имел право на занятие должностного поста благодаря своему образованию, «тени» своего сановного отца, наследственному статусу *самурая* (Япония) или *янбана* (Корея), но должностью не обладал, подобно тем, кто уже был на пенсии, или дожидался очередного назначения, или, имея ученую степень, не располагал должностным рангом (Китай). К этой категории лиц, принадлежавших к правящему слою и располагавших привилегиями, относились и те, кто был причастен к подготовке чиновников через систему образования, — все они так или иначе составляли кадры аппарата государственного управления и были проводниками влияния государственной власти на народ. Все они соответственно своему месту в сложной внутривластной иерархии вели особый образ жизни (строго ранжированный государственной властью) и отличались своим внешним обликом и поведением от простонародья, подтверждая тем самым высокий статус правящего слоя. В своей массе они стремились к неизблемости тех устоев, которые создавали им привилегированное положение.

В этом неоднородном по своему составу слое, нередко именовавшемся одним понятием (*аскери* в Османской империи, *шэньши* в Китае, *самураи* в Японии), происходила социально-правовая дифференциация и становление сословных общностей. Формообразующую роль в этих процессах играло государство: в отношении Османской империи и Японии можно говорить о становлении военно-бюрократической сословной группы, в Китае — бюрократической (*шэньши*) и поенной («знаменные»). Вместе с тем тесное сплетение светской и религиозной

44

власти в мусульманском традиционном мире (в религиозной догматической мысли эта переплетенность определяется как неразделенность) придало особое функциональное значение «духовенству» (*улама*), представлявшему отдельную сословно-статусную группу. Между тем в Китае и Японии внутри правящего слоя отчетливо выделился слой аристократической знати. Всем этим формировавшимся в сословия социально-правовым группам и предстояло сыграть собственную роль в политических процессах XIX в.

Следует иметь в виду, что в сознании большинства населения, расчлененного на множество сословно-статусных групп и подвластного авторитарному правителю (китайский философ-просветитель Лян Цичао (1873-1929) сравнивал подобное общество с «блюдом разрозненных песчинок»), отсутствовала социально-политическая самоидентификация в рамках государства. Представление о государственном подданстве, как и само это понятие, возникло в странах Востока лишь в XIX в.¹

Во французском языке понятие *сujet* (подвластный, подданный) возникло в XII в., означая «подданного короля». Оно содержало оттенок отношений сюзерена и вассала. В XV в. оно стало употребляться как понятие «подданный французской короны» и лишь в сочинениях энциклопедистов эпохи Просвещения четко обрело смысл «подданный государства». По мнению российских историков, понятие «подданный» в России получило распространение в правление Екатерины II.

Глава 2

КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Период колониализма охватывает время с начала XVI до середины XX в. В этот период Запад получает преобладание над Востоком и в той или иной форме подчиняет себе страны Азии и Африки. Наибольшего расширения колониальная система достигает в первые два десятилетия XX в. Тогда возникло убеждение, что весь мир будет поделен между великими державами, а затем будут происходить лишь его переделы. Однако этого не произошло. Колониальная система вскоре начала распадаться. Серьезный удар по ней был нанесен еще во второй половине XIX в. революцией Мэйдзи в Японии. После Первой мировой войны стали реально независимы Турция (Кемалистская революция), Иран (приход Реза-шаха к власти), Китай (установление власти Гоминьдана). Получили самоуправление Сирия, Ливан, Ирак. Окончательно рухнула колониальная система после Второй мировой войны. Условной датой распада системы можно считать 1960 год — «Год Африки», после чего остались лишь анклав колониализма. Рассматриваемый в данном томе период можно назвать периодом наивысшего развития колониализма.

В отечественной литературе принято выделять **три периода** колониальной экспансии:

- 1) «торговый колониализм» с начала XVI до середины XVIII в., характеризующийся погоней за «колониальными» товарами для вывоза в Европу;
- 2) «колониализм эпохи промышленного капитала», или «колониализм периода первого этапа промышленного переворота», или «период эксплуатации методами промышленного капитала», — вторая половина XVIII — конец XIX в., когда основным методом эксплуатации колоний и всего неевропейского мира стал вывоз европейских товаров в эти страны;
- 3) «колониализм эпохи империализма», или «колониализм периода монополистического капитала», или «колониализм периода второго этапа промышленного переворота», когда к прежним методам использования ресурсов зависимых стран добавился еще один — вывоз туда европейского капитала, рост инвестиций, приведший к промышленному развитию неевропейских стран.

Особенности проникновения европейских держав на рынки Азии в первый период колониализма освещены в предыдущем томе нашей серии¹. В данном томе следует дать обобщенное представление о втором периоде и о первом этапе третьего.

¹ История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. М, 1999, гл. 3. 46

ПЕРВЫЙ ЭТАП

ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЕВРОПЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ ВОСТОКА

Второй период колониализма, как уже сказано, связан с промышленным переворотом, т.е. с появлением в Европе, прежде всего в Англии, механизированной промышленности. Две основные черты отличают его от предыдущего:

- переход к широким территориальным захватам;
- стремление освоить страны Азии в качестве рынков сбыта европейских товаров и источников промышленного сырья.

Эти два направления политики связаны друг с другом, хотя и не жестко. Территориальные владения, подчинение населения — наиболее логичные способы обеспечить доступ на соответствующие рынки. Но борьба за территории началась с середины XVIII в., когда не произошла промышленная революция даже в Англии, когда в распоряжении европейцев еще не было товаров, которые могли бы пробиться на азиатские рынки. Тогда территории были нужны главным образом для получения внеэкономическими методами (налоги) средств, необходимых для сохранения прежнего характера торговли с Востоком (вывоза товаров оттуда).

Судьба будущих колоний решалась в основном не в войнах с местными государствами, а в ходе соперничества между европейскими державами. Судьба Индии, например, решилась в войнах между Нидерландской и Английской Ост-Индскими компаниями, а затем — в войнах последней с Францией. Судьба Индонезии и ряда других территорий также определилась в ходе англо-голландских войн 1652-1654, 1665-1667 и 1672-1674 гг. Они привели к почти полному вытеснению голландцев из Индии, но оставили им свободу действий в Индонезии. В ходе наполеоновских войн англичане захватили у голландцев Цейлон (1796 г.), Капскую колонию (1798 г.), Яву (1811 г.), которую потом вернули.

Наиболее значимые этапы англо-французской борьбы — война за австрийское наследство (1740-1748) и Семилетняя война (1756-1763). В ходе последней Англия сломила сопротивление Франции

и стала единственным серьезным претендентом на завоевание Индии. В ходе той же войны она сумела подчинить Бенгалию (1757, 1764 гг.) и обрести господство над Персидским заливом. Затем пришло время войн с индийскими государствами. В результате четырех войн (1767-1769, 1780-1784, 1790-1792, 1799гг.) Компании удалось разгромить Майсур — наиболее сильного противника в Южной Индии. Три войны потребовалось, чтобы уничтожить Маратхскую конфедерацию (1775-1782, 1803-1805, 1817-1819 гг.), которая до этого доминировала в Центральной и Северной Индии.

В первой половине XIX в. англичане завершили завоевание Индии, присоединив Ассам (1826 г.), Синд (1843 г.), Пенджаб (1845, 1849 гг.). Были сделаны попытки расширить владения, выйдя за пределы Индии: удачная в отношении Бирмы (войны 1824-1826, 1852-1853 и 1885 гг.) и неудачная в отношении Афганистана (1838-1842, 1878-1880, 1919гг.).

Начали создаваться и другие колониальные империи. Голландия постепенно подчинила почти все острова Индонезии, которая стала с тех пор называться Ни-

47

дерландской Ост-Индией. Франция в 1830 г. захватила Алжир, положив начало колониальному разделу Африки.

Завоевания совершались не столько руками европейцев, сколько при помощи местных жителей, которых колонизаторы нанимали, вооружали, обучали европейским методам ведения боевых действий и бросали против армий местных владетелей. Ряд восточных государств были при этом уничтожены, другие попали в полную зависимость от колонизаторов. Наконец, третьи, хотя и терпели поражения и постепенно попадали в так называемую полуколониальную зависимость, сохранили суверенитет и некоторые возможности самостоятельного развития.

Территориальные захваты привели к резкому увеличению доходов колониальных режимов от сбора налогов и пошлин, которые стали превышать расходы на управление. Колонии давали средства для новых военных операций и позволяли получать «колониальную дань» не только отдельным купцам, но и всей метрополии.

Наиболее существенной чертой мировой экономики XIX в. стало резкое **расширение внешней торговли и изменение ее баланса**. Первый этап промышленного переворота заключался в возникновении фабрик, машинной промышленности, сначала только легкой, прежде всего текстильной. Но это серьезно изменило соотношение экономического потенциала метрополий и колоний. Метрополии получили возможность предложить населению зависимых от них стран свои товары.

В этот же период европейские капиталисты поняли, что они могут «завоевывать» страны без военных экспедиций, только своими товарами, извлекать из них прибыль, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь. Для этого достаточно было навязать стране договор, который освобождал европейские товары от пошлин, давал европейским бизнесменам в восточной стране право неподсудности местным судам.

Так возникло состояние, которое иногда называется «полуколониальной зависимостью». В нее попали Османская империя и Иран, после «опиумных» войн — Китай, а с 1853 г. — Япония. Впрочем, последней удалось вскоре от зависимости освободиться и даже принять участие в разделе мира между державами уже в конце XIX в.

Мировая торговля в XIX в. сделала невиданный ранее скачок. Если за XVIII в. внешнеторговый оборот Англии вырос в 5 раз, то в течение XIX в. — в 15 раз, Франции — в 21 раз, США — в 14 раз. Возросла роль внешней торговли и для многих стран Азии. Объем внешней торговли Индии, Цейлона, Филиппин вырос в 7,4-7,5 раза, Сиам — в 5,9, Малайи — в 5,2, Китая — в 3,6 раза.

Внешнеэкономические связи Азии со странами Запада стали превалировать над объемами внутриазиатской торговли. Доля стран Европы и США в импорте Индии превысила 80%. В Иране только на Россию приходилось более 50% импорта. Экспорт в Европу составлял в Индии 60% вывоза, на Цейлоне — 80%, в Китае — 71%. Иранский экспорт на 70% направлялся в Россию. Основная часть прироста внешней торговли приходится, конечно, на вторую половину века, после открытия Суэцкого канала (1869 г.) и широкого применения пароходов.

48

Основную долю в европейском экспорте занимали продукты текстильной промышленности — **ткани и пряжа**. Широко известны данные о стремительном росте импорта английских тканей в Индию: 1 млн. ярдов в 1824г. и 2,2 млрд. ярдов в 1890 г. Еще более впечатляет импорт пряжи: с 1818 по 1836 г. он вырос в 5200 раз. Правда, потом его рост замедлился.

Сравнительно небольшой процент во ввозе в страны Востока занимали **оборудование и машины**. В импорте Индии они составляли 8-10%, но важно отметить, что процент не снижался, в то время

как объем внешней торговли рос стремительно. А это значит, что и объем ввоза оборудования рос быстрыми темпами. В Индонезии доля оборудования в импорте росла в течение конца XIX — начала XX в. и составила к 1913 г. 7,5%. В то же время в импорте Ирана до 1914 г. ввоз оборудования практически отсутствовал, а в Китае он начался лишь с середины 1890-х годов и достиг к 1914 г. только 3%.

Это обстоятельство имеет отношение и к вопросу, который будет рассмотрен ниже, — к проблеме вывоза капитала и процессу индустриализации. Из приведенных цифр видно, что он начался уже во второй половине XIX в., и именно в колониях, а не в независимых странах.

Переориентация внешней торговли повлияла еще на один процесс — специализацию среди самих восточных стран. Развитие плантационного хозяйства на Цейлоне, в Индонезии и ряде других стран сделало хозяйства этих стран более специализированными, их экспорт стал более ограниченным по номенклатуре. В Египте стали заниматься выращиванием и экспортом хлопка. На Филиппинах более 90% вывозимых товаров состояло из четырех товаров — манильской пеньки, сахара, табака, кофе, а позже — только из трех (выпал кофе). Индонезия на $\frac{2}{3}$ специализировалась на сахаре и кофе, Малайя — на олове (29%) и каучуке (20%).

Вся экономика Цейлона была ориентирована на внешнюю торговлю. До 1880-х годов колония специализировалась на кофе (65% экспорта), а затем на чае (55%) и натуральном каучуке (26%). Первоначально бурное развитие получило производство кофе — на частных плантациях. В 1877 г. был собран максимальный урожай кофе. Однако еще с 1868 г. на острове стало распространяться вирусное заболевание кофейных деревьев, которое в конце концов погубило эту отрасль. Кофе как главную экспортную культуру во второй половине XIX в. заменили хинное дерево, чай, шоколадное дерево, гевея. (Кокос также играл важную роль, но его производство не требовало внимания властей. Кокосовые пальмы в основном росли на небольших участках крестьян.) Особое развитие получило производство чая. Возникла чайная промышленность, в которой шел процесс концентрации капитала. В 1910 г. доля трех экспортных культур — чая, каучука и кокосов — составляла 88,6% экспорта. Однако такая специализация сельского хозяйства приводила к нехватке зерна. С 1885 г. импорт риса на Цейлон превысил его производство на острове. В 1893 г. сложилось настолько тревожное положение со снабжением населения продовольствием, что был отменен земельный налог на зерновые культуры.

Более крупные страны не дают такого резкого сокращения номенклатуры, но тоже значительно изменяют состав своего экспорта. В Индии резко падает вывоз тканей, индиго, опиума, возрастает экспорт пшеницы и риса, джута, хлопка, чая. Китай тоже переживает спады и подъемы в экспорте разных товаров.

49

Распространение производства технических и непродовольственных культур в одних странах вызвало необходимость развития производства и торговли рисом в других. Англичане превратили низовье Иравади в Бирме в рисоводческий район, который снабжал рисом Цейлон и другие страны. То же сделали французы в Южном Индокитае. Рис из Кохинхины вывозился главным образом в Китай. Стал втягиваться в торговлю рисом и Сиам.

Овладение рынками стран Востока происходило не просто в процессе экономической конкуренции дешевых фабричных товаров с дорогими кустарными, но требовало также административных и военных усилий. Китайский рынок был открыт, например, в ходе трех «опиумных» войн. Европейские державы были готовы вести подобные же войны со всеми странами, которые пытались защитить свой рынок. Совет директоров Английской Ост-Индской компании уже в 1769 г. стал настаивать, чтобы в Индии сокращалось производство шелковых тканей и рос вывоз шелка-сырца. Было насильственно задушено судостроение, которое развивалось в Калькутте и Бомбее в 1795-1798 гг. Были установлены экспортные пошлины на индийские ткани, которые затрудняли их сбыт: 10% — на хлопчатобумажные, 20% — на шелковые, 30% — на шерстяные. Импортные пошлины, напротив, поддерживались на очень низком уровне. После сипайского восстания они были временно повышены, но в 1862-1864 гг. вновь снижены. В то время Англия была не намерена защищать внутренний рынок Индии. Колонизаторы прилагали также большие усилия, чтобы ликвидировать внутренние таможенные барьеры, сохранявшиеся в подчиненных им странах. Стремление «расчистить» внутренний рынок для проникновения английских товаров лежало, в частности, в основе политики генерал-губернатора Индии Д.Э.Даль-хузи (1848-1856) по аннексии вассальных княжеств. Эта политика, создававшая чувство неуверенности в завтрашнем дне у многочисленных князей, оказалась опасной для британской власти. Многие князья поддержали синайское восстание и даже сделали

его руководителями именно вследствие проводившейся перед восстанием политики аннексий. Задача освоения внутреннего рынка требовала и создания инфраструктуры, в частности строительства дорог. Железнодорожное строительство в Индии, развернувшееся в середине XIX в., имело прежде всего стратегическое значение, а также должно было способствовать вывозу сырья и проникновению английских товаров во внутренние районы. В 1853 г. была открыта первая железнодорожная ветка от Бомбея до Тханы, в 1854 г. — вторая линия, от Калькутты до каменноугольного бассейна Ранигандж. К 1905 г. было построено 6 тыс. миль железных дорог. К периоду независимости Индия была страной с наиболее густой сетью железных дорог за пределами Европы (65,2 тыс. км).

К концу 60-х годов была сооружена сеть телеграфной связи по всей Индии, и Индия получила телеграфное сообщение с метрополией, что резко повысило эффективность управления колонией из Лондона.

Переориентация торговли произошла быстро и во многом драматично. Но не следует и преувеличивать ее значение. Внешняя торговля все еще занимала весьма скромное место в экономике стран Востока. Если в Великобритании величина экспорта на душу населения составляла в 1900 г. 47 долларов, а импорта — 74, то в Индии те же данные на душу населения составляли 1,2 и 0,8 долл., а в Китае — 0,3 и 0,4 долл. соответственно¹.

Иногда эту переориентацию внешней торговли и связанные с ней изменения в структуре производства называют «превращением колониальных и зависимых стран в рынок сбыта и источник сырья» для стран-метрополий или «превращением их в аграрно-сырьевой придаток» европейской экономики. Эти формулировки содержат позитивную информацию, опираются на ряд фактов, некоторые из которых упомянуты выше. Но они содержат оттенок завершенности этого процесса и в этом смысле не совсем отвечают реальности. Наиболее наглядная схема, которая при этом имеется в виду, — это вывоз, скажем, индийского хлопка в Англию, превращение его там в ткани, ввоз этих тканей в Индию, вытеснение на индийском рынке местных кустарных тканей, закупка на вырученные от продажи деньги индийского хлопка — и повторение процесса. Между тем даже при всем желании и при полном содействии колониальных властей создание такой схемы было затруднено и даже невозможно.

Индийский хлопок производился в мелких хозяйствах, был плохого качества, низкого сорта (коротковолокнистый) и почти не использовался английскими фабрикантами, которые предпочитали хлопок из южных штатов Северной Америки, а позже и из Египта. Колониальные страны Азии не могли стать основным источником сырья для развитых государств. Не могли они стать и основным рынком сбыта. Таковым для английских товаров оставалась Америка — Южная и Центральная. Несмотря на то что английские ткани действительно вытесняли с местного рынка ткани кустарные, вытеснить их окончательно они не могли. По многим причинам, одну из них следует упомянуть специально, поскольку она имеет своим истоком тот же процесс роста европейского импорта. Речь идет об импорте пряжи. Дешевая фабричная английская пряжа покупалась индийскими ткачами, которые выделывали из нее ткани более дешевые и тем самым получали дополнительные возможности конкурировать с английскими производителями.

Период эксплуатации колоний и полукolonий промышленным капиталом характеризуется, в отличие от предыдущего, реальным выкачиванием средств из стран Востока благодаря активному внешнеторговому балансу европейских стран. Подсчитано, что колонизаторы «выкачивали» из колоний примерно 2% их ВВП. Однако вопрос о том, замедляло ли это капиталистическое развитие колоний, остается нерешенным. Чисто теоретически средства, уходившие в Европу, **могли бы** быть вложены в местную экономику. Но одновременно происходил процесс накопления капитала в колониях. Купцы восточных стран богатели и начинали вкладывать свои средства в промышленность. Европейцы эксплуатировали **не их**. Расплачивались за европейские товары рядовые потребители (крестьяне и ремесленники) и аристократия. Но средства и тех и других **не были капиталом**. Бесспорно, что наводнение рынков европейскими товарами приводило к упадку местной традиционной промышленности (ремесла), к аграризации эко-

¹ Приведенные выше цифровые данные взяты в основном из работы: Петров А.М. Внешнеэкономическое воздействие Запада на восточные общества в XIX — начале XX в. — Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. М, 1984, с. 93-106.

номики, дезурбанизации, т.е. сокращению городского населения. Это означало разрушение традиционного экономического строя, который уже давно не имел перспектив дальнейшего развития. Одновременно формировалась городская жизнь современного типа в растущих портовых городах — как в колониях, так и в независимых государствах.

Разрушительные последствия частичного захвата европейским капиталом внешней торговли Азии и внутренней торговли многих стран сказывались не только в колониях, и даже не столько в колониях,

сколько в полуколониях, или зависимых странах. На протяжении всего XIX в. европейские державы заключали торговые договоры с независимыми странами Востока — Османской империей, Ираном, Китаем, а в 1853 г. — и с Японией. В результате суверенитет этих стран был ограничен, они попадали в так называемую полуколониальную зависимость. В понятие «полуколониальное положение» включаются: 1) установление низких пошлин на импорт иностранных товаров; 2) передача таможен под управление европейцев; 3) экстерриториальность европейских анклавов на территориях независимых государств; 4) неподсудность европейцев местным судам на всей территории государства. Но не всякие торговые договоры восточных государств с европейскими были неравноправными. Именованье этих договоров «капитуляциями» не должно вводить в заблуждение. Они назывались так только потому, что состояли из статей («капитулов»). Указы турецкого султана, регламентировавшие положение отдельных провинций империи, тоже назывались «капитуляциями», хотя ни о какой капитуляции султана перед своими подданными не могло быть речи. Первый договор, дававший иностранным купцам привилегии (низкие пошлины, право экстерриториальности, освобождение от налогов), был заключен Османской империей с Францией в 1569 г. и не предусматривал никакого подчинения европейской державе. В это время Франция видела в Османах союзника против Священной Римской империи. В 1535 г. был заключен договор двух держав о совместных военных действиях против Габсбургов, и турецкие рейдеры получили базу в Тулоне.

Договоры-капитуляции рассматривались как «милость» султана и должны были возобновляться с восшествием на престол нового султана, буде он этого пожелает. Лишь после заключения Белградского (1739 г.) и Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) договоров о мире султаны потеряли право подтверждать или отменять капитуляции при вступлении на престол. Но и это еще нельзя назвать установлением неравноправного положения государства. Договоры с Османами тем самым были лишь введены в режим международного права, которое исходит из того, что международные договоры должны выполняться вне зависимости от смены власти в государстве.

Степень освоения европейским капиталом восточных рынков зависела не от формы подчинения тех или иных стран, а от иных факторов — прежде всего, наверное, от элементарной географической близости или отдаленности стран и их рынков от Европы. Так, за XIX в. стоимость европейского импорта хлопчатобумажных товаров (включая пряжу) в Османскую империю выросла более чем в 100 раз, а в расчете на душу населения — более чем в 50 раз. Удельный вес импорта в местном потреблении увеличился с 4-5% до 80%. Происходило разорение

52

местного мануфактурного и ремесленного производства. Только через 100 лет после открытия рынков для европейских товаров стала зарождаться местная фабричная промышленность. Проникновению иностранного капитала на рынки независимых стран Востока сначала в виде товаров, а затем и в виде промышленного капитала способствовала **сознательная политика местных властей**. Экономические концепции, господствовавшие в этих странах, были довольно экзотическими, с нашей нынешней точки зрения. Считалось, что главная задача экономической политики — обеспечение рынка товарами и всемерное снижение цен. Задача поддержания или развития местного производства не ставилась. Интересы иностранного капитала и интересы правящей верхушки этих стран совпадали. Османские власти сами способствовали заключению договоров, которые мы сейчас называем неравноправными. Возникавший местный капитал должен был бороться не только с иностранной конкуренцией, но и с властями своей страны, выступавшими в качестве вольных или невольных пособников иностранцев. Османские власти во многом по собственной инициативе разрушили ремесленное производство в своей стране. Иранский шах воспринимался иранской общественностью как продавшийся иностранцам. Китайский император в конце XIX в. тоже рассматривался как агент иностранных держав, так что, скажем, предложение о национализации одной из железных дорог было воспринято как сдача ее иностранному капиталу и вызвало возмущение в Китае. В Японии движение за свержение *сегуна* и реставрацию императорской власти одним из своих лозунгов имело предотвращение закабаления Японии иностранцами, к чему вела, по мнению оппозиции, политика правительства *сегуна*. Результатом рассматриваемого периода стало также развитие легкой фабричной промышленности в странах Европы, прежде всего в Англии. Здесь нужно сделать три замечания. Во-первых, не следует примитивизировать процесс индустриализации Европы. Английская промышленность развилась не на капиталы, вывезенные из колоний, в частности из Индии. Из Индии в Великобританию поступало некоторое количество **денег**. Часть из них можно назвать **торговым капиталом**, но он редко становился **промышленным**. *Набобы* (так в Англии называли разбогатевших в Индии соотечественников) тратили свои деньги на покупку замков, мест в парламенте, но не вкладывали их в производство. Английский крупный капитал того времени был торговым и банковским. Он относился к вложениям в промышленность как к делу рискованному и

малодоходному. Конторские книги возникших в конце XVIII в. фабрик показывают, что первые промышленники Англии не получали банковских кредитов, им приходилось ограничиваться собственными накоплениями.

Во-вторых, большую роль в индустриализации Европы колонии сыграли совершенно в ином качестве — как резервуары, поглощавшие избыточное население. Как известно, капитализм развивается циклично. Промышленное развитие приводит к миграции населения в города и промышленные центры. Механизация труда приводит к кризисам перепроизводства и к массовым увольнением рабочих с производств. Европа получила возможность в периоды таких кризисов «сбрасывать» лишнее население в колонии. (Правда, в данном случае имеются в

53

виду прежде всего переселенческие колонии вроде Австралии или Канады.) Новый подъем промышленного производства вызывал новый приток рабочих рук из села и необходимость дальнейшей механизации. Все это вело к более быстрой, чем если бы колоний не было, урбанизации и индустриализации европейских стран в самом широком значении этого слова. В-третьих, на первом этапе промышленного переворота, когда в Европе начала бурно развиваться легкая промышленность, ввоз продовольствия и сырья из неевропейских стран помог сгладить диспропорции в европейской экономике, вызванные отставанием сельского хозяйства от нужд экономики в целом. Затем появление избытка капиталов стало приводить к кризисам перепроизводства. И на этом этапе колонии и неевропейские государства помогли Европе притупить остроту кризиса — сбросить лишние капиталы. Это позволило европейским странам пройти вторую технологическую революцию, преодолеть диспропорции на рынке труда, разрывы в производительности между отраслями, перейти к новой ступени капитализма. Но это уже ситуация следующего этапа колониализма, о котором мы поговорим ниже.

Выигрывали и страны, не являвшиеся метрополиями. Активное сальдо внешней торговли с колониями и полуколониями позволяло метрополиям иметь пассивное сальдо в торговле с другими европейскими странами, закупая там полуфабрикаты и готовые изделия. Так что колониальная система оздоравливала и поддерживала европейскую экономическую систему в целом. Так, например, Англия в 1870-1913 гг. имела положительное сальдо в торговле с неевропейскими странами в 5 млрд. ф. ст. и такое же отрицательное сальдо в торговле с европейскими странами.

Период торгово-промышленной экспансии европейских стран был временем наиболее «революционного» колониализма. Рушилась традиционная экономическая система, подрывались привычные государственные и духовные устои. Накапливался значительный традиционалистский взрывчатый материал. В течение XIX в. произошло много массовых кровавых восстаний как в колониальных, так и в независимых странах, направленных либо прямо против колонизаторов, либо против местной элиты, погрязшей, по мнению восставших, в расточительности, распущенности и прочих грехах. О них будет рассказано в страновых главах.

Этот же период отмечен новыми явлениями в духовной сфере. Появляются реформаторские течения в общественной мысли стран Востока, в том числе в религиозной мысли, начинают проводиться модернизаторские реформы на государственном уровне. Этим вопросам будут посвящены отдельные главы.

Во многих странах Востока началось **первоначальное накопление капитала**. Как уже говорилось, абсолютная выкачка средств из экономики восточных стран в Европу не означала, что на Востоке все абсолютно беднели. Напротив, местный торговый капитал принял самое активное участие в развернувшейся торговле. Собственно, без его участия европейцам не удалось бы так перестроить всю торговлю на берегах Индийского и Тихого океанов, как это было показано выше. И на этой торговле создались те огромные по меркам Востока капиталы, которые были направлены в промышленность.

Может быть, в наибольшей степени выиграли индийские купцы. Парадоксально, но англичане, стремясь «открыть» Китай и проведя для этого три войны,

54

так называемые опиумные, старались в основном не для своих купцов, а для индийских. Именно индийские купцы держали в руках вывоз опиума из Индии, и они воспользовались рынком Китая, открытым для них англичанами, чтобы сколотить состояния. На торговле опиумом с Китаем составил состояние Джам-шетджи Нашурван Тата, основатель династии предпринимателей, которая и до сего дня занимает одно из первых мест среди индийских финансово-промышленных групп. С именем этой семьи связаны наиболее яркие страницы промышленного развития Индии в конце XIX — начале XX в. Вторым важнейшим товаром, хлынувшим на китайский рынок после его «открытия», была

хлопчатобумажная пряжа. Но это была главным образом индийская пряжа, выработанная на возникших прядильных фабриках в Бомбее, Нагпуре, Ахмадабаде и других городах. Открывая китайский рынок, англичане меньше всего думали об интересах индийского капитала, тем более они никак не предполагали, что в итоге разовьется индийская **национальная промышленность**. Однако результаты были именно такими.

ВТОРОЙ ЭТАП

ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЕВРОПЕ И СТРАНЫ ВОСТОКА

Третий период колониализма (конец XIX — начало XX в.) ознаменовался еще более безудержными захватами новых территорий, попытками разделить между европейскими державами все неевропейские народы и территории. Его называют иногда «периодом империализма». Это определение имеет смысл, если под империализмом понимать захватническую политику, но не вкладывать в него представление о «последней стадии капитализма».

Именно во второй половине XIX и начале XX в. стремление к овладению территориями приобрело маниакальный характер. Мало-мальски уважающей себя европейской стране стало «неприлично» не иметь колоний. Начался раздел Африки, до того не привлекавшей особого внимания, поскольку климатические условия там были таковы, что европейцы гибли массами от болезней. На карте Африки нашлось место для колоний Германии и даже Бельгии, а потом и Италии, наконец обзавелись обширной колониальной империей и французы.

Те же французы нашли себе еще кусочек суши, который можно было прибрать к рукам, — восточный Индокитай. Продолжалось расширение Британской и Российской империй, причем расширение их границ, кажется, происходило по принципу соревнования — кто захватит большие пространства в Центральной Азии. Каждая из держав боялась, что их захватит другая, и торопилась «проникнуть» повсюду, отбросив соображения целесообразности. В деятельности колонизаторов в этот период проглядывают симптомы иррациональности, преследования фантомных целей «имперского величия», никчемной борьбы самолюбий.

Колониальные державы стремились разделить на «сферы влияния» и те страны, которые сохраняли некоторую независимость. Англия и Франция заключили соглашение о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Азии в 1896 г. В 1907 г.

55

были заключены три соглашения, казалось ставившие крест на дальнейшем существовании многих стран. Японо-русское соглашение (30 июля) делило на сферы влияния Маньчжурию. Франко-японское (10 июня) определяло сферы влияния этих держав в Восточной Азии. Англо-русское соглашение (31 августа) разделяло на сферы влияния Иран, отдавало Афганистан в «сферу влияния» Англии, причем обе державы обязались не прибирать к рукам Тибет. Казалось, что независимых государств в Азии скоро не останется.

Отличительной чертой экономики третьего периода колониализма можно назвать **вывоз капитала** из метрополий в колонии и зависимые страны. Это явление отражало новый этап в развитии европейского капитализма — интернационализацию капитала. Это было вызвано начавшимся **вторым этапом промышленной революции**, когда процесс механизации коснулся не только легкой промышленности, но и тяжелой, а также сельского хозяйства. Легкая промышленность в Европе потеряла преимущества, которые она имела ранее, прибыли текстильных фабрикантов снизились, и капитал, занятый в этой сфере, «побежал» туда, где можно было сократить издержки за счет приближения к источникам сырья и экономии на стоимости рабочей силы. Суммарные зарубежные инвестиции с 1870-х годов до 1914 г. выросли с 6 до 44 млрд. долл., т.е. в 7 раз, но доля этих инвестиций в колониальные и зависимые страны за этот период выросла в 15 раз².

Вывоз капитала первоначально имел целью создание инфраструктуры для увеличения ввоза и вывоза товаров: строительство портов, железных дорог, каналов (прежде всего Суэцкого), улучшение связи.

Второе направление — расширение производства доходных продовольственных и технических культур (плантации) и создание промышленности для их переработки — джутовой, чайной и т.п.

Но эти же направления экспорта капитала способствовали появлению таких отраслей, которые для экспорта товаров метрополий были вовсе не нужны или даже вредны.

Капитал, накопленный к тому времени на Востоке, воспользовался «бегством» текстильной промышленности из развитых стран и создал свою текстильную промышленность. И в данном случае, как и в ряде других, капитал колоний имел преимущества перед капиталом независимых стран. Так, в Индии в 1914 г. было уже 260 текстильных фабрик с 6 млн. веретен и 100 000 ткацких станков. В Китае в том же году было 8 фабрик с 339 тыс. веретен и 2000 станков. Протяженность железных дорог в Индии в 1911—1913 гг. составляла 26,2 тыс. миль, в Китае — 6 тыс. миль.

Местный капитал обычно начинал как **компрадорский**, т.е. встроенный в оборот иностранного капитала, обслуживающий нужды последнего, и лишь затем переливался в промышленность, конкурирующую с импортом. В литературе закрепилась абсолютизация различий между этими двумя

частями капитала (буржуазного класса) при отчетливо негативном отношении к компрадорам. Их считали агентами иностранного капитала, имеющими общие с ним интересы, враждебно настроенными к национально-освободительному движению и т.п. При этом грань между двумя группами капиталистов была довольно размытой. Одно-

² Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма: Запад и Восток. М., 1998.

56

го и того же предпринимателя можно было отнести как к одной, так и к другой группе. Кроме того, противоречия между капиталистами есть всегда, даже между соотечественниками. «Компрадоры» внесли значительный вклад в экономическое развитие своих стран, а также в их духовное возрождение

Политика колонизаторов в отношении местного капитала и промышленности была объективно противоречивой. Без местного капитала англичане не могли обойтись, как и без индийцев-чиновников и индийцев-солдат. Но они предпочли бы, чтобы этот капитал работал в сфере торговли. Местную промышленность они развивать не хотели. Однако открытие китайского рынка после «опиумных» войн поставило задачу занятия этого рынка другими товарами, помимо опиума. И англичане не стали противиться появлению индийских текстильных фабрик (первоначально прядильных) для производства пряжи для Китая. Это ирония истории, что первую фабрику на территории Индии основал не английский, а индийский предприниматель (в 1853 г. в Бомбее).

Вскоре появились и индийские ткацкие фабрики, и местное производство тканей стало теснить импорт уже в 1870-х годах. На рубеже 1916-1917 гг. все ткани, выработанные индийскими фабриками и ткачами вручную, заняли больше половины всего рынка тканей (52,5%).

Особенно поучительно то, что резкий рывок индийская фабричная текстильная промышленность совершила в результате усилий английских фабрикантов сделать наконец Индию поставщиком хлопка для их фабрик. Во время Гражданской войны в США (1861-1865) практически прекратился ввоз хлопка из Америки в Англию. Манчестерские фабриканты оказались под угрозой остановки своих фабрик. Они стали лоббировать в парламенте серьезные меры по развитию хлопководства и организации вывоза хлопка из Индии. Под парламентским давлением были предприняты меры по развитию хлопководства в Индии и улучшению сортов. Производство хлопка в Индии значительно выросло. Но Гражданская война в США окончилась, американский хлопок снова стал поступать, индийский хлопок оказался не нужен, цена на него в Индии резко упала, и индийские фабриканты получили дешевое сырье и возможность конкурировать с английскими производителями тканей и вытеснять их с индийского рынка.

Различия в методах колониальной экономической политики в выделенные выше периоды не следует абсолютизировать. Методы, практиковавшиеся в первые периоды, продолжали сохранять свое значение и в последующих. Так, импорт колониальных товаров продолжал быть важной составной частью мировой торговли. Голландцы же в Индонезии, введя «систему культур», сделали экспорт тропических товаров основой своей экономики на Архипелаге. Правда, номенклатура «колониальных товаров» в течение XIX в. изменилась — помимо специй появились чай, кофе, натуральный каучук, пальмовое масло и др.

Не потерял своего значения и вывоз товаров в страны Азии и Африки. Более того, именно в этот период стали предприниматься дополнительные меры по его стимулированию. Например, в Британской Индии был установлен завышенный курс рупии, который был выгоден для импортеров, но не для тех, кто ввозил капитал, и не для экспортеров. Безудержная гонка за территориями помимо иррациональных имперских обоснований имела некоторую рациональность — все надеялись, что в дальнейшем захваченные народы станут потребителями товаров

57

соответствующей метрополии. Уровни развития европейских стран выравнивались. Усилилась конкуренция между ними за рынки сбыта. Таким образом, определенная долговременная стратегия в этой вакханалии захватов имела. Но слишком долговременная. Воспользоваться захваченными потенциальными рынками империалистические страны большей частью не успели. Но все же ввоз капитала начался, что привело к развитию транспорта, появлению современной техники и технологии, необходимости обучения рабочих, т.е. к индустриализации.

В целом экономическое воздействие Европы на Азию в период колониализма было достаточно противоречиво. Безусловно, имел место отток ресурсов из Азии в Европу, особенно во второй период колониализма. Но именно в этот период были созданы предварительные условия, часто вопреки желаниям колонизаторов, для модернизации экономики и последующего быстрого

развития этих стран. Издержки этого пути были велики, но, учитывая, что без влияния колониализма преобразования вообще были невозможны, следует признать это воздействие в целом благотворным.

К.Маркс, которого нельзя заподозрить в идеализации колониализма, сформулировал подобный вывод достаточно четко: «Я знаю, что английские промышленные магнаты в своем стремлении покрыть Индию железными дорогами руководствуются исключительно желанием удешевить доставку хлопка и другого сырья, необходимого для их фабрик. Но раз вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, вы не сможете помешать этой стране самой производить такие машины. Вы не можете сохранять сеть железных дорог в огромной стране, не организовав в ней тех производственных процессов, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного транспорта, а это повлечет за собой применение машин и в тех отраслях промышленности, которые непосредственно не связаны с железными дорогами»³.

Это предвидение исполнилось, несмотря на то что английские власти действительно мешали (но не преуспели в этом), скажем, Дж.Тате построить металлургический завод.

Конкретно все это выразилось в том, что колониальные страны развивались быстрее, чем страны независимые, так называемые полуколониальные⁴.

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 9, с. 227-228.

⁴ *Широков Г.К.* Колонии и зависимые страны: проблемы исторического различия. — Народы Азии и Африки. 1983, № 3.

Глава 3

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД РАННИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

К концу XVIII в. государство турок-османов утратило свою былую военно-политическую мощь.

Социальные и государственные институты, веками обеспечивавшие стабильность власти султанов, все более и более становились тормозом развития страны в условиях нового времени. Османская империя оказалась в состоянии глубочайшего социально-экономического и политического кризиса. Ее положение стало столь критическим, что искать выход из создавшейся ситуации начали самые высшие представители феодально-бюрократической элиты империи.

Противоборством старого и нового во всех областях социальной и политической жизни страны было отмечено царствование султана Селима III (1789-1807). После поражения Турции в войне с Россией (1787-1791) Селим III повелел группе высокопоставленных сановников подготовить записки о мерах, осуществление которых могло бы улучшить положение государственных дел. Заметное влияние на реформаторские планы султана оказало чрезвычайное турецкое посольство в Вену. Его глава Ратиб-эфенди в записке, поданной султану, впервые в своей стране прямо говорил о том, что многие беды и недостатки Османской империи проистекают оттого, что европейские державы имеют превосходство над турками в военной и государственной организации.

В первой половине 1793 г. Селим III издал ряд указов относительно новой организации армии, прежде всего указ о создании нового пехотного корпуса, сформированного и обученного по европейскому образцу. Были также изданы указы об учреждении специальной военной кассы, через которую должны были идти все средства на финансирование обновленных вооруженных сил. Поскольку было очевидно, что сразу невозможно заменить всю старую военную систему, реформаторы уделили определенное внимание улучшению положения традиционных формирований: феодального военного ополчения и янычарского пехотного войска. Были предприняты меры по повышению боеспособности *янычар*, в частности организованы регулярные занятия по различным видам военного дела.

Но главным содержанием реформы было, по идее ее инициаторов, создание нового войска. Его численность была определена в 12 тыс. человек. Новый корпус создавался, несмотря на личное внимание и усилия султана, довольно медленно. К 1798 г. в его составе было не более 3-4 тыс. солдат, и только к 1804 г. — 12 тыс. Новые методы воинского обучения, новое вооружение и строгая дисциплина дали некоторые результаты. Уже во время франко-турецкой войны 1798-1802 гг. новые военные формирования показали неплохие боевые качества. В ряду других военных реформ Селима III были мероприятия по усилению боеспособности и технической оснащенности турецкой артиллерии и флота.

59

Военные реформы не могли проводиться без участия европейской науки и культуры, что, в свою очередь, отражалось и на других сферах общественной жизни, в частности на дальнейшем развитии светского образования. Первоначально новшества были введены в военных учебных заведениях. В 1793 г. Селим III открыл новое специальное военное учебное заведение для подготовки армейских инженеров и артиллеристов — Сухопутное инженерное училище. В этом училище прошли военную и общеобразовательную подготовку по европейскому образцу сотни турецких юношей. Стремление

улучшить подготовку военных специалистов, в частности инженеров для армии и флота, естественно, привело к переводу на турецкий язык ряда европейских, в особенности французских, трудов по военному делу, математике, по некоторым другим наукам.

Военные реформы и связанные с ними мероприятия отразились и на состоянии ряда отраслей промышленности и культуры. В связи с возрождением флота начались разработки на медных рудниках и угольных копях; для нужд совершенствовавшихся пороховых заводов увеличили добычу селитры, построили мануфактуры и оружейные заводы с целью поставить обмундирование для новых воинских подразделений и перевооружить их.

Реформы, в особенности создание новой армии, стоили больших денег. Средств не хватало, их начали искать путем обложения населения дополнительными налогами. Новые налоги были введены на ряд технических сельскохозяйственных культур — шелковицу, хлопчатник, табак и т.д. Все эти налоговые отчисления и ряд других специально определенных видов доходов поступали в «казну новых доходов». Из нее финансировались военные реформы, в ней же накапливался денежный фонд на случай войны. Налоги вызвали сильное недовольство населения, выливавшееся иногда в восстания против правительства.

Что же касается реформирования государственной организации, то Селим III и его правительство стремились добиться реального контроля над провинциальными властями. Султан издал специальный указ, определявший порядок управления провинциями, назначения губернаторов и их обязанности. Положение реформаторов и общее состояние Османской империи были осложнены франко-турецкой войной 1798-1802 гг. В числе важнейших задач французов была военная экспедиция в Египет под командованием Наполеона Бонапарта. В июле 1798 г. французы захватили Каир. В этой войне султан получил поддержку России и Англии. В 1799 г. военные действия в Сирии и Египте шли с переменным успехом. В июне 1801 г. английские и турецкие войска принудили к сдаче французский гарнизон Каира. В сентябре 1801 г. остаткам экспедиционного корпуса французов пришлось покинуть территорию Египта, а в 1802 г. Турция заключила мирный договор с Францией.

После франко-турецкой войны внешнеполитическое положение Османской империи некоторое время оставалось стабильным, но резко пошло на подъем крайне опасное для империи национально-освободительное движение в балканских провинциях. Усилилась освободительная борьба против турецкого владычества в Греции, Болгарии и Черногории. Черногорцам удалось столь успешно противостоять турецким войскам, что Селим III вынужден был признать Черногорию независимой. В Сербии в феврале 1804 г. вспыхнуло продолжавшееся более десяти лет антитурецкое восстание.

60

Тяжелое внутривластное положение Османской империи и его ухудшение в связи с антитурецкими движениями, осложнение международной обстановки дали возможность противникам реформ Селима III активизировать свою деятельность. Они организовали выступления против властей, в частности бунт *янычар* в Адрианопле (Эдирне). Султан пошел на уступки реакционерам и отозвал в столицу из Румелии контингент новых военных формирований. Проявленную султаном слабость использовали противники реформ. *Улемы* стали открыто говорить о том, что проводимые реформы идут вразрез с установлениями Корана и *шариата*. Группа реакционно настроенных сановников составила заговор против султана. 25 мая 1807 г. началось восстание. 29 мая Селим III отрекся от престола, на трон был возведен султан Мустафа IV (1807-1808), вполне устраивавший реакционеров крайней консервативностью взглядов.

Между тем сторонники идей и реформ низложенного султана не потеряли надежды восстановить утраченные позиции и вернуть трон Селиму III. Их возглавил крупный государственный деятель Мустафа-паша Байрактар. После совершившегося в Стамбуле переворота Байрактар пресек попытки *янычар* расправиться со сторонниками реформ в Силистре. Вскоре ставка Байрактара в Русе стала центром всех сохранившихся сторонников Селима III. Им благоприятствовало длительное затишье, установившееся на русско-турецком фронте летом 1807 г. В июле 1808 г. Байрактару удалось, объединив самые разные политические группировки в правительстве из числа сторонников Селима, подготовить военный поход на Стамбул. Большая армия, собранная Байрактаром, 18 июля подошла к столице и встала лагерем около города. Наконец 28 июля 15-тысячное войско Байрактара вступило в Стамбул. В тот же день он сместил великого везира Челе-би Мустафа-пашу и двинулся ко дворцу султана, намереваясь восстановить Селима III на троне. Однако Мустафе IV и его приближенным удалось убить Селима — он был задушен. Когда войска Байрактара ворвались во дворец, им оставалось только одно — возвести на престол принца Махмуда (1808-1839), которому суждено было не только продолжить дело Селима III, но и войти в историю своей страны в качестве крупного преобразователя.

Силы феодальной фанатичной реакции были значительными, они довольно быстро оправались от поражения. Уже в ночь с 14 на 15 ноября 1808 г. в столице вспыхнул бунт *янычар* против Байрактара и его сторонников. Байрактар не сумел организовать сопротивление. Более 12 часов он героически

сопротивлялся *янычарам*, забаррикадировавшись в каменной башне, которую он сам взорвал выстрелом в пороховую бочку, когда сопротивление стало бессмысленным.

Султан Махмуд II и его приближенные с помощью верных им подразделений нанесли удары по восставшим *янычарам*. Однако через день бунт вспыхнул с новой силой, *янычары* предъявили султану перечень подлежащих немедленной казни лиц из числа сторонников реформ. Султану пришлось пойти на уступки, он лишь осмелился помочь бежать сановникам, ненавистным *янычарам*.

Несмотря на то что реформы Селима III оказались безуспешными, прежде всего из-за предельной узости социальной базы реформаторов, которым постоянно противостоял мощный блок феодальной реакции и клерикальных фанатичных сил, этими мерами были заложены первые камни в фундамент последующих реформ государственного устройства и быта.

61

Международное положение Османской империи в начале XIX в., и без того трудное, было осложнено русско-турецкой войной 1806-1812 гг. Непосредственным поводом к началу военных действий послужили нарушения Османской империей русско-турецких договоров и соглашений, но большое влияние на развитие событий в тот момент оказали дипломатические интриги Франции против России, а также стремление султанского правительства добиться восстановления власти над Крымом. Русские войска заняли Дунайские княжества — Молдову и Валахию, статус которых несколько раз становился предметом русско-турецких соглашений. Военная кампания 1809—1811 гг. принесла крупные успехи русской армии, которая под командованием фельдмаршала М.И.Кутузова летом и осенью 1811 г. нанесла сокрушительные удары по турецким войскам на Дунайском фронте. Положение Османской империи еще более осложнилось после того, как сербские повстанцы нанесли туркам также ряд поражений, в частности в октябре 1811 г. в сражении при Нише. Все эти обстоятельства, дополнявшиеся постоянной угрозой антитурецкого выступления в Болгарии, вынудили султана и Порту пойти на мирные переговоры с Россией, которые завершились 28 мая 1812г. заключением Бухарестского мирного договора. России отошла Бессарабия, в Молдове и Валахии была восстановлена власть турецкого султана. Однако княжествам было предоставлено право автономии на основе привилегий, которые содержались в Ясском мирном трактате 1792 г. Сербия получила по договору 1812г. некоторую автономию в вопросах внутреннего управления. Мирный договор 1812 г. закрепил за Россией все области Закавказья до р. Арпа-чай, Аджарских гор и Черного моря. Наконец, договор обеспечил России нейтралитет Османской империи в войне с Наполеоном. Что касается Порты, то, заключив договор о мире с Россией, она попыталась укрепить свое господство на Балканах. Летом 1813 г. турецкие войска вторглись в Сербию и нанесли сербам ряд ударов. Вскоре туркам удалось захватить и подчинить своей власти все сербские земли. Турецкие войска грабили и убивали мирных жителей, жгли села и уводили людей в рабство. В ноябре 1814г. вспыхнуло антитурецкое восстание в нескольких округах Центральной Сербии, подавленное турецкими властями. В апреле 1815г. еще более мощное восстание вновь охватило Сербию. Решающим фактором явилась поддержка восставших сербов Россией, потребовавшей от Порты выполнения соответствующих положений Бухарестского мирного договора 1812г. После длительных переговоров между руководителями сербского повстанческого движения и турецкими властями в 1816г. было достигнуто соглашение, подтверждавшее право сербов на некоторую внутреннюю автономию. Восстание сербов стало важным звеном в цепи антитурецких освободительных движений народов Балканского полуострова. Другим проявлением этого процесса стало мощное антитурецкое восстание в Молдове и Валахии, которое произошло в 1821 г. В середине мая 1821 г. турецкие воинские соединения вступили на территорию Валахии и Молдовы. Порта пошла на оккупацию княжеств, разместила там свои воинские гарнизоны, сместила неугодных ей господарей.

Весной 1821 г. против турецкого владычества восстали греки. Первоначально ареной повстанческого движения стала Морее, но в короткий срок восстание распространилось на всю континентальную Грецию и острова Эгейского и Адриа-

62

тического морей. Султан и Порта ответили жестокими репрессиями: по многим городам Османской империи прокатилась волна греческих погромов. Гонениям и убийствам подверглись в эти дни и другие христианские народы империи, однако восстание продолжалось. В октябре 1821 г. греческие повстанцы захватили административный турецкий центр в Морее — Триполис. К началу 1822 г. они овладели почти всей Мореей, значительной территорией в Центральной Греции и рядом греческих островов. В январе 1822 г. греки законодательно оформили свою борьбу за независимость. В Эпидавре было созвано Национальное собрание Греции, которое приняло греческую конституцию, провозгласившую независимость страны. В июле 1822 г. султан Махмуд II попытался с помощью крупных воинских соединений подавить главный очаг восстания и базу повстанцев — Морее, но турецкая армия была наголову разгромлена.

Греческое восстание не только резко обострило внутривосточное положение Османской империи, но вновь включило «восточный вопрос» в повестку дня европейской политики. Осенью 1823 г. Россия предложила представителям держав провести в Петербурге конференцию по греческому вопросу.

Султан Махмуд II обратился за военной помощью к своему вассалу, правителю Египта Мухаммеду Али. Согласившись предоставить турецкому султану для борьбы с греческими повстанцами армию и флот, Мухаммед Али обусловил эту военную помощь передачей Морей в управление своему сыну Ибрагим-паше, который был назначен командующим египетскими вооруженными силами, направленными в Грецию.

Начало действий экспедиции Ибрагим-паши почти совпало с созывом петербургской конференции великих держав по греческим делам. Заседания конференции проходили с перерывами с июня 1824 г. по апрель 1825 г. На них так и не удалось выработать согласованной позиции. Дело не пошло дальше обращения к правительству Османской империи с призывом о помиловании невинных в восстании и принятии посредничества держав в решении греческого вопроса. Последнее предложение Порты решительно отвергла, тем более что, несмотря на героическое сопротивление греческих повстанцев, в ноябре 1824 г. войска Ибрагим-паши разгромили их на Крите, а в феврале 1825 г. захватили Наварин. В летние месяцы того же года войскам Ибрагим-паши удалось подавить сопротивление повстанцев в большей части Морей.

Махмуд II и его ближайшее окружение сознавали необходимость проведения военно-административных реформ, способных укрепить Османскую империю перед натиском освободительных движений нетурецких народов и постоянной угрозой вмешательства великих держав во внутренние дела империи. Военные действия в Греции продемонстрировали крайне низкие боевые качества турецких войск на фоне современной, по-европейски обученной армии египтян. Махмуд II решил ускорить проведение военной реформы. Весной 1826 г. султан и Порты стали обсуждать проект создания новых пехотных частей. Эти части (до 8 тыс. солдат) должны были быть организованы и обучены по европейской системе. Проект был обсужден, одобрен положенной в таких случаях *фетвой шейх-уль-ислама*, оформлен указом султана.

Эти действия султана вскоре вызвали противодействие *янычар*, увидевших в новом войске посягательство на свои традиционные привилегии. Бунт *янычар*

63

начался 15 июня 1826 г. Бунтовщики напали на дома тех высших сановников, которых считали инициаторами проведения военной реформы. *Янычары* по традиции грабили и жгли дома ненавистных им лиц, призывая население Стамбула присоединиться к ним. Но на этот раз горожане не поддержали *янычар*, поскольку видели в них виновников смуты и военных поражений в Греции. Махмуд II и его окружение проявили большую решительность и организованность в отпоре бунтовщикам. Около 14 тыс. солдат из новых военных формирований и верных султану артиллерийских частей было брошено на подавление бунта *янычар*. Часть горожан получили оружие и встали на сторону Махмуда II. Вскоре стамбульская площадь Этмейдан, на которой собрались бунтовщики, была окружена султанскими войсками. Бунтовщики отказались сложить оружие и повиниться, тогда пушки султанской артиллерии буквально в упор расстреляли непокорных *янычар*, тысячи которых погибли на площади и в казармах, где они попытались укрыться. Казармы по приказу султана были преданы огню вместе с непокорными *янычарами*. По всему Стамбулу шла охота за бунтовщиками. Всего во время бунта погибло или было казнено по решению специальных судов не менее 6-7 тыс. *янычар*, а около 15-20 тыс. — выслано из столицы. 17 июня 1826 г. собрание высших сановников приняло историческое для Османской империи решение об упразднении *янычарского* корпуса и предании анафеме этого традиционного государственного института, о чем был издан специальный указ султана. Во всех провинциях империи убивали *янычар*, выражавших непокорность, в результате чего были уничтожены десятки тысяч *янычар*.

Историческое значение ликвидации *янычарского* корпуса — традиционной опоры феодально-клерикальной реакции — состояло в том, что отныне не только в военно-административной, но и в общественно-политической и культурной жизни страны складывались более благоприятные условия для осуществления преобразований.

Ликвидация *янычар* позволила султану-реформатору пойти на уничтожение могущественного мусульманского дервишского ордена *бекташи*, с которым *янычарский* корпус был связан вековыми узами. Решение это было принято высшими светскими и духовными сановниками империи во главе с *шейх-уль-исламом*. В июле-августе 1826 г. руководители ордена *бекташи* были

публично казнены, дервишские обители разрушены, имущество ордена конфисковано властями. Устранив основные военные и социально-религиозные институты, являвшиеся препятствием на пути военной реформы, Махмуд II издал указ о создании новых пехотных соединений, которые надлежало организовать, вооружить и обучить по европейскому образцу. Махмуд II распорядился сформировать восемь полков нового войска. В короткий срок их численность была доведена до 12 тыс. человек. Для обучения нового войска привлекались иностранные военные инструкторы, в особенности французские офицеры. Махмуд II направил большую группу турецкой молодежи для обучения в военных инженерных и медицинских учебных заведениях Франции.

Махмуд II реорганизовал войско в условиях продолжавшихся боев с повстанцами в Греции и нарастания кризиса в русско-турецких отношениях. Войска Ибрагим-паши в июне 1827 г. овладели Афинами. Великие державы по инициа-

64

тиве России потребовали от султана предоставления Греции автономии. Османская империя отклонила этот ультиматум, полагая, что противоречия между великими державами помогут ей противостоять их нажиму. В результате назрел военный конфликт.

20 октября 1827 г. в Наваринском сражении эскадра из турецких и египетских судов была наголову разгромлена значительно меньшей по численности флотилией англо-франко-русских судов. После этого поражения на море войска Ибрагим-паши были эвакуированы из Греции, а на берегах Морей появились французские вооруженные силы. Эти события до предела накалили русско-турецкие отношения, тем более что султан и Порта видели в России главного виновника гибели своего флота и неудач в Греции. В конце декабря 1827 г. Махмуд II издал указ об объявлении войны России. В апреле 1828 г. русское правительство, в свою очередь, ответило объявлением войны Османской империи. 150-тысячная русская армия форсировала Прут и заняла территорию Дунайских княжеств.

В 1829 г. русский главнокомандующий на Балканах генерал И.И.Дибич сумел нанести туркам ряд сокрушительных ударов. 20 августа русская армия овладела Адрианополем, и перед ней была открыта дорога на Стамбул. В этот же период русские войска одержали несколько побед на Кавказском фронте, взяли крупные города Эрзерум, Байбурт и Муш. Русское правительство сознавало, что движение на Стамбул может привести к вооруженному столкновению с коалицией европейских держав, имевших в Османской империи свои интересы. Со своей стороны, Махмуд II после такой серии военных неудач, чувствуя недовольство населения столицы тяготами войны, стремился к быстрому мирному соглашению с Россией.

В сентябре 1829 г. в Адрианополе между Россией и Турцией был подписан мирный договор. По этому договору к России был присоединен ряд грузинских и армянских земель, освобожденных русскими войсками. Договор обязывал Османскую империю предоставить Греции и Сербии автономный статус, а также предусматривал вывод турецких войск из Дунайских княжеств. При этом автономные права Молдовы и Валахии были подтверждены и существенно расширены: туркам было запрещено здесь жить и владеть недвижимым имуществом.

Русско-турецкая война окончательно решила судьбу Греции. В феврале 1830 г. было достигнуто русско-англо-французское соглашение о полной независимости Греции. Султан и Порта согласились с этим требованием только под усиленным дипломатическим нажимом держав. 24 апреля 1830 г. указом султана была объявлена независимость Греции.

Русско-турецкая война сыграла немалую роль и в исторических судьбах Сербии. В августе 1830 г. Махмуд II был вынужден специальным указом предоставить Сербии статус автономного княжества. Адрианопольский мир и последовавшие международные соглашения укрепили и в Болгарии дух антитурецкой борьбы, серьезно усилили ее надежду на национальное освобождение.

Османская империя вышла из войны с Россией крайне ослабленной как в военном, так и в политическом отношении. Со всей очевидностью это проявилось вскоре, когда возник острый конфликт между Махмудом II и его формальным вассалом — наместником Египта Мухаммедом Али. Поводом для столкновения между ними послужило требование султана выплаты денег в счет египетской

65

дани. Могущественный вассал не только отверг это требование, но, в свою очередь, стал претендовать на управление Сирией. В результате осенью 1831 г. армия Мухаммеда Али начала военные действия против Махмуда II. Войска египетского наместника заняли всю Сирию и Киликию, затем вторглись в Анатолию, где в декабре 1832 г. произошло сражение с турецкими войсками у Коньи. Султанская армия была разбита наголову. Реальной стала угроза движения египетских войск на Стамбул.

Тогда Николай I предложил султану Махмуду II военную поддержку. В феврале 1833 г. в Босфор вошли русские военные корабли, а в течение февраля-апреля того же года около 10 тыс. солдат русских десантных частей встали лагерем в долине Ункяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора. В мае 1833 г.

было шклучено турецко-египетское соглашение, которое предусматривало сохранение за Мухаммедом Али власти над Египтом, Сирией, Палестиной и Киликией. [Египетский наместник согласился признавать верховную власть султана. Политические позиции России были серьезно укреплены подписанием в июле 1833 г. русско-турецкого союзного договора. После этого русские войска покинули территорию Османской империи.

Дальнейшие события показали, что участники турецко-египетского конфликта лишь ждали удобного случая для его возобновления. Махмуд II не мог простить своевольных действий непокорному вассалу и хотел вернуть под свое полное управление земли, подпавшие под власть Мухаммеда Али после соглашения 1833 г. в Кютахье. В 1838г. египетский паша отказался признать отмену государственной монополии на закупки пшеницы и шерсти, а также в очередной раз в резкой форме потребовал придать своей власти на всех находившихся в его управлении территориях наследственный характер и вновь перестал платить дань султану. 24 июня 1839 г. под Низибом (Северная Сирия) произошла битва между войсками султана и армией египтян под командованием Ибрагим-паши, в которой турецкая армия опять была разгромлена. Турки потерпели полное поражение и на море: флот султана в результате измены командующего перешел на сторону египтян. Султан Махмуд II умер через несколько дней после этих событий.

В июле 1839 г. в конфликт вмешались великие державы. Длительные дипломатические прения привели к решению о применении державами военных санкций в отношении египетского паши. Летом 1840 г. началась военная интервенция Англии и Австрии в Сирию. В Горном Ливане вспыхнуло восстание, перекинувшееся на внутренние области Сирии и Палестины. Войска Мухаммеда Али потерпели ряд поражений. В декабре египетский правитель капитулировал, а в мае 1841 г. было подписано соглашение союзных держав и Турции, зафиксировавшее покорность египетского паши султану. Несмотря на сложные внешнеполитические обстоятельства, Махмуд II довольно энергично проводил военные реформы: в середине 30-х годов постепенно стала формироваться регулярная конница, в 1836 г. общая численность турецкой регулярной армии достигла 60—70 тыс. человек.

Военные реформы Махмуда II стали еще одной вехой в процессе ломки старых социальных устоев государства, ослабили те силы, которые боролись за консервацию всех средневековых институтов страны, сохранение ее политической раздробленности. Вместе с тем эти реформы носили верхушечный характер и

66

оказались малоэффективными. Причина такого положения заключалась в том, что основные социальные и государственные институты Османской империи продолжали функционировать по-прежнему. И все же некоторые реформаторские мероприятия Махмуда II создавали определенные предпосылки для строительства нового фундамента государственной и социальной жизни Османской империи. Речь идет о таком важном деле, как ликвидация тимарной системы, которая в конце XVIII — начале XIX в. находилась в состоянии полного упадка и была одним из существенных тормозов прогрессивного развития страны. По указу султана реформу системы землевладения, лишившую военных ленников их наделов — *тимаров* и *зиаметов*, начали осуществлять в 1831 г. Она проводилась в несколько этапов и в основном была завершена в конце 30-х годов XIX в. Во всех провинциях Османской империи у прежних владельцев изъяли около 2500 ленных владений. Право на управление *тимарами* и *зиаметами* и на сбор налогов в этих владениях по откупной системе перешло в руки государства.

Махмуд II осуществил ряд преобразований в административном управлении как в столице Османской империи, так и в ее провинциях. В 1834 г. он провел специальную реформу, которая установила административное деление империи. Были созданы новые провинциальные административные единицы, несколько упорядочены взаимоотношения центральных и провинциальных властей. Султан-реформатор обращал внимание и на такие проблемы, как улучшение системы взимания податей и налогов, имея в виду ликвидацию злоупотреблений при их сборе. В 1834 г. был даже издан специальный указ, требовавший, чтобы чиновники — сборщики налогов и другие должностные лица оберегали население империи от притеснений и произвола. Однако Махмуду II не удалось ликвидировать ни произвол провинциальных властей, ни практику покупки государственных должностей. Стремясь укрепить управление страной, Махмуд II в 1834-1839 гг. провел ряд мероприятий, направленных на создание новой структуры органов центральной государственной власти, более близкой к европейской. Впервые были образованы министерства — внутренних и иностранных дел, финансов. В 1837г. Махмуд II создал Совет министров. Для подготовки дальнейших реформ с учетом нужд страны и европейского опыта султан основал специальный орган — Высший совет юридических решений. Были проведены упорядочение и регламентация деятельности чиновников государственного аппарата. Таким образом, традиционная, закосневшая система османских органов государственной власти была несколько видоизменена на европейский лад. Важным было, в частности, то, что в

результате административных реформ 30-х годов был упразднен прежний порядок предоставления земельных владений крупным чиновникам в виде платы за их службу. Реформы этого периода несколько ограничили влияние мусульманского духовенства на султанскую бюрократию. Султан Махмуд II пошел даже на реорганизацию служб своего двора, уменьшив число придворных и сократив суммы, расходовавшиеся на содержание двора. Он стремился ограничить влияние дворцовой камарильи на государственные дела, но не добился больших результатов. И в последующие десятилетия дворцовые интриги сплошь и рядом определяли решения султанского правительства, а судьбы многих сановников зависели от султанских придворных.

67

Махмуд II также предпринял реформирование сфер культуры и быта. Новые веяния проявились в создании с помощью европейских специалистов ряда военных учебных заведений по европейскому образцу. При Махмуде II стали издаваться первые турецкие правительственные газеты, вначале на французском, а затем и на турецком языке. Идеи европеизации проявились также в некоторых чертах быта городов страны, в частности в появлении первых больниц европейского типа, почтовой службы. Хотя реформы 20-30-х годов XIX в. в области управления государством, культуры и быта носили ограниченный и поверхностный характер, в условиях страны, жившей по канонам средневековья, они были важными предвестниками будущих, более глубоких социальных и культурных сдвигов, стали отправной точкой реформаторских движений эпохи нового времени.

Глава 4

АРАБСКИЙ МИР В КАНУН ПЕРЕМЕН ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

К началу XIX в. арабский мир состоял из множества социально-политических образований, различавшихся своей общественной структурой и исторической судьбой.

Будучи частью обширной мировой аридной зоны, арабский ареал на всем своем протяжении являл собой неустойчивое «экологическое пограничье» земледелия и кочевого скотоводства с множеством переходных форм ведения хозяйства от кочевников-верблюдоводов, своего рода аристократии кочевой среды, и полукочевников степной зоны до оседлых земледельцев оазисов, горных террас и приморской земледельческой полосы, отчасти сохранявших агротехнические навыки и опыт прославленного античного земледелия. Впрочем, в земледелии имели место глубокие различия между примитивным натуральным хлебопашеством на слабоувлажненных землях внутренних территорий, граничащих со степью, и многопрофильным крестьянским хозяйством морского побережья и долин крупных речных артерий, уже частично рассчитанным на рынок и специализировавшимся на технических культурах (хлопчатнике в некоторых районах Сирии и Египта, тутовом шелкопряде в Горном Ливане, оливковых плантациях на горных склонах Марокко, Алжира, Туниса и Палестины, финиково-пальме в Южном Ираке и оазисах Восточной Аравии, кофейном дереве в Йемене).

Эти разнообразие формы хозяйствования порождали резкие контрасты в типах поселений и уровне жизни сельских жителей. Вместе с тем природные особенности арабского ареала обуславливали сосуществование населения не только с разным образом жизни, но и с широким распространением в обществе родо-племенных отношений. Так, в Аравии подавляющее большинство сельских и городских жителей бытовало в рамках родоплеменной социально-политической организации, в Марокко подобное население составляло более 90%, в Алжире — около 75, в Тунисе и Ираке — 50 и только в Сирии (включая Ливан и Палестину) и Египте — не более 15-20%.

Демографическая динамика в арабском мире оставалась неблагоприятной. Полагают, что с XVI в. численность населения Юго-Западной Азии и Северной Африки кардинально не изменилась, испытывая лишь колебания, вызываемые повторявшимися почти каждое десятилетие XVIII в. и уносившими сотни тысяч жизней эпидемиями чумы и холеры, голодом, следующим за регулярными засухами и губительными эпизоотиями, а также разрушительными землетрясениями, присущими этому сейсмически активному поясу. На характер демографических процессов оказывала воздействие нестабильность общественно-политической

69

жизни, а также наблюдаемое в ареале нарушение экологического равновесия, о котором свидетельствовали повсеместные в XVI-XVIII вв. массовые переселения кочевых племен (в Марокко они совершались вплоть до начала XIX в.) и сокращение обрабатываемых земель (Сирия, Ирак, Марокко).

Забегая вперед, следует сказать, что в большинстве арабских стран кризис был преодолен с изменением общественно-политического режима. Тогда начались неуклонный рост населения и расширение обрабатываемых земель. Эти неблагоприятные изменения отмечены в Египте с начала XIX в., в Сирии — с 30-40-х годов, в Марокко — со второй половины того же века. Но кардинальные

демографические изменения произошли почти во всех арабских странах в последней трети XIX в., когда стали действовать новые социально-экономические и политические импульсы.

К началу же XIX в., по ориентировочным оценкам, население Марокко составляло около 3,5 млн., Алжира — 2,5-3 млн., Туниса — от 1,2 до 3 млн., Египта — 4-4,5 млн., Сирии, включая Горный Ливан и Палестину, — 1,2-1,5 млн., Ирака — 1,0-1,3 млн., Аравии — 2,5-3 млн. человек.

Та или иная роль родоплеменной организации в различных арабских странах во многом соотносилась с различиями в поземельных отношениях и системе права, их регулировавшей, городской жизни, социальной структуре и политической культуре.

Господствующей категорией землевладения в Сирии, Египте и отчасти в Ираке (центральном арабо-османском регионе) были государственные земли — *мири*. Обладание крестьянином своим наделом (*чифтлик*) находилось под контролем государства или лиц, кому земли жаловались в условное владение, и подчинялось правилам общинных севооборотов. *Райят* мог передать свою землю по наследству только сыну или ближайшему родственнику; он имел право продать свой надел, но с разрешения владельца служебного пожалования; мог и отказаться от земли, уплатив положенные налоги; в Египте же земледельцы-феллохм ни при каких условиях не должны были покидать свои деревни.

Магриб и Аравия не знали земельного института, подобного *мирие*. *Бейлики* (бейские земли) имели весьма скромные размеры (или вовсе отсутствовали) и были сродни османским *хаосам* — владениям султанской семьи и высших сановников. Правящие дома располагали земельной собственностью, обрабатываемой издольщиками и поденщиками. Такие же владения составляли значительную часть домена правителей Туниса. Основной фонд обрабатываемых земель в Магрибе был представлен землями категории *ари*, принадлежавшими сельским общинам. Большинство общинников Магриба почитали себя людьми, «свободными» от налогового бремени (берб. *имазиген*), ибо в Марокко государственные налоги регулярно собирались лишь с трети территории страны, а в Алжире — с 1/3. Только в Тунисе к концу XVIII в. государству удалось обложить налогами большинство населения. В Аравии налоговая система сложилась лишь в имаматах Оман и Йемен; в Саудовском эмирате, как и на заре исламской государственности, взимался религиозный налог *закят*, предназначенный по традиции на нужды верующих (он частично оставался в местах сбора, частично шел в *бейт аль-маль* в распоряжение правящей династии); в Кувейте налоги в пользу государства не собирались.

70

Поземельные отношения лишь отчасти, преимущественно в сфере «канонических» категорий собственности (*мюльк*, *вакф/хабус*), регулировались нормами *шариата*. В Сирии, Ираке и Египте они определялись преимущественно государственным законодательством (*канун-номе*, *адалят-намё*), лишь отчасти *шариатом* и обычным правом (*урф*). В Магрибе поземельные отношения строились на обычном праве, в меньшей степени на нормах *шариата* и административной практике.

Государственное законодательство в сфере земельного права в Магрибе и Аравии отсутствовало. Земли категории *мюльк* (частная собственность) в Османской империи не имели большого распространения. Жители горных районов Магриба и Аравии, а также Горного Ливана чаще всего владели землями на правах *мюлька*. Исследователи сходятся во мнении, что в Магрибе и Аравии крупное частное землевладение не получило большого развития.

Арабо-османский регион отличался от Магриба широким распространением крупного условного феодального землевладения — *тимаров* и *зиаметов*, т.е. военно-ленных пожалований, а также *ильтизамов*, *маликане* и *мукаата* (краткосрочные, пожизненные или наследственные откупные владения). Во всех этих категориях землевладения права хозяина реализовывались через присвоение доли взимаемых налогов. В регионе была отчетливо выражена тенденция к созданию на государственных землях чифтликских поместий путем захвата райят-ских наделов и их экономической эксплуатации. Этот процесс был связан уже с развитием рынка сельскохозяйственной продукции.

В Магрибе не сложилось зрелой формы условного пожалования: «неаграрная» сущность *азибов* (пожалование прав на получение налоговых сборов с определенных территорий, не перераставшее в землевладение) проявлялась достаточно отчетливо. Существования подобного института в Аравии не отмечено.

Управление сельским населением, как и сбор основных налогов, в арабо-османском регионе осуществляли владельцы пожалований, которые тем не менее должны были принимать во внимание решения сельской общины и деревенского *шейха*, главы этой общины. *Райяты* Сирии и Египта военной службы не несли, в отличие от ливанских горцев, составлявших ополчения владельцев *мукаата*. В Магрибе и Аравии в пределах родоплеменных территорий господствовало общинное и племенное самоуправление, все мужское население было вооружено и входило в племенные ополчения. Там сельские общины, объединявшиеся в племена, хотя и включали чужаков, конституировались как семейно-родственные коллективы; впрочем, их племенная генеалогия подчас

была мифической. Сбор налогов с вооруженных общин Магриба превращался в военную операцию и осуществлялся в логике племенного строя: большую роль в сборе налогов играли не чиновники-налоговосборщики, а племена, располагавшие землей и освобожденные от налогов (гиш в Марокко, дрид в Тунисе).

Население Магриба, на которое не распространялось податное тягло, как и в Аравии, было обязано данью, услугами, дарами оплачивать покровительство более сильного соседнего племени, а также своих племенных верхов и местных религиозных лидеров.

Городской строй арабского мира отличался известной общностью. Однако этнически более однородные города арабо-османского региона в культурном и

71

экономическом отношении больше тяготели к восточному и центральноазиатско-мусульманскому миру. Аравийские портовые пункты (Маскат, Моха, Джидда, Аден, Шиха, Мукалла и др.), активно участвовавшие в восточной торговле и через которые издавна шел поток аравийских эмигрантов в Индию и Юго-Восточную Азию, вовлекали Аравию в сферу индийских и индонезийских культурных связей и влияний, тогда как магрибинские многоэтнические города находились в сфере широкого взаимодействия со Средиземноморьем и Африкой. Не случайно в городах Магриба был распространен «лингва франка» — язык, представлявший собой смесь арабских, испанских, турецких, итальянских и прованских слов и выражений.

Арабской традиционной социальной структуре была присуща высокая степень развития городов. Процент городского населения в центральном арабо-османском регионе (исключая Горный Ливан) достигал 20-22%, к этим показателям приближался Тунис — 16-20%; в Марокко городские жители составляли 11,5%, лишь в годы массовых бедствий процент горожан, более других страдавших от эпидемий и стихийных бедствий, опускался до отметки в 6%. Городское население Аравии составляло, вероятно, около 5%. Другой особенностью арабо-исламского города была относительно высокая степень концентрации городского населения: в городах с населением более 10 тыс. человек проживало в Сирии 13,5%, в Марокко — около 7% жителей (в Англии того времени — 7%, во Франции — 2,7%). Даже в Аравии насчитывалось более десятка городов, население которых превышало 10 тыс. человек, — Мекка, Медина, Хаиль, Аназа, Бурейда, Эр-Рияд, Джидда, Янбо и др.

Как правило, крупные города были центрами государственной власти и объектами ее неотступного внимания, местами сосредоточения, распределения и отчасти потребления налоговых поступлений и других видов прибавочного продукта. Не менее 10% жителей городов составляли представители господствующего класса со своей свитой и двором (абсентеизм землевладельцев был ярко выражен в арабо-османском регионе, исключая горные районы Ливана и Палестины). Город предоставлял условия для поддержания и развития религиозных исламских институтов, в нем сосредоточивались центры духовного образования и культа. Наконец, в условиях политической нестабильности и угрозы набегов кочевников стены города служили защитой для земледельцев пригородных оазисов. Вместе с тем город был центром ремесел и торговли: возможно, к началу XIX в. не менее половины жителей городов, население которых превышало 100 тыс. жителей, — Каира, Дамаска, Халеба, Багдада, Туниса — составляли ремесленники, товары которых находили спрос на рынках всего Ближнего Востока и за его пределами.

Высокая степень концентрации населения в больших (свыше 20-30 тыс. жителей) городах не исключала если не падение, то прозябание небольших старинных провинциальных городков. Впрочем, источники свидетельствуют об оживлении к началу XIX в. провинциальных городков Палестины. Возникновение же новых городских центров и развитие промысловых поселений отмечено в Горном Ливане (Дейр-эль-Камар, Захла), вокруг Халеба и в некоторых районах Египта; несколько портовых пунктов (Кувейт, Зубара/Катар) образовалось также в Аравии на торговых путях, соединявших Индию, уже отчасти завоеванную Англией, с Европой.

72

Города Марокко и Алжира в соответствии со своим происхождением делились на *махзанийя* — столицы и резиденции военно-политической власти, *хада-рийя* — прибрежные центры учености и культуры, населенные в значительной степени андалусцами, и *бадавийя*, расположенные во внутренних районах. Малым городам Египта, Сирии, Ирака и магрибским *бадавийя* был присущ сельский образ жизни, здесь господствовала народная культура (культы святых, доисламские обряды и поверья). Однако города *бадавийя*, в отличие от арабо-османских малых городов и полусельских тунисских *баллад*, сохранивших давнюю городскую традицию, несли на себе яркую печать влияния родоплеменной организации и ценностей племенного общества (в частности, стойкого презрения к ремесленным профессиям и почти кастовой организации ремесленников). Эти черты были присущи и аравийским городам.

Города *хадарийя* и крупные городские центры арабо-османского региона сближает общность организации их внутреннего пространства и торгово-ремесленного производства. Речь идет о делении

городской территории на самоуправлявшиеся кварталы (*дарб, кара*) и слободы (*махалла*) со своими приходскими мечетями, банями, рынками, местом поклонения — могилой почитаемого местного святого; социальный состав их был неоднороден, жителей объединяли личные отношения — семейно-родственные (и даже племенные), соседские и патрон-клиентские. Такие городские центры в Магрибе имели своего рода общественную милицию (*румат*), роль которой в Машрике некогда исполняли отряды молодежи, а к рассматриваемому времени, пожалуй, местные *янычары* (*йерли*).

Торгово-ремесленное население таких городов входило в цеховые организации. (Впрочем, в Алжире цеховая система была слабо развита и напоминала профессионально-этнические землячества.) Аравия, в части городов которой не отмечено цеховой системы, знала и межплеменное разделение труда: племена гончаров, кузнецов, красильщиков, музыкантов, знахарей-заклинателей и др. Цеховая иерархия, правительственное нормирование цен и численности мастерских, цеховое самоуправление, религиозные запреты и этика труда в Машрике и Магрибе были схожими. В обоих регионах цехи были связаны с суфийскими орденами, а профессиональная специализация городского ремесла была весьма дробной. В арабо-османском же регионе процесс отделения ремесла от торговли зашел гораздо дальше, а уровень развития ремесленного производства был выше. Там хотя и слабо, но наметилось возникновение протокапиталистических отношений — рассеянной мануфактуры и крупных мастерских с наемным трудом (подобное наблюдалось и в Тунисе), а также отмечаются слабые признаки разложения цеховой организации. На рынке пробивала себе дорогу свободная игра цен вопреки правительственным установлениям.

Социальной структуре арабо-османского региона и Магриба было присуще разделение на высшую и низшую страты: знатных и простолюдинов (*хасса* и *амма*), или вельмож и малых людишек (*аль-кибар* и *ас-сигар*), но подобное деление было фактом преимущественно общественного сознания.

В Османской империи к XVIII в. способы рекрутирования, профессиональная специализация и реальная деятельность входивших в господствующий слой (*аскеру*) военных (*сейфийе*), должностных лиц (*калемийе*) и духовенства (*улама*) заметно дифференцировались, хотя в высших эшелонах власти военная и управ-

73

ленческая службы по-прежнему не разделялись. К этому времени уже можно говорить о начавшемся процессе консолидации внутри высшей страты двух сословных групп — военно-бюрократической и улемской, а также о формировании «господствующего класса» из привилегированных сословных групп и обладателей крупных состояний из числа *райя* благодаря открытости правящего слоя и отсутствию сословных запретов для мусульманского населения на профессиональную деятельность. В основном же *райя* состояли из земледельцев, торговцев и ремесленников, мало различавшихся по правовому статусу. Однако их сословную консолидацию все еще ослабляли прочные семейно-родственные и корпоративно-общинные связи.

В Магрибе государственные установления почти не влияли на формирование социальной структуры. Духовенство — городские *улемы*, сельские *марабуты*, главы суфийских обителей, пользуясь огромным влиянием среди населения, сохраняли известную независимость по отношению к государственной власти. И все-таки под воздействием государства на территории *махзена*, население которого находилось под контролем правительства, происходил медленный процесс сложения социально-правовой системы, напоминавшей реалии Сирии и Египта.

На территориях, где влияние племенных институтов было безраздельным и жители которых признавали лишь духовный авторитет правительства, патриархальный характер социальных отношений порождал своеобразную иерархию статусных групп. В верхней страте располагалась племенная верхушка — шейхи могущественных племен и предводители племенных конфедераций, чье общественно-политическое влияние узаконивалось должностными назначениями *махзена*, а на низшей находились бесправные рабы и ущемленные в правах этнические и профессиональные общности (цыгане, евреи, ремесленники, занятые презируемым трудом, и др.). Среднюю страту составляли свободные соплеменники.

Но и на территориях *махзена* сословная консолидация была замедлена раздробленностью общества на корпоративно-статусные группировки, различавшиеся правовым положением, родом занятий, происхождением, местом в системе государственного управления. Так, «свободные племена», наделенные землей, освобожденные от налогов, исполнявшие военно-полицейские функции и в то же время обрабатывавшие землю, сосуществовали с тягловыми крестьянами. В число *райя* по роду занятий могли входить также полупривилегированные *кулугли*, *шерифы* и андалусцы, пользовавшиеся корпоративной автономией: они избирали свою администрацию и были подсудны только своему суду. Среди городского торгово-ремесленного люда влиятельное положение занимали соперничавшие друг с другом андалусцы и *шерифы*, элита которых имела доступ в правящий слой благодаря своей образованности и хозяйственно-административному опыту. Политическую элиту Алжира составляли *янычары*, рекрутировавшиеся среди стамбульских добровольцев, и *раисы* — капитаны пиратских

судов, как правило левантийцы. Только в Тунисе сформировались относительно однородное сословие *райя* и более или менее консолидированный правящий слой, сцементированный городскими *аянами* — торгово-ремесленной верхушкой и землевладельцами.

Все это позволяет отнести Магриб (за исключением Туниса) к обществам с сословно-статусной стратификацией, а тунисское общество сопоставить с арабо-османским социумом, в котором формировалось сословное деление.

74

Общество Южной Аравии с древними культурными традициями представляло собой социум со статусно-иерархической системой социальной стратификации. Оно распалось на три основные страты соответственно функциональным и социально-статусным признакам: привилегированную (*сейиды* и *шейхи*), полноправную (*кабили* — соплеменники) и неполноправную (*карап*, *масакин*, *дуафа*, *субъян*, рабы). Количество статусных групп внутри неполноправных и их иерархия в разных частях Аравии могли изменяться, но принцип стратификации сохранялся. (Форма социальной стратификации Омана была сходна с марокканской: оманская высшая страта — ибадитские *улемы*, имевшие право выдвигать кандидатуру главы *имамата*, и *шейхи* племен, участвовавшие в утверждении этой кандидатуры, а также правящая семья ибадитского *имамата* и султана Маската представляли правящий слой. Средний слой образовывали полноправные соплеменники. Низший слой составляли неполноправные, но включенные в племенную систему *баядир* потомки персов-земледельцев, *дуафа* — «слабые» и *бая-сира* — потомки персов, зависевшие от отдельных племен, но имевшие право приобретать недвижимость.) Социальная организация населения остальной Аравии не представляла столь четкой картины, хотя многие элементы этой системы в ней имелись.

Южноаравийские статусные группы были замкнуты, принадлежность к ним передавалась по наследству, соблюдались брачные соответствия. Право владения рабами и землей, обрабатываемой арендаторами и поденщиками, принадлежало двум верхним стратам, внутри которых соблюдались строгие запреты на определенную профессиональную деятельность. Владение оружием и охрана племенной территории, покровительство и защита низших статусных групп в обмен на выплату дани были достойными занятиями *кабилей*, как и набеги на соседей и взимание поборов за проход караванов через территорию племени.

Все виды торгово-ремесленной деятельности и обработка земли были уделом неполноправного слоя. Иерархия статусных групп внутри него определялась престижем профессии. Работа по найму также была признаком неполноправности.

К началу XIX в. в арабском мире были представлены едва ли не все ступени эволюции государственного строя — от ранних форм государственности до зрелой формы военно-бюрократической монархии, претендующей на теократический характер верховной власти.

Только три теократические монархии — Марокканский шерифский султанат, Оманский ибадитский и Йеменский зейдитский *имаматы* — имели относительно продолжительную историю. В остальном арабском мире еще происходило становление новых государств или путем обретения фактической самостоятельности североафриканскими (Алжир, Тунис, Ливия) и аравийскими (*шерифат* Хиджаза) провинциями Османской империи, или в результате политогенеза племенной стихии на периферии, а также за пределами империи (шейхства Кувейта, Бахрейна, Катара, Пиратского берега, султанаты Хадрамаута, эмираты Внутренней Аравии). Но и в арабо-османском регионе империи уже наметилась тенденция этнорегиональной консолидации отдельных его частей (яркие примеры тому — Египет и Горный Ливан).

Становление арабской государственности происходило в традициях мусульманской политической культуры. При этом магрибинские государства также ис-

75

пытали влияние политических институтов Османской империи. Однако, даже отпочковавшись от Османской империи, магрибинские провинции не были в состоянии воссоздать османскую государственную структуру во всей ее полноте. Аравийские же государства воспринимали на первых порах лишь политические институты, присущие мусульманскому обществу первых веков ислама. В Магрибе (исключая Алжир) и Аравии создавались государства с наследственным монархическим правлением. В Ливанском эмирате, Шерифском султанате Марокко и Оманском имамате династийный принцип передачи власти сочетался с избранием правителя, хотя бы формальным, в узком кругу и принесением разными слоями общества клятвы (*байя*) на верность новому правителю. Вспышки борьбы за престол и смуты сопровождали обычно переход власти к очередному престолонаследнику, что влекло за собой нестабильность политической жизни.

Аппарат власти в арабских патриархальных государствах, вверенный подчас ближайшим родственникам и придворному окружению, формировался из дворцовых служб монарха. Впрочем, в магрибинских государствах оформились правительственные органы власти, состоявшие из глав финансового (казна), военного и морского ведомств, в сферу последнего входило управление

таможнями и иностранными делами. Пожалуй, только в Тунисе и Марокко определился пост первого должностного лица в правительстве.

Ливанский эмират, это небольшое горское вассальное образование, демонстрирует путь возникновения второго центра в еще весьма патриархальном аппарате власти. Это был выделившийся из дворцовых служб институт *мудаббира*, своего рода майордома (вне Ливана — *кяхья, кетхуда*). *Мудаббир* одновременно являлся воспитателем сыновей-наследников правителя. Влиятельные *мудаббир* сосредоточивали в своих руках едва ли не всю полноту власти. Аппарат управления ливанских *хакимов* состоял из канцелярии с секретарями-кятм&шм и порученцами-вакилями, которые выполняли отдельные поручения правителя. Серьезные уголовные преступления рассматривались *хакимом*, шариатское судопроизводство осуществляли назначаемый извне *кади* и его заместители-намбг. По этой схеме строилось управление в большинстве шейхств и султанатов в Аравии. Юридическими основами власти арабских шейхов было племенное право, тогда как в Горном Ливане существовало записанное право, сведенное в судебник.

Несмотря на наличие служб двора и служб государства (*махзен*) и появление первого лица в администрации, полного разделения институтов правительства и двора в Магрибе (как и Ливане) не произошло. Не была разделена государственная и дворцовая казна. В Марокко в зависимости от личных качеств султана и могущества тех или иных группировок правящей элиты преобладало влияние *махзена* или двора на дела государства. В Османской империи процесс разделения двора и правительства продвинулся значительно дальше (наличие двух отдельных резиденций, двух *диванов* — султана и великого *везира*, государственной и дворцовой казны — *мири-хазине* и *ич-хазине* и др.). В государствах патриархального типа, как правило, практиковалось назначение наместниками в важнейшие провинции ближайших родственников правителя, а на высшие должности в аппарат управления — представителей знатных ро-

76

дов, его окружавших. В Оманском имамате-султанате наследнику престола поручалось управление второй столицей государства. По этому же пути пошел ливанский эмир Бешир II Шихаб, когда начал отстранять от управления владения-*мн-мукаатаа* оппозиционных друзских *мукаатаджеив* и назначать туда своих сыновей. Повсюду существовала тенденция передавать должностные посты по наследству. Традиционным способом избавления от диктата придворной и племенной знати было воссоздание аппарата управления из лишенных родственных и этнических связей рабов и вольноотпущенников. Так происходило по мере освобождения от османской зависимости в Тунисе, Ираке, Палестине.

Восстановление влияния *мамлюков* на политическую жизнь Египта имело место одновременно с возрождением египетского регионализма.

Формирование обширного центрального бюрократического аппарата, привлечение к управлению провинциальных кадров и их профессиональная специализация, утверждение иерархии должностных лиц соответственно своеобразной табели о рангах, содержание многочисленных канцелярий, разветвленная система контроля — это уже были признаки зрелой формы государственности Османской империи.

Рассмотренные различия в социально-экономической и политической организации разных регионов ближневосточного мира соотносились с разным направлением и различной степенью зрелости политических процессов, в них протекавших. Сценарии политической жизни в этих регионах были столь различны, что они требуют отдельного анализа и описания.

Турция как этнополитический центр империи отличалась более полнокровной политической жизнью. Здесь рано установились официальные связи с европейскими державами (вопреки стремлению Порты не допустить или по крайней мере ограничить самостоятельные контакты провинциальных правителей с Европой). В столице формировалась имперская внутренняя и внешняя политика, уже подверженная влиянию держав, и ранее чем в других регионах начались военно-политические и культурные преобразования модернизационного характера.

И внутренняя и внешняя политика Порты традиционно оказывала влияние на все регионы ближневосточного мира, в том числе на страны, не интегрированные в это политическое образование (например, Марокко и арабские потес-тарные режимы), хотя к реформированию своей военно-политической системы полусамостоятельные и не входящие в империю регионы приступили позднее.

ЕГИПЕТ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В конце XVIII в. Египет оставался одной из самых богатых османских провинций, политически самодостаточной. В исторической памяти египетской правящей элиты, к которой апеллировал в 1770-е годы Али-бей аль-Кабир, сохранялись представление о процветании страны в эпоху мамлюкского государства и ностальгия по независимому султанату.

77

До известной степени этой элите, мамлюкской по способу формирования, удалось осуществить часть своих политических устремлений благодаря некоторой консолидации собственных рядов. Вместо

враждующих из-за командных позиций нескольких мамлюкских домов с середины XVIII в. господствующее положение занял *бейт* Каздоглия, что не исключило внутренних столкновений между его лидерами, теми, кто использовал османский политический авторитет (Мухаммед-бей Абу аз-Захаб, Исмаил-бей), и их соперниками, кто играл на антиосманских настроениях (Али-бей аль-Кабир, Мурад-бей и Ибрахим-бей). Такое сужение круга претендентов на пост *шейх аль-балада* усилило власть *мамлюков* и позволило заметно подорвать турецкие позиции.

Обозначились и черты самостоятельной внешней и внутренней политики мамлюкских правителей. Можно говорить об их попытках развивать самостоятельные отношения с европейскими государствами: они стимулировали оживление внешней торговли и добивались от османских властей открытия европейского судоходства по Красному морю, чтобы направить через Египет потоки восточных товаров. (Это не исключало жалоб европейских торговцев на произвол Мурад-бея и Ибрахим-бея, что послужило официальным предлогом для экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет.)

В своей экономической политике лидеры *бейта* Каздоглия опирались на сирийских эмигрантов греко-католиков, отстранив от управления таможнями и лишив экономических привилегий еврейскую общину, связанную с Портой. В сношениях с Европой *мамлюки* использовали также осевших в Каире венецианцев, имевших торговые и финансовые контакты с европейским торгово-финансовым миром. В Александрии пребывали консулы европейских держав, осуществлявшие в Египте и дипломатические функции. Египет и ранее отличался известной лояльностью по отношению к иноконфессиональным общинам, теперь политика дома Каздоглия привела к росту коммерческой активности и политической роли представителей христианских общин.

Как бы ни складывались взаимоотношения мамлюкских правителей с Портой, они не проявляли намерения идти на решительный разрыв с османскими султанами — халифами мусульман, хотя во время конфликтов со своим мусульманским сюзереном они, нарушая религиозные заветы, вставали на путь поиска поддержки со стороны европейских держав. И тем не менее они были далеки от того, чтобы приступить, подобно Селиму III, к укреплению и модернизации своих вооруженных сил и тем более обратиться к реформированию привычных порядков в Египте. Мамлюкская политическая элита не отдавала себе отчета в непрочности и нежизнеспособности в новых условиях своего архаичного по системе самовоспроизводства режима. В то время как в Порте происходил процесс укрепления бюрократических форм управления, в организации власти и армейского командования *мамлюков* преобладали личностные отношения. Турки постепенно отходили от традиции рекрутирования должностных кадров из числа султанских рабов (*кул*) и их профессиональной подготовки в процессе прохождения дворцовой службы; мамлюкская правящая группировка, напротив, стремилась к расширению рынка рабов. В Египте отсутствовали устойчивая преемственность и сложившиеся формы легитимации мамлюкских правителей. Пробившиеся к власти мамлюкские лидеры и их ближайшее окружение оставались временщиками, озабоченными собственным обогащением.

78

Дело заключалось даже не в том, что мамлюкская элита была этнически чужда коренным жителям, их режим не отражал интересы коренного населения, не способствовал пробуждению египетского общества к активной политической жизни, необходимому для успешного противостояния турецким вооруженным вторжениям и надвигавшейся европейской экспансии. Это нашло очевидное подтверждение в ходе египетской экспедиции Наполеона.

ЭКСПЕДИЦИЯ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В ЕГИПЕТ

В декабре 1797 г. Наполеон предложил Директории проект военной экспедиции в Египет. Собственно, планы колониального завоевания этой страны Франция строила задолго до революции. Однако старое правительство не было в состоянии их осуществить. Директория же быстро отреагировала на предложение Бонапарта, и в марте 1798 г. он был назначен главнокомандующим восточной армии. О целях египетского похода Наполеон откровенно писал в своих мемуарах: расчет был сделан на превращение Египта под французским владычеством в рынок для французских мануфактур и на усиление потока продовольственных и прочих продуктов Азии и Африки во Францию. Кроме того, с египетской экспедицией связывались антибританские планы. По словам Наполеона, «если бы французы обосновались в Египте, англичане не сумели бы удержаться в Индии». Не последнюю роль играло стремление утвердить французское господство в ливантской торговле, оттеснив Великобританию на задний план.

События развивались стремительно. 19 мая 1798 г. в глубочайшей тайне относительно цели похода (его участники полагали, что эскадра направляется к Гибралтару для военных действий против Англии) 38-тысячная французская армия, размещенная почти на 400 судах, отплыла из Тулона и других средиземноморских портов.

Несмотря на предупреждение британского адмирала Нельсона о приближении французов, *мамлюки* не приняли никаких мер. Они были убеждены в безусловном превосходстве своих вооруженных сил над европейскими, и последствия были предreshены. 2 июня французские войска, высадившиеся возле

Александрии, за несколько часов сломили сопротивление местного гарнизона, поддержанного горожанами и бедуинами. А 21 июля 1798 г. мамлюкское войско потерпело сокрушительное поражение в сражении под Каиром, в полутора десятках километров от египетских пирамид. Мурад-бей с остатками разгромленной армии бежал в Верхний Египет, Ибрахим-бей — в Сирию, так и не сумев привлечь торговцев и ремесленников Каира к участию в обороне города.

Однако торжество Наполеона было омрачено событиями, имевшими долговременные последствия: в августе адмирал Нельсон разгромил французскую эскадру при Абукире вблизи Александрии и установил морскую блокаду Египта, осложнив связь французской экспедиции с родиной. К тому же Порты, не доверяя заверениям Франции в давней дружеской расположенности к Османской импе-

79

рии и утверждениям Наполеона о том, что целью похода является лишь сокрушение власти *мамлюков*, не повинующихся султану, в сентябре 1798 г. объявила войну Франции и призвала население к *джихаду*, что было элементом внутренней политики. А во внешней политике Порты уже вступила на путь интеграции в европейские международные отношения: она включилась в антифранцузскую коалицию, в состав которой входили Англия, Австрия и Россия. (Коалиция распалась после заключения Англией и Францией в марте 1802 г. Амьенского мирного договора, признававшего целостность Османской империи в довоенных границах.)

Победу французов египетское общество восприняло как «крушение устоев». Большинство египтян французская армия была встречена враждебно. Недоверия к «чужакам» и иноверцам не устранило ни послание Наполеона, в котором он провозгласил, что французская армия прибыла в Египет для освобождения египтян «из-под гнета *мамлюков*», ни широкое использование идей свободы, равенства и братства в обращениях французского командования к населению, ни перевод на арабский язык «Декларации прав человека», которую вместе с Кораном выкладывали рядом с *улемами* на французских приемах. Идеи, порожденные эпохой Просвещения и французской революцией, были близки европейскому сознанию, но чужды египтянам. Им был понятен и близок средневековый идеал «справедливости» (*адл*) — понятие сложное, означавшее и правосудие, и правопорядок, освященный традицией.

Между тем декларация французов об освобождении от мамлюкского режима в сочетании с обещаниями свободы, ассоциировавшейся для египтян с освобождением по крайней мере от незаконных налогов, противоречила оккупационной политике. Население не только не было освобождено от податных злоупотреблений, но страдало от новых обложений, незаконных конфискаций и реквизиций, а главное — от по-европейски четко налаженной системы взывания налогов: перед французским командованием стояла задача покрыть огромные издержки, причиненные государственной казне экспедицией, и обеспечить армию продовольствием, фуражом, жильем и снаряжением. Захват французами собственности *мамлюков* не вызвал сочувствия египтян, скорее он представлялся нарушением шариатских установлений. Между тем французы, ликвидировав мамлюкское землевладение, провели регистрацию сельскохозяйственных земель, попытались ввести налоговую систему, ориентированную на частное, а не общинное землевладение, готовясь заменить совокупность повинностей единым налогом. (Именно это впоследствии осуществил Мухаммед Али.) В итоге не прошло и трех месяцев с начала французской оккупации, как по стране прошла волна антифранцузских выступлений, а 21 октября 1798 г. в Каире вспыхнуло вооруженное восстание, спровоцированное приказом властей составить реестры городской недвижимости, что было принято за подготовку к фискальным нововведениям французов. На следующий день французская армия подвергла жестокому артиллерийскому обстрелу кварталы повстанцев, осквернила мусульманскую святыню — мечеть аль-Азхар. К вечеру азхарские шейхи выступили парламентарями и объявили перемирие. За этим последовала невиданная по своей жестокости расправа над всеми причастными к восстанию.

Готовя египетскую экспедицию, Наполеон Бонапарт отдавал себе отчет в том, что в Египте «наибольшие препятствия, с которыми столкнутся французы, будут

80

проистекать из религиозных идей». Толерантность в вопросах религии, распространенная в эпоху Просвещения, благоприятствовала провозглашению Наполеоном исламофильской политики в Египте. Демонстрация уважения к Корану и исламским святыням вплоть до заявлений о готовности принять ислам, поддержка *хаджа*, мусульманских религиозных праздников, сохранение ряда привилегий мусульманского духовенства и поиск политической опоры среди египетских *улемов* были очевидными признаками этой политики.

И хотя мусульманское население не обольщалось искренностью этих демонстраций и нараставший протест облекался в конечном счете в религиозную форму, религиозная политика Наполеона, как и вступление Порты в состав европейской коалиции, была важной вехой на пути устранения религиозного фактора из сферы политических противостояний — отказа от средневековой идеологии

джихада и крестовых походов.

Вместе с тем Наполеон имел намерение осуществлять в Египте мероприятия, направленные на просвещение египтян и «исправление их нравов». С Мальты были доставлены типография с арабским шрифтом и переводчики. Традиционную практику оповещения населения о важных политических событиях через глашатаев французы заменили обычаем вывешивать на многолюдных перекрестках дорог обращения командования или важную политическую информацию, конечно во французской интерпретации. Уже в конце августа 1798 г. вышел первый номер газеты на французском языке «Курье де л'Эжипт», позже началось издание информационного листка «ат-Танбих» на арабском языке. Для всеобщего обозрения проводилась демонстрация научных и технических опытов. Образованные египтяне могли познакомиться с научными коллекциями и библиотекой светских книг, которые привезли с собой французские ученые, сопровождавшие французскую армию.

22 августа 1798 г. в Каире был открыт Египетский институт, его первыми сотрудниками стали французские ученые. Институт заложил основы научной египтологии, перед ним также ставилась задача «осуществления прогресса в просвещении Египта». И хотя о просвещении населения в европейском смысле слова, к тому же в условиях военно-политического столкновения двух чуждых культур, еще не могло идти речи, тем не менее несколько десятилетий спустя культурная политика Мухаммеда Али будет следовать по пути, проложенному экспедицией Наполеона, а один из ранних арабских просветителей — Рифаа ат-Тахтави засвидетельствует, что достижения французов в области египтологии в конечном счете открыли глаза египтянам на их древнюю историю, чем способствовали формированию египетского национального сознания.

Административные мероприятия французов в Египте строились на принципе совмещения власти оккупационного командования с деятельностью традиционных для мусульманского мира совещательных советов (*диванов*) — центрального в Каире и местных в провинциях. Теперь *диваны* как коллегиальные административные органы должны были обрести самостоятельность (ранее они были совещательными собраниями, созываемыми правителями), впрочем, и при французах они располагали лишь минимумом властных полномочий. К тому же деятельность *диванов* находилась под неусыпным контролем французских властей.

81

Хотя французы провозгласили равные для всех египтян права занимать должностные посты и даже попытались проводить выборы в *диваны*, они были вынуждены, приспособившись к египетским политическим традициям, отказаться от этих нововведений. Своей социально-политической опорой французское командование избрало *улемов* — образованный слой населения, традиционно исполнявший посреднические функции между *мамлюками* и египтянами. Видные *уле-мы*, принявшие на себя ответственность за взаимодействие оккупационной армии и населения, составляли ядро *диванов* при всех их реорганизациях, в ходе которых в них вводились представители различных групп населения, вплоть до шейхов торгово-ремесленных цехов. Наполеон сохранил традиционную мусульманскую судебную-юридическую систему, лишь постепенно заменив на высших судебных должностях представителей Порты египтянами. Безусловным новшеством для Египта стало включение в состав судов по рассмотрению коммерческих исков представителей арабов-христиан и коптов, а также назначение жалованья членам советов.

Наполеон не стал тратить усилия на военное подчинение Верхнего Египта, позже его правителем был утвержден Мурад-бей. Внимание командующего было направлено на дальнейшее продвижение на восток. Он предпринял политические диверсии против Англии, разослав послания в Оман, Йемен и Индию, в которых указывал на антибританскую направленность своей экспедиции (чем спровоцировал последующую активность англичан в Маскате и Адене, этих ключевых пунктах британских коммуникаций, соединявших Индию с Европой). С намерением перенести плацдарм военных действий против Порты из Египта в Сирию, а также заблокировать британские коммуникации, проходившие через Северную Сирию, Наполеон в феврале 1799 г. начал свой сирийский поход. Он рассчитывал на поддержку многочисленного христианского населения этого региона.

Военные успехи французской армии позволили ей продвинуться в глубь Палестины и оказаться под хорошо укрепленными стенами Акки. С моря Акку защищали английские суда под командованием Сиднея Смита. Осада затянулась, во французской армии вспыхнула чума. Между тем сирийские христиане выжидали, и в мае 1799 г. Бонапарт начал первое в своей жизни отступление — отвод французской армии в Египет.

Несмотря на последующую победу над турецким десантом под Абукиром в летней кампании 1799 г., Наполеону стало ясно, что египетская кампания проиграна. Тайно покидая армию в августе, он дал указание своему преемнику генералу Клеберу заключить мирный договор с Портой даже ценой ухода армии из Египта. В январе 1800 г. в эль-Арише была подписана конвенция, предполагавшая эвакуацию французской армии, но английское командование потребовало соблюдения условий полной капитуляции, и Клебер возобновил военные действия. Поскольку в марте 1800 г. потерпела новое

поражение восьмидесятитысячная турецкая армия, то французская оккупация продлилась еще на целый год. А преемник убитого сирийцем Клебера генерал Мену даже провозгласил Египет колониальным владением Франции.

Этот второй этап французской оккупации ознаменовался восстанием в Каире, вспыхнувшим 29 марта 1800г., на следующий день после ухода французских войск из города навстречу турецкой армии.

Восстание продолжалось более ме-
82

сяца. Это был взрыв всеобщего политического протеста против французской оккупации, впрочем начавшийся с призыва к *джихаду*. В нем участвовали солдаты разбитой турецкой армии и мамлюкские группировки (хотя Мурад-бей принял французскую сторону); знаменательной стала активность каирского простонародья. Важную роль в событиях сыграли и *улемы*, поддержавшие восстание. В апреле французская армия предприняла многодневный штурм города, наполовину его разрушив и обложив чудовищной контрибуцией.

В сентябре 1801 г. французская армия, расчлененная высадившимися в Абукире английскими войсками, вступившей в Египет турецкой армией и мамлюкскими группировками Верхнего Египта, принуждена была капитулировать, а затем и покинуть Египет.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА МУХАММЕДОМ АЛИ

По Амьенскому мирному договору Египет должен был быть возвращен под сюзеренитет турецкого султана. Но вспышка всеобщего политического возбуждения (1804 г. — антимамялюкское, 1805 г. — антитурецкое восстания) не позволила ни туркам, ни мамлюкам восстановить прежние порядки. Масла в огонь подлили англичане, которые, опираясь на поддержку одной из группировок *мамлюков*, дважды (в 1801-1803 гг. и 1807г.) высаживали свои войска в Александрии, пытаясь утвердиться в Египте.

Поскольку со времени французской оккупации наибольшим влиянием в Египте пользовались *улемы*, они и решили дальнейшую судьбу страны, сделав ставку на молодого талантливого военачальника и честолюбивого политика Мухаммеда Али. Выходец из Македонии, Мухаммед Али прибыл в Египет в составе албанского подразделения турецких войск и сделал здесь головокружительную политическую карьеру благодаря искусному лавированию между основными политическими силами Египта и все еще бурлящим простонародьем. В критических ситуациях он поддерживал народные волнения и блокировался с *улемами*, постепенно терявшими влияние на массовое движение. В результате улемская верхушка аль-Азхара и ее лидер *накиб аль-ашираф* Омар Макрам, пользовавшийся высоким авторитетом благодаря активному участию в борьбе против французов, вступили в тайное соглашение с Мухаммедом Али и обратились к султану с прошением о назначении того османским *вали* Египта. Некоторые *улемы* рассчитывали использовать власть Мухаммеда Али, подкрепленную вооруженной поддержкой верных ему албанцев, в целях умиротворения страны, надеясь сохранить влияние на нового правителя в вопросах управления. Простонародье видело в нем едва ли не харизматическую личность — турецкого *каймакама*, поддержавшего их протесты, политика, нанесшего серьезный удар *мамлюкам*, военачальника, победившего англичан, способного к тому же мобилизовать для защиты страны усилия всех слоев населения. Сам Мухаммед Али, учитывая опыт североафриканских монархий, рассчитывал использовать османский аппарат управления для утверждения в Египте собственной на-

83

следственной династии вопреки многовековой традиции мамлюкского правления.

Демарш в пользу нежелательного для Стамбула претендента на пост *вали*, к тому же исходивший от *улемов*, произвел в Порте замешательство. Но у Селима III не оставалось иного выбора: империю и без того сотрясали янычарские бунты, возбужденные его реформами.

Придя к власти (1805 г.) и желая удержать ее, Мухаммед Али оказался перед необходимостью реорганизации управления Египтом. События, сопровождавшие его политический взлет, открыли перед ним широкие политические возможности, которые он и использовал для проведения серии реформ, часть из которых можно назвать модернизационными.

По-видимому, он учел трагический опыт Селима III и предпослал своей реформаторской деятельности разгром политических противников — *мамлюков*, жестоко преследуя их после восстания 1808 г. и вероломно учинив им резню в 1811 г. Одновременно он нанес упреждающий удар по своим потенциальным оппонентам — *улемам*, лишив постов и отправив в ссылку оппозиционно настроенных шейхов и в их числе своего бывшего покровителя шейха Омара Ма-крама. Этим актом он положил начало политике подчинения мусульманских религиозных институтов государственной власти.

Преобразовательную деятельность Мухаммед Али начал с земельной реформы, растянувшейся на несколько десятилетий, во время которых он успел сформировать социальную опору нового режима. Первый этап реформы (1809-1815) не затронул крестьянского общинного землевладения, но были ликвидированы *ильтизамы*, обложены налогами и поставлены под контроль государства значительная часть *вакфов*, т.е. те формы землевладения, которые составляли фундамент материального обеспечения

и власти на местах *мамлюков, улемов, городских аянов*. Отмену условного феодального землевладения он осуществлял поэтапно, частично возмещая потери их владельцев сохранением домениальных земель (*усийа*), назначением пожизненных пенсий, возложив на государство содержание богоугодных заведений, которым были приписаны *вакфы*. Подготовка реформ сопровождалась проведением различных правовых мероприятий — переписью тех *ильтизамов*, с которых в казну перестали поступать налоги, регистрациями владельческих документов, судебными рассмотрениями жалоб обиженных и др.

На следующем этапе земельная реформа затронула крестьянское землевладение. Между 1813 и 1818 гг. при участии иностранных специалистов и деревенских шейхов были составлены кадастры всех обрабатываемых земель, введена единая мера измерения земли, взамен прежних многочисленных податей установлен единый поземельный налог. Там, где ранее происходили общинные переделы, за земледельцем закреплялся традиционный надел в 3-5 *федданов*. В Нижнем Египте, где наметилось развитие частнособственнических тенденций, было зафиксировано сложившееся крестьянское землевладение и размер налога записан не за общиной, как в остальном Египте, а за каждым хозяйством. Владельческие права крестьян по-прежнему обуславливались уплатой налога, и крестьянин не имел права покинуть деревню. Общинная организация преобразовывалась в государственную, староста (*омда*) взамен жалования получал не облагаемый на-

84

логами участок земли. Иными словами, подрывая общинную организацию, Мухаммед Али поначалу вовсе не укреплял в деревне частную собственность на землю.

Все земли, не вошедшие в кадастр, — многочисленные заброшенные деревни, часть общинных угодий, неорошенные территории — становились безраздельной собственностью государства. Как рачительный хозяин, Мухаммед Али заботился о введении их в сельскохозяйственный оборот через выращивание на них высокосортных экспортных культур (длинноволокнистый хлопок, индиго, рис, сахарный тростник). Эти земли, обрабатывавшиеся издольщиками и поденщиками, превращались в государственные имения — *чифтлики*, продукция с которых реализовывалась государством на внешнем и внутреннем рынках через систему монополий. Государственная монополия на закупку широкого круга сельскохозяйственных культур, введенная в 1816г., была распространена и на хозяйство фаялахов-налогоплательщиков, которым временами давались нормы на возделывание определенных культур. Со своей стороны, государство было готово поддержать *феллахов* кредитами. С отменой *ильтизамов* земледельцы оказались под непосредственным управлением государства. Теперь на любые требования своих бывших *мультазимов* они отвечали отказом, объясняя, что больше не являются «их *феллахами*», ибо стали «*феллахами* паша». В свою очередь, Мухаммед Али предписал жестоко взыскивать с должностных лиц за все незаконные поборы с населения. Однако прямая власть государства над земледельцами, позволив Мухаммеду Али сконцентрировать огромные финансовые средства и трудовые ресурсы, заметно осложнила положение непосредственного производителя: был установлен строгий контроль за выплатой налогов и взысканием недоимок, мало кому удавалось уклониться от предписаний монополий, а власть обрела возможность мобилизовывать земледельцев на низкооплачиваемые государственные работы. Благодаря этому в стране были развернуты невиданные по широте ирригационные работы — сооружение каналов, дамб, плотин, обеспечивших в Нижнем Египте круглогодичное орошение.

В итоге по окончании двух этапов аграрной реформы объем обрабатываемых земель увеличился с 2032 тыс. *федданов* в 1821 г. до 3124 тыс. в 1833 г., а налоговые поступления за то же время выросли с 660,5 тыс. до 1085 тыс. егип. фунтов. Система монополий превратила Египет в хлопкоэкспортирующую страну (вывоз хлопка вырос с 1821 по 1845 г. с 1 тыс. кантаров до 345 тыс.). Однако опыт «этатизации» сельского хозяйства очень быстро обнаружил свою несостоятельность: принудительное возделывание трудоемких экспортных культур истощало землю, низкие закупочные и произвольно завышенные продажные цены на сельскохозяйственное сырье при строгом регулировании цен на мануфактурно-ремесленные товары способствовали развитию черного рынка, дестабилизации цен; отвлечение земледельцев на государственные работы и военную службу, круговая порука в уплате налога, дополнительные налоговые требования вели к разорению земледельцев, участилось бегство *феллахов* из деревень, в 1820-е годы начались крестьянские волнения, а в 1830-е годы обнаружились признаки экономического спада.

С 1830-х годов происходит изменение направления государственных поземельных мероприятий в сторону становления частнособственнических отноше-

85

ний, которые сначала распространились на привилегированное крупное землевладение. Началась приватизация государственных земель — раздача обрабатываемых *чифтлик*ов и неорошенной земли *ибадийя* в пожалование членам семьи Мухаммеда Али, его ближайшему окружению, должностным лицам на условиях их дальнейшего хозяйственного использования или освоения. В ходе этих меро-

приятнейшим самым крупным землевладельцем стал Мухаммед Али. Поначалу земли передавались без права отчуждения и наследования, но указами 1837 и 1842 гг., утвержденными не без давления новых землевладельцев, эти ограничения отменялись. (В 1854 г. все помещичьи земли были обложены более легким, чем крестьянский, поземельным налогом *ушр*, составив единую категорию налогооблагаемых земель *ушрийя*.) Укрепление же владельческих прав крестьян (на облагаемые налогом земли *хариджийя*) произошло позднее, уже при преемниках Мухаммеда Али.

Растущие поступления в казну позволили Мухаммеду Али приступить к реформированию армии, ядро которой поначалу составляли албанские и турецкие подразделения. Неэффективность турецко-албанского войска проявилась в ходе аравийской кампании против *ваххабитов*, которую Мухаммед Али осуществил по указанию Порты. Военные действия, хотя и завершились их разгромом, проходили с переменным успехом и растянулись почти на десятилетие (1811-1818). Мухаммед Али продолжил комплектование армии из рабов, на этот раз преимущественно суданцев (после завоевания Восточного Судана во время военной кампании 1820-1822 гг.). С 1816г. по совету Сулейман-паши (французского офицера Сева, перешедшего на египетскую службу) Мухаммед Али, преодолевая этнические и сословные предубеждения, приступил к набору солдат из числа египтян. Для подготовки новых подразделений в 1820 г. был организован военный лагерь под Асуаном, обучение в котором осуществлялось под руководством европейских инструкторов по французскому образцу.

Несовместимость архаичной системы комплектования войска с европейскими методами его организации привела Мухаммеда Али в 1823 г. к решению ввести в стране рекрутский набор. Несмотря на сопротивление населения, опыт оказался удачным: это продемонстрировала совместная с турками кампания по подавлению греческого восстания 1824-1827 гг. К 1831 г., когда Мухаммед Али, решившись на открытое противостояние Порте, вторгся в Сирию, нанес туркам несколько сокрушительных ударов и достиг Кони, причем османский трон был тогда спасен лишь вмешательством держав, египетская армия, включавшая пехотные, кавалерийские и артиллерийские подразделения, насчитывала 300 тыс. человек, обученных по французской системе. Офицерский состав армии проходил подготовку в открытых Мухаммедом Али специализированных училищах.

Одновременно Мухаммед Али приступил к строительству египетского флота.

Реорганизация армии и создание флота послужили важным импульсом для развития государственного предпринимательства в промышленности — сооружения в 1830г. Александрийского арсенала, оснащенного литейными цехами, кузницами, слесарными мастерскими и оборудованием для производства парусного полотна и канатов, а также создания чугунолитейного, ружейного, порохового и других заводов. Однако предпринимательство, порожденное армейскими

86

потребностями, не исчерпывало всей активности Мухаммеда Али и его окружения.

Еще в 1816г. государственная монополия на большинство видов сельскохозяйственных культур была распространена на скупку и сбыт мануфактурно-ремесленных изделий. В сочетании с тяжелыми налоговыми поборами это повлекло за собой разорение производителей. Тысячи ремесленников остались без работы. В свою очередь, казна выступила инициатором создания крупных мануфактур, а затем перешла к строительству фабрик, оснащенных механической тягой и европейскими станками. В 1829 г. в Египте уже функционировало 29 только прядильных и ткацких фабрик, кроме того, создавались хлопкоочистительные и хлопкопрессовальные, сахаропроизводящие и стекольные заводы, рисоочистительные, бумажные фабрики. Инженерно-технический персонал этих предприятий, по крайней мере на первых порах, состоял из иностранных специалистов, рабочие же вербовались из простых египтян, были прикреплены к фабрикам и подвергались полуфеодальной эксплуатации. Хотя оборудование и инженерно-технический уровень персонала на некоторых из этих фабрик и вызвали восхищение европейских путешественников, эта промышленность не располагала соответствующей фабричному производству социально-экономической инфраструктурой и была обременена высокими расходами на ввозимое оборудование, приглашение иностранных специалистов, ее функционирование обеспечивалось защитными таможенными пошлинами, государственной регламентацией цен, казенными субсидиями и т.п. После капитуляции Мухаммеда Али под давлением объединенных сил Турции, Англии и Австрии (см. выше, в гл. 3) и распространения на Египет действия англо-турецкого договора 1838г., предусматривавшего отмену системы монополий, стало очевидно, что промышленность Египта оказалась не подготовленной к существованию в условиях свободного рынка и конкуренции с Европой, что привело к жесточайшему экономическому кризису и закрытию множества предприятий.

В условиях государственного вмешательства в экономику частный египетский торговый капитал переживал не лучшие времена, в новой системе ему отводилось место агента или посредника в экономических мероприятиях казны. Накопление торгового капитала было едва ли не заблокировано. Не случайно с отменой монополий он не смог устоять перед наплывом купеческого капитала даже из соседних арабских стран.

Активная политика Мухаммеда Али в различных сферах египетской жизни потребовала усовершенствования государственного аппарата и системы провинциального управления. Собственно, Мухаммед Али, как и правители вассальных государственных образований Северной Африки, не предполагал провозглашать свое отделение от Османской империи, возглавлявшей мусульманскую общину, противостоявшую христианскому миру Европы: он исправно направлял в Стамбул причитающуюся дань, имя султана поминалось в пятничной *хутбе* всех египетских мечетей; в свою очередь, султан продолжал ежегодно подтверждать законность пребывания Мухаммеда Али на его посту.

Целя и сохраняя религиозно-правовые связи с Османской империей, Мухаммед Али вместе с тем действовал в направлении утверждения Египта как само-

87

стоятельного государственного образования. Сам он говорил, что его помыслы направлены на деятельность «в Египте и для Египта». Но Египет он рассматривал скорее в границах некогда лидировавшего в ближневосточном мире мамлюк-ского султаната. Ради того чтобы получить в управление своей семьи Сирию, он вел войну в Аравии, помогал султану подавить греческое восстание и, не получив обещанной инвеституры, предпринял успешную военную операцию по завоеванию Сирии (1831-1840).

Сам Мухаммед Али и его окружение, состоявшее из турок, «черкесов» и албанцев, были людьми османской культуры, турецкий язык господствовал при дворе правителя и в деловой переписке. Пожалуй, только сын Мухаммеда Али Ибрахим-паша, который провел год при султанском дворце в качестве заложника и ненавидел турок, был готов опираться на арабское население. На высокие должности Мухаммед Али традиционно назначал своих родственников и людей из ближайшего окружения. Вместе с тем он был политиком-прагматиком и в нарушение религиозных установлений приглашал в качестве государственных советников европейцев, а на высокие посты — подчас и восточных христиан: коптов, армян, сирийских греко-католиков. Оставаясь благочестивым мусульманином, Мухаммед Али проявлял в то же время в политике религиозный прагматизм. Будучи по духу реформатором, он преобразовал османский провинциальный малоэффективный аппарат управления в целостную систему государственной власти, отмеченную печатью модернизации, опередив тем самым политические реформы в самой империи. В середине 1830-х годов Египет располагал широким для своего времени спектром специализированных центральных ведомств-*диванов* (прообраз министерств) — военным, внутренних дел, финансов, народного просвещения, иностранных дел и торговли, при которых существовали комиссии и коллегии по морскому делу, сельскому хозяйству, здравоохранению и т.п. Несмотря на то что вся полнота верховной власти принадлежала Мухаммеду Али, при нем в 1838 г. был создан Государственный совет — совещательный орган, в деятельности которого участвовали главы провинциальных управлений, съезжавшиеся со всего Египта. Совет совмещал функции законодательной и исполнительной власти, а возможно, был и высшей судебной инстанцией по уголовным преступлениям.

Мы не располагаем свидетельствами об изменении Мухаммедом Али правовой и судебной систем, как и о создании представительных органов власти, разве что практика египетского управления Сирией свидетельствовала об учреждении городских *меджлисов*, в функции которых помимо муниципальных вопросов входило рассмотрение коммерческих исков.

Мухаммед Али создал четкую организацию провинциальной и местной власти, распространив ее на всю территорию страны — от Нижнего до полунезависимого при *мамлюках* Верхнего Египта. Страна была разделена на провинции (*мудирши*) во главе с губернаторами (*мудирами*), *мудирши*, в свою очередь, подразделялись на округа и уезды. Низшим звеном управления стала деревня, аппарат самоуправления которой превратился в государственный орган во главе с *омдой*, в ведении которого были вопросы налогообложения и разбор конфликтов между *феллахами*. На глав округов (*маамуров*) ложилась ответственность за сбор

налогов, набор *феллахов* в рекруты и для общественных работ, как и контроль за работой государственных фабрик, расположенных в округе, ибо экономическая система основывалась на полицейском надзоре чиновников. *Мудир*, в свою очередь, отвечал за состояние каналов, мостов, дорог. И *маамур* и *мудир* были обязаны еженедельно письменно отчитываться в своей деятельности перед министром внутренних дел. По-видимому, Мухаммед Али, подобно европейским монархам XVIII в., рассматривал систему государственного управления как регулярно и правильно заведенный механизм, этот же порядок он пытался военно-полицейскими методами учредить в государственных и личных имениях, управляющими которых были нередко офицеры, стремившиеся ввести в хозяйственный распорядок военную дисциплину. Идеалом социального устройства на местах должны были стать образцовые деревни, которые с большим трудом пытались создать в первых трех предназначенных для показа селениях.

Претворение в жизнь нововведений Мухаммеда Али потребовало подготовки кадров, имевших современное светское образование. С этой целью Мухаммед Али основывает специальные, преимущественно военные, учебные заведения: пехотное и военно-морское училища и офицерскую школу (1822-1828), артиллерийское и кавалерийское училища (1831 г.); в 1825 г. открывается училище генштаба, а в 1844 г. в Париже учреждается Мадраса харбийя (Высшие военные курсы). Но еще раньше, в 1816 г., основывается Мухандис-хане — политехническая школа инженеров-математиков, в 1827 г. — медицинская и ветеринарная школы, в 1833 г. — сельскохозяйственное училище. Вместе с распространением инженерно-технических знаний в обществе растет интерес к *аль-улум аль-хук-мийя* — рационалистическим наукам. Мухаммед Али лично поощряет всякое проявление изобретательской мысли среди египтян.

Первоначально преподавание специальных наук осуществляли европейские специалисты, они же помогли учредить в 1821 г. государственную типографию (вскоре были открыты и частные), с 1822 г. началось издание правительственной газеты «аль-Вакаи аль-мисрийя» («Египетские ведомости»). С 1826 г. молодые египтяне направляются во Францию для получения европейского образования. Наконец, в 1836 г. основывается Дар аль-альсун — Школа иностранных языков и переводчиков, при которой разворачивается плодотворная переводческая деятельность, поощряемая властями. Эти мероприятия способствовали появлению в стране своих педагогов, руководителей учебных заведений, собственных и переводных учебников.

К 1830-м годам в Египте создается ведомство народного просвещения, которое при сохранении религиозных и начальных школ вводит светское государственное бесплатное образование трех ступеней — первоначальное, подготовительное и специальное (к уже перечисленным училищам прибавляются школа живописи, музыки и других искусств и ремесел). Теперь для получивших светское образование египтян открывалась возможность сделать карьеру на государственной службе. (Впрочем, поначалу в армии египтяне не могли подняться выше чина капитана, а в провинциальном управлении — должности *маамура*.) Постепенно и в политической жизни начинает утверждаться арабский язык.

89

Однако первые видные деятели на новом поприще светской культуры были еще выходцами из среды *улемов*, получившими образование в знаменитом аль-Азхаре и сохранявшими представление о нем как о центре арабской учености. Это позволило им проделать сложнейшую первоначальную работу по включению европейских знаний и представлений в мировосприятие египтян и язык арабской культуры. В процессе осуществляемого ими перевода на арабский язык инженерно-технической и научной литературы происходило становление современной арабской лексики, пока еще преимущественно в области «рациональных наук». Выдающуюся роль здесь сыграли шейх аль-Азхара, знаток классической литературы и языка, сотрудничавший еще с французской экспедицией, первый редактор «Египетских ведомостей» Хасан аль-Аттар (1766-1838) и филолог-пурист 'Ибрахим ад-Дасуки (1811-1883). Воспитанником аль-Азхара был и лидер арабских просветителей Рифаа ат-Тахтави (1801-1873), автор знаменитого «Описания Парижа», города, в котором он прожил три года, будучи муллой-наставником первой египетской образовательной миссии во Франции. Он был человеком широких знаний, переводчиком технической литературы, поклонником Вольтера и Монтескье, этого, по его словам, «арабского Ибн Халдуна». Его интерес к французской литературе XVIII в. вполне соотносился с задачами государственного строительства, осуществлявшегося Мухаммедом Али, так как эти же задачи стояли и перед европейскими монархами в век Просвещения.

Вершиной военно-политических успехов Мухаммеда Али, вероятно, можно считать сокрушительное поражение, нанесенное египетской армией реформированному войску султана Махмуда II в битве при Низибе в июне 1839 г., и переход на сторону египетского реформатора османского флота, свидетельствующий о сочувствии ему части османского офицерства. В переговорах с Портой Мухаммед Али продолжал настаивать на утверждении за ним наследственного права управления Египтом, Сирией, Аравией и Кипром, но в спор вмешались европейские державы: Франция в своих интересах поддерживала притязания Мухаммеда Али, Англия — султана. Конфликт обрел международный характер и завершился вооруженными столкновениями совместных морских и сухопутных сил Англии, Австрии и Порты у сирийских берегов и капитуляцией Мухаммеда Али.

Согласно указам султана Абдул-Меджида от 13 февраля и 23 мая 1841 г., в наследственном управлении Мухаммеда Али оставались Египет и Восточный Судан; египетский правитель признавался вассалом султана и по своему рангу приравнивался к министрам Порты; остальные

территории, находившиеся под его управлением, как и османский флот, должны были быть возвращены под власть султана. На Египет распространялись положения Гюльханейского *хатт-и шерифа* и все международные соглашения, заключенные Портой (в том числе англо-турецкий торговый договор 1838 г.). Египет был обложен большой данью в пользу османской казны и был обязан сократить свою армию до 18 тыс. человек.

Если положения Гюльханейского *хатт-и шерифа* в основном придали законное оформление многим установлениям Мухаммеда Али, то англо-турецкий договор 1838 г., открывший свободный доступ иностранному капиталу в Египет и лишивший египетскую казну доходов от системы монополий, нанес тяжелый удар по его экономическим мероприятиям.

90

В конце 1840-х годов у Мухаммеда Али обнаружили признаки душевной болезни, и весной 1848 г. консилиум врачей, в состав которого входил и русский доктор А.А.Рафалович, констатировал признаки психического расстройства. Мухаммед Али передал бразды правления своему сыну и единомышленнику Ибра-хим-паше, который, однако, умер через три месяца. На следующий год последовала и кончина самого реформатора, во многом предопределившего последующую историю Египта и, безусловно, оказавшего влияние на течение реформаторских процессов на Востоке.

СИРИЯ В ПРЕДДВЕРИИ ЭПОХИ ТАНЗИМАТА (1800-1840)

Вплоть до египетского завоевания 1831-1840 гг. Сирия продолжала жить политическими традициями и в атмосфере XVIII в., хотя Порте и удалось с начала XIX в. отчасти преодолеть сепаратистские устремления пашей сирийского происхождения, не допуская их к бесконтрольно долгому пребыванию на посту. В отличие от Египта, в Сирии, с ее контрастами природного ландшафта, различиями во внутренней политической структуре, этнически и конфессионально разнородным населением, все еще не наблюдалось заметной тенденции к общественно-политической консолидации. И хотя в административных центрах к власти пришли знатные сирийские кланы *аянов*, в своих политических стремлениях они во многом ориентировались на Стамбул, в котором формировалась имперская политика и принимались решения о должностных назначениях и отставках. Соперничавшие между собой городские группировки, которые начали теснить *аянов* на политической сцене и временами составляли оппозицию османским *вали*, в свою очередь были поглощены узкими местными интересами.

Материальная база *аянов*, состоявшая из служебных земельных пожалований, зиждилась главным образом на их позициях во властных структурах, для них достижение богатства было функцией власти. Для борющихся за место под солнцем городских группировок богатство уже обрело значение социального престижа и достигалось через участие в растущей торговле, ее обслуживании и контроле над городским ремесленным производством. Члены этих группировок кредитовали под ростовщические проценты феллахов, реализовывали их урожай на внутреннем и внешнем рынках, пытаясь контролировать снабжение растущего городского населения продовольствием, а городских ремесленников — сельскохозяйственным сырьем.

В мусульманском обществе, где торговля считалась престижным занятием, *аяны* вкладывали средства в караванную торговлю и городскую недвижимость, сдаваемую в аренду. На этой почве сложились как тесные связи и известная общность интересов, так и соперничество светских и духовных должностных лиц, купеческой и цеховой верхушки. Члены этой верхушки, в свою очередь, кредитуют *аянов*, приобретая на аукционах *ильтизамы* и *маликане*, скупая городскую недвижимость и сельские чифликские поместья, стремились встроиться в

91

ряды должностной элиты, а также были связаны с руководством суфийских братств, чей рядовой состав был представлен широкими торгово-ремесленными кругами. Несмотря на тесные связи между этими городскими кругами и ротацию в правящем слое за счет торгово-ремесленных верхов, в общественно-политической жизни сирийских городов уже в XVIII в. просматривается особая роль городских группировок, обычно именуемых по их лидирующим кругам «*янычарами*» и «*аишафами*» (*аишаф* — мн. ч. от *тариф*, т.е. потомок пророка Мухам-мада).

Судебные, административные и налоговые привилегии, предоставленные в империи этим статусным группам, и их деловая активность позволили им достигнуть важных позиций в экономической и общественно-политической жизни. Через систему патронирования они распространяли свое влияние на городских торговцев и ремесленников, искавших защиты от произвола властей и домогательств сильных конкурентов. Деловая жизнь города была, таким образом, подчинена не только имперским установлениям и цеховым правилам, но и основы-налась

на личных патрон-клиентских связях.

Территориально *янычары* Халеба и Дамаска господствовали в пригородах, обслуживавших караванную торговлю, в которых проживали занимавшиеся непрестижными профессиями маргинальные группы горожан, в том числе бедуины и покинувшие деревню феллахи. За чертой города они имели поддержку среди кочевых племен курдов и туркмен, поставлявших скот на городские рынки. *Аи-И>афы* лидировали в старой части города, контролируя ее продовольственное снабжение и наиболее процветающее ткацкое производство. Вне города *ашрафы* имели союзников среди бедуинов. Борьба за источники сельскохозяйственного сырья, рынки сбыта, клиентов, за официальные должности, влиявшие на таможенную политику и установление рыночных цен, составляла существо янычарско-ашраф-ского противостояния. Это соперничество дестабилизировало городскую жизнь, выливаясь в беспрестанные стычки, часто переходившие в вооруженные столкновения между населением пригородов и внутригородских кварталов. Вместе с тем *янычары* и *ашрафы* нередко объединялись в противостоянии османским властям, когда те ущемляли интересы горожан. Местная должностная элита и паши, желая ослабить эту городскую оппозицию, сталкивали группировки, принимая сторону одной из них. Пик этой борьбы пришелся на середину — вторую половину XVIII в. в Дамаске и на конец XVIII — первые два десятилетия XIX в. в Халебе, где лидирующие позиции заняли *янычары*, и османские паши нередко допускались в город только на определенных условиях. Так, более трех месяцев, между октябрем 1819 и февралем 1820 г., элита Халеба не позволяла очередному *вали* войти в город, выдерживавший осаду османских войск. В это время городом управлял совет во главе с янычарским *агой*. Подобные выступления не имели антисултанской направленности, сопротивление оказывалось лишь неудобным пашам. Но в процессе борьбы выдвигались и требования, предвосхищавшие реформы Танзи-мата, — укрепление прав собственности и упорядочение судебного разбирательства.

Лидеры городских группировок искусно втягивали в междоусобную борьбу простой люд. Как правило, простонародье лишь пассивно участвовало в повсе-

92

дневной политической жизни, преимущественно в ее ритуальных проявлениях — праздниках, шествиях, молебнах. Его политические представления были во многом неадекватны реальности из-за тенденциозной и ограниченной информации, которую оно получало из рекомендованных Стамбулом проповедей *имамов*, правительственных указов, криминальной хроники, слухов, нередко преднамеренно распространявшихся сверху. Сумрачная, ориентированная на ожидание конца света картина бытия, противоречивые слухи о происходивших событиях будоражили сознание народа, способствуя вспышкам чувств беспокойства, страха и агрессии. Подобное экзотическое состояние общественного настроения, как и система патрон-клиентских связей, благоприятствовавшая отождествлению простонародьем своих интересов с интересами лидирующих группировок, облегчало манипулирование поведением масс. Квартальные, цеховые корпорации и суфийские братства служили организационной основой для массовых выступлений.

Первый удар по этим традиционным формам политического поведения нанесли разгром в 1826г. янычарского корпуса в Стамбуле, ликвидация янычарских подразделений в империи и отмена их привилегий, а также режим, установленный в Сирии египтянами. Однако еще и во второй половине XIX в., в период Танзимата, наследие традиционных форм политической жизни порождало драматические коллизии.

Кризис городской политической жизни не коснулся юго-запада Палестины с центром в укрепленной крепости Акка. В этом гнезде политического сепаратизма Порта, по сути, потеряла способность контролировать должностные назначения и была вынуждена довольствоваться формальным признанием своей власти и получением дани. После смерти в 1804 г. Ахмеда аль-Джеззара (Мясника) ему наследовали его люди — Сулейман-паша Адиль (Справедливый), а с 1818г. — Абдаллах-паша. Система торговых монополий, позволявшая правителям Акки присваивать доходы от растущего вывоза в Европу хлопка и зерна, затрудняла накопление частного торгового капитала и формирование городских группировок; деспотическая же власть аккских правителей пресекала всякие публичные проявления оппозиции.

Горный Ливан, представлявший собой сельское общество, обладавшее к тому же отличной от остальной Османской империи социальной структурой, пользовавшийся, по удачному выражению А.Е.Крымского, «вассальным самоуправлением», демонстрировал особый расклад социальных сил. Относительно закрытый правящий слой Ливана состоял из аристократических семейных кланов, обладателей наследственных титулов и земельных владений — *мукатаа*. Они пользовались административным, частично налоговым и судебным иммунитетом, за обладание которыми несли службу владельческому ливанскому *эмиру-хакиму*, собирая поземельный налог и выступая со своим

ополчением в поддержку *эмира*. По этноконфессиональному происхождению они были друзья (несколько маронитских семей, в него входивших, занимали низшие ступени иерархии и не играли самостоятельной политической роли) и поэтому разделяли присущее друзьям предубеждение ко всем занятиям, кроме военного дела и земледелия. Имитируя традиционное для арабского мира разделение на *кайси* и *йемени*, члены этого правящего слоя, после того как *йемени* исчезли с политической сцены Горного Ливана, распались на фракции *джумблати* и *язбеки*, полу-

93

жившие наименования по лидирующим кланам. Согласно принадлежности к этим фракциям кланы ориентировали свое политическое поведение.

Пост *хакима*, стоявшего над фракциями, с 1788 по 1840 г. с перерывами занимал *эмир* Бешир II Шихаб. Трижды между 1790 и 1800 гг., пока не укрепилась его власть, а также в 1820-1822 гг. и 1825 г. он получал отставку отчасти из-за интриг членов своего правящего суннитского рода, объединявшихся с одной из фракций *мукаааджиев*. Властному и проницательному политику, обладавшему искусством «ласкового» обхождения, сочетавшегося с безжалостной жестокостью, Беширу II стоило немалых усилий, чтобы по египетскому примеру сокрушить или хотя бы ослабить феодальную оппозицию и поставить под свое единоличное управление весь Горный Ливан. В этом его поддерживала маронитская церковь. Как и многие члены рода Шихабов, Бешир II скрытно, дабы не подвергнуться казни за отступничество, исповедовал христианство.

Крестьянское, преимущественно маронитское, население, составлявшее к началу века больше половины жителей Ливана, было уже втянуто в новые экономические процессы — растущую специализацию сельского хозяйства на производстве шелка-сырца, рассчитанного изначально на египетский и внутрисирийский спрос, а с конца XVIII в. — на растущий французский рынок. В Ливане формировалась прослойка разбогатевшего крестьянства, торговцев, владельцев ткацких мастерских и рассеянных мануфактур, возникавших в крупных промысловых селениях и поднимавшихся на их основе городах — Дейр-эль-Камар и Захла. Именно среди них встречала сочувствие политика Бешира II, направленная на обуздание всевластия *мукаааджиев*, обеспечение безопасности передвижения, строительство дорог. Ее представители находили покровительство со стороны маронитских *мудаббиров эмира*.

Это не исключало конфликтов между *эмиром* Беширом и маронитским простонародьем на почве налоговых притязаний. Крестьянское восстание в Центральном и Северном Ливане, приведшее к почти двухлетней отставке *эмира* в начале 1820-х годов, свидетельствовало о внутренних социально-политических подвижках, менявших традиционные формы крестьянского поведения. В районе восстания было провозглашено создание повстанческой общины — *аммийи* (от понятия *амма* в значении «простой люд», употреблявшегося в оппозиции к *касса* — «знать»). Члены *аммийи* приняли в церкви селения Антильяс письменную клятву не отступать при достижении своей цели — отмены двойного налога *мири*, чтобы таким образом сравняться в правах с друзьями, которые выплачивали только «*моль вахид*» («одни деньги»). Они избрали своих *вакилей* (представителей), с которыми заключили письменный договор, передавая им, а не *мукааа-аджиям* право принимать решения в переговорах с властями. С большими усилиями правящему *эмиру* удалось подавить восстание.

Политика Бешира II и внутривластные коллизии, способствовавшие пробуждению общественно-политической жизни, сопровождалась оживлением и ливанской культурной жизни, центром которой стал двор правящего *эмира* в Бейт-эд-Дине. При дворе *эмира* царил атмосфера веротерпимости, интереса к светской культуре, отмеченной печатью простонародности, живого внимания к событиям современного мира. В окружении Бешира II оказались создатели исторических хроник Ливана — *эмир* Хайдар Шихаб (ум. 1835) и Таннус Шидийак (ум.

94

1859), а также поэт и историк, получивший известность в Европе благодаря своему сочинению о завоевании Египта Наполеоном, *кятиб* и воспитатель детей *эмира* Никола ат-Турки (1763-1828), филолог и литератор, секретарь и учитель детей правителя Насиф Язиджи (1800-1871) и т.д.

Некоторые деятели культуры того времени получили образование в школах, созданных европейскими христианскими миссиями в Горном Ливане, и в середине века своим творчеством способствовали становлению сирийского просветительства. Они уже отличались от деятелей внутрисирийской городской культуры, творивших преимущественно в застывших традициях средневековья. Однако новых светских направлений, возникших к этому времени в Египте под европейским влиянием, ливанская придворная культура эпохи *эмира* Бешира не создала.

Многие политические события, сотрясавшие Стамбул, его близлежащие территории и Египет, мало коснулись периферийной Сирии. Реформы султана Селима III ее не затронули; вторжение Наполеона в Палестину вызвало разную реакцию: христианское население, внутренне симпатизировавшее европейским единоверцам, выжидало, на чьей стороне окажется перевес сил.

Янычары и аш-рафы присоединились к османской армии, двигавшейся навстречу французам. Эмир Бешир, медля выполнить требование Ахмеда аль-Джеззара прибыть ему на помощь, поставлял тем не менее для турецкой армии продовольствие. Однако захват аравийскими ваххабитами Хиджаза, прервавший между 1807 и 1812 гг. движение ежегодного каравана паломников в Мекку, обслуживание которого давало средства существования тысячам ремесленников и каравановожа-тых, вооруженные набеги ваххабитов на пограничные с пустыней сирийские поселения и, наконец, угроза нападения армии Ибн Сауда на Дамаск и Халеб в 1810г. вызвали в Сирии более единодушную реакцию. Даже сирийские ханбалиты (последователи единой с ваххабитами правовой школы) не откликнулись на призывы ваххабитских пропагандистов, появление которых, по обычаю, предшествовало военным операциям. К сопротивлению готовилась не только внутренняя Сирия, но и Сулейман-паша и эмир Бешир со своим десятитысячным ополчением. Религиозное рвение ваххабитов не устояло перед этим противодействием, и Ибн Сауд отошел от границ Сирии. Правда, ужесточение сегрегационных мер против иноверцев, предпринятое дамасским пашой, чтобы ослабить религиозное давление «пуритан Аравии» на мусульманское население Сирии, насторожило христиан и иудеев, отвыкших по крайней мере от их внешних проявлений и неофициально допущенных к важным должностям при дворах сирийских *валиев*. Более серьезную угрозу своей безопасности ощутили сирийские христиане в период национального восстания в Греции, но и тогда попытки фанатиков учинить в городах Сирии христианские погромы были предотвращены османскими властями. Значительно более серьезный отклик встретил в Сирии разгром янычарского корпуса в 1826 г. Запоздалой реакцией на это событие было восстание 1830 г. в Дамаске, во время которого ожесточенная толпа под предводительством *янычар* растерзала османского пашу, несмотря на попытки дамасских *ашрафов* и семейства аль-Азм предотвратить расправу. Эта неадекватная по последствиям реакция на введение османами налогового обложения мусульманского населения

95 предшествовала египетскому завоеванию. Стамбул, серьезно обеспокоенный дамасским восстанием, отменил нововведение и не решился прибегнуть к карательным мерам в Дамаске, допустив преобладание в городе янычарской группировки.

Вторжение осенью 1831 г. египетской армии во главе с Ибрахим-пашой было по-разному воспринято населением Сирии. Абдаллах, паша Акки, оказал яростное сопротивление; эмир Бешир II, еще в 1825 г. вступивший в дружеские отношения с Мухаммедом Али, присоединился со своим ополчением к армии Ибра-хим-паши. По его настоянию маронитский патриарх призвал христианское население оказать египтянам дружеский прием. Дружская аристократия, как и сирийская должностная элита, напротив, примкнула к османским вооруженным силам; традиционные мусульманские круги встретили египтян со скрытым недоверием, христианское население — почти с ликованием. Признание Портой, согласно Кютахийскому соглашению 1833 г., Мухаммеда Али *воином* Сирии придало легитимность власти египтян и притушило политические пристрастия. Египтяне установили в Сирии авторитарный режим, опиравшийся на расквартированную там сорокатысячную армию, что позволило им провести общественно-политическое переустройство страны. Мухаммед Али осуществлял верховную власть, входя вместе с тем во все детали политических преобразований. Проводником его политики стал Ибрахим-паша, *сераскир* (главнокомандующий) сирийской армии, осуществлявший контроль над гражданской властью, которую возглавил «*хукумдар* Арабистана» Мухаммед Шариф-паша, муж внучки Мухаммеда Али. Иными словами, и в Сирии высшие властные посты были распределены между родственниками и ближайшим окружением египетского правителя. Как и в Египте, военная власть была отделена от гражданского управления.

Египтяне ликвидировали в Сирии систему *вилаяетов*, деливших страну на самостоятельные административно-территориальные образования во главе с самовластными *валиями*. Страна была превращена в единую провинцию с центром в Дамаске и территориально-административными подразделениями, подчинявшимися этому центру, что позволило распространить на всю страну общий политико-правовой режим. Исключение составил Горный Ливан, чья самостоятельность, впрочем, была заметно урезана.

Дамаск был избран в качестве столицы провинции в силу своего религиозно-политического и военно-стратегического значения. Впрочем, не последнюю роль в этом выборе могло сыграть стремление Ибрахим-паши сокрушить дух исламского изоляционизма и ксенофобии, царивший в городе. Финансовую службу возглавил греко-католик сирийского происхождения Ханна Бахри-

бей, который, по свидетельствам современников, не только сбалансировал статьи доходов и расходов административно-территориальных образований Сирии, но и перестроил «сирийское делопроизводство на современный лад». В распоряжение его ведомства из Египта была направлена целая «армия» коптских финансовых чиновников.

Мухаммед Али не рискнул отменить в Сирии систему *мультазимов* при сборе налогов, но поставил сирийских *мультазимов* под строгий контроль государственной налоговой службы, ограничив их доходы жалованием в размере 10% от суммы установленного налога. *Вахфы* религиозных организаций также были поставлены под контроль государства. «Сеньориальные» права *мультазимов* бы-

96

ли ограничены путем расширения административных функций деревенских шейхов.

Реформированию была подвергнута судебная система. По новым установлениям уголовные преступления целиком переходили в ведение административных властей, дела личного статуса сохранялись за шариатским судом и судами христианского духовенства, коммерческие иски и арбитраж передавались вновь созданным органам власти — городским советам (*маджлис машвара*, *диван машва-ра*) которые заменили османские совещательные советы при местных правителях. В компетенцию новых советов помимо судебного разбирательства входили вопросы городского хозяйства и сбора налогов. Советы формировались из местной элиты и формально-йе были подчинены главам административного управления, однако их решения утверждались Бахри-беем, облеченным правом контроля над деятельностью меджлисов, а также Шариф-пашой и Ибрахим-пашой.

Создание властями этих органов направило решение межфракционных конфликтов в русло политических сделок и дебатов внутри городских советов. Началась медленная трансформация общественно-политической жизни, построенной на принципах корпоративно-общинной солидарности, в направлении становления подданнических отношений. Подобной трансформации благоприятствовало и установление равенства между мусульманским и христианским населением. Отныне христиане освобождались от ограничений, делавших их статус приниженным, им был открыт и доступ к государственной службе. Ибрахим-паша заявлял: «И мусульмане, и христиане — все наши подданные. Вопросы же их веры находятся вне компетенции властей».

Централизация власти в Сирии благоприятствовала установлению внутренней безопасности.

Хозяйственная политика египтян, способствовавшая освоению феллахами новых земель и оседанию бедуинов, привела к росту сельскохозяйственного производства. Монополии в сфере торговли и регулирование цен, практикуемые египетскими властями, не стали в Сирии жесткой системой.

Полагая, что они смогут контролировать деятельность европейцев в стране, египтяне предоставили свободу деятельности в Сирии западным религиозным миссиям, созданию многочисленных консульств европейских держав и проникновению европейского торгового капитала. Впрочем, власти запретили ввоз английского текстиля, не защитив, впрочем, местное производство от конкуренции с египетскими тканями. В Сирии заметно оживилась экономическая жизнь, торговля Бейрута между 1833 и 1838 гг. выросла с 16 до 25,5 млн. франков.

Однако европейское проникновение, отказ от исламских канонических норм в конфессиональной политике, введение рекрутской повинности и подушного налога *фирде* (мусульмане не знали ни того ни другого), широкое распространение государственной барщины, помимо того что оскорбляли религиозные чувства мусульман, ложились тяжелым материальным бременем, дискредитируя в глазах населения египетскую политику преобразований. Рекрутские наборы стали первым поводом для восстаний в Центральной Палестине, Северо-Восточном Ливане в 1834 г. и в Хауране в 1837-1838 гг. А в мае-июне 1840 г., уже после победы египтян над османской армией под Низибом, вспыхнуло восстание в Горном Ливане. Поводом послужило намерение египетских властей разоружить население, что рассматривалось и друзьями и маронитами как начало рекрутского набора.

97

В восстании участвовали члены всех конфессий. Во главе повстанческих общин встали младшие отпрыски аристократических семей, представители маронитской церкви и сельского простонародья. Восстание было направлено против египетских нововведений, повстанцы требовали вернуться к старой системе налогообложения и отказаться от государственной барщины и попыток разоружения.

Выдвигалось и политическое требование — ввести в состав *дивана эмира* Бешира представителей от религиозных общин Ливана. В многочисленных петициях и декларациях повстанцев содержались как апелляция к традиционному идеалу «справедливости (правосудности) и спокойствия», так и требование предоставить «привилегии и права *хатт-и шерифа*», дарованные всем подданным султана «без исключений, без различий».

Восстание было жестоко подавлено многотысячной армией Ибрахим-паши. Однако отступление египетской армии из Сирии, начавшееся осенью 1840 г. под давлением великих держав и Порты

(блокада ливанского побережья силами англо-австро-турецкой эскадры с августа и сухопутные военные действия десантов с сентября 1840 г.), сопровождалось новым восстанием в Ливане (сентябрь-октябрь) и многочисленными вспышками вооруженного противодействия сирийцев, свидетелем которых были о провале египетской политики в Сирии.

14 октября 1840 г. эмир Бешир II со своей свитой сдался османским властям и был отправлен в ссылку, а к концу января 1841 г. египетские войска в беспорядке покинули Сирию.

МАМЛЮКСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ИРАКЕ

В конце XVIII в. Ирак представлял собой отчасти независимое от Османской империи политико-административное образование, власть над которым находилась в руках военно-бюрократической корпорации *мамлюков* (*кёлеменов*). Начало этой независимости положили представители так называемой династии *арнаутов* — Хасан-паша (1702-1723) и его сын Ахмед-паша (1723-1734; 1736-1747), воспользовавшиеся ирано-османскими войнами 20-40-х годов и восстаниями арабских племен для создания династической власти в *пашалыке* Багдада.

Они опирались на отряды *мамлюков*, из которых создали личную гвардию. Большинство *мамлюков* составляли грузины. Часто они не были рабами даже по происхождению, а поступали на службу добровольно, приезжая к своим родственникам в Ирак. Существование мамлюкской корпорации наряду с длительным пребыванием Хасана и Ахмеда у власти дало им возможность освободиться от зависимости от османского гарнизона. *Мамлюки* в Ираке составляли не только военную, но и административную элиту. Их главные предводители, будучи управляющими (*кетхудами*) пашей, приобрели большой опыт в делах управления, которое сохраняло структуру традиционной османской власти с тем отличием, что османское правительство пыталось создать государственный аппарат бюрократического типа, а мамлюкский режим основывался на архаической системе личных связей. Все попытки османского правительства назначить правителями Ирака своих ставленников сталкивались с решительным сопротивлением *мамлюков*. Влияние

98

султана на назначение пашей или значительно ослабло, или же и вовсе отсутствовало. И хотя *вали* по-прежнему утверждался султанским *фирманом*, но реально назначение зависело от исхода борьбы между самими *мамлюками*, подкупа ответственных сановников Османской империи, дворцовых заговоров, позиций вождей арабских и курдских племен, а нередко также и от иностранного влияния. Вершиной мамлюкского господства в Ираке стало длительное правление Буюк Сулейман-паши, или Великого Сулейман-паши, как его прозвали иракцы за военную мощь, богатство и пышность двора. Он правил в Багдаде вплоть до своей кончины в августе 1802 г. К этому времени в руках мамлюкских предводителей постепенно оказались почти все ключевые посты в стране, им же достались самые прибыльные имения. Традиционная угроза со стороны Ирана миновала. Правда, арабские и курдские племена, населявшие болота, пустыни и горы, по-прежнему причиняли беспокойство, и правитель был вынужден неоднократно подавлять их выступления. Однако в целом обстановка в стране стала более спокойной и безопасной, что способствовало оживлению ее экономики. Сам Сулейман-паша остался в памяти потомков благодаря активной строительной деятельности.

Сравнительно спокойное развитие страны было нарушено ваххабитами, которые в начале XIX в. попытались овладеть Ираком. Отразить их набеги Буюк Сулейман-паша оказался не в состоянии, однако даже разгром ваххабитами Кербе-лы в апреле 1802 г., потрясший весь мусульманский мир, не поколебал его власти. Но сразу же после его кончины в стране началась борьба за власть между различными группировками *мамлюков* и местных *янычар*. Порты, со своей стороны, стремилась назначить в Ирак своего ставленника. К власти в конечном счете пришел *мамлюк* Кучюк Сулейман-паша, или Малый Сулейман, как его стали звать в стране, утвердившийся в Багдаде лишь благодаря вмешательству Франции.

В 1810г. султан Махмуд II предпринял очередную попытку восстановить власть Порты в Ираке. Кучюк Сулейман был смещен, разбит в сражении и убит. Однако свержение мамлюкского режима в целом было пока султану не по силам, и по настоянию правителя Сулеймании курда Абд ар-Рахман-паши Бабана багдадским пашой был утвержден некий Абдаллах-ага Тютюнчю, бывший раб и слуга Буюк Сулеймана, в прошлом тесно связанный с курдами. Грузинские *мамлюки* не смирились с этим назначением, и в стране снова вспыхнула междоусобная борьба, в которой Абдаллаху противостоял сын Буюк Сулеймана 22-летний Саид-бей, поддержанный ополчениями могущественного арабского племени мун-тафик. Разбитый в сражении Абдаллах-паша был схвачен и задушен.

Получив известие о гибели Абдаллаха, *кади* Багдада объявил о восшествии на пост *вали* Саид-бея и обратился в Стамбул с просьбой утвердить это назначение. В марте 1813 г. Саид и его союзники, радостно приветствуемые населением Багдада, торжественно вступили в город. Однако неопытность Саид-паши уже через три года привела к его смещению, а затем и гибели. Новым правителем Багдада был назначен еще один бывший *мамлюк* Буюк Сулеймана по имени Дауд.

Его жизнь изобиловала событиями. Он родился в Грузии в 1774 г., в возрасте пяти-шести лет был

похищен и продан в Турцию. В 11 лет его подарили Буюк Сулейману, обратили в ислам и отдали в школу для будущих *мамлюков*. Там он освоил военное дело, отлично овладел арабским, персидским и турецким языками, прекрасно изучил мусульманское богословие и литературу, чем и вызвал

расположение своего хозяина. По окончании школы Дауд получил свободу и должность секретаря правителя. Потом он стал хранителем печати, а когда ему исполнилось 27 лет, Буюк Сулейман выдал за него свою дочь.

После смерти тестя Дауд попал в опалу, стал муллой в мечети Абд аль-Кадира и несколько лет преподавал в медресе. В 1807 г. Дауд возвращается к светской деятельности и при различных правителях Багдада занимает должности *дефтердара*, *кетхуды*, а потом снова *дефтердара*. После того как в 1814 г. Саид-паша обвинил его в измене, Дауд начал с ним борьбу, завершившуюся его победой. Став правителем Багдада, Дауд-паша сразу же взялся за укрепление *пашалыка*, который за 15 лет, прошедших со времени смерти Буюк Сулеймана, пришел в состояние анархии и упадка. Деньгами, подарками и милостями Дауд привлек на свою сторону войска и население столицы и обеспечил себе поддержку духовенства. Упрочив свои позиции в Багдаде, он приступил к восстановлению порядка в провинции.

От арабского населения Ирака он требовал безусловного подчинения. Он жестоко подавлял восстания, смещал неугодных ему шейхов и назначал вместо них своих ставленников. Труднее оказалось восстановить контроль над Иракским Курдистаном, правители которого к этому времени признали себя вассалами иранского шаха. Чтобы покончить с этим положением, Дауд попытался в 1818-1819 гг. сместить ставленника Ирана Махмуд-пашу Бабана и назначить правителем Сулеймани его родственника, однако потерпел неудачу, которую объяснял вмешательством багдадского резидента Английской Ост-Индской компании Рича.

Обвинив Рича перед Портой в подстрекательстве курдов к неповиновению, Дауд вступил в борьбу с Ост-Индской компанией. По его распоряжению ее агенты (главным образом иранцы) были лишены привилегий и приравнены к прочим местным торговцам, а таможенные пошлины на британские товары были увеличены вдвое. В ответ на это Рич привел в состояние боевой готовности свои войска и распорядился ввести в реку Тигр военные суда Компании и прервать сообщение между Басрой и Багдадом. Тогда Дауд конфисковал товары Ост-Индской компании и осадил ее багдадскую резиденцию, но, встретив вооруженное сопротивление, паша пошел на уступки и в мае 1821 г. разрешил Ричу и всем английским служащим Компании покинуть страну. Багдадская резиденция была временно закрыта, и преемник Рича Тэйлор, находившийся в Басре, переехал в Багдад лишь после того, как Дауд-паша обещал Ост-Индской компании восстановить все привилегии как англичан, так и их агентуры и вернуть деньги за все конфискованные товары.

Избавившись от Рича, Дауд немедленно возобновил кампанию против правителя Сулеймани, но багдадские войска были разбиты объединенными силами курдов и иранцев. Тогда Дауд обрушился на иранцев, проживавших в Ираке. Были изъяты сокровища, принадлежавшие шиитскому духовенству Кербелы и Не-джефа. Эти меры обострили турецко-иранский конфликт из-за Курдистана и привели к турецко-иранской войне 1821-1823 гг. Эрзерумский договор 1823 г., завершивший ее, лишь вновь подтвердил неопределенность границы между двумя державами.

100

Мир, установившийся на турецко-иранской границе, дал Дауду возможность заняться внутренними делами *пашалыка*. Он стал восстанавливать и расширять ирригационную систему, что послужило толчком к развитию экономики Ирака. Были оживлены мертвые земли, расширены посевные площади, повысилась урожайность. Чтобы увеличить доходы казны, Дауд ввел монополию на торговлю зерном, финиками и солью, для перевозки которых завел собственные речные и морские суда, установил высокие пошлины на европейские товары, обложил налогом десятки тысяч шиитских паломников.

Дауд-паша занялся также городским строительством, строил базары, мосты, мечети, бани. Его деятельность благоприятствовала развитию ремесла. В 1820-е годы в Багдаде насчитывалось 12 тыс. ткацких станков при населении в 150 тыс. человек. Были основаны новые медресе, открыты типография и бумажная фабрика. Этот период получил название «мамлюкский ренессанс». Однако за пределы мероприятий меркантилистского характера Дауд не вышел. Его преобразования нельзя ставить в один ряд с модернизаторскими реформами, проводившимися Мухаммедом Али в Египте и Махмудом II в столице империи примерно в это же время.

При Дауде годовой доход казны *пашалыка* достиг 37 млн. пиастров, или 5 млн. франков. Располагая такими средствами, паша смог приступить к военной реформе. С помощью французских и английских офицеров он за короткое время сумел создать вооруженную и обученную на европейский лад регулярную армию в несколько тысяч человек. В распоряжении

Дауда находился также 25-тысячный корпус иррегулярной пехоты и кавалерии, к которому в случае необходимости паша мог привлечь еще 50 тыс. всадников из союзных арабских племен. Дауд получил материальные возможности добиваться фактической независимости от Турции. В 1828г. он отказался послать войска против России, затем прекратил выплату дани. Он объявил Ирак независимым «Счастливым Вавилонским царством», а себя — его государем. В 1830 г. Дауд-паша казнил специального чиновника, посланного турецким султаном для его смещения.

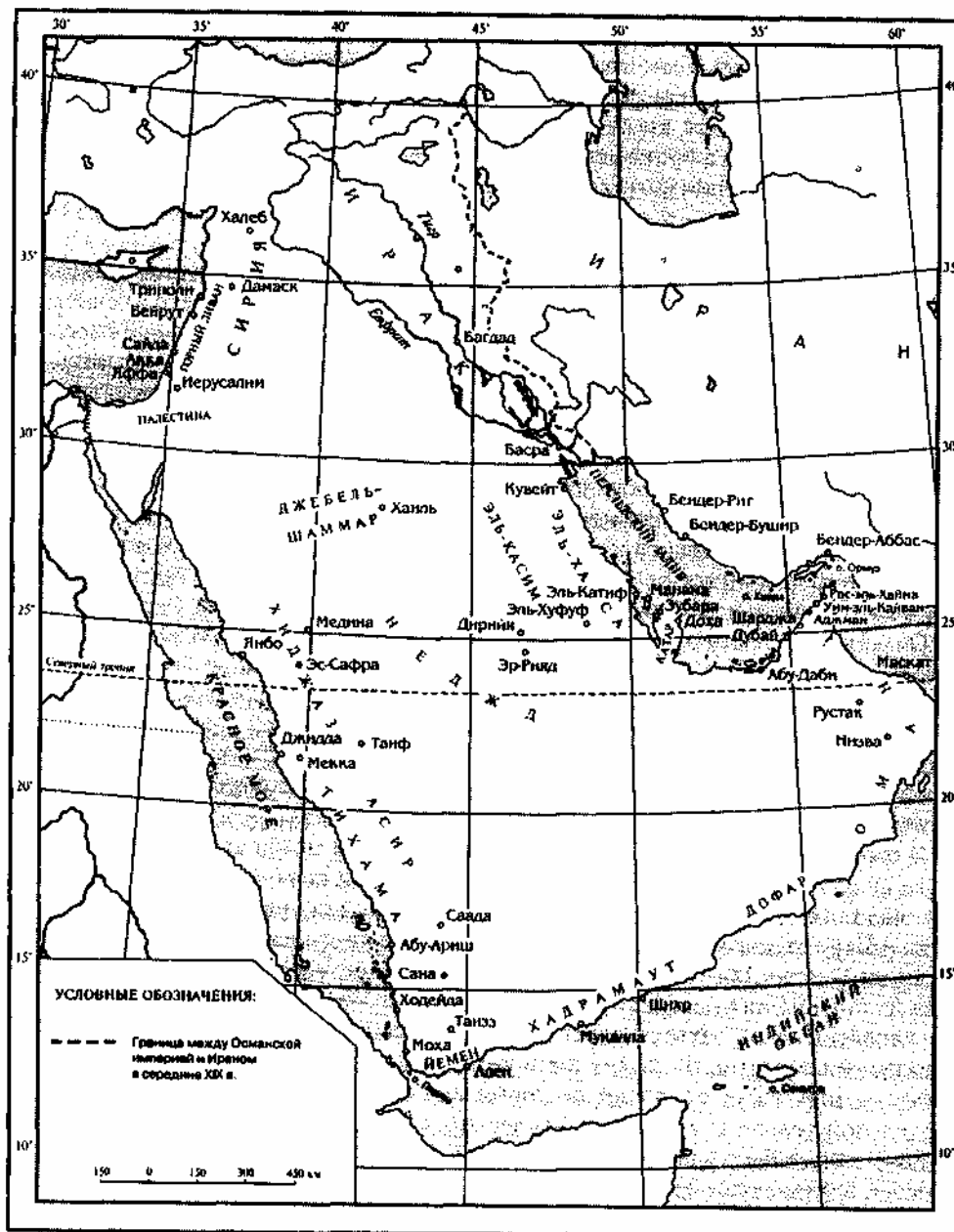
Махмуд II понял, что покончить с мамлюжским режимом в Ираке можно только с помощью превосходящей военной силы, и осенью 1830 г. приказал правителю Халеба Мухаммеду Али Ризе выступить против взбунтовавшегося багдадского паши.

Неизвестно, чем бы закончилась эта экспедиция, если бы в Ираке не вспыхнула эпидемия чумы, которая истребила почти всю армию Дауда. Горный Курдистан, где стояли войска Али Риза-паши, не был затронут эпидемией, и в июне 1831 г. передовые отряды правителя Халеба вступили в Багдад. Однако вспыхнувшее в столице восстание в поддержку Дауда позволило ему продолжить сопротивление. Лишь в сентябре 1831 г. Дауд-паша был низложен и отправлен в Стамбул. Еще почти двадцать лет он занимал высокие должности на правительственной службе. Умер Дауд в 1851 г.

Новый правитель Багдада Али Риза-паша уничтожил или изгнал уцелевших мамлюжских предводителей и лиц, близких к Дауду, и покончил с былой самостоятельностью Ирака.

Следующие паши Багдада назначались Портой и послушно исполняли ее волю. Однако полная интеграция Багдадского *пашалыка* в империю была достигнута лишь во второй период эпохи Танзимата.

АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В XIX в.

102

АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: КОНЕЦ XVIII в.—1840г.

Политическая жизнь самого восточного и весьма обширного региона арабского мира, его далекой периферии, несла на себе печать глубокой архаичности. Представляя собой едва ли не целый континент, Аравия отличалась не только особым ландшафтом с более чем скудными природными ресурсами, но и социокультурной разобщенностью населения, распадавшегося на многочисленные племенные объединения и исповедовавшего разные направления ислама — суннизм, шиизм, ибадизм, зейдизм и вновь возникший ваххабизм.

Политическая карта Аравии представляла мозаику из многих мелких, преимущественно потестарных, образований — эмиратов, султанатов, шейхств, политогенез в которых имел «пульсирующий» характер. Социальный строй на полуострове, основанный в значительной мере на родоплеменной организации, столетиями почти не эволюционировал, а процессы номадизации и оседания на землю уравнивали друг друга. В подобном социуме политические процессы определялись главным образом внешними импульсами.

В XVIII в. аравийское общество испытывало последствия кризиса, переживаемого Османской и Сефевидской империями. Влияли на события в Аравии также смена португальского и голландского присутствия в Персидском/Арабском заливе англо-французским противоборством за господство над проходившими здесь торговыми и почтовыми коммуникациями.

Ослабление Османской империи привело к удалению турок из эль-Хасы и появлению на ее территории конфедерации племен бану халид во главе с кочевой династией шейхов Ааль Хумайд. Османы были уже не в состоянии предотвратить изменения баланса политических сил и во Внутренней Аравии — обострения борьбы между племенными образованиями, подъема Саудидов и предшествовавшей ему миграции части огромной племенной конфедерации аназе на север, в пределы Сирии и Ирака. В свою очередь, Иран, охваченный династийными междоусобиями и ставший жертвой афганского нашествия, по существу, утерять контроль над важными для его внешних экономических сношений территориями, расположенными вдоль берега Персидского залива. Такие прибрежные торговые города, как Бендер-Бушир и Бендер-Риг, оказавшиеся в руках предводителей оманских племен, вышли из подчинения центральной власти и вели почти самостоятельную политику, нацеленную на захват Бахрейна с его пресноводными источниками и прибрежными отмелями, богатыми жемчужными раковинами. Они не отказывались также от пиратских операций на торговых морских путях. Главный же центр персидской торговли шелком — Бендер-Аббас, ставший поставщиком зерна для Индии, испытывал упадок после французской бомбардировки 1759г., разрушившей британскую торговую факторию.

В новых внешнеполитических и экономических условиях в Аравии возникли достаточно устойчивые государственные образования, правящие династии которых сохранились до наших дней.

Отколовшееся от аназе и откочевавшее на восток небольшое родственное подразделение бану атбан осело в самом начале XVIII в. в эль-Хасе, пользуясь по-

103

кровительством главы бану халид, принадлежавшего, как и бану атбан, к аднани-дам. Там бану атбан разделились на несколько ветвей. Ааль Сабах около 1716г. поселились в **Кувейте** — летней резиденции правителей бану халид, известном своим более умеренным климатом и удобной гаванью. Ааль Халифа избрали местопребыванием Зубару на полуострове **Катар**, откуда постепенно мигрировали на архипелаг Бахрейн, который в начале 1780-х годов подчинили своей власти. В последней четверти XVIII в., в результате военно-политического ослабления правителей бану халид из-за внутрдинастийной борьбы и поражений в столкновениях с ваххабитским Саудовским эмиратом, бану атбан обрело фактическую независимость. Не последнюю роль в этом сыграла их внутренняя политическая стабильность: власть основателя династии Ибн Сабахов — Сабаха ибн Джабира (1752-1764), избранного шейхом жителями Кувейта, перешла по наследству его сыну Абдаллаху (1764-1815) и внуку Джабиру ибн Абдаллаху (1815-1859). Они и заложили традиции политического устройства Кувейта.

В возникшем государственном образовании Ибн Сабахи решали внешнеполитические вопросы, осуществляли на основе *урфа* правосудие и утверждали судей-кади, вершивших шариатские дела. Система их управления была слабо институционализирована: у государства не было границ, отсутствовало территориально-административное деление, не было армии, роль которой исполняли племенные ополчения. На его территории в этот ранний период еще не собирались налоги, доходы казны слагались из таможенных пошлин, поступлений от морской и караванной торговли, земельных владений правящих шейхов. Часть средств казны выделялась на благотворительные цели.

Укреплению экономического положения Ааль Сабах и Ааль Халифа благоприятствовало перемещение транзитной торговли с иранского побережья на аравийский берег, а также их активное участие в морской торговле и обслуживании тран-чита товаров: из Кувейта и Зубары караванные тропы вели во Внутреннюю Аравию и в Северную Сирию. В отличие от других арабских племен, населявших берега залива, бану атбан почти не занимались пиратством. Англо-французская морская война и постоянная угроза пиратских нападений арабских племен побережья способствовали тому, что Английская Ост-Индская компания одно время предпочитала фрахтовать для перевозки почты и товаров кувейтские и бахрейнские суда, строившиеся в Индии и курсировавшие между Басрой и Бомбеем. Значение же коммуникаций через залив возросло к концу века из-за османского запрета 1770 г. заходить в воды Красного моря кораблям христианских держав.

Внешняя политика семьи Сабахов была построена на лавировании между сталкивавшимися в регионе политическими силами. Шейхи предпочитали избегать вооруженных конфликтов. В качестве внешней опоры они избрали Великобританию. (В 1775-1779 гг. во время завоевания Басры Керим-шахом, пытавшимся силой вернуть иранскому берегу былую роль в транзитной торговле, британский резидент временно перенес свое местопребывание из Басры в Кувейт; то же повторилось в 1793-1795 гг. при конфликте с пашой Басры.) Впрочем, многолетнее соперничество из-за позиций в транзитной торговле Кувейта с арабской племенной конфедерацией бану кааб, откочевавшей из Неджда и осевшей в иракско-иранском пограничье, все-таки вовлекло их в 1780 г. в вооруженные столкновения. Двадцать лет спустя, в 1810г. правители Кувейта и Бахрейна

104

выдержали кровопролитное сражение, инициированное ваххабитами, с флотом шейхств

Пиратского берега.

В 1790-е годы Кувейт и Бахрейн с Катаром стали объектом саудовских атак. Кувейт благодаря сопротивлению населения, крепким стенам, многочисленному флоту, оснащеному пушками, и поддержке английского флота устоял, хотя временами и платил дань Саудидам. Бахрейн и Катар в 1803 г. перешли под власть Саудидов. В 1795 г. ваххабиты утвердились в эль-Хасе. Племена так называемого Пиратского берега— кавасим, контролировавшие Рас-эль-Хайму (средневековый Джульфар) и Шарджу, а также бану йас, основавшие в 1781 г. шейхство Абу-Даби, после непродолжительного сопротивления приняли ваххабизм и в 1799 г. перешли под руку эмиров Дирийи.

Все последующие политические события в этой части Аравии вплоть до 1840 г. определялись ваххабитской экспансией, саудовско-египетским противоборством и растущим проникновением в залив Великобритании.

Оман в конце XVIII в. переживал подъем, чем был обязан социально-политической и экономической ориентации на морскую торговлю влиятельного рода Ааль Бу Сайд, который сменил в середине века правящую династию ибадидских *имамов* Яриба, вытеснивших из Маската португальцев. Будучи ввергнутыми в династийные распри, члены клана Яриба обратились за поддержкой к иранцам, за чем последовала персидская оккупация побережья страны. Ахмад Ааль Бу Сайд — ярибский *вали* Маската — сумел консолидировать оманские племена в борьбе с персами и после изгнания чужеземцев в 1753-1754 гг. был, согласно ибадидской доктрине, избран *имамом*, духовным и светским главой ибадидской общины. Сохраняя свое влияние и экономические интересы в Маскате, Ахмад Ааль Бу Сайд тем не менее придерживался традиционной опоры на внутренние территории. Он лишь перенес столицу из священной для ибадидов Низвы в Рустак, ближе к расселению родственных своему клану племен. После его смерти в 1783 г., когда *улемы* избрали *имамом* по воле Ахмада его сына Сайда ибн Ахмада, последовали распри между претендентами на этот пост. В 1789 г. *имам* Сайд передал власть своему сыну Хамаду, сохранив за собой лишь титул религиозного главы ибадидской общины. Такое разделение власти на духовную и светскую и отказ от выборности в пользу наследственного правления были восприняты как вызов ибадидскому вероучению, что имело важные религиозные и политические последствия. Усобицы вынудили Хамада ибн Сайда бежать из Рустака в Маскат, где после его смерти власть захватил Султан ибн Ахмад, брат имама Сайда.

Султан ибн Ахмад (1792-1804) учредил в Маскате наследственный султанат, претендовавший на господство и над внутренним Оманом. Он укрепил контроль Омана над африканскими территориями — о-вами Занзибар, Пемба и восточным африканским берегом, а также над о-вами Ормуз и Кишм, защищавшими вход в Персидский залив, и афганским берегом Макрана. В конце века он получил в аренду от иранского шаха Бендер-Аббас с прилегающими территориями. В каждом контролируемом Маскатом порту учреждались гарнизоны, назначались преданные *вали* и торговые агенты. Основной экономической интерес оманских правителей состоял в получении доходов от торговых пошлин.

105

Внешнеполитические успехи позволили Султану ибн Ахмаду претендовать на господствующее положение в Заливе. Он предъявил свои финансовые требования османской Басре и стремился к получению пошлины с судов, следующих в Залив, что привело к конфронтации с шейхами бану атбан и другими арабскими правителями. В борьбе с Бахрейном Султан ибн Ахмад добился ряда кратковременных успехов, но в 1803 г. был выбит оттуда ваххабитами. Бахрейн более чем на десятилетие перешел под власть ваххабитов, которая распространилась также на населенные арабами территории иранского берега.

Политика династии Ааль Бу Сайд способствовала процветанию морской торговли Омана. Так, при объеме всей торговли Залива в 16 млн. рупий через Маскат проходили товары на 10 млн. Его сборы от торговых пошлин утроились между 1765 и 1800гг. Купцы Маската, преимущественно персы и индийцы (среди них было лишь 6-7 оманских семей, в их числе Султан ибн Ахмад и его окружение), вели активные торговые операции в Индийском океане, успешно конкурируя с британскими торговцами. Экономическая политика оманских правителей не имела меркантилистского характера, султаны мыслили категориями средневекового мира, и их торговые операции носили чисто посреднический характер, не имея целью поощрение производительных сил страны. С 1830-х годов, с победой новых форм международной торговли, местный купеческий капитал стал постепенно терять свои позиции. К тому же в 1830-е годы Великобритания начала отдавать предпочтение торговому пути через Красное море, и доходы Омана от транзитной

торговли сократились.

С начала века ваххабитская угроза Оману стала реальностью. Терпя поражения, его правители заключали с Саудидами временные соглашения, платили им дань, мирясь с принятием частью их подданных ваххабизма и с их переходом под саудовскую власть. Для организации сопротивления ваххабитам Султан ибн Ахмад безуспешно пытался объединить свои силы с *шерифом* Хиджаза и с Пор-той. Возвращаясь после переговоров из Басры в Маскат, он погиб в стычке с ваххабитскими пиратами. Пришедший ему на смену его племянник Бадр ибн Сейф (1804-1806), сторонник ваххабитов, был убит его двоюродным братом Саидом ибн Султаном (1806-1856), заступившим на его место и получившим прозвище Великий за продолжение завоевательной политики. В 1829 г. он присоединил к Оману Дофар. Однако его попытки подчинить своей власти Бахрейн и Катар в 1828 и 1830 гг. не имели успеха. Падение политического влияния оманских султанов в Заливе, повторявшиеся акты агрессии ваххабитов побудили Сайда ибн Султана обратить свои экспансионистские устремления на восточно-африканский берег, где он осуществил территориальные приобретения. В 1840 г. он перенес столицу Омана в Занзибар, продолжая время от времени наведываться в Маскат. Отныне политические и экономические интересы султана были связаны с этой частью его государства, где оживилась традиционная морская торговля рабами, слоновой костью, камедью и гвоздикой, плантационное разведение которой на Занзибаре распространилось с середины века.

Йемен в конце XVIII в. находился в глубоком упадке. Зейдитские *имамы*, приверженцы умеренного направления в шиизме, утвердившиеся в стране еще в X в., контролировали только город Сану с окрестностями. Остальные области Северного Йемена были фактически самостоятельны. Моха, прославившаяся

106

своими торговыми операциями по вывозу йеменского кофе, теряла свое значение из-за развития кофейных плантаций в Бразилии. На юге усиливали свою власть вожди союза племен йафиитов. В относительно стабильном состоянии пребывал Хиджаз, несмотря на голод, поразивший страну в начале века, и падение транзитной торговли с Индией. Своей стабильностью он был обязан прежде всего той религиозно-политической роли, которую играл в жизни мусульманского общества. Сюда ежегодно стекались со всего мира сотни тысяч паломников, доставляя в Мекку и Медину крупные религиозные пожертвования (распространяя подчас и губительные эпидемии).

Хадж в священные города объединял мусульманский мир при всем его этнокультурном разнообразии. В Мекке и Медине, месте встреч авторитетных *улемов*, происходил (обычно в рамках отдельных направлений и *мазхабов*) интенсивный обмен религиозно-правовыми знаниями. Экономическую и политическую стабильность Хиджаза поддерживали османские султаны, облеченные титулом «служители обоих священных городов» (*хадим аль-харамейн*).

После потери в XVII в. позиций в эль-Хасе и Йемене Хиджаз составлял единственный военно-политический плацдарм Османской империи в Аравии и на ее юго-восточных границах в целом. Господство над Хиджазом играло важнейшую роль и во внутриимперской религиозной политике Порты, значение которой в жизни империи возросло с ослаблением ее военно-политической мощи. В сохранении османского владычества над Хиджазом были заинтересованы и его правящие круги — прежде всего шерифская семья Хашимитов, потомков рода пророка Мухаммада.

В основных городах Хиджаза располагались османские гарнизоны. Ежегодно из Каира и Дамаска отправлялись караваны паломников, снаряжение которых составляло важную обязанность османских властей и поглощало огромные податные поступления. Караваны доставляли в Хиджаз не только Хаджиев, обслуживание которых давало работу бедуинам, владельцам верблюдов, и хиджазским ремесленникам, но и продовольствие и султанские дары, распределяемые среди правящей верхушки, *улемов* и священнослужителей Мекки и Медины. В Хиджаз следовали поступления из расположенных на территории империи обширных вакфов, завещанных священным городам.

Османская администрация Хиджаза состояла из *вали*, местопребывание которого находилось в Джидде, главном хиджазском порту, и *кади*, назначаемого в Мекку. (Имперские финансовые службы во главе с *дефтердаром* не играли особой роли: в Хиджазе не собирались налоги, в османскую казну поступала лишь доля таможенных сборов.) Властные функции в Хиджазе делились между османской администрацией и мекканскими *шерифами*, ежегодно утверждаемыми на своем посту, подобно османским должностным лицам. В распоряжении *шерифов* имелись небольшая гвардия из рабов и наемников, дворцовые слуги и штат служащих — секретарей для переписки на арабском и турецком языках, *вакилей*-посыльных, начальников складов, знаменосцев

и музыкантов— необходимых участников правительственного ритуала. В городских центрах во власти обычно утверждались лояльные Хашимитам главы местных лидирующих семей. Главными заботами *шерифа* кроме контроля над *хаджем* были улаживание конфликтов между племенами, организация бедуинских набегов на соседние

107

племена и заключение династийных союзов с влиятельными аравийскими правителями. Социальная структура Хиджаза, как и остальных аравийских политических образований, не отличалась от организации мусульманского средневекового общества, и повседневная жизнь протекала в средневековых традициях.

К концу XVIII в. в Аравии политически господствовал ваххабитский Саудовский эмират, представлявший собой конгломерат из покоренных политических образований и племен, а также небольших племенных государств и конфедераций, присоединившихся к нему под угрозой вооруженного разгрома или заключивших союз ради совместной агрессии против своих соперников и врагов¹. Сложный состав «племенной империи» позволял Саудидам вести военные операции в разных направлениях и даже продолжать наступление на дальних окраинах, когда они уже терпели поражение в Неджде. Этот же состав предопределял непрочность саудовского государства.

Религиозно-политическое движение ваххабитов сопровождалось свойственной обществам подобного типа экспансией, которая распространилась, в частности, на Кувейт и Бахрейн, переживавшие, в свою очередь, становление собственной государственности.

К концу XVIII в. под владетельной рукой Абд аль-Азиза ибн Мухаммеда ибн Сауда (1765-1803) находилась почти вся Аравия, исключая Горный Йемен, османский Хиджаз, часть Омана и Хадрамаут, куда, впрочем, уже проникали ваххабитские пропагандисты. Ваххабиты вышли к берегам Залива и получили в свое распоряжение флот племен Пиратского берега, Бахрейна и Катара. Сложное внешнее и внутреннее положение Османской империи (экспедиция Бонапарта в Египет, войны с Россией и Англией, подавление янычарского сопротивления реформам Селима III, дворцовые перевороты) облегчило Саудидам наступление и на османские владения. Но здесь они прежде всего нанесли удары по священным центрам ислама, бросив вызов традиционным религиозным практикам, которые они рассматривали как проявление многобожия.

Разгромив вооруженные экспедиции, предпринятые с начала 1890-х годов хиджазским *шерифом* Талибом ибн Мусаидом (1788-1813), а в самом конце века багдадским Буюк Сулейман-пашой, ваххабиты в апреле 1802 г. учинили налет на Кербелу, шиитский религиозный центр в Ираке, где за полдня пребывания осквернили и частично разрушили гробницу Хусейна, ограбили ее и убили несколько сот жителей города. В 1803 г., после того как с разрешения *шерифа* Талиба Сауда (1803-1814), сын эмира Абд аль-Азиза, дважды совершил хадж в Мекку, а ваххабитские *улемы* не единожды проводили религиозные диспуты с духовенством священного города, отряды Сауда без боя вступили в город и начали согласно аскетическим ваххабитским принципам разрушать пышные культовые постройки. Правда, через три месяца после занятия Мекки Саудом османским вооруженным силам и *шерифу* Талибу удалось вытеснить ваххабитов из города. Убийство же Абд аль-Азиза в 1803 г. шиитом-фанатиком из Кербелы временно привлекло внимание Саудилов к решению внутренних проблем. Тем не менее в 1805 г. возобновились вооруженные действия, и после тяжелой блокады Мекка перешла в ру-

¹ См.: История Востока. Т. III. С. 403-406.

108

ки ваххабитов, затем с боями были захвачены Медина и порт Янбо. *Шериф* Га-либ подчинился ваххабитам. Хиджаз был потерян для империи. С 1807 г. прервалось и совершение *хаджа* из Сирии и Египта.

Распространив свое влияние на связанные с аравийскими соплеменниками бедуинские племена Сирии и Ирака, Саудиды подошли к границам Благодатного полумесяца, вторгнувшись в пределы империи, однако выплеснуть свою экспансию за пределы этих границ, подобно арабам в VII в., они были не в силах.

Надругательства ваххабитов над главными мусульманскими святынями нанесли удар по престижу османского султана, ввергнув его еще и в конфликт с иранским шахом-шиитом. Они вызвали волнения стамбульской фанатичной толпы. Не рассчитывая на вооруженные силы сирийских и багдадского пашей, султан обратился за помощью к Мухаммеду Али. При этом он надеялся ослабить позиции Мухаммеда Али в Египте, втянув его в трудную военную кампанию в Аравии. В свою очередь, египетский паша был заинтересован в удалении из Каира солдат, потенциальных противников задуманных им реформ. К тому же Мухаммед Али жаждал территориальных приобретений и ореола

освободителя святых городов.

Несмотря на двухлетнюю подготовку аравийской кампании и ослабление Саудовского эмирата из-за внутренних осложнений, египетская военная экспедиция шла с переменным успехом и растянулась почти на восемь лет (1811-1818). Она сопровождалась огромными людскими потерями с обеих сторон. Относительно быстро египтяне возвратили под османский сюзеренитет Хиджаз, но сопротивление Неджда — ядра Саудовского эмирата — было сломлено лишь благодаря огромному напряжению египетских сил. После этого войска вышли к берегам Персидского залива. В Восточной Аравии египтяне претендовали на сюзеренитет над государственными образованиями, подчиненными ранее Саудидам. Однако они столкнулись с глухим противодействием Великобритании.

Получивший от султана за свои военные заслуги в Аравии лишь титул трех-бунчужного паши, Ибрахим, сын Мухаммеда Али, осознавал тяжесть бремени, которая легла бы на египетскую казну при сохранении непосредственной власти над Центральной и Восточной Аравией. К тому же непокоренными оставались Асир и Йемен, контролировавшие вход в Красное море, судоходство по которому было для Египта значительно важнее, чем в Персидском заливе. В результате в середине 1819г. Ибрахим-паша начал вывод своих войска из Центральной и Восточной Аравии в Хиджаз. В 1820-1830-е годы египетские войска, высадившиеся на побережье Йемена, проводили военные операции в Асире и Йемене. Они подчинили Тихаму и г. Таиз; Сана стала платить дань Египту, признав свою зависимость от Порты.

Египтяне не имели ни средств, ни благоприятной почвы для проведения в Аравии реформ. Они ограничились установлением своих гарнизонов в стратегически важных пунктах и назначением аравийского губернатора, сохранив на местах традиционное управление лояльных египтянам членов правящих семей. В Хиджазе они отстранили от власти Талиба ибн Мусаида и после неудачных назначений остановились на Мухаммеде ибн Абд аль-Муине ибн Ауна (1827-1851).

109

Прежде чем покинуть Неджд, Ибрахим по приказу Мухаммеда Али стер с лица земли столицу Саудовского эмирата — Дирийю, разрушил в Неджде военные укрепления, пленил членов семьи Саудилов, отправив их в Египет, и обрушил жестокие репрессии на их сторонников и ваххабитских *улемов*. Страна была ввергнута в хаос безвластия. Бедуины, освободившиеся от уплаты ненавистного *закята* и запрета на грабительские набеги, предались грабежам; от порядка и безопасности передвижения, царивших на дорогах эмирата, не осталось и следа. В междоусобную борьбу за власть были вовлечены члены знатных родов, претендовавших на власть, и уцелевшие Саудиды, чей авторитет начал возрастать по мере усугубления политических бедствий. В конечном счете среди оседлого населения возобладала тенденция к государственной консолидации, центром которой стал Эр-Рияд, а главой — представитель боковой линии Саудилов Турки ибн Абдаллах ибн Мухаммед ибн Сауд (1823-1834), которому наследовал сын Фейсал (1834-1838, 1843-1865), бежавший из египетского плена.

Второй эмират Саудилов создавался, как и первый, в ходе покорения Неджд-дом соседних государственных образований и подавления восстаний племен. Однако на этот раз процесс совершался в границах Центральной Аравии и эль-Хасы. К тому же отношения эмирата с государствами Восточной Аравии осложнились вмешательством Великобритании, ростом политического влияния Бахрейна и его экспансией, направленной на прибрежные города эль-Хасы. Впрочем, в ослабленном Омани ваххабиты сохранили свои позиции, и султан Маската был вынужден по-прежнему платить им дань, иногда чисто символическую. Предвестником будущего подъема Рашидидов в Джебель-Шаммаре стала их внутривнутриполитическая самостоятельность при признании верховенства эмиров эр-Рияда. Оставаясь приверженцами ваххабизма, правители эмирата вели более терпимую религиозную политику.

Правление Фейсала прервалось на пятилетие в 1838 г. Тогда египтяне, обеспокоенные усилением эмирата, а также готовя египетское вторжение в Ирак, осуществили новую экспедицию в Центральную и Восточную Аравию под командованием Хуршид-паши. На этот раз они не встретили активного сопротивления населения Аравии, еще помнившего о жестоких расправах Ибрахим-паши. После непродолжительного единоличного управления покоренной Аравией Хуршид-паша поставил во главе Саудовского эмирата лояльного египтянам члена дома Саудилов эмира Халида. В 1840 г. египтяне ушли из Аравии, сохранив незначительные гарнизоны в Северном Хиджазе.

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АРАВИИ

По мере укрепления английских колониальных позиций в Индии росла заинтересованность Великобритании в утверждении своего господства над наиболее короткими водными путями из Индии в Европу, которые пролегали через Персидский залив и Красное море. Еще с начала XVII в. Английская Ост-Индская компания наряду с другими европейскими торговыми организациями располагала факторией в Мохе — важном торговом и стратегическом пункте у входа в

ПО

Красное море. В Персидском заливе в XVIII в. аналогичная британская фактория находилась в Бендер-Аббасе, откуда была перемещена в Басру; английские торговые агенты пребывали также в Бушире, на иранском берегу, и в Кувейте. Хотя руководство Компанией все еще отдавало предпочтение иранскому побережью, отношения, связывавшие английского резидента с шейхами Кувейта, привели к тому, что одной из первых военно-морских акций Ост-Индской компании в заливе было участие британского флота в защите Кувейта от атак ваххабитов в 1798-1799 гг.

Активизация британской политики в Аравии была связана с возникновением угрозы для владений Компании в Индии, возникшей в связи с экспедицией Бонапарта в Египет. Тогда администрация Компании направила в Маскат персидского купца Мехди Али-хана, выступившего посредником в подписании англооманского соглашения 1798 г. Под угрозой закрытия для маскатских судов портов западного побережья Индии Султан ибн Ахмад был вынужден принять английские условия этого соглашения: обещать придерживаться английской стороны в международных конфликтах, в частности поддержать англичан в вооруженных столкновениях с Францией, удалить из Маската французские суда, уволить со службы французов и, пока идет война, не предоставлять Франции и Голландии торговых и прочих баз на своей территории. Маскат разрешил Ост-Индской компании создать укрепленную факторию в Бендер-Аббасе.

В январе 1800 г. капитан Джон Малькольм заключил с Султаном ибн Ахмадом новое соглашение, по которому Маскат обязался принять постоянного британского политического резидента, что противоречило политике рода Ааль Бу Сайд, не допускавшей европейских агентов на свою территорию. К заключению соглашения 1800 г. султана побуждала также успешно развивавшаяся в Восточной Аравии экспансия ваххабитов. На основании нового соглашения султан Маската отказался в 1803 г. принять французскую дипломатическую миссию.

Между 1804 и 1819 гг. флот Ост-Индской компании совместно с Маскатом вел под предлогом борьбы с пиратством морскую войну против ваххабитов, заключая с шейхами Пиратского берега временные соглашения. В ходе этой войны после захвата в 1809 г. арабами британского бригаа «Минерва» англо-маскатский флот уничтожил «пиратские форты» побережья и установил свой контроль в водах залива. Хозяевами положения на суше, а временами и на море тем не менее оставались ваххабиты. Британская озабоченность положением вокруг Персидского залива усугублялась успехами египетской армии на юго-западе и востоке Аравии и нежеланием Ибрахим-паши идти на соглашение с англичанами.

В 1819г. британская эскадра разгромила флот шейхов Северного Омана (Пиратского берега) при Рас-эль-Хайме, разрушила их крепости и города. В январе 1820 г. шейхи Рас-эль-Хаймы, Абу-Даби, Дубай, Аджмана, Шарджи и Умм-эль-Кайвайна подписали Генеральный договор о мире, к которому присоединился и правитель Бахрейна. Формально направленный против пиратства, рабства и работорговли (но не затрагивавший вопроса о междоусобных морских войнах), этот договор узаконивал британское присутствие в водах и на побережье залива. Главный торговый представитель Ост-Индской компании в этом районе теперь получил полномочия политического резидента. Нарушавшие договор «недружелюбные племена» карались британским флотом.

111

Маскатский правитель Сайд ибн Султан, заключив с англичанами в 1822 г. новое соглашение, в 1828 и 1830 гг. предпринял попытки захватить Катар и Бахрейн, однако дважды терпел поражение.

Играя на противоречиях между египтянами и ваххабитами, британская дипломатия подтолкнула арабских правителей Пиратского берега к подписанию в 1835 г. ежегодно возобновлявшегося Первого морского перемирия, согласно которому шейхства были обязаны в период сбора в море жемчужных раковин воздерживаться от междоусобных морских войн. (В 1843 г. соглашение было продлено на 10 лет, а в 1853 г. превращено в договор «о вечном мире».) С этого времени берег был переименован в Берег перемирия, или Договорный Оман. В 1838-1839гг., во время наступления Хуршид-паши на второй Саудовский эмират, Великобритания добилась заключения новых соглашений с шейхствами и Бахрейном о запрещении работорговли, которые еще более расширили ее функции арбитра и контролера в Персидском заливе.

Укрепление позиций Великобритании происходило и на юге Аравии. Стремясь не допустить установления связи Бонапарта с майсурским правителем Типу Султаном через йеменского *имам*а и опасаясь утверждения французов в Красном море, англичане попытались договориться с правителем Северного Йемена о военных базах и, не добившись успеха, захватили о-в Перим в Красном море, который удерживали с мая по август 1799 г. Однако остров, зависевший от материка в снабжении продовольствием и водой, подвергавшийся угрозе нападения йеменских

пиратов, оказался неудачной стоянкой, и флот перебазировался в гавань Адена.

К тому времени Аден представлял собой небольшое селение с несколькими сотнями жителей, принадлежавшее султану Ахмаду, главе политического образования племен абдали с центром в Лахдже. Ахмад неоднократно предлагал англичанам взять его «государство» под свое покровительство. Он рассчитывал на английские субсидии, поддержку в борьбе с соседними племенными образованиями и на развитие через порт международной торговли. Однако руководство Ост-Индской компании еще придерживалось принципа невмешательства во внутриаравийские дела. Без ответа осталось и предложение, сделанное султаном в 1810 г., об основании в порту британской фактории.

Интерес к Адену со стороны Компании возобновлялся в 1820-е годы в связи с конфликтом между английским резидентом в Мохе и *имамом* Саны, а также при поиске промежуточной базы для строившегося парового флота Ост-Индской компании. Однако серьезная заинтересованность Англии в этом «Гибралтаре Востока» возникла с укреплением позиций Мухаммеда Али в Йемене и Красном море. Тогда, в начале 1839 г., британский военный флот высадил в Адене десант и захватил город: поводом для операции явилось ограбление местными жителями судна «Дария Даулят», принадлежавшего Ост-Индской компании и севшего на мель у берегов Абьяна. Султан Мухсин Фадль не смог ни выплатить контрибуцию, ни организовать сопротивление английской агрессии. Он вступил в торг с англичанами, завершившийся оккупацией и подписанием в начале 1839 г. двух договоров «о дружбе и мире», распространивших британскую юрисдикцию на Аден. Попытки султана возратить Аден вооруженной силой в 1839, 1840 и 1841 гг. были безуспешны. Господство Великобритании на морских путях из Персидского залива до южных ворот в Красное море стало свершившимся фактом.

112

МАРОККО В КОНЦЕ XVIII в. — 1840 г.

Марокко (араб. аль-Магриб аль-Акса — Дальний Магриб) на протяжении веков оставалось своеобразной частью арабо-мусульманской ойкумены. Находясь на стыке трех культурно-исторических традиций — арабо-мусульманской, евро-христианской и афро-негритянской, — Арабский Запад играл роль «цивили-зационного тигля», в котором переплавлялись духовные ценности и производственные навыки десятков народов. Чрезвычайно выгодное расположение региона на перекрестке сахарских караванных путей с морскими трассами Атлантики и Средиземноморья способствовало налаживанию здесь интенсивного взаимообмена культурным, военным, хозяйственным и политическим опытом между местным арабо-берберским населением, европейцами и народами Западного Судана. В силу этого обстоятельства северо-западная оконечность Африки всегда отличалась причудливым смешением культур, религий и языков. Вместе с тем географическая близость к Европе не раз делала Дальний Магриб форпостом в военно-политической борьбе исламского и христианского мира.

На рубеже XV-XVI вв. с политической сцены Марокко исчезли династии правителей, обосновывавших свое право на власть принадлежностью к тому или иному могущественному племени. Их место заняли периферийные кланы *шерифов*, возводивших свое происхождение к пророку Мухаммаду и обладавших, по верованиям марокканцев, особой божественной благодатью (*бараккой*). Именно шерифы-Сааиды возглавили в 1510г. стихийное сопротивление населения Дальнего Магриба сначала испано-португальской агрессии, а затем поползновениям проосмански настроенных правителей Алжира включить Марокко в состав своих владений.

К концу XVIII в. на территории Марокко уже более столетия существовало государство другой шерифской династии — Алауитов (Филалидов). Согласно преданию, предок Алауитов Хасан ад-Дахиль еще в XII в. переселился из аравийского порта Янбо в оазис Тафилалет (Южное Марокко), однако восхождение Алауитов к реальной власти в масштабах всего Марокко происходит лишь во второй половине XVII в. при султанах Мулай Рашиде (1664-1672) и Мулай Исмаиле (1672-1727). Становление алауитской государственности сопровождалось как попытками жесткой централизации, так и периодами политической раздробленности, когда Дальний Магриб представлял собой скорее мозаичный конгломерат племенных территорий, вольных портовых городов, владений влиятельных мусульманских лидеров (*мурабитов*) и удельных княжеств, нежели единое государство.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. традиционные социополитические устои шерифского султаната уже вполне оформились. Марокканское общество этого периода отличалось высокой социальной динамикой и нестабильностью, а нередкие в XVIII столетии войны, эпидемии и кочевые миграции не позволяли укрепиться социально-иерархическим представлениям. В то же время племенной уклад в Марокко оставался незыблемым. Общинное землевладение и в первых десятилетиях XIX в. продолжало преобладать в шерифском государстве над частным и султанским, а кровнородственные отношения предопределяли

жизненные приоритеты и ценности населения как в сельской, так и в городской среде.

Система управления шерифским Марокко была слабо централизована. Воля султана — верховного правителя и духовного лидера (*халифа*) правоверных — формально осуществлялась через центральное правительство (*махзен*) и провинциальную администрацию. Однако наместники провинций и городов были почти независимы от центра, а территория султаната неизменно подразделялась на подчиненную (араб, *бияд аль-махзен* — земля правительства) и неподчиненную (араб, *бияд ас-сиба* — страна львов), причем подчиненная территория редко превышала V_3 площади Марокко. Духовная власть султана признавалась марокканцами повсеместно, тогда как претензии алауитского *махзена* на сбор налогов решительно отрицались населением труднодоступных Атласских гор и полупустынных областей юга.

В подобных обстоятельствах марокканские государи полагались на испытанную веками военную организацию государства. Основу могущества Алауитов в предколониальный период составляли освобожденные от налогов военные племена (*гиш*) и негритянская гвардия (*абид*), а управление страной осуществлялось в традициях «кочующего двора». В XVIII в. в Марокко было четыре столицы — Фес, Марракеш, Рабат и Мекнес, и в каждой из них шерифский правитель пребывал по несколько месяцев в году, постоянно перемещаясь с семьей, приближенными и армией по провинциям своего султаната. Задачей таких походов (араб, *харка* — прорыв) было подавление племенных бунтов и сбор налогов, обычно за несколько лет сразу. Эта практика нашла отражение в марокканской поговорке: «Хорош тот султан, чей трон — седло, а балдахин — небо». Слабость внутривластных связей, частые кочевые миграции и межплеменные столкновения, не прекратившиеся и в XIX в., чрезвычайно затрудняли деятельность султанской администрации.

На протяжении XVI-XIX вв. специфической чертой общественно-политической системы Марокко было противодействие шерифской власти со стороны влиятельных местных *мурабитов* и суфийских братств (*турук*). Лидеры мистических объединений обладали безраздельным авторитетом у населения, а их учения органично вписывались в глубоко укорененную в массовом сознании полиформную систему верований и культов. Духовная общность, широкая распространенность и разветвленная организация братств делали суфийских шейхов грозными противниками на политической арене. Традиционно именно мирное сосуществование государства с племенными и религиозными институтами определяло стабильность политической системы в Марокко. В силу этого алауитские султаны стремились привлечь братства и *мурабитов* на свою сторону, одновременно поддерживая конфликты и расколы между ними. Во многом благодаря подобной политике султану Сиди Мухаммеду бен Абдаллаху (1757-1790) удалось прекратить тридцатилетнюю братоубийственную войну за власть между потомками Мулай Исмаила и поддерживавшими их *турук* и *мурабитами*. Однако уже первые десятилетия XIX в. ознаменовались попыткой его преемника Мулай Слимана (1792-1822) реформировать государственную систему по ваххабитской модели в духе аравийских Саудинов. Его преобразования, направленные на очищение ислама от «порицаемых нововведений» (*бида*), нарушили хрупкий баланс сосуществования государственной власти и могучих духовно-политиче-

114

ских сил в Марокко. В стране разразилась десятилетняя религиозная война 1812-1822 гг., кульминацией которой стало фесское восстание 1820 г. В итоге Мулай Слиман вынужден был в 1822 г. отречься от трона.

Новый султан, Мулай Абд ар-Рахман (1822-1859), полностью отказался от непримиримой к суфизму программы своего предшественника и постарался завоевать доверие шейхов братств и крупных *мурабитов*. Возврат Мулай Абд ар-Рахмана к патерналистской политике в отношении *турук* укрепил существовавшие в шерифском государстве архаичные политические порядки еще на несколько десятилетий. Внутренняя нестабильность алауитского государства в первой половине XIX в. значительно ослабила Марокко перед лицом европейского проникновения.

Выгодное географическое положение Дальнего Магриба и его природные ресурсы привлекали внимание европейских держав еще в XVI-XVII вв. Шерифские султаны XVIII в. стремились к диверсификации внешнеторговых связей и неоднократно заключали торговые договоры с Данией (1751 и 1765 гг.), Швецией (1763 г.), Францией (1767 г.) и Португалией (1773 г.). Только в правление Мулай Слимана предпринимались попытки взять курс на изоляцию Марокко. Стремление марокканского двора к автаркии поддерживалось и внешнеполитическим положением султаната, которое в конце XVIII — первой трети XIX в. было вполне стабильно. В этот период внимание Европы было поглощено событиями Великой французской революции, а поражение испано-французского флота при Трафальгаре (1805г.), британская блокада Средиземноморья и наполеоновские войны отсрочили начало прямой экспансии колониальных держав в Магрибе еще на двадцать лет.

Качественно новый этап европейского проникновения в Марокко начался в 1830 г. после захвата французскими экспедиционными силами прибрежной полосы Алжира. Начиная с 40-х годов XIX

столетия судьбы шерифского султаната определяются соперничеством Англии, Франции и Испании за утверждение своих позиций на его территории. Сокрушительные поражения шерифских войск в ходе франко-марокканского конфликта 1844г. и испано-марокканской войны 1859-1860 гг. продемонстрировали полную неэффективность арабской конницы перед маневрами европейских армий. Благодаря дипломатической поддержке Великобритании, не заинтересованной в успехах своих конкурентов, военные поражения Марокко не помешали ему сохранить на протяжении XIX в. формальную независимость. Однако силовое открытие марокканских рынков, устранение таможенных барьеров, заключение неравноправных торговых договоров и предоставление займов создавали условия для полукOLONИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ведущих стран Европы над Шерифской империей.

АЛЖИР В КОНЦЕ XVIII в. — 1840 г.

На рубеже XVIII-XIX вв. Алжир был наименее стабильным из государств Магриба. Из 30 *деев*, правивших здесь с 1671 по 1818 г., 14 пришли к власти в результате гибели их предшественников в ходе мятежей и переворотов. *Дей* (от турецкого *дайи* — дядя) пожизненно избирался *диваном* (советом) из янычарских военачальников (*ага*) и корсарских капитанов (*раисов*). Причем на этот выбор,

115

как и на политику *деев*, сильно влияла буйная вольница *йолдашей* («товарищей»), как принято было именовать *янычаров*, периодически набравшихся в Анатолии. Алжирцы же называли их за крутой нрав «анатолийскими быками». Фактически независимые от османского султана, *деи* все же были заинтересованы в союзе с ним, поэтому посылали ему подарки, уверяли в своей преданности и получали в обмен оружие, снаряжение и пополнение войска.

К концу XVIII в. государство *деев* пришло в упадок: перестали подчиняться управлявшие провинциями (*бейликами*) *беи*, численность населения уменьшилась вследствие эпидемий чумы и других стихийных бедствий, переживавшая трудности Османская империя почти прекратила помощь. *Кауды* (правители округов), обычно назначавшиеся из вождей наиболее сильных племен, все чаще отказывались повиноваться и помогать в сборе податей, которые постоянно росли ввиду резкого сокращения (а после 1816г. — полного прекращения) доходов от корсарства. Опираясь на 30 тыс. турок и 20 тыс. *кулуглу* (потомков турок от браков с местными женщинами), *деи* и *беи* с трудом держали в повиновении трехмиллионное население. Практически они контролировали не более 1/6 территории. Среди племен огромным влиянием пользовались религиозные братства (*турук*, *тарибаты*), имевшие в начале XIX в. до 400 *завий* (укрепленных обителей), свои отряды и доходы от посвященных им земель *хабус*, а также от паломничества верующих (*зияра*) к *куббам* — мавзолеям *марабутов* (святых дервишей, носителей *бараки* — божественной благодати).

Дей Хасан (1791-1798), отвоевавший у испанцев Оран, в то же время сотрудничал с Францией и без конца воевал с *бейями*. *Дей* Мустафа (1798-1805), поддерживавший Стамбул в войне с Бонапартом, вынужден был отступить в 1801 г., а затем в 1804 г. потерпел поражение от братства деркава в Орании. Восстание деркава длилось 11 лет. Убитого янычарами Мустафу сменил Ахмед-дей (1805-1808), в последний раз добившийся выплаты дани от Англии, Испании, США, Голландии и Австрии. А вот Франция отказалась платить, что вызвало столкновение с ней, а вслед за тем — и с Тунисом. Неудачи *дея* в этих стычках, как и в войне с деркава, привели к его свержению и гибели. Сменивший его Али (1808-1809), не сумев восстановить порядок, также был убит янычарами. Его преемник Хадж Али-паша (1809-1815) подавил все мятежи с крайней жестокостью (только в г. Медеа были обезглавлены 245 человек, в том числе 200 женщин), казнил двух *беев*, развязал войну против Туниса и возобновил корсарство: его главный *раис* Хамиду захватил 15 кораблей Испании, Португалии, Голландии, Швеции, Генуи и Венеции, но погиб в битве с эскадрой США в 1812 г. Не справившийся с восстанием племен в 1814 г., как и с длившимся с 1810г. мятежом *марабутов* в Ка-билии (берберской области к востоку от столицы), *деи* был задушен *янычарами* в бане. Та же участь постигла его преемника Мухаммеда Хазнаджи, попытавшегося навести порядок в янычарском войске. Сменивший его Омар-паша (1815-1817) сумел успокоить страну, но столкнулся с державами, потребовавшими освобождения всех европейских пленников. Встретив отказ, а также «неуважение» (несколько английских моряков погибли в пьяных драках с жителями Орана и Бона), адмирал лорд Эксмут во главе англо-голландской эскадры бомбардировал г. Алжир, причинил ему большой ущерб, потопив три алжирских корабля, на одном из которых погиб главный *раис* Али Татар. *Дей* Омар вынужден был по-

116

ти на уступки, за что его и убили уже после ухода союзной эскадры. Его сменил Али Ходжа (1817-1818), начавший решительную борьбу с *янычарами* при опоре на личную гвардию из 6 тыс. *кулуглу* и 2 тыс. *кабилов* племени зуауа. Взбунтовавшихся *янычар* расстреливала артиллерия, их резали в казармах и изгоняли в горы. В конце концов они смирились, но многие были высланы в Стамбул и Смирну, а также в Тунис и Триполи.

Эта бойня (погибло также много солдат *дея*) сильно ослабила Алжир в военном отношении. Умершего от чумы в марте 1818г. Али Ходжу сменил *дей* Хусейн (1818-1830), которому пришлось воевать с *беем* Константины на востоке, с братством тиджанийя в Сахаре и братством кадырийя на западе. Отклонив в 1819г. очередной ультиматум Англии и Франции об отмене рабства и прекращении корсарства, *дей* помирился с *бееми* и мятежными племенами. В 1824г. английский консул, замешанный в подстрекательстве племен против *дея*, уехал, а британская эскадра подвергла столицу Алжира семидневному обстрелу. На фоне непрекращавшихся мятежей различных племен, братств, *каидов* и *беев* в столице развернулась интрига, дорого стоившая Алжиру.

С 1802 г. тянулся спор между Алжиром и Францией по поводу уплаты старых французских долгов 1789-1793 гг. В результате своекорыстных махинаций посредников — ливорнских торговцев Бакри и Бушнака, а позже и французского консула Девалья — деньги Алжиру не выплачивались, что обостряло его отношения с Францией, с 1824г. и без того испорченные марсельской «Компанией Африки», снабжавшей мятежных кабиллов, за что на ее имущество в Алжире был наложен арест. С 1826 г. арест Бакри *деем* усилил напряженность, и в апреле 1827 г. Деваль, сознательно провоцируя разрыв с Алжиром (дабы скрыть свои махинации), оскорбил *дея*, за что получил от того «удар веером». Франция использовала этот инцидент для разрыва отношений и блокады побережья Алжира.

В июне 1830г. 37-тысячная французская армия высадилась в Алжире и разбила в двух сражениях 50-тысячную армию *дея*, которой командовал бездарный племянник *дея ага* Ибрахим, не обеспечивший своих солдат ни снаряжением, ни артиллерией, ни продовольствием, ни боеприпасами. Большинство их составили наспех набранные ополченцы, по свидетельству очевидца, «кумевшие лишь торговать молоком». К тому же Ибрахим присвоил деньги, специально выделенные *деем* для новобранцев. Сопrotивление французам оказали лишь горцы-кабилы шейха Заммума и небольшой корпус *бея* Константины Хадж Ахмеда. После десятидневной осады *дей* Хусейн вынужден был ввиду явного преимущества французов (а также предательства *янычар*, вступивших с завоевателями в тайные переговоры) подписать капитуляцию, соглашаясь «вместе с турками покинуть Алжир при условии уважения религии и обычаев алжирцев».

10 июля 1830г. *дей* Хусейн и ПО его родственников выехали в Неаполь (впоследствии он умер в Александрии в 1838 г.). Но сопротивление завоеванию лишь начиналось: на востоке страны, в Константине, закрепился правивший там с 1827 г. Хадж Ахмед-бей, впоследствии утвержденный Стамбулом в качестве *дея*; в центре и на западе часть *беев* и *каидов* решили сопротивляться, другие (обычно их старые соперники) — сотrudничать с завоевателями.

117

Хадж Ахмед-бей с самого начала выступал против французов. Однако ему никогда не удавалось объединить всех жителей не только Алжира, но и подвластной ему области, так как он опирался в основном на турок, кулуглу и кабиллов (его мать была кабилка), продолжая традиционную для *деев* тактику игры на противоречиях между племенами, регионами и общинами. В 1832г. борьбу алжирцев на западе и в центре страны возглавил 24-летний *эмир* Абд аль-Кадир, сын главы братства кадырийя. Он нанес французам ряд поражений и дважды, в 1834 г. и 1837 г., вынудил их заключать с ним мирные договоры, а также признавать созданное им государство. Мирные передышки он использовал для проведения административной, судебной, налоговой и денежной реформ, улучшения управления, возведения крепостей, борьбы с *марабутами* тиджанийя, не признавшими его власть, и предателями-феодалами. *Эмир* предлагал союз Хаджу Ахмед-бею, но тот отказался, считая лишь себя легитимным правителем страны, ²/₃ которой признавали власть Абд аль-Кадир. Воспользовавшись этими разногласиями, французы в 1837г. взяли штурмом Константино, захватили восток страны и вынудили Ахмед-бея вести партизанские действия в горах. С Абд аль-Кадиром они вынуждены были считаться до 1840г.

ТУНИС В КОНЦЕ XVIII в. — 1840 г.

Тунис к концу XVIII в. имел гораздо более высокий уровень урбанизации, чем прочие арабо-африканские страны, — 20% жителей (в 4 раза больше, чем в Алжире). До ¹/₃ горожан были ремесленниками (значительная их часть — потомки эмигрантов, мавров XI-XIII вв. и морисков XVI-XVII вв.), чьи изделия славились по всему Средиземноморью. В правление Али-бея (1759-1782) и Хамуд-паши (1782-1814) были прекращены междоусобицы (в том числе внутри династии Хусейнидов), снижены налоги, прекращены грабежи. Анархии *янычар* беи противопоставили отряды мамлюкской гвардии (в основном из абхазов, адыгов и грузин). Многие *мамлюки* стали к концу XVIII в. частью военной элиты страны. Поддерживая своих торговцев на море, *беи* не боялись вступать в конфликты (трижды с Францией в 1769-1800 гг., с Венецией в 1784-1786 гг.).

Торговые прибыли обогатили 600 наиболее влиятельных купеческих семей Туниса, значительно потеснивших европейских конкурентов. Например, 150 тунисских негоциантов, монополизировав торговлю с Марселем (зерном, оливками, шерстью, фруктами), свели прибыли европейцев к минимуму. Тунисцы торговали продукцией местного производства, а также активно участвовали в транзитной торговле товарами других стран, пользуясь выгодным расположением в центре Средиземноморья, особенно после упадка Мальты с 1798 г. Важным источником дохода была и дань, которую платили Тунису в обмен на свободу мореплавания Голландия, Швеция, Норвегия, Дания, Испания. В 1809 г. Тунис развернул через Ливорно торговлю с некоторыми областями Италии.

Благосостояние и достаток способствовали миру в стране, отсутствию мятежей и сотрудничеству с властями даже обычно непокорных бедуинов. Поэтому

118

тунисцы поддержали отказ Хамуд-паши в 1806 г. признать вассальную зависимость от Алжира. Вспыхнувшая алжиро-тунисская война (11-я по счету!) закончилась в 1813 г. победой Туниса. Одновременно *бей* подавил в 1811 г. мятеж тунисских *янычар*, пытавшихся при помощи алжирских *йолдашей* захватить власть. Но укрепление власти *бея* было относительным, так как Тунис с конца XVIII в. вел постоянную морскую войну с Европой, особенно с корсарами Мальты и Неаполя, которых тайно финансировали купцы Марселя (при Хамуд-паше из 15 торговых домов Франции в Тунисе остались лишь пять). В 1790-1805 гг. тунисцы направляли на борьбу с европейскими пиратами по 50-100 своих кораблей ежегодно (почти в десять раз больше Алжира тех лет). Но уже с 1800 г. Тунис вынужден был подписать перемирие с Францией, в 1816 г. под прицелом пушек англо-голландской эскадры Эксмута освободить 800 христианских пленников и заявить о прекращении пиратства. Тунис к этому времени стал другим.

Пришедшие к власти в результате заговора представители старшей ветви Хусейнидов фактически отказались от политики Хамуд-паши и убитого ими главного министра *бея* Юсуфа Сахиба ат-Таби (*мамлюка* грузинского происхождения). При них главное место заняли консервативные круги мусульманского духовенства и мамлюкской аристократии, были восстановлены корпус *янычар* и пост *мухтасиба* (религиозного цензора). При Махмуд-паше (1814-1824) была введена (по примеру Мухаммеда Али в Египте) система государственных монополий (в 1819-1920 гг.) и повышены налоги, что существенно подорвало тунисское ремесло и предпринимательство, тем более что по времени это совпало с тяжелыми стихийными бедствиями, неурожаями, эпидемией чумы, сокращением доходов от таможни и прекращением выплаты дани странами Европы; в 1819 г. англо-французская эскадра заставила Махмуд-бея отказаться от корсарства окончательно. Последним ударом, уже при Сиди Хусейн-бее (1824-1835), явилась гибель тунисского флота в составе османской эскадры, уничтоженной в Наваринской битве 1827 г. кораблями Англии, Франции и России.

Упадок национального производства и торговли привел к захвату рынка Туниса европейцами, к изменению структуры импорта, половину которого составляли теперь драгоценности и предметы роскоши для бейской семьи. Денег не хватало. Пришлось прибегать к займам, закупкам в кредит, порче монеты. Вдобавок увеличились расходы на подавление возобновившихся мятежей бедуинов (в 1817, 1819, 1824-1825 гг.). Финансовое закабаление страны стало фактом, и лишь усилия главного министра Шакира (зять *бея* и *мамлюка* из черкесов) предотвратили банкротство страны. В 1829-1830 гг. Шакир добился также окончательной ликвидации корпуса *янычар* и замены (с помощью французских советников) их регулярной армией. Он же ввел режим строгой экономии, запретив даже сановникам носить кашемир и золотое шитье. Та же политика была продолжена при брате Хусейн-бея Мустафе (1835-1837).

С 1830 г. Тунис был связан договором с Францией, который предусматривал «особые отношения» как с «наиболее благоприятствуемой нацией», гарантировал права иностранцев и свободу торговли (прежде всего для французов). Шакир активно содействовал Франции в подчинении Алжира и на деле содействовал

119

превращению Туниса в ее полуассала. Французский консул стал постоянно вмешиваться в дела Туниса, а французский флот регулярно патрулировал (особенно в 1836-1841 гг.) побережье страны. Хусейниды в целом это одобряли не только потому, что зависели от Франции, но также из страха перед османами, пытавшимися восстановить свой контроль над Тунисом.

Глава 5

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИРАНА В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Конец XVIII — первая половина XIX в. была особой эпохой в политической истории Ирана нового времени. Именно в этот период происходит объединение страны под властью династии Каджаров, в основном определяются границы современной государственной территории, формируется государственный аппарат с новой элитой и явной тенденцией перенять некоторые формы европейского управления. Вместе с тем усиливается военно-политический и экономический натиск европейских держав на Иран, который вынужден вырабатывать новые принципы внешней политики, обеспечивающие сохранение целостности территории и политической независимости.

ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ КАДЖАРОВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВА

После смерти Керим-хана Зенда в 1779 г. в истории Ирана началась очередная полоса междоусобных войн. В стране сложилось несколько феодально-племенных группировок, претендовавших на верховную власть. Неустойчивость в политической жизни сохранялась до конца XVIII в. В создавшейся ситуации исход борьбы зависел от того, какая из племенных группировок окажется сильнее и активнее.

Каджары использовали имевшиеся у них преимущества. Это было одно из сильных племенных образований Ирана, которое могло рассчитывать на поддержку тюркских племен и материальные ресурсы северных провинций Ирана. Будущий основатель Каджарской династии Ага-Мохаммад-хан, возглавивший свое племенное образование, пользовался авторитетом и уважением как старейший из каджарских ханов, покровитель соплеменников при дворе Зендов. Кровавопролитная борьба за власть между Зендами облегчила путь Ага-Мохаммад-хану к шахскому престолу. В 1785 г. он с небольшим отрядом в 500-600 человек занял Тегеран, Кум, Кашан, а к концу года и Исфаган. Вскоре он покинул Исфаган, избрав своим местопребыванием Тегеран, в то время небольшой городок, ставший затем столицей государства.

В борьбе за власть Ага-Мохаммад-хан умело использовал недовольство ханов многих мелких племен правлением Зендов. Он широко практиковал раздачу союзным ханам захваченных владений своих противников, назначая своих сторонников на различные должности. Но лучшие земли и богатые провинции получа-

121

ли в свое управление, как и главные должности при дворе, Каджары, на чью поддержку поначалу Ага-Мохаммад-хан мог безусловно рассчитывать.

Под влиянием победы Ага-Мохаммад-хана над Зендами многие ханы Азербайджана, Курдистана и Центрального Ирана приняли сторону Каджаров. Последняя битва между Каджарами и Зендами произошла в 1794 г. под Керманом, который после пятимесячной осады был взят штурмом. Под властью Ага-Мохаммад-хана оказался весь Иран, за исключением Хорасана.

Ага-Мохаммад-хан был умным, хитрым, удачливым, по иранским представлениям достаточно образованным человеком, но плохо разбирался в изменившейся в конце XVIII в. международной обстановке, так как не учитывал реальной силы ни соседних правителей, ни создаваемого им собственного государства.

Грабительский поход в Грузию в 1795 г. с целью подчинения ее своей власти, сопровождавшийся небывалой жестокостью, повлек за собой ввод русских войск в Грузию, поставив под сомнение успешность военных действий Ага-Мохаммад-хана на Кавказе в целом. Между тем остались неподчиненными Хорасан, некоторые курдские и туркменские ханы, ранее находившиеся под властью Ирана; вспыхивали волнения в центральных и южных районах страны. И Ага-Мохаммад-хан был вынужден сосредоточиться на внутренних проблемах.

В мае 1796 г. Ага-Мохаммад-хан принял титул шаха. Его короновали небольшой диадемой и опоясали царским мечом, освященными на гробнице шейха Сефи ад-Дина, что должно было символизировать преемственность власти от Сефевидов и преданность шиизму.

Стараясь укрепить единство Каджаров, Ага-Мохаммад-шах подчеркивал главенствующее положение этого племени в государстве. Он ввел правило назначать на посты губернаторов важнейших провинций младших представителей ханского дома Каджаров, что не помешало ему физически расправиться с некоторыми родственниками — возможными его соперниками.

Мало занимаясь упорядочением административно-хозяйственной жизни Ирана, Ага-Мохаммад-

шах сосредоточился на военном подчинении местных правителей. Он совершил удачный поход в Хорасан, взял город Мешхед и захватил сокровища Надир-шаха, вывезенные из Индии. В 1797 г. Ага-Мохаммад-шах вторично двинулся в Грузию, дабы наказать грузинского царя Ираклия II за то, что тот обращался к России за помощью, но во время похода был убит своими слугами. Это убийство предотвратило новое иранское нашествие на Грузию. Шахское войско распалось, и в Иране снова началась борьба за шахский престол.

Несмотря на наличие официально объявленного наследника— Фатх Али-хана, — претендентами на шахский престол, выступили несколько каджарских ханов. Только в 1798 г. законному наследнику удалось одержать верх над своими соперниками. Отсутствие строгих правил престолонаследия в племенной среде обусловило последующую открытую или тайную борьбу ближайших родственников за трон.

Фатх Али короновался в марте 1798 г. и оставался у власти более тридцати пяти лет. Ему предстояло не только сохранить за Каджарами шахский трон, но и утвердить молодую монархию. Ага-Мохаммад-шах успел заложить лишь основы каджарской власти в Иране, созданное же им государство было укреплено только при его преемнике Фатх Али-шахе, когда определились границы государства,

122

административное деление, сформировался управленческий аппарат. Заметную политическую роль в годы правления Фатх Али-шаха стал играть его сын Аббас Мирза, назначенный наследником престола и получивший в управление Азербайджан. Впоследствии Азербайджан, эта богатая провинция Ирана, всегда находился под властью наследника престола, что предоставляло материальное обеспечение его двору и рассматривалось как подготовка престолонаследника к государственному управлению.

Аббас Мирза стал также главнокомандующим иранскими войсками. Будучи одним из наиболее умных и деятельных представителей Каджаров, Аббас Мирза проявил незаурядные способности военачальника, дипломата и администратора. Он понимал, что для преодоления отсталости Ирана необходимы подъем производительных сил страны и реорганизация не только армии, что ему частично удалось осуществить, но и всего государственного аппарата.

Аббас Мирза умер в 1833 г., незадолго до смерти своего отца Фатх Али-шаха, и наследником престола был объявлен его сын Мохаммад Мирза, который в 1835 г. стал шахом Ирана.

При Мохаммад-шахе проявились признаки внутренней нестабильности Ирана. Страна переживала финансовый кризис, ремесленная промышленность страдала от конкуренции с европейскими товарами. Исподволь зрела идейная оппозиция безынициативному болезненному монарху, сильное влияние на политику которого оказывали родовая аристократия и духовенство. К концу правления Мохаммад-шаха в Иране стали раздаваться открытые призывы к неповиновению Каджарам и преобразованию иранского общества либо на основе исламских ценностей, либо на основе идей османского Танзимата. В 1848 г. Мохаммад-шах скончался, шахом Ирана короновался Насер эд-Дин.

Основатель Каджарской монархии Ага-Мохаммад-шах и фактический ее создатель Фатх Али-шах стремились воссоздать мощное государство по образцу Сефевидской державы, в состав которого входили бы территории и народы, когда-то подчинявшиеся Сефевидам. Более того, походы в Закавказье и Грузию, Хорасан и Туркменскую степь, Герат и Белуджистан, войны с Турцией и Россией, военные стычки со среднеазиатскими ханствами свидетельствовали о намерении новой династии даже расширить территорию Ирана. Однако положение в регионе к концу XVIII в. существенно изменилось. Возникло афганское государство Ахмад-шаха Дуррани, также претендовавшее на Белуджистан, Систан, Герат, Хорасан, Туркменскую степь. Англичане, укрепившиеся в Индии, прилагали усилия, чтобы взять под контроль политическую ситуацию на Среднем Востоке и направить ее развитие по собственному сценарию. На Кавказе росло русское влияние и наметилось тяготение к России не только христианских Грузии и Армении, но и некоторых мусульманских ханств. Завоевательная политика привела к гибели основателя Каджарского государства, и Фатх Али-шах после поражения в русско-иранских войнах (1804-1813 и 1826-1828 гг.) стал более осмотрительно проводить внешнюю политику, взяв курс на сохранение иранского государства в существовавших пределах. Последующие каджарские шахи восприняли тот же политический принцип.

Как правители Ирана, каджарские шахи нуждались в легитимизации своей власти со стороны шиитского духовенства, ибо они не располагали преимущест-

123

вом сефевидских шахов, которые, как потомки шейха Сефи ад-Дина, выступали в качестве и светских правителей, и духовных глав общества. Дело заключалось не только в тюркском происхождении Каджаров: Сефеvidы также пришли к власти с помощью кызылбашей — тюркских племен, т.е. тюркская кровь текла и в жилах сефевидских шахов. Проблема состояла в том, что Каджары не могли претендовать на роль харизматических лидеров, подобно Исмаилу I Сефевиду. Между тем, согласно

доктрине шиитского ислама, духовная власть *имамы* преобладала над светской властью шаха, а об *имамате* можно было говорить только при наличии харизматического духовного лидера шиитской общины. В отсутствие такого лидера роль духовного руководителя могли исполнять наиболее авторитетные *моджтехиды*, обладавшие правом *иджтихада* — толкования всех спорных вопросов, возникавших в шиитской общине. Это позволяло высшему духовенству оказывать большое влияние на государственные дела.

Каджары пытались ограничить вмешательство *улемов* в решение политических вопросов, но не могли идти на открытый конфликт с ними, так как они влияли на принятие важнейших государственных актов благодаря праву санкционировать шахские *фирманы*. К тому же, например, если вопросы войны и мира решал шах, то мобилизацию населения на священную войну осуществляли *улемы*: от них исходила *фетва* с призывом к *джихаду*. Духовный суд (*махкам-е шар*) находился всецело в руках *улемов*, руководствовавшихся шариатом (на основе законов *шариата* рассматривался широкий круг гражданских и некоторые уголовные дела); государство же располагало системой светского суда, опиравшегося на обычное право (*урф*). Вместе с тем шах, обладая неограниченной светской властью, оставался верховным судьей по всем вопросам.

Многие шиитские *улемы*, породнившиеся между собой и составившие несколько крупнейших кланов, осуществляли духовный контроль над населением Ирана. (Происхождение и поныне влиятельных семейств *улемов* Табатаба-ни, Бехбехани, Ширази, Гольпаигани, Куми и многих других восходит как раз к концу XVIII — началу XIX в.)

Некоторые известные *улемы*, в том числе сейид Мохаммад Али Бакир Бехбехани, способствовали приходу к власти Ага-Мохаммад-шаха Каджара. Шах и его преемники, со своей стороны, чтобы заручиться поддержкой влиятельных *улемов*, выделяли средства на реставрацию наиболее почитаемых мечетей и строительство новых, выплачивали из казны жалованье и пенсии *улемам*, делали им подарки, жаловали крупные земельные владения.

В первые десятилетия правления главной опорой новой династии тем не менее оставалось племя каджаров, преимущественно его астрабадские ветви, они составляли основное ядро армии, которую первоначально лично возглавляли шахи и принцы.

Уже при Ага-Мохаммад-шахе в Иране начала складываться новая правящая элита. Сначала высший эшелон государственной власти был малочисленным и ограничивался ближайшим окружением шаха, состоявшим преимущественно из родственников, заинтересованных в удержании династией государственной власти. Хотя члены правящего дома и не назначались на пост *садразамы* — главы государственной администрации, однако каджарские принцы стали правителями почти всех крупных провинций и городов. Эта практика в основном сохранялась

124

до конца правления Каджаров. Постепенно в правящую верхушку общества влились и старинные иранские аристократические семейства, некоторые из которых породнились с Каджарами.

Административно-управленческий и религиозно-судебный аппарат формировался из *аянов* (военно-служебной элиты), которые гордились знаниями, являлись носителями рафинированной культуры и обладали значительными наследственными и приобретенными богатствами (землей и городской недвижимостью). В их среде большую роль играли родство и связи, обеспечивавшие передачу многих должностей по наследству. За свою службу они получали фиксированные доходы — жалованье в виде поступлений от прикрепленных к должности городов, деревень, таможен и др.

Восприняв от Сефевидов структуру государственного устройства, Каджары усовершенствовали систему административного деления, что обеспечивало более централизованное управление государством. К середине XIX в. Иран делился на 12 крупных провинций (*вилайетов*), в которые входили также территории проживания племен и племенных образований. В свою очередь, *вилайеты* делились на уезды (*болук*), округа (*махалле*), а низшей административной единицей была деревня (*дех*). Города (*шахр*) состояли из кварталов (*махалле*).

Первым лицом в государстве после шаха был *садразам*, глава государственного административного аппарата. (Во время реформы государственного управления в 1858 г. пост *садразамы* был упразднен и учрежден Совет министров под председательством шаха. Было создано шесть министерств. Однако вскоре должность *садразамы* была восстановлена.)

Садразам имел трех помощников: *мостоуфи-оль-мамалек* (управляющий финансами), *мониши-оль-мамалек* (управляющий внешней и внутренней политикой) и *салар лашкар* (главнокомандующий).

Губернаторы провинций, как и эти высшие должностные лица, обычно назначались *садразамом*.

Налоги в провинции собирал *мостоуфи*, в городе — *тахсилдар*, в племенах, как правило, сам хан, который вносил их в казну в качестве налога или подарка через племенную администрацию.

Уже в первой трети XIX в. стала намечаться тенденция «европеизации» государственного

аппарата: *садразам* стал иногда называться премьер-министром, появились особые министры иностранных дел, финансов, военных, внутренних дел и др.

При чрезвычайных обстоятельствах шах собирал совещательный совет из наиболее влиятельных придворных, военно-служилой элиты и шиитского духовенства, на котором обсуждались главным образом военные вопросы. (Государственный совет как правительственный институт был учрежден только в 1859 г.) Продажность, взяточничество, своекорыстие, невежественность, жестокость были свойственны многим представителям каджарской администрации. Государственные, национальные интересы приносились в жертву личным выгодам.

Армия Ирана была нерегулярной и в мирное время многочисленной. Она состояла из племенных и городских ополчений, которые распускались по окончании военного похода. Каджары поначалу опирались на собственное племенное ополчение, но по мере расширения подвластной им территории в их армию вливались представители других племен.

125

После поражения Ирана в войне с Россией встал вопрос о реорганизации армии по европейскому образцу. Инициатором реорганизации выступил наместник престола Аббас Мирза. Для реорганизации армии, создания и обучения регулярных частей были приглашены французские офицеры во главе с генералом К.-М.Гарданом, о котором будет сказано ниже. Регулярные полки были сформированы из азербайджанцев, однако единой системы набора солдат не существовало. Вооружение для армии обычно покупалось в Европе. Для обучения регулярных войск привлекались помимо французских английские, австрийские и итальянские военные советники. Командовал регулярной армией *амир-низам*, хотя главой всех вооруженных сил считался шах. Так называемая гвардия шаха (*кошек-джи*) сопровождала главу государства в походах и несла службу во дворцах. Гвардейцы проходили ту же школу, носили то же обмундирование, что и регулярные части. Иррегулярное войско (*лашкар*) строилось на старой основе формирования племенного ополчения.

Для обеспечения армии военным снаряжением и боеприпасами были созданы арсеналы в Тегеране и Тебризе и построены специальные фабрики по выработке сукна и кож.

Боеспособность иранской армии даже после реорганизации оставалась невысокой, о чем свидетельствуют поражения Ирана в войнах с Россией и Англией.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА

Геополитическое положение Ирана, расположенного на подступах к Индии, Средней Азии и Кавказу, определяло его место в острой политической борьбе европейских держав за влияние и господство в этом регионе.

Иран не сразу осознал опасность военно-политического и экономического проникновения европейских государств. Прикаспийские провинции Астрабад и Мазандеран были основной опорной территорией Каджаров и в то же время играли важную роль в ирано-русских отношениях, поэтому Россия была одним из первых государств, с которыми они установили дипломатические контакты. По Каспийскому морю, несмотря на периодическую нестабильность политической власти в Иране, шла оживленная торговля, а правители прикаспийских провинций постоянно поддерживали политические связи с русскими пограничными властями. Каджары были заинтересованы в поддержке России: признание их правителями прикаспийских областей со стороны России укрепляло авторитет и положение каджарских ханов.

С населением Кавказа у Ирана также сложились тесные торговые, культурные и религиозные связи. Но Иран стремился к расширению территории за счет Грузии и мусульманских ханств Закавказья, тогда как народы Кавказа — к сохранению независимости или по крайней мере к самостоятельному выбору своего сюзерена между Россией, Ираном или Турцией.

Военный поход Ага-Мохаммада в 1795 г. в Грузию, перешедшую в 1783 г. под протекторат России, и разорение Тифлиса вызвали ответные шаги России. Екатерина II отдала приказ о подготовке Персидского похода. Весной 1796г. в

126

Закавказье был направлен 30-тысячный корпус под командованием генерала Валериана Зубова.

Русские войска заняли Дербент, Кубу, Баку, Гянджу и ряд других городов Закавказья; один из отрядов был направлен в Грузию. Основная часть войска перешла через реку Араке. Но смерть Екатерины II приостановила продвижение русских войска. Новый император России Павел I отдал приказ о прекращении Персидского похода.

Соседние с Ираном азиатские государства довольно быстро признали Каджаров правителями Ирана, хотя их территориальные интересы подчас взаимно пересекались, как это было, например, с Афганистаном. Известно, что особую заинтересованность Каджары проявили к провинции Хорасан,

органически связанной с Ираном, где располагался священный город шиитов Мешхед — недавняя столица Надир-шаха. В Иране ни у кого не возникало сомнения в необходимости похода в Хорасан и включении его в состав иранского государства. Ага-Мохаммад-шах формально подчинил Хорасан, но смерть помешала ему закрепить свой успех. После Хорасанского похода 1798 г. Фатх Али-шах удовлетворился тем, что эта провинция признала свою зависимость от Каджаров. В 1802 г., воспользовавшись восстанием систанцев против афганской власти, Каджары присоединили к провинции Керман большую часть Систана.

В 1796 г., вскоре после захвата власти Каджарами французское правительство, проектируя создание франко-турецко-иранского союза в противовес общеевропейской антифранцузской коалиции, образованной в 1793 г., направило в Тегеран свою миссию. Но посольство окончилось неудачей. Завоевания Франции в Европе и египетская экспедиция Наполеона сплотили Англию, Австрию, Россию и Турцию в антифранцузском союзе 1798 г. Особое беспокойство в отношении французской экспансии проявляла Англия, политические деятели и дипломаты которой усмотрели в планах Наполеона прямую угрозу ее позициям в Индии. В ноябре 1800 г. в Тегеран в сопровождении огромной свиты и военного отряда прибыл представитель английского правительства — капитан Джон Малькольм. Переговоры Малькольма с иранским правительством закончились подписанием в январе 1801 г. политического и торгового договоров. Согласно политическому соглашению, Иран должен был выступить против Афганистана, если последний нападет на Индию. Англия, в свою очередь, обещала Ирану вооружение и помощь своими войсками, если Иран подвергнется нападению Афганистана или Франции. Иранские власти брали на себя обязательство выслать из Ирана всех французских подданных. Торговый договор предоставлял англичанам большие привилегии (низкие пошлины, разрешение селиться в любом месте Ирана и др.).

Отношения Ирана с Россией в начале XIX в. обострились. Если до этого времени Россия стремилась к созданию в Закавказье зависимых вассальных государств, то после удачных войн с Турцией и присоединения Крыма русское правительство взяло курс на непосредственное включение Грузии, Армении и закавказских мусульманских ханств в состав Российской империи. Однако Иран не менее энергично стремился к захвату тех же территорий. Готовясь к войне с Россией, Тегеран попытался привлечь к антирусской коалиции правительство Турции и ханов Закавказья.

Первая ирано-русская война началась с ввода русских войск в Гянджу (1804 г.), когда 40-тысячная иранская армия во главе с наследным принцем Аббас Мирзой

127

сосредоточилась около Тебриза. Русские войска разбили иранскую армию при Эчмиадзине и осадили Ереван, а в 1805 г. заняли почти все Закавказье.

Надежды Ирана на английскую помощь не оправдались: Англия оказалась союзницей России по антифранцузской коалиции и не пошла на обострение отношений с Петербургом. Ирану пришлось идти на сближение с Францией. 4 мая 1804 г. был подписан франко-иранский договор: Наполеон гарантировал Ирану неприкосновенность его территории, признал Грузию «законно принадлежащей шаху», взял на себя обязательство заставить Россию вывести свои войска из Закавказья и обещал предоставить Ирану необходимое вооружение и офицеров для обучения армии и руководства строительством пограничных укреплений. Шах обязался порвать дипломатические и торговые сношения с Англией и объявить ей войну, обеспечив свободный проход французских войск в Индию через свою территорию. В случае необходимости шах должен был напасть через Афганистан на Индию.

Договор имел лишь один результат — в Иран прибыла военная миссия генерала К.-М.Гардана, под руководством которой началась реорганизация иранской армии. В декабре 1807 г. Гардан подписал торговый договор, по которому Франция получила в Иране исключительные привилегии.

Однако заключение франко-русского наступательно-оборонительного союза в 1807 г. вызвало разочарование в Иране, и шах вновь пошел на сближение с Англией. Дж.Малькольм, прибывший в Бушир в мае 1808 г., предложил Ирану военную и денежную помощь для ведения войны с Россией. Иранское правительство, вступив на путь «балансирования» между великими державами, срочно потребовало удаления миссии Гардана из Ирана. В 1809г. новый английский посол в Иране Г.Оузли привез обещанную денежную помощь за три года, увеличенную до 200 тыс. туманов в год. В 1810 г. в Иран вновь приехал Дж.Малькольм, доставив пушки, артиллерийские снаряды, 7 тыс. ружей и группу английских офицеров для обучения иранской армии. Поставки вооружения продолжались и в 1811 г. Летом 1810г. иранская армия возобновила военные действия против России, но кампания закончилась победой русских войск.

Ни военная помощь, ни моральная поддержка Англии, подписавшей 14 марта 1812 г. новое англо-иранское соглашение, не смогли изменить соотношение сил на ирано-русском фронте. В октябре 1813г. между Ираном и Россией был заключен Гюлистанский мирный договор, по которому за каждой стороной сохранялись земли, находившиеся под их властью в момент подписания договора. К России,

таким образом, отошли Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия и ханства— Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Дербентское и Талышское. За ней закреплялось исключительное право держать военный флот на Каспийском море. Гюлистанский договор не уточнял границы между Ираном и Россией, что послужило причиной последующих споров между государствами.

Еще с конца XVIII в. стали намечаться англо-российские противоречия в Иране. Союзнические отношения, общая борьба с Наполеоном временно отодвинули эти противоречия на задний план. Однако Россия упорно продвигалась на юг, в Закавказье и в направлении Средней Азии, а Англия не менее упорно стремилась на север, пытаясь подчинить своему политическому влиянию государства Среднего Востока.

128

Используя реваншистские настроения иранского шаха, Англия 25 ноября 1814 г. возобновила договор с Ираном. Со своей стороны, шахское правительство обещало аннулировать все соглашения с враждебными Англии европейскими государствами, включая и Гюлистанский договор.

Заручившись поддержкой Англии, иранское правительство, ссылаясь на нечеткость формулировок некоторых статей Гюлистанского договора, стало требовать его пересмотра, провоцируя на ирано-российской границе различные инциденты.

Однако, прежде чем начать новую войну в Закавказье, Иран должен был предпринять шаги к урегулированию отношений с Турцией, на различных участках границы с которой сохранялась напряженность. Источником постоянных ирано-турецких пограничных вооруженных конфликтов были неопределенность демаркационной линии и перекочевки через границу племен (прежде всего курдских), объявлявших попеременно своим сюзереном то Иран, то Турцию.

Осенью 1821 г., воспользовавшись разрывом дипломатических отношений между Турцией и Россией и сосредоточением турецких сил на подавлении восстаний в Греции и Валахии, Аббас Мирза с 50-тысячным войском вторгся в Турецкий Курдистан и Армению, занял Баязидский и Карский *пашалыки*, подошел к Эрзеруму и потребовал большую контрибуцию. Однако летом 1822 г. турецкие войска стали теснить иранскую армию, к тому же в иранских частях началась эпидемия холеры. Все это заставило Иран отозвать свои войска. 28 июля 1823 г. был подписан Эрзерумский трактат, согласно которому между государствами сохранялись старые границы, установленные еще Зохабским договором 1639 г. После подписания Англией и Россией в 1826 г. Петербургского протокола по греческому вопросу и Аккерманской конвенции с турецким султаном, английская дипломатия попыталась отвлечь силы России от военных операций в Турции, способствуя развязыванию новой войны Ирана с Россией. Англичане сове-/ товали Аббас Мирзе начать войну с Россией, учитывая малочисленность российских войск в Закавказье, ее неподготовленность к войне и внутривосточные осложнения (восстание декабристов). 23 июня 1826 г. шиитские *улемы* выдали *фетву*, разрешающую войну и призывающую начать *джихад* против России. Иранские войска внезапно напали на форпосты русских войск в Талыше, Карабахе, Армении и, смяв их, захватили многочисленные населенные пункты. Но подтянутые к границе русские войска нанесли несколько серьезных поражений иранской армии, и к октябрю 1826 г. вся захваченная Ираном территория была очищена от иранских войск.

В осеннюю кампанию 1827 г. русские войска, одержав еще несколько побед, начали продвигаться в глубь Ирана. Взятие русскими войсками Сардарабада, Еревана, Нахичевани и Тебриза показало, что война для Ирана проиграна. Для ведения переговоров и заключения мира было объявлено перемирие до 10 декабря 1827 г. Поскольку Иран тянул с заключением мира, Россия возобновила наступление. Вскоре были заняты Урмия, Ардебиль и Миане. Иран не мог больше медлить с заключением мира, и шах согласился на все условия, предложенные Россией.

В 1828 г. был подписан Туркманчайский договор. К России переходили Нахи-чеванское и Ереванское ханства, подтверждались власть над ранее присоединен-

129

ными территориями и исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море, устанавливалась точная граница в Талышском ханстве; Иран обязался уплатить 10 *куруров туманов* (20 млн. руб. сер.) контрибуции. Дополнительный акт— «Трактат, заключенный с Персией о торговле Российских и Персидских подданных» — определил экономические и торговые отношения между двумя государствами.

Хотя Туркманчайский договор положил конец ирано-русским войнам, отношения между Ираном и Россией продолжали оставаться напряженными. В апреле 1828 г. русским полномочным министром-резидентом в Иран был назначен А.С.Грибоедов. Российский посланник должен был требовать неукоснительного соблюдения всех статей договора. Наиболее острыми были вопросы об уплате контрибуции, отношении к христианскому населению Ирана и возвращении военнопленных.

Твердая позиция русского посланника вызывала недовольство иранского правительства. По всей стране, не без английского одобрения, шла ожесточенная антирусская пропаганда. 30 января 1829 г.

фанатичная толпа по призыву духовенства напала на русское посольство. Погибли почти все члены миссии, и среди них Грибоедов.

События в Тегеране заставили Иран и Россию пересмотреть основы своей политики. Конфликт мог стать поводом для новой русско-иранской войны, что было не в интересах обоих государств, поэтому по инициативе России он был улажен дипломатическим путем. В Петербург было послано иранское посольство с извинениями. В ирано-русских отношениях наступил новый этап. Русское правительство отсрочило выплату очередных взносов контрибуции, началось пограничное урегулирование, успешно стали развиваться ирано-русские торговые связи.

Однако как внутривосточное, так и экономическое положение Ирана оставалось тяжелым. Проявляли сепаратистские настроения принцы — правители различных *вилайетов*, восстали хорасанские ханы, получавшие поддержку извне, в частности из Гератского ханства. Иранское правительство видело выход из критического состояния в завоевательных походах. Но предварительно следовало подчинить вышедших из повиновения принцев и изъять у них значительные средства, которые позволили бы затем осуществить завоевания соседних территорий в Афганистане и Средней Азии. Эту миссию успешно выполнил Аббас Мирза, когда в октябре 1830 г. его войска вступили в Хорасан.

В течение 1831-1832 гг. Аббас Мирза овладел многими крепостями и городами Хорасана и Туркменской степи. Он потребовал признания своей власти и выплаты денег не только туркменскими племенами и восставшими хорасанскими ханами, но и правителем Герата. Готовящийся вооруженный поход на Герат был отсрочен смертью Аббас Мирзы в октябре 1833 г. и последовавшей после смерти Фатх Али-шаха (1834г.) борьбой за иранский престол. Гератскую кампанию продолжил Мохаммад-шах.

От своих претензий на Гератское ханство, а также на некоторые территории в Хорасане, Систане и Белуджистане никогда не отказывались ни Иран, ни Афганистан. Но со второй половины 30-х годов в ирано-афганские отношения начинают активно вмешиваться европейские державы. Это вмешательство было связано с обострением русско-английского соперничества на Среднем Востоке.

130

Борьба за Герат 1837-1838 гг. в известном смысле оказалась пробой сил России и Англии в этом регионе. Англия придавала Герату большое стратегическое значение в своих планах экспансии в Среднюю Азию и в бассейн Каспийского моря, поэтому она оказала решительное сопротивление походу на Герат иранского шаха: британский посланник Мак-Нил объявил его враждебным Великобритании актом и покинул шахский лагерь. Обороной Герата руководил английский офицер Генри Поттинджер. Военным советником при иранском шахе был русский офицер И.Ф.Бларамберг. Англия потребовала снять осаду Герата, подкрепив свое требование захватом иранского острова Харк. Шах был вынужден уступить, но иранские войска продолжали удерживать ряд крепостей, входивших в состав Гератского ханства. Тогда Англия объявила о разрыве дипломатических отношений с Ираном. Для переговоров в Англию был послан Хосейн-хан. В ходе переговоров Ирану был предъявлен ультиматум из 11 пунктов, главными из которых были освобождение крепости Гуриан и подписание торгового договора с Англией. Иран вынужден был принять эти условия. В 1841 г. дипломатические отношения с Англией были восстановлены. Однако вновь внимание к Герату было привлечено в середине 50-х годов, когда Англия расширила не только экономическое проникновение на рынки Ирана, Афганистана и Средней Азии, но стала стремиться к установлению своего политического господства над государствами этого региона.

В 1853 г. англичане добились от иранского правительства письменного обязательства не вмешиваться во внутренние дела Гератского ханства при условии, что Англия будет поступать аналогично. Крымская война отвлекла Англию от гератских проблем, и Иран считал момент подходящим для разрешения гератского вопроса: к Герату были направлены иранские войска. Англо-иранские отношения вновь резко обострились. В конце 1855 г., убедившись, что предотвратить поход иранских войск на Герат не удастся, Англия вновь разорвала дипломатические отношения с Ираном.

В начале 1856 г. иранские войска осадили Герат, и в октябре город был взят. Почти одновременно англичане начали военные действия против Ирана. В декабре 1856 г. английские войска заняли остров Харк и город Бушир, в марте 1857 г. — Мохаммеру, а затем — Ахваз.

Но еще 4 марта 1857 г. в Париже был подписан англо-иранский мирный договор. Иран обязался вывести войска из Герата, согласился на посредничество Англии при решении ирано-афганских конфликтов. Англия выводила из Ирана свои оккупационные войска. В 60-е годы Англия способствовала присоединению Гератского ханства к Афганистану.

Постоянным противником и соперником Ирана на западе оставалась Турция. На ирано-турецкой границе постоянно возникали пограничные конфликты, которые особенно участились в 40-х годах в районе города Сулеймания. Иранские паломники, направлявшиеся в Кербелу и Неджеф, продолжали жаловаться на притеснения со стороны турецких властей. Все это приводило к обострению ирано-

турецких отношений. В 1837 г. турецкий наместник в Багдаде, стремясь подорвать торговое значение иранского порта Мохаммеры, конкурировавшего с Басрой, совершил набег на Мохаммеру. В начале 1840 г. турецкие войска вторг-

131

лись в иранский Курдистан. В результате посредничества английского и русского дипломатических представителей в Тегеране и Стамбуле для урегулирования ирано-турецких разногласий была созвана в Эрзеруме конференция с участием представителей упомянутых четырех держав. Переговоры длились в течение нескольких лет и в 1847 г. был подписан Эрзерумский договор, состоявший из 9 статей. Иранское правительство отказывалось от притязаний на Сулейманию, а Турция — на Мохаммеру. Стороны обязались взаимно не нарушать прав подданных Ирана и Турции, живущих на чужой территории, в том числе права паломников, не препятствовать торговле, не сосредоточивать войска на границе.

Эрзерумский договор был наиболее важным документом, подписанным Ираном и Турцией в XIX в. На его основе была создана смешанная комиссия по ирано-турецкому разграничению с участием представителей Англии и России. Интересы Турции или Ирана почти не учитывались английскими и российскими комиссарами. К вопросу о пересмотре границы стороны вернулись только в начале XX в. **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Приход Каджаров к власти не оказал сколько-нибудь заметного влияния на социально-экономическое развитие Ирана. Иран оставался отсталой аграрной страной с безраздельным господством феодальных, а местами и полуфеодальных-полупатриархальных производственных отношений.

Каджары не занимались строительством ирригационных сооружений, оставили в неизменном виде финансово-налоговую систему. Но, учитывая изменившиеся условия в мире и явную социально-экономическую и военную отсталость Ирана, Каджары несколько раз в течение XIX в. приступали к реорганизации армии, модернизации государственного аппарата и некоторым мероприятиям протекционистского характера. Однако эти меры носили поверхностный характер. Изменения же в области социально-экономических отношений были еще более незначительны, лишь с конца 30-х — в 40-е годы XIX в. они стали более заметными.

Аграрные отношения в Иране по-прежнему основывались на традиционных формах собственности — государственной, частной, вакфной и др. В соответствии с мусульманским правом государственная собственность на землю (*халесе*, *диваны*) рассматривалась как коллективная собственность всей мусульманской общины (*уммы*), а правом распоряжаться ею обладал верховный правитель. Поэтому с юридической точки зрения шаха нельзя рассматривать в качестве собственника всех земель. Но тысячелетняя практика привела к тому, что фактически шах считался «полным господином жизни и смерти своих подданных, а равно и достояния их».

По приблизительным подсчетам, в начале XIX в. государству принадлежало около трети пригодной к обработке земли. Между землями шахского домена (*хасе*) и государственными (*халесе*) не существовало большого различия: и те и

132

другие обрабатывались крестьянами, являвшимися владельцами, или «вечными арендаторами», небольших участков, а шах мог распоряжаться доходами и с тех и с других земель.

Каджары считали государственную собственность на землю и право шаха распоряжаться всем земельным фондом страны основой политической централизации Ирана. Поэтому одним из первых мероприятий Каджаров была конфискация земельных владений всех категорий у некоторых феодалов, купцов, духовенства и создание обширного фонда государственных земель, откуда они могли бы черпать материальные средства.

Государственные земли Каджары жаловали ханам за службу в качестве условного землевладения — *тиуля*. Иногда в *тиуль* передавались доходы или только часть налогов с государственных земель.

Обладателями *тиулей* были также члены правящего дома, сановники и чиновники государственного аппарата более низких рангов, командиры полков, представители духовенства.

Поскольку шахи прибегли к принудительному переселению племен с одних территорий на другие, то земли племен (*ияти*), составлявшие около 1/4 территории Ирана, по сути также можно было считать государственными. Однако обычно они рассматривались как собственность племен. Эти земли, как правило, не облагались налогами, поскольку большинство племен должны были нести воинскую повинность и по первому требованию властей выставлять ополчение. В XIX в. земли *ияти* в большинстве племен стали считаться собственностью глав племен.

В социально-экономическом плане племена представляли сообщества, в которых родоплеменные отношения причудливо переплетались с патриархально-феодальными. Сохранению родоплеменных связей и традиций способствовала известная политическая и хозяйственная изолированность племен. Относительно независимыми от шахской власти были вакфные земли, которыми распоряжалось духовенство. К середине XIX в. фонд вакфных земель по-прежнему увеличивался за счет пожалований

шаха и правительства, завещаний и дарственных отдельных лиц, и все же земли этой категории составляли не более 10% обрабатываемых территорий.

С 30-40-х годов XIX в. отмечается повышенный интерес имущих классов (купцов, офицеров, высшего духовенства, богатых горожан) к земельной собственности. Появилась практика распродажи государственных земель, вследствие чего изменилось соотношение между государственным и частным землевладением. Эти сдвиги стимулировались ростом спроса на сельскохозяйственное сырье на мировом рынке и повышением в связи с этим цен.

Частная собственность на землю была официально признана только в 1843 г., а в 1868 г. был принят закон о признании прав на землевладение не только за государством и крупными частными собственниками, но также за крестьянами. С этого времени основная инициатива по расширению обрабатываемых площадей и увеличению производства сельскохозяйственной продукции стала исходить от «новых помещиков» (представителей чиновной бюрократии, купцов, духовных лиц) и зажиточных крестьян.

Основной формой земельной ренты в первой половине XIX в. оставалась рента продуктовая, а денежная и отработочная играли второстепенную роль. В ряде районов земельная рента составляла около половины урожая. Существовали зна-

133

чительные различия в условиях аренды и размерах арендной платы: за аренду только земли у ханов *багрекары* платили *багре*, равную $\frac{1}{3}$ урожая; за пользование землей и инвентарем арендаторы — *ярикеры* должны были уплатить $\frac{2}{3}$ урожая; наиболее нищенской категорией арендаторов были *ранджебары*, получавшие за свой труд $\frac{1}{5}$ урожая.

К середине XIX в. отмечается рост задолженности крестьян государству, феодалам, ростовщикам. К этому времени участились выступления крестьян против феодальных порядков в иранской деревне. В начале столетия крестьянские хозяйства в большинстве районов были преимущественно натуральными или полунатуральными, сочетавшими земледелие (возделывание пшеницы, ячменя, риса) с домашней промышленностью — прядением, ткачеством, ковроткачеством, первичной обработкой кожи и др. И тем не менее имеется много свидетельств развития товарно-денежных отношений в деревне уже в первой половине XIX в., что определяло специфику иранского общества еще со средних веков. Мелкотоварное хозяйство иранских крестьян, которые поставляли на рынок ковры, войлок, ремни, сбри, ткани, — явление очень давнее. Пригородные или отдаленные деревни были тесно связаны с городом или большим селением, где периодически устраивали базары. В сельской местности применялся наемный труд: в Гиляне, например, на сезонную работу нанимались азербайджанцы и мазендаранцы, ежегодно приезжало до 3400 отходников из Халхала для обработки рисовых полей и плантаций тутового шелкопряда. Но заметный рост товарности сельского хозяйства стал наблюдаться в начале 40-х годов, главным образом за счет производства технических культур (тутовый шелкопряд, хлопчатник, табак). Главной экспортной статьёй Ирана в первой половине XIX в. был шелк. Основным шелководческим районом считался Гилян. Производство и особенно вывоз хлопка из Ирана в середине XIX в. были не очень велики. Табак разводили в большинстве районов страны и вывозили в Индию, Константинополь, Египет.

Большую роль в хозяйственной жизни Ирана играло скотоводство. Кочевое скотоводческое хозяйство обеспечивало потребности страны в мясе, шерсти, шкурах, молоке и т.п. Товарность скотоводческого хозяйства в XIX в. неуклонно возрастала: живой скот, шкуры, шерсть, кишки занимали видное место в экспорте Ирана.

В целом для сельского хозяйства Ирана характерен экстенсивный тип развития с невысокой производительностью труда, слабым использованием и освоением новой техники, медленным перераспределением трудовых ресурсов по отраслям. Исторически сложившаяся специализация сельскохозяйственных районов была обусловлена прежде всего разными климатическими условиями. Это привело к возникновению ранних торговых связей, оживленного обмена между областями, а также между кочевыми племенами и оседлым населением. В XIX в. к этим естественным факторам присоединился новый — повысившийся спрос на некоторые виды сельскохозяйственного сырья на внешнем рынке, что способствовало переориентации производства отдельных районов на хлопок и табак.

В Иране в начале XIX в. насчитывалось около 20 крупных городов с населением более 10 тыс. человек и около 40-50 тыс. мелких. Городское население страны составляло приблизительно 20% жителей. Экономической базой иранских городов оставались развитое ремесленное производство, торговля и сель-

134

ское хозяйство. Большинство городов были полуаграрными; более половины их жителей занимались сельским хозяйством. Можно говорить о следующих социальных группах городского населения: правящая верхушка; средние и мелкие феодалы, проживавшие в городе; чиновничество; духовенство;

купечество; ремесленники и мелкие торговцы; горожане, занимавшиеся садоводством и огородничеством; обслуживающий персонал; лица свободных профессий; офицеры и солдаты военных гарнизонов; некоторые кочевники, зимовавшие в городах; городская беднота; деклассированные элементы.

Политическая власть в городе в первой половине XIX в. принадлежала феодально-бюрократическим слоям и духовенству. Они же, по существу, господствовали и в экономической жизни, являясь владельцами базаров, караван-сараев, ремесленных мастерских и лавок. Такая зависимость города от феодалов мешала складыванию «бюргерства», «третьего сословия», со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями.

Центром хозяйственной жизни в иранском городе был базар. Две фигуры определяли лицо базара — купец и ремесленник, причем главенствовали купцы.

Будучи значительной по численности и влиянию социальной группой в иранском городе, купечество держало в своих руках внешнюю и внутреннюю торговлю. Купцы еще со времен средневековья были тесно связаны с землевладельцами и духовенством. В торговле также участвовали шахский двор, отдельные сановники и ханы.

По традиции, торговцы были объединены в торговые гильдии, как правило, различавшиеся по роду торговли. Такие союзы позволяли купцам отстаивать свои права и противостоять нажиму властей. Незащищенность личности и имущества в годы политической неустойчивости, иноземных нашествий и войн превратилась в национальное бедствие. Не случайно упадок внутренней торговли и ремесла, сокращение внешней торговли и традиционных связей выпали на конец XVIII — начало XIX в. И только по мере укрепления династии Каджаров и стабилизации государственной власти стали создаваться более благоприятные условия для восстановления и развития внутренней и внешней торговли.

Поскольку в XIX в. влияние мирового рынка на иранскую экономику усиливалось, то шахское правительство было вынуждено предпринять некоторые меры протекционистского характера (запрет ввоза некоторых видов товаров), чтобы приостановить сокращение ремесленного производства и защитить интересы иранских производителей и торговцев. Но эти меры только усиливали экономическую изоляцию: оказывалось противодействие созданию торговых факторий, постройке удобных причалов и даже складских помещений для хранения товаров иностранных купцов. Вводилась практика государственного регулирования торговли (временный запрет на вывоз зерна и риса, продажу шелка-сырца иностранцам, пока не завершится закупка для внутренних нужд и т.п.). В 30-х — начале 50-х годов шахом были приняты решения о реформировании таможенной службы и изменении размеров таможенных пошлин, отмене устаревших внутренних пошлин. И тем не менее в Иране сохранялась тормозившая развитие торговли система откупа таможенных сборов.

Внешняя торговля Ирана в конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. не регулировалась какими-либо общими договорами или шахскими указами. Основными

135

документами, регламентировавшими русско-иранскую торговлю, стали Туркман-чайский договор 1828 г. и специальный торговый акт, согласно которым устанавливалась 5%-ная торговая пошлина.

Аналогичные условия были предоставлены Англии (1841 г.), Бельгии (1841 г.), Франции и США (1862 г.) и другим странам.

В первой половине XIX в. Иран только вступал в систему более или менее регулируемых торговых отношений со своими соседями. Влияние европейского торгового капитала в первые три десятилетия этого века еще слабо отражалось на конъюнктуре иранского рынка. До первой половины 30-х годов сохранялось преобладание иранского торгового капитала в торговле Ирана с Афганистаном, среднеазиатскими ханствами, Россией и Турцией. Однако с середины 30-х годов положение стало меняться: европейские торговые дома начали контролировать ввоз в страну европейских товаров. В середине XIX в. основные позиции в торговле Ирана заняли европейские купцы и небольшая группа связанных с ними иранских купцов — парсов, армян, азербайджанцев, а на востоке и на юго-востоке Ирана — индийцев. Европейский торговый капитал поддерживал интенсивно растущую собственную фабричную промышленность. Он располагал новыми средствами передвижения (пароходное сообщение и железные дороги) и реальной поддержкой государства. Иранское же купечество уступало европейским торговцам даже в организации своего капитала: европейским торговым фирмам и домам противостояли в лучшем случае семейные торговые компании с относительно небольшим капиталом при несовершенной системе расчетов, отсутствии бухгалтерских книг и четкой организации оплаты векселей. Иранские купцы еще только приспосабливались к условиям торговли в кредит.

К середине XIX в. обострились противоречия между иранскими и иностранными купцами. Иранские купцы выступали против вывоза из Ирана ценного сырья, ввоза иностранных товаров, предоставления привилегий иностранным торговцам и т.п. В 40-х годах на этой почве в различных городах Ирана вспыхивали столкновения иранских купцов с иностранными.

Главными внешними партнерами Ирана стали Великобритания и Россия, и с 1820-х годов их торговые связи, по сути, превратились в торговую экспансию. Так, в начале XIX в. объем внешней торговли Ирана был равен 2,5 млн. ф. ст., а ввезено английских товаров лишь на 300 тыс. ф. ст., в 1830 г. же только иранский импорт составил 2 млн., из которых на долю Англии и Британской Индии приходилось более $\frac{2}{3}$ всех ввезенных товаров; экспорт товаров из России достиг 600 тыс. ф. ст. К 50-м годам XIX в. английская торговля с Ираном составляла уже сумму в 4—5 млн. ф. ст.

Характерным явлением для торговли Ирана с европейскими государствами (исключая Россию) был торговый дефицит. В начале 40-х годов, например, в Тебриз ввозилось европейских товаров на 20-30 млн. руб., а вывозилось лишь на 4-5 млн. Дефицит покрывался вывозом монеты, что приводило к недостатку наличных денег на рынке и росту ссудного процента. В Иран постоянно ввозилась монета, главным образом из России, которая занимала одно из первых мест во внешней торговле Ирана из-за выгодного тарифа, удобных путей сообщения, богатого ассортимента товаров, традиционных торговых связей и активного для Ирана торгового баланса (вывоз из Ирана в Россию превышал ввоз русских товаров в Иран в 1830-е годы в три, а в 1840-е — в четыре раза).

136

К середине XIX в. на экономике Ирана стали сказываться отрицательные последствия неблагоприятного развития внешней торговли: в 30-х и 40-х годах Иран дважды пережил торговые кризисы, сопровождавшиеся острым недостатком наличного капитала, задержками выплаты процентов по ссудам, резким колебанием цен на товары, большим скоплением непроданных товаров, частым банкротством торговых домов.

В первой половине XIX в. иранское ремесленное производство претерпело значительные изменения. К концу XVIII в., после неоднократно пережитых потрясений городской жизни, сопровождавшихся сокращением ремесленной продукции и резким ухудшением ее качества, традиционное ремесленное производство в основном было восстановлено. Однако затем его развитие было приостановлено в силу возрастающего влияния мирового рынка.

Прежде всего последствия ввоза английских текстильных товаров сказались на производстве тканей. Некоторые виды ремесел исчезли, однако появились новые профессии, получила широкое распространение вторичная обработка белых английских ситцев — набивка на них популярных рисунков. Хотя традиционные иранские товары еще имели сбыт на внутреннем рынке, они оказались отрезанными от привычных рынков сбыта — Закавказья, Османской империи, Индии, частично Афганистана и Средней Азии. (Уже с 20-х годов были ограничены возможности продажи иранских товаров в шейхствах и эмиратах Персидского залива, странах Африки.) Вместе с тем во многих отраслях хозяйства начали пробивать себе дорогу элементы капиталистического производства в виде простой кооперации и зачатков рассеянной мануфактуры, спорадически возникавшие еще в XVII и XVIII вв.

Сочетание элементов капиталистического предпринимательства и организации труда с традиционными формами производства отмечалось на государственных военных заводах, в арсеналах, горнорудном деле, в стекольных и фарфоровых *кархане*. В 40-50-х годах некоторыми предпринимателями и шахом были осуществлены попытки выписать из-за границы оборудование для организации современных фабрик, но многие новые предприятия вскоре закрылись не только из-за экономического давления западных держав, но и из-за неспособности местных предпринимателей наладить новое производство в условиях особой рыночной конъюнктуры при необеспеченности сырьем и квалифицированной рабочей силой.

В целом ремесленное производство базировалось на старой технике и высоком мастерстве подавляющего большинства ремесленников, проходивших долгую школу обучения в качестве учеников. Цеховой строй еще господствовал в организации труда ремесленников.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

До середины XIX в. в Иране сохранялась социальная структура, характерная для средневековья. Распад этой структуры, появление новых социальных слоев, образование новых общественно-экономических связей начались только с 40-х годов XIX в.

В традиционном Иране существовали четыре основные сословные группы, отличавшиеся друг от друга по социально-правовому положению: **правящее**

137

сословие — лица, связанные с двором, столичная и провинциальная (гражданская и военная) администрация, имевшая наследственную или пожалованную Кад-жарами земельную собственность; **городские сословные группировки** — купечество, ремесленники, а также духовенство; **крестьянство; кочевники**. В первой половине XIX в. в Иране был достаточно высок процент деклассированных элементов (*лутти*).

Господствующее положение в обществе землевладельцев, высшего духовенства, чиновничества и купечества базировалось не только на земельной собственности и торговом капитале, но и на близости

к верховной власти, на их месте в военно-бюрократической системе управления. Основную массу крупных землевладельцев составляли ханы племен, владельцы наследственных и тиульных земель, чиновники провинциальной администрации, а также новые землевладельцы-помещики — *арбаб* (мн.ч.). В целом эта группа была достаточно стабильна. Она была традиционно тесно связана с купцами и принимала активное участие во внутренней и внешней торговле.

Купечество в Иране относилось к уважаемой части общества. Коран поощрял занятие торговлей — полезным, почетным, богоугодным делом. Купцы иногда становились видными фигурами в политической жизни страны. Однако в условиях незащищенности личности и имущества положение купечества было незавидным. Едва ли не нормой было незаконное притеснение процветающих купцов, попавших в опалу или лишившихся высокой поддержки, и беззащитное их обирание. Приход к власти Каджаров был настороженно встречен шиитским духовенством. В свою очередь, Каджары-тюрки, мало связанные с городским населением, к которому принадлежали *улемы*, не сразу смогли наладить контакт с духовенством. Позиции *улемов* позволяли им держаться независимо. Доходы от *вакфов*, *закята*, *хомса* или *сихм-е имам* (доли имама, т.е. $\frac{1}{5}$ доходов, передаваемой на содержание потомков пророка), опекуна являлись основой экономической независимости духовенства. Особенно важной статьёй дохода были вакфы, значительно увеличившиеся к середине XIX в.

Высшим духовным авторитетом в иранском обществе, как уже говорилось, обладали *моджтехиды* (высшее звание *улемов*). Они осуществляли руководство шиитской общиной, именно к ним обращались люди для разрешения всех спорных религиозных и правовых вопросов; отсюда проистекало их политическое, юридическое и моральное влияние.

При первых Каджарах, вопреки влиянию официального шиитского духовенства, заметно усилилась деятельность суфийских орденов, что объяснялось принадлежностью к ним ряда членов правящей династии. Даже некоторые сыновья Фатх Али-шаха считались суфиями.

С начала XIX в. англичане, практикуя подкупы духовных лиц, раздачу им денежных субсидий и подарков, умело использовали шиитское духовенство для ведения антирусской пропаганды и организации антирусских выступлений, что вполне устраивало тегеранское правительство. Однако шиитское духовенство выступало против проводившихся при поддержке правительства мероприятий по модернизации Ирана и введения европейских новшеств.

Отсутствие светских школ в Иране до второй половины XIX в. позволяло духовенству оказывать влияние на всю систему просвещения, а следовательно, и на

138

всю культуру Ирана. Спротивление духовенства введению светской системы образования было столь велико, что начавшаяся с середины XIX в. борьба за светскую школу завершилась победой лишь в XX в.

Положение крестьянского населения Ирана определялось многими факторами: размерами крестьянской земельной собственности и арендуемых участков, ценой за аренду земли и воды, долей в разделе урожая между землевладельцем и крестьянином, налогами и повинностями крестьян и т.п. Но в целом положение крестьян было тяжелым и несправедливым, хотя сложившиеся веками нормы обычного права и *шариат* обеспечивали им определенную защиту. Отсутствие узаконенного крепостного права не мешало жесточайшей эксплуатации крестьян и пренебрежительному отношению к податному населению.

Отличительной особенностью социально-экономических отношений Ирана являлось наличие в стране кочевых и полукочевых племен. Численность племенного населения в первой половине XIX в. составляла 3 млн. человек, т.е. $\frac{1}{3}$ всего населения страны. Племена были расселены по всей территории Ирана, но чисто «племенными» районами были окраины государства, где обитала основная масса племен: курды — в Курдистане, афшары, шахсевены, каджары, туркмены и другие тюркские племена — преимущественно вдоль северных границ; белуджи — в Белуджистане; кашкайцы — в Фарсе и на юге Исфганской провинции, арабы — в юго-западной части и Фарсе; бахтиары и луры — на западе страны.

Положение племен в обществе определялось не только степенью их социально-экономического развития, но и близостью к государственной власти, родством с представителями шахского двора, их ролью в межгосударственных отношениях (например, шахсевен и туркмен в русско-иранских отношениях, некоторых курдских и арабских племен в отношениях с Турцией) и другими факторами. Однако к середине XIX в. развитие капиталистических отношений начинает отражаться на роли племен в экономической и политической жизни Ирана. Новым явлением стали тенденции этнополитической консолидации иранских (курды, бахтиары, луры, белуджи), тюркских (афшары, кашкайцы, туркмены) и арабских (бени кааб, шейбани) племен.

Шахское правительство, используя регулярные войска, умело играя на соперничестве и вражде отдельных племен и опираясь на администрацию провинций, назначенную из родственников шаха или

приближенных ко двору лиц, медленно, но неукоснительно проводило централизаторскую политику, по возможности ставя племенную знать в зависимость от тегеранского двора путем назначения на какую-либо должность, с помощью подарков, обещаний и т.п.

Регулируя свои отношения с племенами традиционными средствами и методами и постепенно ослабляя влияние племенной аристократии, Каджары тем не менее вынуждены были учитывать еще и не контролируемые ими контакты племен с Россией и Англией. Россия поддерживала отношения с главами племен, обитавших вдоль северной границы Ирана, главным образом с курдами и тюрками. Англия распространяла свое влияние в основном на племена, обитающие на юге страны, — бахтиар, луров, арабов. Эти контакты были самыми разнообразными и имели иногда серьезные политические последствия.

В Иране довольно широко применялся наемный труд — ив городе, и в деревне. Существовала значительная прослойка наемных слуг, обслуживавших дворы

139

и хозяйства феодалов. Наемные рабочие и слуги были у купцов и у зажиточных мастеров-ремесленников. В разгар сельскохозяйственных работ даже крестьяне нанимали работников. Наемный труд применялся и в племенах.

В конце XVIII — начале XIX в. в Иране было относительно много рабов, преимущественно христиан, захваченных в плен (среди них было много грузин), и африканцев, ввезенных через порты Персидского залива или купленных в Басре и Багдаде. В кочевых племенах были рабы из местных жителей — захваченные крестьяне или *иляты* из соседних племен. В первой половине XIX в. сохранялась торговля черными рабами.

Немусульманское население Ирана — христиане (главным образом армяне и ассирийцы), парсы (гебры, зороастрийцы), иудеи — занимали приниженное положение. Вековое сожительство в пределах одного государства выработало определенные нормы взаимоотношений мусульман и иноверцев. Национально-религиозные меньшинства старались держаться компактно, прибегая в случае необходимости к защите своей религиозной общины.

Подводя итоги, можно сказать, что, казалось бы, прочные устои феодального общества, отлаженная веками система хозяйства и государственного управления, освященные религией традиции общественных отношений не могли тем не менее остановить развития в Иране слабых ростков нового капиталистического общественно-экономического порядка. А ускорение под воздействием мировой капиталистической системы некоторых процессов буржуазной эволюции вызвало социально-политический кризис, наиболее ярким проявлением которого стало движение бабидов.

Глава 6

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

С эпохи позднего средневековья до окончательного присоединения региона к России общественное устройство государств Кавказа существенно не менялось. Его отличали политическая нестабильность, раздробленность и многообразие форм власти, социальной организации и собственности. Грузия с XV в. была разделена на соперничавшие друг с другом Картлинское, Кахетинское и Имеретинское царства и пять княжеств — Мингрелию, Гурию, Абхазию, Сванетию и Самцхе. Восточная Армения и Азербайджан с XV-XVI вв. состояли из множества мелких ханств — Эриванского, Нахичеванского, Гянджинского, Карабахского, Шекинского, Ширванского (Шемахинского), Кубинского, Бакинского, Талы-шинского, а также ряда мелких султанатов. Приморский и отчасти Нагорный Дагестан был поделен между Дербентским, Кюринским, Аварским, Мехтулин-ским, Казикумухским ханствами, *шамхальством* Тарковским, *уцмийством* Кай-тагским, *майсумством* и *кадиятом* Табасаранскими, султанатом Елисуйским (Илису). Пять адыгских князей-пшм (кабард. *пц'ы*) правили на землях Большой и Малой Кабарды (совр. Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня и Ингушетия). Наиболее влиятельными были князья Большой Кабарды Атажукины, Мисо-стовы и Джамбулатовы. Правителей кавказских государств связывали вассальные и династические узы. Слабые подчинялись более могущественным соседям: платили дань и выставляли отряды ополчения в случае войн и набегов. На Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII в. наибольшим влиянием пользовались *шамхалы* Тарковские и ханы (авар, *нуцал*) Аварские. Свои права на престол *нуцалы* и *шамхалы* обосновывали происхождением от *сейидов* — потомков пророка Мухаммада со стороны его дядьев Хамзы и Аббаса. По преданию, их предки участвовали в завоевании Северного Кавказа легендарным Абу Муслимом (VIII в. н.э.). Другие дагестанские ханы, включая *уцмиев*, *майсумов* и *кади*, также возводили свой род к арабам из Сирии, по преданию пришедшим на Северный Кавказ вместе с Абу Муслимом. Однако в действительности кланы дагестанской знати возникли позднее, в ходе тюркских и иранских завоеваний XIV-XVI вв. Клань кумыкской, аварской, кабардинской и карачаевской знати (беков, *пши*) считали своими предками крымских ханов Гиреев, с именем которых связано завоевание и

исламизация Северо-Западного Кавказа Османской империей в XV-XVII вв. В XVIII столетии потомки Гиреев и дагестанские *сейиды* быстро теряли былое политическое влияние в Кабарде и Северном Дагестане.

В Закавказье ненадолго возвысились грузинские цари, в 1744 г. поставленные во главе Картли, Кахетии и Имеретин знаменитым иранским завоевателем Надир-шахом. Большая часть царей и князей Восточной Грузии продолжали испо-

141

ведовать православие; некоторые приняли ислам *суннитского* или *шиитского* толков. Во второй половине XVIII в. династии грузинских царей удалось объединить под своей властью большую часть Западного и часть Восточного Закавказья. В 1762 г., после отъезда царя Картли Теймураза II (1744-1762) в Россию, где он вскоре скончался, его сын Ираклий II (1744-1798) стал царем объединенного Картли-Кахетинского, или Грузинского, царства. Он подчинил Эриванское и Гянджинское ханства, Казахский и Шамшадильский султанаты. Союзником Ираклия II был его внук Соломон II, правивший Имеретией до 1811 г. Однако в конце царствования Ираклия II грузинский царский дом опять ослабел. В 1792 г. престарелый царь разделил царство на уделы между своими тремя сыновьями. С его смертью в стране начались смуты, вызванные борьбой за престол между воцарившимся сыном Георгием XII (1798-1800) и его братьями.

Кавказ был поделен на зоны влияния между великими мусульманскими державами того времени — Османской империей и Ираном. С XV-XVI вв. власть Турции простиралась на царство Имеретинское, Мингрелию, Гурию, Абхазию и прочие княжества Западной Грузии, а также Кабарду, Закубанье и владения Северного Дагестана. Правители этих земель обязаны были участвовать в военных походах османских и крымских правителей, а их подданные — уплачивать им поземельную и подушную подати. Западная Армения и Южная Грузия были включены в фискально-административную систему Османской империи. Они делились на *пашалыки* и *санджаки*, которые на деле давно превратились в полунезависимые вассальные государства в составе империи, не отличавшиеся от местных княжеств. Ханства Восточного Закавказья и Южного Дагестана, *уцмийство* Кайтагское и Табасаран признавали власть иранских шахов. На территории Азербайджана и Восточной Армении действовала иранская административная система. Каждое ханство делилось на *магалы*. Во главе ханств стояли назначаемые шахом ханы или наместники (иран. *сардар*), обладавшие всей полнотой исполнительной, судебной и военной власти на местах. Им подчинялись военно-чиновничий аппарат и наместники-лшрболукм из числа мусульманских князей-беков, управлявшие *магалами*. Нижнее звено административной иерархии составляли сельские старосты (иран. *кевха*, *кетхуда*). Восточная Армения и Картли-Кахетинское царство несколько столетий служили предметом ожесточенных споров между Турцией и Ираном. Причем если турки поддерживали на контролировавшейся ими территории *ханафитский* религиозно-правовой толк (араб, *мазхаб*) суннитского ислама, то иранские шахи насаждали на покорившихся им землях *шиизм* има-митского типа. Они насильственно переселяли на территорию Восточной Грузии и Армении полукочевые шиитские племена Азербайджана, а грузин и армян — во внутренние районы Ирана.

В районах, находившихся под властью турок или персов, существовали элементы средневекового османского или иранского общественного устройства, которое с известной долей условности можно назвать «восточный феодализм». Причем феодальная организация власти и собственности отнюдь не исчерпывала всей сложности местного общественного, экономического и политического устройства. Чаще, чем условные феодальные пожалования, здесь встречалось частно-семейное и общинное землевладение, повсеместно было распространено рабство.

142

Вассалитет дополняли (а порой и замещали) конфедеративные и куначеские связи между кланами, общинами и государствами.

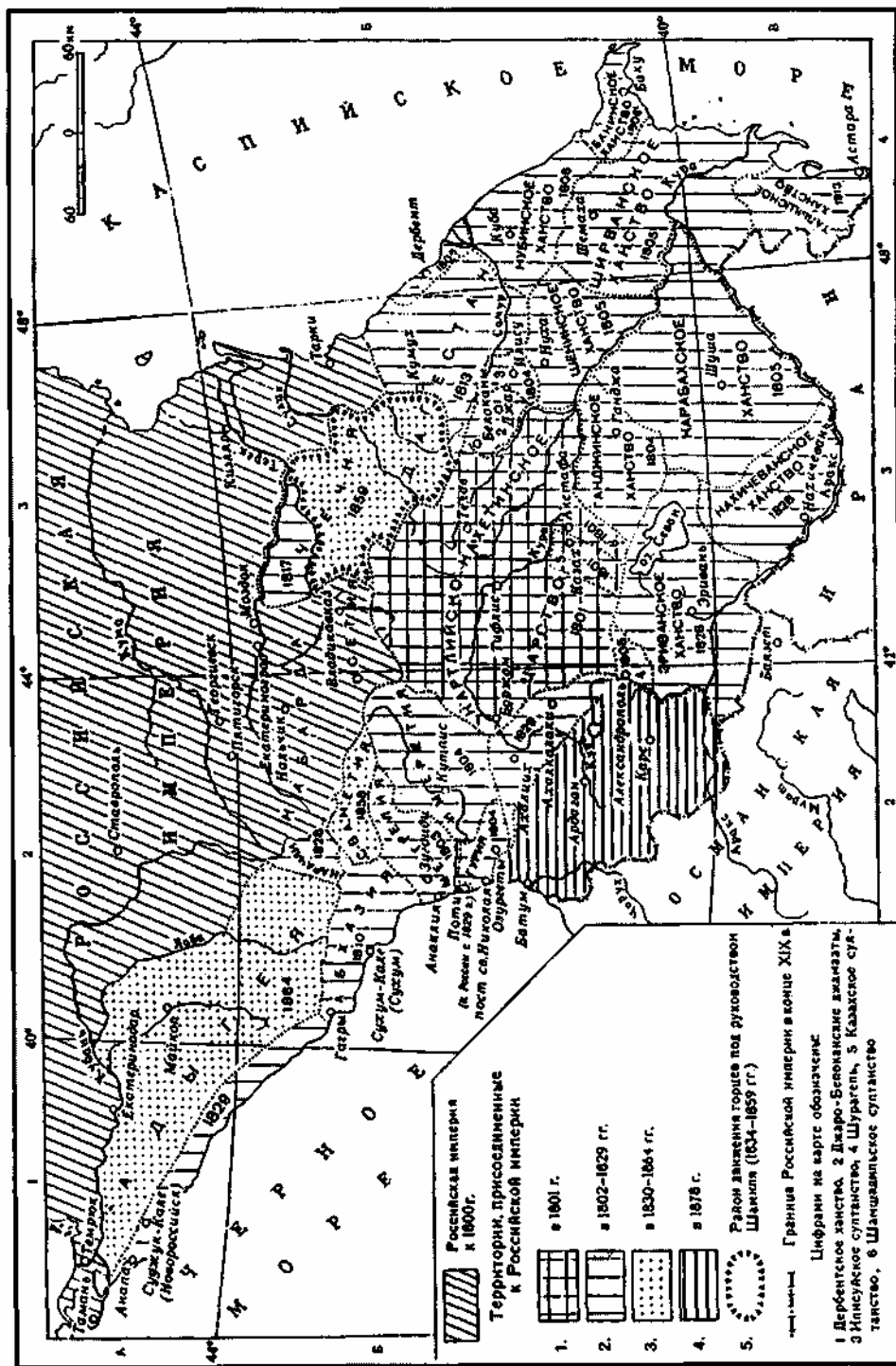
Большинство народов Кавказа не имели государственности. Функции государства у них выполняли кланы и сельская община. Последняя была основной ячейкой общества, военной и административно-фискальной единицей. В Дагестане ее основу составляли малые семьи, объединенные во фракции родственников по отцовской линии, в свою очередь образовывавшие патрилинейные эндогамные *кты-тухумы*. В состав *тухума* могли входить принятые под его покровительство свободные и несвободные переселенцы. Внутри общины (араб, *джа-маат*) существовала иерархия кланов одного большого или ряда мелких селений. У других народов Северного Кавказа и Закавказья община состояла из больших семей (например, кабард. *бынышхуэ*), которые объединялись в патрилинейные фракции, а те — в большие экзогамные кланы (чеч.-ингуш. *тайп*, осет. *аврида*, кабард. *лъэпкъ*). На Северо-Восточном Кавказе общиной управляли представители кланов — совет старшин (араб, *руаса*, *кубара*, авар. *ч!ух!би*, тюрк. *карты*, *аксакалы*). Важнейшие вопросы обсуждались на народном собрании, где присутствовали

все взрослые мужчины. Годные к несению военной службы свободные мужчины составляли сельское ополчение.

В Сванетии, Нагорном Дагестане, Чечне, Ингушетии, Осетии и в ряде горных районов Адыгеи общины объединялись в военно-политические союзы (авар, *бо* [букв. «войско»], дарг. *хуребо*, анд. *иха*, груз. *эри*, рус. «вольные общества»). Только в одном Дагестане их было около 80. Возникнув по военно-политическим причинам, эти объединения имели федеративное правительство (араб. *руаса*), общий свод законов, единый хозяйственно-культурный организм и нередко общий «войсковой» язык (например, авар. *болмацГ*). Политическим центром «вольного» общества становилось самое сильное селение, например Джар в Северном Азербайджане, Анди, Ахты, Чиркей в Нагорном Дагестане или Галгай (ингуш. *Гьалгьай*) в Ингушетии. Во главе союзного ополчения мог стоять наследный хан или *кади*. В Акушинском и Андадальском обществах Нагорного Дагестана последнему принадлежала высшая исполнительная и судебная власть. Между общинами шла борьба за политическое и экономическое господство. В Нагорном Дагестане и Северном Азербайджане широкое распространение получил обычай *пахта* — военные отряды молодежи центрального селения регулярно объезжали зависимые от них общины, которые были обязаны содержать их как почетных гостей.

Кавказские кланы и общины не являлись пережиточными кровнородственными образованиями. Они были сложными гетерогенными общественными институтами, продолжавшими формироваться вплоть до XIX столетия. Им была, присуща и сложная социальная стратификация. Горское общество распадалось на ряд иерархически расположенных и относительно замкнутых социально-правовых групп, или страт. Причем социальная градация горского общества одновременно была его тухумной градацией. Общественное положение человека определялось тем, к какому клану он принадлежал. Наверху статусной, или социально-правовой, иерархии располагались княжеские кланы. Наибольшей силой и могуществом они обладали в Грузии и у адыгов Северо-Западного Кавказа. Они считались верховными собственниками земли, обладали высшей политиче-

КАВКАЗ В XIX в.

ской и судебной властью, а также должны были защищать всех своих подданных от набегов соседей и притеснений со стороны землевладельцев.

Отношения адыгских князей с горским дворянством (*узденями*) и другими социальными группами горского общества у адыгов строились по принципу так называемого *уорктын* (кабард. «дворянские подарки»). С его помощью образовывалась длинная и сложная иерархическая лестница, связывавшая большинство статусных групп горского общества. За военную службу *ниш* «дарил» землю с прикрепленными к ней крепостными своим вассалам — *тлекотлешам* и *дыджи-ниго*, составлявшим высшее дворянство в Большой Кабарде. Те, в свою очередь, за военную службу передавали часть земли в виде *уорктына* своим вассалам *уорк-шаотлугусам*, образовывавшим низшее горское дворянство. *Уорк-шаотлугус*, как аульный владелец, передавал свою землю крестьянским кланам на правах общинного землепользования с условием несения оброчных или барщинных повинностей. Как и *тлекотпеш*, князь уступал часть земель своим дружинникам, принадлежавшим к низшему

дворянству, — *беслан-уоркам* и *пишкеу*, а те передавали ее крестьянам.

На Северо-Восточном Кавказе и в Восточном Закавказье вассально-ленные отношения не играли столь значительной роли, хотя и здесь существовало условное феодальное землевладение типа *икта* (тюрк, *тийюль*). В небольших мусульманских ханствах Южного Дагестана, Азербайджана и Восточной Армении военная, судебная и исполнительная власть была сосредоточена в руках ханов и беков. В Осетии в роли беков выступали кланы *стыр* или *тыхджын мыггаг*. Ниже их по положению считались потомки от браков беков со свободными крестьянками, называвшимися *чанка* (или *джанка*). Повсюду на Кавказе обычное право запрещало браки между представителями разных статусных групп и урезало в правах потомков от браков высшей знати с женщинами из нижестоящей группы. Так, у адыгов и кумыков они теряли статус *пиш* и образовывали отдельную группу *тума*, стоявшую между князьями и высшим дворянством.

В Нагорном Дагестане, Чечне, Ингушетии и Осетии не сложилось сильного ханско-бекского слоя. Только в некоторых «вольных обществах» Центрального Дагестана с XV в. наверху социально-правовой лестницы стояли *тухумы беков* и чанков, ведущие свой род от казикумухских *шамхалов* и носившие «фамилию» Шамхал. Но к концу XVIII в. в большинстве селений высшую страту представляли *уздени*, являвшиеся костяком сельской общины. В отличие от Северо-Западного Кавказа тут этим термином называли не дворян, а свободных крестьян-общинников. Они делились на сельскую элиту (*сана-уздени*, *кубара*) и «чернь»; богатых и бедных; старожилов, пришлых и др. Все *уздени* участвовали в сходах общины, служили в сельском ополчении. Между *узденями* и кланами чанков издавна велась борьба не на жизнь, а на смерть за право управления сельской общиной. К концу XVIII в. перевес в ней оказался на *стороне узденей*. В целом ряде сельских общин *беки* и чанки были объявлены вне закона, а порой и истреблены.

Следующую после князей, дворян и свободных общинников ступень в социальной иерархии занимали крепостные, прикрепленные к землям (*чагары*, *кара-ваши*). На востоке региона они имели *статус райягов*. В горах Чечни, Ингушетии и Дагестана эта группа населения встречалась редко.

Основная масса крепост-

145

ных была сосредоточена в Южном Дагестане и горных долинах Восточного Закавказья. В приморском Дагестане весь тюркский народ *терекеме* считался *рай-ятами* кайтагских беков. В Закавказье райятскими были целые аулы, населенные христианами — армянами и грузинами, — которые находились в частной собственности (*мульк*) или были пожалованы на условии несения военной службы бекам и ханам. Сходное положение занимали крепостные-гяехм Восточной Грузии. У адыгов статус *райятов* принадлежал *крестьянам-тлхукотли* (или *тфо-котли*), которые были крепостными князей и дворян. Среди них выделялись оброчные *оги*, посаженные на барщину *лагунауты* (или *лагунапуты*) и князьки холопы (кабард. *пцылт*).

' В самом низу социально-правовой иерархии повсюду на Кавказе стояли рабы (*унауты*, *кули*, *лаги*, *лай* и пр.). Они считались полной собственностью хозяина, жили при нем, не имели права создавать семью, их можно было продать, передать по наследству и отдать в счет долгов и платежей. Горцы-мусульмане, как правило, освобождали принявших ислам домашних рабов. Те образовывали еще одну группу горского общества, по своему статусу близкую к крепостным. У адыгов их называли *азатами* (от перс, «свободный»). Чаще рабы и вольноотпущенники входили в кланы своих хозяев, но в некоторых горных селениях они образовывали отдельные *тухумы*, не имевшие права участвовать в народном собрании, сельском ополчении и пользоваться общинными землями. В высокогорной части региона рабов было немного. Зато на равнинах Северного Кавказа и в Закавказье кланы и целые селения рабов играли большую роль в хозяйственной жизни сельской общины. Источником пополнения лагов были набеги горцев на их равнинных соседей, а также работорговля, центрами которой были города Восточного Закавказья и Черноморское побережье Кавказа.

РОССИЙСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОНЦА XVIII в. — 1820-х гг.

Конец XVIII и начало XIX в. на Кавказе заполнены кровопролитными войнами. В это время в регионе быстро растет влияние России, начавшее перевешивать значение традиционно господствовавших тут Османской империи и Ирана. Кавказское направление приобрело большой вес во внешней политике Российской империи в царствование Екатерины II (1762-1796). При ней русские войска совершили несколько походов в горные районы Северного Кавказа, заняли Кабарду, Карачай и все левобережье Терека. По Георгиевскому трактату 1783 г. царь Картли-Кахетинского царства Ираклий II был принят под покровительство России.

Продвижение России на Кавказ вызвало ряд столкновений с Турцией и Ираном. Захват Кабарды послужил одним из поводов к русско-турецким войнам 1768-1774 и 1787-1791 гг. Поражения турецкой армии на Балканах и Кавказе позволили Екатерине II закрепить новые территориальные приобретения. Согласно Кючук-Кайнарджийскому (1774 г.), а затем Ясскому (1792 г.) мирным договорам, к Российской империи отошел почти весь Северо-Западный Кавказ.

В 1777 г. князья Большой и Малой Кабарды присягнули на верность императрице. В отместку за разорение персидским шахом Ага-Мохаммад-ханом Тифлиса в 1795 г. русские войска под командованием генерала графа В.А.Зубова вошли в Грузию и приморский Дагестан. В мае 1796 г. они взяли приступом Дербент, а в июне без боя заняли Баку. Но после смерти Екатерины II по приказу Павла I русские части были выведены с завоеванных территорий.

Вскоре завоевание Кавказа было продолжено. Еще в 1799 г. подданство России принял кайтагский *уцмий* Рустем. В 1800 г. грузинский царь Георгий XII обратился в Петербург с просьбой о вступлении в российское подданство. Пока она обсуждалась, Георгий XII умер, а между его возможными преемниками началась ожесточенная борьба за престол. В этой обстановке Александр I (1801-1825) Манифестом от 12 сентября 1801 г. упразднил Картли-Кахетинское царство, присоединив Грузию к Российской империи. В 1802 г. присягу на верность России принесли дагестанские ханы и беки, ханы Бакинский, Тальшинский и Шемахинский, в 1803 г. — султан Елисуйский, а в июле 1804 г. — царь Имеретии Соломон II и князь Мингрелии Григорий Дадиани. После смерти последнего в 1805 г. правителем Мингрелии был утвержден его сын — Леван. В 1813 г. под его власть была передана область Самурзакани. Еще одним грузинским княжеством, сохранившим автономию после присоединения к России, была Цебельда, в которой продолжали править князья Маршаниа.

Под российским протекторатом большинство присоединенных к империи владений сохранили прежнее административное устройство и судебную систему: например, в Грузии гражданские дела было предписано решать по грузинским обычаям и по Уложению царя Вахтанга, в Дагестане и Восточном Закавказье продолжали действовать местные суды, применявшие нормы мусульманского права и местного *адама*. Признавшие российскую власть местные мусульманские правители теряли право объявлять войну и заключать мир, собирать ополчение, но временно сохраняли прежние доходы и судебно-административный аппарат.

Упразднялись только владения, вступившие в вооруженную борьбу с Россией. Так, в 1804 г. русские войска под предводительством генерала П.Д.Цицианова штурмом взяли столицу гянджинского хана. Ханство было преобразовано в Елизаветпольский округ, во главе которого был поставлен русский комендант. В 1805 г. ханы Карабахский, Шекинский и Ширванский, а также султан Шура-гельский добровольно принесли присягу на верность России, обязавшись платить ей ежегодную дань. На территорию ханств были введены русские войска, к каждому хану для контроля был назначен пристав. В 1806 г. было завоевано Дербентское ханство. В самом Дербенте была установлена российская власть; значительная часть ханства была передана под управление *шамкала* Тарковского. Вскоре были покорены и уничтожены Бакинское и Кубинское ханства, но окончательно российское владычество в последнем утвердилось лишь в 1810 г. Эти территориальные приобретения были признаны Персией по Гюли-станскому договору (1813 г.), завершившему русско-иранскую войну 1804-1813 гг. Россия получила исключительное право держать флот на Каспийском море.

Оказавшийся под протекторатом России имеретинский царь Соломон II начал вооруженную борьбу с Россией, но был разбит. В 1811 г. на месте его владений

147

была учреждена Имеретинская область с прямым русским правлением. Незадолго до этого в состав России вошли Гурия и Абхазия. В 1810 г. в российское подданство были приняты князь Гурии Мамиа Гуриели и абхазский князь Сефер-Али-бек, принявший после крещения имя Георгий Шервашидзе. Оба они сохранили свои титулы, а их владения — внутреннюю автономию. Генерал А.П.Ермолов, назначенный в 1816 г. командиром отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса, а в 1819 г. — главнокомандующим на Кавказе, взял курс на ликвидацию ханств Закавказья. Когда в 1819 г. умер Исмаил-хан Шекинский, его ханство было преобразовано в российскую провинцию. После того как Мустафа-хан Ширванский бежал в 1820 г. в Персию, Ермолов немедленно объявил о введении в ханстве русского правления. В 1822 г. после бегства Мехти-Кули-хана подобная участь постигла Карабахское ханство. Тальшинский правитель Мир-Хасан-хан в 1828 г. перешел на сторону Персии. Его владения были заняты русскими войсками. Туркманчайский договор подтвердил принадлежность этой области России. В Дагестане российские военные власти вели более осторожную политику. Если кто-либо из местных мусульманских правителей изменял России, его владение передавалось другому, верному империи хану. Так, правитель Казикумухского ханства Сурхай-хан, неоднократно клявшийся в верности России, в действительности вел антироссийскую политику. В результате в 1812 г. у него

было отобрано Кюринское владение и превращено в особое ханство во главе с верным приверженцем России. В 1820 г. после взятия русскими войсками Казикуму-ха кюринский правитель Аслан-хан одновременно стал и ханом казикумухским. В 1818 г. в ответ на предательство правителя Хасан-хана было ликвидировано Мехтулинское ханство. Но уже в 1820 г. оно было восстановлено. После измены кайтагского уцмья Адиль-хана в 1820 г. в эту область был назначен русский пристав, который должен был управлять ею при новом хане, не меняя старых порядков.

Покорение Закавказья было завершено в первые годы правления Николая I (1825-1855). По Туркманчайскому договору (1828 г.), завершившему русско-иранскую войну 1826-1828 гг., к России были присоединены Нахичеванское и Эриванское ханства, которые объединялись в Армянскую область. Там была введена российская судебная система, в Эриванской провинции поставлены окружные начальники из русских чиновников, но в целом в управлении огромную роль продолжали играть прежние законы и обычаи. В результате русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Турция отказалась от своего сюзеренитета над побережьем Западного Кавказа от устья р. Кубань до р. Бзыбь в Абхазии. Таким образом, вся территория Кавказа, за исключением некоторых высокогорных районов Дагестана, Чечни и Адыгеи, а также Западной Армении, вошла в состав Российской империи.

Одновременно с военными действиями российские власти с конца XVIII в. проводили военно-административные реформы, пытаясь «умиротворить» горцев. Важнейшей из них было строительство Кавказской линии — цепи крепостей, казачьих станиц и кордонных линий, пересекавших весь Северный Кавказ. Линия была заложена еще во второй трети XVIII в., ее укрепление и расширение продолжалось до окончания Кавказской войны. Она имела единого начальника и

148

делилась на Черноморскую кордонную линию, правый фланг, центр и левый фланг. Центр линии располагался во Владикавказе (осн. в 1784 г.) и должен был охранять Военно-Грузинскую дорогу. Начальник каждой части был подчинен непосредственно командующему войсками на Кавказской линии. Он управлял не только регулярными войсками, но и приписанными к линии (*линейными*) казаками и местным мусульманским населением.

Чтобы контролировать передвижения горцев, с конца XVIII в. была введена «билетная» система. Въезд на территорию Кавказской линии, а также выезд за ее пределы производился по «билетам» — письменному разрешению, своего рода подорожной, выдававшейся русскими офицерами или находившимися на российской военной службе местными мусульманскими правителями. По мере расширения завоеваний строгая билетно-паспортная система распространялась на новые районы региона. Паспортный режим для горцев смягчился только к концу XIX в. Одной из мер борьбы с нарушением билетной системы стало переселение виновных в ее нарушении в контролировавшиеся регулярными войсками и казаками земли современной Ростовской области и Ставрополя. Участников набегов на российские владения ссылали либо на каторгу, либо в расквартированные вдали от Кавказа арестантские роты.

Было начато создание гражданской администрации региона: в 1785 г. Астраханская область была преобразована в Кавказское наместничество, в том же году учреждена Кавказская губерния из шести уездов с центром в Екатеринограде (ныне станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии); в 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в Кавказскую область с центром в г. Ставрополе. С конца XVIII в. началось быстрое заселение присоединенных земель Северного Кавказа и Закавказья выходцами из Центральной России и Украины. Увеличилось число казачьих станиц на берегах р. Терек и Сунжа. После окончания русско-турецкой войны 1787-1791 гг. на Кубань, в окрестности г. Екатеринодара, основанного в те годы, была переведена часть запорожских казаков. Они составили Черноморское казачье войско, которое должно было охранять русскую границу от берегов Черного моря до устья р. Лаба. Первые русские поселения появились в Азербайджане, куда было выселено немало старообрядцев и сектантов с Дона и Волги. После присоединения к России Восточной Армении и Грузии началось массовое переселение армян-христиан из Персии и Турции в российское Закавказье. В ходе этих преобразований привычные условия существования горцев были сильно изменены. Целый ряд традиционных политических и социальных институтов горского общества перестал существовать, иные переживали тяжелый кризис. «Мирным» горцам было запрещено собирать сельские ополчения и княжеские дружины. Горские князья и дворяне потеряли право объявлять войну, совершать набеги, взимать дань с прежде подвластных им народов. Большинство княжеских кланов к середине XIX в. обеднело настолько, что не могло более строить отношения по принципу *уорктына*, и сложная иерархия горцев Северо-Западного Кавказа потеряла смысл. Постепенно горская знать и дворяне превращались в служилое сословие Российского государства. Функцию охраны горского общества

взяло на себя Российское государство. Оно также присвоило право судебной власти.

149

В 1793 г. в Кабарде были учреждены «родовые суды» и «расправы». Они подчинялись Верхнему пограничному суду в Моздоке и разбирали на основании местных *адатов* гражданские иски и мелкие уголовные правонарушения. В дальнейшем судебно-административное устройство Кабарды и всего Кавказа не раз менялось, но высшая судебная и военная власть с тех пор стала прерогативой Российского государства.

Глава 7

КАЗАХСТАН И РОССИЯ (конец XVIII в. — 1840-е годы)

В конце XVIII в. восточные границы Российской империи приблизились к казахским степям, населенным в основном кочевыми казахами и частично киргизами. (Киргизы преобладали в районах, прилегающих к Синьцзяну Цинского Китая и Кокандскому ханству.) На северо-востоке Казахстана кочевники разводили преимущественно овец и коз, а в центральных и южных районах — верблюдов. С октября по апрель кочевники проводили на главной зимней стоянке — *кытау*, где они устанавливали юрты, крытые загоны для скота и занимались ремеслом и изготовлением одежды. В мае казахи совершали весеннюю миграцию к летней стоянке — *джайлу*, а в сентябре отправлялись обратно. В среднем за год кочевники проходили около 200-300 км. Они всецело зависели от природных условий, регулярно страдая от падежа скота из-за недостатка корма, вызванного снежными выюгами или гололедицей зимой и засухой — летом.

В рассматриваемый период среди казахов наблюдалась существенная имущественная дифференциация. Стадо средней казахской семьи насчитывало около сотни овец, несколько десятков коз и несколько верблюдов. Стада богатых семей были в 10-20 раз больше. Скот находился в частной собственности кочевников, а пастбища и миграционные участки — в общественной собственности. Хозяйство казахских кочевников было натуральным. Торговля в основном сводилась к обмену скота и рабов из пленных туркмен, хивинцев и кокандцев на различные предметы домашнего обихода. Кочевничество определяло систему ценностей, верований и бытовую культуру казахов. В глазах рядового казаха кочевник обладал более высоким социальным статусом, чем земледelec, ремесленник или рыбак. Казахи не проявляли интереса к городской жизни, и города в окрестностях Сырдарьи, находившиеся под властью казахских ханов, пребывали в запустении. Хотя ислам стал официальной религией казахов в период правления золотоордынского хана Узбека (1313-1342), исламизация казахов носила формальный характер. В рассматриваемый период их верования и ритуальная практика сочетали элементы ислама, шаманизма, анимизма и тен-грианства. Исключения составляли лишь сравнительно немногочисленные казахи-суфии, поведение и образ жизни которых в большей степени определялись исламом.

В основе общественно-политической организации казахов лежал родотерри-ториальный принцип. 10-15 родственных казахских семей объединялись в аул. Во главе аула находился старейшина (*аксакал*), избираемый на совете глав семей. Несколько аулов образовывали более крупную родотерриториальную группу — клан, возглавляемый *бием*. Клань, в свою очередь, объединялись в военно-политические конфедерации — *орды*, или *жузъг*. с конца XVI в. на территории

151

Казахстана существовали три такие конфедерации: Малая (Младшая) Орда — *Кичи жуз*, Средняя Орда — *Орта жуз* и Большая (Старшая) Орда — *Улы жуз*.

Малая Орда, занимавшая территорию нынешнего западного Казахстана, непосредственно граничила с Россией. Ее летние кочевья располагались по просторам Устюрта, а также по притокам рек Ори, Урала, Илека, Эмбы, Тамира, в районе Мугоджарских гор, а зимние стоянки — вдоль р. Сырдарья, к западу от Аральского моря, на полуострове Мангышлак, в песках Нарын, у побережья Каспийского моря. Средняя Орда занимала центральный Казахстан, а ее летние кочевья и зимние стоянки находились по берегам р. Сарысу, в верховьях Ишима, по притокам Тобола, Тургая, в регионе Улатауских гор и прилегающих к ним озер. Большая Орда располагалась на юго-востоке Казахстана.

Подавляющее большинство членов орды составляли рядовые кочевники, или *кара-суйек*. На низшей ступени социальной пирамиды находились рабы — *ту-ленгут*. Верх пирамиды занимала казахская родовая аристократия — *ак-суйек*, возводящая свою родословную к Чингис-хану. С конца VIII в. в состав *ак-суйек* была включена также мусульманская верхушка — *ходжи*, — претендовавшая на родство с праведными халифами. Внутри *ак-суйек* господствующее положение

принадлежало султанам. Только из султанов выбирались казахские ханы. Ступенью ниже султанов находились *бии*, представлявшие казахскую родоплеменную знать. *Бий* сочетал функции военачальника, судьи, администратора и представителя степной аристократии. Хан стоял во главе орды и выполнял верховную военно-представительскую и арбитражную функции. В частности, хан принимал решение о войне и мире и являлся верховным военачальником во время войны. Он председательствовал на ежегодном собрании — *курултае биев*, старейшин кланов и аулов, на котором решались такие важнейшие вопросы жизнедеятельности орды, как выбор стоянок и маршрутов сезонных миграций. Хан, чей титул был пожизненным, выбирался *курултаем* старейшин. После смерти хана его преемником, как правило, становился его брат, а при отсутствии брата — сын. В мирное время образ жизни казахского хана мало чем отличался от такового рядовых казахов. Разницу составляли лишь несколько больший размер ханской юрты и ее более богатое убранство. Наряду с ханской семьей в юрте хана проживали его помощник, «святой» и несколько рабов.

Повседневную жизнь *кара-суйек* регулировали *бии* и старейшины аулов на основе законодательного уложения «Жеты Жарги», принятого ханом Тауке (1680-1715). «Жеты Жарги» представляло собой синтез монголо-тюркского степного права, *шариата* и *адата*. Оно закрепляло право на кровную месть, или откуп (за убийство можно было откупиться посредством дани в размере тысячи овец), а также на родовую взаимопомощь в качестве главных регуляторов межклановых отношений. Согласно «Жеты Жарги» власть степного хана не являлась единоличной. Хан, как верховный сюзерен, делил ее с султанами и *биями*, сосредоточившими в своих руках управление кланами и аулами. «Жеты Жарги» наделяло *бия* судебной прерогативой. В его компетенции были вопросы, связанные с заключением брака, разводом и наймом на работу. Уложение гарантировало право рядового кочевника на обязательную помощь родственников в случае потери скота из-за стихийных бедствий и для завершения неотложных сезонных работ, как то: стрижка овец и рытье колодцев.

152

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ

В рассматриваемый период политика России в отношении Казахских степей определялась территориальной экспансией Российского государства на восток, потребностями его торгово-экономического развития и сложившимся балансом сил в Европе. Торговое проникновение России в регион началось в 1738 г., когда царское правительство разрешило российским торговцам вывоз в Казахстан и Центральную Азию золотых и серебряных монет, железа и зерна. Важными импульсами к расширению торгового обмена России с Казахстаном и Центральной Азией были становление российского мануфактурного производства и начало формирования общероссийского торгового рынка. В условиях неконкурентоспособности российских товаров в Европе крупнейшие российские торговые и промышленные дома стали проявлять повышенный интерес к рынкам экономически менее развитых Казахстана и Центральной Азии.

Торговля между Россией и Казахстаном осуществлялась караванным путем. Главными центрами караванной торговли стали города Оренбург (осн. в 1734 г.) и Семипалатинск (1718г.). Из Оренбурга торговые караваны отправлялись на сезонные рынки западного Казахстана, а из Семипалатинска — на сезонные рынки казахской Средней Орды, Коканда, Кульджи и Кашгарии. К концу XVIII в. ведущие российские купеческие фамилии контролировали до двух третей торгового оборота России с Казахстаном и Центральной Азией. Караванная торговля была нерегулярной, дорогостоящей и небезопасной. Нередко караваны подвергались разграблению кочевниками. Неадекватность торговой инфраструктуры растущим экономическим потребностям России представляла существенный стимул к ее военно-политической активизации в регионе. Началу полномасштабной экспансии России в Казахстане предшествовало строительство российских фортификационных линий вдоль российско-казахской границы, принятие правительством поощрительных мер к переселению русских крестьян и торговцев в пограничные с Казахстаном районы и политико-экономическое давление на местных правителей.

Строительство первой российской — Иртышской фортификационной линии началось в 1716г. В 1752 г. она соединила три крепости в Западной Сибири — Омск (1717 г.), Семипалатинск и Усть-Каменогорск (1720 г.). В 1737-1742 гг. Оренбургской фортификационной линией были соединены Оренбург и Троицк (1583 г.). В 1740-1750-х годах были возведены ряд форпостов или станиц, составивших впоследствии Уральскую (Яицкую) оборонительную линию. В 1811 г. между реками Илек и Урал была построена Илекская оборонительная линия. Всего к началу XIX столетия было возведено на четырех линиях 46 крепостей и 96 редутов. Российские фортификационные линии

заселялись казаками, русскими крестьянами-поселенцами и охранялись отрядами регулярных войск. Оборонительные линии служили фактической границей между Россией и Казахстаном; разделяли враждующих между собой башкир и казахов; обеспечивали безопасность России от набегов кочевников; служили центром торговых и дипломатических связей между Россией, казахскими *жуза-ми* и государствами Центральной Азии.

В 1718 г. в обстановке военного ослабления казахов из-за длительных между^-усобиц и джунгарской агрессии российским властям удалось склонить хана Ма-

153
лой Орды Абульхайра (ум. 1748) к установлению дипломатических отношений с Россией. В 1730г. хан Абульхайр и его сыновья Нурали и Бралаи обратились к российской императрице Анне Иоанновне (1730-1740) с прошением о распространении российского подданства на казахов Малой Орды. В 1731 г. это прошение было удовлетворено, и над казахами Малой Орды был установлен протекторат России. В 1732 г. хан Средней Орды Семеке (ум. ок. 1737/38 г.) также присягнул российской императрице. В 1740 г. хан Средней Орды Аблай (ум. в 1780 г.) подтвердил российский протекторат над казахами Средней Орды. Ханы Малой и Средней Орды обязались охранять российские границы, содействовать российским военным, политическим и торговым интересам на подвластной им территории и платить *ясак* «кожами звериными». В обмен российские власти гарантировали казахам Малой и Средней Орды защиту от разорительных набегов калмыков Джунгарии и башкир. Со смертью Абульхайра российское влияние в Казахских степях вновь ослабело. Новый правитель Малой Орды, хан Батыр Джанибек (ум. ок. 1771 г.), сменил ориентацию на калмыкскую Джунгарию. После разгрома Джунгарии Цинским Китаем в 1756г. хан Батыр признал сюзеренитет Пекина над казахами Малой Орды.

Восстановление российского протектората над казахами Малой и Средней Орды произошло в период правления императрицы Екатерины II (1762-1796). Непосредственным поводом для этого послужили антироссийские выступления большинства кланов Малой Орды и некоторых кланов Средней Орды во время Пугачевского восстания (1773-1775). Политика Екатерины II в регионе сочетала военное подавление, стимулирование экономической заинтересованности казахов в российском правлении и культурно-идеологическую экспансию. При этом особое значение Екатерина II придавала переводу казахов-кочевников на оседлость. Были также приняты дополнительные меры по поощрению переселения русских крестьян в Казахские степи и по обучению местных кочевников земледельческим навыкам. В 1787 г. российские власти инициировали разделение территории Малой Орды на западную, центральную и южную области, управляемые выборными советами старейшин и пограничными судами, в которых были представлены как казахи, так и русские. Совет и суд были подотчетны одновременно хану и российским властям.

Екатерина II рассматривала исламизацию казахов усилиями казанских татар как цивилизаторский фактор и как способ идеологического контроля над ними. В 1784 г. был издан указ о массовой постройке в Казахских степях мечетей, медресе и караван-сараев и укомплектовании их татарами. В 1789 г. в Уфе был учрежден первый Российский *муфтият* — Духовное управление мусульман Российской империи, одной из важнейших функций которого было распространение ислама среди казахов-кочевников. В результате последовательного осуществления такой политики в начале XIX в. ислам стал господствующей религией в Казахских степях.

По мере перехода верховных властных функций над казахами Малой и Средней Орды к Санкт-Петербургу власть ханов стала носить номинальный характер. В 1818г. ханский титул был упразднен в Средней Орде, а в 1824 г. — в Малой Орде. За этим последовало включение земель Средней Орды в состав Западной Сибири под названием «Киргизская степь». В 1844г. казахи бывшей Малой

154
Орды были переведены под параллельное управление Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Оренбургского военного коменданта. После разгрома Цинами джунгаров в 1756 г. казахская Большая Орда распалась на три части. Основная часть ее населения осела в восточном Семиречье под протекторатом Цинского Китая. Другая часть мигрировала в Ташкентский оазис и с 1808 г. попала в зависимость от Коканда. Третья часть казахов Большой Орды переместилась в Джунгарию. В условиях последующего ослабления в регионе власти Цинского Китая и усиления позиций России правитель Большой Орды на территории Семиречья Суюк-хан в 1818г. признал российский сюзеренитет. К 1847 г. российское подданство было распространено практически на всех казахов Большой Орды. В 1848г. протекторат России также признали племена туркмен и адаевских казахов Мангышлакского полуострова. В 1854 г. на землях бывшей Большой Орды была образована Семипалатинская губерния.

Установление российского протектората предполагало введение военно-политического контроля России над казахами. На начальном этапе российские власти не вмешивались во внутреннее управление казахов и старались осуществлять свою политику в регионе через местных владельцев

— султанов и *биев*. Однако начиная с 1830-х годов российское правительство взяло курс на полное подчинение казахов и присоединение Казахских степей к России. Важную роль в пересмотре российской политики сыграло стремление царского правительства (в интересах развивающихся российской торговли и промышленности, а также в попытке противодействовать экспансии Англии в Западный Туркестан и центральнoазиатских ханств в Южный Казахстан) вовлечь в орбиту российского влияния и товарного обращения Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства.

Проявлением нового подхода России к Казахстану стали реформы 1820-1840-х годов, главным разработчиком которых был генерал-губернатор Западной Сибири М.М.Сперанский. Реформы Сперанского были направлены на утверждение среди казахов территориального вместо существовавшего родоплеменного принципа административного деления и на интеграцию Казахстана в административную систему Российской империи. В результате этих реформ «Киргизская степь» была разделена на четыре округа, которые, в свою очередь, делились на 87 волостей. (В 1834 г. к ним добавились три новых округа.) Округ управлялся приказом во главе с султаном и двумя — российским и казахским — представителями. Приказ наделялся политическими и судебными полномочиями. Волость (*инородная управа*), состоявшая из 10-12 аулов (*родовая управа*), управлялась султаном или членом аристократической семьи, выбранным на совете старейшин кланов. Аул, в свою очередь, объединял около 15 семей, связанных родственными узами.

Экономическую суть реформ Сперанского составили меры, нацеленные на седентаризацию кочевников и развитие российско-казахской торговли. Рядовые кочевники бесплатно наделялись земельными участками в размере 15 десятин, а также семенами и сельскохозяйственным инвентарем. Старейшины родов получали 30 десятин, *бии* — 40. Параллельно с наделением казахов землей вводились ограничения на их свободное перемещение по степи. В частности, для пересечения границ округа или волости требовалось получить официальное разрешение | 155

властей. Русские купцы в Казахстане и казахские торговцы на всей территории Российской империи имели привилегию беспошлинной торговли.

Правовой аспект реформ заключался в проведении в 1841 г. кодификации кодекса степных законов, синтезировавшего нормы *адата* и российского судебного законодательства.

Установление российского протектората имело неоднозначные последствия для казахов. С одной стороны, создание российских военно-политических структур в регионе способствовало значительной политической стабилизации в регионе и спасло казахов от массового порабощения и физического истребления отсталой Джунгарией. Позитивную роль также имело проникновение в Казахские степи российской политической, административной и правовой культуры. Вследствие частичного включения казахской аристократии в состав российских управленческих структур было положено начало формированию европейски образованной казахской элиты.

Вместе с тем распространение российского сюзеренитета на казахов положило конец институту ханской власти и нанесло необратимый урон позициям родовой казахской аристократии.

Политика седентаризации оказывала разрушительное действие на традиционный казахский образ жизни и систему ценностей, основанную на пастбищном скотоводстве. Среди очевидных негативных ее последствий были пауперизация рядовых кочевников, массовый голод, падеж скота и прочие бедствия. Реакцией рядовых казахов на насильственную седентаризацию стали антироссийские выступления. В 1780-1850-х годах произошла серия антироссийских восстаний казахов Малой и Средней Орд. Наиболее значительными и продолжительными из них были восстания казахов Малой Орды под руководством батыра Срыма Датова в 1783-1797 гг. и казахов Средней Орды под руководством хана Кенесары в 1802-1847 гг.

Глава 8

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И РОССИЯ (конец XVIII в. — 1840-е годы)

Вплоть до конца XVIII в. отношения между Россией и тремя крупными исламскими государственными образованиями Центральной Азии — Бухарским эмиратом, Хивинским и Кокандским ханствами — носили спонтанный и нерегулярный характер. Они сводились в основном к эпизодическому обмену дипломатическими и торговыми миссиями.

Эти центральноазиатские государства возвысились вследствие упадка и развала в XVIII в. некогда

могущественной персидской империи Надир-шаха. Они представляли собой средневековые патриархально-феодалные деспотии. Их экономика основывалась на ирригационном земледелии, ремесленном производстве и пастбищном скотоводстве. Города Бухара, Самарканд, Коканд, Хива и Ташкент издавна были центрами развитого ремесла и торговли. Помимо этих трех государств на территории Центральной Азии существовало много более мелких родоплеменных объединений, правители которых в целях обеспечения своего политического выживания искали опоры у того или иного могущественного соседа, пребывали в состоянии бесконечных междоусобиц и часто меняли внешнеполитическую ориентацию. Среди них выделялись туркменские племена, занимавшие обширную территорию в Закаспии и находившиеся в разной степени зависимости от Персии и центральноазиатских государств.

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ

Бухарский эмират располагался в плодородной долине реки Заравшан в междуречье Амударьи и Сырдарьи. На его территории находились древнейшие центры культуры и торговли — Бухара и Самарканд. Среди населения Бухарского эмирата преобладали узбеки. Другой сравнительно многочисленной этнической группой были таджики. В Бухарском эмирате проживали также достаточно крупные общины туркмен и говорящих на фарси евреев. Бухарский эмират переживал экономический упадок и находился в ситуации политической раздробленности. Правители отдаленных провинций эмирата стали фактически независимыми. В 1753 г. к власти в Бухарском эмирате пришла династия Мангытов (1753-1920), представлявшая одно из крупнейших и могущественных узбекских племен. Начало правления Мангытов было ознаменовано определенными политико-экономическими реформами, способствовавшими усилению центральной власти. В период правления Шаха Мурада (1785-1800) власть Бухары была

157

признана большинством удельных владетелей. При Насрулле-хане (1827-1859) были проведены реформы денежной системы и местного управления.

Верховным светским и духовным правителем Бухарского эмирата и распорядителем его земель являлся эмир. Согласно мусульманской системе землевладения, земли эмирата делились на государственные — *амляк*, к которым принадлежала большая часть земель эмирата; частные — *мульк* и земли мусульманских учреждений — *вакф*. Эмир не был ограничен законами и единолично распоряжался жизнью и собственностью подданных. Он назначал главу исполнительной власти — начальника канцелярии эмира (*кушбеги*) и главу финансового ведомства (*нижнего кушбеги*). В прерогативу *кушбеги* входило назначение удельных правителей и наделение их землей. Нижний *кушбеги* отвечал за состояние казны эмира и назначал местных управляющих финансами — *диванбеги*. Чиновничество эмирата кормилось за счет налогов и податей с населения. Управленческий аппарат был монополизирован представителями привилегированных сословий — военно-служилой знатью (*сипох*) и мусульманским духовенством (*улямо*). *Улямо* было представлено *шейх-уль-исламами*, *казнями*, *раисами*, *муфтиями*, *мударри-сами* и *имамами*. Характерно, что представители различных сословных и этнических групп различались по одежде: головному убору, халату, обуви и поясу.

Подавляющее большинство населения Бухарского эмирата составляли земледельцы-дехкане, ремесленники, торговцы и, в меньшей степени, скотоводы. Все они принадлежали к категории *фукаро* (букв. «бедняки») и облагались налогами. *Дехкане* объединялись в соседские общины — *кишлаки*. На низшей ступени социальной пирамиды находились рабы, игравшие существенную роль в экономике Бухарского эмирата. Ряды рабов пополнялись за счет взятых в плен персов, казахов, киргизов, русских и представителей других соседних народов. Основными налогами в Бухарском эмирате были *харадж*, *закят* и *джизья*. Размер *ха-раджа* (поземельного налога) в отдельных областях достигал 40-50% урожая. Владельцы скота платили *закят* — 1/40 стоимости стада. С садов и бахчей платился особый сбор — *танабана*. Население эмирата также облагалось дополнительным налогом — *кафсан* в пользу сборщика налогов.

С конца XVIII в. некоторая политическая и экономическая стабилизация Бухарского эмирата способствовала расширению ремесленного производства и оживлению торговой активности. Бухара славилась по всей Центральной Азии и мусульманскому Востоку своими хлопчатобумажными и шелковыми тканями и предметами металлообработки. Соответственно, текстильное производство и шелкопрядение являлись профилирующими ремеслами в Бухарском эмирате. Среди представителей других развитых ремесел выделялись кузнецы, мастера золотых и серебряных дел, оружейники, гончары, деревоотделочники и сапожники. Бухарские торговцы и ремесленники объединялись по профессиям в цеха. У каждого ремесла был свой святой

покровитель. Деятельность цеха регламентировалась уставом — *рисоля*, определявшим технологию, виды, размер и организацию ремесленного производства. Во главе цеха стоял старейшина — *аксакал*, который выбирался цеховым собранием и утверждался эмиром. Привилегированное положение в цехе занимали мастера, в чьем подчинении находились многочисленные ученики — *шагирды*, срок ученичества которых нередко достигал 15 лет. Другую зависимую категорию составляли наемные работники —

158

хальфа, которые не имели своих мастерских и орудий ремесленного производства. Ремесленники работали по 14—16 часов в день в мастерских по 3-5 человек. В административном отношении торгово-ремесленное население городов подразделялось на кварталы — *махалли*.

В глазах мусульман Центральной Азии Бухара исторически обладала высоким религиозным статусом. Бухарские эмиры именовали себя повелителями правоверных и всемерно поддерживали престиж Бухары как исламского центра Центральной Азии и всего мусульманского Востока. Мусульмане Бухарского эмирата исповедовали ханифитский *мазхаб* суннитского ислама. Относительная изолированность Бухары, как и других государств Центральной Азии, от остальной части исламского мира обусловила значительную специфику местного ислама. Религиозная практика и представления местных мусульман включили в себя многие элементы доисламских верований и норм обычного права. Характерной особенностью регионального ислама было широкое распространение суфизма, привнесенного в Центральную Азию в VIII в. и нашедшего там адекватную социально-культурную почву. Со временем Бухара превратилась в общепризнанный центр исламского мистицизма в регионе. Показательно, что в отличие от соседнего Ирана центральноазиатский суфизм развивался в рамках ортодоксального ислама. С XII в. наиболее влиятельными суфийскими братствами — *тари-катами* были кубравийя и ясавийя. В XIV в. к ним добавился орден накшбан-дийя. Суфийские авторитеты — *шейхи*, *пирь*, *ишаны* и *дервишы* составляли неофициальное мусульманское духовенство. Традиционно они совмещали духовные и общественно-политические функции. Часто суфийские шейхи, или *пирь* являлись *муллами* мечетей и наследственными хранителями мест религиозного поклонения — *мазаров*. *Шейхи* и *пирь* пользовались огромным авторитетом среди простых мусульман, их мнение часто было определяющим при решении сложных личных и имущественных тяжб.

Религиозная практика туркменов-суннитов, длительное время испытывавших культурное и политическое влияние соседнего Ирана, находилась под сильным шиитским воздействием. С XV в. в горах Памира обосновались исмаилиты-низа-риты, чьим духовным авторитетом с XIX в. стал Ага-хан. Бухарские эмиры вели бесконечные кровопролитные войны с местными сепаратистами, а также с правителями более мелких государственных образований. Особой воинственностью и жестокостью прославились бухарские правители Мир Ге-дер-хан (1800-1826) и упомянутый выше Насрулла-хан, которые совершили более 30 военных походов против кенагазских беков, правивших в Шахрисябском оазисе.

КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Кокандское ханство сформировалось в конце XVIII в. в Ферганской долине и Ташкентском оазисе. В 1810г. под власть Кокандского ханства попал крупнейший региональный торгово-политический центр— Ташкент. В 1800-1830 гг. в состав Кокандского ханства вошла большая часть земель, населенных киргизами и кипчаками. Во главе ханства стоял хан из узбекской династии Минг, опирав-

159

шийся на узбекскую родовую аристократию. Хан жаловал местных феодалов, киргизских и кипчакских вождей ярлыками на правление. Вторым по значимости после хана считался глава исполнительной власти — *минбаши*. Нередко *минба-ши* выступал и в роли главнокомандующего. Следующим в должностной иерархии был *кушбеги* — правитель крупного наместничества, обычно Ташкентского. Ханство состояло из Ташкентского наместничества и четырех *вилайетов*: Андижанского, Наманганского, Маргеланского и Кокандского, управляемых на правах откупа ханскими ставленниками — *беками*. Важную военно-политическую роль в ханстве играли пограничные крепости, укомплектованные сотнями солдат под командованием комендантов — *датхи*. Привилегированным статусом обладало мусульманское духовенство. Верховенство хана оспаривалось киргизской и кипчакской кочевой родовой знатью, входившей в ханское окружение. Нередко хан был полностью в руках тех или иных противоборствующих группировок — узбекских феодалов, *беков*, предводителей отдельных узбекских племен, киргизских и кипчакских родоправителей. В киргизских и кипчакских областях власть хана носила номинальный характер. Внутреннее управление киргизов-кочевников осталось неизменным.

Основная масса населения Кокандского ханства была представлена узбеками-земледельцами — *дехканами*, кочевыми киргизами и кипчаками. Система землевладения и землепользования в ханстве была во многом схожа с существовавшей в Бухарском эмирате. Главное отличие касалось киргизских районов, где землепользование основывалось на *адате*, тогда как на остальной территории преоб-

ладало мусульманское законодательство. Политика ханской администрации была направлена на постепенную замену *адата* нормами *шариата* посредством утверждения среди казахов судов *казиев*. Выгодное географическое положение Ко-канда обусловило его центральную роль в торговле с Афганистаном, Кашгаром, Индией и Бухарой. Однако торговля осложнялась частыми и разорительными войнами Коканда с Цинским Китаем, Хивой и Бухарой. Постоянная угроза китайского вторжения обусловила строительство крепостей вдоль южных границ Кокандского ханства. Огромный экономический урон понес Коканд в 1842 г. в результате разорительного вторжения бухарского эмира Насруллы.

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО

Хивинское ханство располагалось на землях нижнего течения Амударьи и южного побережья Аральского моря. На территории ханства проживали узбеки, каракалпаки, туркмены и казахи. Как и Бухарский эмират и Кокандское ханство, Хивинское ханство представляло собой средневековое исламское государство, ведущие позиции в котором принадлежали клерикально-феодальной верхушке. Хан обладал высшей светской и духовной властью. В его подчинении находились три ведущих ведомства — финансовое, военно-полицейское и общественных работ (проведение ирригации, периодическая массовая чистка каналов, распределение водных ресурсов и т.д.). В правительстве хивинского хана первым лицом был *нагиба* — духовный авторитет ханства, затем шли *аталыки* и *мазхер*.

160

В административном отношении Хивинское ханство делилось на *вилайеты*. В свою очередь, каждый *вилайет* состоял из нескольких *найдеме* (уездов). Важные должностные лица назначались и смещались по усмотрению центральной власти. При провинциальных правителях главными должностными лицами были *казий*, ведающий шариатскими судами, *раис* — надзиратель за исполнением населением предписаний Корана и *шариата* и *муфтий* — знаток религиозных законов и толкователь норм *шариата*. Служилое сословие в ханстве было многочисленным и коррумпированным. Политическая ситуация в Хиве характеризовалась ожесточенным соперничеством между узбекской, туркменской и каракалпакской элитами. В рассматриваемый период во главе ханства находилась узбекская династия Кунграт.

С начала XVIII в. в центральноазиатской политике российских правящих кругов наметились существенные изменения. Россия стала проявлять заинтересованность в установлении более стабильных и разносторонних отношений с государствами региона. Новый подход России отражал внутреннюю политико-экономическую динамику российского государства и его изменившиеся внешнеполитические приоритеты. По завершении освоения Поволжья и Сибири Россия стремилась к развитию трансевразийской торговли, пути которой проходили через Центральную Азию, и к обретению прямого выхода на рынки Персии, Афганистана, Индии и Китая. Существовавшие торговые связи между Россией и Центральной Азией осуществлялись по речному и караванному торговым путям из Тобольска в Бухару или караванным путем из Астрахани в Ташкент. Передвижение торговых караванов по землям Центральной Азии было сопряжено с большими трудностями и опасностями, особенно в направлении к Бухаре. Хива ревностно следила за развитием торговли русского и бухарского купечества и чинила ей всяческие препятствия. Не только Россия, но и Бухара предпринимали поиски более безопасных торговых путей; с этой целью в Петербург приезжали посланцы от бухарского эмира и в Бухару отправлялись русские миссии.

В 1820-1830-х годах дополнительным фактором политики России в Центральной Азии стало торгово-политическое проникновение в регион Англии, что было связано с неудачей английской политики на Балканах и прекращением в 1833 г. торговой деятельности Ост-Индской компании. Российскому проникновению в государства Центральной Азии благоприятствовало постепенное политическое освоение Казахских степей.

Установление постоянных дипломатических отношений между Россией и государствами Центральной Азии осложнялось специфическим пониманием их правителями норм международного права. Ханы и эмиры с большим подозрением относились к официальным миссиям России и долго не допускали создания на своей территории постоянных российских посольств и консульств. Российское правительство было вынуждено неоднократно возлагать дипломатические поручения на глав торговых караванов, которые не вызывали у местных правителей тревоги и настороженности. Для совершенствования торговли между Россией и государствами Центральной Азии в 1819 г. в Петербурге был создан межведомственный Азиатский комитет, подчинявшийся государю императору.

В 1820-х гг. интерес российского купечества к рынкам Центральной Азии получил дополнительный стимул вследствие отказа российского правительства от

161

фритредерской политики и перехода к протекционизму. Российские купцы начали вывоз на центральноазиатские рынки тканей, выделанных кож, сахара, табака и металлических изделий,

пользовавшихся особым спросом у местного населения. Из Центральной Азии в Россию купцы везли шерсть, хлопок и шелк-сырец. Российские власти с помощью экономических мер поощряли оседание российских купцов и приказчиков в городах Центральной Азии. Наряду с этим они предоставляли центральноазиатским купцам всевозможные льготы, в частности сравнительно низкие торговые пошлины. Таким образом, рассматриваемый период характеризовался началом торгово-экономического проникновения России в государства Центральной Азии.

Глава 9

ДЕРЖАВА ДУРРАНИ В АФГАНИСТАНЕ

К середине XVIII в. империя Надир-шаха Афшара, в состав которой входил Афганистан, близилась к распаду. После убийства шаха в восточных областях его империи в 1747 г. была создана держава Дуррани (1747-1818). Ее основатель Ахмад-хан, военачальник в войске Надира, происходил из рода садозаев племени абдали. В октябре 1747 г. он был избран шахом на собрании знати (*джирге*), большинство которой составляли его соплеменники. (Вскоре племя абдали было переименовано в дуррани: от афг. *дурр* — жемчуг.) Придя к власти, Ахмад-шах (1747-1773) вел непрерывные войны, в результате которых завоевал огромные территории. Весной 1761 г., когда Ахмад-шах был в зените могущества, помимо земель, где жили афганцы (пуштуны), в его владения входили многие территории с неафганским населением — районы Индостана (Панджаб, Белуджистан, Синд, Сирхинд), Южный Туркестан (левый берег Амударьи). В дальнейшем границы державы часто менялись в зависимости от успехов или неудач ее правителей. Население государства составляли более 20 народностей, находившихся на разном уровне социально-экономического развития, говоривших на различных языках, исповедовавших ислам, буддизм и другие религии.

Господствующее положение в этой державе занимала знать племени дуррани, прежде всего одного из его родов — садозаев, к которому принадлежал сам шах. Дуррани ранее других стали заниматься земледелием, к тому же районы их расселения веками находились на оживленных караванных путях, лежавших между Северной Индией и Хорасаном, и имели тесные связи с окрестным населением, издавна занимавшимся земледелием, ремеслом и торговлей.

Источники свидетельствуют о развитии у дуррани, а также у ряда других племен, населявших равнинные оазисы, крупного землевладения. В ходе захвата афганцами огромных территорий происходило увеличение численности подвергавшегося более жесткой эксплуатации неафганского населения. Постепенно зависимость этого населения от подразделений афганских племен заменялась подчинением единоличным хозяевам, а следовательно, происходило усиление позиций и влияния последних. Военно-политическое и экономическое преобладание дуррани сложилось благодаря тому, что могущество их основного соперника — племени гильзаев — было в значительной мере подорвано в войнах с Надир-шахом. Источники отмечают рост первенства дуррани среди самих афганских племен, а также имеются сведения об обострении противоречий между рядовыми членами племен и их знатью, чье могущество и богатство возрастали за счет расширения земельных владений и эксплуатации не только неафганского населения, но и своих соплеменников из других, меньших по численности племен, а также благодаря захвату военной добычи.

163

Внутренняя жизнь афганских племен регулировалась нормами *шариата* (в частности, ханифитского *мазхаба* суннитского толка ислама, который исповедовало подавляющее большинство населения страны), традициями обычного права (*адата*) и, особенно в горных районах, кодексом чести афганцев (*пуштунвалай*).

Укреплению державы Дуррани содействовали военные успехи дурранийских вождей (прежде всего Ахмад-шаха), что объясняется в значительной мере высокими боевыми качествами афганских воинов. Афганские войска не были централизованной военной организацией, а представляли собой сочетание регулярных воинских отрядов, укомплектованных профессиональными воинами, дружин и ополчений ханов. Ядром регулярного войска был кавалерийский гвардейский корпус. В это войско входили также пехота и артиллерия, оснащенная кроме легких пушек тяжелыми осадными орудиями времен Надир-шаха Афшара. В ходе войн и включения в состав войска дружин вождей, не всегда лояльных ему, Ахмад-шах создал части полевой жандармерии, воины которой обязывались не допускать бегства арьергарда с поля боя. При Ахмад-шахе были сформированы также транспортные и другие вспомогательные военные подразделения.

Успехам военных походов Ахмад-шаха во многом содействовала благоприятная внешнеполитическая обстановка — междоусобная борьба в Иране после убийства Надира-шаха Афшара, а также ослабление империи Великих Моголов. Важную консолидирующую племена роль, несомненно, сыграла многолетняя борьба афганцев против чужеземного господства Великих Моголов Индии и Се-февидов Ирана, происходившая в предшествующие столетия, в результате которой были созданы независимые княжества в Акоре, Кандагарской и Гератской провинциях. Глава государства в империи Дуррани именовался *эмиром*. Вторым лицом считался *везир*. В соответствии с указами эмира *везир* был наделен большими полномочиями: он должен был обеспечивать внутреннюю безопасность, руководить внешнеполитическими делами, контролировать деятельность высших должностных лиц в столице и на местах. Важнейшую роль в Дурранийской державе играла постоянная *джурга* (совет знати), или «высочайший диван». Без его одобрения не принималось ни одно важное решение.

В компетенцию дивана входили вопросы управления государственными землями, контроль за источниками доходов, взиманием налогов, производством платежей по всем расходам государства, управление монетными дворами, казной, складами продовольствия, другими натуральными запасами, а также ирригационными работами, ремонтом и строительством административных зданий, крепостей, других военных сооружений и т.п.

Важную роль в управлении государством играли ведомства эмирского двора и его канцелярии, сыска, осведомительства, конфискации и судопроизводства, находившегося в руках мусульманских богословов-законоведов.

Экономической основой державы Дуррани была собственность на землю. Первой и главной отличительной чертой аграрных отношений в равнинных оа-чисах державы Дуррани вплоть до начала XX в. было крупное землевладение — государственная земельная собственность и земли эмирского (шахского) домена (*халисе*), значительная часть которых передавалась на условиях несения службы (*джагир*, *тиул*) и жертвовалась духовным лицам и религиозным учреждениям —

164 мечетям, медресе и т.д. (так называемые вакфные земли). Существовали также и частные земли (*мульк*).

Как свидетельствуют земельно-налоговые документы XVIII-XIX вв., земли, розданные в условное пожалование верхушке племен, конной гвардии и кочевникам-афганцам, а затем и вакфные земли фактически превращались в безусловное владение. Купля, продажа и заклад земли постепенно, особенно к концу нового времени, достигли довольно развитых, юридически признававшихся форм, благодаря чему был исторически подготовлен переход к господству частной собственности. Землевладельцы сами хозяйства не вели, а передавали землю крестьянам, как правило, в ипольную аренду. Существовала и сохранилась до начала XX в. откупная система, при которой знать или должностные лица получали на откуп сбор налогов или их части в определенной местности.

Крестьяне обладали наследственными правами обработки земельных наделов и платили налоги, взимавшиеся натурой. Основным был поземельный налог — *салесат*, или *харадж*, но существовало и множество других податей — со скота, виноградников, плодовых деревьев, изделий ремесла, мельниц, поборы на содержание сборщиков налогов, старост, судей; кроме того, налогоплательщики были обязаны выполнять различные трудовые повинности по ремонту дорог, мостов, очистке каналов, строительству различных сооружений и т.п. Дуррани обладали рядом привилегий: не платили поземельного налога, налога со скота, плодовых деревьев, освобождались от многих единовременных поборов. От уплаты налогов освобождались и мусульманские священнослужители, религиозные учреждения (мечети, медресе и др.). Спорные вопросы, касающиеся земле- и водопользования, пастбищ, кровной мести и т.д., наиболее часто возникавшие между оседлым и кочевым населением, решались верхушкой племен, советом старейшин, местными авторитетами, шариатским судом.

В горных районах (в центре и на востоке страны) в силу природных условий не было столь развито крупное землевладение, как это было в северных и южных равнинных оазисах, где располагалась развитая система ирригационных сооружений. Множество горных речек и ручейков позволяли почти каждой деревне иметь свой источник водопользования и закреплять за собой горные пастбища, летовки.

Аграрный строй у кочевников и полукочевников — афганцев (на западе и юго-востоке), части чарайкмаков (на западе) и узбеков и туркмен (на севере) — хотя и имел ряд особенностей, связанных с кочевым бытом и ведением скотоводческого хозяйства, в основном был таким же, как

и у оседлого населения. Так, в Дурранийской державе (и много позже) в кочевых общинах афганцев, как и в оседлых, были зависимые (*хамсая*), которые эксплуатировались либо общиной, либо верхушкой племени — ханами и маликами.

Одной из важных особенностей кочевых общин была их большая подвижность в пределах традиционных, издавна закрепленных за ними маршрутов сезонных перекочевков. Причем там, где эти маршруты совпадали с основными направлениями транзитной караванной торговли, наблюдалась ориентация так называемых *повинда* — ряда кочевых племен и их подразделений — на транспортировку грузов и разведение вьючных животных и, что очень важно, на посред-

165
ническую торговлю между равнинными оазисами, которая становилась для них едва ли не основным занятием.

Практиковавшаяся эмирами передача знати племен права на сбор налогов, содержание военных дружин, наделение ее административной, военной, а подчас и судебной властью таили в себе опасность возникновения сепаратистских тенденций, что представляло серьезную потенциальную угрозу для дурранийских шахов и центральной власти в целом.

История Афганистана конца XVIII — начала XIX в. свидетельствует о немалом интересе, который проявляла Англия к этой стране. Захватив к тому времени значительную часть Индии, англичане строили планы укрепления своих позиций в Юго-Западной и Центральной Азии и, в частности, в Афганистане. Учитывая тенденции в развитии политической ситуации в Дурранийской державе (рост межплеменных распрей, сопровождавшихся вооруженными столкновениями), англичане под разными предлогами стали вмешиваться в ее внутренние дела. При их непосредственном участии велась борьба за престол, в результате которой был схвачен, а затем ослеплен внук Ахмад-шаха — Заман-шах (1793-1801), после чего начались многолетние междоусобицы, приведшие в 1818 г. к распаду Дурранийского государства: одни провинции были захвачены усилившимися соседями, другие стали самостоятельными. В отдельные эмираты обособились правители Кабула, Кандагара, Пешавара и Герата. Кроме того, возникали и другие небольшие самостоятельные владения. Наиболее жизнеспособным среди них был Кабульский эмират, в котором после длительной борьбы утвердился Дост-Мухаммед (1826-1863). Придя к власти, он предпринял шаги к укреплению регулярного войска, с помощью которого присоединил к своим владениям Зурмат, Гардез, Кохиستان, Джелалабад и т.д.

Его целью было восстановление сильной державы, чему стали противиться сепаратистски настроенные враждующие между собой местные правители и ханы племен. Объединение и укрепление страны не входило в планы Англии, активно использовавшей враждовавших с афганскими эмирами вождей сикхов и экс-шаха Шуджу, проживавшего в Индии на содержании английских властей. К тому же им удалось восстановить против эмира вождей некоторых племен. Дост-Мухаммед понимал, что политика англичан чревата серьезными осложнениями для него и государства в целом. Исходя из этого, он решил заручиться поддержкой Ирана и России. В Россию был направлен афганский посол, прибывший в Петербург в июле 1836 г. В послании, адресованном Николаю I, высказывалось стремление эмира установить дружественные отношения с Россией и содержалась просьба оказать содействие в борьбе против происков экс-шаха Шуджи, надеявшегося с помощью англичан вернуть себе престол. При обсуждении послания в российских правительственных кругах было высказано единодушное мнение о том, что политическим и торговым интересам России не отвечает укрепление позиций Англии в Афганистане и тем более его захват. Однако российское правительство не желало давать Лондону повод обвинить его во вмешательстве в афганские дела. В ответном послании Дост-Мухаммеду сообщалось о невозможности оказания ему открытой помощи и высказывалось мнение о целесообразности заключения афгано-иранского оборонительного союза. Вместе с тем отмечалось стремление России поддерживать дружественные от-

166

ношения с Афганистаном и намерение развивать с ним торговлю. С посланием в Кабул был направлен И.В.Виткевич, имевший невысокий военный чин поручика.

Прибытие И.В.Виткевича в Афганистан вызвало резко негативную реакцию Лондона. В ноте от 4 мая 1838 г. английское правительство обвинило Николая I во враждебных Англии действиях, якобы серьезно угрожавших ее владениям в Индии, а впоследствии не пожелало принять какие-либо объяснения российской стороны.

Продолжая поддерживать противников Дост-Мухаммеда и разжигать афгано-сикхскую вражду, Англия готовилась к оккупации Афганистана. В октябре 1838 г. ее войска вступили в страну —

началась первая англо-афганская война (1838-1842). В специальном манифесте Англия объявила, что ее цель состоит лишь в оказании помощи отстраненному от власти шаху Шудже. Оправдывая тем самым свои действия, Лондон взваливал вину за сложившееся в стране положение на эмира, его братьев и Россию. В ходе военных операций английские войска захватили значительную часть территории Афганистана, включая Кабул, Кандагар, Газни и Джелалабад. В Лондоне была издана «Синяя книга», содержащая 254 документа, призванные доказать обоснованность английских действий. При этом по указанию британского министра иностранных дел лорда Г.-Дж.Пальмерстона текст был отредактирован таким образом, что документы получили смысл, практически противоположный оригиналу. Когда подделка была обнаружена и депутаты парламента потребовали проведения специального расследования, Пальмерстон пытался свести дело к обычному недоразумению.

Достигнув в начале войны серьезных успехов, англичане затем понесли ряд сокрушительных поражений от отрядов, сформированных населением страны, и были вынуждены бесславно вывести свои войска. Победа народов Афганистана, и прежде всего афганских племен, создала определенные предпосылки для консолидации афганского общества. Дост-Мухаммед, проведя ряд успешных военных операций, сумел утвердиться в Кабуле и присоединить к своим владениям не только Кандагар и Герат, но и Балх, Кундуз, Андхой и Хульм, расположенные на левом берегу Амударьи и ранее принадлежавшие афганским эмирам.

Несмотря на поражение в войне, в Лондоне продолжали строить планы подчинения Афганистана и расширения своих владений в этой части Азии. В 1843 г. англичанами был захвачен Синд, ранее признававший верховную власть афганских эмиров, а в 1849 г. оккупирован Панджаб. В результате многие земли, населенные восточными афганцами, вошли в состав Британской Индии, а английские владения придвинулись к границам государства Дост-Мухаммеда.

В 1855 г., после многомесячных переговоров эмир пошел на заключение договора с англичанами, в соответствии с которым стороны обязались уважать территориальную целостность владений друг друга, что означало признание Афганистаном захвата Англией Панджаба и части территорий, населенных афганцами. К тому же эмир взял обязательство быть другом друзей и врагом врагов англичан. В 1857 г. стороны подписали англо-афганский военный союз, направленный против Ирана. Однако эмир не принимал прямого участия в англо-иранской войне (1856-1857).

Глава 10

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИНДИИ В АНГЛИЙСКУЮ КОЛОНИЮ

К середине XVIII в. завершился распад Могольской державы. Начавшиеся еще в конце предшествующего столетия дезинтеграционные процессы привели к потере могольскими падишахами контроля над основной частью империи. Ослаблению имперского центра способствовали разгром военных сил Моголов, захват и разграбление столицы государства Дели в ходе вторжений в Северо-Западную Индию сначала иранского правителя Надир-шаха (1739 г.), а затем афганского правителя Ахмад-шаха Дуррани (1748, 1750, 1752, 1757 гг.). Под контролем могольских правителей Ахмад-шаха (1748-1754), Аламгира II (1754-1759) и Шах Алама II (1759-1806) оставалась сравнительно небольшая территория в верхнем Двуречье вокруг столичных городов Дели и Агра, а сами они находились в постоянной зависимости от одной из противоборствующих сил на индийском субконтиненте — прежде всего от маратхов и афганцев. Моголам постоянно также угрожали князьки-патаны из соседнего Рохилкханда, а также крестьяне-общинники и их феодализовавшаяся верхушка из земледельческой касты *джатов*, образовавших собственное княжество с центром в Бхаратпуре.

Маратхская конфедерация, состоящая из Махараштры, территории, подконтрольной династии маратхских *пешв*, и четырех крупнейших маратхских княжеств — Нагпур (династия Бхонсле), Гвалияр (династия Синдия), Индаур (династия Холкар) и Барода (династия Гаеквад), в середине XVIII в. представляла наиболее мощную военно-политическую силу в стране. В результате многочисленных военных походов маратхи поставили под свой контроль значительную часть территории бывшей Могольской державы, обложив население захваченных могольских наместничеств и вассальных княжеств данью — *чаутхом*.

В этой «войне всех против всех» за расширение подконтрольных территорий и господство на субконтиненте участвовали новые крупные государства, возникшие в ходе распада Могольской империи, — *навабство* Бенгалия на востоке страны, *навабство* Ауд в Двуречье, княжество Хайдарабад (с династией Низа-мов) и *навабство* Карнатик на юге, освободившиеся от вассальной

зависимости от Моголов княжества Раджпутаны, а также южноиндийские княжества Майсур, Траванкур, Танджавур и Мадурай.

Поворотным пунктом в этой борьбе оказался полный разгром афганцами в 1761 г. маратхской армии в битве на равнине Панипат в Северо-Западной Индии. Маратхи окончательно так и не оправались от этого поражения и уже не могли претендовать на доминирование в Индии, хотя и удерживали значительную часть ранее захваченных ими территорий и даже нанесли в 1795 г. поражение с поему главному сопернику на юге — Хайдарабаду.

168

Наименее втянутыми в эту междоусобицу оказались горно-лесистые районы в центре и на северо-востоке страны, а также пригималайские районы, населенные малыми этносами, отличными от основных народностей Индии. Они, как правило, находились на различных стадиях перехода от родоплеменного строя к ранним формам феодальной государственности. Эти «племена» сохраняли либо фактическую независимость, либо находились в даннических отношениях с соседними с ними феодальными государствами.

К этому времени в индийской политике все возрастающую роль стал играть новый фактор — европейское колониальное проникновение. Существовавшие еще с XVI в. португальские владения (Гоа, Диу, Даман) к указанному времени не стали плацдармом дальнейшей колониальной экспансии португальцев. Это объяснялось как упадком Португальской империи, так и поражениями, которые понес португальский флот в Индийском океане от своих английских и голландских конкурентов. Основными каналами европейского проникновения в Индию стали действовавшие еще с XVII в. Ост-Индские торговые компании: нидерландская (с центром в Негапатаме), датская (с центром в Серампуре), английская (с центром в Мадрасе) и французская (с центром в Пондишери). В отличие от первых двух компаний, являвшихся чисто торговыми организациями, английская и французская Ост-Индские компании не только вели торговлю, но и обладали армиями и флотами, базировавшимися на военных фортах, воздвигнутых в принадлежащих им портовых городах (у англичан кроме Мадраса еще в Бомбее и Калькутте). Европейские поселения, пользовавшиеся правами экстерриториальности, основывались с разрешения Моголов, а затем правителей других государств, получавших определенные доходы от деятельности компаний и стремившихся заручиться их поддержкой в междоусобице, а также в борьбе с португальцами. Обе компании получили от правительств своих метрополий право вести войны и осуществлять территориальные приобретения в Индии. Наиболее экономически эффективной и сильной в военном отношении была Английская Ост-Индская компания. Помимо тканей, которые являлись главным предметом экспорта в Европу, англичане вывозили из Индии сахар, опиум, индиго и другие продукты тропического земледелия, а также селитру. Вокруг английских торговых факторий возникли крупные ремесленные поселения, где тысячи прядильщиков и ткачей работали по заказам компании.

Торговое соперничество между англичанами и французами дополнилось прямыми военными столкновениями, продолжавшими англо-французские войны в Европе и Америке. В ходе проходивших в 1746-1763 гг. с перерывами и с переменным успехом военных действий французские силы были разгромлены (особенно они пострадали в битве при Вандиваше в 1760 г.). По Парижскому договору 1763 г. за Францией, правда, остался Пондишери, укрепления которого были срыты, а также несколько факторий. Французская Ост-Индская компания сохранялась лишь как торговая организация.

На этом раннем этапе колониальной экспансии обе компании широко использовали династийную борьбу для вмешательства во внутренние дела индийских государств. В период англо-французского вооруженного соперничества в Южной Индии обе стороны формально выступали в качестве союзников различных претендентов на престол навабства Карнатик. Основной военной силой сначала у

169

французов, а затем и у англичан стали отряды индийских наемников-смиаев под командованием европейских офицеров. Военная поддержка оплачивалась феодальными правителями в виде «субсидий» на содержание войск компаний, а также путем передачи компаниям ренты-налога с определенных территорий, переходивших под их контроль. Используя «субсидиарные договоры», фиксировавшие условия этих соглашений, и синайские воинские подразделения, англичанам удалось вести территориальные захваты в Индии в основном силами самих индийцев и за их же счет.

Разгром французских сил в Южной Индии поставил Карнатик под фактический контроль

англичан, которые превратили его правителя — *наваба* Арката в свою марионетку.

После установления контроля над Карнатиком основным направлением территориальной экспансии Английской Ост-Индской компании стало *навабство* Бенгалия, включавшее также территории современных Бихара и Ориссы.

Англичане применили ту же тактику, что и в Карнатике, вмешавшись в династийную борьбу, поддержав противника *наваба* Сирадж-уд-даула. Последний объявил войну компании и взял штурмом Калькутту. Однако вскоре в битве при Плесси 23 июня 1757 г. почти 70-тысячное войско *наваба* было наголову разбито трехтысячным отрядом под командованием Роберта Клайва, до этого прославившегося в борьбе с французами в Южной Индии. Победа при Плесси продемонстрировала превосходство европейской военной организации. Важную роль сыграла и измена военачальника *наваба* — Мир Джафара, который англичанами был возведен на бенгальский престол. Новый *наваб* уплатил Компании в качестве «компенсации» огромную сумму (около 18 млн. ф. ст.). Однако вскоре он был смещен, и *навабом* стал его зять Мир Касим, передавший Компании право сбора налогов в нескольких богатейших округах *навабства*. Во время губернаторства в Бенгалии Клайва (1757-1760) и его преемников началось систематическое ограбление этого богатейшего региона Индии чиновниками компании. Они широко практиковали торговлю *дастаками*, грамотами, освобождавшими от торговых пошлин, и тем самым значительно подорвали доходы казны *наваба*. Через специальных агентов-голландцев/и англичан Компания заставляла ремесленников-ткачей работать на англичан по заниженным расценкам. В отдаленных под контроль Компании округах ее агенты с помощью местного административно-налогового аппарата взымали с крестьян-общинников земельную ренту-налог по повышенным ставкам. Мир Касим, которому удалось несколько оздоровить финансы *навабства*, предпринял контрмеры против бесчинств Компании. В ответ ее служащие в 1763 г. захватили Патну, главный город Бихара. В ходе начавшейся войны Мир Касим терпел поражения, хотя и заручился поддержкой правителя Дели Шах Алама II и *наваба* Ауда. В решающей битве при Буксаре в 1764 г. Мир Касим был разбит наголову. Шах Алам перешел на сторону англичан, попав, как и *наваб* Ауда, в зависимость от Компании.

Во время своего второго губернаторства (1765-1767) Клайв юридически оформил вассальную зависимость Ауда от англичан и получил от Шах Алама *фирман* (указ), даровавший Компании права *диваны*, или финансового управления. Поставив под контроль казначейство, англичане сосредоточили в своих ру-

170
ках громадные налоговые поступления, из которых определенные суммы отсылались на содержание Шах Алама и на расходы гражданской администрации (*низамат*) Бенгалии. Это «двойственное управление», просуществовавшее до 1773 г., разорило страну. Сокращение двора бенгальского *наваба*, окончательно устраненного от реальной власти, и упадок феодальной знати уменьшили заказы ремесленникам, ранее производившим предметы потребления для верхов традиционного индийского общества. Тысячи ремесленников, потерявших работу или разоренных эксплуатацией Компании, пополнили прослойку безземельных низов сельской общины. Крестьянство страдало от непосильных налогов, неуклонно собиравшихся и в неурожайные годы. В 1770 г. страну поразил страшный голод, обширные районы обезлюдели, на поля наступали джунгли. Сведения о чудовищных злоупотреблениях служащих Компании, наживавшихся на частной торговле, достигли Лондона и были использованы парламентской оппозицией, выступавшей против союза финансовой plutократии Сити и королевского двора. В 1773 г. парламент принял акт об управлении Индии, согласно которому Ост-Индская компания признавалась владельцем индийских территорий и ставилась под контроль английского правительства. Парламент назначил генерал-губернатора и четырех советников, образовавших Бенгальский совет. В Калькутте был также создан Высший суд.

Первый генерал-губернатор, Уоррен Хэйстингс (1774-1785), до этого длительное время служивший в Индии, покончил с системой «двойственного управления», поставив под контроль Компании весь административный аппарат в ее индийских владениях. Широко применяя систему откупов на сбор земельного налога, английская администрация добилась удвоения его общей суммы в 1765-1790 гг. Значительная часть средств, поступавших в казну, вкладывалась Компанией в закупку тканей и других товаров, отправлявшихся в Англию. При этом была введена система, по которой ремесленники были обязаны в первую очередь выполнять заказы агентов Компании. При Хэйстингсе в Индии стали действовать английские торгово-посреднические агентства, которые частично вытеснили из оптовой торговли крупных местных торговцев и ростовщиков-банкиров (*шроффов*). Упорядочение денежного обращения также подорвало влияние тех из них, которые раньше обладали правом чеканки монеты, как, например, крупнейшего торгового дома в Бенгалии Джагат Сетхов, в свое время оказавшего

услуги Компании при завоевании *навабства*.

Хэйстингс укрепил английское влияние в Ауде, где находился постоянный контингент сипаев, а также на территориях, оставшихся во владении номинального правителя Дели— Могольского падишаха. Восстание в Бенаресском княжестве, отторгнутом от Ауда в 1775 г., было жестоко подавлено, а власть верхнего слоя *феодалов-джагирдаров* ликвидирована. Развивая экспансию не только на севере, в Двуречье, но также из Мадраса и Бомбея, англичане столкнулись с двумя противостоящими им силами — маратхами и княжеством Майсур.

Пришедший к власти в Майсуре в результате переворота военачальник Хай-дар Али (1761-1782) путем ограничения влияния вассальных князьков и правителей областей — *джагирдаров* укрепил администрацию в княжестве, увеличил поступления в казну и создал с помощью французских инструкторов современную по тем временам армию. Майсурская пехота по боеспособности не

уступала

171

английским синайским отрядам, а артиллерия по маневренности даже превосходила английскую. Ведя военные действия против своих соседей, Хайдар Али сумел в первое пятилетие своего правления присоединить к Майсуру ряд территорий, ранее находившихся под контролем маратхских *пешв, низама* Хайдарабада и наваба Карнатика. Он завладел горными проходами в Западных Гхатах, вышел на побережье Аравийского моря и захватил Малабар, а также нанес удар по княжеству Траванкур. Быстрое возвышение Майсура объединило против него начавших оправляться после разгрома в Панипатской битве 1761 г. маратхов, Хайдарабад и Карнатик. Поддержка *наваба* Карнатика англичанами привела к первой англо-майсурской войне (1767-1769). Борьба велась с переменным успехом и завершилась мирным договором, предусматривавшим взаимный отказ от территориальных приобретений, сделанных в ходе войны, и военный союз в случае нападения на одну из сторон. Однако в 1770 г., когда маратхи снова начали военные действия против Майсура и Хайдар Али обратился к англичанам за помощью, последние не выполнили своих союзнических обязательств. С этого времени он рассматривал англичан как своего главного противника и поклялся ликвидировать английское присутствие в Южной Индии. Откупившись в 1772 г. от маратхов, Хайдар Али снова расширил свои владения, захватив княжество Кург и вторично совершив вторжение на Малабар.

Между тем военно-политическая обстановка в Индии осложнилась начавшейся в Маратхской конфедерации борьбой за престол после смерти в 1772 г. *пешвы* Мадхао Рао I. Основную роль в ней играли двор *пешв (дарбар)* в Пуне и крупнейшие маратхские княжества Индаур и Гвалияр. Вмешательство англичан в конфликт привело к первой англо-маратхской войне (1775-1782), в ходе которой английские войска, действовавшие из Бомбея, потерпели несколько крупных поражений. Само существование Бомбейского президентства было спасено Хэй-стингсом, направившим из Бенгалии экспедиционные отряды, а также сумевшим выправить дипломатические промахи Бомбейского совета. В итоге англичане получили лишь островок Сальсетту в бухте Бомбея, однако в ходе войны они провели глубокую военно-политическую разведку на контролируемых маратхами территориях. Мир с маратхами вывел последних, а затем и Хайдарабад из союза с Хайдаром Али, находившимся с 1780 г. в состоянии войны с Компанией. В ходе второй англо-майсурской войны (1780-1784) сначала Хайдар Али, а затем его сын Типу Султан (1784-1799) нанесли англичанам ряд сокрушительных поражений. Майсурская армия получила поддержку французского флота в Индийском океане, выступившего против англичан в связи с новым англо-французским военным конфликтом (1778-1783). Однако просчеты французских союзников Типу, вышедших из войны в 1783 г., а также его собственные военно-дипломатические ошибки улучшили положение английской стороны к концу войны. По мирному договору восстанавливалось статус-кво кануна войны. Однако обе стороны понимали неизбежность новой войны, ибо Майсур сохранял свою роль главного центра сопротивления английской агрессии в Южной Индии.

Поскольку попытки правителей Майсура объединиться в антианглийской коалиции с маратхами и *низамом* Хайдарабада окончились неудачей, Типу попытался заручиться поддержкой Турции и Франции. Однако его дипломатические миссии не увенчались успехом. Военно-стратегические позиции Майсура

172

постоянно ослаблялись почти непрерывными восстаниями на Малабарском побережье и в подконтрольных княжеству районах Западных Гхат. Главным противником Типу на западных границах Майсура стало княжество Траванкур, активно поддерживавшее антимайсурские восстания в Малабаре. В 1789 г. Типу начал войну с Траванкуром, находившимся в союзнических отношениях с англичанами. Началась третья англо-майсурская война (1790-1792), в которой Типу противостояла объединенная коалиция Компании, маратхов и Хайдарабада. В ходе военных действий армия Типу была разгромлена, а сам он оказался осажденным в своей столице Шрирангапаттинаме (Серингапатаме). По мирному договору он потерял почти половину

территории княжества, возвратив маратхам и *низаму* ранее отторгнутые от них земли, а также отдав некоторые области англичанам, в том числе Малабар и Кург на западе и обширные области, населенные народностями тамилы, телугу и каннара, в центре и на востоке Южной Индии. Типу также обязался выплатить 33 млн. рупий контрибуции и отправить в Мадрас в качестве заложников, до полной выплаты контрибуции, двух своих малолетних сыновей.

Несмотря на жестокое поражение, Типу не превратился в вассала Компании и стал энергично готовиться к новой войне. С целью изыскания средств для выплаты контрибуции и снаряжения новой армии Типу значительно поднял ставки как земельного, так и других налогов, широко практиковал конфискацию земельных владений храмов и некоторых групп феодалов. Все торговые операции в княжестве были поставлены под жесткий государственный контроль. Эти меры вызвали недовольство населения. Опасаясь измены индусской феодальной верхушки, Типу, в отличие от Хайдара Али, проводившего политику религиозной терпимости и покровительства феодалам-индусам, стал выдвигать на ключевые посты в администрации лишь мусульман. Последнее ускорило консолидацию оппозиции в княжестве. Несмотря на все трудности, Типу удалось расширить площадь обрабатываемых земель, увеличить поступления налогов в казну, открыть государственные ремесленные оружейные и другие мастерские и в конечном счете воссоздать боеспособную армию. В течение двух лет контрибуция была выплачена Компании, и сыновья Типу возвращены в Серингапатам. Оставшись один на один с англичанами, Типу пытался заручиться поддержкой афганского эмира и Франции, проводя у себя даже празднества в честь Французской революции. Однако ни Франция, ни эмир не смогли оказать ему какой-либо помощи. Высадка Наполеона в Египте ускорила нападение англичан на Майсур. В ходе четвертой англо-майсурской войны (1799 г.) англичанам, использовавшим измену военачальников Типу, удалось осадить его в Серингапатаме. Он храбро защищался и погиб в бою. Престол княжества был возвращен династии Водеяров, отстраненной от власти Хайдаром Али, а теперь превратившейся в английского вассала. К англичанам перешли две области — Северная и Южная Каннара на западном побережье.

С падением Майсура исчез последний центр сопротивления английской колониальной экспансии в Южной Индии. В 1799 г. под прямое управление Компании перешли княжество Танджавур, а в 1801 г. — навабство Карнатик. Используя субсидиарные договоры с Хайдарабадом (1799 г.) и Аудом (1801 г.), Компания получила новые обширные территории как на севере, так и на юге страны.

173

Была упрочена вассальная зависимость от Компании этих крупнейших княжеств, а несколько ранее также южноиндийских княжеств Траванкур и Кочин. В 1803 г. английский отряд вошел в Дели, и с суверенитетом последних представителей династии Великих Моголов, сохранивших свой «сюзеренитет» в пределах делийского Красного форта, было покончено. В 1805 г. бывший правитель Дели стал пенсионером Компании. Завершился первый этап завоевания Индии, в результате которого Компания в течение менее полувека захватила обширные территории на юге, востоке и в дуречье Джамны-Ганга и превратилась в самую мощную военно-политическую силу в Индии. Однако формально Могольская империя просуществовала до 1858 г., а до 1836 г. Компания чеканила монеты с именем могольского императора.

Укрепляя систему колониального управления на аннексированных территориях, англичане в начале XIX в. предприняли крупномасштабные операции, начав второй этап завоевания Индии. Генерал-губернатор Р. Уэлсли (1798-1805) поставил задачу подорвать могущество маратхов, контролировавших обширные территории не только в центральной и западной Индии, но и земли в Дуречье и на востоке страны — в Ориссе, а также раджпутские княжества. Вмешавшись в междоусобицу княжеств, входивших в Маратхскую конфедерацию, англичане поддержали пешву Баджи Рао II, который, подписав с ними в 1802 г. субсидиарный договор, фактически поставил под контроль Компании внешнюю политику маратхского государства. Однако главные соперники *пешвы* — правители княжеств Гвалияр (Синдхия), Индаур (Холкар) и Нагпур (Бхонсле) — не признали протекторат англичан. Началась вторая война с маратхами (1803-1805). Разгромив поодиночке враждовавших между собою князей, так и не сумевших объединиться против общего врага, англичане установили в 1803 г. протекторат над княжеством Нагпур, отобрав у него прибрежную часть Ориссы, а также захватили у Синдхии земли в Дуречье (район Дели-Агры), часть земель в самой Махараштре с важной в стратегическом отношении крепостью Ахмаднагар и лишили его сюзеренитета над раджпутскими княжествами, которые в этой войне поддержали Компанию. В 1804 г. англичанам удалось разгромить Холкара. Однако в следующие годы,

стремясь стабилизировать положение в этой части Индии, англичане возвратили Синдхии и Холкару часть ранее отобранных у них владений. В последовавшее затем относительно «мирное» десятилетие маратхским князьям оказалось не под силу содержать свои вооруженные силы. Многотысячные ополчения, пополняемые за счет разоренных крестьян и ремесленников и предводительствуемые бывшими военачальниками маратхских князей, стали совершать регулярные набеги сначала на различные княжества центральной и северо-западной Индии, а затем и на территории, подконтрольные англичанам. В 1817—1818 гг. Компания снарядила против этих иррегулярных войсковых соединений, получивших общее наименование *пиндари*, специальную военную экспедицию. Преследования *пиндари* переросли в третью англо-маратхскую войну (1817-1818).

Пешва, тяготившийся английским протекторатом, воспользовался тем, что основные силы англичан были отвлечены на войну с *пиндари*, и поднял восстание, которое послужило сигналом и для других маратхских князей. Однако ма-ратхи потерпели полное поражение в борьбе с Компанией. Княжества Индаур и

174

Гвалияр, утратив часть своих территорий, окончательно стали вассалами англичан. Институт *пешв* был ликвидирован, их владения были включены в Бомбейское президентство, а многочисленные княжества Раджпутаны, центральной и западной Индии стали формальными вассалами Компании на условиях уплаты дани и отказа в ее пользу от самостоятельной внешней политики. Находившиеся в столицах княжеств английские «резиденты» и «политические агенты» вмешивались в их внутренние дела. В крупнейших княжествах были постоянно расквартированы гарнизоны англо-индийской армии. Одновременно с захватом все новых областей на полуострове Индостан англичане начали продвижение в приграничные с Индией районы. В результате войны в Непале (1814—1816) была аннексирована широкая полоса земель вдоль южных предгорьев Гималаев, а в Катманду был принят английский резидент. Тем не менее Непал отстоял свою государственную независимость. Вторжение войск Бирмы в соседний с Бенгалией Ассам привело к первой англо-бирманской войне (1824-1826), в результате которой к английским владениям были присоединены бирманские провинции Аракан и Тенассерим, а в Ассаме и прилегающих княжествах была восстановлена, под английским протекторатом, власть местных династий. Однако уже в 1832-1838 гг. Ассам, включая княжества Качар и Джайнтия, был аннексирован англичанами, а князь Манипура стал их вассалом.

Английское завоевание Индии было обеспечено значительным превосходством военной организации англичан над вооруженными силами индийских феодальных государств. Дипломатия Ост-Индской компании искусно использовала противоречия между индийскими государствами, погрязшими в междоусобных войнах, воспрепятствовав образованию прочной антианглийской коалиции. Свою роль сыграло также непонимание правителями княжеств истинного характера территориальной экспансии Ост-Индской компании, которая рассматривалась ими как одна из военно-политических сил, участвовавших в бесконечных междоусобных войнах.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ИНДИИ МЕТОДАМИ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Во второй половине XVIII в. сложились следующие основные формы колониальной эксплуатации страны: получение огромных контрибуций и других выплат с терпевших поражение в войнах с англичанами и превращавшихся в вассалов Компании индийских государств; прямое ограбление индийских феодалов, присвоение накопленных ими ценностей; вывоз тканей и других продуктов ремесла, закупаемых по монополюно низким ценам; торговые монополии на соль и некоторые другие товары; присвоение поступавшего в казну из подконтрольных Компании территориях земельной ренты-налога. В совокупности получаемые таким путем средства достигали громадных размеров. Только за период с 1757 по 1780 г. денежный «отток» из Индии составил 38 млн. ф. ст. Сюда не вошли денежные суммы, выплаченные в качестве жалованья гражданским служащим

175

Компании и офицерам военных формирований. Многие из них, приехав в Индию без гроша в кармане, возвращались на родину богачами, или, как их называли в Англии, «индийскими набобами».

Полученные в результате колониального ограбления Индии средства составили один из источников первоначального накопления денежного капитала и тем самым в конечном счете форсировали происходивший в Англии промышленный переворот.

Вместе с тем в конце XVIII — начале XIX в. оказалось необходимым внести изменения в эту систему повального грабежа населения завоеванных индийских территорий.

Прежде всего это коснулось главной формы колониальной эксплуатации — взимания земельного налога. На присоединенных в XVIII — начале XIX в. к владениям Компании территориях англичане вначале сохраняли существовавшие системы земельных отношений и земельного налогообложения. Их

главная задача состояла во всемерном увеличении объема поступлений земельного налога в казну. С этой целью администрация Компании практиковала как прямое повышение ставок земельного налога, так и сдачу прав на его взимание с определенных территорий в краткосрочные откупа. Однако эта система в конце концов привела к массовому разорению крестьянства, недовольству и сопротивлению феодалов, упадку сельскохозяйственного производства.

Администрация Компании поняла необходимость улучшения положения в индийской деревне.

В своих усилиях по стабилизации системы земельного налогообложения колонизаторы стремились в сложной структуре землевладельческих прав, сформировавшейся в феодальной Индии, найти ту социальную группу, членов которой можно было бы объявить ответственными налогоплательщиками, обладавшими непосредственными правами частных земельных собственников.

В условиях восточного феодализма (в его южноазиатской разновидности), при котором верховным земельным собственником считался государь, землевладельческие права различных групп феодалов реализовывались в получении определенной доли ренты-налога, взимаемой с территории, находившейся в их юрисдикции как «чиновников» административно-налогового или военно-полицейского аппарата. Иными словами, объектом этих «землевладельческих прав» являлась доля земельной ренты. В то же время объектом землевладельческих прав податного населения (*райятов*) была собственно земля как объект хозяйственной деятельности. Сословие *райятов* состояло как из крестьян — непосредственных производителей, так и низшего слоя феодалов, в некоторых районах Индии составлявшего значительную, а иногда и единственную прослойку *райятов* в каждой из сельских общин.

Руководствуясь принципами господствовавшего в тот период в Англии земельного права, в Бенгалии, а затем в ряде районов Мадраасского президентства такими частными земельными собственниками были объявлены *заминдары*, ответственные за сбор ренты-налога с округов и групп деревень и занимавшие важнейшее место в многоступенчатой структуре административно-налогового аппарата. С этой целью в конце XVIII — начале XIX в. в английских колониальных владениях была проведена первая крупная земельная реформа. Начало ее было положено указом 1793 г. генерал-губернатора Корнуоллиса (1786-1793) о

176

введении в Бенгалии системы постоянного земельного налогообложения. Сущность его заключалась в том, что *заминдары* объявлялись собственниками находившихся в их владении земель, а ставки земельного налога, который они вносили в казну (многие из них были ранее откупщиками земельного налога), объявлялись постоянными, навечно не подлежащими пересмотру. Поэтому данная система получила название «постоянный *заминдари*». Правда, объявленные ставки налога составляли в то время в среднем до 90% земельной ренты, взимаемой с податного сословия — верхней прослойки земледельческой сельской общины, однако в перспективе чистые доходы *заминдаров* могли значительно повыситься. В первые десятилетия после принятия законодательства о постоянном земельном обложении многие *заминдары*, несмотря на их старания взимать ренту по повышенным ставкам, не смогли удовлетворить притязания казны, а их *заминдарства*, продаваемые с аукциона, перешли в руки горожан — владельцев денежного капитала (торговцев, ростовщиков, служащих Компании — индийцев). Так создалась значительная новая социальная прослойка землевладельцев-абсентеистов, т.е. не живущих в деревне, а получающих доходы от ренты, собираемой их агентами. Позже система постоянного *заминдарства* была распространена на северные дистрикты Мадраасского президентства.

С введением новой земельной системы землевладельческие права *райятов* не были признаны колониальной администрацией, объявившей их арендаторами на землях *заминдаров*. Это открывало для последних возможность взимать ренту по повышенным ставкам.

Подобная же система была введена указами 1822 и 1833 гг. и в областях Северной Индии, аннексированных Компанией у Ауда и Великого Могола и составивших Северо-Западные провинции. Однако, в отличие от Бенгалии, ставки налогообложения здесь должны были пересматриваться администрацией каждые 30 лет (по системе «временного *заминдари*»).

Введение системы *заминдари* представляло новый этап в развитии отношений феодальной земельной собственности — от государственно-феодальной к частно-феодальной, — при которой установление ставок земельной ренты и ее сбор становились делом агентов частных *феодалов-заминдаров*, а не государственного административно-налогового аппарата. Правда, сохранение на первых порах высоких налогов означало продолжение существования прежних отношений: разделение феодальной ренты на частную ренту и налог. По системе «временного *заминдари*» сохранялась даже возможность периодического вмешательства колониального государства в определение ставок налога, что свидетельствовало о сохранении в этой системе земельных отношений больших пережитков государственного феодализма. Вместе с тем обе эти системы *заминдари* не были только этапом в становлении частновладельческого феодализма, поскольку они служили своего рода инструментом в изъятии

прибавочного продукта из сельского хозяйства в пользу колониальной администрации. Поэтому эти отношения земельной собственности можно определить как колониально-феодальный уклад. В имениях *заминдаров* бывшие тягловые общинники — мелкие феодалы превратились в феодальных субвладельцев-посредников, обычно именовавшихся *джомедарами* в Бенгалии и *заминрайятами* в Мадрасском президентстве. Реге-

177

нерация старой системы распределения ренты-налога между различными категориями землевладельцев — в форме продажи права на получение доли ренты с определенной площади — привела к возникновению в Бенгалии, в особенности в крупных заминдарских имениях, многоступенчатой системы посредников — *патнидаров*.

В части Мадрасского президентства, в основном на территориях, захваченных у Майсура, была введена отличная от Бенгалии земельно-налоговая система — *райятвари*. Первоначально англичане сохраняли прежнее землеустройство, однако большинство *феоялоо-палайяккаров*, занимавших в феодальной иерархии место, аналогичное *заминдарам*, активно выступили против Компании, которая повысила ставки взимавшегося с них земельного налога и ликвидировала их функции в системе гражданской и военной администрации. В ходе подавления восстаний *палайяккаров*, охвативших многие районы юга Индии в начале XIX в., этот слой феодальных землевладельцев был практически ликвидирован. По новой системе земельных отношений, введенной в Мадрасском президентстве в 1818-1823 гг., земельными собственниками и, соответственно, плательщиками земельного налога были признаны тягловые общинники-рабятыа, включавшие как *ми-расдаров*, наследственных полноправных общинников, так и некоторые другие категории держателей общинной земли, уплачивавших ренту-налог непосредственно государству.

Среди *мирасдаров* были и крестьяне — непосредственные производители, и землевладельцы феодального типа, земли которых обрабатывали мелкие арендаторы или внутриобщинные полурабы-полукрепостные. Повышение Компанией ставок земельного налога, неукоснительно собиравшегося ее агентами, привело к разорению немалой части крестьян-райя/иов и переходу впоследствии их земель к *мирасдарам-феодалам*, торговцам и ростовщикам. С начала XIX в. на территориях, захваченных англичанами, началось постепенное расширение земли под полуфеодальной арендой.

В некоторых районах Двуречья, а позднее и в Панджабе была введена модифицированная система *райятвари* — *махалвари*, по которой единицей налогообложения была вся деревня (*махал*), староста которой производил дальнейшую разверстку налога среди членов соседской сельской общины. Превращение значительной части Индии в английскую колонию оказало влияние и на индийское ремесло. В начале XIX в., как и в предшествующие десятилетия, продолжался упадок ремесел, ранее обслуживавших правящую группу господствующего класса Индии. Новый удар по ремесленникам был нанесен в связи с изменением английской торговой политики. В начале XIX в. экспорт из Индии тканей, потерявших европейский рынок в конкуренции с фабричными товарами, практически прекратился. Сначала он был заменен вывозом хлопчатобумажной пряжи, но вскоре наряду с английскими тканями в Индию стала поступать и продукция английских прядильных фабрик. Экспорт английского текстиля стал особенно расти после того, как в 1813г. английская промышленная буржуазия добилась отмены торговой монополии Ост-Индской компании. За период 1814-1835 гг. ввоз английских тканей увеличился более чем в 65 раз, а пряжи в 1818-1836 гг. — более чем в пять тысяч раз! С начала столетия в системе колониальной эксплуатации Индии наряду со старыми методами грабежа типа перво-

178

чального накопления все большее значение стал приобретать метод, присущий эпохе промышленного капитализма, — превращение страны в рынок сбыта товаров метрополии.

Колониальное завоевание внесло изменения и в положение индийского купечества, в течение XVIII в. укрепившего свои позиции и обогатившегося вследствие финансирования военных операций правителей феодальных государств, откупов земельного налога и расширения торговых операций на основе повышения уровня товарности сельского хозяйства и ремесла и складывания общиндийского рынка. Постепенно из его среды выделилась наиболее богатая прослойка, обслуживавшая в качестве младших партнеров английских фирм экспортно-импортные операции, а также выступавшая в роли поставщиков, работавших на гражданскую администрацию и военные формирования Компании. Начался процесс становления индийской торгово-компраторской буржуазии. После того как в 1815г. Компания стала чеканить собственную монету, было ликвидировано влияние *банкиров-шроффов* на государственные финансы. Однако до конца первой трети XIX в. кредитно-вексельные операции находились еще в их руках.

В последнем десятилетии XVIII — первой трети XIX в. были заложены основы системы колониального управления Индии. В 1784г., при очередном пересмотре хартии Ост-Индской компании английским парламентом был учрежден назначавшийся кабинетом министров Контрольный совет, к которому

перешло право решения всех важнейших вопросов управления Индией. Тем самым в интересах широких кругов английской торгово-промышленной буржуазии был усилен правительственный контроль над деятельностью Компании. Однако Совет директоров Компании сохранил право назначения гражданских и военных чинов в колониальный бюрократический аппарат. Основным низовым звеном колониальной администрации стал *коллектор*, английский чиновник, соединивший в своих руках функции гражданской, полицейской и судебной власти на уровне дистрикта (округа). Коллекторы, а также реорганизованные гражданские и уголовные суды (во главе с судьями-англичанами), опиравшиеся в основном на нормы индусского и мусульманского религиозного и обычного права, подчинялись губернаторам (и их Советам) Мадрасско-го и Бомбейского президентств, которые, в свою очередь, были подконтрольны генерал-губернатору, бывшему одновременно губернатором Бенгалии, Совету директоров Компании и Контрольному совету в Лондоне. Привилегированное положение англичан юридически закреплялось их подсудностью не индийским судам, а лишь Высшему суду в Калькутте. Власти президентств обладали достаточно большой степенью самостоятельности, ибо имели право издавать законы и вести прямую переписку с Лондоном. Постепенно в стране создавалась чрезвычайно громоздкая система колониальной бюрократии, основная задача которой заключалась в обеспечении налоговых поступлений в казну, создании благоприятных условий для деятельности английского торгового предпринимательства и поддержании порядка, т.е. подавлении всякого сопротивления новоявленным властителям страны. Эта же задача стояла и перед более чем двухсоттысячной синайской армией, дислоцированной в трех президентствах.

Английское колониальное завоевание нанесло серьезный материальный ущерб практически всем социальным слоям индийского общества. Поэтому уже в пер-

179

вые десятилетия после установления власти Компании началось активное сопротивление англичанам. Первые его очаги возникли в Бенгалии и соседних областях Двуречья, где уже в 1760-е годы вспыхивали выступления крестьян против налогового грабежа, осуществлявшегося Компанией и ее агентами. Наиболее длительным, продолжавшимся в течение двадцатилетия до середины 80-х годов, было антианглийское движение бенгальских крестьян, которым руководила индуистская секта *саньяси*. Одновременно в ряде мест вспыхивали крестьянские восстания, вызванные произволом откупщиков налогов (например, в Рангпуре и Динаджпуре в 1783 г.). В горно-лесных районах Бенгалии, Бихара и Ориссы начались выступления малых народностей (санталов, коли, мунда), которые в феодальной Индии находились в даннических отношениях с местными властями, и администрация Компании пыталась включить их в систему регулярного земельного-налогового обложения. В течение тридцати лет с особым упорством вели борьбу представители народности чаура. К их восстанию в 1788-1789 гг. примкнули массы бенгальского крестьянства в Миднапуре и Бирбхуме.

В крупнейшем выступлении против англичан в Двуречье — восстании 1781 г. в вассальном княжестве Бенарес участвовало как городское, так и сельское население.

В конце XVIII — начале XIX в. наиболее серьезное сопротивление колониальной администрации в Южной Индии оказали лишившиеся своих владельческих прав феодалы, поддержанные крестьянами-общинниками, в Малабарском округе и в княжестве Кург. Во главе восстания, длившегося с 1793 по 1802 г., стоял вождь военно-землевладельческой касты наиров Варма Раджа. Новые, кратковременные восстания вспыхивали в этих же районах в 1805 и 1812 гг. В 1808 г. антианглийские вооруженные выступления в Траванкуре возглавил главный министр этого княжества Велу Тхампи. В этот же период, охватывавший первые два десятилетия XIX в., на обширной территории Мадрасского президентства происходили мятежи местных *феодалов-палайккаров*.

Недовольство массы городского населения, прежде всего разорявшихся ремесленников, проявлялось в «голодных бунтах» (например, в Мадрасе в 1803 г., Бенаресе в 1809-1818 гг.).

Не было полного спокойствия и в синайских частях англо-индийской армии. Время от времени там происходили выступления сипаев, крупнейшие из которых — в гарнизонах Веллора (1806 г.) и Барракупра (1824 г.).

Все антианглийские выступления, несмотря на кратковременные успехи восставших, в конечном счете терпели поражение не только из-за превосходства военной организации колониальных властей, но и потому, что происходили спонтанно, были разрозненны, не имели должной военно-политической подготовки. Их феодальные руководители, стремившиеся восстановить положение, существовавшее до английского завоевания, часто легко шли на компромиссы с колониальной администрацией. Сама политическая и идеологическая направленность антиколониальной борьбы на ее первом, феодальном этапе исторически предопределила ее неудачу.

Сопротивление английскому колониализму сохраняло подобный же характер и на следующем этапе истории британского владычества в Индии.

На первом этапе английской колониальной экспансии духовная жизнь индийцев практически не

испытала какого-либо влияния европейской культуры. В XVIII в.

180

происходило сближение между индусской и мусульманской религиозными общностями. В ряде мест приверженцы обеих религий начали почитать общие для них религиозные святыни. Традиционализм и ортодоксальность продолжали господствовать среди индусов, у которых возникли новые центры санскритской учености, наиболее значительным из которых был центр в Надии. В ряде местностей, в частности в Махараштре и Бенгалии, почитание общего для региона божества, как, например, богини Кали (Дурги) в Бенгалии, способствовало этнической консолидации народностей. В основе этого процесса лежало возникновение в ходе распада Могольской державы государств, объединявших в своих границах более или менее этнически однородное население.

В мусульманской общине наблюдалась большая активность, связанная, в частности, с деятельностью суфийской школы середины XVIII в. Шаха Валиуллы и позднее — с движением «Тарика-и Мухаммадия» Сайида Ахмада Барелви (1786-1831). Его последователи в первые десятилетия XIX в. сумели создать разветвленную сеть секты на обширном пространстве Северной Индии, в особенности в Бихаре. Объявленная Сайидом Ахмадом война с неверными (*джихад*) своим острием была направлена против сикхов. Ему удалось с группой своих последователей в 1823 г. основать на северо-западе страны, в Ситане, военный лагерь, ставший базой в его столкновениях с сикхами, в одной из стычек с которыми он и погиб. Поскольку духовные истоки учения Сайида Ахмада Барелви восходили к возникшему в XVIII в. в Аравии движению *ваххабитов*, этим же термином стали называть членов его секты ортодоксальные мусульмане-индийцы.

В области архитектуры и изобразительного искусства в течение середины — второй половины XVIII в. шли противоречивые процессы. С одной стороны, происходил упадок старых центров мусульманской культуры эпохи Моголов, откуда в столицы возникавших на развалинах империи новых государств шла миграция мастеров миниатюры, скульпторов и архитекторов. С другой — возникали новые школы индийской миниатюры и настенной живописи в Северо-Западной Индии, объединенные общим названием *пахари*, в которых своеобразно соединялись традиции как могольской, так и раджпутской миниатюры.

В новых столицах — Лакхнау в Ауде, Муршидабаде в Бенгалии, Серингапатаме в Майсуре — возводились дворцы и культовые мусульманские сооружения. К этому же времени относится постройка дворцов и храмов в ряде столиц радж-путских княжеств — Джайпуре, Джодхпуре, Удайпуре.

В то же время в центрах колониальной экспансии, в частности в Калькутте, появляются первые ростки образованности европейского типа. В конце XVIII в. в Калькутте, а в начале следующего столетия — в Бомбее были основаны Азиатские общества, первые научные учреждения европейского типа. Русский путешественник и музыкант Герасим Лебедев, живший в Калькутте в 1785-1797 гг., в 1795 г. открыл в ней первый театр европейского типа, в котором были поставлены две пьесы на разговорном бенгальском языке. В начале XIX в. в Калькутте стала выходить газета на бенгальском языке. В Индии начала формироваться прослойка городского населения, проявлявшего интерес к иноземной культуре.

Глава 11

НЕПАЛ В СЕРЕДИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Королевство Непал относительно молодое государство. Официальной датой его создания считается 1769 год. Вплоть до 70-х годов XVIII в. на территории Непала отсутствовали крупные государственные образования. Название «Непал» носила долина Катманду, или Непальская долина, которая стала политическим, экономическим и культурным центром общенепальского государства. Здесь находится столица королевства — г. Катманду.

Специфические природные условия Непала, страны, находящейся в центральных Гималаях, оказали большое влияние на ее историю. Горы занимают 85% его территории. Узкая равнинная полоса, именуемая тераи (перс. «влажное место»), шириной в 20-30 км протянулась по южной границе страны. Сечение рельефа Непала с юга на север имеет ступенчатый вид: тераи (100-200 м над уровнем моря), хребет Сивалик (500-700 м), хребет Махабхарат (до 3000 м), главный Гималайский хребет (средняя высота 6000 м), высота восьми его вершин превосходит 8000 м, среди них — Эверест (Джомолунгма), 8848 м. Цепь долин протянулась с северо-запада на юго-восток параллельно основным хребтам. Самая большая из них — долина Катманду (600 кв. км, 1360 м над

уровнем моря). Реки, текущие с севера на юг, образуют систему речных долин, делящих страну в меридиональном направлении. Сложный рельеф местности ограничивал возможности коммуникаций между долинами в горной зоне, именуемой непальцами *пахар*. Два природных рубежа создавали условия относительной изоляции территории современного Непала. На севере таким рубежом является главный Гималайский хребет, перевалы которого большую часть года закрыты для прохода. Лишь четыре раза в новое время воюющие армии смогли пересечь его: в 1788, 1791 и 1856 гг. — гуркхи-непальцы и в 1791 г. — китайско-тибетская армия. Южный рубеж создавала полоса тераев, до конца XIX в. покрытых заболоченными малярийными джунглями, которую можно было пересечь лишь в зимние месяцы. Исторические источники свидетельствуют только о двух успешных проходах этого рубежа армиями: в 1349 г. войском бенгальского султана Шамсуддина Ильяса во время похода на долину Катманду и в 1814—1816 гг., когда превосходящие силы Ост-Индской компании не без труда пересекли тераи в ходе англонеपालской войны. Два природных рубежа препятствовали движению товаров и людей в меридиональном направлении. Движение переселенцев, военные походы и политические контакты осуществлялись в основном в горном коридоре между этими двумя барьерами. В долинах, расположенных в зоне *пахара*, господствует субтропический климат, плодородные почвы обусловили развитие поливного земледелия, основной культурой был рис. Именно долины стали центрами политических образований.

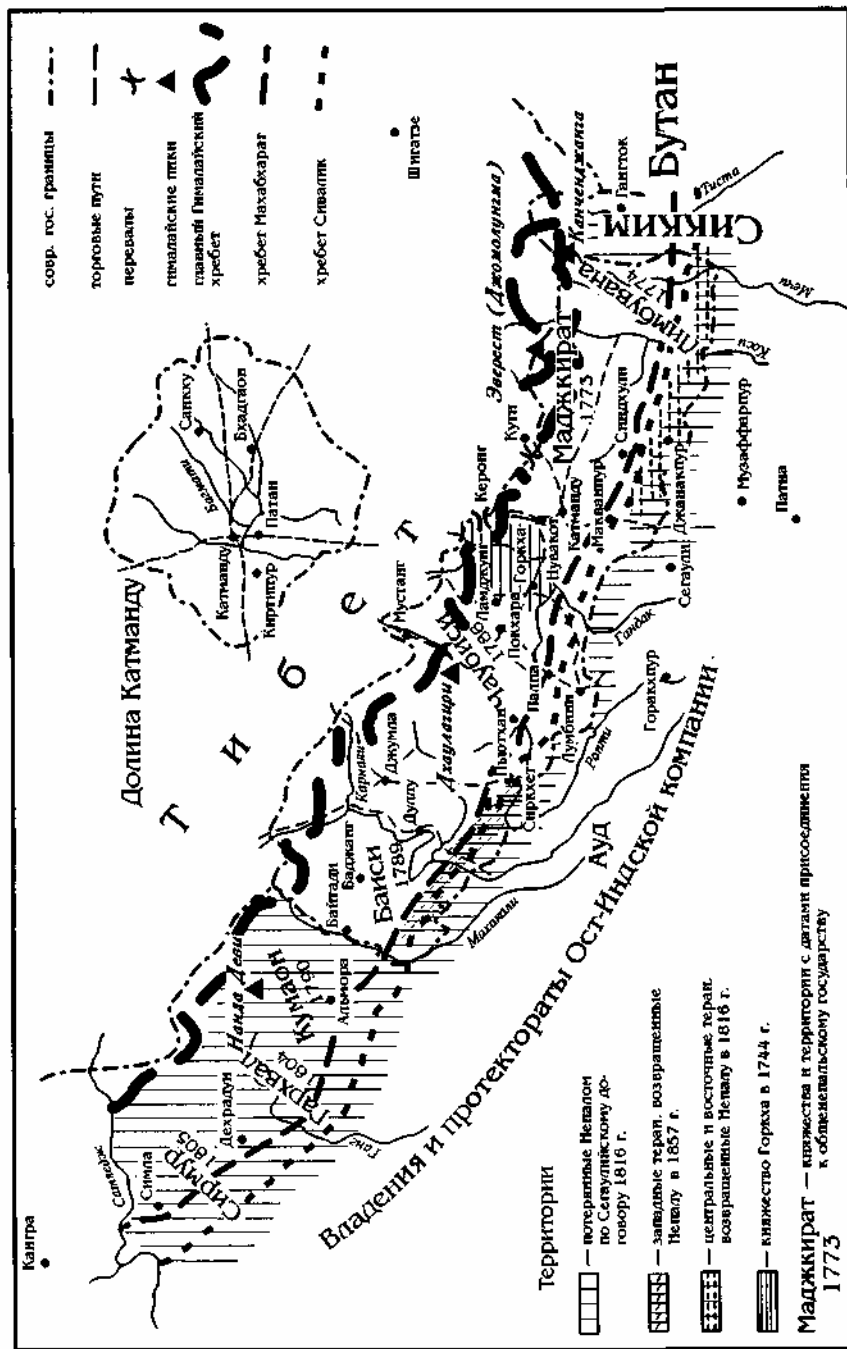
182

На горных склонах преобладало богарное земледелие и скотоводство, здесь выращивали ячмень, кукурузу, пшеницу, просо. В горах выше 4000 м находилась зона высокогорного скотоводства. Сложный рельеф и природно-климатическое разнообразие обусловили сохранение этнической, культурной и языковой пестроты. К XIX в. в Непале в силу природных обстоятельств сложились три района, обладавшие этнической и культурной спецификой. Они были привязаны к бассейнам рек Карнали, Бхери, Ган-дак, Багмати и Коси.

Запад страны (от современной западной границы до водораздела рек Бхери и Кали-Гандак) был заселен кхасами, носителями восточных диалектов *пахари* (группа индоарийских языков Гималаев), именованных *кхас-кура* — «язык кхасов». Под влиянием переселившихся в Гималаи равнинных брахманов и *тха-куров*, а также в результате социального расслоения в их собственной среде кха-сы стали причислять себя к *четри*, т.е. *киатриям*. В XII-XV вв. на территории западного Непала существовало государство «западных Малла» со столицей в Синдже, в непаловедческой литературе это государство иногда именуется «империя Джумла». В период своего расцвета это государство включало Кумаон и часть западного Тибета, а после его распада в западном Непале возникла конфедерация княжеств, именуемая Баиси, дословно «22» — именно столько княжеств входило в ее состав. Самым крупным княжеством была Джумла (22 тыс. домов), которая считалась номинальным сюзереном всех кхасских княжеств западного и центрального Непала. Основу хозяйства кхасов составляло плужное земледелие, основными культурами были зерновые, все большее распространение получал рис. Осваивая новые земли, кхасы постепенно переселялись на восток.

Приблизительно в XV в. кхасы перешли водораздел между бассейнами рек Бхери и Гандак, служивший границей между западным и центральным Непалом. Местное тибето-бирманское население — магары, гурунги, таманги и ряд других племен — занималось в основном мотыжным земледелием (видимо, существовал подсечно-огневой вариант) и скотоводством. Ряд мелких племен занимались охотой, рыболовством и собирательством. Предками носителей тибето-бирманских языков Непала считаются кираты, упоминаемые в древнеиндийской литературе. *Хронки-вамшавали* сохранили сведения о том, как кхасы занимали свободные земли и вытесняли мотыжных земледельцев в высокогорные районы. Часть местных племен переняли у кхасов плужное земледелие и некоторые элементы культуры. В процессе взаимодействия и совместного проживания кхасов и местных племен в среде последних происходил процесс распада прежней общности. В непаловедческой литературе он получил название «социально-культурное расщепление». Наиболее развитая и индуизированная часть этноса обрела новую культурную и этническую самоидентификацию и постепенно, полностью или частично, ассимилировалась этносом-интегратором — кхасами. Вплоть до XX в. этот процесс был одним из самых значимых среди процессов этнического развития на всей территории Непала.

В освоенных кхасами районах в бассейне р. Кали-Гандак и ее многочисленных притоков сложилась конфедерация княжеств Чаубиси — «24 [княжества]», большинство князей которой причисляли себя к *тхакурским* (т.е. *раджпутским*)

династиям Шах и Сен. В XVI-XVIII вв. в княжествах конфедерации протекал объективный процесс индуизации и кастеизации, который стимулировался ин-дуизированной верхушкой княжеств. Самым развитым районом центрального Непала была долина Катманду. Местное население — невары — занималось высокопродуктивным мотыжным земледелием, основными культурами были рис, кукуруза (с XVII в.), ячмень, бобовые, садово-огородные культуры. Крестьяне снимали по два-три урожая в год. Здешнее ремесло достигло высокого (для гималайского региона) уровня развития. В источниках упоминаются землемеры, кожевники, красильщики, маляры, каменотесы, плотники, ювелиры, резчики по дереву и слоновой кости, кузнецы, мастера бронзовых дел, медники, маслоделы, изготовители зонтов, садовники, бродячие певцы и др. Долина Катманду была важным торговым центром. Практически вся сухопутная торговля между Индией и Китаем до начала XX в. велась через Непал. Материальные условия благоприятствовали развитию неварской культуры, которой было присуще яркое своеобразие. Архитекторы и строители из долины Катманду оказали влияние на развитие храмовой архитектуры Тибета, Китая и, возможно, других стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В XVIII в. на территории Долины существовало три княжества: Катманду (Кантипур), Бхадгаон (Бхактапур) и Патан (Лалитпур). По численности населения и уровню экономического развития княжества приблизительно были равны между собой. Власть трех княжеств распространялась на

районы за пределами Долины, в частности на перевалы главного Гималайского хребта. Неварские княжества строились по образцу индуистских монархий. Князья из династии Малла носили титулы *непалмандалешвара*, *парамабхаттарака*, *махараджадхираджа*. Эти титулы, как и титулы дворцовой знати, были заимствованы из Индии. Индуизм верхов общества Долины сосуществовал с буддизмом и глубокими тантрическими традициями основной части населения.

Южнее Непальской долины находилось обширное княжество Макванпур, здесь правили князья из династии Сен, номинально считавшиеся вассалами Моголов. Генеалогически князья Макванпура были связаны с кхасским княжеством Палпа, однако при дворе князя большую роль играли выходцы из Индии. Языком двора был майтхили. В XVII-XVIII вв. это княжество располагало резервом необжитых земель, которые осваивались переселенцами из Чаубиси — брахманами и чхетри.

В восточной части Непала социальная эволюция шла медленнее, чем в других частях страны. Местное население — рай (кираты), лимбу, сунвары, дхималь, тхами — занимались подсечно-огневым мотыжным земледелием. В XVIII в. сюда уже проникли переселенцы с запада — брахманы и чхетри. На территории восточного Непала находились княжества Чауданди и Виджаяпур, входившие в сферу влияния различных индийских государств. Здесь правили представители одной из ветвей макванпурской династии Сен. Большим влиянием при дворе пользовалась племенная верхушка. Обширные районы восточного Непала представляли собой племенные территории.

В середине XVIII в. малочисленное население высокогорного трансгималайского региона (Бхот) находилось вне сферы государственности. Исключение составляло небольшое княжество Мустанг, расположенное в верховьях р. Кали-Гандак.

185

Территория тераев частично принадлежала непальским княжествам, частично — индийским государствам. Коренное население тераев (тхару) занималось подсечно-огневым земледелием и охотой. На небольших, расчищенных от джунглей участках переселенцы из Индии занимались сельским хозяйством, основными культурами были рис и пшеница.

В середине XVIII в. на территории современного Непала феодальные отношения соседствовали с укладами, соответствующими родовому строю. Этот период характеризуется ускорением социального развития народов Непала, которое выразилось в распространении в зоне *пахара* универсального пашенного земледелия, наметилась тенденция к территориальному разделению труда, усилилась миграция населения, заметно активизировались ассимиляционные процессы, всё шире стала распространяться полиэтничная соседская община. Политическим оформлением социальных процессов стало динамичное формирование общенепальского государства.

Наиболее интенсивно социальные и политические процессы протекали в центральном Непале, а именно в княжестве Горкха и в соседних с ним княжествах конфедерации Чаубиси. Княжество Горкха было образовано в 1559 г. сыном правителя княжества Ламджунг. Некоторые хроники сообщают, что молодой принц Драбья Шах вместе с группой сторонников сверг правившего в Горкхе правителя из магарского клана Кхадка. По другой версии, он был приглашен на правление элитой княжества, среди которой наряду с магарами упоминаются брахманы и кхасы-чхетри — выходцы из различных княжеств западного и центрального Непала, а также Кумаона.

Начало возвышения Горкхи связывается с правлением Рам Шаха (1606-1636). Источники приписывают ему проведение ряда реформ. Была создана система высших придворных постов с разграничением их функций: *чоутара*, *каджи*, *сардар*, *кхазанчи*, *карпадары*, *кхаридары* и ряд других. Рам Шах установил ежегодную церемонию *поджони*, в ходе которой происходило перераспределение чиновных и военных должностей. Было создано собственное законодательство — единый судебник, так называемые эдикты Рам Шаха, который базировался на *шастрах*. Однако постулаты *шастр* были переработаны и приспособлены к условиям жизни и традициям полиэтничного населения горного княжества, в котором процессы индуизации и кастеизации только начинались. Определенное влияние на содержание реформ оказали законодательство и система правления Моголов и княжеств долины Катманду. Была произведена унификация мер и весов. Установление максимума процентов по долгам в 10% годовых и другие условия возврата ссуд облегчили положение заемщиков. Были произведены обмер земли и межевание полей. Государство стремилось поддерживать систему водоснабжения и орошения. «Эдикты» предусматривали меры по охране лесов, водоемов и плодородного слоя земли. Проводились мероприятия по активизации торговли и ремесла. С этой целью из Патана в Горкху были приглашены неварские торговцы, установившие торговые связи с Тибетом и долиной Катманду. Ткачи из Патана обучали местных ткачей-магаров. В Горкхе началось строительство княжеского дворца, храмов и фортов. Впервые появились стелы с надписями на санскрите. Из Индии приглашались каменщики и скульпторы.

Рам Шах и его последователи способствовали переселению в Горкху брахманов, чхетри и пухуни — слабо дифференцированной группы, на основе которой

186

сформировались низкие профессиональные касты *пахара*. Скупые сведения хроник свидетельствуют о целенаправленной политике Рам Шаха по индуизации местных племен, которая встретила сопротивление в среде части гурунгов, населявших северные районы княжества, и привела к усилению в их среде влияния ламаизма. Территория Горкхи расширилась за счет владений племен. На севере граница Горкхи стала проходить по южному склону главного Гималайского хребта, на юге — по р. Сети, на западе — по р. Чепе, на востоке — по р. Трису-ли. Площадь ее территории приблизилась к 1 тыс. кв. км. Владения Горкхи стали граничить с владениями княжеств долины Катманду. Во время правления Рам Шаха Горкха предприняла попытку захватить важные перевалы главного Гималайского хребта.

Политический центр центральных Гималаев постепенно переместился из долины Катманду, в которой усиливался внутренний кризис, в Горкху, которая стала проводить активную внешнюю политику. Отражением роста авторитета Горкхи стала поговорка: «За святостью ступай в Каши (Бенарес), за мудростью — в Горкху».

Горкха успешно отбила нападение давнего соперника — Ламджунга, что укрепило ее авторитет. Географическое положение Горкхи между Чаубиси и долиной Катманду способствовало росту ее политической активности, в которой все большее значение стали приобретать военные аспекты. Во второй половине XVII и первой половине XVIII в. Горкха все чаще вмешивалась в междоусобицы князей Малла и вместе с княжествами Чаубиси и долины Катманду участвовала в борьбе претендентов на престол в Макванпуре, через который проходили важные торговые пути в Индию.

Горкха, будучи средним по размеру княжеством (12 тыс. домов), имела большой исторический потенциал, поскольку в ее социальных структурах произошел синтез кхасского и «киратского» тибето-бирманского наследия, который дополнялся культурным влиянием долины Катманду. В социальной структуре и политических институтах Горкхи были заложены элементы, получившие развитие уже в условиях общенепальского государства.

В XVIII в. существование мелких слабых княжеств (их число доходило до 60) сдерживало социальное и культурное развитие народов Непала. Переход к более крупному политическому объединению мог быть осуществлен только военными методами. Реализация этой исторической миссии выпала на долю Горкхи — наиболее динамично развивавшегося княжества Непала.

В 1737 г. князь Горкхи Нарбхупал Шах попытался захватить крепость Нува-кот, западный форпост владений Катманду. Попытка захвата оказалась неудачной. После смерти Нарбхупала престол занял его сын Притхвинараян Шах (1723-1775). Со свойственной ему энергией и целеустремленностью он приступил к расширению границ своего княжества. В 1744г. гуркхи, или горкхи (так стали называть подданных Горкхи), под предводительством Притхвинараяна внезапным штурмом овладели Нувакотом. Попытка раджи Катманду Джаяпра-каша Маллы (1736-1768) отбить крепость окончилась неудачей. В последующие три года был захвачен ряд населенных пунктов к западу, северу и востоку от долины Катманду. Некоторые из них были переданы радже Бхадгаона Ранджиту Малле, которого Притхвинараян стремился привлечь на свою сторону. С кон-

187

ца 40-х годов XVIII в. стала нарастать напряженность в отношениях между Горкхой и ее западными соседями — Ламджунгом, Каски, Танхуном и другими княжествами Чаубиси, встревоженными успехами гуркхов на востоке. Войска нескольких княжеств Чаубиси вторглись в горкхские пределы, но в 1754г. потерпели поражение при Сиранчоке. В результате переговоров Притхвинараян получил передышку на западе и смог продолжить наступление в восточном и юго-восточном направлениях, установив блокаду Долины. В 1757 г. гуркхи попытались захватить город Киртипур, находившийся на западной окраине Долины и входивший во владения Катманду, однако были отбиты. Притхвинараян пошел на перемирие с Джаяпракашем, блокада Долины была ослаблена. В 1762 г. гуркхи захватили Макванпур. Раджа Макванпура Дигбандхан Сен бежал к своему сюзерену *навабу* Бенгалии Мир Касиму и попросил у него помощи. В 1763 г. войска наваба под командованием Гурген-хана вторглись в захваченные гуркха-ми терри, но в результате ночной атаки в предгорьях Гималаев потерпели поражение и поспешно отошли. В качестве трофеев гуркхи подобрали на поле боя около 600 мушкетов и несколько легких пушек. Огнестрельное оружие и порох представляли большую ценность, основным оружием гуркхов были лук, стрелы и большой кривой нож *кхукуру*. Первые оружейные мануфактуры были созданы наследниками Притхвинараяна только в 90-х годах XVIII в.

После победы над *навабом* Притхвинараян вновь усилил блокаду Долины и начал подготовку к

новому штурму Киртипур. В 1764г. Горкха подверглась еще одному нападению коалиции Чаубиси. Отражение нового наступления было связано с большим напряжением сил, в ополчение было мобилизовано все мужское население от 16 до 60 лет. Наиболее боеспособные части были заняты подготовкой к захвату долины Катманду. В 1766 г. после шестимесячной осады пал Киртипур. После его падения положение князей Малла резко осложнилось. Несмотря на серьезную угрозу правители трех княжеств не смогли организовать совместные действия. В результате блокады экономическое положение в Долине продолжало ухудшаться, от чего страдали прежде всего торговцы и ремесленники.

Джаяпракаш Малла через европейских миссионеров установил контакты с Ост-Индской компанией и обратился к ней с просьбой о помощи. Англичане согласились послать 2400 сипаев под командованием капитана Кинлока для помощи князьям Малла. В этот период Компания окончательно закрепила свое господство в нижнем течении Ганга, ее владения вплотную подошли к южной границе современного Непала. Боясь усиления какого-либо княжества, англичане стремились сохранить у своих северных границ конгломерат мелких княжеств. Кроме этого англичане стремились восстановить трансгималайскую торговлю. Однако экспедиция Кинлока потерпела поражение в силу малочисленности отряда и его плохой подготовки.

Поражение Ост-Индской компании дало возможность Притхвинараяну продолжить завоевание Долины. Притхвинараян широко использовал методы подкупа, интриг и запугивания. Кхасы и магары, служившие наемниками у князей Малла, перешли на сторону Притхвинараяна. Оборона княжеств держалась на немногочисленных индийских наемниках — индуистах и мусульманах. Большинство неваров остались индифферентными к ходу военных действий и возможной гибели их государств.

188

В сентябре 1768 г. гуркхи внезапной атакой захватили Катманду, через несколько месяцев был захвачен Патан, в ноябре 1769 г. пала последняя столица Долины — Бхадгаон. 1769 год считается годом создания единого государства Непал, в этом же году столица была перенесена в Катманду.

После завоевания Долины гуркхи приступили к завоеванию Чаубиси, однако тяжелое поражение 1772г. приостановило их продвижение на запад. В 1770г. гуркхи вступили в Маджжират, населенный рай, и в 1773 г. покорили этот район. В том же году гуркхи приступили к покорению Лимбуваны. Лимбу оказали упорное сопротивление, и в 1774 г. Притхвинараян дал указание своим военачальникам в Лимбуване пойти на соглашение с вождями племени при условии сохранения лимбу своих земельных владений.

Притхвинараян умер в 1775 г. К этому времени гуркхи захватили Чауданди и Виджаяпур, а в 1783 г. — район современного Дарджилинга и дошли до р. Тисты в Сиккиме. После небольшого перерыва, вызванного смертью Притхвинараяна, его брат Бахадур Шах — регент (1785-1795) при малолетнем короле Рана Бахадуре (1778-1799) активизировал политику расширения государства и укрепления его структуры. Захватом в 1782 г. княжеств Ламджунг и Танхун началась вторая западная кампания. Княжества Чаубиси были завоеваны к 1786 г., при этом княжество Каски выступило союзником Горкхи. В 1787 г. началось завоевание Бай-си, упорное сопротивление гуркхам оказали княжества Джумла и Доти. Джард-жаркот, Салльян и Мустанг присоединились к Горкхе на правах вассальных княжеств. В 1790 г. гуркхи захватили Кумаон. Однако дальнейшее продвижение на запад было прервано войной Непала с Тибетом и Китаем.

Причиной войны стал отказ Тибета от использования монет непальской чеканки, которая осуществлялась в княжествах Малла и которая была прервана нашествием Притхвинараяна. Начиная войну, Бахадур Шах и его приближенные переоценили возможности армии гуркхов, они не приняли во внимание предостережение, которое Притхвинараян оставил своим наследникам в предсмертном завещании «Дибья Упадеш» («Божественная Заповедь»): «Эта страна (Непал) подобна ямсу между двух камней. Поддерживайте прочный договор о дружбе с императором Китая. Поддерживайте также договор о дружбе с императором южных морей (Ост-Индской компанией). Но он очень умен и хитер. Он уже подмял под себя Хиндустан и занял равнины. Если Хиндустан объединится, ему придется туго...»

В 1788г. непальские войска, проникнув в Тибет, захватили Кути, Джонгга, Керонг, Шигатзе и разорили несколько монастырей. В том же году они вторично вторглись в Сикким и стали угрожать Бутану. Гуркхи стремились захватить торговый путь, идущий из Индии в Тибет через долину Чумби и Сикким. Тибет обратился за помощью к своему сюзерену — Китаю. Сильная китайско-тибетская армия (ее численность оценивается в 20-70 тыс. человек) вторглась в Непал и, несмотря на отчаянное сопротивление гуркхов, стала медленно приближаться к непальской столице. Ост-Индская компания предложила свое посредничество в заключении мира между воюющими сторонами, однако Непал и Китай решили подписать мирный договор без вмешательства Компании. Обращение в Тибете монеты

непальской чеканки запрещалось. Непал соглашался каждые пять лет посылать в Пекин «миссии почтения».

189

После некоторого перерыва возобновилась кампания на западе: в 1804 г. был захвачен Гархвал, в 1806 г. гуркхи достигли р. Сатледж и осадили крепость Кангра. На помощь гималайским княжествам пришли сикхи, после столкновения с которыми гуркхи сняли осаду Кангры. В 1809 г. непальское государство занимало территорию Гималаев от р. Сатледж до р. Тисты протяженностью в 1500 км. Непал, именовавшийся Горкха раджья — «Королевство Горкха», превратился в сильную державу регионального значения. Появление нового государства явилось результатом взаимодействия внешних и внутренних социальных, военно-политических и экономических факторов. К внешним следует отнести общее нарушение баланса сил в Северной Индии во второй половине XVIII в. в результате распада империи Великих Моголов и экспансии Ост-Индской компании. После победы в битве при Плесси (1757 г.) англичане получили возможность захватить тераи, а в перспективе — и некоторые горные районы современного Непала. Это подтолкнуло верхушку Горкхи к активной экспансии. Основным внутренним фактором стало стремление формировавшегося феодального класса гималайских княжеств к закреплению своей власти и приумножению богатств. Захват земель, как сельскохозяйственных угодий (основного источника богатств), так и территории вообще, служил одним из основных стимулов к военно-политической активности. С захватом территории было связано установление контроля над торговыми путями и людскими ресурсами для армии и сельского хозяйства (известны примеры превращения в рабов части населения захваченных земель). Немалую роль играл захват богатств в виде военной добычи.

Однако причины возникновения и (самое важное) устойчивости общенепальского государства лежат глубже, чем побудительные мотивы индивидуумов или групп. Одним из основных объединяющих факторов было преобладание на всей территории страны единого хозяйственно-культурного типа — пашенного земледелия. На большей части современного Непала этот хозяйственно-культурный тип вытеснил мотыжных земледельцев, охотников и собирателей. Пашенному земледелию соответствовала соседская полиэтническая община, в которой зарождалась система обмена ритуальными и производственными услугами — прообраз кастового устройства. К началу XIX в. соседская община пришла на смену этнозамкнутой родовой общине в западном, центральном и в части восточного Непала.

В новом государстве сложились однотипные аграрные отношения.

В соответствии с индуистской концепцией в гималайских княжествах существовала верховная государственная собственность на землю, олицетворением государства считался *раджа*. Реальными хозяевами земли являлись феодалы. В первые десятилетия существования общенепальского государства в стране преобладало служебное условное землевладение — *джагир*, на ежегодной церемонии *поджони джагиры* подтверждались или перераспределялись. Наиболее привилегированной категорией владения являлось *бирта*, оно считалось пожизненным или наследственным безусловным владением. Однако в условиях непрерывных войн владельцы *бирта* (в основном брахманы), не связанные прямо с государственной службой, несли перед государством определенные обязанности; в первую очередь они должны были демонстрировать свою преданность трону. В своих владениях *джагирдары* и *биртавалы* обладали административными,

190

судебными и фискальными правами. Земельные пожалования выделялись из фонда государственных земель *рашкар*, пополнявшегося за счет захваченных территорий. Земли религиозных общин *гутхи*, сосредоточенные в основном в долине Катманду, составляли небольшую часть общего земельного фонда, однако играли важную социальную и культурную функцию. *Кипат* являлся земельным владением родовой общины, в период создания единого государства эта система сохранялась у мотыжных земледельцев восточного и отчасти центрального Непала. Являясь неотчуждаемым родовым владением коренного населения *пахара*, *кипат* противостоял другим формам землевладения и являлся компромиссом между традиционным правом этнической общности и верховным правом государя. По мере интеграции автохтонных этносов в общенепальскую структуру *кипат* терял свое значение. В каждом виде землевладения существовали временные и локальные подвиды.

Существовали две системы изъятия земельного налога и податей: *аманат* и *иджара*. По системе *аманат* налоги и подати взимались непосредственно чиновниками фиска. По системе *иджара* откупщики (*иджарадары*) получали право сбора всех или некоторых налогов и податей на определенной территории. Право на *иджара* получали придворные сановники или богатые купцы из неварской касты *шрестха*. Все вышеперечисленные виды землевладения и налогообложения в той или иной пропорции были известны на всей территории Непала еще до образования общенепальского государства. Все население, не обязанное нести военную службу, исполняло трудовую повинность *джхара*, что также было известно в различных непальских княжествах еще до создания общенепаль-

ского государства. Повсеместной ставкой арендной платы с непосредственных земледельцев являлась половина урожая.

Система аграрных отношений западнее р. Махакали несколько отличалась от непальской, что в какой-то мере определило последующее отпадение западных областей.

Важным фактором создания и сохранения единого государства стало расселение кхасоязычных брахманов и чхетри по всей территории современного Непала. К концу XVIII в. эту группу все чаще стали именовать *парбатии* (*парбате* — горцы). Они выступали как этнос-интегратор, т.е. как носители более зрелых по сравнению с другими этносами (исключая неваров) общественных отношений. Язык парбате стал языком межэтнического общения в центральных, а позже в восточных и отчасти в западных Гималаях. *Парбатии* доминировали в полиэтнической соседской общине.

Укреплению единства страны способствовал индуизм, размывавший границы племенных верований. В архаичных условиях Непала его основные проявления сводились к неубиению коров и почитанию брахманов, а также к сохранению верности королю — земному воплощению Вишну.

Созданное Притхвинараяном и его последователями государство стало не логическим завершением процесса централизации, а лишь явилось его предпосылкой. Государственные институты стимулировали и подталкивали интеграционный процесс и предохраняли формирующуюся систему от распада.

Король (*махараджадхираджа*) осуществлял исполнительную и законодательную власть. Важную роль в государственных делах играли представители знат-

191

ных брахманских, тхакурских и чхетрийских кланов — *тхаргхары*. Однако они не были отделены от остальных *парбатиюв* сословно-кастовым барьером, представители тхаргхарского рода на периферии могли оставаться простыми крестьянами. *Тхаргхары* вместе с верхушкой тибето-бирманских племен и придворными брахманами входили в Совет *бхарадаров* («несущих тяжесть») — совещательный орган при правителе.

Начало XIX в. характеризовалось замедлением экспансии, что приводило к сокращению государственного земельного фонда. В непальской элите началась борьба двух тенденций. Первая выражалась в стремлении феодалов превратить свои земельные владения в безусловную частную собственность. Вторая — в усилении государственной собственности и огосударствлении владений *бирта*, *гутхи* и *кипат*. Противоречие тенденций выразилось в борьбе за власть двух знатных родов — Панде и Тхапа. Поддерживаемый *биртавалами мукхтияр* (главный министр) Дамодар Панде стремился заручиться поддержкой англичан, которые не были заинтересованы в централизации непальского государства. В результате заговора, которым руководили Бхимсен Тхапа и Рана Бахадур Шах — регент при малолетнем короле Гирване, — Дамодар Панде был убит вместе с сыновьями и сторонниками. Позже *биртавалы*, недовольные конфискацией своих владений, организовали убийство Рана Бахадура Шаха, которого *брахманы-биртавалы* именовали «безбожный раджа». Участники убийства были казнены, брахманы, выразившие недовольство, подверглись репрессиям. Бхимсен Тхапа стал *мукхтиром* (1806-1837), на высшие посты в армии и государственном аппарате были назначены представители семейства Тхапа.

Бхимсен стремился продолжить экспансию в западных Гималаях, что противоречило планам англичан. Компания рассматривала Непал в качестве потенциальной угрозы своим владениям. Непальское правительство мешало установлению торговых отношений между Индией и Тибетом, индийские торговцы не допускались в Непал. На границе в плодородных тераях существовали спорные участки. Все попытки англичан включить Непал в сферу своего влияния путем заключения договоров оканчивались неудачами. Они понимали неизбежность решения противоречий с Непалом силой оружия. Однако наполеоновские войны в Европе отсрочили начало англо-непальской войны. Разгром Наполеона и относительное спокойствие в Индии позволили Ост-Индской компании начать активные действия.

В ноябре 1814 г., воспользовавшись пограничным инцидентом в Ауде, англичане объявили войну Непалу. Армия Компании, численность которой оценивается в пределах 20-37 тыс. человек (вспомогательные отряды составляли 50-60 тыс.), вторглась в непальские владения. Непал располагал 11—12-тысячной армией. Гуркхи значительно уступали англичанам в вооружении и организации. При дворе отсутствовало единство взглядов на цели и методы ведения войны. Коммуникации были сильно растянуты. Непальские военачальники не смогли наладить координацию действий. Население Сирмура, Кумаона и Гархвала, подвергавшееся насилию и грабежу со стороны гуркхов, относилось к ним как к захватчикам и содействовало продвижению англичан. Сиккимцы начали нападать на непальские гарнизоны. Не оправдались надежды Бхимсена Тхапы на помощь Китая, Тибета, Бирмы, сикхов и индийских княжеств. Непальцы мужественно и умело сопротивлялись, однако потерпели поражение.

192

В начале 1816г. английские войска под командованием генерал-майора Октерлони подошли к Макванпуру, создав реальную угрозу столице Катманду. В этих условиях непальская сторона пошла на признание условий договора, подписанного в индийской деревне Сегаули в конце 1815 г. По условиям Сегаулийского договора Непал терял Кумаон, Гархвал, Сирмур, западный Сикким, почти все тераи (потеря тераев частично компенсировалась ежегодной выплатой Непалу 200 тыс. рупий). Кроме этого Непал соглашался на допуск в Катманду английского резидента. Внешняя политика страны ставилась под контроль Ост-Индской компании. Однако англичане не решились навязать Непалу субсидиарный договор по примеру многих индийских княжеств. По достоинству оценив боевые качества гуркхов и учитывая трудности ведения кампании в Гималаях, они опасались возобновления военных действий. Кроме этого учитывалась негативная реакция Китая, который считал, что после войны 1788-1792 гг. Непал находится в сфере китайского влияния.

Глава 12

ЦЕЙЛОН В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ АНГЛО-ГОЛЛАНДСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА И НАЧАЛА БРИТАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Остров Цейлон, занимавший важное стратегическое положение в Индийском океане, расположенный на пересечении торговых путей, ведущих из стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в Переднюю Азию, и обладавший богатыми природными ресурсами, стал одной из первых стран Азии, попавшей в колониальное подчинение. Колониальный период в истории Цейлона (ныне — Шри-Ланка) подразделяется на два принципиально различных этапа: 1) 1505-1815 гг. — период столкновения ланкийского общества с европейскими державами (Португалией— 1505-1658 гг.; Голландией—1658-1796 гг.; Великобританией— 1796-1815 гг.), последовательно сменявшими друг друга у власти в колонизированных районах прибрежной зоны севера, юго-запада и юга; период существования независимого Кандийского государства в центральных горных районах острова; 2) 1815-1948 гг. — период колониального правления Великобритании на всей территории острова, включая Канди.

Политическая раздробленность и экономическая слабость Цейлона облегчали проникновение европейских колониальных держав, первой из которых была Португалия. На рубеже XVI-XVII вв. в соперничество с Португалией за господство в ряде районов Южной и Юго-Восточной Азии вступила Голландия. Захват прибрежных районов Цейлона европейскими державами отразился на судьбе Кандийского государства, обусловив его вынужденную обособленность от внешнего мира, способствуя консервации традиционных форм общественной организации и идеологии, сохраняя застойность и архаичность экономики, концентрируя усилия на пресечении попыток его захвата сначала португальцами, голландцами, а впоследствии и англичанами.

Португальцы, а затем и голландцы не стали разрушать существовавшую в государствах юго-запада и севера в доколониальный период систему управления. Социально-экономическая политика, проводимая ими на Цейлоне, не внесла качественных изменений в производственные отношения и социальную структуру общества. Земельная политика колониальных администраций не имела следствием преобразование форм землевладения, традиционно бытовавших на острове, а предполагала лишь перераспределение земельного фонда страны и строгую юридическую фиксацию владельческих прав на землю. Широкое использование традиционной системы принудительных отработок (*раджакариш*) и расширение сферы ее применения европейскими властями способствовали не только консервации кастовой иерархичности как таковой, но и служили стимулом для ее дальнейшего внутреннего развития. Превращение Цейлона в важный источник финансовых поступлений в королевскую казну Португалии, а впоследствии в фонды

194
Нидерландской Ост-Индской компании было достигнуто не за счет изменения организационных форм хозяйствования, а на основе внеэкономических методов принуждения. Следует иметь в виду, что португальцы и наследовавшие им голландцы владели лишь узкой прибрежной полосой и их деятельность имела локализованный характер, в то время как Кандийское государство территориально занимало значительно большую часть острова.

Вместе с тем установление колониального господства на завоеванных землях имело серьезные последствия для дальнейшего политического, социально-экономического и культурного развития Цейлона. Португальское и голландское пребывание в прибрежных районах, несомненно, способствовало оживлению торговли и товаризации их экономики. В результате политики

христианизации была создана многочисленная община католиков (при португальцах) и протестантов-кальвинистов (при голландцах), что оказало существенное воздействие на идеологическую ситуацию и привело к выделению из традиционной верхушки цейлонского общества христианизированной чиновничьей прослойки. Поощрение браков с представительницами местного населения привело к возникновению группы лиц смешанного происхождения, получивших наименование бургеров. Социальная политика европейских держав обусловила глубокие сдвиги в традиционном сознании населения, проживавшего в районах деятельности колониальной администрации, привела к ломке традиционной системы ценностей и представлений о мире, принятию иных морально-этических и поведенческих норм. В результате колониальной экспансии Цейлон оказался разделенным на две части: подвластные европейским державам прибрежные районы юго-запада и севера, центральные и северо-восточные районы, входившие в состав независимого Кан-дийского государства. Развитие этих исторически сложившихся областей пошло различными путями и неодинаковыми темпами: экономические связи двух частей оказались подорванными, а хозяйственные инфраструктуры существенно отличались друг от друга. Нарушение контактов между центральными и прибрежными районами послужило отправной точкой для формирования двух этнических общностей среди сингальского населения — равнинных и кандийских сингалов.

Во второй половине XVIII в. усилившееся соперничество между голландцами и англичанами за колониальное и торговое преобладание привело к тому, что в результате военных действий, происходивших с небольшими перерывами с 1780 по 1796 г. между голландскими, французскими и английскими войсками при участии Кандийского государства, заключившего военный союз с Великобританией, Нидерландская Ост-Индская компания вынуждена была оставить свои владения. С 1796 по 1798 г. захваченная англичанами территория находилась в составе Мадраасского президентства Индии, и управление островом осуществлялось представителями английского военного командования и директорами Английской Ост-Индской компании. Непомерные налоги и открытый грабёж местного населения служащими Компании явились причиной крестьянского восстания, охватившего в 1797 г. прибрежные районы юго-запада и севера и подавленного лишь год спустя англосипайскими частями.

В 1798 г. были произведены изменения в системе управления подвластных англичанам территорий. Во главе гражданской и военной администрации остро-

ва был поставлен губернатор, ответственный перед департаментом по делам колоний в метрополии. Контроль же над сбором налогов и торговые монополии оставались в руках чиновников Ост-Индской компании. Система двойственного управления просуществовала вплоть до 1800 г., когда Цейлон был полностью выведен из состава Мадраасского президентства и превращен в отдельную британскую королевскую колонию. Английское колониальное господство над прибрежными районами Цейлона было закреплено Амьенским мирным договором 1802 г. между Англией и Францией.

В первое десятилетие XIX в. на Цейлоне был создан исполнительный совет при генерал-губернаторе с совещательными функциями, ряд департаментов, важнейшими из которых стали департаменты налогообложения и торговли, земельной службы и общественных работ, образована Цейлонская гражданская служба (Ceylon Civil Service). В начальный период пребывания на острове англичане формировали политику, исходя из опыта своих предшественников — голландцев, многие из которых остались на Цейлоне и поступили на службу в Английскую Ост-Индскую компанию. В эти годы ломка традиционной структуры общества не была предпринята, а напротив, были закреплены и узаконены кастовые перегородки. Так, первый английский губернатор Ф. Норт назначил чиновников британской администрации официальными главами сингальских каст, объявив себя при этом главой касты *салагама*, сборщиков корицы. Подобное решение было продиктовано как экономическими причинами (сохранявшееся значение корицы для британской экспортной торговли), так и политическими (создать противовес кандийской знати, представленной высшей кастой сингальского общества — *гоигама*). Несмотря на тяготы, выпавшие на долю населения прибрежных районов, колониальное подчинение не привело к упадку традиционной культуры и религии. Обладавшая, как и всякая традиционная восточная культура, значительной устойчивостью, многовековая культурная традиция Цейлона, основанная на буддизме, продолжила свое существование, перенеся центр своего развития в Канди, где сохранялись и поддерживались традиции буддийской литературы, архитектуры, живописи. Буддийская сангха Канди становится законодателем и носителем традиции *тхеравады*.

Кандийское государство XVIII — начала XIX в. воплощает идею «буддийской государственности». Это период оформления сложнейшего, отточенного до мельчайших деталей государственного буддийского ритуала и государственных буддийских церемоний. Религиозный культ становится пышным, ярким и красочным, впитывает в себя традиции так называемого народного буддизма, развитие которого привело к различию понятий буддизма *тхеравады* и ланкийского буддизма. «Обмирщение» буддизма и синтез буддийских и индуистских верований достигают наивысшей точки.

Созданная в 1753 г. Сиамская секта (Сиам-никая) становится верховной буддийской властью на острове: она объединяет первоначально как кандийских, так и прибрежных монахов. Однако к 70-м годам XVIII в. доступ в нее для представителей среднестатусных кастовых групп (прежде всего *салагама*, *карава* и *ду-рава*), проживающих преимущественно в прибрежных районах, оказывается закрытым — кандийское духовенство оставляет право вступления в Сиам-никаю

196

только за представителями высшей касты сингальского общества — гоигама. В новой исторической ситуации, при складывании иного — колониального — типа общества в прибрежных районах, а также усилении экспансии Великобритании в центральных районах, верхушка Сиамской секты боялась соперничества со стороны представителей буддийских общин прибрежных районов. Большинство среди них составляли выходцы из каст среднего и низкого статуса, которые активно включились в торгово-предпринимательскую деятельность и начали проникать с конца XVIII в. в Кандинский район — оплот земельной аристократии гоигама. Это грозило Сиам-никае утратой доныне никем не оспариваемого главенствующего положения в социально-кастовой иерархии цейлонского общества. Представители землевладельческой верхушки гоигама, широко пользовавшиеся доходами от храмовых земель и имущества, стремились сохранить и юридически закрепить свое исключительное право на них. Салагама, карава и дурава, с одной стороны, вовлекались — в силу географической локализации этих общностей в колонизированных районах юго-запада — в систему иных общественных отношений. С другой стороны, они оставались составной частью традиционного общества. Это двойственное положение вело к стремлению обрести независимость от гоигама, подорвать сковывающие их деятельность кастовые устои и вместе с тем занять более достойное место в кастовой структуре традиционного общества. Возникшее на рубеже XVIII-XIX вв. движение антикастового социального протеста привело к образованию новых, оппозиционных Сиам-никае буддийских сект в прибрежных районах.

Появление новых монашеских объединений было непосредственно связано с влиянием, которое оказывало английское господство на социально-экономическую жизнь страны. Колониальные власти не только способствовали возникновению богатой прослойки сингалов в прибрежных районах, но и искусственно подогревали противоречия между ними и буддистами Канди для того, чтобы подорвать позиции буддийской религии и *сангхи* на острове. Падение политического престижа Канди привело к резкому ослаблению авторитета кандийской *сангхи*, лишившейся традиционного покровительства правителей Канди. Последовательная политика экспроприации земельной и храмовой собственности кандийской *сангхи* английскими властями лишила ее основного источника дохода, привела к понижению социального статуса кандийских монахов, к оскудению монастырей, их постепенной автономизации и в конечном счете к тому, что Мальватте и Асгирия, два крупнейших монастыря Сиам-никаи, не могли уже осуществлять контроль над подотчетными им монастырями и храмами на всей территории Цейлона.

Для поднятия своего религиозного статуса монахи салагама, карава и дурава организовали серию миссий в Бирму и получили там высшее посвящение. В 1802 г. была образована федерация монашеских общин этих каст прибрежных районов, независимая от Сиамской секты, под общим названием Амарapura. Перед основателями Амарapura стояли проблемы, продиктованные как стремлением к реставрации первоначальной концептуальной основы теории и практики буддизма, так и необходимостью приспособить *сангху* к новым условиям — к структуре колониального общества. Догматические вопросы, сводясь в конечном счете к проблеме интерпретации тех или иных установлений буддийского канона в но-

197

вых условиях, объективно приобретали социальное звучание. Так, неприятие Амарapura авторитета и права светской власти вносить новшества в отправление культа можно рассматривать как протест против вмешательства колониальных властей в дела *сангхи*. Требование возвратиться к первоначальному учению, основанному на равенстве членов монашеской общины независимо от социально-кастовой принадлежности, выражало протест не только против консервативности Сиам-никаи, но и против колониально-административного устройства Цейлона. Устранение сложной иерархии буддийского пантеона было отражением стремления к устранению как сложной иерархической структуры традиционного общества, так и элитарного принципа построения колониальных институтов власти.

Пересмотр роли и функций храмов, изображений богов и самих отправителей культа свидетельствовал об открытой борьбе Амарapura с практикой идолопоклонства и жертвоприношений Сиамской секты, верхушка которой обогащалась за счет дарений, а не

использовала их на благо всех членов буддийской общины. Амарapura выступала за практику совместного чтения «Винаи» монахами и мирянами, запрещенную каноном. В этом сказывалась настоятельная необходимость обмирщения как самой религии, так и монашества, интересы которого все теснее смыкались с интересами различных социальных групп буддистов-мирян прибрежных районов.

Деятельность основателей Амарapura носила многоплановый и противоречивый характер. В ней сочетались социальный антикастовый протест и стремление поднять свой статус в рамках кастовой иерархии традиционного общества; антиколониальный протест и желание приспособиться к условиям колониальной действительности; попытка создать очищенную религию рафинированной буддийской интеллектуальной элиты и стремление сохранить связь с народными буддийскими верованиями.

Однако, несмотря на активность Амарapura, Сиам-никая сохраняла свои позиции как по численности монашеской общины, так и по числу приверженцев-мирян. Традиционализм Сиамской секты соответствовал и уровню социально-экономического развития основной части территории острова, и уровню общественного сознания большинства населения. Последователями Амарapura становились в основном выходцы из урбанизированной полосы юго-западного побережья, большая же часть Цейлона представляла собой сельскохозяйственные районы с преобладанием аграрного населения. Кроме того, каста гоигاما была более многочисленной, чем салагاما, карави и дурава вместе взятые. Сиам-никая и в настоящее время остается наиболее многочисленной сектой и располагает наибольшим количеством храмов и монастырей.

Сиам-никая продолжала отстаивать свое монопольное право хранителя буддийских ценностей и усматривала в деятельности Амарapura открытую угрозу своему непрерываемому авторитету и статусу. Негативное отношение к новшествам в религиозной сфере, которые рассматривались как нарушение заведенного от века порядка вещей, у представителей Сиам-никаи проистекало из осознания особой роли Ланки для всего региона распространения буддизма *тхеравады*. Ланка, призванная быть «хранительницей учения», «остров *дхаммы*», где был записан буддийский канон «Типитака», должна была, по определению, противо-

стоять новациям, которые рассматривались как «искажения». Понятие развития буддийского учения у монахов Сиам-никаи и Амарapura было различным: в то время как в XIX в. в прибрежных районах появлялись работы, модернизирующие буддийский канон, монашество Канди сконцентрирует свои усилия на обобщении и комментировании сочинений предшественников, на толковании древних трудов, на приумножении хроникальной традиции, продолжающей свое развитие по канонам, принятым еще в раннем средневековье.

Религиозная политика колониальных властей поставила в неравное положение храмы и монастыри различных областей острова и высвободила буддийскую *сангху* из-под централизованного контроля со стороны светской администрации. Она способствовала развитию дифференциации в среде буддийского духовенства, обусловила дробление существовавших и возникновение новых никай. Распространение христианства и появление христианизированной прослойки цейлонцев привели к созданию еще более сложной религиозной ситуации. Разрушение традиционной для Цейлона связи между *сангхой* и государственной властью и политика экспроприации храмовой земельной собственности, лишения буддистов многих привилегий сделали *сангху* оппозиционной британским колонизаторам, вели к активному включению ее радикальных членов в общественно-политическую деятельность.

Английские власти стремились создать образованную христианизированную прослойку среди местного населения, которая служила бы проводником британской политики. Активную пропаганду христианства на острове вели кроме англиканцев баптисты, методисты, а также католики, запрет на деятельность которых, введенный голландцами, был снят в 1806 г. В начальный период пребывания на острове англичане формировали религиозную политику, основываясь на методах и средствах христианизации, применявшихся до них португальцами и голландцами. Они широко использовали уже существовавшие в прибрежных районах миссионерские школы и издательства, которые публиковали христианскую литературу. Военные, политические и идеологические усилия англичан были направлены на завоевание Кандийского государства, упорно сопротивлявшегося британской агрессии. В результате сложных интриг и подкупа англичанам удалось добиться поддержки со стороны части кандийской знати, недовольной действиями правителя Шри Викрама Раджасинхи, который, пытаясь укрепить вооруженные силы Кандийского государства для защиты от англичан, ограничил привилегии

местной верхушки, ввел новые налоги, посягнул на собственность буддийского духовенства. Это оттолкнуло от него многих прежних приверженцев и привело их к открытому союзу с англичанами.

В 1815 г. Кандийское государство, сохранявшее независимость на протяжении трех веков, было оккупировано британскими войсками и включено в состав королевской колонии Цейлон. Бывший правитель Канди был низложен и выслан в Мадрас, а территория бывшего Кандийского государства составила отдельную административную область, переданную в ведение английского резидента, подотчетного губернатору прибрежных районов.

Если политика англичан в прибрежных районах не претерпела сколь-нибудь существенных изменений и являлась логическим продолжением тактики, отра-

199
ботанной португальцами и голландцами, то политика в отношении только что завоеванного Кандийского государства представляла собой принципиально новый этап в развитии британской колониальной системы на острове. Английские колониальные власти, встретившие противодействие со стороны кандийской знати и буддийской *сангхи*, пользовавшейся огромным влиянием среди местного населения, понимали, что их господство в центральных районах (во всяком случае, вначале) во многом зависит от того, сохранят ли они союз с той частью аристократии и духовенства, которая поддержала их в борьбе с последним кандийским правителем. Английская администрация для сохранения союза с представителями кандийской буддийской знати, поддерживавшими ее, а также для налаживания контактов с оппозиционно настроенными бывшими сторонниками Раджасинхи предприняла шаги по привлечению *мудалиаров* в государственно-колониальный аппарат; путем отказа от системы награждения землей за службу и введения жалованья англичане хотели поставить их в зависимость от администрации. Поддержка местной религии была выгодна колониальным властям. Заверения в лояльном отношении к буддизму помогали им политически и экономически укрепиться в кандийском районе, создать пробританскую прослойку среди местной аристократии и духовенства, прочно привязать кандийский район к центральному аппарату власти. Когда же англичане почувствовали себя уверенно на земле бывшего Кандийского государства, они стали отходить от прежней политики. Одновременно, с целью ослабления влияния кандийской *сангхи*, власти делали все возможное, чтобы противопоставить буддийское духовенство прибрежных и центрального районов, используя существующие между ними разногласия.

Глава 13

БИРМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Бирма в XVIII — начале XIX в. была наиболее значительным государством Юго-Восточной Азии. Занимавшая западную часть Индокитайского полуострова, она граничила с Китаем на севере и северо-востоке, Сиамом на востоке, на западе — с колониальными владениями Великобритании в Индии (Бенгалией). Юг и юго-запад страны омывались Андаманским морем и Бенгальским заливом. Наиболее крупными народами Бирмы являлись бирманцы (мьянма, мранма), населявшие центральные районы страны по верхнему и среднему течению Иравади — главной речной артерии, и моны, занимавшие дельту Иравади, южное морское побережье и Тенассерим. Бирманцы и моны на протяжении столетий вели борьбу за гегемонию над всей Бирмой, вовлекая в это соперничество и другие народы, прежде всего араканцев (родственников бирманцам), живших на юго-западе страны, в Аракане, примыкавшем к Бенгалии, и шанов, населявших Шан-ское нагорье на востоке и северо-востоке Бирмы. По горным окраинам страны жили народы, стоявшие на более низкой ступени развития: чины — в Чинских горах на западе, качины (чинпо) — в горных районах, окаймлявших бирманскую равнину с северо-запада, карены (близкие монам) — на востоке по границе с Сиамом и другие (палауны, ва, каду, лису, лахо).

Тенденция создания имперской политической модели — объединения всей территории под эгидой бирманского этноса, — успешно развивавшаяся при династии Таунгу (1531-1752), продолжилась и при новой династии Конбаунов во второй половине XVIII — XIX в. Способствовал процессу консолидации и централизации бирманского государства в этот период внешний фактор — колониальная экспансия европейских держав, устремившихся в Индию, Юго-Восточную Азию и Китай. Бирма в силу своего географического положения испытывала давление преимущественно со стороны Великобритании, создававшей свою колониальную империю в Индии, и Франции, активно действовавшей в Сиаме, Камбодже и Вьетнаме.

ДИНАСТИЯ КОНБАУНОВ В БОРЬБЕ ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ

В начале 40-х годов XVIII в. бирманское государство династии Таунгу с центром в городе Ава (Инва)

вступило в полосу упадка. Сепаратизм наместников и вассалов, этническая рознь и вторжения соседей поставили государство перед катастрофой. Наместники поднимали мятежи в центре и на юге страны; воинственные всадники из индийского княжества Манипур совершали непрерывные набеги на ослабевшую Бирму, опустошая страну и уводя в плен население дере-

201

вень, расположенных на правом берегу Иравади; восставали шаны, некогда поселенные в окрестностях столицы. Но самый сильный удар нанесли извечные соперники бирманцев — моны. Монское население дельты Иравади восстало под руководством своей знати, которая провозгласила независимость монского государства Пегу во главе с правителем Смиттхо Буддакети (1740-1747). Традиционная бирмано-монская борьба за гегемонию осложнилась вмешательством европейцев — англичан и французов, создавших свои фактории на южном побережье Бирмы.

В течение ряда лет династии Таунгу удавалось противостоять врагам, но в 1752 г. наступила развязка. В 1747 г. монская знать отстранила от власти Смиттхо Буддакети и возвела на трон Бинья Далу (1747-1753), который провозгласил главной целью своего правления объединение всей Бирмы под своей властью. Соединенные силы монов и шанов, возглавляемые монским полководцем Тала-баном, сумели сломить сопротивление бирманцев и в 1752 г. захватили их столицу Аву. Последний правитель Бирмы, Махадхаммаяза Дипати, был увезен в Пегу. Верхний эшелон бирманской элиты подчинился монскому правителю. Бинья Дала посчитал свою миссию выполненной и увел войска на юг, в Пегу, оставив в Аве Талабана со сравнительно небольшим гарнизоном. Династия Таунгу окончательно прекратила свое существование. Тогда казалось, что вместе с ней закончилась и власть бирманцев в Бирме.

Однако ситуация в стране вскоре изменилась: бирманский народ поднялся на борьбу с монской властью. Ее возглавили мелкие и средние феодалы — *мьо-туджи*, которые выдвинули на политическую арену энергичного вождя, сплотившего вокруг себя национальные силы в этот критический для Бирмы момент. Знамя освободительного движения поднял Маун Аун Зея, *мьотуджи* округа Моксобо. Он собрал население подвластных ему 46 деревень в построенное в Моксобо укрепление, сжег окрестные поселения, засыпал колодцы и ручьи, вырубил деревья и уничтожил все посадки в радиусе десяти километров, превратив окрестности Моксобо в пустыню, где вражеская армия не могла найти приюта и пропитания. Аун Зея отбил атаки монов на Моксобо, после чего к нему стали стекаться крестьяне, ремесленники, солдаты и бывшие чиновники со всей страны. Вскоре, в 1753 г., Аун Зея провозгласил себя правителем Бирмы и принял тронное имя Алаунпая, а Моксобо, переименованный в Шуэбо («Город золотого вождя»), сделал новой столицей. Затем Алаунпая нанес поражение Талабану под Шуэбо и разгромил шанов, лишив Пегу союзника в центральной Бирме. В конце 1753 г. Алаунпая осадил Аву. Монский гарнизон, опасаясь восстания бирманцев в городе, ночью покинул Аву и ушел вниз по Иравади. В 1754 г. Алаунпая двинулся на юг, предварительно поставив под свой контроль шанские районы (к северу от Авы) и пополнив войска шанскими отрядами. Преследуя монов, в январе 1755 г. он разбил их армию под городом Пром (Пьи), занял Таунгу, Хензаду и другие города, а в феврале, после победы под Мьянауном, полностью освободил территорию, населенную бирманцами.

Военные действия в монских районах начались и закончились в том же, 1755 г. изгнанием монов из Дагона (в дельте Иравади), где находилась почитаемая во всей Бирме пагода Шуэдагон. Алаунпая переименовал Дагон в Янгоун (Рангун) — «конец войне».

202

Однако на юге Пегу и Сириам еще оставались в руках монов, которые прибегли к помощи французов и англичан, получая от них оружие, преимущественно пушки. Алаунпая для захвата главных монских крепостей также нуждался в огнестрельном оружии европейского производства и до поры до времени закрывал глаза на лицемерную политику англичан, которые, обещая свою помощь Бирме, одновременно снабжали монов артиллерией. В начале 1756г. он подписал соглашение с представителями Английской Ост-Индской компании, по которому в обмен на военную помощь признал захват ею острова Негрэ (1753 г.) и дал согласие на создание фактории в Бассейне (Патейн).

В июле 1756 г. Алаунпая отвоевал у монов их главный порт Сириам (Танхлин) и уничтожил там французские факторию и док, взяв в плен агента фактории де Бруно. Бирманцы захватили также два французских корабля с военным снаряжением и артиллерией, которые были высланы на помощь де Бруно из Пондишери. В 1757 г. Алаунпая захватил и разрушил столицу монов Пегу, завершив тем самым борьбу за объединение Бирмы. В 1759 г. он подавил восстание монов в дельте Иравади и совершил победоносный поход в Манипур, поставив это княжество в вассальную зависимость от Бирмы.

Теперь наступила очередь изгнания из страны англичан. В ноябре 1759г. бирманские войска высадились на Негрэ, перебили английский гарнизон, захватили в плен нескольких человек и

вернули остров Бирме. Английская Ост-Индская компания была вынуждена ликвидировать также факторию в Бассейне и на долгие годы прервала официальные сношения с Бирмой.

Алаунпая, идеалом которого был бирманский правитель-завоеватель XVI в. Байиннаун, в 1760 г. предпринял завоевательный поход в Сиам. Поход развивался удачно, и в апреле Аюттия — столица Сиам — была окружена бирманцами. Однако Алаунпая получил ранение (или заболел) под Аюттией, начал отступление и скончался на обратном пути. Престол перешел к его сыну Наундоджи (1760-1763), которому удалось упрочить положение центральной власти в объединенной Бирме, подавив многочисленные мятежи.

При третьем правителе династии Конбаун, также сыне Алаунпая — Синбьюшине (1763-1776), который перенес столицу из Шуэбо в Аву, бирманские армии снова двинулись на Сиам. В 1767 г. Аюттия пала. Бирманцы угнали десятки тысяч пленных (захват людей для заселения земель, обезлюдевших в результате войн и разрухи, являлся одной из основных целей походов в Сиам), вывезли сокровищницу сиамских королей в Аву. От окончательного разгрома Сиам спасли начавшиеся бирмано-китайские войны: Синбьюшин вынужден был отозвать войска из Сиам для защиты Бирмы от северного соседа. Этим воспользовался сиамский полководец Пья Так Син, который поднял народ на борьбу за независимость в начале 1768 г. и освободил от бирманцев центральную часть страны.

Алаунпая и его преемники расширили влияние Бирмы на своих северных и северо-восточных границах — в шанских и лаосских княжествах, что стало причиной бирмано-китайских войн в 1765-1770 гг. Император Цяньлун, при котором Китай вступил на путь широкой завоевательной политики, решил воспользоваться тем, что вассальное Бирме шанское княжество Кентунг (Чентун) вело

203

войну с другим шанским княжеством, Кенхунг — вассалом Китая, чтобы реализовать традиционные китайские претензии на сюзеренитет над Бирмой.

В 1765 г. губернатор пограничной с Бирмой китайской провинции Юньнань с большой армией вторгся в Кентунг. Князь Кентунга и подошедшие бирманские войска нанесли жестокое поражение маньчжуро-китайской армии, командуемый которой был вынужден покончить с собой, чтобы, по китайскому обычаю, не «потерять лица». Каждый последующий год с окончанием муссонных дождей Китай посылал свои войска в Бирму и регулярно терпел поражения, хотя экспедиция 1767 г. дошла почти до Авы, но была остановлена бирманцами в 50 километрах от нее. Весной следующего года бирманская армия нанесла поражение вторгнувшемуся врагу под Каунтоном, крепостью на Иравади несколько южнее Бамо, главного города северной Бирмы. После разгрома в 1769 г. под г. Шуэнь-яунбином еще одной военной экспедиции Китая в Бирму был заключен мирный Каунтонский договор: Китай отказался от претензий на те шанские княжества, которые признавали сюзеренитет Бирмы, и обе стороны согласились обмениваться посольствами один раз в десять лет.

После подавления в 1773 г. с необычайной жестокостью нового восстания монов, Синбьюшин в 1775 г. снова двинул свои армии против Сиам. Завоевательные бирманские походы в Сиам наносили самой Бирме ущерб, не меньший, чем Сиаму. Ставший во главе сиамских войск Пья Так Син перенес столицу из Аюттии, неоднократно подвергавшейся разгрому, в Тонбури и прибег к партизанским методам ведения войны с бирманцами, нанося им чувствительный урон. Боевой дух бирманских войск падал, солдаты стремились домой.

Сведения о тяжелом положении армии, находившейся в Сиаме, побудили монов в южной Бирме вновь выступить против власти бирманцев. Они даже захватили и сожгли Рангун. После жестокого подавления восстания тысячи монов бежали в Сиам и присоединились к борьбе сиамцев против Бирмы. Смерть Синбьюшина и восшествие на престол его миролюбивого сына Сингу (1776-1782), возведенного на трон группировкой бирманской знати, противников агрессии, на время приостановили войны с Сиамом. Новый правитель отозвал войска из Сиам и погрузился в дворцовые и религиозные заботы. Однако чем больше интересы Сингу и его сторонников замыкались в стенах авского дворца, тем быстрее усиливалась оппозиция, намеревавшаяся посадить своего ставленника на престол и снова начать завоевательные походы, приносящие военную добычу. После цепи дворцовых заговоров к власти пришел сын Алаунпая, Бодо-пая (1782-1819), который начал новые походы в Сиам (1785-1787), присоединил к Бирме Аракан (1785 г.) и укрепил бирманский контроль над шанскими княжествами. Но войны против Сиам закончились поражением Бирмы, которая в конце XVIII в. утратила и сюзеренитет над лаосскими районами, признавшими власть нового короля Сиам Рамы I. Бирмано-сиамские войны,

продолжавшиеся (хотя и не в столь широких, как прежде, масштабах) до 20-х годов XIX в., ослабляли оба соседних государства. В результате были разорены и опустошены северные владения Сиам и южные провинции Бирмы (особенно Тенассе-рим).

204

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ КОНБАУНСКОЙ БИРМЫ

Объединение Бирмы династией Конбаунов означало окончательную ликвидацию монской государственности и упрочение гегемонии бирманского этноса во всей Бирме. Пегу, Аракан и шанские княжества стали частью единой государственной структуры, в рамках которой происходили интеграционные процессы; особенно ускорился синтез бирманской и монской идентичности, происходивший на всем протяжении истории Бирмы.

В конце XVIII в. в Бирме насчитывалось около 5 млн. человек (из них в Ара-кане — около полумиллиона, в Тенассериме — триста тысяч, в Пегу — семьсот тысяч). Большинство населения проживало в центральной части страны, включая долину Иравади и прилегающие районы. Целостность государственной территории обеспечивалась как утверждением границ с соседними странами, так и созданием достаточно единообразной административной структуры, различающейся лишь степенью централизма.

Система управления, действовавшая при Конбаунах, опиралась на космологические идеи буддизма *тхеравады*. Согласно им, государство уподоблялось вселенной, где из центра (ядра) распространялось притяжение (власть) тремя концентрическими кругами, постепенно ослабевая по мере приближения к периферии.

Первая, или нуклеарная, зона располагалась в центральной Бирме, здесь находился *минджи* — бирманский абсолютный монарх, его дворец, трон, столица, обладавшие, как считалось, магической силой. Население этой зоны как бы непосредственно покорялось силе власти — в лице монарха и многочисленного чиновничества различных ведомств.

Во второй зоне, в южной части страны, управление было менее централизованным в силу большей удаленности от ядра государства.

К третьей зоне относились окраинные горные районы, где население, жившее еще родоплеменным строем, находилось в подчинении своих племенных вождей и старейшин.

Вся Бирма была разделена на провинции во главе с губернаторами — *мьову-нами*, провинции состояли из округов — *мьо*, возглавлявшихся *мьотуджи*. Все должностные лица были ответственны перед правителем. Подобное укрепление центральной власти произошло вследствие коренного изменения взаимоотношений «центр-периферия», когда были уничтожены наместники — *байин*, прежде владевшие определенными территориями и распространявшие свою власть над округами или целыми провинциями, получая доходы с них в свою пользу. *Байи-ны*, связанные узами кровного родства с правящей династией и имевшие царские регалии, часто претендовали не только на феодальные права в своих владениях, но и на власть в стране, соперничая с правителем и создавая угрозу распада государства.

Уже при династии Таунгу¹ начался процесс централизации Бирмы, в ходе которого система наместничества была отменена. При Конбаунах этот процесс был

¹ См.: История Востока. Т. III. М., 1999, с. 478-489.

205

завершен, и последнее наместничество — Таунгу было ликвидировано в 1760 г., сразу же после смерти Алаунпаи. Статус родовой знати, лишенной владений, был очень сильно подорван.

Борьба против феодализировавшейся знати выразилась и в том, что, например, *мьовуны* и высокопоставленные чиновники провинциальных ведомств должны были жить не в подведомственных им областях, которые часто менялись, а в столице под неусыпным надзором царских согладатаев. Управляли же провинциями чиновники низких рангов, назначенцы правителя, целиком от него зависимые.

Мьовуны и чиновники высших инстанций — советники, министры, судьи, казначеи, главы царских ремесленников, — как и придворные сановники, многочисленные члены правящей семьи (учитывая многоженство правителей) назывались *мьоза*, поскольку получали доходы с той или иной приписанной им территории («кормления»). Обычно в пользу *мьоза* поступали 7-10% суммы государственных налогов и некоторые судебные штрафы. Таким образом, в эпоху Конбаунов система *мьоза* была формой существования государственной собственности на землю.

Основная социально-политическая единица бирманского общества — *мьо* (при Конбаунах их насчитывалось до пяти тысяч) — на протяжении столетий претерпела мало изменений. *Мьо* представляло собой сельский округ, состоявший из нескольких деревень. Оно называлось по главному поселению, в котором жил *мьотуджи*, его семья и помощники по управлению.

Мьотуджи был связан с населением своей округи личностными связями и сохранял над ним свою власть. Он собирал с жителей налоги, назначал на общественные работы, рекрутировал в армию, вершил суд и т.д.

Мьотуджи, из среды которых вышел основатель династии Алаунпая, сохранили свою феодально-патриархальную власть и право наследования *мьо*. Однако централизаторские тенденции ввели их в должностную иерархию государства, причем центральная власть контролировала утверждение в должности *мьотуджи* всякий раз, когда *мьо* переходило по наследству, и требовала документального подтверждения (*ситтана*) наследственных прав и отчета перед казной о размерах *мьо*, числе его жителей и причитающихся с них налогах.

Как свидетельствуют источники, во многих семьях *мьотуджи* *мьо* переходило по наследству в течение нескольких поколений.

Положение *мьотуджи* на местном уровне в качестве феодального собственника и одновременно чиновника (или квазичиновника) способствовало интеграционным процессам в государстве Конбаунов; особенно это касалось двух частей Бирмы: собственно бирманской — в центре страны и монской — на юге, ибо *мьо* как социальная единица существовало здесь издавна. Отличия касались лишь центра — так называемого столичного района — вокруг Авы и прилегающих территорий, где располагался домен правителя и земли, на которых жили *ахмуданы*, служилые крестьяне. Последние занимались земледелием и поставляли солдат (лучников, гребцов и др.) в гвардию правителя, а также во дворец для различной службы — тюремщиками, мастерами в царских мастерских и пр. Они селились в специализированных деревнях, во главе которых стояли начальники отрядов, а сами их поселения могли входить в юрисдикцию какого-либо *мьо*-

206

туджи либо подчиняться непосредственно столичным чиновникам. Это усиливало консолидацию страны, так как в случае объявления войны войска рекрутировались достаточно быстро и находились «под рукой» у правителя, как и царские зернохранилища и склады продовольствия.

Статус *ахмуданов* был выше, чем остального крестьянства — *ати*, составлявшего основную категорию земледельческого населения в дельте Иравади, занимавшегося выращиванием риса на заливных полях или на землях, очищенных от деревьев и кустарников подсеčno-огневым способом. *Ати* платили налоги в казну через *мьотуджи*, а *ахмуданы* были освобождены от них, так как несли службу в пользу государя. От *ахмуданов* практически не отличались *ламайны*, обрабатывавшие домениальные земли и также не платившие налогов.

Крестьяне, налогоплательщики и обязанные разного вида службой на государство считались простонародьем (*синьета*); в отличие от них управляющие, чиновный люд различных рангов (*ахмудата*) не платили налогов. Высшая страта чиновников состояла из царской семьи, получавшей содержание — «кормление»-л<ьша из казны.

Объединение в едином государстве собственно бирманских районов центральной части страны — наиболее экономически развитых и плотно заселенных, где поливное рисосеяние давало до трех урожаев в год и куда стекались налоги со всей Бирмы, — с араканскими и монскими областями, которые были включены в международную морскую торговлю, придавало значительный импульс экономическому развитию Бирмы в эпоху Конбаунов.

Укрепление нуклеарной зоны, где создавались материальные богатства (преимущественно в аграрной сфере) и концентрировались власть и сила (армия), уничтожение частного феодального землевладения, системы наместничества и концентрация земельной собственности в руках государства означали возврат конбаунской Бирмы к аграрной модели развития, основанной на государственной собственности и бюрократической организации правящего слоя.

Бирма эпохи Конбаунов была гораздо более централизованной державой, чем ранние государства, существовавшие на ее территории. Несмотря на традиционную социальную структуру и патриархальные политические институты, возникновение новых государств Индокитайского полуострова явилось результатом как внутренней эволюции, хотя и протекавшей очень медленно, так и следствием вовлечения этих стран в складывающийся мировой рынок и необходимости противостоять натиску европейских держав.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В БИРМЕ.

ПЕРВАЯ АНГЛО-БИРМАНСКАЯ ВОЙНА (1824-1826)

До первой четверти XIX в. Бирма не подвергалась прямой угрозе захвата со стороны европейских держав. На ее территории, преимущественно в южной Бирме, на морском побережье, существовали европейские фактории: в 1695 г. Английская Ост-Индская компания основала в Сириаме факторию и судострои-

207

тельную верфь, а в 1729 г. там обосновалась и Французская Ост-Индская компания. Фактории, как форпосты колониальной политики держав, проявили себя активно в период бирманско-монской борьбы за господство в стране после распада государства Таунгу, причем и Французская и Английская компании помогли обеим сторонам, стремясь добиться торговых преимуществ.

От создания факторий европейские державы переходили в Юго-Восточной Азии к захвату плацдармов и проникновению на рынки. Появившийся в Сириаме в 1751 г. де Бруно, действовавший в качестве агента губернатора французских владений в Индии Дюплекса, планировал ввод в южную Бирму французских войск. Хотя этот план не был одобрен в Париже Советом директоров Ост-Индской компании, он все же обеспокоил англичан, которые в 1753 г. отправили военную экспедицию в Бенгальский залив и захватили остров Негрэ, где построили свой форт.

При Алаунпае надежды Франции и Англии закрепиться в Бирме потерпели крах. В ходе объединения Бирмы первые Конбауны, начиная с Алаунпай, встали на путь закрытия страны для европейцев. В отличие от Японии или Кореи это закрытие не носило формального характера, но осуществлялось на практике. Бирманское правительство строго придерживалось монополии внешней торговли на ряд важнейших товаров и препятствовало их вывозу. Бирманские портовые чиновники в Рангуне, ставшем при Конбаунах главным портом Бирмы, и в других портовых городах осуществляли надзор за внешней торговлей и не позволяли иностранным купцам нарушать законы страны. В Бирме, как и в любой другой восточной стране, имели место вымогательства и другие злоупотребления со стороны портовых чиновников. Все это вызывало негодование европейских торговцев, пытавшихся добиться исключительных привилегий для своей торговой деятельности и отмены тех бирманских законов, которые препятствовали завоеванию бирманского рынка.

В самом конце XVIII в. начался новый этап английской экспансии в Бирме, порожденный несколькими причинами. Главными из них были стремления «открыть» страну, установить официальные дипломатические и торговые отношения, использовать ее территорию для проникновения в Китай «с черного хода», а также не допустить к естественным богатствам Бирмы свою соперницу в Юго-Восточной Азии — Францию.

В этот период у Великобритании появилась возможность оказывать давление на бирманскую сторону, используя пограничный конфликт, так называемый ара-канский вопрос, ибо с завоеванием Бирмой в 1785 г. Аракана у Английской Ост-Индской компании (ее индийских владений в Бенгалии) и Бирмы появилась общая граница. Присоединение Аракана, с одной стороны, положило конец междоусобицам в этом государстве, но, с другой — причинило немало бед араканцам. Начались грабежи и насилие со стороны завоевателей, увеличилось поборы, население стали угонять на общественные работы и рекрутировать в армию. Расхищались араканские святыни. Многие араканцы (особенно антибирмански настроенные группировки араканской знати, большей частью мусульмане), спасаясь от ассимиляторской политики бирманских властей, бежали на малонаселенную территорию пограничных районов Бенгалии, во владения Ост-Индской компании, где с согласия британских властей расселились в дистриктах Читта-

208

гонг и Дакка. Беженцы стали использовать английскую территорию как базу для вторжений и грабительских набегов на Аракан, поднимая его население на восстания против власти бирманцев. Восстания вспыхивали одно за другим, например в 1791 г., 1794 г. и позже.

Бирма настойчиво требовала от британских властей в Калькутте выдачи главарей мятежей за преступления, совершенные ими во время рейдов на бирманской территории. Эту заинтересованность бирманского государства в решении араканского вопроса британская сторона стала использовать как фактор давления.

В конце XVIII — начале XIX в. к бирманскому двору от генерал-губернатора Британской Индии было направлено несколько посольств с целью установления коммерческих отношений, урегулирования как торговых, так и пограничных конфликтов сторон, а также сбора сведений о Бирме и особенно о бирманско-китайской торговле, ведущейся через бирманский город Бамо и китайскую провинцию Юньнань.

Результатом работы миссии Майкла Саймса в 1795 г. стало соглашение о принятии в Рангуне английского резидента для наблюдения за британской торговлей (в частности, за закупкой тиковой древесины) и предоставлении английским торговцам льгот по уплате таможенных пошлин, однако урегулировать араканский вопрос, выросший в настоящую пограничную проблему во взаимоотношениях Великобритании и Бирмы, не удалось.

В 1798 г. началось новое обострение ситуации на бирманско-бенгальской границе, когда один из влиятельных араканских феодалов, Нга Тан Де, бежал в Бен-галию с многочисленными приверженцами и оттуда начал совершать набеги на Аракан. Именно тогда бирманские войска под началом талантливого военачальника Маха Бандулы появились в пограничной полосе, угрожая

перейти на территорию Бенгалии для взятия в плен Нга Тан Де.

В такой обстановке в 1802г. снова был направлен в Бирму Майкл Сайме. Благодаря такту и выдержке и вопреки воинственным инструкциям генерал-губернатора Британской Индии Саймсу удалось уменьшить напряженность в англо-бирманских отношениях, но ненадолго.

В мае 1811 г. Чинбьян, сын Нга Тан Де, собрал на английской территории значительное войско, перешел пограничную реку Нааф и штурмом захватил ара-канскую столицу Мрохаун.

Провозгласив себя независимым правителем, он обратился за помощью к англичанам. Бирманские войска сумели выбить Чинбьяна из Аракана, но вплоть до своей смерти в 1815 г. он боролся против властей Бирмы, совершая регулярные рейды на ее территорию (не без помощи англичан).

В 1817 г. Бодолая, продолжая завоевательную политику, которая возвела его на трон, вмешался в междоусобицы в Ахомском государстве в Ассаме. В результате бирманская армия вторглась в это княжество, и в 1821 г. командовавший войсками Маха Бандула возвел на ассамский престол бирманского ставленника. Другие претенденты нашли убежище в английских владениях.

В 1819г. бирманцы возвели на трон княжества Манипур нового раджу, обвинив прежнего в том, что он не присутствовал на коронации бирманского правителя Баджидо (1819-1837).

В январе 1824 г. бирманская армия вторглась в княжество Качар, где обосновался свергнувший раджа Манипура. В Качар двинулся и английский отряд под

209

предлогом защиты его раджи от манипурцев. Раджа Качара признал себя вассалом Английской Ост-Индской компании, как и князь соседней Джайнтии, также оккупированной бирманцами.

Обострилась и обстановка на араканской границе, где разгорелся спор из-за острова Шахпури в устье пограничной реки Нааф.

В январе-феврале 1824 г. произошли столкновения в Качаре. Расквартированная по границе с Бенгалией и при преследовании беженцев не раз переходившая р. Нааф во владения Ост-Индской компании бирманская армия стала восприниматься англичанами как «бирманская угроза», хотя бирманцы, укреплявшие свою власть в пограничных княжествах, не помышляя о нападении на Бенгалию, предлагали английской стороне решить все конфликты путем переговоров. Однако дело шло к войне. Закончив войны с маратхами и Непалом, англичане резко ужесточили свое отношение к Бирме и открыто разрабатывали планы военных действий. В марте 1824 г. власти Калькутты посчитали момент весьма подходящим для развязывания войны, и 5 марта генерал-губернатор Британской Индии опубликовал манифест о начале войны.

Правительство Бирмы недооценило британскую угрозу. Бирманский двор, ослепленный превращением Бирмы в сильнейшее государство Индокитайского полуострова, которое с успехом противостояло Китаю, побеждало Сиам, покоряло шанские и индийские княжества, не сумел предвидеть истинных масштабов грядущей опасности. Свою роль сыграли переоценка своих сил и пренебрежительное отношение к европейцам, свойственные тогда многим, еще не испытавшим на себе силу натиска колонизаторов государствам Востока. Правители Бирмы и их окружение, имея весьма приблизительное представление об Англии и ее индийских владениях, считали ниже своего достоинства обращать внимание на генерал-губернатора Британской Индии, который для бирманцев был «Бангала *мьоза*» (наместник Бенгалии).

Война велась на два фронта. Один из них проходил по границе с Араканом, Ассамом, Манипуrom и Качаром, где активно действовала бирманская армия под руководством Маха Бандулы, который нанес поражение англичанам под г. Раму. Однако этот успех не был закреплен, так как с известием о высадке английского десанта в Рангуне открылся южный фронт и бирманская армия была переброшена туда. Аракан был занят английскими войсками в апреле 1825 г.

Маха Бандула сумел организовать блокаду Рангуна с суши, отрезав британский десант, двигавшийся вверх по Иравади, от снабжения боеприпасами и продовольствием. Особенно тяжелой для английских десантников оказалась обстановка в самом Рангуне, который англичане заняли без боя (так как население покинуло город) и подвергли жестокому разграблению.

Английские войска, вынужденные остаться на весь дождливый сезон в Рангуне без продуктов и медикаментов, попали в очень тяжелое положение из-за эпидемий тропических болезней.

Продвижение английских войск по Иравади бирманцы попытались остановить у г. Данубью. Но 1 апреля 1825 г. во время артиллерийского обстрела был убит Маха Бандула. Бирманская армия, боевой дух которой был подорван потерей главнокомандующего, отступила на север. Английские канонерки прошли по Иравади до г. Пром (Пьи) и заняли его. В то же время пограничные войска оккупировали Аракан, часть Манипура и Ассамы, а также Тенассерим.

210

Правитель Баджидо начал мирные переговоры в конце 1825 г. Они шли с трудом, и лишь после нового английского наступления, поставившего под угрозу саму столицу — Аву, бирманцы согласились на английские условия. По договору, подписанному в местечке Яндабо вблизи Авы 26 февраля 1826 г., Бирма отказывалась от вмешательства в дела Ассама, Качара и Джайнтии, признавала английского ставленника раджой Манипура, передавала англичанам две собственные провинции — Аракан и Тенассерим, выплачивала победителю большую контрибуцию (1 млн. ф. ст.), принимала английского резидента в столице, обязывалась заключить торговый договор с Англией и возместить убытки, причиненные войной британским подданным.

Таким образом, Яндабоский договор положил начало превращению Бирмы в английскую колонию. Договор также поставил британских торговцев в Бирме в привилегированное положение и открыл Англии путь к последующему ограничению независимости страны.

Глава 14

СИАМ:

ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ ЧАКРИ (1782-1851)

В истории Сиама середина XVIII в. — рубеж между средневековым и новым периодами. К этому времени на политическую сцену начали выходить новые социальные силы, вызванные к жизни воздействием на местную земледельческую общественную структуру капиталистического способа производства через систему международного разделения труда. Противоборство традиционных и новых, ориентированных на развитие товарно-денежных отношений, социальных групп было причиной социально-политического кризиса середины XVIII в., приведшего к потере страной независимости в ходе войны с Бирмой.

Государственность Сиама была восстановлена в 1768 г., однако его столица была перенесена из разрушенной пожаром Аютии в Тонбури, расположенный в прибрежном районе, наиболее развитом экономически, выступившем опорой движения за воссоздание независимого государства. Возглавили движение зажиточные главы деревенских общин, связанные с внешней торговлей, которая развивалась в XVIII в. со странами Дальнего Востока, несмотря на «закрытие» страны. Особенно прибыльной была торговля с Китаем, торговые операции осуществляли китайские купеческие общины и купцы-мусульмане южных прибрежных провинций Китая. С ними и устанавливали деловые связи старосты деревень юга Сиама через местных торговцев-китайцев.

Правителем в Тонбури был Пья Так Син (1768-1782), по происхождению китаец, в детстве принятый в сиамскую служилую семью; в период бирмано-сиамской войны он занимал административный пост в провинции. Возглавив борьбу с Бирмой, Пья Так Син стал лидером деревенской элиты юга: ее представителям он даровал титулы *мун*, *кун*, *луанг*, *пхра*, открывавшие доступ к должностной карьере (посты в государственной администрации раньше занимали только представители служилых семей). Другой важной социальной силой, поддерживавшей Пья Так Сина, была китайская торговая община Сиама. Главы местных деревенских общин были буддистами, члены китайских кланов — конфуцианцами. Накопление богатства в общественном сознании буддиста не осуждалось, но это богатство должно было направляться не на расширение производства, а подноситься в качестве дара буддийскому монастырю-*саму* в обмен на *тхаму* (религиозную заслугу), обеспечивавшую, как считалось, улучшение социального статуса в будущих перерождениях. Для конфуцианца доминирующей оставалась посясторонняя жизнь, его целью было накопление богатства для поддержания благополучия и процветания семьи и клана.

С утверждением у власти Пья Так Сина стала формироваться новая правящая элита страны, вставшая на путь реформ. Осуждению с ее стороны подвергся

212

буддийский образ жизни, при котором в среде сиамского населения не поощрялись торговля и предпринимательство.

За годы правления Пья Так Сина изменился состав бюрократии, особенно в центральных провинциях страны и столице; на должности в государственном аппарате стали назначаться не только выходцы из традиционных служилых семей, но и представители зажиточных сельских верхов и торговых общин. Экономические интересы новой элиты способствовали изменению структуры хозяйства в южных районах страны. Однако остальные области сохраняли традиционный характер производства, основанный на труде общинников, с присущими им этическими нормами.

В условиях трудоемкого рисоводческого хозяйства земледельческие общины Сиама обеспечивали благодаря совместному труду своих членов посадку и уборку риса. В традиционной общине отношение к земле как к естественному источнику благополучия и процветания сочеталось с высокой этической оценкой земледельческого труда; освоение новой земли повышало социальный статус семьи. В представлении сиамского крестьянина быть богатым означало входить в многочисленную и крепкую

семью. Тысячи земледельческих общин объединяли многочисленные семейные хозяйства непосредственных производителей, труд которых был подчинен одной цели — собственному воспроизводству. Подобные традиционные общины препятствовали процессу имущественной дифференциации.

Общественным идеалом в стране оставался свободный, самостоятельный хозяин, беспрепятственно осваивающий пустующие земли. Такой хозяин имел право выбирать себе «патрона» — должностное лицо, ответственное за выполнение сельскими жителями работ на государство. Крестьянство по традиции стремилось освободиться от этой повинности. В смутное время второй половины XVIII в. выросло число крестьян, уходивших в буддийские монастыри или встававших под патронаж столичной знати, что избавляло их от работ на государство. Стремясь восстановить материальную базу государства, Пья Так Син в 1774 г. распорядился провести татуировку сельского населения — на запястье руки ставили название места проживания и имя «патрона» (последним не могло быть незнатное лицо).

Принудительные работы на государство продолжались шесть месяцев в году, что затрудняло развитие неземледельческих занятий, которые могли бы улучшить материальное положение семьи крестьянина. Они препятствовали росту товарно-денежных отношений и формированию рынка продуктов сельского хозяйства и домашних промыслов. Частная крестьянская собственность на землю возникала в Сиаме в этот период в ограниченных размерах и получила распространение не в среде тайского населения, а среди китайских крестьян-иммигрантов. Не в пример Японии в Сиаме новые социальные силы были иноэтнически-ми, что ослабляло их политические позиции.

Борьба внутри правящего класса за разделение доходов создала к началу 80-х годов XVIII в. угрозу уничтожения сторонниками Пья Так Сина традиционной элиты, связывавшей свое господство с буддийскими ценностями и совокупным, через государство, распоряжением условиями производства. Против Пья Так Сина и его группировки выступил в 1782 г. генерал Чао Прайя Чакри, что привело к смене власти. Новая династия Чакри сделала столицей государства Бангкок.

213

Чтобы расширить социальную опору своей власти, новый правящий клан по традиции использовал брачные связи: через браки в его состав вошли женщины из торгово-предпринимательских, по преимуществу китайских, семей. Генерал Чакри, основатель династии, в исторической литературе известный под именем Рама I (1782-1809), был связан брачными узами с семейным кланом Буннак, основанным купцом-мусульманином, прибывшим в Аютию в 1602 г.

Источником власти правящей элиты при династии Чакри становится «новое богатство» — деньги и земли, потеснившие традиционные ценности. Однако этот процесс не привел к появлению у власть имущих интереса к хозяйственной деятельности: они и в новых условиях, созданных ростом товарно-денежных отношений, продолжали присваивать неоплаченный труд земледельческих общин через государственную налогово-откупную систему, воспроизводя средневековую структуру распределения доходов. Этим они стимулировали усиление ростовщического капитала, ограничивали рост местной промышленности, связывали инициативу жителей городов. Лишь небольшая часть столичной элиты — по преимуществу иноэтнического происхождения — стремилась вложить полученные от усилившейся эксплуатации денежные средства в покупку земли, в организацию хозяйства, применяя в качестве рабочей силы работников-китайцев. В результате в первой половине XIX в. в окрестностях Бангкока возникли плантации сахарного тростника, развилось мануфактурное производство тростникового сахара.

В Бангкоке появились и новые формы деятельности — в промышленности, сфере обслуживания и управлении. Стали создаваться порт, доки, налаживалось строительство парусных судов. Тем не менее развитие городов первоначально было связано лишь с китайской иммиграцией. Китайские иммигранты, заселяя пригороды Бангкока, создавали более современное производство, привносили в городскую жизнь свой быт и культуру; их нормы поведения и ценности отличались от господствовавших в местных деревенских общинах.

В околостоличном районе, а также на территориях оловодобычи и производства сахара стал складываться особый тип наемного работника, обслуживавшего мануфактурные предприятия. Постепенно наемный труд начал вытеснять применение безвозмездного труда крестьян и ремесленников. Появилась потребность в новых технических кадрах.

К середине XIX в. правительство стало направлять за границу, в близлежащие английские колонии, для получения технического образования детей из тех семей, которым оказывалось покровительство, а также рабов. К этому времени торгово-промышленный комплекс Бангкока — политического, экономического и культурного центра страны — отчетливо выделился из земледельческой структуры тайского общества. Население столицы приблизилось к 500 тыс. человек.

Согласно архивным материалам первой половины XIX в., население городов и городков (*лек мыанг*) отличалось от жителей сельских общин (*лек пхонламы-анг*) своими неземледельческими занятиями и

этническим составом (в нем преобладали китайцы, вьетнамцы, бирманцы, по преимуществу торговцы); в их среде отношения традиционно складывались в форме землячеств и тайных обществ. Такие социально-этнические группы, не будучи производственными объединениями, оказывали своим членам существенную материальную помощь, например, ссужали деньги или товары, помогая начать торговые операции.

214

В первой половине XIX в. внутренний рынок постепенно освобождался от государственных монополий, что создавало благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений. Однако процесс разделения труда между городом и деревней не стимулировался развитием производственных отношений. Значительная масса прибавочного продукта по-прежнему притекала в город в натуральной форме как рента-налог, она перерабатывалась в мастерских столичной элиты в предметы потребления, лишь часть которых шла на рынок. Новые социальные слои, обеспечивавшие производство товаров для рыночного обмена, действовали на стыке буржуазной и традиционной общественных структур. Государственная система феодальной эксплуатации в первые десятилетия XIX в. даже несколько расширилась: в государственные реестры помимо тай стали заносить лао, кхмеров, осевших в стране китайцев. Сиамские архивы показывают, что продолжала господствовать система государственно-бюрократического контроля над трудовыми ресурсами и производимым продуктом. Но косвенные данные говорят о том, что в *му и конгах* — отрядах для выполнения работ на государство в отдаленных провинциях — появляются и укрепляются частнопровольные отношения. Главы деревень и должностные лица более низких рангов, численность которых в середине XIX в. была значительной, присваивали часть прибавочного продукта, который производился земледельцами, занесенными в государственный реестр и включенными в отряды *конги* как частные владельцы. Начальники *конгов* (*пай конг*) осуществляли связи с Бангкоком непосредственно, а не через бюрократические каналы. Интересы частнособственнических слоев учитывались правящей элитой и в политике, которая носила компромиссный характер, выражая в первую очередь социальные требования столичной элиты. Сокращение сроков государственных работ до четырех месяцев в году при Раме I отвечало запросам частнособственнических групп, но оно сопровождалось одновременным введением жесткой, почти военной дисциплины при мобилизации населения на государственные работы.

В 1801 г. была проведена кодификация законов. Ее необходимость мотивировалась гибелью средневекового кодекса при пожаре в Аютии. В процессе кодификации была упорядочена процедура переписи населения страны и начата регистрация обрабатывавшейся земли с целью перевода поземельного налога в денежную форму. Это открывало путь к унификации законов на всей территории государства.

При Раме II (1809-1824) были выданы документы на владение землей в центральном районе страны как тайским крестьянам — *прай*, так и лао, кхмерам, вьетнамцам, мусульманам, принудительно расселившимся в окрестностях Бангкока. Этим был сделан важный шаг по пути утверждения принципа частной собственности на землю, которую отныне владелец документа мог дарить, продавать, передавать по наследству. Но эта мера носила половинчатый характер: часть земли, сверх той площади, которую владелец мог обрабатывать, возвращалась государству. Правда, в связи с развитием рынка и товарно-денежных отношений все большее число жителей страны стало откупаться от исполнения безвозмездных повинностей на государство; ряд государственных работ начали выполнять наемные китайские работники. В целом первую половину XIX в. можно считать временем утверждения денежной основы государственного бюджета.

215

Изменения в экономической и социальной сферах не могли не сказаться и на идеологии. Сын Рамы II принц Монгкут, ушедший в буддийский ват, поскольку знать избрала правителем его дядю Раму III (1824-1851), возглавил движение за реформу буддизма. Созданная им секта *тхаммаютникая* стремилась очистить буддизм от анимистических верований, соотнести его с требованиями современного развития. Однако эта секта, опиравшаяся на монастыри, покровительство которым оказывал правящий клан, не создала массового движения за реформацию и просветительство. Она, хотя и представляла воззрения придворной аристократии, получавшей не только буддийское, но и светское образование, оставалась верной буддийским ценностям.

Социальные движения захватывали по преимуществу китайские землячества в сахаропроизводящих районах (восстания 30-х годов и 1847г. в провинции Никхон-Чайси) и были направлены против местной администрации — губернатора и его аппарата, отражая рост общественной активности торгово-промышленных слоев города.

Слабая консолидация новых общественных сил сказалась и в области государственного строительства. Рама III был ставленником столичных слоев знати, получавших доходы от внешней торговли, и сам активно участвовал в ней, его большой опыт в торговых операциях отмечал Дж.Кроуфёрд, английский чиновник, направленный правительством Великобритании в 1822 г. в Бангкок с целью «открытия»

портов страны для английских купцов. Нажим на правительство в Бангкоке усилился в 1825 г., когда в сиамскую столицу на английском военном корабле прибыла английская миссия во главе с Г.Бёрни. Политика давления на Сиам не принесла англичанам ожидаемых результатов: до середины XIX в. его правящие круги сохраняли контроль над внешней торговлей страны. Экспортная продукция, большая часть которой поступала на основе сохранявшейся государственной монополии, собиралась в амбары правителя и вывозилась в другие страны на его судах.

Политическая организация общества, отвечая интересам правящей элиты и торгового капитала, сохраняла в своей структуре элементы, восходившие к более ранним эпохам. В ней присутствовали черты древнего государства — организатора общественных работ, а верховная власть носила теократический характер, присущий средневековью. И в начале XIX в. тайский этнический «центр» осуществлял авторитарную власть над иноэтнической «периферией», откуда поступала основная масса экспортной продукции. К зависимым и вассальным территориям в 1828 г. были присоединены лаосские государства Вьентьян и Тямпасак.

В середине XIX в. Сиам занимал всю центральную часть Индокитайского полуострова (однако границы государства не были твердо установлены). Численность населения, возрастающая в основном за счет насильственно переселяемых народностей, к 50-м годам XIX в. приблизилась к 6 млн. человек и включала тай (1,9 млн.), малайцев (1 млн.), лао (1 млн.), кхмеров (500 тыс.), а также мононов, каренов, лава. Заметно возросла численность китайцев-иммигрантов.

Доминировавшие на протяжении средневековья представления о единстве этнического происхождения тай уступают место представлениям об их культурной общности. Из этнических и земляческих групп разного происхождения постепенно формируется народ тай, который выделяется в общность, господст-

216

вующую над иноэтнической периферией. Это господство осознавалось как результат превосходства тайских религиозно-этических представлений и политической культуры.

Перемены, произошедшие в социальном строе и государственной политике, вели к изменениям и в общественном мировоззрении, стимулируя рождение новых образов мира и места в нем человека. Появлялись ценности, отвечавшие идеалам общества нового времени, шел процесс соединения в едином буддийском контексте достижений местных и иноземных культур.

Так, в царствование Рамы I были разрушены индуистские памятники, почитание которых к тому времени прекратилось, отменены традиционные придворные ритуалы. Основание Тонбури, а позднее Бангкока в качестве столицы символизировало конец индуистской традиции, рассматривавшей главный город страны с дворцом правителя как центр мироздания, как сакральный и магический центр государства, а правителя — как *девараджу* (бога-царя).

Светский характер приобретала литература, хотя и под видом восстановления «великой классики». При дворе Рамы I была составлена сценическая редакция поэмы «Унирут», основанной на «Махабхарате», создана новая версия средневековой яванской поэмы «Инао». Чао Прайя Пракланг в 1784 г. завершил историческую поэму «Рачатират» на тему борьбы мононов с бирманцами, он же в 1802 г. завершил перевод на язык тай китайской исторической поэмы «Самкок» («Тро-ецарствие»). При дворе с сингальского языка на тай была переведена цейлонская буддийская хроника «Махавамса». Началось составление под покровительством правителя придворной *хронки-понгсавадан*, включавшей в себя историю государства Аютии от основания до 1767 г.

Придворный круг литераторов значительно расширился. Выходцем из незнатной семьи был известнейший поэт первой половины XIX в. Сунтон Пу (1786-1855), обогативший классическую тайскую поэзию народными темами, мотивами национального фольклора, введший в литературу элементы простонародной лексики. Его произведения, включенные в репертуар профессиональных сказителей, вышли за пределы придворного круга. С творчества этого поэта начался переход к новой литературе в Сиаме, одной из составляющих которой стало формирование городской новеллы.

Глава 15

ПОДЧИНЕНИЕ СИАМОМ

ЛАОССКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (середина XVIII в. — 1840-е годы)

В XVIII в. в среднем течении р. Меконг, а также в долинах его восточных притоков существовал ряд государств-наследников средневекового политического образования Лансанг (1353-1707). Самым южным был Тямпасак, на севере располагались Вьентьян и Луангпхабанг, границей между ними была р. Хыанг. Соседом Тямпасака на правом берегу р. Меконг было полуавтономное образование Накхонпханом; восточным соседом Вьентьяна являлось небольшое государство Пхуан, северными соседями Луангпхабанга были политические конгломерации Сипсонгпханна («Двенадцать тысяч

полей») и Сипсонгчаотхай («Двенадцать княжеств»). Число «двенадцать» в наименовании конфедераций означало число месяцев в году, а не число участников союза.

Экономическим базисом государственных образований лао оставалось поливное и суходольное земледелие, в котором рис занимал положение ведущей культуры. Наиболее благоприятными для рисосеяния были хорошо удерживавшие влагу аллювиальные почвы речных долин Меконга и его притоков — крупнейшего центра рисоводства в Индокитае.

В середине XVIII в. наиболее заселенными и освоенными под рисоводство были район Тямпасакской равнины и плато Боловент. По мере лаосской миграции, продолжавшейся и в XVIII в., эта индианизированная область, населенная кхмерами, включалась в политическом и культурном отношении в зону лаосской цивилизации. Здесь возникали лаосские *мыанги* — земли и территориальные общины, была распространена северная храмовая архитектура, отличная от южной индианизированной. Лаосский язык и родственные ему диалекты потеснили кхмерский язык, господствовавший с раннего средневековья. Многочисленное полиэтничное горское население пребывало на более низких стадиях общественного развития.

Областью формирования лаосской государственности (с VI в.) была гористая лесная территория, расположенная к северу от современной провинции Кхамму-ан. Долин, орошаемых разливами рек, здесь имелось мало, поэтому поливное земледелие на полях *на* дополнялось выращиванием риса на горных террасах, а также подсечно-огневым земледелием на горных полях *хай*.

Процесс политогенеза у лао на основе *мыангов* был более длительным, чем в соседнем Сиаме. Попытка образовать государство вокруг историко-религиозного центра в Луангпхабанге по образцу военизированного государства Аюттии в XV в. завершилась неудачей. В XVI в. кланы Луангпхабанга были оттеснены экономически более сильными кланами, осваивавшими Вьентьянскую равнину. С 1569 г. местные летописи называют столицей государства крепость на Меконге —

218

Вьентьян. Лаосская знать участвовала в торговле и богатела. Эта тенденция была поддержана буддизмом, объявившим накопление богатства престижным занятием при условии пожертвований в монастыри. Буддистские монастыри процветали. Однако попытка правителя Сулиньявонгсе (1637-1694) с помощью буддийского духовенства провести реформы, лишив власти кланы, не удалась: государство не смогло утвердить за собой право на землю и труд населения. Потомки Сулиньявонгсе были изгнаны из Вьентьяна: его внуки стали править в Луангпха-банге и Тямпасакке.

Во Вьентьяне появился новый глава государства — Сайонгве (1698-1735). Его родители были беженцами из лаосских земель, родственниками правителя Вьентьяна, так что детство нового государя прошло в Хюе под властью Нгуенов. У местных военно-земледельческих родов он и усвоил взгляды на государя и его роль в политической жизни как военного правителя. Во Вьентьян он прибыл во главе небольшого отряда из вьетнамцев, и вся его последующая жизнь прошла в военных походах против отпавшего в 1707 г. Луангпхабанга, откуда в столицу были вывезены священные статуи Будд. В то же время он признал сюзеренитет Нгуенов над Вьентьяном.

Правительственный аппарат лаосских государств к середине XVIII в. сохранил свои традиционные формы: его центр составляли дворец правителя — *чао мыанга* и, соответственно, правое военное и левое гражданское дворцовые крылья. Существовало три высших должностных поста:

махаупахат — соправитель, имевший собственный двор, он же командовал войсками и ведал внешними сношениями государства; *латсавонг* — министр правой руки и *латсабут* — министр левой руки. Все три поста занимали члены семьи правителя. Правящая аристократия — *чао*, возводившая свое происхождение к легендарному клану Ло, — выполняла военно-политические функции, под ее контролем была также сфера идеологии.

Чао мыангов не имели ни титулов, ни рангов; их именовали *чао пен дин*, *чао ти вит*, т.е. «хозяева земли и жизни подданных». Это выражение перешло к *чао* от глав патриархальных большесемейных общин, безраздельно распоряжавшихся жизнью и имуществом их членов.

Последние распались, превратившись в родственные домовые общины, устанавливавшие отношения патрон-клиент с местными властями: такие отношения придавали устойчивость положению в обществе обеим сторонам. Земледелец, житель деревни, — *бан* на вопрос «Кто ты?» обязательно отвечал, что он «человек такого-то *чао мыанга*». Поддерживалась четкая связь между местом рождения и положением в социальной иерархии. Для земледельца принадлежность к *мыангу* была наполнена глубоким смыслом: с *чао мыанга* его связывали не поземельная зависимость, а отношения «родства», происхождения, поклонения одним и тем же духам-покровителям.

Деревни формировались из родственных кланов-патронимий (домовых общин), которые могли включать и зависимых людей. Культ основателя деревни объединял родственные патронимии внутри деревни; от имени основателя деревни ею управлял ее глава. В его обязанности *главы общины* включалось судебное разбирательство на основе обычного права. Общинная администрация была важной и очень авторитетной частью аппарата управления *мыангами*. Общины выполняли также важные производственные функции: во время сельскохозяйст-

219
венных работ осуществляли сообща посадку риса и сооружение деревенских ирригационных плотин.

Земледелие составляло основу хозяйства *мыангов*, тем не менее большую роль продолжали играть рыболовство, собирательство и охота. Поскольку сельское хозяйство велось экстенсивными методами, поля теряли плодородие и забрасывались, что приводило к необходимости переселения на новые места целых общин. Организаторами переселенческого движения наряду с главами общин нередко становились буддийские монахи. Земледелец как подданный уплачивал через *чао мыанга* в год 120 кг риса в качестве подушного налога и выполнял в пользу государства неоплачиваемую трудовую повинность, включая военную службу (мужское население от 18 до 70 лет заносилось в списки *мыангов*). Горские народы были обязаны поставлять редкие продукты лесных промыслов — бензойную смолу, слоновую кость, рога носорогов и т.п.; был создан целый аппарат старост — *полам*, получавших «в удел» по несколько горских деревень, с которых они взимали эту дань.

В лаосских государствах с XVI в. отмечался рост торгово-промысловых городков, но ремесло в деревне не носило товарного характера. Прибавочный продукт изымался преимущественно в виде налога, и местные рынки не получили развития. Роль денег выполняли серебро, соль, опиум, раковины-каури и т.д.

В деревнях *мыангов лао* в среде общинников все же отмечалась дифференциация: богатая верхушка, связанная с дальней торговлей, стремилась подорвать монополию правящих кругов на немалую прибыль от вывоза продукции лесных промыслов. Она даже попыталась установить контроль над политической властью во Вьентьяне. Так, в 60-70-х годах XVIII в. старосты деревень выступили как активная социальная и политическая сила Вьентьяна. Собрав «свой народ», старосты Пхаво и Пхата потребовали в 1768 г. от правителя Силибуньясана (1760-1782) присвоить им звание *чао*, возведя их таким образом в ряды аристократии, а Пхаво предоставить пост *махаупахата* (соправителя). Это историческое событие вошло как эпизод в одну из известнейших лаосских версий «Рамаяны», созданную в середине XIX в.

Конфликтом двух старост с правителем Вьентьяна воспользовался правитель Сиам Пья Так Син, взяв под свое покровительство сыновей Пхаво, переселившихся в южные *мыанги*. В 1778 г. он объявил войну Силибуньясану и после четырехмесячной осады занял столицу Вьентьяна. Сиамские войска захватили в плен семью оставившего город Силибуньясана, Ану — младшего брата этого последнего *чао*, *махаупахата* и лаосских *чао*. В Сиам было уведено население, вывезены казна, оружие, продовольствие, статуи Будды Пхакэу и Пхабанг — символы независимости страны, лаосские рукописи. В XVIII в. еще сохранялся обычай поддерживать брачные связи между правящими домами Аютии и Вьентьяна, а сыновья и внуки главы Вьентьяна получали образование при дворе сиамских государей. Так случилось и с *чао* Ану, который попал в Сиам в переходную пору — переноса столицы из Аютии в Бангкок и прихода к власти династии Чакри.

В 1782 г. Рама I, основатель династии Чакри, вернул во Вьентьян статую Будды Пхабанг, тем самым как бы признавая его независимость. Тямпасак оставался данником Сиам с 1778 г. Однако Рама I низложил Силибуньясана, разрешив

220

ему вместе с тем вернуться во Вьентьян. Страною стали управлять его сыновья. В 1804 г. на трон вступил новый правитель, Анулуттхалат (1804-1828). Это был Ану, младший брат Силибуньясана. Он стал последним правителем Вьентьяна и легендой лаосского народа, героем народных баллад и песен, передаваемых из поколения в поколение. Реальные образы этого правителя и его сподвижников были заслонены легендой. Исторические факты не соответствуют мифологическому ореолу, окружавшему личность Анулуттхалата, и представлениям о нем как хранителе «нации» (в понимании той эпохи «родственной общности людей»), сохранившимся в народном сознании. В сложной ситуации этого периода Анулуттхалат действовал и мыслил как типичный восточный монарх. В своей внешнеполитической тактике он исходил из противопоставления Сиаму Вьетнаму (и Англии) и пытался создать систему противовесов Сиаму, не отдавая себе отчета в том, что гибель одной силы

(например, Бирмы) в этой политической игре лишь усугубляет трагизм ситуации.

Тем не менее, по свидетельству современников, первая четверть XIX в. запечатлелась в памяти народа как «золотой век»: налоги были малы, работы на государство необременительны, к тому же составлен «Свод законов Вьентьяна».

Основу этого благополучия составила возраставшая с 90-х годов XVIII в. эксплуатация лаосскими *чао* горских народов Лаоса, искусных в лесных промыслах. Горцы не уплачивали подушного налога, податью облагались их деревни в целом. Деревни одних районов были обязаны поставлять рабов, других — продукты лесных промыслов или деньги. У правителя Вьентьяна и его родственников накапливались благодаря участию в торговых операциях значительные богатства. Вместе с тем лаосские *мыанги* на севере, в районе тиковых лесов, усиленно эксплуатировались Сиамом. Известно, что Чиенграй был поставлен в данническую зависимость от Сиам с помощью отряда *чао* Ану, когда тот находился в Бангкоке.

В постоянно беспокойном Тямпасаске рост эксплуатации горских народов вызвал с начала XIX в. многочисленные выступления, слившиеся в 1818г. в мощное движение против администрации Тямпасаса. Восставшие захватили и сожгли город Аттапы — столицу Тямпасаса и ряд других населенных пунктов. Тямпасакская правящая династия, подчиненная Бангкоку, не смогла справиться с восстанием, и только вмешательство правителя Вьентьяна позволило временно восстановить спокойствие в стране.

В 20-е годы XIX в. Вьентьян объединял 79 *мыангов* с плодородными землями, богатыми буддистскими храмами, торговыми городками и многочисленным земледельческим населением. Строительная и культурная деятельность позволила Анулуттхалату укрепить свой авторитет. В 1818г. он начал сооружение дворца во Вьентьяне, в 1818-1824 гг. в столице было завершено строительство крупнейшей в стране пагоды Сисакет, в которой правитель принимал присягу от своих вассальных *чао*. По всей стране производились сбор рукописей и их систематизация.

Активной была и внешнеполитическая деятельность Анулуттхалата. Еще в 1805 г. он начал тайные сношения с императором объединившегося Вьетнама. Напомнив императору в письмах о поддержке его в годы войн с тайшонами и изъявив в традиции установления союзнических (вассальных) отношений свое

221

согласие стать «младшим братом» правителя Вьетнама, он намекал на желание, в свою очередь, получить помощь Вьетнама в объединении Лаоса. Недовольство Анулуттхалата вызвала политика правительства Сиам, перекрывшего в 1814г. торговые пути из лаосских государств через Камбоджу, в результате чего торговые караваны направились в город Корат, где торговля находилась в руках перекупщиков-китайцев. Кроме того, в 20-е годы по приказу из Бангкока была начата татуировка лаосского населения, перемещенного в северо-восточные провинции Сиам, что вызвало возмущение в лаосских деревнях, поскольку сельское население Лаоса никогда не подвергалось таким унижительным мерам.

Обращение Анулуттхалата к Раме III с протестом против этой процедуры осталось без ответа.

В 1819г. правитель Вьентьяна добился в обмен на помощь в подавлении волнений горского населения в Тямпасаске согласия Бангкока назначить в этот южный район правителем своего сына. По свидетельству современников, Тямпасак к тому времени представлял собой рыхлый конгломерат *мыангов*, однако такое назначение укрепило позиции Анулуттхалата в Тямпасаске. Дипломатическая удача вдохновила Анулуттхалата в 1820 г. на предложение правителю Лаунгпха-банга заключить тайный союз против Сиам, однако он получил отказ. В 1820-1822 гг. Анулуттхалатом были сделаны попытки наладить дипломатические контакты с представителями Англии в Бангкоке Дж.Лоу и Г.Бёрни, а затем Дж.Кроуфёр-дом, которым он предложил план помощи Вьентьяну в освобождении западных лаосских *мыангов* от подчинения Сиамом.

В это же время начались тайные приготовления Анулуттхалата к военным действиям против Сиам. С этой целью укрепляется город Убон — центр лаосских *мыангов* на правом берегу Меконга, из которого планировалось организовать военный рейд в Сарабури, город, расположенный в 80 км от Бангкока. В ходе операции планировалось разгромить Корат и, собрав расселенных в его окрестностях лаосцев, вывести их во Вьентьян. Тайный вывод населения из сиамских провинций начался уже с 1826 г., когда по приказу из Вьентьяна были убиты сиамские переписчики-татуировщики. В том же году к Корату были направлены три армии под предлогом спасения лаосского населения, проживавшего в Сиаме. В мае 1827 г. они были разгромлены сиамской армией и отступили в левобережные районы, уводя тысячи уже переселенных лао. Сиамская армия, в составе которой были английские и португальские советники, обучавшие солдат владению современным оружием, вторглась на левобережье Меконга. Вьентьян был захвачен, и в Сиам доставлены в качестве добычи оружие, ценные изображения Будды, слоны и кони, а также пленники. Были вывезены все письменные документы, летописи, литературные сочинения. Анулуттхалат обратился за помощью в Хюэ и Пекин, а в октябре 1828 г. сделал безуспешную попытку освободить Вьентьян от сиамских войск. Город, полностью разрушенный и

сожженный, вскоре превратился в джунгли. Анулутхалат с семьей попытался найти убежище в Китае, но был выдан Сиаму, доставлен в 1829 г. в Бангкок, где и скончался.

Правобережные лаосские *мыанги* вновь стали внешними провинциями Сиам.

В 30-е годы XIX в. из трех крупных лаосских государств политическую независимость сохранил только Луангпхабанг, но и в его столице был размещен сиамский гарнизон. Правитель Луангпхабанга Мангхатулат (ок. 1817—ок. 1836) в 30-е годы попытался восстановить даннические отношения с Вьетнамом в духе

222

традиционной политики защиты слабого государства более сильным, но не имел успеха.

Сын Мангхатулата и наследник престола Луангпхабанга принц Суксём с 1826 г. находился в Бангкоке в качестве «наблюдателя», а затем заложника, которому лишь в 1836 г. было разрешено вернуться на родину. Сиам в 40-е годы упорно добивался от взошедшего на трон Суксёма (1838-1852) признания «старшинства» Сиам, т.е. признания правителя Сиам покровителем Луангпхабанга.

Княжество Пхуан в 1834 г. было захвачено Сиамом, в его столице оставлен сиамский гарнизон. Но соперничество Сиам с Вьетнамом за лаосские княжества продолжалось и в дальнейшем.

Глава 16

КАМБОДЖА:

ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО УПАДКА (XVIII в.—1840г.)

В XVIII в. Камбоджа занимала области по среднему и нижнему течению р. Меконг, часть его дельты и восточную часть долины р. Менам. Консолидация к западу от Камбоджи тайского государства Сиам, частые вторжения войск последнего в пределы камбоджийской территории, сопровождавшиеся угоном земледельческого населения и разрушением городов, привели к заметному упадку экономики Камбоджи и политической деградации. С востока Камбоджа испытывала экспансию Дайвьета (Вьетнама); в пограничной с ним полосе существовали автономные территории со своими династиями, такие, как Хатиен (династия Мак, формально признававшая власть правителей Камбоджи). Даже после 1715г., когда Маки стали вассалами Нгуенов, они оставались кхмерскими наследственными губернаторами. В западной части Камбоджи известны наместники провинций, назначенные камбоджийским правителем, но тяготевшие к соседнему Сиаму.

Неопределенность границ Камбоджи в XVIII в., разобщенность территории, большая подвижность населения, почти непрерывные войны с соседями, эпидемии приводили к депопуляции страны. Однако численность населения Камбоджи довольно быстро восстанавливалась за счет миграции чамов и насильственно переселяемых лао-военнопленных. Переселенцы осваивали земли, когда-то заселенные, но заброшенные местным кхмерским населением. Освоение земледельческих районов в долинах небольших рек крестьяне проводили самостоятельно, без участия государства, силами семьи и сельской общины. Новой — крестьянской — этике соответствовала и новая религиозная система — буддизм, — сменившая индуизм. Утверждение в Камбодже (с XIV в.) в качестве государственной идеологии буддизма знаменовало демифологизацию восприятия мира кхмерским обществом, десакрализацию политической власти. Жизнь в обществе регулировалась традиционными обычаями, обрядами и ритуалами, санкционированными буддизмом.

К середине XVIII в. Камбоджа стала буддийской страной с хорошо развитым земледелием. Еще португальский поэт Камознс в своей знаменитой поэме «Лузиа-ды» (1572 г.) восторженно описывал процветающее земледелие этой страны. Рис производился в больших количествах, потреблялся внутри страны, а также вывозился наряду со скотом и рыбой.

К концу XVIII в. — началу XIX в. материальное положение свободного земледельческого населения ухудшилось, развились «должничество» (заклад в знатные семьи младших членов семей) и ростовщичество под очень высокий процент. Долговые зависимые, клиенты, «рабы», *кньомы* находились в услужении у

224

кредитора, выполняли работы в поле и по дому в качестве слуг, торговали, были воинами в его отряде. Но в массе земледельческое население оставалось свободными подданными правителя Камбоджи и, как «свободное», противостояло «рабам», купленным на рынке, и военнопленным — *кньом кра*. Последние селились обособленно, вдали от мест проживания коренного населения.

Отношения между земледельческим населением и правящим слоем по поводу земли строились не на экономической основе, а определялись моральным долгом религиозного, буддийского характера, в

силу чего земледелец занимал землю и обрабатывал ее, лицо из знати получало над ним власть. Но обязательства между этими социальными группами не были законодательно оформлены и закреплены. При таком типе зависимости не возникало слоя крупных феодальных земельных собственников, не было классово-сословной сплоченности феодалов, противостоящих крестьянству.

Состав правящего слоя в XVIII в. оставался аристократическим, не отмечено включения в него ни верхов сельских или торговых общин, ни выходцев из торговых городских слоев.

В кхмерском обществе не была оформлена социальная иерархия «достоинств», как в соседнем Сиаме, выделявшая и включавшая в состав правящего слоя наиболее активные социальные группы.

Социальная иерархия Камбоджи сохраняла в своей основе принцип внутрисемейных, а не служебных (служба государю) отношений.

Особа монарха возвышалась над обществом и освящалась шиваитским ритуалом, разработанным еще в период средневековья. Но в XVIII-XIX вв. ритуал был не пережитком буддийского общества, а общегосударственным культом, в котором было заложено почитание главы государства как совершенной личности.

Семья монарха и ее родственники до пятого колена — их было несколько сот человек — именовались *преах вонгса*; они проживали в столице Удонге. Это была придворная знать, имевшая право на «королевский стиль», т.е. право строить дом в дворцовом стиле, иметь слонов, носить богатые одежды с драгоценными камнями, использовать особого вида паланкины и зонты. Их окружала многочисленная свита из рабов, имели они и вооруженные отряды, вместе с которыми вступали в борьбу в моменты династийных кризисов.

В Камбодже не было традиции прямого наследования власти правителя, преемника избирал из числа *преах вонгса* совет сановников и священнослужителей. Нередко избрание сопровождалось вооруженной борьбой претендентов на трон.

Преах вонгса могли иметь родовые земли, а также право получать рис из амбаров правителя. В стране соблюдалось традиционное право освобождения членов клана от государственной службы и налогов. Родственники семьи правителя более дальних степеней родства (*преах вонг*), очень многочисленные, жили в основном в провинции. У них также могла быть земля, сохранявшаяся поколениями в их семьях по наследству. Эту землю обрабатывали земледельцы за оказывавшееся им покровительство. Низшие слои *преах вонг* (ниже пятого колена) трудились на земле сами. *Преах вонг* также освобождались от обязательных работ на государство и налогов.

225

Между знатью и земледельческим населением существовала устойчивая социальная группа незнатных семей — *намознов*, находившихся на государственной службе. Посты в государственном аппарате занимали также сыновья и внуки *намознов*. *Намозны* в провинции имели собственные земельные участки, освобожденные от налога в рисе.

Основным налогом, который уплачивало земледельческое население, была десятина с урожая риса. Рис, собранный в счет налога, поступал в амбары казначейства, откуда его получали *преах вонгса* и *преах вонг*, а также проживавшие в столице высшие должностные лица государства, индуистское духовенство, столичные *намозны*, часть буддийских монахов, близких ко двору. Помимо налога земледелец отдавал должностным лицам — сборщикам риса, хранителям амбаров и многим другим — массу поборов в рисе непосредственно, минуя государственные амбары.

В годы хороших урожаев крестьянская семья получала с «обычного» поля (около 3 га) достаточно риса, чтобы прокормиться до нового урожая, уплатив все налоги. Но в случае невысоких урожаев земледельцы, спасаясь от поборов, уходили на новые земли, забрасывая прежние поля.

Очень обременительными для земледельцев были работы на государство, хотя в XIX в. они были уменьшены до 90 дней в году. Для их выполнения сельским населением создавались специальные производственные отряды — *комлан-ги*. Возглавлявшие их *мекомланги* жили в столице: они часто помогали крестьянам уклоняться от выполнения государственных работ, используя их труд в своих хозяйствах.

Основной функцией административного аппарата Камбоджи XVIII-XIX вв. был сбор налогов с земледельческого населения; цели же управления были вторичны. Этот аппарат составляли четыре «дома» — «дом» правителя, «дом» отца правителя, «дом» младшего брата правителя, «дом» королевь-матери. Каждый «дом» имел свой двор, занимавшийся сбором доходов с *кхетов* — провинций, — которые к нему были приписаны. Из 50 *кхетов* страны 35 были приписаны к «дому» правителя, у остальных насчитывалось 7, 5, 3 *кхета* соответственно.

Кхеты монарха были поделены между пятью должностными лицами, высшими сановниками государства: главным министром; верховным судьей; главным казначеем (а также управителем королевского дворца); *калахомом*, ведавшим водным транспортом; «министром», ведавшим средствами передвижения. Доходы с подведомственных им провинций частично шли в амбары правителя (казну), частично в амбары этих сановников. Подобную структуру управления имели и три

других «дома».

Управляли провинциями наместники, превратившие свои должности в наследственные. В пограничных с Сиамом и Вьетнамом провинциях наместники стали фактически полунезависимыми. Они опирались на поддержку просиам-ской или провьетнамской группировки провинциальной аристократии. Земледельческое население в подобных полуавтономных провинциях фактически становилось «подданными» наместников, а не центральной власти.

Провинции состояли из *сроков* (округов) во главе с *месроком*, ответственным за поступление налогов в казну, а те — из деревень (*кхумов*) во главе с *мекхума-ми*. Последние решали на основе обычного права судебные дела, а также собира-

226

ли население на выполнение общих для деревни работ. Главы округов и деревень не получали риза от казны и жили за счет своих земель, которые обрабатывали члены их семей. Последние могли выполнять работы и за покровительство со стороны знатного лица. Сельское население обязано было иметь «патрона» из чиновников, представлявшего каждую крестьянскую семью перед государством. Выбор патрона был добровольным, крестьянин мог поменять патрона и место жительства. Это происходило в том случае, если одна из сторон нарушала принцип взаимных услуг, на котором строились эти отношения. К XIX в. такие группы (патрон-клиент) превратились в значительную политическую силу, даже если переселялись в другую провинцию (а иногда за пределы страны вместе со своим главой).

Исследователи истории Камбоджи единодушно отмечают упадок центральной власти к концу XVIII в., тщетность попыток правителей Анг Тонга (1755-1757) и Преах Утей (1759-1775) укрепить ее, упорядочив престолонаследие, назначая преемника не обязательно из правящей семьи. Но борьба придворных и местных аристократических кланов продолжалась и в начале XIX в., ослабляя центральную власть.

На ситуацию в Камбодже, как и в соседних странах, влияло изменение направления торговых потоков на протяжении всего XVIII в.; в это время важным предметом экспорта становится рис, предназначенный для Китая. В результате в Камбодже усиливается китайская торговая община, по-прежнему связанная с китайской торговой общиной соседнего Сиам. Вместе с тем по мере объединения Вьетнама в Камбодже усиливается влияние и вьетнамцев. К началу XIX в. власть в Камбодже фактически была поделена между западными аристократическими кланами, находившимися под влиянием Сиам, и восточными, испытывавшими давление Вьетнама.

В правление Анг Тяна II (1806-1834) придворные круги Камбоджи попытались ослабить влияние Сиам в западных районах страны и через брак правителя с дочерью главы западных *кхетов* склонить на сторону престола западные кланы. Правящим кланом Камбоджи была использована и такая традиционная мера, как двойной сюзеренитет Сиам и Вьетнама, оформленный в 1807г., однако с 1810г. наступление на территорию Камбоджи с запада и востока возобновилось.

В 1814 г. сиамские войска захватили *кхеты* Млу-Преи и Тонле-Репу на севере страны, а также Стунг-Тренг. На востоке власти Вьетнама поставили под свой контроль земли на правом берегу Меконга, границей стал канал Хатиен, сооруженный в 1815-1820 гг. кхмерскими и вьетнамскими крестьянами. Контакты с правительством Камбоджи из ведения двора Вьетнама были переданы наместнику юга Вьетнама, т.е. страна фактически стала рассматриваться как зависимая территория.

В 1831 г. армия Сиам, ведшая военные действия против Вьетнама, вторглась и в Камбоджу. С помощью вьетнамских войск это вторжение было отбито, столица Удонг и город Пномпень освобождены и Анг Тян восстановлен на троне.

В 30-е годы Вьетнам вновь укрепляет свое влияние в Камбодже. Был взят курс на включение Камбоджи в состав вьетнамского государства. Камбоджа была разделена на провинции, которым были даны вьетнамские названия, во главе государства оказались вьетнамские чиновники, столица переименована. В цен-

227

тральной и восточной Камбодже были размещены вьетнамские войска, проведена стратегическая дорога к Сайгону. Номинально же правление страной оставалось в руках правительницы Анг Мей (1834-1841). Во время ее правления официальным языком в Камбодже стал вьетнамский. Буддизм подвергся гонениям со стороны конфуцианцев.

Глава 17

МАЛАЙЯ, СИНГАПУР

И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН

В КОНЦЕ XVIII в. — 1840-х ГОДАХ

МАЛАККСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В КОНЦЕ XVIII в.

Полуостров представлял собой конгломерат султанатов и других владений, истоки которых восходили к Малаккскому султанату, объединявшему в XV в. большую часть полуострова, а также княжества Восточной Суматры и расположенные между Малайей и Суматрой острова. Северная часть полуострова (Пат-тани, Лигор и некоторые другие малайские княжества) прочно вошла в состав Сиама, который, оправившись от бирманского нашествия 60-х годов XVIII в., укрепил власть над своими южными вассалами. Северные султанаты Малайи (Кедах, Келантан, Тренггану) также считались вассалами Сиама, но власть последнего над ними была в значительной степени формальной: малайские султаны ограничивались более или менее регулярной посылкой *бунга мае* («золотого цветка»), символизирующего признание сюзеренитета.

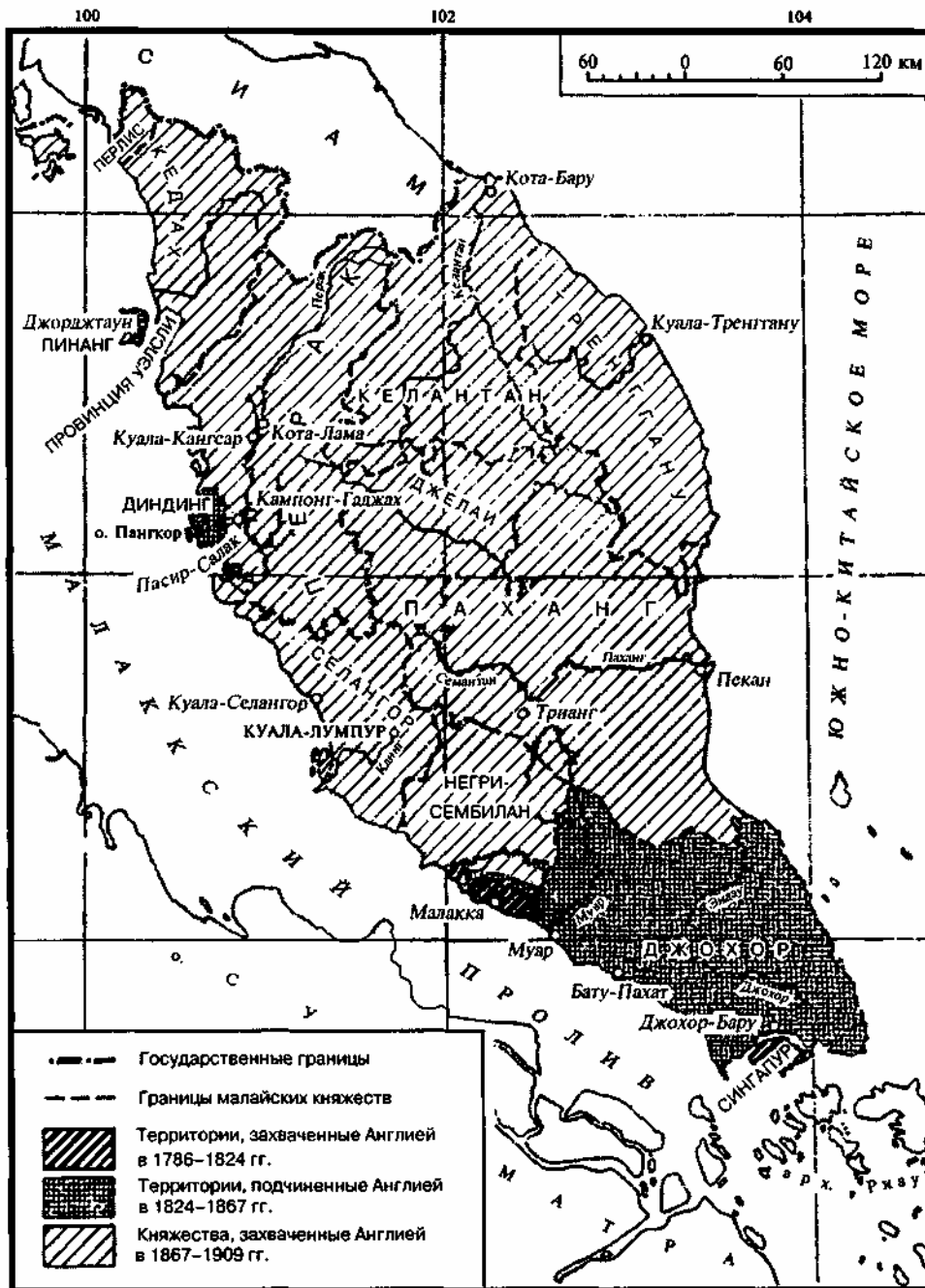
В Западной Малайе, к югу от Кедаха, был расположен Перак, граничивший на востоке с Келантаном и Пахангом. Это княжество, в котором правила династия, ведшая начало от султанов Малакки, усилилось при султани Искандаре (1756-1770), но после его смерти вступило в полосу междоусобиц. Река Бернам отделяла Перак от расположенного южнее султаната Селангор, который, как Кедах и Перак, также выходил к Малаккскому проливу. Селангор непрерывно враждовал с Пераком. В 1804 г. селангорский султан Ибрахим даже захватил Перак и в течение двух лет удерживал его под своей властью.

С Селангором с юга граничил Негри-Сембилан — конфедерация владений, основанных суматранскими *минангкабау*. В XVIII в. *минангкабау* в Малайе поддерживали суматранского раджу Кечилия, своего соплеменника, в борьбе с бугами, появившимися в Малайе с Сулавеси. Поражение бугов в столкновении с голландцами ускорило складывание государства *минангкабау* Малайи.

В 1773 г. *унданги* (правители) ведущих минангкабауских княжеств (Рембау, Сунгей-Уджонг, Джохол и Джелебу) избрали *ям-туаном* (верховным правителем) раджу Мелевара, происходившего из правящей династии Минангкабау на Центральной Суматре. Мелевар обосновался в столичной области Срименанти и сумел объединить вокруг нее мелкие владения — Улу-Муар, Терачи, Гунонг-Пасир и Джемпол. Конфедерация, получившая название Негри-Сембилан («Девять княжеств»), в 1795 г. порвала все формальные узы, которые связывали ее с султанами Риау-Джохора. К югу от Негри-Сембилана находилось небольшое минангкабауское владение Нанинг, признававшее с XVII в. формальную зависимость от голландской Малакки.

Река Муар отделяла территорию Малакки от Джохора. Джохор — малонаселенная территория на юге полуострова — превратился в удел джохорских *те-менггунгов* (некогда высших сановников Малаккского султаната, ведавших поддержанием порядка и сбором пошлин), которые распространяли свою власть также на некоторые острова к югу, в том числе и Сингапур.

ЗАВОЕВАНИЕ МАЛАЙИ АНГЛИЕЙ

230

Центральную часть полуострова занимало выходящее к побережью Южно-Китайского моря княжество Паханг, где правили потомки *бендахар*, бывших первыми министрами в Малаккском султанате. Формально Джохор и Паханг признавали своими сюзеренами султанов Риау — архипелага к югу от полуострова.

Главным опорным пунктом европейцев была принадлежавшая голландцам с 1641 г. Малакка на западном побережье. К концу XVIII в. она полностью утратила торговое значение и представляла для Нидерландской Ост-Индской компании ценность как военно-морская база на пути из Индии на Архипелаг. Существовали голландские форты на Риау и в Пераке.

Малайские султанаты, именуемые *негри* (страна), занимали обычно территорию в бассейне одной из главных рек полуострова. Во главе стоял султан, или *янг-ди-пертуан бесар* («тот, кто является господином»). Султанаты делились на области (*даэрах*, *дждаджахан*), являвшиеся владениями того или иного знатного рода. Малайское общество четко делилось на две страты — знать (*раджи*, *тунку*, *дата*, *ваны*) и простолюдины (*раяты*). Реальная власть султанов в условиях раздробленности была невелика. Крестьяне жили общинами, владея земельными участками, которые

передавались по наследству. Помимо крестьян-общинников в малайских султанатах существовали долговые зависимые (*рранг берхутанг, каван*) и немногочисленные рабы (*абду*), жившие в домах знати. Во главе малайской деревни стоял староста (*пенгхулу*), обычно эта должность была наследственной. Верхушку деревни составляли его помощники-старейшины (*мата-мата*) и *имам* — священнослужитель деревенской мечети.

Определяющими тенденциями социально-экономического развития Малайи в XVIII — первой половине XIX в. стали усиление власти владетельной знати, рост эксплуатации крестьянства, возрастание числа долговых зависимых. Эти тенденции были тесно связаны с появлением европейских анклавов на побережье и вовлечением знати в торговлю с ними .

УТВЕРЖДЕНИЕ АНГЛИЧАН В МАЛАЙЕ. ЗАХВАТ ПИНАНГА

В конце XVIII в. более значительный, чем прежде, интерес к Малайе стала проявлять Английская Ост-Индская компания (АОИК). Если в начале XVII в. АОИК стремилась обосноваться на Архипелаге и в Малайе, чтобы получить доступ к торговле пряностями, то со второй половины XVIII в. ее политика в этом регионе определялась в первую очередь проблемами, возникшими в связи с завоеванием Индии. Борьба с Францией за Коромандельское побережье побуждала Англию к поискам удобной гавани поблизости от Бенгальского залива, где происходили основные морские сражения. Создание базы отвечало и торговым интересам АОИК, расширявшей торговлю между Индией и Ки-

' О социально-экономической и политической структуре малайских княжеств подробнее см.: История Востока. Т. III. С. 525-528.

231

таем, а также увеличившей объем своей торговли с государствами Архипелага и Полуострова. АОИК обратила внимание на Кедах, где бывший морской офицер Фрэнсис Лайт, занимавшийся торговлей, вступил в переговоры с его султаном. В 1772 г. Компания направила в Кедах посольство, закончившееся неудачей.

После англо-голландской войны 1780-1784 гг. и успешных действий французского флота в Бенгальском заливе в 1782-1783 гг. вопрос о месте для английской военно-морской базы снова приобрел остроту. В 1786 г. новый султан Кедаха, Абдуллах, вступивший на трон после длительного периода междоусобиц и страшившийся сиамского или бирманского вторжения, поддался на уговоры Лайта, обещавшего, что АОИК защитит Кедах. В 1786 г. Лайт высадился на о-ве Пинанг, близ побережья Кедаха, и поднял там британский флаг. По соглашению с Лайтом султан передавал АОИК остров, а взамен Компания обязалась защищать султанат и выплачивать султану ежегодно 30 тыс. испанских (малайских) долларов.

Пинанг стал новым английским владением — резидентством под юрисдикцией губернатора Бенгалии, а Лайт — его суперинтендантом (1787-1794). Провозглашение Джорджтауна — административного центра новой колонии — свободным портом способствовало развитию торговли и заселению дотоле малолюдного острова малайцами из Кедаха, а также китайскими и индийскими иммигрантами. Пинанг превратился в центр, откуда английские и индийские товары расходились по Полуострову и Суматре и куда стекалась местная продукция — олово, золото, ротанг (испанский тростник), пряности, перец, слоновая кость, являвшиеся предметами вывоза по преимуществу в Китай. В 1789 г. объем торговли Пинанга составил 850 тыс. исп. долл., а через пять лет удвоился. На острове появились плантации пряностей и перца.

Постоянно боровшаяся за сокращение расходов на содержание колоний АОИК, к тому же занятая индийскими проблемами, уже в 1787 г. уменьшила размеры компенсации султану Кедаха и отказалась помочь ему против надвигавшейся сиамской угрозы. Обманутый султан пытался бороться, но Фрэнсис Лайт в 1791 г. напал на кедахский флот и разгромил его. После этого он заставил султана подписать новое соглашение, в котором уже ничего не говорилось об обязательствах Ост-Индской компании, а компенсация за Пинанг уменьшалась до 6 тыс. исп. долл. в год.

В 1800 г. Англия приобрела у Кедаха с обязательством уплачивать по 4 тыс. исп. долл. в год прибрежную полосу напротив Пинанга, которая была названа Провинцией Уэлсли. Султан Кедаха надеялся, что англичане теперь окажут ему помощь в борьбе против Сиам.

В 1805 г. Пинанг стал четвертым президентством Индии наряду с Калькуттой, Мадрасом и Бомбеем, т.е. его статус существенно повысился. Английское правительство, в связи с наполеоновскими войнами взяв курс на расширение колониальных владений в ЮВА, хотело превратить Пинанг в свой основной опорный пункт в этом районе.

В 1795 г. английским владением стала и Малакка. Оккупировав город, принадлежавший Голландии, тогда союзнице Франции, англичане взорвали форт, рассчитывая лишить соперника

первоклассной крепости, если придется вернуть Малакку Нидерландам.

232

После захвата англичанами голландских факторий и фортов в Малайе местные княжества (прежде всего Риау и Перак), находившиеся под голландским влиянием, вернули себе независимость, ибо английские власти в тот период не вмешивались активно в малайские дела, сосредоточив внимание на захваченных ими территориях на Яве и Молуккских островах. Но англо-голландские противоречия в этом районе продолжали сохраняться.

Желание создать новую базу в Юго-Восточной Азии подогревалось также тем, что Пинанг не оправдал тех надежд, которые на него первоначально возлагались. После создания военно-морской базы на Цейлоне отпала необходимость использовать Пинанг для стоянки английского флота. К тому же начался упадок торговли Пинанга, причем не последнюю роль в этом сыграла ликвидация его первоначального статуса свободного порта.

ОСНОВАНИЕ СИНГАПУРА И ЕГО РАЗВИТИЕ

После окончания наполеоновских войн и подписания 13 августа 1814г. соглашения между Великобританией и Нидерландами о возвращении последним их колониальных владений (кроме Цейлона и Капской земли) Голландия на протяжении 1816-1818 гг. восстановила свои позиции на Архипелаге и Малаккском полуострове. В английских же торговых и колониальных кругах вызревала и укреплялась мысль о необходимости захвата в этом регионе выгодной стратегической позиции и создания там свободного порта для поддержки торговых интересов Англии в Южных морях и для противодействия Нидерландам. Активно поддерживали эти настроения торговцы и администрация Пинанга, остававшегося после возвращения Малакки голландцам единственным британским владением в Малаккском проливе. Глашатаем этих настроений выступил служащий Английской Ост-Индской компании Томас Стемфорд Раффлз (1781-1826).

Раффлз в 1805-1810 гг. служил в администрации Пинанга, а в 1811-1816 гг. был губернатором оккупированной англичанами Явы. После этого он был назначен губернатором Бенкулена — не очень значительной английской колонии на Западной Суматре. В 1818 г. генерал-губернатор Индии маркиз Хэйстингс, ознакомившись с проектом Раффлза, разрешил последнему возглавить экспедицию для создания английской базы у южного входа в Малаккский пролив, чтобы предотвратить, как было сказано в инструкции, господство голландцев на «путях прямых торговых связей между Китаем и Европой». 28 января 1819г. эскадра из восьми судов бросила якоря у о-ва Сингапур, а на следующий день Раффлз высадился на берег.

Остров Сингапур, отделенный от Малаккского полуострова узким Джохор-ским проливом, к этому времени² стал прибежищем для нескольких сот человек,

² Первые достоверные сведения о Сингапуре относятся к XIV в., когда он был известен яванцам, китайцам и арабам как Тумасек (Темасек). В конце XIV в. здесь обосновался один из потомков махараджей Шривиджайи, но был изгнан войсками яванского Маджапахита или малайских вассалов тайской Аютии. В эпоху Малаккского султаната (XV в.) Сингапур был одним из южных форпостов этого государства. После падения Малакки под ударами португаль-

233

принадлежащих к кочевым морским малайским племенам *оранг лаут*, занимавшимся рыболовством, собирательством, посреднической торговлей и пиратством. В деревне на южной оконечности острова жил владетель Сингапура, претендовавший и на власть над южномалайским Джохором, Даинг Абдуррахман, носивший восходящий к временам Малаккского султаната титул *теменггунга*. 30 января 1819г. Раффлз заключил соглашение, по которому *теменггунг* за 3 тыс. малайских долл., выплачиваемых ежегодно, разрешил англичанам создать на острове торговую факторию и обязался не вступать в соглашения с представителями других держав. Чтобы придать большую юридическую силу соглашению, Раффлз использовал отстраненного от трона султаната Риау-Джохор принца Хусейна, привез его на Сингапур и провозгласил султаном. В феврале 1819г. Раффлз подписал с ним и *теменггунгом* договор, подтверждавший первоначальное соглашение, а в 1823 г. заставил султана Хусейн-шаха и *теменггунга* Абдуррахмана подписать еще одно соглашение, по которому малайские владетели отказывались от всех прав на Сингапур и близлежащие острова (за исключением участков, где они жили) и устранялись от всех судебных дел, не связанных с мусульманской религией, брачными отношениями среди малайцев и малайским обычным правом (*адатом*).

Нидерланды, возобновившие в конце 1818г. свой протекторат над султанатом Риау-Джохор, естественно, протестовали против действий Раффлза и даже начали демонстративные военные приготовления с целью изгнания англичан с о-ва Сингапур. Но, хотя ни английское правительство, ни Ост-Индская компания, ни власти в Калькутте не желали конфликта с Голландией, Сингапур они не отдали. Веяли новые ветры: уходила в прошлое колониальная политика времен торговых компаний и на авансцену в Англии выходили торгово-промышленные круги, заинтересованные в свободе торговли, и особенно в расширении торговли с Китаем.

Сингапур быстро начал превращаться в оживленный порт, чему способствовали принципы, установленные Раффлзом со дня его основания: свободная торговля, поддержание порядка и

законности. Вскоре Сингапур отвлек значительную часть торговли Пинанга и Риау, сюда стали заходить суда из Сиам, Камбоджи, Вьетнама, а также европейские корабли из Индии. Но главное — Сингапур стал одним из центров торговли с Китаем.

Сингапур с самого начала был многонациональным поселением, его власти охотно принимали переселенцев, особенно торговцев и ремесленников. Вначале большинство населения составляли малайцы, но постепенно возрастал приток китайцев, а также индийцев и буггов; проживали здесь также арабы, армяне и европейцы.

Начало формированию облика, структуры и характера колониального Сингапура было положено Раффлзом. Он пытался создать колонию на Востоке согласно своим мечтам и принципам: послушное местное население, просвещенная и гуманная английская администрация, законность, образование и предпринимательство по европейской модели. Была осуществлена планировка города, приведена в порядок судебная система, реорганизована полиция, запрещено ношение оружия, упразднены игорные дома, обложена высокими акцизами продажа алкоголя и опиума, введена выдача лицензий на ломбарды, запрещена работорговля.

цев (1511 г.) на Сингапуре, вошедшем в состав султаната Риау-Джохор, была учреждена таможня, которую в 1613г. сожгли португальцы. С этого времени остров обезлюдел.

234

В июне 1823 г. в Сингапур прибыл новый резидент (первый резидент, Уильям Фаркьюхар (1819-1823), был уволен Раффлзом) — Джон Кроуфёрд, служивший под началом Раффлза еще на Яве. Английская Ост-Индская компания накануне нового соглашения с Голландией решила передать остров из ведения Бенкулена под прямое управление Калькутты. Кроуфёрд, авторитарный, суровый, умный и изворотливый шотландец, скептически отнесся к попыткам Раффлза ввести начатки городского самоуправления, оздоровить моральный климат и положить начало высшему образованию в Сингапуре (Раффлз основал колледж, позже известный как Сингапурский институт, или Институт Раффлза), но зато ревностно следовал программе Раффлза в части сохранения свободы торговли, городского благоустройства, уменьшения влияния малайской знати и борьбы с рабством.

В 20-х годах XIX в. Англия и Голландия пошли на урегулирование своих давних противоречий и на раздел сфер влияния в Юго-Восточной Азии. По Лондонскому договору 17 марта 1824г. Нидерланды уступили Англии свои фактории в Индии, согласились на занятие англичанами Сингапура, передали англичанам Малакку и обязывались впредь не создавать владений на Малаккском полуострове и не заключать договоров с тамошними владетелями. Англия, в свою очередь, уступала голландцам Бенкулен и все свои владения на Суматре, а также обещала, что не будет основывать факторий на этом острове и вступать в отношения с его правителями. Англичане отказались от претензий на архипелаг Риау-Линга и все острова к югу от Сингапурского пролива. Обе стороны предоставляли друг другу права наиболее благоприятствуемой нации в своих владениях на Востоке и согласились не облагать товары друг друга высокими пошлинами.

В 1824 г. закончился первый этап английской экспансии в Малайе, начавшейся в последней четверти XVIII в. Англия, укрепившись в опорных пунктах вблизи побережья Малайи — Пинанге, Провинции Уэлсли, Малакке и Сингапуре, — стала превращаться в решающую силу в Малайе.

МАЛАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА И АНГЛИЯ

В 20-40-х годах XIX в. Англия почти не производила новых захватов на Малаккском полуострове, довольствуясь тем, что держала в своих руках важные пункты на побережье. Ее политика в Малайе определялась прежде всего ситуацией в Индии и борьбой за торговую гегемонию на морских путях в Юго-Восточную Азию и Китай. Великобритания рассматривала Малайю как сферу своего влияния, и администрация колонии Стрейтс Сеттльменте («Поселения на проливах»), объединившей в 1826 г. Пинанг, Провинцию Уэлсли, Сингапур и Малакку, постоянно вмешивалась в дела малайских княжеств. В начале XIX в. окрепший Сиам возобновил свои притязания на контроль над северными малайскими княжествами. В 1821 г. сиамская армия вторглась в Кедах. Несмотря на неоднократные обещания помощи султанам Кедаха, Англия, у которой назревал конфликт с Бирмой и которая была заинтересована в торговле с Сиамом, решила не вмешиваться. Сиамские войска оккупировали Кедах, султан бежал на Пинанг. Результатом английских миссий в Сиаме в 1822-1825 гг.

235

стало признание Бангкоком права Англии на владение Пинангом и Провинцией Уэлсли, а АОИК обязалась не вмешиваться в кедахские дела. В 1825 г. губернатор Стрейтс Сеттльменте Роберт Фуллертон, сторонник «энергичных действий», заключил договоры с Пераком и Селангором, что заставило Сиам отказаться от намерения подчинить и эти султанаты.

В 1826 г. капитан Генри Бёрни подписал договор с Сиамом в Бангкоке, по которому в обмен на торговые уступки Англия признала Кедах сиамским вассалом. В 30-х годах XIX в. в Кедахе постоянно вспыхивали восстания против сиамского гнета. Английские власти заняли по отношению к борьбе Кедаха за независимость двойственную позицию: с одной стороны, они поддерживали надежды

султана Кедаха, продавая ему оружие, а с другой — не желали терять торговые преимущества в Сиаме. В 1831 г. племянник султана, Туанку Кудин, провозгласил священную войну против сиамцев и выбил их из Кедаха. Через несколько месяцев сиамские войска жестоко подавили восстание. Тысячи малайцев, спасаясь от резни, бежали на территорию Провинции Уэлсли. История повторилась в 1839 г., когда сиамцы подавили восстание во главе с дядей султана, Туанку Мохаммадом Саадом. В 1842 г. сиамское правительство, напуганное непрекращающимися восстаниями, решило восстановить на троне султана Кедаха в качестве вассала Сиама. Небольшая область на севере — Перлис — была отделена от Кедаха и образовала отдельный султанат. Вассал Сиама Кедах — едва ли не самое процветающее малайское княжество — после сиамской оккупации и восстаний совершенно ослабел. Население, численность которого накануне сиамского вторжения составляла более 100 тыс. человек, сократилось до 25 тыс., а по некоторым сведениям, даже до 10 тыс. человек.

Минангкабауские княжества, находившиеся в непосредственной близости к Малакке, стали одними из ранних объектов английского вмешательства. В начале 30-х годов XIX в. в Негри-Сембилане разгорелись междоусобицы. Часть владений во главе с раджей Али и его зятем Сайидом Сабаном выступила за укрепление центральной власти. Незаинтересованная в этом администрация Стрейтс Сеттльменте поддерживала князей, стремившихся к ослаблению власти центра.

Небольшое минангкабауское княжество Нанинг, не входившее в Негри-Сембилан, числилось вассалом Малакки еще со времен португальского владычества. В действительности и при португальцах, и при голландцах, и в период первой оккупации Малакки англичанами Нанинг оставался совершенно независимым, уплачивая чисто символическую дань Малакке. В 1825 г. губернатор Стрейтс Сеттльменте Р.Фуллerton предложил распространить на Нанинг фискальную систему и судебные законы Малакки. В 1826 г. английские власти потребовали от Нанинга уплаты десятины и объявили *пенхулу* (владельца) Нанинга Абдул Сайида должностным лицом Ост-Индской компании. Абдул Сайид резко воспротивился попыткам вмешательства в его судебные и налоговые права. Летом 1831 г. против Нанинга была послана английская экспедиция. Новый губернатор Стрейтс Сеттльменте Р.Иббетсон полагал, что шеститысячное население Нанинга не окажет серьезного сопротивления. Но малайцы, уклоняясь от открытых сражений, прибегли к партизанским действиям и заставили английскую колонну в беспорядке отступить, причем ее пушки, застрявшие в бездорожье джунглей, достались нанингцам.

236

В феврале 1832 г. война возобновилась. Против нескольких сотен ожесточенно сопротивлявшихся малайцев, вооруженных мушкетами и холодным оружием, действовало свыше полутора тысяч солдат английской регулярной армии. В конце 1832 г. Нанинг был покорен и административно присоединен к Малакке.

После окончания Нанингской войны вновь вспыхнули усобицы в Негри-Сембилане. Князя (*унданги*) Рембау и Сунгей-Уджонга, недовольные самовластием Сайида Сабана, к тому же посягнувшего на главные оловоносные районы их владений, подняли мятеж, и в 1835 г. *ям-туан* (верховный правитель) раджа Али и Сайид Сабан, потерпев поражение, бежали в Малакку. Англичане не оказали им поддержки, предпочитая иметь дело с разобщенными княжествами.

СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН

До 30-х годов XIX в. Северный Калимантан входил в состав владений султанов Брунея, оставаясь, по существу, вне сферы европейской (голландской и английской) колониальной политики.

Несколько оживилась экономическая жизнь султаната с возникновением Сингапура, где находили сбыт местные товары. В связи с этим обострились противоречия между торговцами-народами (шкиперами) и поддерживающими их местными вождями, с одной стороны, и главами малайских и даякских поселений на побережье и потомками арабских эмигрантов (*шерипами*) — с другой.

Последние предводительствоваали пиратскими флотилиями, нападавшими на европейские суда, китайские джонки и малайские *прау*. Эти противоречия осложнялись борьбой дворцовых клик, восстаниями даякских племен, а также стремлением местных вождей сохранить доходы от торговли и пиратства в своих руках, не делясь с центральной властью.

В 30-х годах XIX в. Саравак — западной областью султаната — управлял наместник султана Брунея — *пангеран* (принц) Макота, злоупотребления которого вызвали восстание местных даякских племен. Султан отправил в Саравак наследника престола Хашима, который так и не смог подавить восстание. В результате малайская знать Брунея сохранила власть лишь над центром Саравака — Кучингом и небольшой округой по соседству с ним.

В такой обстановке на Саравак появился Джеймс Брук — бывший военный, из-за ранения покинувший службу в Английской Ост-Индской компании. Авантюрист по натуре, Брук, получив наследство, снарядил яхту и отправился в поисках приключений на Малайский архипелаг.

В 1839 г. Брук прибыл в Кучинг и завязал дружеские отношения с Хашимом, предложив ему свою помощь в борьбе с восстанием даяков. Брук, сумевший подавить восстание, в 1841 г. получил от

Хашима титул раджи и пост наместника Саравака.

Английское правительство, исходя из общей линии колониальной политики в середине XIX в. — нежелания приобретать новые территории (обладание которыми увеличивало расходы на управление), а кроме того, боясь осложнить отношения с Нидерландами, подозрительно следившими за деятельностью Брука, отрицательно отнеслось к предложениям последнего о превращении Саравака в

237
колонию или протекторат. Но с самого начала оно стало оказывать Бруку помощь в установлении власти, поскольку было заинтересовано в подавлении пиратства, угрожавшего торговле Сингапура, и в приобретении станции для пополнения запасов угля пароходов на пути в Китай. Брук, в свою очередь, умело использовал появление британских военных судов для борьбы не только с пиратами, но и с непокорными даякскими племенами и малайскими феодалами.

В 1843 г. Брук с помощью капитана английского парохода «Дидона» Кеппела разгромил укрепления племени серебасов, а в 1844 г. сокрушил своих главных врагов в Сараваке — *пангерана* Макоту и *шерипа* Сахапа, заодно устроив кровавую резню среди племени секаранов. В 1845 г., воспользовавшись приходом английской эскадры адмирала Т.Кокрэна, Брук добился отстранения от власти своих врагов при брунейском дворе и восстановления позиций Хашима и его брата Бедруддина. Вслед за этим эскадра нанесла удар по Маруду, крепости ла-нунов, возглавляемых другим врагом Брука — *шерипом* Османом.

Антианглийские настроения, подогреты грубым вмешательством во внутренние дела Брунея и кровавыми экспедициями против даякских племен, усиленные кризисом традиционных форм торговли, связанной с пиратством, привели к новым потрясениям в султанате. Весной 1846 г. в столице Брунея произошел переворот — проанглийски настроенные *пангераны* во главе с Хашимом и Бедруддином были убиты. К власти пришла враждебная Бруку партия малайской знати, связанная с пиратами побережья. Тогда в августе 1846 г. Брук при поддержке эскадры Т.Кокрэна захватил Бруней и заставил султана Омара Али подписать соглашение, по которому получал суверенные права на Саравак, а о-в Ла-буан становился британским владением. В следующем году Брук по поручению английского правительства подписал с султаном еще один договор: Омар Али обязался не уступать без согласия Великобритании какой-либо территории своего государства и открыл порты для английской торговли. В 1847 г. Дж.Брук с триумфом появился в Англии, где был возведен в рыцарское звание, получил степень доктора права Оксфордского университета. Он был назначен губернатором Лабуана, превратившегося в угольную станцию английского флота, и генеральным консулом Великобритании в Брунее. Вернувшись в Саравак, Брук продолжил покорение даякских племен, используя прежний предлог — борьбу с пиратством. В 1849 г. английские военно-морские силы и сара-вакская флотилия Брука устроили кровавую бойню у мыса Батанг-Мару, потопив в ночном нападении более 90 прау и уничтожив около 400 человек. После сражения даяки, выступавшие на стороне Брука (в соответствии с обычаями «охотников за головами»), обезглавили не менее 120 пленных.

Бойня в Батанг-Мару стала одним из главных обвинений либеральной оппозиции в английском парламенте в начале 50-х годов, критиковавшей действия военно-морских сил Великобритании, которые под предлогом борьбы с пиратством нападали и на мирных торговцев. Парламент под давлением оппозиции назначил в 1854 г. комиссию для рассмотрения обвинений в адрес Дж.Брука. Хотя «белый раджа», как его называли в Сараваке, и был реабилитирован, общественное мнение в метрополии долго не могло успокоиться.

Глава 18

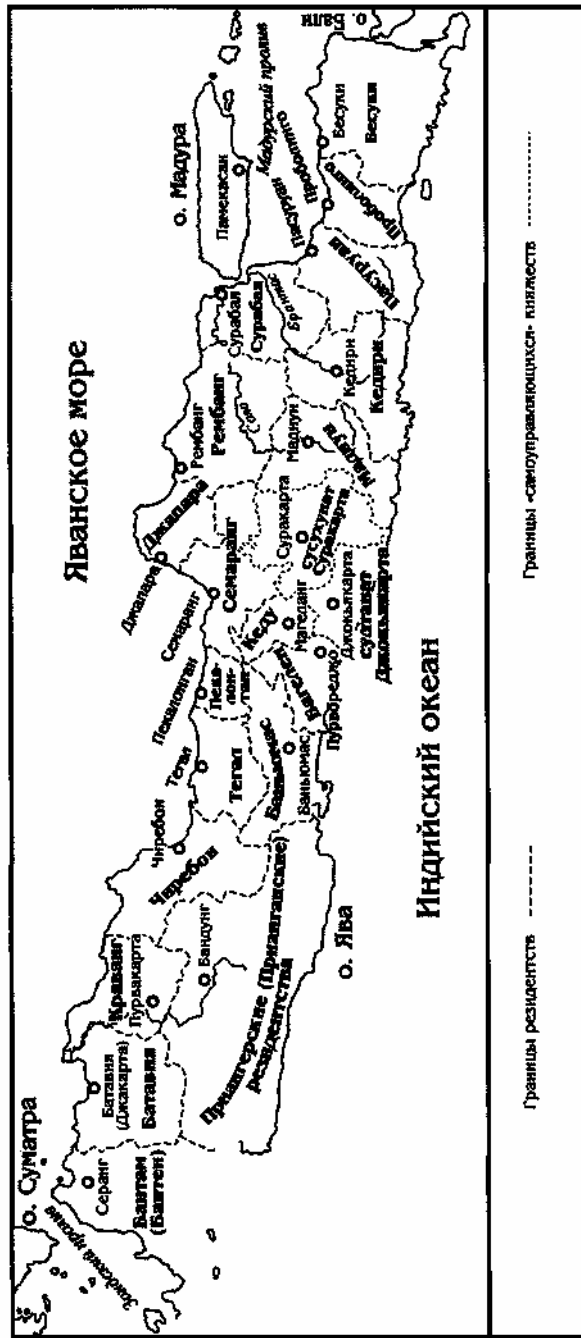
ИНДОНЕЗИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Первая треть XIX в. в истории Индонезии насыщена бурными и противоречивыми событиями. Произошел переход управления колониями на Архипелаге из рук Нидерландской Ост-Индской компании (НОИК) в руки государства, затем голландские владения были оккупированы англичанами, далее последовало восстановление власти Нидерландов, сопровождавшееся расширением колониальной территории.

В определенном смысле первая треть XIX в. — поворотный пункт в истории колониализма в Индонезии, в первую очередь Явы. Поиски (теоретические и практические) новых или по крайней мере обновленных методов управления, знаменующих разрыв с политикой НОИК, создали базу для преобразований второй половины XIX в. Это был период, когда европейское влияние стало не только ощущаться на уровне взаимоотношений с местной элитой, но и проникать в глубь общества, когда практически вся Ява была поставлена под прямой контроль колониальной администрации. К этому же периоду относится Яванская война — последняя (и самая грандиозная) попытка традиционного общества противостоять колониализму.

Захваченные в 1795 г. Францией Нидерланды¹ оказались вовлеченными в англо-французскую борьбу, что немедленно сказалось на положении их колоний. Англичане после 1795 г. заняли Малакку, о. Амбон, о-ва Банда и голландские форты на Западной Суматре, но по Амьенскому миру 1802 г. Голландия должна была получить назад все захваченные Англией колонии (кроме Цейлона). Возобновившаяся в 1803 г. англо-французская война привела к новой оккупации Англией многих нидерландских колониальных владений. Голландский флот, прибывший на Архипелаг после заключения Амьенского мира, был уничтожен англичанами. Ситуация в голландских владениях на Архипелаге была тяжелой: слабая армия, отсутствие военного флота, нежелание многих голландских офицеров и чиновников служить французским интересам. Ликвидация НОИК 31 декабря 1799г. не привела к заметным переменам в методах управления и эксплуатации. В 1802 г. нидерландское правительство назначило комиссию для выработки принципов управления колонией. Взгляды, высказанные в комиссии, отразили мнения по вопросам колониальной политики, которые продолжали существовать на протяжении почти всего XIX в. Большинство комиссии во главе с бывшим адвокатом НОИК С.К.Недербюрхом стояло за сохранение прежней системы принудительных поставок и принудительного труда. Оппонентом выступил бывший губернатор Северо-Восточного побережья. Первоначально была провозглашена Батавская республика, с 1806 г. она превратилась в королевство во главе с Людовиком Бонапартом, а с 1810г. страна стала частью наполеоновской империи.

ЯВА И МАДУРА В НАЧАЛЕ XIX в.

240

Явы Дирк ван Хогендорп, который защищал свободу торговли и предпринимательства в колонии, предлагал заменить барщину денежным налогом и закрепить за крестьянами обрабатываемую ими землю.

Результаты работы комиссии (Хартия Азиатских владений 1803 г. и Административный акт 1804 г.) не были впоследствии востребованы, когда стал править генерал-губернатор Х.В.Данделс (1808-1811). Основой голландских колониальных владений оставалась Ява с центром в Батавии. Они включали Батавские и Прианганские резидентства, а также тянувшееся вдоль северного побережья Явы, от Чиребона до Балийского пролива, губернаторство Северо-Восточное побережье с центром в Семаранге. За Сурабаей и Малангом располагалась Восточная оконечность (Тенггер и Баламбанган). В центре острова находились формально независимые, но реально находившиеся под контролем Батавии княжества— осколки некогда могущественного Мата-рама: Суракарта, Джокьякарта, Мангкунегаран (в 1813 г. к ним присоединилось княжество Пакуаламан, выкроенное из джокьякартских владений). Западную оконечность Явы занимал султанат Бантен, а к востоку от Батавских резидентств располагались небольшие Чиребонские султанатства, как и Бантен, вассалы колониальной администрации.

Социально-экономический строй Явы в описываемый период не претерпел значительных изменений

по сравнению с XVIII в. Базовой ячейкой оставалась соседская земледельческая община (*deed*), в держании и пользовании которой находилась земля. Верховная собственность на землю принадлежала *сукухану* и *султану* в Суракарте и Джокьякарте и *пангеранам* (принцам) в Мангкунегаране и Пакуаламане, а на территориях, ранее подчинявшихся НОИК, — нидерландскому государству. Крестьяне уплачивали верховному собственнику от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ производимой продукции¹ и несли трудовую повинность. Яванские княжества в целом сохраняли структуру Матарамы¹, непосредственно входившие в голландские владения территории управлялись (как и во времена НОИК) губернаторами и резидентами, под контролем которых находились яванские феодалы (*бупати*, или *регент*). Вокруг Батавии существовали так называемые частные земли. Они представляли собой участки, которые НОИК еще в XVIII в. продала «нетуземным подданным», т.е. европейцам и этническим китайцам (*хуацяо*). Крестьяне частных земель несли повинности в пользу частного собственника. В княжествах Явы все большее распространение получала сдача земли в аренду местным богатым китайцам. Хотя появление частных земель и арендные отношения вносили определенные изменения, традиционная система (особенно на уровне *десы* и ее связи с вышестоящим феодалом или верховным собственником) оставалась в целом прежней.

1 января 1808 г., после многодневного путешествия, полного опасностей, не имея при себе никаких документов (чтобы не попасть в руки англичан), на американском бриге на Яву прибыл новый генерал-губернатор Херман Биллем Дан-деле, бывший адвокат, ставший наполеоновским маршалом. Он получил чрезвычайные полномочия от Наполеона с одной задачей — защитить Яву от английского вторжения.

¹ О характере общественного устройства Явы и других частей Нусантары подробнее см.: История Востока. Т. III. С. 244-250, 541-543.

241

Деятельность «железного маршала», или «батавского Наполеона» (такие эпитеты закрепились за ним в индонезийской истории), и ее результаты были неоднозначны и противоречивы, что в немалой степени объяснялось жестким, подчас сумасбродным характером этого человека. Он искренно боролся с коррупцией, взяточничеством и произволом чиновников, пытался оградить крестьян от насилий феодалов-регентов. Но в конечном счете все его мероприятия привели только к усилению эксплуатации и экономической дезорганизации в колонии.

Он разделил голландские владения на Яве на десять провинций во главе с префектами (*ланддростами*), стал превращать яванских регентов из феодалов в чиновников колониального аппарата, попытался унифицировать систему судопроизводства и судебных учреждений (но сам был склонен решать дела единолично или посредством военно-полевых судов). Постоянно нуждаясь в деньгах (английская блокада подорвала торговлю Батавии), Данделс стал распродавать земли вместе с крестьянами богатым китайцам в масштабах, которые оставили позади времена НОИК. Тяжким бременем легли на население военные мероприятия маршала. Он увеличил рекрутские наборы, строил казармы, оружейные мастерские и арсеналы, форты и укрепления. За один год был сооружен тысячекилометровый «почтовый тракт» вдоль северного побережья Явы. Все это производилось трудом подневольных яванских крестьян, которые гибли на строительстве тысячами.

Генерал-губернатор не только сознательно унижал яванских аристократов, заставляя их трудиться на общественных работах наравне с простолюдинами, но и вмешивался в дела престолонаследия в княжествах. Когда в 1808 г. в султанате Бантен произошло восстание против мобилизации населения на строительство дорог, Данделс двинулся на его столицу, разграбил город и выслал султана. Прибрежные районы Бантена и Лампунгские области на Южной Суматре, входившие в состав султаната, перешли под прямое управление голландской администрации, а то, что осталось от Бантена (внутренние горные районы), было передано новому султану на правах не только фактической (это существовало уже с конца XVII в.), но и формальной вассальной зависимости от Батавии.

В 1810г. Данделс также низложил султана Джокьякарты, передав престол его сыну.

Сосредоточив все внимание на Яве, Данделс обращал мало внимания на владения в других частях Архипелага, в результате чего голландское влияние за пределами Явы резко ослабло.

Данделс не увидел английского вторжения, к которому он с такой неослабевающей энергией готовился. В мае 1811 г. он сдал дела новому генерал-губернатору, Я. ван Янссену², а в августе 1811 г. 12-тысячный английский экспедиционный корпус во главе с генерал-губернатором Индии лордом Э.Г.Минто высадился на Яве. Сопrotивление было быстро сломлено, и Янссен капитулиро-

² По-видимому, Наполеон отозвал Данделса под влиянием доносов, в которых маршал обвинялся в намерении отделить Яву от империи. Позже Данделс участвовал в походе на Россию. После реставрации Оранской династии он был назначен губернатором голландской колонии Сан-Жорж-де-Эльмина в Африке (Гвинейское побережье), где и умер.

242

вал. Главой новой, английской администрации стал Томас Стемфорд Раффлз, который подготовил яванскую экспедицию.

Раффлз — энтузиаст, противник рабства, обуреваемый проектами, опередившими свое время,

оставил яркий след в колониальной истории Индонезии. В 1811-1815 гг. он осуществил три основных комплекса мероприятий: изменил политику в отношении местных владетелей; реорганизовал административную и судебную системы; провел налогово-земельную реформу. Голландские владения в Нусантаре, захваченные англичанами, были разделены на четыре единицы: Малакка на Полуострове, Бенкулен на Западной Суматре, Молуккские о-ва и Ява, к которой административно были отнесены Палем-банг, Банджармасин, Макасар и Тимор. Раффлз поставил целью создать систему прямого управления, отстранив местную знать или по крайней мере существенно урезав ее власть и привилегии. Воспользовавшись непрерывными волнениями в Бантене на Западной Яве, он заставил его последнего султана передать в 1813г. свои владения Батавии в обмен на сохранение титула и пенсии. В 1815г. он сходным образом покончил с остатками самостоятельности обоих Черибонских султанатов, усилил контроль над Суракартой и Джокьякартой. После капитуляции голландцев отстраненный Данделсом от власти султан Джокьякарты Хамен-гкубувоно II, или Султан Сепух, вернул себе трон. Тогда Раффлз двинулся на Джокьякарту, летом 1812 г. взял штурмом султанский *кратон* (дворец), выслал Сепуха и возвел на трон его сына, Хаменгкубувоно III. Затем, в 1813 г. он выкроил из султаната княжество Пакуаламан и назначил его правителем принца Натакусуму, брата султана, т.е. создал Джокьякарте такой же противовес, каким являлось княжество Мангкунегаран в отношении Суракарты³.

Раффлз постепенно устанавливал контроль и над территориями вне Явы. В 1812 г. он направил экспедицию против Мохаммеда Бадруддина, султана Па-лембанга, который, узнав о высадке англичан на Яве, напал на голландский форт и вырезал весь его гарнизон вместе с семьями. Султан был свергнут, а новый уступил англичанам оловоносные о-ва Банка и Белитунг (Биллитон). На Калимантане англичане восстановили колониальную власть над Банджармасином, Понтианаком и Самбасом.

Стремясь усилить централизацию, Раффлз разделил Яву на 16 резидентств во главе с европейскими (голландскими и английскими) чиновниками и урезал права регентов-буаяш. Раффлз также реорганизовал судебную систему, сохранив, однако, одно судопроизводство для иностранцев (европейцев, китайцев и арабов), а другое — для местных жителей. Для иностранцев в крупнейших портах Явы — Батавии, Семаранге и Сурабае — были учреждены апелляционные и полицейские суды, применявшие в гражданских делах законодательство Нидерландской Ост-Индии, а в уголовных — английскую систему судопроизводства с судом присяжных. Для местного населения сохранились суды *бупати* в регентствах-*дистриктах*, и в каждом из 16 резидентств были созданы суды, где председательствовали резиденты и присутствовали *бупати* и где дела решались в со-

Княжество Мангкунегаран было выкроено в 1757 г. из Суракарты после раздела Матара-ма (1755 г.) на Суракарту и Джокьякарту.

243

ответствии с *адатом*, т.е. с местным обычным правом. Для рассмотрения уголовных дел, подпадавших под категорию преступлений, наказуемых смертной казнью, Раффлз учредил выездные суды, действовавшие на месте совершения преступления.

Главным детищем Раффлза была земельно-налоговая реформа, точнее попытка ее проведения. Он и голландец Мюнтингье, сторонник идей Дирка ван Хоген-дорпа, попытались ликвидировать систему принудительного труда и поставок, заменив их единым денежным налогом. На практике эта реформа, не учитывавшая систему землевладения в яванской общине (*десе*) и сложившийся институт повиновения крестьян традиционной верхушке — феодалам (*бупати*) и общинным старостам, не смогла изменить старую систему. Не удалось провести земельный кадастр, и деревенские старосты, как и раньше, распределяли земли общины между крестьянами и собирали налоги. Сохранился принудительный труд по ремонту и содержанию дорог, равно как и на плантациях в Приангане (Преан-гере) — кофепроизводящем районе Явы. Поиски средств заставляли губернатора продолжать практику продажи так называемых частных (т.е. государственных) земель с населявшими их крестьянами, сохранять внутренние пошлыны и откупную систему. Не было до конца ликвидировано и рабство, искренне ненавидимое Раффлзом. В марте 1816г. Раффлз, возбудивший недовольство директоров НОИК своими дорогостоящими реформами, был отозван⁴; его преемником стал Джон Фен-далл, при котором произошло восстановление голландской власти в Индонезии.

ГОЛЛАНДСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 1816-1830 гг.

Подписанное в 1814 г. Лондонское соглашение между Англией и Голландией о возвращении последней ее колоний стало частью общей системы международных отношений, складывавшейся

после наполеоновских войн: королевство Нидерландов во главе с вернувшимся домом Оранских, в состав которого вошли и Австрийские Нидерланды (Бельгия), превращалось в союзника Великобритании на европейском континенте.

19 августа 1816 г. в Батавии состоялась официальная передача колоний Нидерландской Ост-Индии правительственным комиссарам, назначенным королем Вил-лемом (Вильгельмом) I. Англичане медленно и неохотно уходили из Нусантары, затянув там свое пребывание до 1818г. Особую активность проявил Т.С.Раффлз, ставший в 1818г. губернатором Бенкулена на Западной Суматре, где он пытался утвердить английское влияние. В 1819г. он обосновался на Сингапуре.

Лондонский договор от 17 марта 1824 г. означал размежевание сфер влияния Англии и

⁴ Яванский период открыл миру Раффлза-ученого. Он интересовался историей, этнографией и искусством Архипелага, наметил программу изучения Боробудура, возглавил Батавское общество искусств и наук, уже в Англии написал «Историю Явы» — классический труд в востоковедении.

244

Голландии в ЮВА. Индонезия была признана сферой голландских интересов. В обмен на устранение Англии (единственной в то время державы, которой Нидерланды могли опасаться на Архипелаге) от борьбы за политическое обладание Индонезией Нидерланды открыли доступ английской торговле в свою колонию.

Основной проблемой, занимавшей умы голландской администрации после возвращения, была выработка такой системы, которая давала бы в сложившихся условиях наибольший эффект для метрополии. Именно этому была подчинена деятельность правительственных комиссаров во главе с К.Т.Элаутом (1816-1819) — генерал-губернатора барона Г.А.Ж.Ф. ван дер Капеллена (1819-1826) и верховного комиссара Л.П.М. дю Бюс де Жизиньи (1826-1830). Несмотря на распространение среди голландских должностных лиц либеральных идей, на практике они постоянно возвращались к старым методам (никогда, кстати, полностью и не исчезавшим).

По «Положению об управлении 1818 г.» власть в колонии осуществлялась генерал-губернатором, которому помогали главный секретарь и четыре советника. Была формально сохранена административная система Раффлза: рези-дентства (их стало 19), регентства, дистрикты и деревни-общины. Сохранилась в принципе и судебная система. Однако голландцы вернулись на Яве к испытанному методу — управлению через местных регентов, т.е. яванскую знать.

«Положение» стало рассматривать их не как чиновников (как было по замыслу Раффлза), а как «младших братьев» резидентов. Регенты продолжали оставаться в глазах населения «отцами» народа, сохраняя, хотя и в урезанном виде, свой традиционный статус.

Поземельный налог, введенный английской администрацией, был сохранен. Единицей налогообложения осталась деревенская община — *деса*. Хотя регенты устранились от сбора налога (теперь этим занимались старосты), они все равно продолжали взимать поборы с населения. Сохранялась также система государственных принудительных работ.

Робкие попытки развивать частное плантационное хозяйство на Яве не встретили поддержки голландских властей, и на протяжении 1816-1830 гг. тенденция к сохранению и упрочению государственно-крепостнической системы эксплуатации Явы постепенно брала верх.

Происходило и возвращение к торговой монополии. В 1824г. была создана акционерная компания — Нидерландское торговое общество, одним из главных пайщиков которого стал король Биллем I. В 1825 г. он предоставил Обществу исключительное право на закупку кофе в Приангане.

Окончательный поворот к политике государственной эксплуатации колонии был ускорен введением новой администрации, колониальными войнами, английской торговой конкуренцией, т.е. всем тем, что требовало все новых и новых расходов. После неудачного правления бельгийского предпринимателя дю Бюс де Жизиньи, пытавшегося развивать европейскую колонизацию и сдавать земли частным предпринимателям под плантационные культуры, правящие круги Нидерландов окончательно отказались от либеральных замыслов. К тому же они в значительной мере утратили поддержку яванской феодально-бюрократической элиты, которую оттолкнули ограничением ее привилегий и лишением земельных владений, а главное — непослдовательным и мелочным вмешательством в ее

245

отношения с крестьянством без серьезной компенсации имущества и престижа. Большую роль в изменении политики сыграло и грандиозное народное восстание на Яве.

ЯВАНСКАЯ ВОЙНА 1825-1830 гг.

Восстание Дипонегоро, или Яванская война 1825-1830 гг., занимает важнейшее место в истории освободительной борьбы в Индонезии, будучи одним из самых мощных антиколониальных движений в странах Востока, руководимым традиционной элитой.

Усиление системы прямого управления на Яве, сопровождавшееся увеличением налогового обложения, сохранением натуральных повинностей, злоупотреблениями администрации и местной знати, легло тяжким бременем на население. Положение усугубилось наступлением вернувшейся голландской администрации на «самоуправляющиеся» («автономные») княжества — Джокьякарту и Суракарту, где сдача земель в аренду европейцам и китайцам стала важным источником доходов знати. Между тем генерал-губернатор ван дер Капеллен, стремясь утвердить верховную собственность колониальной администрации на землю, обнародовал в 1823 г. декрет, расторгавший арендные договоры в княжествах. В результате местная знать оказалась вынужденной возвращать уже растроченные авансы, увеличивая поборы с крестьян, что вызвало массовое недовольство. Все это наложилось на распри группировок при джокьякартском дворе и на стихийные бедствия (эпидемия холеры, извержение вулкана Мерапи, неурожай 1825 г.), которые, согласно яванским представлениям, были знамениями грядущих перемен.

Антииностранный партию возглавил принц Дипонегоро, отстраненный от престола (его мать не принадлежала к высшей яванской знати). Он проживал в деревне Тегалреджо и пользовался славой глубоко религиозного человека.

В идеологии Яванской войны явно прослеживаются идеи очищения ислама, навеянные влиянием ваххабизма, проникавшего на Архипелаг через паломников, побывавших в Аравии. Еще более заметное место в ней занимало специфически яванское мессианство, причем сама идея появления Мессии, или справедливого правителя — Рату Адила, или Эручокро, получила еще с начала XVIII в. явное антиколониальное звучание. Сам Дипонегоро, склонный к аскетизму и яванскому мусульманскому мистицизму, человек необыкновенно демократичный по яванским стандартам, давний противник голландцев, как нельзя лучше отвечал идеалу вождя яванского народного движения.

Поводом к восстанию послужил приказ личного врага Дипонегоро *патиха* (первого министра Джокьякарты) Дануреджо провести дорогу через земли *пан-герана* (принца), отданный в намеренно оскорбительной форме. Дипонегоро и его дядя, *пангеран* Мангкубуми, призвали к восстанию. Центром восстания стал район к югу от Джокьякарты — область древнего государства Матарам, откуда оно перекинулось на северо-запад. По настоянию богослова Кьяи Маджи, 15 августа 1825 г., в день, когда по яванским поверьям ожидался приход Мессии, Дипонегоро принял титул Эручокро.

246

Подавить движение одним ударом голландцы не смогли. В 1826 г. Дипонегоро разгромил джокьякартские войска, и голландский генерал М. де Кок с трудом отбил наступление повстанцев на столицу княжества. Но 15 августа 1826 г. в сражении под деревней Гавок, близ Суракарты, Дипонегоро потерпел поражение.

После Гавока голландское командование изменило тактику борьбы с повстанцами. Оно стало сооружать форты, связанные дорогами, по которым патрулировали мобильные колонны, сужая кольцо блокады вокруг территории повстанцев. Последней крупной вспышкой движения было восстание в Рембанге, на северном побережье, подавленное голландцами в 1828 г.

К этому времени военное превосходство колониальной армии стало очевидным, а крестьянство ощущало усталость от войны. Среди повстанцев рассеивались надежды на быструю победу, к тому же руководство движением не спешило с введением «золотого века» и созданием «справедливого государства». Принц Дипонегоро, человек, воспитанный в традициях яванского *кратона*, свято веривший в свою избранность, не мог и не хотел предложить ничего, кроме нового Матарам, т.е. воссоздания традиционной яванской социально-политической структуры.

Усилились разногласия в руководстве движением, особенно когда голландцами был отменен декрет от 6 мая 1823 г. о запрете аренды; вместе со знатью от движения стали отходить и крестьяне, привыкшие следовать за своими традиционными лидерами. Не последнюю роль сыграли противоречия между знатью и духовенством, имевшие давние и прочные корни в яванской истории и обострившиеся в обстановке джихада — «священной войны», провозглашенной Дипонегоро. Это нашло яркое отражение в соперничестве Дипонегоро и богослова Кьяи Маджи, который в конце лета 1828 г. стал действовать отдельно от основных сил, а вскоре попал в плен к голландцам.

В сентябре 1829 г. погиб один из самых стойких приверженцев Дипонегоро — его дядя, *пангеран* Бей, а в октябре на сторону врага перешел командующий силами повстанцев на заключительном этапе движения, молодой Сентот Али Басах Правиродироджо. В конце 1829 г. Дипонегоро, скрывавшегося в горах, покинула почти вся знать.

В январе 1830 г. голландцы предложили переговоры, и Дипонегоро прибыл в Магеланг для встречи с командующим армией Нидерландской Индии генералом де Коком. Там 28 марта 1830 г. генерал

вероломно арестовал Дипонегоро, после чего остатки повстанческих отрядов были разоружены⁵. Подавление восстания стоило метрополии жизни восьми тысяч европейских солдат и офицеров и свыше 20 млн. гульденов. Самые же большие жертвы понес яванский народ: обезлюдели целые округа, было сожжено и разграблено множество деревень, разрушены ирригационные сооружения, заброшены поля.

Яванская война была сложным социально-политическим феноменом. С одной стороны, это была попытка воспрепятствовать европейскому влиянию и восстановить политическую систему, существовавшую до Данделса и Раффлза. Окружение Дипонегоро придерживалось традиционной системы ценностей: достиже-

Дипонегоро был сослан на о. Сулавеси, сначала в Менадо, а затем в Макасар, где он скончался в 1855 г., пережив на восемь лет своего друга-врага Кьяи Маджу.

247

ния высоких рангов, получения земельных пожалований, заключения престижных браков и т.п. В определенном смысле для яванской знати это была борьба тех, кто достиг власти, богатства и влияния при голландском господстве, с теми, кто не смог или не захотел приспособиться к новой системе. С другой стороны, впервые в истории Явы (да и вообще в Нусантаре) наблюдается движение, возникшее при дворе, но не по династическим мотивам, а по социальным и религиозным. Важнейшим элементом восстания стала борьба крестьян против налогового гнета. Мессианская идея справедливого правителя (Рату Адила) объединила самые различные слои общества — от *кратона* до деревни, — сплотившиеся вокруг харизматического лидера, каким был Дипонегоро.

До сих пор Яванская война остается одной из самых славных страниц индонезийской истории, а ее вождь — героической фигурой.

ВНЕШНИЕ ОСТРОВА:

ГОЛЛАНДСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

После возвращения на Архипелаг Голландия, сосредоточившись на Яве, сравнительно мало внимания уделяла другим районам Индонезии. Практически все государства и племенные территории Внешних островов⁶ (за исключением Молукк и нескольких опорных пунктов на Суматре, Калимантане и Сулавеси) обрели независимость и, даже вынужденные возобновлять неравноправные договоры с Батавией, не отказывались от торговли с другими странами, прежде всего с Англией, получившей по договору 1824 г. свободный доступ на Архипелаг.

Восстановление голландских постов и факторий вызвало естественные вспышки сопротивления в различных областях Индонезии. Серьезным антиколониальным движением стало восстание на Молуккских островах, население которых, памятуя о прежнем режиме жесткой торговой монополии НОИК, воспротивилось возвращению голландцев. Вождем этого движения стал Томас Матулесиа, или капитан Паттимура. В мае 1817 г. он захватил голландский форт на о. Сапаруа и провозгласил себя князем. Восстание перекинулось на Амбон и другие острова. Паттимура наголову разгромил карательную экспедицию, после чего власти Батавии снарядили против него целую эскадру. Укрепленные деревни на Амбоне и Сапаруа голландцам пришлось брать штурмом, преодолевая отчаянное сопротивление. В конце 1817 г. Паттимура был схвачен и казнен, но колониальный режим пошел на уступки, в частности, прекратив уничтожение посадок пряностей с целью поддержания монопольной торговли ими.

На Суматре на протяжении 1819-1821 гг. голландцы с трудом восстановили контроль над Палембангом, а на Калимантане — над расположенными на западе Понтианаком и Монтрадо, где находились поселки китайских золотоискателей. В княжествах Юго-Западного Сулавеси, которые после возвращения голландцев

⁶ Термин «Внешние острова» (в колониальную эпоху — «Внешние владения» или «Внешние провинции») обозначает территорию Индонезии вне Явы и Мадур.

248

не захотели возобновлять старые договоры с колонизаторами, восходящие еще к XVII—XVIII вв., голландцы смогли восстановить свои позиции лишь после экспедиции 1824-1826 гг.

С наиболее сложной ситуацией голландские власти столкнулись на Западной и Центральной Суматре, в Минангкабау, где власть традиционных (адатных) вождей-феодалов оказалась поколебленной в результате религиозного движения. Минангкабау состоял из *нагори* — объединений нескольких деревень-общин, заселенных членами больших матрилинейных групп (*сук*) во главе с *пенгхулу*. Формальным главой деревенских автономных «республик» был раджа Пагар-рюйонга. На побережье (Рантау) существовали местные династии. Постепенно в обществе складывалась прослойка людей, оторвавшихся от матрилинейных общин или недовольных их косными традициями. Противниками этой традиционной структуры был взят на вооружение ислам с его четко выраженным отцовским правом.

Сторонники движения были известны как *оранг Падри*, т.е. как «люди из Пе-дира (Пиди)» — по

названию порта на Северной Суматре, откуда паломники отправлялись в Мекку. Под влиянием идей ваххабизма в начале XIX в. паломники начали борьбу за очищение ислама и торжество *шариата* над *адатом*. Под оболочкой распри по религиозным вопросам (проповедники требовали неукоснительного выполнения законов *шариата*: запрещение курения опиума и табака, азартных игр, петушиных боев, употребления алкоголя и бетеля, а также ратовали за ношение длинных волос и бороды мужчинами и длинных одежд и покрывал женщинами) скрывалась социальная борьба между общинно-родовой, в значительной мере феодализирующейся знатью, с одной стороны, и духовной элитой и крестьянской верхушкой, поддержанными массой населения, — с другой. В 1803-1820 гг. развернулось широкое социальное движение, в ходе которого *падри* физически уничтожили значительную часть адатной знати, включая членов дома верховных правителей (*янг ди пертуанов*, или *ям-туанов*).

Некоторые адатные вожди бежали в Рантау и обратились за помощью к голландцам, владевшим опорным пунктом на побережье — Падангом. Отдав себя в 1821 г. под их покровительство, они признали Минангкабау голландским владением. Стремясь укрепить свои позиции по соседству с английским Бен-куленом (Бангхулу), голландцы весной 1822 г. вторглись в области, контролируемые лидерами *падри* во главе с Туанку Имамом Бонджолом. В столице Пагаррюонг они соорудили укрепление, но вскоре оказались втянутыми в борьбу не только с *падри*, но и с враждовавшими между собой *нагари*. Потерпев ряд поражений, командующий войсками на Западной Суматре полковник Хюберт Риддер де Стюэрс подписал в 1825 г. соглашение с вождями *падри*. Он с трудом удерживал опорные пункты на побережье, не рискуя вторгаться в глубь острова.

Только после окончания Яванской войны голландцы возобновили наступательные действия против *падри*. Сменивший де Стюэрса подполковник К.П.Элаут совершил мощный рейд во внутренние районы Минангкабау, а в сентябре 1832 г. овладел основной твердыней *падри* — крепостью Бонджол.

Но уже в начале 1833 г. борьба разгорелась вновь. Попытки ввести налоги, трудовую повинность и опиумную монополию, а также бесчинства голландской

249 солдатни — грабежи, насилия, осквернение мечетей — вызвали новый подъем сопротивления.

Лишь в августе 1837 г. был опять захвачен освобожденный *падри* Бонджол, а в сентябре того же года сдался главный вождь — Имам Бонджол. Сосланный на Амбон, он умер в 1864г. Последние крупные очаги сопротивления в Минангкабау и батакских районах, где также действовали *падри*, были подавлены в 1838-1839 гг., но отдельные вспышки продолжались до 1845 г.

Глава 19

ВЬЕТНАМ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в. ВОССОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ВЬЕТНАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале 70-х годов XVIII в. номинальная империя Дайвьет (совр. Вьетнам) продолжала оставаться разделенной на два государства: на севере — княжество Дангнгоай, на юге — княжество Дангчаунг. Во главе всего Дайвьета формально стоял император (*вуа*), ставка которого находилась в столице Дангнгоая — Тханглаунге (совр. Ханой). Однако император (за исключением редких всплесков активности), подобно японскому *тэма* того же времени, фактически не принимал участия в реальном управлении государством. Его роль была сведена к выполнению чисто сакральных функций во время церемоний государственного культа.

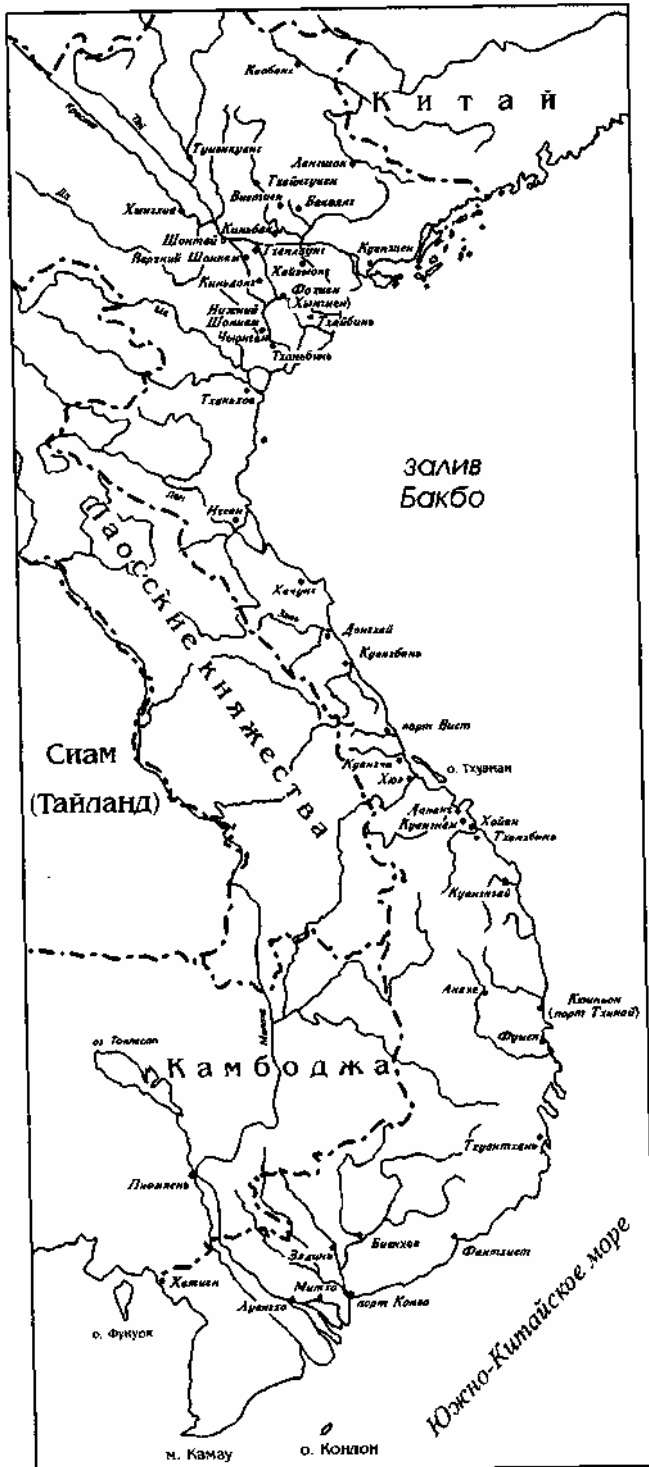
Реально всеми государственными делами в Дангнгоае распоряжался «военный правитель» (*тюа*) из рода Чинь, передававший свою власть по наследству и сумевший подчинить себе наряду со всеми слоями военачальников также и гражданский аппарат.

Аналогичные управленческие функции в Дангчаунге выполняли наследственные военные правители (тоже *тюа*) из рода Нгуенов, еще в XVII в. отстаивавшие независимость своего государства от правителей севера. Формально правители из рода Нгуенов признавали верховную власть императора из династии Ле, но решительно отказывались подчиняться «узурпаторам» Чиням. Впоследствии лозунг «Уничтожим [власть] Чинь, восстановим [власть] Ле!» стал основным идеологическим оправданием для походов южан на север Вьетнама.

Экономическая и социальная ситуация в Дангнгоае и Дангнчаунге была во многом различной. В северном Дангнгоае главным политически и социально активным лицом был государственный чиновник, опиравшийся на общинное крестьянство, налогово- и повинностнообязанных податных

(динь). Ремесленники, торговцы и предприниматели были задавлены жестоким государственным гнетом. Лишь в начале 20-х годов XVIII в. в Дангнгоае было официально признано частное землевладение и проведены долгожданные реформы. Однако непоследовательность проведения реформ после смерти Чинь Кьонга в 1729 г., усиление старых форм государственной эксплуатации и укрепление позиций чиновничества вызвали мощное движение среди основных социальных слоев, переросшее в восстания, настоящую «мини-войну» середины XVIII в. Последние антиправительственные выступления в Дангнгоае были подавлены лишь к 1770 г. В южном Дангчаунге, обладавшем огромными резервами плодородных земель Зядини, ставшей со временем житницей всего Вьетнама, частное землевладение было официально признано в 1669 г., т.е. на 54 года раньше, чем в

ВЬЕТНАМ В НАЧАЛЕ XIX В.

Дангнгоае. Основной экономически доминирующей фигурой на юге был крупный частный землевладелец, владевший десятками, а то и сотнями экономически зависимых от него арендаторов и батраков. Очень мощным экономическим потенциалом обладали крупные торговцы и богатые предприниматели, так же как и землевладельцы, претендовавшие на политическую власть регионального уровня. Но и на юге деспотическая власть затрудняла получение экономически доминирующими слоями привилегированного социального статуса, не выделяла «богатых» из «тягловых» и тем самым препятствовала включению их в правящий слой. Однако реальный контроль верховной власти Дангчаунга в различных районах страны был неодинаков. Если в старых владениях Нгуенов, в исторических областях Тхуанхоа и Куангнам, чиновники действительно управляли подведомственными им территориями, то в удаленной от центра торгово-предпринимательской Зядини очень уверенно чувствовала себя местная нечиновная элита, состоявшая из крупных частных землевладельцев, состоятельных торговцев и богатых предпринимателей. Что же касается территорий Куангнгай, Кюиньона и Фуиена, то там периоды относительной свободы местного самоуправления сменялись ужесточением контроля со стороны центральной власти. Государственный контроль над местной нечиновной элитой осложнялся в этих провинциях тем, что значительная часть территории располагалась в горных районах, куда реальные полномочия официальных чиновников фактически не распространялись. В 1771 г. торговец бетелем Нгуен Ван Няк, землевладелец и богатый купец, староста гильдии торговцев, добившийся от властей признания своего привилегированного положения в качестве служащего-секретаря таможни на торговом пути из горных районов в приморье, не подчинился требованию государственного налогового чиновника сдать в казну увеличенную долю доходов своей гильдии и бежал в горный район Тайшон, где стал собирать под свои знамена всех недовольных политикой Чыонг Фук Лоана — жестокого и жадного временщика при *тюа* Нгуен Фук Тхуане.

Под знамена Нгуен Ван Няка наряду с недовольными фискальными тяготами крестьянами, составлявшими основную массу инсургентов, вставали также вьетнамские и китайские купцы, сельские богачи и состоятельные частные землевладельцы, общинные деревенские и уездные городские интеллигенты, оппозиционные правящему режиму. Именно последние брали на себя разработку военных планов, организацию воинской подготовки, снабжение войска оружием и провиантом. Среди повстанцев было немало и маргиналов: обездоленных бродяг, нищих, попрошайек, а то и просто разбойников. В особую группу можно выделить лиц, терроризировавших и облагавших данью общинные и межобщинные рынки. Эти «рэкетиры» впоследствии сыграли немалую роль в руководстве войсками, которые стали зваться *тайшонами* (по местности Тайшон, где началось восстание).

Нгуен Ван Няк, так же как и два его младших брата, получил неплохое образование в частной школе. После учебы братья продолжали совершенствоваться в специализированной школе боевых искусств. Младший из братьев, Нгуен Ван Лы, не ограничился этим и ушел в буддийский монастырь, где не только перенял у

253

своих китайских единоверцев секреты прославленной боевой школы монастыря Шаолинь, но и приспособил шаолиньский стиль рукопашного боя к психофизическим данным вьетнамцев: меньшему весу, большей подвижности, взрывному южному темпераменту.

Так появился новый «стиль петуха», с успехом использовавшийся *тайшонами* в борьбе с противниками. Впрочем, более всего в повстанческой армии был распространен тот боевой стиль, который *тайшоны* получили в наследство от своих предков, а затем совместно развили в свою личную боевую школу. Многие тайшонские военачальники также использовали для тренировок солдат собственные родовые стили боевых искусств.

Приток малоимущих и неимущих крестьян в войско *тайшонов* повлиял на формирование идеологии восставших на первом этапе движения: в него был привнесен эгалитарный оттенок. Когда в первой половине 1773 г. укрепившие свои силы *тайшоны* преодолели перевал Манг и спустились в долинские районы округа Кюиньон, они, занимая деревни и торговые поселения, не причиняли вреда богачам, если встречали с их стороны доброжелательное отношение. Лишь в случае открытого сопротивления они захватывали рис и имущество богатых, деля его между собой и местными бедняками. Лозунг восставших «взять имущество у богатых и разделить его между бедняками» на практике реализовывался только в отношении тех состоятельных людей, которые не признавали новую власть и не желали поступиться частью своего имущества, расцениваемого *тайшонами* в качестве военного приза.

Быстрое пополнение армии восставших было связано не столько с лозунгами справедливости и равенства, начертанными на их знаменах, сколько с конкретными действиями тайшонов, освобождавших перешедшие на их сторону деревни и городские поселения от налогов и податей в пользу столичного правительства. Восставшие были хорошо вооружены и могли силой заставить непокорных подчиниться. По свидетельству европейцев, у них были не только стрелы и мечи, но и огнестрельное оружие.

Во второй половине 1773 г. *тайшоны* захватили Киентхань и, почти не встречая сопротивления, стали распространять свою власть на всю территорию Кюиньона. Союзниками Нгуен Ван Няка стали сельские богачи (*тхо хао*) Нгуен Тхунг, Хюиен Кхе и купец Тю Ван Тиеп, захвативший соседний с Кюиньоном округ Фуиен. В Фуиене с нгуеновскими войсками сражались и восставшие чамы во главе со своей предводительницей принцессой Тхи Хоа. В союзе с восставшими, но самостоятельной силой выступали китайские купцы, образовавшие в приморских районах Кюиньона две армии, возглавляемые Ли Цаем и Цзы Дином. Наряду с китайцами в этих армиях было много горцев из числа малых народностей Вьетнама. Китайцы одевали и экипировали их за свой счет.

Таким образом, во главе восставших встали отнюдь не бедняки, а представители экономически господствующих, но социально приниженных слоев: сельские богачи, землевладельцы, вьетнамские и китайские купцы, чамская знать.

В конце 1773 г. войска *тайшонов* окружили административный центр округа Кюиньон и в результате штурма легко захватили его. Практически не встречая сопротивления, *тайшоны* двинулись в Куангнгай, где у приморского города Бенда (Каменная пристань) столкнулись с посланным из столичного Фусуана

254

войском, которому с моря оказывал поддержку флот. Восставшие перешли в наступление и в ожесточенном сражении наголову разгромили правительственные войска. Не помог армии *тьюа* и морской флот, который попал в бурю и почти полностью затонул.

Пока в Фусуане центральные власти приходили в себя от первого крупного поражения, восставшие накануне 1774 г. дошли до Куангнама, где впервые встретили организованный отпор: 5-тысячный корпус правительственных войск остановил продвижение *тайшонов* у местечка Бенван. Но вскоре *тайшоны* взяли реванш. В начале 1774 г. отборная армия Нгуенов с севера вторглась в Кюиньон, но была разбита, и повстанцы за семь дней заняли весь Куангнам, включая и провинциальный центр. Приблизительно в это же время восставшие расширили контролируемую ими территорию на юге.

После двух месяцев боев в Куангнаме *тайшоны* были потеснены, а затем получили удар в спину на юге, в Зядини. В середине 1774 г. Тонг Фыок Хиеп, губернатор провинции Лонгхо, возглавил собранные со всего Крайнего Юга войска, состоявшие в основном из частновладельческих дружин, и отбил у тайшонов недавно захваченные ими провинции Биньтхуан, Зиенкхань и Бинькханг. Он планировал также вторгнуться и в Фуиен.

Положение *тайшонов* становилось тяжелым. Потеря Фуиена грозила существованию их основных баз в горных районах. И тут восставшие получили совершенно неожиданную поддержку: их внезапным союзником стали враги их врагов — правившие в Дангнгае *тьюа* из династии Чинь.

Поддавив длившиеся более 30 лет массовые выступления различных социальных слоев и посчитав Дангнгай «умиротворенным», амбициозный *тьюа* Чинь Шам решил реализовать старую мечту своих предков о захвате Дангчаунга. Были привлечены самые талантливые военные и гражданские чиновники. Главнокомандующим был назначен талантливый полководец, евнух Хоанг Нгу Фук. Началась грандиозная военная операция, приведшая к крушению всей политической, социальной и экономической системы Вьетнама.

В конце 1774 г. чиньские войска перешли р. Зянь. Хоанг Нгу Фук заявил, что воюет не с Нгуенами, а с теми, кто узурпировал и посягнул на их власть: прежде всего с ненавистным для всего населения Дангчаунга временщиком Чыонг Фук Лоаном, а также с восставшими *тайшонами*. Когда Хоанг Нгу Фук подошел к крепости Чаннинь, предатели открыли ему ворота, и крепость была взята.

В Фусуане произошел дворцовый переворот. Родовая знать и высшее чиновничество арестовали Чыонг Фук Лоана и выдали его двигавшемуся на юг Хоанг Нгу Фуку. Нгуены надеялись на то, что чиньский военачальник удовлетворится этой «жертвой» и остановит свои войска. Однако северяне, заполучив Чыонг Фук Лоана, продолжили марш на юг. Зная о силе нгуеновского флота и слабости их сухопутной армии, Хоанг Нгу Фук преимущественно использовал пехоту. Теперь основной целью чиньских войск провозглашалось уничтожение *тайшонов*. Для этого, заявлял Хоанг Нгу Фук, необходимо разместить чиньские войска в Фусуане.

Тьюа Нгуен Фук Тхуан пытался сдержать наступление чиньской армии как прямым военным сопротивлением, так и организацией партизанского движения в тылу северян, и наконец, подкупом. Но

все было тщетно. В самом конце 1774 —

255

начале 1775 г. северяне перешли Ароматную реку (Шонг Хыонг) и наголову разбили войска Нгуенов. Хоанг Нгу Фук занял всю область Тхуанхоа и вошел в столицу Фусуан, заблаговременно покинутую правителем Нгуенов.

В начале 1775 г. беглый *тьюа* Нгуенов прибыл в Куангнам, где по требованию военачальников объявил своего племянника Нгуен Фук Зыонга наследным принцем, главнокомандующим войсками и главноуправляющим Куангнамом. Через несколько дней *тайшоны* комбинированным ударом с моря и суши обрушились па позиции нгуеновских войск в Куангнаме и обратили их в бегство. *Тюа* Нгуен Фук Тхуан вместе с войсками отплыл в Зядинь, объясняя свое бегство намерением собрать на Крайнем Юге новую армию.

На пути в Зядинь нгуеновский флот попал в шторм. Почти все корабли пошли ко дну. В числе немногих спасшихся был корабль, на котором плыли сам правитель Нгуен Фук Тхуан и его 13-летний племянник Нгуен Фук Ань (будущий император Нгуен Тхе То).

В Биньханге корабль спасшегося правителя встретил верный ему военачальник Тонг Фьюк Хиеп, которого *тьюа* тут же назначил главнокомандующим. Подчинявшиеся Хиепу предводители частновладельческих дружин получили офицерские должности. Их войска стали основной социальной и военной опорой нгуеновской власти на Крайнем Юге.

В это время оставленные правителем войска наследного принца Нгуен Фук Зыонга в Куангнаме оказались в очень сложном положении. С севера в эту провинцию вторглась чиньская армия, а с юга вели наступление *тайшоны*. Наследный принц проявил дипломатический талант и, вступив в переговоры с теми *тайшонами*, которые наступали на его позиции с гор, убедил их перейти на сторону нгуеновских властей. Под знамена Нгуен Фук Зыонга стекались новые приверженцы, и его армия стала набирать силу.

В середине 1775 г. боевая колонна *тайшонов*, состоявшая из отрядов, набранных китайскими купцами Ли Даем и Цзы Дином, атаковала армию наследного принца в Куангнаме, разгромила ее и взяла в плен самого Нгуен Фук Зыонга. Однако китайцам не удалось удержать в своих руках наследного принца.

Они были вынуждены передать Нгуен Фук Зыонга Нгуен Ван Няку, который вскоре предпринял наступление против вторгшегося в Куангнам чиньского войска. Во время этого наступления один из китайских вождей, Цзы Дин, был фактически загнан в ловушку своим соратником-соперником Ли Даем и самим Нгуен Ван Няком. Ценой этого предательства стал сданный противнику Куангнам, который был занят войсками Хоанг Нгу Фука. В это же время на своем южном фронте *тайшоны* потерпели поражение в Фуиене.

В результате краха на обоих фронтах Нгуен Ван Няк осознал, что он не в состоянии воевать один против всех. Приходилось выбирать между Чинями и Нгуенами. Союз с Нгуенами был, по-видимому, невозможен, ибо законный правитель Дангчаунга Нгуен Фук Тхуан не хотел вступать ни в какие соглашения с «мятежником». К тому же такой союз неминуемо повлек бы за собой выдачу Нгуенам наследного принца. А это знамя легитимизма Нгуен Ван Няк выпускать из своих рук не собирался. Оставалось лишь идти на поклон с богатыми дарами к Хоанг Нгу Фуку и униженно просить его взять *тайшонов* под свое покровительство. Поскольку основным противником Чиней был законный правитель Дангча-

256

унга, то и северянам нужен был союзник в борьбе против Нгуенов. Поэтому чиньский военачальник Хоанг Нгу Фук принял от *тайшонов* подарки и пожаловал Нгуен Ван Няку должность командующего тайшонским войском.

Нгуен Ван Няк выдал свою дочь за наследного принца и потребовал от новоиспеченного зятя, чтобы тот провозгласил себя правителем Дангчаунга. Принц отказался. Тогда Нгуен Ван Няк отправил перешедших на его сторону членов правящего рода Нгуенов организовывать от имени наследного принца партизанское движение как в тылу чиньских войск (невзирая на недавнее соглашение о союзе с Хоанг Нгу Фуком), так и в нгуеновском Фуиене. Затем Няк направил в Фуиен боевые части под командованием своего брата, талантливого военачальника Нгуен Ван Хюэ, который разгромил войска Тонг Фьюк Хиепа. В чиньских войсках, подошедших в это время к границам Куангнгай, свирепствовала эпидемия, унесшая более половины армии. Хоанг Нгу Фук решил срочно уводить на север оставшихся в живых солдат. Сам военачальник заболел и умер по дороге на север.

С конца 1775 г. интересы Нгуен Ван Няка и его братьев, с одной стороны, и ранее поддерживавшего их вьетнамского и китайского купечества — с другой, разошлись окончательно. Первым от братьев-яшншонов отделился вьетнамский купец Тю Ван Тиеп. Он увел из тайшонских войск тысячу своих сторонников. Затем *тайшонам* изменил китайский купец Ли Дай. В результате

тайшоны полностью потеряли Фуиен.

Опасаясь конфликтовать с Чинями, Нгуен Ван Няк решил нанести удар их противнику и выбить из Зядини Нгуенов. В армию были мобилизованы все тягловые жители Кюиньона. Командование вновь созданным флотом взял на себя младший из *братьев-тайшонов* Нгуен Ван Лы. В итоге первого похода тайшонов на Крайний Юг был захвачен Сайгон, но *тюа* Нгуен Фук Тхуану удалось заблаговременно бежать. Нгуен Ван Лы не стал преследовать *тюа*, а двинулся в глубь Зядини. Покорение Зядини *тайшонами* шло очень трудно, ибо они везде встречали сопротивление дружин крупных землевладельцев.

Взяв курс на формальное создание тайшонского государства, Нгуен Ван Няк отстроил в Кюиньоне крепость Тябан (бывшую Виджайю) и объявил себя тайшонским *выонгом* (князем-правителем). Принятие титула *выонга* означало разрыв с Чинями, которых Няк более не считал своими покровителями. Формальный разрыв дошел до открытых военных действий: вскоре Нгуен Ван Няк разгромил чиньского военачальника, попытавшегося пройти в Куангнам через перевал Хайван.

В Зядини, однако, положение *тайшонов* было отнюдь не блестящим. *Тюа* Нгуен Фук Тхуан вызвал из Фуиена поддерживавшие его войска во главе с Тонг Фыок Хиепом и поручил лидеру местных частных землевладельцев До Тхань Няну организовать армию. Она была набрана из землевладельцев провинции Диньтыонг и получила название армии *донгшонов* («восточные горы» в оппозиции к *тайшонам* — «западные горы»). До Тхань Нян изгнал из Зядини Нгуен Ван Лы и занял Сайгон. Правитель Нгуен Фук Тхуан вернулся в Бенче и щедро наградил своего спасителя. В 1776 г. в Зядини вспыхнул конфликт между сторонниками Нгуенов — прибывшим из Фуиена Ли Даем и До Тхань Няном, видевшим в китайском «высоч-

257

ке» своего соперника. Ли Дай разогнал войско До Тхань Няна и захватил вместе с правителем Нгуен Фук Тхуаном только что приехавшего в Зядинь наследного принца Нгуен Фук Зыонга, которому удалось морем на случайном корабле ускользнуть из Кюиньона от Нгуен Ван Няка и присоединиться к антитайшон-скому сопротивлению на Крайнем Юге. В конце 1776 г. Ли Дай наконец-то реализовал свой план и провозгласил наследного принца Нгуен Фук Зыонга Главным новым *выонгом*, а прежнему правителю Нгуен Фук Тхуану дал почетный титул Старшего верховного *выонга*, лишив его реальной власти. Фактически верховные полномочия в Зядини сосредоточились в руках китайского купечества, вождем которого был Ли Дай.

В начале 1777 г. Нгуен Ван Няк, которого правитель Дангнгоая *тюа* Чинь Шам только что объявил правителем Куангнама, послал в Зядинь вторую тай-шонскую экспедицию. Огромный флот атаковал Сайгон, а сухопутные войска вторглись в Биньтхуан, а оттуда — в Чанбиен. Ли Дай остался защищать Сайгон, а навстречу тайшонской пехоте послал Нгуен Фук Зыонга. В боях на суше нгуе-новские военачальники гибли один за другим, а флот *тайшонов* никак не мог взять Сайгон. Опасаясь за свою жизнь, Нгуен Фук Зыонг бросил войска в Чан-биене и вернулся в Сайгон, где вместе с Ли Даем отражал нападения противника. Наконец *тайшоны* заставили их отступить в западном направлении. Внезапно оттуда показались войска. Это возвращалась из кхмерского Кампота нгуеновская армия, посланная ранее в Камбоджу для восстановления там дангчаунгского влияния. Ли Дай же решил, что это наступают его враги-донгшоны, и неожиданно для *тайшонов* начал отступление, которое превратилось в беспорядочное бегство. *Тайшоны* стали преследовать Ли Цая, и в итоге его войска действительно попали в зону контроля донгшонских войск До Тхань Няна, которые их и перебили. Так погиб вместе со своим войском вождь китайского купечества, пытавшийся играть самостоятельную роль в бурных событиях гражданской войны во Вьетнаме.

Освободившись от «опеки» Ли Цая и пополнив свои ряды прибывшими из Камбоджи солдатами, Нгуен Фук Зыонг стал отступать в глубь Зядини по направлению к ее западному побережью. В том же направлении, но по другому пути стал двигаться и *тюа* Нгуен Фук Тхуан. До Тхань Нян сначала пришел ему на помощь, но в середине 1777 г. оставил *тюа* в Кантхо и отправился на север-восток Зядини, в Биньтхуан. Родовая нгуеновская знать осталась практически беззащитной. Этим воспользовались *тайшоны*. Во второй половине 1777 г. Нгуен Ван Хюэ во главе крупной карательной экспедиции двинулся из Сайгона на запад и в Виньлаунге убил Нгуен Фук Зыонга. Через месяц по его же приказу был убит и законный правитель Дангчаунга Нгуен Фук Тхуан. Вместе с правителем и наследником была вырезана почти вся родовая знать Нгуенов. Из ближайших родственников в живых остался только 15-летний Нгуен Фук Ань, которого скрывал от тайшонов французский миссионер Пиньо де Беэн, епископ Аدران-ский.

Вскоре Нгуен Ван Хюэ с основными силами вернулся в Кюиньон, оставив в Зядини небольшой гарнизон тайшонских войск. До Тхань Нян в начале 1778 г. снова разгромил зядинских тайшонов и захватил Сайгон, где возвел на дангча-

ч - 11220

258

унгский престол юного Нгуен Фук Аня, возглавившего антитайшонское движение в Зядини.

Если на Крайнем Юге тайшоны потеряли свои позиции, то в Центральном Вьетнаме их положение укрепилось. В 1778 г., получив от дангнгоайского *тьюа* Чинь Шама титул правителя Куангнама, Нгуен Ван Няк объявил себя правителем государства, сменил девиз эры правления, а своим братьям присвоил почетные ранги. С этого времени во Вьетнаме уже формально появилось государство *тайшонов* со своей территорией, правителем, армией, складывающейся военной и бюрократической иерархией. Основные усилия этого государства, в течение восьми лет не нарушавшего мира с Чинями, были направлены на разгром Нгуен Фук Аня, захват Зядини и закрепление *тайшонов* на Крайнем Юге. В Кюиньоне велась активная подготовка к новому походу на юг.

Однако в 1778 г. тайшонская экспедиция в Зядинь была разбита, что укрепило на Крайнем Юге положение Нгуен Фук Аня. В 1779 г. он создал в Зядини свою собственную администрацию и даже вмешался в междоусобную распрю в Камбодже, способствуя победе антисиамской партии. В 1781 г. До Тхань Нян был убит по приказу Нгуен Фук Аня, опасавшегося влиятельного конкурента. Это вызвало восстание донгшонов, которое было решительно подавлено верными Нгуен Фук Аню войсками. В том же, 1781 г. Нгуен Фук Ань с помощью миссионера Пиньо де Беэна получил для своего флота несколько кораблей европейского образца. Активные военные приготовления обеспокоили Нгуен Ван Няка, который понял, что нельзя давать возможность главе антитайшонского сопротивления наращивать силы. Весной 1782 г. *братья-тайшоны* Нгуен Ван Няк и Нгуен Ван Хюэ отправились во главе новой экспедиции в Зядинь. Потерпев сокрушительное поражение, Нгуен Фук Ань бежал на остров Фукуок. Вся территория Зядини оказалась под контролем тайшонских гарнизонов.

Вскоре верный Нгуен Фук Аню военачальник Тю Ван Тиеп нанес из Фуиена удар по тайшонским гарнизонам и добился определенного успеха. В результате Нгуен Фук Ань смог возвратиться в Сайгон. Однако через несколько месяцев, уже в 1783 г., когда тайшоны осуществили новую морскую экспедицию в Зядинь, он потерпел полное и сокрушительное поражение. Вынужденный бежать в Сиам, Нгуен Фук Ань рассчитывал на покровительство короля Рамы I, приходу к власти которого он косвенно способствовал.

Дело в том, что, когда в 1781 г. сиамская армия сражалась в Камбодже с данг-чаунгскими войсками, сиамский король Пья Так Син начал в столице массовые репрессии, вызвавшие народное восстание. Нгуен Фук Ань не воспользовался тяжелым положением армии противника, в тылу которого полыхала гражданская война, и заключил с сиамским командующим Чао Прайей Чаكري мир. Этот мир дал Чаكري возможность свергнуть Пья Так Сина. Он принял имя Рамы I и стал основателем новой династии. В своих взаимоотношениях с Нгуен Фук Анем Рама I руководствовался не только чувством благодарности. Предоставление изгнанному с родины законному наследнику Нгуенов пристанища в Сиаме давало Раме I удобный повод для аннексии Камбоджи и вмешательства в дела Зядини.

В 1784 г. 300 кораблей сиамского флота перевезли в Зядинь 20-тысячную армию и высадили ее на западном побережье. В это же время 30-тысячное сиамское войско пересекло территорию Камбоджи и вторглось в пределы Зядини с

259

севера. Вместе с сиамцами на родину возвращался и немногочисленный отряд сторонников Нгуен Фук Аня, за которыми закрепилось название «бангкокцы», т.е. те, кто сопровождал правителя в новую сиамскую столицу Бангкок во время его изгнания. Объединив свои силы, сиамцы развернули активные наступательные операции против *тайшонов*, у которых к тому времени на Крайнем Юге было расквартировано лишь трехтысячное войско. Командир тайшонских войск Чыонг Ван Да принял решение, ведя оборонительные бои, начать планомерный отход на восток.

К концу 1784 г., после полугода активных наступательных военных действий, сиамцам удалось овладеть лишь западной частью Зядини. Крупные города Крайнего Юга и вся его восточная часть по-прежнему находились в руках тайшонов. Сиамцы после первых же побед занялись грабежами Зядини и вывозом материальных ценностей в Сиам на военных кораблях. Интересы Нгуен Фук Аня как законного правителя Дангчаунга отходили для Рамы I на второй, если не на третий план. Нгуен Фук Ань начал осознавать шаткость своего положения приживальщика при иноземных завоевателях.

Поэтому, продолжая опираться на сиамцев, он решил уравновесить их небескорыстное присутствие влиянием других иностранных держав и обратился за помощью к европейцам. Когда в ноябре 1784 г. в Зядинь вернулся Пиньо де Беэн, Нгуен Фук Ань попросил его о посредничестве в деле получения военной помощи из Франции. В составе дипломатической миссии, которая отправилась во Францию 27 ноября 1784 г., вместе с Пиньо де Беэном в Европу поехал и старший сын Нгуен Фук Аня —

четырёхлетний принц Кань.

Находившиеся в Кюиньоне вожди тайшонов внимательно следили за действиями сиамцев и готовились к решительному наступлению. В начале 1785 г. тайшонская армия морским путем достигла Зядини. Нгуен Ван Хюэ решил устроить сиамцам засаду у излучины р. Митхо. Когда сиамский флот двинулся вниз по течению реки, Нгуен Ван Хюэ приказал пропустить противника на ту позицию, где на отрезке от Жатьгам до Соаймута были заранее подготовлены засады. Там сиамцы были блокированы и наголову разбиты. В этом речном сражении погибла почти вся сиамская армия. Ее остатки численностью не более 3 тыс. человек спешно бежали через Камбоджу в Сиам. Вместе с ними покинул пределы Зядини и обескураженный Нгуен Фук Ань.

После победы у Жатьгам-Соаймута у *тайшонов* на территории Вьетнама не осталось соперников из претендующей на бразды правления родовой знати Дангчаунга. Поэтому теперь все их помыслы были направлены на захват Севера.

Положение в Северном Вьетнаме в 80-е годы XVIII в. было сложным. После смерти в 1782 г. *тюа* Дангнгоая Чинь Шама власть по его завещанию была передана болезненному пятилетнему ребенку — Чинь Кану. Фактически же бразды правления взял в свои руки честолюбивый временщик Хоанг Динь Бао — близкий родственник полководца Хоанг Нгу Фука. Но он продержался у кормила власти недолго. С ним расправились столичные гвардейцы, посадившие на престол старшего брата Чинь Кана — Чинь Кхая.

В 1783 г. Чинь Кхай и верные ему чиновники попытались восстановить контроль над столичными гвардейцами, но в итоге заложником и пленником гвардейцев стал сам правитель. Солдатские грабежи и террор усилились и в конце

260

1785г. вызвали волнения в Куангиене. В начале 1785г. в Северном Вьетнаме начался голод.

Этой сложной и опасной ситуацией в Северном Вьетнаме воспользовалось тайшонское руководство. В середине 1786г. два больших тайшонских отряда под руководством Нгуен Ван Хюэ сухопутным и морским путями двинулись к Фусуану — бывшей нгуеновской столице, а в то время — главной стратегической базе Чиней на юге. После ожесточенного боя Фусуан был взят. Не останавливаясь, тайшоны овладели также Вихоангом (нынешний Намдинь), где захватили большие запасы продовольствия. Путь на дангнгоайскую столицу Тханглаунг, древний политический центр Вьетнама, был открыт. Лихорадочные усилия дангн-гоайского правителя наладить сопротивление *тайшонам* ни к чему не привели.

21 июля 1786г. войска *тайшонов* вступили в Тханглаунг, победоносно завершив поход на север.

Власть чиньского правителя была свергнута. Тайшоны сурово обошлись с военными и гражданскими чиновниками, верными Чиням, но по отношению к остальному населению Дангнгоая они старались не допускать насилия.

После свержения Чинь Кхая *тайшоны* формально восстановили власть императоров династии Ле.

Нгуен Ван Хюэ, получив от императора Ле Хиен Тона почетные титулы и оставаясь в тени, делал все возможное, чтобы создать впечатление полноты власти императора. На деле же именно Нгуен Ван Хюэ был хозяином положения. После смерти Ле Хиен Тона спор претендентов на трон разрешил именно тайшонский лидер, назначив на престол того из принцев, который его устраивал. Им стал принц Ле Зюи Ки, известный по посмертному императорскому имени — Ле Тьёу Тхонг.

Одной из причин, удерживавших Нгуен Ван Хюэ от прямого участия в управлении Северным Вьетнамом, было нежелание обострять отношения в правящей верхушке государства *тайшонов*. Нгуен Ван Няк после успехов своего младшего брата стал относиться к нему с подозрением, не без основания полагая, что Хюэ может начать с ним борьбу за руководство тайшонским государством. Вследствие этого Нгуен Ван Няк вскоре отстранил брата от всех дел на Крайнем Севере и заставил его вернуться в Центральный Вьетнам. Однако Нгуен Ван Хюэ не собирался легко сдавать завоеванные позиции. Спор между *братьями-тайшонами* о разделе сфер влияния дошел до открытых военных столкновений.

Нгуен Ван Хюэ с 60-тысячным войском победоносных ветеранов окружил Кюиньон и в течение четырех месяцев осаждал город. В начале 1787 г. братья наконец-то договорились о границе, разделяющей их владения: области к югу от Куангнама отходили под управление Няка, а к северу от этой разграничительной линии полномочным правителем становился Хюэ.

Гражданской войной и междоусобной борьбой во Вьетнаме воспользовались маньчжурские правители Китая, не упустившие случая для вмешательства во внутренние дела Вьетнама. Такую возможность китайцам предоставил сам вьетнамский император Ле Тьёу Тхонг, скрывавшийся от преследования *тайшонов* вблизи вьетнамо-китайской границы и оттуда обратившийся к маньчжурскому императору с просьбой о помощи против узурпаторов.

Маньчжуры подготовили для вторжения во Вьетнам армию численностью в 200 тыс. человек, не считая «армии спасения императора» Ле Тьёу Тхонга, а также матросов и солдат приведенных в состояние боевой готовности флотилий

в Гуандуне и Фуцзяне. 25 ноября 1788 г. подразделения сухопутной цинской армии перешли границу и 17 декабря 1788 г. вступили в Тханглаунг.

После оккупации значительной части дельты Красной реки главнокомандующий китайской армией Сун Ши в вручил привезенному в китайском обозе Ле Тьеу Тхонгу от имени маньчжурского императора инвестиру и оскорбительный титул Аннам Куок-вьонг — «Правитель умиротворенного Юга». Никакой реальной властью Ле Тьеу Тхонг не располагал даже в самом Тханглаунге, не говоря уже о периферийных районах, где полностью хозяйничали китайцы. Ле Тьеу Тхонг был вынужден выколачивать из податного населения продовольствие для многотысячной китайской армии. Фусуанский правитель Нгуен Ван Хюэ 12 декабря 1788 г. у горы Нгыбинь, расположенной к югу от Фусуана, объявил себя императором и принял новый девиз правления — Куанг Чунг. В тот же день во главе флота и пехоты он выступил на север. Прибыв в Нгеан, Нгуен Ван Хюэ основательно пополнил там свое войско, доведя его до 100 тыс. человек. В горах Тамдиеп наступающая армия соединилась с отступившими под натиском китайцев *тайшоном*. В соответствии с разработанным Нгуен Ван Хюэ планом *тайшоны* быстро прошли Нижний Шоннам и 28 января 1789 г., в разгар празднования Нового года по лунному календарю, когда все обычные дела должны уступать место длительному отдыху и обильным пиршествам, начали захватывать вражеские форты около Тханглаунга. Несмотря на двукратное численное превосходство пребывавшая в растерянности китайская армия, боясь окружения, стала отступать. Два крупных китайских военачальника покончили жизнь самоубийством, а командующий Сун Ши, опасаясь попасть в плен, спешно переправился на северный берег Красной реки. Боясь преследования тайшонов, он приказал разрушить наплавной мост, обрекая тысячи китайцев на смерть и плен. Многие китайцы утонули в водах Красной реки. Тех, кто сопротивлялся, *тайшоны* убивали. Разбежавшихся по деревням вылавливали местные жители.

В полдень 30 января *тайшоны* вступили в Тханглаунг, покидая который китайский главнокомандующий бросил на произвол судьбы Ле Тьеу Тхонга, переправившегося через Красную реку на утлой рыбацкой лодке, поскольку наплавной мост по приказу Сун Ши был уже разрушен. Последний вьетнамский император династии Ле попытался догнать Сун Ши, но тот уходил от преследования с такой поспешностью, что Ле Тьеу Тхонг смог присоединиться к главе захватнической армии только на вьетнамо-китайской границе.

Разгром китайцев был полным и сокрушительным. Маньчжурский император Хунли снял Сун Ши с должности, назначил нового генерал-губернатора Гуан-дуна-Гуанси и передал в его подчинение полумиллионную армию, готовую к вторжению во Вьетнам. Для того чтобы предотвратить повторную интервенцию, Нгуен Ван Хюэ должен был проявить незаурядный дипломатический талант. Он признал себя формальным вассалом Китая и вернул Хунли всех пленных, с которыми обошелся чрезвычайно великодушно. Представляясь правителем суверенного государства, соседствующего с Дангнгоаом, Нгуен Ван Хюэ уже осенью 1789 г. добился признания себя «ваном Аньнана». Со своей стороны, он обещал построить поминальный храм в честь погибших во Вьетнаме китайцев и лично приехать в Пекин на празднование восьмидесятилетия Хунли.

Признав Хюэ правителем Вьетнама, маньчжурское правительство отказалось от поддержки династии Ле. В результате угроза с севера была устранена.

В созданном Нгуен Ван Хюэ государстве были усилены черты традиционной дальневосточной деспотии. В 1789 г. новый тайшонский император приказал составить подушные списки, в которые, в отличие от прошлых времен, заносилось не только нечиновное деревенское и городское мужское население, но все без исключения мужчины без различия их имущественного, социального и служебного положения. Деление «списочных» на категории осуществлялось исключительно по возрастному принципу. В 1790 г. списки были составлены, и с этого времени все «списочные» тайшонского государства были обязаны носить с собой выданную властями табличку-паспорт, содержащую основные данные о его владельце: имя, фамилию, место приписки, возраст. Лиц, не имевших при себе таких паспортов, штрафовали или отправляли в ссылку. Это давало возможность властям в любой момент выяснить место приписки человека, сопоставить с его реальным обиталищем и при необходимости водворить в пункт официального проживания. Исключение делалось лишь для «пришлых», семьи которых проживали в «чужой» общине более трех поколений. Таковых вносили в общинные списки по месту фактического жительства и там же облагали всеми налогами и повинностями. Если какая-нибудь община скрывала беглых «чужаков», то найденный беглец и общинный староста «укрывающей» общины подвергались суровому наказанию. Даже те беглецы, которые находили убежище в буддийских храмах, теряли монашеский статус и возвращались к исполнению «тягла».

Одной из основных повинностей в тайшонском государстве была служба в армии, где вводилась новая для дельты Красной реки, более тяжелая система набора: из трех налогоплательщиков один должен

был идти в солдаты. Одновременно армия выполняла важнейшие производственные функции: строительные и ремесленные. Солдаты возводили укрепления, сооружали дороги и строили корабли. Под жесткий контроль деспотического государства было поставлено ремесло. Ремесленные предприятия, в основном принадлежащие государству, обслуживали главным образом тайшонский двор, армию и обеспечивали внешнеторговую деятельность.

Последняя, сконцентрированная в основном на связях с Китаем, также полностью зависела от государства, -которое определяло пункты торговли китайцев в Каобанге и Лангшоне, а также договаривалось о деятельности вьетнамских купцов в Гуанси. Внешнеэкономические контакты с Китаем воспринимались как род государственных обязанностей, и все ремесленники и купцы, связанные с торговыми пунктами на китайско-вьетнамской границе и проживающие севернее р. Зянь, освобождались от казенных повинностей. Между *тайшонами* и европейцами прочных торговых связей установлено не было, хотя намерения такого рода у Нгуен Ван Хюэ имелись.

Чиновничья структура тайшонского государственного аппарата воспроизводила традиционную систему должностей, строго соподчиненных друг с другом и полностью замкнутых на стоящего на вершине бюрократической пирамиды императора. Должность военного правителя — *тьюа* — была упразднена. Никто из чиновников не наделялся особыми функциями, дававшими возможность избежать

263

императорского контроля. Кадровый состав чиновничьего аппарата состоял в основном из тайшонской верхушки, а также части бывших нгуеновских и даже чиньских чиновников. В связи с дефицитом кадров наряду с отбором чиновников по результатам конкурсных экзаменов, который так и не заработал в полную меру, практиковалась система личных рекомендаций.

Аграрная политика Нгуен Ван Хюэ имела целью сделать общину основной экономической базой государства. Его указы предусматривали возвращение крестьян на землю и обязательную обработку заброшенных и целинных земель. Фактически это означало введение системы государственного крепостничества, дотоле почти неизвестного во Вьетнаме. Формы получения земельного налога оставались традиционными. В целом эксплуатация государством общины была, по-видимому, усилена. При этом в большей мере увеличивались ставки налогообложения «лучших» земель по сравнению с «худшими» и частных по сравнению с общинными.

В сфере духовной жизни наиболее важным нововведением Нгуен Ван Хюэ было утверждение национальной письменности (*тгы ном*) в качестве официальной. Основой для воспитания народа Нгуен Ван Хюэ считал конфуцианство, но терпимо относился и к другим конфессиям, правда только в том случае, если «ложные религии» не затрагивали его политических интересов. Так, поначалу *тайшоны* отменили запрет на пропаганду христианства. Однако позднее, когда католические миссионеры стали активно помогать их главному противнику Нгуен Фук Аню, на вьетнамцев-христиан обрушились репрессии.

Конфликты между братьями-теамшономом и борьба с китайцами на севере Вьетнама способствовали тому, что новая попытка Нгуен Фук Аня высадиться в Зядини в 1787 г. увенчалась успехом. По существу, только тайшонский гарнизон Сайгона оказал ему сопротивление. Большинство же крупных населенных пунктов Зядини быстро перешли под контроль «бангкокского изгнанника».

В том же, 1787 г. от имени Нгуен Фук Аня, властителя Зядини и законного правителя всего Дангчаунга, епископ Адранский подписал с Францией соглашение, вошедшее в историю под названием Версальского договора. Согласно этому документу, Нгуен Фук Ань уступал Франции о. Пуло-Кондор, гавань Хойан, даровал французам монополию в торговле на территории всей страны, а также обязывался поставлять Франции солдат и продовольствие в том случае, если она будет вести войну с каким-либо государством на Востоке. Франция же должна была передать Нгуен Фук Аню четыре военных корабля и отряд численностью в 1650 человек. Воплощению этого договора в жизнь помешала начавшаяся через два года Великая французская революция, но впоследствии французские колонизаторы часто обращались к нему для оправдания своего присутствия во Вьетнаме.

В 1789 г. Нгуен Фук Ань овладел всей Зядинью и начал подготовку к походу на север. Используя европейских инструкторов для обучения своей армии, закупая вооружение европейского производства, строя корабли и крепости по европейскому образцу, Нгуен Фук Ань создал очень сильные и передовые для Юго-Восточной Азии вооруженные силы. Годы правления Нгуен Фук Аня, поддержанного экономической и социальной элитой Зядини, ознаменовались на Крайнем Юге процветанием сельского хозяйства и других отраслей экономики. После

264

того как в 1792 г. умер Нгуен Ван Хюэ, в тайшонском руководстве не нашлось фигуры, способной противостоять правителю Крайнего Юга.

В 1792 г. Нгуен Фук Ань провозгласил план наступательных военных действий против Кюиньона и других областей Центрального Вьетнама.

В соответствии с этим планом ежегодно в апреле-мае, когда дули южные муссоны, военный флот отправлялся на север, а с осенними северными ветрами возвращался в Зядинь. Так начались шесть последовательных военных кампаний 1792-1799 гг., называемых «сезонными войнами». На заключительном этапе борьбы с *тайшонами* эти войны переросли в непрерывную военную кампанию 1800-1802 гг., в результате которой южанами была захвачена старая столица Фу-суан, а затем и цитадель *тайшонов* — Кюиньон. Не ограничиваясь возвращением Дангчаунга, Нгуен Фук Ань двинул свои войска на север и в течение месяца почти без кровопролития завоевал весь Северный Вьетнам. 20 июня 1802 г. он вступил в Тханглаунг — столицу древнего Дайвьета, откуда бежал последний тайшонский император. Впервые за 300 лет на территории Дайвьета было создано единое общевьетнамское государство.

ВЬЕТНАМ В НАЧАЛЕ XIX в.

Империя Нгуенов, возникшая в 1802 г. в результате вооруженной победы правящих кругов и экономически доминирующих социальных слоев Зядини над государством *тайшонов*, явилась первым и единственным целостным вьетнамским государственным образованием нового времени в рамках всего Вьетнама до французского завоевания. Она родилась в ходе ожесточенной борьбы двух группировок, опиравшихся на различные социальные слои вьетнамского общества: с одной стороны, крупных землевладельцев и богатое купечество Крайнего Юга, с другой — общинное крестьянство и служилые слои Центра и Севера. Победа южан над *тайшонами* символизировала победу частновладельческих отношений, т.е. частного ремесла, торговли и предпринимательства, над принудительными общинными отработками и государственными повинностями в общеимперском масштабе, хотя и не означала окончательного подавления общинной и государственной экономики. Уже в ходе войны с *тайшонами* в среде правящего класса нового государства Нгуенов образовались два противоборствующих лагеря, «реалистов» и «традиционалистов». Первый из них ориентировался на приспособление государственной политики к тем существенным изменениям, которые подспудно преобразили вьетнамское общество в XVI-XVIII вв.; ее главными представителями были такие боевые сподвижники Нгуен Фук Аня, как Ле Ван Зюет и Ле Тят. Второй отстаивал возвращение к архаическим нормам, моделью которых служили социальные и политические установки, восходящие ко второй половине XV в. Вождем этого лагеря вскоре стал еще один полководец времен войны с *тайшонами* — Нгуен Ван Тхань.

Во время правления Нгуен Фук Аня воссоединенный Вьетнам представлял собой сочетание регионов, отличавшихся друг от друга по социальным и эконо-

265

мическим показателям. Сразу же после объединения страны правитель назначил в регионы таких администраторов из числа своих ближайших сподвижников, политические и экономические взгляды которых, как ему казалось, в целом соответствовали особенностям регионов. Так, генерал-губернатором консервативного Крайнего Севера (Бактхань) стал лидер «традиционалистов» Нгуен Ван Тхань, а руководство динамично развивающимся Крайним Югом (Зядинью) было сосредоточено в руках «реалистов». Старые районы бывшего Дангчаунга и Нгеана-Тханьхоа подчинялись непосредственно столичному правительству в Фусуане, которым руководил сам император. Соответственно очень различалась социальная и экономическая политика, которую проводили региональные власти и центральное правительство. «Традиционалисты» в Бактхани попытались реализовать ультраконсервативную программу: восстановление общинного землевладения — основы экономической базы чиновничества, ограничение экономических и социальных позиций частных землевладельцев, снижение их роли в сфере управления. Такая политика привела к резкому обострению социальных конфликтов на Крайнем Севере и вызвала вооруженные выступления против администрации Нгуен Ван Тханя. Иную, прямо противоположную линию проводили местные власти на Крайнем Юге, где получившие бразды правления «реалисты» поощряли частных землевладельцев, ремесленников, предпринимателей. Стимулирование торговли рисом с помощью налоговых льгот превратило Крайний Юг в житницу всей страны и связало всю территорию Вьетнама единым рисовым рынком. Отныне бескризисное существование Севера и Центра страны без привозного южного риса стало практически невозможным. Поступление товарного риса с юга создало условия для гигантского строительства в столице, которое, в свою очередь, усилило государственную эксплуатацию в районах бывшего Дангчаунга и отчасти в Нгеане-Тханьхоа, так как именно из этих регионов набиралась рабочая сила из ремесленников и солдат на принудительные работы в столице. Победу над *тайшонами* Нгуен Фук Ань отпраздновал жестокой публичной казнью захваченного в плен последнего тайшонского императора и трех его младших братьев.

На высшие государственные должности первоначально назначались ближайшие сподвижники Нгуен Фук Аня из военных чиновников высоких рангов. На должности среднего и низшего уровня наряду с офицерами нгуеновской армии назначались также бывшие гражданские чиновники и лауреаты экзаменационных конкурсов. Причем, по мере продвижения с юга на север доля последних

увеличивалась, а доля военных в управлении на всех административных уровнях сокращалась. Однако вскоре произошел спад интереса зядинцев к продвижению по чиновничьей лестнице путем сдачи экзаменов, а следовательно, в перспективе — ослабление их позиций в будущей администрации. Учитывая существующие реалии, власти приняли решение о признании официального статуса выборных общинных и волостных старост, цеховых и гильдейских старшин, «заслуженных» состоятельных частных лиц и «секретарей», занимавших должности в уездных, окружных и провинциальных управах, минуя отбор по результатам конкурсных экзаменов.

В 1804 г. Нгуен Фук Ань получил инвеституру от китайского императора. Было утверждено новое название страны — Вьетнам. К середине 1806 г. Нгуен

266

Фук Ань, укрепивший социальную базу своей власти, принял императорский титул (после чего его следует называть Нгуен Тхе То), что символизировало новый этап в развитии Вьетнама.

В 1806-1812 гг. попытки «традиционалистов» на Крайнем Севере восстановить общинное землевладение и государственно-повинностные формы эксплуатации вызвали недовольство широких слоев населения. Массовые восстания, возглавленные представителями «знатных» родов, создали реальную угрозу власти новой династии. Лишь чрезвычайное напряжение усилий со стороны армии позволило «традиционалистам» предотвратить реставрацию на Крайнем Севере власти одной из старых династий. Сделанный в этот период первый шаг к формированию системы комплектования государственного аппарата полноценными чиновниками по результатам экзаменационных испытаний показал, что Бактхань является безусловным лидером по количеству лауреатов, а следовательно, и по поставке чиновных кадров в государственный аппарат. Это обеспокоило Нгуен Тхе То, и конкурсы более высокого уровня (столичные и дворцовые) правитель решил в свое царствование не проводить. Он отозвал из Бактхани в столицу «традиционалистских» лидеров и назначил на высшие посты в администрацию Крайнего Севера «реалистов» во главе с Ле Тяттом. В результате был снижен уровень государственной эксплуатации основной массы тяглового населения, что привело к постепенной стабилизации экономической ситуации и социальной обстановки в Бактхани.

Южнее Бактхани — в Нгеане-Тханьхоа — также отмечались кризисные явления, которые вылились в восстания. Лишь решительные действия военных администраторов-«реалистов», сочетавших экономические методы стабилизации обстановки с военными репрессиями, позволили удержать ситуацию под контролем нгуеновских властей.

На Крайнем Юге с 1802 по 1807 г. включительно в отношении основной массы населения действовали налоговые и повинностные льготы. Даже после их отмены в 1808 г. было сохранено уменьшенное как минимум в 16 раз по сравнению с общеимперской нормой налогообложение частных земель, принадлежащих крупным и средним землевладельцам. Чрезвычайно высокая урожайность рисовых «латифундий» на Крайнем Юге в сочетании с пониженным налогообложением вели к тому, что рис в Зядини был очень дешев: в четыре-пять раз дешевле, чем на Севере. От колебаний цен на рис на зядинском рынке зависела его стоимость в Центре и на Севере. Хотя основным каналом перераспределения зерна в масштабах страны продолжала оставаться частная торговля, после восстановления поземельных рисовых налогов в 1808 г. в Зядини начали скапливаться запасы казенного риса, которые также надо было переправлять на Север. Для этих целей государство использовало частные торговые корабли, владельцы которых перевозили рис в счет общественных работ. Однако купечество Зядини получило возможность откупаться от разорительных повинностей по перевозке государственных грузов. Развивалось частное предпринимательство и в горнорудном деле. Казна поощряла частную инициативу и нередко прощала предпринимателям недоимки, не закрывая их рудников. Значительные доходы в Зядини приносили игорные дома и притоны. По отношению к ним власти также придерживались покровительственной политики, нередко освобождая от задолженностей.

267

Некоторые ограничения появились в сфере внешней торговли. В 1809 г. в Зядини было установлено налогообложение кораблей, прибывающих из Сиамы, Сингапура и вассального княжества Хатиен. Запрещалось торговать золотом, серебром, медными деньгами, орлиным деревом, корицей, благовониями, пряностями, солью. Особо строгим был запрет на вывоз риса. С 1811 г. вьетнамцам и этническим китайцам, постоянно проживающим в Зядини, не разрешалось свободно выезжать и торговать за границей. В то же время сохранялась интенсивная государственная внешняя торговля. Казенные товары вывозили за границу не чиновники, а государственные агенты — частные лица из числа работающих по найму местных вьетнамцев и китайцев. Оживленная торговля государственными товарами велась в Зядини и с приезжими китайцами.

Социальные привилегии в Зядини были предоставлены потомкам погибших «бангкокцев» — сторонников Нгуен Фука Аня, сопровождавших своего вождя в 1784-1787 гг. во время его сиамского «изгнания». Клан «бангкокцев» были наиболее надежной опорой складывающегося режима и наиболее последовательными носителями «южной» тенденции развития вьетнамского общества,

связанной с «личным» и «частным» в противовес «корпоративному» и «государственному». В 1808 г. Зядинь получила более высокий административный статус, приравнивающий ее к Бактхани. В Зядини были введены должности генерал-губернатора и вице-генерал-губернатора, которые заняли старые сподвижники Нгуен Тхе То.

В конце 1809 г., после смерти правителя Хатиена вассальное княжество Мак Тхиен Ты было присоединено к Вьетнаму. Во главе новой территории была поставлена вьетнамская администрация, частично состоявшая из этнических китайцев.

Следующий этап развития вьетнамского общества, 1812-1817 гг., характеризуется острой политической борьбой в столице между правительством «реалистов» и переместившимися в Фусуан бактханьскими «традиционалистами». В 1812г. Тхе То не только не разрешил Нгуен Ван Тханю вернуться в Бактхань на пост генерал-губернатора, но и начал бороться против попытки Тханя помешать ему выбрать наследника престола. Нгуен Тхе То хотел передать трон старшему из оставшихся в живых принцев — Хиеу, которому в 1812 г. исполнился 21 год, тогда как Нгуен Ван Тхань отстаивал права малолетнего внука Тхе То — Ми Дыонга в надежде исполнять при царственном младенце функции регента. При дворе началась открытая политическая борьба, временами принимавшая самые радикальные формы. В итоге в 1816г. в качестве наследника престола был официально утвержден умеренный «традиционалист» принц Хиеу.

В 1816-1817 гг. в столице был завершен разгром радикальных «традиционалистов» Нгуен Ван Тханя. Сначала Тханя лишили служебных полномочий и посадили под домашний арест. Затем начались чистки военных и гражданских чиновников. В середине 1817г., после обвинения высших чиновников двора в бунте Нгуен Ван Тхань был признан виновным, и ему было приказано покончить с собой. Когда Тханю принесли на выбор «яд, красный шнурок или короткий меч», он предпочел яд. Сына Нгуен Ван Тханя четвертовали.

Разгром радикальных «традиционалистов» в столице на время подорвал позиции защитников консервативной тенденции социального развития.

268

Коренным образом изменив направление социальной и экономической политики, проводимой администрацией Нгуен Ван Тханя на Крайнем Севере, «реалисты» ввели режим экономии и, применяя военные методы, добились сокращения антиправительственных выступлений. В 1813 г. в Бактхани был создан Монетный двор, где на новых литейнях разрешалось делать монету из металла, приобретенного как государственными ремесленниками, так и частными лицами на собственные или корпоративные средства. Особенно активными в этой сфере были китайские предприниматели, нередко пользовавшиеся монополией на выплавку металла, который они покупали по низким ценам у горнозаводчиков. За администрацией Монетного двора закреплялась лишь проверка качества выпускаемой монеты и соответствия стандартам. Соотношение цен на золото и серебро во Вьетнаме было принято как 1:16 и соответствовало общемировой пропорции. Для пресечения повышенного налогообложения купечества в 1812г. были собраны сведения обо всех ценах и выведена общая средняя цена на каждый вид товара. Списки таких цен рассылались на таможни, и в течение пяти лет откупщики должны были собирать пошлины, руководствуясь только этими «нормативами», что резко сократило возможность ограбления купечества откупщиками. В 1815г. в Бактхани китайцы, представленные в основном купечеством, получили разрешение на самоуправление. В местную администрацию наряду с назначением лауреатов конкурсных экзаменов начали назначать людей, проявивших свои способности при выполнении конкретных поручений или боевых заданий. В итоге в 1812-1817 гг. правление «реалистов» в Бактхани, пришедших к власти в разгар экономического и социального кризиса, обеспечило на Крайнем Севере стабильность нового режима.

Иначе складывалась ситуация в Нгеане-Тханьхоа. В этот период туда стали проникать повстанческие отряды, разбитые в Бактхани в 1811 г. На борьбу с повстанцами были брошены крупные силы. Вскоре инсургенты были зажаты между двумя регулярными армиями Вьетнама и Лаоса и началась массовая бойня в горах. Восстания были локализованы лишь временно. Ухудшение экономической ситуации с 1816г. и рост коррупции вызвали новый рост повстанческого движения.

На Крайнем Юге, где ситуация была наиболее сложной в военном отношении, этап 1812-1817 гг. начался с назначения генерал-губернатором самой яркой фигуры из числа лидеров-«реалистов» — Ле Ван Зюета. В связи с военными действиями в Камбодже потребовалось увеличение в Зядини налогов и повинностей, прежде всего военных. В 1813г. Ле Ван Зюет составил реестры тягловых, что привело к увеличению численности налогоплательщиков в два раза. Переход к усилению государственной эксплуатации происходил с одновременной перестройкой структуры

частновладельческих хозяйств, в которых сокращались размеры эксплуатации. Одновременно со значительным увеличением государственных налогов и повинностей власти продолжали поощрять в Зядине частную промысловую, ремесленную и торгово-предпринимательскую деятельность. Значительно расширился высший эшелон административного аппарата. По своим размерам он стал приближаться к бактханьскому. В связи с тем, что Ле Ван Зюет пользовался непререкаемым авторитетом среди южан, ему удалось осуществить резкое, но необходимое увеличение государственных налогов и повинностей без

269

особых социальных возмущений. В 1815 г. Зюета сменил «аполитичный» Нгуен Хоанг Дык, заместителем которого стал умеренный «традиционалист» Чинь Хоай Дык, что способствовало дальнейшему выравниванию политических установок, реализовавшихся на территории Крайнего Юга и остальной части страны.

В 1812-1817 гг. экономическое положение в старых районах бывшего Данг-чаунга значительно ухудшилось из-за значительного подорожания «рыночного» риса и сокращения его вывоза из Зядине. В 1816 г. начался голод на всей территории от Нгеана до Зядине. Правительство пыталось смягчить тяжесть государственной эксплуатации. Были сокращены объемы принудительных работ ремесленников, а в 1814 г. введен специальный налог, уплата которого освобождала их от трудовой повинности. Неквалифицированную работу в столице стали выполнять солдаты, для сложных ремесленных работ начали использовать специализированные цехи, членам которых платили большое жалованье.

Перестраивалась и сфера денежного хозяйства. Появились мелкие серебряные номиналы весом в один ланг (37,3 г) и в пол-ланга. Серебро предназначалось для внешней торговли и выплаты жалованья чиновникам. Половина всех поземельных, подушных налогов и пошлин также должна была выплачиваться серебром. Одновременно шло массовое производство дешевой цинковой монеты, малопригодной для длительного обращения. Двойственность финансовой системы выразилась и в том, что были введены два весовых эталона для металлов: один — для золота и серебра, другой — для меди, олова, цинка и железа.

Консервативная тенденция в финансовом вопросе стала побеждать, и с 1816г. жалованье чиновникам стали выплачивать в цинковой монете. Поскольку налоги продолжали вноситься наполовину серебром, началось массовое «выкачивание» налогового серебра в казну.

Консервативная тенденция проявила себя и в отношении к купечеству: в 1816г. власти упразднили практику внесения откупных за свободную торговлю. Отныне купцы были обязаны за год свободной торговли «на себя» столько же отрабатывать «извозом», т.е. перевозить государственные грузы на собственных кораблях и лодках. Усиление контроля над внешнеторговой деятельностью выразилось также в подтверждении запрета для частных лиц на торговлю «рисом и другими товарами» с иностранными государствами. С 1817г. было приказано сообщать таможенникам не только о прибывших торговых кораблях, но и обо всех джонках, пристающих к вьетнамскому побережью, так как они часто везли контрабандные грузы. Однако доля скрываемых от налогообложения и контрабандных грузов в общем объеме импорта во Вьетнаме, особенно на Юге, оставалась высокой. Налаживался и финансовый учет: с 1812г. сведения о количестве поступающих пошлин, а также о запасах риса и денег на государственных складах подавались ежегодно.

В сфере управления «традиционалистская» тенденция постоянно брала верх. Выражалось это прежде всего в том, что сбором налогов на низшем уровне продолжали ведать (по правилам 1812 г.) местные землевладельцы и городские тор-гово-ремесленные круги, но на уровне провинций частные лица были заменены государственными чиновниками. В столичные ведомства стали назначать только образованных лауреатов конкурсных экзаменов, повышавших свою квалификацию в различных учреждениях академического типа (Хан лам виен, Конг ши ви-ен). С 1813 г. экзаменационная система отбора чиновников распространилась на

270

всю империю. В результате увеличения числа приверженцев «традиционализма» возрастало их влияние на умы ближайшего окружения императора. Некоторые из высших чиновников, ранее участвовавшие в борьбе с Нгуен Ван Тханем, стали выдвигать консервативные идеи. Предлагалось путем учреждения общинных амбаров, накопления и раздачи или продажи риса по низким ценам членам общины в неурожайные годы затормозить имущественную и классовую дифференциацию. Император выступил против этого проекта, указывая на его неосуществимость. Он неоднократно говорил о вредности идей конфискации частной земли и введения уравнительного землевладения. Таким образом, на третьем этапе периода правления Тхе То как на территории бывшего Дангчаунга,

так и по всей стране сохранялся курс «на реализм».

Во время следующего периода развития вьетнамского общества, с середины 1817г. по конец 1819г., в наиболее полной мере проводилась общеимперская сбалансированная социальная политика, близкая к «южной» модели развития.

В Бактхани эта политика привела к полной стабилизации ситуации и прекращению восстаний.

Экономическое положение было вполне удовлетворительным: риса хватало, голода не было, снижение налогов производилось только в чрезвычайных обстоятельствах. В Бактхани появилась своя житница — Нижний Шон-нам, — роль которой в снабжении рисом всего Севера постоянно росла. В Тханг-лаунге были начаты крупномасштабные работы по строительству кораблей, на которых постоянно трудились войска числом от 5,3 до 15 тыс. человек, получавшие денежное вознаграждение. В горнорудном деле сохранялось поощрение частного предпринимательства.

В Нгеане-Тханьхоа ситуация была иной. Здесь неспособные администраторы и военачальники не смогли справиться с кризисом, вызванным высоким уровнем налогов, неумелым управлением и частыми стихийными бедствиями. Чтобы стабилизировать положение, император направил в Нгеан-Тханьхоа Ле Ван Зюета. Последний жестокими методами, включая казни вождей, подавил восстания, затем добился от императора прощения недоимок и отмены налогов, а также замены высшей местной администрации. После этого множество повстанческих вождей из горской знати вместе со своими боевыми отрядами перешли на сторону правительства, и Зюет зачислил их в неофициальные войска. Он составил новые подушные списки и земельный реестр, в которых была отражена значительно уменьшенная численность реально существующих в этих провинциях тягловых и исключены некоторые земли, в связи с чем уменьшился общий объем государственной эксплуатации.

На Крайнем Юге, напротив, шел процесс постепенного усиления государственной эксплуатации за счет значительного расширения круга налогоплательщиков и повинностнообязанных, часть из которых была переселенцами с Севера. Это должно было привести к некоторому понижению уровня частной эксплуатации. Но поскольку частные владельцы земли с трудом отказывались изменять размеры получаемых рент и прибылей, то общий объем эксплуатации крестьянства в Зядини на четвертом этапе правления Тхе То заметно вырос. В итоге в Зядини появились признаки кризисных явлений, ранее не наблюдаемых на Крайнем Юге, — например, бегство крестьян. В итоге власти были вынуждены освободить тягловых от подушных налогов и отработок, а провинциальным чинов-

271
никам был отдан приказ заняться возвращением беглых крестьян. Стихийные бедствия еще более усиливали масштабы бегства, хотя массового голода и восстаний в Зядини не было.

Крестьяне, не включенные в списки налогоплательщиков, набирались в различные виды войск. Они проводили земельные и ремонтно-строительные работы, такие, как расширение русел рек, возведение крепостей и прокладка каналов. Несмотря на строительство каналов, которые облегчали доступ зядинского купечества в Сиамский залив, а иностранных торговцев — в дельту Меконга, происходило постепенное падение общего объема внешнеторгового оборота в Зядини. Таможенные доходы с внешнеторгового оборота перераспределялись в пользу родовой знати и чиновничества, тогда как занятые в этой сфере частные лица теряли половину заработков. Правительство в Фусуане стремилось переориентировать на столичную провинцию Тхуанхоа и на Куангнам часть потока иностранных кораблей.

В старых районах бывшего Дангчаунга экономическое положение было удовлетворительным. Лишь в 1819 г. в некоторых провинциях появились беглые крестьяне. Для защиты от вторжений горцев из самых опасных горных районов в Куангнгае была построена укрепленная 119 крепостями 19-километровая стена, ограждающая долинных земледельцев. Огромные средства продолжали тратиться и на столичные постройки: возводились городские стены, храмы, башни и склады, ремонтировались объекты конфуцианского и государственного культа, дворцы знати.

Значительный размах получила кораблестроительная программа. Ремесленников вновь стали активно привлекать к государственным отработкам, в связи с чем нарушалось их право откупаться от трудовых повинностей. При этом, если сначала ремесленников четко отделяли от солдат, приравнивая их к более высокому социальному слою, то потом их вообще не выделяли из состава армии. Более высоким социальным статусом обладала лишь верхушка тех ремесленных цехов, которые работали в основном на нужды казны. Государство активно способствовало созданию таких цехов, и у ремесленников сохранялась возможность откупаться или иными способами освобождаться от государственных повинностей.

В сфере торговли были ослаблены запреты частным лицам участвовать в иностранной коммерции.

Составление морской лоции всего вьетнамского побережья способствовало укреплению постоянных морских контактов между Севером и Югом страны и служило основой для создания общевьетнамского рынка. В то же время с 1818г. было значительно повышено налогообложение торговых кораблей, прибывающих из Макао и с Запада. Это ударило по интересам европейских купцов и снизило их

приток в центральные районы страны. Особенно неблагоприятной для старых районов бывшего Дангчаунга была валютно-денежная политика. Из столицы ценную медь вывозили в Бактхань и обменивали на дешевый цинк, который активно вводили в обращение во всех провинциях южнее Нгеана.

Введение в 1817г. новых правил наказания общинных старост за фальсификацию подушных реестров серьезно ударило по частным землевладельцам. С этого времени общинные власти, опасаясь суровых наказаний за «укрывательство» крестьян (за одного «укрываемого» полагалось 70 палок либо каторжная тюрьма), требовали от частных землевладельцев внесения в списки всех зависи-

272
мых, арендаторов и батраков. Однако до решительной борьбы с частным землевладением в тот период дело не дошло.

В 1818 г. все чиновничество страны стало получать рисовое и денежное жалованье в соответствии со своими рангами. При этом разница в оплате самых высших и низших была весьма существенной — в 35 раз. Переводом всего чиновничества на денежное и натуральное жалованье Тхе То навсегда похоронил мечты «традиционалистов» о наделении чиновников доходами от сбора земельного налога. Так чиновничество во Вьетнаме было полностью отделено даже от опосредованной связи с землей и превращено в сословие государственных служащих.

Тогда же значительно упростилось выдвижение представителей экономически доминирующих слоев без сдачи конкурсных экзаменов на должности «секретарей», концентрирующих в своих руках важнейшие фискально-налоговые, финансовые и хозяйственные функции на низовом уровне. Отныне упор делался не на выслугу лет, а на талант и способности.

В 1817 г. Тхе То учредил во Вьетнаме институт наследственного родового дворянства. Первыми дворянами стали его самые верные сторонники — «банг-кокцы», — составлявшие ядро социальной базы политики «реализма». Все «бангкокцы» делились на семь категорий в соответствии со своими заслугами в период эмиграции в Сиаме и во время гражданской войны. Попавшим в каждую из этих категорий присваивался специальный титул (не имевший аналогов в официальной номенклатуре). Он давал право на соответствующий ранг и исполнение административных и военных функций. Специфична была передача титулов по наследству, коренным образом отличавшаяся от традиционных титулов: *вьонг, конг, ты, ба, хау*. Если в традиционной системе порядок понижения титулов действовал без всяких ограничений и потомок императора в шестом поколении становился простолюдином, то в созданной Тхе То структуре понижение титулов имело предел, и для первых пяти категорий титул передавался по наследству без понижения. Получателями привилегированных титулов являлись старшие сыновья и внуки «бангкокцев». В случае отсутствия наследников в главной ветви титул передавался старшим сыновьям боковых ветвей рода. Тхе То стремился не только реально сформировать новое привилегированное сословие, но и стимулировать его членов нести государственную службу, главным образом военную, хотя в принципе «бангкокцы» и их наследники могли и не служить.

Сразу же после введения новой системы титулов был отдан приказ выдать всем их получателям месячное жалованье. Все «бангкокцы» должны были носить на одежде знаки ранга, соответствующие не должности, а сословному титулу. Сословный титул ставился выше служебного положения. Это был первый шаг к созданию сословного государства и ограничению деспотизма. Хотя новое сословие было создано в значительной степени для того, чтобы его представители могли легче продвигаться по служебной лестнице, минуя конкурсные экзамены, именно с этого времени во Вьетнаме впервые появились неслужилые дворянские роды. Одновременно с формированием сословия дворянской знати шел и процесс активного пополнения управленческого аппарата консервативным чиновничеством, прошедшим традиционный отбор по результатам архаичных эк-

273
заменационных конкурсов. В 1819г. по всей стране прошел общевьетнамский конкурс, в котором наибольшую активность, как всегда, проявили северяне: и в Бактхани и Нгеане-Тханьхоа численность лауреатов по сравнению с конкурсом 1813г. выросла на одну треть.

К концу правления Нгуен Тхе То был в целом отстроен общегосударственный механизм управления. Формально единственным центром силы был император, сосредоточивший в своих руках деспотическую власть, распространявшуюся на верхний и средний уровни управления. Эта власть объединяла в себе законодательные, административные и судебные функции. Судебная власть была частью административной: судебные функции выполняли назначенные сверху чиновники, одновременно занимавшиеся и другими делами. Лишь на низшем уровне — в общинах, волостях, ремесленных цехах и торговых гильдиях — власть осуществляли местные выборные из числа имущих слоев населения. На низший управленческий уровень — в уезды, округа, провинции, таможни и даже столичные ведомства — также проникали выходцы из экономически доминирующих слоев населения, которые нередко использовали свою должность для личного обогащения.

Наиболее важными вопросами занимались шесть столичных ведомств: кадров (чинов), обрядов (ритуалов), финансов, юстиции (наказаний), военное, общественных работ. Палата цензоров, контролировавшая общегосударственную деятельность в различных сферах, как в центре, так на местах, еще не была окончательно укомплектована. В целом структура государственного аппарата все еще носила упрощенный характер. Значительная доля властных функций на нижнем уровне сохранялась за органами самоуправления экономически доминирующих слоев.

В административном плане Вьетнам был разделен на два края — Бакхань и Зядинь, состоявшие из провинций. В краях управляли генерал-губернаторы с одним или двумя вице-губернаторами. В их подчинении находились местные управления (отделы), аналогичные столичным ведомствам. Краевые органы пользовались большими полномочиями и фактически проводили самостоятельную внутреннюю политику.

Провинциями управляли губернаторы, вице-губернаторы, начальники финансовых ведомств, провинциальные судьи и командующие провинциальными войсками. Начальники округов и уездов в этот период выполняли в основном судебные и административные функции, а сбором налогов занимались специальные мелкие служащие, «секретари», иногда даже частные лица, откупщики, которым официальные власти «доверяли» (естественно, не безвозмездно) «выкачивать» недоимки и производить регулярные поборы с населения.

На волостном и общинном уровнях за сбор налогов, выполнение трудовых работ и воинских повинностей отвечали общинные или волостные старосты, которых выбирали из числа местных состоятельных землевладельцев, торговцев и предпринимателей. Но они могли быть бедными или малоимущими. Ведь именно их в случае различного вида недоимок ругали, били, наконец, сажали в тюрьму и отправляли в ссылку. Однако не староста решал проблемы вьетнамской общины и волости. Важнейшие дела находились в ведении состоятельных людей из числа членов общинного совета, которые распоряжались финансами и ресурсами общины, но ни за что не несли ответственности, «откупаясь» от государственных властей за счет старосты.

274

Внешняя политика в период правления Нгуен Тхе То не была активной. Император трезво оценивал роль Китая как мощнейшей державы Восточной Азии и в соответствии с этим строил свою политику, но в принципиальных вопросах дипломатии добивался своего. Формально признав себя вассалом империи Цин, Тхе То в 1803—1804 гг. получил инвеституру от своего великого северного соседа. Однако при определении официального названия страны вьетнамский император проявил волю и настойчивость. Сначала он потребовал замены традиционного китайского названия страны Аннам (Аньнань) на древнее Намвьет (Наньюэ). Когда же китайская сторона отвергла это требование, Тхе То заявил, что в этом случае он разорвет дипломатические отношения. В итоге китайский император пошел на компромисс, и обе стороны согласились на название Вьетнам (Юэнань). После провозглашения себя в 1806 г. вьетнамским императором, т.е. лицом, равновеликим императору Китая, Нгуен Тхе То ввел для «внутреннего употребления» концепцию двух Поднебесных: китайской и вьетнамской, однако постоянно поддерживал с Китаем спокойные отношения, регулярно отправляя к Цинам посольства с данью.

Нгуен Тхе То понимал роль и мощь европейцев, оказавших ему значительные услуги в период гражданской войны. Однако он опасался дипломатических связей с ними, не препятствуя торговле. Версальский договор с Францией 1787 г. был «забыт» и считался несостоявшимся. В официальной государственной мифологизированной идеологии Вьетнама, рассматривавшегося как вторая Поднебесная, существовало представление об Англии и Франции как о «вассалах» императора. Отношения Вьетнама с Сиамом, король которого активно помогал Тхе То в его борьбе за власть в период гражданской войны, постепенно портились. Это было вызвано соперничеством за влияние на Камбоджу, Вьентьян и Луангпха-банг. Камбоджа и Вьентьян в 1803-1805 гг. установили с Вьетнамом вассальные дипломатические отношения, оставаясь в то же время данниками Сиам. Отношения особенно обострились в 1809 г., когда личного друга Тхе То — Раму I — сменил на сиамском троне его сын Рама II. В 1810 г. Вьетнам по просьбе своего союзника — короля Камбоджи Анг Тяна II — ввел в эту страну войска и занял Пномпень. Однако вскоре вьетнамские войска были выведены. Когда же в 1812 г., оказывая поддержку братьям кхмерского короля, Сиам, в свою очередь, ввел армию в Камбоджу, захватил Пномпень и изгнал Анг Тяна II в Зядинь, Вьетнам начал подготовку к широкомасштабной войне с Сиамом. Но занятый войной с Бирмой, Рама II испугался вооруженной борьбы на два фронта и согласился на возвращение в 1813 г. Анг Тяна II в сопровождении эскорта вьетнамских войск в Камбоджу. В Пномпене была установлена должность вьетнамского «протектора» Камбоджи, который располагал гарнизоном в тысячу солдат. С этого времени сюзеренитет Вьетнама над Камбоджей стал приобретать реальные черты.

Во Вьентьяне в начале XIX в. правил Тяо Ин, лояльный вассал Сиам и в то же время союзник Тхе То. Пришедший в 1804 г. ему на смену брат Тяо Ану не был склонен проводить зависимую от кого бы то

ни было политику и медлил с посылкой «верноподданнических» посольств. Наконец, в 1811 г. взаимоотношения Вьетнама с Вьентьяном были урегулированы.

Таким образом, во внешней политике Тхе То удалось избежать крупных международных конфликтов.

275
В сфере идеологии, так же как и в экономике, политике и социальных отношениях, в период правления Тхе То доминировали дангчаунгские (южные), а не дангнгоайские (северные) нормы. В уголовно-административном кодексе 1812 г. формально декларировалось равенство трех религий: буддизма, даосизма и конфуцианства. Однако на практике преимущество отдавалось конфуцианству, так как именно на его основе в сочетании с культом императорских предков был построен государственный культ. Хотя в том же кодексе остальные верования, в том числе и христианство, объявлялись вне закона и строительство новых церквей было запрещено, в период правления Нгуен Тхе То католики во Вьетнаме не преследовались. Правда, европейцев-христиан, прежде всего французов, в окружении Тхе То за два десятилетия начала XIX в. заметно поубавилось. В результате рядом с императором остались лишь два врача, да и те потом уехали. И все же в воспоминаниях европейцев период правления под девизом Зялаунг (1802-1819) остался как время благожелательного отношения к Западу и христианству.

Глава 20

ФИЛИППИНЫ В XIX в.

История Филиппин, островной страны в ЮВА, в XIX в. связана с закатом испанской колониальной империи, в состав которой Филиппинский архипелаг был включен еще в последней трети XVI в. в результате военной экспансии. Границы испанской колонии охватывали северную (о. Лусон) и центральные (группа Бисайских островов) территории Архипелага. Исламизированные в XIII-XV вв. его южные районы (о-ва Минданао, Сулу, Басилан, Тави-Тави) оставались вне контроля испанской короны. В литературе о Филиппинах иногда используется их собирательное название — «Моролэнд» (от исп. *moro* — мавр), в старых русских источниках — «Мороландия». Положение Филиппин в составе империи определялось, говоря современным языком, геополитическими интересами метрополии — как единственной иберийской колонии в Азии по соседству с Китаем и колониальными владениями европейских соперников Испании (Португалии и Голландии). Экономически Архипелаг с его относительно бедными и неразработанными природными ресурсами (испанцы и не стремились к их освоению) и малочисленным рассеянным по островам населением не представлял реальной ценности для метрополии, занимая место захолустного, убыточного для королевской казны владения, отторгнутого от внешнего мира из-за проводившейся Испанией в XVII-XVIII вв. политики экономической изоляции ее колоний.

С началом же XIX столетия Филиппины, можно сказать, вступили в эпоху обновления и перемен. Промышленная революция на Западе, повлиявшая на весь ход всемирно-исторического процесса, коснулась и периферийной колонии Испании. Для Филиппин особое значение имели такие, связанные с техническим прогрессом, новации, как переход к паровому судоходству и открытие Суэцкого канала, в результате чего колония «приблизилась» к метрополии — были открыты и освоены более дешевые и удобные пути из Европы к Архипелагу. Последнее, в свою очередь, ускорило выход страны из экономической изоляции. Открытие филиппинского рынка в XIX в. под натиском торгового капитала промышленно развитых стран Европы и США на фоне экономического упадка Испании и кризиса испанского колониализма привело к радикальным экономическим, социальным, этнополитическим, социопсихологическим изменениям в колониальном обществе, что подготовило почву для зарождения филиппинского национализма.

Другая особенность развития Филиппин в XIX в. — возрастание военно-политической активности европейских держав в южных мусульманских районах Архипелага. Ответная реакция испанцев заключалась в переходе к крупномасштабным военным операциям по захвату мусульманских территорий и интеграции их в состав своего колониального государства, которые в 90-х годах XIX в. завершились частичной потерей независимости моро.

277

КОЛОНИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ОТВЕТЫ НА ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

Войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке (например, в Мексике) в 1810-1826 гг., лишившие Испанию ее самых крупных и богатых владений в Новом Свете, нанесли удар, от которого испанцы не смогли оправиться. Одним из последствий кризиса испанского колониализма оказались изменения в политическом статусе и экономическом положении азиатской колонии. Филиппины, до начала XIX в. подчинявшиеся административно Мексиканскому вице-королевству (т.е. все чиновники во главе с генерал-губернаторами присылались из Мексики), превратились теперь в «коронную колонию» под прямым управлением Мадрида (официально с 1837 г.). Революционные

события на Американском континенте ускорили ликвидацию галеонной торговли — главного источника обогащения испанцев на Филиппинах в течение двух предшествующих столетий и, кроме того, единственного звена, связующего Архипелаг с внешним миром. В начале 20-х годов мексиканские повстанцы арестовали в Акапулько грузы последних филиппинских галеонов, захватив серебро, исчислявшееся миллионами песо и предназначавшееся для отправки в Манилу. В 1825 г. объем торговли Филиппин с Мексикой составлял всего 2% от товарооборота 1810г. (т.е. начала освободительных войн в Латинской Америке).

Закрытие галеонной торговли (1825 г.) и отмена (1830 г.) привилегий монопольной Филиппинской королевской компании¹ стали показателями отмирания старой экономической системы, перехода к свободной торговле и обновления устаревших методов эксплуатации колонии. Однако Испания, намного отстававшая в экономическом развитии от передовых стран Запада, была не в состоянии осуществлять сколько-нибудь эффективную политику модернизации колониального хозяйства. Среди мер испанских властей по поощрению частной торговой инициативы испанцев на Филиппинах и сдерживанию торговой экспансии европейских держав и США можно назвать следующие: проведение протекционистской политики в отношении испанского торгового капитала, введение высоких «заградительных» таможенных пошлин на импорт товаров из Европы и США, учреждение в Маниле в 1834 г. коммерческого суда для защиты интересов и прав испанского купечества, открытие в 1851 г. Испано-Филиппинского банка, финансировавшего испанские торговые фирмы и частных торговцев. Но все эти меры были малорезультативны из-за общего экономического упадка Испании. К примеру, ее экспорт в колонию фактически ограничивался несколькими сортами вин, оливковым маслом и некоторыми предметами роскоши.

Весь процесс открытия филиппинского рынка для свободной торговли, его освоения и соответственно перестройки структуры местного сельского хозяйства осуществлялся европейскими и американскими конкурентами Испании, прочно обосновавшимися на латиноамериканских рынках еще в XVIII в. Под их напором уступки с испанской стороны следовали одна за другой. В первые десятилетия XIX в. в Маниле были открыты консульства и торговые дома ведущих ев-

¹ Была основана испанцами в конце XVIII в. по образцу уже доживавших свой век Британской и Голландской Ост-Индских компаний.

279

вов английские коммерсанты вывозили в Британскую Индию и Австралию сахар, занимая первое место в его экспорте на Запад, а также кофе, абаку, индиго, табак. В 50-х годах только в Маниле прочно обосновались восемь крупных английских импортно-экспортных фирм (американских — 3, французских — 2, немецких — 1), связанных с наиболее могучими финансовыми институтами Великобритании в Восточной Азии — Гонконгским и Шанхайским банками (с 1867 г. — Гонконг-Шанхайская банковская корпорация). Британские консулы, действуя от имени английской короны, оказывали прямое давление на испанские власти и добились для своих соотечественников ряда уступок и привилегий, которыми не располагали другие иностранцы на Филиппинах.

Деловая активность англичан на Филиппинах, как и вообще коммерсантов-неиспанцев, опиралась на торгово-посредническую деятельность местной китайской общины³. Китайцы легко адаптировались к инновациям в экономической жизни страны проживания, переключившись с традиционного «обслуживания» испанцев на деловое сотрудничество с представителями западных торгово-финансовых кругов.

В течение XIX в. численность китайского населения на Филиппинах заметно выросла — от стабильных 4—5 тыс. человек в период с середины XVII до 40-х годов XIX в. до 18 тыс. в 1867 и 30 тыс. в 1876 г. В конце 30-х годов китайцы получили от испанских властей право приобретения земельной собственности и соответственно свободного перемещения и расселения за пределами Манилы по всей территории Архипелага, что послужило дополнительным стимулом к расширению их посреднических функций. По словам одного из современных американских востоковедов, «китайцы выстраивали мост между местными производителями — индией⁴ и западными экспортерами». К середине века китайцы монополизировали скупку экспортной продукции (действуя через сельских старост), производимую в мелких крестьянских хозяйствах, для западных экспортных компаний, установив особо тесные связи с английским торговым капиталом. Доходы от посреднической деятельности китайцы использовали для земельных спекуляций, организации собственного банковского дела, контроля за внутренним рынком. Товаризация сельского хозяйства вызвала изменения в системе землевладения и формах земельной эксплуатации. Преобладание мелких крестьянских хозяйств (исторически связанное с наличием свободных земель) сохранилось и с переходом их к производству экспортных культур, но внутри крестьянства усилилось имущественное расслоение. В 30-40-х годах выросло число крупных помещичьих хозяйств (*асьенды*), ориентированных на рынок и принадлежавших местной филиппинской и метисской верхушке (они расширяли земельную собственность главным образом за счет скупки и изъятия за долги крестьянских уча-

³ Начало китайской миграции на Филиппины относится еще к доколониальному времени. При испанцах часть переселенцев обратилась в католичество, создав смешанные китайско-филиппинские семьи (их потомки — китайские метисы). В данном же контексте речь идет об этнических китайцах, поселявшихся испанцами в особом районе Манилы — Паране (примерно там, где сегодня находится манильский China-town). Испанцы во многом зависели от богатых и предприимчивых китайцев, которые занимались поставкой ценных азиатских товаров для загрузки галеонов, ростовщическими услугами и торгово-посредническими операциями.

⁴ Испанцы называли обращенных в католичество жителей Филиппин индейцами (исп. in-dio) — по аналогии с коренным населением Латинской Америки.

280

стков). В *асьендах* вместе с кабальной издольщиной использовался (посезонно) труд батраков. Наиболее архаичные формы издольной аренды существовали в угодьях самых крупных земельных собственников — монашеских орденов. Но и здесь стали распространяться более современные разновидности фиксированной аренды и субаренды. Наконец, на Бисайских островах (с открытием их портов) возникло плантационное хозяйство: сахарные плантации на о. Негрос (до сих пор центр сахарного производства на Филиппинах), обрабатывавшиеся трудом батраков-иеонов.

В XIX в. наряду с экономическими переменами (и как их следствие) интенсивно протекали этносоциальные процессы, постепенно выявляя главный вектор эволюции колониального общества — к национальной консолидации и формированию новой общефилиппинской элиты. Последняя уже сложилась к середине века, в ее состав вошли четыре этносоциальные группы: креолы, испанские и китайские метисы и касики (верхушка коренного населения).

Креолы (весьма немногочисленные) — это испанцы, родившиеся на Архипелаге, с характерным для них двойственным отношением к исторической родине (Испании) и стране рождения и обитания (Филиппинам). Будучи чистокровными испанцами, они тем не менее были лишены тех профессиональных и карьерных возможностей, которыми обладали иберийцы, или «испанцы с полуострова» (*peninsulares*), представители собственно колонизаторской верхушки. Креолы занимали второстепенные посты в административном аппарате, реализуя себя также в качестве среднего звена офицерского корпуса и частично помещиков-*асьендеро*, столичных коммерсантов и домовладельцев. Приток на острова новых групп испанцев из Латинской Америки, вытесненных революционными событиями начала века, еще более осложнил позиции креолов, провоцируя конфликт между ними и вновь прибывшими. Жестоко подавленные испанцами военные мятежи 30-40-х годов XIX в. были подняты офицерами-креолами в знак протеста против занятия командирских постов испанцами, приехавшими из Латинской Америки. В целом неустойчивость положения креолов (с явным дискриминационным оттенком) способствовала их своего рода «социальной филиппинизации».

Именно креолы стояли у истоков национального движения на Филиппинах.

В чем-то похожую трансформацию переживали китайские метисы — самый многочисленный (после коренного населения) слой колониального общества, процветавший экономически. В начале 50-х годов XIX в. из четырехмиллионного населения Филиппин четверть миллиона (250 тыс.) приходилась на долю китайских метисов (для сравнения: испанские метисы составляли 20 тыс. человек, иберийцы и креолы — всего 5 тыс.). Вместе с индио китайские метисы подвергались в полном объеме разнообразным формам дискриминации: социальной, расовой, политической, бытовой. Традиционная конкуренция между китайскими метисами и этническими китайцами в торгово-посреднической сфере с начала XIX в. стала приобретать напряженный характер. Чутко реагируя на новые тенденции, китайские метисы оперативно сменили свою экономическую базу: начали вкладывать капиталы преимущественно в земельную собственность и внедрять более современные методы хозяйствования. Упомянутые выше сахарные плантации на о. Негрос принадлежали китайским метисам, они монополизировали торговлю индиго, контролировали рост цен на рис на внутреннем рынке

281

(с сокращением рисового производства), успешно развивали банковское дело и сотрудничество с западным капиталом. В будущем они образовали ядро филиппинской национальной буржуазии. Что касается социокультурного аспекта, то, приняв католичество, они постепенно утратили чисто китайские культурные корни, как и коренные жители, подвергаясь культурной испанизации. В XIX в. новые китайские мигранты принесли с собой чувство культурного превосходства, усматривая в китайских метисах «отступников» от исконной культуры и традиций исторической родины. Метисы болезненно воспринимали этот неожиданный «китайский вызов». Одним из «ответов» было усиление ревностного отношения к католицизму, в частности, большинство местных священников-неиспанцев рекрутировались из китайских метисов. Стремление укрепить собственные культурные корни вело китайских метисов к сближению с креолами, испанскими метисами, касиками — иными словами, с носителями испанской или испанизированной культуры.

В отличие от китайских, испанские метисы (от смешанных испано-филиппинских браков) составляли малочисленную прослойку имущего населения (в основном землевладельцы и коммерсанты), в социокультурном плане тяготеющую к креолам.

Филиппинские касики были важнейшим компонентом формирующейся общефилиппинской элиты. В качестве представителей низовых звеньев административного и фискального аппарата касики пользовались реальной и обширной властью в подведомственных им *пуэбло* (муниципальные центры) и *баррио* (сельские округа), используя как свои официальные полномочия, так и структуры традиционных патерналистских отношений и связей. В XIX в. из них вырос слой крупных землевладельцев, не уступавший по объему земельной собственности и богатству китайским метисам; тем самым было положено начало системе филиппинского лэндлордизма, дожившей до наших дней. Субкультура касикизма была прямым плодом культурной испанизации, основанной на массовой христианизации коренных жителей. Общая религия (католицизм) у полиэтнического по составу населения Филиппин способствовала сближению этносов, создавая единое культурное пространство. Касики, выходящие из разных христианизированных народов, сплоченные общим привилегированным положением и единой системой религиозного по характеру образования, в XIX в. оказались естественными носителями тенденции к национальной консолидации общества.

Одним из первых показателей этой тенденции может служить эволюция термина «филиппинец» (исп. *Filipino*). С начальных этапов колонизации до середины XIX в. он имел выраженную расово-элитарную окраску: филиппинцами называли исключительно креолов (по месту их рождения), в отличие от иберийцев — пенинсуларес. С середины же XIX в. этот термин, сохраняя элитарно-социальный оттенок, четко идентифицировал новую местную элиту — его стали использовать применительно к креолам, испанским, китайским метисам и касикам. И лишь в конце века с развитием национального движения термин «демократизировался» — филиппинцами стали называть всех жителей Архипелага вне зависимости от их социального статуса и этнической принадлежности.

Из элиты вышли «новые *иллюстрадос*» (исп. «просвещенные») — креольско-метисско-филиппинская интеллигенция, возглавившая антииспанскую оппозицию, выступавшая от лица всего общества. Ее формированию способствовала

282

обстановка внутри Испании, где на протяжении всего века шла борьба между консервативными и либеральными идеями и силами. Всякий раз победа либералов в метрополии отзывалась в колонии принятием законодательных мер (пусть умеренных и реализуемых лишь частично) по реформированию колониальной политики. В этом плане выделяются первые десятилетия и 60-е годы XIX в. К периоду испанской буржуазной революции 1808-1814 гг. относится ряд либеральных реформ на Филиппинах, в том числе разрешение детям из местных состоятельных семей получать образование за границей. Начался «исход» молодых филиппинцев в Европу, где в университетах Испании, Франции, Англии, Германии они обучались медицине, педагогике, праву, философии, естественным наукам. То обстоятельство, что испанизированные филиппинские *иллюстрадос* не ощущали культурно-психологических барьеров перед усвоением интеллектуальных и духовных ценностей Запада, способствовало и их политизации, облегчало восприятие западных просветительских и демократических идей, под влиянием которых формировалось их мировоззрение. В 60-е годы (очередная волна либерализации) была ослаблена монашеская цензура, появилась местная либеральная пресса, введено всеобщее начальное обучение, открыты профессиональные колледжи для выходцев из крестьян и городских низов. Тогда же в Маниле возникла первая организация реформаторов (из представителей столичной элиты, профессуры, студенчества, местных священников) под лозунгом «С Испанией и для Испании» с программой «ассимиляции Архипелага с Испанией», т.е. превращения Филиппин в одну из испанских провинций с соответственным уравниванием в правах с жителями метрополии. Но с самых первых шагов зарождающееся оппозиционно-реформаторское движение обладало специфической особенностью — ярко выраженной антиклерикальной направленностью, что было естественно в стране, где церковь в лице мощных монашеских организаций исторически контролировала все сферы жизни колониального общества⁵. При этом эмоциональная обличительная риторика в адрес всевластия монашеских орденов была явно не адекватна умеренным позициям реформаторов, подчеркнуто демонстрирующих свою лояльность «матери-Испании». В глазах же консервативных клерикалов и бюрократов (а их было большинство в колониальной администрации) любая критика орденов выглядела не иначе как непозволительное вольнодумство («флибустьерство») и едва ли не призыв к сепаратизму и революции. На рубеже 60-70-х годов на Филиппинах после нескольких лет либерального правления воцарилась жестокая реакция. Но уже ничто не могло остановить процесс развития национального сознания.

⁵ Активной формой антимонашеской оппозиции было «Движение за секуляризацию приходов» (возникло в 30-40-х годах XIX в.), выступавшее за ликвидацию монополии монахов в управлении приходами и переход последних в руки местного белого духовенства.

Глава 21

КИТАЙ ПЕРИОДА «ЗАКРЫТИЯ»

В конце XVIII в. в Китае правила династия Цин — царствующий дом завоевателей-маньчжуров, а сама держава именовалась Цинской империей. Помимо собственно Китая и Маньчжурии она включала в себя Монголию, Джунгарию, Кашгарию и Тибет. Империя Цин была самым большим государством Азии. В ее сословной системе высшим являлось сословие «знаменных» (*цижэнь*) — завоевателей Китая. Ниже располагались «четыре сословия» (*сыминь*) китайцев — «ученые» (*ши, шэнъши*), «земледельцы» (*нун*), «ремесленники» (*гун*) и «торговцы» (*шан*). Цинская империя являлась типичной восточной деспотией во главе с императором-богдоханом. Господствующим классом здесь выступала феодальная бюрократия. Класс крупных и средних частных землевладельцев был лишен политической власти. Примерно половина крестьянства владела землей и платила налоги в казну. Остальные дворы либо не имели своей земли, либо владели крохотными участками, что вынуждало арендовать землю у помещиков за высокую арендную плату. Города с их ремесленниками и торговцами находились под жесткой властью бюрократии. Чиновный контроль над населением дополнялся идеологическим господством конфуцианства. Конец XVIII — начало XIX в. были для Цинской империи периодом резкого обострения экономической, социальной и политической напряженности. Главным фактором последней стали все увеличивающиеся «ножницы» между обгоняющим ростом населения и отстающим расширением пахотных площадей. Если за сто лет (с конца XVII в. по конец XVIII в.) численность населения выросла втрое (со 100 млн. человек до 300 млн.), то пахотные земли — только на две трети. Тем самым обрабатываемая площадь на душу населения сократилась на 30%. Резко обострилась продовольственная проблема, снизился жизненный уровень населения, и более тяжелым стало реальное налоговое бремя при формально неизменных ставках обложения. Демографический рост все более сказывался на экономическом развитии. Общая ситуация развивалась в сторону перерастания очередного экономико-демографического кризиса в социально-политический и династийный. Кризис набирал силу в различных регионах Китая неодинаковыми темпами. В конце XVIII — начале XIX в. он наиболее остро проявился не в развитых и плодородных провинциях Центрального и Южного Китая — на орошаемых полях «рисового пояса», а в отсталых и бедных районах Северного Китая — на богарных землях «пшеничного пояса». Здесь — к северу от Янцзы — сотни тысяч разоренных крестьян пополняли толпы бродяг и нищих, которые бродили по дорогам, скапливались в городах. К концу XVIII в. в связи с резким падением жизненного уровня главным выразителем массового недовольства и народных чаяний, а также организатором борьбы в Северном Китае оставалась религиозная секта «Белый Лотос»

284

(«Байляньцзяо») с целым рядом ответвлений, сетью ячеек и множеством последователей ее учения. Ересиархи Лю Чжисе и Сун Чжицин укрепили и расширили позиции секты. Проповедуя аскетизм и принцип равного распределения богатств, вербуя новых адептов, они развернули подготовку к восстанию. Они объявили, что Поднебесной предстоит пройти через полосу «неминуемых бедствий». После чего Будду Шакиямуни, сидящего на Красном Лотосе, сменит милостивый и веселый Будда Майтрейя на Белом Лотосе, а эпоху Красного Солнца — эпоха Белого Солнца. В итоге падет господство «северных варваров» — маньчжуров, возродится исконно китайская династия Великая Мин и на земле наступит царство Божие. Секта стала превращаться в организационную структуру для ведения вооруженной борьбы, поэтому правительство перенесло свой натиск — массовые расследования, обыски, аресты, конфискации и казни — с уже обессиленного восточного крыла секты (в провинциях Чжили, Шаньдун, Хэнань) на западное крыло (Хубэй, Хунань, Сычуань, Шэньси). Наряду с сектантами пострадали тысячи ни в чем не повинных людей. Все это резко ускорило подготовляемое Лю Чжисе и другими ересиархами выступление сторонников «Белого Лотоса». В феврале 1796 г., на шестидесятом году своего правления, в возрасте 85 лет император Хунли отрекся от престола и передал власть своему пятнадцатому сыну Юнъяню (1796-1820), который правил под девизом Цзяцин. Новый богдо-хан получил вместе с тронem в наследство от отца его всемогущего фаворита Хэшэня. Еще в течение трех лет — вплоть до смерти экс-императора в 1799 г. — Хэшэнь сохранял в своих руках управление всеми делами государства.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1796-1804 гг.

Смена власти совпала с началом крестьянской войны в Северо-Западном Китае. В феврале 1796 г. произошло руководимое сектантами восстание крестьян двух северных уездов Хубэя, перекинувшееся затем в его западные и центральные районы. Это послужило началом длившейся восемь лет (1796-1804) крестьянской войны под знаменем «Белого Лотоса». На первом ее этапе центром движения стала

область Сяньян — давний оплот секты. Здесь было создано наиболее организованное и боеспособное соединение повстанческих отрядов. Во главе сяньянского войска стояли вдова одного из лидеров секты, Ци Ван, выходец из богатых крестьян Яо Чжифу и учитель Ван Тинчжао. Основной движущей силой восстания являлось крестьянство, а также сельская и городская беднота. Повстанцы не выступали против других религий. Они сжигали управы (*ямэни*) в городах, убивали чиновников, их приспешников, а также *шэньши* и богачей. Восставшие обещали населению освобождение от налогов и повинностей, наделение землей и наступление всеобщего благополучия. У богачей отбиралось накопленное добро. Главной целью стало уравнильное перераспределение имущества.

Восстание в Хубэе быстро расширялось, к нему присоединились последователи «Белого Лотоса» на северо-востоке Сычуани. Во главе их стояли конный

285

курьер Сюй Тяньдэ и Ван Саньхуай — деревенский знахарь и соляной контрабандист. Оба стали выдающимися вождями и полководцами повстанцев.

Вслед за этим секта подняла знамя борьбы в южных районах Шэньси. Почувствовав свою силу, ее руководители на первом этапе стремились овладеть городами. Захватив более десяти городов и укрепив их, они перешли к оборонительной тактике. Бои за города против превосходящих сил противника приводили к истощению сил, большим потерям и неудачам. В сражении у Цигуйчжая много бойцов «Белого Лотоса» было убито и ранено, а две тысячи пленных каратели живыми зарыли в землю. Тогда повстанцы отказались от захвата городов и от оборонительной тактики перешли к «подвижной войне» в сельских районах. Сяньянское соединение численностью в несколько десятков тысяч человек, уходя от группировки правительственных войск, вторглось в Хэнань. Обрастая местными отрядами повстанцев, сяньянцы в 1796 г. двинулись на север и северо-восток — к Хуанхэ. Создалась угроза их выхода к Великому каналу. При дворе в Пекине началась паника. Опасаясь наступления «разбойников-сектантов» на столицу, император вывез все свои сокровища в Маньчжурию. Однако наступающие колонны резко повернули на запад — в Шэньси. Там они форсировали р. Ханьпуй и в 1797 г. вошли в Сычуань, где соединились со своими собратьями-единоверцами. Здесь, в Дунсяне, состоялось первое совещание командующих соединениями и колоннами. Повстанцы упорядочили военную организацию и скоординировали действия.

Между тем в правящем лагере наблюдался кризис. В полной мере сказались разложение госаппарата в условиях господства продажной клики Хэшэня, деградация маньчжурских «восьмизнаменных войск» (*бацзи*) и падение их боеспособности ниже уровня китайских «войск зеленого знамени» (*люйцзи*).

Получили распространение дезинформация высших инстанций, т.е. приписывание себе несуществующих побед, и жестокость в отношении мирного населения. В ходе карательных экспедиций в Хубэе были уничтожены десятки тысяч крестьян — как сектантов, так и не причастных к движению мирных жителей. Повстанцы вели «подвижную войну» в северо-восточных районах Сычуани. Затем часть сяньян-ской армии под командованием Ци Ван, Яо Чжифу и Ван Тинчжао двинулась в Хубэй, где летом 1797 г. нанесла серьезный урон цинским войскам в ожесточенном сражении близ Байдицэна. В ходе дальнейшей маневренной войны сяньянцы одержали ряд побед и овладели некоторыми городами. В Сычуани они были переформированы в четыре армии. Повстанческие вожди провели в 1798 г. второе совместное совещание. После победоносного рейда в Шэньси сяньянцы двинулись в Хубэй, однако в пограничном уезде Юньси в апреле 1798 г. они оказались в окружении и были разгромлены превосходящими силами правительства. Не желая попасть в плен, Ци Ван и Яо Чжифу покончили с собой, бросившись с отвесной скалы. Потеря двух ведущих руководителей и гибель их армии явились серьезным ударом для повстанцев «Белого Лотоса».

До конца 1798 г. и весь 1799 год их основные армии сражались в Сычуани. В бою у Аньлэпина группировка Лэн Тяньлу окружила и наголову разбила цинские войска. Зимой 1799 г. Сюй Тяньдэ и его соратники вблизи Кайсяня одержали крупную победу над главными правительственными силами. Жань Тяньюань в кровопролитном сражении под Цаньси в конце 1799 г. нанес тяжелый урон основной цинской группировке.

286

В 1799 г. повстанцы действовали в 166 округах и уездах Сычуани, Шэньси, Хубэя и Ганьсу. К весне 1800 г. они контролировали большинство уездов и округов Сычуани, угрожая ее главному городу — Чэнду. К этому времени правительство сделало ставку на расширение и усиление местных иррегулярных частей, поскольку прежняя тактика «истребления» и «блокирования» не давала эффекта. К 1799-1800 гг. особую роль стали играть созданные и руководимые помещиками и *шэньши*, а также чиновниками отряды «сельского ополчения» (*сяньюнь*), куда помимо благонадежных крестьян зачислялись и деклассированные элементы. С 1800 г. власти стали особенно широко применять тактику «прочной обороны и оставления врагу опустошенной территории». С приближением повстанцев все население вместе с продовольствием и скотом угонялось в горы или в укрепления под охрану *сяньюнь*, тем самым лишая бойцов «Белого Лотоса»

провианта и подкрепления.

Крестьяне, измученные пятью годами войны и репрессиями властей, стали терять надежду на успех восстания. Многие стали покидать ряды мятежников. К тому времени многие наиболее убежденные и преданные сектанты «Белого Лотоса» погибли в боях и походах, а вновь примкнувшие не отличались стойкостью. В итоге в конце 1799— начале 1800г. в ходе крестьянской войны «Байляньцзяо» наступил явный перелом. Повстанцы стали капитулировать поодиночке и целыми отрядами. Потеряв былую поддержку населения, лишившись пополнений и продовольствия, численно сократившиеся отряды и соединения повстанцев с 1800 г. стали постепенно отступать в основной район восстания на стыке Хубэя, Сычуани и Шэньси.

Параллельно же разрасталось движение в Ганьсу.

В 1799 г., после смерти Хунли император Юньянь поспешил разделаться с ненавистным временщиком Хэшэнем, который был арестован, судим и казнен, а его несметные богатства конфискованы. Их львиную долю забрал себе богдохан. Наиболее одиозные и бездарные ставленники Хэшэня потеряли свои посты. Теперь к руководству войсками, сражавшимися против повстанцев «Белого Лотоса», пришли новые, способные военачальники. Верховным главнокомандующим в 1799 г. был назначен искусный полководец монгол Элэдэнбао. Военные действия отныне координировались в соответствии с общим планом кампании. Все это значительно укрепило цинский лагерь. Тем не менее он еще долго не мог вырвать инициативу из рук полководцев «Белого Лотоса», хотя их войска все больше редели. К началу 1801 г. были схвачены и казнены Ван Саньхуай и ряд других повстанческих вождей. В 1800г. властям удалось подавить восстание в Ганьсу. В том же году в боях под Матиганом (на западе Сычуани) погиб Жань Тяньюань, а затем было разгромлено его войско. Все большую силу набирали сражавшиеся против «бандитов-сектантов» отряды *сяньюн*.

Несмотря на начавшийся спад движения, его воинские соединения продолжали еще одерживать победы — вблизи Чжуцзышаня, в уезде Наньчжан и при Фуцзячжэне. В конце 1800г. лидеры восставших провели в Цишани (Шэньси) свое третье и последнее совещание. Странники секты во главе с Лю Чжисе в 1800 г. подняли восстание в Хэнани. После его подавления цинские палачи разрубили на куски этого престарелого патриарха «Байляньцзяо». В остальных провинциях повстанцы продолжали маневренную войну, но их силы заметно слабе-

287

ли. В 1801 г. было разбито соединение Ван Тинчжао, а сам он в клетке был отвезен в Пекин и казнен. В сражении погибла большая часть войска прославленного Сюй Тяньдэ. В 1802г. он, преследуемый противником, утонул при переправе через реку в Хубэе, а его оставшиеся отряды рассеялись. Потерпела поражение группировка Гао Эра и Ма У, а сами они попали в плен. После таких тяжелых потерь повстанческие силы в течение всего 1802 г. продолжали неравную борьбу. В кровопролитном бою в округе Чжушань (Хубэй) была разбита группировка Фань Жэньцзэ и Гоу Вэньмина. Первый утонул в реке, а второй с остатками войска ушел в Шэньси. Здесь к нему примкнули многочисленные отряды местных бойцов секты. Соединение Гоу Вэньмина вторглось в Ганьсу, несколько месяцев сражалось в Шэньси, но летом 1802 г. было оттеснено в глухой безлюдный район и разбито, а его командующий в 1803 г. попал в плен. Среди оставшихся предельно измотанных и полуголодных повстанцев стали свирепствовать болезни. Однако еще целых два года разрозненные отряды «Байляньцзяо», применяя тактику «небольшим числом одолеть многих», вели героическую борьбу в большом горно-лесистом районе на стыке Сычуани, Хубэя и Шэньси. Вокруг него в 1803-1804 гг. властями были созданы четыре укрепленные линии и стянуто большое количество войск. Они двигались между этими кордонами, уничтожая отряды «Белого Лотоса» и местное население — в основном бедноту и отверженных (*пэнминь*), помогавших повстанцам. Последние отряды сектантов были уничтожены только осенью 1804 г.

Так закончилась крестьянская война «Байляньцзяо», длившаяся свыше восьми лет (1796-1804), охватившая шесть провинций Северо-Запада и потребовавшая от правительства колоссального напряжения сил. Подавление повстанцев обошлось казне в 200 млн. лянов серебром. Несмотря на военную победу, цинский режим из кровавой эпопеи 1796-1804 гг. вышел не окрепшим, а ослабленным. Продолжалось нарастание социального напряжения и втягивание в очередной социально-экономический, демографический и династийный кризис. Удар, нанесенный маньчжурскому режиму армиями «Байляньцзяо», во многом обесценил «достижения» периода Хунли (1736-1796) и вскрыл внутреннюю слабость Цинской империи накануне ее столкновения с капиталистическими державами Запада в 40-50-х годах XIX в.

Между тем у берегов Китая, как и в 20-40-х годах XVII в., начались столкновения между колонизаторами. Английская Ост-Индская компания попыталась отнять Макао у Португалии, подпавшей с 1801 г. под эгиду Наполеона, однако эти попытки закончились неудачей, так как цинские власти воспротивились предпринятым англичанами акциям.

Английское правительство не теряло надежды на мирное «открытие» китайского рынка. Новое посольство, отплывшее в Китай, возглавил дипломат лорд У.П. Амхерст. Его главной задачей стало учреждение в Пекине постоянного английского представительства. Прибыв осенью 1816 г. в Тяньцзинь, Амхерст был встречен как посланник из обычного «варварского государства» — «данника» богдохана. От посла требовали исполнения традиционной церемонии *коуту* — трехкратного вставания на колени. Попытка Амхерста под любым предлогом не делать этого вызвала гнев Юньяня. Император приказал выдворить посольство из Китая и предложил английскому правительству больше не присылать своих послов.

288

АНТИЦИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

После поражения крестьянской войны 1796-1804 гг. внутренний мир в империи не наступил. В условиях обострившегося кризиса продолжала нарастать вооруженная антицинская борьба в различных провинциях. В Хунани и Гуйчжоу в 1801 г. вспыхнуло восстание мяо, окончательно подавленное в 1806 г. В 1802-1803 гг. за оружие взялась беднота области Хуэйчжоу (на востоке Гуандуна), объединенная тайным обществом «Тяньдихуэй» («Небо и Земля», или «Триада»). Все нарастающее сопротивление цинской власти стала оказывать морская разбойная вольница Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Пираты, как правило, были членами «Тяньдихуэя», т.е. сторонниками свержения Цин и восстановления Мин. Опытные и отважные моряки, они располагали множеством быстроходных кораблей, были хорошо вооружены и легко уходили от преследования правительственных судов. Победа династии Нгуэнов во Вьетнаме лишила китайских пиратов их позиций, доходов и баз на побережье залива Бакбо (Тонкинский), заставив перебазироваться в Китай.

С 1803 г. значительная часть «морской вольницы», возглавляемая Дай Цянем, перенесла свои действия на побережье Гуандуна, Фуцзяни и Чжэцзяна, грабя купеческие суда и сражаясь с цинскими морскими силами. Против пиратов была направлена большая флотилия под командованием Ли Чангэна, но он не только не смог разгромить эскадру Дай Цяня, но и сам погиб в бою. Только в 1810 г. совместными действиями кораблей Нгуэнов и эскадры наместника Лянгуана были уничтожены последние корабли пиратов в Южно-Китайском море.

Роль лидера антицинской борьбы перешла к восточному крылу «Белого Лотоса» — секте «Багуа» («Восемь Триграмм»). Репрессии властей заставили ее дважды сменить название — сначала на «Лунхуа» («Цвет Дракона»), а затем на «Тяньли» («Небесный Разум»). В свою очередь, сама секта делилась на восемь отделений (*зюа*) — по числу триграмм. В провинциях наибольшего влияния (Хэнань, Чжили и Шаньдун) секта «Тяньли» имела две ветви и соответственно два организационных центра — чжилийский и хэнаньский. Первым руководил глава всей секты Линь Цин со ставкой в деревне Хуанцунь (южнее Пекина). Вторым возглавлял бывший плотник Ли Вэньчэн из торгово-ремесленного города Даокоу в уезде Хуасянь (на северо-востоке Хэнани). В соответствии с их договоренностью планировалось внезапным ударом штурмовых групп в полдень 8 октября 1813 г. захватить императорский дворец, а затем атакой извне овладеть всей столицей. Одновременно намечалось выступление в ряде районов Чжили, Хэнани и Шаньдуна с последующим взятием крупных городов. Формировались тайные отряды и изготавливалось оружие. Однако власти в Хэнани напали на след заговора, арестовав Ли Вэньчэна и его ближайшего помощника Нью Лянчэня. Это послужило сигналом к восстанию. 30 сентября 1813 г. три тысячи сектантов, не дожидаясь условленного срока, взялись за оружие, захватили город Хуасянь и освободили своих вождей. Вслед за этим поднялись и другие ячейки «Небесного Разума», овладев несколькими уездными центрами на северо-востоке Хэнани.

289

Не зная об этом, чжилийская ветвь секты продолжала действовать строго по разработанному плану. Заранее проникшие в Пекин два отряда заговорщиков в полдень 8 октября штурмовали восточные и западные ворота «Запретного города». Однако прорваться в дворцовый комплекс удалось лишь восьми десяткам нападающих. Воспользовавшись всеобщей паникой, они достигли покоев богдохана, но были отбиты дворцовой стражей и схвачены. Властям удалось завлечь в Пекин и арестовать самого Линь Дина. В Чжили и Хэнань были двинуты войска. В итоге чжилийская ветвь секты, потеряв вождя, была разгромлена правительственными войсками.

В Хэнани же восстание поначалу развертывалось успешно. Повстанцы овладевали городами, расправлялись с чиновниками, знатью и *шэньши*, захватывали имущество богачей, сжигали долговые документы, громили тюрьмы, опустошали и жгли ломбарды и меняльные лавки. Сектантов поддерживали крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, к ним охотно присоединялась беднота. Восстание перекинулось в юго-западные районы Шаньдуна, повстанцы заняли главные города ряда уездов. Основные военные действия развернулись в северо-восточной Хэнани вокруг Даокоу и Хуасянь. Более двух месяцев продолжались бои (ноябрь 1813 — январь 1814 г.), а разрозненные стычки повстанцев с войсками происходили до конца 1814 г. Восстание «Небесного Разума» 1813-1814 гг., особенно его прорыв к дворцу богдохана — этому «святым святым» Цинской империи, — вскрыло явное ослабление маньчжурского режима и нанесло серьезный урон его престижу.

Той же зимой 1813/14 г. на юге Шэньси, в горах Циньлин восстали безработные лесорубы во главе с Вань У. В 1816 г. в Цзянсу и Аньхуэе было подавлено восстание секты «Юаньцзяо» («Учение о завершенности»).

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

С начала XIX в. кризис набирал силу. Рост численности населения все более обгонял расширение пахотной площади, а кадастровые земли даже сокращались. Так, с 1766 по 1833 г. кадастровые земли уменьшились с 7,8 млн. до 7,4 млн. *ци-нов*. Население за этот период возросло с 208 млн. до почти 400 млн. человек. В итоге без учета «скрытых полей» площадь обрабатываемой земли на душу населения сократилась вдвое — с 3,7 до 1,8 му. Происходили резкое измельчение крестьянских участков и разорение земледельческих дворов. В этих условиях налоговые поступления центральному правительству сокращались.

Восстания крестьян, выступления тайных обществ, рост пауперских и люмпенских слоев, а также усиление бандитизма при бессилии местных властей вынуждали землевладельцев и *шэньши* самим налаживать оборону. В связи с этим затраты феодалов на свои частные вооруженные дружины (*миньтуань*) и сельское ополчение (*туаньянь*, *сяньюнь*) резко возросли. Все это и неспособность властей поддерживать порядок в сельской местности побуждали *шэньши* и «большие дома» не платить налоги. Не собранные с помещиков налоги перекладывались на крестьян и усиливали их недовольство.

290

Внутри казенного сектора землевладения продолжали происходить существенные сдвиги.

Сокращалась площадь «знаменных земель» (*циди*). Рядовые и офицеры «знаменных» корпусов все более разорялись, продавали свои надельные или закладывали их за долги. Происходило падение боеспособности этой прежде грозной организации.

Ухудшение ситуации в деревне в целом сопровождалось расцветом городской экономики, подъемом в сфере ремесла, торговли, добывающей промышленности, транспорта, кредитного рынка. Росли объемы внутренней торговли, развивалась система оптовых и посреднических фирм и их филиалов, увеличивалась роль специализированных рынков. Большое значение приобрели кредитные учреждения — переводные конторы (*пяохао*), меняльные лавки (*цяньючжуан*) и ломбарды (*дяньдан*).

Постепенно развивалась внешняя торговля Цинской империи. С Россией она велась через Кяхту, а также отчасти через Чугучак (Тарбагатай) и Кульджу (Или). В русском экспорте в Китай промышленные товары, особенно ткани, сильно потеснили господствовавшую прежде пушнину. Главным предметом китайского экспорта в Россию стал чай. В отличие от англичан и американцев русские купцы не занимались опиумной торговлей, строго запрещенной правительством Николая I. Торговля Китая со странами Европы и США велась через Гуанчжоу и казенно-частную монопольную корпорацию «Гунхан» («Кохонг»). За без малого сорок лет (1795-1833) общий товарооборот здесь увеличился на 63%. Три четверти экспорта в Китай и импорта из него приходилось на долю Великобритании. До 1834 г. в торговле Англии с Китаем сохранялись монопольные права Ост-Индской компании. Британские и индийские коммерсанты, не являвшиеся пайщиками компании, могли торговать в Гуанчжоу только с ее разрешения. Англичане ввозили сюда из метрополии шерстяные ткани и металлы, а из Индии (как и индусы и мусульмане) — хлопок. Главным предметом вывоза из Китая для Ост-Индской компании оставался чай. Быстро рос и вывоз китайского шелка-сырца. В начале XIX в. в легальной торговле Китая с Европой и европейскими колониями в Азии по-прежнему наблюдалось превышение экспорта товаров из Гуанчжоу над импортом в размере примерно 5-6 млн. *лятов* ежегодно, т.е. Китай продолжал «поглощать» иностранную серебряную монету.

Специфика англо-китайской торговли через Гуанчжоу состояла в том, что она, как с той, так и с другой стороны, была монополизирована казенно-частными компаниями — Английской Ост-Индской компанией и китайской «Гунхан». Политика той и другой становилась все более жесткой в условиях

XIX в., а их монополия деятельность стала нарушаться частными торговыми фирмами. Цинские правители упорно препятствовали свободе торговли и всемерно боролись с нарушением особых прав «Гунхан». С завершением в 20-х годах XIX в. промышленного переворота в Англии, а затем в США и Франции лозунгом дня стали свобода торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую деятельность. В новых условиях и Ост-Индская компания, и «Гунхан» наряду с политикой «закрытия» Китая отходили в прошлое.

До конца 30-х годов XIX в. основными средствами «открытия» Китая для британской и мировой торговли служили попытки дипломатических переговоров

291

и контрабандный ввоз опиума из Индии. Опиум пробивал «китайскую стену» изоляции там, где оказывалась бессильной легальная торговля. С 1800 по 1819 г. сюда ежегодно ввозилось свыше 4 тыс. ящиков опиума, каждый весом в 60 кг. Затем начался скачкообразный рост импорта. С 1820 по 1838 г. он увеличился в 5-6 раз. Всего же за 1795-1838 гг. сюда было доставлено 27 тыс. т этого наркотика. Если до начала XIX в. серебро в виде монет регулярно поступало в Китай, то массовый контрабандный ввоз опиума изменил ситуацию — серебро стало все в больших масштабах уходить за море. Общая масса серебра, ушедшего из Гуандуна за период 1827-1834 гг., составила свыше 36 млн. *лянов*, а накануне первой «опиумной» войны (1839-1842) ежегодный отток серебра из Цинской империи составлял уже около 10 млн. *лянов*, что создало растущий дефицит ляновых отливок и, соответственно, повышение их цены в медной монете (*вэнь, цянью, чох*) — в этих «деньгах простонародья».

Медноденежная котировка серебряного *ляна*, давно установленная казной в одну тысячу *вэней*, оказалась нарушенной. Разменный курс *ляна* в *вэнях* неудержимо пошел вверх. Прежде всего это произошло в Южном Китае, затем наступила очередь центральных провинций. С 1810 г. эти процессы стали проявляться в Северном Китае, здесь в 1839 г. *лян* «стоил» почти 1,7 тыс. *вэней*.

Явные признаки расстройства денежной системы и рост опикуения заставили императора Юньяня в 1796 г. особым указом запретить не только внутреннюю торговлю этим наркотиком, но и сам ввоз его в пределы империи. Формально Ост-Индская компания не ввозила опиум ни в одну из стран и даже сама не вывозила его из Индии, но зато широко продавала бенгальский опиум частным торговцам — англичанам, а с 1821 г. и американцам. Сохраняя монополию на его производство и первичную продажу, Совет директоров компании делал вид, что к последующим операциям с купленным в Индии «товаром» он, а тем более Лондон, не имел никакого отношения. Поскольку иностранные суда с опиумом бросали якорь почти у самого Гуанчжоу, под нажимом Пекина власти Гуандуна в 1820 г. потребовали убрать их из китайских вод. Тогда английские опиумоторговцы перебазировались на о-в Линдин (Линдинъян, Нэйлиндин) в заливе Чжуцзянкоу (у устья р. Чжуцзян), а оттуда уже наркотик растекался во внутренние районы. К его перепродаже и потреблению подключались все новые контингенты китайских торговцев и население внутренних провинций.

В 1820 г., после двадцати пяти лет царствования, умер император Юньянь, и на трон вступил его второй сын — официальный наследник Мянньнин (1821-1850), принявший девиз правления Даогуан. В эти годы особую роль при дворе стал играть маньчжур Мучжана, ставший крупным политическим деятелем еще при Юньяне. При новом императоре он достиг наибольшего влияния и в значительной мере определял политику Мянньнина.

Росла угроза не только разложения «восьмизнаменных», но и их ассимиляции китайцами. Разорение «знаменных», потеря и заклад ими земли вели к распаду их земледельческих хозяйств и к освобождению от неволи их рабов и крепостных. К середине XIX в. в связи с переходом «знаменных земель» в руки китайских помещиков, торговцев, ростовщиков и крестьян в Чжили более 400 тыс. семей, т.е. свыше 2 млн. человек, освободились от рабской и крепостной зависи-

292

мости. Более половины «знаменных земель» к 40-м годам XIX в. перешло в руки китайцев — через залог или тайную продажу. Обнищание солдат и низших офицеров 24 корпусов становилось массовым явлением. Ситуация осложнялась дальнейшим сокращением налоговых поступлений от помещиков и крестьян. Если в 60-70-х годах XVIII в. ежегодные поступления в казну составляли около 40 млн. *лянов*, то в конце столетия они снизились до 30 млн. *лянов*.

В стране продолжала увеличиваться масса бедняков, бродяг и нищих. Все больше обездоленных и недовольных вступало в ряды тайных обществ, особенно «Триады» («Саньхэ», «Тяньди», «Саньдянь»). С начала XIX в. резко возросли численность рядов и военная активность «Триады» в провинциях Южного Китая. Нарастали локальные выступления крестьян и городской бедноты против маньчжурского господства. Подавленные в одном районе, они вспыхивали в другом. В 1823 г. произошло восстание в Шаньдуне, в 1830-1832 гг. вспыхивали народные бунты в Гуандуне и на о-ве Хайнань, в 1833 г. — в Сычуани и Хубэе, а в 1835 г. — в Шаньси. С 1836 г. началась полоса восстаний в Хунани, в 1839 г. — в Гуйчжоу. Вновь осложнилась обстановка на Тайване. Здесь в 1830 г. из-за незаконного распределения земель чиновниками аграрные волнения вылились в массовое восстание, быстро

охватившее всю южную часть острова. Повстанцы, руководимые Чжан Бином, оттеснили местные войска и бюрократию в северные районы. Более двух лет на южной половине острова функционировала антиманьчжурская власть. Для ее ликвидации с материка были присланы карательные части и военная эскадра, после чего цинское господство на Тайване в 1833 г. с трудом было восстановлено. Тем не менее с 1834 г. новые восстания волнами прокатились по всему Тайваню и были подавлены лишь к 1844 г.

ВОССТАНИЯ НЕХАНЬСКИХ НАРОДОВ

Дальнейшее наступление китайских переселенцев, налоговый гнет и чиновничий произвол вызвали в 30-х годах XIX в. новые восстания неханьских народностей в Юго-Западном Китае. В начале 1832 г. на юге Хунани поднялась на защиту своих прав народность яо. Вслед за ними взялись за оружие яо северной части Гуандуна, а в 1836 г. — юго-запада Хунани. В 1837 г. поднялись ицзу юго-западной Сычуани. Единичные восстания крестьян, тайных обществ и национальных меньшинств становились все более частыми. С 1814 по 1839 г. в различных провинциях произошло более 30 вооруженных выступлений.

Усиление национального и феодального гнета в начале XIX в. резко обострило социально-политическую обстановку в Кашгарии. Маньчжурские и китайские чиновники всюду использовали свое служебное положение в целях личного обогащения. Они постоянно увеличивали сборы с местной мусульманской бюрократии (*хаким-беки*). Те, в свою очередь, отыгрывались на подчиненном им уйгурском и ином местном населении, которое и так нещадно обирали китайские купцы, по дешевке скупая местные продукты и изделия, но сбывая втридорога привозные, особенно чай. Китайское купечество душило местные народы ростовщической эксплуатацией, отбирало у уйгуров землю, служившую залогом

293

при выдаче ссуды. Маньчжуры и китайцы считали их, как и других мусульман, существами низшего сорта. Призывы к борьбе с угнетателями падали на благодатную почву. В 1815 г. под руководством черногорского *ахуна* Зия ад-Дина восстала уйгурская и киргизская беднота в районе Ташмалыка. Подавление восстания еще более обострило ненависть к завоевателям.

Все это происходило на фоне сложных взаимоотношений Цинской империи с соседним Кокандским ханством. Пекин и Коканд были естественными соперниками в борьбе за Кашгарию. Кокандские ханы, давая приют борцам против маньчжурских завоевателей, умело использовали первых для давления на цинское правительство. Жившие в Коканде в начале XIX в. сыновья Сарымсака ходжа Джахангир (Джангир) и Юсуф-ходжа — наследники бывших белогорских правителей Кашгарии — встали во главе движения за восстановление независимости края. Белогорские ходжи стремились вернуть себе ханский престол в Кашгарии. В 1820 г. Джахангир собрал конный отряд и прорвался через цинские заслоны. Население встретило Джахангира как освободителя. Во главе повстанцев он двинулся на Кашгар. Цинские войска не подпустили его к городу и разбили наступавших, после чего попавшие в плен повстанцы были казнены.

Летом 1826 г. Джахангир во главе пяти сотен всадников вновь перешел границу, призывая уйгуров к священной войне (*газават*). Под его знамя встали бе-логорские кишлаки. К стенам Кашгара он подошел уже с многочисленным войском. Население города восстало и открыло ворота. Стремясь восстановить бывшее теократическое государство белогорских ходжей, Джахангир после взятия Кашгара провозгласил себя Сеид-Султаном. В Кашгар со своим войском прибыл кокандский хан Мамед-Али, однако у него возникли трения с Джахангиром, и хан с большей частью войска вернулся в Коканд. В Янги-Гиссаре, Яркенде и Хо-тане произошли народные восстания. В начале августа повстанцы победоносно штурмовали Яркенд. В августе 1826 г. был занят Хотан. Повсеместно повстанцы убивали цинских чиновников, офицеров и солдат, а также китайских купцов. Часть своих сил восставшие двинули в восточные округа, осадив Аксу и Уш-Турфан, вокруг которых на борьбу поднялись белогорские кишлаки.

На девять месяцев Джахангир оказался правителем большей части Кашгарии. Однако новый султан так и не стал истинным народным вождем. Он оставил без изменения саму систему феодального гнета, а в кишлаках и городах — власть тех же *хаким-беков*. Дехкане, ремесленники и мелкие торговцы все более отходили от Джахангира. В его султанате обострилась религиозная вражда между белогорскими и черногорскими муллами (*ахуны*). Обострялась национальная вражда между уйгурами, с одной стороны, и служившими в армии Джахангира пришельцами из Средней Азии — киргизами, кокандцами, горными таджиками и андижанцами — с другой.

В цинском лагере поначалу царил растерянность, военные неудачи привели к быстрой смене одного за другим двух главноуправляющих (*цаньцзань дачэнь*) Кашгарии. Наконец, подавление восстания было возложено на нового наместника Синьцзяна (*цзянцзюнь*) — «знаменного» монгола Чаплина, скоординировавшего все необходимые действия. Джахангир как военный руководитель оказался не на высоте: он не использовал свои первые успехи и трудности в стане врага, медлил с общим

наступлением, ждал помощи от соседних мусульманских государств. Все это было использовано цинской администрацией для стабилизации положения на оставшейся под ее контролем территории Синьцзяна — получения подкрепления из Китая и собирания всех сил в один кулак.

В октябре 1826 г. цинские войска пришли на помощь осажденным гарнизонам Аксу и Уш-Турфана. Наступил перелом в военных действиях в пользу правительства. Разбитые под Аксу, отряды Джахангира отступили и сняли осаду с Уш-Турфана. Беспощадными казнями всех пленных и в то же время отменой на год поземельного налога властям удалось расколоть единство уйгуров и привлечь на свою сторону часть местных феодалов. Собрал в районе Аксу армию в 22 тыс. солдат, Чанлин в конце 1826 г. двинул ее в наступление на Кашгар. Путь карателей был устлан телами повстанцев.

После поражения главных сил Джахангира его сторонники беки сдали Кашгар. Заняв город, каратели устроили там массовую резню. В апреле 1827 г. они взяли штурмом кашгарскую цитадель и разрушили мусульманскую часть города. Беки под напором неприятеля были вынуждены сдать Янги-Гиссар и Яркенд. Позже всех пал Хотан. К лету 1827 г. основные очаги восстания были подавлены. Джахангир бежал за рубеж — под защиту киргизских старшин. В январе 1828 г. цинским военачальникам удалось заманить Джахангира и его полутысячный отряд на свою территорию, где он был разбит у горы Картегай. Ходжа был схвачен и выдан врагам, доставлен в Пекин и в том же году казнен.

Подавление уйгурского восстания 1826-1827 гг. и последующая борьба с Джахангиром обошлись цинскому правительству в 10 млн. *ляпов*. Восстание потрясло саму основу цинского господства в Кашгарии, а ответные зверства карателей создавали почву для нового мусульманского выступления. Белогорские *ахуны*, *дехкане* и ремесленники теперь возлагали все свои надежды на брата Джахангира — Юсуфа-ходжу. Хан Коканда также усиленно подбивал последнего на выступление. Осенью 1830 г. Юсуф со своим отрядом перешел границу и был радостно встречен белогорцами. Памятуя об уроках восстания Джахангира, Юсуф щедро раздавал обещания народу. При поддержке населения ходжа вступил в Кашгар. Затем во главе кашгарского ополчения и при содействии местных белогорцев Юсуф овладел Янги-Гиссаром. Восстание перекинулось в Яркендский округ, куда вскоре прибыл и сам ходжа с войском. Взяв Яркенд, повстанцы безуспешно штурмовали местную цитадель, потерпев здесь крупное поражение. Наступил перелом в ходе движения, пошедшего на убыль. Кроме того, участие народных масс в 1830 г. оказалось меньшим, нежели в 1826-1827 гг. Многие из белогорских *дехкан* и ремесленников заняли пассивную, выжидательную позицию. Те же, кто поддержал Юсуфа и не получил ожидаемого улучшения своего положения, отходили от движения. Этому способствовали и грабежи, которыми занимались воины Юсуфа, восстанавливая против ходжи мирное население. Очень прохладно встретила белогорского ходжу черногорская секта. Цинские власти умело использовали религиозную вражду двух исламских сект. Из Или были переброшены крупные силы под командованием Хафэна. В октябре 1830 г. наместник Чанлин начал наступление на повстанцев под Янги-Гиссаром. После упорных боев и кровавых расправ каратели овладели городом и двинулись на Кашгар. В конце 1830 г. Юсуф-ходжа с несколькими тысячами сторонников-белогорцев

и пленными отступил к границе и ушел на кокандскую территорию. Подавление длившегося четыре месяца восстания обошлось казне в 8 млн. *ляпов*. Заключив с Кокандом фактически торговое соглашение, Пекин разрядил обстановку на границе, но не в самой Кашгарии. В ответ на новые притеснения в 1832 г. произошли серьезные волнения в Хотане. Героическая борьба уйгуров усилила кризис империи.

НАЗРЕВАНИЕ «ОПИУМНОГО» КОНФЛИКТА

Явное ослабление цинского режима обостряло опиумный вопрос как для Пекина, так и для Калькутты. По приказу богдохана сторожевые корабли Гуандуна вели борьбу с многочисленными китайскими джонками, принадлежавшими местным оптовым контрагентам англичан — опиумоторговцам. Вскоре чиновники и офицеры патрульной морской службы превратили борьбу с опиумной контрабандой в доходный для себя промысел. Тайно собирая с контрабандистов и торговцев сборы, взятки и отступные, они за это пропускали «товар» на берег. С 1822 по 1834 г. было издано пять законов, которыми Мяннин и Мучжана безуспешно пытались остановить рост импорта наркотика и опиумокурения. Цинская же бюрократия за обильную мзду тайно потворствовала контрабандным перевозкам опиума по стране. В каждом порту находились специальные «фирмы», занимавшиеся скупкой опиума, его хранением и перепродажей. Во всех крупных городах внутри страны возникли аналогичные «фирмы», процветавшие благодаря щедро оплаченному попустительству бюрократии. К концу 30-х годов наркотик распространялся практически по всей стране. Общая утечка серебра из Гуанчжоу с 1829 по 1840 г. почти на 49 млн. долл. превысила приток этого металла в Китай. По оценке современников, наркоманами стали от 10 до 20% столичных и от 20 до 30% провинциальных чиновников. В отдельных учреждениях этим недугом было поражено от 50 до 60% должностных лиц.

Наиболее опасным для династии Цин стало повальное опиумокурение среди солдат и офицеров «восьми-знаменных» и «зеленознаменных войск». Тем самым резко ослаблялась карательная сила госаппарата при постоянно нарастающей волне народных восстаний, а также оборонительные возможности Цинской империи как раз накануне ее вооруженного столкновения с флотом и войсками европейских стран.

Усиливавшийся отток серебра из страны неуклонно повышал медноденежную котировку серебряного *ляпа*. Это вело к росту налогообложения, ибо повышение цен на продукты земледелия не всегда поспевало за подъемом разменного курса *ляпа*, а движение цен на ремесленные изделия постоянно отставало от него. В результате в ряде районов налоговое бремя с 1821 по 1839 г. увеличилось более чем на 30%. Рост розничных цен лишь частично компенсировал потери крестьян и ремесленников, связанных с рынком, а для натуральных производителей это был тяжелый удар. Все это обостряло социальную напряженность в стране. Из-за потребления дорогого опиума падал сбыт различных отечественных изделий на внутреннем рынке. Спрос на некоторые товары за 20-30 лет до первой «опиумной» войны (1839-1842) сократился вдвое. Новым разрушительным фак-

296

тором стало макосеяние для производства местного наркотика. Последний был дешевле привозного — индийского и турецкого — и поэтому имел большой спрос среди низших слоев населения. Посевы мака приняли такие размеры, что уже в 1831 г. последовал императорский указ о строжайшем запрете макосеяния. Дешевизна местного опиума и легкость его приобретения свели на нет и эту правительственную меру.

Английская торгово-промышленная буржуазия настойчиво требовала от своего правительства устранения всех помех на пути к китайскому рынку, в том числе ликвидации монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем. Парламентский акт 1833 г. ликвидировал монополию. Затем английская буржуазия стала настойчиво добиваться от правительства решительных мер, дабы покончить с изоляцией Китая. Она требовала захвата какого-нибудь острова у его берегов как оплота свободной коммерции. Было решено провести явочным путем картографическую, коммерческую и военную разведку «закрытого» китайского побережья. Экспедиция Х.Линдсея в 1832г. выполнила эту задачу. Главными ее результатами явились данные о поразительной военной слабости Цинской империи и вывод о возможности короткой, недорогой и победоносной войны в Китае.

Летом 1834 г. на территорию английской фактории под Гуанчжоу прибыл лорд У.Нэпир, назначенный главным инспектором английской торговли в Китае. Для наместника Лянгуана он был всего лишь представителем английских купцов, т.е. лицом слишком невысокого ранга, чтобы сноситься напрямую с наместником самого Сына Неба. Письмо Нэпира к наместнику было возвращено, а отказ переделать письмо в прошение породил требование цинской стороны удалить «дерзкого» из Гуанчжоу. Очередной отказ Нэпира подчиниться повлек за собой отзыв с английской фактории китайского персонала, прекращение подвоза продовольствия и торговое эмбарго. Цинские войска блокировали факторию с суши, а англичане высадили сюда десант и ввели в устье р. Чжуцзян два фрегата. Это вызвало заградительный огонь китайских береговых батарей.

Твердость цинской стороны, боязнь раньше времени вызвать вооруженный конфликт и тем самым надолго сорвать коммерцию своих соотечественников заставили Нэпира покинуть китайскую территорию, убрать десант и отвести корабли. Начиная с 1837 г. Англия постоянно держала в прибрежных водах Гуандуна свои военные суда. Летом 1838 г. Лондон произвел новую военную демонстрацию, когда корабли под командованием контр-адмирала Ф.Мэйтленда угрожали флотилии военных джонок Гуандуна. Лондонский кабинет и в том числе министр иностранных дел Г.Пальмерстон окончательно склонились к силовому варианту «открытия» китайского рынка. Англия вплотную подошла к развязыванию вооруженного конфликта. Для последнего нужен был только более или менее убедительный повод.

Между тем «опиумное» нашествие в Китай к концу 30-х годов заставило Пекин всерьез заняться этим вопросом. Сам Мянньнин, получив в 1838 г. тревожный доклад столичного сановника Хуан Цзюэцзы, осознал опасность приближения кризиса. Последовал приказ наместникам и военным губернаторам провинций после совета со своими подчиненными представить двору практические рекомендации.

Наибольшее впечатление на Мянньнина произвел доклад наместника

297

Хугуана Линь Цзэсюя. Он прямо написал богдохану, что у того скоро почти не останется солдат для защиты от врага и серебра для уплаты жалованья. Император вызвал Линь Цзэсюя в столицу и назначил его чрезвычайным уполномоченным высшего ранга для расследования «опиумных» дел в Гуандуне и командующим морскими силами этой провинции, сохранив за ним пост наместника Хугуана. Весной 1839 г. Линь Цзэсюй прибыл в Гуанчжоу и повел энергичную борьбу с опиокурением и торговлей наркотиком. Последующие события привели к первой «опиумной» войне Китая с Англией 1839-1842 гг., оцениваемой историками КНР как начало новой истории Китая.

Глава 22

МОНГОЛИЯ В СОСТАВЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

(государственно-административное устройство и социальная структура)

После разгрома маньчжурами в середине XVIII в. последнего независимого монгольского княжества — Джунгарского (Ойратского) ханства — территория Монголии окончательно вошла в состав Цинской империи. К концу XVIII — началу XIX в. сложилась система административно-территориального деления и управления Монголией, своеобразно вобравшая в себя монгольские традиционные властные институты.

Территория Монголии представляла собой имперское наместничество, поделенное на четыре ханства (*аймака*), и пограничный Кобдоский округ, расположенный на крайнем западе, по соседству с Синьцзяном.

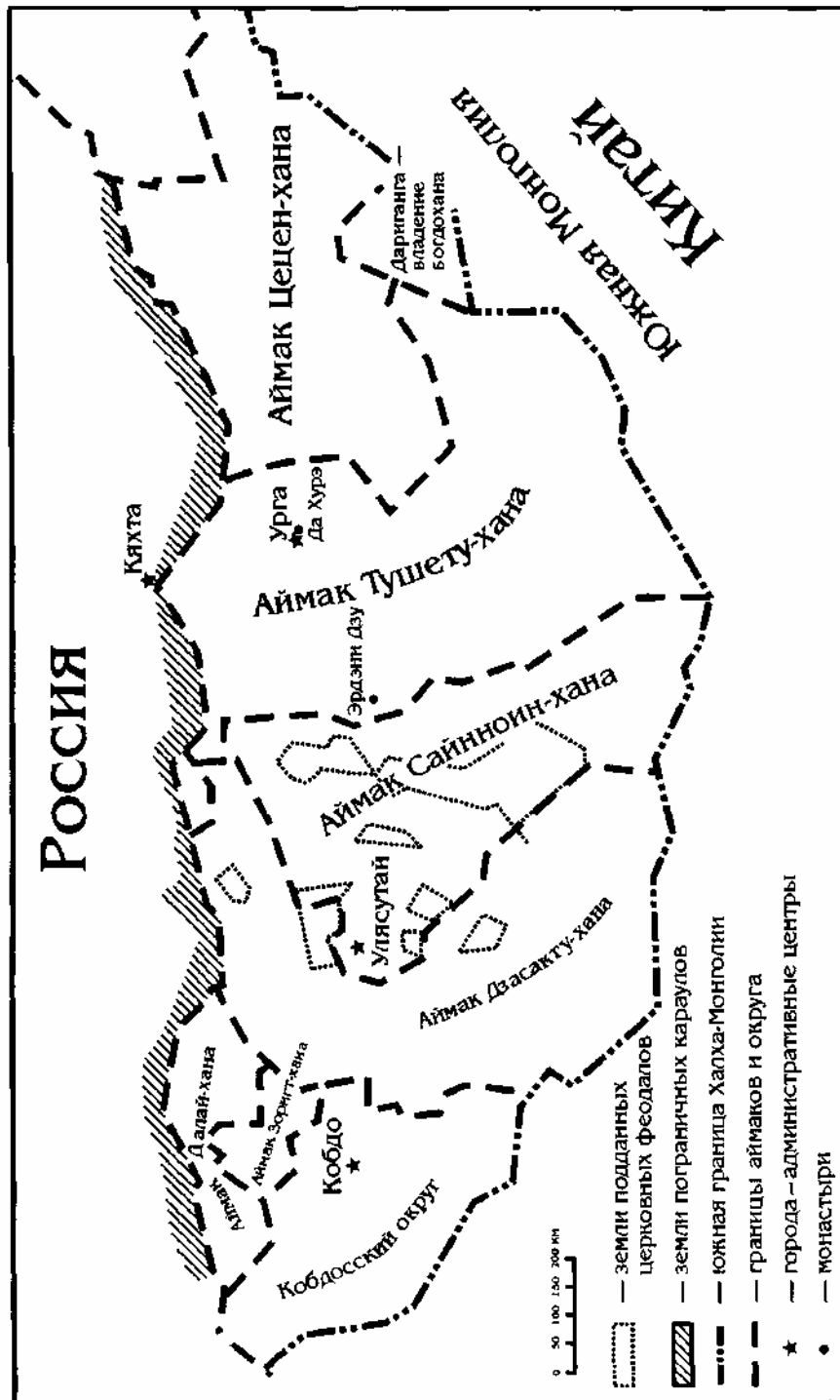
Аймаки распадалась на *хошуны* — традиционные для Монголии (начиная с XV в.) феодальные уделы (княжества, имевшие относительно четкие границы). Однако *хошуны* при Цинах из наследственных владений (*хувийн вич*) превратились во временные пожалования (*болзоолт вич*), ибо для вступления в наследственное владение и управление требовалось получение монгольскими князьями инвеституры от императора, считавшегося верховным собственником всех монгольских земель.

С целью ослабления влияния князей цинские власти дробили *аймаки* на все новые *хошуны*, доведя их общее число до 111 — с восьми в 1691 г. В административно-территориальном отношении *хошуны* делились на *сомоны*, а последние — на *баги*, в которые входило некоторое число «десятидворок» (десятков кочевых хозяйств). Число и границы *сомонов* и *багов* изменялись в зависимости от площади *хошуна* и численности его населения.

Эта структура имела помимо административно-управленческой четкую военную функцию. Солдатами-ополченцами (*цириками*) считались все мужчины-миряне от 18 до 60 лет, и по первому требованию маньчжурских властей каждая административная единица должна была выставлять и содержать, из расчета один воин от десяти семей, вооруженных всадников в полной экипировке. Военские подразделения формировались на базе *багов* и *сомонов* и сводились в общие части в рамках *хошуна*.

Войска *хошунов* входили в состав корпусов-знамен, которые формировались в пределах *аймаков*. Такая структура копировала организацию маньчжурской знаменной армии. Основными функциями монгольского ополчения были несение караульной службы на границах с Россией и участие в операциях маньчжурской армии в Китае, часто в качестве полицейской силы. Отбывание военной службы включало не только участие в карательных экспеди-

ХАЛХА-МОНГОЛИЯ В КОНЦЕ XVIII в.

300

циях, в периодических военных учениях, сборах, смотрах, парадах, в несении дозорной и охранной пограничной службы, но и обработку казенных пашен, выпас казенных табунов, выполнение обязанностей рассыльных и т.д. Отвлечение на военную службу значительной части производительного населения (только Внешняя Монголия выставляла в 1810 г. 50-55 тыс. человек) в условиях его малочисленности тяжелым бременем ложилось на экономику страны.

Соединение административно-территориальных, управленческих и военных структур вписывалось в традиции монгольской государственности. Лишение же аймачных ханов государственной власти и уравнивание их в правах с хошунными князьями, превращение уделов-хошуиов во временные владения и основные военно-административные единицы, как и провозглашение всего населения Монголии подданными императора-маньчжура, были нововведениями Цинов. Новым был и аппарат управления, во главе которого находились императоры Цинской династии, обладавшие неограниченной властью, освященной присвоением ими титула *богдохана* — великого хана Монголии. Обладание этим титулом, а также символом великоханской власти — *хас-тамгой*, древней государственной печатью монгольской династии Юань (1271-1368), придавало легитимность власти маньчжурских императоров

как верховных правителей и даже способствовало их обожествлению, ибо, согласно монгольской традиции, великий *хаган* олицетворял единство светской и духовной власти.

Лишь с санкции императоров обретали силу любые правовые акты, касавшиеся Монголии. Для монгольской знати маньчжурское подданство означало еще и личную зависимость от императоров, так как только их решением могла завершиться длительная и подчас разорительная процедура утверждения князей в правах наследственного владения и управления родовыми уделами. Только Цины присваивали или лишали монгольских князей их титулов и званий, назначали или смещали с государственных должностей, казнили и миловали.

Следующее звено управления представляла правительственная Палата по делам зависимых территорий (*Лифаньюань*), более известная как Палата внешних сношений, созданная еще в 1638 г. на базе Монгольского управления (*Мэнгу ямэня*). Палата ведала подбором основных должностных лиц маньчжурской администрации в Монголии, организацией высочайших аудиенций для подношения дани и получения инвеституры и наград, рассылкой императорских указов, судебными разбирательствами и др. В Палате могли служить только маньчжуры и монголы; китайцы туда не допускались.

В подчинении Палате находились императорские наместники — великий *цзяньцзюнь* (генерал-губернатор), который командовал всеми монгольскими войсками, имевший резиденцию в городе-крепости Улясутае и ведавший делами (с 1786 г.) двух западных *аймаков* — Дзасактуханского и Сайннойёнханского, а также два его помощника (*амбани*), которые управляли двумя восточными *аймаками* — Тушетуханским и Цэцэнханским, с резиденцией в Урге (с 1761 г.). Там был расположен монастырь Их-хурэ — резиденция первосвященника Монголии *богдо-гэгэна*. Урга постепенно превращалась в фактическую столицу. *Хэбэй-амбани* (с 1762 г.) управляли пограничным округом из г. Кобдо.

При наместниках находились канцелярии, военные и гражданские управления (*ямэни*), различные службы, в том числе почтовая и финансовая, маньчжурские

301

гарнизоны, казенные пашни. Хотя отдельные, особо отличившиеся перед Цинами монгольские князья входили в высший эшелон маньчжурской администрации в стране и даже составляли целые династии ургинских *амбаней*, в целом монголы занимали в этих учреждениях лишь должности низшего уровня — писарей, посыльных, охранников и др.

Маньчжурская администрация в Монголии взаимодействовала с сохраненными ею органами местной монгольской власти: аймачными сеймами (*аймагын чуулган*), традиционными периодически собиравшимися съездами (*хуралами*) *нойонов* данного *аймака*, хошунными канцеляриями (*тамгын газар*) и *джисана-ми* — своеобразными постоянными представительствами четырех *аймаков* при Улясутайском *цзяньцзюне* и ургинских *амбаниях*.

Центральной фигурой местной власти при этом являлся хошунный *дзасак* — владетельный князь. Он обладал несколько ограниченной маньчжурскими законами, но весьма значительной гражданской, военной и судебной властью, монополией на сбор государственных и хошунных податей и распределением повинностей, определял границы *сомонов* и *багов*, назначал и смещал их начальников, регулировал пользование пастбищами, возглавлял хошунное ополчение, подбирал и представлял на утверждение маньчжурских властей своих помощников по гражданским и военным делам, входивших в руководство хошунными канцеляриями.

На аймачном сейме, собиравшемся раз в три года в постоянном месте с обязательным участием *цзяньцзюня* или его помощников, решались дела, касавшиеся всего *аймака*, проводилась перепись населения и скота. Там же избирались председатель сейма (*чуулганы дарга*) и его помощник по военным делам (*туслагч дзангин*), которые в периоды между съездами выступали в качестве своеобразных посредников между цинскими властями и *дзасаками*. Существование этих выборных должностей позволило Цинам окончательно ликвидировать власть аймачных ханов.

Председатели сеймов, *туслагчи дзангины*, хошунные *дзасаки* и их первые помощники рекрутировались из потомственной монгольской знати и утверждались лично императорами, а остальные чиновники (*тушемэлы*) набирались из представителей невладетельной аристократии и простолюдинов.

В управлении страной Лифаньюань и власти на местах использовали нормативы «Монгольского уложения» 1696 г. («*Монголын цааджин бичиг*») — свода маньчжурских законоположений для монголов за 1629-1694 гг., «Уложений Палаты внешних сношений» от 1789 и 1815 гг., вобравших в себя большинство статей первого сборника, а также, в известной степени, и монгольского свода законов «Халха Джирум», содержавшего установления, принятые на *хуралах* в 1709-1770 гг. Маньчжуры принесли с собой в Монголию детальную регламентацию всей общественной жизни и осуществляли жесткий контроль за ее соблюдением, что вошло в противоречие с кочевым укладом степной вольницы.

Маньчжуры законодательно закрепили и придали строгую иерархичность социально-правовой

организации монгольского общества, которое разделялось прежде всего на благородных (*сайн хумуус*) и простолюдинов (*хар хумуус*).

Сайн хумуус составляла светская (*хара*) и духовная (*шара*) знать: владетельные князья-дзасаки, невладетельные *тайджи* — младшие сыновья княжеских фамилий, высшие иерархи ламаистской церкви.

302

К *сайн хумуус* относилась также прослойка императорских зятьев, получавших титул *эфу* или *табунанов*, которая пополнялась благодаря матримониальной политике цинского двора, отдававшего маньчжурских принцесс замуж за представителей монгольских княжеских родов. Этому способствовала определенная историческая и этнокультурная близость маньчжуров и монголов как кочевых народов одной языковой группы (алтайской) и общей религии. Династийные браки были одним из методов привлечения Цинами на свою сторону монгольской знати.

Особую социально-правовую группу составляли носители титула *дархан*, который давался лицам, оказавшим особые личные услуги монгольским великим *хаганам* (в прошлом), а с XVII в. — маньчжурским императорам. Эта группа лиц освобождалась от несения каких-либо повинностей, включая уплату податей, а также обладала личной неприкосновенностью и получала право свободного выбора рода занятий и места жительства. С 1824 г. титул *дархана* стал передаваться по наследству, и его можно было купить за большие деньги.

К этому же кругу примыкало и высшее монастырское духовенство.

К простолюдином относились араты-кочевники, скотоводы, принадлежавшие к трем статусным группам зависимого крестьянства: сомонным аратам, или *ал-бату*, *хамджилга* и *шаби*. Выходцы из аратов формировали многочисленное низшее ламство (монашество), как монастырское (бандм-послушники), так и худонское, т.е. лам, проживавших в миру в сельской местности (*худоне*). Все категории лам были освобождены от каких-либо государственных поборов и несения служб и занимались в основном отправлением культа. Однако низшие ламы в монастырях подвергались эксплуатации со стороны монастырской верхушки, а в *худоне* — даже со стороны светских властей. В целом, *банды* как по происхождению, так и имущественному положению, а худонские ламы — и по образу жизни особенно не отличались от простолюдинов.

Сомонные араты — наиболее многочисленная группа трудового населения, — хотя юридически и считались свободными, но по существу были превращены в государственных крепостных, находившихся под управлением хошунных *дзаса-ков*, приписанных к хошунной канцелярии и соответствующей воинской части, и не имели права без разрешения властей покидать пределы своего *хошуна*.

Светские *нойоны* регулярно взимали с сомонных аратов, или *албату*, продуктовую подать, которая, согласно маньчжурским установлениям, равнялась одному барану с каждой семьи, владевшей более пяти голов крупного рогатого скота или двумя десятками и более овец. При этом на практике размеры подати завывшались.

Важнейшей формой феодальной эксплуатации *албату* были различные отработки в пользу *нойонов*. Наиболее распространенной являлась принудительная раздача *нойонами* принадлежавшего им скота на выпас в хозяйства *албату* либо на безвозмездной основе, либо на условиях издольщины, с использованием системы круговой поруки *албату* за сохранность хозяйского скота.

На низшей ступени социальной лестницы стояли так называемые подведомственные (*мэдэл хубэгууд*), домашние слуги и рабы (*кирад*) — из военнопленных, а также лиц, проданных или отданных в рабство за преступления.

К выполнению государственных повинностей, кроме воинской, начиная с начала XIX в. стали привлекаться и отдельные группы аратской статусной группы

303

хамджилга, главной обязанностью которых при этом оставалось содержание и обслуживание владетельных князей, *тайджи* и их семей. Находясь в прямой личной зависимости от светских *нойонов* и являясь своеобразным атрибутом их должностного положения и титула, *хамджилга* были обязаны кочевать вместе со своими господами, пасти господский скот и ухаживать за ним, платить долги хозяев, исполнять тяжелую домашнюю работу и т.п.

Крупным собственником выступала верхушка ламаистской церкви в лице *богдо-гэгэна*, *хутухт* и настоятелей почти 700 монастырей. Постоянным источником растущего богатства и могущества церкви (помимо щедрых вкладов государства, светской аристократии и пожертвований глубоко религиозного населения, а также предпринимательской деятельности *джасы* — монастырской общины) был подневольный труд аратов-шабм (*шабинаров*) — статусной группы, возникшей еще в XVII в. с распространением ламаизма в Монголии, а с 1764 г. официально закрепленной за духовными владыками и монастырями.

Освобожденные от всех податей и повинностей в пользу государства и светских *нойонов*, *шабинары*,

однако, были обязаны работать на своих хозяев, ежегодно выплачивать натуральный и денежный налоги, а также различного рода внеочередные поборы.

Закрепив социальную структуру монгольского общества, Цины оставили неизменными основы господствующего положения знати: фактическое владение и распоряжение пастбищными территориями на правах прежде всего крупных скотовладельцев, возможность эксплуатировать и управлять подвластным населением, фискальный и судебный иммунитет, право иметь личных крепостных, вплоть до середины XIX в. — даже домашних рабов, и др.

Более того, наследственные права и привилегии *нойонов*, основанные во многом на обычном праве, традициях подчинения знатым и богатым, патриархальных родоплеменных связях, при Цинах получили дополнительное подтверждение силой маньчжурского закона и авторитетом государственной имперской власти, путем привлечения на государственную службу и введения табеля о рангах.

Негативное воздействие на положение скотоводов Монголии оказал китайский торгово-ростовщический капитал, внедрение которого в экономику страны¹ началось еще в первой половине XVIII в. С начала XIX в. торговые и кредитные² операции китайцев в Монголии расширились. При оседлых пунктах, главным образом монастырях, росло число *маймаченов* — торговых слобод с лавками, магазинами, складскими и жилыми помещениями. Они становились центрами оптовой и розничной торговли шелковыми и бумажными тканями, чаем, табаком, мукой, крупами, металлическими, фарфоровыми и глиняными изделиями, предметами домашнего обихода и ламаистского культа. Возможность сбыта китайских товаров в Монголии обеспечивалась спросом в Китае на монгольский скот и продукты животноводства. Значительная разница между низкими закупочными и высокими продажными ценами на эти товары создавала для китайских торговцев возможность быстрого обогащения. Маньчжурская администрация, действовавшая в интересах китайских торговцев, постепенно отменяла ограничения на китайскую торговлю в Монголии, существовавшие в течение всего XVIII в. в русле общей политики изоляции страны от внешнего мира.

К середине XIX в. в Монголии при прямой поддержке маньчжурских властей открыто действовали отделения нескольких десятков китайских торговых и ростовщических фирм, главным образом пекинских и шансийских.

Монопольное положение китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии обеспечивалось маньчжурской политикой изоляции страны от внешнего мира, в первую очередь от соседней России. Нерчинский договор 1689 г., Кяхтинский и Буринский 1727 г. между Цинской империей и Россией юридически закрепляли ограничения деятельности российского купечества в Монголии. До середины XIX в. русская торговля ограничивалась проведением раз в три года ярмарки в Кяхте и деятельностью русских купцов вдоль тракта Кяхта-Урга-Калган, но с уплатой крупных пошлин. Положение изменилось лишь в начале 1850-х годов в связи с изменениями в общей геополитической ситуации в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Экономика Монголии сохраняла натуральный и полунатуральный характер, поскольку почти полностью основывалась на экстенсивном кочевом животноводстве в сочетании с домашним ремеслом, кустарными промыслами, охотой, а также зачатками земледелия. Развивавшаяся торговля способствовала появлению мелкотоварного уклада. Несмотря на некоторую стабилизацию политического положения к концу XVIII — началу XIX в., страна не смогла полностью оправиться от бедствий предшествующего периода, вызванных полуторастолетней борьбой с маньчжурскими вторжениями.

Глава 23

КОРЕЯ В КОНЦЕ XVIII в. — 1840-е ГОДЫ

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С 1637 г. Корея оставалась вассальным государством цинской маньчжурской династии, правившей в Китае. Но вассальные отношения ограничивались выплатой дани, которую к XIX в. Корея и вовсе перестала посылать в Китай.

Правительство Кореи проводило политику изоляции от внешнего мира, что пагубно отразилось на ее политическом, культурном, экономическом развитии, так как привело к консервации государственной системы и социального строя. В административном отношении страна сохраняла свою структуру с XV в.

И тем не менее в конце XVIII в. товарно-денежные отношения разрушали вековые устои экономики страны, ослаб жесткий контроль государства в области регламентации ремесел и торговли.

Землевладение и землепользование постепенно утрачивали иерархический характер. Государственная собственность на землю сокращалась за счет роста частного землевладения. В первой половине XIX в.

выросло число дворцовых и ведомственных земель, освобожденных от уплаты государственных налогов, что вызвало острый дефицит средств в казне. Государство пыталось возместить убытки за счет введения новых налогов помимо старых — поземельного и военного. В результате число различных налогов достигло 40. Разорявшиеся крестьяне превращались в арендаторов собственной земли либо нищих бродяг. Рос слой деревенских богатеев — *тхохо* (помещики нового типа), скупавших земли обнищавших крестьян.

Перемены коснулись и крепостного крестьянина, чей труд стал непроизводителен. В 1801 г. феодальное правительство провозгласило освобождение 29093 государственных крепостных крестьян (*ноби*) и 36 974 дворцовых, переведя их в сословие простолюдинов, обязанных выполнять соответствующие повинности. Крепостная зависимость частных крестьян была ликвидирована лишь частично.

Спад сельскохозяйственного производства был вызван постоянными неурожаями, явившимися следствием запущенности ирригационной системы. В первые десятилетия XIX в. страну потрясли голод и эпидемии. Правительство было вынуждено посылать войска на уборку трупов. Крестьяне массами уходили в новые районы, на север страны, за границу — в Маньчжурию, русское Приморье. В результате сокращались пахотные земли. В 1804г. насчитывалось 435,6 тыс. *кэль* заброшенных или пострадавших от стихийных бедствий полей, к 1854 г. эта иифра возросла до 472,6 тыс. *кэль* (*кэль* — 0,999 га). Снижение численности населения было еще значительнее — с 7,5 млн. в 1807г. до 6,4 млн. в 1835г. В несколько меньшей степени сократилось население Сеула — с 204,8 тыс. жителей в 1807 г. до 203,9 тыс. в 1837 г. Следствием бедственного

306

положения страны явился рост числа бродяг, нищих, на содержание которых правительство было вынуждено отпускать средства.

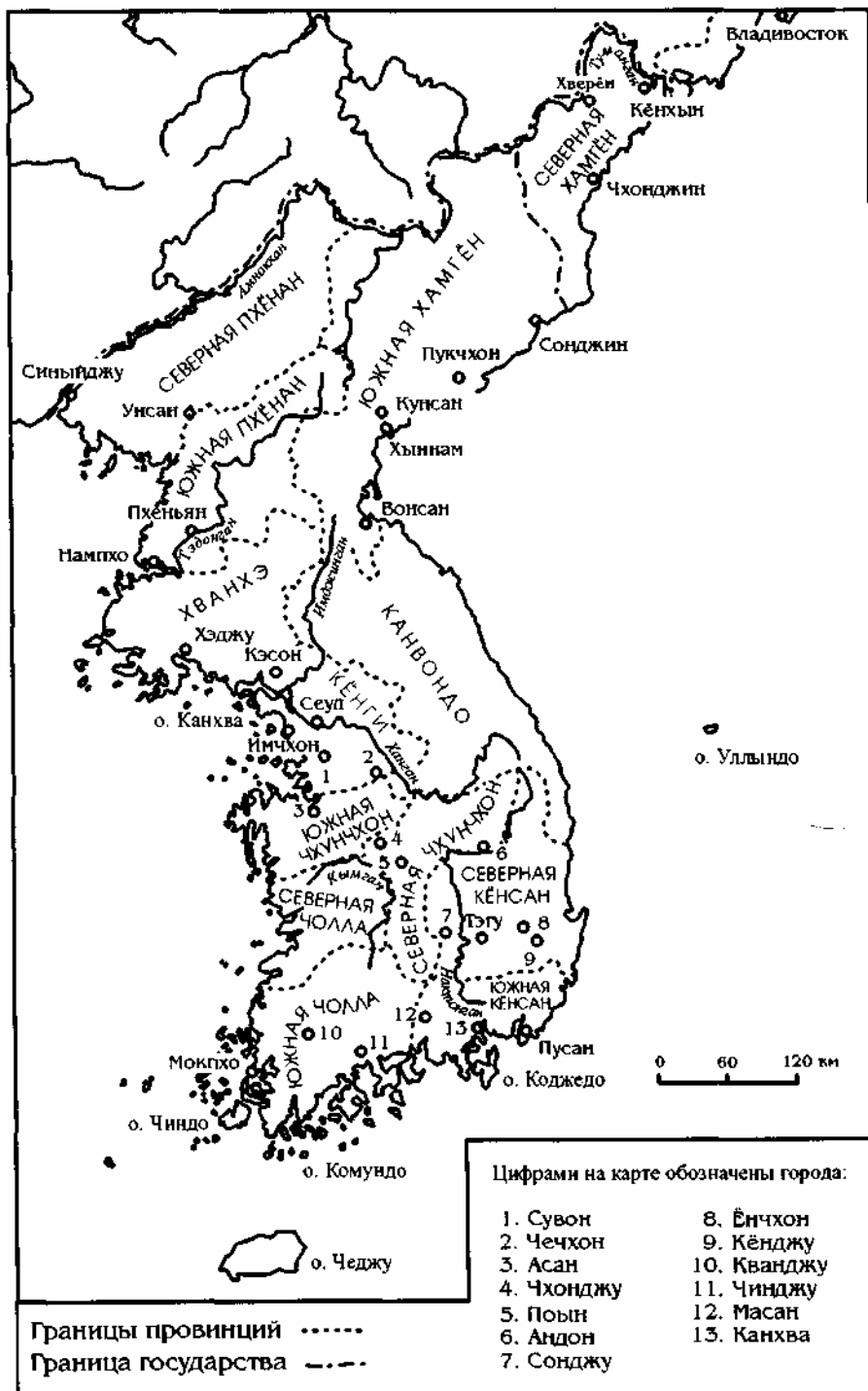
В начале XIX в. замедлился рост товарно-денежных отношений. Местные и центральные власти пытались разрешать кризис традиционными мерами — усилением мелочной регламентации производства частных ремесленных мастерских и активности торговых фирм, всячески пресекая их предпринимательскую инициативу. Но, несмотря на эти препоны, по всей стране стихийно возникали частные торговые и ремесленные мастерские, в которых стал шире применяться наемный труд (особенно в типографском деле, горном промысле, кораблестроении). Возросла активность скупщиков готовой продукции ремесленников. Развивалась инициатива частных купеческих союзов, не располагавших государственной монополией (попытки правительства пресечь эту деятельность терпели крах). Появились частные торговые компании, чьи капиталы были сравнимы с доходами казны. Капиталы свободных торговцев Кэсона, например, оценивались в 700-900 тыс. *ян*. Центральное правительство нередко было вынуждено брать у них кредиты.

Расширялись торговые связи между различными регионами страны. По существу, можно полагать, что в конце XVIII — начале XIX в. появились предпосылки формирования национального рынка.

Развитие товарно-денежных отношений вело к усилению налогового гнета. Натуральные налоги заменялись денежными. В 1827 г., например, в провинции Кёнсан 50% всей суммы поземельного налога разрешалось сдавать в казну деньгами. Центральные и местные власти прибегали к выпуску неполноценной монеты, что открывало новые пути ограбления народа.

Внешняя торговля Кореи в конце XVIII в. и самом начале XIX в. не претерпела особых изменений, ограничиваясь незначительными торговыми связями с Китаем и Японией. В ней господствующее положение занимало купечество Кэсона и пограничного с Китаем города Ыйджу. Однако в 30-40-х годах произошли перемены: китайские купцы, занимавшиеся посреднической торговлей, стали перепродавать на пограничных корейских рынках дешевые хлопчатобумажные ткани, что подрывало традиционное ремесленное производство, так как недорогая иностранная продукция стала пользоваться большим спросом у населения. Корейские купцы и ремесленники безуспешно требовали, чтобы правительство запретило в стране торговлю иностранными товарами.

Кризис общественно-экономических отношений привел к серьезным изменениям социальной структуры и к обострению социальных антагонизмов. Отражением этих перемен стал рост политических интриг и борьбы за власть внутри феодальной знати — *янбан*. В ходе этой борьбы в 1802 г. власть в стране захватили временщики Кимы из города Андона. Их сторонниками были заняты все чиновничьи посты от Сеула до отдаленных провинций. Особой дискриминации они подвергли *янбан* северо-западных провинций, которые были лишены права занимать должностные посты даже у себя на родине. Недовольство политическим положением разделяли не только противники Кимов из знатной среды, но и разорявшиеся мелкие и среднепоместные *янбаны*, чьи земли скупали *тхохо*, богатые торговцы и ремесленники.

308

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX в.

Начало XIX в. ознаменовалось бурным подъемом социальных движений. В крупных городах появились листовки, разоблачавшие коррупцию, хищения чиновников. Крестьяне повсеместно жгли помещичьи имения, захватывали государственные склады, раздавали их содержимое беднякам. В 1801 г. в провинции Кёнсан массы крестьян, городского люда, мелких ремесленников, торговцев, недовольных провинциальной властью, создали повстанческие отряды.

Но центром антиправительственных выступлений стала северная провинция Пхёнан. Там были часты неурожаи, засухи, почвы же каменисты, трудны для обработки. Трудовой люд Пхёнана кроме обычных налогов должен был оплачивать содержание посольств, приезжавших в Китай, чтобы отвезти дань и подарки Цинам, а также выполнять трудовые повинности по строительству оборонительных сооружений. Крестьяне имели крохотные участки земли, которые не могли их прокормить. Мелкие торговцы и ремесленники не выдерживали натиска китайского импорта.

Одним из самых значительных социальных движений Кореи XIX в. стало крестьянское восстание 1811 г. в провинции Пхёнан. Стихийный бунт крестьян и трудового люда возглавил *янбвн* Хон Гённэ, представлявший недовольных *янбан* и *тхохо*, которых андонские Кимы не допускали к участию в политической жизни страны, занятию постов в центральном и провинциальном аппарате. В посланиях к населению северных провинций Хон Гённэ, апеллируя к конфуцианским представлениям, объявлял, что является Сыном Неба, ниспосланным на землю Небесным велением, дабы создать общество равенства и прекратить злоупотребления чиновников. В своих обращениях он доказывал, что население северных провинций должно иметь равные права на управление страной, так как «Жители Квансо» (Пхёнан) обладают истинной культурой и хорошими обычаями. Богатые жители Пхёнана поддерживали повстанческое движение, снабжая его оружием, провиантом и деньгами.

Хон Гённэ создал штаб восстания, организовал повстанцев в отряды и проводил их обучение. В течение четырех месяцев регулярные правительственные войска не могли остановить продвижение к столице крестьянской армии, опиравшейся на поддержку местного населения. В занятых повстанцами районах создавались новые органы власти — местные управы. Прежние *кунсу* (начальники уездов) были изгнаны. На их места назначали *тхохо* и *янбан*, поддержавших восстание.

В обстановке полного смятения правительство вызвало на помощь китайские войска. Тем временем в повстанческую армию вливались работники приисков, приходили крестьяне из соседних провинций. Ван направил специальное обращение к жителям Пхёнана, в котором признавал себя виновным в тягчайшем положении, создавшемся в провинции, и в обнищании народа. Он констатировал, что в стране царит анархия, а алчные чиновники действуют по своему произволу. Ван обещал выполнить свой долг перед народом провинций Северо-Запада. В то же время правительство объявило дополнительную мобилизацию в армию. Население северных провинций призывали добровольно вступать в отряды борьбы с повстанцами.

В мае 1812г. правительственным войскам удалось сломить сопротивление отчаянно сражавшихся повстанцев, неся при этом большие потери. Но события в

309

провинции Пхёнан вызвали отклик не только в Хванхэ и Хамгён — соседних северных провинциях, но и на Крайнем Юге страны, на о-ве Чеджудо, где начались народные антиправительственные волнения. Одновременно с событиями в Пхёнана в первые десятилетия XIX в. страну сотрясали городские восстания, охватившие крупные города и столицу страны — Сеул.

В 1813, 1815, 1833 гг. в Сеуле проходили «голодные» бунты. Тысячи нищих, бродяг, простолудинов нападали на государственные склады, дома чиновников и богатых купцов. Власти издавали приказы о раздаче голодающим зерна и высылке из столицы бродяг, зачастую прибегали к использованию правительственных войск. Так силой оружия удавалось добиться временного затишья. Но народное недовольство не затухало, бунты начинались снова. К бедному люду примыкали и солдаты.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ЗАПАДНОЙ ВЕРЫ»

В конце XVIII — первые десятилетия XIX в. политика корейских правящих кругов, проводивших курс на «самоизоляцию», натолкнулась на намерение капиталистических держав распространить свое влияние в странах Дальнего Востока.

При этом западные державы отводили в своей политике особую роль миссионерам, проповедовавшим христианство.

Единственным возможным каналом для распространения в Корее западной религии стало крещение в Китае корейцев, привозивших вассальную дань цин-скому правительству. Возвратившись на родину, новые адепты католицизма начинали проповедовать западную веру.

Так, в ноябре 1783 г. молодой *янбан* Ли Сынхун после посещения Китая возвратился на родину католическим священником, приняв имя «отец Петр». Первыми слушателями его проповедей были молодые, оппозиционно настроенные *янбаны* и представители образованных слоев общества, которые усматривали в новой религии противодействие конфуцианской схоластике и путь к распространению на родине достижений западной цивилизации — реальных точных наук.

Постепенно влияние западной веры вышло за рамки узкоэлитарной среды и христианство стало приобретать последователей среди широких слоев населения. Крестьян и торгово-ремесленный люд привлекала в католическую веру проповедь равенства сынов Божьих. Восприятие христианского учения облегчалось тем, что в нем содержались понятия, идентичные многим морально-этическим нормам конфуцианства.

Правящие круги развернули решительную борьбу за искоренение «ереси» — западной веры. Начались гонения, пытки, казни корейцев, принявших христианство либо обвиняемых в связях с иноверцами. В 1786 г. правительство издало указ, запрещающий проповедь католицизма и ввоз европейской литературы любого содержания. На границе с Китаем, в городе Ёйджу был создан специальный таможенный пункт, где багаж прибывших подлежал проверке. Многие началь-

310

ники уездов были уволены со своих постов, так как не сумели воспрепятствовать распространению иноземной веры.

В начале 1791 г. последовал новый категорический запрет на чтение иностранных книг, а в ноябре того же года были казнены четыре крупных сановника и «много простых людей», принявших христианство. В эти же годы в кругах образованных *янбан* начало зреть решение обратиться за помощью к европейским державам (Португалии, Англии), чтобы добиться прекращения политики изоляции страны от внешних контактов и гонений корейцев, перешедших в христианство, разрешить знакомство с западной цивилизацией — наукой, культурой, техническими достижениями и установить торговые отношения со всеми иностранными государствами. В ответ корейское правительство усилило репрессии против инакомыслящих.

В начале XIX в. был казнен *янбан* Хван Саён, обратившийся в Пекине к миссионерам с посланием, призывающим прислать эскадру, чтобы свергнуть нынешнее корейское правительство и установить новое, которое бы не препятствовало контактам Кореи с западными странами. В том же году в одном только Сеуле казнили 300 человек и еще 200 в провинциях; 400 человек были высланы из столицы. Среди них были ученые, принадлежавшие к идейному течению «За реальные знания» (*сирхак*), и другие.

В 1801 г. ван обратился к населению с воззванием «О наказании ереси» («Госа кёнмун»), в котором объяснял свои действия борьбой за чистоту конфуцианского учения и объявил «ересью» западную религию.

Террор, казни инакомыслящих не остановили проникновение в Корею миссионеров. В 1831 г. папа Григорий XVI учредил корейский апостольский викариат, включив Корею в сферу деятельности Парижского общества иностранных миссионеров. В 1832 г. в Корею был направлен миссионер В. Брюгге, возведенный в сан епископа. После его смерти в 1836 г. его место занял отец П. Ф. Мобан. В Корею прибыли также миссионеры Ж. О. Шастан и Эмбер. Французские миссионеры наряду с проповедью католицизма открывали школы и распространяли литературу по точным и естественным наукам — астрономии, математике, медицине. В 1839 г. Мобан и Шастан были казнены.

Англия первая из европейских держав направила свои корабли в корейские воды. В 1816 и 1832 гг. к корейским берегам подходили британские суда, англичане пытались склонить корейское правительство к установлению торговых отношений. Но их предложения были отклонены.

В июне 1846 г. в корейских территориальных водах появились три французских фрегата. Французы требовали установления торговых отношений и объяснений по поводу казни миссионеров. На следующий год прибыли еще два французских корабля, однако они потерпели крушение у корейских берегов. Команду из пятисот моряков спасли местные жители. Корейские власти переправили их в Китай.

1840-1850-е годы, по свидетельству корейских хроник, были отмечены беспрерывными вторжениями в корейские воды европейских судов.

Во второй половине 1840-х годов особый интерес к Корее стали проявлять Соединенные Штаты Америки, которые, опираясь на заключенный в 1844 г. с Китаем договор, присоединились к колониальной экспансии на Дальнем Востоке.

311

С этого времени капиталистические державы, продолжая поощрять деятельность миссионеров, перешли к попыткам прямого вооруженного вторжения в страну. Правительство Кореи вновь усилило репрессии против корейцев, принявших западную веру.

В 1839 г. ван Чонджо издал «Эдикт для опровержения ереси», в котором защищал чистоту конфуцианской морали и неопровержимость истинности этого учения. Ван утверждал, что все народы, не разделяющие учение Конфуция, сошли с пути правды и исповедуют ложь.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

В такой идейно-политической обстановке, несмотря на все препятствия, чинимые феодально-конфуцианской реакцией, развивалось передовое течение в общественной мысли Кореи, зародившееся еще в конце XVI в. В конце XVIII — первой половине XIX в. в движении «За реальные знания» выделилось течение *нукхак* («Учение с Севера»), выразителями которого были ученые-мыслители Хон Дэён, Пак Чивон, Пак Чега, чье творчество относится ко второй половине XVIII в. Их талантливым последователем был Чон Ягён (псевдоним Дасан).

Юношей Чон Дасан не избежал влияния католицизма, видя в западной вере путь к освобождению Кореи от режима, господствовавшего в стране. Он стремился к распространению в Корее цивилизации стран Запада. Правительство ан-донских Кимов расправилось с ним: в 1801 г. Чон Дасан был сослан на 18 лет в отдаленную провинцию. В ссылке он посвятил свое время занятиям историей и литературой. Его творчество отражало просветительские идеи, которые послужили впоследствии отправным пунктом формирования идеологии освободительного движения.

Воззрения Чон Дасана, как и его многочисленных последователей, испытали влияние общественной

мысли Китая, Японии, а также западной культуры, сведения о которой, несмотря на все препоны, чинимые властями, проникали в страну.

Однако особое воздействие на просветительскую мысль Чон Дасана и его окружения имели корейские культурно-религиозные традиции, откуда были почерпнуты эгалитаристско-утопические идеи. Подобно своим предшественникам, сирхакским мыслителям, Чон Дасан считал, что преобразование корейского общества должно быть осуществлено путем просвещения народа: он призывал обучать юношей практическим наукам, а не заставлять их штудировать китайские конфуцианские сочинения. Ученый считал необходимым обратиться к корейскому наследию — классическим сочинениям, биографиям корейских, а не китайских героев и государственных деятелей, творчеству корейских поэтов.

Чон Дасан выступал против изоляции страны, против проводимой властью политики преклонения перед всем китайским и унижения корейского (*садэ-джжубий*).

Вершиной сирхакской мысли по праву считается сочинение Чон Дасана «Монмин Симсо» («Размышления об управлении народом»), в котором автор

312

высказал ряд идей по поводу изменения системы управления государством, дабы оздоровить общество, улучшить жизнь народа, развить сельское хозяйство, торговлю и ремесла. Одной из важнейших проблем ученый считал уничтожение социального неравенства, предлагая провести созданную им программу преобразований, важнейшим из которых, по его мнению, была реформа землевладения и землепользования. Именно ей Дасан посвятил трактат «Рассуждение о земельной реформе», который он направил вану. Автор считал, что все люди должны быть равны и тот, кто трудится, должен иметь право на землю, независимо от социальной принадлежности. Он осуждал богачей, захвативших поля бедняков. Согласно проекту Дасана, необходимо было ввести новое административное деление и новую единицу земельной площади. Пахотная земля должна обрабатываться сообща. Староста учитывал бы работу каждого, а урожай (после уплаты налога) делился бы пропорционально вложенному труду. Ремесленники и торговцы должны обменивать свои товары на зерно. Ученые-конфуцианцы должны посвятить себя общественно-полезному труду — земледелию, ремеслу, торговле, обучению, прекратив бессмысленные схоластические занятия. В результате, по мнению Чон Дасана, в обществе восторжествуют мораль и нравственность.

Многие страницы сочинения «Размышления об управлении народом» посвящены описанию хищений центральных и провинциальных чиновников, разорявших народ. Ученый предлагал ввести новую систему обложения государственным налогом, учитывающую плодородие земли, а в неурожайные годы сокращать либо освобождать крестьян от налога.

Ученый выступил с проектами преобразования и всех прочих отраслей экономики страны: ремесла, торговли, транспортных средств, денежной системы. Он предлагал создать специальное ведомство, которое занялось бы изучением достижений других стран и введением их в Корею. Одновременно Дасан развивал идеи своих предшественников-сирхакистов о необходимости упорядочения денежной системы.

Ученый уделял огромное внимание преобразованию всех сторон жизни общества, которое должно было быть, по его мнению, осуществлено после претворения в жизнь принципа социального равенства, отмены сословной системы. Он выступал за отмену государственных экзаменов (*квэго*), не допускавших к постам чиновников выходцев из простонародья, детей *янбан* от наложниц, ограничивавших допуск к сдаче *квэго* жителей северо-западных провинций.

Вопреки конфуцианскому представлению о верховном правителе как священной особе, мыслитель выдвинул идею избрания правителя всем народом и отмены права вана передавать престол по наследству своему сыну. Сам народ, утверждал Дасан, должен избрать достойного и предоставить ему право возглавить страну. Так Чон Дасан предвосхитил идею представительного правления. Этой теме посвящены его замечательные трактаты: «О происхождении правителя», «Размышления об императоре Тан».

Богатейшее культурное наследие, содержавшееся в творчестве ученого-просветителя, оказало огромное воздействие на формирование передовой общественной мысли, способствовало раннему формированию идеологии национально-освободительного движения.

Глава 24

ЯПОНИЯ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

До середины XIX в. режим правления, созданный Токугава Иэясу (1542-1616) и поддерживавшийся усилиями его наследников, обеспечивал устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Высокая стабильность политического и социально-экономического развития токугавской Япония была обусловлена: географической обособленностью страны, не испытывавшей до 1853 г. интенсивного

военно-политического давления; переходом системы производительных сил страны к застойной модели роста во второй половине XVIII в., что проявлялось в незначительном приросте населения; доминированием клана Токугава в военно-политической структуре и общепризнанными, ставшими частью культуры японского общества методами поддержания лояльности феодальной знати, благодаря чему позиции сегунов Токугава никем не оспаривались до начала 60-х годов XIX в., когда под давлением западных держав резко обострились внутривнутриполитические противоречия.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

К началу XIX в. основной проблемой страны стала хроническая нехватка денежных средств как у правительства сегуна (*бакуфу*), так и у правительств самостоятельных княжеств. Основными источниками пополнения казны *бакуфу* были достаточно стабильный поземельный налог с собственных владений (около 35-40% урожая) и постепенно сокращавшиеся доходы от эксплуатации шахт по добыче золота, серебра и меди. Часть сельскохозяйственного налога собиралась в продуктовой форме, а часть вносилась деньгами, но поскольку на рынке цена риса сильно колебалась и существенно, особенно в неурожайные годы, превышала расчетную, то шла постоянная борьба вокруг той доли налога, которую можно было вносить деньгами. После 1700 г. объем ежегодных налоговых поступлений *бакуфу* составлял около 600 тыс. *коку* риса и около 800 тыс. *рё*. При этом в 1834-1836 гг. ежегодный дефицит бюджета *бакуфу* составлял 587 тыс. *рё*. Не менее тяжелая ситуация была и в княжествах. Фактически уже с 50-60-х годов XVII в. *бакуфу* постоянно прибегает к финансовым займам и другим способам пополнения казны, которые были не столь законны с точки зрения конфуцианских моралистов, как доходы от крестьянского труда.

Причины дефицита бюджетов были многочисленны. Одной из них были чрезмерные расходы господствующего сословия. Они в немалой степени были связаны с необходимостью для князей проводить значительную часть времени в Эдо,

314

а не в собственных владениях. Семьи крупных владетельных князей (*даймё*) и некоторых вассалов сегуна более низких рангов постоянно проживали в Эдо, а сами они должны были проводить в столице каждый второй год. Один год в Эдо проживали *даймё* западных княжеств, другой год — *даймё* восточных. Таковы были требования сегуна к *даймё*, чтобы обеспечить их лояльность. Подобная система получила название *санкин котай*.

В Эдо шла интенсивная светская жизнь (обязательное присутствие в сёгунском замке Тиёда, обмены визитами и подарками, встречи и проводы). Каждый шаг *даймё* определялся их статусом (*каку*) и рангом, поэтому независимо от состояния дел они не жалели средств на представительские расходы. *Даймё* имели в Эдо от двух до девяти домов, а свита самых крупных *даймё* вместе со слугами насчитывала несколько тысяч человек. *Бакуфу* приходилось сдерживать амбиции *даймё*. Однако эти ограничения, как правило, игнорировались, особенно в XVIII-XIX вв. На оплату пребывания в столице приходилось до 70% расходов княжеств. Большая часть средств тратилась в столице, благодаря чему бывшая рыбацкая деревушка в короткий срок превратилась в один из крупнейших городов мира с населением около 1 млн. человек. Во многих княжествах для поддержания лояльности собственных вассалов последних обязывали содержать дома в главном замковом городе своего княжества, где постоянно проживали их семьи.

С критикой системы *санкин котай* выступали философы Кумадзава Бандзан (1619-1691), Огю Сорай (1666-1728), Муру Кюсо (1658-1734), Накай Тикудзан (1730-1829). В своих сочинениях и рекомендациях, в том числе и сегунам, они предлагали пути сокращения бесполезных расходов с помощью реформы данной системы.

Наиболее радикальной попыткой изменения этой системы были реформы сегуна Токугава Ёсимунэ (1684-1751). Он в 1721-1722 гг. ограничил число вассалов и слуг, которые могли сопровождать *даймё*, и вполнину сократил срок пребывания *даймё* в Эдо (до шести месяцев). Вместо этого он ввел регулярный налог на *даймё* (*агэмай*) в размере 100 *коку* с каждых 10 тыс. *коку* оценочной продуктивности их владений (*омотэдака*). Это давало *бакуфу* дополнительно более 187 тыс. *коку* дохода ежегодно, что помогло улучшить экономическое положение сёгуната. Но этот неординарный шаг сильно задевал интересы *даймё* и нарушал один из основных принципов поддержания лояльности внутри господствующего сословия, поэтому он был отменен в 1731 г.

В дальнейшем *бакуфу* так и не сумело обложить владения *даймё* регулярными налогами, поскольку политическая власть сегуна постепенно ослаблялась. Периодически центральное правительство обязывало княжества вносить в казну чрезвычайные платежи, связанные с престижными строительными или мелиоративными проектами, ликвидацией последствий стихийных бедствий, а с конца XVIII в. и в связи с необходимостью усиления береговой обороны. Эта сумма была невелика по сравнению со статьей расходов по *санкин котай*, но и она стала в начале XIX в. для многих княжеств обременительной. Тем не менее с 1615 по 1864 г. не было ни одного выступления *даймё* против сегуна, а следовательно, консенсус в господствующем сословии сохранялся.

Другой статьёй расходов, вполне сопоставимой с расходами по *санкин котай*, было содержание самураев, не имевших собственных поместий и существовав-

315

ших на фиксированные стипендии (рисовые или денежные пайки), которые им выплачивали власти княжеств. Самураи составляли около 5,7-10% населения страны, хотя в некоторых княжествах их доля достигала 40%. Большинство самураев не занималось никакой другой деятельностью, поскольку это считалось несовместимым с их социальным статусом. На содержание самураев у *бакуфу* и в княжествах уходило около половины регулярных налоговых поступлений. Следует отметить, что княжества довольно часто были вынуждены прибегать к изъятиям из стипендий самураев, чтобы хотя бы частично сократить свои непомерные расходы. Так, княжество Тёсю, впервые сократившее стипендии еще в первой половине XVI в., к началу XVIII в. довело эти изъятия до 50%. В дальнейшем сокращение стипендий было основным способом уменьшения финансового дефицита в княжествах. Такая практика вела к разорению самураев, особенно их низшего слоя. Многие из них просто бедствовали и часто становились объектом насмешек со стороны горожан. Так, в княжестве Мориока в период с 1764 по 1851 г. двадцать самураев совершили самоубийство. Многие самураи низшего ранга оказывались вынужденными искать дополнительный заработок, брать в жены дочерей богатых крестьян или купцов. Стремление не уронить свое достоинство заставляло их увеличивать свои расходы, которые к 30-м годам XIX в. возросли на 40% по сравнению с началом XVIII в., а они, как правило, покрывались средствами, взятыми в долг. Это происходило на фоне роста доходов купцов, ремесленников и даже крестьян.

Сокращению доли военного сословия в национальном доходе способствовал ряд причин. В результате развития товарно-денежных отношений и домашней промышленности в деревне все большая часть новых доходов ускользала от налогообложения. Феодалы не признавали торговую прибыль в качестве законного источника правительственных доходов, поэтому так и не создали систему обложения налогами торговли и новых видов хозяйственной деятельности крестьянства, а ориентировались на фиксированную ставку поземельного налога (*кокудака*). К середине XVIII в. были в основном исчерпаны возможности увеличения доходов за счет экстенсивных факторов. Замедлились темпы освоения новых земель (*синдэн*), поскольку осваивать приходилось крайне тяжелые земли. Это требовало значительных финансовых средств, которыми самураи, как правило, не располагали. Кроме того, начиная с XVII в. сокращается добыча золота и серебра. Цены на большинство товаров росли быстрее, чем цены на рис, особенно в Эдо. Так как возможности пополнения самурайского сословия были крайне ограничены, это препятствовало его обновлению за счет состоятельных слоев купечества и крестьянства. Внутри военного сословия в конце XVIII — первой половине XIX в. была предельно низкая вертикальная мобильность. Наконец, с конца XVIII в. активность западных держав на Дальнем Востоке потребовала увеличения правительственных расходов на береговую оборону, которые в основном легли на военных.

Поиск путей выхода из сложившегося положения составлял главную линию, вокруг которой строилась внутренняя политика как *бакуфу*, так и самостоятельных княжеств. Наиболее простым способом мобилизации необходимых средств были займы у купцов Осака и Киото под будущие поступления. Однако этот путь был и самым бесперспективным, поскольку уже к середине XVIII в. большинст-

316

во княжеств имели долги, которые они вряд ли могли когда-либо выплатить. Например, *даймё* княжества Кага, крупнейший феодал после сегуна, в 1785 г. имел долг в 2 млн *рё*, что в 3-4 раза превышало его годовой доход. В похожем положении были княжества Сацума, Тёсю, Айдзу и большинство других. К 1840 г. совокупный долг *даймё* купцам Осака, главного торгового центра страны, оценивался в 60 млн *рё*. Только для покрытия годовых процентов по этой задолженности потребовалась бы четверть регулярных налоговых поступлений всей страны. Попытки периодического списания долгов с самураев, предпринимавшиеся и *бакуфу*, и властями отдельных княжеств на протяжении всего периода, лишь ухудшали условия, на которых им позже приходилось брать новые займы. Тем не менее принудительное списание долгов регулярно практиковалось *бакуфу* в годы реформ. В частности, во время реформ Кансэй были списаны долги самураев, сделанные до 1794 г. Периодически *бакуфу* пыталось вторгаться в сферу кредитования, предоставляя самураям деньги в долг под 7%, что было вдвое ниже обычной ставки торговцев квитанциями на рисовые пайки (*фудасаси*), но его ресурсы были ограничены.

Бакуфу предприняло попытки регулирования цен и процентных ставок, чтобы защитить подданных от стихии рынка. Создается подразделение специальных инспекторов, которые контролируют торговые кварталы в Эдо и Осака.

Другой мерой были опыты создания школ для обучения самураев навыкам административного управления, чтобы они могли больше заниматься хозяйством. Усилилась тяга к конкретным знаниям и навыкам. Между 1781 и 1803 гг. было учреждено 59 школ для самураев, а в следующие 40 лет — еще

Естественно, что все княжества пытались собрать дополнительные налоги. Однако эти попытки наталкивались на сопротивление крестьян, большинство выступлений которых происходило в наиболее богатых районах и чаще являлись ответом на увеличение властями налогов, чем протестами против собственного тяжелого положения. В большинстве случаев крестьянам удавалось отстоять новые доходы от налогообложения, поскольку власти княжеств, опасаясь репрессий со стороны *бакуфу* за беспорядки на своей территории, были склонны идти на компромисс с крестьянством за счет городских слоев и даже самураев. Этому способствовала и идеологическая модель общества, в которой крестьянству отводилось второе, почетное место. Более того, выступления крестьян рассматривались как свидетельство неэффективности политики *бакуфу*. Во владениях *бакуфу* попытки упорядочить систему сбора налогов, в частности перевод налоговых чиновников (*дайкан*) на жалованье взамен их «кормления» за счет доли в собранных налогах, также не стимулировали их собирать больше налогов, тем более что это неизбежно привело бы к протестам крестьян в закрепленных за ними округах. В результате налоги не увеличивались, а их доля в доходах крестьянства постепенно сокращалась. Не случайно *бакуфу*, как и власти княжеств, периодически пыталось ограничить расходы крестьянства на питание, одежду, праздники, устанавливая систему мелочных ограничений.

Наиболее эффективным путем решения финансовой проблемы могло стать обложение налогами несельскохозяйственной сферы, но этому препятствовали идеологические принципы, положенные в основу токугавского режима. Если учесть, что вопрос об идеологической чистоте проводимой политики периодически-

317

ски оказывался грозным оружием в борьбе за влияние в администрации *бакуфу* или княжеств, то становится ясной причина непоследовательности шагов в этом направлении. Попытки введения элементов меркантилистской политики предпринимались начиная со второй половины XVII в., но не редкостью были и охранительные реформы. Наибольшую известность получили три серии консервативных реформ — годов Кёхо (1716-1736), Кансэй (1789-1801) и Тэмпо (1830-1844). Формально реформы, проводившиеся *бакуфу*, охватывали лишь земли дома Токугава, но реально они представляли собой общегосударственное явление, поскольку похожие шаги предпринимались параллельно во многих княжествах. Немалую роль в синхронизации действий княжеств и *бакуфу* играл Эдо, важнейший политический и культурный центр страны, где происходил постоянный обмен информацией. Во второй половине токугавского периода инициатива в проведении реформ переходит к княжествам.

Первую попытку расширить финансовую базу *бакуфу* сделал Янагидзава Ёсиясу (1658-1714), фаворит сегуна Цунаёси (1646-1709), который ввел специальный налог на купцов (*ундзёкин*). Несмотря на то что Араи Хакусэки (1657-1725), много сделавший для закрепления неоконфуцианской ортодоксальной точки зрения на крестьянский труд как единственный источник общественного богатства, добился отмены этого решения, в 1721 г. Токугава Ёсимунэ был вынужден принципиально признать гильдии (*кабунакама*) и начать взимать с них регулярный налог (*мёгакин*). Во время пребывания у власти Танума Окицугу (1719-1788) стали практиковаться правительственные принудительные займы (*гоёкин*) у купцов, которые оказывались безвозвратными. После отставки Танума эта практика была осуждена его соперником — Мацудайра Саданобу (1758-1829), но уже после не очень удачных реформ годов Кансэй (1789-1801), проведенных по его инициативе, она была вновь фактически узаконена и расширена.

Важнейшим источником пополнения казны *бакуфу* стала перчеканка золотой и серебряной монеты с постепенным уменьшением содержания драгоценных металлов. Впервые в большом масштабе сёгунат прибег к этому в 1716 и 1725 гг. В дальнейшем случаи порчи монеты участились, а после 1800 г. они практиковались особенно часто: между 1819 и 1839 гг. *бакуфу* 19 раз прибегало к этому источнику пополнения своих финансов, что позволяло ему покрывать от одной трети до половины своих ежегодных расходов. Эта своеобразная эмиссионная деятельность, дополнявшаяся выпуском бумажных денег, имевших хождение в княжествах, и развитием кредитной системы, не подрывала экономику страны, поскольку велась в разумных рамках. В этом направлении действовали следующие факторы: существовала монополия *бакуфу* на добычу драгоценных металлов и чеканку монеты, что позволяло регулировать эту сферу; объемы денежного обращения увеличивались параллельно росту производства, поэтому, несмотря на четырехкратный рост денежной массы, цены между 1700 и 1854 гг. выросли лишь на 25%.

Значение принудительных займов и порчи монеты было велико: в 1841 г. 48% поступлений *бакуфу* было получено не из сельскохозяйственных доходов, а в 1844 г. эта доля достигла уже 54%. Однако налогообложение несельскохозяйственного сектора так и не было поставлено на регулярную основу. Власти княжеств тоже нашли способ получать часть торговой прибыли. Для этого они вводили княжеские монополии на торговлю некоторыми продуктами.

К этой мере княжества начинают изредка прибегать уже с XVII в. Товарные монополии не всегда были эффективны, поскольку они требовали учета конъюнктуры рынка и, как правило, не могли эффективно действовать без участия купцов. Однако в ряде случаев они были весьма прибыльны. Так, монополия на торговлю в княжестве Сэндай рисом, в Ава — индиго, в Тоттори — лаковыми изделиями, в Цувано и Карацу — бумагой приносила немалую прибыль, облегчая финансовое положение этих княжеств. В 1830 г. монопольное право на торговлю индиго принесло властям княжества Ава около одного миллиона *рё*. Тем не менее власти часто были вынуждены идти на ослабление или даже отмену торговых монополий, чтобы умиротворить крестьян, поскольку монополии функционировали за счет административного принуждения крестьян продавать уполномоченным торговцам тот или иной продукт по крайне низким ценам. Протесты крестьян против навязанных ограничений объяснялись высоким уровнем развития аграрной сферы, которая становилась товарной и включала также несельскохозяйственные производства. Свобода торговли своими продуктами производства уже стала неременным условием сколько-либо нормального функционирования экономики токугавской Японии. Кроме того, монополии вели к росту цен в городах, что ухудшало положение самураев. Поэтому *бакуфу* во время реформ Тэмпо предпринимает беспрецедентные попытки отмены или ограничения купеческих и княжеских монополий. Но если за отменой купеческих монополий стояли сами *даймё*, которые были заинтересованы в большей свободе торговли, то отмена княжеских монополий была вызовом князьям.

Вторая половина токугавского периода отмечена снижением темпов роста сельскохозяйственного производства: в 1700-1830 гг. темпы роста падают в среднем с 4,5 до 2%, затем, в 1830-1870 гг., вновь происходит ускорение до 4,1% в год. Главными причинами замедления роста сельскохозяйственного производства были приостановка роста населения и замедление освоения новых сельскохозяйственных угодий.

Динамика демографического развития Японии в XVIII в. претерпела кардинальные изменения, отразившие приспособление репродуктивной модели поведения населения к реальному объему доступных ему ресурсов. Для многих районов страны критическими оказались голодные годы периода Кёхо, когда в отдельных княжествах погибло до 20% населения. Эта пиковая смертность показывала, что традиционная экономика достигла своего предела: плотность населения во многих районах Японии существенно превышала их продовольственные ресурсы. В условиях географической расчлененности территории Японии и слабого развития транспортных средств (по причине, в частности, запретов на строительство крупнотоннажных судов) даже локальный неурожай зачастую имел катастрофические последствия для населения данной местности.

Реакцией населения на периодические вынужденные голодовки стало сокращение рождаемости. Сложившаяся практика контроля над рождаемостью была многоплановой. Она далеко не ограничивалась абортами или печально известным *мабуки* (убийством новорожденных), а включала комплекс социально признанных мер — позднее вступление в брак, меры по профилактике беременности. Немаловажным фактором изменения репродуктивной модели поведения стало стремление крестьянских семей жить по крайней мере не хуже соседей.

319

В результате ежегодный прирост населения, составлявший в XVII в. около 1%, в XVIII в. снижается до 0,3% и в дальнейшем падает до 0,1%. В абсолютных цифрах численность простого народа (без учета самураев), несмотря на колебания, практически не изменилась: в 1721 г. составляла 26,06 млн., а в 1846г. — 26,9 млн. человек.

Второй фактор экстенсивного экономического роста в первой половине токугавского периода — удвоение обрабатываемых площадей с 2,06 млн. *те* до

4.1 млн. *те*. Однако основная часть новых земель была введена в оборот до середины XVIII в. В наиболее экономически развитых районах с этого времени новые земли практически не осваивались. В целом во второй половине токугавского периода около 60% прироста сельскохозяйственного производства давало совершенствование агротехники, роль экстенсивных факторов сократилась до 40% и была значительной главным образом в периферийных районах. Увеличивалось количество сортов основных сельскохозяйственных культур. Например, к концу токугавского периода только в районе Кинай использовалось более 200 сортов риса. Улучшился севооборот — в большинстве княжеств отказались от обязательных культур. Широко использовались удобрения, которые крестьяне, как правило, приобретали на рынке. Были усовершенствованы методы предварительной подготовки почвы, а также орудия труда и техника поливного земледелия. Это привело к росту урожайности риса, основной сельскохозяйственной культуры. В начале XIX в. средняя урожайность риса достигла 1,7 *коку* с *тана*, а в отдельных хозяйствах передового района Кинай — 2,2-2,8 *коку* с *тана* (или около 30-40 центнеров с га). Аналогичная средняя урожайность риса была достигнута в большинстве стран Юго-Восточной Азии, где рис является основой сельскохозяйственного производства, лишь в 50-е годы XX

в.

Прирост в сельском хозяйстве достигался благодаря расширению производства технических культур, поскольку урожай зерновых рос медленнее: с 25,8 млн. коку в 1700 г. до 30,4 млн. в 1832 г. Однако, несмотря на снижение темпов роста, в деревне происходили важные перемены: росла производительность труда, полнее использовалась рабочая сила, шире включавшаяся в переработку и продажу сельскохозяйственной продукции.

Дополнительный заработок крестьяне получали от мелкой торговли или занятий надомным промыслом. Исследования крестьянских хозяйств показывают, что в отдельных районах дополнительная занятость приносила в среднем до 55% дохода. Более того, промышленный труд оплачивался выше, чем земледельческий, что вело к оттоку рабочей силы из села, о чем также свидетельствуют указы *бакуфу* и властей княжеств, запрещавшие покидать деревни, заниматься переработкой сельскохозяйственной продукции, поскольку часть земель оставалась без ухода. Периодически предпринимались меры по возвращению крестьян в их родные деревни. Однако эти указы были малоэффективны.

Повышение спроса на рабочую силу вело к повышению ее цены. В промышленном производстве все чаще начинает использоваться пришлая рабочая сила, в том числе и из других провинций. Это обусловило сокращение продолжительности найма работников, которая в среднем составляла 6,8 года в 1651-1675 гг.,

2,2 года в 1701-1725 гг. и 1,1 года между 1826 и 1850 гг. С этим было связано и сокращение хозяйской запашки до размеров, позволявших обрабатывать ее си-

320

лами одной семьи. Остальная часть земли сдавалась в аренду. Видимо, эти процессы находились в тесной связи и с сокращением размера крестьянской семьи в среднем до 5-6 человек (после 1823 г.). Причину победы нового типа семьи, близкого к нуклеарному, исследователи видят в том, что он позволял соединять земледельческий труд и труд в домашней промышленности. Кроме того, немаловажным является и то, что только в рамках нуклеарной семьи появилась реальная возможность ограничить рождаемость.

Благодаря складыванию единого национального рынка и развитию региональной специализации происходят существенные изменения в разделении труда между городом и деревней. Размещение производства в деревне давало преимущество в издержках на рабочую силу и других факторах производства, а также освобождало от цеховых ограничений и монополий, которые было трудно навязать крестьянству, выступавшему достаточно сплоченно. Со второй половины XVIII в. часть промышленного производства и торговли переносится в сельскую местность, где появляются торгово-ремесленные поселения (*дзайката*). По своим размерам они приближались к небольшим городкам (большинство имело не более одной тысячи жителей), но по всем остальным параметрам (размеру, плотности застройки, разнообразию профессиональной занятости населения, уровню культуры) они еще уступали замковым городам (*кадзёмати*), несмотря на то что последние переживали период упадка. Рост этих местечек особенно ускорился после 1800 г.

Численность городского населения Японии к середине XIX в. сократилась по сравнению с началом XVIII в. на 18%, причем особенно сильно она сократилась в наиболее развитых районах страны (в районе Кинки и других районах, прилегающих к Внутреннему Японскому морю). Этот процесс позволил в значительно большей степени, чем раньше, занять крестьянство производительным трудом, поэтому в большинстве провинций, где были расположены города с сокращавшимся населением, наблюдался рост сельского населения, особенно в пригородных районах. Этот процесс повышал однородность общества.

Развитие национального рынка усилило специализацию крестьянских хозяйств, которые в центральных районах Японии стали до такой степени товарными, что даже рис для собственного потребления зачастую приобретали на рынке. Это значительно повышало производительность общественного труда, но делало всю систему хозяйствования уязвимой для кризисов. Она нуждалась не только в устойчивых межрайонных связях, препятствием развитию которых была неразвитость транспорта, но и в выходе за пределы страны. Эта мысль получила уже довольно отчетливое выражение в сочинении Хонда Тосиаки (1744-821) «Тайный план для правительства» (1798 г.).

В конце XVIII и первой половине XIX в. общественное разделение труда выходит на новый уровень — обозначается структурная противоположность районов: отрасли переработки получают преимущественное развитие в центральных районах, а сырьевое и главным образом продовольственное обеспечение этих районов концентрируется на периферии. В передовой субрегион можно включить районы Кинай, Канто и западной Японии, лежащие на побережье

Внутреннего Японского моря, которые имели изначально более высокий уровень эко-юмического развития, включая более высокую степень развития сельского хо-

зяйства, транспортной сети, в том числе каботажного плавания, их отличали более высокая степень урбанизации и более благоприятные климатические условия. Эти преимущества в токугавский период были усилены благодаря значительному товарному экспорту в отстающий периферийный субрегион, включавший северо-восточные районы Хонсю (Тохоку), часть о-ов Кюсю и Сикоку. Немаловажным для развития новых видов деятельности на территории центральной Японии была значительно меньшая степень административного контроля над торговлей, поскольку большую часть ее территории составляли владения сегуна. (Владения сегуна были разбросаны по 47 провинциям из 68.) Ими было сложнее управлять, но это давало возможность крестьянству и купцам развивать свое хозяйство. В периферийном субрегионе преобладали владения *дайме*, которые, как правило, жестче контролировались местными властями. Наиболее ярким примером служит княжество Сацума с его сахарной монополией. Однако разность субрегионов в Японии не достигла такого уровня, который в Западной Европе привел к радикальному изменению социально-классового состава населения. Причинами были сравнительно небольшие размеры национального рынка, однородность природно-климатических условий, отсутствие внешней торговли.

В Японии на протяжении всего токугавского периода растут купеческо-ростовщические слои. Их финансовая активность к началу XIX в. уже не ограничивалась ростовщичеством и обменом денег, а включала мануфактурное и домашнее промышленное производство как в городе, так и в деревне. О развитии торгового капитала говорит тот факт, что в 1761 г. в Японии было более 200 торговых домов с капиталом более 200 тыс. *рё*. Для сравнения отметим, что в стране было всего около 300 *дайме*, к рангу которых относились все феодалы, продуктивность земельных владений которых оценивалась свыше 10 тыс. *коку*, равных по стоимости 10 тыс. *рё*.

Крупные торговые дома вели финансовые операции многих *даймё*. Так, торговый дом Коноикэ вел дела 40 *даймё*. Доход только от этих операций достигал 10 тыс. *коку* ежегодно, сумма большая, чем доход многих *даймё*, которых он обслуживал. Основной задачей купечества было найти способы использования накопленных средств, а они были ограничены: торговля была ориентирована исключительно на внутренний рынок; расширение ростовщических операций было под силу лишь торговым домам, параллельно занимавшимся операциями с рисом. В этом плане показательна структура использования капитала торгового дома Коноикэ: в 1670г. 59,3% капитала шло на займы купцам, а 19% — на займы *даймё*; в 1706г. эти статьи соответственно составили 8,5 и 65,8% финансовых средств, а в 1795 г. займы *даймё* достигли уже 84,2%.

Ограничения внешней торговли, безусловно, никогда не были всеобъемлющими, поскольку торговля поддерживалась с голландскими и китайскими купцами, с Кореей и королевством Рюкю. Однако регулирование внешней торговли было важным фактором поддержания стабильности политической системы, поскольку оно ограничивало экономическую базу, а следовательно, и военную силу потенциальных противников дома Токугава. Отказ от внешней военно-политической экспансии и последующий запрет на активное ведение внешней торговли сокращали возможности развития промышленности. Несмотря на появление отдельных достаточно крупных мануфактур, традиционная экономика

322

Японии так и не достигла уровня, достаточного для автономного генезиса капитализма. Тем не менее широкое развитие товарно-денежных отношений и традиционного промышленного производства позволило сформировать культурно-хозяйственные навыки, благодаря которым Япония в XIX в. оказалась подготовленной к индустриализации.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ухудшение экономического положения самураев происходило в условиях ослабления центра, который даже в период своего максимального могущества (первая половина XVII в.) не обладал двумя важнейшими прерогативами, необходимыми для перерастания в абсолютистскую государственную структуру, — правом облагать владения *даймё* налогами и правом ликвидации владений.

Упадок личной власти сегунов клана Токугава, начавшийся во второй половине XVII в., в XIX в. был уже необратим, несмотря на временные контрнаступления. Причина этого заключалась в том, что *фудай даймё*, занимавшие ключевые позиции в администрации *бакуфу*, стремились скорее сохранить и даже усилить децентрализацию, чем стать на путь постепенного перехода к централизованной абсолютистской монархии. Это было результатом перерождения этой группы вассалов дома Токугава в самостоятельных владетельных князей. По существу, к началу XIX в. уже невозможно говорить о

противоположности интересов *фудай даймё* и *тодзама даймё*, которая была одним из фундаментальных оснований токугавского режима сдержек и противовесов. Враждебность между этими группами почти не ощущалась уже в начале XVIII в.; их связывали брачные союзы, ставшие обычным явлением, между различными группами владетельной знати.

Единственной отличительной чертой оставалась традиция, закреплявшая за *фудай даймё* преимущественное право на занятие высших должностей в администрации сегуна. Однако даже высшие административные должности давали их обладателям лишь незначительные возможности улучшения своего материального положения, так как доход от собственных владений был основным источником существования и должностных лиц администрации сегуна. После 1750г. и до падения *бакуфу* только семь-восемь из восьмидесяти с лишним *родзю* (высшие должностные лица *бакуфу*) получили в награду за свою службу дополнительные земельные владения, но, если не брать одиозной фигуры Танума Окицу-гу, чьи владения были увеличены с 600 до 57 тыс. *коку*, земельные пожалования во всех остальных случаях были незначительными. Самураи, находившиеся на службе у *бакуфу* или в княжествах, могли получить лишь небольшие прибавки к стипендиям.

По существу, токугавская Япония не знала оплачиваемой бюрократии, хотя в аппарате *бакуфу* насчитывалось 17 тыс. человек и существовало 275 типов различных административных должностей. В этих условиях тот факт, что представители нескольких кланов (Мацудайра, Абэ, Сакаи, Хотта, Мидзуно) из поколения в поколение без видимых стимулов стремились к занятию высших должно-

стей в правительстве сегуна, видимо, связан с отношением этих семей к службе как к части обязательств перед своими предками.

Альтернативное развитие политической системы было связано с возвышением людей типа Танума Окицугу, самураев сравнительно низкого ранга, но ставших благодаря близости к сегуну весьма влиятельными. Они всецело зависели от поддержки сегуна и стремились усилить его власть над владетельной знатю. Но для того чтобы человек, чьи взгляды были столь враждебны интересам всех групп *даймё*, стал фаворитом сегуна, должны были совпасть слишком многие обстоятельства. Поддержка сегуна была жизненно необходима для успеха реформ, поэтому вопрос о наследовании был чрезвычайно важен. Особенно много споров он вызывал, если не было наследника по прямой линии и выбор приходилось делать из числа *симпан даймё* (родственные ветви дома Токугава). Если же имелся законный наследник, то делалось все, чтобы через сёгунский двор полностью контролировать его, поэтому часто сегун на деле оказывался почетным пленником замка Тиода, не менее далеким от реальной власти, чем император в Киото.

Опасаясь усиления власти сегуна, Мацудайра Саданобу после отстранения от власти одного из самых влиятельных фаворитов, Танума Окицугу, добился в конце XVIII в. ограничения власти и сегуна, и его личных слуг. Он восстановил позиции совета *родзю*, совещательного органа при сегуне, и настоял на проведении обязательных консультаций с *симпан даймё* по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Эти меры укрепили принцип консенсуса, во многом обеспечивавший мирное функционирование политической системы сёгуната в конце XVIII — первой половине XIX в., но сделали практически невозможными радикальные перемены в политической системе страны. Даже при поддержке сегуна можно было изменить немного. Нужны были значительно более мощные стимулы, чтобы мобилизовать силы, способные осуществить кардинальную политическую реформу. Кроме того, сам сегун должен был обладать незаурядными качествами, чтобы дать старт централизаторским реформам. Однако политическая воля и реальные возможности сегуна для проведения реформ имели свои ограничения. Сегун управлял страной от имени императора, будучи официально включен в структуру императорского двора. На протяжении большей части токугавского периода эти отношения были формальными и не играли сколько-либо значимой роли, но в условиях политического кризиса они могли тормозить усилия сегуна. Будучи крупнейшим землевладельцем, сегун тем не менее не располагал абсолютным преимуществом, поскольку на долю собственно дома сегунов Токугава приходилось около 16% земель страны, а если учитывать их реальную продуктивность, то его доля в национальном богатстве была даже меньше.

Имея возможность опереться на государственный аппарат и вооруженную помощь *даймё*, сегуны допустили значительное ослабление своей военной силы. Если в 1633 г. они могли самостоятельно выставить армию численностью около 80 тыс. человек, то в 1862 г. уже не более 35 тыс. человек, а реально — 10-12 тыс. Кроме того, подразделения были слабо подготовлены и рассредоточены по всей стране. Их вооружение и тактика оставались на уровне начала XVII в.

К тому же харизматическими качествами обладали только первые сегуны династии Токугава (1603-1651); рутинный характер власти их наследников, среди

324

которых редко встречались сильные личности, не позволял надеяться на серьезные перемены. Первые сегуны династии Токугава, распределяя владения среди своих вассалов и перемещая

других *даймё* в более отдаленные районы, стремились облегчить защиту Эдо, поэтому около 70% земель в районах Канто и Кинки принадлежало Токугава и его непосредственным вассалам. К началу XIX в. доля земель Токугава и его вассалов в этих районах, имевших принципиальное значение для обороны столицы сёгуната, сократилась до 40%. В частности, *бакуфу* отказалось от правила, согласно которому *родзю* должны были иметь свои владения в районе Канто. Если с 1633 по 1700 г. владения только одного *родзю* из 22 находились вне Канто, то между 1800 и 1853 гг. владения уже 16 из 26 *родзю* находились за пределами Канто. Кроме того, *бакуфу* уже не могло свободно перемещать *даймё* из одного района в другой. В 1840 г. *бакуфу* столкнулось с отказом одного *даймё* выполнить указ о замене своего владения на владение в другом районе страны, а в 1842 г. комиссия *бакуфу*, составлявшая кадастр земель в провинции Оми, была изгнана населением. Это свидетельствовало, что позиции дома Токугава были уже не те, что прежде. Ослабление *бакуфу* проявилось и в отказе от использования некоторых важных прерогатив, в частности права на выморочные владения. Ранее одним из важнейших принципов был запрет на усыновление на смертном одре наследника. С 1600 по 1651 г. 58 *даймё* лишились своих владений в пользу сегуна, поскольку не имели законных наследников. Если бы эта практика продолжалась и дальше, дом Токугава имел бы постоянный резерв земель для награды за службу и усиления своих позиций в стране. Но от нее практически отказались. '

Появились и другие признаки слабости *бакуфу*. Были ослаблены наказания князей за возникновение беспорядков в их владениях, за что в первой половине XVIII в. *даймё* мог легко потерять свои владения. Резко сократились новое строительство, ремонтные и мелиоративные работы — меры, существенно ослаблявшие *тодзама даймё* в начале токугавского периода и укреплявшие позиции *бакуфу*.

Во время реформ годов Тэмпо (1830-1844) *бакуфу* попыталось изменить уже сложившиеся отношения. Эти реформы как никакие ранее были направлены на усиление центрального правительства в ущерб власти и силе княжеств. В 1843 г. *бакуфу* попыталось после 70 лет забвения возродить традицию, согласно которой *даймё* были обязаны выполнять за свой счет работы в пользу центрального правительства, а весной 1843 г. двенадцатый сегун Токугава Иёэси совершил паломничество в храм Никко, где покоились останки основателей династии Токугава. Во время этого путешествия *даймё*, через чьи владения оно проходило, должны были принимать и размещать сегуна и его свиту, насчитывавшую 150 тыс. человек, охранять маршрут движения, другие выделяли своих самураев в свиту сегуна и несли охрану дворца в Эдо, пока сегун и его свита путешествовали. Это стоило им больших денег, во много раз больше, чем те, что *бакуфу* потратило на усиление береговой обороны. Кроме того, это свидетельствовало о намерениях *бакуфу* возродить порядки начала династии.

В этот же период *бакуфу*, ссылаясь на угрозу извне, предприняло попытку переместить *даймё* из районов Эдо, Ниигата и Осака, чтобы самостоятельно управлять всеми землями, прилегающими к этим важным стратегическим портам. При этом *бакуфу* пыталось улучшить свои экономические позиции. Но этот приказ

325

был вскоре отменен, а затем главный инициатор реформ — Мидзуно Тадакуни (1794-1851) был смещен со своего поста под предлогом личной нечестности.

Провал реформ Тэмпо явился наиболее ярким свидетельством слабости *бакуфу*. Это была одна из последних попыток усилить власть сегуна. С поражением политиков, пытавшихся провести эту реформу, ведущей стала тенденция к политической децентрализации страны. Каждое княжество было озабочено собственным положением. Все чаще принципиальные решения принимаются на периферии. Нередкими были запреты на вывоз продовольствия за пределы княжеств в голодные годы, независимо от того, насколько неурожай поразил соседей. Князья стали все больше демонстрировать свои богатства, роскошь, военную силу. Они стремились усовершенствовать свои воинские формирования, приобрести новые виды оружия. Росла взаимная подозрительность между князьями и *бакуфу*. Последнее обстоятельство грозило разрушить хрупкий баланс, на котором покоился внутренний мир в Японии начиная с 1615г.

Важным показателем кризисного состояния экономики и политического положения токугавской Японии были многочисленные крестьянские выступления. В начале XVIII в. в стране происходило в среднем пять крестьянских выступлений в год, во второй половине столетия их число увеличилось до 15, в 1833-м — уже 33, а в 1866 г. — около 40. Большая часть крестьянских выступлений была направлена против попыток увеличения налогов и предоставления монопольных привилегий купечеству. Так, из 29 выступлений, произошедших с 1801 по 1837 г. в

княжестве Мориока, 21 было вызвано этими причинами.

В крупнейшем восстании в этом княжестве в 1847г. участвовало 120 тыс. крестьян. Восставшие требовали отставки некоторых высокопоставленных должностных лиц, отказа от практики монопольной скупки товаров; отмены вновь введенных налогов на оплату жалованья чиновников княжества, назначенных для сбора налогов; отмены всех налогов на торговлю с другими княжествами; изменения порядка сбора налогов, в частности определение доли налога, которая вносилась деньгами. В конечном счете власти княжества были вынуждены капитулировать перед восставшими и приняли все их требования. Аналогичная борьба происходила во многих княжествах, но налоговое бремя крестьян оставалось без изменений более сотни лет.

Помимо восстаний в сельских районах изредка восстания проходили и в крупных городах.

Социальное расслоение горожан становилось особенно наглядным, когда беднейшие слои горожан поднимали «рисовые бунты», вызванные нехваткой риса или высокими ценами на него, установленными оптовыми торговцами и ростовщиками. Первый голодный бунт (*утиковаси*), во время которого беднота громила дома и склады крупных торговцев рисом, вспыхнул в 1733 г. в Эдо. В 1789 г. выступления городской бедноты прокатились по городам Эдо, Осака, Киото, Канагава, Кагосима и др. Обычно такие выступления происходили в голодные годы.

На 30-е годы XIX в. приходится череда голодных лет (1833-1837), когда неурожаем охватил многие районы Японии, с севера до юга. Наиболее тяжелые бедствия пришлось на 1836-1837 гг., когда многие крестьяне устремились в большие города, надеясь найти там пропитание. Цена на рис в Осака к 1837 г. возросла в три раза по сравнению с 1833 г. В некоторых городах цена на рис возросла

326

в 4-5 раз. На этот период приходится около 74 выступлений в городах. Особый резонанс во всей стране вызвало восстание 1837 г., когда 300 сторонников бывшего судебного исполнителя Осие Хэйхатиры попытались захватить власть в г. Осака. В восстании приняли участие ремесленники, крестьяне, бродячие самураи, парии. И хотя оно было подавлено в течение 12 часов, восставшим удалось разгромить дома и склады торговцев рисом, поджечь несколько городских кварталов.

В том же году вспыхнули десятки крестьянских и городских восстаний по всей Японии. Все они были подавлены силой, но в ходе подавления беспорядков наглядно проявилась военная слабость *бакуфу*. Дальнейшее развитие требовало усиления репрессивного аппарата, а путь к этому лежал через формирование абсолютистского государства. Эта задача не вполне осознавалась современниками, которые еще пытались выйти из создавшегося положения путем реставрации общества на основе традиционных конфуцианских добродетелей (*тюкко*).

В последнее столетие существования сёгуната большую популярность получили новые учения — учение княжества Мито, учение школы национальных наук (*кокугаку*), — призывавшие к возрождению исконно японских духовных ценностей и возвращению реальной политической власти императору (*фукко*), к изучению западных наук, а также новые религиозные течения.

Прежде всего следует отметить усилия школы княжества Мито (*митогаку*), которое благодаря своей близости к *бакуфу* имело возможность более критично оценивать текущее состояние дел в обществе. Традиционные культурные ценности и идеологические постулаты казались теперь недостаточными, чтобы обеспечить процветание, порядок и спокойствие в стране.

Наиболее значительным проявлением поиска новых идеологических форм явилось появление националистической концепции *кокутай*, которая провозглашала возврат к историко-мифологическим истокам японского народа, а также требовала переосмысления связей и отношений внутри общества, подчеркивая единство его составляющих. В этом виделся залог выхода из усиливающегося хаоса и становления Японии как сильного, богатого и независимого государства. В этой концепции были заложены идеи, предопределившие возрастание роли императора.

Считалось, что в его фигуре воплощается народ в целом и что император отвечает за священную землю предков, унаследованную им от богини Аматаэрасу, в отличие от сегуна или *даймё*, которым были вверены порядок и благосостояние только ее отдельных частей. Эта же концепция предопределяла усиление влияния синтоизма вопреки господству конфуцианства.

Ситуация усугублялась возраставшим внешним давлением на Японию западных держав, преследовавших цель установления дипломатических отношений и открытия страны для торговли. Особенно активно в этом направлении действовали Англия и США, тем более что к середине XIX в. Япония уже находилась всего лишь в 18 днях пути от западного побережья Америки и занимала выгодные позиции на пути в Китай. Внимательно за действиями своих конкурентов следила Франция. Россия также прилагала усилия к налаживанию отношений с

Японией (посольство А.Лаксмана, 1792-1793 гг.; посольство Н.П.Резанова, 1804 г.).

В первой половине XIX в. давление западных стран не принесло результатов, хотя *бакуфу* было вынуждено усилить береговую оборону Хоккайдо и северной

327

части Хонсю. Это легло большим бременем на правительство страны, поскольку внешние отношения были в исключительном ведении *бакуфу*. Особенно остро проблема отношений с внешним миром встала после поражения Китая в первой «опиумной» войне (1839-1842). Внешнее давление стало восприниматься как неотвратимая угроза. В 1841 г. *бакуфу* дало аудиенцию Такасима Сюхану, который в своем обращении призывал взять на вооружение западный военный опыт. Ему дали возможность продемонстрировать свои артиллерийские орудия, сделанные по западным образцам. *Бакуфу* не только приобрело несколько орудий, но и поручило своим чиновникам освоить опыт и подготовить сотню мушкетеров, способных вести бой на западный манер. Однако потребовались еще несколько десятилетий и существенное усиление внешнего давления на Японию, чтобы произошли принципиальные изменения в ее политической структуре.

Часть II

Включение Востока

в международную экономическую систему и начало социально-политической модернизации

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Наступление колониализма и воздействие на страны Востока западной буржуазной цивилизации вызвали в них различную реакцию.

Развернулись традиционалистские восстания, направленные как непосредственно против конкретной колониальной державы, так и против той ломки традиционных основ жизни, которая была вызвана косвенным влиянием колониальной политики в целом. К таким движениям можно отнести восстание Дипонегоро на Яве, бабидские восстания в Иране, сипайское восстание в Индии, тайпинское восстание и восстание *ихэтуаней* в Китае, движение *падри*, а затем Ачехскую войну на Суматре и множество других форм вооруженного сопротивления. Вместе с тем западное проникновение, обострив внутренние противоречия в обществе, способствовало усилению социального антагонизма, что в ряде стран привело к социально-политическим катаклизмам, о которых рассказано в главах, посвященных истории отдельных стран.

Интеллектуальная элита стран Востока стала искать пути к духовному возрождению своих народов в новых условиях. Им также уделено внимание в главах по странам, и этот материал обобщен в главе 1 части III.

Наконец, господствующая прослойка стран, оставшихся более или менее независимыми, пыталась провести реформы армии, управления, государственных институтов, социальных отношений и системы образования, с тем чтобы противостоять натиску Запада. В некоторых случаях их можно даже назвать «революцией сверху». Характерные черты таких реформ и их результаты мы постараемся показать в данной главе.

С реформаторскими попытками в независимых странах важно сопоставить те преобразования, которые проводили колонизаторы в подчиненных им странах в

329

процессе приспособления их обществ и экономики к потребностям метрополий. Реформирование социальных отношений в колониях и внедрение в них некоторых принципов европейского государственного строя и права имели, конечно, свои особенности, связанные с их насильственным характером, однако сходство если не методов, то результатов этих усилий также наблюдается и дает материал для размышлений об общих тенденциях модернизации стран Востока.

ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА

В восточковедной литературе утвердилось представление о том, что реформы на Востоке начинались с перестройки армии или во имя ее. В действительности реформирование армии было частью более широкого социально-политического и правового переустройства общества. С конца XVIII в. правящие круги феодально-бюрократических государств стали постепенно осознавать губительные последствия охватившего их государства глубокого социально-политического кризиса. Чувство опасности усугублялось военными поражениями некогда непобедимых армий. Превосходство европейцев на поле

боя убедило правящие группировки в необходимости обратиться к изучению политических и культурных достижений Запада, чтобы перенести их на почву своих государств.

Не случайно султан Селим III, прежде чем начать реформу армии, просил свое окружение высказать пожелания относительно мер, которые следует принять ради восстановления могущества державы. А столетие спустя молодой китайский император Гуансюй (Цзайтянь) перед началом «Ста дней реформ» пожелал ознакомиться с историей государственных реформ нового времени, заказав инициатору преобразований Кан Ювэю составить записки о деятельности российского императора Петра Великого, преобразованиях, осуществленных в Японии, Франции и Англии, а также о пагубных последствиях неудачи реформ в Польше, завершившихся ее разделом, и в Турции в связи с отменой конституции Абдул-Хамидом II.

Несмотря на то что в ходе реформ восточные правители и их окружение заимствовали некоторые современные им европейские институты (прусскую конституцию — в Японии, принципы организации Национального собрания Франции — в Османской империи), в целом в своей реформаторской деятельности они повторили, хотя и в интерпретации собственной культуры, опыт преобразований европейских абсолютистских монархий XVIII в.

Надо сказать, что в самой Европе понятие «реформа» (от лат. *reformatio*) вошло в политический лексикон, как и большинство современных социально-политических терминов, не ранее середины XVII в. и с ним ассоциировалось в европейском общественном сознании представление о преобразованиях правовых и политических институтов. На Востоке же и в XIX в. реформы осмысливались не как трансформация, а как восстановление исконного, истинного порядка вещей. Между тем по сути знаменем этого века стали модернизационные реформы, нарушавшие традиционный строй общества в духе нового — в более или менее отдаленной перспективе буржуазного — развития.

330

Так, эпоха преобразований модернизационного характера в Османской империи именовалась «Ганзимат», т.е. время «упорядочивания» общества. В преамбуле к Гюльханейскому *хатт-и шерифу*, провозгласившему начало преобразований 1840-х годов, сообщалось о том, что порядки в империи пошатнулись из-за отступления от истинного устройства прошлого, основанного на священных законах Корана, и эти порядки надлежало восстановить. Преобразования в Японии периода Мэйдзи (*Мэйдзи ист*, букв. «Обновление эпохи Просвещенного правления») или «изменение существующих законов» (*бэнь чен фа*) в Китае в эпоху «Ста дней реформ» потребовали от их инициаторов ради идеологического обоснования своих шагов апелляции к авторитету древности и древних — к преобразованиям VII в. в Японии, произошедшим после «переворота Тайка» и заложившим основу японской государственности, и к учению Конфуция в Китае. Даже необходимость создания современной армии обосновывалась, например, Аббас Мирзой в Иране ссылками на Коран и *шариат*, в Бирме — ссылками на заповеди буддизма.

Объяснение этого феномена, т.е. осмысления переустройства общества как возврата к прошлым установлениям, по-видимому, следует искать в инертности общественного сознания восточных социумов, а также в том, что преобразования проходили под давлением Запада и во многом по образцам Запада и этим укрепляли в общественном сознании стремление к самоидентификации с помощью древних основ собственной культуры.

Модернизационным реформам, как правило, предшествовало знакомство различных социальных кругов с европейской культурой, осуществлявшееся по самым разным каналам: через посещение Европы в составе первых дипломатических миссий, через контакты с христианскими миссионерами, купцами, европейцами — пленниками пиратов или ренегатами, перешедшими на службу к восточным владыкам, авантюристами, политическими беженцами, через собственных подданных-христиан, не прерывавших давние торговые, религиозные, культурные связи с Европой, наконец, на поле боя в ходе вооруженного противостояния. В процессе этих контактов происходили первые заимствования европейских достижений в сфере вооружения, образования, быта, позже и машинной техники. В Османской империи эти заимствования совершались еще в *ляле деври* («эпоху тюльпанов»), т.е. в первой половине XVIII в.; в Японии и Китае на них основывалась политика «самоусиления» второй половины XIX в., и они осуществлялись уже в иных технико-экономических условиях и в силу других политических императивов. В ходе этих контактов и заимствований в среде образованной, преимущественно правящей элиты возникли интерес к европейским политическим порядкам и научным знаниям, а также представление о пользе заимствований европейских достижений в дополнение к своей культуре, еще не подвергавшейся критике.

Процесс вовлечения обществ Востока во всемирные хозяйственные связи и их военно-политические и культурные контакты и столкновения с державами Европы, иными словами европейский «вызов», в XIX в. коснулся всех стран Востока, однако «ответы» на этот «вызов» были различными, как и политические последствия самих контактов. Быстрее и более органично включились в модернизацию с европейскими заимствованиями общества с феодально-бюрократи-

ческим типом государственности, к этому времени испытывавшие кризис всех сторон жизни (наиболее очевидно он проявился в Японии). Большинство из них в дальнейшем сумели сохранить свою государственность, а Япония даже превратилась в колониальную державу. Та же часть патриархальных государств Востока, которая успела встать на путь внутренних преобразований до своего колониального закабаления (Бирма, Сиам), решала в ходе реформ преимущественно проблемы собственного политогенеза. В целом же патриархальные государства пережили модернизацию, а чаще только вестернизацию, уже в колониальном варианте, как и прочие восточные общества.

Подобные кардинальные различия реакции обществ Востока на европейский «вызов» позволяют полагать, что социумы с феодально-бюрократической государственностью были более подготовлены к восприятию европейских институтов. Иными словами, вектор исторического движения этих обществ до известной степени сближался с европейским. Впрочем, импульсы, время, смысл и эффективность модернизационных реформ различались и в феодально-бюрократических государствах, притом что направление преобразований по сути было общим.

Модернизация на пути реформ обрела необратимый и более завершённый характер лишь в Японии, хотя началась она там почти на столетия позже, чем в Османской империи, только после политического переворота, именуемого в литературе «Реставрация Мэйдзи» (1867-1868).

Инициировались реформы образованными кругами и антисёгунской группировкой правящего класса, поддержанными массовыми выступлениями различных социальных слоев вплоть до простонародья, которое в остальных феодально-бюрократических государствах включилось в современную политическую жизнь значительно позже, преимущественно в эпоху «пробуждения Азии».

Ранее других к модернизационным реформам приступили Османская империя и ее полусамостоятельные вассальные владения — Египет и Тунис. Инициаторами ранних реформ были сами правители — турецкие султаны Селим III и Махмуд II, египетский паша Мухаммед Али и тунисский бей Ахмед, окруженные советниками-единомышленниками. (Пожалуй, только Мухаммед Али жаловался на свое одиночество и тяжесть ответственности за судьбу преобразований.) Все эти самовластные правители не были сознательными реформаторами в том смысле, что они не руководствовались некоей целостной концепцией преобразований, не говоря о том, что в своих реформаторских устремлениях они не переступали тот предел, за которым следовало ограничение их самодержавной власти.

Селим, начавший реформы под влиянием внешней военной угрозы и внутренних беспорядков, сосредоточил свое внимание на укреплении вооруженных сил, военной промышленности и расширении учебных заведений военного типа. Он одним из первых восточных правителей прибег к содействию европейских советников. Проводимые им мероприятия, в том числе создание новых воинских подразделений, образование Консультативного совета при своей особе и учреждение постоянных дипломатических представительств в столицах европейских держав, получили общее название *низам-и джедид* («обновленное устройство»). По-видимому, Селим имел более широкие представления относительно насущных государственных преобразований, о чем свидетельствует его поручение дипломатической миссии, направленной в Вену в 1791 г., за год до начала реформ,

332

ознакомиться с государственным устройством, организацией финансов и армий европейских стран. Однако он так и не сумел преодолеть противодействия своей реформаторской деятельности со стороны традиционалистских кругов.

Мухаммед Али сформулировал принцип своей реформаторской политики в следующих словах: «*Низам-и джедид* без внутренних преобразований — ничто». И не выпуская из поля зрения военную реформу, он, подобно Петру I — этому идеалу самодержца-реформатора многих восточных правителей XIX в., — позволил себе осуществить то, что не мог даже вообразить ни один суверенный правитель Востока. Он перестроил почти все сферы общественно-политической и культурной жизни Египта, превратив поначалу в собственность государства едва ли не все источники доходов и средства производства. Но Мухаммед Али, гениальный политик, был личностью харизматической, данной Египту в критический момент политической истории, и в силу этого получившей свободу действий, которую и реализовал методами абсолютистско-деспотическими.

Султана Махмуда II к реформам побуждал уже один только пример его непокорного египетского вассала, едва не захватившего стамбульский трон. Вместе с тем Махмуд II и его ближайшее окружение отдавали себе отчет в угрозе распада империи под влиянием национально-освободительного движения балканских подданных султана (зятю Махмуда II Халиль-паше принадлежат слова: «Если мы не пойдем путем Европы, то нам не останется ничего другого, кроме как вернуться в Азию»). Поэтому сразу же вслед за реформой армии султан уделил внимание реформированию структуры управления, а также отчасти судебно-правовой и сословной системы, заложив основы Танзимата.

Осуществление реформ Танзимата выпало на долю образованных западников — Мустафы Решид-

паши и его учеников и последователей Фуад-паши и Али-паши. В Тунисе ту же роль сыграл политик и литератор-просветитель Хайр-аддин-паша. Эта плеяда реформаторов, хорошо знакомая с политическими порядками Западной Европы и отчасти с идеями французского Просвещения, видела свой политический идеал в конституционной монархии. В сущности, их деятельность была направлена на провозглашение и внедрение в политическую жизнь империи законов, ограничивавших самовластие правителей и чиновников.

Середина столетия в Османской империи отличалась интенсивным политическим развитием и относительно быстрой радикализацией общественно-политической мысли. Решид-паша казался Фуад-паше и Али-паше почти традиционалистом, а к концу деятельности этих сановников-реформаторов в обществе уже возникла политическая оппозиция в лице «новых османов», открыто отстаивавших идеи конституционализма и парламентаризма, и солидаризирующегося с ними либерального чиновничества. Под давлением этих кругов в условиях внутривластного кризиса декабря 1876 г. была введена конституция с последующим избранием парламента.

Политическая ситуация в **Египте и Тунисе** 1860-х годов поставила их правителей, еще находившихся в формальной зависимости от турецкого султана, перед задачей легитимации своей власти и поиска внутренней социальной опоры. В результате в Тунисе, раньше чем где-либо на Востоке (апрель 1861 г.), была провозглашена конституция и на ее основе избран Верховный совет, а в Египте

333

хедив Исмаил даровал стране в 1866 г. Органический закон и представительный орган — Консультативное собрание, хотя общественное движение за принятие конституции и выборы парламента возникло лишь накануне восстания Ораби-паши.

В значительно более ограниченных рамках были сделаны попытки проведения реформ в **Иране** в середине века (1848-1851) и почти полвека спустя в **Китае** (1898 г.). Инициатива реформ в Иране исходила из придворной среды и осуществлялась при покровительстве шаха, а в Китае программу преобразований разработал при благосклонном внимании молодого императора чиновник невысокого ранга Кан Ювэй, активно поддержанный низкоранговым и внеангажированным чиновничеством, отражая уже интересы включившегося в политическую жизнь оппозиционного общественного слоя. Кан Ювэй справедливо полагал, что Китай исчерпал возможности своего движения по пути политики самоусиления и дальнейшее укрепление государства возможно лишь через реформы общественно-политического строя. Из-за сопротивления традиционалистских кругов задачи модернизационных реформ и в Иране, и в Китае решались преимущественно в ходе революций начала XX в.

В Корее и Вьетнаме модернизация была проведена колониальными властями, хотя идейные предпосылки для самостоятельных преобразований содержались в корейском учении *кэхва ундон* («Движение за реформы») 1870-1880-х годов. Народные волнения и восстания, сотрясавшие эти страны, не позволили реализоваться нормальному политическому развитию. В результате в Корее реформаторы, которым противостояли и традиционалисты, и массовое движение, попытались найти поддержку у японских политических кругов, преследовавших на деле колониальные цели, чем дискредитировали себя в глазах всего корейского общества.

Разрыв во времени в проведении модернизационных реформ в конфуцианском регионе и ближневосточных мусульманских государственных образованиях был значительным, что обуславливалось прежде всего характером их взаимоотношений с Западной Европой. К началу XIX в. Османская империя имела долгую историю военно-политического и дипломатического противостояния с Европой. Более того, Порта до известной степени еще в XVIII в. интегрировалась «в концерт» европейских государств, вступая с ними в союзнические отношения и блоки. Даже изоляционистская политика североафриканских арабских государственных образований никогда не означала их полного закрытия. Изоляция дальневосточных государств, облегченная их территориальной удаленностью от Европы, также никогда не была абсолютной, однако конфуцианским правящим кругам, убежденным в самодостаточности и безусловном превосходстве их культуры, удалось предельно ограничить контакты с Западом и задержать тем самым процесс модернизации.

Вместе с тем можно полагать, что особенности дальневосточных земельных, административно-управленческих и правовых институтов (более выраженные частноправовые черты землевладения, господство бюрократических форм управления, наличие кодифицированного права, т.е. те сферы общественно-политической жизни, которые в первую очередь подверглись преобразованиям в мусульманском ближневосточном обществе) позволили конфуцианским государст-

334

вам включиться в модернизацию общественно-политического строя позднее и на более высоком уровне своего социально-экономического и общественно-политического развития. Действительно, во второй половине XIX в. и Япония и Китай оказались в состоянии, еще до проведения модернизационных реформ, в значительно более широких масштабах заимствовать современные им

европейские военно-промышленные достижения и осуществить это усилиями не только государственного (как на Ближнем Востоке в период реформ первой половины и середины века), но и частнобюрократического и купеческого капитала, а расклад их политических сил ко времени осуществления реформ предполагал уже участие в политической жизни новых социальных групп населения.

Тем не менее модернизация этих стран конфуцианской культуры происходила по-разному и дала разные результаты. Феноменальные успехи Японии на пути модернизационных реформ во многом определялись происходившими в ней радикальными политическими процессами (антисёгунский переворот и восстановление императорской власти), к тому же эти процессы протекали в ходе общественно-политических компромиссов, а не в жестком противостоянии традиционалистских и реформаторских сил, как это имело место в Китае. Большую роль сыграла и традиционно большая открытость Японии к заимствованиям. Впрочем, предпосылкой подобного исторического движения Японии было также особое сочетание некоторых черт ее общественного строя и, как следствие, большая зрелость общественно-экономического строя.

Итак, результаты модернизационных реформ в государствах феодально-бюрократического типа во многом зависели от импульсов, побуждавших правящие силы приступить к реформам, от исторических условий, в которых они проходили, и от соотношения реформаторских и традиционалистских сил. Сферами же преобразований на путях модернизационных реформ были государственное устройство, включая вооруженные силы, социальные установления, экономику, образование и бытовую культуру. Основным смыслом реформ заключался в рационализации системы государственного устройства, централизации его управления, а также изменении социального строя на началах гражданского общества. Это выразилось прежде всего в преобразованиях, ведущих к разделению законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Наиболее важными преобразованиями в этом направлении были структурная перестройка административно-управленческих подразделений и создание правительства взамен бесчисленных, слабо связанных между собой управленческих подразделений, а затем объединение его в кабинет министров во главе с премьер-министром. (Этот процесс более органично протекал в бюрократизированной японской системе управления и сложнее — в мусульманской.)

Постепенная секуляризация общественно-политической жизни и подчинение религиозных институтов светской власти — процесс, наиболее актуальный для мусульманского мира, — также представляли собой часть рационализации и централизации управления и переустройства общества. Наконец, провозглашение равенства подданных перед законом и ликвидация корпоративной и статусной раздробленности общества, а также введение представительных форм власти были первыми шагами на

долгом, еще и сейчас не завершившемся пути станов-

335
ления гражданского общества. Этим нововведениям соответствовали и новые государственные идеологические доктрины: *османизм* в Османской империи и *кокутай* в Японии, появление в общественном сознании понятий «подданный», «отчизна» и идеи служения родине.

Модернизационные реформы приняли всеобъемлющий характер, охватывающий все сферы жизни, только в Османской империи, Египте и Японии. Но в Египте английская оккупация прервала этот процесс. В Османской империи в условиях жесткого противостояния реформаторов и традиционалистов он осуществлялся с приостановками, откатами, сопротивлением в исполнении провозглашенных реформ или слишком медленным их распространением на отдельные провинции, в конечном счете в эпоху Зулюма процесс почти остановился. В остальных государствах подобные реформы были проведены лишь частично или осуществились в колониальном варианте.

Но, даже вступив на путь модернизационных преобразований, реформаторы поначалу действовали традиционными методами, в логике традиционного устройства. Как известно, Мухаммед Али с невиданной полнотой реализовал восточнофеодальный принцип государственной собственности на землю, прежде чем осуществил мероприятия по утверждению частной земельной собственности. Деятели *Мэйдзи исин* в **Японии**, провозгласив 3 января 1868 г. упразднение *бакуфу* — сёгунского аппарата власти, — через две недели объявили, в духе традиционной ранговой системы, о создании государственного органа власти — *сансёку* («три должностных ранга»). Во главе управления, согласно новой системе власти, стоял *сосай* (этот пост занял принц), ему подчинялись десять старших советников (*гидзё*, члены императорской семьи, *кугэ* и главы антисёгунских княжеств) и двадцать младших советников (*санъё*, аристократы и представители князей). В этом государственном органе синкретически соединялись все ветви власти. В его ведении находился и административно-управленческий аппарат, представленный традиционными ведомствами (*ко*), чуть позже трансформировавшимися в департаменты (*кёку*), число которых увеличилось с четырех до семи (по делам религии, внутренних дел, внешних сношений, военное, финансов, уголовных дел, административных вопросов), что свидетельствовало о расширении государственных функций.

Процесс разделения ветвей власти в Японии в сущности начался после принесения императором в мае 1868 г. клятвы, когда вместо *сансёку* был учрежден Государственный совет — *дадзёкан*.

Законодательная власть в Совете была представлена Консультативным советом. Его Верхняя палата обладала правом законодательной инициативы, назначения высших должностных лиц, ведала политическими вопросами и была высшей судебной инстанцией, а Нижняя, выражая интересы княжеств, городов и других территориальных подразделений, являлась его совещательным органом. Исполнительную власть в *дадзёкане* олицетворяла палата, состоявшая из глав ведомств/департаментов. Последующий процесс разделения ветвей власти пошел путем реформирования Государственного совета: в 1871 г., после ликвидации княжеств и учреждения общего административно-территориального деления (на префектуры, уезды и т.п.), Нижняя палата утратила свое предназначение, и тогда Государственный совет был преобразован в три палаты — Центральную

(высший законодательный

336

и политический орган), Левую (предназначенную для законодательных рекомендаций Центральной палате) и Правую (представлявшую глав департаментов). В апреле 1875 г. императорским указом был провозглашен постепенный переход к конституционному строю, и Госсовет претерпел последнюю реорганизацию: были упразднены Правая и Левая палаты, а Центральная подразделена на палату старейшин (прообраз палаты пэров будущего парламента) и Верхнюю судебную палату (что означало выделение судебной власти внутри высшего государственного органа). В 1889 г. Государственный совет уступил место парламенту с назначаемой императором из высшей аристократии Палатой старейшин (*Гэнроин*), обладавшей правом законодательной инициативы и утверждения бюджета, и выборной Нижней палатой. Утверждение и издание законов, согласно конституции 1889 г., являлись прерогативой императора. Кроме того, при императоре был создан Тайный совет, что должно было привести к дальнейшему укреплению императорской власти.

Все эти перемены в высшем органе власти означали не только поиск оптимальных форм его функционирования, но были результатом сложных компромиссов, совершавшихся при разделе власти внутри правящей элиты — между членами императорской семьи, титулованной придворной и провинциальной знатью.

Параллельно с формированием законодательной ветви власти шел процесс трансформации высшей исполнительной власти. Ликвидация Нижней палаты Государственного совета, одновременное преобразование департаментов (*кёку*) в министерства (*се*) и укрепление влияния главного министра (*дадзё дайdzин*) свидетельствовали о возникновении в Японии института правительства в современном смысле слова. К этому времени было создано уже восемь министерств, что говорило о расширении и упорядочении функций административно-управленческого аппарата. Это были министерства по делам религии (в 1877 г. его функции перешли к министерству внутренних дел), иностранных дел, финансов, военное, образования, поощрения промышленности, юстиции, по делам двора. Однако *дадзё дайdzин* все еще традиционно рассматривался в качестве представителя императора, а не главы исполнительной власти. Кабинет же министров во главе с премьер-министром был учрежден только в 1885 г. и состоял уже из десяти министров. Согласно конституции, кабинет министров формировался императором и был перед ним ответственен.

Дальнейшая централизация управления страной осуществлялась через упорядочение провинциальной и местной власти. Это было особенно актуально для Японии, раздробленной на полунезависимые княжества, в которых крайне слабо был представлен государственный административный аппарат. Эта проблема была решена в Японии достаточно быстро: уже в мае 1868 г. в княжествах создаются органы центрального правительства, являвшиеся посредниками между княжеской и центральной властями, к концу же года под контроль государства отошли владения сегуна и противников императора, а в 1869 г. в Японии развернулось движение за «возвращение страны и народа императору», в результате чего княжества были преобразованы в административно-территориальные подразделения и в 1871 г. трансформированы в префектуры. Этот процесс сопровождался неоднократным перекраиванием границ бывших княжеств.

Губернаторы,

337

назначаемые в префектуры центральной властью, располагая своим штатом, определяли направление политики на подведомственной им территории. Контроль же за деятельностью провинциальных и местных властей был передан в 1873 г. министерству внутренних дел. Иными словами, усилив контроль за деятельностью местной администрации, центральные власти

предоставили ей широкий объем полномочий.

Последним этапом преобразования провинциальной и местной власти стала организация на всех ее ступенях, от центра префектуры до деревни, представительных органов — собраний и определение их прав и функций, что позволило установить соответствующее соотношение в системе управления местных государственных органов власти и института самоуправления.

Решение этой задачи в Японии имело свои особенности из-за традиционного для конфуцианской политической культуры приоритета государственной/княжеской власти на местах в отличие от традиций сильного общинного самоуправления в большинстве мусульманских обществ.

Первоначально при создании собраний в 1880 г. их права были определены относительно широко, законом же о местном самоуправлении 1888 г. прерогативы этих органов самоуправления были урезаны.

В конфуцианской политико-правовой системе не существовало разделения административной и судебной властей. Суд вершила администрация. Уже в 1869 г. на основании нового «Положения об административной иерархии» в Японии были созданы специальные ведомства — уголовных и гражданских дел, а также судебная контрольная служба; в 1871 г. ведомство уголовных дел и контрольная служба преобразовались в министерство юстиции, предназначенное ввести в практику новое судопроизводство и следственную службу. В конце того же года в Токио был основан первый судебный орган нового типа, после чего суды начали учреждаться в центрах префектур. Дальнейшее развитие судебной системы пошло по пути создания специализированных судов в столицах и общего типа — на местах. Право назначения судей принадлежало министерству юстиции, что закрепляло зависимость суда от административного аппарата. Высшей судебной инстанцией, осуществлявшей также контроль за исполнением законов, стала в 1875 г. Верхняя судебная палата Государственного совета.

Поскольку традиционное законодательство уже не соответствовало новым условиям жизни, в 1870-х годах начинается работа по изучению и переводу на японский язык европейской правовой литературы и законодательств, на основании которых в 1880-е— начале 1890-х годов создаются Уголовный, Гражданский, Гражданско-процессуальный и Торговый кодексы.

Модернизационные реформы в **Османской империи** представляют иную модель тех же процессов рационализации системы управления и централизации структуры власти, осуществлявшуюся, как и в Японии, по европейским образцам. Однако первоначально эти реформы и в Османской империи протекали в русле традиционной государственности.

Немедленно после ликвидации янычарского корпуса, стоявшего на пути реформаторских усилий Махмуда II, султанским указом было изъято из ведения великого *везира* верховное командование армией и провозглашено создание ведомства *сераскера* — командующего сухопутной армией (*баб-и сераскери* наряду с существовавшими *баб-и али*, т.е. Портой, и *шейх-уль-ислами капысы*). С

это-

338

го указа в Османской империи начался процесс отделения функций административного управления от военного командования, позже распространенный и на провинциальную власть. Между 1831 и 1836 гг., в ходе реорганизации сипахийского ополчения и государственной финансовой системы, была провозглашена отмена всех форм условного землевладения — *тимаров*, *зиаметов*, *мукатаа* и *маликане*, — повлекшая за собой ликвидацию административно-судебных прерогатив их владельцев в отношении налогоплательщиков, переданных под их власть. Этим завершился на уровне местного управления процесс разделения административных и военных функций, а также ликвидации традиционного переплетения владельческих и властных институтов. Эти изменения совершались параллельно с разделением в 1834 г. гражданской и военной власти на провинциальном уровне: территория государства была разделена на возглавленные военным командованием военные округа с расквартированными в них армейскими корпусами; гражданское же управление осуществлял административный аппарат издавна существовавших административно-территориальных подразделений трех-четырёх ступеней.

Созданием самостоятельного сераскериата Махмуд II решал, по-видимому, задачу не только разделения управления на гражданскую и военную сферы, но и изменения баланса сил в пользу светской власти, которую теперь, согласно османской должностной иерархии, великий *везир* делил с *сераскером*, тогда как власть духовная была представлена одним *шейх-уль-исламом*. В том же, 1826 г. последовали султанские установления, свидетельствовавшие о стремлении султана подчинить государственной светской администрации религиозные институты: султанской волей (естественно, при одобрении *фетвой шейх-уль-ислама*) был упразднен суфийский орден бекташей; в тот же год в недрах государственного административного аппарата было создано специальное Управление *вакфами*; в

1827 г. из ведения *кади* была изъята служба *мухтасиба* и передана специальным органам, а кварталные *имамы* лишились своих административных полномочий (учета мужского населения, его передвижений и т.п.), переданных в ведение *мухтаров* — глав селений и городских кварталов — и приданных им советов старейшин. В 1835 г. последовал указ о назначении Управлением *вакфов* управляющих *вакфами* — *мютевалли*, что усиливало контроль государственной власти над имуществом религиозных и благотворительных учреждений. Впрочем, все эти мероприятия отнюдь не означали отстранения *шейх-уль-ислама* и корпорации *улемов* от участия в решении государственных дел, хотя и несколько ослабляли их политический авторитет.

Осуществив в общих чертах разделение гражданской и военной власти и усилив подчинение религиозных институтов власти государственной, Махмуд II приступил к реорганизации административно-управленческих структур. В целях упорядочения иерархии административных подразделений, находившихся в ведении Порты, султанским указом от 7 января 1834 г. была учреждена новая «табель о рангах», разделившая должностных лиц аппарата управления великого *везира* на четыре класса.

Первый класс представляли *кехья-бей*, *дефтердар* и *рейс-эфенди*, в 1837 г. получившие звания министров внутренних дел, финансов и иностранных дел. Три остальных класса составляли главы самых различных подразделений, не

339

поддающихся четкой систематизации с точки зрения современных представлений, хотя и свидетельствующих о постепенной трансформации функций и субординации должностных лиц традиционного османского аппарата. (Так, ко второму классу должностных лиц были отнесены *чауш-бей* — впоследствии министр юстиции, *нишанджи-баши ее дефтер эмини* — хранитель султанской печати и первый архивист министерства финансов, а также управляющий монетного двора, генеральный контролер, директор по делам печати, глава производства пороха, директор таможен, интендант двора и др. — всего шестнадцать должностей. Третий класс представляли пятнадцать постов, среди них историограф империи, совместивший этот традиционный пост с должностью главного редактора правительственной газеты, секретари канцелярий султана и министерств, инспектора бюро прошений, церемониймейстер, переводчик Дивана, а также начальник штаба линейных войск, директор имперских шелковых мануфактур, главный архитектор двора и др. К четвертому классу были отнесены главные интенданты, секретари, начальники канцелярий, ведавшие преимущественно финансовыми и имущественными делами.) Таким образом, административная иерархия выстраивалась соответственно должностному рангу главы административного подразделения, т.е. скорее в феодальных, чем бюрократических традициях. В 1838 г., с переводом чиновников на жалованье, табель о рангах должна была служить руководством к определению его размеров.

Институт правительства в Османской империи начал формироваться с объединения в 1837 г. трех министров, отнесенных к первому классу должностной иерархии, в Совет министров (*Меджлис-и вюкеля*). Министерские звания первоначально лишь приравнивали старые должности к европейским. Между тем процесс создания министерств как бюрократических образований еще находился на первоначальной стадии. Так, по старой традиции в ведении *рейс-эфенди* находились три бюро (*калеми*), ведавшие кроме иностранных дел регистрацией правительственных актов и служебных перестановок. Теперь была учреждена самостоятельная канцелярия *амеди* — прообраз министерства иностранных дел, состоявшая, как и прежде, из 8-10 человек, подразделенных на два отдела. (Между тем как в остальных *калеми*, не имевших отношения к иностранным делам, по штатному расписанию насчитывалось по 120-150 и 30 человек.) Да и сами министры выполняли еще скорее роль советников султана по соответствующим вопросам. Совет министров, в который входили и главы других наиболее важных ведомств и отделов, возглавлял великий *везир*. Вместе с тем влияние великого *везира* на все дела государства традиционно было очень велико, он издавна воспринимался как заместитель султана. Попытка Махмуда II превратить должность великого *везира* в премьер-министра (*баши-векиль*) встретила сопротивление сановной знати, и после смерти султана был восстановлен прежний порядок. Дальнейшая эволюция правительства происходила по разным направлениям. С расширением и упорядочением административных функций государства создавались новые министерства. Так, после Крымской войны, когда с провозглашением *хатт-и хумайюна* в 1856 г. начался новый раунд преобразований, углублявших и внедрявших в жизнь реформы 1840-х — начала 1850-х годов, появились министерства юстиции, просвещения, общественных работ, *вакфов*. Укреплялся кадровый состав министерств, расширялась их компетенция. Министерства об-

340

растали советами, специальными комиссиями и комитетами по образованию, земельным вопросам, почте и телеграфу и т.п., которые в дальнейшем могли быть превращены в новые министерства. В 1834 г. были восстановлены упраздненные после Селима III постоянные дипломатические миссии при главных европейских дворах — они стали основой будущего дипломатического корпуса министерства

иностранных дел.

Таким образом, происходил процесс становления современной бюрократической системы буржуазного европейского образца. Возникли и новые центры подготовки чиновников: это была Школа гражданских чиновников, открытая в 1858 г., Султанский лицей, основанный в 1867 г., не говоря уже о Бюро переводчиков при министерстве иностранных дел. Начало складываться и новое чиновничество, формирующее средний класс общества, обремененное вместе с тем пороками старой системы — коррупционностью, неисполнительностью, склонностью к nepотизму и фаворитизму.

Становление законодательной власти в Османской империи происходило так же длительно и сложно, как в Японии, но не путем реформирования единого властного института, а через рассредоточение законодательных функций среди вновь создаваемых органов. По-видимому, это объяснялось стремлением Махмуда II и его преемников препятствовать ограничению своей власти. Если в Японии дальнейшая сакрализация личности императора приводила к усилению исторически слабой императорской власти, то в Османской империи, напротив, постепенно вызревало представление о приоритете закона над султанской волей. Реформы ограничивали деспотическое всевластие султанов, превращая «деспота» в абсолютного монарха, со временем вынужденного смириться и со стремлением реформаторов установить монархию конституционную. Неизбежный при подобных преобразованиях процесс секуляризации усиливал авторитет султана как светского правителя, но при этом отчасти отодвигал в тень его роль как халифа.

Начало процесса разделения законодательной и исполнительной власти в Османской империи можно датировать 24 марта 1838 г., когда принесли клятву о честном исполнении своих обязанностей пять членов и два секретаря вновь сформированного Совета по юридическим установлениям. Впрочем, это еще не был чисто законодательный орган. В обязанности Совета входили как разработка реформ для упорядочения и улучшения гражданских и военных дел империи, так и решение спорных административных дел и осуществление суда над провинившимися чиновниками. Однако подготовка законов входила одновременно в компетенцию нового Совещательного совета при Порте и учрежденного в 1837 г. Военного совета при сераскериате.

Дальнейшая реорганизация Совета по юридическим установлениям была вызвана многими обстоятельствами: желанием изменить в нем соотношение сил между более или менее радикальными сторонниками реформ, а также их противниками; намерением активизировать его работу; постепенной радикализацией общественной мысли и взглядов самих реформаторов, а после Крымской войны еще и политическими маневрами правящей элиты, продиктованными усилением национально-освободительного движения в этой многоэтничной и поликонфессиональной империи; давлением держав.

341

Через два года после учреждения Совета по юридическим установлениям он был реорганизован и число его членов выросло до десяти. В сентябре 1854 г. в дополнение к нему был создан Высший совет по реформам (Высший совет Тан-зимата), к которому перешла часть функций по разработке реформ. В 1861 г. в связи с неэффективностью вновь созданного органа он был ликвидирован, будучи превращен в отдел Совета по юридическим установлениям. Наконец, в 1867 г. начал разрабатываться проект разделения последнего на Совет юстиции и Государственный совет, ставший предшественником парламента. За образец при организации Госсовета был взят Государственный совет Франции, учрежденный в том же году императором Наполеоном III.

Государственный совет начал свою работу 5 марта 1868 г. под председательством Ахмеда Мидхат-паши, сторонника конституционного строя. Структура и объем функций этого органа свидетельствовали о совершенствовании законодательной мысли его создателей. Совет имел пять секций, предназначенных для разработки законодательства по следующим направлениям: внутренние и военные дела, финансы и *вакфы*, уголовные, гражданские и коммерческие правонарушения и судопроизводство, общественные работы, торговля и земледелие, просвещение. При этом закон предписывал Совету не вторгаться в компетенцию исполнительной власти. Состав Совета определялся указом султана.

Высшему совету юстиции предписывалось рассматривать законы, обеспечивающие безопасность личности, чести и имущества подданных. По убеждению султана Абдул-Азиза, это учреждение было призвано закрепить «принцип отделения исполнительной власти от судебной, религиозной и гражданской». Наличие подобного органа в системе законодательной власти империи говорило о том, что реформаторы придавали большое значение преобразованию судебной власти в империи.

Под конец своей реформаторской деятельности Махмуд II издал указ 1838 г., предусматривавший наказание за должностные преступления как гражданских чиновников, так и судей; это означало, что отныне *кади* отвечал за правонарушения перед светским законом. После провозглашения Гюльханейского *хатт-и шерифа* одним из первых законодательных актов султана Абдул-Меджида стало принятие Уголовного закона 1840г., который был разработан и дополнен соответственно

Уголовными законами 1851 и 1858 гг. Совершенствование уголовного законодательства осуществлялось путем систематизации правонарушений, исключения из кодекса статей административного и имущественного права и вопросов судопроизводства. Закон 1858 г. в наибольшей степени был приближен к кодексу Наполеона I. В 1850 г. начал действовать Коммерческий кодекс, подготовленный еще в 1841 г. В 1846г. составлена инструкция для чиновников, игравшая роль Административного кодекса. Большая реформаторская работа была проделана в области создания судопроизводства, предусматривавшая отделение суда и от административной, и от религиозной власти. Права вершить суд лишились главы ремесленных и торговых корпораций. Уголовные дела теперь рассматривались *меджлисами*. Однако шариатский суд продолжал существовать наряду со светским, и *кади* сохранял контроль над светским судопроизводством, продолжали действовать и религиозные суды немусульманских конфессий. Спецификой османского судопроизводства стали «смешанные» суды, рассматри-

342

вавшие конфликты между христианами и мусульманами, иностранцами и османскими подданными.

Централизация управления в Османской империи не менее интенсивно осуществлялась на местном уровне. Сохранялся традиционный для государства принцип административно-территориального деления, хотя и в этой сфере, как и в Японии, в поисках оптимальных условий для управления происходили неоднократные изменения количества провинций-всгамеотов и их границ. Сохранился и традиционный штат основных должностных лиц, состоявший из губернатора (*вали*), казначея (*дефтердара*) и главного судьи (*кади*). Однако их функции видоизменились: губернаторы и главы администрации нижестоящих административно-территориальных единиц лишились функций военной власти, *вали* уже не был полновластным хозяином территории, он был обязан регулярно отчитываться министерству внутренних дел, так же как *дефтердар* — министерству финансов. Он не распоряжался финансами. Вместе с тем выросли штаты провинциальной службы, в функции которых входили организация и контроль службы почты и телеграфа, местной прессы и издательского дела, образования, дорожной службы и т.д.; таким образом, ряд полномочий был передан на уровень провинциальной и местной администрации.

Как и в Японии, организация провинциального управления предполагала существование на всех ее уровнях представительных органов, часть членов которых была выборной. Созданием представительных собраний (*меджлисов*) османские власти стремились ослабить роль традиционных органов самоуправления. Административно-правовые основы организации провинциального управления были детально проработаны в законах о *вилайетах* 1864 и 1871 гг. Итак, там, где модернизационные реформы реализовывались достаточно полно, их сердцевину составляли законоположения, преобразовывавшие систему управления. Реформирование армии, важной частью которого был переход к системе рекрутского набора с ограничением срока пребывания в армии (в Японии в 1872 и 1873 гг. была учреждена всеобщая воинская повинность с трехгодичной службой, в Османской империи служба длилась пять-семь лет), являлось лишь одной из сторон процесса модернизации. Тем не менее армейская реформа, несмотря на противодействие ей простонародья, имела важные социальные и психологические последствия. Военная служба перестала быть сферой деятельности привилегированного слоя общества; армия постепенно превращалась в инструмент государственной власти. Упал престиж военного человека, но зато прохождение военной службы способствовало воспитанию чувства патриотизма. Не менее существенные изменения внесли реформы в **социальный строй** обществ Востока. В Османской империи Гюльханейский *хатт-и шериф* 1839 г. провозглашал равенство всего населения — «от чабана до *везира*». Более того, сам султан признал верховенство закона над его волей, дав клятву соблюдать законоположения, провозглашенные *хатт-и шерифом*. В Японии в 1872 г. было узаконено существование трех сословий (вместо четырех сословно-статусных групп) и декларировано их равенство. В Иране же равенство подданных было провозглашено только в 1907 г. во время революции. Согласно закону 1872 г. в Японии простые люди получили право

343

иметь собственные фамилии, носить форменную одежду, ездить верхом на лошадях. (Впрочем, Махмуд II еще до провозглашения в империи равенства подданных ввел в обиход полуевропейскую одежду, положив начало ликвидации внешних различий людей разного сословного статуса.)

Провозглашение равенства населения перед законом не означало утверждения социального и даже правового равенства. Оно лишь значило, что отныне над жизнью подданных равно господствует

закон, а не произвол должностных лиц. Именно со времени провозглашения равенства османский султан и японский император стали активно побуждать население обращаться к судебному разбирательству в случае произвола чиновников. Вместе с тем законы признавали «естественные права и привилегии» различных сословий. Но если сословное деление в Японии было четко выражено, то мусульманское общество такой четкости не знало исторически. К тому же в Османской империи допуск в результате реформ христиан к государственной службе, введение рекрутской повинности и обязательного светского образования, а также спонтанно протекавшие социально-экономические процессы изменяли социальную конфигурацию общества. Так османский Уголовный кодекс 1851 г., констатируя разную уголовную ответственность за правонарушения людей различных состояний, неопределенно делил население, уже отчасти по экономическому положению, на «великих», «малых» и людей «среднего состояния», т.е. базарный люд — купцов и ремесленников.

Однако и османское и японское законодательство отменяло статус неполноправного населения: *эта* — в Японии, рабов — в Османской империи, которая присоединилась к Международному протоколу о запрещении рабства.

Манифесты 1839 и 1856 гг. в Османской империи придавали особое значение защите таких гражданских прав, как безопасность личности и имущества, уважение чести и достоинства, отказ властей от произвольных конфискаций имущества должностных лиц. В конфуцианском обществе, по-видимому, большую роль играло снятие запретов на профессиональную деятельность (в частности, согласно реформам Гуансюя, маньчжурам дозволялось заниматься ремеслом и торговлей).

Появление официальной и частной прессы, участие выборных членов в работе местных советов, введение всеобщего светского образования начальной и средней ступеней, развитие книгопечатания и т.п. оказывали свое влияние на атмосферу модернизирующихся обществ.

Среди **экономических реформ** следует упомянуть прежде всего преобразования в **аграрных отношениях**. В рассмотренных выше странах их можно назвать значительными и в то же время ограниченными. Основным их содержанием было введение или правовое оформление частной собственности на землю. В конечном счете права частных собственников, хотя и в ограниченном виде, получили налогоплательщики (*райяты* на Ближнем и Среднем Востоке и подобные им слои в других странах), обладавшие до этого лишь владельческими правами, или правами подчиненной собственности. Держатели временных военных ленов, которые играли столь важную роль в административной и военной структуре многих восточных империй, потеряли свои владения. В Османской империи тимарная система была ликвидирована еще при Махмуде II, однако земля по-прежнему рассматривалась как государственная (*мириё*).

344

По закону 1858 г. права владельцев земли *мириё* были расширены. (Окончательно частная собственность на землю была признана только в 1926 г., уже в кема-листской Турции.)

В Иране с 1850 г. стал создаваться кадастр земель с закреплением прав на них индивидуальных владельцев, а в 1868 г. была официально введена частная собственность.

В Японии концентрация земли в частных руках происходила еще при режиме Токугава, однако купля-продажа была официально запрещена и осуществлялась нелегально. Одной из реформ периода Мэйдзи была легализация частной собственности, хотя первоначально она была обложена высоким налогом в качестве источника накопления средств для индустриализации. Позже правительство было вынуждено снизить поземельный налог, и частная собственность приобрела действительную ценность.

Однако социальные условия во всех этих странах были таковы, что буржуазные отношения в сельском хозяйстве не могли возникнуть сразу. Новые собственники использовали землю для сдачи ее в аренду, часто кабальную. Отношения в деревне оставались в основе феодальными. В XX в. пришлось проводить еще одну аграрную реформу, чтобы вывести сельское хозяйство из глубокого застоя.

Модернизационные реформы, хотя и с разным успехом, затронули все сферы жизни только в Османской империи и Японии. Программа же «Ста дней реформ» в Китае в области государственного управления ограничилась призывами изменить систему экзаменов: отменить наиболее архаичные и далекие от практических знаний предметы и включить экзамены по политическим и экономическим дисциплинам; разрешить чиновникам всех рангов, представителям ученых и прочему люду свободно подавать прошения императору; закрыть некоторые бездействующие и ненужные административные учреждения при дворе и в правительстве; сократить штаты правительственных учреждений; разрабатывать и публиковать государственный бюджет и его исполнение. Многочисленные предложения о создании новых учебных заведений в Китае не предусматривали разработки системы образования и введения всеобщего бесплатного обучения на низшей и средней ступенях, как это было

в Японии и Османской империи. Высказывались многочисленные предложения относительно поощрения промышленности и сельского хозяйства, но не упоминалось о введении равенства подданных.

Содержание и последовательность провозглашения модернизационных реформ в феодально-бюрократических государствах Востока сознательно или в силу историко-логического развития соответствовали реформам, осуществленным европейскими монархами в период раннего абсолютизма, развитым в эпоху «просвещенного» абсолютизма и завершенным установлением конституционной монархии. (Мы имеем в виду централизацию управления через упорядочение государственного механизма и создание единого государственного пространства путем распространения единообразной системы административно-территориального деления, составления кадастра земель и утверждения общей налоговой системы, отмены внутренних таможенных пошлин и т.п. — при раннем абсолютизме; провозглашение равенства, заботу о безопасности и правах подданных, рели-

345
гиозную толерантность, признание приоритета закона над волей правителя при сохранении его самодержавной власти — в эпоху «просвещенного абсолютизма».)

Первый тур реформаторских преобразований Османская империя осуществила за первые три четверти XIX столетия, а затем была вынуждена вернуться к восстановлению конституционного строя в процессе младотурецкой революции. В Японии эти реформы были проведены за два последних десятилетия того же века. Китай и Иран реализовали свой курс либеральных реформ лишь во время революций начала XX в., совместив его с провозглашением демократических свобод.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Трудности модернизации государственного и общественного строя в колониальных странах заключались не только в сопротивлении косного традиционного строя, но и в стремлении колонизаторов так дозировать степень преобразований, чтобы не подорвать собственную власть. Позиция колониальной администрации была в чем-то аналогична той, которую занимали консерваторы-традиционалисты в независимых странах. Но, конечно, у этих двух консервативных сил были разные задачи. Если в независимых странах реформы в области управления, строительства современной государственности стояли на первом месте, то для колонизаторов создание автономной от метрополии государственности не было основной задачей. Они гораздо больше внимания уделяли экономическим преобразованиям и вопросам образования.

При анализе колониальной политики следует учитывать, что в метрополиях велась довольно ожесточенная борьба по поводу ее целей и методов. Прежде всего, наряду со сторонниками увеличения колониальной эксплуатации всегда имелись их противники, сочувствовавшие колонизируемым народам («белые черномазые», как их называли в Англии). Затем, внутри буржуазных слоев существовал постоянный антагонизм сначала между торговцами-монополистами Ост-Индских компаний и другими предпринимателями, стремившимися эту монополию разрушить и самим подключиться к восточной торговле, а затем и между торговым капиталом в целом и промышленниками. Велись ожесточенные дебаты в парламентах по поводу того, какая экономическая политика в колониях, какая система управления, система образования, система судопроизводства наиболее выгодны, в какой мере можно уравнивать туземцев в правах с европейцами, на какие слои следует опираться и т.п. Наконец, колониальная политика пережила разные периоды. В Индии периоды правлений вице-королей — консерваторов перемежались либеральными режимами. В Нидерландской Ост-Индия в конце XIX — начале XX в. был провозглашен «этический курс» колониальных властей. Во французском Индокитае одно время, правда короткое, проводилась политика «морального завоевания».

Интересно также отметить, что серьезные противоречия в подходе к колониальным проблемам наблюдались между властями в метрополии и в колониях. Власти метрополии, как правило, занимали наиболее либеральную позицию; чи-

346
новники колонии были более реакционны, причем чиновники на местах были настроены наиболее нетерпимо по отношению к туземцам. Дело доходило до прямого саботажа распоряжений правительств и парламентов метрополий. Наконец, европейцы, жившие в колониях (плантаторы, предприниматели, военные), презрительное отношение к местному населению не считали нужным скрывать.

Конечно, политика каждой из колониальных держав имела свои особенности. Все же попытаемся выделить некоторые общие черты реформ в колониях.

Для всех колонизаторов одним из важнейших вопросов был **вопрос о собственности на землю**. Наиболее последовательными сторонниками частной собственности среди других колонизаторов проявили себя англичане в **Индии** и на Цейлоне. После первых неуклюжих попыток сохранить старую систему налогообложения, лишь заменив собой прежнюю власть падишаха и *навабов*,

попыток, стоивших индийскому народу многомиллионных жертв, англичане ввели в разных частях своих владений три системы землевладения и налогообложения, исходя из менявшихся представлений о том, кто должен быть собственником, а следовательно налогоплательщиком, и как обеспечить подъем хозяйства и рост поступлений от налогов. В Восточной Индии собственниками были объявлены крупные землевладельцы, налог с которых был зафиксирован «навечно» и в результате падения цены серебра стал быстро уменьшаться. В Северной Индии собственниками стали более мелкие владельцы, объединенные в общины, налог с которых был зафиксирован на 30 лет. Однако впоследствии по политическим соображениям англичане не решились серьезно поднимать этот налог, и он тоже стал незначительным. В Южной Индии земля была дана *райятам*, которые считались крестьянами, но на самом деле значительное их число также являлись землевладельцами помещичьего типа. Для них был установлен наиболее высокий налог, но его потом пришлось снижать. Более подробно об этих системах землевладения и налогообложения рассказано в главах по Индии.

Англичане были догматически уверены в благотворности частной собственности для развития сельского хозяйства. Однако в результате их мероприятий земля оказалась в руках слоя, неспособного развивать производство, феодального по своей ментальностиTM. После синайского восстания аграрная политика англичан изменилась. Они стали принимать законы, защищавшие арендаторов от всевластия помещиков. Частная земельная собственность, практически теперь уже не ограниченная «сверху» (высоким налогом), стала ограничиваться «снизу» — путем фиксирования ренты с арендаторов. Однако колонизаторам так и не удалось создать в Индии слой сельских хозяев, заинтересованных в развитии производства. Англичане ставили перед собой три задачи: 1) создать условия для развития сельского хозяйства, что должно было обеспечить их необходимыми товарами и расширить налоговую базу; 2) сохранить высокий земельный налог, который должен был обеспечить их финансовые нужды; 3) создать себе в Индии социальную опору. Первые две задачи не были решены, а третья осуществилась. Класс помещиков стал верной опорой колониального режима. Однако затем из среды этих помещиков вышли первые индийские интеллигенты, оппозиционеры власти, лидеры будущего национально-освободительного движения.

347

На **Цейлоне** первые колонизаторы (португальцы и голландцы) пытались использовать ресурсы острова, оставляя в силе прежнюю систему отношений власти и подданных. Той же линии придерживались и англичане в первые десятилетия своего господства. Лишь в 1833 г. была отменена обязанность безвозмездного труда на правительство (*раджакария*), введена частная собственность на землю и разрешена свободная продажа казенных и всех прочих земель. Голландцы на Яве в течение всего периода своего владычества были ориентированы на торговлю тропическими продуктами. Перед ними стоял вопрос, как обеспечить надежное поступление мускатного ореха, гвоздики, кофе, тростникового сахара, индиго и хлопка. Был период в их колониальной политике (1816-1830), когда они, подобно англичанам в Индии, уповали на введение частной собственности. Буржуазная догма гласит, что хозяин земли непременно хочет увеличить свой доход и потому станет выращивать на своем участке наиболее выгодные культуры. Однако яванские крестьяне, получив права на землю, не торопились выращивать нужные колонизаторам товарные культуры, а расширяли посевы риса. В 1830 г. голландцы вернулись от методов частного капитала к государственно-крепостнической эксплуатации. Была введена так называемая система культур (т.е. принудительных культур), по которой крестьяне были обязаны отводить определенную часть своей земли под нужные колонизаторам культуры — сахарный тростник, индиго, кофейное дерево, чайный куст, табак, перец, коричное дерево, хлопчатник, масличную пальму, хинное дерево. Кроме того, крестьяне приписывались к фабрикам по переработке урожая этих культур. Система оказалась «удачной»: доходы колонии возросли и стали существенной частью нидерландского государственного бюджета. Лишь в 1870-е годы «система культур» была отменена и яванские крестьяне стали правомочными собственниками.

Система управления в колониях должна была сочетать безусловную неограниченную власть колонизаторов с определенным привлечением к управлению местного населения. Нельзя сказать, что колониализм оставил освободившимся затем странам навыки современных форм правления на верхних эшелонах власти. Самые демократические страны вроде Англии и Франции строили свою верховную власть в колониях на авторитарных принципах. Несмотря на элементы коллективного управления (советы высших должностных лиц при губернаторах и генерал-губернаторах) и

определенную систему контроля над деятельностью колониальной администрации со стороны парламентов и правительств метрополий, власть губернаторов практически была единоличной. Органы, соответствующие понятию «правительство», в большинстве колоний были созданы только в XX в. Местные жители в них не входили.

На более низких ступенях исполнительной власти колонизаторы не могли обходиться без помощи местных кадров. Англия, например, не могла бы удержать индийскую империю в своих руках собственными силами. В 1837 г. в Индии была всего 41 тыс. англичан, из них 37 тыс. — военнослужащие. Гражданских чиновников было всего около тысячи. Еще около 3 тыс. — неслужащих англичан. Они могли рассчитывать на помощь 30 000 «евразийцев», т.е. потомков от смешанных браков англичан и индийских женщин. В 1861 г. в Индии находилось англичан: 84 083 военных, 22 556 гражданских лиц, 19 306 женщин. Понят-

348

что колониальный аппарат на уровне области (дистрикта) и района (*тахсила, талука*) состоял преимущественно из индийцев. Проблема заключалась в том, как заинтересовать индийцев служить англичанам, не допуская первых к высоким постам.

В Акте об управлении Индией 1793 г. говорилось, что лица, не находящиеся на службе в Ост-Индской компании, не должны занимать должности с жалованьем более 500 ф. ст. в год. В подобном законе 1833 г. это ограничение было снято, более того, утверждалось, что при назначении на посты не должно быть никакой дискриминации по расовому или религиозному принципу. Такое же обещание привлекать к управлению всех, невзирая на религию и расу, содержала Прокламация королевы Виктории 1858 г.

В 1853 г. было решено основать Индийскую гражданскую службу (*Indian Civil Service*), т.е. набирать на административные посты в Индии лишь тех, кто сдаст соответствующие экзамены. Подразумевалось, что экзамены может сдать любой, в том числе и индеец. Но экзамены надо было сдавать в Лондоне, на английском, конечно, языке и в возрасте до 23 лет. В 1876 г. предельный возраст для сдачи экзаменов был еще понижен до 19 лет. Экзамены начались только в 1858 г. Первым индийцем, сдавшим экзамен и зачисленным на службу в 1864 г., стал Сатъендранатх Тагор, старший брат будущего знаменитого поэта Рабиндраната Тагора. Индийские образованные круги, которые к тому времени уже были довольно многочисленны, стали требовать увеличения предельного возраста до 23 лет и разрешения сдавать экзамены в Индии. Возраст был увеличен только в 1889 г., а экзамены в Индии стали приниматься только в 1922 г.

Первоначально индийцев в системе гражданской службы были считанные единицы. Но постепенно они составили заметный процент на всех этажах администрации. В 1867 г. из 648 человек, значившихся в номенклатуре, было 12 индийцев. В 1903 г. их стало 92 из 1370 человек. В провинциальных управлениях за эти же годы процент индийцев поднялся более значительно. Впрочем, следует подчеркнуть, что высшее чиновничество — как англичане, так и индийцы — оставалось наиболее консервативной силой в структуре власти.

Опорой режима была армия, состоявшая из английских частей (делившихся до 1858 г. на войска Компании и королевские) и полков, набранных из индийцев (сипаев). В отличие от независимых стран, в колониях не могло быть всеобщей воинской повинности, поэтому армия не могла стать фактором национального сплочения. Англичане набирали сипаев из каст и конфессий, считавшихся «воинственными». Служба в армии рассматривалась как привилегия. Дисциплина в европейских войсках была свирепой. Белые солдаты за нарушения дисциплины наказывались плетью. Нередко приговаривали к 500-1000 ударов плетью. Были случаи смертей от таких наказаний. ¼ европейских солдат по крайней мере однажды подвергались телесным наказаниям. Случались и смертные приговоры трибуналов. Иной была политика в отношении синайских войск. Был, правда, период в первой половине XIX в., когда колонизаторам показалось, что они подчинили Индию окончательно и бесповоротно и могут делать в ней что хотят. В частности, перестали обращать внимание на недовольство, зревшее в синайских частях. Они жестоко поплатились за это в ходе синайского восстания. В дальнейшем они

349

пестовали синайскую армию весьма грамотно. Сипаи получали жалованье гораздо меньшее, чем солдаты-англичане, офицеры синайских частей не могли дослужиться выше, чем до звания, соответствующего сержанту, а после восстания — капитану, и возглавить подразделение крупнее роты. Но физические наказания в синайских частях были запрещены.

Реформы Кольбука-Камерона 1833 г. на Цейлоне стали первым шагом к формированию современной государственности. В некоторых отношениях модернизация аппарата Цейлона обгоняла в это время подобный же процесс в Индии. Число английских чиновников было сокращено, в аппарат стали широко привлекать цейлонцев, в том числе из низших каст. При губернаторе был создан Исполнительный совет из шести чиновников и Законодательный совет с совещательными функциями из 15 членов. Он состоял из девяти высших должностных лиц-англичан (в том числе всех

членов Исполнительного совета) и шести представителей от различных групп населения, назначаемых губернатором. Из них трое представляли английскую общину, и по одному — сингалов, тамиллов и *бюргеров* (так называли потомков от смешанных браков голландцев и местных женщин). Цейлон был подразделен на пять провинций, последние — на дистрикты, система управления стала единообразной. **Законодательные органы** в колониях появились не раньше, чем в странах, сохранявших независимость, и нередко отличались декоративностью и бессилием. Так, в **Индии** по закону 1861 г. при губернаторах и при генерал-губернаторе были учреждены «Индийские советы», но их функции были крайне ограничены. Они не имели права обсуждать решения правительства, не контролировали финансы и даже не имели права интерpellации, т.е. права формулировать запросы, ответы на которые могли бы обсуждаться. Половина членов советов должна была быть не чиновниками. «Несколько мест», говорилось в законе, должны предоставляться «высокопоставленным туземцам». Уже в 1862 г. Совет при вице-короле были назначены три индийца, не имевшие административных постов. В 1892 г. под влиянием петиций Индийского национального конгресса правительство Индии приняло новый закон об Индийских советах. Число нечиновных членов советов увеличилось. Все они назначались, но, если оказывались вакансии, их могли занимать представители муниципалитетов и дистриктных управлений (органы самоуправления, о которых речь пойдет ниже). Это было слабеньким зародышем принципа выборности членов советов, но все же зародышем, который стал расти. Права советов были расширены. Теперь они уже могли выражать свое мнение о бюджете, хотя и не голосовать по нему, и подавать запросы правительству. Это было совсем не то, чего требовал Конгресс. Он резко критически отнесся к данной реформе, однако его лидеры приняли участие в работе советов. В 1909 г. реформы Морли-Минто ввели принцип выборности части членов советов, расширили их состав и функции. Затем в течение межвоенного периода были произведены реформы, расширявшие возможности контроля законодательных органов над исполнительной властью — но только на уровне провинций. Центральная власть осталась по существу авторитарной вплоть до ухода англичан из Индии в 1947 г. Об этом будет рассказано в следующем томе нашей серии.

350

Определенную роль в появлении зародышей современной государственности сыграли усилия англичан по развитию **местного самоуправления**. Еще в конце XVIII в. появились муниципалитеты в трех столичных городах — Калькутте, Бомбее и Мадрасе. В 1842 г. муниципалитеты были основаны и в других крупных городах. Они не были выборными. Выборность части депутатов была введена только в 1870—1880-х годах. Ряд муниципалитетов, особенно калькуттский, сыграли определенную роль в борьбе за права индийцев. Общественные советы в дистриктах и их подразделениях получили некоторый самостоятельный статус в 1921 г. Но реального самоуправления за пределами столичных городов при колонизаторах не возникло. Независимой Индии пришлось строить местное самоуправление заново.

На **Цейлоне**, как уже говорилось, Законодательный совет появился в 1833 г., но он оказался совершенно беспомощным перед властью губернатора. Тем не менее он все же представлял собой определенный противовес официальным властям. Так, в 1864 г. все шесть неофициальных его членов, в том числе англичане, проголосовали против увеличения расходов на содержание аппарата и армии, а затем вышли из состава Совета и создали нечто вроде партии — «Цейлонскую лигу».

Агитация за расширение прав Совета и за выборность всех его членов привела к тому, что Совету было предоставлено право контроля над бюджетом. Конституционная история колониального Цейлона весьма богата. Реформы 1910, 1912, 1920 и последующих годов постепенно расширяли состав Совета, его функции и количество избираемых членов.

Нидерландская Ост-Индия (Индонезия) дольше других колоний не имела даже бутафорских законодательных органов. Лишь в 1916 г. нидерландский парламент принял закон о создании в Индонезии совещательного органа — *фольк-сраад*.

Пожалуй, самую заметную роль для дальнейшего развития колониальных стран сыграло внедрение в них в период колониализма принципов **европейского права и судопроизводства**. В XVIII — начале XIX в. в британских владениях действовало английское право применительно к европейцам, а гражданские иски между индусами и мусульманами разрешались согласно местным традициям с использованием *дхармашастр* для индусов и *шариата* для мусульман. Первоначально не предполагалось распространить английское право на всех жителей Индии.

После вступления в силу Акта об управлении **Индией** 1833 г. Т.Б.Маколей был назначен членом совета при генерал-губернаторе по юридическим вопросам и приступил к кодификации права. Индийцев стали шире привлекать к работе судов. Делопроизводство перевели с персидского (в то время официальный язык все еще формально существовавшей Могольской империи) на местные языки. Суд присяжных начали вводить еще с 1832 г. В 1836 г. Т.Б.Маколей добился принятия Акта, по которому европейцы стали наряду с туземцами подсудны местным судам, но только по гражданским искам. По уголовным делам их судил только Верховный суд в Калькутте. В 1849 г. парламент попытался принять

несколько законов, направленных на уравнивание прав в судах. Британская общественность добилась отклонения этих, как она их называла, «черных законов».

351

После синайского восстания необходимость кодификации всего права была осознана как еще более насущная. Были разработаны и приняты Гражданский процессуальный кодекс, Индийский уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Закон о наследовании, Закон о договорах, Закон о доказательствах, Закон о ценных бумагах, Закон о передаче собственности, Закон о доверительной собственности. В XX в. законотворческая деятельность продолжалась.

Были разработаны также законы о наследовании и браке отдельно для индусов и мусульман.

В 1861 г. прошла судебная реформа, которая объединила суды двух типов в один. В каждом президентстве был учрежден единый Верховный суд. Но все же на практике судьи-индийцы могли судить лишь местных жителей, а европейцы, если совершали преступления, подлежали суду во главе с европейцем.

При лорде Дж.Рипоне, в 1880-1884 гг., был принят законопроект судьи КЛ.Иль-берта, который почти полностью уравнивал права всех граждан в суде. Конечно, сохранялось привилегированное положение европейцев в судах, но общий принцип равенства сторон вне зависимости от расы более или менее поддерживался.

На **Цейлоне** судебная реформа была проведена в 1835 г. Деревенские суды (*гансабхава*) были упразднены и заменены судами европейского типа на всех уровнях.

Многие законы, вводимые колонизаторами, были недемократичны. Как сказали бы мы сейчас, нарушали права человека. И все же, сравнивая колониальные страны с доколониальными, можно констатировать, что автократические колониальные режимы в какой-то степени были **правовыми**.

Власти действовали в рамках законов, какими бы несовершенновыми они ни были и как бы на практике эти законы ни нарушались чужеземными правителями.

Значение принципов европейского судопроизводства заключалось не в том, что законы неукоснительно соблюдались, а в том, что они усваивались местной политической элитой и служили ей основанием для выдвижения требований равенства и демократизации всей структуры управления.

Введение **системы образования европейского типа** в колониях диктовалось необходимостью подготовки местных кадров для нужд управления и суда. В 1813г. в хартию о продлении деятельности Компании впервые было включено требование выделять 100 тыс. рупий в год на развитие образования — «для возрождения и развития литературы и поощрения индийских ученых, а также для распространения и развития научных знаний среди населения британских территорий в Индии». Противников такой политики было много, но курс впоследствии не менялся. К этому времени в Индии, по крайней мере в Калькутте, уже было несколько десятков людей, получивших среднее европейское образование, или самоучек, которые восприняли либеральную тенденцию в колониальной политике с энтузиазмом. Официальной датой возникновения системы образования европейского образца в **Индии** считается 1835 год, когда лорд Бентинг издал специальную резолюцию, подготовленную Т.Б.Маколеем. Целью считалась подготовка европеизированных индийцев. Обучение местной истории или культуре в школах практически отсутствовало. В 1844 г. лорд Хардинг заявил, что знающие английский

352

получают преимущество при поступлении на службу. Это усилило стремление молодых людей поступать именно в английские школы. В 1854г. были созданы департаменты народного образования в каждой провинции, вся система школ была унифицирована.

В 1857 г. открылись первые университеты — в Калькутте, Бомбее, Мадрасе. В соответствии с тогдашними взглядами подготовка управленческих кадров заключалась в овладении студентами прежде всего гуманитарными знаниями. Будущий чиновник должен был быть прежде всего «настоящим джентльменом». Ему преподавали европейскую литературу и историю, а также юриспруденцию. Подчеркнем, что так же готовили и кадры европейцев в Англии — соискателей должностей в Индии. Первоначально в университетах не было не только технических факультетов, но и, например, медицинских. Большую роль впоследствии сыграли индийские юристы — судьи и адвокаты. Основание университетов означало не только появление высшей школы, но и введение принципа университетской автономии. Университетская общественная жизнь стала первой школой демократии для многих индийских студентов. В 1887/88 г. в Индии было 4 млн. студентов разного уровня, большинство из которых учили английский.

На **Цейлоне** после реформ Кольбрука-Камерона в Коломбо, Галле, Джафне, Канди и Чилоу были открыты современные школы. В Коломбо в 1836 г. был открыт Королевский колледж — первое учебное заведение второй ступени. С 1882 г. выпускники Академии в Коломбо получили право поступать в Лондонский университет.

Продолжали сохраняться и школы традиционного типа — буддийские, индуистские, мусульманские. В 1880 г. буддийские частные начальные школы были официально признаны властями и первые четыре

школы получили государственные субсидии. К 1910 г. субсидируемых буддийских школ стало уже 225. Субсидии выделялись после 1915 г. также *пиривенам* — средним и высшим буддийским учебным заведениям.

В 1907 г. было введено обязательное начальное образование.

Голландцы на Яве, в отличие от других колонизаторов, не стремились к созданию европеизированного туземного слоя. Колониальная администрация препятствовала изучению индонезийцами голландского языка. Более того, индонезийцам запрещалось обращаться к европейцам на голландском языке. В то же время, чтобы поступить в школу, голландский язык надо было знать. Яванские феодалы, торговцы, служащие, желавшие дать своим детям европейское образование, обучали их дома, как бы подпольно. Серьезным новшеством в колониях было появление **прессы**, в том числе на местных языках, и ограниченной **свободы слова**.

В Индии первая газета стала выходить в 1780г. в Бенгалии. Первое время существовали только англоязычные газеты. В них публиковалось много критических материалов по отношению к правительству, но критика велась с точки зрения английской общины, т.е. правительство критиковалось за все прогрессивное, что оно предпринимало. В 1799 г. правительство ввело цензуру: оттиск газеты должен был представляться в правительственное учреждение до печати. Наиболее серьезным наказанием за нарушения цензурных правил служила высылка редактора в Англию.

353

В 1818г. появилась первая газета на бенгальском языке. В том же году цензура было отменена. В 1823 г. ограничения свободы слова были введены вновь. Но наступили либеральные времена, и в 1835 г. исполняющий обязанности генерал-губернатора Ч.Меткаф издал закон о свободе печати. В 1839 г. в Калькутте издавалось 26 европейских газет (в том числе 6 ежедневных) и 9 индийских. В Бомбее— 10 европейских и 4 индийские. В Мадрасе— 9 европейских. По одной газете издавалось в Лудiane, Дели, Агре и Серампуре.

Гонения на прессу возобновились в 1878г. Они относились уже именно к индийским газетам. Это было связано с резкой критикой в печати агрессивной внешней политики лорда Литтона, в частности развязывания второй англо-афганской войны.

Вице-король лорд Рипон (1880-1884), придерживавшийся либеральных взглядов, отменил закон о прессе на туземных языках. Снова установилась относительная свобода печати. Сравнительно свободная пресса сыграла большую роль в распространении идей национального возрождения, а затем и национального освобождения.

Результатом всех этих преобразований явились **социальные изменения**, как желательные, так и нежелательные для колонизаторов. Появилась интеллигенция (из помещичьих кругов) — юристы, чиновники, бизнес-элиты из прежде маргинальных слоев. Однако основы традиционной социальной иерархии не были поколеблены. Например, в Индии кастовая система сумела приспособиться к экономическим и прочим изменениям. Новые возможности социальной мобильности, вновь возникающие статусы и новое распределение материальных богатств воспринимаются кастовым сознанием как подтверждение традиционной матрицы: чем каста выше, тем она богаче и влиятельнее. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что новыми возможностями сумели лучше всего воспользоваться именно высшие касты.

Более того, кастовая система, значительно ослабленная в Могольский период, получает новый импульс к развитию. Переписи населения впервые дали людям представление о численности «своих». Новые средства транспорта и связи создали возможность образования кастовых ассоциаций и объединений. Идеи равенства воспринимались как обоснование борьбы за изменение статуса касты в кастовой системе.

Тонкий слой отчасти европеизированной элиты, готовый возглавить процесс модернизации, все же численно превышал потребности в ней. Ее потенциал не использовался. Растущая безработица среди образованных людей усиливала чувство неудовлетворенности интеллектуалов своим гражданским и политическим положением. Это дало импульс к разрыванию национально-освободительного движения.

Модернизация государственного строя и социальных отношений в странах Востока началась в XIX в. Она проходила принудительно: в результате прямого воздействия колонизаторов в колониальных странах и при косвенном давлении того же колониализма — в странах, отчасти сохранивших свою независимость.

354

Она совершалась с большими трудностями, испытывала поражения и откаты, вызывала мощные волны традиционализма и реакции. Задачи модернизации восточных обществ не были решены фактически ни в одной из стран. Даже Япония, которой удалось многие реформы, вынуждена была в XX в. пройти еще один тур модернизации государственного строя и социальных отношений, равнозначный революции. Всем странам Востока в XX в. выпали на долю большие испытания, связанные с

нерешенностью проблем их вхождения на равных в современный мир.

Глава 2

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ 1840-1870-х ГОДОВ

ПЕРВЫЙ ЭТАП ТАНЗИМАТА

Реформы султана Махмуда II явились важным этапом в процессе «европеизации» Османской империи, ее экономического и культурного прогресса. Их логическим и естественным продолжением стали начавшиеся на рубеже 30-40-х годов XIX в. реформаторские мероприятия, вошедшие в историю Турции под названием *Танзимат*.

Отправной точкой реформ 40-50-х годов стал султанский Гюльханейский *хатт-и шериф* 1839 г., с подготовкой и провозглашением которого связано имя крупнейшего турецкого государственного деятеля того времени — Мустафы Решид-паши. Он был представителем новой прослойки османской бюрократии, которая все глубже осознавала необходимость проведения реформ ради спасения и упрочения империи. В формировании его личности и взглядов особую роль сыграло пребывание в середине 1830-х годов в Европе в качестве турецкого посланника в Париже, а затем посла в Лондоне, где он много внимания уделял изучению государственного устройства и политической жизни европейских стран.

Подготовка новой серии реформ была обусловлена существенными внешнеполитическими обстоятельствами: усилившейся зависимостью Османской империи от политики европейских держав после ее тяжелого поражения в конфликте с Египтом. Решид-паша и его сторонники полагали, что нужно предпринять такие реформаторские шаги, которые показали бы всей Европе, что в империи может быть установлен «либеральный режим», и тем самым ослабить политическое давление держав. Решиду удалось убедить в этом султана Абдул-Меджида и добиться его санкции на подготовку указа о реформах.

Гюльханейский *хатт-и шериф*, названный так по месту его провозглашения — на площади перед султанским дворцом Гюльхане, — был обнародован 3 ноября 1839 г. Основные его положения заключались в провозглашении гарантий безопасности жизни, чести и имущества всех подданных империи, обеспечения справедливого способа взимания налогов, ликвидации откупной системы. Указ устанавливал гласность судебных процессов, гарантировал прекращение практики конфискации имущества осужденных, декларировал равенство подданных империи в их правах и обязанностях без различия вероисповедания.

После обнародования *хатта* реформаторы приступили к практическому проведению его в жизнь. Так, в 1840 г. был принят новый Уголовный кодекс, положения которого были направлены на укрепление гарантий прав личности, обеспечение законности и ликвидацию административного и судебного произвола. Было объявлено об отмене откупной системы при взимании налогов. Однако эти

356

новшества вызвали активное сопротивление консервативных сил, прежде всего в среде мусульманского духовенства. Борьба между сторонниками и противниками реформ была настолько острой, что весной 1841 г. дело даже дошло до отставки Решид-паши. Но Англия и Франция по дипломатическим каналам довели до сведения султана желание держав видеть продолженной политику реформ. В октябре 1845 г. Решид-паше был возвращен пост министра иностранных дел, а в сентябре 1846 г. он был назначен великим *везиром*, и проведение реформ продолжилось.

В 1845-1854 гг. последовало издание ряда законов, регулировавших вопросы землевладения и судопроизводства. В частности, в 1847 г. создан уголовный суд, действовавший уже не по шариатским установлениям, а на основе нового уголовного законодательства. Начала действовать сеть специальных коммерческих судов, а в 1850 г. был принят Коммерческий кодекс, подготовленный на основе аналогичного французского. В 1854 г. правительство создало специальные суды для разбора уголовных дел между мусульманами и немусульманами.

В своей деятельности реформаторы постоянно наталкивались на ожесточенное сопротивление феодально-клерикальных кругов. В 1848 г. Решиду вновь пришлось на несколько месяцев покинуть пост великого *везира*. Реальные последствия реформ этого периода оказались ограниченными. Безрезультатны были также меры, направленные против лихоимства и коррупции чиновничьего аппарата. Не удалось осуществить и отмену системы откупа налогов. Был лишь принят ряд постановлений, которые должны были обеспечить ликвидацию произвола местной администрации при сборе налогов.

Танзиматские реформы коснулись и непосредственно экономической жизни. Они ознаменовали некоторый прогресс в защите прав земельной собственности. Реформаторы стремились стимулировать промышленное предпринимательство, но в условиях господства полуфеодальных и местами даже феодальных производственных отношений сдвиги в экономической жизни были крайне незначи-

тельными.

Реформы не обошли и сферу образования и просвещения: в 1846 г. был издан закон о начальном и среднем светском образовании, принято решение о создании университета. Но реформирование системы образования проходило медленно — не было кадров учителей и учебных пособий для светской школы.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853-1856 гг.

Развитие реформаторского движения приостановила Крымская война, сыгравшая большую роль в исторических судьбах империи. В числе причин ее возникновения были англо-русское и франко-русское соперничество в Османской империи.

Отправной точкой политического, а затем и военного конфликта великих держав на Ближнем Востоке стал вопрос о «святых местах». Еще в мае 1850 г. начался затяжной спор между Францией и Россией о приоритете католической и православной церковью в охране и реставрации «святых мест» христианства

в

Иерусалиме и Вифлееме. В январе 1852г. царскому правительству удалось добиться султанского *фирмана*, традиционно признававшего преимущественное право православной церкви в «святых местах». Франция, в свою очередь, добилась вскоре признания в «святых местах» прав католической церкви в ущерб православной.

Когда Николаю I стало ясно, что ему не прийти к соглашению с Англией и Францией, он решил усилить давление на султана и его правительство. В Стамбул весной 1853 г. была направлена русская чрезвычайная миссия во главе с князем А.С.Меншиковым, главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму. Ей было поручено не только в ультимативном порядке обеспечить преимущественное право православной церкви в «святых местах», но и добиться признания за царским правительством права покровительства всем православным подданным султана. Султан и Порты отклонили требования Николая I, и 21 мая 1853 г. миссия Меншикова и почти весь состав русского посольства в Стамбуле покинули столицу Османской державы. Ошибочно полагая, что Англия и Франция не пойдут на открытый конфликт, Николай I принял решение начать войну с Турцией. Русские войска в июле 1853 г. форсировали Прут и вскоре без боевых действий заняли территорию Дунайских княжеств. Опираясь на поддержку западных держав, турецкое правительство предъявило требование о выводе войск России из княжеств. Поскольку командование русских войск отклонило любые попытки переговоров, начались военные действия.

Они развернулись вначале на Дунае и Кавказском фронте. Крупные сражения произошли в Малой Валахии, на левом берегу Дуная. 30 ноября 1853 г. у Синопа эскадра русского Черноморского флота под командованием адмирала Нахимова разгромила турецкий флот. В декабре 1853 г. турецкая армия была разгромлена и на Кавказском фронте в сражении у села Башкадыклар (между Карсом и Александрополем).

Ввиду угрозы полного военного поражения Османской империи западные державы, опасавшиеся за свои позиции на Ближнем Востоке, решили открыто вмешаться в конфликт. Уже после Синопской битвы морские эскадры Англии и Франции появились в Черном море. В марте же 1854г. державы заключили с Османской империей союзный договор, направленный против России, а в середине апреля 1854 г. союзники начали военные действия. Их войска оккупировали Пирей, появились и на Дунайском фронте. Затем державы попытались склонить Россию к миру на условиях, которые в марте-июне 1854 г. обсуждались в Вене на специальной конференции. Но конференция не достигла успеха, после чего бои развернулись на основных театрах военных действий — в Крыму и Закавказье.

Крымская кампания вошла в историю благодаря героической обороне Севастополя, осажденного 120-тысячной англо-франко-турецкой армией и союзным флотом. Почти год, самоотверженно сражаясь с врагом, русские войска под командованием П.С.Нахимова и В.А.Корнилова и все население города держали оборону. Союзникам удалось взять город в сентябре 1855 г., но ценой потери более 70 тысяч своих солдат.

Вместе с тем русские войска провели ряд успешных операций на Кавказском фронте, захватив в ноябре 1855 г. крепость Каре. Длительные бои на Кавказском фронте почти полностью лишили султана анатолийской части его армии.

358

При посредничестве Австрии в конце 1855 г. начались мирные переговоры. 25 февраля 1856 г. в Париже открылся мирный конгресс, в котором участвовали Россия, Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Турция и Сардиния. Он завершился договором о мире, подписанным 30 марта 1856 г. По условиям договора Россия теряла Южную Бессарабию, была вынуждена согласиться на сокращение черноморского флота и лишалась права сооружать на Черноморском побережье арсеналы и верфи. Итоги Крымской войны для Османской империи были также неутешительны. Она потеряла почти всю сиюю армию, понесла огромный экономический ущерб, в большом расстройстве оказались ее финансы.

В 1854 г. Порты была вынуждена - сделать первый заём у Англии и Франции. Средств этих хватило ненадолго, уже в августе 1855г. банкирский дом Ротшильда предоставил Османской империи новый заём. Условия займов были для Османской империи весьма невыгодны.

ВТОРОЙ ЭТАП ТАНЗИМАТА

После окончания Крымской войны, буквально обнажившей социальные пороки и национальные проблемы империи Османов, ее правящие круги сделали еще одну попытку обеспечить развитие экономики и культуры с помощью реформ. Отправным пунктом нового этапа реформ стал султанский указ 1856 г., в котором была вновь провозглашена гарантия равных прав османских подданных всех вероисповеданий, а также было объявлено о намерении Порты провести ряд экономических реформ, в частности ликвидировать злоупотребления при сборе налогов.

Танзиматские реформы 50-60-х годов XIX в. осуществлялись под руководством двух видных представителей новой османской бюрократии — Али-паши и Фуад-паши. Они были сподвижниками Решид-паши, а после его кончины неоднократно занимали посты великого *везира* и министра иностранных дел. Али и Фуад были сторонниками умеренных реформ администрации, юстиции и просвещения.

В 1858 г. был издан закон о земле, положения которого закрепляли результаты процесса ликвидации тимарной системы землевладения. Порты расширила права наследования земельных владений.

Реформы этого периода более серьезно затронули сферу законодательства. В августе 1858 г. вступил в действие новый Уголовный кодекс, в основу которого легли принципы французского Уголовного права. 3 августа 1861 г. стал действовать первый в истории Османской империи Коммерческий процессуальный кодекс. Порты провела ряд реформ и в сфере судопроизводства. В 1860 г. было объявлено о создании в столице империи и в некоторых из провинциальных центров специальных коммерческих судов, которые учреждались вне юрисдикции мусульманского духовенства. Судебная власть была отделена от административной. Было предусмотрено увеличение числа светских судов. В 60-х годах реформаторы осуществили ряд мероприятий, направленных на централизацию власти. Закон о *вилайетах*, принятый в ноябре 1864г., преду-

359

сматривал обеспечение принципа централизации власти, контроль Порты за деятельностью провинциальных властей.

В этот период указом султана были утверждены специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин — греко-православной, армяно-григорианской и еврейско-испаньольской. Согласно регламентам, светские дела общин, находившиеся в ведении их религиозных иерархов, переходили в компетенцию создававшихся при них гражданских советов. Но советы практически ставились под контроль султанской администрации.

Танзиматские преобразования этого времени затронули и центральные органы власти. В 1868 г. был создан Государственный совет, на который была возложена задача подготовки государственных законов и важнейших правительственных постановлений. В состав совета были включены и немусульманские подданные империи. В 60-х годах были созданы министерства — юстиции, просвещения, общественных работ, по делам *вакфов*. После Крымской войны начались новые реформы в армии, которая реорганизовывалась по французскому образцу.

Продолжались преобразования в области просвещения и культуры. «Органический закон о всеобщем образовании», изданный в 1869 г., свидетельствовал о сдвигах, происходивших в развитии светской школы всех ступеней, — росте числа средних светских школ, открытии ряда новых гражданских средних учебных заведений.

В целом танзиматские реформы привели к переменам в политико-административной, экономической и культурной жизни страны, но они мало соответствовали потребностям развития огромного многонационального государства. Некогда могущественная держава представляла собой в середине XIX в. экономически отсталую сельскохозяйственную страну с низким уровнем развития производительных сил.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Картина жизни турецкой деревни в середине XIX в. отразилась в воспоминаниях многих европейских путешественников и дипломатов, посетивших различные районы страны. Повсеместно крупные землевладельцы владели большей и лучшей частью земель, сдавая их обычно в аренду крестьянам на основе издольной аренды. При дележе урожая помещик беззастенчиво грабил полностью зависевшего от него арендатора. Издольщина не только была крайне обременительна для крестьян, но и в целом крайне отрицательно сказывалась в эту пору на развитии сельского хозяйства страны. В отдельных районах империи, особенно в восточных ее частях, сохранились еще и такие средневековые способы эксплуатации крестьянства, как барщина и оброк. Прогрессу сельского хозяйства страны серьезно мешала налоговая система. Основным сельскохозяйственным налогом оставался *ашар* — десятина, — который, как правило, взимался через откупную систему. Произвол откупщиков, превращавших *ашар*

в одну четверть или даже треть урожая, разорял крестьян и вел к уменьшению производства продуктов сельского хозяйства.

360

Были и другие серьезные причины, мешавшие развитию сельского хозяйства, — недостаток путей сообщения, наличие внутренних таможенных барьеров, сохранение натурального характера хозяйства в глубинных районах Анатолии. Длина всех железных дорог империи составляла в 70-х годах лишь 1600 км, в Анатолии было всего две небольшие железнодорожные линии. Шоссеиные дороги почти отсутствовали, а грунтовые оставались в очень плохом состоянии.

Уровень промышленности был таков, что Османская империя в середине XIX в. покупала в Европе большинство товаров фабричного производства. Страна не имела предприятий сталелитейной промышленности и машиностроения. В жалком состоянии были немногочисленные предприятия добывающей промышленности. Согласно официальным данным Порты, из 250 открытых залежей различных руд разрабатывалось лишь 30. Но и на существовавших горнозаводских предприятиях уровень техники был столь низок, что при обработке руды терялось до 40% металла. Кризис испытывала такая некогда развитая отрасль ремесленного производства, как ткачество.

Шелкопрядение и шелкоткачество во многих районах Османской империи были буквально парализованы из-за вывоза коконов и шелка-сырца. В результате конкуренции с иностранными товарами пришли в упадок центры производства шелковых и шерстяных тканей в Бурсе, Диярбакире и ряде других городов империи. Иностранные товары облагались крайне низкими ввозными пошлинами. Они были свободны от внутренних пошлин. В торговых договорах Османской империи с европейскими державами, заключенных в 1861-1862 гг., были подтверждены права иностранцев в Османской империи на ввоз и вывоз любых товаров, кроме считавшихся османской государственной монополией (оружие, соль и табак), с импортными пошлинами всего в 8%. В таких условиях местное преимущественно ремесленное производство оставалось беззащитным перед фабричными европейскими товарами.

Проникновение иностранного капитала в экономику Османской империи ощутимо усилилось в 60-70-е годы XIX в. С середины 50-х годов Порты постоянно погашала дефицит в государственном бюджете с помощью внешних займов. К 1876 г. Османская империя заключила 14 внешних займов и ее внешний долг составил 277 млн. лир (более 6 млрд. фр.). Выплата долга обеспечивалась обычно передачей иностранным банкам ряда статей государственного дохода. Так султанское правительство постепенно утрачивало контроль над финансами страны. В 70-х годах XIX в. около половины бюджетных расходов Османской империи шло на погашение государственных займов и процентов по ним. Финансовое положение страны быстро ухудшалось, дефицит ее бюджета был огромным и имел постоянную тенденцию к росту.

Создание современной транспортной инфраструктуры и сети банков осуществлялось крупным международным капиталом на невыгодных для империи условиях. Так, в середине века англо-французский капитал получил концессии на строительство железных дорог. При заключении концессионных сделок Порты обычно принимала на себя обязательство выплачивать концессионерам так называемые километрические гарантии — разницу между реальным и гарантированным правительством концессионерам валовым доходом с километра построенной железной дороги. Иностранные предприниматели получили в середине XIX в. концессии на разработку природных ископаемых и создание банков, по

361

преимуществу обслуживавших коммерческие операции иностранных торговых компаний. Среди возникших банков важнейшим был учрежденный в 1856 г. Оттоманский банк, созданный англо-французским капиталом. В 1863 г. этот банк получил все права и преимущества государственного банка Османской империи. Рост финансово-экономической зависимости страны от иностранного капитала находил свое выражение и во внешней торговле. С середины XIX в. постоянным стал значительный дефицит внешнеторгового баланса империи.

Вместе с тем в османской экономике происходили перемены, шло развитие товарно-денежных отношений. Наряду с распространенным мелкотоварным производством возникали и развивались мануфактуры и отдельные предприятия фабрично-заводского типа, осуществлявшие первичную обработку сырья. Их создавали местные предприниматели, накопившие капиталы на внешнеторговых операциях по вывозу сельскохозяйственного сырья. В 60-70-х годах известный рост обнаружила, в частности, и военная промышленность, было основано несколько государственных фабрик по производству обмундирования и снаряжения для армии. Процессу зарождения и развития капиталистических отношений в экономике страны в определенной степени способствовали танзиматские реформы. Весьма существенным фактором этого процесса стало вовлечение Османской империи в мировой товарооборот, что вело к росту товарности сельского хозяйства в тех областях, которые были связаны с внешним рынком. Этот процесс из-за отсутствия железных дорог происходил

в прибрежных, в основном западных районах империи. В результате постепенного развития товарно-денежных отношений и в сельском хозяйстве появлялись первые ростки капиталистических форм хозяйствования. Во всяком случае, в западных районах Анатолии в 60-х годах стали появляться отдельные крупные помещичьи хозяйства, в которых нашли применение сельскохозяйственные машины и наемный труд.

Вместе с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности формировался единый внутренний рынок. Этот процесс тормозился крайним недостатком путей сообщения и системой внутренних таможенных пошлин. Значительно успешнее и быстрее он проходил в балканских провинциях империи, в частности в Болгарии. Но развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности вело к появлению и развитию буржуазии и в Малой Азии. В силу исторически сложившихся обстоятельств преобладал здесь нетурецкий, в основном греческий и армянский, капитал. Но появлялась и турецкая торговая и промышленная буржуазия.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Внутриполитическое положение страны в 60-70-х годах было весьма напряженным. Резкое обесценивание турецкой лиры и рост дороговизны значительно ухудшили положение самых различных слоев населения. Усиление налоговой эксплуатации, бывшее, в частности, следствием финансового закабаления страны, ухудшало положение крестьянских масс. Расточительство султанского двора дополняли бесконечное казнокрадство в военных ведомствах, махинации по-

ставщиков снаряжения и продовольствия для армии и флота. Впрочем, коррупция чиновничества была нормой жизни всех правительственных ведомств в столице и провинции.

Продолжало набирать силу национально-освободительное движение нетурецких народов Османской империи. Болгары и сербы, греки и армяне, босняки и герцеговинцы поднимались на борьбу против османского ига. Султан и его правительство стремились любой ценой не допустить отделения от империи завоеванных в средневековье территорий. Все более или менее значительные шаги султана и Высокой Порты, направленные на преобразование государственных, социальных или военных институтов, следовали за крупными событиями в освободительной борьбе нетурецких народов империи.

В конце 50-х — начале 60-х годов Порты стала проявлять готовность допустить немусульман в верхние эшелоны власти. В 1856 г. впервые в состав Высшего юридического совета были назначены немусульмане, конечно те из них, кто имел давние тесные связи с высшей османской бюрократией, — крупные ростовщики или откупщики. Однако они составляли незначительное меньшинство в совете. Другим столь же демонстративным жестом Порты было назначение в султанский кабинет министров в 1868 г. армянина Григора Агатона, которому был поручен пост министра общественных работ. Наконец, при создании в 1868 г. нового высшего органа власти — Государственного совета в его состав было введено 13 немусульман (из 41 члена Совета).

По мере того как становилось ясно, что административными полумерами волну освободительных настроений нетурецких народов сбить не удастся, руководители Порты попытались путем реформирования структуры *миллетов* ослабить единство их членов, которое веками позволяло им сохранять национальное достоинство и традиции. В 60-х годах XIX в. были учреждены так называемые национальные конституции — новые регламенты жизнедеятельности немусульманских религиозных общин. Реформа статуса *миллетов*, в основе которой было освобождение светских сфер жизни общины от религиозного контроля (что соответствовало духу Танзимата), привела к обострению борьбы между различными группами духовенства и национальной буржуазии за влияние на общину единоверцев. Порты обосновывала реформы желанием развить принцип самоуправления общин. Новые регламенты пышно именовались «конституциями», а советы общин, призванные руководить их гражданскими делами, — «национальными собраниями». Между тем главной функцией «национальных собраний» было обеспечение выполнения членами общины фискальных обязанностей, а гражданские дела общин оказались под контролем Порты, которая стремилась превратить советы общин в часть общей административной системы государства. Впрочем, эти шаги соответствовали общеполитическому курсу правительства на централизацию управления империей.

Уже в середине XIX в. в правящих кругах Османской империи имелись люди, осознавшие необходимость поисков и других путей сохранения турецкого господства над народами, покоренными в прошлом силой оружия. В русле этих поисков и появилась на рубеже 50-60-х годов идея «слияния» всех народов Османской империи. При этом авторы этой идеи твердо намеревались сохранить господствующее положение турок в будущем сообществе равноправных подданных султана.

363

Идеи «слияния», высказывавшиеся лидерами танзиматских реформ 50-60-х годов, обычно не выходили за пределы высших канцелярий Порты, обсуждались в узком кругу сановников. Они, конечно,

отразились в ряде отмеченных выше практических действий реформаторов, в их призывах к созданию смешанных учебных заведений для совместного обучения детей мусульман и немусульман. Но сколько-нибудь заметного общественного резонанса эти идеи еще не получили. Широко пропагандироваться они стали лишь на рубеже 60-70-х годов первыми турецкими конституционалистами — «новыми османами» через печать, в том числе периодическую.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Первые шаги зарождавшейся турецкой буржуазии стали для нее уроком полного социального и политического бесправия перед лицом султанской феодальной бюрократии и иностранного капитала. В результате в ее среде возникло недовольство султанским режимом, стало крепнуть стремление добиться условий, благоприятных для укрепления экономических и политических позиций новых социальных слоев, для экономического и культурного прогресса страны. Выразителем этих идей стала молодая турецкая интеллигенция, ряды которой относительно быстро пополнялись в ходе проведения танзиматских реформ в области просвещения и культуры. В этой новой социальной среде в 60-х годах XIX в. получили распространение буржуазно-либеральные конституционные идеи.

Непосредственной предпосылкой этого важного для исторических судеб страны общественно-политического явления стало знакомство образованной публики с одной из первых турецких частных газет, «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей»), издававшейся Ибрагимом Шинаси. На страницах своей газеты Шинаси сформулировал очень важные для Османской империи того времени идеи — о праве народа иметь и выражать свое мнение по проблемам жизни отечества, о необходимости учета общественного мнения в государственных делах, о значении внедрения достижений Европы во все области государственно-правовой, экономической и культурной жизни. Шинаси настаивал на важности разработки светского законодательства и ответственности правителя за его действия. Пропаганда через печать подобных взглядов имела немалое значение в процессе идейного формирования турецкой интеллигенции. В 1862-1864 гг. располагавшаяся в небольшом помещении редакция «Тасвир-и эфкяр» стала центром новой общественно-политической жизни. Здесь появлялись и сановники империи, более или менее реформаторски настроенные.

Отправной точкой конституционного движения следует считать создание в июне 1865 г. в Стамбуле тайного общества, которое известно в истории Турции как «Общество новых османов». Это была политическая организация, насчитывавшая в своих рядах около 250 членов. В конспиративных целях она была разбита на группы по семь человек. В числе руководителей и идеологов общества были выдающийся писатель и публицист Намык Кемаль — соратник Ибрагима Шинаси, известные литераторы и публицисты Зия-бей и Али Суави. Активными

364

членами общества стали многие выходцы из богатых семей феодальной бюрократии, получившие светское, а порой и европейское образование. В тайное общество вступили многие крупные гражданские и военные чиновники. Большинство сторонников «новых османов» составляла турецкая чиновная и творческая интеллигенция, феодально-бюрократическая по происхождению.

Поначалу общество не имело определенной политической программы. Его членов объединял лишь поиск средств для обеспечения экономического и политического прогресса страны. Диапазон их идейных воззрений был широк — от опоры на просвещенного монарха-реформатора до только еще получавших признание идей парламентаризма.

Весной 1867 г. группа членов общества, в том числе наиболее видные его идеологи, вынуждены были эмигрировать в Европу в ответ на репрессивные меры в отношении ряда газет и их издателей, с которыми были близко связаны руководители тайного общества. В марте Порты закрыла газеты «Тасвир-и эфкяр» и «Мухбир» («Корреспондент»), которую с января 1867 г. издавал публицист Али Суави, также ставший видным деятелем «Общества новых османов». Правительство начало преследовать либеральных журналистов. В мае 1867 г. Кемаль и Зия тайно покинули Стамбул на французском пароходе «Босфор». Почти одновременно из ссылки в Кастамону бежал в Европу Али Суави.

В этот момент другая группа членов общества предприняла безуспешную попытку заговора против правительства Али-паши. Предполагалось во время традиционного посещения султаном резиденции правительства поднять мятеж и принудить султана сместить Али-пашу и назначить нового великого *везира*. Заговор, однако, был раскрыт в результате предательства одного из его участников. В мае-июне 1867 г. правительство арестовало несколько десятков членов и приверженцев тайного общества — крупных военачальников, чиновников, преподавателей медресе и светских школ, журналистов. На этом деятельность общества в столице практически была прекращена.

Эмигрировавшие в Европу «новые османы» вскоре начали издавать на турецком языке свои газеты. Большую роль в пропаганде идей «новых османов» сыграли газеты «Мухбир», которую издавал Али Суави в Лондоне в 1867-1868 гг., и «Хюрриет» («Свобода»), издававшаяся Намык Кемалем и Зия-беем в 1869-1870 гг. в Лондоне, а позже в Женеве. «Хюрриет» и стала в полном смысле слова органом

«Общества новых османов». Именно на ее страницах были сформулированы такие важнейшие политические требования и цели «новых османов», как превращение Османской империи в конституционную монархию и созыв палаты депутатов. «Хюрриет» критиковала султанское правительство за неудачи танзи-матских реформ, выступала за ограничение прав султана и ответственность правительства перед законом. В теоретических статьях на страницах этой газеты был впервые в Османской империи высказан взгляд на необходимость разделения законодательной и исполнительной власти и выдвинут принцип выборности высших органов управления, например палаты депутатов. Издатели «Хюрриет» стремились теоретически обосновать совместимость идей конституционализма с нормами мусульманского права.

В прессе и политической публицистике «новых османов» нашло выражение их стремление сохранить единство империи Османов и власть над ней турецкого

365

султана. Идеологи «новых османов» пропагандировали доктрину османизма, согласно которой все подданные султана — независимо от вероисповедания — «османы», «дети одной родины». Они утверждали, что конституционное управление принесет справедливость и равенство всем подданным, и резко выступали против национально-освободительных движений нетурецких народов.

Эмиграция сыграла исключительную роль в формировании идейных и политических воззрений «новых османов». Здесь они познакомились с литературой Франции, с произведениями Руссо и Вольтера, Монтескье и Гюго, Мольера и Ламартина. Ряд произведений этих мыслителей был переведен Намыком Кемалем и Зия-беем на турецкий язык.

В начале 70-х годов Порты попробовала прекратить деятельность «новых османов» за границей, дав возможность их лидерам вернуться на родину. В 1871-1872 гг. часть деятелей эмиграции возвратилась в Стамбул. Здесь уже в июне 1872 г. Намык Кемаль начал издавать газету «Ибрет» («Назидание»), которая вскоре стала рупором «новых османов» на родине, распространителем идей конституционализма. Газета печатала статьи с резкой критикой правительства, популяризировала идеи политической свободы. В условиях абсолютистского режима она осмелилась даже выступить в защиту Парижской коммуны. Дело закончилось гонениями на издателей. Намыка Кемалья отправили начальником округа в Гелиболу, его соратников тоже удалили из Стамбула. Выход газеты на время прекратился, но в декабре 1872 г. Намыку Кемалю удалось вернуться в столицу и продолжить издание «Ибрет». Так как популярность Кемалья и его единомышленников продолжала расти, Порты в конце марта 1873 г. окончательно запретила издание «Ибрет», а ее редактор был сослан на о-в Кипр. Вместе с ним из столицы были высланы другие журналисты и публицисты — сторонники «новых османов». Но остановить распространение их идей среди турецкой интеллигенции было уже невозможно. Деятельность «новых османов» подготовила почву для политической борьбы за конституционную реформу.

Весной 1876 г. сложились условия для этой борьбы в результате резкого обострения экономического и политического кризиса Османской империи. С лета 1873 г. до весны 1875 г. в ряде областей Анатолии, особенно в Кастамону, Анкаре и Кайсери, вследствие сильной засухи и неурожая разразился страшный голод. Отсутствие кормов вызвало массовый падеж скота. Летом 1874 г. на юго-востоке Анатолии, а также в Сирии и Ливане вспыхнула эпидемия холеры. Голод и эпидемия унесли жизни нескольких сотен тысяч людей. В 1874-1875 гг. неурожай и падеж скота вызвали голод и в ряде районов европейской части Турции. Ухудшение экономического положения страны привело осенью 1875 г. к объявлению Портой своего частичного финансового банкротства. В 1875/76 бюджетном году доходы страны оказались уже почти вдвое меньше ее расходов. В поисках выхода из финансового тупика Порты в конце 1874 г. распорядилась повысить официальный размер ненавистного народу натурального налога — *ашара* с 10 до 12,5%.

Эти действия привели к взрыву возмущения крестьянских масс в разных районах империи и разожгли пламя национально-освободительных движений на Балканах. Волна антитурецких крестьянских восстаний охватила в 1875 г. Боснию и Герцеговину. Осенью 1875 г. в очередной раз поднялся на борьбу болгарский

366

народ: мощное восстание вспыхнуло в Старой Загоре. В апреле 1876 г. антитурецкое восстание распространилось на все болгарские земли. Порты жесточайшим образом подавила это восстание. Это повлекло за собой обострение «восточного вопроса» и возникновение реальной угрозы вмешательства европейских держав во внутренние дела Османской империи.

В таких условиях активизировались сторонники конституционных реформ, во главе которых встал крупный государственный деятель Ахмед Мидхат-паша. Этот сановник поочередно занимал пост генерал-губернатора в крупных провинциях, был председателем Государственного совета и великим *везиром*. Вместе с тем он стал единомышленником лидеров и идеологов «новых османов». Сторонники конституции вступили в борьбу с правительством в блоке с некоторыми представителями феодально-

клерикальных кругов, которые по-своему выражали недовольство политикой султана и Порты, поставивших империю на грань катастрофы.

Между тем восстание в Боснии и Герцеговине продолжалось. Повстанцы настаивали на полном выводе турецких войск и проведении коренных реформ с целью улучшения экономики края и положения населения. В мае 1876 г. произошли волнения в Македонии, в результате которых в Салониках были убиты консулы Франции и Германии. Угроза вмешательства держав становилась все более реальной.

13 мая представители России, Австрии и Германии приняли так называемый берлинский меморандум, который требовал от Порты заключения перемирия с повстанцами в Боснии и Герцеговине и признания права иностранных консулов наблюдать за проведением необходимых реформ.

Слухи о грозящем вмешательстве держав подогрели антиправительственные настроения в среде *софт* — учащихся стамбульских медресе. В столице шли толки о том, что султан Абдул-Азиз, боясь своего народа, попросил русского царя прислать 30-тысячное войско в Стамбул для охраны его особы и трона. Толпы *софт* ежедневно митинговали в оградах мечетей. В эти дни в оружейных лавках столицы было раскуплено множество ружей и пистолетов, так как *софты* стали вооружаться.

Заинтересованное в разжигании антирусских настроений, английское представительство в Стамбуле щедро помогало радикальной молодежи деньгами.

9 мая 1876 г. на площади Баязидие собралось около 5 тыс. *софт* и их учителей-ходжей из разных мечетей Стамбула. Они передали султану через его военного министра требование сместить великого *везира* Махмуда Недим-пашу, имевшего репутацию сторонника пророссийской ориентации, и крайне непопулярного *шейх-уль-ислама* Хасана Фехми-эфенди. Пока во дворце обдумывали сложившуюся ситуацию, волнения *софт* возобновились с новой силой. Ораторы на митингах призывали к оружию и активным действиям во имя спасения империи. Число демонстрантов быстро росло, к ним присоединилась значительная часть мусульманского населения столицы. Правительство было так напугано размахом демонстраций, что не рискнуло бросить против толпы воинские части. Многочисленная толпа двинулась к зданию Порты. Раздавались угрозы в адрес *шейх-уль-ислама* и великого *везира*, укрывшегося в иранском посольстве. *Шейх-уль-ислам* вынужден был искать убежище у родственников. Султан направил для переговоров с демонстрантами своего главного адъютанта и первого секретаря. *Софты* подтвердили требование о смене высших сановников империи, но отка-

зались направить во дворец свою делегацию. Вечер 10 мая и ночь на 11 мая прошли в столице в тревожном ожидании дальнейших событий. Утром 11 мая *софты* вновь начали митинг. Число демонстрантов продолжало расти. Повсеместно слышны были требования назначить великим *везиром* Мидхат-пашу. Султану пришлось пойти на перемены в правительстве, но новым великим *везиром* был назначен консервативно настроенный сановник Мехмед Рюштю-паша. Мидхат вошел в новый кабинет в качестве министра без портфеля.

Между тем опасность массовых волнений сохранялась. Стремясь их предотвратить, а также избежать назревавшего вмешательства держав, группа крупных военных и гражданских сановников 30 мая 1876 г. низложила султана Абдул-Азиза. Учащиеся стамбульской военной школы под командованием активного сторонника «новых османов» Сулейман-паши и ряд частей стамбульского гарнизона окружили султанский дворец Долма Бахче с суши. С моря султанскую резиденцию блокировал броненосец «Масудие». Заговорщики быстро обезоружили дворцовую охрану. Все министры принесли присягу Мураду V. Принявшие участие в заговоре сторонники «новых османов» и их лидер Мидхат-паша рассчитывали, что они смогут добиться от нового султана провозглашения конституции. Султан ограничился, однако, лишь амнистией сосланных «новых османов». Намык Кемаль и другие видные конституционалисты смогли возвратиться в столицу из ссылки и включиться в значительно оживившуюся после переворота общественно-политическую жизнь.

И все же в июне-сентябре реформаторам удалось добиться решения о подготовке проекта конституции. Этот успех был обусловлен двумя факторами — достаточно широкой общественной поддержкой и дальнейшим обострением внешнеполитического положения страны. Летом 1876 г. вопрос о провозглашении конституции был предметом самых горячих общественных дискуссий; связанные с ним проблемы обсуждались на страницах многих столичных газет. Выступления прессы в защиту конституционных проектов находили широкий отклик в кругах военной и гражданской интеллигенции, в среде учащейся молодежи Стамбула.

Позиции конституционалистов объективно укреплялись по мере ухудшения внешнеполитического положения страны. К осени 1876 г. оно вновь приобрело критический для Османской империи характер (война с Сербией и Черногорией, возросшая угроза вмешательства великих держав, предстоящий созыв в Стамбуле международной конференции для решения вопроса о реформах в балканских провинциях империи). Сочетание внутренних и внешних факторов заставило султана Абдул-Хамида II, занявшего в августе трон в связи с тяжелой болезнью Мурада V, согласиться на обсуждение подготовленного Мидхат-пашой проекта конституции.

Созданная по указу султана комиссия по выработке проекта будущей конституции состояла из 28 человек— 16 крупных гражданских чиновников, 10 представителей высшего мусульманского духовенства и двух генералов. Султану и его ближайшему окружению казалось, что комиссия такого состава либо вообще отвергнет идею конституционной реформы, либо примет такой проект, который обеспечит сохранение неограниченной власти монарха. Однако конституционные идеи были настолько популярны, что председателю комиссии Мидхат-паше и группе его единомышленников удалось в процессе обсуждения добиться под-

368

держки конституционной реформы со стороны большинства членов комиссии. Однако ему не удалось провести свой проект, который был наиболее радикальным из представленных на обсуждение. Его проект предусматривал реальное ограничение власти султана за счет существенного расширения функций и прав кабинета министров и некоторые законодательные права будущего парламента. Работа комиссии протекала в атмосфере весьма острых дискуссий.

Комиссия завершила работу 20 ноября 1876г. Мидхат-паша неофициально передал текст проекта Абдул-Хамиду II. Султан высказал недовольство проектом, заявив, что он нуждается в переработке, главным образом в части, касающейся сохранения прав монарха. В первых числах декабря проект конституции по требованию султана обсуждался в кабинете министров. Здесь силы конституционалистов оказались значительно слабее. В результате бурных дискуссий из проекта были изъяты все положения, которые хотя бы незначительно ограничивали права султана. И все же султан и его приближенные продолжали маневрировать, надеясь, что удастся избежать провозглашения конституции.

В этот момент чаша весов стала клониться в пользу конституционалистов, ибо 11 декабря 1876 г. в Стамбуле началось совещание представителей европейских держав для рассмотрения проекта автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, который предполагалось реализовать под контролем европейских держав. Таким образом, стало ясно, что на предстоявшей в конце декабря конференции держав с участием турецких уполномоченных Османской империи неминуемо придется, если не будут предприняты какие-то исключительные меры, согласиться на узаконенное международным соглашением вмешательство европейских держав в дела империи. Такой исключительной мерой и явилось провозглашение конституции, создавшее возможность отклонить требования держав, так как с провозглашением конституции в Османской империи возникали условия для самостоятельного решения проблемы балканских провинций.

Когда стало ясно, что провозглашения конституции избежать не удастся, Аб-дул-Хамид II и его приближенные настояли на включении в ее текст печально знаменитого дополнения к ст. 113, которое предоставляло султану неограниченное право высылать за пределы страны неугодных ему лиц, что означало очень серьезное поражение конституционалистов.

19 декабря, за четыре дня до открытия конференции, султан назначил Мид-хат-пашу великим *везиром*. Это был маневр ловкого и дальновидного политика. Весь предшествовавший период свидетельствовал о том, что между султаном и новым главой кабинета министров существуют непримиримые противоречия. Вряд ли и сам Мидхат-паша не понимал, что своим назначением он обязан не «доверию» монарха, а поддержке прогрессивных сил внутри страны и популярности в западноевропейских политических кругах. Не случайно лондонская и парижская биржи ответили на назначение Мидхат-паши немедленным повышением курса турецкой валюты.

И все же судьба конституции решилась буквально за сутки до ее провозглашения на весьма драматичном заседании кабинета министров 22 декабря 1876 г. На нем группа министров из числа противников конституционной реформы вновь выступила против конституции. Мидхат-паша на этот раз сумел отстоять свои позиции, проявив должную непримиримость. Он заявил, что подаст в отставку,

369

если решение о немедленном провозглашении конституции не будет тотчас же принято кабинетом.

Противникам конституции пришлось уступить, решение о провозглашении первой в истории страны конституции было принято.

Торжественная церемония провозглашения состоялась днем 23 декабря 1876 г. на площади у здания Порты. Когда под сводами зала, в котором в эти же часы собрались на первое официальное заседание участники международной конференции, отдалось эхо салюта по случаю провозглашения конституции, турецкий представитель сделал заявление о важном событии, в корне меняющем политическую ситуацию в Османской империи. Однако представители держав не согласились с утверждением турецкого делегата о том, что работа конференции в создавшейся обстановке представляется беспредметной. Они не признали новую конституцию гарантией осуществления необходимых реформ в балканских провинциях. Конференция продолжалась, но поставленная цель все же была достигнута— ссылаясь на конституцию, турецкие представители стали решительно отвергать все предложения держав, явно стремясь сорвать работу конференции.

Конституция 1876 г. представляла собой важнейший политический документ в истории Турции эпохи нового времени. Большим шагом вперед в условиях феодально-абсолютистского режима был сам факт торжественного провозглашения буржуазных свобод (неприкосновенность личности и имущества, свобода печати и др.) и введения в стране парламентской системы. В конституции гарантировались личная свобода и равенство перед законом всем подданным империи без различия вероисповедания. Вместе с тем в ряде ее пунктов отразилось стремление увековечить турецкое господство над угнетенными народами империи, ибо подданные империи объявлялись османами, а официальным языком империи — турецкий, знание которого обуславливало допуск к государственной службе; на турецком языке должны были происходить и прения в палате депутатов. Стремление лишить нетурецкие народы возможности легальной борьбы за свои права в условиях парламентского режима нашло свое отражение в положении конституции о том, что каждый депутат парламента является представителем «всех османов», а не исключительно того округа, от которого он избран в парламент. Гарантировав свободу всех вероисповеданий, конституция тем не менее объявила ислам государственной религией империи. Двухпалатному парламенту (сенат, состоящий из пожизненно назначаемых султаном членов, и палата депутатов, избираемая мужским населением империи) по конституции была отведена незначительная роль. Палате депутатов предоставлялось право обсуждать и принимать различные законы, касающиеся финансов страны и текста конституции, а также утверждать бюджет. Сенат мог отвергнуть принятые палатой законопроекты. Наконец, конституция объявляла священной и неприкосновенной личность султана, свободного от всякой ответственности перед законом, определяла его исключительно широкие права в качестве повелителя «всех османов»: назначение и смена министров, заключение договоров с иностранными государствами, объявление войны и заключение мира, верховное командование всеми вооруженными силами страны, утверждение законов, принятых парламентом, созыв и роспуск парламента. Однако конституции 1876 г. была суждена недолгая жизнь. Как только конференция в Стамбуле прекратила свою работу, султан Абдул-Хамид II в феврале

370

1877 г. сместил вдохновителя конституционной реформы с поста великого *вези-ра*. Мидхат-паша стал первой жертвой пресловутого дополнения к ст. 113 — его выслали по указу султана за пределы Османской империи. Одновременно из столицы были высланы другие активные сторонники конституции.

Репрессии против Мидхата и других видных деятелей конституционного движения не вызвали серьезных массовых выступлений в их защиту. Правда, в марте 1877 г. сторонникам Мидхата удалось организовать новую демонстрацию *софт* за возвращение Мидхата на пост великого *везира*, но власти быстро расправились с демонстрантами. Были произведены многочисленные аресты, наиболее рьяных смутьянов выслали из столицы. Конституцию султан отменить не решился, она продолжала действовать, и на ее основе в 1877-1878 гг. состоялись две сессии турецкого парламента.

Палата депутатов оказалась довольно послушной султану и Порте. Но при обсуждении некоторых законопроектов — об управлении *вилайетами* и организации муниципалитетов, о бюджете и печати — ряд депутатов позволили себе резкую критику администрации, выявляя злоупотребления правительственных чиновников. В мае 1877 г. палата потребовала у правительства объяснений причин тяжелых поражений турецкой армии на фронтах русско-турецкой войны. Во время работы сессии палаты второго созыва дело дошло до того, что ее депутаты стали ставить вопрос о недоверии великому *везиру* и некоторым министрам. В середине февраля 1878 г. султан досрочно прервал работу сессии, распустив палату депутатов на неопределенный срок. Конституция формально не была упразднена, но мрачным парадоксом истории стал тот факт, что именно первый в истории Турции конституционный монарх вскоре превратил страну в арену наиболее кровавых злодеяний феодально-абсолютистского режима.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1877-1878 гг.

Палата депутатов действовала уже в условиях русско-турецкой войны. Когда стамбульская конференция держав окончилась провалом, Россия попыталась другими средствами обеспечить решение проблем балканских народов Османской империи. По ее инициативе в марте 1877 г. в Лондоне была созвана конференция шести великих держав, на которой был подписан протокол, требовавший от Порты решительно улучшить положение христианских подданных султана. Но турецкое правительство отклонило предложение держав, в очередной раз рассчитывая на расхождения в их позициях. Это решение Порты вызвало резко отрицательную реакцию в Петербурге. 4 апреля 1877 г. Россия объявила Османской империи войну.

Военные действия развернулись на Балканском и Кавказском фронтах. Русские войска с боями форсировали Дунай и начали военные действия на территории Болгарии. В июне они захватили Шипку — важнейший укрепленный перевал. Летом 1877 г. начались упорные бои за Плевну — важный стратегический узел дорог. Русские войска несколько раз штурмовали Плевну, в начале декаб-

371

ря 1877 г. турецкий гарнизон города капитулировал. Успешными оказались действия русских войск и на Кавказском фронте. В мае 1877 г. они взяли Ардаган, в августе вошли в Сухуми, а в ноябре 1877г., после ночного штурма, овладели Карсом — одной из наиболее важных турецких крепостей в Анатолии.

В январе 1878 г. русские войска, поддержанные болгарам и сербам, заняли Софию, а затем двинулись на Эдирне (Адрианополь). 20 января они овладели этим городом, открыв дорогу на турецкую столицу. Султан и Порта были вынуждены начать переговоры о перемирии, которое было подписано 31 января 1878 г.

Европейские державы пытались так повлиять на ход русско-турецких переговоров, чтобы рассмотрение проблем балканских народов было перенесено на общеевропейскую конференцию. Англия даже провела военно-морскую демонстрацию в Мраморном море, ответом на которую было движение русских войск на Стамбул и занятие ими местечка Сан-Стефано (в 12 км от столицы). Здесь 3 марта 1878 г. и был подписан русско-турецкий мирный договор. Он определил независимость Сербии, Черногории и Румынии, установил для Болгарии статус автономного княжества. Порта взяла на себя обязательство провести реформы в Боснии и Герцеговине. Россия вернула земли Южной Бессарабии, потерянные ею по условиям Парижского договора 1856 г. Сан-Стефанский мирный договор закрепил власть России в Ардагане, Баязиде, Батуме и Карее. Военные и дипломатические успехи России вызвали активное противодействие европейских держав, боявшихся усиления влияния России на Балканах и Ближнем Востоке. России пришлось согласиться на проведение в Берлине общеевропейского конгресса для обсуждения вопросов, связанных с русско-турецким мирным договором. Готовясь к этому конгрессу, Англия заключила тайный договор с Османской империей, направленный против России.

Берлинский конгресс открылся в июне 1878 г. 13 июля 1878 г. был подписан Берлинский трактат, который изменил, в ущерб России и славянским народам Балкан, положения Сан-Стефанского договора. Хотя Берлинский трактат подтвердил независимость Румынии, Сербии и Черногории, границы Черногории оказались урезанными. Австро-Венгрия приобрела право оккупировать Боснию и Герцеговину. Болгария была разделена: северная ее часть объявлена вассальным княжеством, а южная, под названием Восточная Румелия, вновь поставлена под власть султана, правда при условии управления ею генерал-губернатором из христиан. Из азиатских приобретений за Россией остались Батум, Ардаган и Каре. Порта обязалась провести реформы в областях страны, населенных армянами. В целом Берлинский конгресс был победой противников России. После Берлинского конгресса преобладающее влияние в Османской империи и на Балканах получили Англия и Австро-Венгрия. И все же западным державам не удалось полностью ликвидировать важные для исторических судеб балканских народов результаты войны 1877-1878 гг. На Балканах возникли значительно более благоприятные условия для социального и национального прогресса. Что же касается Османской империи, то для нее наступила тридцатилетняя пора режима Зулюма («гнета», «тирании») султана Абдул-Хамида II, резко затормозившего социально-политическое и культурное развитие народов этой страны.

Глава 3

АРАБСКИЕ СТРАНЫ В 1840-1870-е ГОДЫ

РЕФОРМЫ 1850-1870-х ГОДОВ В ЕГИПТЕ

В декабре 1848г. преемником Мухаммеда Али стал его внук Аббас-паша!. Он был прямой противоположностью своего великого предшественника и проводил политику контрреформ и самоизоляции, наивно рассчитывая путем ограничения связей Египта с европейскими государствами спасти традиционные социально-политические институты. В стране были ликвидированы мануфактуры, закрыты почти все светские учебные заведения, учрежденные Мухаммедом Али, сильно сокращена армия. Другие начинания Мухаммеда Али были приостановлены, а европейские советники высланы из страны. Абсолютное преобладание в армии и государственно-административном аппарате получили турко-черкесы. Везде и во всем подчеркивались верность турецкому султану и приверженность к старотурецким порядкам.

Однако такая политика уже не отвечала духу времени. У нее были серьезные противники в лице представителей феодальной бюрократии, заинтересованных в «европеизации» страны. 14 июля 1854 г. они осуществили дворцовый переворот, в результате которого Аббас-паша был убит и у власти оказалась прозападническая группировка.

Новым правителем Египта стал один из младших сыновей Мухаммеда Али — Саид-паша, на смену которому после его смерти в 1863 г. пришел Исмаил, остававшийся у власти до 1879 г. Время правления Саид-паши и хедива Исмаила в особенности было отмечено новым всплеском реформаторской деятельности, сложным и противоречивым процессом модернизации, затронувшим почти все сферы жизни общества. Большие перемены произошли в системе аграрных отношений. Земельные законы 1854, 1858, 1866, 1871 гг. юридически оформили право частной собственности на землю. Изменилась налоговая система. Была ликвидирована круговая порука, и налог стал взиматься индивидуально с каждого землевладельца в денежной форме. В стране были отменены рабство и работорговля, остатки системы монополий, внутренние таможи, вводилась полная свобода торговли, практически не ограничивалась производственная деятельность крестьян.

Одновременно происходила европеизация общественно-политической жизни. Были введены османские Коммерческий и Уголовный кодексы, составленные по французскому образцу, появились светские суды. В 1866 г. Исмаил, на десятилетие опережая Порту, учредил Консультативное собрание депутатов — представительный орган, состоявший из провинциальных нотаблей.

373

В 1850-1870-х годах дальнейшее юридическое оформление получил автономный статус Египта в пределах Османской империи. Саид-паша добился от Порты права на увеличение численности египетской армии (с 18 до 30 тыс. человек). Она комплектовалась из феллахов, а поскольку на офицерские должности назначались коренные египтяне, то армия приобрела национальный характер. В свою очередь, Исмаил добился разрешения увеличивать армию по своему усмотрению. Однако при нем египтяне в армии были грубо оттеснены на второй план в пользу турецко-черкесской знати, что явилось одним из источников будущего внутривосточного конфликта. Исмаил-паше были пожалованы титул *хедива* и право самостоятельно заключать с иностранными державами договоры о займах, торговые и другие соглашения. В 1873 г. султан предоставил Египту статус «государства», а не «провинции», как было раньше. Арабский язык стал официальным.

Внутренние реформы и благоприятная международная конъюнктура способствовали экономическому подъему 1860-1870 годов. В связи с гражданской войной в США невероятно возрос спрос в Европе на египетский хлопок. В результате Египет перешел на преимущественное производство этой технической культуры. Хлопковый бум вызвал с 1843 по 1872 г. пятикратное увеличение объема внешней торговли. В стране была осуществлена крупномасштабная строительная программа. Модернизировалась старая оросительная система, было прорыто много новых ирригационных каналов. В 1869 г. завершилось строительство Суэцкого канала, открытие которого было отмечено созывом Международной конференции и торжествами, где присутствовали члены и представители европейских правящих домов. Система круглогодичного орошения постепенно распространилась на Верхний Египет. Площадь пахотных земель с 1852 по 1877 г. увеличилась с 4,1 млн. федданов до 4,7 млн.

Значительное развитие получили мореплавание, строительство железных дорог, телеграфных линий. Страна обзавелась современным торговым флотом. Протяженность железных дорог достигла в 1875 г. 1800 км. Общая протяженность телеграфных линий в 1872 г. составила 6450 км. Были построены или переоборудованы доки и гавань в Александрии.

Хотя и медленнее, развивалась промышленность. Активность на этом поприще проявил сам хедив Исмаил: ему принадлежали две ткацкие фабрики (занято свыше 400 рабочих), 22 сахарных (свыше 10 тыс. рабочих) и 4 оружейных завода, 2 верфи (500 рабочих), несколько рудников по добыче селитры. Частными лицами было построено множество мелких предприятий (в том числе ремонтные мастерские, текстильные фабрики, кожевенные, маслобойные, хлопчатобумажные и другие заводы). При этом осуществлялись дорогостоящие и амбициозные планы *хедива* Исмаила, как стало ясно позднее — в ущерб национальным интересам страны, ибо для их реализации необходимо было привлечь финансовый, технологический и интеллектуальный потенциал европейских держав. Египетские правители придерживались политики ничем не ограниченной свободы частнопредпринимательской деятельности, что позволило иностранному капиталу в

течение нескольких десятилетий установить в нем свое безраздельное господство. Положение страны осложнялось огромной внешней финансовой задолженностью. Собственно, еще со времени правления Аббаса египетская казна была

374

обременена серьезным внутренним долгом, который резко вырос при Сайде вследствие финансовых подлогов французского дельца Ф.Лессепа, главы полученной от Сайда концессии по прорытию и эксплуатации Суэцкого канала. Тогда Египет вынужден был оплатить не предусмотренные условиями концессии 44% акционерного капитала компании. К тому же условия концессии были невыгодны для Египта: он был обязан обеспечить строительство материалами и основной рабочей силой, получив лишь право на 15% будущих доходов от эксплуатации канала. Эти условия в ходе строительства еще и изменились — компания перешла на механизированный труд, который, в сущности, должен был дополнительно оплатить Египет. В 1862 г. Египет вынужден был заключить соглашение о первом внешнем займе. Все дальнейшие расходы по открытию Суэцкого канала и ряду других мероприятий, осуществленных под внешние долги, а также выплата процентов по этим долгам окончательно истощили финансовые ресурсы страны. Не спасла продажа 44% акций компании и 15% доли доходов, и в 1875 г. казна прекратила платежи, обслуживавшие долг.

Год спустя, в мае 1876 г., Исмаил под давлением кредиторов подписал закон о создании Кассы публичного долга, куда стали поступать государственные доходы в оплату долгов. Еще через полгода в управление Кассы публичного долга были введены английский комиссар для контроля за всеми доходами Египта и французский предприниматель, под наблюдение которых были поставлены все государственные расходы. Так возникла система двойного контроля, просуществовавшая с 1876 по 1882 г. Однако и этой мерой не ограничивалось вмешательство иностранного капитала в экономическую политику Египта. В августе 1878 г. под давлением держав в Египте был образован новый кабинет министров, в котором портфель министра финансов был вручен англичанину, а общественных работ — француз. Этот акт стал толчком для развития политических событий, приведших к антиколониальному восстанию и оккупации Египта Англией.

Хедив Исмаил не мог не осознавать грозящую катастрофу. Но его слепая вера во всемогущество государства, которое в любой момент может изменить ситуацию, имела для Египта трагические последствия.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕГИПТА В 1850-1870-е ГОДЫ

Реформы 1850-1870-х годов, сопровождавшиеся экспансией европейского капитала, вызвали бурную социально-экономическую и политическую трансформацию египетского общества. В стране формировалась влиятельная прослойка торгово-финансовой буржуазии, компрадорской по своему существу, состоявшей из европейцев, левантийцев (в их числе сирийцев) и других представителей национальных меньшинств.

Еще преобразования Мухаммеда Али в области аграрных отношений положили начало формированию «нового» феодально-помещичьего класса, генетически не имевшего ничего общего с египетскими феодалами конца XVIII — нача-

375

ла XIX в. Теперь в нем отчетливо выделялись две основные прослойки: представители правящего слоя — сверхэлита, включавшая, как правило, государственных сановников турецко-черкесского происхождения (*зават*), и собственно египетские помещики. Последние были важной составной частью автохтонной социальной элиты (*аян* — нотабли), куда входили также *улемы* и влиятельное купечество. Все они находились в политической зависимости от правящего слоя *зават*, хотя экономически занимали положение, аналогичное турко-черкесам.

Египетские землевладельцы укрепили свои позиции в уездном и провинциальном административном аппарате. Они контролировали назначения на посты деревенских старост, играли значительную роль на уровне уезда и провинции, нередко становились губернаторами. Вместе с представителями влиятельных купеческих семейств Каира, Александрии и Думьята они составляли основную часть членов Консультативного собрания. Но к центральной государственной власти египетские *аяны* так и не были допущены. В этом заключается одна из причин, приведшая египетских помещиков в движение на рубеже 1870-1880-х годов. Истоки лозунга «Египет для египтян» следует искать не только в иностранном проникновении, но и в совокупности целого ряда противоречий, которые существовали в лагере господствующего феодально-помещичьего класса.

Что же касается высшей прослойки мусульманского духовенства — *уле-мов*, — то в период правления Исмаила их функции в политической жизни носили в известной степени церемониальный характер. От их былого влияния на дела страны не осталось и следа. От удара, нанесенного Мухаммедом Али, *улемы* так и не смогли оправиться. Правда, наиболее крупные и влиятельные из них по-прежнему пользовались высоким социальным престижем и в социальной, и в религиозной жизни. При благоприятных условиях он мог легко трансформироваться в политическое влияние, что и произошло в

какой-то степени в период восстания Ораби-паши.

Основной эксплуатируемый класс египетского общества составляли крестьяне (*феллахи*), для образа жизни которых были характерны сохранение огромного количества обычаев и ритуалов, широкое распространение культа местных святых, влияние которых было куда сильнее официального ислама. Эпоха европеизации и модернизации Египта обернулась для крестьян невыносимым налоговым бременем и бедствиями. Зачастую единственный выход из создавшегося положения *феллахи* видели в том, чтобы покинуть свои деревни. Иногда дело доходило до вооруженных выступлений махдистского толка. Так, в 1865 г. в Верхнем Египте объявился *махди* по имени Ахмед ат-Тайиб (Добрый), который призывал крестьян к настоящей социально-религиозной революции — к борьбе с турками, с религиозной ортодоксией, к перераспределению земельной собственности. Генералы Исмаила устроили беспощадную резню; с лица земли исчезли целые деревни, их жители были перебиты или угнаны.

В отличие от египетской деревни более значительными были изменения в социальной структуре городского населения, происходившие в тесной связи с процессом вовлечения Египта в сферу мирового рынка, развития товарно-денежных отношений и вызревания в недрах феодализма капиталистического уклада. По сравнению с 1840-ми годами численность городского населения заметно выросла. В крупнейших городах — Каире и Александрии — проживала основная ма-

376
са городского населения (более 550 тыс. человек из 650 тыс. всех городских жителей).

Подавляющую часть экономически активного населения города составляли ремесленники, мелкие торговцы, а также лица, занятые в сфере обслуживания. В 1870-е годы они по-прежнему были объединены в цехи, или профессиональные корпорации, которые уже давно находились в состоянии упадка, но просуществовали до конца XIX в.

К рассматриваемому периоду относится начало зарождения рабочего класса (в 1882г. в стране насчитывалось около 40-50 тыс. наемных рабочих). Начало национальному рабочему движению было положено в 1882 г. стачкой грузчиков Порт-Саида.

Важным компонентом социальной структуры городского населения стала «новая», современная интеллигенция. Ее сложное происхождение до известной степени объясняет широкий диапазон идеологических и политических ориентации — от соглашательских умеренно-националистических до радикально-патриотических в период подъема антиколониальной борьбы 1879-1882 гг.

Специфическую, наиболее значительную и образованную часть национальной интеллигенции составляли египетские офицеры младшего и среднего рангов. В 1880 г. военные специалисты составляли 30% людей с высшим образованием.

В условиях, когда многие сферы общественно-политической жизни еще сохраняли архаичные средневековые черты, было велико влияние традиционной интеллигенции на широкие слои населения. Во время антиколониального восстания Ораби-паши отдельные представители традиционной интеллигенции выступали с гораздо более радикальных позиций, нежели представители «новой» интеллигенции.

Многочисленные нововведения, затронувшие различные сферы экономической, политической и духовной жизни Египта в первые три четверти XIX столетия, вели к важным последствиям в сознании людей и в конечном счете создавали материальные предпосылки для культурного возрождения, которое было близко по характеру и содержанию к европейскому просветительству. То обстоятельство, что культурные и социально-экономические изменения происходили в условиях европейской колониальной экспансии, стало фактором, вызвавшим к жизни ранние формы современной политической борьбы. Во всяком случае, «политизация» египетского общества совпала с установлением англо-французского контроля над страной во второй половине 1870-х годов.

Своеобразной переходной ступенью к современной политической борьбе в Египте стала деятельность обществ и кружков, возникших в лоне просветительского движения. На протяжении 1860-1870-х годов в стране появились различные литературные и научные общества (кружки) — своеобразные клубы-объединения молодой египетской интеллигенции. Передовые участники просветительского движения, выступавшие против феодальной тирании и общественного застоя, всей своей деятельностью нередко придавали научным и литературным обществам политическую окраску.

Есть все основания рассматривать отдельные культурно-просветительские общества в Египте в качестве прообраза тех политических организаций, которые возникли в самом конце 1870-х — начале 1880-х годов. Особенно показательны

тайные общества, которые были созданы в первой половине 1870-х годов выдающимся египетским просветителем, журналистом и основателем политической сатиры Якубом Саннуа (1839-1912): «Прогресс» (1872 г.) и Общество любителей науки (1875 г.).

Известное влияние на формирование египетских политических организаций могли оказывать тайные европейские общества, возникшие еще с конца 1850-х годов в кругах европейской политической эмиграции, подобные итальянскому обществу «Мысль и действие», вдохновлявшемуся революционными идеями Мад-зини и Гарибальди.

Более определенно можно говорить об участии в общественно-политической жизни страны масонских организаций. Через масонские ложи прошли отдельные представители правящей верхушки, а также некоторые деятели либерально-конституционного движения, просветители, армейские офицеры. Некоторые положения этого религиозно-этического движения (как, например, «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи») воспринимались в условиях Египта в духе первоначального масонства и обладали определенной притягательной силой.

С именем мусульманского реформатора Джемаль ад-Дина аль-Афгани (1839-1897) связано возникновение первых политических обществ и организационных форм антиколониального сопротивления не только в Египте, но и в других странах Ближнего и Среднего Востока. В Египте он предпринял наиболее серьезную попытку создания тайной политической организации масонского характера, своего рода координирующего центра борьбы против деспотического режима *хедива* Исмаила и засилья европейских держав. Однако деятельность аль-Афгани была прервана его арестом и высылкой из Египта.

Тем не менее его деятельность не прошла бесследно. Многие его ученики имели непосредственное отношение к основанному еще в начале 1879 г. в Александрии тайному политическому обществу «Молодой Египет». Александрийское общество объединяло в своих рядах оппозиционно настроенную к режиму *хедива* группу молодых интеллектуалов сирийского происхождения. В сентябре 1879 г. общество «Молодой Египет» обратилось к *хедиву* с проектом реформ буржуазного характера, который по существу не отличался от программы приблизительно в это же время проявившего себя либерально-конституционного движения во главе с Шериф-пашой, оформившегося в тайную организацию «Хелуанское общество».

В конце 1879 г. «Хелуанское общество» уже выступило под названием «Национальная партия», в которую помимо группы «турецких пашей» во главе с конституционалистом Шериф-пашой входила также часть депутатов распущенной Палаты нотаблей. Пожалуй, впервые на Востоке в название политической организации вошло современное понятие «партия». В мае-июне 1880 г. лидеры партии подверглись гонениям, и она фактически прекратила свое существование.

В 1860-1870-е годы важным фактором общественно-политической жизни Египта становится пресса, возникшая в лоне национально-культурного ренессанса — *Нахды*. Вокруг периодических изданий группировались патриотически настроенные представители интеллигенции египетского и ливано-сирийского происхождения. Появление неофициальной прессы свидетельствовало о росте на-

на-

ционального и политического самосознания и одновременно способствовало его дальнейшему развитию.

В сущности, египетская пресса с самого своего возникновения была интегрирована в политическую жизнь, в немалой степени связанную с борьбой правителей Египта против Порты с целью укрепления своей суверенной власти. Обеспокоенная Порта даже направила в 1857 г. в Каир журналиста Искандера Шальхуба, приступившего к изданию верноподданнической газеты «ас-Салтана» («Султанат»).

Прекрасно осознавая силу и возможности печатного слова, *хедив* Исмаил поощрял писателя Абдаллу Абу ас-Сауда в 1866 г. к изданию политического и научно-литературного еженедельника «Вади ан-Нил» («Долина Нила») — первой неофициальной газеты. А на имперско! уровне ей противостояла в Стамбуле газета Фариса аш-Шидийяка «аль-Джаваиб» («Новости»), созданная по инициативе самого султана и активно выступавшая против *хедива* Исмаила.

Всего в эпоху правления Исмаила издавалось на разных языках около 40 газет, 23 из них — на арабском. Часть газет пользовалась явным или скрытым покровительством *хедива*, другие же контролировались Портой, Англией, в меньшей степени — Францией.

Наступление европейских держав на Египет в последние годы правления *хедива* Исмаила и в особенности события русско-турецкой войны 1877-1878 гг., вновь поставившей на повестку дня

вопрос о судьбе Османской империи, вызывали в стране жгучий интерес к проблемам международной политики, способствовали определенной радикализации египетской прессы. В эти несколько лет одна за другой появляется около 15 политических газет, в большинстве своем издававшихся эмигрантами ливано-сирийского происхождения, которые находили в Египте условия для более свободного выражения своих взглядов.

В новой политической ситуации особую роль уже начинает играть оппозиционная пресса, и прежде всего руководимая Джемаль ад-Дином аль-Афгани. При непосредственном участии аль-Афгани возникли газеты «Абу Наддара зарка», «Мыср», «ат-Тигара», «Мират аш-шарк», ставшие выразителями социально-политических идей самого аль-Афгани и его учеников — Якуба Саннуа, Мухаммеда Абдо (1849-1905), Абдаллаха Надима (1845-1896), Адиба Исхака (1856-1885) и др. В них шла речь о правах и обязанностях подданных, различии между абсолютной и конституционной монархиями, свободе выражения мыслей и взглядов, восхвалялись идеи Французской буржуазной революции. Вместе с тем в них подчас содержалась резкая критика политики хедивского правительства за его попустительское иностранному проникновению в Египет. В духе традиционной политической культуры трактовалось понятие патриотизма как «любви к родине» (*хубб аль-ватан*) и религиозного долга, средством исполнения которого является *джихад*.

Две политические культуры — традиционная мусульманская и европейская — взаимопроникают и противодействуют в публикациях «злых» писателей — учеников аль-Афгани. Особенно хорошо это прослеживается на примере одного из самых «злых» — Адиба Исхака, остро чувствовавшего эпоху и обращавшегося к ключевым проблемам, которые в той или иной степени волновали различные социальные группы египетского общества.

379

«Злые» писатели были общественно-политическими деятелями, которые выступали за социально-политическое обновление традиционного мусульманского общества. Они подвергали критике вмешательство европейских держав во внутренние дела Египта, самоуправство и деспотизм хедива Исмаила. В публикациях «злых» писателей выкристаллизовалась идея «Египет для египтян», прозвучали требования учреждения в Египте парламента и конституции, введения ответственного перед парламентом правительства, реформы традиционных институтов.

Направляемая ими пресса выработала тот политический словарь, тот понятийный аппарат, которым оперировали лидеры антиколониального восстания 1879-1882гг.

СИРИЯ И ЛИВАН В ЭПОХУ ТАНЗИМАТА И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (1840-1860-е годы)

Вслед за эвакуацией египетских войск из Сирии на ее территорию вступила, не встречая ни сопротивления, ни ликования, османская армия, ознаменовав, как обычно, свои передвижения грабежами и насилиями, на этот раз эпизодическими. Воспользовавшись сменой власти, бедуины совершили набеги на оседлое население. В апреле 1841 г. на собраниях сирийской знати османские губернаторы торжественно зачитали инструкции об управлении страной, основанные на принципах Гюльханейского *хатт-и шерифа*, и, приступив к воссозданию государственного управления, обратились к сбору налогов.

Но, по словам российского консула в Бейруте К.М.Базили, турки, изгнанные из Сирии «в чалмах и туфлях», через восемь лет, возвратившись «в фесках, в узких куртках, в лакированных сапогах», застали иным и сирийское население. Жители Сирии отказывались платить подати, особенно оскорбительный для мусульман налог *фирде*, сохраненный турками под названием *верги*. Население вооружалось, подбирая оружие, брошенное при отступлении египтянами.

В Горном Ливане вслед за военно-политическими потрясениями и сменой правящего эмира обнажились глубокие социальные противоречия. По настоянию британских дипломатов отправленный в ссылку эмир Бешир II был заменен другим членом рода Шихаб — эмиром Беширом III Касемом, личностью бесцветной и слабовольной, к тому же не располагавшей поддержкой маронитского патриарха, чей политический авторитет возрос после предоставления Портой весной 1841 г. маронитской общине статуса *миллета*. Маронитский патриарх вместе с частью маронитской элиты добивался возвращения к власти Бешира II. Опальная дружеская аристократия требовала восстановления своих владений, изъятых Беширом II, о возвращении которых и распорядились турецкие власти.

Между тем христианское простонародье, вдохновленное *хатт-и шерифом*, отвергало «сеньориальные» права дружеской знати. В ответ Бешир Касем, стремясь укрепить свою власть,

провозгласил создание дивана для разбора судебных дел и раскладки налогов. В свою очередь, патриарх предложил назначить от на-

380

селения каждой *мукатаа вакилей*, которые надзирали бы за тем, чтобы власть *мукатааджиев* была «справедливой и благоразумной». И то и другое было неприемлемо для друзской знати. Попытки Бешира Касема подвергнуть наиболее строптивых друзских шейхов репрессиям только осложнили положение. Друзские шейхи обратились за поддержкой к британским агентам, наводнившим ливанское побережье после объединенных англо-турецких военных действий и потерпевшим провал в попытке опереться на маронитскую верхушку, оставшуюся верной своим давним связям с Францией. Тайные встречи английских агентов с шейхами Джумблат, признанными лидерами друзов, завершились заключением соглашения и даже, как сообщали некоторые источники, поставкой друзьям оружия. Впрочем, марониты, в свою очередь, получали оружие от французов.

В этой ситуации, и без того взрывоопасной, османские власти выдвинули Горному Ливану чрезвычайно завышенные налоговые требования, предусматривавшие распространение на эту страну общеимперского налогообложения, а также ввели во всех сирийских *вилайетах* действие англо-турецкого торгового договора 1838 г., к которому присоединился и ряд других держав. По новому договору заметно повышались импортные и экспортные пошлины, что ударяло по интересам ливанского населения, потреблявшего привозное зерно и экспортировавшего основной продукт своего хозяйства — шелк-сырец, цены на который теперь понизились.

Все население Горного Ливана было охвачено движением протеста против турецких требований. Повсюду проходили собрания и составлялись петиции. Османским властям пришлось стать на путь переговоров с Беширом Касемом и ливанской элитой, в ходе которых они были принуждены пойти на уступки, достигнув, однако, раскола между христианской и друзской знатью (последняя тайно согласилась на турецкие требования в обмен на предоставление ей налоговых привилегий). Это усугубило традиционное противостояние двух религиозных общин. В конечном счете, вследствие недалековидных, или даже сознательных, политических ходов всех участников событий, в том числе и представителей европейских держав, в стране усилилась конфессиональная солидарность, и социально-политический кризис впервые в истории Ливана вылился в кровавые друзско-маронитские столкновения.

Поводом для конфликта стал отказ маронитов Дейр-эль-Камара в октябре 1841 г. допустить в город друзскую знать (с вооруженной свитой) для переговоров с эмиром Беширом Касемом о распределении налогов. Месяца за полтора до этого обычная драка из-за убитой куропатки между христианином и другом переросла в вооруженную стычку. Друзские шейхи использовали этот инцидент для вооруженной расправы над непокорными горожанами, и в день совещания на маронитов Дейр-эль-Камара внезапно напали вооруженные друзья, расправляясь с мужским населением, грабя и поджигая торговые лавки, склады, жилые дома.

Дальнейшие события уже развивались стихийно, перекинувшись на селения Центрального и Южного Ливана, когда марониты, повинуясь призыву своего патриарха к священной войне, выступили на защиту единоверцев. О размахе драматических событий свидетельствовали их последствия: с обеих сторон погибло около полутора тысяч человек, пострадало более 70 селений, не считая Дейр-эль-Камара и Захлы, было сожжено и разрушено 4400 домов, разграблено имущество

381

на 60 млн. пиастров. Наибольшие потери понесли христиане. Только в ноябре, когда перевес сил на стороне друзов стал неоспоримым, турки по требованию держав ввели войска в Ливан. 16 января 1842 г. военный министр Порты Муста-фа-паша, прибывший в Бейрут с дополнительными войсками, собрал друзскую и маронитскую знать и объявил об отстранении от власти рода Шихаб и назначении правителем ливанских гор офицера турецкой армии, австрийца по происхождению, Омар-паши. Рассматривая назначение Омар-паши как нарушение ливанской автономии, послы европейских держав в Стамбуле заявили протест, за которым последовали переговоры о политическом устройстве Ливана между представителями держав и Портой, продолжавшиеся в Стамбуле до 1844 г. и перенесенные в Бейрут в специально созданную международную комиссию. Ливанский вопрос приобрел международный характер.

К середине 1842 г. недовольство турецким правлением стало шириться среди христианского и друзского населения, однако вражда между конфессиями после событий 1841 г. не позволила объединить усилия. Осенью 1842 г. против Омар-паши восстали только друзья, требуя возвращения к власти эмиров Шихаб и восстановления ливанского самоуправления. Несмотря на поражение восстания, турки под давлением держав согласились на восстановление автономии Ливана, но с изменением его политического устройства. Порта восприняла идею австрийского канцлера Меттерниха о разделе страны на две *каймаками* — друзскую и маронитскую. Это решение утвердило принцип конфессионализма в политическом устройстве Ливана, сохраняющийся по сию пору.

Новая администрация столкнулась с трудностями, порожденными наличием районов со смешанным населением, неопределенностью границ *каймакамиш*, а главное, нерешенностью вопросов, связанных с возмещением разграбленного имущества и неспособностью *каймакамов* справиться с произволом *мукатааджиев*. В некоторых друзских районах феллахи-христиане создавали свои *меджлисы*, вершившие суд и расправу. Брожение среди ливанского населения не утихло, а осенью 1844 г., после того как пришло распоряжение Порты о подчинении христианского населения друзских *мукатаа каймакаму* друзов, христиане Центрального и Южного Ливана стали готовиться к реваншу. Они возродили традиции средневековых тайных религиозно-политических обществ молодежи, руководимых шейхами юношей (*шух аш-шабаб*), сохранивших старинные ритуалы, в частности особую форму одежды. Теперь это были «общества народного заговора», возглавляемые тайным комитетом, располагавшим денежными средствами и аппаратом на жалованье. В деятельности комитета, направленной на предотвращение всякого сближения христиан с друзами, просматривались черты религиозного изуверства.

В ответ друзские предводители также стали готовиться к войне. Понадобился ничтожный повод, чтобы вспыхнули столкновения, продолжавшиеся в течение всего мая 1845 г. Друзы были лучше организованы в военном отношении, к тому же им на помощь прибыли их единоверцы из Антиливана и Джебель-эд-Друза. Снова были разрушены 70 богатых поселений, тысячи христианских беженцев устремились на побережье. И на этот раз турки вмешались в события, только когда обе стороны были обескровлены. Под давлением держав и европейского об-

382

щественного мнения султанское правительство направило в Бейрут министра иностранных дел Шекиба-эфенди, облеченного полномочиями реорганизовать систему управления Ливана. Шекиб-эфенди произвел персональные перестановки, установил границу между *каймакамиши* и распорядился о создании при *каймакамах* советов, представлявших различные религиозные группы населения. Советы были облечены судебной властью, ведали раскладкой налогов и контролировали их сбор. Был провозглашен принцип равномерного податного обложения всего населения и реализована идея маронитского патриарха об избрании населением *вакилей*, которые должны были защищать интересы единоверцев перед *мукатааджиями*. Дейр-эль-Камар был поставлен под управление турецкого чиновника, при котором состояли два *вакиля*. Новое устройство привело к некоторому ограничению своевластия *мукатааджиев* и тем самым на время ослабило социальные противоречия в обществе.

Несмотря на то что волны политического возбуждения охватывали и Горный Ливан, и Сирию почти одновременно (в середине 1840-х годов волнения в Сирии возникли в связи с безуспешной попыткой османских властей приступить к рекрутскому набору), политические события в **Сирии** обрели иные формы. В отличие от Ливана, в ней явственно не обнаруживался социальный антагонизм, но и там появились грозные признаки превращения социально-политической борьбы во вспышки религиозно-конфессионального противостояния.

Следуя египетским нововведениям, турки осуществили на провинциальном уровне разделение власти гражданской, возглавленной губернаторами-волам, и военной во главе с *сераскером*, подчиненным военному министру. Однако они ликвидировали административно-территориальное объединение Сирии и восстановили ее деление на *вилайеты*. В поисках оптимальных форм управления османские власти неоднократно изменяли границы *вилайетов* и их количество. Они упорядочили местную администрацию в *санджаках*, *казах* и *нахийях*, ранее состоявшую преимущественно из местных *аянов*. Отныне большинство должностных лиц назначалось Портой; на должность *вали* утверждались столичные сановники, не имевшие связей с местным аянством, срок их полномочий не превышал одного-двух лет, они лишались права контролировать главных должностных лиц *вилайета* (*дефтердара* и *кади*), ответственных перед соответствующими столичными ведомствами.

Залогом осуществления правительственной политики на местах стали дислоцированные на территории Сирии регулярные войска (*низам*), сформированные в Аравийский корпус, заменивший сипахийские ополчения, янычарские подразделения и разного рода наемные отряды. Для усмирения кочевников начали строиться оборонительные линии вдоль степной зоны, что позволило отодвинуть на восток границу земледельческих поселений. Турки сохранили египетскую податную систему; была отменена лишь практика откупов при сборе налогов, частично восстановленная два года спустя.

Это были мероприятия, способствовавшие централизации управления, хотя и не вносящие кардинальных перемен в административную структуру. Однако они сопровождались весьма важными нововведениями, позволившими привлечь провинциальную элиту к управлению не

через традиционные институты самоуправления или участие в откупах налогов, а на новых основаниях — путем

383

представительства во вновь создаваемых публичных совещательных органах власти (*меджлис аш-шура*). *Меджлисы* создавались в центрах административно-территориальных подразделений и обладали не только относительной самостоятельностью, но и широкими полномочиями в административно-финансовой и судебной сферах. Они имели право осуществлять надзор за деятельностью аппарата провинциальной администрации и контроль за раскладкой и сбором налогов. Компетенцией советов стало управление *вакфами* и содержавшимися за их счет благотворительными и общественными сооружениями, они отвечали за организацию общественных работ и набор полицейских формирований. В области судопроизводства *меджлисам* было предоставлено право рассматривать уголовные дела и коммерческие иски. За этим распределением функций последовало ограничение полномочий шариатского суда делами личного статуса с обязанностью передавать свои решения на утверждение *меджлиса*.

Состав *меджлисов* формировался из должностных лиц — *вали, кади, муфтий, дефтердара*, часто совмещавшего свою должность с обязанностью председателя совета, *накиб аль-ашрафа*, — и «выборных» (а точнее, отбираемых провинциальной администрацией) представителей религиозных общин, при численном преобладании мусульман, но с участием христиан и иудеев. Безусловное большинство в *меджлисе* составляли члены аянских родов.

Деятельность *меджлисов* была подконтрольна государственной власти, хотя они были отчасти способны противостоять самовластию должностных лиц. *Меджлисы* ограничивали судебные полномочия и доходы *улемов*, но, в свою очередь, давали им возможность через участие в советах влиять на принимаемые решения. Такая система должна была смягчить воздействие на сирийскую элиту реформ, ограничивавших ее господство. Тем не менее османская власть столкнулась с противодействием традиционных консервативных кругов, недовольных к тому же секуляристским характером нововведений и готовых в известных случаях использовать в своей политической игре антихристианские настроения городских низов, раздраженных уравниванием в правах с иноверцами, которые при одобрении держав публично торжествовали свое освобождение. В усиливавшихся антихристианских настроениях отражались и друзско-маронитский конфликт, и протест против вмешательства европейских государств во внутренние дела мусульманской империи.

Элита Халеба, представленная «янычарской» и «ашрафской» группировками, была недовольна ослаблением своих позиций и предприняла в 1850 г. попытку, учинив привычную смуту (*фитну*), оказать давление на османскую власть. Поводом для волнений стали известия о готовящемся рекрутском наборе и налоговых новшествах.

Инициаторами и основными участниками городского бунта, не считая присоединившихся к грабежам *феллахов* и бедуинов, стали жители восточных кварталов, расположенных за пределами городской стены, населенных преимущественно маргинальной частью горожан — курдами, туркменами, городскими бедняками, чьи ряды пополнили ремесленники, разорившиеся в результате конкуренции европейских товаров, и торговцы, потесненные местными христианами — посредниками и агентами европейских торговых фирм. Здесь, в спорах и разногласиях, готовился тайный заговор; вопреки поведению, привычному при

384

городской смуте, строились планы убийства в мечети во время пятничного *намаза* османских должностных лиц и захвата оружия, при этом даже раздавались голоса о необходимости выбрать «султана арабского», а также озвучивалась идея нападения на соседний христианский квартал. Эта часть города находилась под покровительством «янычарской» группировки и ее лидера Абдаллаха аль-Бабен-си, отставленного накануне событий с поста *каймакама* Халеба, на который он был назначен еще египетскими властями.

По-видимому, лидеры традиционных группировок переоценили возможности удержать под своим контролем взрыв изменившейся по составу и настроениям городской толпы. И если в ходе беспорядков лидер «ашрафов» сумел удержать своих сторонников от противоправных действий, то Абдаллаху аль-Бабен-си, по словам очевидца восстания, пришлось дважды «усмирять мятежников», прежде чем события вступили в привычное русло — обращение к властям с жалобами и ожидание ответа султана. Повстанцы требовали отмены рекрутского набора и налоговых нововведений, возвращения на пост *каймакама* Абдаллаха аль-Бабен-си, запрета христианским церквям звонить в колокола и совершать публичные религиозные процессии по улицам города, «смущавшие правоверных».

События начались 16 октября с того, что возбужденная толпа обратила свой гнев против должностных

лиц, которые были вынуждены укрыться в казармах. Во время преследования чиновников она грабила богатые дома в мусульманских кварталах, а затем в течение двух дней учинила погромы и грабежи в ближайшем квартале христиан. В остальном городе христианское население оставалось под охраной мусульманских соседей. *Вали*, не располагавший значительными силами и не получивший согласия городского *меджлиса* на вооруженные действия, ограничился назначением аль-Бабенси на прежний пост и затребовал от Порты армейской поддержки. Месяц спустя стянутые к городу вооруженные силы подвергли жестокому пушечному обстрелу и грабежу бунтующие кварталы. Затем последовали репрессии. Паша был отставлен, а лидер «янычар», отправленный в Стамбул, погиб в дороге. Предотвратив распространение хalebских событий на остальную Сирию, власти осуществили рекрутский набор, не будучи в состоянии сломить сопротивление лишь жителей Джебель-эд-Друза. Одновременно османское правительство произвело некоторые усовершенствования системы управления. Оно расширило полномочия *валиев*; разделило состав вилайетских *меджлисов* на две палаты — административную (*меджлис-и идаре*) и судебно-следственную (*меджлис-и тах-кик*), чтобы повысить эффективность их работы. Были созданы особые коммерческие (*меджлис-и тиджарё*) и смешанные уголовные суды. Последние состояли из иностранцев и местных жителей и рассматривали конфликты, возникавшие между иностранными и османскими подданными, что позволило изъять эти дела из юрисдикции консулов, несколько ослабив растущее вмешательство европейских представителей во внутреннюю жизнь империи.

Тем не менее эти меры не предотвратили новые межконфессиональные конфликты — друзско-маронитские столкновения в Горном Ливане и массовую резню христиан в Дамаске в 1860 г., — получившие широкий международный резонанс, повлекшие за собой французскую оккупацию и потребовавшие проведения более глубоких преобразований.

385

Социально-экономическими предпосылками этих событий служили те процессы, которые в 1840-1850-х годах сопровождали включение хозяйства страны в мировой рынок: интенсивное развитие внешней торговли, приток населения в портовые города и упадок старинных торгово-ремесленных центров, переориентация деревни на производство экспортных культур, дефицит продовольствия в городах, девальвация *пиастра*, недостаток наличной монеты для оплаты сделок при разрушении патриархальных форм кредита, основанных на системе взаимных зачетов (первые филиалы Оттоманского банка были созданы лишь в самом конце 1850-х годов). За этим последовали как оживление сельскохозяйственного производства, так и разорение целых отраслей городского ремесла, рассчитанного преимущественно на традиционные внешние рынки, упадок восточной торговли, банкротство одних торговых домов и быстрый подъем других, первые робкие попытки буржуазного предпринимательства — одним словом, весьма болезненные для традиционного общества первоначальные сдвиги в социально-экономической сфере.

Росту напряжения в друзско-маронитских взаимоотношениях в Горном Ливане предшествовало и способствовало локальное крестьянское восстание в маронитском Южном Ливане — в *мукаата* Кесруан (наследственном владении шейхов аль-Хазин). На этот раз претензии антифеодалного характера были выставлены *л*»>>ка/иаад.жшш-единоверцам*. Крестьяне требовали, чтобы, согласно Гюль-ханейскому указу, «ранг шейхов был равен их рангу во всем без каких-либо исключений»; чтобы шейхи платили то, что с них причитается, не перекладывая это на народ; за свои проступки против народа были судимы как простолюдины; чтобы отказались от всяких форм пренебрежительного обращения с простолюдинами, а также от сбора в свою пользу чрезвычайных податей и различных подношений к праздникам и, наконец, передали управление Кесруаном одному «достойному и справедливому» члену рода, в помощь которому от каждой деревни будут выбраны *вакили*. Отказ аль-Хазинов пойти навстречу жителям *мукаата* привел к насильственному изгнанию шейхов из их владений (январь 1859 г.) и захвату их земель и имущества.

Кесруанские повстанцы имели связи с бейрутскими зажиточными кругами, снабжавшими их деньгами для приобретения оружия. Лидеры восстания поддерживали переписку с Булусом Масадом, маронитским патриархом крестьянского происхождения. Маронитское духовенство, среди иерархов которого после выборов Булуса Масада на патриаршую кафедру преобладали выходцы из простонародья, заняло в этом конфликте позицию арбитра, сочувствовавшего скорее *феллахам*. Состав самих повстанцев был неоднородным. Уже во время тайной подготовки восстания обнаружились разногласия между его участниками — «разумными», «рассудительными» (*укаля*) и «безрассудными», «невежественными» (*джахаля*). Первые представляли главным образом жителей торгово-промышленного селения Зук Микаэль и были сторонниками мирного развития событий через реформирование управления, вторые — преимущественно *феллахи* кесруанских деревень — были склонны к более радикальным действиям. Победило второе направление во главе с деревенским кузнецом Таниусом Шахином (1815-1895), пользовавшимся неоспоримым авторитетом и популярностью среди крестьян.

В районе восстания была установлена крестьянская власть, отчасти заимствовавшая формы своей организации у предшествовавших *аммий*. Таниус Шахин был избран главным *вакилем*. Ему было вверено право вести переговоры с шейхами, патриархом и турецкими властями. Но основные решения он принимал лишь с согласия общего схода *вакилей*, представлявших деревни, участвовавшие в восстании (условием присоединения к восстанию была посылка своих *вакилей*). Таниус Шахин имел право созывать сход и осуществлять судебную власть, он располагал небольшим аппаратом управления — глашатаями, гонцами и «агитаторами», выполнявшими его распоряжения, и вооруженным отрядом в несколько сот человек, содержащимся из общественного фонда, созданного в доме главного *вакиля*. Власть на местах осуществлялась деревенскими *вакилями*, которые следили за общественной безопасностью, порядком и были первой инстанцией в урегулировании споров между *феллахами*. В случае необходимости деревни выставляли под командование Шахина свои ополчения. Восстание не знало уравнительного передела земли или общности имущества, лишь издольщикам шейхов запрещалось платить ренту своим господам. Напротив, Таниус Шахин принимал иски о взыскании долгов и торговых неустоек, а по соглашению с шейхами аль-Хазин 29 июля 1860 г. о «капитуляции» деревень Кесруана, возвращение шейхов в их поместья обуславливалось уплатой всех долгов и шейхами, и *феллахами*.

Успехи восставших *феллахов* Кесруана и их активная агитация за присоединение к восстанию способствовали росту брожения по всему Ливану. Христиане друзской *каймакамии*, по словам очевидца, «начали терять терпение и находить невыносимой свою зависимость от друзских шейхов, которые нещадно их эксплуатировали». В друзском Южном Ливане вновь стали создаваться молодежные отряды с *шух аш-шабабами* во главе, объединявшиеся между собой. Оживилась деятельность «Местной христианской ассоциации» с центром в Бейруте. Организованная как благотворительное общество, ассоциация стала снабжать оружием молодежные отряды, посылая в горы военных инструкторов. В руководство ассоциации входила купеческая элита Бейрута, а возглавлял ее маронит-ский епископ Тобия Аун. В стране стали циркулировать послания духовных иерархов, в которых благословлялась религиозная война. В свою очередь, друзские шейхи стали разжигать религиозный фанатизм в среде друзов и тайно готовиться к отражению атак маронитов. Не остались в стороне и европейские державы. Французы снабжали оружием маронитов, британские агенты состояли советниками друзских шейхов и разрабатывали для них планы вооруженных операций.

26 мая 1860 г. произошла первая стычка, а через четыре дня инициатива столкновений перешла к друзам. Военные действия прекратились только в конце июня. В истории Ливана еще не было столь опустошительной междоусобной борьбы: Дейр-эль-Камар и Захла лежали в развалинах, было сожжено 150 христианских деревень и десятки друзских селений. Погибло около 6000 христиан, друзов — около 200; десятки тысяч беженцев заполнили Бейрут и Кесруан. Среди беженцев начался голод, вспыхнули эпидемии. Паника охватила европейское население и христиан Бейрута — этого процветавшего торгового города, чье население за два последних десятилетия выросло с 15 тыс. до 40 тыс. человек.

387

6 июля, после активного вмешательства консулов по настоянию бейрутского Хуршид-паши было заключено соглашение о мире между друзской и маронит-ской знатью. А три дня спустя христианский погром, явившийся продолжением ливанских событий, вспыхнул в Дамаске. Больше недели в старинном христианском квартале города продолжалась беспрецедентная резня, сопровождавшаяся грабежами и разрушениями. Турецкий паша Дамаска не решился на активные действия, его солдаты, смешавшись с толпой погромщиков, были вовлечены в грабежи и убийства. Нападением подверглись европейские консульства.

Некоторые исследователи полагают, что во время погромов погибло около 5000 дамасских христиан, а чтобы покрыть материальные убытки, причиненные погромщиками, власти наложили на всех мусульман города (собственников 13 356 домов, 7600 лавок и кафе, 58 общественных бань, 78 мельниц, 22 караван-сарая и 669 садов) реквизиции в сумме 35 млн. пиастров. Инициаторы дамасского погрома остались неизвестными, хотя его активные участники, в их числе городские ремесленники, по преимуществу низких профессий, *феллахи* и турецкие солдаты, а также турецкие чиновники, допустившие резню, были арестованы и осуждены. Обвиняли *вали* Дамаска, но его вина не была доказана; в городе ходили слухи о заговоре, нити которого якобы тянулись в Стамбул к консервативному окружению султана. Среди подвергнутых репрессиям оказались лидеры городской группировки «*аширафов*», которая традиционно контролировала кварталы, расположенные внутри городских стен, где и произошли погромы. «Янычарские» же лидеры Майдана — пригорода Дамаска — не только защитили своих жителей-христиан, но и укрывали беженцев. Вообще-то, по данным российского консула, в погромах участвовало 500-700 человек из 70-80 тыс. мусульманского населения города. Активно защищал и предоставлял убежище в своих владениях дамасским христианам герой

алжирского сопротивления, поселившийся в Дамаске, Абд аль-Кадир, аналогично поступали и некоторые видные дамасские религиозные деятели. Все это говорит о том, что дамасские, как и предшествовавшие им халебские события были не актом религиозной войны, а последней вспышкой межфракционной борьбы городских группировок, попытавшихся использовать в своих интересах взрыв религиозного фанатизма.

4 июля 1860 г. в европейской прессе появились первые сообщения о событиях в Горном Ливане, а 5 июля министр иностранных дел Франции Э.-А.Тувенель обратился к британскому послу в Париже Г.Каули с заявлением о необходимости вмешаться в сирийские события. 18 июля французский посол в Лондоне граф Персиньи передал британскому министру иностранных дел лорду Расселу мнение французского правительства о неизбежности посылки европейских войск в Сирию. (Призывы к Наполеону III вмешаться в сирийские дела, в частности, исходили от лионских промышленников и французских торгово-предпринимательских кругов Бейрута, поставлявших ливанский шелк-сырец в Лион.) Французское правительство заранее рассчитывало на то, что державы, которые не были готовы направить войска, предоставят ему право осуществить оккупацию. В тот же день английское правительство ответило, что не может противиться европейской оккупации Сирии, согласившись послать к сирийскому побережью свой флот.

Через три дня в Тулоне все было готово к отправке французских войск, ожидалось лишь решение международного совещания в Париже, на котором турец-

388

кий представитель всеми силами противодействовал принятию решения о вводе войск в Сирию. Однако 3 августа Францией, Австрией, Великобританией, Россией и Пруссией был подписан соответствующий протокол, лишь ограничивавший шестью месяцами срок пребывания французских военных сил в Сирии. 6 августа началась отправка французских армейских подразделений, действия которых должны были поддержать флоты европейских держав. К этому времени в Сирию в спешном порядке были стянуты турецкие войска и с чрезвычайной миссией направлен видный деятель Танзимата министр иностранных дел Фуад-паша, который произвел аресты среди турецких чиновников и офицеров, друской знати и дамасских жителей.

Французские войска прибыли в страну, когда там воцарилось спокойствие. Под разными предлогами французам удалось продлить свое пребывание в Сирии до июня 1861 г., когда под давлением Великобритании французское правительство отозвало свои войска. Столь реально возникшая угроза европейского завоевания оказала серьезное влияние на последующую политическую позицию сирийской знати, подтолкнув ее на сближение с османской властью. Последующие османские административные и экономические реформы были направлены к тому же.

На основании султанских законов о *вилаятах* 1864 и 1871 гг. в Сирии была заметно усовершенствована вся система управления. Вместе с усилением контроля над деятельностью глав *вилаетов* были расширены их полномочия. *Вали* были обязаны регулярно отчитываться в своих действиях перед Стамбулом. В число первых должностных лиц *вилаята* вошел *мактубаджи* — глава канцелярии *вали*, среди обязанностей которого были надзор за официальной перепиской, за работой архива и вилаетской типографии, издававшей с конца 1860-х годов ежегодные статистические справочники, а также цензура местной прессы. В центрах *вилаетов* стали издаваться правительственные газеты — «Сурийя» («Сирия») в Дамаске с 1865 г., «аль-Фурат» («Евфрат») в Халебе с 1867 г., «аль-Любнан» («Ливан») в Дейр-аль-Камаре с того же, 1867 г., годом позже появился официоз и в Багдаде — «аз-Заура» («Извилистая» — эпитет города). В Бейруте роль полуправительственной газеты в это время играла «Хадикат аль-ахбар» («Сад новостей»), основанная Халилем аль-Хури.

Значительно расширились сфера государственного управления и сам провинциальный аппарат, который разросся за счет постоянных ведомств и отделов — иностранных дел (для посредничества между *вали* и иностранными консульствами), почт, сельского хозяйства, торговли, благоустройства дорог, общественных работ, шариатских судов, *вакфов* и т.д., а также временных консультативных советов и комитетов — по просвещению, переписи имущества и населения, эмиграции и прочим текущим вопросам.

Были продолжены реформы по развитию системы *меджлисов*, этих квазипредставительных органов империи, в частности, созданы городские муниципальные советы (*меджлис аль-баладийя*), получившие свой бюджет и облеченные правом решать городские хозяйственные проблемы. *Меджлисы* и разросшийся провинциальный аппарат управления предоставляли возможности для чиновничьей карьеры образованному, сформировавшемуся уже при Танзимате младшему поколению аянских и торгово-предприниматель-

389

ских семей. Еще больше примирила сирийскую элиту с реформами земельная политика турок. Аграрный закон, принятый в 1858 г., открыл для нее легальный путь к формированию крупного

частного землевладения. Закон предписывал всем владельцам государственных земель, включая *феллахов*, официально зарегистрировать свои наделы и *чифтлики* в качестве наследственного владения с правом отчуждения. Теперь земледелец как османский подданный и налогоплательщик непосредственно противостоял государству, так как община теряла свои функции при сборе налогов (в частности, коллективную ответственность за их выплату) и права на землю. В процессе регистрации индивидуальных владельческих прав на наделы османская администрация в случаях конфликтов принимала сторону *аянов*. Кроме того, на аукционы были выставлены большие массивы султанских земель, все это способствовало превращению *аянов* в крупных частных землевладельцев, как правило абсентеистов. Так высший слой сирийского общества становился землевладельчески-чиновничьим. Порядок, установленный в стране, поддержка государством хозяйственной деятельности, как и более благоприятная конъюнктура на мировом рынке, способствовали росту населения и постепенному восстановлению и развитию хозяйственной деятельности внутренней Сирии, в том числе и процветавшего до европейской экономической экспансии ткачества, рассчитанного теперь на потребление растущим городским населением.

В Горном Ливане кризис разрешился переустройством политического управления и социальной организации согласно Органическому статуту Ливана, принятому в 1861 г. и получившему окончательную редакцию в 1864г. Гарантами его исполнения стали вместе с Портой европейские державы. По статуту Ливан становился автономной османской провинцией — *мутасаррифией*, возглавляемой *губернатором-мутасаррифом*, католиком по исповеданию, османским подданным неливанского происхождения. *Мутасарриф* обладал всеми полномочиями исполнительной власти и возглавлял совещательный Центральный административный совет, состоявший из 12 членов, представлявших все ливанские религиозные общины (маронитов, друзов, суннитов, шиитов, православных и униатов), членов совета назначали главы соответствующих конфессий.

В стране вводилось новое административно-территориальное деление, ликвидировавшее и *каймаками*, и феодальные *уцеяы-мукаатаа*. Теперь *мутасарри-фийя* была разделена, как и османские *вилайеты*, на *мудирийи* и *нахийи*, главы которых назначались *мутасаррифом* с учетом религиозного состава населения. В *мудирийях* создавались местные административные советы. В деревнях избирались шейхи, утверждаемые на своем посту губернатором.

Статья VI Органического статута провозглашала «равенство всех перед законом; отмену всех феодальных привилегий, а именно тех, которые принадлежали *мукаатааджиям*». И хотя ливанская знать сохранила свои земельные *мюльки* и претендовала на покровительство *феллахам* своих прежних владений, ее сеньориальные права были подорваны новым устройством.

Первый ливанский *мутасарриф* Давуд-паша (1861-1868), талантливый, европейски образованный чиновник, создал в Ливане работоспособный административный аппарат, дисциплинированную полицейскую службу. Своей гибкой политикой он способствовал восстановлению сотрудничества между друзским и

390

маронитским населением, а привлечением на высшие посты представителей местной аристократии ослабил оппозицию власти *мутасаррифа* со стороны ливанской знати. Впрочем, он столкнулся с противодействием некоторых маронитских кругов, ориентировавшихся на французскую поддержку. В Ливане был установлен общественный порядок, осуществлялось строительство дорог, мостов, общественных сооружений. Такая форма управления Горным Ливаном сохранялась вплоть до Первой мировой войны.

С 1860-х годов в Бейруте и в тесно связанном с ним Горном Ливане отмечалось динамичное экономическое развитие. С этого времени там начали складываться торгово-предпринимательские семьи, составившие к началу XX в. заметный слой ливанской буржуазии— богатых коммерсантов, банкиров, предпринимателей. Накопление своих капиталов они начали с деятельности посредников и торговых агентов при иностранных фирмах, довольно быстро превратившись в их младших партнеров. Воспользовавшись техническими нововведениями иностранных купцов-предпринимателей в области шелкопряжения (система Шамбо-на и паровые двигатели), ливанские торговцы с 1860-х годов небезуспешно развивали эту сферу предпринимательства: если в 1852 г. им принадлежало 3 шелкопрядильни из 10 первых предприятий, то в 1867 г. — 55 из 67, а в 1913 г. — 188 из 195, правда, немногочисленные иностранные предприятия были и крупнее, и лучше технически оснащены.

Середина века ознаменовалась для Сирии рождением культурно-просветительского движения, получившего наименование Нахда (Возрождение). Оно возникло среди образованной христианской молодежи Бейрута, в большинстве своем членов торговых домов или их клерков, деятельность которых поддерживали бейрутские коммерсанты-меценаты. Почву для его возникновения подготовили давние торговые и религиозные связи этого региона с Европой и

образовательные учреждения, основанные в Бейруте и Горном Ливане христианскими религиозными миссиями. Среди этих заведений выделялись школы американских протестантов, в которых большое внимание уделялось изучению естественных наук и развитию у воспитанников рационального, картезианского мышления; преподавание в них велось на арабском языке, на котором создавались и учебники.

Руководителям протестантской миссии, прежде всего Эли Смиту (ум. в 1857 г.) и К. ван Дейку (1818-1896), принадлежала инициатива объединения в Сирийское научное общество (1847г.) молодых сирийских единомышленников, видевших цель своей жизни в распространении просвещения, основанного на западных знаниях и возрождении классического арабского культурного наследия. Такая форма просветительской деятельности была продолжена вторым, более широким по своему конфессиональному составу, руководимым бейрутскими просветителями Сирийским научным обществом, основанным в 1868 г., а после его закрытия литературным обществом «Цветок литературы» (1873 г.). (Во внутренней Сирии приобщению к западному мировоззрению уже в 1860-е годы способствовала деятельность масонских лож.) Возрождению арабской классической культуры поначалу сопутствовало стремление к овладению средневековым классическим языком с его ценностями «красноречия» и во многом устаревшим семантическим багажом. В этой области непре-

391

рекаемым авторитетом, признаваемым и мусульманскими *улемами*, был уже немолодой шейх Насиф аль-Язиджи (1800-1871), филолог, поэт, создатель многочисленных учебных пособий по классическому литературному языку и стилистике. В сочинениях более молодых литераторов классическая форма языка начала наполняться современным содержанием, например в «Похождениях Фарйака» (1855г.) — описании путешествия в Европу Ахмеда Фариса аш-Шидийяка (1804-1887), впоследствии журналиста проосманского направления. А творчество Бутруса аль-Бустани (1819-1883) способствовало уже становлению современного литературного языка, очищенного от архаизмов и обогащенного понятиями, выработанными современной культурой. Результатом его деятельности в области лингвистики стал толковый словарь «Мухит аль-мухит» («Океан вокруг океана», 1866-1869). Параллельно с реформированием языка происходило становление в арабском культурном сознании современной картины мира.

Вкладом в этот процесс стала арабская энциклопедия «Даират аль-маариф» («Круг знаний») Бутруса аль-Бустани, составленная в сотрудничестве с его сыном, литератором-драматургом Салимом аль-Бустани (1848-1884), продолженная племянником, переводчиком «Илиады» (1904 г.) и османским политическим деятелем Сулейманом аль-Бустани (1856-1925), и доведенная до одиннадцатого тома.

В отличие от Египта, где импульс к развитию современных знаний исходил от Мухаммеда Али и само движение поначалу имело практическое направление, в Сирии Нахда, рожденная в обстановке общественно-политических конфликтов, стала явлением литературным и общественным, которое правительство подчас подозревало в нелояльности. В Сирии в рамках культурно-просветительского движения родились современный жанр арабской литературной публицистики (в этой области особенно выделяется творчество Бутруса аль-Бустани), арабские театр (его основателем в 1848 г. был Марун Наккаш, 1817-1855) и журналистика: первые газеты — «Хадикит аль-ахбар» Халила аль-Хури в Бейруте и парижская эмигрантская литературно-политическая газета «Барджис Парис» («Парижский Юпитер») ливанца Рушейда Дахдаха (1813-1889), основанные в 1858 г., многочисленные издания 1870-х годов, среди которых важным явлением был литературно-научно-политический журнал Бутруса аль-Бустани «аль-Джинан» («Сады», 1870-1889).

Уже в ранней публицистике сирийских просветителей раздавался призыв к единению, любви к родине и отказу от межконфессиональной борьбы и впервые ставился вопрос о необходимости женского образования (1848 г.). Национальная идентификация возникала в сознании сирийских просветителей одновременно как принадлежность и к сирийской арабской, и к османской государственной общностям. Развитие общественно-политической мысли, способствовавшей становлению арабского национализма, относится преимущественно к последней трети XIX в., яркими его представителями стали Адиб Исхак (1856-1885) и Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849-1902). Нарастание политической реакции в Османской империи заставило многих сирийских литераторов покинуть Сирию и творить в эмиграции — в Египте и на Западе (сиро-американское литературное направление).

392

АРАВИЙСКИЕ СТРАНЫ В 1840-1860-е ГОДЫ

В начале 1840-х годов последние гарнизоны египтян рассеялись или были выведены из Аравии. На господство над Аравией теперь претендовал османский султан, так как она была завоевана его вассалом. Но Порты не имела реальных сил воспользоваться своими правами: проведение реформ и сопротивление этим реформам поглощали все ее внимание. Султанская власть была восстановлена лишь в Хиджазе, да еще продолжались попытки покорения Йемена.

Значительно больший успех в Аравии в середине XIX в. имела Англия, которая по-прежнему осуществляла свою политику через аппарат управления Ост-Индской компании, а после ликвидации Компании в 1858 г. — британского вице-короля Индии. Она продолжала укреплять свои позиции через соглашения с арабскими государственными образованиями Восточной Аравии и Южного Йемена. Однако содержание соглашений менялось, и они все больше ограничивали самостоятельность этих государств.

С открытием Суэцкого канала в 1869 г. роль основного связующего звена между Европой и Индией перешла к Красному морю. Создание с начала 1860-х годов телеграфных линий по дну и вдоль берегов Персидского залива и Красного моря, соединивших Бомбей с Европой, не только многократно ускорило обмен информацией, но и сократило почтовые функции арабского парусного флота и сухопутных караванов. Для британских колониальных кругов Персидский залив обретал теперь преимущественно стратегическое значение. И хотя по решению лондонских правительственных кругов основная почтовая связь с Индией уже осуществлялась через Красное море, а старым путем направлялись лишь копии официальной почты, правительство активно поддерживало деятельность британской парусной компании Линч, организовавшей свои рейсы по Тигру между Басрой и Багдадом.

Ост-Индская компания уже в середине века отошла от политики невмешательства во внутренние дела аравийских государств. В свою очередь, арабские правители, находившиеся под постоянной угрозой саудовской агрессии и подвергавшиеся политическому давлению иранского шаха и османского султана, искали спасение в игре на противоречиях между империями.

До известной степени изменился и характер жизнедеятельности населения аравийского побережья. Пиратство было ограничено, случались лишь единичные грабежи судов, терпящих бедствие. Работоторговля, процветавшая в этом регионе, также сократилась; только оманский Занзибар, вопреки всем запретам, оставался крупным рынком рабов. С падением доходов от этих занятий и сокращением транзитной торговли в Заливе население было вынуждено ограничить свою активность традиционными видами хозяйственной деятельности — рыболовством, добычей жемчуга (на рубеже 1860-1870-х годов этим промыслом на аравийском побережье Персидского залива занималось почти 70 тыс. человек), экспортом сухофруктов и арабских лошадей. После оживления экономики в конце XVIII — начале XIX в. наступила стагнация, о чем свидетельствует динамика народонаселения Кувейта. Из маленького прибрежного поселения в первой половине XVIII в.

393

Кувейт к 1840-м годам превратился в порт с 22-25 тыс. жителей, но спустя два десятилетия его население, по некоторым данным, уменьшилось до 15 тыс. Только восточноафриканские оманские владения еще до конца 1850-х годов расширяли свои торговые операции.

Характер политогенеза Аравии в середине XIX в. существенно не изменился. Прибрежные шейхства и султанаты, возникшие в XVIII столетии, продолжали укреплять свою государственность, стремясь к территориальному расширению. Своей устойчивостью они были обязаны включению в мировые экономические связи, политической игре на противоречиях между Саудовским эмиратом, Османской империей, Ираном и Великобританией, а также покровительству последней. Между тем становление государственности в Центральной Аравии носило еще скачкообразный характер, о чем свидетельствует судьба Саудовского эмирата.

В Кувейте продолжала править семья Сабахов, следовавшая политике основателей династии — патернализму, мирному решению проблемы преемственности власти. После почти сорокалетнего правления Джабира ибн Абдаллаха (1815-1859) ему наследовал сын Сабах (1859-1866), а затем внук Абдаллах (1866-1892). Сабахи по-прежнему осуществляли гибкую внешнюю политику, уклоняясь от вооруженных конфликтов с соседями и умудряясь сохранять дружеские связи одновременно с османскими правителями Басры, Саудидами и английскими резидентами в Заливе, не заключая между тем никаких соглашений, ограничивавших их независимость. Шейхи традиционно предоставляли в стенах города убежище всем, в нем нуждавшимся. Торговый флот Кувейта, снаряженный пушками, все еще представлял, по

масштабам своего времени, серьезную силу.

Помимо важного стратегического положения Кувейта на подступах к Ираку в нем благодаря полиэтничному купеческому населению, связанному с правящими кругами средневосточного мира, сосредоточивалась многообразная политическая информация, благодаря чему он служил и для турок, и для европейцев «окном в Аравию».

История союзного кувейтским правителям **Бахрейна**, также занимавшего в Персидском заливе важное стратегическое положение, в середине века была насыщена политическими коллизиями. После правления завоевателя Бахрейна Ахмада аль-Халифа (1782-1796) ему наследовал сын Абдаллах (1796-1843), деливший свою власть до 1826 г. с братом, а затем племянником, что препятствовало централизации управления. Абдаллаху, отстраненному от власти не без вмешательства англичан за контакты с иранскими шахами, наследовал внучатый племянник Мухаммед ибн Халифа (1843-1867), при котором возникли серьезные внутрдинастийные конфликты, позволившие англичанам активно вмешиваться в бахрейнские дела.

Еще в 1810-е годы дети Абдаллаха ибн Ахмада, бежавшие в Маскат из Ди-рийи, где удерживались Саудидами в качестве заложников, обратились к англичанам с призывом освободить Бахрейн от ваххабитов. Британский флот разгромил ваххабитские гарнизоны в Манаме (Бахрейн) и в Зубаре, владении Ааль Халифа на Катаре, благодаря чему шейхи Бахрейна смогли восстановить власть над своими владениями. С этого времени и до конца 1860-х годов Бахрейн находился

394

в постоянной конфронтации с ваххабитами, переходившей в вооруженные столкновения.

Демонстрацией сил своего флота англичане неоднократно (1834, 1850, 1859, 1867 гг.) предотвращали вторжения Саудидов. Но за каждой подобной британской «услугой» следовало усиление зависимости Ааль Халифа от Великобритании.

Бахрейн был вынужден присоединиться к соглашениям, заключенным Англией с шейхствами Пиратского берега в 1820, 1835, 1838-1839 гг. В 1845 г. новый договор запрещал работоторговлю и предоставлял Ост-Индской компании право расследовать нарушения предшествовавших соглашений, а также выносить решения и контролировать их исполнение, что давало возможность британским кораблям инспектировать груз арабских судов. Бахрейнская правящая элита безуспешно пыталась избежать подписания «Вечного договора о мире» 1853 г., заключенного Англией с шейхами Пиратского берега.

В глухом сопротивлении Ост-Индской компании одна часть враждующих кланов Ааль Халифа во главе с Мухаммедом ибн Халифа пыталась найти поддержку иранского шаха, другая — османского султана. Но эти маневры только осложнили отношения с англичанами, ожидавшими предлога для отстранения от власти шейха Мухаммеда в пользу его брата и соперника Али (1868-1869). Между тем Бахрейн продолжал платить дань ваххабитам, и Мухаммед ибн Халифа был вынужден в 1856 г. заключить с англичанами соглашение, аналогичное договору 1853 г., а в 1861 г. под дулами орудий британской эскадры подписать документ, ограничивавший внешнеполитические прерогативы правителей Бахрейна: отныне они были обязаны все конфликты с шейхствами Залива передавать на рассмотрение британского резидента в обмен на обязательства Великобритании защищать Бахрейн. Содержание соглашения 1861 г. было подтверждено ставленником англичан Али ибн Халифа в договоре 1868 г., заключение которого вызвало протесты Тегерана и Стамбула. Под влиянием этих протестов в 1869 г. возникли антианглийские выступления на Катаре и в Бахрейне, во время которых шейх Али был убит, и власть временно снова оказалась в руках Мухаммеда ибн Халифа. Обеспокоенные подобным поворотом событий, англичане привели к власти в Бахрейне Ису (1869-1932), более сговорчивого сына Али.

Великобритания продолжала укреплять свое господство в шейхствах **Договорного Омана** с помощью двусторонних договоров, ставших впоследствии правовой основой системы косвенного управления. Шейхи были вынуждены в 1847 г. присоединиться к англо-маскатскому соглашению 1845 г., которое узаконило за британскими чиновниками функцию третейских судей в конфликтах в Персидском заливе. Еще более важным для англичан стал «Вечный договор о мире» 1853 г. Британский военный флот отныне приобрел основание для постоянного пребывания в водах Персидского залива, а контроль за выполнением договора возлагался на британского политического резидента в Бендер-Бушире. Между шейхами Договорного Омана по-прежнему не было согласия, часть из них продолжала поддерживать ваххабитов, другая опиралась на англичан.

Маскатский Сайд ибн Султан (1806-1856), управлявший из Занзибара своими владениями с помощью сыновей и сохранявший связи с руководством Ост-Индской компании, которое отнюдь не всегда оказывало султану помощь в его про-

395

тивостоянии ваххабитской агрессии, продолжал платить дань Саудовскому эмирату. В 1845 г. он

подписал соглашение, укреплявшее позиции англичан в Персидском заливе, а в 1854 г. уступил Ост-Индской компании главный остров архипелага, Куриа-Муриа, для британской военно-морской базы. Полувековое правление Сайда ибн Султана завершилось в 1856г. Согласно его воле, ему наследовали сыновья Сувейни (1856-1866) и Маджид (1856-1870), между которыми было разделено управление Оманом и Занзибаром при сохранении единого государства. Сувейни предпринял попытку вытеснить из более богатого Занзибара своего брата. Пользуясь этой распрей, вице-король Индии лорд Каннинг (1858-1862) настоял на разделении Омана на два государства при условии выплаты Занзибаром ежегодной компенсации Оману (так называемое Canning Award — Третье решение Каннинга). Этот акт английской политики официально оспорила Франция.

Конец 1850-х— начало 1860-х годов было временем очередного обострения англо-французских противоречий. Поводами для этого послужили получение французами разрешения на строительство Суэцкого канала и новая колониальная агрессия Франции на Ближнем Востоке (оккупация Сирии) и в Юго-Восточной Азии. Англия, со своей стороны, предприняла решительные шаги по укреплению своих позиций в Персидском заливе и на восточноафриканском берегу (англобахрейнское соглашение 1861 г. и расчленение Омана). Однако в 1862г. обе державы пришли к соглашению на условиях официального признания Англией Занзибара и Омана независимыми государствами.

После убийства Сувейни его сыном Салимом (1866-1868) в Маскате вспыхнула внутрдинастийная борьба: власть у отцеубийцы оспаривал его дядя Турки ибн Сайд. Во время этих междоусобиц проявился глубокий конфликт между Маскатом и племенами внутреннего Омана, недовольными растущим подчинением Маската англичанам, неспособностью султана объединить Оман и организовать сопротивление саудовской агрессии, неравным разделом доходов от таможенных пошлин и субсидий Занзибара. Конфликт обрел религиозную форму борьбы за воссоздание *имамата*. В результате вооруженные отряды племен хи-нави и господствовавшей в Рустаке ветви Ааль Бу Сайд во главе с Аззаном ибн Кайсом захватили Маскат, и в октябре 1868 г. в Маскате Аззан ибн Кайс был избран *имамом* Омана. Вновь произошло объединение светской и религиозной ветвей власти.

Во время трехлетнего правления имама Аззана (1868-1871) ваххабиты были вытеснены из Омана, контроль центрального правительства распространился на всю страну, от управления финансами Омана были отстранены индийские торговцы касты банья, бравшие на откуп сбор торговых пошлин в Омани и Занзибаре. Аззан отменил систему откупов, восстановив фискальный аппарат. Однако, обеспокоенный ослаблением британских позиций в Омани, британский резидент, обвинив имама Аззана в фанатизме и ксенофобии, приложил усилия к его низложению и убийству. Английский резидент удачно выбрал время для переворота: в стране стало падать влияние Аззана, сократившего дотации шейхам племен из-за прекращения, по британскому указанию, выплаты занзибарской субсидии. Это привело к усилению враждебной Аззану племенной группировки гафири, и англичанам удалось привести к власти Турки ибн Сайда (1871-1888).

396

Воспользовавшись уходом египтян из **Йемена** в 1840 г., владетель Асира шериф города Абу Ариша захватил Тихаму, прибрежный йеменский район. Тем временем зейдитские имамы тщетно старались восстановить свою власть на всей территории страны, но надежно контролировали только Джебель, горную местность близ Саны. За десятилетия смут знаменитый красноморский порт Моха потерял всякое значение.

В 1849 г. турецкий отряд под командованием губернатора Джидды высадился в Ходейде и выбил шерифа Абу Ариша с юга Тихамы. Имам Мухаммед ибн Йахйя признал себя вассалом Порты и открыл туркам ворота Саны, но народное восстание заставило их отступить из Джебеля на побережье. Имам был обвинен в измене и свергнут. Та же участь ожидала его преемника. В 1850-х годах началась ожесточенная борьба за *имамат*, сопровождавшаяся ростом локального и племенного сепаратизма. В это время османская администрация установила прямое морское сообщение с Аравией через Суэцкий канал, что позволило к началу 1870-х годов начать новое завоевание Северного Йемена.

На юге Йемена британские войска отбили нападения на Аден, предпринятые султаном Абъяна и Лахджа в 1840 и 1841 гг. После этого султан Лахджа окончательно признал британский суверенитет над Аденом. Некоторые другие южноаравийские султаны и шейхи также вступили в договорные отношения с Великобританией, предполагавшие ежегодные денежные субсидии. Однако еще некоторое время британскому владычеству в Адене угрожали вспышки антибританского движения, убийства представителей британской администрации.

Под английским владычеством **Аден** превратился в важнейший порт у входа в Красное море. Между 1843 и 1870 гг. стоимость импорта в нем увеличилась более чем в 10, а экспорта — в 50 раз, чему первоначально благоприятствовало снижение пошлин, затем введение беспошлинного движения товаров между портами Ост-Индской компании и, наконец, провозглашение в 1850г. Адена открытым портом. Эти мероприятия отрицательно влияли на торговлю портов Хадрамаута и Красного моря, породив недовольство местных племен и протесты Порты. Численность населения Адена выросла с

800 человек в момент оккупации до 20,7 тыс. в 1856 г., после чего рост прекратился. В британском сеттльменте Адена запрещалось селиться и находиться без специального разрешения лицам, не имевшим подданства Великобритании (или Ост-Индской компании). Только потребность в рабочей силе привела в 1862 г. к отмене этой дискриминационной меры.

Власть в городе осуществлял политический резидент Ост-Индской компании (затем вице-король Индии). Судебные функции принадлежали помощникам резидента, *кади*, *раввину* и индусскому *панчаяту*, руководствовавшимся соответствующими правовыми системами; с апелляцией можно было обращаться к резиденту и англо-индийским властям. Постепенно происходил процесс ограничения прерогатив неевропейских судей. Заслугой англичан было введение в Адене системы здравоохранения и образования, однако средства на них выделялись минимальные. Распространение получили частные и миссионерские учебные заведения.

По всему югу Аравийского полуострова то тлели, то разгорались межплеменные конфликты, в ходе которых в **Хадрамауте** предприняли попытку основать собственные «государства» племенные лидеры Талиб ибн Мухсин аль-Касири и Омар ибн Авад аль-Куайти. Они дослужились до высоких званий в войске пра-

397

вителя Хайдарабада (в Индии), приобрели деревни в Хадрамауте и были весьма состоятельными людьми. Султан Талиб аль-Касири расширял свои владения с помощью денег, силы и интриг. Сначала он купил половину города Тарим, а затем овладел всем городом, та же участь постигла Сейун и Тарис. Омар аль-Куайти, чья семья возглавляла племенную группировку йафиитов, расширил подчиненные йафиитам территории во внутреннем Хадрамауте, завладев всем Шибамом и районом вокруг Катна. Годы с конца 1840-х до середины 1870-х прошли в бесконечных сражениях между касирийцами и йафиитами. Султан Талиб аль-Касири сформировал армию из африканских невольников и племенного ополчения. Он пытался изгнать йафиитов из Хадрамаута. Омару аль-Куайти удалось перебросить из Индии сотни воинов, в основном местных уроженцев, служивших при правителях Хайдарабада. В 1866 г. касирийцы сумели захватить Шихр, но от Мукаллы они были отброшены йафиитами. Затем инициатива перешла к йафиитам.

Закупив в Адене и Бомбее оружие, куайтийцы наняли две сотни йафиитов и пятьсот афганских наемников в Хайдарабаде, которых поддержало йафиитское племенное ополчение. В апреле 1867 г. Шихр стал куайтийским и, несмотря на попытки его отбить, оставался частью государства аль-Куайти еще сто лет. Разношерстное йафиитское воинство плохо подчинялось управлению, и развитие успех захватом главных городов внутреннего Хадрамаута куайтийцам не удалось, тем более что от них откололась семья аль-Касади, контролировавшая Мукаллу. Это сохранило Касирийский султанат, хотя его влияние резко уменьшилось.

В последние годы египетской оккупации **Хиджаз** находился под управлением египетского губернатора. Шериф Мухаммед ибн Аун, приведенный к власти египтянами в 1827 г., был арестован и пребывал в Каире. В апреле 1840 г. он получил свободу, вернулся в Мекку и был утвержден султаном в своем статусе. Османский *вали* водворился в Джидде, и к концу следующего года с прибытием османских армейских сил в стране был восстановлен прежний порядок.

Сведения о светских нововведениях, осуществляемых под давлением христианских держав в столице и центральных *вилаяетах* империи, учреждение в Джидде европейских консульств и торговых домов, составлявших конкуренцию аравийским купцам, как и рассказы мусульманских паломников о действиях колониальных властей в Индии и Юго-Восточной Азии порождали у проникнутого религиозным духом населения Святой земли недовольство властью «изменивших вере» турок. Дважды в 1850-е годы эти настроения выливались в массовые беспорядки, получившие отклик в империи. Беспорядкам предшествовали столкновения бедуинов с османскими солдатами, армейские бунты из-за невыплат жалованья, выпады против иностранных консулов в Джидде, бойкот, объявленный хадрамаутскими купцами британским пароходным компаниям.

В 1851 г. турками был арестован и отправлен в Стамбул шериф Мухаммед ибн Аун, заподозренный в антиосманских настроениях. На его место утвержден Абд аль-Муталиб ибн Талиб (1851-1855). В ноябре 1855 г., когда обострились отношения между османским *вали* и Абд аль-Муталибом и ожидалась его отставка, шериф в надежде оказать давление на Порту активно поддержал протест *улемов* и работорговцев против инициированного державами османского *фирма-*

398

на, запрещавшего работорговлю. *Улемы* утверждали, что такое решение противоречит *шариату*; они выставили османской власти ряд требований: сохранение свободной работорговли, вывод турецких войск из Мекки, изгнание из Хиджаза иностранных консулов и всех христиан; зазвучал призыв к *джихаду* против христиан и турок-«идолопоклонников». Конфликт перерос в вооруженные столкновения с турецким гарнизоном, разграбление домов турецких офицеров и купцов. Столкновения происходили и в северных городах, где у шерифа Абд аль-Мута-либа имелись сторонники, однако

Медина и Джидда сохраняли спокойствие. Беспорядки завершились пленением в мае 1856 г. Абд аль-Муталиба и возвращением на пост Мухаммеда ибн Ауна.

Если события 1855-1856 гг. были прежде всего выражением антиосманских настроений, а антихристианские призывы только озвучивались, то два года спустя в Джидде внутреннее напряжение вылилось в христианскую резню или было искусно направлено в русло христианского погрома, хотя пострадали в нем прежде всего мусульмане — подданные европейских держав. Резня произошла 15 июня 1858 г., в ней погибли 22 человека, в их числе французский консул. Некоторые из преследуемых фанатиками укрылись у местных жителей, другие бежали на находившийся в порту британский паровой фрегат «Циклоп», который был обстрелян преследователями. Поводом для выступления послужил незначительный инцидент, возникший к тому же между двумя индийскими мусульманами. Один из них — обладатель наиболее крупного капитала, вложенного в торговлю и ростовщичество, — ведал финансами Хиджаза и исполнял функции британского вице-консула. Другой прочно осел в Джидде, имел, по-видимому, тесные связи с местной купеческой общиной и претендовал на османское подданство. Конфликт произошел в период *хаджа*, что способствовало накалу религиозной экзальтации, когда Намик-паша, вали Джидды, поддерживал порядок в Мекке и в Хиджаз еще не прибыл из Стамбула новый шериф Абдаллах ибн Мухаммед (1858-1877), назначенный после смерти его отца Мухаммеда ибн Ауна. Резне предшествовало странное должностное назначение, произведенное последним османским *вали*: в качестве *каймакама* Джидцы он назначил участника беспорядков 1855 г. в Мекке, ранее обвинявшегося в разработке плана антихристианских выступлений. Погромы остановил спешно прибывший с вооруженным отрядом Намик-паша. По указанию британского правительства капитан «Циклопа» потребовал немедленного наказания виновных и, усмотрев в поведении властей преступную медлительность, подверг Джидду бомбардировке. Власти поспешили казнить непосредственных участников резни — ремесленников, рыбаков и других, и острота конфликта была сглажена. Дальнейшее расследование обнаружило причастность к организации резни *кади* Джидцы, упомянутого *каймакама*, и главы купеческой общины, что проливает свет на истинные причины событий. В организации погромов в Джидде просматриваются черты произошедшей два года спустя резни в Дамаске.

Развитие политических событий во втором эмирате Саудидов происходило по сценарию, ставшему привычным. В 1840 г. египтяне, вероятно с умыслом доставить осложнения Порте, освободили из плена эмира Фейсала ибн Турки, который после ожесточенной борьбы с претендентами на власть утвердился в

399

1843 г. в столице эмирата. К этому времени саудовские владения распространялись лишь на прилегавшие территории. Эмир, признавая себя вассалом султана и платя дань Порте, приступил к очередному покорению Центральной и Восточной Аравии. Рашидиды Джебель Шаммара охотно признали сюзеренитет Фейсала, сохранив свое самоуправление, и направили собственную экспансию в сторону племен Северной Аравии, присоединив их к своим владениям. Однако владельцы эль-Касима и Бахрейна доставили Саудидам массу неприятностей. В эль-Касиме Фейсал в процессе подавления неоднократных восстаний пытался ввести административное нововведение — назначить правителями своих братьев. Однако новшества не укоренились из-за сопротивления местной элиты.

По существу, вся внутренняя политика Фейсала сводилась к постоянной вооруженной борьбе за целостность эмирата в границах Центральной и Восточной Аравии. К концу жизни Фейсал разделил управление эмиратом между тремя сыновьями — Абдаллахом, Саудом и Мухаммедом, которые создали для себя опору в населявших их уделы племенах. После смерти эмира Фейсала в 1865 г. и прихода к власти Абдаллаха ибн Фейсала началась междоусобная борьба за власть между Абдаллахом и Саудом. В борьбу были втянуты не только племена, но и почти все государственные образования Восточной Аравии, Порты и Великобритании. Абдаллах обратился за помощью к *вали* Багдада Мидхат-паше, и это стало официальным предлогом для османской оккупации эль-Хасы в 1871 г.

В последнюю треть XIX в. Аравия вступила политически ослабленная внутренними распрями и британским проникновением. Она по-прежнему жила по нормам и представлениям средневекового общества.

АЛЖИР

С 1840 г. новый генерал-губернатор Алжира маршал Бюжо, сосредоточив против Абд аль-Кадира 86-тысячную армию, вдвое превышавшую силы эмира, повел наступление, применяя бесчеловечные методы тотальной войны на уничтожение. После трех лет ожесточенной борьбы эмир вынужден был отступить в Марокко. Однако Бюжо в 1844 г. разбил войска султана Марокко и заставил его отказаться от предоставления убежища Абд аль-Кадиру. Эмир ушел в Сахару, откуда изредка нападал на захватчиков. Вскоре пастух Бу Маза поднял восстание на западе Алжира и передал руководство им Абд аль-Кадиру. Неравная борьба 1845-1847 гг. закончилась пленением Абд аль-Кадира. В 1848г. французы пленили и Хадж Ахмед-бея. Однако и после этого их продвижение в глубь Алжира шло с

трудом, сопровождаясь большими потерями при подавлении восстаний в Заадже (1848г.), Лагуате (1852г.) и Туггурте (1854г.), при завоевании горной Кабилии (1851-1857) и усмирении мятежей племенных союзов бану снассен (1859 г.) и улад сиди шейх (1864-1867). Последним было восстание 250 арабских и кабилских племен во главе с Мухаммедом Мукрани, поставившее под вопрос само существование власти Франции над Алжиром весной 1871 г. Но и это мощное движение, во многом инспирированное братством рахманийя, было подавлено к январю 1872 г.

400

Завоевание Алжира сопровождалось захватом земель *дея*, *беев* и племен, «поднявших оружие против Франции». Заодно отбирались и земли, признанные «бесхозными», т.е. те, чьи владельцы не имели документов на право владения. Поскольку таковых было большинство, земельный грабеж практически ничем не ограничивался. Кроме того, часть земель отчуждалась «законными» методами, т.е. путем купли-продажи, якобы добровольных «даров» и т.п. Так был создан «фонд колонизации» для хлынувших в Алжир европейцев, которых в 1840 г. насчитывалось 27 тыс., в 1847 г. — 110 тыс., в 1871 г. — 245 тыс. человек. Французов среди них было около 40%, остальные — испанцы, итальянцы, мальтийцы, немцы и швейцарцы, даже греки и ирландцы. В 1850 г. они владели 115 тыс. га, в 1860 г. — 365 тыс. га, а в 1870 г. — уже 765 тыс. га земель. Со временем стало трудно отличать в Алжире французов от прочих европейцев ввиду их смешения, а особенно ввиду автоматического предоставления французского гражданства всем европейцам, родившимся в Алжире, а также алжирским евреям, получившим в 1870 г. права французов.

ТУНИС

Энергичный и честолюбивый правитель Ахмед-бей (1837-1855) попытался возродить «мощь ислама» в Тунисе путем еще большей модернизации. Он восстановил флот, увеличил армию с 5 тыс. до 26 тыс. человек, выстроил много предприятий, пригласив в страну французских инженеров и военных, освободил в 1841 г. дворцовых рабов, а в 1846 г. вообще отменил рабство. Тогда же он в нарушение вековых традиций впервые выехал за границу, посетив Францию. Однако непомерные расходы на реформы (а во многом и на дворцы *бея*), а также потакание свояку и любимцу *бея* Мустафе Хазнадару (ловкому казнокраду из мамлюков греческого происхождения) поставили Тунис в тяжелое положение. Бунты и мятежи начались уже с 1840-1842 гг. Деревни вымирали, крестьяне разбегались, налоги не собирались. Управляющий госбанком в 1852 г. бежал во Францию, прихватив остатки наличности. В 1853 г. закрылись почти все заводы и фабрики. Ошеломленного всем этим Ахмед-бея в июле 1852 г. разбил паралич, и он фактически отошел от дел. Изворотливый Хазнадар, получив несколько займов, спас положение, но лишь на время. Преемники Ахмед-бея Мухаммед (1855-1859) и Мухаммед ас-Садок (1859-1882) были безвольными марионетками в руках Хазнадара. Первый из них больше, чем о государстве, заботился о своих 1200 одалисках, а второй был законченным алкоголиком, предававшимся всевозможным порокам.

Хозяевами в Тунисе все больше становились консулы Англии и Франции. Они заставили Мухаммед-бея в сентябре 1857г. огласить *Ахд аль-Аман* («Хартию неприкосновенности»), почти текстуально воспроизводившую Гюльханей-ский *хатт-и шериф* османского султана. Этот текст, декларировавший равенство и неприкосновенность личности всех тунисцев, провозглашал также свободу частного хозяйствования. Результатом этого явилась дальнейшая европеизация суда и госаппарата, а также отмена государственных монополий и введение свобо-

401

ды торговли. В реорганизованное по европейскому образцу правительство вошли кроме премьера Хазнадара и его приверженцев также известные либералы (из мамлюков-черкесов) Хусейн и Хайраддин. Первый, городской голова столицы, знаток языков и опытный дипломат, стал министром иностранных дел. Второй занял пост морского министра. Будучи близки ранее к Ахмед-бею, оба они хотели максимально «вестернизировать» систему власти и политические нравы Туниса. Благодаря их усилиям были приняты новые законы, открыта государственная типография, в 1860 г. начала выходить первая тунисская газета на арабском языке (с 1838 г. в стране уже выходила газета на итальянском языке).

В 1857-1860 гг. был разработан текст конституции Туниса, которая вступила в силу в апреле 1861 г. после того, как император Франции Наполеон III «с похвалой отозвался» о ее проекте. Отныне *бей* назначал кабинет министров, ответственный перед Верховным Советом из 60 человек, треть которых выбиралась из министров, высших сановников и офицеров, а две трети избирались «по жребию» из списка знати. Однако в стране все эти нововведения вызывали непонимание и даже враждебность, особенно со стороны *улемов*, *муфтиев* и марабутов. Последние призывали народ выступить «против конституции, неверных и отступников». Англия, Франция и Италия сначала поддерживали преобразования в стране. Но затем переменили свое отношение, так как по сути дела в Тунисе ничего не изменилось, ибо конституция стала лишь ширмой для продолжавшихся махинаций Хазнадара и его клики, вскоре порвавших с либералами (после отставки Хайрадина в 1862 г.).

Иностранцы стали скупать через подставных лиц дома, сады и плантации оливок, в чем им помогали тысячи протезов, находившихся под их покровительством в соответствии с режимом капитуляций. Деревня и город стонали от ростовщиков (тоже в большинстве своем из иностранцев), а государственный долг быстро рос (только в 1860-1862 гг. с 11,9 млн. до 28 млн. фр.) ввиду крупномасштабного казнокрадства и хищений. Тогда Хазнадар, получив в 1863 г. заём в 35 млн. фр., в обеспечение его уплаты отдал германскому банкиру Эрлангеру доходы от таможен и подушной подати *меджбы*, специально введенной в 1856 г. Несмотря на манифестации под лозунгами «Долой *меджбу*» и «Долой *мамлюков*», Хазнадар увеличил вдвое размер *меджбы*, что вызвало всеобщее восстание в апреле 1864 г. во главе с «народным *беем*» Али Бен Гедахемом, поддержанное мара-бутским братством тиджанийя. Большинство *каидов* в округах были убиты или бежали, а власть на местах перешла к *шартыйя* (общинам) во главе с выборными советами. Армия переходила на сторону повстанцев, а иностранцы бежали из разгромленных кварталов на корабли. Внутренние области оказались под эгидой бедуинских вождей, а многие города признали османского султана и вывесили зеленые знамена.

Хазнадар сбил первый порыв повстанцев, приостановив действие ненавистной многим конституции и снизив размер *меджбы*, а затем воспользовался разногласиями между разными племенами, группами и кланами повстанцев, чтобы разбить их поодиночке. Жестокое подавление восстания сопровождалось и чудовищными поборами. Англии, Франции, Италии и Стамбулу даже не пришлось вмешиваться, хотя они и были к этому готовы. Али Бен Гедахем в 1865 г. бежал в Алжир, через год тайно вернулся, но был схвачен и умер в тюрьме осенью 1867 г.

402

Тунис был окончательно закабален. Его долг к 1869 г. составил 150 млн. фр., в то время как ежегодный доход в среднем равнялся 13 млн. фр. Англия, Франция и Италия сделали страну своей полуколонией, контролируя с 1869 г. все ее доходы и расходы через специально созданную Международную финансовую комиссию.

ЛИВИЯ С КОНЦА XVIII в. ДО 1877 г.

Ливия в конце XVIII в. была *эйалетом* (наместничеством) Османской империи и называлась Тарабулус аль-Гарб (Западное Триполи). Но фактически этим *эйалетом* с 1711 г. правили наследственные паши из династии Караманлы, отдававшие султану в Стамбуле лишь формальную дань уважения в виде чеканки его имени на монетах и упоминания его в пятничной молитве (*хутбе*). Караманлы опирались на местных феодальных вождей племен, марабутов и кулуглу (полутурок-полуарабов). Племена были свободными (не платившими подати) и податными. Несколько особняком стояли берберы (в основном на юге), принадлежавшие к секте ибадитов, и африканцы — тубу. Несмотря на турецкое происхождение Караманлы, официальным языком двора и государства и при Али-паше (1754-1793), и при Юсуф-паше (1795-1832) был арабский. За свободу плавания в Средиземном море триполийцы брали дань с Испании, Португалии, Голландии, Швеции и Дании (только за 1795-1798 гг. — 332 тыс. пиастров). В 1801-1805 гг. они вели войну с США из-за размера дани, которую согласились снизить с 400 тыс. до 60 тыс. пиастров. Но в 1819 г. Юсуф-паша под пушками эскадры Эксмута (как и правители Алжира и Туниса) вынужден был отказаться от корсарства.

Прекращение выплат дани и поступлений от пиратских набегов поставило государство в безвыходное положение, ибо еще раньше оно столкнулось с чумой, голодом, инфляцией. Юсуф-паша даже переплавил пушки на медные монеты, резко увеличил налоги и стал в 20-е годы XIX в. брать займы у европейских банкиров. Требование англичан погасить задолженность в 1832 г. и очередной рост налогов вызвали всеобщее восстание. Отрекшегося от власти Юсуф-пашу сменил его сын Али II (1832-1835), который не справился с анархией, воцарившейся в стране.

Воспользовавшись этим, османский флот восстановил в Триполи власть султана при поддержке Англии. Али Караманлы был выслан в Стамбул.

Однако ни арабские племена внутри страны, ни даже городской патрициат Триполи не признали власти османского губернатора. Устанавливать эту власть османам пришлось в ходе непрерывной войны 1835-1858 гг. Племена, отдельные области и марабутские братства в этой войне выступали обычно разрозненно. Но благодаря талантам своих вождей, а иногда и скрытой помощи извне (от Мухаммеда Али из Египта, от тунисцев и Франции) они иногда оказывали довольно эффективное сопротивление, несмотря на крайнюю жестокость османских карателей, в первую очередь командовавшего их войсками в 1841-1847 гг. Ахмед-паши, в конце концов убитого повстанцами за свои бесчисленные зверства. Даже после завершения завоевания страны в ее южных районах османская администрация так и не была создана.

403

Значительная часть территории страны оказалась в руках воинствующих марабутов братства

сенусийя. Его основал в Мекке в 1837 г. алжирский суфий Мухаммед бен Али ас-Сенуси (1787-1859), талантливый поэт и историк, суровый критик всех «новшеств» Мухаммеда Али в Египте и реформ Танзимата в Турции. С 1840 г. он стал пропагандировать в Магрибе свои идеи возврата к Корану и сунне и отказа от всего европейского. В 1843 г. первая *завия* (обитель) сенуси-тов была основана в Киренаике. А в 1856 г. братство фактически создало в стране свое теократическое государство с центром в оазисе Джарабуб. Поскольку сенуситы согласились платить дань Стамбулу и упоминать имя султана в пятничной *хутбе*, османы предпочли установить с ними мирные отношения. В 1856 г. султан Абдул-Меджид предоставил сенуситам ряд привилегий, в частности, освободил их от налога на землю и разрешил собирать в пользу братства *закят* и другие подати. В 1859 г. братство возглавил сын его основателя Сеид аль-Махди.

Глава 4

ИРАН В 1840-1860-х ГОДАХ.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ БАБИДОВ И ПОПЫТКА ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМ

Два важнейших явления внутривосточной жизни Ирана середины XIX в. — движение бабидов и осознание правительством необходимости хотя бы частичных преобразований в стране — были результатом глубокого социально-экономического и политического кризиса, затронувшего все слои населения и все сферы экономической и политической деятельности. Они знаменовали переломный период в истории Ирана.

В условиях политической и экономической нестабильности, неуверенности населения в будущем, страха перед нарушением привычного образа жизни и тем не менее предчувствия неминуемых перемен, как правило, усиливается значение духовных исканий. В Иране, где религиозность была неотъемлемой частью социальной психологии всего населения, поиск протекал в русле религиозных сектантских учений — бабизма и бехаизма.

Религиозное движение, получившее антифеодалную окраску, началось в 40-х годах XIX в. Оно связано с именем сейида Али Мохаммада, объявившего себя Бабом, т.е. «дверью» в постижение Бога. Последователи Баба стали называться *баби* — бабидами, а вооруженные выступления 1848-1852 гг. вошли в историю под названием бабидских восстаний.

Али Мохаммад родился в 1820 г. в Ширазе в семье торговца хлопчатобумажными тканями. Вначале Али Мохаммад по семейной традиции занялся торговлей, но очень скоро предпринял путешествие в священные шиитские города Кербелу и Не-джеф, где познакомился с учением новой мусульманской секты шейхитов. Учение шейхитов привлекало простой народ верой в скорое пришествие имама Махди, который уничтожит несправедливость на земле и установит справедливые порядки. В Иране этого учения придерживались многие духовные лица, хотя ортодоксальное шиитское духовенство отнеслось враждебно к проповедям шейхитов.

В 1844 г. Баб объявил, что уже настало время пришествия имама Махди, потому что из-за притеснений властей, людской несправедливости и небесных кар за несправедное поведение — неурожаев и эпидемий — жизнь на земле стала невыносимой. Основными виновниками всех несчастий, постигших иранский народ в то время, его жестокими угнетателями Баб называл каджарских правителей и высшее шиитское духовенство. И вот он, сейид Али Мохаммад, призван Богом стать «Бабом», посредником между Махди и народом, чтобы подготовить людей к скорому его появлению. Не все шейхиты приняли проповедь Баба, но у Али Мохаммада нашлись последователи, которые разнесли по Ирану весть о появлении в Ширазе Баба, о его необыкновенных дарованиях, образованности, благочестии. В Шираз началось паломничество.

405

Учение Али Мохаммада складывалось постепенно. В наиболее полной форме оно было изложено в «Беяне» («Откровение») — книге, написанной Бабом лишь в 1847 г., во время заключения в Макинской крепости. Но основные его положения были изложены еще до его ареста.

Учение Баба сочетало в себе идеи религиозной реформации с утопическими представлениями о возможности учреждения общества, в котором будет царствовать справедливость. Мечты о братстве и будущем царстве справедливости, зафиксированные в фольклоре и иранском героическом эпосе, были органично присущи простонародному иранскому сознанию, поэтому идеи Баба нашли отклик в широких слоях населения.

Баб считал, что человеческое общество переживает последовательно сменяющиеся друг друга эпохи. Старые порядки и законы уничтожаются с концом старой эпохи и с наступлением новой заменяются новыми установлениями.

Баб провозгласил приход новой эры в истории Ирана и объявил Коран и *шариат* устаревшими; он

отменил пятикратную молитву, пост, паломничество к святым местам, обязательную раздачу милостыни, священную войну — *джихад*. Баб сообщил, что Иран будет первой страной, где установится царство справедливости, однако справедливость первоначально должна будет восторжествовать лишь в пяти провинциях Ирана — Азербайджане, Мазандеране, Ираке Персидском, Фарсе и Хорасане, т.е. в наиболее экономически развитых районах, более других связанных с мировой торговлей.

Торговлю Баб считал лучшим видом занятий, обеспечивающим благосостояние и дальнейшее развитие общества. Он устранил все предписания *шариата*, мешавшие торговле и сношениям с иностранцами. Баб разрешил взимать ростовщические проценты, запрещенные исламом, требуя обязательной уплаты долгов. Он был озабочен сохранением прав личности и имущества. Требование простоты и аскетизма играли в его учении важную роль. (Идеи упрощения обрядности получили дальнейшее развитие уже после разгрома бабидских восстаний в учениях ряда религиозных реформаторов.) Особую притягательную силу имела этическая сторона учения Баба, провозглашенные им благородные и возвышенные цели.

Большое значение Баб придавал просвещению. Он призывал своих последователей учиться, изучать науки и иностранные языки. В учении Баба эклектически переплетались представления о Боге, развитии мира, человеческом обществе, воздаянии и загробной жизни, характерные для ортодоксального ислама, исмаи-лизма, суфизма и других религиозно-философских течений на Востоке. Бабида широко пользовались суфийско-дервишеской терминологией, придавали мистическое значение отдельным словам, буквам, цифровым сочетаниям.

Баб был выдающимся проповедником, он увлекал за собой тысячи последователей, мужественно шедших на смерть за идеалы бабидов, что соответствовало глубокой религиозности подавляющего большинства населения Ирана, безраздельно уповавшего на божественное правосудие.

Быстро распространявшееся новое учение обеспокоило духовенство и местные власти. В конце 1844г., по требованию ширазских *улемов* и губернатора, Баб и его проповедники были арестованы. В Ширазе Баб предстал перед судом *улемов*, на котором вдохновенно доказывал истинность своего учения, за что был

406

признан сумасшедшим и приговорен к наказанию палками и тюремному заключению. Из Шираза Бабу удалось бежать в Исфаган, где ему оказал покровительство генерал-губернатор Манучехр-хан. Там Баба стали посещать и знатные, и простолюдины, которым он объяснял основы своего учения, и многие уверовали в него.

Взросшая популярность Баба встревожила и исфаганских *улемов*; они обратились с жалобой в Тегеран на попустительство губернатора. Ученики Баба, распространявшие его учение, находили живой отклик среди торгово-ремесленных слоев Шираза и других городов, население которых страдало от поборов и беззакония правителей. Среди наиболее активных сторонников и учеников Баба были сейид шейх Хосейни, исполнявший при нем обязанности секретаря, мулла Хо-сейн Бошруйе, в Иранском Азербайджане — мулла Юсуф Ардебели, Ага Мо-хаммад Али. Среди приближенных к Бабу лиц были два брата — мирза Хосейн Али (Беха-Улла) и мирза Яхья (Собх-е Азаль). Мирза Хосейн Али, впоследствии отречьшись от учения Баба, стал основателем нового течения в бабизме — беха-изма, претендовавшего на роль новой мировой религии.

На сторону бабидов перешли очень популярные шиитские *улемы*, такие, как хаджи сейид Джавад Кербелай, Абу-ль-Фазл Гольпаигани, Яхья Дараби и др. Сторонницей Баба была выдающаяся проповедница Куррат-уль-Айн. Учение бабидов нашло последователей среди богатого купечества, чиновничества, высшего шиитского духовенства, правящей феодальной верхушки. Покровители бабидов были и при шахском дворе в Тегеране. Но основную массу бабидов составляли мелкие торговцы, ремесленники, духовные лица и крестьяне. Все это свидетельствовало о том, что в обществе пробуждалась жажда к переменам. Однако и этот кризис традиционно искал свое разрешение в рамках религиозного учения. Учитывая психологию и религиозный настрой населения, шахское правительство вело осторожную политику в отношении Баба. Только в 1848 г., после смерти губернатора Исфагана, главного покровителя Баба, когда оставлять вероучителя в Исфагане стало опасно, Баб был арестован и помещен в тюрьму в крепости Маку, а затем перевезен в крепость Чихрик, недалеко от Урмии. Будучи в тюрьме, Баб продолжал переписываться со своими учениками и последователями, и к нему не переставал стекаться народ.

В июле 1848 г. состоялся второй духовный суд над Бабом, на этот раз в Теб-ризе. Вопреки требованиям *шариата*, суд не был публичным. На нем Баба приговорили к смерти. Тогда же в Тебризе Баб объявил себя махди, что произвело большое впечатление на население. И решение суда о казни Баба не было приведено в исполнение.

Между тем движение бабидов, начавшееся в Фарсе, очень быстро переметнулось в столицу, распространилось в Иранском Азербайджане, Мазандеране, Хорасане, Йезде, Исфагане.

К этому времени обстановка в Иране свидетельствовала о крайнем обострении социальных и политических противоречий. В 1847-1848 гг. произошли голодные бунты в Хорасане. В 1848 г. выступили луги в Исфагане, ремесленники, мелкие торговцы и городская беднота в Зенджане; в январе 1848 г. начались волнения в Реште. Смерть Мохаммад-шаха в сентябре 1848 г. сопровождалась привычным для каджарского правления междуцарствием, когда многочисленные

407

принцы стали бороться за шахский престол. Бабиды воспользовались политической нестабильностью и открыто выступили против власти Каджаров.

Первое восстание возглавляли мулла Мохаммад Али Барфоруши и мулла Хосейн Бошруйе. Они обосновались в местечке Шейх-Таберси (Мазандеран). К ним примкнули местные крестьяне, собралось около двух тысяч человек. Они начали вести пропаганду и вооружаться. Жили они общиной: питались из общего котла, выделяли специальных лиц для распределения одежды, жилья и т.п. Была предпринята попытка создать свободное общество бабидов. Но, теснимые регулярными войсками, в 1849 г. они вынуждены были сложить оружие. Правительство жестоко расправилось с восставшими — все они были казнены.

Поражение бабидов в Мазандеране не остановило их руководителей в других провинциях. Одним из самых значительных по количеству участников — до 15 тыс. человек — было восстание бабидов в Зенджане, которое возглавил мулла Мохаммад Али Зенджани. Бабиды заранее подготовили оружие, боеприпасы, продовольствие. Арест одного из бабидов послужил сигналом к выступлению. Половина города оказалась в руках восставших, среди которых были торговцы, ремесленники, духовные лица и крестьяне. С большим трудом правительству удалось в декабре 1850 г. подавить восстание.

Одновременно вспыхнуло быстро подавленное восстание бабидов в Йезде. Проповедь бабидов продолжала привлекать к себе все большие массы недовольных.

Правительство принимало различные меры для подавления движения бабидов. Первый министр Таги-хан и шахский двор не без основания считали, что только военной силой с бабидами не справиться.

Антибабидскую пропаганду развернуло шиитское духовенство, призывая в мечетях отказаться от еретического, противного духу ислама учения. Мирза Таги-хан настаивал на казни Баба. 19 июля 1850 г. Баб был расстрелян солдатами из христианского полка Самсон-хана: власти не рискнули доверить казнь солдатам-мусульманам.

Казнь Баба потрясла бабидов. Потеря идейного лидера усилила разногласия между руководителями бабидов и борьбу за влияние на повстанцев. Не было и единого взгляда на дальнейшую деятельность бабидов.

В свою очередь, правительство бросило все силы на подавление разрозненных бабидских восстаний. Жестоко было подавлено восстание в Ширазе. В 1852 г., после покушения на шаха, были казнены все бабиды, участвовавшие или подозреваемые в заговоре. Начались массовые казни бабидов и их сторонников по всей стране. Бабиды были обескровлены, запуганы массовыми преследованиями и казнями.

Выступление бабидов оказало значительное воздействие на политику шахского правительства, заставив правящие круги признать как одну из первостепенных задач необходимость развития экономики, модернизации армии и государственного управления. Бабиды заставили задуматься о путях дальнейшего развития Ирана некоторых мусульманских реформаторов, в том числе Джемаль ад-Дина аль-Афгани, оказали влияние на просветителей Ирана и даже на ортодоксальное духовенство.

Выступление бабидов и провозглашение бехаизма имели большое значение не только для Ирана, но и для всего Среднего Востока. Тем не менее бабизм не нанес удара по ортодоксальному шиизму. Учение Баба продолжало рассматриваться шиитскими *моджетехидами* лишь как одно из сектантских течений шиизма.

408

После подавления бабидских восстаний правительственный террор свирепствовал еще долгое время. Многих бабидов спасло от уничтожения сокрытие ими своих взглядов, сочувствие и поддержка соотечественников, а также защита со стороны европейских миссий и консульств.

После поражения вооруженного движения уцелевшие бабиды и сопричастные им секты обратились к разработке теологических и этических основ своего учения. Наиболее законченную форму религиозные искания обрели в бехаизме. (Бехаизм, генетически связанный с бабизмом, по существу стал новым космополитическим учением, распространившимся за пределами Ирана. Его последователями были представители разных слоев населения с преобладанием интеллигенции и купечества. К концу XIX в. бехаитская община уже не считалась иранской; она приобрела характер международной религиозной конфессии. В Иране бехаиты периодически подвергались преследованиям, инициатором которых, как правило, было шиитское духовенство.)

Выступление бабидов обострило социальные противоречия в стране. Исподволь зрело

недовольство всех слоев населения. Продолжались сепаратистские выступления окраинных вождей— предводителей курдских, шахсевенских, туркменских, арабских и других племен, а также правителей провинций. В провинциях Северного Ирана (Иранский Азербайджан, Гилян, Мазандеран), более тесно связанных с европейским рынком и раньше других ощутивших необходимость реорганизации хозяйства и управления, критика правительства со стороны купечества, торгово-ремесленного населения и духовенства становилась все более открытой. В результате отдельные представители правящего дома Каджаров и высшей бюрократии стали склоняться к мысли о необходимости по примеру Османской империи приступить к реорганизации армии, а также государственного управления и экономики. Реформы мирзы Таги-хана Амир-Кабир стали, таким образом, логическим завершением социально-экономического и политического развития Ирана в первой половине XIX в.

Мирза Мохаммад Таги-хан Фарахани не был представителем родовой бюрократии Ирана, его отец был поваром в семействе *каем-макама* Исы Фарахани, а затем управляющим дома у его сына Абу-ль-Касема. Точная дата рождения мирзы Таги-хана неизвестна, называют 1795, 1800 и даже 1807/1808 годы. Воспитываясь вместе с детьми и внуками Исы Фарахани, он сформировался как личность в среде наиболее просвещенной и свободомыслящей части иранского правящего слоя при дворе наследника шаха (*валиахда*) Аббаса Мирзы. Именно в этой среде свободно обсуждались широкие проблемы внутренней и внешней политики Ирана и возможные пути укрепления военного и экономического положения страны, поднятия ее международного престижа. В этой атмосфере возникли идеи иранского варианта просвещенного абсолютизма, которые впоследствии попытался воплотить в жизнь мирза Таги-хан.

Личные качества мирзы Таги-хана — природный ум, образованность, умение вести канцелярскую работу, организаторские способности — и поддержка наследника помогли ему быстро продвинуться по государственной службе. Он был личным секретарем Абу-ль-Касема Фарахани, ездил с «извинительным посольством» Хосров-мирзы в Петербург, в 1831 г. получил титул *хана*, стал полковником, с 1834 г. — заместителем командующего войсками наследника, а вскоре

409 начал фактически выполнять все функции *амир-низама* (военного министра). Семейные связи также обеспечивали мирзе Таги-хану необходимую поддержку: он был женат на сестре наследника престола Насер ад-Дина. В 1843 г. Таги-хан был назначен главой иранской делегации по выработке мирного договора между Ираном и Турцией и направлен в Эрзерум. Он подписал Эрзерумский договор и соглашение об ирано-турецком разграничении. Пребывание в России и Османской империи расширили кругозор мирзы Таги-хана и еще больше укрепили его в мысли о необходимости проведения реформ в Иране.

Вступив на престол в 1848г., Насер ад-Дин-шах назначил мирзу Таги-хана *садразамом* с присвоением ему титула *Амир-е Кабир* («Великий эмир») и *Ата-бек-е Азам* («Великий атабек») и предоставил Таги-хану неограниченные права. Это назначение было смелым поступком молодого шаха, проявившего известное свободомыслие и оказавшего сопротивление дворцовой группировке во главе с собственной матерью, выдвигавшей на эту должность своего ставленника. Аристократическая группировка при дворе, возглавляемая шахиней, заняла враждебную позицию в отношении Таги-хана, понимая, что самоуверенный и прямолинейный *садразам* будет чужд интересам старой сановной знати. Но у нового премьера была поддержка со стороны шаха, тебризского двора, армии, ряда видных государственных деятелей.

За время своего непродолжительного *садразамства* (1848-1851) мирзе Таги-хану Амир-Кабиру удалось начать проведение некоторых реформ, которые должны были упрочить и модернизировать государственное управление, укрепить положение шаха, ограничить произвол гражданских властей и вмешательство духовенства в государственные дела. Таги-хан намеревался повысить боеспособность армии, укрепить экономику страны, поднять международный авторитет Ирана, а также способствовать культурному возрождению иранцев. Первые шаги по осуществлению провозглашенных им реформ заключались в сокращении чиновничьего аппарата и уточнении обязанностей чиновников, определении размеров выплачиваемого жалованья и различных пособий членам царствующего дома, сановникам и чиновникам всех рангов. Была осуществлена проверка количества собираемого налога и поступающих в казну средств, а также проведена проверка командного состава в армии и укомплектованности воинских подразделений, сокращены места неприкосновенных убежищ (*беста*), иными словами, осуществлено упорядочение государственного управления и его финансового положения. Но уже эти меры вызвали резкое недовольство в придворных кругах, среди духовенства и чиновничества.

Начавшийся пересмотр прав на условное (служебное) землевладение и на получение с него доходов по *боратам* и вовсе взволновал землевладельцев, так как в результате проверки прав на владение часть феодалов и чиновников лишались своих доходов. Благодаря новым инструкциям по сбору налогов государственные поступления в 1850 г. возросли до 7 млн. туманов за счет пресечения воровства значительных сумм финансовыми чиновниками и откупщиками налогов. Более безболезненно были осуществлены мероприятия экономического характера: основание нескольких фабрик по производству оружия, стекла, текстиля, оказание помощи ремесленникам и первым иранским промышленникам, ремонт оросительных систем и постройка новых плотин на реках Каруне и Торга-

410
не. В стране увеличились посевные площади, были улучшены дороги, строились караван-сарай и базары, благоустраивались города. Правительство стало проводить протекционистскую политику в отношении ремесленного производства, ликвидировало внутренние таможенные границы, поощряло разработки полезных ископаемых и т.д. Мирза Таги-хан отправил в Турцию и Россию группы купцов для изучения машинного производства и покупки паровых машин. Он попытался взять под государственный контроль деятельность ремесленных цехов (*синф*), предписав мастерам обучать своему ремеслу побольше учеников, чтобы создать профессиональные кадры для промышленного производства; он подтвердил освобождение ремесленников от воинской повинности. Амир-Кабир рассматривал образование как один из основных факторов социального, политического и культурного прогресса Ирана. По его инициативе было основано светское учебное заведение типа лицея «Дар-оль-фонун» («Дом наук») для подготовки военных специалистов, медиков, инженеров, музыкантов и др. Обучение вели в основном европейские преподаватели. Для содержания этого учебного заведения из государственного бюджета было выделено 7700 туманов. По инициативе Таги-хана стала издаваться первая официальная газета «Вакайе-йе эттефакийе», основаны типография и государственная больница, началась широкая переводческая и издательская деятельность.

Недовольство провозглашенными реформами несколько сдерживалось начатой Амир-Кабиром борьбой с бабидами, которые представлялись правящей элите наибольшей опасностью. После подавления основных очагов бабидских восстаний и казни Баба противники Амир-Кабира сочли его миссию выполненной, а дальнейшую деятельность для себя неуютной.

Реформы Амир-Кабира вызвали протест не только со стороны феодалов и духовенства, ущемленных в своих политических правах и экономических интересах. Неграмотные, забытые народные массы, привыкшие к пассивному восприятию обычных предписаний властей, отнеслись с недоверием к необычным нововведениям первого министра, против которых их восстанавливало местное духовенство. Население интуитивно ощущало, что реформы навеяны западным влиянием и проводятся под воздействием Танзимата в Турции. А все исходящее от *гяуров*, *ференги* (европейцев), а также от ненавистных турок-суннитов встречалось в Иране враждебно. Противникам Амир-Кабира легко было сыграть на религиозно-патриотических чувствах иранцев.

Для устранения Амир-Кабира с политической арены были использованы различные средства. Против него было организовано несколько заговоров. Его попытались скомпрометировать в глазах шаха, выдвигая обвинения в антишахской деятельности. Против *садразам* были организованы выступления населения в Тегеране, бунт солдат азербайджанских полков, волнения в Тебризе. Иностранцы миссии, недовольные тем, что мирза Таги-хан являлся противником усиления иностранного влияния на внутренние дела и внешнюю политику Ирана, в критический момент не оказали ему поддержки. Объединенными силами противники Амир-Кабира добились отставки *садразам*, ссылки его в Кашан и, наконец, распоряжения о его казни (январь 1852 г.).

Несмотря на гибель реформатора и отказ от некоторых начатых преобразований, реформы оказали большое воздействие на современников и последующие

411
поколения, содействовали усовершенствованию государственного аппарата, росту культуры и национального самосознания.

Первую половину XIX в. в истории Ирана можно охарактеризовать как время зарождения капиталистических отношений. Уже с конца 30-40-х годов в Иране стали наблюдаться изменения в аграрной сфере — возникновение торгового земледелия, рост частного землевладения, — а также в ремесленном производстве и торговле, в которых возникли первые мануфактурные предприятия и новые формы организации торговых сделок. В ответ на усиление политического и экономического нажима со стороны западных государств среди политической элиты Ирана получила признание новая внешнеполитическая доктрина, заключавшаяся в балансировании между двумя великими державами (Англией и Россией), иногда с попыткой ориентации на третье западное государство.

Глава 5

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ В 1840-1870-х ГОДАХ

ДВИЖЕНИЕ ШЕЙХА МАНСУРА (1785-1791) И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА (1817-1864)

Горные районы Северного Кавказа вошли в состав Российской империи позднее Закавказья и Предкавказья. Они были покорены в ходе многочисленных военных кампаний, которые позднее стали называть Кавказской войной (1817-1864). Сопrotивление «вольных обществ» горцев российскому проникновению на Кавказ носило религиозную окраску. Его возглавляли сторонники суфийского братства накшбандийя-халидийя. В литературе это движение называют «мюридизмом», так как, по суфийской традиции, повстанцы именовали себя учениками (*мюридами*) правителей-Ишомов Нагорного Дагестана и Чечни. Не следует, однако, путать его с суфизмом. Ни один из имамов XIX в. не оставил по себе никаких суфийских сочинений и даже не был включен в списки (араб, *силсила*) шейхов халидийя; Гамзат-бек вообще никак не был связан с *тарикатом*. Крупнейшее выступление горцев против российского владычества накануне Кавказской войны связано с именем Мансура (Ушурма). Это был почти неграмотный чеченец из с. Алды, вступивший в одно из отделений (*вирд*) братства накшбандийя. В русских источниках, составленных под влиянием слухов и общего настроения тех лет, Мансура нередко именуют «лжепророком», приписывая ему огромное религиозное значение для северокавказских мусульман. До сих пор его нередко называют суфийским шейхом, однако достоверных сведений о передаче ему права руководить *вирдом* не обнаружено. Известно лишь, что в начале 1785 г. Мансур начал проповедь «священной войны» (*газават*) в чеченских селениях по Сунже, что вызвало опасения российских военных властей. В июле 1785 г. для его ареста был послан русский отряд под командованием полковника Ю.Н.Пьерри. Но последователи Мансура разбили русские войска в горах.

С этого момента шейх Мансур выступает как глава стихийного повстанческого движения горцев Чечни и Кабарды. Перед началом русско-турецкой войны 1787-1791 гг. приверженцы шейха осадили крепости Кизляр и Наур, но уже в июле 1787 г., потерпев военные неудачи, шейх во главе нескольких тысяч человек перебрался за Кубань, а после поражения на реках Уруп и Лаба — в Анапу, где оставался до взятия ее русскими войсками. При взятии города 22 июня 1791 г. он был пленен, привезен в Петербург и в соответствии с распоряжением Екатерины II осужден на пожизненное заключение в Шлиссельбурге, где вскоре заболел и скончался в апреле 1794 г. После этого на Северном Кавказе воцарилось относительное затишье. Начало Кавказской войны связано с деятельностью нового русского главнокомандующе-

413

го — генерала А.П.Ермолова. При нем была сильно расширена Кавказская линия. В 1818г. была усилена Нижне-Сунженская линия, укреплен редут Назрановский (современная Назрань) в Ингушетии и построена крепость Грозная (современный Грозный) в Чечне. В Северном Дагестане в 1819 г. была заложена крепость Внезапная, а в 1821 г. — Бурная. Согласно плану Ермолова, русские войска продвигались в глубь Горной Чечни от Сунжи, выжигая «немирные» аулы и вырубая покрывавшие ее леса. При нем были завоеваны кумыкские земли в междуречье Сулака и Терека. Действия Ермолова вызвали в 1825 г. общее восстание горцев Чечни. Генерал был смещен, а на его место назначен генерал-адъютант И.Ф.Паскевич (1827-1831). Русские позиции в Дагестане были укреплены Лезгинской кордонной линией.

Но подавить повстанческое движение в горах Дагестана и Чечни И.Ф.Паскевичу так и не удалось. Во главе повстанцев встал Гази-Мухаммед (Гази-Маго-мед), аварец из с. Гимры, ученик накшбандийского шейха Мухаммеда Ярагского из Южного Дагестана. Он выступил с проповедью «священной войны» (*джихад*) против русских захватчиков. В 1828 или 1829г. он был провозглашен первым имамом Дагестана и Чечни. В 1830 г. Гази-Магомед попытался захватить с. Хунзах, столицу принявших российское подданство ханов Аварских, но был разбит. Затем он послал своего приближенного, Гамзат-бека, поднять жителей Закатал, но горцы потерпели поражение от регулярных русских войск. Имам лично предводительствовал смелыми и неожиданными рейдами на подвластную российским властям территорию. В 1831 г. Гази-Магомед разграбил Кизляр, а в 1832 г. осадил Дербент. Новый начальник кавказского корпуса, генерал-адъютант барон Г.В.Розен (1831-1837), разбил войско Гази-Магомеда и занял его родное селение Гимры. В бою имам был убит.

Преемником Гази-Магомеда был избран его соотечественник Хамза-бек (Гамзат-бек, 1833-1834) из с. Гоцатль. Под властью Гамзат-бека, первоначально признанного только несколькими аварскими селениями, вскоре оказалась значительная часть Нагорного Дагестана и Чечни. Его

отец был чанка и играл важную роль в Аварском ханстве. Однако сам Гамзат-бек, как и два других имама, опирался на свободных общинников-узденей. Он истребил немало бекских и ханских родов, признавших власть России, обратив их земли и прочее имущество в казну (араб, *бейт аль-маль*) имамата. В 1834 г. он осадил Хунзах, овладел им и перебил всю ханскую семью. В том же году он пал жертвой кровной мести от рук Османа и знаменитого Хаджи-Мурата, молочных братьев убитых им аварских ханов.

Третьим имамом был избран Шамуил (Шамиль) (1834-1859), аварец из с. Гимры. Он создал в Дагестане и Чечне военно-теократическое государство — имамат. Превращение имама в правителя началось еще при Гази-Магомед. В присоединившихся к нему селениях он нередко оставлял своих *наибов*-заместителей. У Гамзат-бека были уже постоянные *наибы*, каждый из которых возглавлял определенный район. После уничтожения аварских ханов Гамзат-бек начал играть роль правителя. Процесс оформления имамата завершился при Шамиле. Третий имам стал суверенным правителем. Ему принадлежала верховная светская и религиозная власть. Подобно правителям Арабского халифата и османским султанам, он носил титул *амир аль-муаминин* (араб, «предводитель пра-

414

воверных»). Имам являлся также верховным судьей. Два дня в неделю — субботу и воскресенье — он посвящал приему жалобщиков. Решение обычно выносилось на месте. Чтобы помочь имаму в его политических, административных, религиозных и судебных обязанностях, в 1842 г. был создан совет (*диван*) из приближенных Шамиля.

Наибы были опорой административно-военного аппарата имамата. Наибство обычно включало в себя одно «вольное общество». Число *наибов* варьировалось от 4 в 1840 г. до 33 — в 1856 г. Одним из знаменитых *наибов* Шамиля стал Хаджи-Мурат Аварский, прославленный в одноименной повести Л.Н.Толстого. Наиб отвечал за порядок на своей территории, собирал налоги, приводил в исполнение приговоры шариатских судей и судил своих подчиненных за военные и административные правонарушения. Ниже *наибов* в административном аппарате стояли *дибиры*, или *мазуны*, которые руководили подразделениями наиб-ства. Им подчинялись старейшины деревень. Для того чтобы контролировать этих должностных лиц и собирать информацию, независимую от их отчетов, у имама были *мухтасибы*, сообщавшие Шамилю о деятельности его заместителей.

Движение Шамиля проходило под лозунгами очищения и укрепления ислама на Кавказе. Это было действенное оружие для объединения горцев в борьбе с «неверными» — русскими завоевателями. Шамиль провел целый ряд судебно-административных реформ. Их целью было, во-первых, укрепление *шариата* и, во-вторых, искоренение противоречащих *шариату* норм обычного права (*адата*), а также некоторых нововведений (араб, *бида*), появившихся на Кавказе в результате контактов с русскими. Инструкции и постановления Шамиля, принятые в 1842-1847 гг. по разным общественным вопросам, известные под названием *Низам*, стали равносильны законодательству. Шамиль продолжил начатую первыми двумя имамами борьбу с ханско-бекским сословием. При нем почти все семьи беков и чанков Нагорного Дагестана были физически истреблены. Социальной опорой имама оставалась сельская община (*джамаат*). Благодаря своей политике Шамилю удавалось почти четверть века сопротивляться хорошо оснащенной военной машине Российского государства.

За несколько лет Шамиль подчинил себе значительную часть Нагорного Дагестана и Чечни. Применяя тактику партизанской войны, он тревожил гарнизоны русских крепостей левого фланга и центра Кавказской линии. К 1835 г. он усилился настолько, что осадил в Хунзахе правителя Аварии Аслан-хана Казикумухского. Новый начальник кавказского корпуса генерал Е.А.Головин (1837-1842) послал в 1837 г. против Шамиля генерал-майора К.К.Фези, который захватил аварские селения Хунзах, Ашильта, укрепление Ахульго и осадил имама в Телетле, но не смог взять его и вынужден был заключить с ним перемирие. Экспедиция против Шамиля, посланная в 1839 г. под руководством генерал-адъютанта П.Х.Граббе, окружила его в крепости на горе Ахульго, но имам с небольшим отрядом *юридов* пробился сквозь кольцо осаждавших и скрылся в горах Аварии. Уже в 1840 г. Шамиль возобновил военные действия против русских в Чечне. Из множества стычек, произошедших в том году, особенно кровопролитным было сражение под Валериком 11 июля. Чеченцы совершили набег на русское военное поселение Александровское на Военно-Грузинской дороге, а войско под

415

командованием самого имама безуспешно пыталось взять Назрань. *Наиб* Шамиля Кебед-Мухама

(Кибит-Магома) подчинил своей власти ряд селений в долине р. Андийское Койсу и «вольное общество» аварцев Салатавии. Весной 1842 г. Головин отправился в поход против резиденции Шамиля, находившейся тогда в селении Дарго, но был разбит горцами и вынужден отступить с большими потерями. В том же году *наибы* Шамиля пытались поднять против российских властей сельские общества Южного Дагестана. Поражения русских войск в 1842 г. послужили причиной замены Головина генерал-адъютантом А.И.Нейдгар-том (1842-1844), который продолжил укрепление левого фланга Кавказской линии. В 1844г. было возведено укрепление Петровск (современная Махачкала).

Российские главнокомандующие на Кавказе часто менялись. А.И.Нейдгарта вскоре заменил М.С.Воронцов (1844-1854). В июне 1845г. он проник в глубь Северного Дагестана, захватил и уничтожил Дарго, долго служившее резиденцией Шамилю. Этот поход принес ему княжеский титул, но стоил России огромных потерь. С 1846 г. на левом фланге Кавказской линии было возведено несколько новых укреплений и казачьих станиц. В Чечне русские войска продвигались вперед, производя вырубку лесов в предгорьях. Князь Воронцов предпринял несколько решительных, но малозначащих походов на территорию имамата. В 1847 г. он осадил аварское селение Гергебиль, но отступил из-за вспыхнувшей в русских войсках эпидемии холеры. Этот важный опорный пункт имамата был взят в июле 1848 г. генерал-адъютантом князем З.М.Аргутинским. Несмотря на это поражение, отряды Шамиля вскоре возобновили свои действия на юге Лезгинской линии. В 1848-1859 гг. к движению Шамиля присоединились общины западных адыгов. Во главе их был поставлен наиб Мухаммед-Амин.

С началом Крымской войны (1853-1856) действия Шамиля на Кавказе активизировались. В 1854 г. имам заручился поддержкой начальника турецкой анатолийской армии и организовал совместные с Турцией военные действия против России на Северном Кавказе и в Закавказье. В июне 1854 г. отряд под предводительством самого Шамиля перешел через Главный Кавказский хребет и разорил грузинское селение Цинандали. Узнав о приближении русских войск армия имама отступила в Дагестан, унося с собой большую добычу и уводя нескольких заложников. На Северо-Западном Кавказе русские войска оставили Кубань и укрепления Черноморской кордонной линии. В 1854 г. Воронцов покинул Кавказ, передав управление корпусом генерал-майору Н.А.Реаду. Положение изменилось только после вступления на престол нового императора, Александра II (1855-1881), и окончания Крымской войны. Сменив нескольких главнокомандующих, правительство назначило руководителем русских войск на Кавказе князя А.И.Бярятинского (1856-1864). Русский корпус был усилен войсками, вернувшимися из Анатолии. К этому времени силы Шамиля начали иссякать. Разоренные войной сельские общины горцев стали сдаваться российским военным властям.

Война вступила в свой заключительный этап. В 1856-1857 гг. отряд генерала Н.И.Евдокимова выбил Шамиля из Чечни и добился покорения всех «немирных» селений. В Дагестане русскими войсками была взята Салатавия, составлявшая один из главных оплотов Шамиля. Шамиль пытался было отвлечь внимание про-

416

тивника диверсией против Назрани, но был отбит и отступил в Ведено на юге Чечни, сделав его своей новой резиденцией. В апреле 1859 г. Ведено было взято. Шамиль отступил в свое последнее убежище — аварское селение Гуниб, которое было осаждено и взято 25 августа (6 сентября) 1859 г. Шамиль сдался Бярятинскому. Кавказская война на Северо-Восточном Кавказе была завершена. На Северо-Западном Кавказе сопротивление горцев продолжалось до мая 1864г. После капитуляции имама с семьей отправили в ссылку в Калугу. В 1870 г. Шамиль получил от Александра II дозволение совершить *хадж*, выехал из России и поселился в Медине, где скончался и похоронен в 1871 г. Вооруженное сопротивление горцев-мусульман России продолжалось еще несколько лет после окончания Кавказской войны. Периодически в Нагорном Дагестане и Чечне вспыхивали восстания. Крупнейшими из них в Дагестане были восстания андийского «вольного общества» в 1860 и 1861 гг., движение сельских общин Ункратля под предводительством Каракул-Махумы из селения Хвар-ши в 1861-1862 гг., восстание 1863 г. в Закатальском округе, волнения в Кайта-го-Табасаранском и Аварском округах в 1865-1867 гг., повторное восстание ун-кратлинцев в 1871 г.

Сопротивление русскому завоеванию в Чечне связано с именем шейха братства кадирийя Кунта-хаджи из села Киши. В последний период движения Шамиля он подвергся гонениям со стороны имама за осуждение вооруженного *газавата* и всякого насилия и вынужден был уехать на Ближний Восток. Вернувшись на родину после пленения Шамиля, он быстро приобрел себе *учеников-мюридов*, число которых доходило до 5 тыс. человек. Подобно членам других суфийских братств, последователи Кунта-хаджи часто совершали *зикр* — коллективную молитву с поминанием имен Аллаха, за что в

русских источниках их стали называть *зикристами*. Несмотря на мирный и даже пацифистский характер движения, оно вызывало опасения российских властей, которые арестовали Кунта-хаджи в начале 1863 г. и под конвоем отправили в Новочеркасск. В январе 1863 г. с требованием освободить шейха в Шали собралось несколько тысяч его приверженцев, которые были разогнаны войсками. Кунта-хаджи умер в ссылке.

Последней вспышкой мусульманского повстанчества в регионе было восстание 1877г., вызванное началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Восставшие надеялись на поддержку со стороны своих единомышленников из Турции. Движение охватило почти все округа, созданные русскими в Чечне и Дагестане. Центром его стал аварский аул Согратль. Восставшие избрали имамом Мухаммеда Согратлинского (ас-Сугури), сына накшбандийского шейха Абд ар-Рахмана Согратлинского, однако в отличие от своих предшественников он не принимал активного участия в вооруженном *газавате*. Для подавления восстания России пришлось стянуть на Северный Кавказ войска из Закавказья и Средней Азии. Мухаммед Согратлинский и другие его руководители были повешены по приговору военно-полевого суда. Некоторые участники восстания бежали в Турцию. Многие тысячи дагестанцев и чеченцев были сосланы в губернии Центральной России. Они смогли вернуться на родину только после амнистии, объявленной в 1883г. участникам восстания правительством Александра III (1881-1894).

417

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ 1840-1870-х ГОДОВ

За годы Кавказской войны и вскоре после ее окончания Россия сделала последние территориальные приобретения в Закавказье. Еще в 1833 г. власть империи признала Княжеская Сванетия, в 1840г.— сельские общины горцев Вольной Сванетии в Горной Грузии. По Сан-Стефанскому договору (1878 г.) Османская империя уступала России почти всю Западную Армению и Аджарию, занятые русскими войсками под командованием генерала графа М.Т.Лорис-Меликова во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Берлинский конгресс, прошедший в том же, 1878 г., сократил территориальные приобретения Российской империи, ограничив их Карсом, Ардаганом и Батумом.

Вместе с упрочением власти России над Кавказом в регионе создавалась единая российская гражданская администрация. В 1844г. все российские владения на Кавказе были объединены в Кавказское наместничество (упразднено в 1882 г. и затем ненадолго восстановлено в 1905-1916 гг.). Одно за другим уничтожались автономные христианские и мусульманские княжества. На их землях вводилось прямое русское правление. Раньше всего это произошло в Грузии. В 1840 г. была ликвидирована автономия Цебельды и Самурзакани, в 1859г.— Княжеской Сванетии. После смерти в 1853 г. князя Давида Дадияни в Мингрелии начались волнения, и в 1857 г. в княжество были введены русские войска. До совершеннолетия князя Николая Дадияни им стал управлять военный губернатор. В 1867 г. в обмен на пенсию от российского правительства молодой князь отказался от власти в пользу России. Еще раньше, в 1864г., сын Георгия Шервашидзе Михаил был отстранен от управления Абхазией. Он попытался бежать в Турцию, но был арестован и отправлен в Воронеж, где жил до самой смерти.

В 40-е годы было положено начало новому гражданскому управлению в Грузии, Армении, Азербайджане и на части Северо-Восточного Кавказа. По образцу Центральной России тут создавались губернии— Кутаисская и Дербентская (1846), Ставропольская (1847), Тифлисская и Эриванская (1849), Бакинская (1859), Елизаветпольская (1868). В 1878 г. из земель Западной Армении и Аджарии, перешедших к России, были образованы Батумская и Карска[я] области. На Закавказье было распространено действие общероссийского законодательства. В 1859г. было отменено Уложение царя Вахтанга.

Кавказская линия после окончания Кавказской войны была упразднена. Вместо нее были созданы Кубанская, Терская и Дагестанская области. На территории бывшего Джаро-Белоканского «вольного общества» учреждался Закаталь-ский округ Елизаветпольской губернии. Какое-то время в Дагестане сохранялся ряд мусульманских княжеств под российским протекторатом — ханства Мехтулинское, Казикумухское, Кюринское, шамхальство Тарковское, уцмийство Кай-тагское, майсумство и кадият Табасаранские. Более того, Аварское ханство, уничтоженное Шамилем, было восстановлено в 1859 г. Но уже к 1867 г. все дагестанские ханства были преобразованы в округа, в свою очередь, делившиеся на наибства (с 1899 г.— участки). Бывшие правители получили вознаграждение и пожизненные пенсии. Последние изменения в административном делении на Кавказе произошли в конце XIX в. В 1896г. территория приморской Адыгеи

418

была выделена из Кубанской области в отдельную Черноморскую (Новороссийскую) губернию. Во второй трети XIX в. по всему российскому Кавказу проводились административные, судебные и аграрные реформы, определившие ход развития горского общества и его государственное устройство почти на полвека, до революции 1917г. На Кавказе российское правительство столкнулось с целым

рядом препятствий, помешавших создать общее управление краем по образцу Центральной России. В горных районах не было ни одного российского чиновника. Население почти не знало русского языка и с враждой смотрело на русских, с которыми недавно долго воевало. Торговля была подорвана в годы Кавказской войны. Не было ни хороших дорог, ни городов.

Для управления северокавказскими горцами была разработана система административно-судебных институтов. Она опиралась на идеологию, выработанную в ходе знакомства российского общества с горцами. В современном горском обществе идеологи реформ видели нечто первобытное. Они вдохновлялись благородным стремлением приобщить «диких» сынов Кавказа к достижениям современной европейской цивилизации. В выработке программы реформ приняли участие российские ученые, в большинстве своем члены Кавказского отдела Императорского русского географического общества (КОИРГО), созданного в Тифлисе в 1851 г. Среди российских чиновников на Кавказе было немало членов КОИРГО, занявшихся кавказоведением.

В 40-70-е годы сначала среди высших военных, а затем и гражданских российских властей на Кавказе и в других «восточных окраинах» России шли споры о том, как лучше выполнить эту задачу.

А.П.Ермолов, А.И.Бяргинский, А.В.Комаров и некоторые другие военные поддерживали идею создания горского самоуправления на основе институтов *общины-джамаата*. Их противники в правительстве хотели уничтожить местные органы власти и суда как несоответствующие духу российских законов и подрывающие целостность империи. Однако в 30-50-е годы введение прямого российского управления и законодательства не раз вызывало волнения в Кабарде, Южном Дагестане, Абхазии, Мингрелии. После их подавления восторжествовала первая точка зрения. Решено было временно позволить горцам-мусульманам жить по нормам *адата* и *шариата*. Только некоторые нормы обычного права, несовместимые с российским законодательством, такие, как кровная месть, трехдневный грабёж имущества родных убийцы, захват имущества должника, отказывающегося уплатить долг (*ишкиль*, *барамта*), и некоторые другие, были поставлены вне закона. Из уголовных норм *шариата* (*аль-хууд*) были запрещены побиение камнями за прелюбодеяние (*ар-раджм*), отсечение рук и ног у воров.

Такая система управления получила название военно-народной и просуществовала на Кавказе до весны 1917 г. Ее истоки следует видеть в опытах косвенного управления через местную мусульманскую элиту, проводившихся с начала XIX в. в Восточном Закавказье (впервые в Кубинском ханстве в 1810 г.). При разработке военно-народного управления был учтен опыт подобных реформ, проводившихся в колониальных империях Франции (Алжир) и Англии (Индия). В 1860 г. военно-народное управление было введено на большей части Дагестанской области (за исключением Дербента) и в Закатальском округе Елизаветполь-

419

ской губернии. В Закавказье вариант военно-народного управления был учрежден в Карсской области, а также в Сухумском, Батумском и Артвинском округах Кутаисской губернии. Здесь оно называлось военно-адатным, поскольку большинство местных горцев было не мусульманами, а христианами. Центр военно-народного управления находился в Тифлисе.

Наиболее последовательно оно было осуществлено в Дагестане. Согласно «Положению» 1868 г., *община-джамаат* была преобразована в бессловное «сельское общество». Власти попытались сгладить различия между свободными общинниками—*узденями*, рабами, окончательно освобожденными в 1867-1868 гг., ханами и беками. В сельскую общину допускались лишь *уздени* и уравненные с ними в правах бывшие рабы и их потомки, принадлежащие к одному или нескольким селениям и хуторам, составляющим *джамаат*. Чтобы войти в сельское общество, *беки* и домашние слуги должны были подать прошение местному окружному начальству. Были созданы новые органы управления сельским обществом. Они включали сельский сход, старшину и сельский суд в составе *кади* и знатоков местного *адата*.

Сельское общество стало основным посредником между горцами-мусульманами и российскими властями. Оно отвечало перед государством за уплату налогов, поддержание правопорядка, выдачу разбойников-абреков, ремонт дорог и выделение подвод для нужд войск. Мусульмане Кавказа были освобождены от рекрутских наборов, а затем и от всеобщей воинской повинности, введенной в России с 1874 г. На российскую военную службу и в горскую милицию (род иррегулярной жандармерии) принимали только добровольцев.

Интересно отметить, что при реформировании общины и суда российские законодатели нередко опирались на преобразования, проведенные тремя имамами Дагестана и Чечни, прежде всего Шамилем. В Нагорном Дагестане были сохранены даже поставленные при Шамиле сельские старшины и *наибы*, перешедшие на русскую службу в последние годы Кавказской войны. Ради укрепления бессловной общины уничтоженные Шамилем привилегии *беков* так и не были восстановлены. Опыт централизаторских реформ Шамиля был использован также в не входивших в состав имамата равнинном и Южном Дагестане. В целом можно сказать, что социально-политические преобразования

Шамиля, как и нововведения Абд ал-Кадира во французском Алжире, были восприняты французской и русской бюрократией при создании колониального режима в регионе.

Низовыми органами судебной и законодательной власти для горцев-мусульман стали сельские «словесные суды». Во главе суда был поставлен сельский старшина (*бегаул, юзбаши*). Сначала все члены суда избирались на сельском сходе, а после подавления восстания 1877 г. стали назначаться местной российской администрацией округов. Эти суды руководствовались как обычным, так и мусульманским правом. По *адату* разбирались легкие преступления против личности и собственности. По *шариату* решали мелкие гражданско-семейные тяжбы. В отличие от дореформенной эпохи решения «словесных» сельских судов могли обжаловаться в окружных «народных судах», созданных в ставках начальников округов. Туда же были переданы изъятые из ведения сельских «словесных судов» адатные иски, включая тяжелые преступления против личности (ранения, убийства, изнасилования, похищения женщин) и собственности

420

(обман, утайка денег, воровство на сумму более 30 руб., случаи разбоя и грабежа). В юрисдикцию окружных судов вошли поземельные тяжбы. По *шариату* они решали серьезные гражданско-семейные тяжбы по поводу имущества на сумму свыше 100 рублей. Апелляционной инстанцией для окружных судов стал Дагестанский областной народный суд в г. Темир-Хан-Шура, который разбирал жалобы на решения окружных народных судов.

Случаи бунтов, скрытого или явного неповиновения властям, приравненные на пореформенном Северном Кавказе к тяжелым уголовным преступлениям, рассматривались российскими военными судами. Уголовные и поземельные тяжбы между горцами-мусульманами и русскими переселенцами решались в мировых судах, созданных в 1875 г. в городах Темир-Хан-Шура, Петровск и Дербент.

Князь Барятинский и его преемники попытались распространить дагестанский эксперимент на весь Северный Кавказ. В 1869-1871 гг. элементы военно-народного управления были реализованы в пяти округах Кубанской и восьми округах Терской области. Были подготовлены документы, гарантирующие прочим северокавказским мусульманам те же права и свободы, что и дагестанцам. В Терской и Кубанской областях создавались подобные дагестанским сельские (*аульные*) общества. В 1869г., согласно указу «О сельском суде», при каждом селении учреждались «словесные суды», члены которых должны были избираться на сельских сходах. Кроме того, здесь работали временные третейские суды, создаваемые в случае кровной мести или опасности столкновения между соседними сельскими общинами. В окружных центрах создавались народные суды, члены которых назначались российскими властями. Однако народные суды существовали тут недолго. Уже в 1870г. они были упразднены и заменены в 1871 г. окружными горскими «словесными судами», применявшими наряду с *адатом* и *шариатом* также нормы российского законодательства. В Терской и Кубанской областях не удалось сохранить *адат* как автономную судебную-правовую систему.

С первой трети XIX в. начался массовый гон горцев-мусульман с гор на равнину и последующее переселение их в Османскую империю. Горцы называли переселенцев *мухаджирами* по аналогии со сподвижниками пророка Мухаммада, совершившими переселение (араб, *хиджра*) из Мекки в Медину. Этот процесс достиг своего апогея в конце 50-х — первой половине 60-х годов и с некоторыми перерывами продолжался до первой трети XX в. Точной статистики *мухаджиров* не существует: по заниженным официальным данным, только за 1858-1865 гг. с Кавказа в Османскую империю выехали 493 194 человека. Среди них большинство составляли адыги и другие народы Северо-Западного Кавказа.

Большая часть земель, освободившихся от переселения горцев, была закреплена за Кубанским и Терским казачьими войсками, ставшими одной из главных опор российского владычества на Кавказе. В XIX в. казачество было полностью реорганизовано. В 1832 г. терские и гребенские казаки были включены в состав Кавказского линейного казачьего войска. Система высшего управления казачьими войсками в общем виде складывается в 60-70-х годах XIX в. Вопросы военного и гражданского устройства казачьих войск оставались в ведении Военного министерства. Контроль над казачьими формированиями осуществляло Главное управление иррегулярных войск. Во главе каждого казачьего войска стояли на-

421

значаемые российскими военными властями атаманы. Роль войскового наказного атамана, управляющего войском, стал играть главноначальствующий российскими войсками на Кавказе. С 1869 г. большая часть казачьих полков была переведена в подчинение начальникам кавалерийских дивизий. Постепенно на казаков распространился строевой устав. Казачьи формирования,

сохраняя специфику, все более приближались к обычным кавалерийским частям. Уже в начале XIX в. кавказское казачество фактически разделилось на дворянство (офицеры) и простых казаков. Только у терских казаков наряду с общинным землевладением казачьих станиц, в котором накануне революции находилось 1 745 248 десятин земли, существовало частное землевладение (271 785 десятин), из которых 117 795 было в руках войсковых офицеров и чиновников. Немалый доход казачьи войска получали от находившихся в их совладении соляных промыслов, каменоломен, а Терское казачье войско также и от нефтяных участков. Они пребывали в «вечном пользовании» казачества и не облагались государственными налогами и повинностями. Одновременно с судебной-административной реформой на Кавказе была проведена крестьянская реформа по образцу всероссийской. Раньше всего она была начата в Грузии, дольше прочих частей региона находившейся под российским владычеством. В 1864 г. она прошла уже в Тифлисской, в следующем году — в Кутаисской губернии. В 1866—1868 гг., продолжая линию на освобождение крепостных в России, правительство Александра II полностью освободило всех находившихся на российском Кавказе рабов (*лаги, кули, каравашии*) и некоторые категории крепостных крестьян Дагестанской, Терской и Кубанской областей. Часть рабов была безвозмездно освобождена бывшими владельцами, большинство — за выкуп с обязательством прослужить у бывших хозяев от 4 до 6 лет. Беднейшим из освобожденных рабов правительство ассигновало на обустройство хозяйством крупную ссуду, общая сумма которой только в Терской области доходила до 152 тыс. руб. Бывшие рабы были уравнены в правах с *узденями*. В 1870-1871 гг. крестьянская реформа была проведена в Абхазии, Восточной Армении и Азербайджане. Здесь она несла определенную конфессиональную окраску. Одной из побочных целей реформы было стремление государства опереться на местных христиан как на возможных союзников против мусульманского повстанчества. Поэтому бывшее крепостное население армянских и грузинских деревень было полностью освобождено от райятских повинностей в пользу местной мусульманской элиты. Кроме того, в Закавказье и на Северо-Западном Кавказе специфику крестьянской реформы в значительной мере определяло массовое переселение в чисто мусульманские районы христианского населения, продолжавшееся при поддержке российских властей с первой трети XIX в. По преимуществу это были армяне из Турции и Ирана, казаки и крестьяне из Южной России и Украины. К началу XX в. этническая и конфессиональная карта Кавказа значительно изменилась и усложнилась.

Освободив рабов и по возможности уменьшив повинности прежних крепостных, реформы фактически не затронули сложной гаммы форм землевладения в регионе. Мусульмане Северного Кавказа почти в неизменном виде сохранили прежние формы землевладения, включавшие в себя общинные (*харим*), частно-семейные владения (*мульк*) и владения мусульманских учреждений (*вакф*). По-

422

добную структуру имело мусульманское землевладение и в Азербайджане. Особых перемен в пореформенное время не произошло с правовым статусом как казачьих земель на Северном Кавказе, так и церковных владений в Грузии и Армении.

Структура землевладения в регионе усложнилась. Появились новые виды собственности на землю, такие, как частное российское землевладение, возникшее в результате операций по купле-продаже земель, и казенные (т.е. государственные) земли, в разряд которых переводились пастбища общин, выступивших против российской власти. К ним же была отнесена часть *вакфов*, у владельцев которых не было документов на пользование ими, а также земли грузинской церкви, национализированные в 20-е годы XIX в. В начале XX столетия правительство попыталось передать в казну и земли Армяно-григорианской церкви, но начавшееся в 1906 г. в Закавказье революционное движение заставило его отменить этот законопроект. Большое значение в изменении поземельных отношений имели конфискации в казну более 16212,21 десятин общинных пастбищ, принадлежавших участникам движения Шамиля и восстания 1877 г. в Дагестанской и Терской областях. В результате страдавшие от малоземелья сельские общины высокогорья вынуждены были арендовать их у государства. Земельная реформа предусматривала значительное сокращение размеров общинных владений и расширение частнособственнических земель. В то же время правила пользования общинными и казенными землями учитывали целый ряд старых адатных норм. Так, горцы могли использовать их как пастбища без права распашки и образования новых селений. В Надтеречной Чечне более 20 тыс. десятин было роздано семьям горских князей кумыкского и кабардинского происхождения — Алхасовым, Эльдаровым, Таймазовым, Турловым, Бековичам-Черкасским. В 1866 г. 13 400 десятин чеченских земель, сопредельных с Кумыкским округом Терской области, были закреплены в частной собственности кумыкских князей и *узденей* на условии, что половина этих угодий безвозмездно будет

передана во временное пользование чеченским горцам.

В Дагестанской и Терской областях, а также в Закатальском округе Елизавет-польской губернии для урегулирования поземельных отношений и споров были созданы три сословно-поземельные комиссии. Одна из них работала в 1860—1869 гг. в Засулакской Кумыкии, две другие— в 1869-1876 гг. в Южном Дагестане и Закатальском округе. В 1883 г. все они были объединены в общую комиссию для окончательного определения землеустройства в районах действия военно-народного управления на Кавказе. В результате работы комиссий не произошло значительных переделов земельных угодий. Они узаконили прежнее общинно-частное землевладение по обычному и мусульманскому праву. Права частных владельцев земель были несколько расширены в ущерб общинной собственности. Сословно-поземельные комиссии ограничились установлением четких границ и определением владельцев и пользователей спорных участков. К тому же в ходе реформ 60-х годов, с одной стороны, было усилено общинное землевладение *джаматов*, с другой — на равнине укреплялись позиции крупного частного землевладения потомков бывших ханов и *беков*, вошедших в российскую администрацию области.

Глава 6

ИНДИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Осуществив в основном к середине 1820-х годов завоевание Индии, Английская Ост-Индская компания приступила к освоению огромной страны с населением около 200 млн. человек.

ПЕРЕХОД К ЭКСПЛУАТАЦИИ ИНДИИ МЕТОДАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА. ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ СТРАНЫ

Превращение Индии в рынок сбыта для английских промышленных товаров, начавшееся на рубеже XVIII-XIX вв., продолжалось с нарастающей интенсивностью и в последующие десятилетия. В 1815—1855 гг. стоимость английского импорта в Индию увеличилась в 10 раз, а экспорта из Индии— в 3 раза. В 1830-1850-е годы ввоз английских тканей вырос более чем в 60 раз. В то же время к концу первой трети XIX в. вывоз в Англию индийских тканей практически прекратился, поскольку, во-первых, они не могли конкурировать с дешевым фабричным производством и, во-вторых, облагались вдесятеро более высокими таможенными пошлинами, чем английские ткани, ввозимые в Индию. В то же время Индия становилась важнейшим рынком сбыта для текстильных фабрик Ланкашира. В результате продолжалось начавшееся еще на рубеже веков массовое разорение индийских ремесленников, занятых в прядении и ткачестве. Население Дакки, крупного промышленного центра Бенгалии, сократилось со 150 до 30 тыс. жителей. Упадок ремесел подорвал и положение тех групп индийского купечества, которые вели независимые от англичан внешнеторговые операции. В начале XIX в. прекратили свое существование фактории индийских купцов в Астрахани и Сураханах (близ Баку), проникавших в XVIII в. со своими товарами на внутренний рынок России вплоть до Оренбурга и Нижнего Новгорода.

Одновременно начался процесс превращения Индии в источник сельскохозяйственного сырья: в 1830-1850-е годы его экспорт удвоился. Из Индии в метрополию шли зерновые, сахар-сырец, индиго, опийный мак. Английские дельцы для получения индиго и мака практиковали закупку этих продуктов по системе контрактации, которая приводила к фактическому превращению крестьян в полукрепостных. Массовое разорение крестьян, следовавшее за повышением налогообложения в первой трети XIX в., как в районах *райятвари*, так и временного *заминдари*, заставило администрацию Компании провести в 1830-е годы понижение налоговых ставок и реформировать систему налогообложения. Налог стал исчисляться не как доля валовой продукции, а как ставка с единицы площади

424

земель различного качества. При этом налогом облагались все частновладельческие пахотные земли, вне зависимости от того, находились ли они в сельскохозяйственном обороте. Эта мера стимулировала расширение посевов, в особенности под ценными экспортными культурами. Однако в полной мере ее действие проявилось лишь во второй половине XIX в., когда была завершена начатая в различных районах Британской Индии в 1840-1850-е годы кадастрация земель.

Развитие земледелия шло неравномерно: периоды расширения посевов сменялись их сокращением. Позитивные сдвиги происходили в основном в некоторых районах Бенгальского президентства и в северо-западной Махараштре, тогда как на большей части Мадрасского президентства в первые десятилетия XIX в. наблюдались упадок сельского хозяйства и даже сокращение сельского населения. Поскольку земельный налог неукоснительно взимался также и в неурожайные годы, такая практика усугубляла трудности, возникавшие в связи с дефицитом продовольствия. В отдельных местах страны периодически наступал голод, самый страшный — в Северной Индии в 1837-1838 гг.

В 1830-е годы были заложены принадлежавшие англичанам первые чайные плантации в Ассаме и

кофейные — на юге страны. Экспорт чая из Индии между 1847 и 1860 гг. вырос в 20 раз.. Освоение страны как аграрно-сырьевого придатка и рынка сбыта для промышленности метрополии потребовало создания современной инфраструктуры. Во второй трети XIX в. стали прокладываться шоссейные дороги, а в 1853 г. было начато железнодорожное строительство: от Калькутты, Мадраса и Бомбея в глубь страны. Важнейшие пункты Индии связал телеграф. Было окончательно упорядочено денежное обращение, в 1830-1840-е годы ликвидированы внутренние таможи, установленные самими англичанами двумя десятилетиями ранее, открыты первые, принадлежавшие англичанам коммерческие банки. Началось восстановление пришедших в запустение старинных оросительных систем (в 1830-е годы в Дообе и в дельте р. Кавери, а в 1850-е годы — в дельтах рек Кришны и Годавари) и строительство новых каналов, крупнейшим из которых был Гангский канал в Двуречье (прорытый в 1847-1854 гг.), предназначенный как для орошения обширных площадей, так и для судоходства. Английская торгово-промышленная буржуазия в своей длительной борьбе с законами Ост-Индской компании за индийский рынок одержала окончательную победу в 1833 г., когда при очередном пересмотре в парламенте ее хартии Компания была ликвидирована как торговая организация при сохранении функций гражданского и военного управления колонией. Эти изменения в функциях Ост-Индской компании способствовали упрочению положения частных английских предпринимателей в Индии, создававших так называемые агентства, доминировавшие в экспортно-импортных операциях и имевшие свои конторы в Калькутте, Бомбее и других портовых городах. Важным источником обогащения английских дельцов и крупных экспортеров-индийцев, особенно в Бомбее, был вывоз опиума и хлопчатобумажной пряжи в Китай. Колебания цен на рынках экспортировавшихся товаров, а также спекулятивные операции, в которые пускались «агентства», приводили к их частым банкротствам. Однако английские купцы имели определенные финансовые гарантии колониального государства, их же индийские партнеры зачастую полностью разоря-

лись. Это обстоятельство вызвало заметное снижение к 1850-м годам участия бенгальских *заминдаров* и крупных торговцев в английских коммерческих предприятиях. Центром индийской торговой буржуазии становился Бомбей, где возникали крупные торговые дома, принадлежавшие выходцам из общины парсов, гуджаратских торговых каст бания и мусульманских торговых общин ходжа и бохра. Внутренняя торговля также в основном находилась в руках индийцев.

Экономическое развитие Индии как колонии определило характер процесса урбанизации в стране: в то время как многие средние и мелкие города, бывшие региональные административные центры феодальных государств, приходили в упадок, портовые города, через которые шел основной поток внешней торговли, быстро разрастались. К середине XIX в. в Калькутте насчитывалось около 300 тыс. жителей, а в Бомбее — 500 тыс. Все эти города колониального типа состояли из двух частей: английской, в которой просторно располагались административные здания, английские жилые кварталы и военные казармы (*кантонмент*), и «черного города», в котором в ужасающей скученности жили сотни тысяч индийцев.

Укрепляя систему колониального управления на аннексированных территориях, англичане предприняли в первой половине XIX в. крупномасштабные военные операции по окончательному завоеванию Индии. После разгрома марат-хов и стабилизации положения на северной и восточной границах английских владений в Индии Компания развернула экспансию в северо-западном направлении. Объектом английской агрессии стало последнее крупное независимое государство в Индии — сикхская держава Ранджит Сингха.

Во второй половине XVIII в. Пенджаб был разделен на двенадцать *мисалей* — удельных княжеств, в которых от имени *хальсы* — всей общины сикхов правили князьки-сардары, военачальники, выдвинувшиеся в ходе непрерывных войн сикхов с Моголами и соседними афганцами. В ходе междоусобной борьбы *сардаров* победителем оказался один из них — Ранджит Сингх (1799-1839), который в 1799 г. овладел главным городом Пенджаба Лахором и провозгласил себя *махараджей* — правителем всех сикхов. Ранджит Сингху удалось к 1823 г. объединить под своей властью все пенджабские *мисали*, отвоевать у афганцев Кашмир и обширную полосу на северо-востоке, населенную афганскими (пуштунскими) племенами. Он создал в Пенджабе централизованное феодальное государство с хорошо обученной французскими инструкторами боеспособной армией, поощрял развитие земледелия и ремесел. В Пенджабе появились оружейные и текстильные мануфактуры.

После смерти Ранджит Сингха началась феодальная смута, и к 1841 г. власть в государстве фактически перешла к выборным полковым *панчаятам* (советам), контролировавшим действия регентского совета, правившего в Лахоре от имени малолетнего Далип Сингха — сына Ранджит Сингха. Сикхские феодалы, стремившиеся освободиться от контроля со стороны панчаятов, представлявших интересы демократической части сикхской общины (*хальсы*), пошли на прямую государственную измену и спровоцировали первую англо-сикхскую войну (1845-1846). Измена сикхских военачальников привела

к разгрому панджабской армии. Англичане сохранили лахорское правительство, ограничив его власть субсидиарным договором.

К этому времени им удалось присоединить к своим владениям Синд (1834 г.), хотя затем они потерпели жестокое поражение в первой англо-афганской войне

426

(1839-1842). В 1848г. восстанием сохранившихся частей сикхской армии, выступившей против бесцеремонного вмешательства Компании во внутренние дела Панджаба, началась вторая англо-сикхская война, завершившаяся окончательным поражением сикхов и формальной аннексией Панджаба (1849г.), а также других северо-западных территорий, ранее захваченных Ранджит Сингхом. Далип Сингх стал пенсионером Компании, а украшавший его тюрбан знаменитый алмаз Кох-и нур («Гора света») перешел в корону короля Англии. В результате второй англо-бирманской войны (1852г.) к Компании перешли обширные рисоводческие области, примыкавшие с востока к Бенгальскому президентству.

Завоевание Индии было завершено. Однако генерал-губернатор Дальхузи (1848-1856) прибегал и к другим методам расширения территорий, находившихся под непосредственным управлением Компании. Была использована провозглашенная в 1841 г. Советом директоров «доктрина выморочных владений», по которой владения князей, не имевших прямых наследников по мужской линии, после их смерти присоединялись к территории Компании. Так были аннексированы княжества Сатара (1848 г.), Самбалпур (1850 г.), Нагпур и Джханси (1853 г.) и некоторые другие. Одновременно ликвидировались наследственные титулы и выплата содержания некоторым бывшим правителям княжеств: Танджура, Карнатика и др. Использовалось также введенное впервые еще в 1831 г. в отношении княжества Майсур правило, по которому Компания ставила под свой непосредственный контроль те вассальные княжества, которые «дурно управлялись». На этом основании в 1856 г. был аннексирован Ауд. Наконец, некоторые территории аннексировались из-за неспособности князей выплачивать дань. Так, в 1853 г. была присоединена к английским владениям наиболее плодородная часть Хайдарабада — область Берар. Вновь присоединенные территории либо включались в одно из трех президентств, либо выделялись в отдельные административные единицы — губернаторства, как, например, Панджаб и Ассам.

ИНДИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1820-1850-е ГОДЫ

Откровенно аннексионистская политика Дальхузи стимулировала распространение в различных слоях индийского населения оппозиционных настроений и открытой вражды к Ост-Индской компании. Английское колониальное завоевание оказало неоднозначное воздействие на культуру народов Индии. Кризис индийских феодальных государств проявился и в интеллектуально-духовной сфере. Конец XVIII — первая половина XIX в. — это период застоя и начало упадка во всех областях средневековой художественной культуры, включая архитектуру, скульптуру, искусство миниатюры, художественные ремесла, классические танцевально-музыкальные жанры и пр. В гораздо меньшей степени этот процесс затронул различные формы народного творчества. Одновременно началось постепенное проникновение в страну европейских культурных ценностей, которые были восприняты прежде всего индийцами, по-

427

лучавшими образование европейского типа. Однако это была очень узкая, численно ничтожная прослойка. Индийцы в своей массе по-прежнему жили в условиях традиционного общества, в котором превалировали религиозные ценности.

Английская колониальная администрация не вмешивалась в жизнь традиционного общества и, хотя оказывала покровительство прибывавшим в страну протестантским миссионерам, не поощряла обращение индийцев в христианство. Исключением из этого правила стало запрещение в 1839 г. обряда самосожжения вдов (*sati*) и подавление в 1830-1840-х годах секты *тугое*, которые считали своим религиозным долгом приносить жертвы богине Кали и с этой целью умерщвляли путем удушения захваченных ими путешественников.

В ходе английского завоевания и в результате первых мероприятий по колониальному освоению Индии в стране сложился социальный слой индийцев, постоянно и непосредственно связанный с английской администрацией. Он состоял в основном из купцов-компраторов и служащих административного аппарата — индийцев. В этой среде была естественна тяга к знанию английского языка и вообще реалий как прошлого, так и настоящего метрополии. В этой же культурной среде возникла новая литература европейских жанров на местных индийских языках. Этот новый слой индийского имущего населения численно был больше представлен в Калькутте, где в 1816г. на средства богатых индийцев было открыто первое в Индии учебное заведение европейского типа — Хинду колледж, вокруг которого в скором времени стали возникать и средние школы нового типа с преподаванием на английском языке. В 1828 г. в Бомбее был открыт подобного же типа Эльфинстонский колледж. На базе выпускников этих учебных заведений стала формироваться новая,

европоориентированная индийская интеллигенция. Лояльная к английскому колониальному режиму и все больше в повседневной жизни стремившаяся подражать английским образцам, она тем не менее довольно быстро осознала свое полное политическое бесправие. Восприняв идеи западноевропейского рационализма, индийские интеллектуалы первой половины XIX в. считали, что полное усвоение европейских культурных ценностей и проведение определенных реформ на этой основе в социально-культурной сфере, прежде всего в религиозной, повысят общественно-политический статус индийских имущих слоев. Они критиковали систему английской администрации в Индии за ее нежелание, по их мнению, приобщать индийцев к европейской цивилизации.

Первым крупным индийским просветителем стал выходец из богатой замин-дарской семьи бенгалец Рам Мохан Рай (1772-1833). В 1821 г. он стал издавать первую еженедельную газету на бенгальском языке — «Шомбад коумуди» («Луна вестей»), а в следующем году и газету на персидском языке — «Мират-ул-ахбар» («Зерцало новостей»), в которых он пропагандировал свои идеи о необходимости просвещения, проведения социально-бытовых реформ, внесения изменений в индуизм с целью отказа от идолопоклонства, от наиболее жестких установлений кастовой системы, от закрепощения женщин и т.д. В 1828 г. он основал «Брахмо самадж» («Общество Брахмы»), первое просветительское и общественно-политическое общество в Индии, выступавшее за привлечение индийцев к управлению страной, широкую реформу образования, распространение системы постоянного налогообложения и твердых ставок арендной платы с *райятов* по всей стране.

428

Эта идеология была воспринята учащимися Хинду колледжа, где под руководством Г.В.Дерозио была создана студенческая ассоциация, а затем общество — «Молодая Бенгалия», которое, в свою очередь, слилось впоследствии с «Брахмо самадж». Продолжателем дела Рам Мохан Рая стал Дварканатх Тагор (1794-1846), основатель крупнейшего калькутского торгового дома, который возглавил «Брахмо самадж» после смерти Рая, последовавшей в Англии, куда он направился представлять индийские интересы перед парламентом, пересматривавшим хартию Ост-Индской компании.

Подобные же просветительские организации возникли несколько позже в Махараштре (в Бомбее и Пуне) и Мадрасе. В Бомбейском президентстве в Эль-финстонском колледже зародилось общество «Молодой Бомбей», появились первые органы маратхской прессы «Бомбей дарпан» («Бомбейское зеркало»), «Праб-хакар» («Солнце») в Пуне и др.

В начале 1850-х годов были созданы более широкие общественно-политические организации — «Ассоциация Британской Индии», «Бомбейская ассоциация» и «Мадрасская ассоциация», представлявшие интересы индийской торгово-компраторской буржуазии и европеизированного среднего класса. Росту последнего способствовали проведенные в 1833-1835 гг. по инициативе английского историка Т.Маколея, занимавшего пост юридического советника при генерал-губернаторе Бентинге (1828-1835), реформы системы образования, направленные на расширение учебных заведений европейского типа, ориентированных на подготовку чиновников для заполнения низших и средних звеньев аппарата колониального управления страной.

Политическая ориентация этих первых общественных организаций индийцев была двойственной. С одной стороны, они выступали за уравнивание в правах индийцев с англичанами в системе колониальной администрации и с этих позиций критиковали политику властей. С другой стороны, они придерживались полной лояльности колониальному режиму и ратовали за максимально возможное перенесение порядков метрополии на индийскую почву. Поэтому представители этого направления в общественно-политическом развитии Индии 1820-1850-х годов не поддержали выступления, направленные на свержение колониального режима.

Другое направление оппозиционных настроений в индийском обществе по своему характеру и идеологической направленности было продолжением той волны сопротивления иноземцам со стороны традиционного феодального общества, которое началось сразу же после английской аннексии Бенгалии.

Участились начавшиеся еще в первых годах столетия вооруженные выступления этнических групп, населявших в основном горные лесистые местности и в доанглийский период сохранявшие фактическую независимость от Моголов и других феодальных государств, от которых они откупались либо номинальной данью, либо несением сторожевой службы. Англичане же, после аннексии территорий их проживания, не только пытались распространить на них систему регулярного налогообложения, но и способствовали проникновению туда феодалов-заминдаров и ростовщиков из соседних более развитых областей Британской Индии. Последние, используя торгово-ростовщические операции и прямое насилие, стали постепенно захватывать земли, издавна принадлежавшие коренному

населению. Многочисленные восстания этих народностей («племен» по принятой в Индии терминологии), часто проходившие под руководством местных вождей, были поэтому направлены как против колониальной администрации, так и иноплеменников-золшндаров и соука/?ов-ростовщиков. Сложились основные очаги сопротивления, где выступления продолжались с перерывами почти до конца XIX в.

В Бенгальском президентстве это были районы проживания санталов, которые выступали с оружием в руках с начала века, подняв в 1832—1833 и 1855-1857 гг. восстания, охватившие значительные территории. В Бомбейском президентстве в период между 1809 и 1858 гг. было несколько восстаний бхиллов, крупнейшее из которых произошло в 1857 г. В Мадрасском президентстве, в области Рампа-Гудем в 1836-1862 гг. вспыхивали бунты крестьян, руководимые местными мелкими феодалами. В Центральной Индии наиболее активны были коли, крупнейшее восстание которых произошло в 1831-1832 гг. После присоединения Ассама англичанам, начиная с конца 1820-х годов, пришлось почти ежегодно направлять туда военные экспедиции по подавлению выступлений народностей и племен, населявших горно-лесистые районы, окружавшие долину Брахмапутры. Спорадические вооруженные выступления мелких этнических групп происходили и в других районах страны. Англичанам в конечном счете удавалось сокрушить повстанцев, однако во многих районах сложилась устойчивая традиция антиколониального сопротивления, передававшаяся из поколения в поколение.

Не было спокойствия и на основных территориях, управляемых Компанией. В различных концах страны, как в сельской местности, так и в некоторых городах, вспыхивали бунты населения, обычно вызванные действиями колониальной администрации. Крупнейшие выступления крестьянства произошли в 1835-1837 гг. в Гумсуре (Мадрасское президентство), в 1842 г. в Сагаре (Центральная Индия), в 1846-1847 гг. в Карнале (Панджаб). Из-за повышения налогов в княжествах, вынужденных выплачивать внушительную дань Компании, крупные волнения крестьян отмечались в 1830-1831 гг. (Майсур), в 1844 г. (Колхапур и Са-вантвади). В 1852 г. произошло крестьянское восстание в округе Хандеш Бомбейского президентства.

Антифеодальный характер имели и периодически повторявшиеся в 1836-1852 гг. вооруженные выступления арендаторов-мусульман (*манпилла*) против землевладельцев-индусов (*дженми*) в Малабарском округе Мадрасского президентства.

Активизировались в Бихаре и Бенгалии члены религиозной мусульманской секты, поднявшие в 1831 г. восстание и на время захватившие городок Барасат. Англичане называли их «ваххабиты». В этот же период развернулись и действия в Восточной Бенгалии мусульманской секты фараизитов во главе с Дудху Мийя-ном, направленные против *помещиков-заминдаров*.

К середине 1850-х годов во многих районах как Двуречья, так и Центральной Индии усиливалось брожение против новоявленных властителей Индии. В Патне «ваххабиты» открыто призывали к священной войне (*джихаду*) с неверными. Усиливавшаяся социально-политическая напряженность разрядилась в Великом народном восстании 1857—1859 гг.

430

ВЕЛИКОЕ НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1857-1859 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Поводом к восстанию стали слухи, распространявшиеся в полках бенгальской армии, расквартированных в районе Дели и в Ауде, о том, что обертка патронов к новым нарезным ружьям, которую перед заряданием требовалось срывать зубами, смазана говяжьим и свиным салом. Основную же часть сипаев этих частей составляли либо выходцы из высших брахманских и раджпутских каст Северной Индии, для которых корова являлась священным животным, либо мусульмане, которым было запрещено употребление в пищу свинины. Оскорбление религиозных чувств индусов и мусульман стало той искрой, которая воспламенила копившуюся долгие годы ненависть сипаев против открыто третиравших их офицеров-англичан. Восстание началось 10 мая 1857 г. в трех полках, дислоцированных в Мируте (Мератхе), недалеко от Дели. Восставшие перебили англичан и направились в Дели, где также уничтожили представителей колониальной администрации, которые, правда, успели взорвать пороховой склад. Восставшие, с энтузиазмом поддержанные горожанами и окрестными крестьянами, заняли Красный форт в Дели и вынудили последнего Могола Бахадур-шаха подписать прокламацию, которая призывала все население Индии подняться на священную войну против англичан. На этот призыв вскоре откликнулись все полки бенгальской армии на территории от Дели на западе до Патны на востоке. На всей этой обширной части Двуречья к восставшим сипаям примкнуло население городов и деревень, включая многих мелких феодалов и некоторых бывших владетельных князей.

Иное положение складывалось на остальной территории Индии. В Панджабе сикхское население,

среди которого были сильны традиции вражды и к Моголам, и к сипаям, недавно разгромившим державу Ранджит Сингха, не поддержало восставших. Бомбейская и мадрасская армии, иные по своему этническому и кастовому составу, не присоединились к восставшим полкам. Не нашла отклик прокламация Бахадур-шаха и у народов, населявших Бомбейское и Мадрасское президентства, а также собственно Бенгалию, которые в течение предшествовавших двух столетий неоднократно выступали против Моголов. Это с самого начала осложнило положение восставших, и англичанам удалось расправиться с ними.

В Дели было создано правительство из приближенных Бахадур-шаха, однако оно не сумело наладить ни оборону города, ни снабжение продовольствием его населения. Положение изменилось с приходом в Дели синайских частей под руководством Бахт-хана, который создал в Дели административную палату из представителей городского населения и сипаев, взявшую в свои руки все дела управления. Однако и Бахт-хану не удалось добиться регулярного снабжения армии сипаев, которые, не получая довольствия, стали уходить из Дели. Значительно поредевший гарнизон отбил несколько атак англичан, но в сентябре город был взят. Бахт-хан с остатками своих сипаев ушел в Ауд, а Бахадур-шах был арестован англичанами, судим и сослан в Бирму, где и умер в 1862 г.

Вторым центром восстания стал Канпур, где 4 июня 1857г. сипаи восстали, объединившись вокруг Нана Сахиба, лишенного англичанами титула приемного сына последнего маратхского *пешвы* и соответствующей пенсии. После трехнедельной осады английской резиденции Нана Сахиб разрешил укрывавшимся там

431

англичанам уйти, однако толпа горожан и сипаев напала на садившихся в лодки и перебила всех мужчин. Женщины и дети были взяты в плен, но через несколько дней также убиты.

В окружении Нана Сахиба было несколько способных военачальников, однако и ему не удалось отстоять Канпур, в котором так же, как и ранее в Дели, стала ощущаться нехватка продовольствия и снаряжения. Между тем англичане овладели восставшим Аллахабадом, где учинили кровавую расправу над горожанами и к концу июня вынудили Нана Сахиба уйти из Канпура в Ауд, откуда, несмотря на все его призывы, военная поддержка не последовала.

Третьим центром восстания с июня 1857г. стал Ауд, где было образовано правительство под руководством княгини Ауда. Английский гарнизон Лакхнау оказался в осаде. В июле-августе англичанам не удалось снять осаду, и лишь в сентябре генерал Хавлок пробился к осажденным, но вынужден был остаться с ними. Между тем в сельских местностях Ауда и районе Дели-Агры власть английской администрации не была восстановлена. Лишь в марте 1858 г. англичанам удалось взять Лакхнау. Аудское правительство бежало в Рохилкханд, где сосредоточивались также отряды сипаев, отступившие из Дели и Канпура.

После падения Лакхнау был потерян последний крупный опорный пункт восставших. Начался партизанский этап войны. Во главе синайских частей, наносивших ощутимые удары по наступавшей на Рохилкханд английской армии, встал один из руководителей аудских «ваххабитов» — Ахмадулла. В июне он был предательски убит, что облегчило англичанам выполнение задачи по усмирению Рохилкханда, однако в их тылу, в Ауде, вновь вспыхнуло всеобщее восстание, когда был обнародован указ генерал-губернатора Каннинга о конфискации земель аудских *талукдаров*, принимавших участие в восстании. Положение изменилось лишь после 1 ноября 1858 г., когда была издана прокламация королевы Виктории, в которой было даровано прощение индийским феодалам, принимавшим участие в восстании. Власть англичан в Ауде была восстановлена.

Военные действия против англичан продолжались в Центральной Индии, где действовал крупный отряд сипаев под командованием Тантия Топи, одного из военачальников из окружения Нана Сахиба, отступившего туда из Канпура.

В Джханси, столице одноименного бывшего княжества, аннексированного Дальхузи, сипаи гарнизона восстали в июне 1857 г. и, перебив англичан, ушли в Дели. Княгиня Джханси Лакшми Баи восстановила свою власть в княжестве, но в апреле следующего года город был взят штурмом английскими войсками. Прибывший на выручку осажденным Тантия Топи потерпел поражение и вынужден был отступить. Лакшми Баи с группой своих телохранителей героически прорвала кольцо осады и присоединилась к отряду Тантия Топи. Вместе с ним она совершила военные походы в Центральной Индии, завершившиеся захватом крепости Гвалияр. В июне 1858 г. в бою под стенами крепости она погибла.

Тантия Топи в течение последующих девяти месяцев продолжал совершать длительные переходы и военные налеты на английские позиции на обширной территории Центральной Индии и Раджпутаны. Он попытался поднять население на восстание против колонизаторов, но потерпел неудачу. В апреле 1859г. он был выдан англичанам одним из *заминдаров* и казнен. Великое восстание окончилось. В нем приняли участие не только сипаи и феодальная верхушка многих

432

областей Двуречья и Центральной Индии, но массы крестьян и горожан, что определило народный характер восстания.

Неудача этой последней попытки феодальной Индии сокрушить английское колониальное господство в стране была предопределена исторически. Локальный характер восстания, отсутствие единого координирующего центра, разобщенность в среде феодального руководства, противоречия в среде восставших историко-регионального, религиозного и кастового характера, наконец, громадное превосходство европейской военной организации — все это действовало против повстанцев.

Восстание потребовало от англичан изменения всей системы колониального управления Индии.

Согласно закону, принятому 2 августа 1858 г. английским парламентом, Ост-Индская компания ликвидировалась, а власть над страной переходила к английской короне, действовавшей через учрежденное в Лондоне министерство по делам Индии и генерал-губернатора, получившего титул вице-короля. Имущество Ост-Индской компании перешло к государству, а ее акционерам была выплачена компенсация. В 1860-е годы были проведены реформы, направленные на укрепление и дальнейшую централизацию колониального аппарата управления, создание прочной опоры колониальной власти в феодально-помещичьем классе.

В 1861 г. были созданы совещательные советы при генерал-губернаторе, губернаторах трех президентств, северо-западных провинций и Пенджаба, в которые помимо английских чиновников вошли представители индийской земельной аристократии. Согласно проведенной в 1861-1864 гг. судебной реформе были ликвидированы суды Ост-Индской компании, сохранены коронные суды и учреждены Высшие суды в провинциях, что укрепляло английское влияние на весь процессуально-правовой порядок в Индии. В эти же годы была проведена военная реформа, которая усиливала роль в колониальной армии английского военного персонала, вводила при комплектовании подразделений принцип противопоставления различных этнических и религиозно-кастовых групп, а также предоставляла выходцам из индийской феодальной знати занимать младшие офицерские должности.

В 1859 г. было объявлено об отказе английской администрации от доктрины Дальхузи (о «выморочных владениях»), и в последующие годы некоторые из конфискованных ранее княжеств были возвращены наследникам их прежних владельцев. Генерал-губернатор щедро одарил феодальную знать, поддержавшую англичан во время восстания 1857-1859 гг. Аудским *талукдарам* были возвращены ранее конфискованные у них имения.

Колонизаторы попытались юридически оформить также права арендаторов на земли *заминдаров*. (Речь об арендном законодательстве 1861-1885 гг. пойдет в следующей главе.)

К началу XX в. окончательно сложилась колониально-феодальная земельная монополия. Союз колониальных властей с феодально-помещичьим классом Индии был закреплен на *дарбаре* (приеме) владетельных князей Индии у вице-короля 1 января 1877 г., на котором королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Этим актом вассальные княжества включались в состав Британской империи. Противопоставление провинций Британской Индии и княжеств, находившихся, впрочем, под жестким военно-политическим контролем колониальных властей, было первым крупным актом английской политики «разделяй и властвуй» в Индии.

Глава 7

НЕПАЛЕ 1816-1885 гг.

В войне 1814-1816 гг. Непал потерпел тяжелое поражение; треть территории была потеряна. Государственный земельный фонд и поступления в казну значительно сократились. Однако Непал сохранил свою независимость, возможности резидента Ост-Индской компании вмешиваться во внутренние дела страны были ограничены. Бхимсен Тхапа сохранил свою власть, продолжая оставаться противником англичан. Он увеличил численность армии, в 1829 г. она составляла 15 тыс. человек; росло также производство оружия и пороха. Резидент в Катманду Б.Ходжсон сообщал руководству Компании, что «*мукхтияр* увеличивает таможенные пошлины и всю выручку от продажи леса обращает на военные цели». Англичане проводили по отношению к Непалу «политику умиротворения», поскольку они осознали, что Непал не представляет для них экономического интереса. Обострение отношений с Непалом не входило в их планы. Компания, чтобы как-то разрядить обстановку, вернула Непалу часть тераев между реками Коси и Гандаки.

Бхимсен Тхапа стремился использовать столкновение интересов Компании и Китая, поскольку обе стороны рассматривали Непал как сферу своего влияния. С целью создания антианглийской коалиции Бхимсен установил тайные контакты с некоторыми индийскими княжествами и махараджей Пенджаба Ранджит Сингхом. Им предпринимались тайные попытки заключить союз с Бирмой, Ираном и Афганистаном. Политику изоляции страны, распространявшуюся на сферу политических контактов и торговли, которую проводил Бхимсен, также можно рассматривать как антианглийскую меру. Такая

политика должна была препятствовать формированию в среде элиты «проанглийской партии» и защитить непальских ремесленников и торговцев от сильных конкурентов. Однако индийские торговцы смогли утвердиться на юге страны и в Долине Катманду. В 1831 г. в городах Долины насчитывалось 34 индийских торговца, торговавших с Индией и Тибетом. В 1830 г. стоимость импорта из Индии составила 1,6 млн. рупий, а экспорт в Индию — 1 млн. рупий, т.е. торговый дефицит Непала составил 600 тыс. рупий. Главной статьёй импорта были заморские товары для знати, а экспорта — корабельный лес.

Англичане понимали, что активность Бхимсена не могла представлять для Ост-Индской компании реальной угрозы. Можно предположить, что Бхимсен также не видел реальных возможностей реванша и использовал фактор «внешней угрозы» для достижения внутривнутриполитических целей. Он старался ослабить позиции наиболее знатных родов, потомков сподвижников Драбья Шаха. Его опорой была армия, где преобладали мелкие и средние *джагирдары*. Армия в условиях военных приготовлений финансировалась за счет других статей бюджета. Для пополнения казны и земельного фонда Бхимсен ограничивал права *биртавалов*. С целью проверки законности получения *бирта* была создана специальная ко-

434

миссия, в результате ее работы многие *бирта* были конфискованы. В первую очередь конфисковывались владения брахманов, а не военнотружеников.

Нехватка земельных владений несколько смягчалась практикой ухода гуркхов на службу в английскую армию. Англичане по достоинству оценили боевые качества гуркхов в период войны и охотно брали их на службу; до начала 60-х годов XIX в. непальские формирования считались нерегулярными, поскольку отсутствовало официальное разрешение непальского правительства на набор рекрутов. Гуркхские формирования появились и в армии Ранджит Сингха.

С целью расширения возделываемых земель государство способствовало заселению и освоению тераев. Горцы неохотно переселялись в районы с жарким и влажным климатом. Основную массу новоселов составляли крестьяне из приграничных районов Индии.

В начале 30-х годов положение Бхимсена стало неустойчивым, в первую очередь в связи с недовольством *воетружеников-джагирдаров* своим положением. Резерв вновь освоенной и конфискованной у брахманов и знати земли не мог удовлетворить аппетиты армии. В 1832г. умерла регентша *махарани* Трипура Сундари, во всем поддерживавшая Бхимсена. Король Раджендра стремился освободиться от опеки *мухтияра* и сосредоточить всю власть в своих руках. Постепенно он стал ограничивать влияние Бхимсена. В *дарбаре* (при дворе) активизировались его противники, получавшие поддержку от Ост-Индской компании. В 1837 г. Бхимсен по ложному обвинению был заключен в тюрьму, где покончил жизнь самоубийством. Указом короля родственники и сторонники Бхимсена были лишены постов и земельных владений. На ряд высоких постов снова были назначены Панде.

В период с 1837 по 1846 г. ситуация в среде непальской элиты оставалась неустойчивой. Пользуясь частой сменой лиц на главных государственных постах, англичане добились у *дарбара* некоторых уступок, в первую очередь в области торговли.

Занятые междоусобной борьбой аристократы не смогли своевременно объединиться и оказать сопротивление новому претенденту на власть — молодому и амбициозному генералу Джангу Бахадуру из незначительного служилого рода Кунвар. В своем стремлении к власти он использовал недовольство мелких *джагирдаров* и общинной верхушки, составлявших костяк армии, ущемлением их интересов аристократией и постоянными перетасовками в *дарбаре*. В 1845 г. он организовал убийство Матабарсинха Тхапы, незадолго до этого назначенного главным министром. В ночь на 15 сентября 1846 г. Джанг Бахадур и его братья устроили в одном из столичных дворцов кровавую резню, известную как *кот-парва* («событие во дворце»). В результате ее были убиты 55 (по официальному списку) представителей влиятельных родов и их слуги. Общее количество убитых оценивается в 100 человек, большие потери понесли Тхапа и Панде. Джанг Бахадур пользовался покровительством *махарани* Лакшмидеви. При ее содействии незадолго до *кот-парвы* он был назначен премьер-министром и командующим. Его действия поддержали все 16 полков непальской армии. Вскоре был раскрыт заговор семейства Баснет с целью убийства Джанга Бахадура, в результате было казнено 13 человек. Король и *махарани* были заподозрены в причастности к заговору. Джанг Бахадур заставил Раджендру отречься от престола, вместе с *махарани* он

435

был выслан в Бенарес. Королем был провозглашен малолетний Сурендра Шах (1847-1881). Несколько сот представителей знатных родов бежали в Индию, собственность убитых и бежавших была конфискована. Джанг Бахадур стал фактически полноправным правителем страны.

Значение *кот-парвы* вышло далеко за рамки традиционного дворцового переворота, каким он, видимо, и задумывался. Последствия этого события ощущались в течение нескольких десятилетий. Власть

семейства Джанг Бахадура над Непалом сохранялась до 1951 г. От имени Сурендры был подготовлен указ, согласно которому Джанг Бахадур получал посты премьер-министра, главнокомандующего и правителя (махараджи). Его стали величать *махараджа-прям-мини-штар*. Официально верховная власть в стране делилась между королем и махараджей, однако фактически король обладал лишь представительскими функциями. Премьер получил право *поджони*, назначения и увольнения любого должностного лица. Сам же он не был обязан перед кем-либо отчитываться. После смерти премьера его пост передавался старшему члену правящего семейства по мужской линии. Братья Джанг Бахадура и другие родственники были назначены на высшие государственные посты. Для того чтобы поднять статус своего чет-рийского рода и приблизиться к тхакурам, Джанг Бахадур переименовал свой род в Рана, получив разрешение короля на образование «касты Рана». Обоснованием притязаний на более высокий статус служила мифическая генеалогия, по которой предками рода Кунвар-Рана якобы являлись раджастанские раджпуты Сесодия, правившие в Удайпуре и имевшие титул *рана*. Позже Рана сумели породниться с династией Шах.

В первые годы правления Джанг Бахадура его внешней политике были свойственны некоторые противоречия. Он не стремился к сближению с Ост-Индской компанией, поскольку считал, что слишком тесные отношения могут привести к закабалению Непала. В непальской армии преобладали антианглийские настроения и надежды на возможное возвращение утраченных земель в случае ослабления английского господства в Индии. Эти настроения в какой-то степени влияли на Джанга Бахадура. Он препятствовал развитию торговли с Индией и не разрешал англичанам официально вербовать рекрутов в англо-индийскую армию, поэтому вербовщики действовали нелегально. Однако, будучи реалистом в политике, он понимал, что обострение отношений с англичанами бессмысленно и опасно, а умеренное сближение может укрепить режим личной власти.

В 1850-1851 гг. по приглашению Ост-Индской компании Джанг Бахадур посетил Англию, где убедился в силе Британской империи. Посетил он также и Францию. В конце 40-х годов XIX в. вся территория Индии была покорена англичанами, что усилило проанглийские настроения в Непале. Не случайно Джанг Бахадур в 1848 г. предложил англичанам военную помощь в войне против сикхов. В начале 50-х годов началось сближение Непала и Ост-Индской компании.

Опираясь на благожелательную позицию английской стороны и используя благоприятную международную обстановку, Непал в 1854-1856 гг. провел успешную кампанию против Тибета. Англичане, воспользовавшись непало-тибетской войной, аннексировали Ауд, на северные районы которого претендовал Непал. Вскоре Ауд стал одним из основных центров Сипайского восстания, в подавлении которого непальская армия принимала активное участие. Под командо-

436

ванием Джанга Бахадура и его брата Дхира девять полков действовали в районах Горакхпура и Лакхнау. Гуркхи принимали участие в штурме и разграблении этого города. После подавления восстания Британская Индия (в 1858 г. Ост-Индская компания была ликвидирована) возместила Непалу военные расходы и вернула часть тераев, потерянных в 1816 г. Активное участие в подавлении восстания и борьба с восставшими, проникшими на территорию Непала, позволили К.Марксу назвать Джанга Бахадура «верным псом англичан», а генералу Гукеру — «стойким, как скала, другом Британии». Однако некоторые непальские историки считают, что Джанг Бахадур, будучи по характеру коварным и злопамятным, до конца жизни стремился отомстить англичанам за, по его мнению, оскорбление — возвращение лишь небольшой части территорий, на которые он рассчитывал. В пользу этого говорят некоторые факты. После подавления синайского восстания в Непале ходили слухи, что некоторые руководители восставших, например Нана Сахиб, не погибли в терайских джунглях, а нашли тайное убежище в Непале.

В связи с проведением англичанами военной реформы у колониальных властей Индии возникла потребность в расширении рекрутирования гуркхов, которых англичане считали, по словам Б.Ходжсона, «лучшими солдатами в Индии». Это встретило поддержку непальской стороны, поскольку вербовка в английскую армию служила источником дохода многим семьям и снимала социальное напряжение. Колониальные власти стали ежегодно выплачивать непальскому премьеру 2 млн. рупий за право неограниченного набора новобранцев.

Успешные тибетская и индийская кампании, начало массовой вербовки гуркхов и внешнеполитическая поддержка со стороны Британской Индии укрепили власть Джанга Бахадура и позволили ему приступить к проведению ряда реформ, которые объективно служили централизации страны и унификации социальной структуры.

В 1854 г. был издан свод законов «Мулуки Айн» («Закон страны») — первое законодательное уложение общепепальского государства. Он регулировал земельные, собственнические, семейно-брачные, межкастовые отношения, содержал зачатки уголовного права. С дополнениями и изменениями «Мулуки Айн» действовал до 1964 г.

В форме и отчасти в содержании этого документа прослеживается влияние *шастр* — традиционного

религиозного права древней Индии. Отмечается также влияние могольского законодательства, в частности «Айин-и-Акбари», и элементов европейского права. Непальскими предшественниками «Мулуки Айн» были уложение правителя Катманду Джаястхити Малла (конец XIV в.) и законодательство Рам Шаха.

«Мулуки Айн» представлял собой юридическое оформление сословно-кастового общества, которое складывалось в Непале в середине XIX в. Индуизм в сочетании с идеей кастовости — *джати дхарма* — являлся сакральной и этической основой этого свода законов. Например, наказание за уголовное преступление определялось в соответствии с кастой преступника или потерпевшего.

Все касты и этнические группы были разделены на четыре основные категории, в некоторой степени напоминавшие *варны* древней Индии. В категорию *та-гадхари* («носителей священного шнура») включались «дваждырожденные» —

437

брахманы и *кшатрии* (*тхакуры* и *чхетри*); в категорию *матвали* («пьющих спиртное») входили группы, считавшиеся чистыми кастами и имевшие неопределенный статус, промежуточный между статусами *вайшьев* и *шудр*. Матвали делились на две группы: *намасине* («непорабощаемые») и *масине* («порабощаемые»). В первую группу входили чхетри, не носившие священного шнура (матвали чхетри), магары, гурунги, сунвары, рай, лимбу, часть неваров и ряд мелких племен пахара. К «порабощаемым» относились высокогорные скотоводы — бхо-те; охотники и собиратели — чепанги, данувар, хайю, дараи; мотыжные земледельцы — пахари (малая народность Центрального Непала), мече, тхару. За исключением ламаистов бхоте, все перечисленные группы сохранили древние тантрические, анимистические или шаманские верования.

В третью группу включались низкокастовые. Высококастовые не могли принимать от них воду. Эта группа была представлена в основном неварскими ремесленными кастами. Сюда же входили мусульмане и христиане.

Самый нижний слой составляли те неварские и парбатийские касты, которые по роду занятий были наиболее близки индийским неприкасаемым.

Высокий кастовый статус закреплял за феодалами и верхушкой общины их привилегированное положение в распределении прибавочного продукта. Группа *тагадхари* обособлялась кастовыми методами от рядовых общинников как группа рентополучателей, но одновременно законодательство предоставляло общинникам, составлявшим костяк армии, некоторые социальные гарантии, например от превращения в рабов.

«Мулуки Айн» стал важным фактором унификации законодательства и социальных структур страны. Каждая каста и этническая группа получали фиксированное место в общей иерархии. Законодательное закрепление кастовой иерархии способствовало формированию кастовой и государственной самоидентификации населения, находившегося под влиянием сильных родоплеменных традиций.

Однако некоторые факты говорят о том, что этнокастовая структура, отраженная в «Мулуки Айн», была схематичной и искусственной. Реальные ритуальные отношения не укладывались в административную регламентацию. Некоторые касты и этнические группы не упоминались на страницах законодательства, например таманги (мурми) — одна из самых крупных народностей Непала. Несмотря на распространение идеи кастовости, род по-прежнему оставался основной социальной единицей.

Непальский индуизм, утверждению которого способствовали меры правительства, в том числе законодательные, оставался (как и непальская кастовая система) поверхностным и привнесенным извне явлением. Под покровом официального индуизма сохранялись противоречившие ему культы. Об этом говорит антибрахманское и антибрахманское движение магаров и гурунгов в Горкхе под предводительством Лакхана Тхапы в 70-х годах XIX в. Целью движения было восстановление культа богини Манакамны — традиционной покровительницы Горкхи.

Рана стремились компенсировать сомнительность своего кшатрийского происхождения (предположительно предки Рана происходили из среды верхушки магаров из Палпы) приверженностью ортодоксальным канонам индуизма. Отступления от кастовых норм сурово карались. Компенсациями за земли, конфи-

438

скованные Бхимсеном Тхапой, раздачей новых *бирта* и системой привилегий Рана удалось привлечь на свою сторону большую часть брахманов.

Члены семейства Рана сумели сосредоточить в своих руках большую часть *бирта* и крупных *джагиров*, которые постепенно теряли черты условного держания и приобретали черты *бирта*. В качестве землевладельцев или опосредованно, через государственный аппарат, в котором Рана занимали ведущие посты, члены правящего семейства участвовали в распределении и присвоении налогов. Государственная политика была направлена на лишение общины функций самоуправления и превращение ее в фискальную и административную единицу низшего уровня. Государство

подталкивало процесс разложения *кпата*, территория его распространения неуклонно сокращалась. В связи с заменой натурального налога денежным и введением денежного жалования чиновников и военнослужащих росло значение фискальных органов, которые Рана стремились свести в единую систему.

Джанг Бахадур и его преемники стремились унифицировать систему судопроизводства. Юрисдикция *биртавалов* и *джагирдаров* в пределах их владений была ограничена. Теперь они могли привлекаться к ответственности за «превышение власти». Это способствовало укреплению государственной власти и увеличивало поступления в фиск. В центре и на местах была создана система судов. Высшей судебной инстанцией считался премьер-министр. Под влиянием европейского права произошла некоторая гуманизация законов. Был запрещен обычай *самти*. Однако наряду с общегосударственными законодательством и судебной системой продолжали сохраняться обычное право и общинные суды. В ходе реформ Рана не смогли достигнуть полной унификации социальных структур страны, этому препятствовал феодальный характер общества. Сохранялись существенные различия между горными районами и тераями. Социальная организация неваров не утратила своего традиционного своеобразия. В Непале вплоть до 60-х годов XX в. существовало несколько вассальных княжеств, имевших собственные традиции.

Джанг Бахадур приступил к созданию прообразов высших органов власти. При премьер-министре были созданы два совета: *Айн кхана* (для разработки законодательства) и совещательный орган *Каусал* (от англ. council). В 60-70-х годах было создано несколько департаментов, ведавших налогами, внутренними и военными делами. Рана присвоили высшие посты в государственном аппарате, средние и низшие звенья занимали высококастовые невары.

Реформы, проведенные семейством Рана в 50-70-х годах XIX в., ускорили складывание сословно-кастового, феодального по сути общества. Рана превратились в высшую прослойку господствующего класса. Концентрация власти в руках одной семьи не устранила борьбу за власть. После смерти Джанга Бахадура в 1877 г. она велась между его сыновьями и сыновьями его брата Дхира Шамшера Рана. Поводом для нового этапа борьбы стало разное толкование сторонами правил наследования поста премьера, зафиксированных в законе 1856г. В 1885г. власть захватили сыновья Дхира (ум. в 1884г.), известные как Шамшеры. Сын Джанга Бахадура Джагат Джанг, его родственники и приближенные были убиты, многие Рана бежали в Индию. Правление Шамшеров сопровождалось борьбой внутри их семьи, иногда в нее включались Рана других линий.

Глава 8

ЦЕЙЛОН:

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 1830-1840-х ГОДОВ И РАЗВИТИЕ ПЛАНТАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

После завоевания Кандийского государства в 1815 г. вся территория Цейлона была включена в состав единой британской королевской колонии. Крупное крестьянское восстание, охватившее внутренние районы острова вскоре после аннексии в 1817-1818 гг., убедило английские власти в необходимости скорейшей административно-политической и экономической перестройки на вновь захваченных территориях в целях стабилизации положения в колонии. В 20-е годы XIX в. был проведен ряд реформ, способствовавших установлению на всей территории острова единой административно-налоговой системы. Представители кандийской земельной знати и верхушка буддийского духовенства были последовательно лишены многих привилегий и поставлены в зависимость от британской колониальной администрации.

К сокращению доходов верхушки традиционного кандийского общества вели такие мероприятия властей, как ликвидация системы таможенных сборов на кандийской границе, лишение наместников кандийских провинций (*дисав*) монополии на торговлю экспортными культурами, перевод части кандийской аристократии, находившейся на службе британской администрации, на жалование. В первые десятилетия XIX в. наблюдался процесс постепенной замены условных земельных держаний частной собственностью отдельных представителей знати и общинной верхушки. При сохранении в целом системы *раджакари* общественные работы на территории бывшего Кандийского государства стали частично оплачиваться. Крупное дорожное строительство, развернувшееся в 20-30-е годы XIX в., призвано было связать труднодоступные районы центрального нагорья с юго-западом и севером и ликвидировать обособленность внутренних областей в административном и хозяйственном отношениях.

В 20-е годы были подготовлены условия для создания на Цейлоне плантационного хозяйства. К этому времени относятся первые опыты по закладке как казенных, так и частных коричневых и кофейных плантаций и расширение производства других видов экспортной сельскохозяйственной продукции

(плоды арековой пальмы, индиго, перец, кардамон, табак, ценные породы дерева). Начавшиеся конфискации храмовых и общинных земель и земельных владений кандийского правителя и верного ему окружения в пользу британской короны после подавления восстания 1817-1818 гг. заложили экономическую основу плантационного хозяйства.

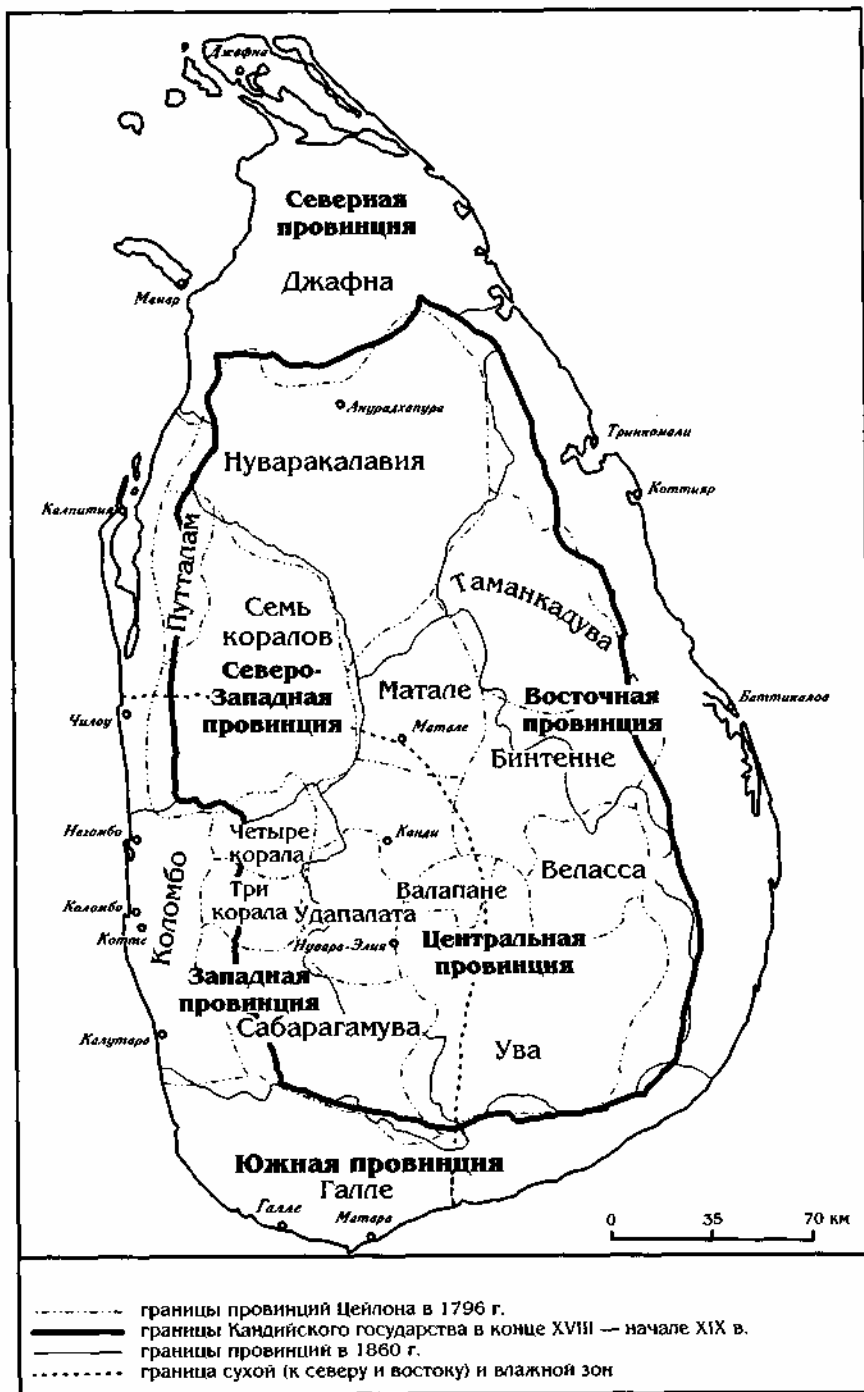
Политическое объединение Цейлона под властью британской короны совпало по времени с изменением форм колониальной эксплуатации, с началом перехода от методов торгового капитала к методам промышленного капитализма. Планта-

440

ционный сектор экономики острова возник и первоначально существовал на основе докапиталистических форм производства, но с его последовательным расширением встал вопрос о рентабельности его хозяйственно-экономической организации. 30-40-е годы явились поворотным моментом, рубежом в британской политике на Цейлоне. Бурное развитие плантационного хозяйства поставило администрацию перед необходимостью создания более благоприятных условий для частнокапиталистического предпринимательства.

Воплощением в жизнь новой колониальной политики явились мероприятия, носящие название реформ Кольбрука-Камерона. В соответствии с рекомендациями комиссии, разработавшей реформы, отменялась монополия колониальных властей на экспортную продукцию, включая корицу, и провозглашался принцип свободной торговли на всей территории острова. Ликвидировались казенные плантации, и поощрялось частное предпринимательство. Комиссия в связи с этим указывала на необходимость повсеместного утверждения частнособственнического принципа землевладения на основе отмены всех ограничений в приобретении земельной собственности различными группами населения и введения практики свободной купли-продажи земельных участков. Одной из важнейших реформ 30-х годов стала отмена *раджакари*, открывавшая возможности для создания рынка свободной рабочей силы.

Крупные изменения произошли в административно-политической системе Цейлона, коснувшиеся как провинциальных, так и центральных органов власти. Самыми существенными из них стали создание Законодательного и реорганизация Исполнительного советов при генерал-губернаторе. В состав Исполнительного совета вошли пять высших чиновников английского колониального аппарата. Законодательный совет включал девять официальных (англичане) и шесть неофициальных членов (трое представляли интересы английского частного предпринимательства, трое — верхушку цейлонского общества). Включение местной элиты в административный орган колониального аппарата свидетельствовало о намерении английских властей привлечь на свою сторону верхушку цейлонского общества, породив у нее иллюзии участия в управлении страной. Представители торгово-предпринимательских слоев, а также профессиональных кругов (журналисты, учителя, юристы, врачи), получившие современное образование и воспринявшие передовые западные идеи, выступали за постепенные политические перемены путем конституционных реформ, первоочередной из которых они считали уравнивание числа официальных и неофициальных членов Законодательного совета. В конце 40-х годов группа юристов из среды бюргеров, возглавляемая Р.Морганом, и часть английских плантаторов и торговцев, связанная с радикалами в английском парламенте и возглавляемая Т.Маккристи, объединились вокруг газеты «Коломбо Обсервер», издаваемой доктором К.Эллиотом. Они выступили с требованиями снизить тарифы на кофе, увеличить ассигнования на строительство железных и шоссейных дорог, уменьшить расходы на содержание английских войск и военные нужды, предоставить большую власть Законодательному совету, увеличить число цейлонцев, представленных в нем, превратив его в орган контроля над бюджетом и финансами страны, и отменить новые налоги (налог на владельцев домов с верандами, налог на магазины, налог на пользование огнестрельным оружием, марочные сборы, дорожный ордонанс). Ими были использованы такие

442

методы, как кампании на страницах газет, подачи петиций, а также созыв мирных митингов протеста против введения новых налогов, самый крупный из которых состоялся в июле 1848 г. в Коломбо. Тогда же в «Коломбо Обсервер» был опубликован призыв к местным жителям отказаться от уплаты налогов, создать государство, основанное на расовом равенстве и принципе всеобщих выборов. Однако взгляды членов группы были неоднородны. К.Эллиот и Р.Морган, настроенные наиболее радикально, требовали формирования на Цейлоне ответственного правительства и введения всеобщего избирательного права, остальные же члены группы выступали лишь за установление выборного большинства среди членов Законодательного совета и предоставление им больших прав в решении внутренних дел, а также налаживание контроля над Исполнительным советом для распоряжения средствами, необходимыми для развития плантационного хозяйства. Их взгляды формировались под влиянием английской либеральной мысли, особенно работ И.Бентама. Идеологом утилитаризма на Цейлоне выступил Артур Баллер, крупный чиновник английской администрации, королевский адвокат до 1848 г.

Первыми плантаторами на Цейлоне стали чиновники колониальной администрации, но с 1845 г. по распоряжению Департамента по делам колоний Великобритании им было запрещено заниматься выращиванием плантационных культур до окончания срока службы. Это привело к привлечению в плантационный сектор Цейлона в 50-70-е годы английского частного капитала, сыгравшего ведущую роль в развитии производства кофе, основной экспортной культуры острова в период с 20-х по 70-е годы XIX в.

Реформы Кольбрука-Камерона призваны были ликвидировать несоответствие между капиталистическими формами плантационного хозяйства, внедряемого англичанами, и традиционной экономической и общественной структурой Цейлона. Сфера воздействия этих реформ была ограничена центрами колониальной экономической политики, а результаты не однозначны. Законодательная отмена *раджакари* и кастовой системы не привела к их фактической и немедленной ликвидации. Традиционные механизмы регулирования трудовых отношений продолжали действовать почти повсеместно вплоть до последней четверти XIX в. Использование привозной рабочей силы из Южной Индии в немалой степени было вызвано нежеланием кандийского крестьянства работать по найму на плантациях. Экспроприация общинной земельной собственности и рост налогообложения привели к восстанию 1848г., самому крупному в истории английского владычества на Цейлоне. Его центрами явились Канди, Матале и Курунегала, ставшие основными районами плантационного хозяйства. Образование в середине XIX в. новой этнической группы — так называемых индийских тамиллов (в отличие от «цейлонских тамиллов», постоянно проживавших на острове со средних веков) — в результате сложившейся системы контрактации плантационных рабочих из Южной Индии (как наиболее дешевой и послушной рабочей силы) привело к консервации традиционных социальных отношений в цейлонской деревне, оказавшейся отстраненной от участия в производстве продукции плантационного сектора. Различия в экономической организации производства в плантационном секторе, с одной стороны, и традиционном, крестьянском, — с другой, постоянно усиливались.

443

В 1864 г. неофициальные члены Законодательного совета во главе с Дж. Уол-лом впервые проголосовали против одобрения политики английских колониальных властей, в том числе и в области развития плантационного сектора. Решение было принято голосами официальных членов, однако сам факт оппозиции получил широкий резонанс среди формирующихся средних городских слоев прибрежных районов Цейлона. В ноябре 1864 г. все шесть неофициальных членов Законодательного совета отказались от своих постов и основали первую общественно-политическую организацию в стране — Цейлонскую лигу, выражавшую свои идеи через газету «Экземайнер», издаваемую руководителями организации Ч.А.Лоренцом и Дж. де Альвисом. Наряду с требованиями, выдвигавшимися группой К.Эллиота и Р.Моргана в 40-е годы, они выступили за реформу образования, с тем чтобы оно стало доступно для всех цейлонских детей независимо от их имущественного положения, религиозно-этнической и кастовой принадлежности, за выборные парламентские учреждения и буржуазные формы правления. Выступая против кастовой и расовой дискриминации, за единство всех жителей Цейлона в борьбе за политические и социальные права (Лоренц первым ввел понятие «цейлонцы»), они требовали заменить назначения членов Законодательного совета их выборами по территориальным округам вместо существовавшего общинного представительства, закреплявшего разьединение населения на отдельные религиозно-этнические и кастовые группы. Власти были вынуждены пойти на некоторые уступки: была назначена комиссия по расследованию вопроса о военных ассигнованиях на Цейлоне, в результате чего расходы на военные нужды сократились. Законодательному совету было предоставлено право контроля над бюджетом. Движение за конституционные реформы середины XIX в. носило элитарный, верхушечный характер и получило распространение среди узкой городской прослойки юго-западного побережья острова. Общественное самосознание основной части населения Цейлона базировалось на конфессиональных стереотипах мышления. Ведущим направлением в развитии общественных движений были буддийские формы социально-политического протеста.

Разделение сангхи на две основные секты — Сиамскую и Амарапуру, — сложившееся к началу XIX в., стало отправной точкой дальнейшего размежевания среди монахов острова. В 1864 г. была образована третья крупная (после Сиам-никаи и Амарапуры) секта, которая стала называться Раманья (по названию места в Бирме, где проходила *упасампада*). Раманья приобрела влияние не только в прибрежных районах, но и в кандийском. Основными ее целями было очищение буддийского учения, достижение полного соответствия между образом жизни монахов сангхи и нормами истинного буддизма, а также протест против кастового принципа построения общины. Во внутренней борьбе буддийской сангхи преломлялись религиозные, социально-экономические и политические противоречия, характерные для светского общества. Разрушение монополии высшей касты гоигамы как в религиозной, так и в социально-экономической жизни, явившееся основным результатом образования новых сект, способствовало расширению социально-кастовой базы общественных

движений, привлечению внимания мирян к деятельности духовенства. Секты Амарapura и Раманья включились в критику деятельности христианских миссионерских организаций на острове и проводимой ими политики христианизации местного населения.

444

Основными задачами своей деятельности буддисты в этот период считали распространение буддийского образования в противовес христианскому, борьбу за возрождение сингальской культуры, за возвращение к традиционной системе ценностей и образу жизни, создание буддийской прессы, критику через нее миссионерства и христианства, проповедническую работу *бхиккху* среди населения, а также публичные дебаты представителей различных буддийских *никай* с христианскими миссионерами. Буддийскими монахами прибрежных районов Пана-дуре Шри Сиддхартха Тхеро, Ратмалане Дхаммалока Тхеро, Хиккадуве Шри Сумангала Тхеро были основаны буддийские *школы-пиривены* Парадхаммаче-тия, Видьяланкара, Видьодая, ставшие центрами возрождения национальной культуры острова. В их программу входило изучение буддийской философии, этики, языков пали, санскрита, сингальского, а также истории. При поступлении в *пиривены* этническая принадлежность, каста и вероисповедание учеников не принимались во внимание. Здесь проходили обучение не только цейлонские монахи и миряне, но и буддисты из Индии, Китая, Японии, стран Юго-Восточной Азии, а также некоторые европейцы (например, крупный ученый-буддолог Т. Рис Дэвиде). Упомянутые ученые сыграли огромную роль в процессе становления национального самосознания сингалов-буддистов.

Шаги, направленные на создание буддийской системы образования, сочетались с деятельностью по возрождению сингальской культуры, искусства, архитектуры. Буддийские монахи, публиковавшие журналы, книги, комментарии к буддийскому канону, памфлеты (особенно многочисленные в периоды дискуссий между сектами), способствовали развитию местной прессы, сингальского языка и литературы. Многие образованные монахи ездили по стране с лекциями, в которых излагали основы буддийского учения и критиковали христианство. Наибольшую известность и популярность снискал Мигетгватте Гунананда Тхеро, который за 25 лет выступил более чем с 4 тыс. публичных проповедей в различных частях острова и ораторские способности которого сделали храм в Кота-хене, где он проповедовал, одним из центров движения в защиту буддизма на Цейлоне. Его имя также связано с проведением серии открытых публичных дебатов между представителями буддийских и христианских кругов на острове. Особую известность получила дискуссия в Панадуре, усилившая интерес к культуре Цейлона и буддизму тхеравады на Западе, активизировавшая научно-переводческую деятельность европейских буддологов, способствовавшая созданию Буддийского теософского общества на Цейлоне во главе с Г.С.Олкоттом и Е.П.Блаватской.

Наиболее ранним проявлением оппозиционных настроений сангхи к колониальному правлению стала поддержка определенной ее частью вооруженных антиколониальных народных восстаний, характерных для первой половины XIX в. Особенно активное участие монахи приняли в восстании 1848 г., наиболее крупном в истории колониального Цейлона. Идеологическая платформа массовых форм стихийного протеста характеризовалась тесным переплетением традиционалистских буддийских народных представлений с идеями антиколониальной борьбы и возникновением надежд на появление нового правителя, который, опираясь на культ божеств народного буддийского пантеона, возродит религию сингалов и освободит сингальскую землю от иноземцев.

Глава 9

БИРМА В 1826-1885 гг.

РЕФОРМАТОРСТВО 1840-1868 гг.

Период после захвата части бирманского государства Конбаунов английскими колонизаторами в результате первой англо-бирманской войны 1824—1826 гг. и особенно после второй войны, 1852-1853 гг. (см. ниже), был ознаменован новыми явлениями в развитии Бирмы, а именно попытками со стороны правящего слоя трансформировать государственную и экономическую структуру страны с помощью реформ и нововведений.

Фактор все усиливавшегося внешнего воздействия на страны Индокитайского полуострова со стороны европейских великих держав вызвал к жизни и в традиционных обществах Вьетнама и Сиам реформы, которые в условиях сосуществования этих стран с европейскими колониальными империями, созданными в регионе, были совершенно необходимы.

От степени радикальности проводимых реформ в сфере традиционных структур, институтов, мировоззрения зависело дальнейшее развитие стран Индокитайского полуострова — суверенное или зависимое.

Реформаторство в Бирме прошло несколько этапов, имевших свои отличительные особенности и тесно связанных с ходом английского завоевания страны. Период 1826-1852 гг., т.е. между первой и второй

англо-бирманскими войнами, носил печать переходности. Страна испытала глубочайшее национальное унижение в результате военного поражения, и правящий класс Бирмы должен был отрешиться от прежних методов взаимоотношений с другими государствами, основывавшимися на «бирмоцентризме» и претензиях на господство в буддийском мире, и начать прежде всего с урегулирования отношений с Великобританией, ставшей на юге и западе страны непосредственным ее соседом и назначившей британского резидента в столицу Бирмы.

Страна, разоренная в ходе военных операций, вынуждена была выплачивать огромную контрибуцию. Выплата ее первой половины в размере 5 млн. рупий привела к взрыву массового недовольства населения, неспособного вынести увеличения налогового бремени, а в ближайшие годы необходимо было собрать деньги на вторую половину контрибуции.

Бирманское правительство заняло большую часть суммы для выплаты контрибуции у богатых родов и чиновников, а также просило английского генерал-губернатора Индии об отсрочке платежей.

Конфликты сторон по вопросу о сроках выплаты контрибуции, как и по пограничным проблемам северо-запада страны, вызывали недовольство английских властей; последние к концу 20-х годов решили назначить своего официального представителя при бирманском дворе в Аве, чтобы вовлечение Бирмы в сферу их влияния было еще более действенным.

В апреле 1830 г. в Аве с военным эскортом появился майор Генри Бёрни в качестве постоянного резидента. На Бёрни — опытного дипломата и администратора —

446

возлагалось разрешение все усложнявшихся политических отношений с Бирмой, расширение британской торговли (особенно увеличение ввоза английских товаров), недопущение поддержки бирманским правительством партизанской борьбы в Аракане и Тенассериме против английских властей и т.п. Именно под давлением Бёрни, угрожавшего новой английской интервенцией, англичане сумели к 1833 г. получить не только обусловленную сумму контрибуции (10 млн. рупий), но и еще почти столько же в качестве процентов за отсрочки платежей. Английской стороне удалось также поставить под контроль резидента взаимоотношения Бирмы с иностранными торговцами и заставить бирманский двор согласиться на разведку английскими экспедициями торговых путей между Бирмой и английскими владениями в Индии, а также пограничными районами на западе и северо-западе (Аракан, Манипур, Ассам), а главное — путей из Бирмы в Китай как через бирманский город Бамо (на севере), так и через юго-восток страны и южные шанские княжества.

В условиях всевозрастающей экспансии Великобритании большая часть правящего слоя Бирмы во главе с правителем Баджидо находилась в растерянности; многие верили в случайность поражения Бирмы в войне, прислушивались к различным пророчествам о скором возрождении страны, наивно полагали, что англичане сами вернут ей Тенассерим и уничтожат резидентство.

Баджидо, чтобы смягчить горечь поражения страны, издал в 1826 г. указ о создании полной истории Бирмы «Хманнан Язавин» («Хроника Стеклянного Дворца»). В хронике описывалось былое величие Бирмы, победоносные походы правителей, грандиозное строительство буддийских храмов, пагод, монастырей. Баджидо пытался восстановить в глазах народа свой престиж: он заставлял английских послов придерживаться традиционного обычая снятия обуви во дворце и принимал их в день Кадо, когда все чиновники и вассальные князья приносили дары правителю и присягали ему на верность.

Другая часть столичной бюрократии и крупных правительственных чиновников была настроена против английского проникновения в страну и считала, что наилучшим способом для разрешения сложной ситуации является изгнание английского резидента, возвращение к условиям существования государства до Яндабо, и прежде всего «закрытости», изоляции Бирмы от внешнего мира. Во главе их стояли Май Ну — жена Баджидо и ее родственники (в частности, брат — Минтаджи), захватившие ряд ключевых постов в административном аппарате при почти полном устранении от дел самого правителя.

Наиболее дальновидные бирманские сановники группировались вокруг принца Таравади. Они хотели знать о положении в мире, интересовались достижениями европейской науки, понимали, что в стране необходимо осуществить перемены, чтобы обезопасить ее от дальнейшей экспансии Англии.

Реформаторство началось с изменений, правда очень незначительных, в системе налогообложения. Были предприняты некоторые шаги к централизации и упорядочению сбора налогов, а также пресечению наиболее вопиющих фактов коррупции провинциального чиновничества.

Вторым направлением стала реорганизация армии: были унифицированы воинские подразделения,

В правление Таравади (1837-1846) мероприятия по укреплению обороноспособности страны были значительно расширены. Правитель, сам принимавший участие в первой англо-бирманской войне, считал, что бирманская армия потерпела поражение из-за устаревшего вооружения. Он обратил самое серьезное внимание на перевооружение своей армии европейским оружием. Мушкеты, амуницию, пушки стали ввозить в основном из британских портов. Для обучения своих войск Таравади использовал как дезертиров из англо-индийской армии, так и французских военных инструкторов. Он усиливал пограничные гарнизоны, укреплял Рангун, рассматривая его как наиболее важный стратегический пункт, прикрывающий дельту Иравади. Здесь строились оборонительные укрепления и доки, реконструировался порт. Таравади издал указ о постройке нескольких больших судов и более двух десятков военных лодок. В 1840-1842 гг. был практически построен новый Рангун, хорошо спланированный и укрепленный город, обнесенный земляной насыпью и деревянным палисадом. Центром города стала пагода Шуэ Дагон, обновленная и заново позолоченная.

Проводя политику, направленную на усиление военной мощи Бирмы, Таравади демонстрировал англичанам, что готовится отразить их новую агрессию, слухи о которой постоянно циркулировали в стране, тем более что новый бирманский правитель уже при вступлении на престол объявил о непризнании договора в Яндабо и отторжения бирманских провинций Аракан и Тенассерим. Он запретил английским разведывательным миссиям появляться на территории Бирмы, а главное — практически сумел дезавуировать деятельность британского резидента в Аве — Г. Бёрни. Последний был вынужден в 1837 г. перевести резиденцию из бирманской столицы в Рангун; вскоре, в 1840 г., резидент был вообще отозван из страны, а дипломатические отношения сторон прерваны.

ВТОРАЯ АНГЛО-БИРМАНСКАЯ ВОЙНА

Британское правительство Индии готовилось к войне против Бирмы еще с конца 30-х годов, но только по окончании войн Великобритании в Афганистане, Синде, Пенджабе и с назначением в 1848 г. на пост генерал-губернатора Индии лорда Дальхузи, сторонника жесткого экспансионистского курса на Востоке,

449

англичане начали оказывать на бирманское правительство давление в ответ на постоянные жалобы британских торговцев на притеснения и вымогательства со стороны бирманских чиновников.

18 ноября 1851 г. англичане отправили внушительную экспедицию из военных кораблей Ост-Индской компании, которые блокировали рангунский порт и уничтожили стоявшие там суда. И хотя правительство Бирмы, чтобы избежать войны, согласилось принять требования коммодора Ламберта (возглавлявшего экспедицию), Дальхузи в феврале 1852 г. предъявил новому бирманскому правителю Паган Мину (1846-1852) ультиматум, в котором предлагалось до 1 апреля 1852 г. извиниться за действия бирманского губернатора Рангуна, якобы обиравшего английских торговцев, уплатить контрибуцию в размере 100 тыс. английских фунтов, а также принять британского резидента.

Поскольку Паган Мин не ответил на ультиматум, в первых числах апреля в бирманских водах сосредоточились крупные английские военно-морские силы (19 кораблей с 8 тыс. человек), а из Дакки через Аракан и Рангун были направлены сухопутные сипайские части (артиллерию везли 300 слонов). Штурм Рангуна начался 11 апреля. Бирманцы хорошо подготовились к обороне: укрепили порт и особенно холм, на котором возвышалась пагода Шуэ Дагон, создали склады боеприпасов и продовольствия, подвезли новые пушки (их было около сотни, в том числе и тяжелые). Именно артиллерия бирманцев, установленная на холме и платформе Шуэ Дагона, нанесла наибольший урон наступавшим английским войскам. Несмотря на упорное сопротивление бирманцев, Рангун был сдан английским войскам, которые начали грабить и разрушать оставленный населением город.

В течение первых трех месяцев войны были взяты кроме Рангуна города Бассейн и Мартабан. Поскольку генерал-губернатор Индии считал, что продвижение английских войск к северу, на Пром и далее к Амарапуре — столице Бирмы, будет обременительным в финансовом отношении и довольно трудным для армейских частей, он предложил захватить южную часть Бирмы с городом Пегу до похода на Пром, который предполагалось отложить до окончания муссонного периода, а дожди переждать в Рангуне.

Рангун как штаб-квартира экспедиционных сил стал укрепляться на этот раз европейскими военными инженерами и саперами, которые в течение всего дождливого сезона подвергались атакам и налетам бирманских отрядов.

Наиболее упорные бои во второй англо-бирманской войне развернулись за Пегу: город несколько раз переходил из рук в руки. Английские войска именно здесь понесли самые значительные потери; по свидетельству очевидца, мадрасская пехота потеряла половину своего состава при штурме Пегу, который был взят 21 ноября 1852 г.

Захват южных районов, начавшийся с г. Пегу, фактически закончил вторую англо-бирманскую войну, так как 20 декабря 1852 г. была подписана декларация об аннексии Южной Бирмы и ее присоединении к английским владениям в Индии. Пришедший к власти в феврале 1853 г. правитель Миндон,

сторонник скорейшего окончания войны, не признал аннексии Пегу (собственно, половины страны), и англичанам пришлось согласиться не на договор, а лишь на молчаливое признание обеими сторонами окончания военных действий (30 июня 1853 г.).

Однако война продолжалась в форме партизанского движения, которое англичанам удалось подавить не ранее 1862 г., когда Аракан, Пегу и Тенассерим были

450

слиты в единую провинцию Британская Бирма. С этого времени в историографии за этой частью страны утвердилось название Нижняя Бирма, а независимое бирманское государство с центром в Амарапуре, отрезанное от морского побережья, стало именоваться Верхней Бирмой.

РЕФОРМЫ МИНДОНА

В отличие от периода Баджидо и Таравади, при Миндоне уже большая часть господствующего класса пришла к осознанию необходимости серьезной перестройки общественно-политического устройства страны, без которой невозможно отстоять ее независимость, и укрепления национального единства путем централизации и модернизации.

Эпоха реформ выдвинула целый ряд выдающихся деятелей, сплотившихся вокруг Миндона, человека мягкого, гуманного, но обладавшего политической волей и умом, что и позволило провести в традиционной Бирме реформы. Наиболее близким человеком к правителю был его брат, принц Канаун, а также сановники У Чейн (Кинвун Минджи), Маун Шуэ О (Панджет Вун) и некоторые другие европейски образованные люди. Реформы начали проводиться с 1853 г., т.е. с первого года правления Миндона. Основными стали административная, судебная, налоговая и военная.

В рамках **административной реформы** первой мерой реформаторов была борьба с системой *мьоза* (или «кормлений»), по которой принцы и высшее чиновничество получали для своего содержания доходы с тех или иных областей, деревень: кормления поглощали 50% всех налогов. Однако пожалование было ненаследственным и при изменении служебного положения заменялось другим.

Перемещение обладателя *мьоза* (он также назывался *мьоза*) было способом борьбы центральной власти с сепаратизмом и попытками превратить кормления в частные владения, точно так же, как и запрет на жительство в этом владении. *Мьоза* должны были проживать при дворе правителя.

Будучи по сути временщиками, *мьоза* выколачивали из населения своих владений суммы, значительно превышающие дозволенную им официально долю доходов. Кроме того, они пытались захватить наиболее удобные земли в своих владениях в полную собственность.

В появившемся в марте 1853 г. первом указе Миндона говорилось, что «жители различных городов, областей и деревень, у которых царские сыновья, братья, жены, знать или чиновники отняли рисовые поля и суходольные земли, острова, принадлежащие этим жителям по праву наследства или купленные ими... настоящим уведомляются, что подобные незаконные действия запрещены и что они имеют право обратиться в *Хлудо* (Высший совет) и получить разрешение правительства на возвращение своего имущества».

Второй указ Миндона (апрель 1853 г.) запрещал *мьоза* требовать от населения своих владений личных услуг и облагать его дополнительными налогами. Ограничение произвола *мьоза* кроме стремления к централизации государства и пресечения сепаратизма объяснялось намерением ограничить их

частнособственни-

451

ческие настроения. В указе подчеркивалось, что действия *мьоза* лишают государство солдат и налогоплательщиков.

Таким образом, Миндон пытался восстановить тающие ресурсы государственного сектора.

Неподчинившихся *мьоза* смещали, лишали «кормлений», а их земли возвращали в государственный фонд.

Одновременно бирманское правительство приступило к переводу *мьоза* на денежное жалованье.

Массовый перевод чиновников и принцев на ежемесячное жалованье произошел в 60-х годах, когда раздача земель за службу была отменена.

Так, *вунджи* (высшие чины, или министры *Хлудо*) получали 1000 *джа* в месяц, *атвинвуны* (главные советники) — 650, *вундау* (заместители *вунджи*) — 500, другие крупные столичные чиновники — от 100 до 300 *джа*, средние чиновники столицы — 25-50 *джа*; *мьовуны* (губернаторы) получали от 200 до 600 *джа*. Различные чиновники провинциального управления — от 25 до 100 *джа*. Введение денежного жалованья, выплачиваемого централизованно из казны, подрывало старую структуру административного аппарата, ограничивало процесс складывания частной собственности во владениях *мьоза*, вело к большему контролю центра над провинцией.

Одновременно проводилось более четкое деление на провинции, что превращало их в подлинно территориальные единицы с унифицированным штатом провинциального аппарата.

Миндон, как истинно буддийский монарх, принимал самое непосредственное участие в **реформе судебной системы**, где наряду с огромными пошлинами, штрафами, судебными издержками были

широко распространены подкуп и вымогательства. Как правило, деньгами можно было откупиться от наказания за любой проступок, за исключением государственной измены и святотатства. Уголовные и гражданские дела могли решаться в одной и той же инстанции, а для крестьянина этой инстанцией был суд *мьотуджи*, главы того *мьо*, где он проживал. Любая апелляция требовала непомерных расходов. Практически все должностные лица чиновной иерархии и монахи могли проводить судебные разбирательства, вынося произвольные решения. Часто применялись различные пытки (огнем, расплавленным оловом).

Реформирование судопроизводства началось с его специализации и отделения гражданских дел от уголовных. В апреле 1853 г. Миндон распорядился уничтожить пять судов при Хлудо, в которых рассматривались апелляции на решения *мьовунов*. С 1853 г. апелляции по гражданским делам следовало рассматривать в Таййоне — главном гражданском суде, по уголовным — в Шейоне — главном уголовном суде; дела же, связанные с земельной собственностью и наследованием, подлежали рассмотрению только в Хлудо. Одновременно были установлены точные размеры судебных пошлин. В 1860 г. была ограничена судебная власть губернаторов-*мьовунов*, которые ранее имели право приговаривать к смертной казни любое лицо (кроме чиновников), обвиняемое в совершении тяжкого уголовного преступления, без права осужденного апеллировать к вышестоящим властям. Теперь смертные приговоры должны были выноситься только в Хлудо. В 1865 г. правительство назначило новых чиновников, именуемых *кундотинами*, которые должны были контролировать практику судопроизводства в провинциях. Вслед за тем, в 1867 г. Миндон издал указ о назначении отдельных судей и сборщиков пошлин по гражданским делам, что лишило местные административ-

ные власти (*мьотуджи* и *мьовунов*) значительной части их доходов, связанных с судопроизводством, и ограничило их власть над населением. Позже, в марте 1871 г., вышел указ, в котором разграничивались дела, решаемые *мьотуджи* и *мьовуна-ми*, и дела, подлежащие ведению судей, назначенных правительством; был облегчен прием судебных дел в Хлудо.

Правитель регулярно издавал указы, направленные против взяточничества. Были установлены различные меры наказания чиновников Хлудо и провинциальных судей, берущих взятки. В целом все эти мероприятия способствовали упорядочению судопроизводства и контролю над ним государства. Целями **налоговой реформы** были централизация сбора налогов, изыскание средств для выплаты жалованья чиновникам, уменьшение вымогательств местных властей.

В Бирме до периода правления Миндона не было четкой фискальной системы: отсутствовал единый фиксированный налог, в разных районах существовала и различная система налогообложения, налоги собирались практически с любого вида производственной деятельности. При этом в неодинаковом положении находились различные разряды, на которые делилось население страны. *Ахмуданы*, обязанные личной службой правителю и содержавшие «очередников» для службы в гвардии или во дворце, в отличие от *ати* — податного населения, которое уплачивало налоги, традиционные для района их проживания и вида деятельности, этих налогов не платили.

Более унифицированными формами обложения были подушная подать с некоренных жителей страны, населявших периферию, и десятина — традиционное обложение в пользу правителя с серебряных рудников, добычи рубинов, торговли с иностранцами и урожая на казенных землях.

Огромное количество дополнительных поборов ложилось тяжким бременем на население страны. Чиновники, не получавшие денежного жалованья, существовали за счет казнокрадства и взяточничества. Особенно отягощала положение финансов страны система «кормлений» — *мьоза*.

С 1857 г. бирманское правительство начинает вводить единый подворный налог *татамеду*, заменявший прежние разнообразные платежи. Его должно было платить все податное население страны независимо от занятий — крестьяне, ремесленники и торговцы. От налога освобождались родственники правителя, чиновники, *ахмуданы*, монахи и их родители, а также старики, вдовы, ученые. Формально налог составлял 1/10 доходов налогоплательщика, но практически размеры *татамеды* варьировались в зависимости от требований правительства, оценок сборщиков и т.д. На основании данных источников можно установить, что в конце 50-х — начале 60-х годов *татамеда* равнялась 1-3 дока с каждого дома, а в 70-х годах выросла до 8-10 джа. Размеры *татамеды* особенно выросли после введения в 1861 г. бирманской чеканной монеты и установления денежных форм платежей вместо натуральных.

При определении денежного размера налога учитывались местоположение города или деревни, плодородие земель, близость к коммуникациям. Принимались во внимание стихийные бедствия — пожар, засуха, наводнение.

Сбором *татамеды* занималась местная администрация — *мьотуджи* и их уполномоченные. Расширение административно-фискальной власти *мьотуджи* усилило их роль как государственных чиновников и привело к определенному

стиранию граней между различными разрядами бирманского крестьянства: были сокращены площади ахмуданских поселений, а многие *ахмуданы* были переведены в положение *ати*, т.е. стали платить *татамеду* и перешли под юрисдикцию *мьотуджи*.

Налоговая реформа дала значительный эффект: ее введение позволило сконцентрировать в казне средства, необходимые для дальнейшей реформаторской деятельности государства. В 60-70-х годах XIX в. *татамеда* давала две трети всех поступлений государства.

Военная система бирманского государства также подверглась изменениям. Традиционно она основывалась на принципе разделения всего населения страны на обязанных службой, прежде всего военной (*ахмудан*), и податных (*ати*). *Ахмуданы* в мирное время обрабатывали коронные земли за 1/4 урожая и поставляли очередников в столичную гвардию, пограничные гарнизоны, дворцовые службы, а в военное время становились солдатами, кавалеристами (на лошадях и слонах), артиллеристами, моряками. Жили они с семьями военными подразделениями во главе с командирами и были в значительной мере профессионалами по сравнению с *ати*, которых набирали в ополчение (от 16 до 60 лет) только во время войны.

Кризисные явления в бирманской армии выразились прежде всего в том, что государство не могло собрать достаточное количество солдат для военных экспедиций. *Ахмуданы* покидали свои подразделения, чтобы не быть обязанными военной службой. А в отдаленных провинциях можно было откупиться от службы или дать вместо себя замену.

Миндон запретил ахмуданским военачальникам брать деньги за отказ от службы, а также провел в 1864г. перерегистрацию ахмуданских поселений, сильно сократив последние. Оставшиеся *ахмуданы* стали получать за службу значительные денежные и натуральные выплаты из казны.

Таким образом, наметилась тенденция к созданию регулярной армии, завершившаяся уже после смерти Миндона переводом солдат на денежное жалование и, соответственно, отменой системы служебных ахмуданских земель, которые были возвращены в государственный фонд.

При Миндоне продолжалась деятельность, начатая правителем Таравади, по вестернизации армии. Главным военным советником правительства стал француз де Фуко, служивший ранее в англо-индийской армии, артиллерией командовал также европейский офицер; в 1879 г. близ Мандалая был создан лагерь на 16 тыс. солдат, которых обучали и тренировали европейские инструкторы.

Перевооружение армии было по-прежнему настоятельно необходимо, так как не хватало ружей, мушкетов, солдаты зачастую были вооружены только холодным оружием. Бирманская артиллерия располагала небольшим количеством английских пушек и орудиями, захваченными у португальских конкистадоров в XVI-XVII вв.

Реформаторы армии, среди которых выделялся принц Канаун, рассчитывавшие получить иностранное оружие, испытывали противодействие английских властей Нижней Бирмы, которые не разрешали ввозить в Верхнюю Бирму порох, пушки и мушкеты.

Отмену этого запрета англичане обуславливали согласием бирманской стороны на заключение неравноправного торгового договора, в котором были бы аннулиро-

454

ваны правительственные монополии, понижены импортно-экспортные пошлины, а Великобритании предоставлены исключительные права на торговлю в Верхней Бирме. Однако Миндон начал проводить политику «опоры на собственные силы», чтобы ослабить зависимость страны от импорта оружия и боеприпасов.

В 1855 г. в Амарапуре был открыт завод по изготовлению пороха, причем сырье привозили из шанских княжеств, так как из Аракана его запретил вывозить английский комиссар этой провинции. В этот же период начал работать завод по выпуску ружей. Во всех этих начинаниях бирманцы использовали французских и итальянских военных специалистов. Однако этого было недостаточно, и необходимость в передовой военной технике Запада заставляла Миндона требовать от британских властей снятия запретов на ввоз в Бирму вооружения из других европейских стран и включения этого пункта в обсуждавшийся проект англо-бирманского договора 1867 г. Было очевидно, что разницу в военно-экономическом потенциале с передовыми капиталистическими державами небольшой азиатской стране было не преодолеть «опорой на собственные силы».

Миндон пытался отстоять продовольственную самостоятельность Верхней Бирмы, перейти на самообеспечение рисом, тем не менее рис приходилось ввозить из Британской Бирмы. Хотя Чаусхе, рисовая житница страны, находилась в Верхней Бирме, после аннексии Пегу в независимой Бирме риса не доставало. Это было вызвано как увеличением числа жителей, часть которых ушла из Британской Бирмы, чтобы не оказаться под иноземной властью, так и упадком ирригационной системы в период войн с англичанами.

Под руководством принца Канауна начался ремонт каналов и водохранилищ в районе Шуэбо, Мейтхилы и Мандалая. Были восстановлены оросительные системы, введенные в строй еще при Алаунпае, и даже более древние. Несмотря на приведение в порядок систем искусственного орошения,

в Верхней Бирме в начале 50-х годов случилась засуха, а в 60-х годах уровень паводка рек был недостаточен, чтобы наполнить каналы и водоемы. Так что Миндону приходилось снова и снова закупать рис у англичан в Пегу, чтобы избежать голода в стране. Для этих закупок требовалось все больше финансовых средств, тем более что закупки риса правительству приходилось делать и на свободном рынке.

Поэтому Миндон пытался с помощью традиционной политики правительственных монополий на минеральное сырье (уголь, нефть, цветные металлы), лес, продовольствие, а также установления экспортно-импортных цен и таможенных пошлин поддерживать доходы государства на таком уровне, чтобы казна была в состоянии продолжать финансировать правительственные затраты.

Реформаторская деятельность бирманского правящего слоя меняла облик страны, делала ее более открытой для общения с Западом.

Жители могли свободно передвигаться из независимой Верхней Бирмы в английскую колонию в южной части страны, знакомиться с европейской системой труда там и на иностранных концессиях внутри страны.

Новая столица Мандалай стала средоточием не только традиционных ценностей буддийских святынь, монастырей, пагод, дворца правителя. Распланированные европейскими специалистами жилые кварталы и парки производили большое впечатление на местных жителей и иностранцев. В городе работали арсенал, пушечные и оружейные заводы, монетный двор (с 1861 г.). На Иравади действова-

455
вали судостроительные верфи, два парохода (из десятка закупленных Миндоном в Европе) совершали регулярные рейсы между Верхней и Нижней Бирмой. Мандалай был наводнен европейскими специалистами, торговцами, дельцами, миссионерами.

В 1870 г. была построена первая телеграфная линия, связавшая Мандалай и Рангун, в 1874 г. в столице начала выходить первая газета на бирманском языке. Врач из Германии открыл больницу, а протестантский миссионер Маркс — европейскую школу, в которой обучались, в частности, дети Миндона и Канауна.

Появилось большое количество европейских технических и естественнонаучных книг в переводе на бирманский язык. Молодежь из знатных семей стала ездить учиться в Европу, в основном во Францию; предпочтение отдавали военным и инженерным специальностям. Бирманцы, получившие европейское образование, всегда могли рассчитывать на высокую должность в административном аппарате. Проведение реформаторской политики облегчалось тем, что время Миндона было довольно мирным периодом в истории страны. Все исследователи отмечали не просто миролюбивый характер Миндона, истинного буддиста, но и его стремление улучшить жизнь своих подданных и установить добрососедские отношения с английскими властями.

Поэтому Миндон шел на многие уступки англичанам, навязавшим Бирме торговые договоры 1862 и 1865 гг., давшие значительные преимущества английским торговцам. Твердо он придерживался только одного: непризнания захвата Пегу.

Новый англо-бирманский договор 1867 г. свидетельствовал о дальнейших уступках Миндона. Были отменены все правительственные монополии (за исключением монополий на нефть, лес и драгоценные камни), экспортно-импортная пошлина на 10 лет была ограничена 5%, английским подданным было предоставлено право экстерриториальности и т.д. За все эти уступки бирманская сторона получила сомнительное право на закупку европейского вооружения. Сомнительное потому, что провоз оружия через территорию Британской Бирмы был возможен только с разрешения английского резидента.

Во всех англо-бирманских договорах 60-х годов особое место занимал пункт о разрешении английским разведывательным экспедициям следовать в Китай по территории независимой Верхней Бирмы. Англичане рвались в Китай через «заднюю дверь» и к началу 70-х годов, подогреваемые французскими захватами в Юго-Восточной Азии (1867 г. — создание французской колонии Кохинхина), начинают новый этап своей экспансии в Бирме.

Во взаимоотношениях с Великобританией Миндон долгое время рассчитывал на установление непосредственных контактов с правительством королевы Виктории в Лондоне, но англичане все посольства из Бирмы отсылали к генерал-губернатору Британской Индии (в юрисдикцию которого входила Британская Бирма), подчеркивая тем самым, что Бирма отнюдь не является суверенным государством.

Попытка преодолеть это унижительное положение, тяжело воспринимаемое бирманским правительством, отразилась на еще одной стороне реформаторской деятельности Миндона — его внешней политике, установлении дипломатических контактов с западными государствами и Россией. Миндон первым из бирманских правителей стал рассылать своих послов в страны Запада. Сначала это были просто ознакомительные поездки. Позже целью этих дипломатических от-

456

ношений стали попытки Бирмы противостоять английской агрессии с помощью европейских

соперников Англии.

Первой бирманской миссией в Европу (1856г.) было посольство во Францию — традиционную соперницу Англии. Во главе этой типичной миссии «доброй воли» стоял французский авантюрист д'Оргони (Л.Ж.Жиродон), деятельность которого сразу же вызвала ревнивые подозрения английских властей.

Внешнеполитическая активность Бирмы, с самого начала воспринятая в штыки английскими властями Индии, тем не менее в 70-х годах приняла широкий размах. Были подписаны конвенции Бирмы с США, Италией, Францией, установлены контакты с посольствами Нидерландов, Швеции, Дании в Париже и Лондоне. В этот же период Бирма пыталась завязать отношения с Российской империей, обменяться посольствами и послать бирманскую молодежь в российские учебные заведения. Бирманские дипломаты были достаточно хорошо осведомлены о расстановке сил в «европейском концерте», и их обращение к Франции и России, наиболее мощным противникам Англии, свидетельствовало об умении бирманского правительства маневрировать, противопоставляя Британской империи ее колониальных соперников.

Заключение в 1872 г. бирманско-итальянского договора о дружбе и торговле и в 1873 г. бирманско-французской торговой конвенции было наиболее крупным достижением бирманской дипломатии, которое подтвердило суверенность Бирмы и укрепило у бирманцев чувство национального достоинства, в очередной раз в 1872 г. попорченного в Англии, где бирманское так называемое великое посольство было представлено королеве государственным секретарем по делам Индии, а не министром иностранных дел.

Смерть Миндона в 1878г. подвела черту под периодом наиболее важных преобразований в независимой Бирме.

Реформы в сфере налогообложения и поземельных отношений Бирмы вышли за рамки норм, диктуемых обычаем и буддийскими понятиями о справедливости, а также традиционных устремлений бирманских монархов и вновь занявшего престол правителя расширить государственную собственность за счет сокращения частного условного землевладения.

Уничтожением системы *мьоза* и переводом всех членов царской семьи и чиновников на денежное жалованье Миндон подрывал основу для складывания частной собственности в руках верхушки правящего слоя. Именно эта реформа встретила наибольшее противодействие, выразившееся в попытке дворцового переворота 1866 г. (когда был убит Канаун — брат правителя). Однако, препятствуя процессу сосредоточения земельной собственности в руках *мьоза*, в отношении землевладения *мьотуджи* Миндон не предпринял подобных запретительных мер (исключая некоторое ущемление судебных прерогатив главы *мьо*). Наоборот, унифицируя категории населения (*ахмудан* и *ати*), реформы закрепляли частнособственнические тенденции во владениях *мьотуджи*. Эта категория мелких и средних феодалов-чиновников была опорой правительства Миндона, его деятельности. Внутренняя противоречивость реформ состояла в том, что они, открывая путь развитию товарно-денежных отношений, введению купли-продажи земли, уничтожению различий между категориями зависимого крестьянства,

457

унификации феодальной земельной собственности, вместе с тем способствовали укреплению государственной земельной собственности и базирующегося на этой собственности государства.

ПРЕВРАЩЕНИЕ БИРМЫ В БРИТАНСКУЮ КОЛОНИЮ

Период с 60-х годов XIX в. и вплоть до аннексии страны в 1885 г. для бирманского государства династии Конбаун прошел под знаком ухудшения внутреннего и международного положения страны, при всех попытках противостоять возрастающей экспансии Британской империи. С переходом власти в руки Тибо, сына Миндона, не обладавшего мудростью, а главное — широтой взглядов отца, правящая элита в борьбе за власть и богатство развалила структуру государства, которое уже не смогло выдержать натиска колониализма.

Миндон умер в октябре 1878 г., не назначив преемника из страха спровоцировать этим борьбу за престол между многочисленными сыновьями, памятуя о событиях 1866г., когда объявление наследником (*эйншемином*) его брата и сподвижника по реформам принца Канауна не только привело к заговору элиты, в результате которого Канаун был убит, но и сам Миндон едва не лишился трона. Интриги вокруг наследования власти в Бирме начались еще во время болезни Миндона. В них приняли участие различные группировки придворных, образовывавшиеся вокруг отдельных претендентов на престол из семьи Миндона, а также английские власти Нижней Бирмы (в частности, резидент в Мандалае полковник Э.Дж.Слейден). Кроме того, нарастало взаимное противостояние в среде бирманской элиты — сторонников реформ и их противников, традиционалистов.

Наиболее вероятными кандидатами на престол считались старшие сыновья Миндона — принцы Тунзе, Мекхара и Ньяунъян — дети главных жен правителя (этот приоритет был закреплен и установлением Миндона о престолонаследии). Самым образованным из них был Ньяунъян, которого предпочитал и

сам Миндон за благочестие и религиозность.

Младший из сыновей Миндона — Тибо не имел официальных перспектив занять трон, будучи восемнадцатилетним и к тому же сыном шанской принцессы, однако именно он оказался на бирманском престоле в результате заговора, организованного в его пользу властолюбивой женой Миндона Аленандо, или Син-пьюмашин. Для достижения своей цели — получения главных позиций во дворце — ею был разработан план, согласно которому, женив Тибо на одной из своих дочерей — Супаяле, посадить юного и слабовольного принца на трон, чтобы воспользоваться его неопытностью в дворцовых хитросплетениях.

Синпьюмашин, определявшая внешнюю политику страны, играя на противоречиях великих держав, привлекла на свою сторону наиболее видных сановников государства — Тайнда Минджи, рассчитывавшего на еще большее расширение своих финансовых операций, и Кинвуна Минджи, соратника Миндона по реформаторской деятельности, приобретшего решающее влияние в Хлудо — Высшем Совете государства. Кинвун Минджи рассчитывал, что при слабоволь-

458

ном Тибо ему удастся продолжить реформирование и вестернизацию административной системы Бирмы, в отличие от ситуации, при которой трон получит кто-либо из старших сыновей Миндона, не стремившихся к продолжению политики отца.

Заговорщики начали действовать 12 сентября 1878 г. Все сыновья Миндона, за исключением Ньяуньяна и его брата Ньяун О, предупрежденных англичанами и вскоре переправленных в Калькутту, были арестованы. Тибо, по указу Хлудо (принятому под давлением Кинвуна Минджи), был объявлен престолонаследником.

Последний представитель династии Конбаун оказался действительно не подготовленным психологически к самостоятельной деятельности. Сначала он находился под влиянием Синпьюмашин, приведшей его к власти, но вскоре оказался в полной зависимости от своей жены — царицы Супаялы, не менее честолюбивой, чем ее мать, и взявшей в свои руки бразды правления государством.

Тем не менее Кинвуну Минджи в первое же время после воцарения Тибо удалось провести в жизнь свою идею вестернизации бирманского правительства: в ноябре 1878 г. он создал кабинет министров, состоящий из 14 ведомств, четыре из которых — царского хозяйства и земель, общественных работ, военное — возглавляли *вунджи*; три — *атвинвуны*, занимавшиеся доходами государя от торговли, земельного налога, пошлин, закладов, его расходами, буддийской общиной, сбором единого налога — *татамеды*. В компетенции одного ведомства находились управление столицей, контроль мер и весов, попечение инвалидов; остальные ведали апелляциями из провинций, военным флотом, иностранными послами, а также телеграфом, мануфактурами и пр.¹

Несмотря на то что вскоре кабинет министров утратил свое влияние, так как сторонники Кинвуна Минджи и он сам были смещены со своих постов, в Бирме сохранилось разделение властей, а позднее было проведено и дальнейшее определенное укрепление центральной власти (создание упомянутого института *кай-яинвунов*), т.е. импульс к реформаторскому направлению в развитии страны, заложенный при Миндоне, продолжал действовать.

Кинвуна Минджи вскоре заменил Тайнда Минджи, другие ставленники Тибо и Супаялы заняли освободившиеся места в высшем эшелоне правящего слоя. К 80-м годам в Бирме оформилась и консолидировалась новая элита, к которой примкнула и ее региональная часть — более гомогенная и устойчивая, ориентированная на сохранение традиционных ценностей и выступающая с националистических, антиевропейских и антиреформаторских позиций.

Укреплению их позиций способствовала и политика правящей четы, проводившей физическое уничтожение как семьи Миндона, так и соратников правителя-реформатора. В середине февраля 1879 г. царица Супаяла предприняла попытку расправиться с находящимися в заключении уже бывшими, но еще возможными претендентами на престол родственниками Тибо. В результате экзекуции было

¹ Уже позднее, в 1881 г. был создан институт *кайяинвунов* (из 10 округов), наблюдавших за деятельностью провинциальных губернаторов, и прежде всего за составлением налоговых списков в провинциях и судебными решениями.

К 1885 г. относится утверждение закона о земле и земельном налоге, по которому всем держателям государственных и других земель предоставлялось право собственности при условии уплаты земельного налога в размере 10% от урожая.

459

убито около 80 человек из царской семьи и их приближенных, в том числе 8 братьев Миндона, 31 из его 48 сыновей (Тунзе и Мекхара тоже), 9 из 62 дочерей.

Исполнителями массовых казней были офицеры дворцовой охраны, традиционно рекрутировавшиеся с юга страны, из Тавоя. Именно представители этих армейских частей получили после операции повышения, награды, денежные вознаграждения и стали служить опорой новой бирманской элиты, сложившейся вокруг Супаялы и Тибо. Последние продолжали и в дальнейшем (в 1881-1882 и 1884 гг.) уничтожение своих мнимых и истинных соперников.

Таким образом, группировка бирманской элиты — реформаторы, «западники» — практически

перестала существовать. Проведенный в 1879 г. Супаялой с единомышленниками counter-coup был не просто еще одним переворотом в истории бирманской государственности — отказ от политики Миндона и реформ в условиях наступления колониализма, по нашему мнению, не позволил Бирме отстоять свою независимость, как соседнему Таиланду.

Массовые казни 1879 г., естественно, претили европейскому менталитету, хотя они были достаточно традиционными в Бирме при смене правителя. Они послужили великолепным предлогом для возбуждения английского общественного мнения против Тибо и за аннексию Бирмы (или превращение ее в протекторат), а также за защиту английских подданных, которым якобы грозила смертельная опасность в этой стране.

В октябре 1879 г. англичане практически разорвали отношения с Бирмой, закрыв свою резиденцию в Мандалае. От нападения на Бирму в конце 70-х годов Англия отказалась лишь из-за трудностей в англо-афганской войне и борьбе с бурами в Южной Африке.

Но постоянные провокации против Тибо продолжались путем организации выступлений претендентов на бирманский престол: в мае 1880 г. — принца Ньяун О, в конце 1882 г. — принца Мьингуна (также сына Миндона). Прямым давлением англичане добивались своих целей как в экономической, так и политической сферах (в 1882 г. были отменены все правительственные монополии в торговле, подтверждена необходимость присутствия военного гарнизона в Мандалае, отторгнута часть территории Каренни, допущены экспедиции через Бирму в Китай и т.д.).

Тем не менее Бирма продолжала демонстрировать желание урегулировать взаимоотношения с Великобританией и посылала дружественные миссии. Однако британские власти отсылали бирманских послов к вице-королю Индии или к английским властям Нижней Бирмы, тем самым унижая последних и показывая им, что они не являются представителями суверенного государства.

Попытки Бирмы в 80-х годах установить равноправные отношения с Россией и Францией, главными соперниками Великобритании на международной арене, а также с другими европейскими государствами, чтобы противодействовать английской экспансии и защитить свою независимость, практически не помогли. Хотя были заключены договоры с Францией, Германией, Италией и прогнозировался таковой с Российской империей — ни одна из указанных стран не решилась оказать помощь Бирме в ущерб собственным взаимоотношениям с Великобританией.

Для последней географическое положение Бирманского государства: близость к Индии, возможность проникновения через Бирму в Китай (наличие общих гра-

460
ниц), за раздел которого обострилась борьба держав в конце XIX в., — предопределило аннексию страны.

Предлог был найден в октябре 1885 г. Бирманский Высший совет Хлудо наложил штраф на английскую лесозаготовительную компанию (Бомбейско-бирманскую торговую корпорацию) за превышение в два раза квоты на вывоз тиковой древесины. Англичане увидели в этом «ущемление интересов британской торговли». Верховный комиссар Британской Бирмы Ч.Бернард не признал законными претензии бирманского правительства и, угрожая аннексией, предъявил Бирме ультиматум: до 10 ноября согласиться с требованиями английской стороны. Бирманцы 9 ноября приняли все требования, кроме одного — поставить внешние сношения Бирмы под контроль вице-короля Индии, т.е. ликвидировать суверенитет страны.

Этот отказ и послужил предлогом для начала военной экспедиции: 15 ноября 1885 г. английская флотилия пересекла границу Бирмы, по Иравади достигла и захватила город Минхла, оборонявшийся с необыкновенным упорством.

В Мандалае был слышен гул английской артиллерии, обстреливающей уже Мьинджан, но во дворце царила неразбериха. Бирманское правительство не было готово к отпору: не успели даже мобилизовать ополчение — под ружьем оказалось не более 15 тыс. человек. Такая «армия» не могла противостоять европейской экспедиции с современным вооружением, владевшей тактикой и стратегией колониальных войн. 24 ноября сопротивление бирманцев было сломлено; в ман-далайском дворце в лихорадочной атмосфере Тибо советовался то с Тайнда Минджи, то с Кинвуном Минджи (его снова приблизили в это тяжелое время), пока 27 ноября правитель не принял решение о капитуляции и отказе от престола ради сохранения жизни себе и своей семье.

В тот же день английские войска вошли в Аву и Сагайн, не встретив сопротивления. Бирманские солдаты разошлись по окрестным деревням, создав партизанские отряды, еще целое десятилетие боровшиеся против колониального господства.

Наиболее крупной военной операцией в молниеносной третьей англо-бирманской войне был захват города Бамо, вблизи китайской границы, где был поставлен сильный английский гарнизон.

Формальное отречение Тибо от бирманского престола принял главнокомандующий английскими войсками генерал Прендер-гаст, о чем было объявлено в манифесте от 2 декабря 1885 г.; 1 января 1886 г. было провозглашено, что Бирма отныне является частью владений английской королевы.

В то время как британские войска, расквартированные в Мандалае, празднуя победу, грабили и разрушали бирманскую столицу, дворец, монастыри и пагоды, сдирали позолоту с их крыш, Тибо и Супаяла навсегда покидали Бирму. Они ехали под дождем в повозке, запряженной парой буйволов, по дороге к пристани, вдоль которой стояли бирманцы, провожая бывшую царскую чету и связанное с ней бывшее величие монархической Бирмы. Страну ждал новый период ее истории, связанный с реалиями колониального и постколониального развития.

Глава 10

СИАМ В 1850-1868 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НЕРАВНОПРАВНЫХ ДОГОВОРОВ С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

1850-1870-е годы в истории стран Индокитая — период экспансии капиталистических держав — совпали с годами правления в Сиаме Монгкута (Рамы IV, 1851-1868), ставленника богатых торговых семей, члены которых не занимали в прошлом постов в аппарате управления. При Монгкуте выходцы из этих семей, в частности из семьи Буннак, возглавили важнейшие государственные ведомства — *хром пракланг* (ведавшее казной и внешними связями) и *кром калахом* (военное ведомство). *Кром махаттаи* возглавил представитель другой богатой семьи — прайя Рачасупхавади. Эти *кромы* держали под своей властью земледельческое население и ведали доходами с провинций, фактически не отчитываясь перед государственной казной. Они имели свои печати: документы с их печатями признавались только в провинциях, подведомственных одному из *кромов*: *крому калахом* на юге, *махаттаи* — на севере, *пракланг* — на востоке. Соответственно были внесены изменения в порядок присвоения рангов *сактина* с целью повышения социального статуса новых управленцев: ранг в 10 тыс. *рай* отныне могли получать лица из простонародья. Глава *крома пракланг* из семьи Буннак получил титул *чаопрайя* и ранг *сактина* в 30 тыс. Его сын, заняв в 60-е годы пост главы *ка-лахома*, также получил титул *чаопрайя*. Ранг с середины XIX в. стал постепенно утрачивать функции показателя поста в государственной администрации: он становится почетным титулом, указывающим на высокое социальное положение.

Заинтересованность столичной элиты в развитии рынка требовала изменения системы налогообложения. В 50-х годах вместо налога в $\frac{1}{10}$ урожая риса вводится поземельный налог в денежной форме; он распространяется на основные провинции государства. Согласно указу 1856 г. налог с рисовых полей дифференцируется в зависимости от категории земли: с сухоходольного поля он был установлен из расчета 0,25 тикаля с *рая*¹, с поливных полей — 0,375 тикалей с *рая*.

Дифференцированная шкала налогообложения повышала интерес земледельческого населения к освоению новых земель тем более, что в первый год налог с них не брался.

Сокращается сфера применения внеэкономических форм принуждения: один из указов Монгкута отменил использование неоплаченного труда земледельческого населения на государственных работах. Серия указов запрещала главе семьи закладывать за долги свободу младших ее членов — жен и детей — или продавать их в рабство. Такая практика лишения свободы получила особенно большое распространение в стране с первых десятилетий XIX в., отражая общую неразвитость товарно-денежных отношений в земледельческом обществе Сиама.

1 рай равен 0,16га.

462

В интересах новых правящих сил Монгкут стал проводить политику ограничения всевластия традиционной бюрократии. Опираясь на патерналистские традиции тайских народов, Монгкут «демократизировал» систему управления: перед дворцом был повешен ящик, в который любой простолюдин мог опустить жалобу или прошение, минуя бюрократические каналы. В тех же целях была изменена процедура принесения присяги должностными лицами правителю: «воду клятвы» пил он сам, присягая на верность стране и ее народу. Брат и соправитель Монгкута принц Итсарат в духе западных веяний назвал своего сына Джорджем Вашингтоном, а сам правитель страны послания иноземным послам стал подписывать как «президент».

Опорой Монгкута становилась новая бюрократия, из среды которой вышли реформаторы — прагматики, поддержавшие все реформы Монгкута и его стремление усвоить западный рациональный взгляд на мир, в том числе и западные приемы управления. Они попытались найти в традиционном обществе Сиама политические начала, отвечавшие требованиям нового времени, приспособиться к этим требованиям, соединить традиции с политической практикой, приходившей с Запада. При Монгкуте особо подчеркивалась буддийская основа монархии, правители именовались Буддами, воплощая идеи устойчивости крестьянского общества. Отказ от этики индуизма освобождал местный институциональный порядок от магических подпорок, открывал простор нововведениям в политической, идеологической, социальной сферах. Что касается буддийской *сангхи*, она не могла оказывать противодействия реформаторским усилиям правящей элиты, поскольку последняя не нуждалась в

обосновании своего господства буддизмом и не ждала санкции буддийского духовенства на определенные действия.

Однако реформаторская деятельность Монгкута и поддерживавшей его элиты не захватила более широкие социальные слои. Земледельческое население и традиционная бюрократия, в которых буддизм воспитывал пассивность, не обнаружили большой склонности к деловой активности в духе буржуазного предпринимательства. Не отмечено в 50-е годы XIX в. и ростков национализма, хотя новая столичная элита и встала на путь активной дипломатической борьбы с наступавшими западными державами.

Наиболее стремительно в начале 50-х годов пробивалась на сиамский рынок Англия. В 1855 г. в Сиам на корвете «Фэттлер» в сопровождении военного судна прибыло английское посольство, которое возглавил губернатор Гонконга Дж. Боу-ринг. Появление в Бангкоке английского посольства, прибывшего на военном судне в нарушение традиционного церемониала представления послов властям у форта Пакнам, носило вызывающий характер. Английский посол попытался использовать дипломатические приемы: было объявлено, что военное судно поднялось до Бангкока, чтобы салютовать в честь правителя Сиам из своих пушек. Правительство Сиам вынуждено было пойти на переговоры с Дж. Боу-рингом, которые с сиамской стороны вел сын главы *крома праklang* Пья Сурифонгсе. Тот старался избежать конфликта, который Англия могла бы использовать в своих интересах. Переговоры были завершены в сравнительно короткий срок, и 18 апреля 1855 г. правитель Сиам поставил свою подпись под договором с Англией. Подданным последней было предоставлено право экстерриториальности, местный рынок был открыт для беспошлинного ввоза опиума, на остальные ввози-

463

мые и вывозимые товары пошлина не должна была превышать 3% их рыночной цены. Одна из статей договора разрешала англичанам проводить изыскания и организовывать добычу полезных ископаемых в любом районе страны.

Весной 1856 г. этот договор был дополнен специальной конвенцией, одна из статей которой разрешала беспрепятственный въезд в Сиам для всех подданных Британской империи как с европейской, так и с азиатской территории.

Договор с Англией был первым в ряду неравноправных договоров, заключенных правительством Сиам с западными державами. За ним последовал договор с США. Летом 1856 г. в Японию генеральным консулом США был назначен Т. Харрис, которому было дано секретное поручение начать переговоры с правителем Сиам о заключении торгового договора. Американская дипломатия в этот период не жалела аргументов в пользу своей политики, якобы в принципе отличной от политики Англии. Этот подход нашел понимание у двора в Бангкоке: Харрис, прибывший в столицу Сиам, был встречен очень радушно, ибо сиамские правящие круги рассчитывали извлечь и политические выгоды из соглашения о торговле. Переговоры с Т. Харрисом также вел Пья Сурифонгсе. Подписанный в 1856 г. договор был аналогичен договору с Англией: он устанавливал право экстерриториальности для американских подданных, США могли открыть в Бангкоке консульство, ввозная и вывозная пошлины для американских товаров назначались в размере 3% рыночной цены на их товары.

В тот период США не были серьезным соперником для Англии в Юго-Восточной Азии; таким соперником стала Франция. До середины 50-х годов XIX в. активность Франции в Сиаме, Камбодже и лаосских государствах ограничивалась деятельностью католических миссий, которые в 1852 г. составили самостоятельный викариат. Стремясь укрепить свои позиции в Китае, избегая при этом столкновения с Англией, Франция воздерживалась от вмешательства в индокитайские дела. К тому же надвигалась Крымская война, в которой Франция была союзницей Англии. Поэтому неоднократные попытки сиамской дипломатии установить дипломатические отношения с Францией, использовать ее противоречия с Англией в собственных интересах не давали результатов. Лишь в 1855 г. Сиам, Камбоджу, Вьетнам посетил французский консул в Шанхае Монтиньи. Приветствуя французского посланника в Бангкоке, Пья Сурифонгсе заверил его в желании правительства Сиам восстановить дружественные отношения с Францией, прерванные в 80-х годах XVII в. Сиамский дипломат зондировал возможность заключения между Францией и Сиамом такого договора, который налагал бы на Францию обязательство с оружием в руках защитить Сиам в случае посягательства Англии на его территорию. Однако Монтиньи категорически отверг это предложение: оказаться втянутым в конфликт с Англией из-за Сиам — такая перспектива не привлекала французское правительство. Переговоры с Францией завершились подписанием 15 августа 1856 г. договора о торговле и навигации. Он предоставлял право экстерриториальности французским подданным в Сиаме и разрешение селиться, приобретать собственность в тех же районах государства, что и англичанам. В Бангкоке учреждалось французское консульство.

Эти неравноправные договоры «открыли» Сиам и для других западных держав: аналогичные договоры были заключены с Данией и Генуей (1856 г.), Португалией (1859 г.), Голландией (1860 г.). В свою

очередь, в европейских государств-
464

вах и США были открыты сиамские дипломатические миссии, через посредство которых двор Бангкока получал сведения о положении дел в Европе и США и мог составить представление о соотношении сил на мировой политической арене. Внешнеполитическая позиция Сиам в этот период основывалась на стремлении заручиться покровительством какого-либо сильного европейского государства и в то же время использовать разногласия между державами в интересах собственной страны.

В 50-60-х годах XIX в. бурное промышленное развитие переживала Пруссия, включившаяся в борьбу за рынки сбыта и источники сырья. В 1859 г. в Китай, Японию и США ею было направлено посольство во главе с графом Эйленбургом для заключения договоров «о дружбе, торговле и навигации». В 1862 г. Пруссией был заключен и договор с Сиамом.

Расширилось политическое и культурное общение Сиам не только с европейскими странами, но и с их колониями; сиамские консульства были открыты в Калькутте, Гонконге, Макао, Пинанге, Рангуне, Сайгоне, Сингапуре, Батавии.

С 60-х годов на Сиам стала надвигаться угроза с востока: Франция, утверждаясь на территории Вьетнама, проявила интерес и к Камбодже, где правили ставленники Бангкока. Когда в Удонге — столице Камбоджи — скончался правитель Анг Дуонг (1859 г.), бангкокский двор решил посадить на камбоджийский трон принца Нородома, с детства воспитывавшегося в Бангкоке. Но в конце 1862 г. Франция, продолжая вынашивать планы захвата Камбоджи, через командующего французским военным флотом, базировавшимся в Сайгоне, адмирала Лаграндье, потребовала от Нородома признать Францию наследницей «суверенных прав» Вьетнама в отношении Камбоджи, угрожая войной в случае отказа. 3 августа 1863 г. адмирал Лаграндье прибыл в Удонг, а 11 августа подписал договор, по условиям которого Нородом признавал французский протекторат над Камбоджей. В ответ сиамское правительство направило в Удонг миссию с целью заключения договора, подтверждавшего суверенные права Сиам на Камбоджу. Такой договор был подписан 1 декабря 1863 г. Тогда правящие круги Франции начали демонстрацию военной силы: в марте 1864 г. в Бангкок на военной канонерке прибыл французский консул Ж.Обаре и в вызывающей форме потребовал у Монгкута отказаться от прав на Камбоджу. В апреле 1864 г. в Бангкок прибыла еще одна французская канонерка, а французские войска, вышедшие из Кохинхины, заняли столицу Камбоджи Удонг.

Нородом под давлением французских дипломатов в апреле 1864 г. подписал документ, аннулировавший юридические права бангкокского двора на Камбоджу.

В Сиаме эти действия французов были расценены как захватнические, тем не менее в 1867 г. Сиам был вынужден подписать с Францией договор об установлении протектората последней над Камбоджей. Произошел и раздел Камбоджи, так как Франция признала власть Сиам над западными камбоджийскими провинциями Баттамбанг и Ангкор (губернатор в которые назначался Бангкоком). Неравноправные договоры, поставившие Сиам в зависимое положение по отношению к западным странам, способствовали включению его в систему мирового хозяйственного разделения труда, изменив условия его социально-экономического развития. Сиамское правительство вынуждено было реформировать финансовую систему и налогообложение. Правящие слои потеряли значительную

465
часть своих источников доходов, поскольку было уничтожено подавляющее число привилегий и монополий, которыми издавна пользовались наиболее влиятельные и знатные семьи и высокопоставленные должностные лица государства.

Господствующий класс Сиам еще в период династии Чакри делал попытки изменить фискальную систему, функционирование которой было осложнено большим объемом работ, выполнявшихся земледельцами безвозмездно в виде трудовой повинности, злоупотреблениями должностных лиц, присваивавших часть безвозмездного труда земледельческих семей, а также противостоянием центра и периферии, откуда поступала дань в натуральной форме. По оценкам современников, такая дань с периферии занимала главное место в государственных доходах; второе место в доходах отводилось налогам с полей, садов, плантаций; третье было за откупами и государственными монополиями, четвертое — за таможенными сборами.

Теоретически указанная масса натурального продукта и неоплаченного труда находилась под контролем государства и должна была в установленные сроки поступать в *кромы* (приказы), а через них в казну, распределяясь затем среди господствующего класса. Но происходившие в стране в первой половине XIX в. процессы нарушали традиционный порядок и правовые нормы. Заключение же неравноправных договоров создало дополнительные трудности для финансовой системы, потребовало объединения всех видов налогов и повинностей, лежавших на крестьянах, и перевода их в денежную форму с учетом розничных цен. Постепенная отмена с начала XIX в. государственных монополий, изымавших из рыночного оборота огромные массы продукта в натуральной форме, сделала сиамского

земледельца участником рыночных сделок. Однако крестьянское хозяйство выходило на рынок в невыгодных для него условиях неэквивалентного обмена.

Неравноправные договоры подорвали также государственную монополию на землю: впервые в истории Сиама был введен принцип отчуждения земли в пользу иностранных подданных. Налог стал исчисляться с площади поля, а не как часть урожая, что улучшило условия для развития частной собственности на землю. Правящие круги ликвидировали трудовую повинность, связанную с монопольным правом государства на землю, человек все более освобождался от патриархальных пут. Указ 1865 г. окончательно запретил родителям рассматривать своих детей как «собственность наряду со скотом», которую можно продать за деньги. С этого времени в соответствии с указом продажа жен и детей старше 15 лет без их согласия была запрещена, а также установлено право женщин требовать развода.

В стране создавались условия для развития мелкотоварного уклада. Свидетельством роста денежного обращения в земледельческой среде стала острая потребность в серебре как средстве обмена. Государство приобрело за границей несколько монетных станков, каждый из которых мог выпускать в день 100 тыс. тикалей, появилась плоская серебряная монета европейского образца. Местная монета унифицировала денежное обращение в центральных провинциях государства, где развивалось товарное производство сахарного тростника.

На остальной территории, производившей рис, происходила модернизация архаичной экономической системы Сиама, ее приспособление к условиям капи-

466

талистического рынка, что вело к росту торгово-ростовщического капитала (по преимуществу китайского происхождения). Частично этот капитал переходил в производственную сферу: росло мануфактурное производство сахара на экспорт. В сахаропроизводящем районе (провинция Након-Чайси) в 1865 г. было 35 мануфактурных предприятий, на каждом из которых работало до 200 рабочих. В процессе общественного разделения труда лидировала столица страны — Бангкок. Казна направила большие средства в судостроение, перейдя от сооружения джонок и парусных судов к строительству пароходов. Первое паровое судно, принадлежавшее правителю, было спущено на воду в 1855 г. В начале 60-х годов торговый флот страны насчитывал 23 паровых судна, построенных в местных доках. Машины закупились в США.

Стал изменяться облик столицы, в частности проложена первая мощеная дорога на месте засыпанного канала. Бангкок был связан телеграфной линией с Моулмейном (Бирма). В 1866 г. подписано соглашение с европейской фирмой об установлении телеграфной линии между Бангкоком и Сингапуром. В 60-е годы в Бангкоке появились отдельные предприятия фабрично-заводской промышленности — рисоушки и лесопилка с паровыми двигателями. Принадлежали они иностранному, в том числе китайскому, капиталу.

В Бангкоке к началу 60-х годов открыли свои отделения пять европейских торговых фирм. Они развернули операции по скупке местной продукции и сбыту товаров западной промышленности. На основе китайской иммиграции стал складываться рынок труда. В столице и столичном районе к 70-м годам сложились условия для развития капитализма. Но этот очаг, хотя и воздействовал на остальные районы страны, не изменил их традиционной культуры с морально-этическими мотивациями поведения. Даже идеологи местного просветительства, и первый в их среде Монгкут, не отвергали идею гармонизированного Космоса и признавали Трайпхум— религиозный трактат XIV в. как основу космологии (см.: История Востока. Том II, с. 582). Тем не менее система образования при дворе стала меняться: для воспитания принцев была приглашена гувернанткой англичанка. Монгкут, владевший европейскими языками и знакомый через миссионеров с достижениями западной науки, стремился к распространению научных знаний в придворной среде. В 1868 г. вместе со всем двором он направился на юг в малайские районы, заросшие джунглями, для наблюдения солнечного затмения, где заболел тропической малярией, от которой в том же году скончался. Просветительская деятельность Монгкута и основанная им секта *тхаммаютникая* не подрывали основ буддийского мировоззрения, но в определенной мере способствовали «открытию» страны для новых идей буржуазного мира.

Глава 11

ЛУАНГПХАБАНГ.

ЛАОССКИЕ ТЕРРИТОРИИ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ СИАМА.

1840-1860-е ГОДЫ

К середине XIX в. в государстве Луангпхабанг проживало 150 тыс. человек (преимущественно лао), в его одноименной столице— 14-16 тыс. человек. С конца XVIII — первых десятилетий XIX в. численность населения Луангпха-банга стала увеличиваться за счет народностей яо и мяо, мигрировавших из южных районов Китая. Эта миграция приняла массовый характер в 40-е годы XIX в.

В 40-е годы XIX в. в Луангпхабанге сохранялась династия правителей, основанная внуками Сулиньявонгсы в начале XVIII в. и связанная данническо-посольскими отношениями с Китаем. Покровительство пекинского двора, рассматривавшего временами Луангпхабанг как часть китайской территории, помогло этому государству выжить в XVIII в. и устоять в конфликтах первой половины XIX в. После возникновения в ходе объединения вьетнамских земель империи Дайвьет правители Луангпхабанга направили свои политические усилия на установление отношений «старший-младший» с двором Нгуенов. С 1815 г. Луангпхабанг во вьетнамских документах именовался данником Хюэ. В 1823 г. статус Луангпхабанга как «младшего» партнера Нгуенов был оформлен ведомством обрядов: дань выплачивалась раз в три года и состояла из двух слонов, четырех рогов носорога и двух слоновых бивней. Первая миссия с данью прибыла в Хюэ в 1826 г. В 30-е годы в связи с сиамо-вьетнамскими войнами за княжество Пхуан эти отношения были прерваны.

По отзывам европейцев, Луангпхабанг в середине XIX в. был процветающим государством: в речных долинах трудилось многочисленное население, поля были хорошо возделаны. Основной земледельческой культурой оставался рис — поливной и суходольный (его клейкие сорта особенно ценились за вкусовые качества). Широко распространилось выращивание технических культур — хлопчатника, табака, тутового дерева, индиго, рами. Племена мяо принесли культуру опиумного мака. Племена лы в Сипсонгпханна разводили тягловый скот, свиней, занимались охотой. Был развит торговый обмен между долинными и горскими народами. Все чаще между ними заключались браки. Продукция промыслов и охоты, использовавшаяся в домашнем ремесленном производстве, частично участвовала в обмене. -

Французский путешественник Генри Муо, в 1858 г. пересекший плоскогорье Корат, направляясь в Луангпхабанг по поручению Британского музея, записал в своем дневнике: «Каждый день нам встречались один-два каравана по 80— 100 быков, груженных шкурами оленей, антилоп, пантер; много было шелка-сырца, скупленного по всему Восточному Лаосу, тюки хлопка и шелка, хвосты павлина, слоновая кость, бивни, сахар, но последний продукт в небольшом количестве».

468

В Луангпхабанге существовала китайская торгово-посредническая община, получавшая товар из Китая и Сиам, переправлявшая на внешние рынки местную продукцию. Китайские торговцы вели выгодную торговлю через Бангкок товарами из южных провинций Китая.

В апреле 1867 г. по пути в Юньнань из Камбоджи в Луангпхабанг прибыла французская экспедиция Дудара де Лагре. В инструкциях французского морского министерства указывалось, что де Лагре должен определить богатства стран, через которые пройдет его экспедиция, и выяснить, «какими эффективными средствами можно было бы объединить в торговом отношении верхнюю долину Меконга с Камбоджей и Кохинхиной». В Луангпхабанге глава экспедиции был радушно принят правителем Тянгхалатом (1852-1872), приравнявшим статус экспедиции к статусу иностранного представительства. В донесении министерству морских дел Франции Дудар де Лагре рекомендовал захватить это государство, помешав тем самым росту влияния Англии в Индокитае.

В том же, 1867 г. правитель Сиам, следивший за политикой Франции в Индокитае, вернул Луангпхабангу символ независимости — статую Будды Пхабанг, хотя в столице государства с 30-х годов сохранялся сиамский гарнизон.

В 60-е годы правители Луангпхабанга, учитывая перемены на Дальнем Востоке и в Индокитае, перестали платить дань Китаю, но усилили давление на свои государства-данники, требуя уплаты дани. Эти государства, где были партии пролуангпхабангской и провьетнамской ориентации, стремясь использовать противоречия между крупными государствами, сами вступали в союзы с горскими народами и совершали рейды на Луангпхабанг, выводя оттуда население.

В 1864 г. во Вьетнаме было подавлено восстание тайшонов и отрядов чжуан, мяо и других малых народностей, различавшихся по цвету флагов — черные, желтые, красные и др. Лао называли их *хо*. *Хо* создали поселения по границам Луангпхабанга и зависимых от него государств. Отсюда они совершали набеги на долины и города лао. Отряды «флагов» охотно шли на службу к местным князьям — *чао*, усугубляя общую обстановку политической неустойчивости. В 70-е годы отрядами «желтых флагов» были разграблены Сипсонгчаохай и Сипсонгпханна, в 1872 г. отряды «красных флагов» — *хо дэнг* — напали на территорию самого Луангпхабанга. Его правитель Ункхам (1872-1894) сумел организовать оборону и вместе с сиамскими войсками приостановил действия отрядов «флагов». Тем не менее *хо*, укрепившись и создав военный лагерь, совершали рейды на территорию княжества Пхуан; им удалось занять и бывшую столицу Вьентьян; отряды *хо* стали готовить рейд на правобережье Меконга с целью захвата города Нонгкая, но их действия на этом направлении были пресечены сиамскими войсками.

Материальная база членов господствующего класса Луангпхабанга подрывалась действиями этих местных сил, поэтому они пытались компенсировать свои потери (захват Англией оловоносных провинций на Малаккском п-ве) эксплуатацией лаосских земель. Лаосские земли от города Кората до

р. Меконг образовали сиамские провинции — Убон, Сисакет, Ясотон, Конкен, Суваннабхум, Ка-ласим. Управлялись они губернатором из Нонгкая. В левобережной части Вьентьяна сохранялись *мыанги* под властью своих аристократов — *чао*, среди которых возвышается такая политическая фигура, как *чао* Кхампха, — родоначаль-

469

ник одного из крупнейших аристократических кланов Лаоса — Суванновонгов. Сиамские гарнизоны время от времени появлялись в левобережных *мыангах* лао, но прямого управления ими из Бангкока не было.

В XIX в. *мыанги* представляли собой небольшие «княжества» с главным центром и подчиненными ему деревнями или городками. Можно предполагать, что *мыанги* имели монархическую организацию. Главы *мыангов* обладали верховной властью над территорией, а младшие члены их семей получали небольшие «кормления» по их усмотрению. Главы *мыанга* собирали подушный и другие налоги, а в случае необходимости производили мобилизацию населения на общественные работы и в войско. Переселившиеся на неосвоенные заброшенные земли правобережья Меконга земледельческие общины лао (*бан*) на какое-то время сохраняли независимость: они поднимали целину, восстанавливали или заново создавали деревенские ирригационные системы, постепенно попадая под власть глав крупных клановых союзов — *чао мыангов*. Последние, расширяя систему «кормлений», становились должностными представителями правительства Сиама. Число поселений лао на правобережье р. Меконг возросло, так как значительная часть земледельческого населения Вьентьяна была переселена в этот район. *Чао* вновь созданных земледельческих поселений часто враждовали между собой, стремление к объединению отмечалось лишь среди родственных друг другу *чао* Сиама. Властям Сиама удалось использовать эти сложные отношения между *чао* и сохранять их под своим контролем, мешая возникновению крупных союзов. Стихийно разросшиеся поселения расселялись правительством Сиама. Данные за 1836 г. дают представление о размерах переселявшихся общин лао: из *мыанга* Кхаммуан (Вьентьян) после восстания были переселены на правобережье Меконга в провинцию Каласим два *чао* и их народ — прай — численностью 2859 человек. Некоторые из таких переселившихся общин положили начало городским центрам — административным и торговым. Как и ранее, *чао* не превратились в собственников земли, они имели лишь управленческие функции в отношении населения; землевладение на территории Сиама оставалось государственным.

В качестве глав администрации *чао* утверждались правительством Сиама: в знак утверждения в должности им передавались блюда из благородного металла с соответствующей надписью; этим же актом устанавливались доходы *чао*. Крупнейшим лаосским центром на правобережье р. Меконг в середине XIX в. был Убон, его *чао* подчинялись 12 более мелких *чао*. Считалось, что пахотные земли Убона составляют 60 тыс. крестьянских наделов. 40 тысяч из них были занесены в так называемые внутренние списки: собранный с них налог *чао* обязан был ежегодно отправлять в Бангкок. Рента состояла из редких продуктов (эквивалентных 20 тыс. *тикалей*, или 50 *катти*¹ серебром) или из денежных выплат. Остальные 20 тыс. крестьян, занесенные во «внешние» списки, платили самому *чао мыанга*. Посредниками в сборе налога выступали мелкие *чао*, «кормившиеся» в своих общинах. Они могли менять верховного *чао*. Например, *чао* общины Тям, меняя покровителя — *чао* Тямпассака на *чао* Кхеммалата, а затем — *чао* Убона, — снизил выплачиваемую вышестоящему *чао* долю налога с 1 катти = 604,8 г серебра.

470

9 катти серебром до 7 катти. Подобная политика правящих кругов Сиама вела к уменьшению экономической силы политического главы Тямпассака, терявшего подвластных ему *чао*. И все же Бангкок получал ежегодно с Тямпассака ценные продукты, по стоимости равные 100 катти серебром; Тямпассак выплачивал выкуп за государственную барщину с каждого жителя, занесенного в реестр — 4 тикаля в год.

В лаосских провинциях правобережья Меконга стало практиковаться клеймение на запястье (*сак лек*) земледельческого населения. Широко распространилась работорговля: раба (*юса*) можно было купить на рынке в пограничных с Камбоджей городках Тямпассака, а также в Луангпхабанге.

Глава 12

ПОДЧИНЕНИЕ КАМБОДЖИ ФРАНЦИЕЙ. 1840-1860-е ГОДЫ

Кхмерское государство, поставленное в вассальную зависимость от своих соседей — Сиама и Вьетнама, при правителе Анг Дуонге (1845-1860) в 1845 г. начало борьбу с двойным сюзеренитетом. Кхмерским войскам в союзе с сиамскими отрядами удалось вытеснить вьетнамские войска из центральных районов страны, освободить в 1845 г. город Пномпень и подписать мирный договор с Вьетнамом. Тем не менее в 1847 г. Анг Дуонг был коронован не как независимый правитель Камбоджи, а как вассал Сиама и Вьетнама. В этот период, опираясь на мелкое чиновничество и

буддийское духовенство, в обстановке определенного общественного подъема в стране Анг Дуонг начал проведение реформ.

Буддизм был использован властью для объединения народа вокруг монарха. В ходе реформ государственный аппарат очистили от многочисленных чиновников — проводников сиамского или вьетнамского влияния. Все важнейшие дела стали решаться при участии монарха, на документы обязательно ставилась его печать.

Реформы коснулись и экономики: ростовщический процент был ограничен 30% годовых; отменены долги, не оформленные документально, упорядочены налоги и сроки их взимания. В счет государственных работ с использованием труда многочисленных деклассированных элементов строилась стратегическая дорога через центральные районы страны к морю: от Удонга в порт Кампот с заходом в Пномпень (дорога действовала и в сезон дождей). К числу социальных реформ относились меры, предусматривавшие освобождение либо выкуп многочисленных в кхмерском обществе XIX в. рабов.

Эти меры распространялись только на центральные районы Камбоджи; западные районы, включая Ангкор — сакрально-исторический центр государства, — подчинялись Сиаму, хотя там сохранилась кхмерская администрация. Налоги, которые направлялись из этих районов в Бангкок, были ниже общекхмерских ставок, что обеспечивало лояльность местной знати и населения Сиаму.

Во внешней политике Анг Дуонг ориентировался на Францию, наладив через прибывших в Камбоджу в 1848 г. католических миссионеров контакт с французским консулом в Сингапуре. Целями Анг Дуонга были закупки французского оружия и приглашение французских военных инструкторов. Но Франция, предложив заключить торговый договор, уклонилась от обязательств военного характера. Согласно проекту этого торгового договора Франция получала права экстерриториальности для своих подданных в Камбодже, свободной покупки земли в пределах страны; договором предусматривалось посещение французскими военными кораблями камбоджийского порта Кампот и разрешалась беспрепятственная религиозная деятельность католических миссионеров в стране.

472

Договор доставил в Камбоджу французский консул в Шанхае Монтины. В 1855 г. он прибыл в порт Кампот, но от поездки в Удонг, столицу Камбоджи, уклонился, так как католические миссионеры оповестили его о том, что правители Камбоджи из страха вызвать подозрения Сиам отказались принять Монтины.

В 1859 г. Анг Дуонг, воспользовавшись французской агрессией во Вьетнаме и падением 17 февраля Сайгона, попытался присоединить к Камбодже Кохинхину, но его смерть в октябре 1860 г. сорвала эти планы.

После неудачи миссии Монтины, не сумевшего подписать торговый договор с Камбоджей, начинается период так называемого мирного проникновения Франции в эту страну (1861-1862) с непосредственной целью воспрепятствовать захвату Камбоджи Сиамом. Франции благоприятствовали политические симпатии пришедшего к власти в 1860 г. нового правителя Камбоджи, Нородома (1860-1904), который 24 марта 1861 г. направил большое посольство в Сайгон с выражением дружеских чувств французам (захватившим Южный Вьетнам). В ответ на этот жест на р. Меконг появляется французская военная канонерка, посланная якобы для «защиты христиан», которых в Камбодже насчитывалось всего 500 человек. В сентябре 1862 г. адмирал Бонар, прибывший из Южного Вьетнама, посетил Камбоджу и начал готовить экспедицию для исследования Меконга и озера Тонлесап. С 1862 г. политика Франции в отношении Камбоджи активизируется: Бонара в качестве губернатора французского Южного Вьетнама сменил адмирал Ла-грандьё, сторонник прямого захвата Камбоджи. Его первым шагом было зондирование настроений придворных кругов Камбоджи относительно возможности установления над страной французского протектората. Следующим шагом на пути «мирного поглощения» Камбоджи стало предписание со стороны французского губернатора Южного Вьетнама офицеру Дудару де Лагре (исследователю стран Индокитая), прибывшему в 1863 г. в Сайгон, представлять политические, торговые и военные интересы Франции в Камбодже в целях последующего установления там французского протектората. К этому времени правящие круги Камбоджи также стали склоняться в пользу признания французского протектората для защиты от экспансии соседнего Сиам.

Идея протектората Франции над Камбоджей утвердилась и в сознании правителя Нородома. 3 августа 1863 г. в Удонг прибыл Лаграндьё, а 11 августа был подписан секретный франко-камбоджийский договор о протекторате, хотя, по словам дипломата Л.Карне, сам Нородом едва ли понимал истинный смысл слова «протекторат». В первой статье этого договора император Франции выражал согласие принять Камбоджу под свой протекторат, а в Камбоджу назначался французский консул. С этого времени никакие представители иного иностранного государства не имели права находиться на территории страны без предварительного согласия французского губернатора Южного Вьетнама и

правительства Камбоджи. Франция (ст. 16) брала на себя обязательство поддерживать в Камбодже «порядок и спокойствие и охранять ее от всяческого рода внешних нападений». Правящие круги Камбоджи были лишены права проводить самостоятельную торговую политику, зато французские подданные могли пользоваться свободой торговли на всей территории государства. Соответственно, у Франции

473

появилась также возможность построить угольную базу и склады для кораблей французского флота, а также получить доступ к разработкам корабельного леса. Однако в договор не была включена статья о праве для французских подданных свободно покупать землю в Камбодже. Кроме того, подтвердились права католических миссионеров вести религиозную деятельность на территории Камбоджи.

Заключение французскими властями Южного Вьетнама договора с Камбоджей о протекторате вызвало большое волнение в общественных кругах Парижа, а министр иностранных дел Франции даже заявил о невозможности ввиду международной обстановки осложнять отношения с Англией из-за Камбоджи. В английской печати началась яростная антифранцузская кампания. Английское правительство дважды сделало представление правительству Франции по поводу договора. В ответ французский МИД сообщил, что «не придает значения этому договору, который является делом министерства военно-морского флота».

Ситуацией в Париже воспользовалось правительство Сиам; сиамские сановники при дворе Нородома не преминули обратить его внимание на уклончивую позицию Франции в отношении Камбоджи.

Одновременно просиамскими кругами делались попытки форсировать коронацию Нородома как правителя «независимой» Камбоджи (коронация должна была состояться в Бангкоке). В этой ситуации Дудар де Лагре решил организовать государственный переворот в Камбодже, опираясь на профранцузскую группировку при камбоджийском дворе. 3 марта 1864 г. он с отрядом французских вооруженных матросов занял в Удонге королевскую резиденцию, перед дворцом был поднят французский флаг, символизовавший непреклонное намерение Франции защищать свои «права» в Камбодже. Вскоре к Дудару де Лагре были высланы подкрепления — 5 канонерских лодок и 100 человек морской пехоты, занявшие Удонг и Пномпень.

В начале 1864 г. французское правительство ратифицировало договор с Камбоджей о протекторате, а в Удонге Нородом подписал документ, отменявший юридические права Сиам на Камбоджу. 3 июня 1864 г. в Удонге состоялась коронация Нородома.

По свидетельству источников, положение сельского населения в 50-70-е годы было тяжелым.

Учитывая это, правительство Камбоджи указом 1859 г. разрешило заклад земли за долги. К этому времени небольшая наиболее состоятельная часть земледельческого населения старалась уже вносить налоги в деньгах и откупаться от государственных работ. Но бедняки в деревне составляли абсолютное большинство. Обычный надел (его размер составлял примерно 3 га) не обеспечивал выживаемости семьи земледельца. Бремя утяжеляла государственная барщина (90 дней в году). Как только начиналась вербовка на общественные работы, массы обедневших крестьян устремлялись в столицу на поиски покровительства со стороны представителей столичной знати, которая стремилась исключить крестьян из государственного реестра обязанных выполнять работы на государство, чтобы использовать их для своих надобностей. По закону *меком-ланги* (руководители отрядов крестьян, выполняющих барщинную работу) имели право четверть отработанных дней употреблять на работу в собственном хозяйстве, но, пользуясь ситуацией, они принуждали крестьян к отработке всего срока — 90 дней — в свою пользу.

474

Период 1864-1867 гг. в истории Камбоджи считается «смутным временем»: восстания камбоджийцев в провинции, китайцев, вьетнамцев, малайцев в городах происходили непрерывно. В 1861 г. к одному из таких восстаний примкнул священнослужитель Атяр Суа из Удонга. После поражения восстания он бежал в Сиам, а по возвращении в 1863 г. выступил в качестве претендента на престол, выдав себя за Анг Фима, племянника бывшего короля Камбоджи Анг Чана II. Собрав отряды из камбоджийцев, малайцев, вьетнамцев и тямов, он укрепился на юге в районе канала Хатиен. Поддержанные вьетнамскими чиновниками из провинции Тяудок, стремившимися расквитаться как с французскими, так и сиамскими властями, восставшие вторглись в южные провинции Камбоджи, захватили и разграбили порт Кампот и двинулись на Пномпень. Войска, посланные из Удонга, заставили восставших отступить. Но в 1865 г. Атяр Суа снова начал наступление с юга Камбоджи. 19 августа 1866 г. он был ранен в бою и выдан вьетнамским наместником провинции Тяудок французам, выславшим его на Антильские острова.

Аналогичным было движение под руководством нового самозванца, По Камбау (Мудрого), выдававшего себя за внука короля Анг Чана II. По числу участников оно превосходило движение Атяр Суа, так как в его ряды охотно вливались камбоджийские крестьяне, задавленные поборами и тяжелыми государственными работами. Примкнули к нему и племена, жившие по границам Камбоджи.

В мае 1865 г. По Камбау обратился к Лаграндье с просьбой признать его права на камбоджийский престол. Для переговоров он прибыл в Сайгон, где попал под строгий надзор французской администрации. Однако в мае 1866 г. ему удалось бежать и укрыться в пограничной провинции, где он снова набрал отряд в 2 тыс. человек. С этим отрядом он нанес несколько поражений французам уже на территории Камбоджи. Численность отряда возросла до 10 тыс. человек. Повстанцы совершили рейд и на Удонг (17 декабря 1866 г.), но вмешательство французских войск помешало его захватить. В середине 1866 г. Народом перенес столицу в Пномпень, а 7 января 1867 г. в бою под городом войска По Камбау были разгромлены, сам он ранен, а позже убит в провинции Кампонгтхом. Борьба с повстанческим движением в Камбодже в 60-е годы стоила французам недешево: ежегодно они теряли в ней французских солдат и офицеров, откладывая планы поглощения соседних лаосских земель, через которые шла, по их мнению, дорога в заветный Южный Китай. Французские власти Южного Вьетнама в 1867 г. успешно провели переговоры с Сиамом о разделе Камбоджи. На этот раз они были поддержаны МИД Франции, которое считало необходимым добиться формального отказа Сиамом от притязаний на Камбоджу. Переговоры с Сиамом о судьбе Камбоджи велись в Бангкоке; сиамская сторона добивалась согласия Франции на присоединение камбоджийских провинций Баттамбанг и Ангкор, признания прав на всю территорию Лаоса. Однако эти притязания не были приняты французской стороной, отказавшейся рассматривать вопросы о бассейне р. Меконг, путях в Китай и о судьбе лаосских земель. По условиям договора от 1 декабря 1867 г. Сиам признал протекторат Франции над Камбоджей. Во Франции этот договор, уступивший Сиаму западные камбоджийские провинции, вызвал возмущение: было выдвинуто требование вернуть эти провинции ради улучшения условий французской торговли.

Глава 13

МАЛАЙЯ, СИНГАПУР И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН В 1840-1860-х ГОДАХ

В этот период основными факторами, определявшими ситуацию в этом регионе, были: 1) развитие английских владений на побережье Малаккского п-ва и 2) усиление вмешательства колониальных властей в дела малайских султанатов и Брунея (хотя открытых захватов не производилось и структура местных владений практически сохраняла свои традиционные черты).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРЕЙТС СЕТТЛЬМЕНТС

В 1826 г. все английские владения в Малайе были объединены, образовав четвертое, Восточное президентство Индии — Стрейтс Сеттльменте. В 1830г. Восточное президентство было ликвидировано, и Стрейтс Сеттльменте превратились в резидентство Бенгала. В 1832г. центр Стрейтс Сеттльменте был перенесен из Джорджтауна на Пинанге в Сингапур. В 1851 г. английские колонии в Малайе перешли под непосредственный контроль генерал-губернатора Индии.

На протяжении всего этого периода английское правительство видело главный смысл существования Стрейтс Сеттльменте в обеспечении контроля над морскими путями в Юго-Восточную Азию и Китай. Значение Стрейтс Сеттльменте возрастало вместе с расширением колониальной экспансии Англии в ЮВА и на Дальнем Востоке. Развитию Стрейтс Сеттльменте также способствовал переход к политике фритредерства и ограничению торговой деятельности монопольной Английской Ост-Индской компании (АОИК), что привело к подъему торговли и возрастанию в ней роли частных предпринимателей.

Хотя эти перемены коснулись и Пинанга, остававшегося достаточно крупным торговым центром, на первое место выдвинулся несомненно Сингапур, именно в этот период превратившийся в военно-стратегический и торговый форпост Британской колониальной империи на Востоке.

Два фактора сыграли решающую роль в экономическом процветании Сингапура — «открытие» Китая в результате «опиумных» войн и строительство Суэцкого канала (введен в действие в 1869 г.), сократившего путь из Лондона со 117 до 45 дней. Развитию Сингапура способствовало сохранение его статуса свободного порта, несмотря на неоднократные попытки АОИК ввести торговые пошлины в этом процветающем порту. Выгодное географическое положение и гибкая

476

торговая и иммиграционная политика обеспечили быстрый рост Сингапура. В 1825 г. на долю Сингапура приходилось 64,5% общей стоимости торговли Стрейтс Сеттльменте, а в 1864 — 71,3%. Значительно увеличился объем торговли с Китаем, Индией, Малайским архипелагом, но больше всего — с Англией. Сингапур превратился также в важнейший центр английской торговли с Сиамом и Южным Вьетнамом. Уже в 1860г. объем торговли Сингапура составил 10 371 тыс. ф. ст. (для сравнения: торговый оборот голландских владений на всем Малайском архипелаге в то же время — 14 300 тыс. ф. ст.). Общий же объем торговли Стрейтс Сеттльменте за сорок лет (с 1826 по 1864 г.)

увеличился более чем в четыре раза.

Постепенно расширялась торговля с малайскими княжествами, откуда в Сингапур, Пинанг и Малакку поступали олово, ценные породы дерева, ротанг, смолы, камфора. Основными предметами экспорта из Стрейтс Сеттльменте в Малаю были хлопчатобумажные ткани, опиум, оружие и изделия из железа. За 30 с лишним лет объем торговли Сингапура с малайскими султанатами вырос в два раза: почти с 189 тыс. ф. ст. в 1828/1829 г. до более чем 378 тыс. ф. ст. в 1862/1863 г. За это же время торговля Пинанга с Полуостровом увеличилась без малого со 150 тыс. ф. ст. до более 335 тыс., а Малакки — примерно с 70 тыс. ф. ст. в 1834/1835 г. почти до 144 тыс. в 1862/1863 г. Таким образом, торговля Малакки и Пинанга с малайскими султанатами росла быстрее, чем торговля с ними Сингапура. Это объяснялось более локальным характером торговли старых британских анклавов на западном побережье, откуда поступал основной продукт Малайи — олово, а также значительно большей ориентированностью Сингапура на широкую международную торговлю.

Быстрыми темпами росло население Стрейтс Сеттльменте. Английские власти поощряли иммиграцию из Китая и Индии, нуждаясь в дешевой рабочей силе. Насильственное приобщение Китая к мировому рынку и политические события («опиумные» войны, Тайпинское восстание) вызвали массовую эмиграцию китайского населения в страны ЮВА. Общая численность населения Стрейтс Сеттльменте возросла (главным образом за счет иммиграции из Китая и Индии) со 126 710 человек в 1830 г. до 272 331 человека в 1860 г.

Особенно быстрыми темпами росло китайское население. В Сингапуре в 1830 г. китайцы составляли примерно 39% населения, а в 1860 г. — свыше 63%. В Стрейтс Сеттльменте доля китайского населения увеличилась с 16 до 36%. Процент индийского населения остался прежним (10-11), но численность индийцев в Стрейтс Сеттльменте за эти годы возросла почти в два раза. Индийцы в массе были слугами и кули, которые использовались на плантациях Пинанга и провинции Уэлсли. Военные гарнизоны Стрейтс Сеттльменте и полиция рекрутировались из индийцев.

Китайцы составляли основную массу торгово-ремесленного населения Стрейтс Сеттльменте. Менее многочисленная, но более богатая группа китайского населения принадлежала к так называемым *перанакан* — потомкам первых поселенцев, в основном пришедших в Сингапур и Пинанг из Малакки и с архипелага Риау, где китайцы жили на протяжении долгого времени, вступая в браки с местными женщинами и рассматривая малайский мир в качестве своей родины.

477

Основную же массу китайского населения составляли неквалифицированные чернорабочие-кули. Владельцы судов, привозивших иммигрантов в Сингапур и на Пинанг, получали плату за их проезд от местных китайских торговцев, должниками которых становились вновь прибывшие. Последние попадали почти в рабскую зависимость от своих хозяев. Лишь меньшинство в те годы оседало в Стрейтс Сеттльменте, большая же часть иммигрантов, скопив деньги, возвращались в Китай. Этому в немалой степени способствовало то, что до 1863 г. китайские власти запрещали женщинам эмигрировать, и китайское население Стрейтс Сеттльменте было в те годы преимущественно мужским. Уже к середине XIX в. в Стрейтс Сеттльменте, особенно в Сингапуре, сложилась торговая китайская буржуазия, ставшая серьезной экономической силой. Помимо торговых операций она занималась откупам в малайских княжествах и организацией там оловодобычи. Именно в связи с развитием последней с середины XIX в. вырос поток китайских кули через Сингапур и Пинанг в Западную Малаю. Китайский торговый капитал был организован в *гунсы (конгси)*, монополистические кооперативные объединения, основанные на земляческом принципе¹. *Гунсы* контролировались тайными обществами, которые нередко вступали между собой в ожесточенную борьбу, приводившую к кровопролитиям на улицах Сингапура и Джорджтауна. Особенно острый характер вооруженные столкновения между китайскими тайными обществами приобрели в Стрейтс Сеттльменте в 50-60-х годах XIX в. Во главе тайных обществ стояли крупные торговцы, откупщики, владельцы игорных и публичных домов и т.п., которые использовали силу и влияние тайных обществ в борьбе за интересы своих *гунсов*. Основную же массу китайского населения Стрейтс Сеттльменте составляли мелкие торговцы, ремесленники и кули.

Экономическое развитие Стрейтс Сеттльменте способствовало образованию там, особенно в Сингапуре, достаточно влиятельной торговой буржуазии, выступавшей за экспансию в Малайе. Тон задавали англичане, основавшие несколько крупных торговых фирм — Гутри, Боустэд, Рид и т.д. Все более заметную роль играла и китайская по происхождению буржуазия, особенно выходцы из *перанакан*. В 1837 г. возникла Сингапурская торговая палата. Появление паровых судов и «опиумные» войны нанесли удар по малайской и китайской торговле в Малаккском проливе. Теперь даже перевозки из Сингапура и Пинанга в местные порты Малайи и Индонезии стали осуществляться европейцами либо китайцами, выполнявшими функции посредников. Китайский и индийский капитал в Стрейтс Сеттльменте превратился в компрадорский.

АОИК, в чьем ведении находились Стрейтс Сеттльменте, сосредоточившись на извлечении прибыли от торговли, мало внимания уделяла социальным и административным проблемам. Так, в Сингапуре в 1850 г. на 56 023 жителя приходилось всего 12 полицейских, а чиновники не знали китайского языка. Основные доходы городские власти извлекали от продажи лицензий на азартные игры и опиумокурительни. В Сингапуре — городе с преимущественно мужским, не-

¹ Китайцы в Малае в основном принадлежали к трем группам: *хакка* — выходцы из восточной части Гуандуна, «кантонская» группа — выходцы из южного Гуандуна и Гуанси, «фуцзяньская» группа.

478

стабильным населением — процветали преступность, проституция, азартные игры.

С начала 50-х годов окрепшая английская и китайская буржуазия Огрейте Сеттльменте, в первую очередь Сингапура, стала требовать отделения колонии от Индии. В июне 1856 г. и январе 1857 г. в парламент были направлены петиции о передаче Стрейтс Сеттльменте непосредственно британской короне. Петиции были поддержаны в самой Англии теми, чьи интересы были связаны с ЮВА и Китаем. После народного восстания в Индии 1857-1859 гг. борьба за отделение Стрейтс Сеттльменте усилилась. В 1858 г. вопрос об их статусе был поставлен в парламенте, и в ноябре 1859г. генерал-губернатор Индии выразил согласие на отделение. Передача затянулась в связи с ликвидацией АОИК. В 1863 г. парламент назначил специальную комиссию, а 1 апреля 1867 г. Стрейтс Сеттльменте превратились в коронную колонию Великобритании. От этого непосредственно выиграла английская буржуазия, занимавшаяся торговлей с Китаем и ЮВА, а также европейская буржуазия самой колонии, выступавшая за экспансию в Малайе.

В Стрейтс Сеттльменте, административным центром которых оставался Сингапур, была создана обычная структура колонии короны. Первым губернатором стал Гарри Орд, при котором появились законодательный и исполнительный советы, состоявшие из членов администрации и богатых торговцев.

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В МАЛАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ

В этот период Англия всецело подчинила своему влиянию одно из крупнейших княжеств — Джохор. После основания в 1819г. английской фактории на о-ве Сингапур его владельцы — султан и *теменггунг* — остались жить на острове, получая пенсии от английских властей, и сюзеренитет Англии формально не распространялся на Сингапур. 2 августа 1824г. был подписан новый договор между Англией и Джохором. Султан и *теменггунг* окончательно отказались от Сингапура и других островов на расстоянии десяти миль от него, получив единовременное вознаграждение и увеличение пенсий. Внешняя политика Джохора переходила под контроль Англии.

На протяжении десятилетий султаны (Хусейн и его сын Али) и *теменггунги* (Абдуррахман и его племянник Ибрахим) соперничали в борьбе за власть в Джохоре и его увеличивающиеся доходы. Английские фирмы и торговцы Сингапура приняли активное участие в этом соперничестве, поддерживая враждующие стороны. В конечном счете *теменггунг* Ибрахим, разбогатевший на торговле гуттаперчей и развитии китайского плантационного хозяйства в Джохоре и установивший тесные связи с английской администрацией, оказался победителем. В марте 1855 г. между султаном и *теменггунгом* в присутствии губернатора Бат-терворта был подписан договор. По этому договору султан Али уступал все права на Джохор *теменггунгу* Ибрахиму. Взамен он сохранял титул, пенсию и небольшую территорию по р. Муар на западном побережье Джохора. В 1877г.,

479

после смерти Али эта территория вошла в состав Джохора. В 1862г. умершего Ибрахима сменил его сын Абу Бакар, получивший английское образование в Сингапуре и имевший тесные связи с администрацией Стрейтс Сеттльменте. В 1866 г. он посетил Англию, где ему был оказан пышный прием, а после возвращения в 1868 г. Абу Бакар получил от английского правительства титул махараджи², после чего уехал из Сингапура и обосновался в Джохоре, сделав своей столицей Джохор-Бару, и послушно следовал всем советам и рекомендациям властей Стрейтс Сеттльменте.

После заключения англо-сиамского договора 1826г. северомалайские султанаты Келантан и Тренггану рассматривались Сиамом как вассалы. Тренггану был фактически независимым, и его вассалитет в отношении Сиамы был почти формален. Келантан в более значительной степени находился под контролем Бангкока.

Паханг был единственным малайским княжеством, которое до середины XIX в. почти не испытывало внешнего влияния. При *бендахаре* Али (1803-1857) Паханг избавился от феодальных усобиц, там расчищались новые сельскохозяйственные площади, увеличилась добыча золота, возросла внешняя торговля. В 1853 г. Али порвал формальные узы, связывавшие его с султаном Риау, и провозгласил себя независимым правителем. Но в 1857 г., после смерти Али вспыхнула борьба за престол между его сыновьями — Тун Мутахиром и Ван Ахмадом. В этой борьбе на стороне Мутахира выступили *теменггунг* Джохора и власти Стрейтс Сеттльменте. Ахмад получил поддержку султана Тренггану и вождей внутренних районов Паханга во главе с Хатибом Расу.

Вначале (1857-1861) борьба шла с переменным успехом. В 1857 г. Ахмад закупил оружие в Сингапуре и, получив поддержку Тренггану, захватил столицу Пекан. В 1864 г. старший брат Мутахир при содействии вождей внутренней области Джелаи разбил Ахмада и заставил его бежать в Тренггану. Но в том же, 1864г. в Джелаи и других внутренних районах Паханга вспыхнуло восстание, вызванное произволом и вымогательствами Мутахира и его сыновей. Во главе восстания встал деревенский староста Хатиб Расу, оказавшийся фактическим владельцем области в верхнем течении р. Паханг. Вслед за тем Хатиб Расу и другие вожди призвали Ахмада. Тогда поощряемый англичанами султан Джохор открыто выступил в поддержку Мутахира. Он снабжал его оружием, посылал отряды наемников, возбуждал против Ахмада соседние княжества. Ван Ахмад и его сторонники бежали в Тренггану и обратились за поддержкой к Сиаму. Власти последнего направили в Тренггану флот, стремясь через Ахмада и находившегося в Бангкоке потомка раджей Риану Махмуда укрепить свое влияние в малайских княжествах. После этого губернатор Стрейтс Сеттльменте О.Кавенаг решил открыто вмешаться. В ноябре 1862 г. английское судно «Скаут» прибыло к побережью Тренггану и потребовало от его султана — вассала Сиамы — прекратить помощь Ахмаду. После того как султан Омар отказался выполнить английские требования, столица султаната Куала-Тренггану была обстреляна, а побережье блокировано. Но, несмотря на вмешательство англичан и Джохора, Ах-² Это был неудачный титул, так как в Малайе он не означал принадлежности к суверенным владельцам. В 1885 г. Абу Бакар получил титул султана.

480

вышел победителем. Хатиб Расу разбил джохорцев и открыл дорогу к столице Пекану. В мае 1863 г. Тун Мутахир и его сыновья бежали из Паханга. В том же месяце он и его старший сын умерли. Второй сын, Ван Аман, некоторое время пытался бороться за трон, но безуспешно. Бендахарой стал Ахмад.

Паханг вышел из периода междоусобиц ослабленным. Население, спасаясь от грабежей и бесчинств враждующих сторон, бежало из княжества. Тем не менее Пахангу удалось отстоять независимость в борьбе против Джохора, за которым стояли англичане. В частности, Ахмад не признал договора с Джохором 1861 г., ставившего внешнюю политику Паханга под английский контроль.

ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ МАЛАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

XIX век привнес новые тенденции в социально-экономическое и политическое развитие княжеств Малайи. Наиболее сильное воздействие оказало развитие оловодобычи. Олово на Полуострове добывалось с незапамятных времен, будучи одним из основных предметов экспорта. С 20-30-х годов XIX в. его добыча резко возросла в связи с заинтересованностью дельцов и предпринимателей Стрейтс Сеттльменте, которые выступали организаторами новых рудников и последовавшего за этим освоения внутренних районов. В 30-х годах XIX в. общая добыча олова в Малайе составляла около 2 тыс. т, а в начале 70-х годов — около 6 тыс. т ежегодно.

До 20-х годов XIX в. оловодобыча находилась в руках малайцев, для которых (в массе — крестьян) это было побочным занятием. Затем оловодобыча стала переходить в руки китайцев. Китайские предприниматели Сингапура и Пинанга направляли в княжества прибывавших из Китая кули, число которых на Полуострове непрерывно росло. В 1824 г. в оловоносном районе Селангора (Лукуте) было 200 китайских горняков, а в 1874г. их насчитывалось там уже около 10 тыс. В Пераке в 1818г. было всего 400 китайских рудокопов, а после открытия оловоносных земель в области Ларут в 50-60-х годах их число составило 70 тыс. Китайские рудокопы вербовались в Китае китайскими торговцами Стрейтс Сеттльменте. Они образовывали артели по земляческому принципу во главе со старостами. Китайцы внедряли в оловодобычу новые методы, прежде всего разделение труда: одна группа прокладывала шахту, другая выносила в корзинах породу. Земля, смешанная с рудой, пропусклась через искусственные каналы, на дне которых оставались руда и большие камни, которые затем выбирались вручную. Очищенная руда подвергалась плавке в больших глиняных очагах.

Существование рудников способствовало возникновению новых отношений. Малайские крестьяне продавали рабочим рудников рис, фрукты, овощи, птицу, скот. Торговля на рудниках была для малайских крестьян одним из средств получения денег. На оловянных и золотых рудниках жили ростовщики, ссужавшие крестьянам деньги для уплаты налогов, откупа от принудительных работ и т.п., и торговцы-китайцы, привозившие товары с побережья.

481

За обладание рудниками шла ожесточенная борьба между малайскими феодалами: именно рост добычи олова и золота был одной из причин усиления нажима на крестьянство и ослабления центральной власти в малайских султанатах. Обычно местные вожди-феодалы сдавали рудники в

аренду, взимая за это 10% олова от общей добычи рудника. Кроме того, они облагали пошлиной олово, экспортируемое на побережье.

В районах оловодобычи местная знать повела наступление на владельческие права крестьян, сгоняя их с земель, которые они сдавали под рудники. Пользуясь трудом рабов и долговых зависимых, феодалы расчищали участки джунглей и сажали на них арендаторов. Такими арендаторами могли быть рабы, а также крестьяне, бежавшие из одного владения в другое и потерявшие связь со своей деревней. Арендаторы не обладали тем же правами, что и крестьяне, проживавшие на своей земле постоянно. Степень эксплуатации арендаторов была значительно выше, чем крестьян-владельцев. Земля, занимаемая арендатором, могла продаваться, и права на эксплуатацию крестьянина, жившего там, переходили к другому владельцу. Часто земля отдавалась крестьянином в заклад феодалу или ростовщику за определенную сумму и по истечении срока, назначенного для уплаты долга, в случае неуплаты переходила к займодавцу, а прежний владелец земли оставался на ней в качестве арендатора. Резко возросла численность долговых зависимых, которых феодалы посылали работать на рудники, получая за них плату. Значительное развитие получила внешняя торговля, чему способствовало появление торговых центров на побережье. Главным предметом экспорта было олово, которое вывозилось почти из всех малайских княжеств, но основная его часть шла с западного побережья. Из многих княжеств (Паханг, Тренгану, Ке-лантан, Джохор) вывозилось золото, основными поставщиками которого были княжества восточного побережья. Кроме продукции горнодобывающей промышленности Малайя поставляла редкие сорта дерева и лесные продукты: ротанг (испанский тростник), строительный лес, даммаровую смолу, эбеновое дерево, дерево алоэ, сапановое и сандаловое дерево, дерево лакка, слоновую кость, воск, бензойную смолу и камфору. Большинство этих продуктов шло с западного побережья. Экспортировались также продовольственные товары — пальмовый сахар, овощи, фрукты, скот, птица и небольшое количество пряностей. С восточного побережья вывозились шелковые изделия и одежда.

Предметами ввоза в малайские государства из английских владений были соль, опиум, табак, оружие, европейские, индийские и китайские хлопчатобумажные ткани, железные сельскохозяйственные орудия и инструменты.

В XIX в. торговля Малайи с Китаем и Индией в значительной степени перешла в руки английских купцов. Некоторое значение продолжала сохранять и традиционная торговля с Сиамом и Малайским архипелагом.

Ожесточились междоусобицы, усилилась борьба между феодалами за оловоносные участки и торговые пошлины. Повсеместно происходило ослабление власти султанов, владения которых дробились между могущественными владетельными родами. Эксплуатация подвластного населения усилилась, простолюдины становились жертвами гнета, несправедливости и тирании. Результатом было обезлюдение целых районов, участились случаи разбоя и пиратства.

482

САРАВАК

Среди проблем, с которыми столкнулся ставший раджей Саравака Джеймс Брук, была ситуация, связанная с китайским населением. С самого начала Брук возлагал немалые надежды на привлечение китайских иммигрантов в свое малонаселенное владение. Вскоре китайцы — торговцы, ремесленники, старатели — составили значительную часть населения столицы Кучинга и ее окрестностей. В 1850 г. началось массовое переселение китайцев из Западного Калимантана, где издавна существовали китайские поселения. Вследствие столкновений китайских тайных обществ с голландскими властями, устанавливавшими контроль над западным побережьем Калимантана, многие китайцы бежали оттуда в Сара-вак, где их радушно принимал Брук. Вместе с тем «белый раджа» стремился установить твердый контроль над поселенцами: в ноябре 1851 г. он издал распоряжение о подчинении китайской общины судебной и налоговой власти саравакского правительства. Это вызвало враждебную реакцию руководства *конгси*, контролировавших экономическую и социальную жизнь китайских поселений и тайных обществ. На настроения саравакских китайцев повлияли и события в Китае, связанные со второй «опиумной» войной (1856-1858). В феврале 1857 г. золотоискатели из внутренней части Саравака двинулись на Кучинг. Застав англичан врасплох, китайцы убили нескольких европейцев и членов их семей и разграбили город.

Артиллерия подошедшего английского парохода заставила нападавших отступить, а малайские и даякские отряды Брука, которому удалось спастись, довершили разгром китайцев, в панике бежавших на голландскую территорию. Более трех с половиной тысяч китайцев были убиты или

покинули Саравак, и Брук установил контроль над китайским населением своего владения, которое в последующие годы снова возросло.

В 1863 г. английское правительство признало Саравак независимым государством под властью Брука.

Глава 14

ИНДОНЕЗИЯ В 1830-1860-х ГОДАХ

Эти годы — чрезвычайно важное время в истории страны. Хотя введенная в 30-х годах система принудительных культур затронула далеко не всю Яву, не говоря уже о других частях Архипелага, последствия ее введения сказались на структуре яванского общества в целом, определили колониальную политику Нидерландов как на Яве, так и на Внешних островах, и — не в последнюю очередь — сформировали принципы отношения голландского колониализма к своей самой обширной колонии, которые (с модификациями) сохранялись практически до конца господства Нидерландов на Архипелаге.

«СИСТЕМА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

К 1830 г. Нидерланды оказались в тяжелом финансовом положении. Государственный долг вырос с 600 млн. гульденов в 1815 г. до 900 млн. гульденов в 1830 г. Ситуация приобрела еще более сложный характер в связи с огромными расходами на подавление восстания Дипонегоро и антиголландских выступлений на Внешних островах, а также с отделением Бельгии от Нидерландского королевства. В этих условиях правящие круги Голландии окончательно отказались от половинчатых проектов развития частного предпринимательства в своей крупнейшей и богатейшей колонии и решительно вернулись к системе государственно-крепостнической эксплуатации.

Глашатаем и организатором «системы культур», как она официально именовалась (термин «система принудительных культур» точнее передает ее сущность), стал крупный колониальный деятель Йоханнес ван ден Босх (1780-1844), который прибыл в Индонезию в январе 1830 г. в качестве генерал-губернатора. Основные черты «системы принудительных культур» состояли в следующем. Администрация могла вместо взимания земельного налога заключать соглашения с деревенской общиной или индивидуальными владельцами о производстве на части их земель экспортных культур. Эта часть не должна была превышать $\frac{1}{3}$ всех рисовых полей деревни, и производство культур не должно было требовать от крестьян больших усилий, чем возделывание риса на той же площади. Крестьяне сдавали произведенный продукт по твердой цене администрации, которая, в случае, если его стоимость превышала размеры земельного налога, взимаемого с этой площади, должна была выплачивать населению разницу. Создавались предприятия по первичной обработке экспортных культур. На этих предприятиях, которые частные лица брали в аренду, должны были работать местные крестьяне, а продукция по твердой цене сдавалась на правительственные склады. Насе-

484
ление трудилось под наблюдением старост, регентов и других местных властей; европейские чиновники должны были лишь контролировать обработку полей, сбор и транспортировку урожая. Реально же в основе «системы принудительных культур» лежало закрепощение населения Явы и возвращение к системе принудительных поставок времен Нидерландской Ост-Индской компании (НОИК) с той лишь разницей, что теперь колониальная администрация определяла характер сельскохозяйственных работ, а не довольствовалась простым получением продукции.

Главными экспортными культурами были кофе, сахарный тростник и индигоносные растения. Наибольшие доходы в те годы приносил кофе, спрос на который на европейском рынке непрерывно возрастал. В Приангане — главном ко-фепроизводящем районе — система принудительного труда, некогда установившись, сохранялась даже в самые «либеральные» времена. Ни ван ден Босх, ни его преемники не относили кофе к «системе культур», и крестьяне, занятые его выращиванием, даже формально не освобождались от земельного налога и разведения других принудительных культур. Если в 1835 г. сбор кофе составил 359,2 тыс. пиккулей¹, то в 1840 г. — уже 1048 тыс. пиккулей. Основными собственно принудительными культурами стали индигоносные растения. Около 750 фабрик производили в начале 30-х годов XIX в. более 2 млн. фунтов красителя. Однако индигоносные культуры чрезвычайно истощали почву, поэтому производство красителя, ставшее невыгодным, в конце 30-х годов сократилось до 1,3-1,4 млн. фунтов. С конца 40-х годов главной культурой стал сахарный тростник. Сахаром на Яве занимались европейские и китайские предприниматели, с которыми колониальная администрация

заклучала контракты на его производство на заводах с помощью приписанных к ним крестьян. К 1839 г. под сахарным тростником было занято около 28 тыс. бау², а в 1848 г. — уже 41 тыс. бау; в 1850 г. на Яве было произведено около 1,4 млн. пикблей сахара.

Наряду с этими тремя культурами, ставшими основой системы и приносящими гигантские доходы, колониальная администрация пыталась ввести и некоторые другие. Эксперименты 1830-1860 гг. с различными культурами (чай, табак, перец, коричное дерево, хлопчатник, масличная пальма, хинное дерево) и разведение ко-шениля, проводившиеся несведущими в агрономии бюрократами, закончились неудачей. Но финансовые убытки с лихвой перекрывались доходами от кофе, сахара и индиго, а разорение крестьян, которых вынуждали заниматься экспериментальными культурами, во внимание колониальной администрации не принималось.

«Система принудительных культур» была введена на Яве, Западной Суматре и Северном Сулавеси, но в полной мере и на длительный срок — лишь на Яве. Хотя формально она распространялась на сравнительно небольшую территорию (5,5% обрабатываемых земель в 1845 г. и 3,2% — в 1854-1857 гг.), тем не менее она вовлекла в сферу своего воздействия практически весь остров. Власти по своему усмотрению и произволу вводили принудительные культуры в тех или иных районах, часто меняя их, приписывали население к сахарным заводам, фабрикам по варке индиго и т.д.

¹ 1 пикбуль = 61,76 кг. ² 1 бау = 0,71 га.

485

Жертвой государственно-крепостнической «системы принудительных культур» стало яванское крестьянство. Подчинив всю деятельность одной цели — выколотить максимальные доходы в кратчайшие сроки, колониальная администрация использовала бесплатный труд на государственной барщине. Хотя в теории крестьяне должны были получать вознаграждение за труд, объем которого превышал затраты на производство риса на том же участке, а также плату за работу на предприятиях по обработке продукции, на практике они зарабатывали чрезвычайно мало, к тому же в обесцененной медной монете. Тяжким бременем на население легли расходы по транспортировке продукции, иногда за многие десятки километров, поскольку места для фабрик и складов выбирались администрацией произвольно. Несмотря на обещание властей не взимать земельный налог в районах «системы принудительных культур», он продолжал собираться, и сумма его непрерывно возрастала: 6,6 млн. гульденов — в 1830 г., 8,6 млн. — в 1838 г. и 11,4 млн. гульденов — в 1845 г. Сохранялись и *хеерендинстен* — принудительные работы на администрацию. Крестьяне сгонялись на постройку дорог, мостов, фортов, несли почтовую и гужевую повинности, строили склады и фабрики, дома чиновников и т.д. Несмотря на то что по закону крестьяне должны были работать на барщине один день в неделю, часто они были заняты на принудительных работах шесть дней из семи. Жестокость бюрократической машины сочеталась с полным произволом чиновников: так, один из резидентов распорядился согнать крестьян на сооружение изгородей вдоль всех дорог своей округи, его преемник решил заменить их каменными заборами, а третий резидент приказал обнести дороги палисадами из резного дерева. Хотя основная тяжесть земельного налога и *хеерендинстен* ложилась на плечи населения, не занятого разведением принудительных культур, часто разницы в несении повинностей между категориями крестьянства не было.

Говоря о последствиях «системы принудительных культур», нужно заметить, что, несмотря на чрезвычайное многообразие и неодинаковость ее воздействия на колонию и метрополию, на различные слои яванского общества, на методы колониального управления и психологически-ценностную систему взглядов голландской бюрократии и местной элиты, система в целом способствовала консервации малоподвижной и жесткой модели колониализма, преследующей и давящей всякую инициативу.

«Система принудительных культур» завершила и институализировала процесс трансформации местного общества, начавшийся со времени превращения НОИК в территориальную державу. Местная элита, которая в эпоху Компании и в беспокойные 1800-1830-е годы превращалась в составную часть колониального аппарата, сохраняя тем не менее многие черты феодально-патриархальных псевдовассальных владетелей эпохи Матарамы и Бантена, в годы действия «системы принудительных культур» превратилась в звено единой административной машины, построенной по бюрократическому принципу. Ван ден Босх с самого начала взял курс на укрепление позиций яванской аристократии и деревенских старост, стремясь заинтересовать их совместной эксплуатацией крестьянства. Пост регента стал наследственным, была упорядочена яванская иерархия должностных лиц — от регента до деревенского старосты. Местная элита опять

получила те привилегии и символы власти и престижа (свита, охрана, регалии
486

и т.п.), которые она потеряла в бурные времена Данделса и Раффлза. Всем местным чиновникам были даны земли, не облагаемые налогом, кроме того, они имели право на барщинный труд крестьян и получали «культурный процент» со стоимости произведенных крестьянами их округи экспортных продуктов. Плата крестьянам за сдаваемые продукты также шла через регентов и их подчиненных, которые присваивали себе львиную долю этих денег. Но если внешне яванская аристократия при «системе культур» вернула некоторые утраченные социальные позиции и материальные возможности, что делало ее более «традиционной» в глазах подвластного населения, то, по существу, она утратила свою главную характеристику — определенную независимость от центральной власти и, таким образом, завершила свою трансформацию в новый феномен уже колониального общества.

Получив гораздо большие, чем прежде, возможности для эксплуатации земли и труда крестьян, имея в своем распоряжении более эффективные и жесткие средства воздействия на подневольную массу, аристократия вместе с тем стала более явно противостоять народу, поскольку ее власть базировалась не на обычае, а на приверженности чужеземным хозяевам, чьи интересы она теперь выражала и защищала. Культура *прияи* (яванской аристократии) еще более отделилась от деревенской культуры (*абанган*), ибо последняя осталась вне воздействия ценностной ориентации западного общества, а местная элита, теснее, чем прежде, связанная с колониальным режимом, новую систему ценностей стала воспринимать более активно. «Система принудительных культур» содействовала еще большему закабалению крестьянства, которое было низведено из податного в крепостное состояние.

Особенно сильно повлияла «система принудительных культур» на общинную организацию. Колонизаторы с фискально-административной точки зрения оказались не только заинтересованными в сохранении деревенской общины там, где она существовала, но и в ее создании там, где она разрушилась или не возникла. Принудительные культуры было удобно выращивать на больших участках земли, равно как иметь дело со старостой деревни, а не с отдельными крестьянами. Поэтому голландцы во многих районах уничтожали индивидуальное землепользование. Община превратилась в удобный инструмент для проведения в жизнь «системы принудительных культур» и сбора налогов (по принципу круговой поруки). Деревенская верхушка стала низшим звеном колониальной администрации. Выборы старосты превратились в фикцию, поскольку все теперь зависело от властей. В результате старостами часто становились люди, подкупавшие голландских чиновников, а затем беспощадно выколачивавшие с крестьян деньги, затраченные на подкуп, доводя подчас односельчан до полного разорения.

Едва ли не глубочайшим последствием «системы принудительных культур» было то, что получило в современной литературе название инволюции. Внедрение культуры сахарного тростника, возделывавшегося на тех же поливных землях, что и рис, привело к тому, что яванский крестьянин побуждался к интенсификации труда, столкнувшись с требованием администрации производить больше сахара и уменьшать площади под рисом при возросшей численности населения. В результате урожайность росла при сохранившемся уровне потребления. Ява стала классическим образцом «дуальной экономики»: яванский сельский

487

сектор с избыточной рабочей силой, ориентированный на потребление, и голландский (позже — европейский) поместный (затем — плантационный) сектор, нацеленный на извлечение прибыли. Несмотря на развитие производства экспортных культур, серьезного роста товарно-денежных отношений внутри Явы это не вызвало. Вся Ява была превращена в гигантское государственное поместье, которое производило продукты, изымавшиеся насильственным путем, поступающие на правительственные склады и реализовывавшиеся через полуправительственную монопольную организацию — Нидерландское торговое общество, ставшее основным и фактически единственным торговым агентом колониальной администрации. Оно вывозило экспортную продукцию в Амстердам, продавая ее на своих аукционах. К 1840 г. ²/₃ экспорта Явы находилось в его руках. Оно же и доставляло голландские товары в Индонезию, а также (с 1833 г.) авансировало колониальные власти, превратившись постепенно в крупную финансовую организацию.

Частное предпринимательство, в том числе и голландское, не поощрялось. В 1856 г. из 20 тыс. европейцев, проживавших на Яве, лишь 600 занимались частным бизнесом. Выражение «он всего лишь частное лицо» очень точно характеризовало отношение ориентированного на статусные ценности колониального общества к тем, кто не находился на службе. Именно в это время *индо* —

потомки от смешанных браков голландцев с местными женщинами, которые в эпоху НОИК часто занимали довольно значительные должности, — оказались вытесненными из администрации и лишены возможности получать образование. Усилилась власть генерал-губернаторов и вообще всей административной колониальной машины. Хотя число голландских чиновников возросло, их деловые и моральные качества резко ухудшились. Умные, благородные и гуманные администраторы, как Э.Дауэс Деккер или Сикко Роорда ван Эйсинга, были белыми воронами. Система требовала других — узколобых, малообразованных, умевших выколачивать с крестьян максимум возможного (а зачастую и невозможного), с готовностью и административным рвением выполняющих самые бредовые распоряжения начальства, которое желало рапортовать в Гаагу и Батавию о внедрении новых (пусть даже неприемлемых для Явы) культур.

«Система принудительных культур» усилила позиции китайских ростовщиков, откупщиков и торговцев-посредников. Стремясь к максимальному извлечению доходов — таков был основной принцип голландского управления при ван ден Босхе и его преемниках, — власти Батавии расширили систему откупов на торговлю опиумом, ловлю и продажу рыбы, базарные пошлины и т.д. В условиях хотя и медленного, но все же возрастающего внутреннего обмена между крестьянами рисопроизводящих районов и населением, занятым выращиванием культур для экспорта, когда, пусть и минимальные, деньги за сданный продукт попадали в руки крестьян, роль деревенских рынков увеличилась и соответственно китайский посреднический торговый капитал получил дополнительные возможности для развития.

«Система принудительных культур» принесла немало страданий населению Индонезии, особенно Явы. Возрос налоговый гнет, увеличился объем принудительных работ, получили невиданный ранее размах произвол и насилие голландских чиновников и их местных прислужников, усилилась торгово-ростовщи-

488

ческая эксплуатация. Не в силах вынести непомерные тяготы, население целых деревень и округов покидало свои дома. Вынужденные под нажимом властей забрасывать обработку рисовых полей и переключаться на индиго или сахарный тростник, крестьяне голодали. В 1843 г. голод охватил Чиребон, и тысячи людей бежали из резидентства. Во время голода 1849-1850 гг. на Центральной Яве умерло более 300 тыс. человек.

«Система принудительных культур», деформировав экономическую и социальную структуру деревни, не принесла взамен ничего конструктивного, обрекая крестьян на деградацию, поселяя в их душах чувство неуверенности в страшном, меняющемся по произволу чиновника мире, в котором оказалась разрушенной система ценностей и связей, дававшая ранее, несмотря на все сложности и перемены, возможность жить стабильной и упорядоченной жизнью. Такое воздействие «системы принудительных культур» на индонезийское общество было закономерным, если учесть, что это общество было целиком и полностью принесено в жертву интересам метрополии, интересам страны, которая не могла и не хотела превращать Индонезию в рынок сбыта для товаров своей промышленности, колониальная администрация которой препятствовала изучению голландского языка индонезийцами, а правительство с подозрением смотрело на своих подданных, намеревавшихся посетить Архипелаг. Другими словами, метрополия оказалась заинтересованной лишь в одном: получить любой ценой и в кратчайший срок как можно больше денег от колонии, ничего не давая взамен.

Точные размеры дохода, полученного Голландией от «системы принудительных культур», определить трудно, но даже из заведомо неполных и заниженных данных видно, что лишь прямые поступления в казну метрополии с 1831 по 1877 г. составили более 800 млн. гульденов. Благодаря этим средствам Нидерланды не только смогли расплатиться с государственными долгами, но и обратить огромные капиталы на развитие промышленности, железнодорожного транспорта, судостроения, торговли. Около трети ежегодного бюджета Нидерландов (18 млн. гульденов из 60 млн.) в 30-70-е годы XIX в. покрывалось за счет поступлений из Индонезии.

КРИЗИС «СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР»

«Система принудительных культур», превратив Нидерландскую Ост-Индию в колонию «закрытого типа», замедлила общественные процессы в Индонезии.

Приток колониальной дани способствовал возрастанию мощи голландской промышленной буржуазии, которая, окрепнув, потребовала свободы частного предпринимательства в колонии. В то же время зависимость развития промышленности от прибылей, получаемых с помощью «системы принудительных культур», мешала голландской буржуазии решительно бороться со старыми методами эксплуатации Индонезии. «Либерал в Голландии, консерватор в Индии» — это

выражение очень точно характеризовало представителей буржуазии Нидерландов. В политической борьбе, развернувшейся в Голландии, колониальные

489

проблемы занимали третьестепенное место: и консерваторы, и либералы охотно сходились на том, что король и бюрократия должны вестись Индонезией, управлять ею по своему усмотрению, лишь бы не прекращался золотой дождь, оплодотворявший экономику метрополии и даже позволявший правящим классам отдавать кое-что народу. Парламент (Генеральные штаты) не был знаком ни с бюджетом колонии, ни с ее управлением; все дела, касавшиеся Индонезии, держались в секрете. Первым признаком появления оппозиции стало обсуждение в парламенте вопроса о государственном займе за счет колонии в 1839 г. Генеральные штаты не согласились с предложением правительства, и в результате министр колоний — творец «системы культур» ван ден Босх подал в отставку, король Биллем I отрекся от трона в пользу сына, а парламент получил некоторый контроль над финансами колонии. В 1848 г. Либеральная партия Нидерландов, выражавшая интересы промышленной буржуазии, используя революционную обстановку в Западной Европе, добилась введения конституции, которая ограничила королевскую власть. Конституция лишила короля права исключительного контроля над колониальной политикой и предусматривала выработку Генеральными штатами Положения об управлении Нидерландской Индией. Положение было утверждено в 1854 г. Оно предоставляло парламенту контроль над деятельностью колониальной администрации, а с 1864 г. Генеральные штаты получили также право утверждать бюджет Нидерландской Индии. Согласно Положению, сфера действия «системы принудительных культур» несколько ограничивалась, но в принципе сохранялась. Еще до принятия Положения при генерал-губернаторах Я.Рохюссене (1845-1851) и А.Дюймаэр ван Твисте (1851-1856) были сокращены площади под второстепенными и трудоемкими культурами. После 1848 г. в голландском парламенте в рядах либералов образовалась «колониальная оппозиция», выступившая с критикой деятельности консервативных кабинетов в отношении Индонезии. Наиболее заметной ее фигурой был барон В.Р. ван Хювелл, протестантский пастор, который своими публикациями и выступлениями оказал значительное воздействие на политику Либеральной партии в колониальном вопросе. Ван Хювелл выступал за облегчение тягот яванского крестьянства и поощрение частного предпринимательства, но, как и либералы вообще в тот период, не поднимал вопроса об уничтожении «системы принудительных культур». Положение изменилось в 60-х годах XIX в., когда под напором окрепшей промышленной буржуазии метрополии ускорился процесс ломки системы, мешавшей ей эксплуатировать колонию. Появилась не только либерально-парламентская, но и демократическая оппозиция, поставившая вопрос о ликвидации позорной «системы принудительных культур». Ее глашатаем стал Эдвард Дауэс Деккер, вынужденный покинуть службу чиновника колониальной администрации — он вступил в конфликт со своим начальством в Батавии, пытаясь защитить крестьян от бесчинств и вымогательств местного регента. Дауэс Деккер опубликовал в 1860 г. (под псевдонимом Мультаули — Многострадальный) роман «Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества», ставший классическим произведением голландской литературы XIX в. Книга содержала беспощадное и впечатляющее изображение ужасов «системы

490

принудительных культур», невероятных страданий яванского крестьянства и была полна едкой сатиры, направленной на голландскую администрацию и торговцев, наживающихся на несчастье народа Индонезии. Роман всколыхнул общественное мнение как в самой Голландии, так и за рубежом, и привлек внимание к «системе культур».

Практические шаги по ликвидации «системы культур» связаны с именем Исаака Франсена ван де Пютте, министра колоний в либеральном кабинете Тор-беке (1863-1866). Ван де Пютте ликвидировал многие принудительные культуры (индигоносные растения, чай, корица, табак), кроме сахара и кофе, дававших основной доход: либералы, тесно связанные с системой государственной эксплуатации Индонезии, не решались пойти до конца. В 60-х годах XIX в. стало больше поощряться частное предпринимательство (Франсен ван де Пютте содействовал возникновению частных кофейных плантаций и передавал голландским и китайским предпринимателям государственные заводы по варке индиго, рисорушки, сахарные фабрички и др.), было сокращено число дней на принудительных работах, отменен «культурный процент». К деревенским старостам перестали применять телесные наказания за упущения, касавшиеся «системы культур», и были несколько смягчены полицейские правила, регулировавшие передвижение населения. Несмотря на сопротивление консерваторов, промышленная буржуазия Нидерландов к концу 60-х годов укрепила свои позиции в колонии, в

экономической жизни которой произошли определенные изменения.

Численность населения Явы уже в 1856г. возросла вдвое по сравнению с 1815 г. и продолжала увеличиваться. Решающую роль в этом сыграло прекращение завоевательных войн колонизаторов и феодальных междоусобиц, а также резкое сокращение разбоев в жестких условиях господства голландцев. Помимо риса, площади под которым увеличились за счет заболоченных и лесных участков, основными культурами стали кофе, сахарный тростник, индигоносные растения, табак и чай. К 1870 г. большая часть кофе производилась на государственных плантациях, а сахар получали от контракторов (европейцев и китайцев). Администрация помимо кофе непосредственно занималась лишь выращиванием перца в Бенкулене, на Западной Суматре, и хинного дерева на Яве. Развитие частного предпринимательства вызвало приток банковского капитала в Индонезию. Постепенно изменился характер Нидерландского торгового общества, которое из торгово-транспортного контрагента правительства превратилось в банк, к 1861 г. финансировавший 17 сахарных заводов и значительное число плантаций. В 1863 г. на Яве появились три голландских банка и один английский. В 1865 г. правительство Нидерландов снизило таможенные тарифы в Индонезии, и сразу же вырос объем английской торговли на Архипелаге. Если в 1830 г. в Батавии побывало 44 английских торговых судна, то в 1870 г. — уже 111. В 1856 г. на Яве была построена первая телеграфная линия, соединившая Батавию с Бюйтен-зоргом (Богором), в 1859 г. телеграф связал Батавию с Сингапуром, а в 1863 г. он появился на Суматре. В 1866 г. возникла почтовая служба, и в том же году было начато сооружение первой железной дороги между Батавией и Бюйтензоргом. Колониальная дань продолжала исправно поступать в казну метрополии: если в 1851 г. она составила 15 млн. гульденов, то в 1852-1860 гг. — 25,4 млн. ежегодно, а в 1861-1866 гг. — 32,5 млн. гульденов.

491

В период существования «системы принудительных культур» на Яве не прекращались антиколониальные выступления традиционного характера. Большинство движений в 30-70-х годах XIX в. имело религиозно-мессианскую окраску, усиленную поражением восстания Дипонегоро и гнетом «системы принудительных культур». Идеологически эти движения, как и Яванская война, были связаны в основном с традиционно-исламскими верованиями. Разрушение социального уклада под воздействием колониализма заставляло искать выход в восстановлении традиционных ценностей и старой яванской государственности.

В 1830-1838 гг. в Суракарте были широко распространены антиколониальные настроения, находившие выражение в частых нападениях на арендаторов и владельцев поместий. В Джокьякарте в 30-х годах постоянно вспыхивали волнения. В 1831 г. некто Джаясена, а затем Мае Пуджа подняли население, предсказывая скорое возвращение Дипонегоро. В 1839-1840 гг. Сарип Правирасентана собрал вокруг себя последователей, объявив, что получил указание Пророка основать новое государство на Яве. Он был разбит соединенными усилиями джокьякарт-ского гарнизона и легиона Пакуалам. В 1865 г. в Клатене вспыхнуло более серьезное волнение во главе с Мангкувиджайей, объявившим о скором появлении Рату Адила, который создаст свой *краток* в Прамбанане. Сходный характер носили движения в Бантене (восстание Ньяи Гумпары и ее матери — Ньяи Пербаты в 1836 и 1839 гг.), на Западной Яве (здесь повстанцы верили в приход Рату Сунда, который восстановит сундское царство Паджаджаран) и Кеду, где некто Амад Дарис объявил в 1843 г. себя Сунаном Валлиулахом, т.е. наместником Аллаха, и стал призывать к созданию новых порядков, при которых все будут равны.

Если на Центральной Яве народные ожидания по-прежнему возлагались на *кратон*, то на Северной и Западной инициатива постепенно переходила в руки мусульманского духовенства, которое противопоставляло себя аристократам-иршш.

ВНЕШНИЕ ОСТРОВА В ПЕРИОД «СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР»

В 30-х годах XIX в., сосредоточив все внимание на внедрении «системы принудительных культур» и упрочении своего господства после восстания Дипонегоро на Яве, Голландия не имела сил для широкой экспансии в остальных районах Архипелага. Она смогла лишь завершить войну *падри* и ввести «систему принудительных культур» (но в очень урезанном виде) на западном побережье Суматры. Покорение других независимых или полузависимых государств и племенных территорий Внешних островов требовало снаряжения военных экспедиций, что противоречило принципу строжайшей экономии, проводившейся тогда колониальной администрацией.

Колониальная администрация была обеспокоена конкуренцией Англии на Архипелаге. Слабость голландской власти использовалась Англией для расширения торговых и политических связей с государствами и племенными федерациями Внешних островов.

492

Эта опасность заставила правящие круги Голландии пересмотреть свою политику в отношении Внешних островов. Помимо этого к экспансии на Архипелаге, особенно начиная с 50-х годов XIX в., Голландию подталкивали собственная промышленная буржуазия и ее Либеральная партия. Начиная с генерал-губернаторства Рохюссена, происходил все более решительный поворот

голландской политики в сторону активного вмешательства. Можно проследить несомненную связь между либерализацией системы эксплуатации и методов управления на Яве и расширением экспансионистской политики на Внешних островах.

После утверждения в 40-х годах XIX в. англичан на Северном Калимантане голландцы начали лихорадочно активизировать свою политику на острове. Голландские военные корабли заставили султана Кутэя, княжества на Восточном Калимантане, признать зависимость от Нидерландов. В 1850 г. вассалами признали себя и другие владения Восточного Калимантана (Самбилиунг, Гунунг Табур и др.).

На Южном Калимантане Голландия вела с 1859 по 1863 г. так называемую Банджармасинскую войну. Вмешательство голландского резидента в дела престолонаследия султаната Банджармасин вызвало восстание, во главе которого встали местные феодалы, в том числе и представители правящей семьи, недовольные упразднением в 1860 г. султаната и переходом к прямому управлению. На протяжении нескольких лет повстанцы вели партизанскую войну. Постепенно голландцам удалось, используя свое военно-техническое превосходство и разрыв в рядах руководства движением, локализовать повстанцев во внутренних районах султаната. В феврале 1862 г. сдался султан Хидаят. В следующем году был схвачен и повешен один из самых непримиримых врагов колонизаторов, Деманг Деман, и сдался другой вождь движения — султан Кунинг. Но, несмотря на разгром основных сил, отдельные очаги сопротивления продолжали существовать еще в течение нескольких лет.

В 1850 г. голландцы повели наступление на китайские общины на Западном Калимантане. Генерал-губернатор Рохюссен под предлогом защиты даякских племен вмешался в распри между китайскими тайными обществами. В ответ китайцы в союзе с султаном Самбаса восстали и блокировали голландские посты во внутренних районах султаната. Весной 1854 г. из Батавии была отправлена крупная экспедиция, которая захватила центр китайских поселений Монтрадо. Но сопротивление продолжалось. Повстанцы нападали на патрули, обозы с продовольствием для голландских гарнизонов, устраивали засады и т.д. Лишь в 1855-1856 гг. голландским властям удалось подавить движение китайских старателей, вдохновляемых тайными обществами.

На Сулавеси, как и прежде, в центре внимания колонизаторов были п-ов Ми-нахаса на севере и юго-западная часть острова с центром в Макасаре. На Мина-хасе, где местное население приняло протестантство, в 1832 г. была введена «система принудительных культур».

На Юго-Западном Сулавеси Батавии пришлось вести в 1858-1860 гг. войну с непокорными бугскими княжествами. Центром сопротивления стало княжество Бонн, население которого весной 1859 г. нанесло поражение голландской экспедиции. Осенью 1859 г. в Бонн вторглась четырехтысячная голландская армия.

493

Генерал Ян ван Свитен, командовавший экспедицией, преодолевая упорное сопротивление бугов, захватил в декабре 1859 г. княжескую резиденцию Ватампоне, а в феврале 1860 г. сумел убедить феодалов Бонн прекратить сопротивление.

Наиболее значительным событием в отношениях колонизаторов с владениями Восточной Индонезии были экспедиции на о-в Бали. Остров жил своей жизнью, сохраняя традиции общества «индо-яванской» эпохи. Резиденция верховного правителя находилась в Клунгкунге, на юго-восточной оконечности Бали. На острове существовало еще восемь самостоятельных княжеств: Булеленг, Бангли и Карангасем — в северной части, Джембрана, Табанан, Менгви, Бадунг и Гианьяр — в южной. Летом 1846 г. голландцы снарядили экспедицию против северных балийских княжеств. После бомбардировки столица Булеленга — селение Сингараджа — была захвачена, и правители Булеленга и Карангасема подписали соглашения, по которым выплачивали контрибуцию и разрешали голландцам создать в Булеленге форт. Соглашение осталось на бумаге — балийцы не желали подчиняться. В июне 1848 г. колонизаторы были вынуждены снарядить вторую экспедицию, но захватчики потерпели поражение, и экспедиция с большими потерями вернулась на Яву.

Третья экспедиция, во главе которой стоял один из самых способных и опытных генералов колониальной армии, А. Михилс, по численности в два раза превышала вторую (в ней участвовало около 5 тыс. человек) и имела на вооружении тяжелую артиллерию. В марте 1849 г. Михилс захватил Булеленг, а в мае голландцы оккупировали Карангасем; в ожесточенных боях погибли раджи обоих княжеств. По пути в Клунгкунг голландский лагерь был ночью внезапно атакован балийцами. Михилс погиб в сражении, и принявший командование подполковник Я. ван Свитен отступил в Карангасем. После подавления сопротивления в этом княжестве верховный правитель Клунгкунга и другие раджи 15 июня 1849 г. приняли голландские условия: признание голландского сюзеренитета, обязательство не вступать в сношения с другими державами и не разрешать европейцам селиться на Бали без согласия Батавии, уничтожение всех фортификационных сооружений. В свою очередь, Батавия обязалась не посягать на балийскую территорию и не вмешиваться во внутренние дела княжества. В последующие годы голландцы действительно мало вмешивались в жизнь Бали.

Наибольшую активность голландские колонизаторы в тот период проявили на Суматре. Это объяснялось прежде всего близостью острова к центру голландской колониальной империи на Архипелаге, а также к английским владениям в Малаккском проливе.

В 30-60-е годы XIX в., после захвата Западной Сумарты основными объектами голландской экспансии на острове стали Аче и султанаты Восточной Суматры. Победа над падри и захват порта Барус на Западной Суматре приблизили голландские владения к границам Аче. Но враждебные действия против этого самого сильного государства Суматры в тот момент предприняты не были, так как внимание голландцев оказалось отвлеченным на восточное побережье Суматры, где они столкнулись с острой английской конкуренцией.

С начала 50-х годов голландцы, укрепив свои позиции в Палембанге, Лам-нунге и на архипелаге Риау, развернули наступление на Джамби, Сиак и дру-

494

гие княжества Восточной Суматры. Попытка заставить Таху, султана Джамби, заключить в 1858 г. договор, ставивший княжество под полный голландский контроль, провалилась, и голландцы направили в Джамби войска. Таха бежал, а его преемник в ноябре 1858 г. подписал требуемый договор. Но власть колонизаторов распространялась только на побережье: разные слои населения, феодалы и даже новый султан считали правителем Таху, приказам которого они продолжали повиноваться. В феврале 1858 г. голландские власти заставили сиякского султана Исмаила и высших сановников подписать договор, согласно которому султанат и его вассальные владения включались в Нидерландскую Индию. Покорение Сиака привело к резкому ухудшению голландско-ачехских отношений, поскольку в договор с султаном Исмаилом были включены территории (Дели, Сер-данг, Асахан, Лангкат, Тамиянг), которые Аче считал своими вассалами. Летом 1862 г. власти Батавии заставили владетелей этих территорий-султанатов подписать соглашения, по которым те признавали вассальную зависимость от Сиака, а следовательно сюзеренитет Нидерландов. В ответ весной 1863 г. Аче направил флотилию на Восточную Суматру, и местные князья отказались от соглашений, навязанных им голландцами. Тогда в августе 1865 г. на восточном побережье Суматры появилась голландская военная экспедиция во главе с резидентом Риау Э.Нетсхером. В сентябре голландцы обстреливали с кораблей деревни Асахана, вынудив султана этого княжества бежать в глубь страны. В октябре у о-ва Кам-пей экспедиция разбила ачехский флот, после чего раджи (султаны) Серданга, Дели, Тамиянга и Лангката окончательно признали свои владения частью Сиака. Спустя короткое время покорился и султан Асахана.

Глава 15

ВЬЕТНАМ В 1820-1850-х ГОДАХ

В начале 1820 г. во Вьетнаме умер император Тхе То. Как и предполагалось, наследный принц Хиеу стал императором Нгуен Тхань То. Ситуация в стране резко изменилась.

Сложность положения Тхань То состояла в том, что в начале его правления большая часть территории Вьетнама ему фактически не подчинялась. Крайний Север продолжал находиться под контролем Ле Тята, а Крайним Югом Тхань То сразу же после прихода к власти сам назначил управлять Ле Ван Зюета.

Ле Тят и Ле Ван Зюет пытались сохранить «курс Тхе То» и проводить политику «реализма». Ле Тяту это было делать значительно труднее, так как он опирался в основном на армию и верных администраторов, прошедших испытания гражданской войны и борьбы с восстаниями в Бактхани. Слой крупных и средних частных землевладельцев, состоятельных купцов и предпринимателей — другая составляющая социальной базы «реалистов» — был на Крайнем Севере довольно тонок. Вскоре там стали набирать силу старые «лауреатские» роды, ориентированные на реставрацию норм «эпохи Хонгдык» (вторая половина XV в.), воссоздание громоздкого архаичного гражданского аппарата, укрепление экономической базы общины и усиление государственной эксплуатации. Все это вылилось сначала в латентное сопротивление, а затем в открытые выступления, которые, впрочем, генерал-губернатор эффективно подавлял. Но основными очагами антиправительственных выступлений была не Бактхань, а провинции Нгеан-Тханьхоа, подчиненные непосредственно центральной власти. Не в силах справиться с критическим положением в этих провинциях, Тхань То вынужден был назначить специальным управляющим (*кинъ лыоком*) в Нгеан-Тханьхоа того же Ле Тята, которому удалось ликвидировать кризис. Понимая, что с Ле Тя-том будет непросто справиться, Тхань То предпочитал с ним не конфликтовать и использовать как эффективного управляющего.

Еще более сложные отношения были у императора с Ле Ван Зюетом. У того была значительно более мощная общественная поддержка, чем у Ле Тята, ибо за ним стояла вся богатая частновладельческая и торгово-предпринимательская Зя-динь, где не было «традиционалистской» социальной оппозиции. Поэтому Зюет чувствовал себя на Крайнем Юге очень уверенно.

Действия обоих генерал-губернаторов носили во многом согласованный характер, особенно когда они одновременно, как это было в 1824 г., подавали протесты против тех или иных «традиционалистских» мероприятий и высказывали соображения, расходившиеся с политикой Тхань То. В итоге Ле Тят и Ле Ван Зюет до конца жизни оставались реальными правителями в своих краях и самостоятельно назначали и смещали значительную часть своих чиновников; требовали пересмотра императорских решений и часто добивались своего; предпри-

496

нимали совместные демонстрации, оказывая давление на императора; присвоили себе всю полноту власти в регионах, отдавая приказы о смертной казни; публично высказывались об относительности императорской власти, признавая право смены императора; выполняли приказы из столицы в основном в той мере, в какой это соответствовало их собственной политической программе и курсу «реализма». Естественно, все это не нравилось Нгуен Тхань То. Но ничего сделать с друзьями и любимцами своего покойного отца император не мог. Только после смерти Ле Тята в 1826 г. в Бактхань были посланы верные Тхань То чиновники, которые провели чистку старой администрации и начали реализовать «традиционалистскую» политику по указке из Хюэ.

В 1820-1826 гг. в центральной части страны, южнее Бактхани и севернее Зя-дини, была проведена массовая замена военных, в основном зядинцев, составлявших значительную часть верхнего и среднего уровня государственного аппарата, гражданскими чиновниками, в основном лауреатами конкурсных экзаменов, выходцами с Севера и из Центра страны. Сначала Тхань То провел решительную чистку высших кадров в столице и изгнал непримиримых сторонников политики «реализма», сподвижников своего отца. К власти в Фусуане пришел новый блок, состоящий из таких «традиционалистов», как Нгуен Данг Туан, и переметнувшихся на сторону нового императора некоторых ветеранов Тхе То. С 1823 г. «традиционалисты» во главе с Тхань То полностью устранили из столичной администрации, а затем и из районов бывшего Дангчаунга всех сторонников более гибкой политики, и в стране четко определилась новая расстановка сил: консервативной верхушке Фусуана и администрации Центра противостояло полунезависимое гражданское и военное чиновничество Крайнего Севера и Крайнего Юга.

Проводимая «традиционалистами» политика вытеснения частных землевладельцев и экономически доминирующих слоев города и деревни из общественной жизни, замена их растущим чиновничьим аппаратом и усиление в связи с этим государственной эксплуатации не замедлили отрицательно сказаться на эффективности хозяйства и благосостоянии прежде всего наиболее бедной части страны — Нгеана-Тханьхоа, а также Крайнего Севера. В итоге везде, кроме Зя-дини, значительно сократилось количество риса, поставляемого на рынок. Для компенсации недостающего зерна должны были быть увеличены налоговые поставки. Но у нишающих общин трудно было отобрать даже прежнюю налоговую норму. В 1820 г. на строительстве канала Тяудок-Хатиен началась эпидемия, в короткий срок охватившая весь Вьетнам и унесшая 200 тысяч жизней — около трети тяглового населения страны. Затем последовали три года (1821, 1822 и 1824) засухи и голода, свирепствовавших везде, кроме Зядини. В итоге весь столичный район и большая часть Центра стали постоянно зависеть от подвоза продовольствия с Крайнего Юга. Из той же Зядини шло зерно для снабжения армии, а также поступал весь рисовый экспорт. Поэтому Тхань То вынужден был периодически снижать налогообложение зядинских рисоторговцев, а Ле Ван Зюет эти приказы активно поддерживал. В условиях неурожая риса правительство Тхань То приказывало заменять зерновые налоги денежными. Но полноценной монеты не хватало, и император не нашел иного выхода, кроме как прибегнуть к ее порче. Вместо имевших самостоя-

497

тельную ценность медных денег было приказано резко увеличить выпуск обладавших лишь номинальной стоимостью цинковых монет. В медные монеты стали добавлять цинк, приравнивая по стоимости чисто медные монеты к смешанным мед-но-цинковым. Кроме того, правительство стало постепенно отказываться от обращения серебряных слитков средних размеров. Все это повлекло за собой не только резкое удорожание рыночного риса, который неимущее голодающее население покупать было уже не в состоянии, но и расстройство всей денежной системы в стране.

Нехватка полноценной монеты и драгоценных слитков усугублялась репрессивной политикой Тхань То по отношению к купечеству и предпринимателям. Конфликт с горнодобытчиками и торговцами цинком еще более сузил денежный рынок, делая дефицитной даже номинальную цинковую монету. С 1823 г. резко возросли непроизводительные расходы на содержание императорского двора и столичного чиновничества. Тогда же был усилен государственный контроль как за объединениями торговцев и ремесленников, так и за отдельными предпринимателями.

И все-таки наряду с консервативной политикой в 1820-1823 гг. Тхань То проводил также некоторые мероприятия, связанные с «курсом Тхе То»: периодическое снижение налогов с рисоторговцев, поощрение внешней торговли, увеличение общего объема денежного жалования чиновничества.

В 1824-1826 гг. ситуация изменилась: появился ряд новых запретов на экспорт, была введена государственная монополия на добычу свинца. Тогда же стало совершенно очевидным стремление «традиционалистов» резко ограничить сферу денежного обмена, изъяв у купечества торговлю самым массовым предметом потребления — рисом. Тхань То решил заменить купеческую торговлю этим важнейшим товаром масштабными казенными закупками: государство завозило в Зядинь деньги, а в ответ в Центр должно было направляться закупленное на эти деньги зерно. Но здесь вставала транспортная проблема. Государственных судов для таких крупных перевозок не хватало. Решено было в массовом порядке привлекать для вывоза из Зядини государственного зерна частные купеческие корабли. Поначалу купцам-перевозчикам платили за каждый рейс мизерную плату, а затем и вовсе лишили жалованья, заносая казенные перевозки в счет исполнения трудовых повинностей. В результате по пути из Зядини на Север значительная часть риса портилась, пропадала, а часто и разворовывалась.

«Традиционалисты» предприняли также попытку восстановить архаичную систему резервных рисовых складов: собранное в годы хорошего урожая «избыточное» зерно должно было продаваться по низким ценам или раздаваться бесплатно в голодный период. Система резервных рисовых складов была очень неэффективна, так как накопление и хранение зерна сопровождалось большими потерями и воровством.

Еще одним ударом по торговцам и предпринимателям была начатая «традиционалистами» борьба с системой откупов. Поначалу откупщиков на внутренних таможах должны были сменить чиновники. Это мероприятие, проводившееся под лозунгом борьбы с «лихоимством» откупщиков, имело своей целью увеличить доходы чиновничества и в конечном счете больно ударило по торговцам, которым было легче «договориться» с частными лицами, чем с государственными служащими.

498

В 1827 г. император попытался путем смены кадров подчинить себе и Зядинь. Кроме того, он потребовал увеличения вывоза риса с Крайнего Юга. Однако энергичные усилия зядиньских «реалистов» провалили эти попытки, и Ле Ван Зюет сохранил за собой реальную власть на Крайнем Юге. В то же время подчинение Бактхани центральному правительству расширило социально-экономическую базу «традиционалистов» и повлекло за собой, с одной стороны, дальнейшее укрепление центральной власти, с другой — обострение социальных конфликтов на Крайнем Севере.

В Бактхани стала применяться та политика, которая была отработана за предшествующие семь лет в столице и Центральном Вьетнаме. Она вызвала рост открытых антиправительственных выступлений. В 1826-1827 гг. восстание под руководством Фан Ба Ваня охватило два уезда провинции Хайзыонг. Впервые после движения тайшонов в стране появилась столь значительная территория, которая в течение долгого времени контролировалась мятежниками. Только крупным военным силам, посланным из столицы, удалось справиться с этим массовым вооруженным выступлением.

Наводнив Крайний Север своими людьми, Тхань То не перестал бояться возникновения там сепаратизма. Поэтому в 1831 г. император упразднил краевую администрацию Бактхани и переподчинил провинциальное управление столице, т.е. лично себе.

Опасаясь узурпации власти на всех уровнях и насаждая обстановку взаимной слежки и подозрительности, император стал назначать главами ведомств по несколько человек. В то же время один и тот же начальник мог быть главой нескольких ведомств. Все это резко уменьшало компетентность руководства, мешало ежедневной текущей работе, снижало ее эффективность. Стремление к централизации государственного аппарата заставило императора вместо должности главы правительства создать в 1829 г. Придворный Совет (*Ной ву фу*), в котором штатными служащими были только низшие и средние чиновники, а высшими являлись главы всех крупнейших ведомств, работавшие там только по совместительству. Этот «коллективный глава правительства» был малоэффективен, зато не представлял никакой угрозы для императора. Завершением системы тотальной слежки и шпионажа было создание в 1832 г. Цензората, чиновники которого осуществляли контроль, во-первых, за деятельностью всех центральных ведомств по их тематике (обряды, кадры, финансы, юстиция, военное дело, общественные работы), во-вторых, за всем провинциальным чиновничеством.

Между тем экономическое положение во всем Вьетнаме, кроме Зядини, продолжало ухудшаться. Голод в Центре и на Крайнем Севере стал обычным явлением. Только южный рис спасал страну, особенно ее центральную часть, от массового голода. В Бактхани давление новой консервативной администрации на предпринимателей и купцов разоряло торговлю и промышленность. В 30-х годах горнорудные шахты забрасывались одна за другой под непомерным налоговым бременем.

Если в 1808-1810 гг. в стране было 79 шахт, то в 1831 г. их численность сократилась до 39. Особенно ударил по экономике развал железорудной промышленности, ранее обладавшей наиболее устойчивым внутренним рынком. Чиновники по своему произволу перемещали ремесленников на новые места, что

499

часто приводило к исчезновению целых отраслей производства. Денежное хозяйство было вконец развалено. Не хватало не только серебряных слитков и медных денег, но и дешевых цинковых монет. В результате правительство вынуждено было периодически разрешать хождение всех видов денег, включая ранее запрещенные тайшонские.

Смерть Ле Ван Зюета в конце 1832 г. не положила конец власти «реалистов» в Зядини.

Сторонники покойного генерал-губернатора изгнали нового наместника, присланного из столицы, и сделали своим вождем приемного сына Ле Ван Зюета — Ле Ван Кхой. Император послал против восставших крупные воинские соединения, и началась двухлетняя война правительственной армии с народным ополчением Крайнего Юга. Массовые слои южан поддержали Ле Ван Кхой, и поначалу исход противоборства был неясен. Однако Тхань То недаром методично и планомерно в течение 13 лет устанавливал свою деспотическую власть на территории большей части Вьетнама. В результате подавляющая масса военного и гражданского чиновничества послушно пошла за своим повелителем. Но победа далась нелегко. Императору пришлось бросить в бой свою личную гвардию. В конце концов императорские войска локализовали повстанцев во главе с Ле Ван Кхоем в краевом центре Крайнего Юга — Фиенане и заняли большую часть территории Зядини.

Когда правительственные войска окружили краевой центр, Ле Ван Кхой, понимая, что его сторонникам не выдержать длительной осады, обратился за помощью к Сиаму. В Сиам, а также в Европу направил своих посланцев французский миссионер Маршан, которого Ле Ван Кхой также просил молить сиамцев и даже Англию о военном вмешательстве. В конце 1833 г. сиамский флот вторгся в воды Хатиена, таи захватили город и двинулись в глубь Зядини. Одновременно на территорию Крайнего Юга продвигались из Камбоджи четыре сиамские сухопутные армии.

Тхань То приказал своим войскам не только разгромить сиамцев в Зядини, но и пересечь кхмерскую границу. Пока одна часть экспедиционного корпуса осаждала мятежников в Фиенане, другая мощная 15-тысячная группировка во главе с Чьонг Минь Зянгом в 1834 г. вторглась в Камбоджу и начала военные действия против укрепившихся там сиамских войск. Осада Фиенана длилась два года, так как крепость была построена в конце XVIII в. европейскими, прежде всего французскими, инженерами и являлась одним из самых мощных фортификационных сооружений в Восточной Азии. Только жесточайшими репрессиями по отношению к повстанцам императорским войскам удалось сломить сопротивление сторонников Ле Ван Кхой, и в 1835 г. Фиенан пал. Крепость была полностью разрушена, ее защитники подверглись страшным казням, а взятого в плен французского миссионера Маршана император приказал привезти в Хюэ в клетке и предать смерти в столице. С этого момента в политике Тхань То резко усилилась антихристианская направленность, так как именно в христианской религии и ее адептах император видел мощный источник подрыва конфуцианской идеологии и государственного культа — духовной основы деспотической власти восточного правителя.

В 1836г. в Зядинь был направлен наместником ярый «традиционалист» Чьонг Данг Кюэ, который резко изменил аграрную структуру Крайнего Юга.

500

Путем перемера земель и увеличения сбора налогов в 16 раз он ликвидировал привилегированное налогообложение крупных частных хозяйств, превратил зависимых крестьян в свободных тягловых, значительно расширил общинные владения и изъял у крупных владельцев часть их земель.

Результатом стало массовое бегство бывших зависимых крестьян (так как их сделали свободными, не наделив землей), резкое сокращение рисового производства, обнищание и голод в плодородной и некогда богатой Зядини. На время, вплоть до конца 30-х годов XIX в., Крайний Юг перестал быть житницей страны, в связи с чем значительно ухудшилось экономическое положение и на остальной территории Вьетнама.

Экономическое положение на Севере и в Нгеане-Тханьхоа в 1832-1840 гг. было ужасающим.

Неурожаи следовали один за другим. Это возродило к новой жизни сторонников «реалистической» политики, казалось, навсегда уничтоженных недавними суровыми репрессиями. Первоначально робкие голоса продолжателей «реалистической» традиции со временем окрепли, и среди них выделилась позиция Нгуен Данг Зяя. Он предлагал восстановить на Крайнем Севере дружины крупных и средних частных землевладельцев, передать им на местах власть и функцию эффективного подавления крестьянских восстаний. Но, верное своей политической линии, императорское правительство отвергло

эти идеи и бросило последние силы на подавление народных выступлений руками слабеющей армии и военных чиновников. Огромным напряжением всех имеющихся ресурсов правительственные войска сломали напор восставших, и с середины 1835 г. повстанческое движение на Севере пошло на убыль. Во второй половине 30-х годов XIX в. власти попытались изменить свою политику по отношению к промышленности Крайнего Севера и предприняли ряд мер по восстановлению горнодобывающей отрасли. Основным направлением в этой сфере было открытие казенных горнорудных шахт, управлять которыми назначались государственные служащие, так называемые экономические чиновники. Именно они давали основную долю металла стране. Заботясь о производстве, такие «экономические» чиновники повышали заработную плату рабочим и десятникам, стараясь предотвратить характерное для предшествующего периода массовое бегство шахтеров. В то же время императорские власти частично восстановили практику откупов шахт, что привлекло в горнорудную сферу частный капитал. В основном это были китайцы, такие, как Тю Зань Хо, который с 1835 г. продавал добытый в провинции Тхайнгуиен цинк государству. На его шахтах и у плавильных печей работали высококвалифицированные рабочие и ремесленники, получавшие значительно большую заработную плату, чем на государственных рудниках. Тот же Тю Зань Хо в качестве «экономического» чиновника принимал участие и в разработке государственных рудников, за что вместо платы получил от императора один из низших титулов знатности, который служил признанием его деловых качеств. Он же за высокую плату поставлял на государственные шахты высококвалифицированных рабочих и мастеров.

В 1839 г., незадолго до своей смерти, Тхань То разрешил и вьетнамским предпринимателям самостоятельно нанимать рабочих. В результате к началу 40-х годов XIX в. число горных разработок увеличилось почти наполовину и составило в 1840 г. 57 шахт. Но были области горной добычи, в которые Тхань То категорически отказывался допускать частных лиц: извлечение из недр золота

501 и серебра. К концу своего правления, после полного развала денежной системы император осознал значимость ценных металлов как здоровой основы валютного хозяйства. Поэтому Тхань То расширил золотое и серебряное обращение, соотнес стоимость денег с реальным содержанием в них ценного металла.

Расширению сферы денежного обращения способствовало также и то, что в 1839 г. Тхань То перевел практически все дипломированное чиновничество на денежное жалование, в законодательном порядке лишив его паевых общинных земель.

Некоторый отход от политики «традиционализма» наблюдался в конце 30-х годов и в сфере торговли. Для того чтобы ликвидировать голод в стране, надо было восстановить разваленный рынок. Поэтому император на год отменил налоги на торговлю и заменил многочисленные таможенные поборы на внутренних провинциальных заставах, которые лишали купечество прибыли, а торговлю смысла, единой традиционной нормой таможенного налогообложения эпохи Тхе То — 1/40 от стоимости товара. Тхань То также значительно сократил государственную торговлю рисом. Частная торговля основными продуктами питания была восстановлена.

Но реставрация отживших аграрных порядков продолжалась. Наиболее мощное наступление императорские власти предприняли на частное землевладение в Центральном Вьетнаме. В 1839 г. было принято решение отобрать у землевладельцев половину их частных владений в тех общинах, где более половины всего земельного фонда принадлежало частникам. В Биньдине была проведена конфискация частных земель в 95% общин, причем обнаружилось, что более 80% частных земель ранее укрывалось от налогообложения. Все это вызвало решительное сопротивление землевладельцев, в провинции начались бесконечные земельные тяжбы, разбором которых власти занимались еще долго после 1840 г. Впоследствии практика конфискаций была прекращена.

Значительную роль во внутривластных трудностях последнего этапа правления Нгуен Тхань То играли рост военных расходов и усиление повинностей, связанных с почти непрерывными войнами, которые вело вьетнамское правительство со второй половины 30-х годов. Именно во время «большой» войны с Сиамом, в 1834 г., для решения особо важных дел, носящих секретный характер, был учрежден Тайный Совет (*Ко мат виен*), возглавляемый четырьмя высшими чиновниками. Прелюдией к «большим» войнам Вьетнама с Сиамом за Камбоджу было противоборство этих региональных «супердержав» Юго-Восточной Азии за лаосские княжества. После нападения Вьентьяна на Сиам в 1827 г., подхода лаосских войск к Бангкоку, разгрома и бегства вьентьянского короля Тяо Ану во Вьетнам Тхань То, узнав об отходе сиамской армии домой, направил в 1828 г. эскорт для возвращения беглого правителя на родину.

Одновременно правитель Чанниня (Сиангхуанга) Тяо Ной, опасаясь нападения союзного Сиаму княжества Луангпхабанг, обратился к Тхань То с просьбой о помощи. Вьетнамский император эту просьбу удовлетворил и по дороге во Вьентьян оставил войска и боевых слонов в Чаннине. Считая территорию близко расположенного Чанниня включенной в состав империи Дайнам, Тхань То в то же

время побоялся аннексировать более мощный и удаленный Вьентьян, на ко-

502
торый имел серьезные претензии Сиам. Поэтому император вскоре вывел войска из Вьентьяна. В 1831 г. туда направилась сиамская армия, оккупировавшая Вьентьян. Тяо Ану вновь бежал, но на этот раз не во Вьетнам, а в Чаннинь. Правитель Чанниня Тяо Ной, пытаясь избавиться от вьетнамского присутствия, стал налаживать связи с Сиамом и вероломно выдал Тяо Ану сиамскому королю. Тот продержал пленника в заключении в клетке в Бангкоке до его смерти в 1835 г.

Решив отомстить Тяо Ною за выдачу своего ставленника, Тхань То вызвал Тяо Ноя в Нгеан, судил и казнил его, а вместо лаосского «изменника» назначил управляющим Чаннинем вьетнамского столичного военного чиновника. С этого времени, т.е. с 1831 г., Чаннинь был включен в состав вьетнамской империи, а вместе с ним в границы Вьетнама попали и многие земли восточного Лаоса. Таким образом, в начале 30-х годов XIX в. Тхань То разделил с Сиамом лаосские княжества и «малой кровью», практически без военных действий добился значительных территориальных приращений.

Еще большие территориальные приобретения получил Вьетнам в результате сиамо-вьетнамской войны 1833-1834 гг. Разгромив сиамские войска, вьетнамская армия восстановила на пномпеньском троне бежавшего в Зядинь кхмерского короля Анг Тяна и оккупировала Камбоджу. Когда же в 1834 г. Анг Тян внезапно умер, вьетнамский наместник, созвав кхмерскую знать, добился восшествия на кхмерский престол молодой принцессы Анг Мэй и по указанию из Хюэ начал вести дело к ликвидации государственной самостоятельности Камбоджи. В 1835 г. был упразднен номинальный вассальный статус этой страны по отношению к Вьетнаму и отменен порядок регулярного «приношения дани»: Камбоджа была переименована в округ Чантай и разделена на 33 провинции, получившие вьетнамские названия. Одновременно вьетнамские власти начали проводить политику «культурного» давления на кхмеров. Не прошло и года, как все это вызвало в округе Чантай национальное восстание, направленное против вьетнамских властей и их камбоджийских ставленников. Это восстание возглавил младший брат покойного короля Анг Дуонг. Поскольку ресурсы восставших постоянно подпитывались из соседнего Сиам, то сразу же возобновилась затяжная вьетнамо-сиамо-кхмерская война, потребовавшая больших ресурсов и измотавшая силы всех участников.

Однако в целом Тхань То мог быть доволен. К концу 30-х годов XIX в. ему почти удалось выполнить намеченную еще в начале правления «традиционалистскую» программу: дипломированное чиновничество почти повсеместно заменило «боевых» выдвинутцев эпохи Тхе То, то же чиновничество значительно урезало управленческие функции экономически доминировавших слоев города и деревни, торговцы и предприниматели были взяты под жесткий государственный контроль и подвергались серьезному давлению со стороны казны (лишь на последнем этапе в связи с экономическими трудностями это давление было несколько ослаблено), унифицированное общевьетнамское налогообложение было распространено на территорию Крайнего Юга; были значительно сокращены площади частновладельческих земель на Крайнем Юге и в Центре (Биньдинь). Наконец, никогда еще границы Вьетнама не были столь протяженны, включая в себя захваченную Камбоджу (округ Чантай) и центральные лаосские княжества (Чаннинь и ряд других).

503

К концу правления Тхань То его внешняя политика приобрела не только великодержавный, но и ярко выраженный антихристианский и антиевропейский характер. Первые указы 1825-1826 гг. были направлены против христианства в самом общем виде. Но в 1835 г., после подавления восстания Ле Ван Кхоя император издал указ, строго запрещающий проповедь христианства во Вьетнаме. В этом указе европейские миссионеры рассматривались как враги, занимающиеся подрывной политической деятельностью в отношении вьетнамской государственности. Чтобы оградить Вьетнам от проникновения «чуждого» влияния, император усилил изоляционистскую политику. Между тем европейцы, прежде всего французы, стремились заключить с Вьетнамом торговый договор. Тхань То, считая свою страну Поднебесной (равновеликой китайской Поднебесной), которой не подобает заключать равноправные договоры с далекими «варварскими» государствами, предоставляя всем западным странам равные возможности в отношении торговли, отказывался подписывать официальные договорные документы.

В 1838 г., проявив вызывающую самостоятельность и не согласовав свое решение с цинским Китаем, вьетнамский император переименовал собственное государство в Дайнам (Великий Юг),

предъявляя тем самым претензии на значительную часть территории Индокитайского полуострова.

Успехи англичан в 1839-1840 гг., в начале первой «опиумной» войны — блокада Гуанчжоу и Сямэня, захват о-вов Чжоушань, — продемонстрировав слабость Цинской империи, во-первых, породили чувство превосходства вьетнамцев по отношению к китайцам, убедили их в том, что Китай не сможет их защитить, если он не смог защитить самого себя, во-вторых, испугали вьетнамцев угрозой интервенции. Поэтому одновременно Тхань То отправил в Лондон и Париж дипломатические миссии для выяснения намерений европейских государств в отношении Вьетнама. Антихристианская политика и гонения на миссионеров вызвали реакцию неприятия в самом центре католического мира — в Ватикане, а также во Франции. Французский король Луи-Филипп отказался принять вьетнамское посольство, а его морской флот на Дальнем Востоке получил приказ оказать всемерную поддержку миссионерам во Вьетнаме. Это сулило большие неприятности империи Дайнам.

На вершине своего могущества и торжества «традиционалистских» идей, в конце 1840 г. Нгуен Тхань То умер. К власти пришел его сын Нгуен Хиен То (1841-1847). Хиен То был слабым правителем. Огромным влиянием при дворе пользовался его воспитатель, друг и советник его отца Чьонг Данг Кюэ. Фактически он исполнял функции регента. Его поддерживали два других консерватора — Ву Суан Кан и Лам Зюи Хиеп. Однако «традиционалисты» уже не обладали тем безраздельным могуществом, которое они имели при Нгуен Тхань То. Им противостояла группа провинциальных чиновников во главе с Нгуеном Данг Зяем и Нгуи Кхаком Туаном. Особняком стояли военные и гражданские лидеры умеренно консервативного направления, руководившие в своей деятельности не столько «традиционалистскими» идеалами, сколько военно-политическими потребностями страны. К ним относились полководцы Чьонг Минь Зянг и Нгуен Чи Фьонг. Политическое сосуществование этих трех группировок сохранялось в течение всего правления Хиен То.

504

Правление Хиен То началось с того, что в 1841 г. резко обострилась ситуация в Камбодже. Затяжная борьба с просачивающимися из Сиам небольшими тайскими отрядами и кхмерскими патриотами сменилась мощным вторжением сиамских войск во главе с Пья Бодином. Посаженный на трон король Анг Дуонг, пользовавшийся поддержкой Бангкока, сплотил вокруг себя все антивьетнамские силы. Но и вьетнамцы, создавшие в Камбодже мощную систему укрепленных фортов, не собирались без боя уступать свои позиции в этой стране. Начался новый этап еще более ожесточенной борьбы, в которой выигранные сражения в течение четырех лет не приносили окончательной военной победы ни одной из сторон. Наконец, в 1845 г. было достигнуто сиамо-вьетнамское соглашение о восстановлении традиционного двойного вассалитета Камбоджи, а также о выводе войск. В 1847 г. Анг Дуонг в присутствии официальных представителей Сиам и Вьетнама возложил на себя королевские регалии и тут же принял инвеституру из Хюэ. В следующем году кхмерский король получил инвеституру и от Бангкока. Несмотря на сохранение формального сюзеренитета над Камбоджей, реальный контроль Вьетнама над этой страной к 1847 г. был утерян.

Продолжительная война в Камбодже не могла не сказаться на экономике Вьетнама. Однако нормализация положения в покоренной войсками северян Зя-дини, регулярная эксплуатация которой возобновилась в начале 40-х годов XIX в., смягчила остроту аграрного кризиса во всей стране: южный рис вновь стал поступать в Центр и на Север. На Крайнем Севере вооруженным путем были подавлены мощные восстания, характерные для периода правления Тхань То. В центральных районах Вьетнама из-за сильного народного недовольства было решено отказаться от дальнейшей конфискации частных земель. При Хиен То государство вообще не меняло аграрную структуру страны, но не по идеологическим соображениям, а вследствие отсутствия для этого сил и средств. В результате экономическое положение в Центре и на Севере улучшилось, голод там прекратился.

О стабилизации экономической ситуации при Хиен То свидетельствует регулярное снижение налогов не только вследствие неурожая, но и при очень больших урожаях, так как рисовые склады были перегружены. Из-за трудности и малой эффективности сбора налогов с горцев и китайцев государство позволило себе вообще отказаться от налогообложения этих категорий жителей империи Дайнам. Улучшение экономической обстановки сделало и политическую ситуацию во всей стране более стабильной.

Однако в период этой относительной экономической и политической стабилизации на Севере и в Центре стали отчетливо видны органические пороки той системы власти, которую правительство Тхань То навязывало стране в течение 20 лет. Теперь уже все провинции Центра и большая часть административных единиц Севера не могли прокормить собственное чиновничество. Большая часть прибавочного продукта в этих частях страны доставалась экономически доминирующим слоям города

и деревни, отстраненным от административной и политической власти. Имеющее же эту власть дипломированное чиновничество, а также непрерывно растущую столичную администрацию и воюющую в Камбодже армию кормила враждебная центральному правительству Зядинь. Столичные власти в Хюэ, уверенные в поставках южного риса, не занимались повседневным руководством делами большей части страны.

505

Правительство перестало реагировать на насущные проблемы регионов, интересы которых теперь защищало только лишь провинциальное чиновничество. Доклады с мест либо не сообщали ни о чем существенном, либо оставались без ответа, а императорские приказы часто попросту игнорировались. Связь между Центром и регионами была нарушена. В провинциях сложились устойчивые кадры региональной администрации, которые постоянно конфликтовали с правительством, но не подвергались при этом никаким репрессиям.

Происходил постепенный распад и столичной административной структуры. При слабом правителе, каким оказался Хиен То, этот механизм стал давать сбой: резко упала исполнительская дисциплина чиновников, различные ведомства и учреждения стали покушаться на несвойственные им функции и в то же время не выполняли своих прямых обязанностей. Особую роль в развале сложившейся при Тхань То административной структуры сыграла деятельность фактически неконтролируемого и полностью безответственного Цензората, противоречивые советы и рекомендации которого, не оказывая большого влияния на ход конкретных дел, без всяких оснований настраивали различные ведомства и чиновников друг против друга, обостряя тем самым обстановку при дворе и в столице. Зачастую критике, часто не обоснованной, подвергался сам император. Чрезмерно разросшийся императорский дом активно претендовал на все большее участие в делах управления, внося тем самым сумятицу и разнобой в деятельность властных структур. Служебная недисциплинированность и неисполнительность столичного чиновничества нередко сочетались с пьянством и рукоприкладством. Растущее обособление регионов и самостоятельность провинциальных властей вели к возрождению роли торговли и купечества, местного предпринимательства, а также способствовали оздоровлению денежного обращения.

Однако горная промышленность продолжала пребывать в относительном упадке и не достигла уровня развития «периода Тхе То». Аграрная ситуация в Центре и на Крайнем Севере тоже не была нормальной, ибо количество выращиваемого риса и обрабатываемой земли на душу населения постоянно падало.

Провинциальная администрация все более осознавала, что задачи по эффективному управлению регионами тесно связаны с интересами экономически доминирующих городских и деревенских слоев, частично слившихся с низшими административными служащими. Для многих «провинциалов» стали очевидными архаичность структуры и избыточность численности столичного чиновничества. Поэтому из среды провинциальных администраторов стали раздаваться призывы к сокращению количества и изменению персонального состава высшего звена государственного аппарата.

Одним из важнейших требований провинциальной администрации, предъявляемых в этот период к правительству, был отказ в части районов страны от опоры на общину как на фискальную единицу. Некоторые высшие провинциальные чины считали своевременным перейти от общего налогообложения всей общины, где господствовал принцип круговой поруки, к взиманию налогов с городов, деревень и даже отдельных домохозяйств.

Отказ центральной власти от вмешательства в аграрную структуру страны привел к значительному усилению экономических и социальных позиций крупных и средних частных землевладельцев, которым теперь уже никто не препят-

506

ствовал покупать земли и ранговые титулы, конституирующие их в качестве квазичиновников. В связи с этим быстрыми темпами шло расслоение деревни. Многие разорившиеся крестьяне самовольно покидали свои общины, после чего их исключали из общинных списков как «умерших».

Государство отказалось от контроля над внутридеревенской арендой, признав за крестьянином право аренды общинной земли без ограничения срока. Расширяя рыночную торговлю рисом, власти сохранили казенную монополию только на «второстепенные» сельскохозяйственные культуры. В результате общий объем государственных перевозок риса из Зядини в различные районы страны резко сократился: казенная транспортировка южного зерна в столицу, например, уменьшилась в три раза. Но даже этот объем был чрезмерно обременителен для новой, «послевоенной» Зядини. Ведь за вывозимое с Крайнего Юга зерно казна, в отличие от времени «правления» Ле Ван Зюета, почти не платила: регулярной доставки денег с Севера в Зядинь практически не было. Поэтому в период правления Хиен То в сверхплодородной Зядини иногда даже приходилось снижать налоги.

Фактическое ограбление Крайнего Юга в этот период дало правительству возможность регулярно понижать денежные налоги на Крайнем Севере и в Центре. Поставки риса с Юга на Север

регулюровались теперь в основном при помощи рынка и купцов. Таким образом, стабилизация обстановки в стране после «покорения» Зядини в середине 30-х годов была достигнута в первой половине 40-х годов, во-первых, на основе резкого расширения рыночной торговли южным рисом и повышения уровня его товарности по всей стране, во-вторых, с помощью регулярного повсеместного снижения денежных налогов, в-третьих, на базе продолжающегося выкачивания казной нетоварного риса с Крайнего Юга, хотя размеры этих изъятий по сравнению с 20-ми годами XIX в. были значительно снижены — приблизительно в три раза.

Относительной временной стабилизации в 40-е годы способствовало значительное сокращение строительства дамб, что должно было дать отрицательные последствия лишь позднее. У центрального правительства не было ни людских ресурсов, ни денег для того, чтобы проводить крупные строительные работы, местные же чиновники саботировали указания центральной власти, если их выполнение требовало больших затрат.

Финансовая сфера в период правления Хиен То в 40-е годы XIX в. продолжала оставаться сложной и запутанной. Объем денежной массы рос почти пропорционально росту населения, и высокой инфляции не было. Однако структура денежной массы была очень архаичной: преобладали медь и цинк, используемые преимущественно во внутренней торговле, а серебро и особенно золото являлись редкостью на внутреннем рынке и циркулировали в основном при контактах с иностранными купцами. В связи с нехваткой серебра его рыночная стоимость была в три раза выше официальной.

В налоговой сфере и при выплате жалования чиновникам и армии деньги играли ведущую роль. В связи с тем, что государство сокращало объемы перевозок денег и увеличивало потоки рыночного зерна, сфера обращения денег во Вьетнаме в 40-е годы все более и более расширялась.

В торговле государство с самого начала 40-х годов сделало ряд очень существенных уступок купечеству: на долгие сроки объявляло торговлю беспошлинной,

507

сократило число внутренних таможен, отказалось от передачи их в управление чиновникам и снова вернулось к системе аренды таможенных застав предпринимателями. Основную роль в защите позиций купечества и предпринимателей играли лидеры провинциального чиновничества. Но центральная власть по мере обогащения купечества и предпринимателей пыталась лишить их части доходов, устанавливая принудительно заниженные цены на товары и вводя громоздкую регламентацию торгово-предпринимательской деятельности. Это было особенно характерно для государственной политики на Крайнем Юге, который считался оплотом купечества. Поэтому вряд ли можно говорить о политике поощрения предпринимательской деятельности в период правления Хиен То.

Наиболее важными сферами государственной экономики продолжали оставаться монополии на сахар и корицу. В значительно меньших размерах шло строительство кораблей. Упадок казенного производства был особенно опасен в сфере военной промышленности, что сказалось очень скоро — при начале французского вторжения.

Традиционная армия с ее рекрутским набором пребывала в глубоком кризисе. Служба за деньги одних крестьян, преимущественно бедных, вместо других, большей частью богатых, получила в войсках настолько широкое распространение, что в среде высшего чиновничества появились предложения перейти к практически профессиональной армии. В свете новых идей численность войска должна была быть резко сокращена, а в случае необходимости, во время войны или при подавлении восстаний, в состав армии следовало включать ополченцев, прошедших лишь обязательное военное обучение. Хотя эти предложения в итоге и не были реализованы, но политическая тенденция профессионализации войска была вполне очевидна.

Внешняя политика Вьетнама в период правления Хиен То была непоследовательна. Она сводилась к стремлению удержать завоеванные позиции в Индокитае, предотвратить иностранное вторжение и в то же время не допускать никаких официальных контактов с западными державами, так как эти контакты считались умаляющими достоинство империи Дайнам. Наиболее твердую линию власти Хюэ проводили по отношению к ослабленному первой «опиумной» войной Китаю. Заботясь о повышении своего престижа и сохранении реального суверенитета, Хиен То в 1847 г. приказал вернуть официальные китайские документы в Пекин, так как Дайнам в них был назван Аннамом. В то же время верховная власть в Хюэ поначалу стремилась не обострять отношения с западными государствами.

Особенно настороженны (и, как оказалось, вполне оправданно) были вьетнамские власти по отношению к Франции. Стараясь не раздражать Париж, Хиен То в 1842 г. заменил смертную казнь пяти французским миссионерам, участвовавшим в восстании в провинции Фуиен, на тюремное заключение. А в следующем году по требованию капитана французского военного корабля, отправленного в Дананг, император вообще освободил всех «повстанцев»-французов. В 1844 г. большой группе французских миссионеров было разрешено вернуться на родину. В 1845 г. адмирал Сесиль под угрозой бомбардировки Дананга добился освобождения Лефевра, епископа западной части Крайнего Юга. Вывезенный в Сингапур, Лефевр вскоре вернулся в Намки (Крайний Юг) и продолжил там свою

пастырскую деятельность. Не желая ссориться с европейцами, Хиен То
508

особенно внимательно относился к победителям в «опиумной» войне — англичанам, посещавшим Вьетнам. В 1844 г. император распорядился оказать помощь морякам занесенного к вьетнамским берегам английского судна. В 1845 г. Хиен То приказал принять с большими почестями официальную английскую миссию капитана Росса, а затем направил королеве Виктории послание и подарки. Однако от заключения торгового договора с английским послом в Китае Дж. Дэвисом в 1847 г. император уклонился. В итоге возможность найти европейского союзника в борьбе с Францией была вьетнамским правительством упущена.

В 1847 г. в Дананг пришли два французских корабля, на борту которых было несколько миссионеров; на таможне капитан корабля предъявил письмо от французских властей, текст которого вьетнамцы сочли оскорбительным. Вьетнамские чиновники отказались принять это письмо, после чего французы напали на вьетнамские суда в бухте Чашон. В Хюэ состоялось правительственное обсуждение этого инцидента. Большая часть высших чиновников считала, что французы не осмелятся развязать военные действия. Некоторые сановники полагали, что если французы совершат нападение, то вьетнамцам не составит труда их разбить. Итогом этого обсуждения был приказ портовым офицерам не начинать первыми боевых действий, но лишь готовить ответный удар. В результате первыми напали французы, и пять вьетнамских кораблей было потоплено. Вьетнамцы потеряли убитыми и ранеными 200 человек, а корабли противника беспрепятственно удалились. В бессильной ярости Хиен То объявил христианство «вредной ересью, которая привела уже к конфликту и открывает путь к войне», наказал «потерпевших поражение» офицеров и запретил вход военным и гражданским французским кораблям во вьетнамские воды, чем фактически ликвидировал франко-вьетнамскую торговлю. Затем император издал суровый антихристианский указ, в соответствии с которым стали приводиться в исполнение смертные приговоры в отношении вьетнамцев-христиан, но не миссионеров-французов. Этим указом был начат новый этап в антихристианской политике вьетнамского правительства, что было впоследствии использовано Францией в качестве одного из предлогов для военного вторжения.

После смерти Хиен То в 1847 г. к власти пришел его сын Нгуен Зык Тонг (1847-1883), царствовавший под девизом Ты Дык. В первый период его правления, который заканчивается с началом французского вторжения в 1858 г., при дворе обострились противоречия между противоборствующими группировками «традиционалистов» и возродившихся из пепла «реалистов». Император занял позицию арбитра и при помощи ряда маневров сумел ослабить обе группировки.

Ситуация в стране требовала изменения политического курса. Первая половина 50-х годов XIX в. прошла под знаком возвращения к нормам «эпохи Зяла-унг». Правда, изменения были достаточно робкими, медленными и непоследовательными, так как тормозились столичными «традиционалистами». В известной мере повторялась ситуация 20-х годов XIX в., когда на Крайнем Севере и Крайнем Юге у власти были «реалисты» и «практики», а столичная власть контролировалась идейными «традиционалистами». Разница была только в том, что сам император в середине XIX в. не был «традиционалистом», как Тхань То. Нгуен Зык Тонг склонялся скорее к политической линии «реалистов», однако был вы-

509

нужден учитывать влияние Чьонг Данг Кюэ и мощной «традиционалистской» группировки в столице. В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. на Севере «реалисты» всеми возможными способами укрепляли частное землевладение. Повышая роль экономически доминирующих слоев в общинной и волостной организации путем увеличения численности местных должностных лиц («секретарей») из числа состоятельных землевладельцев, «реалисты» одновременно ограничивали вмешательство государственного чиновничества в эти самоуправляющиеся структуры. Отныне составление податных списков было поручено самим органам местного самоуправления, т.е. состоятельным землевладельцам, а государственные чиновники из уездов и округов лишь отдавали указания на местах. Провинциальная администрация только просматривала составленные списки, а Центр вообще устранялся от контроля. Все это давало возможность самим крупным и средним частным землевладельцам без существенных помех оформлять захваты зависимых крестьян и их земель. Этому же способствовала и отмена традиционных переписей общинников, проводившихся один раз в три года. «Реалисты» также предлагали снизить контроль провинциальных чиновников над горными районами и передать управление ими местным национальным вождям, что должно было уменьшить напряжение в этой конфликтной зоне. Но пожалуй, самым важным был поднятый «реалистами» вопрос о сокращении численности дипломированного чиновничества. Результатом должно было явиться ослабление деспотических государственных структур, снижение налогового давления на податных и усиление местного самоуправления, представленного имущими слоями города и деревни. Это предложение не было принято верховной властью, но сама постановка вопроса об изменении социальной базы вьетнамской деспотии свидетельствовала о существенном укреплении позиций «реалистов» в стране.

Кроме того, «реалисты» во главе с Нгуен Данг Зяем и Нгуи Кхак Туаном пытались реализовать на Севере программу по восстановлению ремесленной, промысловой, торговой и предпринимательской деятельности. Предполагалось вместо бесплатного использования даровой силы солдат платить за работу и доставку материалов по государственным ценам или даже покупать все необходимое для строительных работ по рыночной цене. Следовало прекратить практику принудительных закупок и поставок в пользу государства. Вместо этого учреждались производственные и торговые объединения, члены которых освобождались от военной службы и общественных работ, но платили налог произведенной продукцией или товарами, оцениваемыми по рыночной стоимости. Отныне запрещалось занижать цены на закупаемые государством товары и изделия. Фрахтовые цены на транспортные корабли должны были быть повышены, а владельцы этих кораблей — освобождены от военной службы и трудовых работ. Этими мерами политика по отношению к ремеслу, промыслам, торговой и предпринимательской деятельности должна была возвратиться к поощрительным нормам периода правления Тхе То.

Однако ущерб, нанесенный всем «неземледельческим» сферам на Севере во время монополии на власть «традиционалистов», был настолько велик, что в 1848 г. предприниматели не хотели брать в аренду таможи, облагаемые высокими налогами. «Реалисты» предлагали часть таможен упразднить, а на остальных снова

510

определить приемлемую норму взимаемых налогов. Предполагалось сдавать таможи на откуп частным предпринимателям, исходя из этих новых ставок.

Правда, была одна сфера на Севере, в которой даже «реалисты» со всей их активностью не могли навести порядок. Это были финансы, ситуация в которых была настолько испорчена и запутана в период правления Тхань То, что быстро совладать с царившей там неразберихой было не под силу даже самым светлым умам того времени. Чтобы нормализовать обращение и ликвидировать нехватку денег, «реалисты» уже в 1848 г. ввели в оборот все старые монеты, кроме тай-шонских и поломанных. Одновременно устанавливалась государственная монополия на выпуск серебряного слитка (ланга). Хотя частным лицам строго запрещалось отливать серебряные слитки, старые номиналы не изымались из обращения, даже если на них не имелось пробы, даты и места выпуска.

И все же денег и серебряных слитков катастрофически не хватало. В конце 1848 г. была отлита новая монета, состоявшая лишь на $\frac{2}{3}$ из меди, а на $\frac{1}{3}$ — из дешевого цинка. В итоге цена донга падала, а стоимость серебра росла. Для налаживания устойчивой денежной системы необходимо было обеспечить постоянную добычу ценных металлов. Однако горное дело было подорвано экономической политикой «традиционалистов» и восстанавливалось с трудом. Хотя поощрительная налоговая политика администрации «реалистов» на Севере привлекала шахтовладельцев, и предприниматели участвовали на стороне региональных войск в подавлении мелких восстаний, получая правительственные награды, для восстановления работы рудников, выплавки ценных металлов и приведения в порядок финансовой системы требовалось время.

Но в 1854г. один за другим умерли оба лидера «реалистов» — Нгуен Данг Зяй и Нгуи Кхак Туан. Это лишило Север самостоятельной, эффективной администрации. Вновь стали реализовываться поступающие из столицы указы об усилении государственных монополий на разработку таких полезных ископаемых, как медь, цинк, олово, серебро, соль, сера. К 1858 г. численность шахт в стране достигла максимального числа — 150, но в основном это были малоэффективные государственные предприятия. Были усилены также государственные торговые монополии на продажу корицы, пчелиного меда, слоновой кости, ценных пород деревьев.

В итоге уровень государственной эксплуатации и зажима частной инициативы на Севере резко возрос. Соответственно возросла и цена риса: при перевозке риса из Намдиня в Нгеан стоимость его увеличивалась в девять раз. Для того чтобы хоть на время восстановить деятельность финансовой системы и попытаться снизить уровень цен, власти пошли на чрезвычайные меры, к которым они не прибегали почти полтысячелетия: в 1857 г. были выпущены бумажные деньги, которые в условиях слабого государства стали быстро обесцениваться.

В 1854 г. на Севере началось мощное крестьянское восстание под руководством Као Ба Куата. Под угрозой захвата оказался региональный центр — Ханой. Несмотря на то что сам Као Ба Куат был убит, а три его военачальника попали в плен, в 1855-1856 гг. восстания продолжились. Лозунгом восставших был традиционный для Севера призыв к свержению царствующей династии и возвращению власти дому Ле. Для подавления восстаний на Севере потребовалось напряжение всех сил вьетнамского бюрократического государства.

511

На некоторое время и центральные и региональные власти вновь перестали контролировать ситуацию на Севере. Участились случаи морского разбоя и пиратства. После недолгого правления «реалистов» решающий для Вьетнама 1858 год — начало французского вторжения — Север встретил уже без

«практиков», способных противостоять внутренним социальным, политическим и военным катаклизмам, а тем более внешней агрессии.

Крайний Юг в этот период был в еще меньшей мере, чем Север, затронут политикой «возвращения к нормам периода правления под девизом Зялаунг». Для контроля над торговлей было увеличено количество таможен. В то же время в Сайгоне, Биенхоа и Диньтхонге начали сооружаться новые судостроительные верфи. Перед консерватором-практиком Нгуен Чи Фыонгом в начале и середине 50-х годов XIX в. стояла двойная задача: увеличение площади обрабатываемых земель и усиление обороноспособности края. Поэтому освоение целинных земель проводилось на Крайнем Юге в форме военных поселений (*дон диенов*), которые отличались от *дон диенов* эпохи Зялаунг меньшей свободой и большим административным контролем над военнопоселенцами. Во второй половине 50-х годов власти были обеспокоены тем, что система военных и крестьянских поселений, находящихся в непосредственном управлении казной, была неспособна обеспечить оборону края. Система военных поселений служила обогащению офицеров, а из крестьянских люди бежали, бросая землю, которая переходила в распоряжение деревенской верхушки, озабоченной лишь повышением собственного социального статуса и личным обогащением.

Нгуен Чи Фыонг развил бурную деятельность по проверке эффективности и боеготовности старых и созданию новых военных и крестьянских поселений. Однако результаты усилий даже этого энергичного администратора были более чем скромными, что в полной мере проявилось с началом французской агрессии. В Центре в 50-х годах внутренняя ситуация была неспокойной. Восстали горские племена, и в 1855 г. правительству пришлось ввести дополнительные контингента войск в провинцию Куангнгай для подавления оппозиционных национальных движений.

Попытки «реалистов» в конце 40-х годов XIX в. провести сокращение центрального столичного аппарата окончились неудачей. Более радикальной в середине 50-х годов была реформа низшего и среднего уровня государственного аппарата. В 1855 г. ряд постов начальников округов (*чи фу*) и начальников уездов (*чи хюен*), а также определенная часть провинциальной администрации были упразднены. Функции начальников уездов передавались либо начальникам округов, либо начальникам соседних уездов. В итоге уездная администрация была почти равномерно сокращена по всей стране более чем на четверть. Пытаясь восстановить контроль за деятельностью разбухшей и плохо управляемой местной администрации, правительство Зык Тонга под влиянием «реалистов» воссоздало в 1850 г. учреждение *Там фан* («Три закона»), целью которого было рассмотрение жалоб населения на произвол чиновников. Жалобы разбирались три раза в месяц. Однако восстановить реальное управление страной до начала французской агрессии центральные власти так и не успели.

В этот период одной из наиболее актуальных для Вьетнама стала проблема создания стабильной и хорошо обученной армии. Ни тем ни другим качеством

512

вьетнамские войска в середине XIX в. уже не обладали. Бегство солдат продолжалось во всевозрастающих масштабах, и никакие льготы не могли его остановить. Это заставило государство прибегать к найму в армию «внесписочных» крестьян, численность которых в войсках в 50-е годы XIX в. составляла в среднем от 15 до 30% всех солдат. Но восстановить боеспособность армии, даже отдаленно сравнимую с периодом правления Тхе То, правительство Зык Тонга не смогло.

В сфере внешней политики в первый период правления Зык Тонга (1847-1858), до французского вторжения, у вьетнамского правительства хватало сил лишь на то, чтобы «держаться на замке» северный кордон с Китаем. Власти Хюэ много внимания уделяли укреплению вьетнамо-китайской границы, отстаивая свои исконные земли от вооруженных посягательств администрации южнокитайских провинций. По приказу из столицы северные чиновники должны были следить за сохранностью и неприкосновенностью пограничных знаков, не допускать незаконного перехода как боевых отрядов, так и мирных китайцев на вьетнамскую сторону с целью захвата территории, изгонять уже проникших во Вьетнам китайцев с «родной земли». В 1851-1852 гг. вьетнамские власти неоднократно с применением вооруженной силы выдворяли проникавших на территорию Дай-нама и обустроившихся там китайцев, причем нередко им приходилось разрушать уже построенные иноземцами дома и селения.

В 1848 г. для поднятия своего престижа Зык Тонг перенес из Ханоя в Хюэ место вручения китайскими чиновниками инвеституры вьетнамскому императору. Отныне послы должны были ехать не в приграничный Север, а пересекать половину страны. Торжественная церемония проезда посольства в Хюэ умаляла авторитет маньчжурского правителя и превозносила славу Зык Тонга, заставившего китайцев терпеть дополнительные неудобства, связанные с длительным проездом до столицы. Менее прочными были позиции империи Дайнам на северо-западных и западных границах. В конце 40-х годов XIX в. участились набеги вооруженных отрядов Луангпхабанга на Хынгхоа, а в 1851 г. княжество Чаннинь вновь отошло к Луангпхабангу. Эта ситуация сохранялась вплоть до захвата данных территорий французами.

В отношении европейских государств Зык Тонг продолжал политику «закрытия портов» и усиливал практику изоляционизма. Единственной провинцией, во все порты которой к 1848г. разрешалось заходить кораблям Англии, США и Португалии для пополнения запасов воды и продовольствия, был Хатиен. После битвы вьетнамской эскадры с двумя французскими кораблями в бухте Чашон у Дананга весной 1847г. заход в Хатиен строго запрещался лишь французским судам. В 1848 г. высшие столичные чиновники обратились к императору с настоятельным предложением прекратить торговлю со странами Запада, и с этого момента началось свертывание купеческих связей с европейцами. С 1848 г. иностранным судам из Европы было запрещено заходить во все вьетнамские порты, кроме Дананга (Турана). На вывоз риса, соли и драгоценных металлов был наложен запрет. Все попытки западных государств преодолеть эти запреты, не говоря уже об установлении официальных торговых и дипломатических отношений, были тщетными. Так, в 1849 г. вьетнамский двор отверг официальное предложение правительства США установить торговые и дружеские отношения, а в 1850 г.

513

не принял американского консула в Сингапуре Дж.Балестье, направленного в Дайнам с целью заключения торгового договора. Столь же неудачной оказалась и попытка английского представителя Вэйда, прибывшего во Вьетнам в 1855 г. для установления дипломатических отношений. В итоге политика изоляции оставила Вьетнам без каких бы то ни было союзников, один на один с французским агрессором.

Еще более жесткими были в первый период правления Зык Тонга и запреты христианской религии во Вьетнаме. Вьетнамские католики подвергались жестоким гонениям: их общины разгонялись, деревни уничтожались, а земли перераспределялись между соседями. Сами вьетнамцы-католики отправлялись в ссылку, а на их лицах выжигались иероглифы — «ложная религия». Однако, несмотря на притеснения и гонения, численность христиан во Вьетнаме продолжала расти и к середине XIX в. достигла нескольких сотен тысяч человек.

Французские и испанские миссионеры также подвергались преследованиям и вынуждены были выполнять свою проповедническую миссию тайно от императорских властей. Гонения на миссионеров были использованы Францией как повод для вооруженного вмешательства. Когда в 1851-1852 гг. по приказу Зык Тонга были казнены два французских миссионера, французский представитель при дворах Сиам и Камбоджи де Монтиньи заявил Хюэ официальный протест. Когда же этот протест был отклонен вьетнамским правительством, посланный де Монтиньи военный корабль «Катина» в сентябре 1856 г. прибыл в Дананг (Туран). Французы высадили десант, бомбардировали форты и нанесли им серьезные повреждения. В конце октября 1856 г. на смену ушедшему в Гонконг «Катина» пришел второй корабль миссии де Монтиньи — «Каприсьёз». Пробравшийся на корабль епископ Пельрен передал капитану Колье план укреплений Дананга, но тот не смог преодолеть стены фортов и покинул вьетнамские воды.

Эти военные акции французов не заставили Зык Тонга пересмотреть свою антихристианскую политику. В 1856 г. был казнен еще один французский, а в 1857 г. — испанский миссионер на севере Вьетнама.

Предвестием будущего французского вторжения явилось прибытие во Вьетнам самого де Монтиньи, облеченного официальными правительственными полномочиями и имеющего задание не только добиться свободы вероисповедания для христиан во Вьетнаме, но и установления торговых и дипломатических отношений с Дайнамом. Кроме того, де Монтиньи добивался также передачи во владение Франции порта Дананг и о-ва Пуло-Кондор (Кондао).

В феврале 1857 г. корабль де Монтиньи вошел в лагуну Дананга, а затем двинулся к столичному порту Тхуанан. Там французы попытались передать официальное послание своего правительства вьетнамскому военно-морскому чиновнику. Так как это послание не было принято, то на следующий день, вернувшись в Дананг, французы попытались силой заставить вьетнамские власти взять официальное письмо или принять де Монтиньи. Они бомбардировали форты многострадальной данангской крепости, произведя при этом значительные разрушения береговых укреплений. Ничего не добившись, де Монтиньи взял с собой французских епископов Пельрена и Мишо и покинул Дананг.

Разрушения, причиненные французской корабельной артиллерией, повергли императора в недоумение и ярость. Зык Тонг не понимал, почему сильная, с его

514

точки зрения, вьетнамская армия, у которой были береговые пушки, не смогла потопить французский военный корабль. Он приказал немедленно укрепить прибрежные форты и крепости местными пушками самого большого калибра, а также увеличить численность данангского гарнизона.

В своей антихристианской внутренней политике Зык Тонг остался непоколебим: антихристианские законы не были отменены. Напротив, в 1858 г. были изданы три новых антихристианских указа, по которым католиков хотя активно и не преследовали, но постоянно держали под строгим наблюдением. Мирных христиан было приказано не трогать, а карать полагалось только христиан-мятежников,

участников антиправительственных восстаний. Власти видели изменников и потенциальных бунтовщиков во всех христианах и потому в своей практической деятельности проводили по отношению к ним очень жесткую политику. Особенно жестоки были вьетнамские власти по отношению к европейским епископам: в середине 1857 г. был казнен испанский епископ Диас, а в 1858 г. — еще два испанца: епископ Мельхиор Гарсиа и священник Сампедро.

Официальные предложения Франции об установлении торговых и дипломатических отношений с Вьетнамом были также оставлены без ответа, не говоря уже о передаче Дананга и Пуло-Кондора (Кондао). Послание французского правительства Зык Тонгу было брошено на морском берегу нераспечатанным. Провал миссии де Монтины ускорил начало французской агрессии. На повестку дня встало крупномасштабное вооруженное вторжение Франции на территорию империи Дайнам.

Глава 16

КИТАЙ В 1840-1870-х ГОДАХ

К концу 30-х годов XIX в. положение в Цинской империи резко обострилось. Внутри страны набирал силу очередной циклический социально-демографический кризис. Его политическими проявлениями стали нарастание антимагнчжурских настроений и подъем повстанческого движения. Ширилась борьба крестьянства, сельских и городских низов под руководством тайных обществ и религиозных сект. Наряду с этим ширились вооруженные выступления национальных меньшинств Китая. Извне устоям империи угрожал наплыв контрабандного опиума. Доставляемый в основном англичанами из Индии и американцами из Турции, он обескровливал серебряно-денежную систему, усиливал внутреннее брожение, разлагал цинский государственный аппарат, «знаменное» войско и «войска зеленого знамени». В Пекине боялись, что торговый натиск «заморских варваров» обернется их политическим вмешательством в нараставший внутренний кризис на стороне антиправительственных сил. Богдохан Мянньин (годы правления: 1821-1850, девиз: Даогуан) и его фаворит Мучжана решили отсечь внутреннюю угрозу от внешней и ликвидировать последнюю.

Чрезвычайному императорскому эмиссару (*цзинлюэ*) в Гуандуне Линь Цзэсюю было поручено покончить с опиумной контрабандой. В марте 1839 г. он потребовал от англичан и американцев в Гуанчжоу сдачи всего опиума, а когда те отказались подчиниться, блокировал войсками территорию иностранных факторий и отозвал с них китайский персонал. В марте опиеторговцы были вынуждены сдать весь запас наркотика — более 19 тыс. ящиков и 2 тыс. тюков, уничтоженных по приказу Линь Цзэсюя. После этого император решил поставить «варваров» на колени, объявив Китай с декабря 1839 г. «закрытым» для всех коммерсантов из Англии и Индии. Все британские дельцы, их товары и корабли в январе 1840 г. были удалены из Гуанчжоу. В Лондоне «закрытие» китайского рынка сочли благоприятным поводом для войны с Китаем. Мобильности и огневой мощи англичан Цинская империя могла противопоставить по сути средневековое войско, вооруженное в основном холодным оружием — пиками, мечами, щитами, луками и стрелами, — немногочисленное огнестрельное оружие и военные суда-джонки, командный и рядовой состав «восьмизнаменных» и «зеленознаменных» войск уровня XVII в.

ПЕРВАЯ «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА И ПРЕДТАЙПИНСКИЙ КРИЗИС

В марте 1840 г. Лондон направил в Китай эскадру и десантные войска. В Индии они пополнились новыми судами и синайскими частями. В июне эскадра и экспедиционный корпус прибыли в устье р. Чжуцзян и блокировали его. Так началась англо-китайская война 1840-1842 гг. Англичане в начале августа 1842 г.

516

подошли к Нанкину, угрожая штурмом. Здесь под стенами южной столицы Китая они фактически продиктовали запуганным чрезвычайным эмиссарам богдо-хана условия мира. 29 августа на борту английского военного корабля «Корнуэлл» был подписан так называемый Нанкинский договор. Согласно договору, порты Гуанчжоу, Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай объявлялись открытыми для торговли и поселения англичан. Корпорация «Гунхан» упразднялась. Остров Гонконг переходил в «вечное владение» Великобритании, Пекин должен был уплатить Англии возмещение за опиум, долги купцов «Гун-хана» и контрибуцию — всего 21 млн. долл. Китай лишился таможенной автономии, а пошлины не должны были превышать 5% стоимости товара. Договор стал первым неравноправным договором в новой истории Китая.

Развивая достигнутый успех, Англия в октябре 1843 г. в Хумэне навязала Пекину «Дополнительное соглашение о торговле в пяти портах». Последнее устанавливало для английских подданных право экстерриториальности и вводило консульскую юрисдикцию, т.е. подсудность английским консулам, а не китайскому суду. Англичане получали возможность создать в «открытых» портах свои селтльменты. Великобритании предоставлялось также право

«наибольшего благоприятствования», т.е. все привилегии, которые в будущем могла получить другая держава в Китае, автоматически распространялись на Англию. Вслед за ней в Китай устремились другие западные державы, поспешившие воспользоваться поражением Пекина. Китай был вынужден подписать в июле 1844 г. в Ванся договор с США. Этим документом на американцев распространялись права, полученные англичанами по Нанкинскому договору и Хумэньскому соглашению. В октябре 1844 г. был подписан франко-китайский договор. Сверх уже полученных Англией и США привилегий он предусматривал право католической церкви вести в Китае миссионерскую пропаганду, ставшую одним из средств идеологической экспансии буржуазного Запада. Опираясь на неравноправные договоры, иностранцы стали осваиваться в «открытых» портах. Их основными оплотами стали Гонконг и Шанхай, тогда как в Гуандуне сопротивление захватчикам не прекратилось. Патриоты организовали длившееся несколько лет сопротивление попыткам англичан поселиться во «внутреннем городе» (нэмчэк) Гуанчжоу. С 1842 г. вплоть до 1846-1848 гг. император Мяньнин и временщик Мучжана проводили по отношению к державам политику уступок, или «умиротворения варваров». В 1850 г. в Пекине произошла смена власти. Умер богдохан Мяньнин, и на «драконовый трон» вступил император Ичжу с девизом правления Сяньфэн (1851-1861). Будучи приверженцем жесткой политики в отношении «заморских варваров», новый Сын Неба — опиекурильщик, пьяница и развратник — отстранил от руководства страной группировку сторонников «умиротворения варваров», т.е. Мучжану, Циина и других инициаторов уступок Западу. На смену им пришли ярые ксенофобы — изоляционисты, воинственно настроенные против держав.

Вторжение иностранного капитала после войны 1840-1842 гг. обострило кризис Цинской империи. Намного увеличился ввоз опиума. Резко вырос приток в Китай английских хлопчатобумажных и шерстяных тканей, приведший к разорению множества кустарей и разрушению домашнего ткачества сотен тысяч крестьян. Растущий дефицит внешней торговли ускорил отток серебра из Китая. Это

517

вело к значительному повышению курса серебряного лян и падению курса медной монеты. В результате тяжесть налогов, уплачиваемых крестьянами в медной монете, с 1842 по 1849 г. увеличилась в 1,5 раза. Военные расходы и выплата контрибуции ослабили финансовое положение казны. Для восполнения этих потерь государство пошло на резкое увеличение «дополнительных налогов» (*цзяшуй, цзацзюань*).

Произвольно завышались казенный курс серебряного лян в медной монете и фискальные цены на зерно при пересчете налогов из натуральной формы в денежную и обратно. Вздожание лянового серебра вынуждало крестьян для уплаты каждого лян в счет налога в 40-е годы продавать на рынке уже вдвое больше зерна, чем в 30-е годы, что привело к двукратному увеличению реальных тягот налогоплательщиков. В итоге в послевоенные годы произошел настоящий «фискальный взрыв».

Все это ускорило очередной демографический (наиболее взрывоопасный) и династийный циклические кризисы. Наиболее взрывоопасным становился демографический фактор. Рост народонаселения быстро набирал разрушительную для общества тенденцию. С 1790 по 1850 г. число жителей Цинской империи увеличилось с 301 до 430 млн. человек, т.е. почти на 43%. С 1661 по 1851 г. демографический потенциал страны возрос более чем в 4 раза, а пахотная площадь — всего лишь на 40%. Стремительно росла численность лишнего, т.е. вытолкнутого из сферы производства и оставшегося без постоянных средств к существованию, люда. Как и во всех циклических кризисах, последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, послужили удары стихии — наводнения, засухи и ураганы. Многие области Хунани, Цзянси, Гуанси и других провинций пережили в 1847-1850 гг. сильный неурожай, голод и эпидемии. В 1849 г. произошло наводнение в бассейне р. Янцзы. В этом году от голода погибло до 1,4 млн. человек. Массовый голод 1849 г. охватил десятки миллионов человек и резко ускорил наступление очередной крестьянской войны. За девять лет (1841-1849) в Цинской империи произошло ПО восстаний и волнений, поднятых как китайцами, так и неханьскими народностями, причем 52 вооруженных выступления имели место в 1847-1849 гг.

Возмущение народных масс сильнее всего проявлялось в южных провинциях Гуандун и Гуанси, особенно пострадавших от экономической экспансии Запада и стихийных бедствий. Эти провинции стали очагом зарождения великой Крестьянской войны 1850-1868 гг. Здесь набирала силу христианская секта «Байшанди хуэй» («Общество поклонения Небесному Владыке»). Ее создал в Гуанси в 1843 г. сельский учитель, сын гуандунского крестьянина Хун Сюцюань (1814-

1864), автор религиозных гимнов и поучений, идеолог «христианского» движения, теоретик китаизированного христианства, сочетавшегося с древнекитайскими социально-этическими учениями о справедливом обществе «Великого Единения» (*датун*) и «Великого Благополучия» (*тайпин*). В проповедях Хун Сюцюаня содержался в скрытом виде призыв к уничтожению маньчжурского господства.

К Хун Сюцюаню присоединились деревенский учитель Фэн Юньшань, углежог Ян Сюцин, крестьянин-бедняк Сяо Чаогуй. «Богопоклонники» считали «истинным Богом Отцом» (*Шанди*) Иегову, ниже стояли три его сына — Иисус

518

Христос, Хун Сюцюань и Ян Сюцин — дети святой девы Марии. Сектанты пропагандировали идеи духовного равенства, призывали бороться с конфуцианством, уничтожить буддийских и даосских «идолов». «Богопоклонники» втайне готовили восстание против Цинской династии. Наряду с бедняками в руководящее ядро секты входили мелкий помещик шэньши Вэй Чанхуэй и богатый крестьянин Ши Дакай.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Летом 1850 г. Хун Сюцюань счел обстановку в стране благоприятной для открытого восстания и приказал более 10 тыс. «богопоклонников» сконцентрироваться в районе деревни Цзиньтянь уезда Гуйпин на юге Гуанси. Сюда прибыли отряды Ян Сюцина, Сяо Чаогуй и Вэй Чанхуэя. Данное событие известно как Цзиньтяньское восстание. В район Цзиньтяня в августе пробился с четырехтысячным отрядом Ши Дакай. В ноябре там уже насчитывалось (включая женщин и детей) 20 тыс. повстанцев. Большинство из них составляли крестьяне, преимущественно переселенцы. К ним примкнули горнорабочие, углежог, а в дальнейшем кули, ремесленники, мелкие торговцы и беднота. С повстанцами временно сотрудничали члены тайных обществ, речные пираты и разбойничьи отряды. В среде «богопоклонников» было немало представителей национальных меньшинств, особенно народностей чжуан и яо.

Последователи Хун Сюцюаня продавали свое имущество, а вырученные деньги отдавали в «священные кладовые» в Цзиньтяни, из которых потом все повстанцы и члены их семей получали продовольствие и одежду по общим нормам. Была установлена строгая дисциплина и создана военная организация. Тем самым религиозная секта превратилась в повстанческую армию. Женщины жили в отдельных лагерях, и общение между мужчинами и женщинами не допускалось. «Богопоклонники» носили красные повязки на голове и в знак неповиновения маньчжурам отпускали длинные волосы. Из-за этого их враги дали им прозвище «длинноволосые» (*чанмао*). Силы повстанцев быстро росли, и в конце 1850 г. они нанесли несколько поражений цинским войскам. 11 января 1851 г., в день рождения Хун Сюцюаня, в Цзиньтяне было объявлено о выступлении против маньчжурской династии для создания «Небесного Государства Великого Благополучия» («*Тайпин Тяньго*»). Хун Сюцюаня стали именовать Небесный князь (*Тянь-ван*).

Целями повстанцев в первый период борьбы были освобождение Китая от маньчжурского ига и смягчение феодального гнета. Основная масса крестьянства Цинской империи требовала снижения налогового гнета и упорядочения арендной частнофеодальной эксплуатации. В этом смысле тайпинское движение явилось крестьянской войной, в ходе которой повстанцы стремились реализовать свое представление о равенстве и справедливости. Повстанцы выступали за изгнание из Китая «маньчжурских татар», «северных варваров» — завоевателей и установление в Поднебесной власти китайской династии. В этом смысле движе-

519

ние тайпинов являлось этноосвободительной антиманьчжурской борьбой китайского народа. Тайпины шли в бой под знаменем Бога Отца (Шанди) и Иисуса Христа. Став христианами, тайпины верили в Спасителя, в своего Небесного князя, в торжество «царства небесного» (*тяньго*) и повсеместную победу христианства над другими религиями. В результате начатое ими восстание стало религиозной войной. «Богопоклонники» категорически запрещали проповедь и отправление культов конфуцианства, буддизма и даосизма. Учение Конфуция объявлялось «ошибочным» и «развращающим». Конфуцианцы, даосы, буддисты должны были «раскаяться, уверовать в истинного Бога, отвернуться от богов ложных», «порвать с дьявольским отродьем». Движение Хун Сюцюаня развязывало религиозную рознь. В итоге движение тайпинов явилось синтезом крестьянской, этноосвободительной и религиозной войн.

Столь же сложной была и идеология повстанцев. Поскольку тайпинские лидеры были людьми средневекового склада и религиозными фанатиками, их программа не отличалась особой стройностью и четкостью. Идеологи «богопоклонников» апеллировали к этическим, социальным и прочим нормам, якобы существовавшим в древности и отраженным в каноническом сочинении «Книга обрядов» («Лицзи»). Здесь будто бы словами Конфуция давалось описание идеального общества «Великого Единения». Кроме того, идейными истоками многих тайпинских документов являлись древние

конфуцианские книги — «Чжоули» и трактат Мэн-цзы. Такое максимальное «удревнение» политического идеала служило и орудием против наиболее популярной тогда идеи восстановления династии Мин. Апелляция к древности означала нежелание «богопочклонников» идти на союз с повстанцами тайных обществ, выступавшими под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим Мин!», а также со всеми, кто не отказался от традиционных верований (*саньцзяо*). Все это вело к отторжению тайпинами «минского», т.е. наиболее массового, крыла повстанческого движения.

Идеология самих тайпинов была синтезом китайского и западного начал. Первое представляло собой сочетание конфуцианской морали — прежде всего принципа «сыновней почтительности» (*сяо*) — с древними социальными утопиями. Главными среди них были «Гайпин дао» — полумистическое учение о «Пути Великого равенства» и «Датун» — концепция идеального общества «Великого Единения». К этому добавились идущие от традиционных тайных обществ и религиозных сект мистицизм, аскетизм и жесткая дисциплина.

Вторым компонентом тайпинского синтеза стала христианская религия протестантского толка, причем существенно китаизированная и тайпинизированная. Хун Сюцюань и Ян Сюцин видоизменили протестантские обряды, дали иное толкование природы Христа, дополнили библейские и евангельские рассказы о чудесах своими чисто тайпинскими вымыслами. Своеобразно понятое и по-своему толкуемое повстанцами протестантство европейских миссионеров стало инструментом для достижения политических целей старокитайского толка.

Религиозная доктрина «богопочклонников» не была восприятием религии нового, буржуазного общества. Напротив, христианские идеи Хун Сюцюаня были заимствованием из старого европейского средневекового пласта христианства с его религиозным фанатизмом, непримиримостью и косностью. В ходе тайпинизации этого учения за бортом осталась христианская проповедь смирения, долго-

520 терпения и всепрощения. Вместо этого провозглашалось беспощадное истребление врагов. В тайпинском варианте христианство сочеталось с традиционным китаецентризмом и великоханьской доктриной Срединной империи как центра Вселенной, согласно которой остальные страны представляют собой лишь «варварскую» периферию Китая. Хун Сюцюань как «сын Божий», «младший брат Иисуса Христа» и представитель христианского Бога считал себя «истинным повелителем» не только Китая, но и всех других стран и народов. Его четырем помощникам — князьям (*ванам*), титулованным по четырем сторонам света, надлежало править миром. «Богопочклонники» соединяли традиционное отношение к европейцам как «варварам» с христианским подходом к ним как «братьям во Христе», называя их «братья-варвары». Верховенство Китая над остальным миром обосновывалось уже не конфуцианским «мандатом Неба», а христианским «божественным» происхождением Хун Сюцюаня. Тайпинские ваны внесли свой «вклад» в христианский канон — в дополнение к Ветхому и Новому заветам они написали «третью часть» Библии — Последний завет. Язык христианства, его догматы, обряды и нормы сочетались с великоханьскими претензиями, традиционными титулами, рангами, тщательной регламентацией церемоний и традиционными экзаменами на ученые степени.

В 1851 г. тайпины, отразив новые атаки правительственных войск, двинулись на север Гуанси. Здесь в сентябре они заняли г. Юньань, где создали свое правительство. Тем самым повстанческая армия стала носительницей новой государственности. Реальную власть сконцентрировал в своих руках Ян Сюцин (*Дун-ван*, т.е. Восточный князь). Он возглавил армию и административное управление. Сяо Чаогуй стал Западным князем (*Си-ван*), Фэн Юньшань — Южным (*Нань-ван*), а Вэй Чанхуэй — Северным (*Бэй-ван*). Титул князя-помощника (*И-ван*) получил Ши Дакай. Высокие военные и чиновничьи ранги получили рудокоп Цинь Жиган, мелкий помещик и шэньши Ху Ихуан, речной пират Ло Даган и другие лидеры повстанцев.

Тайпины создали сильную армию с железной дисциплиной. Ее бойцы строго следовали приказам командиров и христианским заповедям. Тайпинскую армию отличали гуманное отношение к населению, отсутствие грабежей, жестокости и произвола по отношению к простолюдным. Нравственная атмосфера в армии создавалась под влиянием религиозных фанатиков и аскетов, которые запрещали сношения мужчин с женщинами, азартные игры, вино, курение опиума и проституцию. В армии «богопочклонников» имелись особые, изолированные от мужских, женские подразделения. На своем пути повстанцы громили правительственные учреждения (*ямэнь*), убивали всех маньчжуров и крупных чиновников-китайцев, а также тех землевладельцев, которые активно выступали против повстанцев. Последователи Хун Сюцюаня конфисковали их имущество, обложили контрибуцией богачей, сурово наказали тех, кто не хотел ее платить. Нередко они выделяли крестьянам продовольствие и часть имущества, изъятое у врагов и богачей, обещая освободить население на три года от налоговых тягот. Крестьянство и городская беднота поначалу поддерживали «богопочклонников».

Сорокатысячная цинская армия блокировала район Юньаня. В апреле 1852 г. тайпины двинулись на север. Правительственные войска смогли отстоять лишь главный город провинции Гуанси — Гуйлинь.

вступили в Хунань. Здесь к «богопоклонникам» примкнуло до 50 тыс. новых бойцов. В декабре тайпины без боя взяли Юэчжоу, где захватили арсеналы с оружием. Выйдя здесь к р. Янцзы, они создали свой речной флот. На судах по Янцзы и по ее берегу армия Хун Сюцюаня направилась на восток — в Хубэй, обрастая тысячами новых добровольцев. В конце 1852 — начале 1853 г. «богопоклонники» вступили в Ханьян и после ожесточенных боев овладели Ханькоу и Учаном. Эта блестящая победа вызвала энтузиазм у хубэйской бедноты, вливавшейся в тайпинскую армию. Ее численность составила 500 тыс. человек, а флот насчитывал 10 тыс. джонок. По суше и по Янцзы победители двинулись далее — в Аньхуэй. Под их натиском пал без боя главный город этой провинции, Аньцин, где их ждали богатые боевые трофеи. 19-20 марта 1853 г. войска Хун Сюцюаня победоносно штурмовали Нанкин, где вырезали около 20 тыс. маньчжуров и членов их семей. К моменту взятия Нанкина силы повстанцев составляли 1 млн. воинов. Вскоре тайпины вступили в Чжэньцзян и Янчжоу, перерезав тем самым Великий канал. Нанкин был переименован в Небесную столицу (*Тяньцзть*) и превращен в главный город Тайпин Тяньго.

Номинально главой «Небесного государства» и абсолютным монархом являлся Хун Сюцюань. По прибытии в Нанкин он удалился от мирских дел, занимался только религиозными вопросами и безвыездно пребывал в своем роскошном дворце. Еще до обоснования в Нанкине он передал все военное и административное руководство Ян Сюцину. Считалось, что Ян Сюцин обладал даром «воплощать дух Божий» и изрекать волю Бога. Ему были подчинены остальные князья, лишённые права непосредственно сноситься с Хун Сюцюанем. Восточный ван, встав у кормила правления, показал себя энергичным, умным и волевым правителем, но с замашками заносчивого самодержца. Поскольку тайпинскую монархию возглавляли религиозные лидеры, а верховная власть и церковь фактически слились воедино, Тайпин Тяньго являлось теократическим государством.

В 1853 г., вскоре после закрепления в Нанкине, тайнинское правительство опубликовало «Земельную систему Небесной династии» (*«Тяньчао тяньму чжи-ду»*). Этот документ содержал программу общественного строя Тайпин Тяньго, основанного на принципе полной уравнительности, прежде всего уравнительного распределения земли по едокам, включая детей. Он определял организацию всей жизни Тайнинского государства на армейско-бюрократической основе. Каждые 25 семей образовывали административную, хозяйственную, военную и религиозную единицу — взвод (лян), возглавляемый командиром и одновременно священником. *Лян* имел общественную кладовую, куда все обязывались сдавать излишки продуктов и денег, в том числе все трофеи. Нетрудоспособные и сироты содержались членами взвода. Каждая семья выделяла одного воина. Четыре взвода образовывали роту, пять рот — бригаду, пять бригад — дивизию, пять дивизий — корпус, насчитывавший свыше 13 тыс. бойцов. Его командующий на соответствующей территории был одновременно главой гражданской власти и судьей.

В «Земельной системе Небесной династии» было выражено стремление крестьянской бедноты и пауперов к всеобщему равенству. Но документ остался доступным лишь узкому кругу лиц, поскольку был написан не на разговорном языке

(*байхуа*), а на «мертвом» книжном языке (*вэньянь*), непонятном крестьянству. Его «аграрная» часть в жизнь практически так и не претворялась. По существу «Земельная система Небесной династии» осталась мечтой, утопией, ее идеи не стали основой реальной политики тайпинских ванов.

Социальный же смысл реальной политики «богопоклонников» означал не возврат к дофеодальным порядкам, а сохранение существующего строя, несколько оздоровленного устранением наиболее нетерпимых для крестьян крайностей налоговой и арендной эксплуатации. Китайское крестьянство как интегральная часть этого строя было заинтересовано не в ликвидации самой системы, а в ее оздоровлении и улучшении на базе крестьянских патриархальных представлений о «справедливости» и «законности». Последние означали недопущение нарушений кодифицированного и обычного права, а также соблюдение прежних норм изъятия прибавочного продукта. Крестьянство Китая не требовало ликвидации помещиков, ибо, будучи по преимуществу землевладельческим социальным слоем, наоборот, защищало право земельного владения. Деревня видела своим главным врагом государство и чиновничество с их налоговым произволом. Даже в период массовых восстаний она не выдвигала требования перераспределения земли. Земельное владение как таковое, в том числе и крупное, считалось крестьянами неприкосновенным.

В Тайнинском государстве конфискации подлежало имущество, в том числе земля маньчжуров, чиновников и тех помещиков, которые активно боролись против новой власти. Все прочие *дичжу*,

т.е. основная масса крупных землевладельцев, сохраняли свое имущество и земельные владения. Вожди «богопоклонников» ставили своей целью лишь этническое освобождение китайцев, т.е. свержение маньчжурской власти, и некоторое смягчение феодальной эксплуатации. Именно поэтому была реализована лишь военно-административная часть программы, изложенной в «Земельной системе Небесной династии». Проповедуя идеи равенства, Хун Сюцюань и его последователи делали акцент на равенстве всех людей перед Богом. Имущественное равенство более или менее соблюдалось лишь в армии и городских трудовых лагерях. С 1851 г. повстанцы воссоздали монархию, средневековый статус наследственных титулованных семей (*ван, хоу* и др.). Тайпины породили свою бюрократию — чиновников 11 рангов, признали «ученое сословие» и восстановили экзамены на звание *шэньши*. Князья-«богопоклонники» стали строить роскошные дворцы с массой челяди, возникла и собственная знать (*гоцзун*). Местные власти в Тайпин Тяньго во многом состояли из *шэньши*, в том числе и *дичжу*. Таким образом, порядки на территории Тайпин Тяньго лишь немногим отличались от тех, что существовали в остальной части Цинской империи.

Стараясь укрепить союз с землевладельческим крестьянством, тайпины изменили цинскую налоговую систему и политику. Новый «основной» земельный налог был намного ниже цинского, а ряд прежних дополнительных поборов и надбавок к налогам вообще были отменены. Произошли некоторые изменения и в частнофеодальном секторе землевладения. Многие крупные землевладельцы — из числа чиновников, знати и активных врагов новой власти — были убиты или бежали с территории Тайпин Тяньго. Их владения, в том числе земельные, конфисковались как «имущество дьяволов». Их арендаторы освобождались от

523

прежних выплат и теперь вносили облегченный налог в казну «богопоклонников». Кроме того, в ряде районов тайпины заставляли землевладельцев снижать арендную плату. Крупные землевладельцы подвергались повышенному налогообложению. Они вносили тяжелую одноразовую «дань в знак покорности» и платили «специальные налоги», к которым добавлялись зачастую всякого рода реквизиции в пользу повстанческой армии. Все это толкало их к бегству в зону цинского господства.

Первое время положение крестьян, по крайней мере на части территории Тай-пинского государства, несколько улучшилось. Так, в некоторых районах арендная плата была снижена, а в других крестьяне вообще перестали отдавать ее помещикам, а обязывались платить налог непосредственно тайпинским властям. Там, где арендная плата сохранялась в прежнем размере, крестьяне были в той или иной мере защищены от произвола землевладельцев. Тайпины отчасти уравнивали женщин в правах с мужчинами. В новом государстве были запрещены проституция, купля-продажа невест и рабынь, требование приданого и обычай бинтования ног.

«Богопоклонники» отменили пытки, ввели гласный суд, боролись со взяточничеством, спекуляцией, бандитизмом и частично отменили институт рабства. Будучи религиозными моралистами, они решительно боролись с опекуреннием, пьянством, азартными играми и прелюбодеем. Тайпинское законодательство оформлялось преимущественно в форме христианских заповедей.

В экономической политике тайнинского «центра» поначалу сильно сказывалось крестьянское стремление к натуральному хозяйству и уничтожению торговли и денег. С 1853 г. в пределах Нанкина тайпинские князья стали осуществлять свой социально-экономический эксперимент. Частное владение, рыночная экономика и всякая торговля были запрещены. Мастерские, мануфактуры, лавки, магазины, дома и земельные участки в черте города стали государственной собственностью, а казенные предприятия, как символ владычества ненавистных захватчиков-маньчжуров, разрушались. Любые денежные суммы отбирались в казну. Была ликвидирована низовая ячейка общества — семья, а браки запрещены. «Во избежание разврата» мужчины были отделены от женщин и детей. Все население Нанкина, кроме воинских частей, княжеских дворов и домов тайпин-ской знати, было распределено по изолированным друг от друга мужским и женским трудовым лагерям и рабочим командам. Эти ячейки имели военную организацию в сочетании с бесплатным принудительным трудом, общежитиями, с коллективным снабжением — паек или питание из общего котла, одежда. Трудовая повинность стала законом. Вся выработанная продукция сдавалась в «священные кладовые» и затем централизованно распределялась. В других городах Тайпин Тяньго политика тотального огосударствления и распределения, уничтожения семьи не проводилась. Между тем столичная система, особенно изоляция мужчин от женщин, вызвала протесты рядовых тайпинов. Ян Сюцин был вынужден сначала разрешить торговлю, хотя

и государственную, а весной 1855 г. распустить все женские и многие мужские лагеря и команды. Вслед за восстановлением института семьи в Нанкине стала появляться и частная торговля. Проявившееся первоначально в политике повстанцев антирыночное направление постепенно сменилось на лояльное отношение к торговле и предпринимательству.

524

Военные успехи «богопоклонников» и создание ими своего государства в долине р. Янцзы нанесли тяжелый удар по маньчжурскому режиму, который в 1853-1860 гг. находился на грани военно-политического краха. Тайпины наносили цинским войскам одно поражение за другим. Вскрылась полная неспособность «восьмизнаменных» и «зеленознаменных» войск противостоять повстанцам. На помощь гибнущей маньчжурской династии пришли китайские *шэньши* и помещики Центрального Китая, взявшие в свои руки борьбу с «длинноволосыми разбойниками». Поскольку официальное сельское ополчение (*сяньюнь*) оказалось беспомощным перед крестьянской армией, враги тайпинов сделали ставку на частные помещичьи дружины (*туаньянь*). На их основе цинский сановник Цзэн Гофань у себя на родине, в Хунани, в 1852 г. создал Сянскую (Хунаньскую) армию. «Хунаньские молодцы» — хорошо вооруженные, специально подобранные и профессионально обученные — стали опасными противниками тайпинов. Сянская армия быстро набирала силу, а вместе с ней и Цзэн Гофань. Вокруг него группировались чиновники, *шэньши* и помещики Центрального Китая.

До 1853 г. тайпины не закреплялись на территории, по которой они продвигались к Нанкину. В результате правительственные силы восстанавливали там свою власть, расправляясь с жителями, подозреваемыми в сочувствии повстанцам. Это облегчало цинскому командованию окружение тайпинской территории в низовьях р. Янцзы. Сковав тайпинские армии в районе Нанкина, цинским стратегам удалось резко ослабить удар «богопоклонников» на север — по Пекину. Вот почему фактический главнокомандующий Тайпин Тяньго Ян Сюцин смог выделить весьма ограниченные силы для окончательного разгрома маньчжуров в Северном Китае. Тем не менее еще весной 1853 г. он организовал так называемый Северный поход для ликвидации «логова дьяволов».

Стремительным маршем тайпинские войска вышли в район Тяньцзиня, вызвав панику в Пекине. Но общая ситуация к этому времени изменилась в пользу цинского режима. Крестьяне-северяне не были готовы примкнуть к «богопоклонникам». Не присоединились к войскам Северного похода и повстанцы *няньцзюнь* (*няньдан*). Их крестьянская война началась с ноября 1852 г. в северной части Аньхуэя и восточных районах Хэнани под руководством разорившегося торговца солью Чжан Лосина. Вокруг него зимой 1852-1853 гг. объединились десятки отрядов, а общее число няньцзюней достигло 100 тыс. Однако ни они, ни «бого-поклонники» не стремились к совместным действиям. В итоге тайпины не могли пополнять свои ряды в той мере, как это было в долине р. Янцзы.

В феврале 1854 г. они оставили свои позиции южнее Тяньцзиня и с боями отступили на юг, теряя множество бойцов, в том числе замерзшими и обмороженными. В мае тайпинам удалось укрепиться в Ляньчжэне на Великом канале. Изнуренные десятимесячной осадой и голодом, в марте 1855 г. они почти все погибли. Так закончился Северный поход.

Это поражение окрылило цинский лагерь и резко ухудшило положение Тайпин Тяньго. У тайпинов уже просто не было реальных возможностей организовать еще одно наступление на Пекин. Тайпин Тяньго перешло к тактике активной обороны. Наступил стратегический перелом в войне. Отныне «богопоклонники» фактически боролись не за ликвидацию династии Цин, а за сохранение и расширение Тайнинского государства. Выполнение этой задачи тайпины начали

525

еще в мае 1853 г., двинувшись в свой Западный поход на многочисленных судах вверх по р. Янцзы. Западный поход оказался весьма успешным. Территория Тайпин Тяньго существенно расширилась, ситуация на время стабилизировалась.

Победоносный поход «богопоклонников» в долину р. Янцзы вызвал своего рода цепную реакцию восстаний, причем не только мелких, сугубо локальных, как это было до начала тайнинского движения, но и таких крупных, как упоминавшееся выше восстание няньцзюней. Летом 1855 г. в результате двенадцатидневных проливных дождей «горе Китая» — река Хуанхэ, до этого текшая на юго-восток и впадавшая вместе с Хуайхэ в Желтое море, прорвала дамбы близ Кайфэна. Уничтожая все на своем пути, она потекла на северо-восток, проложив себе дорогу в Бохайский залив. Эта гигантская катастрофа привела к гибели около 7 млн. человек и нарушению всей оросительной системы от Кайфэна до Желтого моря. Катастрофа ослабила цинское господство в

Северном Китае и содействовала дальнейшему подъему крестьянской войны няньцзюней. В приморских провинциях широкомасштабную вооруженную борьбу против маньчжурского режима начали тайные общества. В мае 1853 г. на юге Фуцзяни подняло восстание общество «Малые мечи» («Сяодаохуэй») во главе с богатым купцом Хуан Дэмэем. Повстанцы захватили ряд городов, в том числе Сямэнь (Амой), и провозгласили восстановление династии Мин. После двухмесячных ожесточенных боев цинские войска в октябре ворвались в Сямэнь. Хуан Дэмэй был схвачен и убит.

В сентябре 1853 г. члены тайного общества «Малые мечи» под предводительством Лю Личуаня подняли восстание в ряде уездов Цзянсу. При поддержке народа они без боя заняли Шанхай (за исключением иностранного селтльмента) и создали 20-тысячное повстанческое войско. Лю Личуань объявил себя сторонником «богопоклонников». Повстанцы основали здесь в 1853-1855 гг. «Великое Минское Небесное Государство Великого Благоденствия» («Да Мин Тайпин Тяньго»).

Повстанцы в Шанхае стремились, подобно тайпинам, к дружбе с англичанами, французами и американцами, надеясь на их помощь и оружие в борьбе против маньчжуров. Однако иностранцы вскоре нарушили ранее объявленный нейтралитет. В 1854г. они фактически захватили в свои руки управление шанхайской таможней и в нарушение всех договоров вывели территорию иностранного селтльмента из-под юрисдикции Китая, установив там свое административное управление. Почти полтора года бойцы Лю Личуаня обороняли Шанхай от цинских войск, получавших поддержку из селтльмента. Прорвав в феврале 1855 г. блокаду (при этом погиб Лю Личуань), одна часть восставших присоединилась к тайпинам, а другая отступила в Цзянси. Цинские войска учинили в Шанхае кровавую расправу над мирным населением.

С лета 1854 г. грозное народное восстание охватило провинцию Гуандун. Его начали в июне вокруг Гуанчжоу тайные общества (*хуэйдан*) из семейства «Триады» («Саньхэ»). Восставшие обвязывали голову красной тканью, за что враги называли их «красноголовыми бандитами» (*хунтоу*) или «мятежниками в красных повязках» (*хунцзинь*). Во главе повстанцев встали лидеры местных хуэйда-нов Хэ Лю, Чэнь Кай и Ли Вэньмоу. В середине июля объединенные силы «красноголовых» двинулись на Гуанчжоу и осадили его. Осенью вооруженная борьба охватила чуть ли не всю провинцию. На сторону восставших перешла

526

цинская речная флотилия. В руках повстанцев оказались многие окружные и уездные города, а общая численность восставших достигла нескольких сотен тысяч. Борьба перекинулась в Гуанси. Но «красноголовые» не имели единого руководящего центра, их отряды действовали самостоятельно и несогласованно. Среди соединений, осаждавших Гуанчжоу, царил разлад.

С начала 1855 г. в Гуандуне правительственные войска перешли в наступление. Дабы запугать «красноголовых», каратели намеренно вырезали до 100 тысяч ни в чем не повинных жителей. Сорокатысячная группировка Чэнь Кая и Ли Вэньмоу в мае 1855 г. сняла блокаду Гуанчжоу и двинулась в Гуанси, а оттуда в Хунань. Ее примеру последовали другие отряды, направившиеся на юг Хунани. Оставшиеся в Гуандуне разрозненные силы «красноголовых» были в том же году разгромлены цинскими войсками.

Армия Чэнь Кая, Ли Вэньмоу и других вождей обосновалась на юго-востоке Гуанси. Осенью 1855г. «красноголовые» создали здесь повстанческое «Государство Великих Свершений» («Да Чэн го») со столицей в Сюньчжоу. Его главой стал Чэнь Кай, присвоивший себе и своим соратникам княжеские титулы. Это государство обладало штатом чиновников, в том числе шэньши, и отливало свою монету. Местное население поддерживало «красноголовых» и охотно вступало в их армию. На шесть лет— до осени 1861 г.— здесь обосновалась стабильная база антицинской борьбы.

Между тем к середине 50-х годов лагерь «богопоклонников» был изнутри ослаблен противоречиями между «старыми братьями», или «старой армией», т.е. выходцами из Гуанси и Гуандуна, и «новыми братьями»— уроженцами центральных провинций (Хунань, Хубэй, Цзянси, Аньхуэй и Цзянсу). В свою очередь, среди «старых братьев» существовала вражда между гуансийцами и гуан-дунцами. До 1856 г. первые во главе с Ян Сюцином притесняли вторых, а главой гуандунцев фактически был Хун Сюцюань. Среди самих гуансийцев боролись между собой две группировки — Ян Сюцина и Вэй Чанхуэя. Определяющей здесь была межземляческая рознь, но большое значение имели и личные качества вождей. Самовластие, деспотизм и высокомерие Ян Сюцина восстановили против него остальных князей и их родню. Восточный князь задумал сосредоточить в своих руках помимо реальной еще и номинальную власть. В июле 1856 г. он пошел на публичное унижение Небесного князя, заставив его, как и всех остальных, воздавать себе здравицу как государю. Боясь потерять власть, Хун Сюцюань вызвал в Нанкин Вэй Чанхуэя с его войском. В ночь на 2 сентября 1856 г. солдаты Северного князя осуществили военный переворот. В ходе этой кровавой резни были убиты Ян

Сюцин, весь его двор и родня. Вэй Чанхуэй и Цинь Жиган за недолгое пребывание у власти перебили до 30 тыс. человек — сторонников Восточного князя, а также всю семью Ши Дакая, восстановив против себя большинство тайпинов.

Видя новую угрозу своему трону, Хун Сюцюань велел казнить Вэй Чанхуэя и Цинь Жигана, что и было осуществлено после двухдневных стычек в Нанкине. В конце ноября в столицу прибыл Ши Дакай. Поставленный Хун Сюцюанем во главе государства и армии, Ши Дакай на время стабилизировал положение в столице и на фронтах, остановив наступление армии Цзэн Гофаня в долине р. Янцзы. Однако из-за политических подозрений Хун Сюцюаня Ши Дакай был вскоре

527

фактически отстранен от руководства. Власть перешла к гуандунской группировке во главе с семейством Хун — братьями Небесного вана и его фаворитами. Это привело к расколу с группировкой Ши Дакая и его армией. В июне 1857 г., опасаясь за свою жизнь, Ши Дакай со своим более чем сотысячным войском ушел сначала в Аньхуэй, а затем в Цзянси. С этого времени войско Ши Дакая действовало самостоятельно и навсегда порвало связи с государством Хун Сюцюаня.

Этими раздорами немедленно воспользовались враги «богопоклонников». Уже в конце 1856 г. цинские войска почти повсеместно перешли в наступление. В декабре они окончательно захватили троюградье — Учан, Ханькоу и Ханьян, а также ряд других городов и районов. Войска Тайпин Тяньго были вынуждены частично перейти к обороне. С этого времени к руководству главными силами Тайнинского государства пришли замечательные военачальники — Ли Сючэн и Чэнь Юйчэн. Первый прошел в повстанческой армии путь от простого солдата до полководца, получившего титул Верного князя (*Чжун-ван*), Чэнь Юйчэн был пожалован титулом Героического князя (*Ин-ван*). После убийства Ян Сюцина и ухода из Нанкина Ши Дакая Ли Сючэн стал наиболее видным военным руководителем Тайпин Тяньго. Сражаясь к югу и к северу от р. Янцзы, войска Ли Сючэна и Чэнь Юйчэна наносили удары по вражеским армиям, стремившимся сжать кольцо окружения вокруг тайнинской столицы. Однако разобщение боевых сил «богопоклонников» резко ослабило оборонные возможности Тайпин Тяньго. На фронтах к началу 1860 г. установилось неустойчивое равновесие сил. Войска династии Цинь были скованы на Севере, где только что закончилась вторая торговая война с Англией и Францией и назревала третья.

Значительные цинские силы отвлекла на себя и армия Ши Дакая. До конца февраля 1858 г. она сражалась в Цзянси, а затем двинулась в Чжэцзян и овладела там рядом городов. В июле Ши Дакай повел свои войска в Фуцзянь. Он решил пробиться в богатую, тогда еще не разоренную Сычуань и создать там свое государство. В начале 60-х годов ареной массовой вооруженной борьбы стала провинция Сычуань. Осенью 1859 г. в ее южные районы вторгся отряд повстанцев из соседней Юньнани, который стал стремительно обрастать массой крестьян, ремесленников, рабочих соляных промыслов и бедноты. Началась крестьянская война 1859-1862 гг. в Сычуани. Двинувшись в центральные районы провинции, армия повстанцев овладела многими мелкими и средними городами. Численность повстанцев к осени увеличилась до 300 тыс. человек. Их силы разделились на четыре основные группировки. В Сычуани повторился вариант начального этапа крестьянской войны «красноголовых». Отсутствовала прочная территориальная база, не было стабильной повстанческой власти, не сложилось единого руководства. Повстанцы овладели почти всей низменной и густонаселенной частью провинции — Красным бассейном, кроме крупных городов, но своего государства не создали. Все это предопределило разгром повстанцев по частям. В конце 1862 г. последние отряды повстанцев были либо разгромлены, либо ушли в Шэньси. Так закончилась ожесточенная и скоротечная крестьянская война 1859-1862 гг. в Сычуани. Она отвлекла на себя цинские силы и ослабила маньчжурский режим.

Положение Тайнинского государства облегчалось и действиями няньцзюней, хотя значительная часть последних отказывалась сотрудничать с «богопоклон-

528

никами». Тем не менее главные силы няньцзюней — до 100 тыс. бойцов под руководством Чжан Лосина — с весны 1857 г. взаимодействовали с тайпинами и вместе с ними одержали ряд побед в Аньхуэе и Хэнани. Две другие группировки няньцзюней совершали регулярные рейды в Шаньдун, Хэнань и Цзянсу против цинских сил.

Кроме того, в ряде провинций полыхало множество других восстаний, создававших огромную повстанческую периферию Тайпин Тяньго, что мешало династии Цинь и помещичьим армиям покончить с государством «богопоклонников». К тому же и международная ситуация в 1856-1860 гг. оставалась очень выгодной для Тайпин Тяньго. Нейтралитет по отношению к нему со стороны западных держав сохранялся. В своей внешней политике «богопоклонники» выступали за равноправие и взаимовыгодную торговлю с западными державами. На территории Тайпин Тяньго была запрещена лишь торговля опиумом.

ВТОРАЯ «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА

Державы поначалу стремились использовать борьбу между «богопоклонниками» и цинским правительством в своих интересах. Англия, Франция и США заняли выжидательную позицию и через своих представителей, посетивших Нанкин в 1853-1854 гг., заявили о нейтралитете. В тот период они не сомневались в конечной победе тайпинов над маньчжурами. Буржуазия Запада связывала с этим надежду на полное открытие рынка Китая. Ставка на победу тайпинов при явном ослаблении маньчжурского режима, в свою очередь, побуждала державы торопиться с нанесением очередного удара по династии Цин. 23 октября 1856 г. английская эскадра контр-адмирала М.Сеймура высадила десант, захвативший форты в устье р. Чжуцзян, и 27 октября подвергла Гуанчжоу варварской бомбардировке. Так началась вторая торговая война с Китаем, часто именуемая второй «опиумной». Франция усилила свой флот в китайских водах и с апреля 1857 г. официально вступила в войну. Предлогом для этого Наполеон III избрал убийство в Гуанси француза-миссионера. Однако начавшееся в Индии могучее антибританское восстание 1857-1859 гг. спутало планы Лондона, заставив его остановить военные действия в Гуандуне.

С подавлением народного восстания в Индии англичане перебросили в Китай крупные подкрепления. Союзники заняли Гуанчжоу, а в начале 1858г. двинулись морем в Шанхай и далее на север — в Бохайский залив к устью р. Байхэ. Цины отвергли все требования «варваров». 20 мая союзники с боем заняли форты Дагу, а затем и Тяньцзинь. Богдохан Ичжу и фактический глава правительства маньчжурский военачальник Сушунь были вынуждены принять требования держав. В июне 1858 г. состоялось подписание Тяньцзиньских англо-китайского и франко-китайского договоров, согласно которым державы получали право иметь в Пекине свои постоянные миссии, подданные Англии и Франции могли свободно передвигаться по Китаю и вести миссионерскую деятельность. Для иностранной торговли были открыты шесть новых портов — в Маньчжурии, на Тайване, на о-ве Хайнань и в долине р. Янцзы. Пекин обязывался после разгрома тайпи-

529

нов открыть для иностранной торговли р. Янцзы и города на ней. Китай должен был уплатить Англии и Франции контрибуцию — в общей сумме 6 млн. лянов. Особым тарифным соглашением 1858г. официально легализовалась опиумная торговля. Тогда же в Тяньцзине были подписаны договоры с Россией и США, распространявшие на эти страны все права и привилегии, которые уже имели либо могли получить в Китае другие державы. Завершившаяся вторая торговая война 1856-1858 гг. должна была резко расширить экономическую и иную экспансию Запада в Китае. Согласно договорам с Англией и Францией, через год в Пекине должен был состояться обмен ратификационными грамотами. Пришедшие в себя после очередного поражения, Ичжу и Сушунь приказали укрепить подступы к Тяньцзиню с моря и уничтожить «заморских дьяволов», когда они поедут в Пекин. Когда же союзники 25 июня 1859 г. пытались пробиться силой, заново укрепленные форты Дагу открыли огонь по англо-французской эскадре. Англичане потеряли три корабля, много было убитых и раненых. Так началась третья торговая война с Китаем. Англия и Франция стали стягивать вооруженные силы для удара по Пекину.

В начале августа 1860 г. союзники высадились севернее Дагу. 21 августа его форты пали. Через четыре дня союзники без боя заняли Тяньцзинь, где учинили массовые грабежи и насилия. 18 сентября у Чжанцзяваня англо-французская армия нанесла решительное поражение цинским войскам. Через три дня на подходе к Пекину, у моста Балицяо огнем англо-французской артиллерии была сметена маньчжуро-монгольская конница князя Сэнгэринчи. В столице началась паника. Богдохан Ичжу со всем двором бежал в Жэхэ, поручив своему брату Гуну (Исинь) заключить мир на любых условиях. В окрестностях столицы союзники разграбили и сожгли «жемчужину Китая» — летний императорский дворец Юаньминъюань — выдающийся памятник архитектуры, хранилище несметных богатств. 12 октября маньчжурский гарнизон Пекина без боя открыл «варварам» ворота столицы. В октябре 1860 г. князь Гун заключил с представителями Англии и Франции так называемые Пекинские конвенции, подтверждавшие условия Тяньцзиньских договоров 1858 г. Цинская империя обязывалась выплатить более 16 млн. лянов контрибуции. Тяньцзинь превращался в открытый порт. К Англии переходила южная часть п-ва Цзюлун (Коулун), напротив Гонконга. Державы отныне могли вывозить из Китая чернорабочих (*кули*). Миссионеры получили право покупать и арендовать землю для своих зданий. После одобрения императором этих соглашений войска союзников покинули Северный Китай, а иностранные послы обосновались в китайской столице.

Россия в 1858-1860 гг. не участвовала в военных действиях, и Петербург сохранил добрососедские отношения с Пекином. Кульджинский договор 1851 г. нормализовал русско-китайскую

пограничную торговлю. Айгунский договор, заключенный в мае 1858 г., содействовал дальнейшему территориальному размежеванию между Российской и Цинской империями, а также установлению границы по Амуру. Его левый берег от р. Аргунь до устья признавался владением России, Уссурийский край (Приморье) впредь до окончательного размежевания оставался в общем владении обоих государств. Пекинским русско-китайским договором 1860 г. пограничное размежевание было завершено, и династия Цин признала земли к востоку от р. Уссури русским владением. Дальнейшее уточне-

530

ние западных границ Китая и восточного кордона России Петербург и Пекин произвели при подписании Чугучакского протокола 1864 г.

Еще до подписания Пекинских конвенций в правящих кругах появились сторонники перемен. Они добивались скорейшего окончания войны с «варварами». Понимая, что политика внешней изоляции Китая далее просто невозможна, эти поборники «усвоения варварских дел» (*цзю*), или «заморских дел» (*янью*), предлагали установить со странами Запада принятые среди них нормы внешнеполитических сношений. Осознав преимущества «варварского» вооружения и паровых судов, сторонники *янью* настаивали на техническом перевооружении китайских армий и флота по европейскому образцу. Концепция «усвоения заморских дел» стала основой постепенно формировавшейся с 1860 г. политики «самоусиления» (*цзы-цян*) Цинской империи. Лидером этого политического течения при дворе выступил князь Гун. На периферии эту линию представляли китайцы — главы региональных военнo-шэньшйских и помещичьих группировок: наместник Лянцзяна Цзэн Гофань и его соратники Ли Хунчжан и Цзо Цзунтан. По инициативе сторонников *янью* в январе 1861 г. в Пекине было создано новое ведомство — Цзунли ямэнь. Это учреждение являлось наполовину собранием маньчжурских князей, наполовину ведомством по типу министерства. Оно ведало сношениями Китая со странами Запада, внешней торговлей и обороной страны от внешней угрозы. Цзунли ямэнь стал фактически министерством политики «самоусиления», ее главным штабом.

В августе 1861 г. в Жэхэ умер больной богдохан Ичжу. На престол вступил его шестилетний сын Цзайчунь (1856-1875) под девизом правления Тунчжи (1862-1875). До его совершеннолетия все дела в стране должен был вершить Совет князей — регентов и сановников из восьми человек во главе с Сушунем, т.е. клика ультраконсерваторов. В ноябре 1861 г. в Пекине произошел государственный переворот. Три регента во главе с Сушунем были казнены, а к власти пришли вдовствующая императрица — властная, развратная Цыси и князь Гун. Было провозглашено совместное регентство Цыси и далекой от политики второй вдовствующей императрицы, Цыань. Переворот 1861 г. в Пекине открыл дорогу более спокойной политике в отношении держав, дальнейшему усилению китайских сановников в верхних эшелонах власти и политике крайне ограниченных реформ под лозунгом «самоусиления» и «усвоения заморских дел». Все это облегчило временное сотрудничество династии Цин с державами для борьбы с тайпинами, а также экономическую экспансию европейского и американского капитала в Среднее государство.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

С начала 60-х годов вооруженная борьба в Китае вступила в свою новую стадию. Стал явственно сказываться количественный перевес над повстанцами цинских войск, провинциальных шэньшйско-помещичьих армий и их новых союзников — европейцев, создавших антитайпинские «отряды иностранного оружия».

В конце мая 1860 г. «богопоклонники» во главе с Ли Сюэном начали свой Восточный поход. Они захватили Чанчжоу, Уси и в начале июня без боя вступи-

531

ли в Сучжоу. Население приветствовало их как освободителей от грабежей и насилия правительственных войск. На сторону победителей перешли от 50 до 60 тыс. цинских солдат. Города сдавались без сопротивления, и к июлю «богопоклонники» заняли всю южную часть Цзянсу. В августе тайпины во главе с Ли Сюэном подошли к Шанхаю. Однако занять его им не удалось, ибо на сей раз против них выступили не только цинские войска, но и силы западных держав.

К началу 60-х годов державы убедились в неспособности тайпинов свергнуть династию Цин и, соответственно, в способности правящей династии в союзе с китайской реакцией рано или поздно покончить с повстанцами. После заключения Тяньцзиньских (1858 г.) и Пекинских (1860 г.) договоров державы все более склонялись к тому, чтобы сделать ставку на династию Цин. Тайпины, к тому же запретившие сбыт опиума, оказались преградой для держав. «Богопоклонники» же надеялись, что «западные братья по истинной вере» помогут им в борьбе с «маньчжурскими нехристями». Идя на Шанхай, Ли Сюэнь рассчитывал на благожелательный нейтралитет держав, но те его встретили артиллерийским огнем. Положение Тайпинского государства резко ухудшилось. Теперь оно получило войну на два фронта — против маньчжуров, усилившихся за счет освободившихся в 1860 г. войск на Севере, и против нового и крайне опасного врага — западных держав, ставших временными

союзниками династии Цин. Американский авантюрист Ф. Уорд в июне 1860 г. организовал в Шанхае на средства китайских компрадоров и богачей при покровительстве американского консула вооруженный отряд для борьбы с «богопоклонниками» под названием «Всегда побеждающая армия». По ее образцу иностранцами были созданы «Франко-китайский корпус» и «Англокитайский контингент». В Цзянсу и Чжэцзяне эти соединения наносили тайпинам серьезные удары. В январе 1862 г. войско Ф. Уорда уже насчитывало 8 тыс. солдат, а также располагало пароходами и джонками с пушками на борту. Одновременно все более укреплялся союз между маньчжурской аристократией и китайскими шэньши и помещиками. Будучи не в состоянии организовать борьбу с Тайпинским государством, династия Цин постепенно передавала эту функцию в руки сильной личности — Цзэн Гофаня и его окружения. Победы Сянской армии над «богопоклонниками» все более укрепляли положение Цзэн Гофаня. В 1860 г. он занял пост наместника Лянцзяна (Цзянсу, Цзянси и Аньхуэй), под его власть была также передана провинция Чжэцзян. Ему были даны чрезвычайные полномочия по борьбе с «длинноволосыми бандитами» в этих четырех провинциях. Набирали силу верные ему помощники — Ли Хунчжан, Цзо Цзунтан и другие организаторы провинциальных антиповстанческих армий. В начале 60-х годов в борьбу против тайпинов включились созданные на базе помещичьих дружин (*туаньянь*) в Аньхуэе Хуайская армия под командованием Ли Хунчжана и войско такого же типа, возглавляемое Цзо Цзунтаном. К этому времени против «богопоклонников» и няньцзюней сражались в общей сложности восемь провинциальных армий, «войска зеленого знамени», части «восемизна-менных» и монгольская конница. Цинские армии, сражавшиеся против тайпинов и няньцзюней, были вооружены современными винтовками, гаубицами и мортирами, а их офицеры отчасти переняли боевой опыт европейцев.

Тем временем в стане «богопоклонников» появилась тенденция к обновлению и реформированию Тайпинского государства. В 1859 г. главой правительства в

532

Нанкине стал двоюродный брат Хун Сюцюаня, выученик западных миссионеров Хун Жэньгань. Он выступал за модернизацию Китая. В своем проекте реформ «Новое сочинение в помощь управлению» («Цзычжэн синьпянь») он отстаивал идею умеренного сближения Китая с великими державами. Главная идея реформаторского синтеза Хун Жэньганя состояла в соединении традиционного «здорового» духа древности и «инструментальных» возможностей современности. Однако доктрина Хун Жэньганя так и осталась на бумаге, а сам он в 1862 г. на время был отправлен в отставку.

Некоторые реформы в духе Хун Жэньганя уже с 1862 г. стали проводиться в цинском лагере. Катастрофическая обстановка середины XIX в. вынудила правящие силы феодального Китая проявить инициативу в деле создания фабричной промышленности. Маньчжурские власти, а также лидеры Аньхуэйской (Ли Хун-чжан) и Хунаньской (Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан) военно-помещичьих группировок выступали уже не против машин вообще, а лишь против машин в руках чужеземцев, за создание «своей» фабричной промышленности. Первыми ее предприятиями стали казенные военные заводы, арсеналы и мастерские. Именно в этот период (1861-1872) было создано 11 арсеналов и заводов. Основателями почти всех их были высшие сановники или наместники провинций. Политика и практика «самоусиления» укрепили положение династии Цин, позволили существенно перевооружить армии Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана, создать их решающий перевес над тайпинами. В итоге к середине 1862 г. в ходе крестьянской войны наступил коренной перелом.

Столь же тяжелая ситуация сложилась в Гуанси вокруг армии Ши Дакая. В августе 1861 г. цинские войска и помещичьи дружины разгромили армию Чэнь Кая, взяли его столицу Сюньчжоу и ликвидировали «Государство Великих Свершений». Остатки войск «красноголовых» — всего до 30 тыс. человек — присоединились к Ши Дакаю. Ши Дакай двинулся через Гуанси на север. Обрастая все новыми отрядами местных повстанцев, армия Ши Дакая через западную Хунань в феврале 1862 г. вышла к Янцзы, имея в своих рядах уже 200 тыс. бойцов. Однако цинское командование в Сычуани лишило тайпинов всякой возможности форсировать бурную и стремительную здесь реку Янцзы. Почти год Ши Дакай маневрировал к югу от нее. Тем не менее в мае 1863 г. главные силы тайпинов переправились через Янцзы на сычуань-юньнаньской границе. Они двинулись через территорию народности ицзу — через труднопроходимые скалистые горы, теснины и топи. Цинским властям удалось подкупить вождей (*тусы*) ицзу и направить сюда большую армию. В начале июня измученные трудностями похода и недостатком продовольствия войска Ши Дакая вышли к р. Дадухэ. Здесь на переправе они попали в окружение цинских сил и отрядов ицзу. Голод и безвыходность положения заставили тайпинов сложить оружие, после чего все они были перебиты, а Ши Дакай казнен.

Резко ухудшилось положение и на периферии Тайпинского государства. В марте 1863 г. под Чжихэци (в северном Аньхуэе) была разгромлена самая крупная армия няньцзюней под командованием Чжан Лосина. В этом бою было убито более 20 тыс. повстанцев. Чжан Лосин попал в плен и был казнен. Тайпинское государство деградировало. Дезорганизация войск, падение дисциплины, деморализация военачальников и чиновников, бездумная раздача и

продажа титулов и рангов набирали силу. В лагере «богопоклонников» участились заговоры и измены. В июле 1862 г. на юге Аньхуэя на сторону врага перешел Тун Жунхай вместе со всей своей 60-тысячной армией. Начиная с 1863 г. многие князья и военачальники стали перебегать в цинский лагерь. Нанкин был блокирован со всех сторон. Еще с лета 1863 г. там начался голод, и руководивший его обороной Ли Сючэн, спасая мирных жителей, разрешил им покинуть город, который обороняли всего 4 тыс. боеспособных воинов. Обложившая Нанкин Сянская армия и другие цинские войска под командованием брата Цзэн Гофаня — Цзэн Гоцюаня во много раз превосходили силы «богопоклонников». Ли Сючэн предлагал Хун Сюцюаню прорваться в Хубэй или в Цзянси, чтобы там продолжить борьбу, но этот план был отвергнут. 1 июня 1864 г. Небесный князь покончил с собой, приняв яд. Ли Сючэн продолжал руководить обороной Нанкина еще полтора месяца. 19 июля 1864 г. войска Цзэн Гоцюаня взорвали крепостную стену и через пролом ворвались в Небесную столицу. За этим последовали дикая резня, погром и гигантский пожар. К исходу следующего дня были убиты десятки тысяч жителей. Ли Сючэн во главе небольшого отряда вырвался из горящего города, но вскоре был схвачен и четвертован. На плахе закончили жизнь Хун Жэньгань и юный наследник престола — сын Небесного князя. Тайпинское государство рухнуло. Измотанные непрерывными боями, последние отряды повстанцев 16 августа 1868 г. погибли в районе Чипина. Так завершилась крестьянская война 1850-1868 гг.

Эта продолжавшаяся 18 лет трагическая эпопея до основания потрясла Цин-скую империю, хотя цинский режим выстоял, а маньчжурская династия сохранила свое господство над завоеванным ею в XVII в. китайским и другими народами. Разгром тайпинов и других повстанцев отбросил Китай назад, приведя к гибели десятков миллионов человек, послевоенной разрухе и победе реакции.

КОНСОЛИДАЦИЯ ЦИНСКОГО РЕЖИМА

Выйдя победителем из полосы крестьянских войн 1850-1868 гг., цинский режим значительно укрепил свое положение. К началу 70-х годов кризис был в основном близок к преодолению. В провинциях восстанавливались помещичье землевладение и господство *шэньши* в местных делах. С особым рвением возрождались полицейская система круговой поруки (*баоцзя*) и система идеологического контроля (*сяньюэ*). Разрешалось печатать только конфуцианские книги, остальные искоренялись. Гигантская вспышка социального гнева низов бросила массу китайских помещиков и *шэньши*, в том числе и ранее оппозиционных маньчжурам, в объятия цинского режима. В ходе борьбы с тайпинами, няньцзю-нями, «красноголовыми», сычуаньцами и восстаниями тайных обществ укрепился союз «знаменных» и китайской верхушки — чиновников, *шэньши*, землевладельцев. Маньчжуры «потеснились» у кормила власти и допустили к ней лидеров китайских региональных военно-помещичьих и шэньшйских группировок. Главными из них стали Хунаньская во главе с Цзэн Гофанем и Цзо Цзунтаном и Аньхуэйская, руководимая Ли Хунчжаном. В руках этих лидеров находились

534

боеспособные, хорошо вооруженные армии с большим опытом ведения масштабных операций. Их командующие и офицеры за счет военной добычи, грабежа и казнокрадства составили себе огромные состояния.

В 1865 г. вдовствующая императрица Цыси отстранила от власти князя Гуна и стала по сути единственной правительницей Китая. В течение последующих 43 лет — вплоть до конца 1908 г. — эта умная, жестокая и коварная женщина сохраняла неограниченную власть. Цыси уже во многом делала ставку на лидеров региональных китайских военно-феодалных группировок. До начала 1870-х годов главенствовала наиболее сильная из группировок — Хунаньская. Цзэн Гофань стал заместителем столичной провинции Чжили и оказывал большое влияние на политику Пекина. Цыси вела крайне осторожную политику по отношению к западным державам, поскольку события 1868-1870 гг. давали явный предлог для нового вмешательства «варваров» во внутренние дела Цинской империи. Тогда по стране прокатилась волна антимиссионерских выступлений. Здесь, как и раньше, большую роль играли *шэньши* — ярые противники «варварской религии». Кульминацией этого движения явились события 21 июня 1870 г. в Тяньцзине. В них участвовало несколько десятков тысяч человек. Спровоцированная наглостью французского консула, толпа убила его, а также западных миссионеров и китайцев-христиан. При благожелательном нейтралитете чиновников, *шэньши* и войск были разрушены французское консульство, католический собор и христианские миссии. После этого во многих городах Китая прошли антииностранные выступления.

Полагая, что предстоит война по меньшей мере с Францией, цинское правительство двинуло в Чжили отборные части Хуайской армии. Однако руки Наполеона III были связаны войной с Пруссией, а Англия не сочла нужным в этих условиях начинать четвертую военную кампанию в Китае. Цыси была вынуждена возместить убытки Франции и послать в Европу искупительную дипломатическую миссию. Одновременно произошла перегруппировка сил в правящем лагере — лидерство перешло от

Хунаньской группировки к Аньхуэйской. На посту наместника столичной провинции Цзэн Гофаня сменил Ли Хунчжан. Его Хуай-ская армия разместилась в Чжили под предлогом отражения внешней угрозы. Он сохранил контроль над прежним своим наместничеством Лянцзян, в том числе над военными арсеналами в Нанкине, Шанхае и Сучжоу, а также над доходами от таможен и соляной монополии. Ли Хунчжан обосновался в Тяньцзине, взял под свой контроль сношения с державами и фактически подчинил себе Цзунли ямэнь. Все больше обрастая новыми должностями и рычагами власти, он получил еще большее влияние на политику Цыси, нежели Цзэн Гофань, после смерти которого в 1872 г. Ли Хунчжан стал наиболее влиятельным сановником империи.

Справившись с повстанческим движением в ханьских провинциях, Пекин перешел к ликвидации национальных восстаний на периферии империи. После поражения тайпинов и няньцзюней они уже не представляли для цинского режима особой опасности. Здесь главными его противниками оставались четыре крупных очага сопротивления. Ими являлись зона восстания народа мяо в Гуйчжоу, мусульманский султанат в Юньнани, дунганские повстанцы в Шэньси и Ганьсу, а также ханства в Синьцзяне.

535

Восстание мяо в Гуйчжоу началось в 1855 г. Среди его лидеров наиболее авторитетным был поденщик Чжан Сюэмэй. Повстанцы, чья общая численность составляла несколько сот тысяч, громили цинских чиновников и китайских помещиков. В 1865 г. на усмирение мяо были брошены сычуаньские и хунаньские войска, которые были вооружены иностранными винтовками и горной артиллерией. После ожесточенных боев удалось разбить повстанцев по частям. В 1872 г. погиб Чжан Сюэмэй. К 1873 г. длившееся 18 лет восстание было подавлено, после чего началось массовое истребление «мятежных варваров».

Начиная с 1856 г. в Юньнани полыхало восстание мусульман (*хуэй*). Оно было вызвано массовой резней последователей ислама, устроенной властями. Основной зоной восстания стала западная часть Юньнани. Лидером движения здесь выступил торговец и проповедник Ду Вэньсю. Повстанцы создали в 1856 г. исламское «Государство умиротворенного Юга» («*Пин Нань го*») со столицей в г. Дали. Ду Вэньсю принял имя Сулейман и титул султана. В целом силы *хуэй* остались разобщенными.

В 1871 г. цинские войска подавили очаги сопротивления в восточных и южных районах Юньнани и перешли в наступление на султанат Сулеймана. 70-тысячное цинское войско в 1872 г. пробилось к Дали и осадило город. Потеряв всякую надежду, Ду Вэньсю, чтобы спасти население столицы, в декабре 1872 г. сдался врагу и принял яд. Дали капитулировал на условии сохранения жизни его обитателей. Однако вскоре победители устроили здесь массовую резню безоружных мусульман, уничтожив более 30 тыс. человек. К июню 1873 г. остальные очаги сопротивления *хуэй* были подавлены.

В начале 60-х годов резко обострилось противостояние дунган — мусульманской части населения Шэньси, Ганьсу и Цинхая — цинским властям. К запрещению маньчжурами исламской секты Новое учение (*Синьцзяо*), произволу чиновников в отношении мусульман-дгуэм, незатухающей религиозной вражде между ханьцами-конфуцианцами и дунганцами добавились новые налоги. В 1862 г. восстание дунган началось в области Сиань, быстро охватило всю Шэньси и одновременно Ганьсу. Во главе движения встало духовенство секты Синьцзяо. *Ахуны* (муллы) объявили священную войну (*джихад*) против «неверных». Центрами восстания стали мечети. Жесткая дисциплина секты Синьцзяо придала движению организованность. Во главе его встал главный ахун — богатый купец и помещик Ма Хуалун. Его базой стала крепость Цзиньцзи (Цзиньцзипу) в Нинся. Восстание перекинулось в новые районы, а в 1867 г. охватило Цинхай. В конце 1868 г., когда объединенные войска тайпинов и няньцзюней были уничтожены, в Шэньси было направлено воинство Цзо Цзунтана. Оно состояло из солдат Сян-ской и Хуайской армий, имело богатый боевой опыт и современное вооружение.

Цзо Цзунтан действовал с невероятной даже для маньчжуров жестокостью, поголовно уничтожая всех *хуэй*, массами бежавших в Ганьсу. Ожесточенные бои длились несколько месяцев. В них окреп и стал крупной боевой силой отряд Мо-хаммеда Аюб Биянху — сына городского старосты. К 1874 г. восстание было потоплено в крови. Отряды повстанцев отступили в Синьцзян. Туда в 1873 г. вместе с Биянху ушли десятки тысяч дунган.

Острое социальное недовольство и китайско-маньчжурский гнет резко обострили ситуацию в Синьцзяне. Восстание дунган в Шэньси и Ганьсу в 1862 г. ли-

536

шило цинские власти в Синьцзяне дотаций из казны наместничества Шэньгань. Местная бюрократия пыталась компенсировать эту потерю за счет повышения налогов и незаконных изъятий. Все это подталкивало население к всеобщему восстанию. В июне 1864 г. взбунтовались солдаты-дунгане гарнизона Кучара, а за ними поднялось и остальное население. Против цинского господства выступили почти все мусульманские народы Синьцзяна — уйгуры, дунгане, киргизы и таджики. Во главе движения встали духовные феодалы (*ходжи, имамы*) и простые муллы (*ахуны*). Борьба носила не только антиманьчжурскую, но и антикитайскую направленность. Победоносное народное восстание

1864 г. покончило с цинским режимом в Кашгарии. В 1867 г. восстало уйгурское население Илийского края. Таким образом, практически весь Синьцзян на 13 лет — до 1877 г. сбросил маньчжурское иго. На месте бывшего цинского наместничества возникло пять небольших мусульманских государств. Такая политическая раздробленность в условиях цинской угрозы требовала скорейшего объединения. Создание единого государства происходило на базе наиболее сильного Кашгарского ханства. Им руководил военачальник хана Кашгарии — Мохаммед Якуб-бек, неграмотный таджик, выходец из низов, ставший выдающимся политическим деятелем.

Якуб-бек создал многочисленную армию, ее силами осуществил объединение Восточного Туркестана и приобрел поддержку населения. Другие ханства, султанаты и эмираты были подчинены Кашгару, а новое уйгурское государство получило название «Йеттишар» («Семиградье»). Якуб-бек был провозглашен ханом Йеттишара под именем Бадоулет. Его войска совершили два похода против дунганского Урумчинского султаната и в 1870–1872 гг. присоединили его территорию к Йеттишару. На сторону Якуб-бека перешел Биянху, в 1873 г. обосновавшийся в Урумчи, а также другие дунганские командиры и беженцы из Северо-Западного Китая. Якуб-бек провел целый ряд реформ. Он модернизировал свою 45-тысячную армию, упростил бюрократическую систему, сократил аппарат, резко уменьшил налоги, сборы и повинности, отменил внутренние пошлины и упорядочил финансы. Правитель Йеттишара поощрял торговлю, строил караван-сарай, прокладывал новые каналы и иные оросительные системы, благодаря чему расширил пахотную площадь. Вместе с тем созданный им режим был суровым и подчас жестоким.

Для укрепления своего государства Якуб-бек стремился использовать противоречия между Россией и Англией, предлагая той и другой свою дружбу. Англия пыталась направить кашгарского хана против России, помогая ему до 1877 г. из Индии оружием и военными советниками. Такая же помощь оказывалась хану и со стороны Турции. Чтобы предотвратить захват Якуб-беком Таранчинского султаната и не допустить английского влияния в Средней Азии, русские войска в 1871 г. оккупировали Илийский (Кульджинский) край и ликвидировали здешнее уйгурское государство.

Тем временем в Пекине вновь разгорелась борьба за власть. В феврале 1873 г. Цыси была вынуждена официально передать руководство страной своему сыну — Цзайчуню, но сохранила за собой реальное управление империей. В январе 1875 г. развратный и больной богдохан умер. В нарушение всех правил престолонаследия Цыси возвела на трон своего трехлетнего племянника Цзайтяня с девизом правления Гуансюй (1875–1908). Началось второе — после 1861-

537

1873 гг. — регентство Цыси (1875–1889). Она сохранила за собой всю полноту власти, формально оставаясь одной из регентш.

Вновь осложнилось международное положение Цинской империи. Воспользовавшись инцидентом на границе Юньнани в феврале 1875 г., Англия пригрозила Китаю войной и заставила Пекин в сентябре 1876 г. подписать в Яньтае (Чифу) так называемую Чифускую конвенцию. Последняя отменяла таможенное обложение иностранных товаров, вводила для дипломатов европейские права и привилегии, а также создавала в «открытых» портах смешанные китайско-иностранное суды. Для западной торговли открывались еще четыре порта — Ичан, Уху, Вэньчжоу и Бэйхай. Устанавливались шесть якорных стоянок на Янцзы, и разрешалась пограничная торговля из Бирмы с Юньнанью. Пекин выплатил контрибуцию и пошел еще на ряд уступок. Так, без ведения очередной торговой войны Англия, а за ней и остальные державы добились нового расширения своих позиций в Китае. Чифуская конвенция стала очередным этапом на пути превращения страны в полуколонию.

Цинскому режиму оставалось расправиться с последним очагом антиманьчжурского сопротивления — с государством Йеттишар. В 1875 г. наместник Шэньганя и чрезвычайный эмиссар по делам Синьцзяна Цзо Цзунтан после двухлетней подготовки двинул свое 70-тысячное войско на покорение Джунгарии. Поскольку он умело поддерживал в Якуб-беке надежду на договор с Пекином об автономии Кашгарии в рамках Цинской империи, Джунгария была сдана ему почти без боя. После этого в середине апреля 1877 г. Цзо Цзунтан внезапно бросил против Йеттишара все свои силы. Несмотря на помощь отрядов Биянху и других командиров-дунган, войска Якуб-бека терпели поражения. В мае 1877 г. он был отравлен кем-то из своего окружения. Йеттишар распался на три враждовавших между собой владения. В декабре 1877 г. вся Кашгария была покорена. Каратели казнили тысячи мусульман и десятки тысяч бросили в темницы. Биянху с отрядами дунган нашел убежище в русских владениях.

С падением Йеттишара в истории Китая завершилась последняя стадия социально-демографического, экономического и династийного цикла (последняя четверть XVII — третья четверть XIX в.), из которого Цинская империя вышла в состоянии тяжелой послевоенной разрухи.

Глава 17

КОРЕЯ В КОНЦЕ 1840-х — НАЧАЛЕ 1870-х ГОДОВ

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УХУДШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

К середине XIX в. корейское общество продолжало страдать от неурожаев, голода, эпидемий, разнузданной коррупции чиновников — сборщиков налогов. Последствием воздействия всех этих факторов явилось сокращение пахотных площадей. Стремясь приостановить обнищание крестьянства, власти в кон-де 50-х годов издали указ (который неоднократно повторяли), запрещавший взимать налоги за покинувших землю и умерших родственников. Однако указ оставался на бумаге. Как свидетельствовали записи в правительственной хронике вана Чхольчона за 1862 г., по сведениям чиновников, прибывавших с ревизией в провинцию Кёнсан, военный налог взимали 4-5 раз в год с каждого мужчины и более 10 раз с каждого крестьянского двора. Впрочем, параллельно происходили рост частнопомещичьего землевладения и увеличение официально освобожденных от налогов залежных и пострадавших от стихийных бедствий земель. В 1864-1874 гг. эти категории земель выросли на 14 тыс. кёль и превысили 480 тыс. кёль.

Небывалых размеров достигли махинации чиновников-сборщиков налогов при требовании уплаты процентов по долговой ссуде зерном, выданной центральным правительством еще предкам крестьян. Большая часть этих долгов была фиктивной. Как констатировал губернатор Хванхэ, бремя по возвратному зерну было невыносимым для народа. В 1862 г. ван Чхольчон создал специальное ведомство для искоренения злоупотреблений при взимании земельного, военного налогов и *хваток*. Как свидетельствовала энциклопедия «Чынбо мунхон бито», сумма фиктивного долга крестьян правительству по *хваток* к этому времени достигла 2 816 916 сок¹. Из них предписывалось аннулировать 1 877 944 сок, а выплату оставшегося растянуть на десять лет. Дополнительные трудности, усугублявшие бедственное положение крестьян, создавало взимание властями налогов деньгами. Так, в 1844 г. в центральных провинциях Чхунчхон и Кёнсан и северного Хванхе треть налогов, уплачиваемых государству, взимали уже деньгами. Невыносимые условия существования заставляли крестьян покидать родные деревни в поисках лучшей жизни. Если ранее, в первой половине XIX в., крестьяне шли на заработки в крупные города, то в 60-е — начале 70-х годов они уже не находили там применения своим силам. Более того, правительственная хроника за 1852 г. отмечала, что беднота бежала из столицы в поисках работы. По

¹ Сок — мера объема, применявшаяся для измерения урожая, равная 180 л.

539

сведениям хроники за 1858 г., в южных районах — Масане, Чханвоне, Чхильп-хо — городская беднота не могла найти способа пропитания.

С середины XIX в. крестьяне не только бежали в горные районы, где занимались подсечным земледелием, но и уходили за границу на русский Дальний Восток и в Маньчжурию. К 1864 г. в районах Южно-Уссурийского края, по данным Приамурского генерал-губернатора, уже образовалось 15 корейских деревень, население которых составляло около 10 тыс. человек.

Торговля и ремесла переживали последствия упадка сельского хозяйства, но в то же время они постепенно высвобождались из-под контроля государства. Явственно проявилась тенденция роста крупных частных ремесленных мастерских и торговых купеческих домов. В южных и северных районах появились ремесленные мастерские, в которых работало более 90 человек.

К середине 30-х годов внутрикореяская торговля уже испытывала воздействие нового фактора, а именно притока иностранных товаров через посредничество китайских торговцев. Английские хлопчатобумажные ткани заполнили не только пограничные, но и внутренние рынки страны. В 1852 г. глава компании по торговле отечественным хлопком был вынужден обратиться к правительству с протестом против ввоза американских и английских тканей.

Широкую посредническую торговлю вели и японские купцы, перепродававшие товары английского и американского производства. Оборот этой торговли постоянно возрастал и в 1873 г. составил 52 382 мекс. долл.

Серьезные перемены произошли в 60-70-е годы и в политике корейского государства в ответ на растущую экспансию США и держав Европы на Дальнем Востоке. Как известно, англо-французское вторжение в Китай привело к подписанию неравноправных договоров и превращению «центра Мироздания», Поднебесной империи, в полуколонию, которую в 1850-1864 гг. к тому же сотрясала крестьянская война тайпинов.

ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ». ПОЯВЛЕНИЕ НОВОЙ РЕЛИГИИ — ТОНХАК

Правительство Кореи было потрясено событиями, произошедшими в Китае — государственно-сюзерене. Оно опасалось вторжения на свою территорию иностранных войск и отрядов восставших тайпинов. Ван Чхольчон оповестил население о нависшей угрозе и необходимости

укрепления границы. Он сообщил также о проведении нового политического курса на «самоусиление», что предполагало сохранение в неизменности восточной морали при восприятии западной техники, главным образом военной.

С этого времени в столичных и провинциальных правящих кругах произошло размежевание на сторонников «самоусиления» и ревнителей старой политики изоляции. Большинство столичного и провинциального чиновничества, учащиеся конфуцианских школ были ярыми приверженцами политики изоляции.

Эту часть общества в 1860-х— начале 1870-х годов возглавили идеологи конфуцианства Ли Ханно (Хвасо, 1792-1868), Ки Джонджин (Носа, 1798-1876),

540

Лю Нинсок (Нам, 1843-1917), Чхве Икхён (Менам, 1833-1906). Они ратовали за усиление изоляции и укрепление обороны Кореи, протестуя против контактов с иностранными державами, ведущих к проникновению чужеземной цивилизации.

В эти годы недовольство политической властью, распространившееся среди различных социальных групп, как янбан, так и крестьян, выразилось в принятии растущим количеством корейцев западной веры — католицизма.

В 60-е годы XIX в. в Корею появилось новое религиозное учение, которое должно было противостоять распространению западной религии. Новая вера называлась *тонхак* — восточное учение. Создателем тонхак был Чхве Джеу (1834-1864) — сын известного конфуцианского ученого от наложницы, принадлежавший в силу своего происхождения к менее привилегированной, чем янбаны, социально-правовой группировке правящего слоя. Новое учение синтезировало основные положения буддизма, даосизма, конфуцианства, а также христианства. Из наследия Конфуция Чхве Джеу заимствовал учение «о пяти житейских отношениях»; из буддизма — об очищении сердца; из даосизма — аскетическую проповедь об очищении тела от нравственной и физической нечистоты; из христианства — идеи монотеизма и равенства всех людей перед Всевышним.

Тонхак содержало учение о божественной сути человека, утверждая, что человек и Бог — понятия идентичные. Бог присутствует в каждом человеке без различия сословного статуса. Подобные постулаты противоречили догматам конфуцианства, согласно которым единственным представителем Бога на земле, т.е. Сыном Неба, был китайский император — *хуанди*, сюзерен корейского вана. Тонхак утверждало идею идеального государства, которое объединяло бы всех подданных без сословных различий. Это важное положение учения тонхак можно считать тождественным религиозным ересям, которые стали знаменем крупных народных восстаний не только в странах Дальнего Востока, но и в Европе.

Новое верование было быстро воспринято самыми широкими слоями населения, от янбан до крестьян. Чхве Джеу организовал секту *тонхак*, ответвления которой (*ихо*) создавались в различных провинциях страны. Тонхаки стали участниками и организаторами народных движений. Правительство предпринимало решительные меры, чтобы пресечь распространение нового учения. Выступления под лозунгами тонхак власти считали выражением протеста против традиционных государственных устоев. В 1864 г. Чхве Джеу был схвачен и казнен. Его последователи подвергались гонениям. Проповедь тонхак была строжайше запрещена. Но число тонхаков росло, народные восстания с их участием не затихали.

В 1862 г. Корею сотрясали волнения крестьян, городской бедноты, ремесленников и торговцев. Восстания начались в уезде Чинджу провинции Кёнги и получили название «Чинджуская гроза» («*Утхон*»). С повстанцами жестоко расправились правительственные войска. Но восстание охватило и соседние уезды в провинции Чолла. В районы народных волнений был направлен ревизор (*амхэноса*) для расследования причин беспорядков.

К весне 1862 г. крестьянскими волнениями уже были охвачены северная и центральная провинции Хамгён и Чхунчхон. В течение 1862 г. антиправительственные выступления отмечались и среди солдат провинциальных войск. Правительство принимало решительные меры по наведению порядка. Многих чиновников сняли со своих постов. Ван Чхольчон в 1862 г. образовал Особый прави-

541

тельствственный комитет по выработке реформ и призывал чиновников представлять ему проекты преобразований, направленных на улучшение налоговой и военной систем. Тем не менее в феврале 1863 г. поднялся даже столичный гарнизон.

Решительный шаг к проведению реформ был сделан в середине 60-х годов, когда за малолетнего вана Коджона (1864-1907) правил в качестве регента его отец Ли Хаын (1864-1873), известный под титулом *тэвонгун*. Суть политического курса, проводимого тэвонгуном, выражал тезис — «внутренние реформы и внешняя защита» (*нэсу еэян*) государства. Во внешней политике тэвонгун проводил курс на усиление изоляции страны. Он способствовал укреплению границ, преобразовал военное ведомство. По его указу на о-ве Канхвадо и в Инчхоне соорудили новые военные форты; на пограничной

территории создали военные поселения; в Японии было закуплено новое оружие.

Тэвонгун провозгласил и ряд социальных реформ, что вызвало недовольство провинциальных чиновников.

Тэвонгун объявил об уравнивании сословий янбан, *чуньин* и простого люда (в их числе *тхохо* и купцов) и о введении единого подворного налога для всего населения. Он отменил также военный налог, которым ранее облагали крестьянские дворы. Однако налоговая реформа тэвонгуна встретила решительное противодействие центральных и провинциальных чиновников и фактически осталась на бумаге.

Отстранив от власти андонских Кимов, правительство тэвонгуна выдвигало на видные посты янбан из южных и северных провинций, которые ранее подвергались дискриминации. Тем самым были ослаблены влиятельные роды, стремившиеся сорвать реформы, направленные на централизацию государственного устройства.

Был провозглашен эдикт о безусловном подчинении провинциальных управлений центральным ведомствам, дабы препятствовать сепаратистским действиям местных властей и усилить контроль над ними. В 1866г., чтобы упорядочить выпуск монет, положить конец хаотичному их хождению, правительство тэвонгуна издало указ о денежной реформе. Старые монеты изымались из обращения и заменялись новыми (*танбэкчон*), цена монет была объявлена в 4-5 раз выше старых, что привело к девальвации. Закупив в Китае монеты, стоимость которых была вдвое ниже отмененных корейских денег, правительство принудительно их меняло как равноценные. Население отказывалось принимать эти монеты. В ряде районов вспыхнули волнения. Финансовый хаос в стране возрастал.

Тэвонгун преследовал распространение западной веры, а также новой национальной религии тонхак.

Особый протест вызвал указ тэвонгуна о закрытии конфуцианских храмов славы (*совон*), члены которых были в оппозиции тэвон-гуну. В середине XIX в. влияние конфуцианских храмов значительно усилилось. Они владели землей, рабами. Из мест поминания предков и знаменитых китайских и корейских деятелей совон превратились в центры антиправительственных заговоров янбан. Из 600 совон тэвонгун оставил 47. Массовое движение конфуцианской бюрократии и учащихся конфуцианских школ вызвал указ правителя о ликвидации храма Мандонмё в честь императора минского Китая Ицзюня (Ван Ли, 1573-1620). В январе 1866 г. 1468 конфуцианцев обратились к трону с петицией, требуя восстановления Мандонмё. Они доказывали, что после 1644 г., т.е.

542

воцарения маньчжурской династии в Китае, Корея — единственная хранительница чистоты конфуцианских традиций. В петиции говорилось, что Корея невелика и изолирована от внешнего мира, но она известна как «Малый Китай». Корейского ученого XVII в. Сон Сирёля конфуцианские лидеры называли корейским Конфуцием. Они отвергали политику тэвонгуна как противоречащую конфуцианским идеалам, призывали к борьбе с ним, к усилению «самоизоляции», клеймили как «ересь» все внешние влияния, кроме китайского.

Тэвонгун, объявив реформы, несомненно, стремился укрепить личную власть путем создания централизованного государства. С целью возвеличения власти вана он приступил к восстановлению дворца Кёнбоккун, тратя на реставрацию огромные средства и согнав на работы десятки тысяч людей. Реформы тэвонгуна в основном оставались на бумаге, так как получали отпор у конфуцианской бюрократии, обвинявшей тэвонгуна в преступном посягательстве на устои предков.

Разногласия тэвонгуна и конфуцианской бюрократии касались только вопросов внутренней политики. В области же внешних отношений правительство тэвонгуна действовало в рамках традиционной охранительно-конфуцианской догматики, непоколебимо отвергая попытки Японии, а затем европейских держав и США заключить торговые договоры и установить дипломатические отношения.

ВТОРЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ

Между тем Япония, западноевропейские государства и Соединенные Штаты Америки в середине XIX в. проявляли большую заинтересованность в установлении контактов с Кореей. Еще в 1856 г. американский дипломат П.Паркер обратился в Государственный департамент США с предложением организовать экспедицию трех держав — Франции, Англии и США — против Китая и одновременно захватить Корею.

С 60-х годов Государственный департамент США приступил к планомерному осуществлению планов по вторжению в Корею. Американское судно «Сэпрайз» в 1866г. потерпело крушение у корейских берегов. Команда была спасена корейцами и отправлена в Китай. 17 августа того же года американский корабль «Генерал Шерман» прибыл к берегам Кореи, в пределах уезда Пхеньян, требуя заключения американо-корейского торгового договора. Местные власти снабдили корабль продовольствием и потребовали, чтобы он покинул корейские воды. Американцы не только отказались подчиниться, но и арестовали прибывших на борт корейских чиновников. Тогда губернатор провинции Пак Кюсу отдал приказ атаковать вражеский корабль. «Генерал Шерман» затонул, команда погибла. Даже американские дипломаты и историки, оценивая это событие, были вынуждены признать, что его

причиной были вызывающие действия американской команды.

В эти же годы французское правительство продолжало распространять свое влияние в Корею через деятельность миссионеров. В 1856 г. в Корею уже действовали два французских католических епископа и четыре миссионера, которые

543

открывали школы, создали собственную типографию, бесплатно распространяли среди населения религиозную литературу.

К 1863 г., по неполным данным, в стране насчитывалось уже 20 тыс. корейцев-христиан. Корейские хроники 60-х годов сообщают о бесчеловечных мерах, которые продолжало предпринимать правительство, чтобы пресечь распространение католицизма. В январе 1866 г. казнили девятых французских миссионеров и десять тысяч корейцев, принявших христианство. В том же году Государственный совет (*Ыйджонбу*) обнародовал указ, предписывавший центральным и местным управам изымать и сжигать иностранные книги. Огню была предана корейская грамматика, составленная епископом Бернье.

Жестокие гонения не приостановили распространения ни тонхак, ни христианства. Тогда власти в том же, 1866 г. издали декрет о создании «пятидворок», согласно которому из жителей каждых пяти дворов выбирался староста, обязанный следить за настроениями членов его пятерки. Хроники 70-х годов пестрят сообщениями о расправах над «отступниками с истинного пути», о превращении в рабов жителей за контакты с иностранными миссионерами. Несмотря на все предпринимаемые меры, корейское правительство было бессильно изолировать Корею от внешних контактов.

В том же, 1866 г. в Корею была направлена французская эскадра под предлогом наказания за казнь французов-миссионеров. Эскадра отплыла из китайского порта Яньтай (Чифу) и 16 октября высадила десант, который начал штурм о-ва Канхвадо. Французским морякам, вооруженным новейшей военной техникой, не составило труда овладеть островом, где размещалась летняя резиденция корейских ванов, хранились национальные архивы, библиотека. Французы вывезли уникальные ценности, серебро, золотые слитки.

С о-ва Канхвадо интервенты начали готовить поход на Сеул. Правительство объявило всеобщую мобилизацию. В стране стали стихийно создаваться партизанские отряды из представителей разных социальных групп, направлявшиеся в Сеул. Их возглавляли конфуцианцы Ли Ханно, Чхве Икхён, Лю Нинсок. Из северных провинций прибыли охотники на тигров, славившиеся как меткие стрелки. Усилиями армии, местного населения, партизанских отрядов интервенты были наголову разбиты в районе Тхонджина и на острове и в панике бежали на корабли. Прибывшее на помощь французам подкрепление также было разбито.

После поражения французов в 1868г. из Шанхая отплыла американская экспедиция, состоявшая из кораблей «Чайна» и «Грета», под командованием Ф.Дженкинса, на чьи средства были снаряжены суда. Ф.Дженкинс вез текст американо-корейского торгового договора, в котором содержались статьи об открытии для торговли портов на западном и южном побережье Кореи и установлении в них консульской юрисдикции, о беспошлинной торговле, свободном вывозе ценных металлов, снятии запрета на проповедь христианства, а также требование компенсации за потопленное судно «Генерал Шерман».

Корабли прибыли в залив Асан в провинции Чхунчхон, в районе Куманпхо, где высадили десант и направили послание с предложением для начала открыть порты для иностранной торговли. По ходу дела матросы разграбили могилу отца тэвонгуна, по слухам содержавшую золото и серебро. Тогда местные жители изгнали пришельцев. Корабли двинулись к о-ву Ёнчхондо и снова высадили де-

544

сайт, который продолжал мародерствовать. Жители Ёнчхондо также изгнали мародеров.

В 1871 г. Государственный департамент США санкционировал новую крупную военную экспедицию в Корею. Командование экспедицией было возложено на адмирала Д.Роджерса, главу дальневосточной американской эскадры, и посланника США в Китае Ф.Лоу. 15 мая 1871 г. в порту Нагасаки объединились все американские флотилии — пять военных кораблей, большое число паровых судов с 1230 солдатами на борту при 85 пушках. 26 мая эскадра взяла курс на корейский остров Канхвадо. Местные власти при первом появлении американских судов в заливе Асан потребовали их удаления. Но американцы 10 июня высадили десант численностью 650 человек, который разграбил форт Чонжиджин и начал штурм крепости Квансонджин. Героизм, который проявляли корейские солдаты и местное население при отражении агрессии, поразил американских дипломатов и военных. Американский генерал Шлей, участник этих событий, в книге «40 лет под американским флагом» писал: «Американцев ожидал ужасный прием, так как внутри (в крепости. — Г.Т.) каждый готов был умереть на своем посту и заражал своей решимостью остальных». Американское командование было вынуждено отдать приказ покинуть остров.

Более трех недель американская эскадра безуспешно курсировала в корейских водах, пытаясь склонить

правительство Коджона к переговорам.

Иностранная агрессия в 1866 и 1871 гг. пробудила энергию освободительной борьбы корейского народа. Конфуцианцы в период и после изгнания интервентов требовали, чтобы правительство не только усилило изоляцию страны, но и пресекало любую возможность знакомства корейцев с культурой, техническими достижениями иноземных держав.

После 1871 г. правительство тэвонгуна пристальное внимание обращало на укрепление обороноспособности государства. Особое опасение вызывали у него северные границы, где существовала опасность вторжения китайских повстанческих отрядов, а также англо-французских войск.

Власти приняли ряд мер, чтобы воспрепятствовать поселению нищих крестьянских семей в пограничной зоне между Кореей и Китаем².

ДВИЖЕНИЕ КЭХВА УНДОН И «ОТКРЫТИЕ» КОРЕИ

Несмотря на господство консервативной бюрократии, в условиях жесточайших преследований за малейшее инакомыслие, в «закрытой» стране продолжалось развитие прогрессивного течения общественной мысли. Образованная молодежь — последователи идейных воззрений сирхакских ученых — в середине XIX в. положила начало движению за реформы (*кэхва ундон*), к которому

² Эта незаселенная территория на границе была создана для обеспечения изоляции Кореи от внешнего мира. Зона патрулировалась китайскими военными по соглашению с корейскими властями.

545

примкнули переводчики, врачи, астрономы и даже буддийские монахи. Участники этого движения призывали к установлению широких контактов с иноземными государствами, к восприятию их достижений, отмене вассальной зависимости от Китая, равенству сословий, развитию экономики. Зачинатели этого движения — переводчики О Ёнсок (Ёнмэ, 1831-1879) и Лю Дэчхи (Ыхонгю, род. в 1830 г.), а также янбан, крупный правительственный чиновник Пак Кюсу (Хванджэ, 1807-1876), — бывали в Китае, познакомились с достижениями европейской науки и техники. Они знали сочинения вождя тайпинов Хун Сюцюаня, а также книги протестантского миссионера У.Мартина — «Введение в естествознание» и «Законодательные акты народов мира». Дом Пак Кюсу, внука одного из крупных сирхакских ученых и писателей, Пак Чивона, с начала 70-х годов стал центром, где собиралась прогрессивно настроенная молодежь из янбанских и разночинных семей. Среди них особенно выделялся молодой янбан Ким Оккюн (1851-1894), в дальнейшем глава движения за реформы. Реформаторы уже были знакомы с сочинениями иностранных авторов, привозимыми из Китая. Особой популярностью в кругах корейских реформаторов пользовалось сочинение китайского просветителя, одного из идеологов политики «самоусиления», Вэй Юаня, «Географический очерк и карты заморских стран», написанное еще в 1842 г. В 50-х годах книга была привезена в Корею членами дипломатической миссии и переведена на корейский язык. Вэй Юань не только описывал географию заморских стран, но и приводил сведения об их экономике, политике, культуре. В Корее распространялись шанхайский «Официальный вестник о странах мира», пекинский ежегодник «Записи об увиденном в Китае и на Западе», печатавшие статьи по вопросам политики, экономики и естественных наук.

Приобретая знания о странах мира, реформаторы постепенно вырабатывали свою программу, отличную не только от воззрений конфуцианских идеологов, но и от сторонников «самоусиления». Их идеалом стала Англия — монархия с конституцией и парламентом.

Между тем после неудачных походов в Корею Франции и США и переориентации их экспансионистской политики прежде всего на Китай непосредственную угрозу для Кореи стала представлять Япония. Самурайская оппозиция требовала похода в Корею. Непосредственным предлогом для готовившегося вторжения на континент явились отказ тэвонгуна признать новое японское правительство и высылка из Сеула его представителя. Правда, разногласия в японских правящих кругах на несколько лет предотвратили японское военное вторжение в Корею.

В 1874г. в Корее сменилось правительство. После достижения совершеннолетия ваном Коджоном тэвонгун был отстранен от власти. Правление страной фактически перешло к родственникам жены вана — клану Минов. Новое правительство считало целесообразным возобновить дипломатические отношения с Японией, и в сентябре 1875 г. начались переговоры. Но в октябре этого же года правительство микадо начало вооруженную агрессию. Японские военные суда вошли в устье р. Ханган, на которой расположен Сеул, высадив десант, осуществивший нападение на форты. Вслед за этим в январе 1876 г. в Корею была отправлена вооруженная экспедиция на двух военных и четырех транспортных кораблях с 800 солдатами на борту.

546

Экспедицию возглавили генерал Курода и дипломат Иноуэ Каору, которые от имени правительства Японии должны были заставить Корею вступить в торговые и дипломатические отношения, открыть порт для внешней торговли, разрешить японским судам производить гидрографические работы вдоль

корейских берегов. В случае же отказа Курода угрожал военной интервенцией. Правительство вана Коджона готово было приступить к обсуждению условий договора с Японией. Мины рассчитывали этим актом укрепить собственные позиции в стране, побороть влияние тэвонгуна и закупить через Японию западную военную технику. Их позицию поддерживала часть столичного чиновничества — сторонники «самоусиления», а также реформаторы. Но основная масса населения, центральное и провинциальное чиновничество оставались во власти консервативно-конфуцианских убеждений. Идеологи конфуцианства предсказывали гибель страны в случае установления контактов с «иностранными варварами». На стенах домов в Сеуле вывешивались призывы к жителям не допустить в страну иноземцев. На имя вана направлялись многочисленные петиции протеста. Чхве Икхён, один из лидеров конфуцианцев, организовал многолюдный поход к воротам дворца вана. Демонстранты шли с топорами в руках, заявляя о готовности покончить с собой, если в Корею войдут иноземцы. В этот период державы Западной Европы и США благосклонно наблюдали за действиями Японии в отношении Кореи. Они рассматривали заключение японо-корейского договора как прецедент, открывавший дорогу для их собственного проникновения в эту страну. Китай же считал, что японское правительство не осмелится посягнуть на Корею, находившуюся в давней вассальной зависимости от правительства Цинов, и потому также не препятствовал японским акциям.

26 февраля 1876 г. на Канхвадо был подписан японо-корейский договор «о дружбе и торговле», по которому правительство Кореи предоставляло гражданам Японии право экстерриториальности, консульской юрисдикции, открывало три порта, в их числе Пусан, для торговли. Корейские власти отныне утрачивали право контроля над деятельностью японских купцов.

В августе 1876 г. правительство *микадо* добилось подписания дополнительных статей к Канхваскому договору, по которым японские товары не облагались таможенными пошлинами, а японские деньги допускались к обращению на корейских рынках.

Заключение договора с чужеземной державой, означавшее прекращение внешнеполитической изоляции, всколыхнуло реакционно настроенных конфуцианцев. Их идеологи Чхве Икхён, Ли Мансок, Ким Бёнмук требовали отмены договора, казни его инициаторов. Конфуцианцы собрали в апреле 1881 г. 10 тыс. подписей под петицией протеста против контактов с чужеземными государствами. Столицу наполнили студенты конфуцианских училищ из провинций Кёнги, Чхунчхон, Чолла, Канвон, требуя прекращения отношений с иноземными странами, бойкота товаров японских купцов. В петициях требовали «изгнать иностранцев».

Однако дипломатические и торговые отношения Кореи и Японии были установлены. В Японию на учебу выехала первая группа корейских юношей из янбанских семей, что вызвало взрыв негодования конфуцианских лидеров, требовавших «обучения только внутри страны и борьбы с иностранцами».

547

Между тем заключения договора с Кореей добивались Соединенные Штаты Америки. От имени цинского правительства Китая Ли Хунчжан убеждал корейские власти заключить договор с США и другими западными державами. Но из-за растущего в стране недовольства появлением японских торговцев и протеста конфуцианцев корейское правительство тормозило подписание нового договора с иностранной державой.

Только 22 мая 1882г. американо-корейский договор был подписан. Американцы получили право арендовать землю в «открытых» портах, основывать там предприятия, разрабатывать природные ресурсы, нанимать корейских рабочих. Специальные статьи договора предусматривали права консульской юрисдикции, экстерриториальности, а также свободы религиозной пропаганды. Студентам-корейцам предоставлялось право обучения в США.

В 1883 г. был заключен аналогичный договор с Англией, в 1884 г. — с Италией и Россией, в 1886 г. — с Францией.

Глава 18

ЯПОНИЯ В 1840-1860-е ГОДЫ. «РЕСТАВРАЦИЯ МЭЙДЗИ»

Политические изменения в 1840-1860-х годах завершились «Реставрацией Мэйдзи» — преобразованиями, в ходе которых были созданы условия для модернизации страны. «Реставрация» стала результатом сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов. Главным было изменение внешних условий существования токугавской Японии после поражения Китая в «опиумной» войне 1839-1842 гг. Вследствие закрытого характера японского общества, строгой иерархии в принятии внутри- и внешнеполитических решений, а также замедленного темпа колониальной экспансии западных стран в Северо-Восточной Азии значение этого события первоначально было осознано немногими. Только прибытие «черных кораблей» коммодора Мэфью Перри (1853 г.) и предъявленный им ультиматум обнажили перед всей страной реальную слабость *бакуфу*, его неспособность к самостоятельному принятию решений и проведению их в жизнь.

Последующие полтора десятилетия взаимодействие с западным миром окончательно подорвало хрупкий баланс сил, который *бакуфу* удавалось поддерживать в течение предшествовавших 250 лет. Поражение Китая в первой «опиумной» войне кардинально изменило обстановку на Дальнем Востоке. Превращение Гонконга в английскую колонию, открытие ряда китайских портов для торговли стали источником постоянной угрозы для Японии. Из Гонконга в 1846 г. планировалось направить военную миссию в Японию, чтобы открыть страну для торговли. Операция была отложена из-за нерешительности сэра Дж. Дэвиса, представлявшего интересы Великобритании, недостатка сил у правительства и интереса у деловых кругов Великобритании к налаживанию прочных торговых связей с Японией, лежавшей на периферии их огромной колониальной империи. Более заинтересованными в открытии портов Японии оказались США, для которых они были важным промежуточным пунктом в продвижении в Азию. Первая официальная попытка США установить контакты с Японией относится к 1846 г. Она, как и более ранние попытки других стран, оказалась неудачной. Коммодор Дж. Бидл, чьи корабли прибыли в залив Эдо, не решился прибегнуть к силе.

Возросшая военно-политическая активность западных держав на Дальнем Востоке показывала, что силовое «открытие» Японии приближается. Об этом *бакуфу* информировала и Голландия, единственная европейская страна, с которой поддерживались отношения. В 1844 г. голландцы сообщили о ситуации, сложившейся в результате промышленной революции в Европе, и посоветовали Японии прекратить политику самоизоляции по собственной инициативе.

Принцип «закрытия страны» (*сакоку*) был одной из основ государственного строя Японии, или «Божественной страны» (*Дзинсю, Хонтё*), как называли ее

549

сами японцы. Он заключался в том, что все страны, стремившиеся установить отношения с Японией, должны были признать свою подчиненность божественной власти японского императора (*тэнно*), подобно тому, как это сделали сами японцы. Прежде всего как от японцев, так и от иностранцев требовалось соблюдать ритуал демонстрации покорности. Голландцы смогли сохранить свое присутствие в Японии, лишь согласившись безоговорочно соблюдать все требования ритуала, частью которого были регулярные визиты в Эдо директора голландской фактории для вручения подарков сегуну, проходившие в унижительной для чести и достоинства европейцев форме.

На практике император был далек от реальной власти, а все властные полномочия были возложены на род Токугава, наследственно занимавший высшие посты в придворной иерархии — *удайдзин* (или *найдайдзин*) и *сэйи тай сегун*. Политическая жизнь Японии вращалась вокруг сегуна. Именно по отношению к нему ритуал (в частности, обязанности *даймё* по системе *санкин котай*) соблюдался особенно строго, отношения же между сегуном и императором носили во многом формальный характер. В кризисные периоды — в случае усиления внешней угрозы или внутренней нестабильности — роль императора возрастала, поскольку он был первоисточником власти и традиции в государстве. Не случайно среди мер, предпринятых *родзю* Мидзуно Тадакуни в 1841-1843 гг., была попытка возобновления весьма дорогостоящих визитов сегуна в Никко как части ритуала, показывающего признание им сюзеренитета императора. Японская модель мира была строго иерархичной и не предполагала равенства участников отношений ни внутри страны, ни за рубежом.

Япония имела связи с Китаем, Кореей, Рюкю и Голландией, различавшиеся по своей интенсивности и содержанию, но соответствовавшие господствовавшим в стране представлениям об устройстве мира, в котором «Божественная страна» занимала центральное место.

Подобные представления были новым явлением в отношениях между странами китаизированной культуры, традиционно строившихся на основе признания безусловного превосходства китайской цивилизации. Япония, заимствовавшая на протяжении многих столетий достижения материальной и духовной культуры Китая, в XVIII-XIX вв. начинает осознавать собственную значимость и даже пытается обосновать свое превосходство над Китаем древностью и самобытностью японской культуры. Особое значение японские ученые и политики придавали непрерывности династии японских императоров в отличие от многократной смены императорских династий в Китае. Главным фактором формирования таких представлений было местоположение Японии вне сферы военно-политического влияния Китая. Со времен монгольского вторжения в XIII в. никому больше не удалось даже высадиться на Японских островах. Японский этнос, за время токугавского правления окончательно оформившийся как единое целое, не знал военных поражений, не сталкивался с ситуацией завоевания страны иноземными захватчиками, что давало японцам основание считать свою страну «Серединным государством» даже в большей степени, чем Китай. Эта модель мира охватывала сферу внешних и внутренних отношений, поэтому отказ от нее в контактах с западными державами, для которых такая модель оставалась неприемлемой, был чреват глубоким культурно-политическим кризисом и требовал новых принци-

550

пов организации государственно-политической системы страны в целом. Решение этой непростой

задачи составляло одну из важнейших проблем, занимавших японское общество в течение XIX в. Сакоку не означало полной изоляции страны от окружающего мира. Более того, эта политика приобрела законченность только в 1793-1825 гг., а до того Япония оставалась отрезанной от внешнего мира главным образом из-за политики Голландии на Дальнем Востоке; к тому же корабли других стран были сравнительно редкими гостями в Северо-Восточной Азии. Япония сохраняла интерес к событиям в мире: с 1641 по 1858г. высшие чиновники страны регулярно получали от голландцев сообщения о событиях в мире (*фусэцугаки*). Первоначально это были в основном сообщения об активности Испании и Португалии, кораблям которых было запрещено прибывать в Японию из-за миссионерской активности их священников. Позже, по запросу *бакуфу*, в сводки стали включать новости из Европы, Индии, стран Юго-Восточной Азии и Китая. Сведения, получаемые от голландцев, предназначались для высших чиновников *бакуфу*, но часть из них становилась известной обществу. Кроме того, имелись свои каналы информации у княжества Сацума через королевство Рюкю и у княжества Цусима через Корею. Многие сведения об окружающем мире можно было почерпнуть из ввозившихся в страну китайских книг, доступных многим образованным самураям.

Важным источником информации было личное общение со служащими голландской фактории на о-ве Дэсима (Нагасаки), несмотря на существовавшие ограничения. Обширную информацию содержали западные книги, регулярный и целенаправленный перевод которых начался в 1809 г. Трудно точно определить число людей, занимавшихся изучением «голландских наук» (*рангакуся*), но число школ в княжествах, где изучали эти науки, достигло 60. Число учеников было сравнительно невелико, например, в первой в Японии школе голландского языка, открытой в Эдо в 1789 г., до 1826 г. прошли обучение 94 человека. Тем не менее в XIX в. даже традиционно образованные самураи, как правило, рассматривали проблемы японского общества в контексте его отношений с Западом. По мере изменения внешнеполитической ситуации менялся интерес японцев к западным наукам: они переходили от изучения медицины, астрономии, математики к географии, навигации, внешним отношениям, политическому устройству и истории западных стран. После 1820 г. одним из важнейших направлений стало усвоение военных достижений Запада. Были ввезены и переведены многие работы по артиллерии и военной стратегии, особое внимание уделялось военно-морскому флоту.

Рост экономической активности европейцев и американцев на Тихом океане, связанной в основном с китобойным промыслом, привел в 1820г. к ужесточению мер, препятствовавших заходу иностранных судов в японские воды. В 1825 г. *бакуфу*, опасаясь распространения в Японии христианства, издало специальный указ, ограничивавший несанкционированные контакты с европейцами. Считалось, что именно христианство, а не военная сила западных стран, было основной угрозой суверенитету страны, причиной успеха европейской колониальной экспансии. Данный указ предписывал в случае появления иностранных судов огнем береговой артиллерии показывать, что их приближение к берегу нежелательно. Инструкции *бакуфу* составлялись в расчете на то, что западные суда бе-

551

зоговорочно подчинятся этим требованиям, как это, по мнению Такахаси Кагэя-су, составившего этот указ, было принято в отношениях между европейскими странами. *Бакуфу* только дважды (в 1640 и 1837 гг.) пришлось силой добиваться выполнения своих требований. Подобные представления сохранялись до событий в Китае, когда японцы поняли, что не могут рассчитывать на соблюдение своих законов иностранными государствами, если они не подкреплены военной силой. С одной стороны, это заставило *бакуфу* занять более гибкую позицию в отношении иностранных судов (с 1842 г.), с другой — активизировало поиск путей военного усиления страны.

В 1830-е годы некоторые чиновники *бакуфу*— Такахаси Сюхан (1789-1866), Эгава Хидэтацу (1801-1855), а также самураи из юго-западных княжеств начали изучать артиллерию и в целом постановку военного дела в Европе. Однако существовали опасения, что заимствование военной техники приведет и к усвоению западной культуры в целом, которая способствовала появлению этой техники. Какое-то время не было понимания причин казавшейся неожиданной и временной победы Великобритании над Китаем. Мощным стимулом стали известия об «опиумной» войне: не только *бакуфу*, но и многие княжества, опасаясь английского вторжения, начали внедрять у себя западную артиллерию, а в некоторых княжествах попытались провести военные реформы.

К 1840-м годам появилось понимание необходимости глубоких преобразований, чтобы реализовать лозунг «процветающая страна, сильная армия» (*фукоку кэхэй*), выдвинутый еще в конце XVIII в. Фудзита Юококу (1774-1826), видным сторонником школы Мито (*митогакуся*). Но если его экономическая программа была выдержана в традиционном конфуцианском духе, а в военной сфере упор делался на возрождении боевого духа самурайства, то в 1840-е годы практически всем стала очевидной необходимость заимствования военно-технических достижений Запада. В 1844 г. *родзю* Абэ Масахиро (1819-1857) признал, что «мы хотели бы соблюдать законы предков о закрытии страны, но, если их соблюдать, придется воевать с иностранными государствами без уверенности в победе, не зная, как покрыть расходы на войну». Общество настойчиво искало пути выхода из сложившейся ситуации.

Ученые школы *рангакуся* видели главные преимущества Запада в военной мощи и науке. Сакума Сёдзан (1811-1864) понял, что мир изменился и если Япония не сможет противостоять западным странам с помощью оружия, ее ждет гибель. В 1842г. он подал докладную записку «Об усилении береговой обороны». Сакума Сёдзан был советником князя Санада Юкицура, непосредственно отвечавшего за береговую оборону Японии, поэтому стремился к практическому решению задачи отпора внешней агрессии. Он предлагал не уповать на моральное превосходство над «западными варварами», а увеличить число береговых батарей; запретить экспорт меди, необходимой для производства пушек в стране; начать строительство военных судов западного типа за счет специального налога на княжества; развивать под всесторонним контролем *бакуфу* внешнюю торговлю; открыть школы для обучения японцев западным наукам, чтобы усвоить базовые принципы, позволившие западным странам обрести военную мощь; укомплектовать администрацию способными людьми из всех княжеств, а не только из числа *фудай даймё* и непосредственных вассалов сегуна (*гокэнин* и *хатамото*).

552

Представители княжества Мито Аидзава Сэйситай (1781-1863) и Фудзита То-ко (1806-1856) также выступали за освоение военно-технических достижений Запада. Однако источник силы западных держав они видели прежде всего в единстве западных народов и в их верности собственным правительствам. По их мнению, на Западе это достигалось благодаря государственной религии. Поэтому прежде следовало восстановить государственную религию в Японии и затем переходить к политике «усиления и процветания». Ключевая роль в отправлении государственного религиозного культа, который, по мысли Аидзава, должен был обеспечить благоговейную почтительность подданных в мирное время и их активную лояльность в военное, отводилась императору. Это, однако, не предполагало каких-либо существенных изменений государственного строя.

Другим путем мобилизации внутренних сил в целях отражения внешней угрозы Аидзава и Фудзита считали последовательное проведение политики «изгнания варваров» (*дзёи*). Они требовали заявить о решимости правительства поддерживать лишь те отношения, которые соответствуют священным законам страны. Опасность войны, которая возникла бы после такого заявления, по мнению Аидзава, создала бы реальную основу для сплочения японского общества и мобилизации всех его сил после двух веков мира. Эти ученые оказывали заметное влияние на политику, поскольку были советниками князя Мито Токугава Нариа-ки (1800-1860), игравшего одну из главных ролей в политической жизни 40-50-х годов.

Активизация *камон даймё* (князя основных ветвей дома Токугава) и *тодзама даймё*, группировавшихся вокруг Нариаки, была обусловлена ослаблением *бакуфу* и изменением баланса сил внутри страны. Крупные *даймё*, опасаясь, что *бакуфу* под давлением западных стран может пойти на уступки в вопросах открытия страны, как это уже пытался сделать *родзю* Мидзуно Тадакунэ в 1842 г., выдвинули требование, чтобы важнейшие политические решения принимались только после консультации с ними. Принятие подобного требования означало бы дальнейшее ограничение власти *бакуфу*. Кроме того, в этот период начинает получать все более широкую поддержку идея реставрации непосредственной императорской власти (*осэй-фукко*) как пути восстановления истинного порядка, подорванного за время правления Токугава.

Таким образом, в 1840-х годах сформировались подходы к решению стоявших перед японским обществом задач, а также определились политические силы, понимавшие необходимость кардинальных политических и экономических реформ. Эти силы относились к элите токугавского общества, поэтому они рассчитывали достичь своих целей путем перераспределения власти без кардинального преобразования существовавшей государственно-политической системы. Назревавшие перемены были ускорены действиями западных стран: 8 июля 1853 г. в залив Суруга прибыла эскадра commodora М.Перри, доставившего послание президента США М.Фильмора. Оно содержало пожелания улучшить отношение со стороны японских властей к потерпевшим кораблекрушение, открыть порты для пополнения запасов продовольствия и угля и для ведения торговли. «Дружеские пожелания» подкреплялись демонстрацией военной силы. *Бакуфу*, несмотря на предупреждения голландцев, оказалось не готово к этому визиту, который показал, что дальнейшая изоляция страны невозможна. Уступая воен-

553

ной силе, *бакуфу* в качестве временной меры согласилось принять послание, отложив окончательный ответ до весны 1854 г. по причине болезни сегуна Изёси, который умер несколько дней спустя после отплытия эскадры.

В этом непрестом положении *родзю* Абэ Масахиро обратился за советом и поддержкой к Токугава Нариаки. Но Нариаки стремился заставить *бакуфу* опираться на влиятельные и сильные в военном отношении княжества и настаивал на неуклонном проведении политики «изгнания варваров», несмотря на явное военное превосходство американцев. Понимая бесперспективность такой позиции,

Абэ обратился за советом к наиболее влиятельным *даймё* и официальным лицам *бакуфу*, тем самым отказавшись от одной из основных прерогатив *бакуфу* — права проводить самостоятельную внешнюю политику. Это еще более усложнило ситуацию, поскольку среди опрошенных не было единодушия в вопросе о дальнейших действиях в отношении американцев.

Большинство *даймё* и официальных лиц *бакуфу* признавали, что Япония не готова к войне. Это оказалось решающим для исхода переговоров, состоявшихся в феврале-марте 1854 г. 31 марта был заключен договор, в котором *бакуфу* приняло все предложения американской стороны, кроме одного — открыть страну для торговли. В сентябре 1854 г. аналогичный договор был заключен с Великобританией, а 7 февраля 1855 г. в Симода вице-адмирал Путятин подписал русско-японский договор, дополнительно включавший положение о границе между двумя странами, которая на Курилах проходила между о-вами Уруп и Итуруп, оставляя о-в Сахалин в совместном владении двух стран. Договоры с западными странами, безусловно, нанесли крайне болезненный удар по японскому самолюбию, но они не удовлетворили торговые круги западных стран. Только другие события, в частности Крымская война (1853-1856), на непродолжительное время ослабили нажим на Японию. В 1856 г. директор голландской фактории предупредил *бакуфу* о подготовке британской военной экспедиции в Японию и предложил заключить торговый договор с Голландией на выгодных для Японии условиях, чтобы он стал основой для аналогичных соглашений с другими странами, в первую очередь с Великобританией.

Война в Китае 1856-1858 гг. подтолкнула *бакуфу* к урегулированию отношений с западными странами. Но не только стремление ослабить внешнее давление диктовало необходимость открытия страны. Многие высокопоставленные японцы, в том числе фактический глава правительства *родзю* Хотта Масаёси (1810-1864), считали, что Япония должна использовать внешнюю торговлю для собственного процветания, должна перевооружиться, заключить союзнические договоры и освоить все средства, которые используют западные страны для своего усиления.

С этой целью Хотта Масаёси пошел на переговоры с Голландией. Они привели к заключению в августе 1857 г. договора, который несколько дней спустя лег в основу русско-японского соглашения. Однако условия этих договоров не удовлетворили американского консула Т.Харриса, и последний, используя угрозу со стороны англичан, потребовал существенного расширения условий соглашения (назначение резидента в Эдо, отказ от официального вмешательства в торговлю, увеличение числа открытых портов). *Бакуфу* было вынуждено уступить.

В феврале 1858 г. новый договор был составлен. Он предусматривал открытие портов Нагасаки, Канагава (1859 г.), Ниигата (1860 г.), Хёго (1863 г.), а также

554

Эдо (1862 г.) и Осака (1863 г.). Чтобы приглушить раздававшиеся многочисленные протесты, Хотта обратился к императору за одобрением договора. Такое решение имело далеко идущие последствия. Подобный шаг резко усилил роль императорского двора, чей голос стал решающим. К тому же из-за стечения обстоятельств вопрос о заключении соглашения оказался связанным с проблемой выбора наследника больного и бездетного сегуна Иэсада.

Борьба за выбор наследника расколола сторонников *бакуфу* на две группы. Князя во главе с Токугава Нариаки добивались избрания на этот пост младшего сына Нариаки Токугава Ёсинобу (Кэйки, 1837-1913) и передачи части полномочий князьям, близким к сегуну. Чиновники же *бакуфу* во главе с Ии Наосукэ (1815-1860) видели единственную гарантию безопасности Японии в усилении центральной власти сегуна. Сам Ии Наосукэ, хотя и был крупнейшим *фудай даймё* и обладал огромным личным влиянием, представлял интересы вассалов сегуна низких рангов (*хатамото* и *гокэнин*), практически полностью зависевших от центральной власти. Столкновение этих групп, действовавших через своих представителей при императорском дворе, первоначально не принесло перевеса какой-либо из сторон. Японо-американский договор не был безоговорочно одобрен императором: двор рекомендовал еще раз посоветоваться с высшей знатью, но и группе Токугава Нариаки также не удалось добиться назначения явно самостоятельного и способного Кэйки наследником сегуна. В дальнейшем Ии Наосукэ удалось укрепить свои позиции: он занял пост регента (*тайро*), под его давлением преемником сегуна Иэсада стал одиннадцатилетний Токугава Иэмоти (1846-1866), затем он добился отставки *родзю* Хотта Масаёси, склонного к компромиссу с Нариаки. Установился режим личного лидерства, несвойственный для политической практики сёгуната Токугава.

Тайро Ии Наосукэ принял жесткие меры в отношении оппозиции. От политической деятельности были отстранены и понесли различные наказания все, кто поддерживал Токугава Ёсинобу. Эти события получили название «чистка годов Ансэй». Она затронула и многих чиновников *бакуфу*, которые были способны придать динамизм и эффективность его политике. Сам же Ии Наосукэ, хотя и имел опыт проведения реформ в своем княжестве (Хиконэ), а также считал, что внешняя торговля может принести Японии выгоду, не успел выработать сколь-либо последовательную программу реформ.

Главным вопросом оставались отношения с западными странами. Летом 1858 г. была создана коллегия

внешних связей (*гайкокубугё*). 29 июля 1858 г. известия о подписании Китаем Тяньцзиньского договора и о готовящейся экспедиции английских и французских военных кораблей в Японию заставили представителей *бакуфу* подписать договор с Т.Харрисом без согласия императора. Договор предусматривал свободу торговли, консульскую юрисдикцию, особые экстерриториальные поселения для иностранцев в портах и городах, уже открытых или подлежащих открытию, а также ограничение таможенной автономии Японии, хотя *бакуфу* удалось отстоять сравнительно высокие импортные пошлины. В августе на основе этого трактата были заключены новые соглашения с Голландией, Россией, Англией, а в октябре — с Францией. Однако возникли трудности с их одобрением императором Комэй (1831-1866), который был против расширения внешних связей, идущих вразрез с существующей традицией, а кроме того, хотел по-

555

казать свое недовольство политическими репрессиями в отношении *даймё*, многие из которых поддерживали тесные контакты с Киото. Ии Наосукэ, чтобы добиться хотя бы формального одобрения договоров, пришлось оказать давление на императорский двор, а также пообещать, что *бакуфу* не допустит открытия портов Хёго и Осака, расположенных вблизи Киото. Кроме того, *бакуфу* и двор публично обещали в дальнейшем аннулировать договоры с западными странами и вернуться к политике закрытия страны, правда без уточнения срока.

Политика Ии Наосукэ была неприемлема для многих. Одни были недовольны его самовластием, другие связывали его имя с трактатами, открывавшими их страну для «варваров», третьи считали, что заключение соглашений произошло в унижительной для Японии форме. В результате стремление к переменам, которое ранее не было направлено непосредственно против *бакуфу*, приобрело угрожающий для него размах. Появились требования свергнуть *бакуфу*. Лишив оппозицию возможности действовать через каналы традиционного влияния, Ии подтолкнул не только часть самураев, но и некоторые княжества на путь силового противоборства. Усилились и внутренние противоречия в доме Токугава. Самураи из княжества Мито, одного из основных в доме Токугава, 24 марта 1860 г. убили Ии Наосукэ у ворот Сакурада — сёгунского замка в Эдо. Это убийство должно было стать сигналом для захвата власти в стране, но княжества в тот момент не решились на открытое выступление.

Бакуфу потеряло лидера, который стремился к усилению центральной власти, опираясь на административный аппарат сёгуна. Это произошло в критический период, когда *бакуфу* теряло контроль над страной и, в частности, не могло гарантировать выполнение подписанных соглашений. Участились нападения на иностранцев: в Йокогаме в августе 1859 г. были убиты двое русских, в январе 1861 г. — секретарь Харриса, в июле 1861 г. и в июне 1862 г. были совершены нападения на британскую миссию, в сентябре 1862 г. убит англичанин Ричардсон. Неспособность *бакуфу* наказать виновников этих преступлений поставило Японию на грань войны с Великобританией. Вместе с тем усилились разногласия в самом лагере *бакуфу*. Стала особенно заметной противоположность интересов различных его группировок. Одна группа, включавшая высшую знать дома Токугава — Ёсинобу, Мацудайра Катамори и Мацудайра Садатака, — действовала в Киото и искала компромисс между *бакуфу* и императорским двором. Другая во главе с сёгуном Иэёси заняла выжидательную позицию, пребывая в Осака. Наконец, третья группа, в которой были в основном *гокэнин* и *хатамото*, занимавшие официальные посты в Эдо, прилагала все усилия, чтобы не допустить падения *бакуфу*. Однако к этому времени уже существенно вырос военно-политический потенциал княжеств, что нарушило баланс сил и принципы, на которых был основан государственный строй Японии. Перемены в стране стали неотвратимыми.

Начало военного усиления княжеств относится к 40-м годам, но реально результаты их усилий проявляются в конце 50-х — начале 60-х годов. Этот процесс шел неравномерно. Многие зависело от экономического положения, размера княжества, особенностей его военно-политической организации и тех целей, которые ставил перед собой его глава. Прибытие «черных кораблей» М.Перри дало мощный импульс активности в военной области. Осенью 1853 г. *бакуфу* сняло

556

запрет на строительство военных кораблей в княжествах, как того длительное время добивались княжества Мито и Сацума.

В княжестве Мито в 1844 г. начинается отливка пушек, а к 1858 г. были созданы небольшие сталеплавильные и судостроительные предприятия. В княжестве Хидзэн в 1850 г. была построена первая в Японии отражательная печь, что позволило с 1853 г. приступить к изготовлению современных артиллерийских орудий. Часть производимого оружия поставлялась *бакуфу*, на предприятиях княжества обучались самураи из других княжеств. В 1856 г. Хидзэн заказывает в Европе оборудование для верфи, но из-за высокой цены оно передается в 1859 г. *бакуфу*. В 1861 г. в княжестве делают первый паровой котел, а в 1865 г. — первый пароход. В Сацума в 1846 г. внедряется западная технология производства артиллерийских орудий. В 1853 г. строятся

отражательные и доменные печи, что дает возможность производить современное оружие. В том же году в княжестве приступают к изучению принципов организации голландской пехоты, самураи организуются в роты для боевой подготовки, начинают формировать кавалерийские подразделения по французскому образцу. В 1855г. в Кагосима, столице княжества Сацума, завершается строительство дока, в 1856г. положено начало современному военно-морскому флоту.

В Тёсю военные реформы начинаются в 1858г. под руководством Ямада Уэмон, который предлагал начать их еще в 1847 г. Изучается западная тактика, закупаются военные корабли, западное стрелковое оружие, формируются пехотные подразделения. С 1860 г. военная мощь княжества постоянно растет.

Бакуфу тоже не сидело сложа руки. В 1855 г. создана военно-морская школа с голландскими инструкторами, в 1855-1856 гг. начато строительство кораблей в Урага и Симода. В 1857-1861 гг. в Нагасаки строится литейный цех. *Бакуфу* с помощью французов начинает сооружение крупной военно-морской базы в Йокогама, но оно завершится уже после падения *бакуфу*. Эдо закупает артиллерийские орудия у голландцев, с помощью французов начинает реформировать свои сухопутные части. Однако *бакуфу* во всех его начинаниях не хватало активности, и инициатива явно принадлежала крупным княжествам. В результате разрыв в военной мощи между *бакуфу* и соперничавшими с ним княжествами сильно сократился.

Слабость *бакуфу* стала особенно очевидной после заключения договоров с западными державами в 1858 г. В новых условиях многие княжества уже больше не хотели мириться даже с формальным лидерством *бакуфу*. Убийство Ии На-осукэ открыло путь для реализации их амбиций. С этого момента начинается период в токугавской истории, наполненный беспорядками и актами террора, главными зачинщиками которых выступают молодые, радикально настроенные самураи сравнительно невысоких рангов, статуса и достатка, чьи амбиции нередко существенно превосходили понимание ими происходящих событий. Их лозунгом, но не программой, был девиз — «почитание императора и изгнание варваров» (*соннодзёи*).

В 1861-1862 гг. возрождается группа *кобу-гаттай*, главную роль в которой играл Симадзу Хисамицу (1817-1887), *даймё* княжества Сацума. Главной идеей этой фракции был поиск компромисса между двором и *бакуфу*. *Бакуфу* должно было править по указаниям императорского двора. Усилия фракции сосредото-

557

средоточились на отстранении от власти *родзю* Андо Нобумаса, успешно продолжавшего линию Ии Наосукэ. Андо Нобумаса, видя отставание Эдо в военной сфере, выдвинул план усиления вооруженных сил *бакуфу*. План включал закупку 400 военных кораблей и создание современной армии численностью до 10 тыс. человек, подчиненной исключительно сегуну. Средства для реализации этого плана должны были поступать от внешней торговли. У *бакуфу* были монопольные позиции в этой сфере, в частности, все открытые порты находились в его владениях, а в 1860-1861 гг. правительство попыталось сосредоточить экспорт наиболее ходовых товаров в руках купцов, получавших лицензии от *бакуфу*. Кроме того, *бакуфу* как правительство всей страны располагало лучшими условиями для установления отношений с западными странами, хотя уровень западной технической и военной помощи оставался сравнительно невысоким.

Другим аспектом политики *бакуфу*, насторожившим крупных *даймё*, было предложение о заключении брака между сегуном Иэмоти и принцессой Кадзу, принятое императором в октябре 1860г. Правда, ради этого *бакуфу* пришлось пообещать в течение десяти лет аннулировать договоры с западными державами путем переговоров или изгнать иностранцев силой.

В марте 1861 г. было решено направить миссию в Европу и попытаться отложить открытие портов Эдо, Осака, Хёго и Ниигата. *Бакуфу* мотивировало свою просьбу тем, что оно нуждается во времени для преодоления антииностранных настроений в Японии.

Некоторая стабилизация обстановки и усиление позиций центральной власти не устраивали князей, группировавшихся вокруг *даймё* княжества Сацума Симадзу Хисамицу. Они вновь перешли в наступление. В феврале 1862 г. на Андо Нобумаса было совершено неудачное покушение, а в мае 1862 г. его сняли с занимаемого поста и поместили под длительный домашний арест. Западные послы, первоначально скептически воспринимавшие предложения отложить открытие портов, после покушения на Андо Нобумаса пошли навстречу *бакуфу* и в июне 1862 г. согласились передвинуть сроки открытия портов до 1 января 1868 г.

В начале августа 1862 г. группа *кобу-гаттай*, опираясь на поддержку двора и военную силу княжества Сацума, добилась назначения Ёсинобу опекуном сегуна (*кокэн*). Мацудайра Кэйэй

(1828-1890) приступил к выполнению обязанностей регента, хотя и не получил титула *тайро*, а на молодого *даймё* княжества Айдзу Мацудайра Катамори (1836-1893) была возложена охрана Киото. События получили название «реформы годов Бункю». По существу, было признано, что *бакуфу* само не способно контролировать обстановку в стране, хотя формально основные высшие посты остались в руках родственников сегуна, а реальное управление осуществлялось чиновниками низших рангов, назначавшимися из числа *гокэнин* и *хатамото*. Таким образом, аппарат *бакуфу* сохранял в своих руках контроль над внешними связями и другие важные функции. Это не устраивало князя Симадзу, который 12 сентября 1862г. представил Ёсинобу программу реформ. Важнейшими ее пунктами были ослабление системы *санкин котай* (срок обязательного присутствия семей *даймё* в Эдо был сокращен до 100 дней в течение трех лет), передача внешних отношений в ведение комиссии крупных *даймё*, снятие с княжеств финансовых обязательств перед *бакуфу*, чтобы они могли сосредоточить все ресурсы на обороне своих княжеств.

558

Не все требования Симадзу были приняты, но в октябре 1862 г. была кардинально пересмотрена система *санкин котай*, являвшаяся главным звеном феодального контроля в токугавской Японии. По своим последствиям это был революционный акт, он означал крах традиционной социально-политической системы. Неудачная попытка восстановить *санкин котай* в 1864 г. лишь подтвердила, что политические изменения в стране необратимы.

Последующие события, в частности упоминавшееся выше убийство самураями из Сацума англичанина Ч.Ричардсона (инцидент в Намамуги), показали, что *бакуфу* не обладает властью, чтобы выполнять договоры и свои собственные решения. Великобритания заняла жесткую позицию, требуя сурового наказания виновников инцидента в Намамуги. В распоряжение ее посланника Дж.Нила была направлена военная эскадра, чтобы добиться обязательного выполнения этого требования. Япония оказалась на грани войны. В марте 1863 г. положение *бакуфу* еще более ухудшилось. К давлению извне добавилось давление изнутри страны, исходившее от радикально настроенных молодых самураев низких рангов. После 1858 г. они в больших количествах стекались в Киото, ставший политическим центром страны. Эти самураи, увлеченные идеями Аидзава Ясуси (1782-1863), Фудзита Токо (1806-1855), Ёсида Сёин (1830-1859), Маки Идзуми (1813-1864), выступали за немедленную реставрацию политической императорской власти и изгнание иностранцев. К 1863 г. они стали доминирующей силой в Киото, угрожая убийствами и беспорядками, если не будут выполнены их требования. Они установили тесные отношения с придворными невысоких рангов (*кугэ*) и активно вмешивались в дела императорского двора. Под их давлением двор занял более жесткую позицию по вопросу изгнания иностранцев.

Во фракции *кобу-гаттай* не было единства в вопросе открытия страны. Если князь Симадзу считал изгнание иностранцев нереальным и предлагал использовать силу для подавления тех, кто безрассудно настаивал на этом, то Хитоцубаси Кэйки и Мацудайра Кэйэй на первое место ставили сохранение единства в стране и ради этого были готовы принять требования императора Комэй о немедленном изгнании иностранцев. Поэтому в апреле 1863 г., оказавшись в Киото и в полной мере ощутив на себе давление патриотов, они были вынуждены, несмотря на протесты княжества Сацума, у которого в этот момент были связаны руки, и чиновников *бакуфу* в Эдо, согласиться начать действия по изгнанию иностранцев. Была назначена дата выступления против иностранцев — 25 июня 1863 г. *Бакуфу* попыталось предотвратить обострение отношений с западными державами. В начале июня 1863 г. оно уплатило контрибуцию, которую требовала Великобритания. Всего с 1862 по 1867 г. *бакуфу* выплатило в качестве контрибуции 2,5 млн. рё золотом, что в три раза превышало его ежегодные денежные поступления. Оно также попыталось начать переговоры о закрытии портов для иностранцев, чтобы ослабить давление изнутри, но западные страны были непреклонны.

25 июня 1863 г. батареи княжества Тёсю обстреляли американское судно в Симоносекском проливе. В последующие дни обстрелу подверглись французские и голландские суда. Пролив был закрыт для прохода иностранных торговых судов. 18 августа 1863 г. британская эскадра подвергла бомбардировке столицу княжества Сацума (Кагосима) и потопила корабли княжества, находившиеся в

559

заливе. Это была карательная операция в отместку за убийство Ч.Ричардсона. Хотя британской эскадре был нанесен значительный ущерб, всем было ясно, что сила на стороне Запада.

Патриотически настроенные самураи расценили действия княжества как победу не только над иностранцами, но и над *бакуфу*, поскольку оно так и не решилось прибегнуть к силе для защиты суверенитета страны. Тёсю стало быстро усиливаться. Это, в свою очередь, обострило соперничество за лидерство между Сацума и Тёсю. Тёсю, в отличие от Сацума, решительно настаивало на немедленном изгнании иностранцев.

В августе-сентябре 1863 г. в Киото были обнародованы планы создания императорской армии на средства верных императору *даймё*, а часть самураев в союзе с *кугэ* попыталась поднять восстание в Ямато и Икуно, чтобы в случае успеха побудить императора непосредственно возглавить борьбу за изгнание иностранцев. Это был открытый вызов *бакуфу*. Он был быстро подавлен при помощи лояльных князей. Поражение самураев, действовавших на свой страх и риск, показало, что ситуацию в стране можно изменить, только опираясь на крупные княжества. Именно в это время появляются идеи, пропагандируемые, например, Ёкои Сёнан (1809-1868) из княжества Фукуи, что успешные преобразования в крупных княжествах можно затем распространить на всю страну. Это понимали и *даймё* дома Токугава, начавшие реформы в своих княжествах. В потенциальные лидеры выдвинулись те самураи, кто, подобно Окубо Тосимити (1830-1878) в Тёсю и Сайго Такамори (1828-1877) в Сацума, заняли ведущие позиции в своих княжествах к середине 1860-х годов и сосредоточились на превращении их в сильные и богатые страны.

Беспорядки в Киото были остановлены *даймё* княжеств Сацума и Айдзу. 30 сентября 1863 г. их войска взяли под контроль ворота императорского дворца и изолировали императора от экстремистов. Вновь произошло сближение между двором и *бакуфу*, а *кугэ*, враждебно настроенные к *бакуфу* и поддерживавшие радикальных самураев, бежали в Тёсю и другие княжества.

Переворот, совершенный князьями из Сацума и Айдзу, вызвал политический кризис в княжестве Тёсю, приведший к власти консервативную группировку. Однако несколько дней спустя она вновь была отстранена от власти радикально настроенными самураями, опиравшимися на воинские формирования западного типа (*сётан*). Стало ясно, что в дальнейшем править в княжестве будет та группа, которая обладает военной силой.

Таким образом, в стране сложилась абсолютно новая ситуация: *бакуфу* уступило свои позиции группе *камон* и *тодзама даймё*, возглавлявшейся Симадзу Хисамицу и Токугава Ёсинобу. Эта группа получила беспрецедентное право участия в регулярных заседаниях в императорском дворце. Более того, когда в феврале 1864 г. сегун Иэмоти прибыл в Киото, ему было направлено императорское послание, содержавшее требование допустить эту группу *даймё* к непосредственному принятию решений. Это был первый визит сегуна династии Токугава в Киото после 1634г. Но смысл двух визитов был противоположным. Влияние Эдо падало, Киото превращался в главный город страны. Сложность ситуации, однако, заключалась в том, что в этой группе реально доминировал *тодзама даймё* Симадзу Хисамицу. Для многих, кто был тесно свя-

560

зан с *бакуфу* и стремился его реформировать, а не полностью отстранить от власти, этот лидер был неприемлем. Он угрожал их интересам, а это вело к усилению трений между *тодзама* и *камон даймё*, к тому же другой лидер этой группы, Ёсинобу, сохранял реальные шансы стать сегуном, а следовательно, не был заинтересован в полном демонтаже существовавших политических институтов. В конечном счете произошел раскол группы *кобу-гамтай*. Формальным поводом стали споры по вопросу об открытии страны. Ёсинобу считал, что *бакуфу* не может резко менять направление своей политики в зависимости от того, кто в этот момент более влиятелен при императорском дворе, поскольку это окончательно подорвет его престиж. Он считал, что чиновники *бакуфу*, непосредственно занимавшиеся проведением внешней политики, должны добиваться закрытия портов. Это было бы свидетельством готовности *бакуфу* идти навстречу желанию императора. Симадзу считал такую политику недалекой и нереальной, в результате ухудшились личные отношения между домами Симадзу и Хитоцубаси и группа распалась в тот момент (23 марта 1864 г.), когда казалось, что победа у нее в руках. Все *даймё*, кроме Ёсинобу, отбыли в свои владения, предоставив *бакуфу* самостоятельно решать возникающие проблемы. Во внешних отношениях основной проблемой оставалась блокада Симоно-секского пролива княжеством Тёсю. Западные страны предоставили своим послам право самостоятельно принять необходимые меры для соблюдения условий договоров. И поскольку переговоры не дали желаемых результатов, то в начале сентября 1864 г. корабли четырех стран были направлены в район пролива, где они уничтожили береговые батареи Тёсю. Военное поражение вынудило Тёсю уступить требованиям западных стран, включая обеспечение свободы мореплавания и выплату компенсации в размере 3 млн. мекс. долл. Выполнение последнего условия взяло на себя *бакуфу*. Поражение в Симоносеки последовало практически сразу за разгромом выступления радикально настроенных самураев из Тёсю и некоторых других княжеств в Киото. 20 августа 1864 г. они попытались снова совершить переворот, но вновь неудачно. Это привело к отстранению радикальной фракции от власти в Тёсю. Императорский двор по настоянию *бакуфу* 24 августа 1864 г. упразднил это княжество, и началась подготовка к карательной экспедиции против него. Новое консервативное правительство Тёсю предпочло капитулировать и самостоятельно наказать виновных в попытке переворота в Киото. В январе 1865 г. силы, собранные для наказания Тёсю,

были распущены. Но еще перед тем, как были выполнены все условия нового соглашения, власть в Тёсю вновь сменилась. Решающую роль в победе радикальной партии сыграли руководимые Така-суги Синсаку военные подразделения нового типа. Княжество Тёсю вновь стало на путь борьбы за свержение *бакуфу*. Среди лидеров нового правительства Тёсю были Кидо Коин (1833-1877), Такасуги Синсаку (1839-1867), Омура Масудзиро (1824-1869); воинские подразделения *сётэй* возглавляли Ито Хиробуми (1841-1909), Ямагата Аритомо (1838-1922), Иноуэ Каору (1836-1915) и другие в дальнейшем видные деятели периода Мэйдзи.

События в Тёсю были вызовом *бакуфу*. В мае 1865 г. было объявлено о второй карательной экспедиции против Тёсю, которую должен был возглавить сам сегун Иэмоти. Однако эти планы вызвали возражения нескольких крупных кня-

561

жеств, которые считали экспедицию нецелесообразной и дорогостоящей, особенно ввиду внешней угрозы. Параллельно были приняты меры, чтобы ускорить модернизацию вооруженных сил, находившихся в распоряжении *бакуфу*. *Бакуфу* обратилось к английскому послу Олкоку с просьбой прислать английских офицеров-инструкторов, но, не получив скорого ответа, направило в январе 1865 г. аналогичную просьбу французскому послу Рошу. Несколько позже оно попросило его о поставке в Японию вооружений. 4 июня 1865 г. партия артиллерийских орудий была доставлена в Иокогаму. Несмотря на заинтересованность Франции, да и Англии в военных поставках, модернизация армии начала набирать силу только после того, как в 1867 г. Ёсинобу стал пятнадцатым сегуном династии Токугава.

К осени 1865 г. возросло внешнее давление. Послы западных держав, угрожая применением силы (объединенный флот четырех держав подошел к Осака), потребовали от *бакуфу* немедленно открыть порт Хёго и добиться публичного одобрения императором торговых договоров. *Бакуфу* было непросто получить согласие императорского двора. Сегун Иэмоти представил императору прошение об отставке, ссылаясь на то, что он не в силах выполнить приказ императора об изгнании иностранцев, а Ёсинобу настойчиво доказывал двору необходимость одобрения договоров. Было решено созвать представителей княжеств для обсуждения вопроса. На этот раз подавляющее большинство высказалось за одобрение договоров. Император в своем послании также одобрил их, сославшись на то, что он «не может игнорировать единодушное мнение собравшихся». В то же время он не согласился на открытие порта Хёго, расположенного вблизи столицы Киото. В ноябре 1865 г. Япония официально отказалась от *дзёи*— политики «изгнания варваров».

В июне 1866 г. *бакуфу* подписало новые торговые договоры, снизившие импортные тарифы до 5% и устранившие все ограничения во внешней торговле.

Определенную роль в отсрочке второй карательной экспедиции против Тёсю сыграли Сацума, Тоса и другие княжества, не заинтересованные в разгроме Тёсю из-за опасений усиления *бакуфу*.

В княжестве Сацума после смерти князя Симадзу вновь усилились самураи, враждебно настроенные к *бакуфу*, и оно пошло на сближение с Тёсю: в феврале 1866 г. Кидо Такаёси от Тёсю и Сайго Такамори от Сацума достигли соглашения, которое стало основой совместных действий в последующем. Княжество Сацума помогло Тёсю закупить современное вооружение, а в марте 1866 г. княжества заключили тайный союз с целью свержения *бакуфу* и восстановления непосредственного императорского правления в стране. К ним присоединилось еще несколько крупных княжеств, что в корне изменило соотношение сил в стране.

В марте 1866 г. *бакуфу* предъявило Тёсю ультиматум, оставленный без ответа. Боевые действия начались в июле. Несмотря на численное превосходство, силы *бакуфу* были отбиты на всех направлениях. В этот момент поступило известие о смерти сегуна Иэмоти в Осака (20 июля 1866 г.). Оно было использовано Ёсинобу в качестве предлога для перемирия. Но войска Тёсю остались на занятых ими территориях других княжеств, последствия чего ощущались до самого падения *бакуфу*.

Кандидатура Ёсинобу на этот раз была вне конкуренции. Стремясь заручиться поддержкой других *даймё*, он предложил избрать сегуна на собрании крупных

562

даймё, на котором также принять принципиальные решения по вопросам внутренней и внешней политики. Однако его инициатива не нашла должного отклика. Ёсинобу стал сегуном в январе 1867 г. Он взялся за проведение давно назревших реформ. Был обновлен аппарат *бакуфу*, активнее пошла военная реформа, в осуществлении которой *бакуфу* опиралось на помощь Франции (в армии) и Англии (во флоте). В частности, были увеличены и реорганизованы по европейскому образцу сухопутные

части *бакуфу*. В феврале 1867 г. прибыли французские офицеры для оказания помощи в модернизации армии. Отношения с Францией развивались очень хорошо. Французский посол почти непрерывно консультировал высших чиновников *бакуфу* и самого сегуна по различным вопросам: от добычи минералов до особенностей политического устройства отдельных европейских стран. К марту 1867 г. *бакуфу* разместило во Франции заказы на промышленное оборудование и вооружение на сумму около 3,3 млн. долл. Были направлены постоянные дипломатические миссии в столицы западных стран. Заметным шагом стало участие Японии во Всемирной выставке в Париже (1867 г.), в которой, однако, приняло участие и княжество Сацума. Французский посол Л.Рош настойчиво советовал ускорить централизацию страны, прежде всего ликвидировать армии в княжествах.

Предполагаемый успех реформ Ёсинобу подталкивал оппозицию к немедленным ответным действиям. Борьба шла не по вопросу, будет ли Япония модернизироваться, а о том, кто возглавит этот процесс. Тревога оппозиции особенно усилилась после совещания в Киото (июнь 1867 г.), на котором Ёсинобу, несмотря на противодействие Сацума и некоторых других княжеств, сумел добиться решения императорского двора о «мягком наказании» Тёсю и об одобрении открытия порта Хёго. Это свидетельствовало о том, что сегун еще обладает достаточным влиянием при дворе, что могло в корне изменить всю обстановку.

Влияние на императора было главным условием успеха каждой" из противоборствующих сторон. Окубо Тосимити и Сайго Такамори через кугэ Ивакура Томоми (1824-1883) удалось подчинить своему влиянию молодого императора Муцухито (1852-1912), который в феврале 1867г. сменил на троне императора Комэй (1831-1866). Ивакура Томоми выступал за превращение императорского двора в единственный источник власти в стране и устранение *бакуфу*.

В этот момент для княжеств Тёсю и Сацума появилась новая опасность, исходившая от деятельности умеренных реформаторов, возглавляемых княжеством Тоса. Представитель этого княжества Гото Сёдзиро предложил создать при императоре Совет княжеств, который бы возглавил Ёсинобу, что позволило бы удовлетворить желания княжеств участвовать в политической жизни и в то же время сохранить престиж дома Токугава. Таким образом, параллельно развивались два движения: одно — за возвращение власти императору и второе — за свержение *бакуфу*. В июле-августе 1867 г. активно шли переговоры о согласовании действий обеих групп. Там, где Сацума и Тёсю были готовы применить военную силу, княжество Тоса стремилось действовать мирным путем. Каждая сторона внимательно следила за всеми остальными, стремясь не допустить каких-либо действий в ущерб собственным интересам.

28 октября Гото Сёдзиро посетил *родзю* Итакура Кацуёси и представил от имени *даймё* княжества Тоса предложение о возвращении власти императору,

563

чтобы дать ему возможность сформировать Совет княжеств. Предложение о создании такого совета во многом отвечало взглядам самого сегуна Ёсинобу о путях урегулирования отношений в стране, стоявшей накануне гражданской войны. Он согласился с этим предложением и 9 ноября 1867 г. заявил о своем отречении от власти. 3 декабря это решение было одобрено 40 *фудай даймё*. Закончился 264-летний период правления дома Токугава.

Когда решался вопрос о сложении обязанностей сегуна, речь шла лишь об отказе Токугава от прав на наследственное занятие поста сегуна, но при этом дом Токугава сохранял все свои владения. Такой исход не устраивал княжества Сацума и Тёсю, поэтому они параллельно тайно добивались получения императорского указа о «наказании *бакуфу*». Соответствующие императорские указы были получены 8-9 ноября. Но даже после этого Ёсинобу еще некоторое время сохранял свое влияние. Ему было поручено вести срочные политические дела до проведения собрания князей, которое должно было определить основы будущего государственного строя.

Стремясь не упустить лидерства, Сацума и Тёсю готовились к осуществлению государственного переворота «по образцу событий 1863 года». В Киото, где уже находились войска Сацума, прибывали подразделения Тёсю и других княжеств, кроме того, самураи этих княжеств при помощи кугэ Ивакура Томоми контролировали действия императора. Это решило исход дела. 28-29 декабря Окубо и Сайго склонили на свою сторону представителей княжеств Овари, Тоса, Фукуи и Хиросима, а утром 3 января 1868 г. захватили ворота императорского дворца. Были приняты указы о лишении Кэйки его владений и должности, а также о восстановлении непосредственного правления императора, об учреждении нового правительства, о реабилитации всех кугэ, подвергавшихся ранее репрессиям за принадлежность к антисёгунской коалиции. Эти события дали название — «Реставрация Мэйдзи» — историческому процессу преобразования японского общества, хотя оно отражает лишь внешнюю канву произошедших событий.

Ёсинобу, неожиданно лишенный всех владений, попытался оказать вооруженное сопротивление, но действовал нерешительно, поэтому на его стороне выступило лишь небольшое число *даймё*, чьи войска в сражениях у Тоба и Фусими потерпели поражение 27 и 30 января 1868 г. После этого все

колебавшиеся *фудай дайме* перешли на сторону Сацума и Тёсю. В дальнейшем их войска во главе с Сайго Такамори под императорскими знаменами практически без сопротивления проследовали к Эдо и заняли его 3 мая 1868 г. Ёсинобу был объявлен мятежником, лишен всех званий и титулов и отправлен в ссылку в Сумпу (Сидзуока). В 1898 г. он был принят императором и восстановлен в званиях. Его преемник Исато был первым председателем палаты пэров.

Императорские войска встретили сопротивление только на северо-востоке страны, где почти все княжества района Тохоку объединились в союз и сопротивлялись еще восемь месяцев до падения княжества Айдзу (31 октября 1868 г.). Но эти княжества бились не за дом Токугава, они хотели возвести на престол своего кандидата, принца Ринъёдзи, провозгласив его императором.

Наиболее упорное сопротивление императорским войскам оказал флот сегуна под командованием Энмото Такэаки, который создал опорную базу на

564

о-ве Хоккайдо. Этот очаг сопротивления был подавлен в мае 1869 г. Но в целом военные действия в 1868-1869 гг. были ограниченными по масштабу и не оказали дестабилизирующего влияния на ситуацию в Японии, поскольку не вышли за пределы столкновения двух феодальных клик, боровшихся за власть в стране.

Многие действующие лица этих событий считали, что результатом их победы станет создание нового *бакуфу*. Ни одно княжество из тех, которые приняли участие в событиях, не предполагало, что в ближайшие годы все они разделят судьбу дома Токугава. Вряд ли это представляли и лидеры движения за свержение *бакуфу*. Не случайно, анализируя переписку Кидо Коин и Окубо Тосимити, исследователи отмечают: «Когда развитие событий заставило их действовать, они не знали другого общества, кроме токугавского».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ааль Бу Сайд 104, 105, 110, 395

Ааль Сабах 103

Ааль Халифа 103, 393, 394

Ааль Хумайд 102

Аббас, дядя Пророка 140

Аббас Мирза Каджар 122, 125, 126, 128, 129,

330, 408

Аббас-паша I 372, 373 Абд аль-Азиз ибн Мухаммед ибн Сауд 107 Абд аль-Кадир, эмир 117, 387, 399, 419 Абд аль-Муталиб ибн Талиб 397, 398 Абд ар-Рахман аль-Кавакбиби 391 Абд ар-Рахман Согратлинский (ас-Сугури), суфий 416

Абд ар-Рахман-паша Бабан 98 Абдалла Абу ас-Сауд 378 Абдаллах, внук Джабира ибн Абдаллаха (Кувейт) 393

Абдаллах, сын Ахмада аль-Халифа (Бахрейн)

393 Абдаллах, сын Сабаха ибн Джабира (Кувейт)

103

Абдаллах аль-Бабенси 384 Абдаллах Надим 378 Абдаллах-ага Тютюнчю 98 Абдаллах-паша 92, 95 Абдаллах ибн Мухаммед 398 Абдаллах ибн Фейсал 399 Абдул Сайид, пенгхулу Нанинга 235 Абдул-Азиз 341, 366, 367 Абдул-Меджид 89, 341, 355, 403 Абдул-Хамид II 329, 367-369, 371 Абдуллах, султан Кедаха 231 Абдуррахман (Даинг Абдуррахман), теменг-

гунг Джохора 233, 478 Аблай, хан 153

Абу Бакар, султан Джохора 479 Абу Муслим, легендарный распространитель

ислама на Восточном Кавказе 23, 140 Абу-ль-Касем Фарахани 408 Абу-ль-Фазл Гольпаигани 406 Абульхайр, хан 153

Абэ, клан 322 Абэ Масахиро 551-553 Ага Мохаммад Али 406

Ага-Мохаммад-хан Каджар (с 1796 г. шах) 120, 121, 123, 125, 126, 146

Ага-хан 158

Агатон, Григор 362

Адиб Исхак 378, 391

Адиль-хан Кайтагский 147

Аззан ибн Кайс 395

аль-Азм, семья 94

Аидзава Сэйситаи 552, 558

Аккады, торг, дом 95

Аламгир II 167

Алауиты (Фалалиды), династия 112, 113

Алаунпая (Маун Аун Зея) 201-203, 205, 207, 454

Александр I, император 146

Александр II, император 415, 416, 421

Александр III, император 416

Али, бендахара Паханга 479

Али, дей Алжира 115

Али, раджа Негри-Сембилана 235

Али, султан Джохора 478, 479

Али II Караманлы 402
Али Бен Гедахем 401
Али Мохаммад Баб 404-407, 410
Али Суави 363, 364
Али Татар 115
Али Ходжа 116
Али б. Аби Талиб 12,23,35
Али ибн Халифа 394
Али-беи (Тунис) 117
Али-беи аль-Кабир 76
Али-паша 332, 358, 364, 402
Али-паша Караманлы 402
Аллах 416, 491
де Альвис Дж. 443
Алхасовы, князья 422
Амад Дарис (Сунан Валлиулах) 491
Аматэрасу И, 326
Амир Кабир см. Мохаммад Таги-хан Фара-хани
Амхерст У.П. 287
Анг Дуонг 464, 471, 472, 502, 504
Анг Мэй 227, 502
Анг Тонг 226
Анг Тян II 226, 274, 502
566
Анг Фим 474
Анг Чан II 474
Андо Нобумасе 557
Анна Ивановна, императрица 153
Ану (Анулуттхалат) 219-221
Араи Хакусэки 317
Аргутинский З.М. 415
Аслан-хан Кюринский и Казикумухский 147,
414
Атажукины, князья 140 аль-Аттар Хасан 89 Атыр Суа 474
аль-Афгани см. Джемаль ад-Дин аль-Афгани Ахмад, султан Паханга 111 Ахмад Ааль Бу Сайд 104 Ахмад аль-Халифа
380, 393 Ахмад-хан, Ахмад-шах Дуррани 122, 162, 163,
167
Ахмадулла 431
Ахмед, бей Туниса 331, 400, 401 Ахмед, султан Лахджа 111 Ахмед аль-Джеззар (Мясник) 92, 94 Ахмед Мидхат-паша
341, 366-368, 370, 399 Ахмед ат-Тайиб 375 Ахмед-дей 115 Ахмед-паша (Ирак) 97 Ахмед-паша (Осм. империя) 402
Ашрафян К.З. 9
Баб см. Али Мохаммад Баб
Баджи Рао II 173
Баджидо 208, 210, 446, 448, 450
Бадоулет (Якуб-бек Мохаммед) 536, 537
Бадр ибн Сейф 105
Базили К.М. 379
Байиннаун 202
Бакри 116
Балестье Дж. 513
Баллер А. 442
Барятинский А.И., кн., наместник Кавказский
415,416,418,420 Баснет, семейство 434 Баттерворт 478 Батыр, Джанибек, хан 153 Бахадур Шах 188 Бахадур-шах 430
Бахри-бей, Ханна 96 Бахт-хан 430 Бей, пангеран 246 Бедруддин 237
Бековичи-Черкасские, князья 422 Бентам И. 442
Бентинк У.К. 351,428
Бернард Ч. 460
Бернье, епископ 543
Беха-Улла см. Хосейн Али
Бехбехани, семейство 123
Бешир II Шихаб 76, 93-95, 97, 379
Бешир III Касем Шихаб 379, 380
де Безн Пиньо (епископ Адранский) 257-259,
263
Бёрни Г. 215, 221, 235, 445, 446, 448 Бидл Дж. 548 Бинья Дала 201 Биянху (Бай Яньху) Мохаммед Аюб 535-
537
Блаватская Е.П. 444 Бларамберг И.Ф. 130 Бодолая 203, 208 Бонапарт, Людовик 238 Бонар 472
ван ден Босх И. 483-485, 487, 489 Боуринг Дж. 462
Брук, Джеймс, раджа 236, 237. 482 де Бруно 202, 207 Брюгге В. 310 Бу Маза 399 Будда 218, 219, 221,468 Будда Майтрейя
22, 284 Булус Масад 385 Буннак, семья 213, 461 аль-Бустани, Бутрус 391 аль-Бустани, Салим 391 аль-Бустани, Сулейман

391 Бушнак 116 Буюк Сулейман-паша (Великий Сулейман) 98,
99, 107
Бхонсле, династия 167 Бюжо 399 дю Бюс де Жизиньи Л.П.М. 244
Ван Аман 480
Ван Ахмад (Ахмад, султан Паханга) 479, 480
Ван Саньхуай 285, 286
Ван Тинчжао 284, 285, 287
Вань У 289
Варма Раджа 179
Вахтанг, царь Грузии 146
Вашингтон Дж. 462
Великих Моголов династия 163, 173, 176; см.
также Моголы, династия Велу Тхампи 179 Виктория, королева Великобритании 348, 431.
432, 455, 508
567
Биллем (Вильгельм) I 243, 244, 489
ВиткевичИ.В. 166
Вишну 190
Водеяры, династия 172
Вольтер 89, 365
Воронцов М.С. 415
Ву Суан Кан 503
ВэйЧанхуэй518, 520, 526
Вэй Юань 545
Вэйд513
Габсбурги 51
Гаеквад, династия 167
Гази-Мухаммед (Гази-Магомед) 413
Талиб Сауд 107, 108
Талиб ибн Мусаид 107, 108
Талиб ибн Мухсин аль-Касири 396, 397
Гамзат-бек (Хамза-бек) 412, 413
Гао Эр 287
Гардан К.-М., генерал 125, 127
Гарibaldi Дж. 377
Гарсиа, Мельхиор 514
Георгий XII, царь Грузии 141, 146
Гирван 191
Гирен, дин. 140
Головин Е.А. 414, 415
Гольпаигани, семейство 123
Гото Сёдзиро 562
Гоу Вэньмин 287
ГраббеП.Х. 414
ГрибоедовА.С. 129
Григорий XVI 310
Гуансую см. Цзайтянь
Гукер 436
Гун, князь см. Исинь
Гунананда Мигеттуватте Тхеро 444
Гурген-хан 187
Гуриели, Мамаи, кн. 147
Гюго В, 365
Давуд-паша 389
Дадиани, Григорий, кн. 146
Дадиани, Давид, кн. 417
Дадиани, Леван, кн. 146
Дадиани, Николай, кн. 417
Далип Сингх 425, 426
Дальхузи Д.Э. 49, 426, 431, 432, 448, 449
Данделс Х.В. 240-242, 246, 486
Дануреджо 245
Даогуан см. Мяннин
Дасан см. Чон Яггён
ад-Дасуки Ибрахим 89
Дауд-паша98-100
Дауэс Деккер Э. (Мультагули) 487, 489
Дварканатх Тагор 428
Девал ь 116
фан Дейк К. 390

Деманг Деман 492
Дерозио Г.В. 428
Джабир ибн Абдаллах ибн Сабах 103, 393
Джавад Кербелаи 406
ДжагатСетхи 170
Джанг Бахадур см. Рана Джанг Бахадур
Джахангир (Джангир, Сеид-Султан) 293, 294
Джамбулатовы, князя 140 Джаясена491 Джаястхити Малл 436 Джемаль ад-Дин аль-Афгани 377, 378, 407 Дженкинс Ф. 543 Джумблат, шейхи 380 Джучи-хан 35 Диас514 Дибич И.И. 64
Дипонегоро 245-247, 328, 483, 491 До Тхань Няп 256-258 Дост-Мухаммед 165, 166 ДуВэньсю535 Дудху Мийян 429
Дурга, богиня 180 Дуррани, династия 29, 162-164 Дхир 436
Дэвис Дж. 508, 548 ван Дюймаэр Твист А. 489 Дюплекс 207
Евдокимов Н.И., ген. 415
Екатерина II, императрица 34, 44, 125, 126, 145, 153,412 Бралаи 153 Ермолов А.П. 147,413,418
Ёкоу Сёнан 559 Ёнмэ см. О Генсек Ёсида Сёин 558
Жань Тяньюань 285, 286 Жиродон Л.Ш. см. д'Оргони
Заман-шах 165 Заммум, шейх 116 Зенды, династия 120, 121 Зия ад-Дин 293 Зия-бей 363, 365 568
Зубов В.А. 126, 146 Зык Тонг 511
Иам см. Лю Нинсок
Иббетсон Р. 235
Ибн Сабах, династия 103
Ибн Сауд 94
Ибн Хадсун 89
Ибрагим Шинаси 363
Ибрагим-паша 62, 64, 65
Ибрахим, султан Селангора 228
Ибрахим, теменггунг Джохора 478, 479
Ибрахим-ага 116
Ибрахим-бей 77, 78
Ибрахим-паша, сын Мухаммеда Али 87, 90, 95-97, 108-110 Ивакура Томоми 562, 563 Иегова 517 Ии Наосукэ 554-557 Иисус Христос 517, 519, 520 ИльбертК.П. 351
Ильяс Шамсуддин 181 Иноуэ Каору 546, 560 Ираклий II, царь Грузии 121, 141, 145 Иса Ибн Али 394 Иса Фарахани 408
Исинь (князь Гун) 529, 530, 534 Искандар Зулькарнайн 23 Искандар, султан Перака 228 Искандер Шальхуб 378 Исмаил, султан Сиака 494 Исмаил, хедив 333, 372-375, 377-379 Исмаил I Сефевид 123 Исмаил-бей 77 Исмаил-хан Шекинский 147 Итакура Кацуёси 562 Ито Хиробуми 560 Итсарат 462 Ицзюнь(ВанЛи)541
Ичжу (Сяньфэн), император 516, 528-530 Изёси, сегун 324, 553, 555 Исэадо 554, 563 Изэмоти 554, 557, 559-561
Кавенаг О. 479
Каджары, династия 120-126, 131, 132, 138, 407, 408
Кадзу, принцесса 557 Каздоглий, бейт 77 Кали, богиня 427 Камерон Ч.Х. 349, 352, 440, 442
Камознс Л., поэт 223
Кан Ювэй (Кан Гуанся, Кан Чансу) 329, 333
Канаун 450, 453-457
Каннинг, лорд 395, 431
Кань, принц 259
КаоБаКуат510
ван дер Капеллен Г.А.Ж.Ф. 244, 245
Каракул-Махума 416
Караманлы, династия 402
Карне Л. 472
аль-Касади 397
Каули Г. 387
Кебед-Мухамад (Кибит-Магома), наиб Шамиля 415
Кенесары, хан 155
Кеппел, капитан 237
Керим-хан Зенд 120; см. также Керим-шах
Керим-шах 103
Кечиль, раджа 228
Ки Джонджин (Носа) 539
Кидо Коин 560, 564
Кидо Такаёси 561
Ким, семья, клан 306, 308, 311, 541
Ким Бёнмук 546
Ким Оккюн 545
Кинвун Минджи (У Чейн) 450, 457, 458, 460
Кинлок 187
КлайвР. 169

Клебер 81
Коджон, ван 541, 544-546
де Кок М. 246
Кокрэн Т. 237
Кольбрук У.М. 349, 352, 440, 442
Колье 513
Комаров А.В. 418
Конбаун, династия 200, 202, 204-207, 445, 457, 458
Коноикэ, дом 321
Конфуций (Кун-цзы)ЗП, 330, 519, 540, 542
Комэй 554, 558, 562
Корнилов В. А. 357
Корнуоллис 175
Кроуфёрд Дж. 215, 221, 234
Крымский А.Е. 92
Куббель Л.Е. 9
Кумадзава Бандзан 314
Куми, семейство 123
Кунвар, семейство 434, 435
Кунграты, династия 160
Кунинг, султан 492
Кунта-Хаджи, суфий 416
569
Куроода Киётака 546
Куррат-уль-Айн 406
Кутузов М.И. 61
Кутэй, султан 492
Кучюк Сулейман-паша (Малый Сулейман) 98
Кхадка, семейство 185
Къяи Маджа 245, 246
Кэйки см. Токугава Ёсинобу
Лаграндье 464, 472, 474
де Лагре, Дудар 468, 472, 473
Лайт Ф. 231
Лаксман А. 326
Лакшми Баи 431
Лакшмидеви 434
Лам Сюи Тхиеп 503
Ламаргин А. 365
Ламберт 449
Ле, династия 250, 260-262, 510
Ле Ван Сюет 264, 268-270, 495, 496, 498,
499, 506
Ле Ван Кхой 499, 503 Ле Сюи Ки (Ле Тъеу Тхонг) 260, 261 Ле Тят 264, 266, 495, 496 Ле Хиен Тон 260 Лебедев, Герасим
180 Лессепс Ф. 373 Лефевр 507 Ли Вэньмоу 525, 526 Ли Вэньчэн 288 Ли Мансок 546 Ли Сынхун (отец Петр) 309
Ли Сючэн 527, 530, 531, 533 Ли Ханно (Хвасо) 539, 543 Ли Хаын (Тэвонгун) 541 Ли Хунчжан 530-532, 534, 547 Ли Цай
253, 255-257 Ли Чангэн 288 Линдсей Х.Г. 296 ЛиньЦзэсюй 297, 515 Линь Цин 288, 289 Литтон 353 Ло, клан 218 Ло Даган
520 Лоренц Ч.А. 443 Лорис-Меликов М.Т. 417 Лоудж. 221 Лоу Ф. 544 Луи Филипп 503 Лэн Тяньлу 285 Лю Дэчхи
(Ыхонгю) 545 Лю Личуань 525
Лю Нинсок (Иам) 540, 543 Лю Чжисе 284, 286 Лян Цичао 44
Ма У 287
Ма Хуалун 535
Маджид 395
Мадзини 377
Мадхао Рао 1171
Май Ну 446, 448
Мак, династия 223
Мак Идзуми 558
Мак Тхиен Ты 267
Маккристи Т. 440
Мак-Нил 130
МаколейТ.Б. 350, 351, 428
Макота, пангеран 236, 237
Малла, династия, князя 184, 186, 187
Малла, Джаяпракаш 186, 187
Малла, Ранджит 186
Малькольм Дж. ПО, 126, 127
Мамед-Али 293
Манакамна, богиня 437
Мангкубуми, пангеран см. Хаменгкубувоно I

Мангкувиджая 491
Мангхатулат 221, 222
Манггыты, династия 156
Мансур (Ушурма), суфий 412
Манучехр-хан 406
Мария, дева 518
Маркс, миссионер 455
Маркс К. 57, 436
Мартин У. 545
Марун Наккаш 391
Маршан 499
Маршаниа, князя 146
Мае Пуджа 491
Матулесиа, Томас см. Паттимура
Маун Аун Зейя см. Алаунпая
Маун Шуэ О см. Панджет Вун
Маха Бандула 208, 209
Махадхаммаяза Дипати 201
Махди, имам 404
Махмуд, раджа Риау 479
Махмуд II, султан 60, 62-67, 89, 98, 100, 331, 332,337-341,343,355
Махмуд Недим-паша 366
Махмуд-паша, бей Туниса 118
Махмуд-паша Бабан 99
Мацудайра Катамори 555, 557
Мацудайра Кэйэй 557, 558
Мацудайра Саданобу 317, 322, 323
570
Мацудайра Садатака 555
Мекхара, принц 457, 459
Мелевар, ям-туан 228
Менам см. Чхве Икхён
Мену 81
Меншиков А.С. 357
Меткаф Ч. 353
Меттерних381
Мехди Али-хан 110
Мехмед Рюштю-паша 367
Мехти-Кули-хан 147
Ми Дьонг 267
Мидзуно, клан 322
Мидзуно Тадакуни 325, 549, 552
Мин, династия 42, 284, 288, 519, 525
Мин, клан в Корее 545, 546
Минг, династия 158
Миндон 449-459
Минтаджи 446, 448
МинтоЭ.Г. 241,349
Мир Гедер-хан 158
Мир Джафар 169
МирКасим 169, 187
Мир-Хасан-хан Талышинский 147
Мисостовы, князя 140
Мито Аидзава Сэйситаи 552
Михилс А. 493
Мишо, епископ 513
МобанП.Ф. 310
Моголы, династия 167, 180, 184, 185, 425,
428, 430
Мольер Ж.-Б. 365 Монгкут см. Рама IV Монтескье III.-Л. 89, 365 де Монтиньи 463, 472, 513,514 Морган Р. 440, 442, 443
Морли 349
Мохаммад Али Бакир Бехбехани 123 Мохаммад Али Барфоруши 407 Мохаммад Али Зенджани 407 Мохаммад
Бадруддин, султан Палембанга 242
Мохаммад Мирза Каджар (с 1835 г. шах) 122,
129, 406 Мохаммад Таги-хан Фарахани (Амир Кабир)
407-410
Мулай Абд ар-Рахман 114 Мулай Исмаил 112, 113 Мулай Рашид 112 Мулай Слиман 113, 114 Мультатули см. Дауэс
Деккер Мунсон см. Чонджо
Муо, Генри 467
Мурад V 367

Мурад-бей 77, 78, 81, 82
Муро Кюсо 314
Мустафа, брат Хусейн-бея (Тунис) 118
Мустафа, дей Алжира 115
Мустафа IV 60
Мустафа Решид-паша 332, 355, 356, 358
Мустафа Хазнадар 400, 401
Мустафа-паша 381
Мустафа-паша Байрактар 60
Мустафа-хан Ширванский 147
Мухаммад, пророк 12, 23, 35, 91, 106, 112, 140, 420
Мухаммед, бей Туниса 400
Мухаммед Абдо 378
Мухаммед Али 33, 62, 64, 65, 79, 80, 82-90, 95, 100, 108, 109, 111, 118, 331, 332, 335, 372, 374, 375, 391, 402, 403 Мухаммед Али Риза 100 Мухаммед бен Али ас-Сенуси 403 Мухаммед Мукрани 399 Мухаммед ас-Садок 400 Мухаммед Согратлинский (ас-Сугури) 416 Мухаммед Хазнаджи, дей Алжира 115 Мухаммед Шариф-паша 95 Мухаммед Ярагский, суфий 413 Мухаммед ибн Аун 108, 397, 398 Мухаммед ибн Йахйа 396 Мухаммед ибн Фейсал 399 Мухаммед ибн Халифа 393, 394 Мухаммед-Амин 415 Мухаммед-бей Абу аз-Захаб 77 Мухсин Фадль, султан 111 Муцухито 562 Мучжана 291, 295, 515, 516 Мэйтленд Ф. 296 Мюнтингье 243 Мьингун, принц 459 Мянньин (Даогуан) 291, 295, 296, 515, 516
Надир-шах Афшар 121, 126, 140, 156, 162, 163, 167
Накаи Тикидзан 314 Намик-паша 398 Намык Кемаль 363-365, 367 Нана Сахиб 430, 431, 436 Наполеон! Бонапарт 59, 61, 77-81, 94, 107,
ПО, 111, 115, 126, 127, 172, 191, 240, 241, 287, 341
Наполеон III 341, 387, 401, 528, 534 Насер ад-Дин-шах Каджар 122, 409 571
Насрулла-хан 157-159
Насыф аль-Язиджи 94, 391
Натакусума 242
Наундоджи 202
Нахимов П.С. 357
Нга Тан Де 208
Нгуен Ван Лы 252, 256
Нгуен Ван Няк 252 253, 255-258, 260
Нгуен Ван Тхань 264, 265, 267, 268, 270
Нгуен Ван Хюэ 256-264
Нгуен ДангЗяй 500, 503, 509, 510
Нгуен Данг Туан 496
Нгуен Зык Тонг 508, 511-514
Нгуен Тхань То (Хиеу) 267, 495-505, 508, 510
Нгуен Тхе То (Нгуен Фук Ань) 255, 257-259, 263-267, 270, 272-275 Нгуен Тхунг 253 Нгуен Фук Ань см. Нгуен Тхе То Нгуен Фук Зыонг 255, 257 Нгуен Фук Тхуан 252, 254-257 Нгуен Хиен То 503 Нгуен Хоанг Дык 269 Нгуен Чи Фыонг 503, 511 Нгуены 218, 223, 250, 252, 254-258, 264, 288, 467
Нгуи Кхак Туан 503, 509, 510 Недербюрх С.К. 238 Нейдгарт А.И. 415 Нельсон Г. 78 Нетсхер Э. 494 Низам, династия 167
Николай!, император 65, 147, 165, 166, 290, 357
Никола ат-Турки 94 Нил Дж. 558 Нордом 464, 472-474 НортФ. 195 Носа см. Ки Джонджин Нурали 153
Ньяун О, принц 458, 459 Ньяуньян, принц 457, 458 Нья Гумпара 491 Нья Пербата 491 Нэпир У.Дж. 296 Нью Лянчэнь 288
О Генсек (Ёнмэ) 545
Обаре Ж. 464
ОгюСорай 314
Октерлони 192
Окубо Тосимити 559, 562, 564
Оллок 561
Олкотт Г.С. 444
Омар, султан Тренгану 479
Омар Али, султан Брунея 237
Омар Макрам 82, 83
Омар ибн Авад аль-Куайти 396, 397
Омар-паша, дей Алжира 115
Омар-паша, правитель Ливана 381
Омура Масудзиро 560
Ораби-паша 333, 375, 376
Оранские, династия 241, 243
д'Оргони (Жиродон Л.Ш.) 456

Орд Г. 478
Осио Хэйхатино 326
Осман, шерип 237
Осман Аварский, брат Хаджи-Мурада 413
Оузли Г. 127
Павел I, император 126, 146
Паган Мин 449
Пак Кюсю (Хванджэ) 542, 545
Пак Чега 311
ПакЧивонЗИ, 545
Пакуалам, династия 491
Пальмерстон Г.Дж. 166, 296
Панде, семейство 191, 434
Панде, Дамодар 191
Панджет Вун (Маун Шуэ О) 450
Паркер П. 542
Паскевич И.Ф. 413
Паттимура (Матулесиа Томас) 247
Пельрен, епископ 513
Перри М. 548, 552, 555
Персиньи, граф 387
Петр I, император 329, 332
По Камбау (Мудрый) 474
Поттинджер Г. 130
Преах Утей 226
Прендергаст 460
Путятин Е.В. 553
Пхаво 219
Пхата 219
Пьерри Ю.Н. 412
Пья Бодин 504
Пья Суриновонгсе 462, 463
Пья Так Син 202, 203, 211, 212, 219, 258
Рабиндранат Тагор 348
Рам Мохан Рай 427
Рама I (Чао Прайя Чакри) 203, 212-214, 216,
219, 258, 259, 274 Рама II 214, 215, 274 Рама III 215, 221
572
Рама IV (Монгкут) 215, 461, 462, 464, 466
Рана, семейство 435, 437, 438
Рана Джагат Джанг 438
Рана Джанг Бахадур 434-436, 438
Ранджит Сингх 425, 426, 430, 433, 434
Рассел, лорд 387
Ратиб-эфенди 58
РатуСунд 491
Рафалович А.А. 90
Раффлз Т.С. 232-234, 242-244, 246, 486
Рачасупхавади 461
Рашидида 109, 399
РедН.А. 415
Реза-шах 45
Резанов Н.П. 326
Риддер де Стюэрс Х. 248
Ринъэдзи 563
Рипон Дж. 351, 353
Рис Дэвиде Т.В. 444
Рим 99
Ричардсон Ч. 555, 558, 559
Розен Г.В. 413
Росс 508
Ротшильд 358
Рохюссен Я. 489, 492
Рош Л. 561, 562
Руссо Ж.-Ж. 365
Рустем, уцмий кайтагский 146
Рушейд Дахдах 391
Саадида 112, 113
Сабах ибн Джабир Сабахеддин 103, 393
Сабахи, династия 33, 393

Сайд ибн Ахмад 104
Сайд ибн Султан 105, 111, 394, 395
Саид-бей 98; см. также Саид-паша
Саид-паша 99, 372-374
Сайго Такавори 559, 561-563
Сайид Ахмад Барелви 180
Сайид Сабан 235, 236
Сайме М. 208
Сайонгве 218
Сакаи, клан 322
Сакума Сёдзан 551
Салим 395
Сампедро 514
Самсон-хан 407
Санода Юкицура 551
Саннуа, Якуб 377, 378
Сарип Правирасентана 491
Сарымсак 293
Сатъендранатх Тагор 348
Сауд 107
Сауд ибн Фейсал 399
Саудиды Ю4, 105, 107-109, 113, 393, 394, 398, 399
Сахап, шерип 237 ван Свитен Я. 493 Сеид аль-Махди 403 Сеймур М. 528 Селим III 58-60, 77, 83, 94, 107, 329, 331, 340
Семеке, хан 153 Сен, династия 184 Сен, Дигбандхан 187 Сентот Али Басах Правиродироджо 246 Сесиль 507 Сесодия, род 435 Сефевиды, династия 121-124, 163 Сефер-Али-бек (Шервашидзе, Георгий) 147 Сефиад-Дин 121, 123 Сиддхартха Панадуре Тхеро 444 Сиди Мухаммед бен Абдаллах 113 Сиди Хусейн-бей 118 Силибуннясан 219, 220 Симадзу Хисамицу 556-561 Синбьюшин 202, 203 Сингу 203 Синдия 167
Синпьюмашин (Аленандо) 457, 458 Сирадж-уд-даула 169 Слейден Э. Дж. 457 Смитхто Буддакети 201 Смит, Сидней 81 Смит, Эли 390 Собх-е Азаль см. Яхья Соломон II, царь Имеретин 141, 146 Сон Сире'ль 542 Сперанский М. М. 154 Срым Датов 155 де Стюэрс, Хьюберт Риддер 248 Суваннованги, клан 469 Сувейни 395 Суксём 222
Сулейман см. Ду Вэньсю Сулейман, пророк 23 Сулейман-паша 367 Сулейман-паша Адиль 92, 94 Сулейман-паша (Сев) 85 Сулиньвонгсе 218, 467 Султан Сенух см. Хаменгкубувано II Султан ибн Ахмад 104, 105, 110 Сумангала Хиккадуве Тхеро 444 Сун Чжицин 284 573
Сун Ши 261
Сунтон Пу 216
Супаяла 457-460
Сурхай-хан Казикумухский 147
Сушунь 528-530
Суюк, хан 154
Сэнгэринчи 529
Сюй Тяньдэ 285, 287
Сяньфэн см. Ичжу
Сяо Чаогуи 517, 518, 520
Табатабани, семейство 123
Таги-хан см. Мохаммад Таги хан Фарахани
Таймазовы, князья 422
Тайнд Минджи 457, 458, 460
Такаси́ма Сёхан 327
Такасуги Синсаку 560
Такахаси Кагэясу 551
Такахаси Сюхан 551
Талабан 201
Тан, император 312
Таниус Шахин 385, 386
Тантия Топи 431
Танум Окицугу 317, 322, 323
Таравади 446, 448, 450, 453
Тарковский, шамхал 146
Тата, Джамшетджи Нашурван 54, 57
Тауке-хан 33, 151
Таунгу, династия 200, 201, 204, 205
Таха, султан 494
ат-Тахтави Рифаа 80, 89
Теймураз II, царь Грузии 141
Тибо 457-460
Типу Султан 111, 171, 172
Тобия Аун 386

Токугава, династия, дом 18, 313, 317, 321-324, 344, 549, 552, 554, 555, 561-564 Токугава Ёсимунэ 314, 317 Токугава Ёсинобу (Кэйки) 554-556, 559-562 Токугава Иэмоти 554 Токугава Иэясу 313 Токугава Нариаки 552-554 Толстой Л.Н. 414 Тонг Фыок Хиеп 254-256 Горбеке И. 490 Трипура Сундари 434 Туанку Имам Бонджол 248 Туанку Кудин 235 Туанку Мохаммад Саад 235 Тувенель Э.А. 387 Тун Жунхай 533 Тун Мутахир 479, 480
Тунзе, принц 457, 459 Тунчжи см. Цзайчунь Турки ибн Абдаллах ибн Мухаммед ибн Сауд 109
Турки ибн Сайд 395 Тхапа Бхимсен 191, 433, 434, 438 Турловы, князья 422 Тхапа, семейство 191, 434 ТхапаЛакхан 437 Тхапа Матабарсинх 434 Тхе То 495-497, 501, 502, 505, 509, 512 Тхи Хоа 253 Тэйлор 99
Тэвонгун см. Ли Хаын Тю Ван Тиеп 253, 256, 258 Тю Зань Хо 500 Тянгхалат 468 ТяоАну 74,501,502 Тяо Ин 274 Тяо Ной 501,502
У Чейн см. Кинвун Минджи Узбек, хан 150 Ункхам 468 Уолл Дж. 443 УордФ.Т. 531 Ушурма см. Мансур УэлслиР. 173
Фан Ба Вань 498
Фань Жэньцэ 287
Фаркьюхар У. 234
Фатх-Али-хан Каджар (с 1798г. шах) 121, 122, 126, 129, 137 Фейсал ибн Сауд 109 Фейсал ибн Турки 398, 399 Фези К.К. 414 Фендалл Д. 243 Фильмор М. 552
Франсен ван де Пюгге И. 490 Фрезер 21
Фуад-паша 332, 358, 388 Фудзита Токо 552, 558 Фудзита Юококу 551 де Фуко 453 Фуллертон Р. 235 ФэнЮньшань517, 520
Хавлок 431
Хадж Али-паша, дей Алжира 115
Хадж Ахмед, бей Константины 116, 117, 399
574
аль-Хазин, шейхи 385, 386 ХайдарАли 170-172 Хайдар Шихаб 93
Хайрадин-паша 332, 401
Халид, эмир 109
Халиль аль-Хури 388
Халиль-паша 332
Хамад ибн Сайд 104
Хаменгкубувоно I (Мангкубуми, пангеран) 245
Хаменгкубувоно II (Султан Сепух) 242
Хаменгкубувоно III, раджа 242
Хамза, дядя Пророка 140
Хамиду 115
Хамуд-паша 117, 118
ХардингГ. 351
Харрис Т. 463, 553, 554
Хасан, дей Алжира 115
Хасан ад-Дахиль 112
Хасан Фехми-эфенди 366
Хасан-паша 97
Хасан-хан Мехтулинский 147
Хатиб Расу 479, 480
Хафэн 294
Хашим, пангеран 236, 237
Хашимиты 23, 106
ХванСаёнЗЮ
Хванджэ см. Пак Кюсу
Хвасо см. Ли Ханно
Хидаят, султан 492
Хиен То 503-508
Хиеу см. Нгуен Тхань То
Хоанг Динь Бао 259 Хоанг Нгу Фук 254-256, 259 ван Хогендорп Д. 240. 243 Ходжсон Б. 433, 436 Холкар, династия 167
Хон Гённэ 308 Хон Дён 311 Хонда Тосиаки 320 Хосейн Али (Беа-Улла) 406 Хосейн Бошруе 406, 407 Хосейн-хан 130
Хосейни 406 Хосров-мирза 408 Хотта, клан 322 Хотта Масаёси 553, 554 Ху Ихуан 520 Хуан Дэмэй 525 Хуан Цзюэцзы 296 Хун, семейство 527 Хун Жэньгань 532, 533
Хун Сюцюань 517-522, 526, 527, 532, 533, 545
Хунли (Цяньлун) 202, 261, 284, 286, 287
Хуршид-паша 109, 111, 387
Хусейн 35, 107
Хусейн, дей Алжира 116
Хусейн, мамлюк 401
Хусейн, султан Джохора 478
Хусейн-шах, султан Сингапура 233
Хусейниды 117-119
Хэ Лю 525
Хэйстингс, Рэндон Фрэнсис маркиз 232
Хэйстингс, Уоррен 170, 171
Хэшэнь 284-286

ван Хювелл В.Р. 489
Хюиен Кхе 253
Дай Цянь 288
Цзайтянь (Гуансюй) 329, 343, 536
Цзайчунь (Тунчжи) 530, 536
Цзо Цзунтан 530-533, 535, 537
Цзы Дин 253, 255
Цзэн Гофань 524, 526, 530-534
Цзэн Гоцюань 533
Цзяцин см. Юнъянь
Ци Ван 284, 285
Циин516
Цин, династия 154, 283, 288, 295, 298, 300-304, 308, 518, 519, 524, 527-532, 546 Цинь Жиган 520, 526 Цицианов П.Д. 146 Цунаёси317 Цыань 530 Цыси 530, 534, 537
Цяньлун см. Хунли
Чакри, династия 211-213, 219, 465
Чанлин 293, 294
Чао Прайя Пракланг 216
Чао Прайя Чакри см. Рама I
Челеби, Мустафа-паша 60
Чжан Бин 292
Чжан Лосин 524, 528, 532
Чжан Сюмэй 535
Чинбьян 208
Чингис-хан 23, 31,37, 151
Чингисиды 23, 31
Чинь 250, 254-256, 258, 260
Чинь Кан 259
Чинь Кхай 259, 260
Чинь Кыонг 250
Чинь Хоай Дык 269
Чинь Шам 254, 257-259
575
Чон Яггён (Дасан) 311,312
Чонджо, ван (Мунсон) 311
Чхве Джеу 540
Чхве Икхён (Менам) 540, 543, 546
Чхольчон ван (Ен-хё) 538-540
Чьонг Ван Да 259
Чьонг Данг Кюэ 499, 503, 509
Чьонг Минь Зянг 499, 503
Чьонг Фук Лоан 252, 254
Чэнь Кай 525, 526, 532
Чэнь Юйчэн 527
Шакир 118 Шакиямуни 284
' Шамиль (Шамуил) 413-417, 419, 422 Шамшер, семейство 438 Шамшер Дхир 438 Шанди519 Шариф-паша 96
ШастанЖ.О. 310 Шах, династия 184, 435 ШахАламI167, 169, 170 Шах Бахадур 188 Шах Валиулла 180 ШахГирван 191
ШахДрабья 185,433 Шах Мурад 156 Шах Нарбхупал 186 Шах Притхвинараян 186-188, 190 Шах Раджендра 434 Шах Рам
185, 186,436 Шах Рана Бахадур 188, 191 Шах Сурендра 435 Шекиб-эфенди 382 Шервашидзе, род 38
Шервашидзе, Георгий, кн. см. Сефер-Али-бек Шервашидзе, Михаил, кн. 417 Шериф-паша 377 Ши Дакай 518, 520, 526,
527, 532
аш-Шидийяк Ахмед Фарис 378, 391
Шидийяк, Таннус 93
Ширази, семейство 123
Шихабы, род 93, 379, 381
Шлей В.С. 544
Шри Викрам Раджасин 198, 199
Шуджа 165, 166
Ыхонгю см. Лю Дэчхи
Эгава Хидэтацу 551
Эйленбург 464
ван Эйсинг Сикко Роорд 487
ЭксмутШ, 118,402
Элаут К.Т. 244, 248
Эллиот К. 440, 442, 443
Эльдаровы, князь 422
Элэдэнбао 286
ЭмберЗЮ
Эномото Такэаки 563
Эрлангер401

Юань, династия 300
Юнъянь (Цзяцин) 284, 286, 287, 291
Юсуф Ардебели 406
Юсуф Сахиб ат-Таби 118
Юсуф-паша 402
Юсуф-ходжа 293, 294
Якуб-бек Мохаммед см. Бадоулет
Ямагато Аритомо 560
Ямада Уэмон 556
Ян Сюцин 517-521, 523, 524, 526, 527
Янагидзава Ёсиясу 317
ван ЯнссенЯ. 241
Яо Чжифу 284, 285
Яриба, клан 104
Яхья (Собх-е Азаль) 406
Яхья Дараби 406

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абу Ариш 396 Абу-Даби ПО Абукир 78, 81,82
Абхазия 38, 127, 140, 141, 147,417,418,421 Абьян 396 ,Ава (Инва) 200-203, 205, 210, 318, 445 448, 460
Авария 414 Аварский окр. 416 Аварское ханство 140, 413, 417 Австралия 53, 279
Австрийские Нидерланды (Бельгия) 243 Австрия (Австро-Венгрия) 65, 79, 86, 89, 115, 126,358,366,371,388 Агра 167, 173,353,431 Аден31,71,81, 111,396,397 Аджария 417 Аджарские горы 61 Аджман
НО
Адрианополи см. Эдирне Адриатическое море 61 Адыгея 142, 147,417 Азербайджан 121, 122, 140, 141, 144, 148, 405,417,421,422
Иранский 406, 408
Северный 142 Азия 5, 6, 8, 20, 21, 35, 45-47, 50, 51, 55-57, 78, 166, 193, 276, 283, 290, 331, 332, 548
Восточная 6, 55, 184, 274, 279, 499
Западная 20, 29
Малая 361
Передняя 193
Северо-Восточная 548, 550
Средняя 23, 25-27, 42, 125, 127, 129, 130, 136,293,416,536
Центральная 20, 29, 30, 35, 54, 152, 156-158, 160, 161, 165,304
Юго-Восточная 20-22, 24, 26, 30, 31, 39, 40, 42, 43, 54, 71, 184, 193, 200, 207, 231, 232, 234, 244, 263, 276, 278, 319, 395, 397, 444, 455, 463, 475, 476, 478, 501,550
Юго-Западная 68, 165
Южная 24, 193 Айдзу316, 557, 559, 563
Акапулько 277
Акка81,91,95
Акора163
Аксу 293, 294
Алды, сел. 412
Александрия 77, 78, 82, 116, 373, 375, 377
Александровское, нос. 414
Александрополь 357
Алжир 26, 27, 30, 47, 68, 69, 72-75, 112, 114, 116-118,399-402,418
Алжир, г. 115, 118
Аллахабад 431
Амарапура 196-198, 449, 450, 454
Амбон, о-в 238, 247, 249
Америка (Американский континент, Новый Свет) 56, 168,277,278,326 Латинская 277, 279, 280 Северная 50
Центральная 50 Южная 50
Амой см. Сямэнь
Амстердам 487
Амударья, р. 156, 159, 162, 166
Амур, р. 529
Аназа 71
Анапа 412
Анатолия 14, 19, 65, 115, 360, 361, 365, 371, 415
Ангкор 464, 471, 474
Англия (Великобритания) 46, 47, 49, 50, 52-56, 59, 65, 71, 78, 79, 81, 86, 89, 103-105, 107-109, 111, 114-116, 118,

125-128, 130, 131, 135, 138, 154, 160, 165, 166, 170, 175, 193-196, 200, 207-210, 215, 220, 221, 230-235, 237, 238, 243, 244, 247, 274, 278, 279, 282, 290, 296, 297, 310, 326, 329, 345, 347, 352, 356-358, 371, 374, 378, 388, 392-396, 399^402, 411, 418, 423, 426, 428, 435, 436, 442, 445, 446, 448, 454-456, 459, 462, 463, 468, 473, 475-479, 491, 499, 512, 515, 516, 527-529, 534, 536, 537, 542, 545, 547, 548, 551, 553, 555, 558, 561, 562

Андаманское море 200

Анди, сел. и союз общин 142

Андижанский вилайет 159

577

Андийское Койсу, р. 415 Андон 306 Андхой 116 Анкара 365

Аннам (Аньнань) см. Вьетнам Центральный Антиливан 381 Антильские о-ва 474 Антильяс 93 Аньлэпин 285

Аньхуэй 289, 521, 524, 526-528, 531-533 Аньцин 521 Аомэнь см. Макао Арабистан 95 Арабский халифат 413

Аравийский п-ов 102, 396 Аравийское море 171

Аравия 24, 31, 33, 36, 68-72, 74, 75, 87, 89, 94, 102, 104, 106-111, 180, 245, 392, 393, 396, 399

Внутренняя 74, 102, 103 Восточная 68, 108-110, 392, 399 Северная 399

Центральная 108, 109, 393, 399 Южная 74 Аракан 174, 200, 203, 204, 207-210, 446, 448, 449, 454 Араке, р. 126 Аральское море 151, 159 Аргунь, р. 529 Ардаган 371, 417 Ардебиль 128 эль-Ариш 81 Аркат 169

Армения 122, 126, 128, 141, 417, 422 Восточная 140, 141, 144, 148, 421 Западная 141, 147, 417 Армянская обл. 147

Ароматная река (Шонг Хыонг) 255 Арпа-чай, р. 61 Артвинский окр. 419 Асан, Асанский залив 543, 544; см. также Тонкинский залив Асир 108, 396

Ассам 46, 174, 208-210, 424, 426, 429, 446 Ассуан 85 Астрабад 125 Астраханская обл. 148 Астрахань 160, 423

Атлантика 112 Атласские горы 113 Атапы 220

Ауд 167, 169, 170, 172, 176, 180, 191, 426, 430, 431, 435 Афганистан 20, 21, 25-27, 42, 46, 55, 126, 127, 129, 130, 135, 136, 159, 160, 162, 165, 166, 433, 448 Афины 63 Африка 6, 20, 45, 47, 54, 56, 71, 78, 112, 116, 136, 241

Северная 5, 6, 20, 23, 68, 86

Южная 459 Ахвиз 130 Ахмадабад 54 Ахмаднагар 173 Ахомское гос-во 208 Ахты, сел. и союз общин 142

Ахульго 414 Аче 493, 494

Ачехский султанат 31, 32 Ашильта, сел. 414 Аютия 202, 203, 211, 213, 214, 216, 217, 219, 232

Багдад 71, 97-100, 130, 139, 388, 392, 399 Багмати, р. 182 Бадунг, княжество 493 Баиси 182, 188 Байбурт 64 Байдицэн 285 Байхэ, р. 528

Бакбо см. Тонкинский залив Бакинская губ. 417 Бакинское ханство 127, 140, 146 Бактхань см. Вьетнам, Крайний Север Баку 126, 146, 423 Баламбанган 240 Бали о-в 493 Балийский пролив 240 Балицяо 529

Балканы 61, 64, 145, 160, 365, 371 Балх 166

Бамо 203, 208, 446, 460 Бангкок 212-216, 219-222, 235, 259, 462-464, 466, 468^171, 473, 474, 479, 501, 502, 504 Бангли 493

Бангхулу см. Бенкулен Банда, о-ва 238 Банджармасин 242, 492 Банка, о-в 242

Бантен (Бантам) 240-242, 491 Барасат 429 Барода 167

578

Барракупур 179

Барус 493

Басилан 276

Басра 99, 103, 105, 110, 130, 139, 392, 393

Бассейн (Патейн) 202, 449

Батавия (Джакарта) 240-243, 247, 464, 487, 489, 490, 492-494

Батавская республика, королевство 238 Батавские резидентства 240 Батанг-Мару 237 Баттамбанг 464, 474

Батум 371, 417 Батумская обл. 417 Батумский окр. 419 Бахрейн 74, 102-105, 107, 109-111, 393, 394, 399

Башкадыклар 357 Баязид 371

Баязидский пашалык 128 Бейрут 96, 379, 381, 382, 386-388, 390, 391 Бейт-эд-Дин 93 Белитунг (Биллитон), о-в 242

Белуджистан 122, 129, 138, 162 Бельгия 54, 135, 483 Бенарес (Каши) 179, 186, 435 Бенаресское княжество 170, 179

Бенван 254 Беигалия 46, 167, 169-171, 174-180, 187, 200, 207-209, 231, 352, 423, 428-430

Восточная 429

Бенгальский залив 200, 207, 230, 231 Бенгальское президентство 424, 426, 428, 429 Бенда 253

Бендер-Аббас 102, 104, ПО Бендер-Бушир 102, 394 Бендер-Риг 102 Бенкулен (Бангхулу) 232, 234, 242, 243, 248, 490

Бенче 256 Берар 426 Берлин 371 Бернам, р. 228 Бессарабия 61

Южная 358, 371 Бзыбь, р. 147 Биенхоа 511 Биллитон см. Белитунг Биньдинь 501, 502 Бинькханг 254, 255

Биньтхуан 254, 257 Бирбхум 179

Бирма 20, 21, 24, 25, 27-29, 40, 41, 43, 46, 49, 174, 191, 196, 200-211, 220, 234, 274, 330, 331, 430, 433, 443, 445, 446, 448-450, 452, 454-460, 466, 537 Верхняя 448, 450, 453-455 Нижняя 450, 453, 455, 457, 459 Южная 449

Бисайские о-ва 276, 280
Бихар 169, 179, 180, 429
Богор (Бюйтензорг) 490
Болгария 59, 61, 64, 361, 368, 370, 371
Боловент, плато 217
Бомбей 49, 54, 56, 103, 168, 170, 171, 180, 231, 350, 352, 353, 392, 397, 424, 425, 427, 428
Бомбейское президентство 174, 178, 429, 430
Бон 115
Бонджол 248, 249
Бонн 492, 493
Боробудур 243
Босния 365, 366, 368, 371
Босфор 65
Бохайский залив 525, 528
Бразилия 106
Брахмапутра 429
Британия см. Англия (Великобритания)
Британская империя 54, 432, 435, 456, 457, 463, 475
Бруней 236, 237, 475
Буксар 169
Булеленг 493
Бункю 557
Бурейда 71
Бурная, креп. 413
Бурса 360
Бутан 188
Бухара 156-160
Бухарский эмират 20, 21, 23, 26, 154, 156, 157, 159
БуширПО, 127, 130
Бхадгаон, г. в Непале 188
Бхадгаон, княжество (Бхактапур) 184, 186
Бхаратпур, г. в Индии 167
Бхери.р. 182
Бхот 184
Бэйхай 537
Валахия 61, 64, 128
Малая 357 Валерик, р. 414 Вандиваш 168 Ванся 516
579
Ватампоне 493 Ватикан 503 Ведено, сел. 416 Великий канал 285, 521, 524 Великобритания см. Англия Веллор 179
Вена 58, 331, 357 Венеция 115, 117 Виджайя (Тябан) 256 Виджаяпур 184, 188 Виньлаунг 257 Вифлеем 357
Вихоанг (совр. Намдинь) 260 Владикавказ, гор. 148 Внезапная, крепость 413 Внешние острова (Внешние владения, Внешние провинции) 247, 483, 491, 492 Внутреннее Японское море 320 Военно-Грузинская дорога 148, 414 Волга, р. 148 Воронеж 417 Восток 5, 6, 8, 19, 23, 34, 38, 40, 44-46, 48-53, 55, 90, 156, 158, 209, 233, 234, 245, 263, 328-332, 342, 344, 353, 354, 377, 405, 448, 475
Ближний 71, 334, 343, 356, 357, 371, 377, 395, 416
Дальний 40, 42, 193, 211, 304, 309, 310, 315, 468, 475, 503, 539, 540, 548, 550
Средний 122, 127, 129, 343, 377, 407 Восточно-Китайское море 288 Въентьян 215, 217-221, 274, 468, 469, 501, 502
Въентьянская равнина 217 Вьетнам (Юэнань, Дайвьет) 12, 15, 18, 28, 200, 220-223, 225, 226, 233, 250, 253, 254, 257-269, 272-275, 288, 333, 445, 463, 464, 467, 468, 471, 472, 495, 496, 498-504, 506-508, 511-514
Крайний Север (Бактхань) 260, 265-268, 270, 271, 273, 495, 496, 498, 500, 504-506, 508
Крайний Юг (Зядинь) 250, 252, 254-259, 263, 271, 274, 495-500, 502, 504, 506-508, 511
Северный 12, 259, 260, 264-266, 270, 271, 495-497, 500, 504, 506, 509-512
Центральный (Аннам, Аньнань) 258, 260, 261, 264-266, 274, 496-498, 501, 502, 504-507, 509, 511
Южный 12, 271, 472-474, 476, 495, 506
Въньчжоу 537
Гаага 487
Гавок 246
Газни 166
Галгай (Гьалгьай), союз общин 142
Галле 352

Ганг, р. 173,187
Гангский канал 424
Гандаки, р. 182,433
Ганьсу 286,287, 534, 535
Гардез 165
Гархвал 189, 191,192
Гвалияр 167, 171, 173, 174,431
Гвинейское побережье 241
Гелибола 365
Генуя И 5,463
Герат 122,129,130, 165,166
Гератская пров. 163
Гератское ханство 129, 130
Гергемиль, сел. 415
Германия 54, 282, 366,455,459
Герцеговина 365, 366, 368, 371
Гианьяр 493
Гибралтар 78
Гилян 133,408
Гималаи, главный Гималайский хребет 174,
181, 182, 184, 186, 187, 189-192 Гимры, сел. 413
Главный Кавказский хребет 415 Гоа 168 Годавари 424 Голландия 46, ПО, 115, 117, 193, 231-234,
238, 243, 244, 247, 276, 402, 463, 483, 488,
490-492, 548-550, 553, 554 Гонконг (Сянган) 462, 464 513, 516, 529,
548
Горакхпур 436 Горган, р. 409
Горкха, княжество 185-189,437 Горкха раджья (Королевство Горкха) 189 Гоцатль, сел. 413 Греция 59,61,62-
64,94,128 Грозный 413 Грузинское царство 141 Грузия 98, 121, 122, 125-127, 140, 142, 146,
148,417,421,422
Восточная 140, 141, 145
Горная 417
Западная 141
Южная 141
580
Гуандун 261, 288, 291, 292, 295-297, 477,
515-517,525,526,528 Гуанси 261, 262, 477, 517, 518, 520, 526, 528,
532 Гуанчжоу (Кантон) 290, 291, 295-297, 503,
515,516,525,526,528 Гуйлинь 520 Гуйпин 518
Гуйчжоу 288, 292, 534, 535 Гумсур 429 Гуниб, сел. 416 Гунонг-Пасир 228 Гунунг Табур 492 Гуриан, крепость 130
Гурия 127, 140, 141, 147 Гянджа 126 Гянджинское ханство 127, 140, 141
Дагестан 23, 127, 142, 144-147,413,415-417, 419 Нагорный 140, 142, 144, 412, 413, 414,
416,419
Северный 140, 141,413,415 Центральный 144 Южный 141, 144, 145, 413, 415, 418, 419,
422
Дагестанская обл. 417,418,421,422 Дагон см. Рангун Дагу 528, 529 Дадухэ, р. 532 Дайвьет см. Вьетнам Дайнам
501, 503, 504, 507, 512-514 Дакка 208,423,449 Дали 535 Даман 168
Дамаск 71, 91, 94, 95, 106, 384, 387, 388, 398 Дананг (Туран) 507, 508, 512-514 Дангнгоай 250, 252, 254, 257, 259-
261 Дангчаунг 250, 252, 254-257, 259, 263-265,
269-271,496
Дания 114, 117, 402, 456,463 Даокоу 288, 289 Дарго, сел. 415 Дарджилинг 188 Двуречье (Ганга и Джамны), Доаб
167, 170,
173, 177, 179,424,429,430,432 Дейр-эль-Камар 71, 93,380, 382, 386,388 Дели (Индия) 167, 169, 173, 353,430,431
Дели (Суматра) 494 Данубью 209 Дербент 126, 146, 413,418,420
Дербентская губ., обл. 417 Дербентское ханство 127, 140,146 Джайнтия, кн-во 174,209,210 Джайпур 180 Джакарта
см. Батавия Джамби 493, 494 Джамна 173
Джар (Джаро-Белоканский), союз общин 142, 417
Джарабуб 403
Джарджаркот 188
Джафна 352
Джебель 396
Джебель-эд-Друз 381, 384
Джебель-Шаммар 109
Джелаи 479
Джелалабад 165, 166
Джелебу 228
Джембрана 493

Джемпол 228
Джидда 71, 106, 396-398
Джодхпур 180
Джокьякарта, кн-во 240-242, 245, 491
Джонгга 188
Джорджтаун 231, 475 477
Джохол 228
Джохор 228, 230, 233, 478-481
Джохор-Бару 479
Джохорский пролив 232
Джумла 182, 188
Джунгария 153-155, 283, 537
Джунгарское (Ойратское) ханство 298
Джханси, кн-во 426, 431
Джханси, г. 431
Дзасэктуханский аймак 300
Динаджпур 179
Диньтыонг 256, 511
ДирийяЮ4, 109, 393
Диу 168
Диярбакыр 360
Доаб 424
Дон, р. 148
Доти 188
Дофар 105
Дубай ПО
Думьят 375
Дунай 357, 370
Дунайские кн-ва 61, 64, 357
Дунсян 285
Дурранийская держава 29, 162-165
Дэсима, о-в 550
581
Европа 8, 10, 35, 45-47, 49-55, 57, 71, 76, 77, 81, 86, 92, 94, 109, 112, 114, 118, 125, 126, 152, 168, 191, 232, 259, 276-278, 282, 290, 329, 330, 332, 333, 355, 360, 363, 364, 390-392, 455, 456, 464, 499, 512, 534, 539, 540, 548, 550, 551, 556, 557
Западная 34, 321-333
Египет 48, 50, 59, 62, 64, 65, 68-74, 76-84, 86-89, 90, 94, 95, 100, 107-110, 118, 133, 172, 331, 332, 335, 355, 372-379, 391, 402, 403
Верхний 78, 81, 82, 87, 373, 375
Нижний 83, 84, 87
Екатериноград (Екатериноградская), г., станица 148
Екатеринодар 148
Елизаветпольская губ. 417, 418, 422
Елизаветпольский окр. 146
Елисуйский (Илису) султанат 140, 146
Ереван 127, 128
Ереванское ханство 128
Жатьгам 259
Желтое море 525
Женева 364
Жэхэ 529, 530
Зааджа 399
Закавказье 61, 122, 125-128, 136, 140, 142, 145, 147, 148, 357, 412, 415^117, 419, 421, 422
Восточное 141, 144-146, 418
Западное 141
Закаспий 156
Закатаны, сел. 413
Закатальский окр. 416-418, 422
Закубанье 141
Занзибар 104, 105, 392, 394, 395
Запад (Европа) 6, 8, 45, 47, 271, 275-279, 282, 287, 311, 328-330, 333, 391, 444, 454, 455, 462, 489, 512, 516, 517, 528-530, 545, 546, 550-552, 559
Западное Триполи (Тарабулус аль-Гарб) 20, 25-27, 402
Западные Гхаты 171, 172
Западная Малла 182, 188
Заравшан, р. 156
Захла 71, 93, 380, 386
Зенджан 406, 407
Зиенкхань 254
Зубара 71, 103, 393
Зук Микаель 385
Зурмат 165
Зядинь см. Вьетнам, Крайний Юг
Зянь 254, 262
Иерусалим 357
Икуно 559
Илек, р. 151, 152
Или (Кульджа) 152, 290, 294

Илийский (Кульджинский) край 536
Илоило 278
Имеретия (Имеретинское царство, Имеретинская обл.) 127, 140, 141, 146, 147
Ингушетия 140, 142, 144, 413
Индаур 167, 171, 173
Индийский океан 53, 105, 168, 171, 193
Индия 9, 39, 40, 46-50, 52, 54-57, 71, 78, 81, 102, 103, 106, 109, ПО, 121, 122, 125-127, 133, 135, 136, 159, 160, 163, 165, 166, 167-171, 173-175, 177-180, 184-186, 188, 194, 200, 207-209, 230-234, 241, 279, 290, 291, 328, 345-353, 392, 395-397, 418, 423-430, 432-438, 444-46, 448, 449, 455, 456, 459, 460, 475, 476, 478, 481, 488, 515, 528, 536, 550
Восточная 346 Северная 46, 162, 176, 180, 189, 191, 346, 424, 430
Северо-Западная 167, 180 Центральная 46, 429, 431, 432 Южная 27, 46, 168, 169, 171, 172, 179, 346, 442
Индокитай (Индокитайский п-ов) 200, 206, 209, 215, 217, 345, 445, 461, 468, 472, 503, 507
Восточный 54 Южный 49
Индонезия (Нидерландская Ост-Индия) 46, 48, 56, 238, 242-247, 350, 477, 483, 487-490 Восточная 493
Индостан 162, 174
Инчхон 541
Иравади 49, 200-204, 206, 209, 448, 454, 460
Ирак 45, 68-70, 72, 76, 97-100, 102, 107-109, 393 Персидский 405
Иран 9, 12, 21, 23, 42, 45, 47, 48, 51, 55, 98, 99, 102, 120-139, 141, 145, 158, 163, 165, 166, 328, 330, 333, 342, 344, 345, 393, 405—411, 421, 433; см. также Каджарское гос-во, Сефевидская империя 582
Северный 408
Центральный 121 Испания 114, 115, 117, 276-278, 280, 282, 402, 550
Исфаган 120, 406
Италия 54, 117, 401, 402, 456, 459, 547 Итуруп, о-в 553 Их-Хуре 300 Ичан 537 Ишим, р. 151
Йезд 406, 407
Йемен 20, 68, 69, 81, 105, 106, 108, 111, 392, 396
Горный 107
Северный 105, 111, 392
Южный 31, 392 Йеттишар (Джетышаар, Семиградье) 536, 537 Йокохама (Июкогама) 555, 556, 561
Кабарда (Большая и Малая) 140, 141, 144, 145, 146, 149, 412, 418 Кабардино-Балкария 148 Кабилия 115, 399
Кабул, Кабульская провинция 165, 166 Кавери 424
Кавказ 20, 23, 38, 121, 122, 125, 140-142, 144-149, 412, 414, 415, 417-122 Западный 147 Северный 140, 142, 145, 147, 148, 412, 415, 416, 420-422
Северо-Восточный 140, 142, 144, 416, 417 Северо-Западный 140, 142, 144, 145, 148, 416, 420, 421 Кавказская губ., обл. 148 Кавказская линия 148, 413-415, 417 Кавказское наместничество 148, 417 Кага 316
Кагосима 325, 556, 558 Каджарское гос-во 122; см. также Иран Казахские степи 31, 35, 36, 152-155, 160 Казахский султанат 141 Казахстан 32, 35, 150-155 Казикумух см. Кумух Казикумухское ханство 140, 147, 417 Каир 59, 71, 77-81, 106, 108, 375, 378, 397 Кайсери 365 Кайсянь 285
Кайтаго-Табасаранский окр. 416 Кайтагское уцмийство (Кайтаг) 140, 141, 417
Кайфэн 525 Каласим 468, 469 Калган 304
Кали-Гандак, р. 182, 184 Калимантан 242, 247, 482 Восточный 492 Западный 482, 492 Северный 25, 228, 236, 475, 492 Южный 492 Калуга 416
Калькутта 49, 168-170, 178, 180, 208, 209, 231, 233, 234, 295, 350-353, 424, 425, 427, 458, 464
Камбоджа 20, 21, 24, 27-29, 42, 200, 221, 223-227, 233, 257-259, 268, 274, 463, 464, 468, 470-474, 499, 501, 502, 504, 513 Кампей, о-в 494 Кампонгтхом 474 Кампот 257, 471, 472, 474 Канагава 325, 553 Канада 53 Канвой, пров. 546
Кангра 189
Кандагар, Кандагарская пров. 163, 165, 166 Канди 193, 195, 196, 198, 352, 442 Кандийское гос-во 24, 25, 27, 28, 193-195, 198, 199, 439 Каннара, обл. 172 Канпур 430, 431 Канто 320, 324 Кантон см. Гуанчжоу Канто 257
Канхвадо, о-в 541, 543, 544, 546 Каобанг 262 Капская земля 232 Капская колония 46 Карабах (Карабахское ханство) 127, 128, 140, 147
Карангасем 493 Карацу 318
Карачаево-Черкессия, Карачай 140, 145 Каренни (Кая) 459 Карнал 429 Каркали, р. 182
Карнатик 167-169, 171, 172, 426 Каре 357, 371, 417 Карская обл. 417, 419 Карский пашалык 128 Картегай 294
Картлинское царство (Картли) 140, 141, 145, 146 583
эль-Касим 399

Карун, р. 409
аль-Касири, султанат 397
Каски 187, 188
Каспийское море 125, 127, 129, 130, 146, 151
Кастамону 364, 365
Катар, шейхство 71, 74, 103-105, 107, 111, 393, 394
Катманду, г. 181, 188, 192,433,436
Катманду, долина (Долина, Непальская долина) 181,184-188, 190,433
Катманду, кн-во 174, 184
Катна 397
Каунтон 203
Кахетинское царство (Кахетия) 140
Качар 174, 208-210
Кашан 120,410
Кашгар 159, 293, 294
Кашгария (Кашгарское ханство) 152, 283, 292-295,536,537
Каши см. Бенарес
Кашмир 425
Квансо см. Пхёнан
Квансонджин 544
Кедах 228, 231,234, 235
Кеду 491
Келантан 228,479,481
Кентунг(Чентун) 202, 203
Кенхунг 203
Кербела 98, 99, 107, 130,404
Керман 121, 126
Керонг 188
Кесруан 385, 386
Кёнбоккун 542
Кёнгги 540, 546
Кёнсан 306, 308, 538
Киентхань 253
Кизляр 412, 418
Киликия 65
Кинай 319, 320
Кинка 320, 324
Киото 315, 323, 325, 555, 557-563
Кипр, о-в 89, 365
Киренаика 403
Киртипур 187
Китай 9, 11-13, 16-20, 27, 29, 35, 39, 40, 42-45, 47-56, 150, 153, 154, 159, 160, 184, 188, 191, 192, 200, 202, 203, 207, 209, 211, 221, 226, 230-234, 237, 260-262, 274, 276, 278, 283, 287, 288, 290, 291, 294-298, 303, 305, 306, 308-311, 326-328, 330, 333, 334, 344, 345, 424, 433, 444, 446, 455, 459, 463, 464, 467, 468, 474-478, 480-482, 503, 507, 508, 512, 515, 516, 518, 520, 522, 525, 528-530, 532-534, 537, 539, 541, 542, 544-547, 548-551, 553, 554; см. также Поднебесная, Срединная империя, Цинская империя
Северный 283, 291, 524, 525, 529 Северо-Западный 284, 287, 536 Центральный 283, 524 Юго-Западный 292
Южный 283, 291,292, 474
Киши, сел. 416
Киши жуз (Малая, Младшая Орда) 31, 151
Кишм, о-в 104
Клатен 491
Клунгкунг 493
Кобдо 300
Кобдоский округ 298
Коканд,г. 156,159,293
Кокандский вилайет 159
Кокандское ханство (Коканд) 20, 23, 24, 26, 150, 152, 154, 156, 158, 159,293-295
Коломбо 352, 442
Колхапур 429
Конкен 468
Константина, г. 116,117
Константина, пров. 117
Константинополь 133
Конья 65, 85

Корат 221,467, 468
Корея 9, 12, 13, 15-18, 35, 39, 40, 43, 207, 305, 306, 308-312, 321, 333, 538-540, 542-547, 549, 550
Коромандельское побережье 230
Коси, р. 182,433
Котакена 444
Кохинхина 49, 455, 464, 468, 472
Кохистан 165
Кочин 173
Красная река 261, 262
Красное море 77, 103, 105, 108-111, 392, 396
Красный бассейн 527
Красный форт 430
Крит, о-в 62
Кришна, р. 424
Крым 61,126, 357
аль-Куайти, султанат 397
Куала-Тренгану 479
Куангиен 260
Куангнам 252, 254-258, 260,271
584
Куангнгай 252,253,256, 271, 511
Куба 126, 278
Кубанская обл. 418, 420, 421
Кубань 148,415
Кубань, р. 147,412
Кубинское ханство 127, 140, 146,418
Кувейт, г. 71
Кувейт, шейхство31, 69, 74, 103 104 107 110,392,393
Кульджа см. Или
Кум 120
Куманпхо 543
Кумаон 182, 185, 188, 191, 192
Кумух (Казикумух), сел. 147
Кумыкия Засулакская 422
Кумыкский окр. 422
Кундуз 166
Кург 171, 172, 179
Курдистан 99, 121, 138 Горный 100 Иракский 99 Иранский 131 Турецкий 128 Куриа-Муриа 395 Курилы 553
Курунегала 442 Кутанская губ. 417, 419, 421 Кути 188 Кучар 536 Кучинг 236, 482 Кхаммуан217, 469 Кхампха 468
Кхеммалат 469 Кхмерское гос-во 471 Кэсон 306
Кюиньон 252-254, 256-260, 264 Кюринское ханство 140, 147,417 Кюсю, о-в 321 Кютахья 65 Кяхта 290, 304
Лаба, р. 148,412
Лабуан, о-в 237
Лагуат 399
Лакхнау 180, 431,436
Лалитпур см. Патан
Ламджунг 185-188
Лампунг (Лампунгские области) 241, 493
Лангкат 494
Лангшон 262
Ланкашир 423
Лансанг 217
Лаос 20, 24, 220, 221, 268, 469, 474, 502
Восточный 467 Ларут 480 Лахдж111,396 Лахор 425
Лезгинская линия 413,415 Ливан 45, 68, 71, 75, 92, 93, 97, 365 379-382
386, 388-390
Горный 21, 65, 68-71, 74, 75, 92-96 113
И4, 379, 380, 382, 384, 385, 387J 389' 390
Центральный 380, 381
Южный 380, 381, 385, 386 Ливия 74, 402 Ливорно 117 Лигор 228 Лимбувана 188
Линдин (Линдиньян, Нэйлиндин) о-в 291 Лион 387 Лонгхо 254 Лондон 49, 165, 166, 170, 178, 291, 296, 348
355, 367, 370, 387, 432, 455, 456 47s' 50з'
515,528 Луангпхабанг 217, 218, 221, 222, 274 467
468,470,501,512 Лудиана 353 Лукут 480 Лусон 276 Лути 406 Лянгуан 288,296 Лянцзян530, 531, 534 Ляньчжэнь 524
Магеланг 246
Магриб 20, 25-27, 29, 30, 39, 40, 69-73 75

112-114,403
Маджапахит 232 Маджжират 188 Мадрас 168, 170, 172, 179, 198, 231 350 352
353, 424, 428 Мадрасское президентство 175-179 194 195
424, 429, 430 Мадрид 277 Мадуро, о-в 247 Мадурай 167 Мазандеран 125, 405-408 Майдан 387
Майсур 9, 46, 167, 170-172, 177, 180, 426,429 Макао (Аомэнь) 271, 287, 464 Макасар 242, 246, 492
585
Макванпур 184, 186, 187, 192
Македония 82, 366
Макран, берег 104
Маку 406
Малабар, Малабарское побережье 171, 172
Малабарский округ 179, 429
Малайский архипелаг (Индонезийский архипелаг, Архипелаг) 230-232, 236, 238, 241, 243-245, 247, 276-282, 476,
481, 483, 488, 490-493
Малайя 20, 21, 25, 27, 29, 47, 48, 228, 230, 232,234,475^81 Западная 228,477
Малакка, г. 230-232, 234-236, 242
Малаккский п-ов (Полуостров) 20, 228, 231, 232, 234, 242, 468, 475, 476, 480
Малаккский пролив 228, 232, 477, 493
Малаккский султанат 228, 230, 232, 233
Маланг 240
Мальта 80, 117, 118
Манама 393
Манг 253
Мангкунегаран 240, 242
Мангышлак, Мангышлакский п-ов 154
Мандалай 453-455, 459, 460
Манила 277-279, 282
Манипур 174, 200, 202, 208-210, 446
Маньчжурия (Дунбэй, Северо-Восточный Китай) 55, 283, 285, 305, 528, 539
Маратхская конфедерация 46,167, 171, 173
Маргеланский вилайет 159
Марокканский шерифский султанат 74, 75
Марокко (аль-Магриб аль-Акса, Дальний Магриб) 20-26, 40, 41, 68-72, 75, 76, 112-114, 399
Марракеш 113
Марсель 117,118
Мартабан 449
Маруд, крепость 237
Масан 539
Маскат, султанат 23, 71, 74, 81, 104, 105, 109, 110,393,395
Матале 442
Матарам 240, 242, 245, 246
Матиган 286
Махабхарат 181
Махакали, р. 190
Махараштра 167,173,180,424,428
Махачкала см. Петровск
Машрик 72
Мегрелия см. Мингрелия
Медеа 115
Медина 71, 106, 108, 398, 416, 420
Мейтхила 454
Мекка 71, 94, 106, 107, 248, 397, 398, 403,
420
Мекнес 113 Меконг, р. 217, 221, 223, 226, 271, 468^70,
472, 474 Мексика 277 Менадо 246 Менам, р. 223 Менгви 493 Мерапи, вулк. 245
Мехтулинское ханство 140, 147,417 Мешхед 121,126 Миане 128 Миднапур 179
Минангкабау 228,235, 248, 249 Минахаса, п-ов 492 Мингрелия (Мегрелия) 127, 140, 141, 146,
417,418 Минданао 276 Минхла 460 Мирут (Мератх) 430 Мито 326, 551,552, 555, 556 Митхо, р. 259 Млу-Прей 226
Могольская держава (Могольская империя)
167, 173,180,350 Моздок 149 Молдова 61, 64
Молукские о-ва (Молукки, Острова Пряностей) 232, 242, 247 Монголия 23, 25, 28, 283, 298, 300, 301, 303,
304
Внешняя 300 Монтрадо 247, 492 Морейя61,62, 64 Мориока315, 325 Моролэнд (Мороландия) 276 Моулмейн
(Моламьяйн) 466 Моха 71, 105, 109, 111,396 Мохаммера 130, 131 Мраморное море 366 Мрохаун 208 Муар, р. 228,
478 Мугоджарские горы 151 Мукалла71,397 Муршидабад 180 Мустанг 184, 188 Муш 64
586

Мьинджан 460 Мьянаун 201
Нааф, р. 208, 209
Наварин 62
Нагасаки 544, 550, 553, 556
Нагпур 54, 167, 173, 426
Надия 180
Назрань, Назрановский редут 413, 415, 416
Након-Чайси 466
Накхонпханом 217
Намамучи 558
Наманганский вилайет 159
Намвьет (Наньюэ) 274
Намдинь 510; см. также Вихоанг
Намки 507
Нанинг 228, 235, 236
Нанкин (Наньцзин, Цзяннин) 516, 521, 523,
524, 526-528, 532-534 Наньчжан 286 Нарын 151 Наур412
Нахичеванское ханство 128, 140, 147 Нахичевань 128 Нгеан261, 265, 268-271, 495, 496, 500, 502,
510
Нгыбинь261 Неаполь 116, 118 Негапатам 168
Негри-Сембилан 228, 235, 236 Негрос, о-в 280 Негрэ, о-в 202, 207 Неджд 103, 107-109 Неджеф99, 130, 404 Непал
174, 181, 182, 184-192, 209, 433, 435-438
Центральный 437 Нидерландская Ост-Индия 345, 350, 488, 489,
494; см. также Индонезия Нидерланды (Голландия, Нидерландское королевство, Батавская республика) 231-234,
236, 238, 242-244, 246, 456, 483, 488-490, 492, 494
Нижне-сунженская линия 413 Нижний Новгород 423 Низва 104
Низиб (Сев. Сирия) 65, 89, 96 Ниигата 324, 553, 557 Никко 549 Никхон-Чайси 215 Нил 378, 817 Нинбо516
Нинся 535
Ниша 61
Новочеркасск 416
Нонгкай 468
Норвегия 117
Нувакот 186
Нумадзу (Сидзуока) 563
Нусангара 240, 242, 243, 247
Обь, р. 151
Овари 563
Оман 20-22, 39, 40, 69, 78, 81, 104, 105, 107, 109, 395
Договорный (Берег перемирия) 111, 394 Северный (Пиратский берег) 74, 104, 107, 110, 111, 394
Оманский ибадитский имамат 74-76
Оми 324
Омск 152
Оран 115
Орания 115
Оренбург 152, 423
Орисса 169, 173, 179
Ормуз, о-в 104
Орта жуз (Средняя Орда) 31, 151
Осака 315, 316, 324-326, 554, 555, 557, 561
Осетия 142, 144 Северная 140
Османская империя 10, 11, 13-18, 40, 42, 43, 47, 51, 58-66, 70, 72, 74-76, 78, 79, 86, 92, 97, 98, 102, 106, 107, 115,
136, 140, 141, 145, 329-333, 335, 337-340, 342-345, 355-358, 360-371, 373, 378, 391, 393, 402, 408, 409, 417, 420; см.
также Порга, Турция
Пагаррюонг 248
Паданг 248
Паджаджаран 491
Пакнам 462
Пакуаламан 240, 242
Палембанг 242, 247, 493
Палестина 65, 68, 69, 71, 76, 81, 92, 94
Палпа 184, 437
Памир 158
Панадура 444
Панджаб (Пенджаб) 46, 162, 166, 177, 425,
426, 429, 430, 432, 433, 448 Панипат 167 Парана 279 Париж 88, 130, 207, 355, 358, 387, 456, 473,
503, 507, 562

587

Патан (Лалитпур) 184, 185, 188
Патна 169,429,430
Патгани 228
Паханг 228, 230,479^81
Паханг, р. 479
Пегу 201, 202, 204, 449, 454, 455
Пекан 479,480
Пекин (Бэйцзин) 153, 188, 221, 261, 285, 287-
289, 291, 293-296, 310, 507, 515, 516, 524,
528-530, 534, 536, 537 Пемба 104 Перак 480
Перак, р. 228, 230,232, 235 Перим, о-в 111 Перлис 235 Персидский залив (Залив) 33, 46, 102, 104,
105,107-111,136,139,392-395 Персия см. Иран Петербург, Санкт-Петербург 62, 127, 129,
146, 153, 160, 165, 370, 408, 412, 529, 530 Петровск (Махачкала), креп, и г. 415, 420 Пешавар 165 Пиди (Педир) 248
Пинанг, о-в 230-235, 464, 475-477, 480 Пиратский берег см. Оман Северный Пирей 357 Плевна 370 Плесси 169, 189
Пномпень 226, 274, 471, 473, 474 Поволжье 160 Поднебесная (Китай) 14, 22, 274, 284, 503,
518,539 Польша 329 Пондишери 168, 202 Понтианак 242, 247 Порта 15, 27, 61, 62, 64, 76-81, 83, 85, 89, 90,
92, 95, 97-100, 105, 106, 108, 333, 337,
338, 340, 357-360, 362-366, 369-373, 378,
379, 381, 382, 384, 389, 392, 396-399; см.
также Османская империя, Турция Порт-Саид 376 Португалия (Португальская империя) 114, 115,
168, 193, 276, 287, 310, 402, 463, 512, 550 Прамбанан 491
Прианган (Преангер) 243, 244, 484 Прианганские резидентства 240 Приморский султанат 140 Приморье
(Усурийский край) 305 Пром(Пьи) 201,209,449 Пруссия 358, 388,464, 534 Прут р. 64, 357
Пуло-Кондор (Кондао), о-в 263, 513, 514
Пуна 171,428
Пусан 546
Пуэрто-Рико 278
Пхёнан (Квансо), пров. 308, 309
Пхеньян 542
Пхуан217,222,467,468
Рабат 113
Раджпутана 167,174,431
Рампа-Гудем 429
Раму 209
Рангпур 179
Рангун (Дагон, Янгоун)201, 203, 207-209,
448, 449,455, 464 Ранигандж 49 Рангау 248
Рас-эль-Хайма (Джульфар) 104, 110 Рембанг 246 Рембау 228, 236 Решт 406 Риау архипелаг (Риау-Линга
архипелаг) 234,
476, 493, 494
Риау, султанат 230, 232, 233, 479 Риау-Джохор, султанат 228, 232, 233 Российская империя 54, 126, 145-147, 150,
152-155,456,459,529 Россия 34, 44, 47, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 79,
100, 107, 118, 121, 122, 125-131, 135, 138,
140, 141, 145-148, 150-154, 156, 160, 161,
165, 241, 290, 298, 304, 326, 357, 358, 366,
370, 371, 388, 409-419, 421, 423, 455, 456,
459, 529, 530, 536, 547, 554
Центральная 148,416-418
Южная 421 Ростовская обл. 148 Рохилкханд 167, 431 Румелия 14, 60
Восточная 371 Румыния 371 Руса 60
Рустак 104, 395 Рюкю, королевство 321, 549, 550
Савантвади 429
Сагайн460, 511
Сагар 429
Сайгон 227, 256-258, 263, 464, 472, 474
Сакан, Сайннойханский аймак 300
Сакурад 555
Салатавия, союз общин 415
588
Салльян 188
Салоники 366
Сальсетта, о-в 171
Самарканд 156
Самбалпур 426
Самбас 242, 492

Самбилиунг 492
Самурзакани, обл. 146, 417
Самцхе, кн-во 140
Сана 105, 108, 111, 396
Сан-Жорж-де-Эльмина 241
Сан-Стефано 371
Сапаруа, о-в 247
Сарабури 221
Саравак 236, 237, 482
Сардарабад 128
Сардиния 358
Сарыса, р. 151
Сатара 426
Сатледж, р. 189
Саудовский эмират 69, 103, 107-109, 111,
393, 395, 398 Сахалин, о-в 553 Сахара 116, 399
Сацума 316, 321, 550, 556-559, 561-563 Сванетия 140, 142, 147 Священная Римская империя 51 Себу 278
Севастополь 357 Сегаули 192 Сейун 397
Селангор 228, 235, 480 Семаранг 240, 242 Семипалатинск 152 Семипалатинская обл. (губ.) 154 Семиречье 154
Серампур 168, 353 Сербия 59, 61, 64, 367, 371 Серданг 494 Сети, р. 186
Сеул 305, 306, 309, 310, 543, 545, 546 Сефевидская империя (державы) 102, 122; см.
также Иран Сиак 493, 494
Сиам (Таиланд) 20, 21, 24, 26-29, 38¹, 43, 47, 49, 200, 202, 203, 209, 211, 212, 215-217, 219-226, 228, 231, 233-235,
258, 259, 267, 272, 274, 331, 445, 461-465, 467-474, 476, 479, 481, 499, 501, 502, 504, 513 Сиамский залив 271 Сиань
535
Сибирь 160
Западная 152-154 Сивалик 181 Сикким 188, 192 Сикоку 321 Силистр 60 Симода 553, 556 Симоносеки 560
Симоносекский пролив 558, 560 Сингапур (Тумасек) 228, 232-234, 236, 237, 243, 267, 464, 466, 471, 475-480, 490,
507, 513 Сингапурский пролив 234 Сингараджа 493 Синд 46, 162, 166, 425, 448 Синджа 182 Синоп 357
Синьцзян 150, 293, 294, 298, 534-537 Сипсонгпханна 217, 467, 468 Сипсонгчаотхай 217, 468 Сиранчок 187
Сириам (Танхлин) 202, 206, 207 Сирия 45, 59, 65, 68-73, 78, 81, 85, 87, 89, 90, 92, 94-97, 102, 108, 140, 365, 379, 382,
384, 387-391, 395 Северная 81, 103 Сирмур 191, 192 Сирхинд 162 Сисакет 468 Систан 122, 126, 129 Ситана 180
Смирна 116 Соаймут 259 Согратль, сел. 416 София 371
Средиземное море 402 Средиземноморье 71, 112, 114, 117 Срединная империя (Китай) 520, 530, 549 Срименанги
228 Ставрополь 148 Ставрополье 148 Ставропольская губ. 417 Стамбул 18, 19, 60, 63-65, 83, 86, 90, 92, 94, 95, 98,
100, 115, 116, 131, 356, 363-369, 371, 378, 381, 384, 387, 388, 394, 397, 398, 401^{*03}
Старая Загора 366
Огрейте Сетльменте 234, 235, 475-480 Стунг-Тренг 226 Суал 278 Суваннабхум 468 Судан
589
Восточный 85, 89
Западный 112 Сулавеси 228, 246, 247, 492
Северный 484
Юго-Западный 247, 492 Сулак, р. 413 Сулеймания 98, 99, 130 Суду 276 Суматра 31, 228, 231, 234, 247, 328, 490,
491,
493, 494
Восточная 228, 493, 494
Западная 232, 238, 242, 243, 248, 484, 490, 493
Северная 248
Центральная 228, 248
Южная 241
Сунгей-Уджонг 228, 236 Сунжа, р. 148, 412, 413 Сурабая 240, 242
Суракарта (Соло) 240, 242, 245, 246, 491 Сураханы 423 Суруга 552 Сухуми 371 Сухумский окр. 419 Сучжоу 513,
534 Суэцкий канал 47, 55, 276, 373, 374, 392, 395,
396, 475 США 47, 56, 115, 276-278, 290, 310, 326, 373,
402, 456, 463, 464, 466, 512, 516, 528, 529,
539, 542, 544-548, 552 Сырдарья, р. 150, 151, 156 Сычуань 284-287, 292, 527, 532 Сэндай 318 Сюньчжоу 526, 532
Сямэнь (Амой) 503, 516, 525 Сянган см. Гонконг Сяньян 284
Табанан 493
Табасаран 140, 141
Табасаранские майсумство и кадият 417
Тави-Тави 276
Тавой 459
Таиз 108
Таиланд 459
Тайвань, о-в 292, 528
Тайпин Тяньго (Тайпинское гос-во) 518, 521-

525,527,528,531-533 Тайшон 252 Тальш 128 Тальшское ханство 127, 129, 140
Тамдиеп 261
Тамир, р. 151
Тамиант 494
Танджавур (Танджур) 167, 172, 426
Танхун 187, 188
Таранчинский султанат 536
Тарбагатай (Чугучак, Тачэн) 290
Тарим 397
Тарис 397
Тарковское шамхальство 140, 417
Таунгу 201,207
Тафилалет 112
Ташкент 156, 158, 160
Ташкентский оазис 154, 158
Ташкентское наместничество 159
Ташмалык 293
Тебриз 125, 127, 128, 135,406,410
Тегалреджо 245
Тегеран 120, 125, 126, 129, 131,394,406,410
Телетль, сел. 414
Темир-Хан-Шура, г. 420
Тенассерим 174, 200, 203, 204, 209, 210, 446,
448, 449 Тенггер 240 Терачи 228 Терек, р. 145, 148,413 Терская обл. 417, 420-422 Тёсю315, 316, 556, 558-563 Тибет
22, 55, 182, 184, 185, 188, 191, 283,
433,435 Тигр, р. 99, 392 Тимор, о-в 242 Тиста, р. 188, 189 Тифлис, г. 125,146,418,419 Тифлисская губ. 417, 421
Тихама 108, 396 Тихий океан 53, 550 Тоба 563 Тобол, р. 151 Тобольск 160 Токио 337
Тонбури 203, 211,216 Тонкинский (Бакбо) залив 288; см. также
Асан
Тонле-Реп 226 Тонлесап 472 Тоса 561-563 Тоттори 318 Тохоку см. Хонсю Траванкур 167, 171-173, 179 Трафальгар
114
590
Тренгану 228, 479,481
Триполи, г. (Ливия) 24, 116, 402
Триполис 62
Трисули, р. 186
Троицк 152
Туггурт 399
Тулон 51,78, 387
Тумасек см. Сингапур
Тунис 24, 26, 27, 68-70, 72-76, 115-119, 331, 332, 400-402
Тунис, г. 71, 116
Туран см. Дананг
Тургай, р. 151
Туркестан
Восточный 536 Западный 154 Южный 162
Туркменская степь 122, 129 Турция 45, 58, 59, 64, 65, 76, 86, 98, 100, 122, 125, 126, 128, 130, 131, 135, 138, 141, 145,
147, 148, 171, 329, 344, 355, 357, 358, 363, 365, 369, 370, 403, 409, 410, 415-417, 421, 515, 536; см. также Османская
империя, Порта
Тушетуханский аймак 300 Тхайнгуиен 500 Тхана 49
Тханглаунг (Ханой) 250, 260, 261, 264, 270,
510,512
Тханьхоа 265, 266, 268, 270, 271, 495,496, 500 Тхонджин 543 Тхуанан 513 Тхуанхоа252, 255, 271 Тямпассак 215,
217-221,469,470 Тямпассакская равнина 217 Тяньцзинь 287, 521, 524, 528, 529, 534 Тядук 474, 496
Убон 221,468, 469
Удайпур 180,435
Удонг 224, 226, 464, 471-474
Украина 148,421
Улатаусские горы 151
Улу-Муар 228
Улы жуз (Большая, Старшая Орда) 31, 151
Улясутай 300
Умм-эль-Кайвайн 110
Ункяр-Искелеси 65
Урага 556
Урал, р. 151, 152

Урга 300, 304
Урмия 128, 406
Урумчи 536
Урумчинский султанат 536
Уруп, о-в 553
Уруп, р. 412
Уси 530
Уссури, р. 529
Уссурийский край (Приморье) 529
Усть-Каменогорск 152
Устюрт 151
Уфа 153
Уху 537
Учан 521,527
Уш-Турфан 293, 294
Уэсли, пров. 231, 234, 235, 476
Фарс 138, 405, 406 Ферганская долина 158 Фес 113 Фиенан 499
Филиппины (Филиппинский архипелаг, Архипелаг) 47, 48, 276-282
Франция 34, 46, 47, 51, 54, 59, 61, 63, 71, 78, 79, 81, 88, 89, 110, 114-119, 126, 127, 135, 168, 171, 172, 195, 200, 207, 230, 231, 238, 259, 263, 274, 282, 290, 326, 329, 341, 347, 356-358, 365, 366, 378, 380, 387, 388, 395, 399-402, 418, 435, 455, 456, 459, 463, 464, 468, 471-474, 503, 507, 508, 513, 514, 527-529, 534, 542, 545, 547, 554, 561, 562 Фуиен 252-256, 258, 507 Фукуи 559, 563 Фукуок, о-в 258 Фусими 563
Фусуан (Хюэ) 218, 221, 253-255, 260, 261, 264, 265, 267, 271, 467, 496, 499, 502, 504, 507, 508, 512, 513 Фуцзянь 261, 288, 525, 527 Фуцзячжэнь 286 Фучжоу 516
Хадрамаут 31, 32, 35-37, 39, 74, 107, 396, 397
Хаиль 71
Хайван 256
Хайдарабад 167, 171, 172, 397, 426
Хайзыонг 498
Хайнань, о-в 292, 528
Халейб 71, 91, 94, 100, 383, 384, 388
Халхал 133
Хамгён, пров. 309, 540
Ханган, р. 545
591
Хандеш 429
Ханой см. Тханглаунг
Ханькоу 521, 527
Ханьшуй, р. 285
Ханьян 521, 527
Харк, о-в 130
эль-Хаса 102, 104, 106, 109, 399
Хатиен 223, 226, 267, 474, 496, 499, 512
Хванхэ, пров. 309, 538
Хварши, сел. 416
Хензада 201
Хива 156, 160
Хивинское ханство 20, 23, 154, 156, 159, 160
Хиджаз 20, 23, 74, 94, 105-109, 392, 397, 398
Хиндустан 188 Хиросима 563 Ходейда 396 Хойан 263 Хоккайдо 326, 564 Холкар см. Индаур Хонсю (Тохоку) 321, 327, 563 Хорасан 121, 122, 126, 129, 162, 405, 406 Хотан 293-295 Хуайхэ, р. 525 Хуанхэ, р. 285, 525 Хуанцунь 288 Хуасянь 288, 289 Хубэй 284-287, 292, 521, 526, 533 Хугуан 297 Хульм 166 Хумэнь, о-в 516 Хунань 284, 292, 517, 521, 524, 526, 532 Хунзах, сел. 413, 414 Хуэйчжоу 288 Хыанг, р. 217 Хынгхоа 512 Хэнань 284-286, 288, 289, 524, 528 Хюэ см. Фусуан
Цанси 285
Цебельда, кн-во 146, 417
Цейлон 24, 25, 46-49, 193-198, 232, 238, 346, 347, 349-352, 439, 440, 442-444 Цзиньтянь 518 Цзишань 286 Цзюлун (Коулун) 529 Цзянси 515, 525-527, 531, 533 Цзянсу 289, 525, 526, 528, 531 Цигуйчжай 285 Цинандали, сел. 415 Цинская империя 10, 11, 15, 16, 274, 283, 287, 289-291, 293, 295, 296, 298, 503, 515-518, 522, 529, 530, 533, 534, 537; см. также Китай
Цинхай 535
Циньлин 289
Цувано 318
Цусима 550

Цэцэнханский аймак 300
Чанбиен 257
Чаннинь (Сиангхуанг) 254, 501, 502, 512
Чантай (Камбоджа) 502
Чанчжоу 530
Чаубиси, кн-во 182,184-188
Чауданди 184, 188
Чаусхе 454
Чашон508, 512
Чеджудо, о-в 309
Чепе, р. 186
Черногория 59, 367, 371
Черное море 61, 148, 357
Черноморская (Новороссийская) губ. 418
Черноморская кордонная линия 415
Чечня 140, 142, 144, 147,412-416,419,422
Горная 413 Чжанцзявань 529 Чжили 284, 288, 289, 291,534 Чжихэци 532 Чжоушань 503 Чжуцзышань 286
Чжуцзян,р. 291,296, 515, 528 Чжуцзянкоу 291 Чжушань 287 Чжэньцзян 521 Чжэцзян288, 527, 531 Чиенграй 220
Чилоу 352 Чинджу 540 Чипин 533
Чиребон (Чиребонские султанаты) 240,242,488 Чиркей, сел. 142 Чихрик 406 Чонжиджин 544 Чолла, пров. 540, 546
Чугучак (Тарбагатай, Тачэн) 290 Чумби 188 Чханвон 539 Чхильпхо 539
Чхунчхон, пров. 538, 540, 543, 546 Чэнду 286
592
Шали, сел. 416
Шамшадильский султанат 141
Шанское нагорье 200
Шанхай 463,472, 516, 525, 528, 531, 534, 543
Шаньдун 284, 288, 289, 292, 528
Шаньси292
Шаолинь 253
Шарджа 104, ПО
Шахпури, о-в 209
Шахрисябский оазис 158
Швеция 114, 115, 117,402,456
Шейх-Таберси 407
Шекинское ханство 127, 140
Шибам 397
Шигатзе 188
Шипка 370
Шираз 404-407
Ширванское (Шемахинское) ханство 127,140
Шихр 397
Шлиссельбург 412
Шонг Хьонг см. Ароматная река
Шоннам Нижний 261, 270
Шри Ланка (Цейлон, Ланка) 193, 197
Шрирангапаттинам (Серингапаттам) 172, 180
Шуэбо (Моксобо) 201, 202, 454
Шуэньяунбин 203
Шэньгань 536, 537
Шэньси 284-287, 289, 525, 534, 535
Ыйджу 306, 309
Эверест (Джомолунгма) 181
Эгейское море 61
Эдирне (Адрианополь) 60, 64, 371
Эдо 16, 313-317, 324, 325, 548-550, 553-559,
563
Эмба,р. 151 Эпидавр 62 Эр-Рияд 71, 109
Эрзерум 64,128, 131,409 Эриванская губ. 417 Эриванская пров. 147 Эриванское ханство 140,141,147 Эчмиадзин
127
Юаньминьюань 529 Южно-Китайское море 230,288 Южно-Уссурийский край 539 Юньань 520
Юньнань 203,208,468, 527, 534, 535, 537 Юньси 285 Юэнань см. Вьетнам Юэчжоу (Иочжоу) 521
Ява 46, 232, 234, 238, 240-245, 247, 328, 347,
352,483,484,487,490-493
Западная 242,491
Северная 491

Северо-Восточная 238,240
Центральная 488,491 Ямато 559 Янбо71,108,112 Янги-Гиссар 293, 294 Янгоун см. Рангун Яндабо210,446,448
Янцзы, р. 283, 517, 521, 524, 525, 527-529,
532,537 Янчжоу 521
Яньтай (Чифу) 537, 543 Япония 9, 12, 13, 15-18, 20, 39, 41, 43^5, 47,
51, 52, 207, 212, 306, 311, 313, 318, 320-
322, 325-327, 329-331, 334-337, 340, 342-
345, 354, 444, 463, 464, 541, 542, 545, 546,
548-558,561,562,564 Японские о-ва 549 Яркенд 293,294 Яркендский округ 294 Ясотон 468

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ЭТНОНИМОВ

абака 278
абанган 486
абдали (дуррани) 111,162
абид(абди)21,113, 230
абхазы 117
аварцы 413,415
аврида 142
ага 91, 114,116
ага араб 27
агэмай 314
адалят-наме 70
адат 146, 149, 151, 155, 159, 163, 233, 243,
248,414,418^20 адигар 25, 28 адл79
аднаниды 103
адыги 117, 142, 144, 145,415,420 азат 145
азербайджанцы 125,133, 135
азиб70
аймагын чуулган 301
аймак 298, 300, 301
Айн кхана 438
ак37
аксакал 31, 32, 36, 142, 150, 157
ак-суйек 35, 37, 151
албанцы 82, 87
албату 302
алжирцы 115-117
аманат 190
Амарапура-никая 196-198,443
амбонцы 300,301
амеди 339
американцы 290, 291, 515, 516, 525, 542, 544, 547, 550, 553
амин аль-умана 26
амир аль-муаминин (эмир аль-муаминин) 10, 23,413
Амир-е Кабир 409
амир-низам 125, 409
амляк 157
амма 72,93, 386
аммийя 93
амхэноса 540
аназе 102
англичане 46, 49, 53, 54, 56, 78, 82, 99, ПО, 111, 122, 126, 130, 137, 165, 166, 168-175, 177-179, 187, 189, 191-195,
198, 199, 201, 202, 207-210, 215, 230-236, 238, 240, 242, 243, 278, 279, 287, 290, 291, 295, 296, 310, 346-350, 374,
393-396, 402, 423-425, 428-436, 440, 442, 446, 448, 449, 453^55, 458-460, 463, 466, 477, 479, 480, 482, 492, 503, 508,
515, 516, 525, 528, 529, 553, 555, 558
андалусцы 72, 73
андижанцы 293
анхаю 38
арабы 105,108, ПО, 138, 140, 232, 233,242
арабы-христиане 81
араканцы 200,207
араты 302, 303
арбаб 137
армяне 87, 135, 139, 141, 145, 233, 362, 371
армяне-христиане 148

арнауты 97
аршб9
аскери 18,43, 72
ассирийцы 139
асьенда 279, 280
асьендеро 280
Атабек-е Азам 409
аталык 159
атвинвун 451,458
ати 29,41,206,452,456
аул 10, 151,154,413,416
афганцы 29,162-164,166, 167, 425
африканцы 21, 139,402
афшары 138
ахашвала 38
Ахд аль-Аман 400
ахмуданы 29,41, 205, 206, 452, 453,456
ахмудата 206
ахоую 38
ахун 293,294, 535, 536; см. также мулла
ашар 91,94,359,365,384,387
ашрафы (тарифы), социально-политическая группировка в Сирии 91, 94, 383, 384, 387
аян (айян) 73, 83, 90 124, 375, 382, 389
594
ба272
баб-и али (Порта) 337
баб-и сераскери 337
бабиды (баби) 139, 405^08, 410
бабизм 404, 408
баг 298, 301
багре 133
багрекары 133
бадавийя 72
байин 204
байхуа 522
байя21,75
бакуфу 313-319, 322, 324-327, 335, 548, 550-
564
бакухан 10 балад 72 балийцы 493 бан218,469 бангала мьоза 209 бангкокцы 259, 267, 272 банди 302
бануатбан 102, 103, 105 бану йас 104
бану (бени) кааб 103, 138 бану снассен 399 бану халид 103 банья (бания) 395,425 баоцзя 533
барака 22, 23, 112, 115 барамта418 барат 409 баррио 281 батыр 32, 36, 155 бау 484 бахтиары 138 бацц 285 баш-
векиль 339 башкиры 35, 152, 153 баядира 74 баясира 74
бегавул (юзбаши) 419 бей 13,115-118, 331,400,401 бейлербей 24 бейлик30,69, 115 бейт 77
бейт аль-маль 69, 413 бек 140, 141, 144-147, 158, 159,294,412^14,
419,422,536 бекташи 63, 338 белуджи 138 бендахари 27, 230, 479, 480
бенгальцы 427
бераты 14
берберы 38,402
беслан-уорки 144
бест 409
бехаизм 404,406-408
бида!13,414
бий32, 36, 37, 150, 151, 154
биляд аль-махзен 30, 113
биляд ас-сиба 30, 113
бирманцы (мьянма, мранма) 29, 200-203, 208-
210, 213, 216, 449, 454^56, 460 бирта 189, 191, 433, 434, 438 биртавала 189,191,433,438 блед ат-турк 30 блед аль-
хла 30
бо, аварск. вольное общество 142 богдо-гэгэн 23, 300, 303 богдохан283, 284, 286, 287, 289, 295, 297,
300,516,530,536 болгары 362, 371 болзоолт емч 298 болмацц (болмац!) 142 болук 124 босняки 362 бохра 425
брахманы 182, 184, 185, 189-191, 434, 437,
438
буги 228,233,493 буддизм 162, 184, 195-197, 199, 204, 215,
218, 223, 227, 275, 330, 443, 462,471, 519,
540

буддисты 196-198, 211,444, 455, 519 бунга мае 228
бупати 240,242, 243; см. также регент буры 459 бхарадар 191 бхиккху 444 бхилы 429 бхоте 437 бынышхуэ 142
Бьедай 25 Бэй-ван 520 бэнь чен фа 330 бюргеры 194, 349
ва200
вазир (везир) 25, 26, 75, 163, 342
вазир (везир) аль-бахр 26
вайшыи 437
вакиль 75,93,106, 380, 382, 385, 386
595
вакф27, 70, 83, 95, 106, 137, 157, 338, 339,
341,359,383,388,421,422 вали 16, 18, 82, 83, 90, 91, 94, 95, 98,104, 106,
342, 382-384, 387, 388, 397-399 валиахд 408 вамшавали 182 ван 12, 13, 230, 261, 308, 310-312, 520-522,
527, 538-543, 545, 546 варны 436 ват211,215 ватан 30
ваххабизм 102, 104, 105, 109, 245, 248 ваххабиты 85, 94, 98, 104, 105, 107-109, ПО,
111,180,393-395,429,431 ваянг 27 великий везир (вазир) 12, 18, 75, 337-339,
356, 358, 364, 366-368, 370 верги 379 вилайет 29, 30, 95, 124, 129, 159, 160, 342,
358, 370, 380, 382, 388, 389, 397 вира 35 вирд412 вуа 250 вундау 451 вунджи451,458 выонг256, 257, 261,272
вьетнамцы 213, 214, 218, 226, 253, 263, 267,
474,503,504,508,513 вэнь 291 вэньянь 522
газават 293, 412, 416
гайкокубугё 554
гансабхава351
гафири 395
гебры 139
герцеговинцы 362
гидзё 335
гильзаи 162
гиш41,70, ИЗ
глехи 145
гойгама 195-197,443
гойкин 317
гокэнин 551,554, 555, 557
голландцы 46, 56, 193-195, 198, 199, 228, 230, 232, 234, 235, 242-248, 347, 349, 352, 486, 487, 490, 492-494, 548-550,
552, 556
гомашта 169
горкхали см. кхас-кура
горцы 412^120, 422, 434, 504
горцы-мусульмане 145,418-420
гоцзун 522
греки 61,62, 362,400
грузины 97, 117, 139, 141,145
гуа288
гулям 18
гун 39, 283
гунсы см. конгси
гуркхи (горкхи) 181,187-189, 192,434,436
гурунги 182, 186,437
гутхи 189, 191
Гэнроин 336
гяур 30,410
дагестанцы 416, 420
дадзё дайдин 336
дадзёкан 335
дайа 114
дайкан 316
даймё 16-18, 314, 316, 318, 321-324, 326,
549, 552-562, 563 далай-лама 22 данувар 437 даосы 519 дараи 437 дарб 72
дарбар 171,432, 434 дархан 302 дастак 169 дастарханчи 24, 26 дато 230 датун 517 датхи 159 даэрах 28, 230 даяки
236, 237 девараджа 21, 216 девширме 18 дей 114-117,400 дервиш 158 деркава 115 деса 240, 243, 244
дефтердар 14,16,17,99,106,338,342,382,383 дех 124
дехкане 157,293, 294 джа 451,452 джагир 163, 189,438 джагирдар 170,189,433,434,438 джаджакхан 230 джайлу 150
джамаат 142, 414, 418, 419, 422 джаса 303 джати дхарма 436
596
джаты 167
джахаля 385
дженми 429

джизья (джизье) 15, 40, 157
джирга 25, 162, 163
джисан 301
джихад 79, 80, 82, 123, 128, 180, 246, 378,
398,405,413,429,535 джотедар 176 джумблати 92 джунгары 154 джхара 190 джайката 320 дзасак 301,302 дзёдай 16
дзёй552, 561 дибир414 диван 12, 25, 26, 75, 80, 81, 87, 97, 114, 163,
339,379,414 диван машвара 96 диванбеги 157 дивани 131, 169 динь 250 дисава 439
дистрикт 178, 242, 244, 348 дичжу 522 дон диен 511 донг 510 дрид 70
друзы 92, 93, 96, 380, 381, 386, 389 дуафа 36, 74 Дун-ван 520 дунгане 535-537 дурава 195-197 дурр 162
дуррани см. абдали дхамма22, 197 дхармашастра 350 дхималь 184 дьжининго 144 дэ 10, 16 дяньдан 290
евразийцы 347
евреи 40, 73, 156,400
европейцы 40, 46, 47, 50, 51, 53, 54, 87, 96, 112, 117, 118, 201, 207, 209, 230, 233, 240, 242, 245, 253, 259, 262, 274,
275, 329, 345, 346, 350-352, 374, 393, 400, 410, 444, 467, 477, 482, 487, 490, 493, 503, 507, 512, 520, 530,531,549,550
египтяне 65, 79-81, 85, 86, 88-90, 92, 95, 96, 108, 109, 111, 373, 375, 379, 392, 396-398
жузы31,32, 150, 152
зават, турко-черкесы 372, 375
завия 115,403
закят69,109, 137, 157,403
заминдари 175-177, 423, 425, 428, 429, 431,
432
заминрайят 176 зейдизм 102 зиаметы 66, 70, 338 зикр416 зимми 39,40 зияра 115
знаменные 18,291,292, 298, 515, 533 зороастрийцы 139 зуауа 116 Зулюм 335, 371
ибадийя 85
ибаиды (ибаидская община) 104, 402
иберийцы 280, 281
И-ван 520
иджара 190
иджарадары 190
иджтихад 123
икта 144
иллюстрадос 281, 282
ильтизам 70, 83, 84, 90, 95
иляти 132, 139
имазиген 69
имазилен 38
имам 10, 12, 74, 92, 104, 105, 111, 123, 137, 157,
230, 338, 395, 396,404,412^16,419, 536 имамат 123,413-415,419 Ин-ван 527 индийцы 56, 105, 135, 168, 176, 179,
180, 233,
348-351,424-428,476 индио 279 индо 487
индонезийцы 352, 488
индуизм 21, 184, 190,223,427,436,437,462 индусы 172,189, 290, 350, 351,429,430 иракцы 99, 104,409,410 иранцы
400 ирландцы 400 ислам 10, 23, 38, 41, 75, 80, 98, 102, 107, 113,
123, 141, 145, 150, 153, 158, 162, 163,245,
248, 369, 375, 400, 405, 407-414, 535
597
исмаилиты 158
исмаилиты-низариты 158
испанцы 276, 277, 279, 280, 400
итальянцы 400
иу (яньу)530
иудеи 94, 139,383
иха, андийское вольное общество 142
ихэтуань 328
ицзу 292, 532
ич-хазине 75
ишан 158
ишкиль418
йафииты 106, 397 йемени 92
йерли (яньчары йерли) 72 йолдаш 115, 118
ка335
кабаил (кабили) 36, 74
кабилы 74, 116, 117
кабунакамаЗИ
каван 230
кавасим 104

каджары 120, 121, 123-125, 131, 132, 134,
137, 138 каджи 185 кадзоку 41 кади (казий) 17, 75, 98, 103, 106, 140, 142,
157, 159, 160, 338, 341, 342, 382, 383, 396,
398,419
кади аль-кудат 14, 27 кадиаскер (казиаскер) 14, 16, 27 кадирийя 116, 117,416 кадият 140,417 кадзёмати 320 каду
200 каем-макам 408 казаки 148, 152,420,421 казахи 31, 32, 35, 36, 37, 150, 152-155, 157,
159,382 кази-калян 27 кайд 115,116,401 кайд аль-мушавар 24 каймакам 82, 381, 384, 389, 398 каймакамия 381, 382,
386 кайси 92 кайяинвуны458 каку314 калахом 225, 461 калеми 14, 339
калемийе 72
калмыки 35, 153
камбоджийцы 474
камон дайме 552, 559, 560
каннара 172
кантонмент 425
канун-наме 15, 70
кара 37
кара-суйек 35-37, 151
карава 195, 196
караваша 144,421
каракалпаки 159
караар 32, 36, 74
карены200, 215
карма 21,22
карпадары 185
карты 142
кархане 136
касики 280, 281
касирийцы 397
катги 469,470
Каусал 438
кафсан 157
качины (чинпо) 200
кашкайцы 138
квато 312
кевха 141
кетхуда13, 75, 97, 99, 141
кехья 13
кехья-бей 338
кеку 335,336
келемены 97
кель 305, 538
кёначжон 15
аль-кибар 72
кинь лыок 495
кипат 190, 191,438
кипчаки 158, 159
кираты 182, 184; см. также рай
киргизы 150, 157-159, 293, 536
кирад 302
китайцы 40, 211, 213-215, 221, 232, 233, 240-241, 245, 253, 255, 260-263, 267, 268, 279, 280, 283, 291-293, 300, 303,
474,476, 477, 480,482, 490,492, 500, 503, 504, 512, 517, 520, 522, 530
кишлак 157, 293
кньом кра 224
кньомы 223
ко 42
Коматвиен 501
598
кобу-гатгай 556-558, 560
кожа 35
кокандцы 150,293
коку 313, 314, 319, 321,322
кокугаку 326
кокудака 315
кокутай 326, 335
кокэн 557
коли 179,429

коллектор, чиновник 178
комланг 225
конг214,272
конгси (гунсы) 477,482
конкистадор 453
конфуцианство 15, 263, 275, 283, 309, 326, 518,519,539,540,546
конфуцианцы 211, 227, 312, 519, 535, 541, 543, 544, 546, 547
копты 81, 87
корейцы 309-311, 542-544, 547
кот парва 434,435
коутоу 287
кошек-джи 125
краток 242, 246, 247,491
креолы 280,281
кром24, 27, 461,465
кром калахом 27, 461
кром махатгаи 27,461
кром пракланг 27,461,462
кром сатхади 27
куайтийцы 397
кубара 142,144
куббаШ
кубравийя 158
кугэ 335, 558, 559, 562, 563
кул 77
кули 145,421,476,477,480, 518, 529
кулларлы 18
кулуглу 73, 115-117,402
кумыки 144
кун 211
кундотины 451
кунсу 308
куок выонг 12
курды 91,98, 99, 138,383
курултай 151
курур 129
кушбеги 157,159
кха 470
кхазанчи 185
кхаридари 185
кхас-кура (горкхали) 182, 190, 191
кхасы 182, 185, 187
кхет 24,29,225,226
кхмеры 214,215, 217, 502
кхукури 187
кхум225
кшатрии 182,437
кызылбаши 123
кытау 150
кэхва ундон 333, 544
кятиб13,75,94
кяхья 24,26,27, 75
кяхья халк аль-вади 26
лава 215
лаги (лай) 145,421
лагунауты (лагунапуты) 145
ламаизм 186, 303
ламайны 29,41,206
ланг510
ланддрост241
лануны 237
лао 214,215,217,219, 221, 223,467-469
латсабут218
латсавонг218
лахо 200
лашкар 125

левантийцы 374
лекмыанг213
лек пхонламыанг 213
лекам 27
лешкербаши 27
ливанцы 391
лимбу 184,188,437
лису 200
Лифаньюань 23, 300, 301
луанг211
луры 138
луты 137
лы 467
льэпкь 142
люйцы 285
ляле деври 330
лян 287,290-292, 294, 295, 517, 521, 529
лянминь 40
маамур 87, 88
мабики 318
мавры 117
магалы 141
магары!82, 185, 187,437
599
Маджлис аль-аян 25
маджлис машвара 96
мазар 158
мазендаранцы 133
мазун414
мазхаб41,106, 141, 158, 163
мазхер 159
маймачены 303
майордом75
майсум 140
маисумство 140, 417
майтхили 184
мактубаджи 388
малайцы 215, 231, 233, 235, 236, 474,480
малик 164
маликане 70,90, 338
маль вахид 93
мальтийцы 400
мамлюки 18, 20, 76-79, 81-83, 87, 97, 98,
117,118,400,401 мансабы 35 маньчжуры 260, 283, 284, 291, 293, 298, 300-
302, 343, 518, 520-525, 528, 531, 533, 535 маппилла 429
марабуты 73, 115,117, 401-403 маратхи 167, 170-173, 209, 425 марониты 96, 380, 386, 389 марокканцы 112 масакин
36, 74 масине 437 мата-мата 230 матвали 437 матвали чхетри 437 махал 72,177 махалвари 177
махалла (махалле) 72,124, 158 махараджа 232,425,433,435,479 махараджа-пряям-миништар 435
махараджадхираджа 184, 190 махарани 434 махаупахат218, 219 махди 375,406 махзанийя 72 махзен73, 75, 113
махкам-е шар 123 машаих (шейхи) 35, 36 меджба401
меджлис 87, 341, 342, 381, 383, 384, 388 меджлис аль-баладийя 388 меджлис аш-шура 383 Меджлис-и вюкеля 339
меджлис-и идаре 384
меджлис-и тахкик 384
меджлис-и тиджаре 384
медресе 18, 19,28, 99, 364, 366
мекомланг 225, 473
мекхум 225
месрок 225
метисы 279-281
мече 437
мёгакин 317
микадо 545, 546
миллет 40, 362, 379
минангкабау 228
минбаши 159
минджи 22,29,43,204

миньтуань 289
мирасдар 177
мирболук 141
мирза 406-410
мири, налог 93
мири-хазине 75
мирие, гос. земли 11, 69, 343, 344
мисаль 425
митогаку 326
митогакуся 551
моголы 167, 168,184
моджтехиды 123, 137,407
монголы 23, 286, 293, 300-302
монши-оль-мамалек 124
моны (талаинги) 29,200-203,215, 216
мориски 117
моро, мавры 276
мостоуфи 124
мостоуфи-оль-мамалек 124
мранма 200; см. также бирманцы
му 214,289
муаллим41
мудаббир 75, 93
мудалиары 199
мударрис 157
мудир 88
мудирийя 87
мукаддам 36
мукатаа 70, 76,92, 338, 380, 381, 385, 389
мукатааджи 76, 93, 380-382, 385,389
мукхтияр 191,433,434
мулла 89, 99, 158, 293, 406, 407, 535, 536; см.
также ахун
мульк (мюльк) 11, 32, 70,145, 157,164,421 мультазим 17, 83,95 мун211
600
мунда 179
мунтафик 98
мурабиты 112-114
мурми см. таманги
мусульмане 23, 38, 77, 87, 96, 139, 153, 158, 172, 180, 187, 207, 211, 214, 290, 293, 342, 350, 351, 356, 363, 379, 383,
387, 398, 407, 412,416,419-421,429,430,437, 535, 537
мутасаллим 16
муфтий 157, 160,383,401
мухаджир 420
мухтар 338
мухтасиб 118,338,414
мыанг (мыонги) 29, 217-221, 468, 469
мьо29,204, 205, 451,456
мьовун 204, 205, 451,452
мьоза 205, 206, 450-452, 456
мьотуджи 29, 201, 204-206, 451^153, 456
мьянма 200; см. также бирманцы
мэдэл хубэгууд 302
Мэнгу ямэнь 300
мюринд 412, 414, 416
мютевалли 338
мяо 288,467,468, 534, 535
на217
набоб 52, 175
наваб 169-171,187,346
навабство 167-170
нагари 248
нагиба 159
наиб 17,75,413-415,419
наибство 160,414,417
наиры 179

найконг214
найдайдзин 549
накиб аль-ашраф 82, 383
накшбандийя 158,412
накшбандийя-халидийя 412
намасине 437
намоэны 225
Нань-ван 520
Нахда377,390,391
нахийя 382, 389
находи 236
невары 184, 187, 190, 437,438
негри 230
немцы 400
непалмандалешвара 184
непальцы 181, 191
низам 171, 172,382,414
низамат 170
низам-и джедид 331, 332 никаба 35 никая 198, 444 нишанджи 14
нишанджи-баши ве дефтер эмини 339 но 42
ноби 15, 39, 40, 305 Ной ву фу 498 нойон 301-303 нун 39, 40, 283 нуцал 140 нэйчэн 516 нэсу еэян 541
няньдан (няньцзюнь) 524, 525, 527, 528, 531-535
оги 145 омда 83, 87 омогэдака314 оранг берхутанг 230 оранг лаут 233 оранг Падри 248 османизм 335, 365 османы
51, 94, 102,
402, 403 осэй-фукко 552
119, 332, 363-367, 369,
падишах 167, 170, 346
падри 328,491,493
палауны 200
палайккар 177, 179
пали 444
пангеран 236,237, 240, 245, 246
панчаят 396, 425
парамабхатгарака 184
парбате (язык парбатиев) см. кхас-кура
парбатии (парбате) 190, 191
парии 326
парсы 1135, 139, 425
патих 245
патнидар 177
пахар (горн, зона Непала) 181, 185, 186, 190, 437
пахари, народность 437
пахари, школа живописи 180
пахари, язык 182
пахта 142
паша 13, 65, 90, 91, 94-100, 108, 109, 331-333, 341, 355, 366, 367, 372, 373, 375, 377, 381, 384, 387, 389, 398, 399,402
601
пашалык 97, 99, 100, 128, 141
пенгхулу 230,235, 248
пенинсуларес 281
пеоны 280
перанакан 476, 477
персы 74, 104, 105, 141, 157
пешва! 67, 171, 173, 174, 430
пиастр 381, 385, 387, 402
пикуль 484
пиндари 173
пинья 278
пир 158
пиривена 352, 444
повинда 164
поджони 185,189,435
поламы219
понгсавадан 216
португальцы 104, 168, 193, 194, 198, 199,

232, 233, 235, 347 прай 27, 214,469 прай луанг 39,41 прай сом 39,41,43 прай суэй 39,41 прау 236, 237 преах вонг 43, 224, 225 преах вонгса 42,224,225 приаи486,491 пукхак 311 пухуни 185 пуштунвалай 163 пуштуны (патаны) 167 пуэбло 281 пхо 540 пхра211 пш!ы 140, 144 пшикеу 144 пщыл! 145 пэнминь 287 пяохао 290
раджа 186, 187, 189, 208-210, 230, 235, 236,
248, 280,479,482,493,494 раджакария 193, 349,439,440,442 раджпуты 435
рай 184, 188,437; см. также кираты райкар 190
раис (рейс) 73,114, 115,157, 160 раис аль-бахр 26 рай 461 райя (райа, райят, райяты) 39, 41, 69, 70, 73,
144, 145, 175-177, 230, 343, 346, 427
райятвари 177,423
ракабе 11
Раманья-никая 443
рана (титул) 435
рангакуся 550, 551
ранджбары 133
Рату Адиль (Эручокро) 245,247,491
рахманийя 399
регент 191, 240, 241, 244, 267, 434, 484-486,
489, 503, 530, 537, 541, 554, 557; см.
также бупати
регентство 242,244, 530, 537 резидент 192, 198, 208, 210, 234, 240, 242,
244, 393-396, 433, 445, 446,448, 449, 455,
457,485,492,494, 553
резидентство 231, 240, 242,244,446,475,488 рейс-эфенди 14, 338, 339 рё 313, 316, 318, 321, 558 рисоля 157
родзю 322-324, 549, 551-554, 557, 562 руаса 142 румат 72
русские 153, 157, 290,414,418, 555 русуи 16
сада (сейиды) 35, 36
садозаи 162
садр-азам (садразам) 12,14,123,124,409,410
садэджуй 311
сайн хумуус 301, 302
сак лек 470
сакоку 548, 550
сакгина43,461
сала-уздени 144
салагама 195-197
салар лашкар 124
салесат 164
самураи 17, 18, 43, 314-316, 318, 319, 322-
324, 326, 550, 551, 555, 556, 558-561 сангха 195-199, 443, 444, 462 санджак 141, 382
санкин котай 16, 314, 549, 557, 558 сансёку 335 санталы 179,429 саньё 335 саньхэ 525 саньцзяо 519 саньяси 179
сардар 141,185,425 сати 427, 438 саукар 429
602
сдать 29,42
сейид 41, 74, 123, 140, 404, 406
сейфие 72
секараны 237
сенусийя,сенуситы 403
сераскер 95, 337, 338, 382
сербы 61,362,371
серебасы 237
сеттльмент 396, 516, 525
сё 41,336
сегун 12, 16, 17, 18, 52, 313, 314, 316, 317, 321-326, 336, 549, 551, 553-557, 559-563
сёгунат 314, 317, 323, 324, 326, 554, 555
сётай 559, 560
Сиам-никая 195-198,443
сиамцы (тай) 29, 203, 214-216, 235, 259,499
Си-ван 520
ас-сигар 72
сидзоку41
сиккимцы 191
сикхи 165,180,189,191,425,426,435
силсила412
симпан даймё 323
сингалы 194, 196, 349,444
синдэн 315
синф410

синьета 40,206
сипаи 169,170, 179,187, 348, 349,430,431
сипох 157
сирийцы 97, 374
сирхакЗЮ, 312
ситтан205
сихм-еимама 137
совон541
сок 538
сомон 298, 301
соннодзём 556
сори 15
сосай 335
софты 366, 367, 370
срок 29,225
стыр 144
субйан (субьян) 36, 74
суданцы 85
суку 248
султан 10,12, 14, 18,22, 23,25, 31, 35-37, 51, 58, 59, 60-66, 74, 75, 77, 79, 82, 87, 89, 94, 97, 98, 100, 105, 106, 108, 109-115, 128, 151, 154, 181, 228, 230, 233-237, 240-242, 293, 329, 331, 332, 338-343, 355-357, 359, 362, 364-372, 378, 384, 387, 392, 394-397, 399^03, 413, 478, 479, 481, 492, 494, 535
султанат 20,21,23,27,29, 31,32, 74, 76, 86, 87, 102, 104, 112-114, 140, 121, 146, 228, 230, 231, 233, 235-237, 240-242, 293, 376, 393, 397,475,476,479,480,492-494,534-536
сунвары 184,437
суннизм 102
сунниты 410
сусухунан 240
суфизм 114,158,405,412
суфий 403
сыминь 289
сэйи тайсёгун 549
сяньюн 289, 299, 524
сяньюэ 533
сяо519
табунаны 302
тагадхари 436, 437
таджики 156,293,536
тай см. сиапцы
тайджи 301,303
тайп 142
тайпины 517, 519-526, 528, 530-535, 539, 545
тайпо 554, 557
тайшоны 220,252-265,468,498
Тайяйон451
талук 348
талукдар 431,432
Там фал 511
таманги (мурми) 182,437
тамгынгазар30!
тамылы 172,349,442
тан 319
танабана 157
танбэкчон541
Танзимат 90-92, 100, 122, 330, 332, 341, 355, 358,362,379,388,403,410 тарикаты (турук) 113,114,115 тасарруф 11 татамеда 452,453,458 татары 35,153, 518 тахсил 348
тахсилдар 124 телугу 172
теменгтунг 228, 233,478,479 тенгрианство 150 терекеме 145 те 319 тиджанийя 116, 117,401
603
тикаль 461,465, 469, 470
тимар 66, 70,338
тимариот 17
тиул (тийюль, тиуль) 132, 144, 163
тлекотлеши 144
тодзама дайме 322, 552, 559, 560
тонхак 539-541,543
торе 31, 35, 36
туаньялянь 289, 524, 531

тубу 402
туги 427
туленгуты 32, 36, 151
тума 144
туман 129,409
тунисцы 117, 118,400,402
тунку 230
турки 58, 61, 64, 65, 77, 82, 85, 87, 102, 115-
117, 141, 362, 375, 379, 381, 389, 393,
396-398,410 туркмены 91, 138, 150, 154, 156, 158, 159,
164, 383
туслагч дзангин 301 тусы 532
тухум 142, 144, 145 тушемэлы 301 тфокотль (тлхукотль) 145 тхакуры!82,435,437 тхама211 тхами 184
тхаммаютникая 215, 466 тхаргхары 191 тхару!85,437 тхеравада 195, 197,204,444 тхо хао 253
тхохо 305, 306, 308, 541 ты 272
тыхджын мыггаг 144 тьы ном 263 тэвонгун 541-546 тэнно! 1,250, 549 тюа 12,250, 252,254-259, 262 тюкко 326 тюрки 137,
138 тямы 474 Тянь-ван 518 тяньго 519 Тяньчао тяньму чжиду 521
удайдзин 549
узбеки 156, 159, 164
уздени 38, 144, 413,419, 421, 422
уйгуры 292-295, 536
укаля 385
укиль аль-хардж 26
улемы (улама) 19, 21, 41, 44, 60, 72-74, 79-83, 89, 104, 106, 107, 109, 123, 128, 137, 338, 375, 383, 391, 397, 398,401,405,406
улубаланг 32
аль-улум аль-хукмийя 88
уляд сиди шейх 399
улямо 157
умма 131
унауты 145
унданг 228, 236
ундэ317
униаты 389
уорктын 144,148
уорк-шаотлугус 144
упарат 26
упасампада 443
урф 35, 70, 103, 123
усийя 83
утиковаси 325
уцмий 140,146,147
уцмийство 140, 141,417
ушр 85
ушрийя 85
фараизиты 429
феддан 83, 84, 373
ференги 410
ферман (фирман) 15, 98, 123,169, 357, 397
фетва62,123,128,338
филиппинцы 281,282
фирде 96, 379
фитна 383
фольксраад 350
французы 49, 54, 59, 78-82, 94, ПО, 111, 116-118, 168, 169, 201, 202, 275, 374, 380, 386, 388, 395, 399,400,453, 464, 472,
474, 503, 507, 508, 512, 513, 525, 528, 543, 556
фудай дайме 18, 322, 551, 554, 563
фудосаси316
фукаро 157
фукко 326
фукоку кэхэй 551
фусэцугаки 550
хабус70, 115 хаган 300,302 хадарийя 72
604
хадж 80,106-108,398,416
хаджиб 24
хадим аль-харамейн 106
хазандар 26
хай 217
хайю 437

хаким 36, 75, 92, 93
хаким-бек 292, 293
хакка 477
халидийя 412
халисе (халесе) 26, 131, 163
халиф 10, 77, 151, 340
халифа 113
халк аль-вади 26
хальса 425
хальфа 158
хамджилга 302, 303
хамсая 164
хан 23, 29, 31-33, 37, 120, 121, 124-126, 129, 132-137, 140, 142, 144-147 150-153, 155, 158-160, 163-165, 293, 294, 300, 301, 406-409, 413, 414, 419, 430, 536
ханбалиты 94
ханство 23, 24, 31, 122, 125-129, 135, 140, 141, 144, 146, 147, 154, 156, 158-160, 293, 298, 413, 417, 418, 534, 536
хар хумуус 301
хара 72, 301
харадж 157, 164
хариджийя 85
харим 421
харка 113
хас-тамга 300
хасе 131
хасс 69
хасса 72, 93
хатамото 551, 554, 555, 557
хатг-и хумайюн 339
хатг-и шериф 89, 97, 330, 341, 342, 355, 379, 400
хатыб 10
хау 272
хвангок 538
хедив 333, 372-374, 377-379
хеерендинстен 485
хивинцы 150
хиджра 420
хинави 395
хинин 39
хирсан 36
Хлудо 25, 450-452, 457, 458, 460
хо 468
хо дэнг 468
ходжа 151, 293, 294, 366, 406, 425, 536
ходжа-калян 27
хомс 137
хоу 522
хошун 298, 300, 302
христиане 40, 81, 87, 94, 96, 139, 145, 330, 342, 343, 371, 380, 381, 383, 384, 386, 387, 398, 419, 421, 437, 472, 508, 513, 514, 519, 534, 543
хуанди 10, 11, 13, 540
хуацяо 240
хубб аль-ватан 378
хувийн емч 298
худон 302
аль-худуд 418
хукумдар 95
хунтоу 525
хунцинь 525
хурал 23, 25, 301
хуребо, дарг. вольное общество 142
хутба 10, 86, 402, 403
хуэй 535
хуэйдан 525
хэбэй-амбань 300
хэймин 41
хяньри 15

цаньцань дачэнь 293 цейлонцы 198,440,443 Цензорат 498, 505 цзацзюань 517 цзинлюэ515 цзыцян 530 цзяньминь 38-40 цзяньцзюнь 293, 300, 301 цзяшуй 517 циди 290 цижэнь 283 цин 289 цирики 298 цыгане 73 цянь 291
цяньчжуан 290
чагары 144
Чакравартин 22
чамы 223, 253
чанка (джанка) 144, 413,414
чанмао 518
чао 218-220,468^70
чао мыанга 22, 218, 219, 469
605
чао пен дин 218
части вит218
чаопрай 461
чарайкмаки 164
чаура 179
чаутх 167
чауш-бей 339
чепанги 437
черкесы 87, 118,401
черногорцы 59
чеченцы 412,414,416
чжуан468, 518
Чжун-ван 527
чи фу 511
чи хюен 511
чины 200
чифтлик 69, 84, 85, 389
чоутара 185
чох291
чуньин 541
чуулганы дарга 301
чухби (ч!ух!би) 142
чхетриШ, 184, 185, 190,437
чхонмин 38
шаби 302, 303
шабинары 303
шагирд 157
шаманизм 150
шамхал 140, 144, 146
шамхальство 140,417
шан 29, 39, 283
шаны200, 201
шара 301
шариат 35, 60, 70, 123, 138, 151, 159, 160, 163,
248, 330, 350,398,405,406,414,418-420 шериф, правитель Хиджаза 23,105-108,397,398 шерифах 23
шерифы, социальная группа Магриба 73, 112 шартгыя 401 шастры 185,436 шах 12, 23, 52, 121-125, 127, 128, 130-
132,
134, 136, 138, 141, 146, 162, 165, 167, 333,
392-394,406-410,430 шахиды 23 шахр 124 шахсевены 138 швейцарцы 400 шейбани 138 Шейон451 шейх 21, 33, 70,
73-75, 79, 81, 83, 96, 99, 102,
103, 105, ПО, 113, 114, 116, 121, 123, 158,
380, 381, 385, 386, 389, 391, 393-396, 406,
412,413,416 шейх аль-балад 77 шейхиты 404
шейхство 31, 74, 75,102,104,111,136, 393, 394 шейх-уль-ислам 14, 27, 62, 63, 157, 338, 366 шейх-уль-ислами
капысы 337 шерип 236, 237 шиизм 102, 105, 121, 141,407 шииты 126, 389 шииты-имамиты 12 шрестха 190
шроффы 170,178 шудры 437
шуюх аш-шабаб 381, 386 шэньши (ши) 19, 43, 283, 284, 286, 289, 518,
520, 522, 524, 526, 531, 533, 534
Бйджонбу 543
эйншемин 457
эйалет 402
эмир 76, 92-95, 97, 104, 109, 117, 157-160,
163, 165, 166,172, 379-381, 398, 399 эмир-хаким 92 эмират 23, 74, 75, 102, 103, 109, 136, 154,
156-158, 165, 393, 398, 399, 536 эри, грузинское вольное общество 142 Эручокро см. Рату Адиль эфенди 13, 366
эфу 302

яванцы 232
 язбеки 92
 ям-туан 228,236,248
 ямэнь 16,284,300,520,534
 ян 306
 янбан 43,306, 308-310, 312, 540, 541, 545
 янг ди пертуан см. ям-туан
 янг ди пертуан бесар 22, 230
 янминь 40
 янъу см. ну
 янычары 18, 58, 60, 62, 63, 73, 92, 98, 115-118, 384; см. также йерли
 янычары, социально-политическая группировка в Сирии 91,92, 94, 382-384
 яо 292,407, 518
 японцы 549-551,553
 ярикары 133
 ясавийя 158
 ясак 153

СПИСОК КАРТ

С. 101. Аравийский полуостров в XIX в.
 С. 143. Кавказ в XIX в.
 С. 183. Непал в начале XIX в.
 С. 229. Завоевание Малайи Англией.
 С. 239. Ява и Мадуро в начале XIX в.
 С. 251. Вьетнам в начале XIX в.
 С. 299. Халха-Монголия в конце XVIII в.
 С. 307. Корея в XIX в.
 С. 441. Цейлон в XIX в.
 С. 447. Завоевание Бирмы Великобританией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть I. Восток и начало промышленного переворота в Европе	
Глава 1. Типология государственного строя и социальной организации	
стран Востока в конце XVIII в.	8
Глава 2. Колониальная система в XIX — начале XX в.	45
Глава 3. Османская империя в период ранних военно-политических реформ	58
Глава 4. Арабский мир в канун перемен	68
Глава 5. Политическое и социально-экономическое положение Ирана	
в конце XVIII — первой половине XIX в.	120
Глава 6. Северный Кавказ и Закавказье в конце XVIII — начале XIX в. ..	140
Глава 7. Казахстан и Россия (конец XVIII в. — 1840-е годы)	150
Глава 8. Государства Центральной Азии и Россия (конец XVIII в. — 1840-е годы)	156
Глава 9. Держава Дуррани в Афганистане	162
Глава 10. Превращение Индии в английскую колонию	167
Глава 11. Непал в середине XVIII — начале XIX в.	181
Глава 12. Цейлон в период обострения англо-голландского соперничества	
и начала британской колонизации	193
Глава 13. Бирма во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.	200
Глава 14. Сиам: приход к власти династии Чакри (1782-1851)	211
Глава 15. Подчинение Сиамом лаосских государственных образований	
(середина XVIII в. — 1840-е годы)	217
Глава 16. Камбоджа: период политического упадка (XVIII в. — 1840 г.)	223
Глава 17. Малайя, Сингапур и Северный Калимантан в конце XVIII в. — 1840-х годах	228
Глава 18. Индонезия в первой трети XIX в.	238
Глава 19. Вьетнам в конце XVIII — начале XIX в.	250
Глава 20. Филиппины в XIX в.	276
Глава 21. Китай периода «закрытия»	283
Глава 22. Монголия в составе Цинской империи	
(государственно-административное устройство и социальная структура)	298
Глава 23. Корея в конце XVIII в. — 1840-е годы	305
Глава 24. Япония в конце XVIII — первой половине XIX в.	313
Часть II. Включение Востока в международную экономическую систему и начало социально-политической модернизации	
Глава 1. Социально-политические реформы в странах Востока	328
Глава 2. Османская империя 1840-1870-х годов	355
Глава 3: Арабские страны в 1840-1870-е годы	372
Глава 4. Иран в 1840-1860-х годах. Религиозно-политическое движение бабидов	
и попытка проведения реформ	404

Глава 5. Северный Кавказ и Закавказье в 1840-1870-х годах.....	412
Глава 6. Индия в первой половине XIX в.....	423
Глава 7. Непал в 1816-1885 гг.....	433
Глава 8. Цейлон: колониальные преобразования 1830-1840-х годов и развитие плантационного хозяйства	439
608	
Глава 9. Бирма в 1826-1885 гг.....	445
Глава 10. Сиам в 1850-1868 гг. Заключение неравноправных договоров с западными державами	461
Глава 11. Луангпхабанг. Лаосские территории под управлением Сиам. 1840-1860-е годы.....	467
Глава 12. Подчинение Камбоджи Францией. 1840-1860-е годы	471
Глава 13. Малайя, Сингапур и Северный Калимантан в 1840-1860-х годах.....	475
Глава 14. Индонезия в 1830-1860-х годах	483
Глава 15. Вьетнам в 1820-1850-х годах	495
Глава 16. Китай в 1840-1870-х годах	515
Глава 17. Корея в конце 1840-х — начале 1870-х годов.....	538
Глава 18. Япония в 1840-1860-е годы. «Реставрация Мэйдзи».....	548
Указатель имен.....	565
Указатель географических названий	576
Указатель терминов и этнонимов	593
Список карт.....	606

Авторы кн. 1 т. IV «Истории Востока»:

Л.Б.Алаев, М.Р.Арунова, Ф.М.Ацамба, В.О.Бобровников, О.И.Голузеев, М.И.Гольман,
Г.М.Емельянова, М.Г.Козлова, Г.Г.Котовский, В.С.Кошелев, Н.А.Кузнецова, Р.Г.Ланда,
А.А.Ледков, Ю.О.Левтонова, В.В.Макаренко, О.Е.Непомнин, В.В.Орлов, Ю.А.Петросян,
М.А.Родионов, Н.В.Ребрикова, А.Л.Рябинин, А.Л.Сафронова, И.М.Смилянская,
В.А.Тюрин, Г.Д.Тягай. Указатели составлены Г.М.Кузнецовой